

ВНѢШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССІИ

И

ПОЛОЖЕНІЕ ИНОСТРАННЫХЪ ДЕРЖАВЪ

Великая ошибка въ политикѣ создавать всеобщій и постоянный интересъ противъ самихъ себя.

Князь Меттернихъ.

Никто такъ далеко не заходитъ, какъ тотъ, который не знаетъ, куда идетъ.

Кромвель.

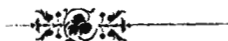
К. СКАЛЬКОВСКІЙ

ВНѢШНЯЯ
ПОЛИТИКА РОССІИ

И

ПОЛОЖЕНІЕ ИНОСТРАННЫХЪ ДЕРЖАВЪ

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ, ПЕРЕРАБОТАННОЕ И ЗНАЧИТЕЛЬНО ДОПОЛНЕННОЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1901

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
Предисловіе къ первому изданію	V
Предисловіе къ второму изданію	VIII
Введеніе	1
Великія державы.	
I. Франція	21
II. Германія . . .	51
III. Австро-Венгрія	84
IV. Великобританія	116
V. Італія .	148
Римскій престолъ.	
VI. Римскій престолъ	165
Второстепенныя европейскія державы.	
VII. Швеція и Норвегія	176
VIII. Данія . . .	191
IX. Голландія и Люксембургъ .	200
X. Бельгія .	211
XI. Швейцарія	222
XII. Испанія .	230
XIII. Португалія	252
Востокъ.	
XIV. Турція . .	265
XV. Державы Балканскаго полуострова	309
Болгарія . . .	329
XVI. Державы Балканскаго полуострова:	
Сербія .	346
Черногорія .	357
XVII. Румынія	363
XVIII. Греція . .	381
Островъ Критъ	396
XIX. Египетъ	401
Суэзскій каналъ .	412

ГЛАВА.		СТРАН.
	Африка.	
XX.	Абиссинія и Красное море	419
XXI.	Африка	431
	Азія.	
XXII.	Средняя Азія	456
XXIII.	Афганистанъ	478
XXIV.	Персія . . .	491
	Персидскій заливъ и Аравія .	508
XXV.	Остъ-Индія	515
	Дальній Востокъ.	
XXVI.	Китай	540
XXVII.	Корея	574
XXVIII.	Японія .	584
	Америка.	
XXIX.	Соединенные Штаты	607
XXX.	Средняя и Южная Америка .	639
	Бразилія .	661
	Австралія.	
XXXI.	Австралія	674

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ПЕРВОМУ ПЗДАНІЮ.

Предлагаемое сочиненіе имѣеть цѣлью ознакомить образованную публлку, читающую газеты—а кругъ ихъ читателей быстро у насъ увеличивается—въ общемъ очеркѣ съ внутреннимъ политическимъ положеніемъ всѣхъ державъ и изъ этого положенія вывести, каковы должны быть ихъ отношенія къ Россіи, чтобы затѣмъ, въ свою очередь, изложить взглядъ на тѣ отношенія, которыя въ дѣйствительности существуютъ съ нашей стороны къ иностраннымъ государствамъ.

При такой системѣ изложенія нельзя было избѣжать нѣкоторыхъ повтореній; съ государствами, какъ Англія, Россія встрѣчается чуть не на всѣхъ концахъ свѣта. Съ другой стороны, политическіе и дипломатическіе интересы такъ безконечны, что я не могъ думать дать свѣдѣнія обо всемъ объемѣ нашихъ внѣшнимъ сношеній.

Очень ошибутся тѣ, которые будутъ искать въ моей книгѣ исторіи нашей дипломатіи. Подобный трудъ интересенъ только, когда у автора имѣются въ рукахъ документы; отличный образецъ подобной исторіи даетъ теперь г. Мартенсъ въ своемъ капитальномъ трудѣ о нашихъ трактатахъ. Затѣмъ, и не пользуясь архивами и обрабатывая только печатный матеріалъ, исторія дипломатическихъ сношеній Россіи чрезвычайно обширная задача, сливаясь почти съ общою политическою исторіею Россіи. Даже въ специальномъ изложенія эта задача все-таки весьма велика. Краткій и неполный еще очеркъ нашихъ дипломатическихъ отношеній къ Востоку, изданный г. Жигаревымъ, занялъ два объемистыхъ тома.

Трудъ г. Мартенса, представляющій дипломатическую исторію Россіи почти за три послѣднихъ столѣтія, весьма важенъ и давно оцѣненъ по достоинству спеціалистами. Онъ содержитъ очень много драгоцѣннѣйшихъ указаній и проливаетъ совсѣмъ новый свѣтъ на событія и лица. Но другое дѣло освѣщеніе этихъ указаній. Здѣсь среди многихъ весьма вѣрныхъ выводовъ встрѣчаются заключенія, съ которыми никакъ нельзя согласиться и которыя опровергаются данными, сообщенными самимъ же г. Мартенсомъ.

Но, скажутъ, тогда въ моей книгѣ повторяются только факты уже болѣе или менѣе извѣстные, жеванные и пережеванные. Можетъ быть, но людская память такъ коротка, что напоминать о такъ называемыхъ «всѣмъ извѣстныхъ» вещахъ, которыя обыкновенно извѣстны одному изъ ста, а иногда и изъ тысячи читателей, вовсе не лишнее. Дѣло еще не въ новизнѣ фактовъ, а въ ихъ группировкѣ и въ томъ окончательномъ впечатлѣніи, которое получается изъ этой группировки.

Нѣкоторые читатели могутъ мнѣ сдѣлать замѣчаніе, что я какъ бы враждебно или, во всякомъ случаѣ, кисло отношусь ко всѣмъ народностямъ въ свѣтѣ. Я не отрицаю своего скептицизма; если бы въ моей книгѣ была глава «Россія», я отнесся бы, вѣроятно, и по отношенію къ своимъ соотечественникамъ, недостатки которыхъ мнѣ по долгому опыту хорошо извѣстны, съ тѣмъ же «холоднымъ вниманіемъ разсудка». Затѣмъ я не скрою, что отвлеченныя идеи о всеобщемъ благѣ и братствѣ народовъ меня мало трогаютъ и интересуютъ. До этого братства еще очень далеко, а пока каждый народъ долженъ думать о себѣ, о своихъ интересахъ и объ интересахъ своихъ друзей.

Другое замѣчаніе можетъ быть мнѣ сдѣлано, что я мѣстами рѣзко критикую парламентарную форму правленія, а мѣстами желаю разнымъ народамъ болѣе свободныхъ учреждений. Здѣсь противорѣчіе только кажущееся. Каждому народу я желаю наибольшей свободы и преуспѣянія, поскольку это не вредитъ непосредственнымъ интересамъ Россіи, но конституцію каждаго народа я понимаю исключительно на его бытовыхъ началахъ. Въ прошломъ столѣтіи всѣ были убѣждены, что конституцію можно скроить, какъ платье у портного, поэтому конституціи и сочинялись по заказу. Такъ Жанъ-Жакъ Руссо писалъ конституцію для Корсики, онъ же хотѣлъ благодѣтельствовать новой конституціей поляковъ. Французская конституція III года республики была написана Эро де-

Сейшелемъ въ одинъ прѣсѣтъ въ кафе. Даже знаменитую американскую конституцію сочиняли, ссылаясь не столько на бывшія хартіи штатовъ и обычаи страны, сколько на «Esprit des lois» Монтескье.

Въ нашъ вѣкъ, несмотря на значительный опытъ и на развитіе юридическихъ понятій, портняжный взглядъ на конституціи не выводится. Политическія учрежденія, какъ одежда, постройка, кухня и проч., должны быть, между тѣмъ, приспособлены къ климату и нравамъ. Палата лордовъ въ Японіи кажется мнѣ такою же странностью, какъ православный храмъ въ стилѣ Pompeian или грузинскій князь въ вице-мундирѣ. Копировку англійскихъ учрежденій, которою занимаются уже сто лѣтъ, я считаю для большинства народовъ вредною затѣю и совершенно убѣжденъ, что англійскую конституцію никто не сочинилъ; она выросла сама собою, и считаю справедливымъ мнѣніе того нашего дипломата, который говорилъ, что если бы Англія въ настоящее время пришлось дать себѣ конституцію, то она, навѣрное, не имѣла бы никакой.

Право мое издать дѣлую книгу о заграничныхъ дѣлахъ Россіи покажется инымъ сомнительнымъ, но я напому, что въ теченіе двадцати пяти лѣтъ я принималъ дѣятельное участіе въ редакціи иностраннаго отдѣла въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» временъ В. О. Корша и въ «Новомъ Времени» А. С. Суворина, причемъ по неволѣ ознакомился съ разнообразными вопросами нашей политики; былъ однимъ изъ весьма дѣятельныхъ публицистовъ во время войны и ѣздилъ даже на театръ ея корреспондентамъ; передъ тѣмъ, во время герцеговинскаго возстанія, объѣхалъ славянскія земли. Въ теченіе слишкомъ тридцати лѣтъ я объѣздилъ, частью официально, всѣ страны свѣта, кромѣ Австраліи, и познакомился со многими людьми, игравшими выдающуюся роль въ послѣднее время. Во всякомъ случаѣ, я не имѣю ни малѣйшей претензіи учить специалистовъ—профессоровъ международнаго права и профессиональныхъ дипломатовъ; съ ихъ стороны я только могу ожидать критики болѣе или менѣе ѣдкой, такъ какъ русскіе люди, добродушные за обѣденнымъ столомъ, удивительно ожесточаются, когда ихъ сажаютъ за письменный.

Со своей стороны я также имѣю и о специалистахъ международнаго права, и о дипломатахъ, въ томъ числѣ и о русскихъ, собственныя воззрѣнія. Я ихъ не скрылъ въ своей книгѣ.

1 февраля 1897 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Я уже издалъ около двухъ десятковъ (а со спеціальными сочиненіями и болѣе этого) разныхъ книгъ и при появленіи ихъ наблюдалъ, за тридцать лѣтъ, неизмѣнное явленіе: книги мои публики встрѣчала радушно, а критика относилась весьма непривѣтливо, подчасъ съ комическою злобою.

Книга моя о нашей внѣшней политикѣ, имѣвшая цѣлю — охарактеризовать отношенія Россіи даже къ второстепеннымъ державамъ, обыкновенно пропускаемымъ безъ вниманія политиками и публицистами, парящими въ высшихъ сферахъ, опять была встрѣчена публикою довольно тепло, я уже вынужденъ сдѣлать второе изданіе книги, — что для сочиненія политическаго характера представляется рѣдкимъ случаемъ, особенно въ Россіи, — но критика снова довольно строго встрѣтила мой трудъ, являвшійся резюме долголѣтнихъ публицистическихъ трудовъ и путешествій.

Самый снисходительный отзывъ я нашелъ въ одномъ изъ нашихъ болѣе видныхъ журналовъ «Вѣстникъ Европы». Тамъ мнѣ былъ сдѣланъ только упрекъ, зачѣмъ это я вывожу русскую политику изъ положенія иностранныхъ державъ и отношенія ихъ къ намъ, а не наоборотъ: не вывожу ее изъ внутренняго положенія Россіи и изъ ея отношеній къ другимъ державамъ.

Этотъ упрекъ напомнилъ мнѣ игру въ преферансъ, гдѣ можно приписывать къ выигрышу, пока не дойдешь до пульки, а можно и списывать съ пульки, пока не дойдешь до нуля. Результатъ получается тотъ же самый и количество потребленнаго мѣла также одинаково. Равнымъ образомъ, не все ли равно въ политикѣ идти отъ окружности къ центру или отъ центра къ окружности — разстояніе выйдетъ то же. Все равно сказать: американцы ненави-

дять Англию, а такъ какъ они знаютъ, что Россія естественный врагъ Англии, то должны сочувствовать русскимъ, хотя не имѣютъ съ ними ничего общаго. Или сказать: Россія естественный врагъ Англии, и такъ какъ англичане терпѣть не могутъ американцевъ, то русскіе должны сочувствовать американцамъ, хотя не имѣютъ съ ними ничего общаго. Мнѣ кажется, что мысль тутъ одна и та же, а вся разница въ способѣ изложенія.

— Можно и этакъ—могу я прибавить, какъ поваръ Пѣтуха въ «Мертвыхъ душахъ».

Наиболѣе рѣзкій отзывъ о своей новой книгѣ я нашель въ «Русскомъ Богатствѣ». Какихъ только любезностей ни наговорилъ мнѣ г. рецензентъ, приписывая и отсутствіе остроумія, и учености, и гуманности, и даже логики. Шутливый мѣстамъ тонъ въ книгѣ особенно не нравится ему; онъ не понимаетъ, какъ это можно шутить въ вопросахъ серьезныхъ, а между тѣмъ и въ политикѣ бывають положенія болѣе смѣшныя и карикатурныя, чѣмъ тѣ, которыя встрѣчаются въ сатирическихъ журналахъ. Для примѣра возьмемъ хоть дѣйствія «европейскаго концерта» въ критскомъ вопросѣ. Рецензента, какъ прямолинейнаго либерала, возмущаетъ особенно мой непочтительный отзывъ объ египетскомъ парламентѣ времячъ Измаила-пашы. Этакая, подумаешь, святыня!

Какъ доказательство бесполезности (иначе-де она была бы вредною!) моей книги, рецензентъ приводитъ то, что въ ней нѣтъ *ничего* (такъ и подчеркнуто въ отзывѣ) новаго, чего не было бы извѣстно изъ газетъ. Этотъ упрекъ несправедливъ, такъ какъ я хотя на разработку архивовъ и раскрытіе дипломатическихъ тайнъ претензій не заявлялъ, но сообщилъ нѣкоторыя свѣдѣнія, не бывшія въ печати, особенно по восточной политикѣ, чѣмъ обязанъ любезности специалистовъ, которымъ давалъ въ корректурахъ просматривать соотвѣтственныя главы своего сочиненія. Но если бы я и ничѣмъ не пользовался, кромѣ печатныхъ источниковъ, то и отъ этого книга моя немного бы потеряла, такъ какъ задача ея была чисто публицистическая: ознакомленіе не специалистовъ, а публики съ общимъ кругомъ нашихъ дипломатическихъ отношеній.

Не могу, впрочемъ, не отмѣтить одной похвальной черты у моего суроваго рецензента. Онъ хотя и съ «сожалѣніемъ», но прочель, хотя и бѣгло, книгу, которую разбиралъ, указывалъ даже въ ней страницы, большинство же нашихъ рецензентовъ довольствуются обыкновенно для разбора оберткою, а иногда только

прочтываютъ предисловіе, въ книгу же заглядывать счптають совершенно излишнимъ трудомъ.

Новое изданіе моей книги значительно отличается отъ перваго изданія; во-первыхъ по объему она уже слишкомъ на полтора ста страницъ болѣе. Такое увеличеніе зависѣло отъ переработки и дополненія всѣхъ безъ исключенія главъ книги, а главы объ островѣ Критѣ, Аравіи и Персидскомъ заливѣ прибавлены вновь. Часть предисловія, заключающая характеристику дипломатовъ, расширена и выдѣлена въ особую главу. Переработка зависѣла отчасти отъ желанія сдѣлать мой трудъ полнѣе, отчасти отъ того, что за три года со времени написанія книги произошли очень важныя событія, измѣнившія положеніе многихъ вопросовъ. Испанія стала совсѣмъ второстепенною державою, Соединенные Штаты сдѣлались колониальнымъ государствомъ, начался раздѣлъ Китая, произошли важныя событія на Критѣ, въ Малой Азіи, Персіи, Афганистанѣ, Корей, Южной Африкѣ, тройственный союзъ утратилъ почти всякое значеніе, началось сближеніе Франціи съ Германіей, отчасти Англій съ Соединенными Штатами и т. д. Каждое изъ этихъ событій потребовало комментарій, а во многомъ измѣнило взаимныя соотношенія державъ.

Независимо отъ этого одинъ изъ нашихъ наиболѣе опытныхъ дипломатовъ, скромность котораго не позволяетъ мнѣ называть по имени, былъ такъ любезенъ, что не только просмотрѣлъ всю мою книгу, но сдѣлалъ къ ней различныя указанія и поправки, которыми я, конечно, воспользовался съ величайшею признательностью.

Я полагаю, что въ настоящемъ своемъ видѣ трудъ мой найдеть еще болѣе благосклонный приѣмъ у публики. Послѣдняя къ тому же и не имѣетъ для руководства никакого другого сочиненія, гдѣ бы всѣ многочисленныя вопросы русской внѣшней политики были бы собраны систематически въ одно цѣлое въ относительно сжатомъ видѣ.

По независимымъ отъ меня обстоятельствамъ печатаніе этого изданія значительно замедлилось, поэтому произошли нѣкоторые событія, которыхъ я долженъ былъ коснуться въ моей книгѣ, если бы была возможность столь обширный трудъ напечатать въ мѣсяць или два.

Прежде всего нужно упомянуть объ убійствѣ итальянскаго короля анархистомъ итальянцемъ. Итальянцы взяли какъ-будто привилегію убійствъ (Карно, Кановасъ дель-Кастиліо, императрица

Австрійская).—Смерть Умберто, образцоваго конституціоннаго государя и благонамѣреннѣйшаго чловѣка, произвела гораздо менѣе впечатлѣнія, чѣмъ можно было ожидать; даже на бржѣ она отразилась на одинъ день. Такое явленіе объяснялось тѣмъ, что покойный былъ горячѣмъ сторонникомъ тройственнаго союза, а новаго короля считаютъ настроеннымъ болѣе мирно.

Еще менѣе убійство это повліяло на уменьшеніе революціонныхъ элементовъ въ Италіи; анархистскія демонстраціи повторяются тамъ ежедневно въ разныхъ концахъ. Нѣтъ также рѣчи о мѣрахъ противъ анархистовъ. Анархисты только часть социалистической партіи, повсюду въ Европѣ очень вліятельной и втершейся даже въ администрацію въ видѣ фабричныхъ инспекцій, санитарнаго надзора и т. д. *). Революціонная партія сплына въ итальянскомъ парламентѣ, она, при помощи obstructіи, вынудила отставку министерства Пеллу и замѣну его министерствомъ Сарацко, болѣе умѣреннымъ, т. е. болѣе вертлявымъ.

Французская всемірная выставка, несмотря на громадныя затраты, не оправдала ожиданій и привлекла мало иностранцевъ: внутренніе раздоры во Франціи не уменьшились. Въ Австріи министерство Кербера продолжаетъ старую систему уваженія за мадьярами и безспѣшно прійти къ какому-либо рѣшенію назрѣвшихъ національныхъ вопросовъ. Изъ-за obstructіи чеховъ рейхсратъ распуцень и правая распадается.

На Сѣверѣ Россія посылала крейсеръ «Свѣтлану», чтобы подтвердить свои права на Медвѣжій островъ, гдѣ начали козляиничать нѣмцы въ виду открытія тамъ каменнаго угля. Въ Бельгіи выборы состоялись по новому избирательному закону о пропорціональномъ представительствѣ. Они сохранили большинство за клерикаламъ, но позволили нѣсколько усилиться въ палатѣ либеральному элементу, затертому социалистами. Въ Швейцаріи консерватизмъ населенія проявилъ себя въ отверженіи, при помощи referendum'a, одобреннаго собраніями закона о страхованіи и пенсіяхъ рабочимъ. Въ Испаніи потеря колоній, отвлекавшихъ всѣ свободные капиталы, повела къ упроченію экономическаго положенія и улучшенію финансовъ, но политическое положеніе страны все-таки непрочное и безпорядки повторяются частенько. Потерявъ

*) Вліяніе это сказалося и въ оправданіи Сипидо, покушавшагося на убійство принца Уэльскаго.

колоніи, Іспанія задумує теперь стать нравственнымъ центромъ испанско-португальскаго міра. Въ октябрѣ въ Мадридѣ, подъ предсѣдательствомъ министра иностранныхъ дѣлъ, соберется конгрессъ, дѣль котораго научное и торговое объединеніе всѣхъ вѣтвей иберійской расы безъ различія политическихъ и релігіозныхъ credo. Онъ долженъ удлинитъ и укрѣпить тѣ нити взаимныхъ симпатій, которыя начинаютъ связывать Іспанію съ Португаліей и съ молодыми государствами латинской Америки. Предполагается также заключить договоръ для третейскаго разбирательства международныхъ споровъ. Португалія вновь стала пресмыкаться передъ Англіей; въ ней произошла перемѣна министерства въ консервативномъ направленіи. Премьеромъ вновь сдѣлался Рибейро Глице.

Для дѣль Балканскаго полуострова довольно важное значеніе имѣетъ бракъ сербскаго короля Александра съ его подданною Драгою Машинъ. Этотъ бракъ рѣшительно противорѣчилъ видамъ эксъ-короля Милана и повелъ къ удаленію послѣдняго изъ Сербіи, а сторонниковъ Милана, а равно и послѣдняго министерства къ изгнанію со службы. Объявлена амністія за политическія преступленія. Ослабѣло также австро-венгерское вліяніе. Но насколько продержится новое направленіе, при болѣзненномъ состояніи короля Александра и партійныхъ интригахъ сербовъ, сказать трудно. Въ Румыніи консервативное министерство кн. Кантакузена смѣнилось другимъ такимъ же — Карпа, но послѣднее почему-то милостивѣе къ евреямъ, начавшимъ эмигрировать изъ Румыніи. Отношенія Румыніи къ Болгаріи ухудшились.

Война въ Трансваалѣ, несмотря на посылку слишкомъ двухсотъ-тысячной арміи, далеко еще не закончена. Не докончивъ завоеванія Англія присоединила уже къ себѣ Оранжевую республику и та же участь ожидаетъ Южно-африканскую. Державы приняли равнодушно это возмутительное нарушеніе народныхъ правъ, считая дѣйствія Англіи лишь однимъ изъ проявленій непомернаго аппетита. Съ 1880 только года Англія захватила, *excusez du peu*: Египетъ, долину и устье Нигера, Сомалійскій берегъ, Сокотру, Пенангъ и Малакку, большую часть Новой Гвинеи, страны Бечуановъ и Зулусовъ, восточную и центральную Африку, Родезію, Суданъ, Занзибаръ и Пемба, Верхнюю Бирму, берегъ противъ Гонконга, установила протекторатъ надъ долиною Ян-цы-Кіапа и т. д.

Въ Марокко Франція присоединила себѣ громадныя оазисы на юго-востокѣ, считавшіеся спорными. Устройство нашей миссіи

въ этой странѣ уже начинаютъ приносить пользу; оказывается, что Россія можетъ съ выгодною торговать съ Марокко, продавая туда лѣсъ, муку, сахаръ и спиртные напитки и покупая пробку и растительный волосъ.

Въ первомъ изданіи этой книги я привѣтствовалъ назначеніе министромъ иностранныхъ дѣлъ графа М. Н. Муравьева. Въ новомъ опять приходится привѣтствовать назначеніе новаго руководителя нашей иностранной политики: графъ Муравьевъ внезапно скончался 8-го іюня.

Всю свою службу по окончаніи гимназіи графъ провелъ за границею. Германскія газеты при назначеніи его министромъ причислили его къ врагамъ германской политики и славянофиламъ, но эта аттестация ни въ чемъ не проявилась. Напротивъ, соглашеніемъ 29-го сентября 1897 г. мы предоставили Австрію-Венгріи равныя съ собою права на Балканскомъ полуостровѣ. За время бытности гр. Муравьева во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, въ теченіе трехъ съ половиною лѣтъ, наиболѣе выдающимся событіемъ было сообщеніе въ августѣ 1898 года объ охраненіи всеобщаго мира и возможности сокращенія чрезмѣрныхъ вооруженій. Въ декабрѣ того же года сообщено было представителямъ иностранныхъ державъ въ Петербургѣ о созывѣ соответствующей конференціи, которая и состоялась въ текущемъ году въ Гаагѣ.

Результаты гаагской мирной конференціи, послѣ того какъ допущены были Соединенные Штаты къ водворенію прочною покоею на Дальнемъ Востока въ числѣ нашихъ конкурентовъ, не обѣщали ничего. Конференція не помѣшала несправедливѣйшей войнѣ Англіи противъ голландскихъ южно-африканскихъ республикъ и не предотвратила войны въ Китаѣ. Несомнѣнно, что до идеи вѣчнаго мира человечество, увы, еще не доросло.

Наиболѣе работы дали графу Муравьеву труды по Дальнему Востоку, гдѣ ему приходилось вести переговоры не только что съ Китаемъ, Японіей и Кореей, но и съ министерствомъ финансовъ. Въ 1898 году въ мартѣ были отозваны изъ Кореи нашъ финансовый совѣтникъ и военные инструкторы; въ апрѣлѣ того же года состоялось соглашеніе русскаго и японскаго правительствъ по отношенію къ Корей, а въ промежутокъ между этими двумя событіями подписано въ Пекинѣ соглашеніе объ уступкѣ Россіи въ аренду на 25 лѣтъ Портъ-Артура и Талиенвана съ соответствующими районами. Присоединеніе Портъ-Артура считалось побѣдою

дипломатическихъ вліяній надъ финансовымъ. За время управленія гр. Муравьева преобразовано министерство, учреждены русское представительство въ Марокко, въ Сіамѣ, миссія въ Вашингтонѣ возведена на степень посольства, подвинулось дѣло объ учрежденіи русскихъ консульствъ въ Индіи: въ Европѣ благополучно завершена трудная задача русской дипломатіи на островѣ Критѣ, состоявшая въ томъ, чтобы Греція изъ своего пораженія извлекла болѣе плодовъ, чѣмъ Турція изъ своей побѣды.

Мѣсто графа Муравьева занялъ товарищъ его графъ В. Н. Ламздорфъ. Это назначеніе встрѣчено съ удовольствіемъ дипломатическимъ корпусомъ, какъ по любезному характеру графа, такъ и потому, что, прослуживъ всю жизнь въ дипломатической канцеляріи, онъ близко извѣстенъ каждому изъ нашихъ дипломатовъ.

1 сентября 1900 г.

О ДИПЛОМАТАХЪ.

(ВМѢСТѢ ВЪВЕДЕНІЯ).

Изъ всѣхъ отраслей правовѣдѣнія наименѣе разработанною и положительною считается международное право, несмотря на чрезвычайную важность интересовъ, имъ затронутыхъ. До сихъ поръ идетъ споръ даже объ источникахъ, на основаніи которыхъ можетъ быть создана эта наука. Одни видятъ ихъ во взаимныхъ соглашеніяхъ между государствами, выражающихся въ договорахъ и установленныхъ правилахъ международныхъ сношеній; другіе основываются единственно на обычаяхъ; третьи предполагаютъ существованіе естественнаго права, обязательнаго одинаково для всѣхъ государствъ, изъ котораго выводятъ начала международного права уже путемъ философскаго изслѣдованія.

Эта неопредѣленность основъ международного права имѣетъ важныя неудобства. Хотя несомнѣнно, что отношенія государствъ должны быть столько же подчинены законамъ справедливости, какъ и отношенія отдѣльныхъ лицъ, но для международной жизни не выработано такого органа, опредѣленія котораго имѣли бы силу хотя бы въ глазахъ образованныхъ государствъ. Чѣмъ тѣснѣе становятся взаимныя сношенія народовъ, чѣмъ болѣе всякаго рода международныя учрежденія входятъ въ моду, тѣмъ болѣе шаткость международного права вызываетъ желаніе достигнуть и въ этой области положенія вещей, болѣе соответствующаго успѣхамъ другихъ отраслей правовѣдѣнія.

Послѣднія большія войны показали, что и по настоящее время, несмотря на тысячелѣтній историческій опытъ, продолжается крайняя неопредѣленность въ вопросахъ самыхъ важныхъ, а произвольный образъ дѣйствій державъ и въ военное, и въ мирное время постоянно только усиливаетъ взаимное ожесточеніе ихъ и отчуждаетъ народы, вмѣсто ихъ сближенія.

До сихъ поръ еще многія государства держатся принципа, цинически высказаннаго Мрабо, что *la petite morale* (т. е. очевидно то, что называется честностью въ житейскомъ быту) *me la grande*:

дипломатическихъ вліяній надъ финансовыми. За время управленія гр. Муравьева преобразовано министерство, учреждены русское представительство въ Марокко, въ Сіамѣ, миссія въ Вашингтонѣ возведена на степень посольства. подвинулось дѣло объ учрежденіи русскихъ консульствъ въ Индіи; въ Европѣ благополучно завершена трудная задача русской дипломатіи на островѣ Критѣ, состоявшая въ томъ, чтобы Греція изъ своего пораженія извлекла болѣе плодовъ, чѣмъ Турція изъ своей побѣды.

Мѣсто графа Муравьева занялъ товарищъ его графъ В. Н. Ламздорфъ. Это назначеніе встрѣчено съ удовольствіемъ дипломатическимъ корпусомъ, какъ по любезному характеру графа, такъ и потому, что, прослуживъ всю жизнь въ дипломатической канцеляріи, онъ близко извѣстенъ каждому изъ нашихъ дипломатовъ.

1 сентября 1900 г.

О ДИПЛОМАТАХЪ.

(ВМѢСТО ВВЕДЕНІЯ).

Изъ всѣхъ отраслей правовѣдѣнія наименѣе разработанною и положительною считается международное право, несмотря на чрезвычайную важность интересовъ, имъ затронутыхъ. До сихъ поръ идетъ споръ даже объ источникахъ, на основаніи которыхъ можетъ быть создана эта наука. Одни видятъ ихъ во взаимныхъ соглашеніяхъ между государствами, выражающихся въ договорахъ и установленныхъ правилахъ международныхъ сношеній; другіе основываются единственно на обычаяхъ; третьи предполагаютъ существованіе естественнаго права, обязательнаго одинаково для всѣхъ государствъ, изъ котораго выводятъ начала международного права уже путемъ философскаго изслѣдованія.

Эта неопредѣленность основъ международного права имѣетъ важныя неудобства. Хотя несомнѣнно, что отношенія государствъ должны быть столько же подчинены законамъ справедливости, какъ и отношенія отдѣльныхъ лицъ, но для международной жизни не выработано такого органа, опредѣленія котораго имѣли бы силу хотя бы въ глазахъ образованныхъ государствъ. Чѣмъ тѣснѣе становятся взаимныя сношенія народовъ, чѣмъ болѣе всякаго рода международныя учрежденія входятъ въ моду, тѣмъ болѣе шаткость международного права вызываетъ желаніе достигнуть и въ этой области положенія вещей, болѣе соответствующаго успѣхамъ другихъ отраслей правовѣдѣнія.

Послѣднія большія войны показали, что и по настоящее время, несмотря на тысячелѣтній историческій опытъ, продолжается крайняя неопредѣленность въ вопросахъ самыхъ важныхъ, а произвольный образъ дѣйствій державъ и въ военное, и въ мирное время постоянно только усиливаетъ взаимное ожесточеніе ихъ и отчуждаетъ народы, вмѣсто ихъ сближенія.

До сихъ поръ еще многія государства держатся принципа, цинически высказаннаго Мирабо, что «la petite morale (т. е. очевидно то, что называется честностью въ житейскомъ быту) tue la grande».

Однимъ изъ нашихъ талантливыхъ государственныхъ людей, покойный Абаза, пропнешь какъ-то въ государственномъ совѣтѣ блестящую рѣчь, гдѣ между прочимъ высказалъ убѣжденіе, что XX столѣтіе удивитъ человѣчество своею реакціею. Примѣровъ подобнаго вѣдопзмѣненія понятій найти въ исторіи не трудно: достаточно припомнить, чѣмъ была XVII вѣкъ послѣ бурнаго XVI столѣтія, которое во многомъ напоминаетъ ту эпоху теоретическихъ увлеченій, которой недавно исполнилось сто лѣтъ.

Въ числѣ признаковъ наступающей реакціи наиболѣе обращаетъ на себя вниманіе стремленіе государствъ обособиться и замкнуться въ крѣпкія границы. Давно ли теоретики мечтали о томъ, что послѣ всемірныхъ выставокъ, телеграфныхъ и литературныхъ конвенцій, различныхъ международныхъ обѣдъ и праздниковъ, Европа, а за нею мало-по-малу и весь земной шаръ, образуютъ какъ бы одну семью, одно государство, гдѣ не будетъ таможенъ и гдѣ войдутъ въ употребленіе не только общія монеты или общій вѣсъ, но и общіе гражданскіе и уголовные законы и чуть-чуть не общій языкъ. Какой-то университетскій профессоръ мечталъ даже, что при помощи особыхъ оптическихъ сигналовъ мы войдемъ въ сношенія и съ жителями другихъ планетъ. А теперь мы видимъ, что и на своей-то планетѣ далеко до единства: и общемою монетою, и торговыми договорами, и разными другими проявленіями братства народовъ тяготеютъ даже тѣ страны, которыя шли во главѣ объединительнаго движенія.

И, курьезное дѣло, въ то время, когда съ оружіемъ въ рукахъ европейцы стараются войти въ общеніе съ замкнутыми народами Японіи, Китая, Индо-Китаю, въ самой Европѣ и въ Соединенныхъ Штатахъ все усиливается стремленіе ограничить иностранцамъ право свободно проживать на чужой территоріи, размножаться тамъ и богатѣть.

У насъ международное право, какъ и вся почти наука въ Россіи, не вышло еще изъ періода подражательности. По справедливому замѣчанію «Новаго Времена», эта наука занимаетъ среди нашихъ университетскихъ кафедръ положеніе русскаго нѣмца. «Она не обрусѣла еще, но кое-что русское уже начинаетъ въ нее проникать».

Новое международное право родилось какъ разъ въ неудачное для нашей политики время и потому ему иногда и нечего дѣлать при рѣшеніи вопросовъ, интересующихъ Россію; для послѣднихъ нужно «найти еще основанія, соответствующія нашимъ новѣйшимъ успѣхамъ, а не прошлымъ пораженіямъ».

Найти это должны прежде всего дипломаты, такъ какъ оригинальныхъ воззрѣній отъ профессоровъ международного права ожидать трудно. Ученость обыкновенно и состоитъ въ томъ, чтобы знать тридцать шесть чужихъ мнѣній и не имѣть своего собственнаго.

До послѣдняго времени однако основаніемъ дипломатіи былъ макиавеллизмъ: подчиненіе всѣхъ принципамъ одному—собственному интересу. Это направленіе прекрасно очертилъ Вольтеръ баснею Эзопа. Левъ заключилъ договоръ съ сосѣдями о раздѣлѣ добычи на четыре равныя части. На основаніи убѣдительныхъ доводовъ, которые левъ объяснялъ въ свое время и въ своемъ мѣстѣ, онъ беретъ себѣ прежде всего три части, а затѣмъ общается зажать всякаго, кто пркоснется къ четвертой. «C'est là le sublime de la politique»,—пронически прибавляетъ Вольтеръ. Англія до сихъ поръ другой политики и не знаетъ.

Указавъ на то, что дипломатія, а особенно съ Вестфальскаго мира, когда учредились постоянные посты дипломатическихъ представителей, была главнымъ образомъ орудіемъ мира, Морисъ Блокъ въ своемъ «Dictionnaire de la Politique» задается вопросомъ: почему слово «дипломатъ» имѣетъ такую дурную репутацію и считается какъ бы синонимомъ хитрости и двуличія? Блокъ объясняетъ это тѣмъ, что недавно еще дипломаты были представителями честолюбивыхъ абсолютныхъ монарховъ, которые вели личную и эгоистическую политику, дипломатамъ же оставалось только вторить полученнымъ указаніямъ de leurs augustes maîtres. Съ распространеніемъ гласности и свободы роль дипломатовъ очистилась—де и возвысилась. Кромѣ политическихъ интригъ въ область ея вошли вопросы экономическіе, частнаго права, техническіе, и дипломатія внимательно стала прислушиваться къ органамъ общественнаго мнѣнія.

На чемъ основалъ свою теорію Блокъ, не совсемъ ясно. Еще Оуксидилъ замѣтилъ, что демократическое государство неспособно командовать другими государствами; римская республика, Венеція абсолютныхъ монарховъ не имѣли, а вели политику весьма эгоистическую; Англія, страна, гдѣ наиболѣе личность человѣка и печать свободны, также неконц ведетъ самую коварную политику.

Блокъ правъ въ одномъ, что издревле дипломаты представлялись во мнѣніи публики съ дурной стороны. «Дипломатія основана на сопоставленіи двухъ словъ, menditore и traditore», писала недавно «Daily News». Лицемеріе считалось всегда основною чертою ея характера. Въ этомъ случаѣ мнѣніе всѣхъ народовъ одинаково.

«Государственные дѣятели, короли и министры изошряли въ XVIII вѣкѣ», говоритъ г. Мартенсъ, «свой умъ на систематическомъ взаимномъ надувательствѣ не въ виду національныхъ интересовъ народовъ, но изъ непреодолимаго влеченія ко всему неестественному, необычайному, безпорядочному¹⁾. Дипломатическое поприще представляло въ этомъ отношеніи самое широкое поле для безпрерывныхъ интригъ, государственныхъ переворотовъ и полити-

¹⁾ Въ Австріи еще въ половинѣ XVIII вѣка люди, которые могли выдать государственныя тайны, безъ церемоній топчили въ Дунай.

чекских заговоровъ». Фридрихъ II говорилъ о знаменитѣйшемъ дипломатѣ XVIII столѣтія, князѣ Каунпцѣ, что это человѣкъ не только «double et triple, mais quadruple».

Бомарше словами Фигаро сдѣлалъ знаменитую характеристику дипломата: «Прикидываться незнающимъ того, что знаешь, и знающимъ все, чего не знаешь; слушать то, чего не понимаешь, и не слышать того, что слышишь; дѣлать величайшіе секреты изъ вещей всѣмъ извѣстныхъ; зашираться даже для того, чтобы очинить перо; казаться глубокомысленнымъ, когда въ дѣйствительности вы пусты; играть хорошо или дурно видную роль, плодить шпионовъ и давать пенсіи предателямъ; распечатывать чужія письма, перехватывать ихъ и стараться облагородить извозъ средствъ величіемъ цѣли».

Ту же мысль короче изложилъ прототипъ дипломата Телейранъ словами, что «языкъ данъ человѣку, чтобы скрывать свои мысли». По мнѣнію одного англичанина: «Дипломатія — искусство сказать что-нибудь, когда сказать нечего, а равно искусство ничего не говорить, если вы можете что-либо сказать». Войны 1812—15 гг. хорошо ознакомили гр. Канкринъ съ дипломатами, которые, по его мнѣнію, «должны быть болѣе или менѣе пустыми людьми по привычкѣ и по обязанности придавать часто важность пустякамъ». Нѣмецъ Людвигъ Берне говоритъ, что онъ «ничему болѣе не удивляется, но что два дипломата могутъ смотрѣть другъ на друга безъ смѣха, — всегда его будетъ удивлять», а также «что человѣкъ, готовящійся въ дипломаты, долженъ изучить только три вещи: французскій языкъ¹⁾, искусство ничего не говорить и искусство говорить неправду».

Это послѣднее искусство, какъ извѣстно, доводится иногда до совершенства; объ одномъ изъ нашихъ дипломатовъ великій визирь Али-паша сказалъ, что онъ представляетъ необыкновенное явленіе: «Обыкновенно, когда кто вретъ, то наоборотъ выходитъ правда. Но у этого господина и наоборотъ всетаки выходитъ вранье».

Если дипломатъ не достаточно умѣетъ скрывать мысли, прикидываясь, какъ князь Бисмаркъ, откровеннымъ на раснашку, то для него лучше молчать. Молчаніе всегда принимается толпой за глубокомысліе, и дипломатъ одной изъ мельяковскихъ оперетокъ очень вѣрно и тонко замѣтилъ, что «молчавъ онъ себя больше всего заставилъ слушать».

Наши дипломаты на разныхъ международныхъ конференціяхъ также обыкновенно или глубокомысленно молчатъ, или отъ вре-

¹⁾ Въ одномъ нашемъ великосвѣтскомъ салонѣ разговаривали о затрудненіяхъ, встрѣченныхъ во Франціи для отысканія министра иностранныхъ дѣлъ. — «Изъ этого, признаюсь, понять не могу, замѣтить одинъ нашъ дипломатъ. Ужъ, кажется, французамъ не трудно быть дипломатами, ибо они отъ рожденія говорятъ на прекрасномъ французскомъ языкѣ».

менн до времени отпускають французскія фразы, настолько соотвѣтствующія сущности обсуждаемаго предмета, насколько нужно, чтобы онѣ попали въ протоколъ, насколько не связывая ни прозвѣщаго ихъ дипломата, ни уполномочившаго послѣдняго правительства, ни тѣмъ менѣе другія стороны, принимающія участие въ конференціи. Въ этомъ безпѣтно-неопредѣленномъ положеніи и заключается верхъ дипломатическаго искусства. «Ничего легче нѣтъ какъ приписывать; по меньшей мѣрѣ гораздо беззаботнѣе нежели прямое дѣло дѣлать», писалъ нашъ знаменитый дипломатъ гр. Бестужевъ-Рюминъ еще въ половинѣ прошлаго столѣтія. А «говорить правду сильнымъ міра сего всегда составляло вѣрнѣйшій путь къ несчастію», замѣтилъ саксонскій дипломатъ Гельбигъ также еще въ прошломъ столѣтіи.

Дипломатическая литература отражаетъ эту тенденцію къ пустословію; она становится интересною только въ мемуарахъ, печатаемыхъ по смерти дипломатовъ, да и то иногда публику ожидаютъ здѣсь разочарованія, какъ съ мемуарами Телебрана и гр. Бейста. Образчикомъ текущей дипломатической литературы могутъ служить наши дипломатическіе органы: «Le Nord», совершенная макулатура, о которой и говорить не стоитъ, и «Journal de St.-Petersbourg». Этотъ послѣдній составляется довольно тщательно и даетъ весьма подробныя свѣдѣнія о политикѣ княжества Лихтенштейнъ, Сіама, республики Никарагуа и т. д., но чуть какой-либо вопросъ коснется Россіи, наша французская газета ограничивается обыкновенно двумя клише. По полученіи первыхъ извѣстій о событіи она говоритъ: «Полученныхъ свѣдѣній еще не достаточно для полнаго и безпристрастнаго заключенія; подождемъ дальнѣйшихъ извѣстій». Когда же всѣ свѣдѣнія получены, газета пишетъ: «Факты такъ краснорѣчивы, что всякіе комментаріи съ нашей стороны были бы излишніи».

Иногда, впрочемъ, кромѣ молчанія цѣнятся и esprit de repartie, остроумная находчивость. Такихъ дипломатовъ цитируютъ въ исторіи.

Фридрихъ Великій желалъ огорчить англійскаго короля за вялое содѣйствіе и аккредитовалъ къ нему какого-то господина, имѣвшаго репутацію шулера. «Ну что, какъ находятъ въ Лондонѣ моего посланника?» — насмѣшливо спросилъ онъ англійскаго посланника въ Берлинѣ, сэра Эллиота. — «Находятъ, что онъ достойный представитель вашего величества», — отвѣчалъ англичанинъ. Король сдѣлалъ очень крѣпкую гримасу¹⁾.

Бисмаркъ былъ очень недоволенъ покойнымъ Убри; когда онъ пріѣхалъ къ нему прощаться, оставляя свой постъ, желѣзный канцлеръ спросилъ: — «А вы увозите своего повара?» — Да, отвѣчалъ

¹⁾ И о своихъ дипломатахъ англичане были тогда не лучшаго мнѣнія. Лордъ Рошфоръ говорилъ о посланникѣ въ Стокгольмѣ Гудришѣ: «Онъ лучший изъ нашихъ посланниковъ, ему все можно доверить, кромѣ... денегъ».

Убри.—«Это будет большая потеря для Берлина», глубокомысленно пропнзесь канцлеръ и простился.

Остроуміемъ не слѣдуетъ пересаливать. Съ безпощадной откровенностью тотъ же Висмаркъ въ своихъ запискахъ порицаетъ дипломатовъ, которые стараются, чтобы ихъ депешы были «интересными», т. е. сообщаютъ все сплетни и каламбуры. Будучи самъ когда-то посломъ, Висмаркъ хорошо зналъ цѣну злословію и придворному остроумію, часто портящимъ добрыя отношенія между государствами. «Во многомъ, конечно, огромная разница между дипломатіей прошлыхъ вѣковъ и нашимъ временемъ, но по отношенію къ Россіи я никогда не забываю,—замѣчаетъ Висмаркъ,—что злой языкъ Фридриха Великаго и пошлѣнность, съ которой сплетники передавали по адресу его каламбуры, навязали ему на шею союзъ Елисаветы Петровны съ Австріей и Франціей». Насмѣшливыя донесенія русскаго посланника въ Стокгольмъ, забавлявшія Екатерину II и взбѣспившія Густава III, когда онъ узналъ о нихъ, вооружили Швецію противъ Россіи во вторую турецкую войну. Недовольство и озлобленіе, вызываемыя часто безъ надобности, теперь точно также не остаются безъ вліянія на историческія событія, какъ во времена императрицы Елисаветы или королевы Анны Англійской.

Кромѣ молчаливости, прерываемой остротами, дипломату нужны еще терпѣніе, особенно на Востокѣ, гдѣ торопливость считается признакомъ самаго дурнаго тона, хладнокровіе и изящныя манеры. Идеаломъ хладнокровія былъ Талейрантъ, о которомъ маршалъ Ланнъ говорилъ Мюрату: «Son derrière recevait un coup de pied que sa figure n'en dirait rien».

Изящныя манеры стали нынѣ менѣе цѣниться, и аристократы съ успѣхомъ подражаютъ своимъ конюхамъ по манерамъ и кокеткамъ по разговору, а затѣмъ демократическія правительства создали новый видъ государственныхъ дѣятелей; теперь и «человѣкъ-пушка» изъ цирка можетъ быть сенаторомъ, а слѣдовательно министромъ и посломъ. Въ этомъ явленіи, впрочемъ, ничего нѣтъ новаго. Еще Аристофанъ во «Всадникахъ» даетъ слѣдующій совѣтъ колбаснику, который затрудняется управлять республикою: «Нѣтъ ничего легче, остается только продолжать твое прежнее ремесло, смѣшивать и перемѣшивать дѣла, какъ начинку, тянуть ихъ, какъ колбасы, и привлекать публику, угощая ее всякими фокусами».

Время съ 1815 по 1830 годъ считаютъ обыкновенно золотымъ вѣкомъ дипломатіи, когда она первенствовала въ разрѣшеніи европейскихъ вопросовъ. Всемогуцій Меттернихъ, многочисленныя конгрессы и конференціи, безчисленныя ноты и протоколы наполняютъ исторію этого времени. Въ 40-хъ годахъ русская дипломатія приобрѣла громадныя пррстижи и произведенія ея пера всеми признавались образцовыми какъ по изяществу стили, такъ и по глубинѣ мыслей и комбинаціи. Этотъ пррстижъ, по словамъ г. Мар-

тенса, имѣлъ свои неудобства, каждому самому простому предложению русскаго правительства придавалось значеніе макіавелистической комбинаціи и ловушки. «Если начинаешь защищать васъ отъ нападокъ», говорилъ русскому послу англійскій министръ, «то всегда имѣешь видъ, что одураченъ вами». Сила и вліяніе дипломатіи почитаются съ тѣхъ поръ значительно ослабѣвшими, и часто даже раздаются голоса въ печати и на парламентской трибунѣ, что дипломатическое представительство — почти ненужная роскошь. Если дипломаты необходимы еще иногда для разныхъ церемоній, то мнѣнія ихъ и наблюденія не имѣютъ будто бы вѣса, потому что печать и публичное обсужденіе законовъ и государственныхъ вопросовъ въ палатахъ позволяютъ имѣть, при помощи желѣзныхъ дорогъ, почтовыхъ пароходовъ, телеграфа и телефона, свѣдѣнія гораздо быстрее и подробнѣе, чѣмъ изъ дипломатическихъ депешъ и донесеній.

Подобныя мнѣнія нельзя не признать крайне преувѣлченными и односторонними. Конечно, дипломатіи отведено нынѣ гораздо болѣе скромное мѣсто, чѣмъ въ XVIII вѣкѣ, когда какой-нибудь красавый и ловкій дипломатъ, прыволокнувшись за всемогущей фавориткой, а иногда за королевою, — подчасъ, какъ кавалеръ де-Эонъ, переодѣвавшійся женщиною, — рѣшалъ вопросы войны и мира. И теперь, впрочемъ, не пренебрегаютъ ловкими кавалерами, и въ 1856 г. серьезно обсуждался вопросъ, кого изъ красныхъ гвардейцевъ избрать для посланки въ Парижъ, чтобы фигурировать въ салонахъ кокетливой императрицы Евгеніи. Выборъ остановился на Альбединскомъ, гр. Шуваловѣ и гр. Левашовѣ, которые сопровождали кн. Орлова на Парижскій конгрессъ, а затѣмъ перваго изъ нихъ оставили военнымъ агентомъ въ Парижѣ, гдѣ онъ пользовался большимъ успѣхомъ и откуда его вызвали за неосторожное участіе съ маскарадѣ, въ которомъ императрицѣ Евгеніи пришла фантазія вырядиться въ польское національное платье.

И въ настоящее время умная, энергическая и патріотическая дипломатія найдетъ себѣ достаточно дѣла. Не отдаляясь отъ настоящей минуты, мы въ одномъ примѣрѣ франко-прусской войны можемъ видѣть силу, значеніе и вліяніе на событія правильно устроеннаго дипломатическаго представительства. Еслибъ Наполеонъ III имѣлъ свѣдущихъ представителей въ Мюнхенѣ и вообще въ южной Германіи, то не сомнѣвался бы, что минута объединенія послѣдней очень близка; еслибъ въ Вѣнѣ, вмѣсто легкомысленнаго герцога Граммона, сидѣлъ болѣе серьезный посолъ, то, конечно, Франція не рѣшилась бы такъ скоро на объявленіе войны; еслибъ въ Феррьерѣ, вмѣсто Жюль Фавра, переговаривался съ Бисмаркомъ кто-либо другой, то не было бы знаменитой риторической фразы: «Ни одного камня крѣпостей, ни одного вершка земли», оплаченной потомъ Эльзасомъ, Лотарингіей съ Мецомъ и пятью

милліардами. Наконецъ, что касается насъ, то развѣ мыслимъ бы былъ Берлинскій конгрессъ при другомъ составѣ дипломатіи.

Я не говорю уже о значеніи дипломатіи на Востокаѣ. Бёрнсу Англія обязана огромною частью своихъ остъ-индскихъ владѣній; Стратфордъ-Редклиффъ положительно выручилъ Турцію въ 1853 г. и причинилъ намъ много вреда. Лессенсъ — устроилъ Суэзскій каналъ, т. е. сдѣлалъ всемірный экономическій переворотъ. Но если дипломатія не потеряла своего вліянія и пользы, то нельзя, кажется, сомнѣваться, что общій кругъ ея дѣятельности и относительное значеніе въ разныхъ мѣстностяхъ совершенно видоизмѣнились. Шпіонство и личные интриги играютъ теперь менѣе значительную роль¹⁾; аристократія въ немногихъ только странахъ сохранила вліяніе на дѣла, зато экономическіе вопросы, торговые и промышленные интересы, передвиженіе путешественниковъ и капиталовъ, заморскія владѣнія и т. д. выдвинулись на первый планъ. Нужно сознаться, что въ виду этого переворота сдѣлано еще очень немного для преобразованія дипломатической службы не только у насъ, но и во всей Европѣ.

«Могущество Россіи велико, различные представители его малы», говоритъ покойный графъ Граббе о нашихъ дипломатахъ въ своихъ запискахъ. «Для тѣхъ, которые живутъ внѣ предѣловъ Россіи и которые могутъ составить свое мнѣніе только на основаніи великихъ событій, произведенныхъ ея вмѣшательствомъ и могуществомъ», писалъ одинъ англійскій дипломатъ, «должно казаться, что она управляется великимъ умомъ и ея правительство никакого существеннаго недостатка не имѣетъ. Между тѣмъ для лицъ, живущихъ въ этомъ государствѣ и наблюдающихъ безпорядочность и ошибочность всѣхъ дѣйствій здѣшняго правительства и неудачный выборъ его исполнительныхъ органовъ, должно казаться удивительнымъ, что Россія не терпитъ неудачъ во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ». Но буквально тѣ же жалобы противъ дипломатовъ раздаются и въ другихъ государствахъ. Вотъ оцѣнка англійскихъ, сдѣланная англичаниномъ: «Репутація, которую приобрѣли дипломаты, есть скорѣе результатъ той тайны, какою окружена дипломатія, чѣмъ слѣдствіе искусства лицъ, глубоко изучившихъ дипломатическую службу. Въ Англіи во всякомъ случаѣ трудно назвать

¹⁾ Все знаменитое дѣло Дрейфуса вертѣлось на вопросѣ о дипломатическомъ шпіонствѣ. Искусство дипломатовъ, по словамъ одной англійской газеты, и теперь состоитъ въ томъ, чтобы обмануть собѣда и вывѣдать у него его тайны. Одинъ пріемъ заключается въ томъ, чтобы пользоваться въ видѣ приманки разными мнимыми секретами, сплошь вымышленными. Другой пріемъ — покупать секреты на деньги, иногда очень крупныя, смотря по важности доставляемыхъ свѣдѣній. Третій, наконецъ, — пускаться въ ходъ настоящихъ шпіоновъ, которые занимаются своей профессіей, какъ отраслью государственной службы, и получаютъ награды, а то и пенсіи за исполненныя приказанія и оказанныя услуги. Высшій классъ агентовъ этого разряда состоитъ изъ шпіоновъ большого свѣта. Означенный сортъ шпіоновъ въ бѣлыхъ перчаткахъ и есть шпіоны *par excellence*. Имъ пользуются арміи и министры иностранныхъ дѣлъ всѣхъ странъ.

многихъ дипломатовъ въ промежутокъ времени между отставкою сэра Вильяма Темпля и возвышеніемъ лорда Страффорда Редклифа, которые бы могли занять выдающееся мѣсто. Тѣмъ не менѣе о дипломатіи говорятъ съ благоговѣніемъ. понятнымъ развѣ людямя, искусившимся въ этой профессіи. Кромѣ того, само слово длинно и благозвучно».

Въ опредѣленіи 13-го февраля 1720 г. объ учрежденіи коллегіи иностранныхъ дѣлъ Петръ Великій начерталъ слѣдующую программу дѣятельности нашимъ дипломатамъ: «Къ дѣламъ иностраннымъ служителей коллегіи имѣть вѣрныхъ и добрыхъ, чтобы не было дряво, и въ томъ крѣпко смотрѣть; а ежели кто непогребнаго во оное мѣсто допустить, или вѣдая за кѣмъ въ семь дѣлахъ вину, а не объявить, то будутъ наказаны, яко измѣнники».

Къ сожалѣнію, завѣтъ великаго государя не совсѣмъ строго исполнялся и хотя подчасъ у насъ было «дряво» и случались дипломаты «непотребные», но о наказаніи начальниковъ ихъ «яко измѣнниковъ» не слышно было.

Русскіе по натурѣ очень способны къ дипломатіи, такъ какъ главная черта русскаго характера: лукавство, прикрытое фальшивымъ добродушіемъ (*bonhomie*), весьма удобна для дипломатіи. «Въ дружбѣ Россіи», писалъ Гаррисъ (впослѣдствіи лордъ Мальмесбюри). «отражается ея климатъ: свѣтлое, блестящее небо съ холоднымъ пронизывающимъ воздухомъ; только слова и никакого дѣла: пустыя изліянія и коварные извороты».

Даже наши старинные дипломаты московской Руси, если казались неловки и неуклюжи въ средѣ придворныхъ Западной Европы, то отлично вели свои дѣла, а особенно въ переговорахъ съ Малороссіей, Польшей, Крымомъ и Швеціей — странами тогда наиболѣе интересовавшими Россію. Ту же склонность къ дипломатіи и всѣмъ признанное искусство русскіе блистательно проявили и въ XVIII вѣкѣ. Уже при Петрѣ Великомъ дипломаты старыхъ традицій, неловко одѣтые въ новые кафтаны, Головинъ, Матвѣевъ, кн. П. А. Голицынъ, дѣйствовали вполне національно и энергически отстаивали русскіе интересы. Во вторую половину царствованія Петра выступило съ такимъ же успѣхомъ болѣе молодое поколѣніе русскихъ дипломатовъ: кн. В. М. Долгорукій, Веселовскій, графъ Г. И. Головкинъ. Поэтому удивительно, что, начиная съ этого вѣка и до послѣдняго времени, въ дипломатическую карьеру привлекли въ Россію всякаго рода иностранцевъ, и рядомъ съ Долгорукими, Паниными, Репниными, Воронцовыми, Румянцевыми, Обрѣзковыми, Анчиковыми мы видимъ цѣлую серію нѣмцевъ, шведовъ, поляковъ, евреевъ литовскихъ, евреевъ финляндскихъ, румынъ, далматинцевъ, грековъ, португальцевъ и даже корсиканцевъ, отстаивающихъ «русскіе» интересы передъ Европой!

Россія, конечно, признательна за услуги, оказанныя Шафировымъ, Остерманомъ, Сальдерномъ, Поццо ди-Ворго (котораго,

кстати сказать, Николай I считалъ только питриганомъ староѣ школы) или Каподистрией, но для русскаго чувства и русскаго достоинства желательно, чтобы мы всегда умѣли находить ходатаевъ для себя въ средѣ своего народа, въ средѣ людей, не только отвлеченно сознающихъ государственныя выгоды Россіи, но и живущихъ съ нею однимъ умомъ, однимъ сердцемъ.

Гр. Семень Воронцовъ первоначальный наплывъ инородцевъ приписывалъ вліянію правителя канцеляріи гр. Панина—Алопеуса, того самаго, по поводу назначенія котораго посланникомъ въ Берлинъ гр. Ростопчинъ удивлялся: «зачѣмъ даютъ жалованье этому пруссаку тѣломъ и душой, проще бы давать его Герцбергу» (прусскому министру). Но, по мнѣнію г. Мартенса, въ рядахъ русскоѣ дипломатіи авантюристы, систематически питриговавшіе противъ правительства, на службѣ котораго находились, встрѣчаются и ранѣе, уже въ началѣ прошлаго вѣка: «это были большею частью иностранцы совершенно недостойные оказываемаго имъ довѣрія». Таковъ былъ, напримѣръ, баронъ Шакъ, русскій резидентъ при С.-Джемскомъ дворѣ при Петрѣ I.

Наплывъ иностранцевъ отчасти объясняется въ XVIII столѣтіи нашимъ невѣжествомъ. «Въ разговорѣ съ русскими министрами», писалъ Дж. Макартней въ 1766 г., «упоминать о Гуго Гроціи и Пуффендорфѣ было бы все равно какъ толковать о Кларкѣ и Тилотсонѣ съ диваномъ константинопольскимъ. Въ этихъ словахъ нѣтъ ничего преувеличеннаго». А въ екатерининское время были введены уже обычныя формы дипломатическаго дѣлопроизводства.

Величайшимъ дипломатомъ того времени считается гр. Никита Панинъ, авторъ «сѣверной системы», приверженецъ Фридриха II и врагъ Австріи и Франціи. Онъ былъ уменъ, правдивъ и неподкупенъ, но слабъ, лѣнивъ и небреженъ. Нерадивостью Никиты Панина, положившаго въ карманъ не читая поданную ему во время карточной игры депешу изъ Константинополя съ примирительными предложеніями Порты и забывшаго о ней, современники объясняли первую турецкую войну въ царствованіе Екатерины II.

Панинъ пользовался славою «жуира», а лордъ Каскартъ находилъ, что Панинъ составляетъ исключеніе въ своемъ отечествѣ и по характеру болѣе похожъ на нѣмца! Панинъ взялъ себѣ въ помощники гр. Ив. Остермана изъ Швеціи, гдѣ онъ прозѣвалъ революцію 1772 г., потому что считалъ его умнымъ человѣкомъ за отличныя депеши. Между тѣмъ депеши эти писалъ совѣтникъ посольства Каллингъ. Остерманъ оказался ограниченнымъ ничтожествомъ; это не помѣшало ему просидѣть во главѣ иностранныхъ сношеній Россіи до конца XVIII столѣтія.

Въ первой половинѣ нашего вѣка наплывъ иностранцевъ еще усилился; по исчисленію г. Татищева, они занимали въ Россіи въ 1825 г. 68 проц. дипломатическихъ должностей, а въ 1854 г.— 81 проц. Время не измѣнило ихъ, баронъ Мейендорфъ въ Вѣнѣ

былъ нѣмцемъ не менѣе Алопеуса. Дошло до того, что одинъ извѣстный нашъ государственный дѣятель и патриотъ въ 70-хъ годахъ сказалъ, что онъ зналъ только одного истинно *русскаго* дипломата—это барона Э. Р. Остенъ-Сакена.

Правда, не все русскіе, оставшіеся въ дипломатическомъ корпусѣ, оправдывали ожиданія русскаго общества. Очень плохи были задолжавшіеся кн. В. С. Долгоруковъ въ Берлинѣ, въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія, и гр. Муслингъ-Пушкинъ въ Лондонѣ. По словамъ Макартнея, графу П. Г. Чернышеву, послу тамъ же, недоставало проникательности. «Онъ имѣлъ притязанія на всякаго рода познанія, восхипчался собственнымъ мнѣніемъ, не былъ особенно разборчивъ въ дѣлѣ убѣжденія и рѣдко наблюдалъ за правдивостью рѣчи. Честолюбіе его превосходило предѣлы самонадѣянности».

Графъ Семенъ Воронцовъ за шестнадцатилѣтнее пребываніе въ Англій сталъ совсѣмъ англоманомъ. Георгій III (правда, наканунѣ своего сумасшествія) увѣрялъ его, что «добрый англичанинъ долженъ быть добрымъ русскимъ, подобно тому, какъ хорошій русскій долженъ быть хорошимъ англичаниномъ»! Воронцовъ, человекъ впрочемъ честный и просвѣщенный, принялъ повидимому эти слова въ серьезъ ¹⁾.

По винѣ его въ трактатѣ 1793 г. съ Англіей были выпущены принципы вооруженнаго нейтралитета, духовнымъ авторомъ котораго былъ гр. Верженъ. Воронцовъ писалъ: «Россія не имѣетъ и никогда не будетъ имѣть коммерческаго мореплаванія по причинамъ физическимъ и нравственнымъ... Она не имѣетъ колоній, ея военный флотъ не можетъ быть больше чѣмъ посредственной силы и только достаточенъ для сдерживанія своей сосѣдки и вѣчнаго врага—Швеціи». Окончательно отрекся отъ означенныхъ принциповъ, впрочемъ, Александръ I въ пресловутой морской конвенціи 1801 г., продиктованной лордомъ Сентъ-Эленсомъ.

Въ своей ненависти къ гр. Панину, гр. Воронцовъ, даже послѣ отставки перваго, называлъ его «государственнымъ измѣнникомъ, которому во всякой другой странѣ отрубили бы голову». По настоянію Воронцова, Александръ I отказался въ 1803 г. и отъ правъ своихъ на Мальту. Гр. Воронцовъ былъ также противникомъ освобожденія Греціи.

Насколько гр. Воронцовъ сталъ англичаниномъ, настолько кн. Разумовскій и Татищевъ (Д. П.) сдѣлались австрійцами. Разумовскому Павелъ I писалъ: «Я желалъ бы, чтобы всякій разъ, когда вы ведете переговоры съ барономъ Тутутомъ, вы бы вспомнили, что вы русскій и что вы мой посоль въ Вѣнѣ и для мо-

¹⁾ Любопытно, что, уволенный отъ своей должности, гр. Воронцовъ сдалъ ее священнику лондонскаго посольства Смирнову. Это кажется единственный примѣръ закрѣпчанія нашими дипломатическими дѣлами духовнымъ лицомъ.

ихъ дѣлъ». Трудно имѣть, говоритъ г. Мартенсъ о Новосильцевѣ, больше самоувѣренности въ своихъ талантахъ и познаніяхъ и болѣе наивнымъ образомъ выражать свой собственный восторгъ о своихъ личныхъ успѣхахъ. И такой человѣкъ посланъ былъ вести переговоры съ Питтомъ!

Кн. Куракинъ былъ посмѣшищемъ для Парляжа какъ разъ въ моментъ нашего союза съ Франціей. Киселевъ (посланникъ, а не посолъ) противодействовалъ сближенію съ этою страной, когда въ концѣ 40-хъ годовъ у Николая I явилась счастливая мысль о сближеніи. Безтактность Коконкина въ Туринѣ и была, говорятъ, причиною холодности къ русскимъ дипломатамъ при Николаѣ I; никакъ нельзя одобрить дѣятельность Сабурова въ Берлинѣ, кн. Долгорукова въ Тегеранѣ, кн. Горчакова въ Мадридѣ.

Напротивъ, дипломаты изъ инородцевъ оправдывали подчасъ ожиданія правительства. Графъ Давыдъ Алопеусъ былъ отличнымъ дипломатомъ, графъ Штакельбергъ былъ яркимъ противникомъ Меттерниха, этого «вѣнскаго Далай Ламы». Онъ предостерегалъ Россію отъ его политики, которая имѣла цѣлью заставить Россію «вынимать изъ огня каштаны» для Австріи. Любопытно, что Штакельбергъ замѣтилъ, что въ интересахъ Россіи было бы выгоднѣе, чтобы представитель ея въ Вѣнѣ носилъ фамилію, оканчивающуюся на «овъ» или «скій». Дѣятельность нашего дипломата изъ нѣмцевъ, барона Бруннова въ Лондонѣ г. Мартенсъ называетъ «самою почетною въ лѣтосписяхъ русской дипломатіи», прибавляя, что выписки изъ донесеній и писемъ Бруннова «всегда будутъ служить неопровержимыми доказательствами замѣчательнаго ума, выдающагося дипломатическаго таланта и глубокаго патріотизма этого государственнаго человѣка, который въ продолженіе сорока лѣтъ былъ въ Лондонѣ на стражѣ чести и пользы Россіи».

Баронъ Брунновъ прекрасно владѣлъ французскимъ языкомъ и былъ отличнымъ редакторомъ, письма и депеши его свидѣлствуютъ о его канцелярской ловкости и даже остроуміи, — въ этомъ нельзя сомнѣваться, но трудно признать выдающійся дипломатическій талантъ за человѣкомъ, который не случайно, а систематически былъ причиною вовлеченія Россіи въ несчастнѣйшую войну, которая на тридцать лѣтъ лишила ее первенствующаго въ Европѣ положенія.

Что Брунновъ былъ человѣкъ безспорно умный, доказывается различными его мнѣніями. По средне-азиатскимъ дѣламъ онъ еще въ 30-хъ годахъ давалъ Нессельроде великолѣпный совѣтъ, который и теперь не потерялъ значенія: «Умоляю васъ, — писалъ баронъ, — предпочтите факты писаніямъ! Эти писанія въ настоящее время даже въ Европѣ очень мало имѣютъ значенія. Еще меньше стоятъ они въ Англій».

Брунновъ прекрасно также оцѣнилъ значеніе Наполеона III, когда тотъ захотѣлъ сдѣлаться императоромъ, и предсказалъ

очень вѣрно его паденіе. Пророкомъ оказался Брунновъ и по отношенію къ предложенію войною ускорить распаденіе Турціи.

Эта война, по словамъ его, «создастъ на развалинахъ Турціи всевозможныя новыя государства, которыя будутъ въ отношеніи къ намъ столь же неблагодарны, какъ была Греція; которыя настолько же будутъ неудобны для насъ, какъ дунайскія княжества въ настоящее время; и, что еще хуже, она создастъ въ будущемъ такой порядокъ вещей, при которомъ наше вліяніе еще больше будетъ встрѣчать противодѣйствія и будетъ ограничиваться соперничествомъ со стороны Франціи, Англіи и даже Австріи, чѣмъ было до сихъ поръ, во время господства турокъ». Предсказанія эти вполнѣ оправдались послѣ войны 1877—1878 гг.

Но если нельзя отказать барону Бруннову въ пзвѣстной пропагандѣ, то онъ ея вовсе не показалъ по отношенію къ державѣ, при которой былъ акредитованъ, и лордъ Пальмерстонъ и даже ограниченный и безхарактерный лордъ Эбердинъ водили за носъ нашего посла, а заблужденія барона насчетъ дѣйствительнаго настроенія общественнаго мнѣнія и правительства въ Англіи въ значительной степени опредѣлили собою поведеніе наканунѣ Крымской войны императора Николая I, находившагося въ полномъ невѣдѣніи насчетъ англичанъ. Эту ошибку не могъ простить Бруннову императоръ Николай I, и удивительно, какъ послѣ войны въ ту же Англію послали нашимъ представителемъ того же Бруннова.

Можно бы привести не мало подобныхъ же ошибочныхъ мнѣній и дѣйствій нашего дипломата; мы не упоминаемъ еще о его смѣшномъ самомнѣніи, о предсказаніяхъ разоренія и распаденія Англіи, о презрительной оцѣнкѣ англійскихъ государственныхъ людей, изъ которыхъ каждый былъ головою выше его, или о курьезной просьбѣ не давать русскимъ паспортовъ на лондонскую всемірную выставку, потому что русскіе въ Лондонѣ и на всемірной выставкѣ дѣлать нечего. «Ничему полезному не научатся они здѣсь»,— писалъ Брунновъ.

Желательно вообще, чтобы дипломатическое искусство русскихъ людей шло далѣе искуснаго редактированія депешъ и чтобъ не повторялись ошибки въ родѣ той, которая дозволила туркамъ, при подписаніи Адрианопольскаго трактата, пользуясь плохимъ знаніемъ дипломатами географіи, подмѣнить въ окончательной редакціи трактата рѣку Чорохъ рѣчкою Чолохъ, не включивъ такимъ образомъ Ватумъ въ наши владѣнія. Азія вообще была слабымъ мѣстомъ нашихъ дипломатовъ и самъ кн. Горчаковъ, человекъ несомнѣнно образованный, просилъ фонъ-Кауфмана, когда онъ шелъ на Хиву, не заходить въ Камгаръ! А графъ Шуваловъ, только пріѣхавъ на Берлинскій конгрессъ, узналъ отъ г. Борикова, на которой сторонѣ Балканъ находится Софія.

Въ запискахъ Бутенева (стр. 154), бывшаго долго нашимъ

посломъ въ Константинополь, сказано, что «Уральскіе или Яицкіе казаки, откуда вышелъ знаменитый Пугачевъ, были названы Черноморскимъ казацкимъ войскомъ». Между тѣмъ Пугачевъ былъ донскимъ казакомъ, а черноморскіе казаки происходятъ отъ запорожцевъ.

Иностранные дипломаты тоже на этотъ счетъ не безгрѣшны. Незнаніе дипломатами географіи проявилъ себя при первомъ раздѣлѣ Польши. Новою границею съ Австріею была назначена рѣка Подгорча, но таковой не оказалось; поэтому австрійцы захватили мѣстность до р. Збруча. Узнавъ объ этомъ, Фридрихъ II послѣдшилъ самовольно увеличить свою часть въ ущербъ Россіи.

Послѣднее крупное вліяніе невѣжества дипломатовъ мы видѣли очень недавно. Французскій посолъ въ Соединенныхъ Штатахъ Камбонъ, оказалось, не зналъ ни слова по-англійски, а секретарь его съ трудомъ понималъ этотъ языкъ. И этимъ господамъ Испанія довѣрила вести переговоры о мирѣ послѣ войны съ Америкою. Неудивительно, что въ результатѣ бѣдная Испанія потеряла Филиппины, которыми владѣла триста лѣтъ, и получила за нихъ 20 милл. долл., т.-е. на треть менѣе приданого, которое американецъ Гульдъ далъ своей дочери, вышедшей замужъ за разорившагося французскаго маркиза.

Наши командиры, военные и морскіе, всегда не ладили съ дипломатами, а особенно когда послѣдніе были изъ иностранцевъ. Герою Наварина прямодушному графу Гейдену нашъ посолъ въ Константинополь тосканецъ Рибопьеръ писалъ: «Мы служимъ тому же государю, намъ поручены тѣ же интересы; тѣ же чувства должны были бы воодушевлять насъ, а все-таки намъ сойтись невозможно». Рибопьеръ увѣрялъ даже, что графъ Гейденъ будто бы самъ возбуждалъ въ своихъ подчиненныхъ «чувство недовѣрія къ уполномоченному своего государя». Катакази, русскій дипломатъ изъ румынскихъ грековъ (такихъ было особенно много), съ своей стороны писалъ Гейдену: «Нетерпѣніе, часто даже гнѣвъ, съ какимъ ваше превосходительство постоянно отвергали малѣйшее изъ моихъ замѣчаній, побуждаютъ васъ считать меня чиновникомъ скорѣе докучливымъ, чѣмъ полезнымъ».

Кодрингтонъ, самъ человѣкъ изворотливый ¹⁾, былъ отъявленный врагъ дипломатіи. Это постоянно проглядываетъ въ его письмахъ. По поводу истолкованія Англійей Лондонскаго договора 1827 г. въ пользу Турціи адмиралъ писалъ: «Таково всегдашнее слѣдствіе уклоненія съ прямого пути въ грязные переулки! Въ политикѣ, какъ и на прогулкѣ, никто въ такомъ случаѣ не можетъ ожидать, что вернется домой съ незамаранными сапогами...» Правда,

¹⁾ Въ 1835 г. Кодрингтонъ заявилъ въ парламентѣ, что русскіе морскіе офицеры подъ Навариномъ дали несомнѣнныя доказательства своей неопытности и неспособности; между тѣмъ въ рапортѣ о сраженіи англійскій адмиралъ чрезвычайно хвалилъ нашихъ моряковъ.

что даже господа дипломаты утомлялись отъ своихъ пзворотовъ. Англійскій агентъ Бродвикъ писалъ Гейдену: «Подай то Господи, чтобы согласіе продолжало царствовать и между нашими дворами, но такъ какъ вещи этого рода завписятъ отъ зловреднаго вліянія Меттерниховъ и всего этого дипломатическаго порожденія, то утѣшаю себя по крайней мѣрѣ тѣмъ, что наша дружба не потерпитъ отъ политическихъ ссоръ дворовъ». Даже Катакази заявлялъ: «Быть можетъ скажете вы, графъ, что я говорю какъ мистикъ: но какъ не прибѣгнуть къ Творцу, когда Его творенія только и дѣлаютъ, что дурачать другъ друга?».

Въ «Nouvelle Revue» помѣщено было любопытное письмо г. Татищева къ г-жѣ Адавъ, вызванное замѣчаніями, сдѣланными въ «Nord» Жюмини по поводу статей г. Татищева въ журналѣ г-жи Адавъ, подъ названіемъ «Paul I et Bonaparte». Жюмини, швейцарецъ по происхожденію, въ своемъ возраженіи коснулся вопроса pro domo sua о дипломатахъ изъ иностранцевъ въ Россіи. Онъ упрекалъ г. Татищева въ «смѣлости и беззащитности» за униженіе цѣлаго поколѣнія «крупныхъ государственныхъ людей, украсившихъ нашу имперію», прибавляя, что такое порицаніе унижаетъ будто бы косвенно и государей, пользовавшихся услугами этихъ людей.

На это г. Татищевъ весьма резонно отвѣчалъ, что рѣчь шла вовсе не о томъ, что Россія могла пользоваться случайно услугами того или другого иностранца, а о систематическомъ отчужденіи въ руки чужеземныхъ наемщиковъ одной изъ важнѣйшихъ функций правительства, въ ущербъ и, даже болѣе, въ совершенное устраненіе русскихъ дипломатовъ. Это фактъ въ исторіи безпримѣрный. Нигдѣ не существовало подобной экстерриториальной дипломатіи, чуждой странѣ, которой она считалась представителемъ, не исповѣдующей ея вѣры, не понимающей ея языка и полной презрѣнія къ основнымъ принципамъ ея національнаго существованія. Касательно же неумѣстной ссылки Жюмини на государей, г. Татищевъ указывалъ на факты, несомнѣнно доказывающіе, что и Павелъ I, и Александръ I въ концѣ своего царствованія были рѣшительно недовольны своими дипломатами, а равно и на то, что есть нѣкоторыя указанія на подобное разочарованіе Николая I въ Крымскую войну и Александра II во время Берлинскаго конгресса. За фактическими доказательствами г. Татищевъ отсылалъ Жюмини къ своимъ статьямъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», весьма зло прибавляя, что «рекомендуетъ это чтеніе только въ такихъ случаяхъ, если означенный русскій дипломатъ понимаетъ русскій языкъ».

Надобно еще замѣтить, что въ прежнее время левантинцы, напримѣръ на Востокѣ, далѣе должностей драгомановъ не шли, въ послѣднее же время они занимали тамъ всѣ видные посты. Иностранческій составъ дипломатіи былъ причиною, что дипломаты относились презрительно ко всему русскому и больше всего боя-

лись сближенія съ русскими. Нашъ посоль въ Лондонѣ баронъ Брунновъ говорилъ издателю «Гражданина» кн. Мещерскому: «Я всегда говорю молвъ соотечественникамъ,—къ счастью, ихъ въ Лондонѣ немного: если вы имѣете наивность думать, что посольство служить для васъ, то жестоко ошибаетесь». И о такомъ-то русскомъ представителѣ г. Мартенсъ пишетъ, что «его имя навсегда останется однимъ изъ самыхъ блестящихъ въ русской дипломатіи». Каковы же были менѣе блестящіе?

Къ несчастью, эти примѣры были заразительны. Покойный секретарь Русскаго Техническаго Общества Львовъ рассказывалъ мнѣ, что когда онъ, во время всемірной выставки въ Лондонѣ пожелалъ видѣть нашего генеральнаго консула Берга (брата фельд-маршала), то Бергъ, узнавъ, что съ нимъ говоритъ русскій, опрелегью бросился за желѣзную рѣшетку, заперся тамъ и продолжалъ разговаривать съ нашимъ официальнымъ делегатомъ какъ тигръ изъ клѣтки.

Это система. Во время моихъ тридцатилѣтнихъ путешествій я перезнакомился съ десятками русскихъ дипломатовъ; за самыми рѣдкими исключеніями, все это были очень милые и образованные люди, но никогда, даже по отношенію къ официальнымъ моимъ порученіямъ, я не могъ получить отъ нихъ никакого содѣйствія или получалъ его тогда, когда уже давно возвратился домой.

Рядомъ съ нашей официальной дипломатіей, тѣми чиновниками иностранной коллегіи, красотѣ бакенбардъ которыхъ удивлялся Гоголь (это было, впрочемъ, въ эпоху преобладанія у насъ грековъ, расплодившихся съ легкой руки Каподистрія), наше правительство никогда не пренебрегало дипломатическими добровольцами. *Le secret du Roi* также имѣлъ мѣсто въ русской дипломатіи, какъ и во французской и въ дипломатіи другихъ государствъ. Это было даже необходимо, когда десятки лѣтъ сидѣли на своихъ мѣстахъ дипломаты въ родѣ князя Разумовскаго, который пламенѣлъ душою къ австрійскимъ интересамъ (вѣрнѣе, интересамъ своихъ безысленныхъ вѣнскихъ кредиторовъ) и оставался болѣе чѣмъ равнодушенъ къ русскимъ.

Однимъ изъ лучшихъ неофициальныхъ дипломатовъ была жена нашего посла въ Лондонѣ кн. Ливень, урожденная Бенкендорфъ, женщина замѣчательнаго ума, другъ Гизо и др. выдающихся европейскихъ дѣятелей. Она не только руководила во всемъ мужемъ, но даже во время его отсутствія требовала по два раза въ день отчета отъ его замѣстителя графа Матушевича и постоянно распекала его! А Матушевичъ былъ изъ лучшихъ нашихъ дипломатовъ. Онъ всегда хлопоталъ о франко-русскомъ союзѣ и доказывалъ, что «могущественная» Франція «естественная опора русской политики въ Европѣ» Матушевичъ за два мѣсяца предсказалъ также июльскую революцію.

И въ послѣднее время нѣсколько подобныхъ добровольцевъ

оказали значительныя услуги русскому дѣлу: инженеръ Лессаръ въ Туркменской степи, отставной гвардейскій офицеръ Леонтьевъ въ Абиссиніи, отставной дипломатъ г. Татищевъ въ Болгаріи.

Я говорилъ выше о недостаткахъ русской дипломатіи, но несправедливо было бы отрицать и ея услуги. Конечно, Россія махна великая и дѣйствуетъ главнымъ образомъ своею тяжестью и инерціею, но успія отдѣльныхъ личностей все-таки что нибудь да значать. А въ окончательномъ результатѣ, при всѣхъ сдѣланныхъ ошибкахъ, одинъ изъ самыхъ выдающихся фактовъ современнаго положенія вещей это—преобладаніе Россіи въ европейскомъ концертѣ въ восточномъ вопросѣ. По заявленію англійскихъ газетъ, любящихъ подымать шумъ для возбужденія вниманія своего правительства, гегемонія надъ Европою перешла даже отъ Берлина къ Петербургу. Такое успленіе русскаго вліянія признается впрочемъ миролюбивымъ факторомъ, дѣйствіе котораго будетъ преимущественно направлено къ сохраненію *status quo*, а это-де вполне гармонируетъ съ интересами Европы.

Такое блестящее положеніе обусловливается извѣстнымъ единствомъ направленія нашей политикѣ. По мнѣнію г. Мартенса, «для западнаго европейца въ политикѣ государства должны исключительно дѣйствовать какъ движущія причины: холодный расчетъ и собственный интересъ. Между тѣмъ какъ политика Россіи бываетъ полна увлеченій и она неоднократно двигалась стихійными силами и случайностями», но,—прибавляетъ онъ,—«искусство воспользоваться стихійною силою и случайностью не всѣмъ дано и весьма рѣдко случается». Не совѣмъ понятно, на чемъ основано такое строгое различіе. Я думаю, что политика Франціи еще чаще нашей была руководима увлеченіями и не менѣе нашей создавала постоянныя интересы противъ самихъ себя, а если гдѣ стихійныя силы, напр. море и избытокъ рожденій, играютъ выдающуюся роль, то, конечно, въ политикѣ Англіи. Я думаю, что борьбу двухъ началъ можно болѣе или менѣе прослѣдить въ политикѣ каждаго государства, да иначе и быть не можетъ, ибо политика исключительно великодушная въ результатѣ непременно оказалась бы глупою, а исключительно эгоистическая, возбудивъ общее негодованіе, причинила бы въ концѣ концовъ себѣ смертельный ударъ, чему мы видимъ примѣръ на Наполеонѣ I, хотя онъ былъ не только гениальнымъ итальянскимъ кондотьеромъ, но въ извѣстной мѣрѣ носителемъ французскихъ революціонныхъ идей. Да и вся исторія цивилизаціи не представляетъ ли борьбу между національнымъ эгоизмомъ и между-народнымъ сближеніемъ идей и интересовъ.

Справедливо, что политика Россіи по преимуществу стихійна, хотя уклоненія отъ естественныхъ интересовъ этой обширной страны, почти части свѣта, всрѣчались неоднократно, что я отмѣчаю далѣе въ своей книгѣ.

Очень благоприятное вліяніе на успѣхъ Россіи на дипломати-

ческомъ поприщѣ имѣло то, что всѣ государя ея лично чрезвычайно внимательно относились къ вопросамъ иностранной политики и что общее число руководителей этой политики было невелико, почему каждый изъ нихъ обладалъ значительнымъ опытомъ.

Всѣ русскіе государя, даже Павелъ I, принимали близкое участіе въ дипломатическихъ сношеніяхъ. Петръ Великій и Екатерина II были даже, можно сказать, своими собственными министрами иностранныхъ дѣлъ, хотя послѣдняя кромѣ Панина имѣла совѣтниками Безбородко, Моркова, Сперса. При Александрѣ I гр. Румянцевъ нѣсколько лѣтъ носилъ титулъ министра совершенно номинально. Николай I, какъ видно изъ записокъ гр. Муравьева-Карскаго, писалъ къ кн. Паскевичу и др. документовъ, также былъ въ соизнаніи малѣйшихъ подробностей въ европейской и азіатской политикѣ; Александръ II и Александръ III слѣдовали такой же системѣ. Александръ III своимъ спокойнымъ и твердымъ характеромъ и національными тенденціями имѣлъ огромное вліяніе на ходъ европейской дипломатіи 80-хъ годовъ и очень поднялъ авторитетъ Россіи, подорванный исходомъ Восточной войны.

Изъ ближайшихъ руководителей нашихъ дипломатическихъ сношеній гр. Ростопчинъ, Воронцовъ и Румянцевъ вели ее въ русскомъ духѣ. Ал. Воронцовъ былъ человѣкъ умный и просвѣщенный; нѣкоторые считаютъ Ростопчина замѣчательнѣйшимъ изъ нашихъ руководителей внѣшней политики. Онъ и Румянцевъ были, какъ извѣстно, горячими сторонниками французскаго союза. Совершенно противоположною были баронъ Будбергъ и князь Чарторижскій. О первомъ можно только повторить слова графа Ростопчина, сказанные объ одномъ дипломатѣ, что ему мѣсто быть не русскимъ министромъ, а идоломъ у дикихъ народовъ или шведскимъ прицѣмъ. Вся дѣятельность второго, несомнѣнно умнаго человѣка, была сплошнымъ предательствомъ по отношенію къ Россіи и направлена, при содѣйствіи Нарышкиной и другихъ красавицъ, къ возстановленію Польши. Это со времени князя Чарторижскаго, мало понимавшаго по-русски, вошло въ обычай всю нашу дипломатическую переписку производить по-французски. А до того и депеши нашихъ мясѣй, и министерскія инструкціи писались по-русски.

Съ Вѣнскаго конгресса по 1896 годъ Россія имѣла всего четырехъ главныхъ руководителей своей внѣшней политики, пожалуй даже трехъ, такъ какъ Гирсъ, человѣкъ впрочемъ чрезвычайно почтенный, честный и добрый, былъ лишь слабою копіею кн. Горчакова. а также если не считать гр. Каподистрия, званія министра не носившаго и имѣвшаго голосъ преимущественно въ вопросахъ восточной политики.

Долге всѣхъ руководилъ нашими иностранными дѣлами графъ К. В. Нессельроде, другъ Меттерниха и Австрія. По матеріи еврей, онъ, прежде чѣмъ вступить въ русскую службу, съ одинаковымъ

успѣхомъ служилъ уже въ Австріи, Пфальцѣ, Голландской республикѣ, Франціи и Пруссіи. Замѣчательно, что, когда Александръ I убѣдился на Вѣнскомъ конгрессѣ, что Меттернихъ дѣйствуетъ не въ интересахъ Россіи и что Нессельроде его орудіе, то потерялъ всякое довѣріе къ австрійскому канцлеру и, наоборотъ, приблизилъ къ себѣ Нессельроде—одно изъ необъяснимыхъ для историковъ противорѣчій этого сложнаго характера. Государь взялъ тогда, впрочемъ, въ статсъ-секретари гр. Каподистрія, отпчавшагося благородствомъ своего характера. Нессельроде защищали повсюду легитимный принципъ и союзы со всѣми реакціонными началами, даже въ королевствѣ обѣихъ Сицилій. «Разница между лакеемъ и министромъ состоитъ въ томъ, что лакей исполняетъ приказанія, которыя ему даютъ, не заботясь о томъ, правъ или нѣтъ его хозяинъ, тогда какъ министръ отказывается быть исполнителемъ мѣръ, вредныхъ для его страны». Такъ характеризовалъ одного англійскій историкъ Нессельрода. Последнему принадлежала несчастная мысль, въ которой онъ убѣдилъ и императора Александра I, о необходимости продолжать войну противъ Наполеона съ цѣлью возвратитъ Францію въ ея историческія границы, что привело къ кампаніямъ 1813—15 годовъ, гдѣ мы сдѣлали *le marché des dupes*. Это былъ послушный чиновникъ, не умѣвшій говорить по-русски. Мухановъ, братъ котораго былъ товарищемъ министра у Нессельроде, говоритъ въ своихъ запискахъ, что Нессельроде «нельзя отказать въ умѣ, нѣкоторой смѣтливости, плавной редакціи и навыкѣ къ дипломатическимъ совѣщаніямъ», но въ немъ замѣчалось «излишняя уклончивость и робость, не совсѣмъ умѣстная въ главѣ представителей интересовъ Россіи въ Европѣ». Нѣкоторыя депеши, казалось, написаны представителемъ третьестепенной державы. Нессельроде не зналъ также Востока и «вовсе пренебрегалъ нашею политикою на Востокѣ, не имѣя вовсе русскаго чувства». Зато Нессельроде былъ отличнымъ гастрономомъ и очень заботился о своихъ родственникахъ, которымъ оставилъ большое состояніе.

Преемникъ его князь Горчаковъ, характеристика котораго какъ дипломата я дѣлаю ниже, въ XIV главѣ, также очень заботился о своихъ родственникахъ и оставилъ еще большее состояніе, отличаясь чрезвычайной скупостью. По убѣжденіямъ онъ былъ скорѣе либералъ, смотрѣлъ на вещи шире Нессельроде и хотя лично Азію не зналъ (азиатскими дѣлами руководилъ Стремоуховъ), но Россія бросила при немъ не въ мѣру осторожную политику на азиатскомъ континентѣ, что чрезвычайно помогло ей въ Европѣ. Мухановъ, сравнивая дѣятельность кн. Горчакова съ политикою въ концѣ царствованія Александра I, говоритъ, что тогда была «слабая редакция, но твердая политика», при Горчаковѣ же «прекрасная редакция, но политическое безсиліе», что однако едва ли справедливо, конечно, не въ отношеніи редакціи. По крайней мѣрѣ живой свидѣтель этой эпохи, Карамзинъ, писалъ: «Вижу въ

немъ (въ канцлерѣ графѣ А. Р. Воронцовѣ) умъ государственный, ревность, знаніе Россіи—то, чего теперь (въ 1825 г.) не вижу». Мухановъ оправдываетъ, впрочемъ, Горчакова: «не виноваты наши дѣятели; имъ завѣщали эту политику ихъ предшественники, а сила обстоятельствъ не позволила измѣнить ее».

Наилучшую характеристику Горчакова можно найти въ запискахъ Бисмарка, который отлично зналъ нашего канцлера, и въ воспоминаніяхъ Буша, записанныхъ со словъ желѣзнаго канцлера. Не отрицая извѣстныхъ достоинствъ у Горчакова, основаніемъ всей его политики Бисмаркъ считаетъ наивное тщеславіе; Горчаковъ, по ѣдкому выраженію Бисмарка, не могъ пройти мимо зеркала, чтобы не полюбоваться собою, а если диктовалъ депешу, то смысленный чиновникъ, писавшій подъ его диктовку, долженъ былъ отъ поры до времени поднимать глаза къ небу, восторгаясь мѣткостью княжескаго стила.

Гирса короче и лучше всѣхъ опредѣляетъ его преемникъ кн. Лобановъ-Ростовскій словами: «Que voulez-vous. Il n'a été que consul général toute sa vie». Гирсъ былъ убѣжденный сторонникъ Германіи, насколько онъ могъ имѣть убѣжденія.

Князь Лобановъ-Ростовскій, къ сожалѣнію, былъ недолго министромъ и слишкомъ недавно, чтобы тайна, скрывающая дипломатическіе переговоры (о нихъ мы можемъ судить только изъ ежегодно представляемыхъ парламентамъ донесеній иностранныхъ представителей), не препятствовала безпристрастной оцѣнкѣ покойнаго. Защитники его говорятъ, что онъ велъ политику въ національномъ духѣ, при немъ произошло укрѣпленіе франко-русскаго соглашенія, примиреніе съ Болгаріей и достигнуты блестящіе успѣхи въ Китаѣ. Главною цѣлью его было огражденіе султана отъ враждебныхъ посягательствъ тѣхъ западныхъ-державъ, которыя помышляютъ объ его наслѣдствѣ. Лучше для Россіи, разсуждалъ онъ,—отказаться на время отъ права свободнаго выхода изъ Чернаго въ Средиземное море, чѣмъ самой же настѣжъ отпереть для враждебныхъ ей силъ ворота собственного дома. Противники покойнаго увѣряютъ, что онъ принадлежалъ къ той же школѣ, что и кн. Горчаковъ, но имѣлъ менѣе его качествъ, недостатки же усугублялъ лѣнностью и отвращеніемъ къ инициативѣ. Surtout pas d'affaires было его девизомъ. Избѣгать вмѣшиваться въ событія, оставлять ихъ разрѣшаться самимъ собою и избѣгать ответственности были его главнѣйшія заботы. «Онъ былъ такимъ же политикомъ, какъ и историкомъ. Писавъ всю жизнь исторію Павла I, онъ не написалъ ея ни одной страницы!»

ВЕЛИКІЯ ДЕРЖАВЫ.

I. ФРАНЦІЯ.

На первомъ планѣ европейской политикѣ фигурируетъ, по обыкновенію, Франція, но не по дѣйствительно преобладающему значенію, утраченному ею еще въ 1866 году, а по установившемуся рутинному взгляду только изъ Парижа чаять чего-либо добраго («Sans Paris l'avenir naitra reptile et nu» — говоритъ Гюго), и по тому водевильному отбѣску, дорогому для читателей газетъ, который всегда умѣла придавать Франція своей шумливой политикѣ. Современная Франція *c'est une Pologne espagnole*, — сказали какой-то острякъ. Слова эти, при всемъ ихъ преувеличеніи, не лишены извѣстной доли справедливости; рознь и нетерпимость партій, предводители которыхъ изолгались до-нельзя, узкое пониманіе цѣлей свободнаго государства и исключительное уваженіе къ революціоннымъ средствамъ дѣйствій — все это, приправленное буржуазнымъ самодовольствомъ и скрѣпленное чиновничьей рутинной, уживающейсѣя при всѣхъ режимахъ, — такова картинна современнаго французскаго общества, поражающаго своимъ безсиліемъ.

«Неуваженіе къ власти, отсутствіе религій, господство газетъ, бунты и ежегодныя перемѣны министертвъ — вотъ внутреннее положеніе Франціи», говорилъ одинъ дипломатъ въ 1841 г. Когда Дюма-отца спросили въ 1848 г., явится ли холера въ Парижъ, онъ отвѣчалъ: «Холера никогда не придетъ въ Парижъ, она будетъ бо-аться получить республику».

Монархисты наполняли Національное Собраніе, администрацію, армію и магистратуру. Они все могли сдѣлать и создали изъ трусости ненавистную имъ республику! Позже генераль Буланже былъ необыкновенно популяренъ, всюду его избирали безпрекословно и всѣ привѣтствовали его, и консерваторы, и революціонеры, всѣ, кому надоѣла республика болтуновъ и *politiciens*. Чѣмъ же кон-

чпль этотъ человекъ, располагавшій, какъ военный министръ, арміей? Бѣгствомъ съ любовницею за границу и самоубійствомъ изъ-за любви! И въ настоящее время, пользуясь всеобщей подачею голосовъ, масса рабочихъ можетъ, проведя большинство представителей въ палату, раздавить и капиталистовъ, и буржуа; она организована въ синдикаты, клубы и комитеты. Но не дѣлаетъ ничего и никогда капиталисты и жиды такъ не торжествовали во Франціи, какъ въ настоящую минуту.

Національное Собраніе, гдѣ послѣ неслыханнаго разгрома собранія была élite французскаго народа для составленія конституціи, лучше всего подтверждаетъ строгое сужденіе о безсиліи французскаго общества. Собраніе прошло въ самыхъ пустыхъ византийскихъ препрательствахъ партій, безсильныхъ создать что-либо, но боявшихся и разойтись, чтобъ какой-нибудь авантюристъ не эскамотировалъ власти. Глубокой расколъ въ консервативной партіи, обладавшей, однако, большинствомъ въ Собраніи, привелъ къ тому, что всѣ попытки организовать сколько нибудь прочно властоказались тщетными и въ выигрышъ осталась одна опортунистская партія, т. е. та обширная группа людей, которая охотно готова признать нѣсколько отвлеченныхъ принциповъ, съ тѣмъ, чтобъ затѣмъ уже эти принципы, оставаясь мертвою буквою, не мѣшали ей обрабатывать свои грязныя дѣлишки.

Я неоднократно посѣщалъ версальское Національное Собраніе и оно производило на меня впечатлѣніе, точно я попадалъ въ дом сумасшедшихъ. Но, строго говоря, можно ли было и требовать большаго спокойствія отъ собранія слишкомъ въ семьсотъ человекъ, да еще съ такимъ горячимъ темпераментомъ, какъ французы. Многочисленность эта имѣла и другой недостатокъ: ужасно много времени терялось въ словопреніяхъ и личныхъ пререканіяхъ. Впрочемъ, упреки собственно въ безсиліи составить хорошую конституцію едва ли вполне справедливы версальскому Собранію. Чѣмъ виноватъ барометръ, если дурна погода; такъ и Собраніе. Конечно, оно раздробилось на партіи, которыя настолько враждовали другъ съ другомъ и противоположны были въ своихъ интересахъ, что не въ состояніи были долго ничего создать; но партіи эти находились не въ Собраніи, а въ самой Франціи, и Собраніе служило только ихъ вѣрнымъ отголоскомъ. Огромное же большинство правой стороны ничего не значило: въ Испаніи не было ни одной палаты, гдѣ бы правительство не располагало подавляющимъ большинствомъ голосовъ; а гдѣ эти правительства и гдѣ эти палаты?

Безъ пзлюбленныхъ Франціей революціонныхъ пріемовъ, казалось, невозможно было и прійти къ какому либо результату. На этотъ счетъ очень характеренъ напечатанный въ «*Pigaro*» въ 1872 году родъ манифеста, подписаннаго главнымъ редакторомъ Анри Вильмессаномъ, подъ громкимъ заглавіемъ: «*Mandataires du pays, délégués en paix!*»

Для того чтобы голосование Национального Собрания, говорилъ «Figaro», пшло цѣну, ему необходимо состояться при спокойныхъ условіяхъ; для установленія же этого спокойствія полезно принять нѣкоторыя «предохранительныя мѣры». По словамъ газеты, которая не изобрѣтала въ сущности ничего новаго, а повторяла буквально то, что было сдѣлано Наполеономъ III въ 1851 году, нужно было запретить всѣ журналы, которые будутъ «кричать» противъ рѣшенія Собранія, т. е. всѣ республиканскіе органы; строго наблюдать за полюдшною «политическихъ художниковъ» готовыхъ войти въ составъ каждаго правительства, провозглашаемаго въ Hotel de Ville. Далѣе, необходимо было строго охранять безопасность зданія, гдѣ засѣдаетъ палата; для этого слѣдовало собрать достаточное количество штыковъ; только видя грозныя силы, толпа остается равнодушною къ политикѣ. «Быстрое и строгое наказаніе», говорилъ «Figaro» — «требуется простою гуманностью». «Лучшій и кратчайшій способъ обезпечить свободу (!) и независимость (!?) голосованія въ Собраніи о предстоящемъ его рѣшеніи вопросъ — объявить всю Францію въ осадномъ положеніи... Мѣра эта ни въ чемъ не стѣсняетъ людей честныхъ; между тѣмъ при ней можно быстро судить и немедленно разстрѣливать, а это заставитъ многихъ призадуматься»... «Однимъ словомъ», заключалъ «Figaro», «въ виду важности дѣла, нужно наложить на Францію «железную руку». Когда такимъ образомъ правительство «очиститъ поле дѣйствій» и «облегчитъ общественную совѣсть», свобода сужденій въ Собраніи будетъ обезпечена.

Лишеніе политическихъ правъ и казни безъ суда проповѣдывалось такимъ образомъ при совершенно спокойномъ состояніи народа, уплатившаго 5 миллиардовъ и другіе убытки войны, и представлялось единственнымъ средствомъ узнать, наконецъ, чего желаетъ страна. И это вовсе не единичный взглядъ завравшагося журналиста. Таково въ душѣ міросозерцаніе огромнаго большинства французскихъ политическихъ дѣятелей, особенно радикальнаго оттѣнка.

Посильно составленная, наконецъ, при ожесточенной борьбѣ партій конституція и составленная въ угоду крайней лѣвой, болѣе всего поглощенной мыслью о формѣ правительства и руководимой оригинальной формулой Луи-Блана, что «республика выше Франціи, потому что республика есть истина» — лицомъ, въ душѣ желавшими ей подлаго неуспѣха на практикѣ, представляла весьма мало гарантій прочности. Въ особенности ея неустойчивость должна была проявиться при рѣшительномъ численномъ преобладаніи въ нижней палатѣ какой либо одной многочисленной партіи. Такъ какъ конституціонные вопросы возникаютъ резолюціей простого большинства въ палатѣ, а въ конгрессѣ вопросы онять рѣшаются простымъ большинствомъ, то понятно, что въ конгрессѣ многочисленныя представители нижней палаты могутъ легко получить

перевѣсъ. Но такая легкость переделки конституціи, очевидно, граничитъ съ легкомысліемъ, да и опасна во многихъ отношеніяхъ для самой республики, ибо если сегодня большинство видимо тянетъ въ радикальную сторону, то никто не гарантируетъ, какъ уже показалъ опытъ 1848 и 1871 годовъ, что по естественной реакціи выборы, противъ ожиданія, могутъ дать перевѣсъ и консервативно-клерикальной партіи, а тогда—прощай республика.

Конечно, эти предположенія гадательны, но недавній примѣръ успѣха «буланжизма» даетъ прочную подкладку всякимъ сомнѣніямъ. Въ мартѣ 1888 г. французы рѣшительно сошли съ ума по Буланже. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы онъ захотѣлъ сдѣлать попытку переворота, то она имѣла бы очень много шансовъ на успѣхъ. Во всѣхъ газетахъ былъ заведенъ особый отдѣлъ: *Le Boulangisme* и каждый шагъ генерала внимательно комментировался печатью.

Правда, популярность Буланже была вздута, какъ пузырь, случайными обстоятельствами: красивою вороною лошадейо изъ цирка Франкони, взятою для фигурированія на парадѣ 14-го іюля 1886 г., и пѣсенкою Паулюса, и, какъ пузырь, должна была разлетѣться отъ укола булавкою. Но, кто знаетъ, пузырь можетъ еще вновь наполниться газомъ и взлетѣть очень высоко. Французы не могутъ обойтись безъ кумпра и безъ перемѣнъ.

Таковъ французскій характеръ, таковы отношенія французовъ къ политикѣ. Недаромъ съ 1790 года Франція сдѣлала четырнадцать коренныхъ измѣненій конституціи, т. е. каждая изъ нихъ просуществовала въ среднемъ семь лѣтъ; за тотъ же періодъ шестнадцать лѣтъ стояло во главѣ французскаго правительства, одно изъ нихъ—Наполеонъ I—два раза, и изъ шестнадцати только двое, Людовикъ XVIII и Феликсъ Форъ умерли спокойно у власти, хотя первый и прогулялся дважды въ изгнаніе; изъ остальныхъ трое (Людовикъ XVI, Робеспьеръ и Карно) погибли насильственной смертью, прочіе были изгнаны или принуждены уйти до истеченія срока своихъ полномочій. Съ такою же быстротою мѣнялись и министры, и эта быстрота постоянно и прогрессивно возрастаетъ. Министръ финансовъ сдѣлалъ во Франціи среднимъ числомъ на своемъ мѣстѣ при первой имперіи 18 лѣтъ, при реставраціи—9 лѣтъ, при Луи-Филиппѣ—7 лѣтъ, при второй имперіи—8½ лѣтъ, при третьей республикѣ до 1877 г.—2½ г., съ 1877 года только 1¼ годъ! Всего при послѣдней республикѣ было 43 министерства. «Что сказали бы о хозяинѣ, который два раза въ годъ мѣнялъ бы своего швейцара», замѣтилъ по этому поводу бывшій министръ Жюль Ронъ.

Быстрота перемѣнъ не гарантируетъ нисколько качествъ министровъ; напротивъ, необходимость, особенно при «концентраціи» республиканскаго большинства, предоставлять нѣсколько портфелей крайнимъ партіямъ и послужила причиною назначенія апте-

каря Шотана министромъ колоній, воеводилета Локруа и доктора Ланессана морскимъ министрами, химика Бергю министромъ иностранныхъ дѣлъ, агента по продажѣ коньяка Мониса министромъ юстиціи; неспособнымъ же вообще министрами чела вѣтъ. Правда, ихъ выбрають палаты, гдѣ въ сенатѣ сидятъ человѣкъ-пушка изъ цирка—Вио, въ палатѣ фальшивый мусульманинъ Гренъе, биржевой маклеръ-соціалистъ Дельво; палаты, гдѣ есть депутаты, которыхъ, какъ показали панамскія дѣла, можно купить за 500 франковъ.

Та же быстрота и въ переменахъ чиновниковъ, число которыхъ во Франціи превзошло 405 тысячъ и все увеличивается. За 26 лѣтъ было назначено 976 новыхъ префектовъ, а 1230 перемѣнено. Есть департаментъ, гдѣ за этотъ срокъ перемѣнилось 27 префектовъ.

Два послѣдніе года общественное мнѣніе Франціи было поглащено такъ называемымъ дѣломъ Дрейфуса. Дѣло это, ничтожное по существу, такъ какъ въ виновности еврейскаго капитана никто серьезно не сомнѣвался, особенно въ кругу компетентныхъ лицъ, приобрѣло чрезвычайное значеніе по двумъ причинамъ. Возбужденное евреями, имѣвшими интересъ снять подозрѣніе въ шпионствѣ съ одного изъ своихъ многочисленныхъ единовѣрцевъ, наполнившихъ главный штабъ, оно, вопреки предположеніямъ агитаторовъ, собравшихъ со всего еврейскаго міра огромные капиталы, ушедшіе преимущественно на подкупъ журналовъ и на изданіе новыхъ специально дрейфусаровскихъ органовъ: «Aurore», «Droits de l'Homme» и др., вызвало во Франціи сильное антисемитское движеніе. Евреи не существовали, можно сказать, до революціи ни политически, ни экономически. Если бы Франція потеряла Эльзасъ сто лѣтъ назадъ, то теперь семитскаго вопроса и не возбудилось бы; но изъ этой провинціи семиты быстро со временъ Наполеона I распространились по Франціи и теперь говорятъ, что имъ принадлежатъ треть движимаго и недвижимаго имущества страны. На опасность такого захвата указывали еще въ 40-хъ годахъ, но настоящее антисемитское движеніе началось только десять лѣтъ назадъ, когда евреи захватили уже въ свои цѣпки руки не только биржу и финансы, но значительную часть парламента, печати, администраціи, арміи, науки, социалистовъ, театръ, высшую прокуратуру и т. д.

Въ настоящее время антисемитское движеніе ясно обрисовалось и антисемитская партія располагаетъ уже нѣсколькими влиятельными органами печати: «Petit Journal», «Intransigeant», «Libre Parole», «Eclair», «Soir» и болѣе семидесятью мѣстами въ палатѣ депутатовъ. Она захватила также въ свои руки муниципальныя учрежденія въ Алжирѣ, наиболѣе пострадавшей отъ евреевъ. Пропаганда идетъ дѣятельно, смѣло и не безъ искусства.

Дѣломъ Дрейфуса въ дѣйствительности близко интересовались немногіе, кромѣ, конечно, лицъ денежно заинтересованныхъ, какъ

журналисты, адвокаты, Зола и т. п., но пмя Дрейфуса, какъ пмя Буланже, стало знаменемъ, за и противъ котораго раздѣлилась вся страна на два рѣзко разграниченныхъ лагеря. Все, что было заинтересованнаго въ существованіи парламентарной республики, приняло, конечно, сторону Дрейфуса; наоборотъ, консервативные и здоровые элементы націи, а также армія и духовенство перешли въ лагерь антидрейфусаровъ.

Поставленное между молотомъ и наковальней, правительство играло жалкую роль, почему, если судить по газетамъ и по отдѣльнымъ скандаламъ на скачкахъ, въ палатахъ, судахъ, то, пожалуй, можно было подумать, что во Франціи, какъ во времена религиозныхъ войнъ или революцій, партіи готовы рѣзаться другъ съ другомъ, но вблизи замѣчалось совершенно противоположное. Если французы обѣспились, то можно сказать по-русски—«съ жиру обѣспились». Нигдѣ не было признаковъ того угнетеннаго состоянія, которое обыкновенно предшествуетъ революціямъ и даже возмущеніямъ.

Тѣмъ не менѣе есть что-то ненормальное и каждый французъ въ отдѣльности чѣмъ-то недоволенъ, и все сводится къ недовольству правительствомъ. Такъ какъ настоящее французское правительство есть результатъ парламентарной формы республики, то въ ненависти къ послѣдней сливаются теперь почти всѣ партіи и всѣ отѣнки политическихъ мнѣній.

Нельзя думать, что это отвращеніе къ существующимъ формамъ правленія даетъ какіе-либо шансы монархіи во Франціи. Въ этомъ отношеніи едва ли можно задаваться иллюзіями; полвѣка всеобщей подачи голосовъ сдѣлала свое дѣло, народная масса сознаетъ отлично свои права и не пожелаетъ легко уступить ихъ какимъ-либо опредѣленнымъ классамъ общества; она знаетъ также, что республика при всѣхъ своихъ недостаткахъ сдѣлала очень много для массы; достаточно видѣть превосходныя дороги во всѣхъ закоулкахъ Франціи и такія же превосходныя школьныя зданія. Рабочіе получили большую силу и дѣйствительную защиту своихъ интересовъ въ рабочихъ синдикатахъ.

Безпрерывная и совершенно безплодная смѣна министровъ и чиновниковъ показываетъ однако, что государственный механизмъ работаетъ плохо. Эта работа напоминаетъ работу пустой мельницы, и истинная жизнь народа остается внѣ этого механизма. Понятно, доктринеры принялись за свою работу и не мало уже имѣется проектовъ измѣненія конституціи, должностующихъ оживить обветшавшія въ двадцать пять лѣтъ французскія учрежденія. Наилучшимъ выходомъ было бы ограниченіе права всеобщей подачи голосовъ, т. е. преобладанія невѣжественной и глупой толпы надъ разумнымъ и образованнымъ меньшинствомъ. Но надежды на подобное измѣненіе въ легальномъ порядкѣ нѣтъ никакой. Волѣ шансовъ имѣетъ противуположный проектъ радикально-соціалисти-

ческой партіи — уничтоженіе сената и обращеніе палаты въ конвентъ, т. е. уничтоженіе послѣдняго тормазы, ограничивающаго безтолковыя колебанія толпы избирателей. Наболѣе умѣренные проектеры и Деруледъ предлагаютъ взять за образецъ Соединенные Штаты и замѣнить отвѣтственность министровъ отвѣтственностью президента республики. Такимъ образомъ прекратятся будто бы безконечныя министерскіе кризисы и государственный механизмъ получитъ надлежащую устойчивость.

Въ дѣйствительности эти предложенія не представляютъ ничего новаго, даже на французской почвѣ. Въ прошломъ столѣтіи, когда и Англія представляла далеко не законченный типъ парламентскаго управленія, теорія равновѣсія трехъ государственныхъ властей: исполнительной, законодательной и судебной, играла весьма важную роль въ глазахъ авторовъ бумажныхъ конституцій. Тогда еще никто не отдавалъ себѣ отчета въ томъ значеніи, которое въ конституціонномъ механизмѣ играетъ отвѣтственный кабинетъ. Между тѣмъ «эта четвертая государственная власть, по словамъ Гладстона, въ его «Gleanings of past years», есть связующее звено всѣхъ частей конституціи и въ немъ сконцентрирована сила правительства. Здѣсь находится истинный центръ тяжести государственнаго механизма, хотя могущество въ концѣ концовъ и принадлежитъ палатѣ представителей».

Не отдавая себѣ надлежащаго отчета въ значеніи отвѣтственнаго министерства, законодатели французскаго Конституціоннаго Собранія 1789 года, въ погонѣ за прозрачнымъ равновѣсіемъ трехъ властей, воспретили депутатамъ принимать званіе министровъ. Еще ранѣе американскій конвентъ 1787 года выразилъ тѣ же опасенія, какъ бы власть исполнительная не подчинилась власти законодательной. Гампльтонъ доказывалъ въ конгрессѣ, что палата представителей, отождествляя себя съ народомъ, неизбежно стремится къ подчиненію и поглощенію прочихъ государственныхъ властей. Еще въ болѣе рѣзкой формѣ высказалъ это Мадисонъ, замѣтивъ, что «именно противъ честолюбія и замысловъ законодательныхъ собраній народъ долженъ быть всегда на-сторожѣ и принимать величайшія мѣры предосторожности».

Событія французской революціи отчасти подтвердили эти страхи, и одинъ изъ столповъ либеральнаго доктринерства, Бенжаменъ Констанъ не могъ не сознаться, что «народъ тогда только свободенъ, когда есть тормазъ для его депутатовъ». Тѣмъ не менѣе разрѣшеніе конституціоннаго вопроса, въ смыслѣ отсутствія отвѣтственнаго кабинета и полнаго равновѣсія трехъ властей, помощью различныхъ предосторожностей и уловокъ въ конституціи, какъ доказываетъ примѣры тѣхъ же Соединенныхъ Штатовъ, далеко не осуществилось. Американскій конституціонный механизмъ работаетъ хуже англійскаго. Подтасовка выборовъ, продажность администраціи доказываютъ, что исполнительная власть не дѣйствуетъ

въ Америкѣ нормально. Кромѣ того, американскіе порядки систематически отталкиваютъ отъ правительства людей независимаго характера и даровитыхъ, замѣняя ихъ «политиканами».

Такой примѣръ для Франціи поучителенъ. Онъ показываетъ, что торопиться съ конституціонными измѣненіями нечего. Они одни несколько не справляютъ дѣла. Вопросъ не въ томъ, на равновѣсіи трехъ или четырехъ властей основана конституція. Какъ бы французы ни повторяли часто, что республика упрочилась у нихъ окончательно, но необходимость этого повторенія показываетъ, что республика не вошла еще въ нравы, и большинство французовъ попрежнему обрѣтается въ блаженномъ состояніи, когда народъ думаетъ, что правительство виновато даже въ дурной погодѣ. Разъ же уровень массы, въ смыслѣ умѣнія управиться самой съ собственными дѣлами, остается прежнимъ, никакія поправки конституціонной хартии не помогутъ. Французамъ нужна конституція не американская, вмѣсто английской, а французская. Какаѣ это будетъ французская конституція — покажетъ время. Несомнѣнно однако, что федеральныя формы, въ которыя облеклись республики сѣвероамериканская и швейцарская, совсѣмъ для Франціи не пригодны; южноамериканскія республики только каррикатуры республики; республики буровъ ничтожны по объему, а устройство республикъ венеціанской, генуэзской, флорентинской или древнихъ греческихъ можетъ имѣть теперь только научный интересъ.

Ясно только одно, что парламентарная форма правительства, несмотря на столѣтнюю почти практику, утвердилась во Франціи очень мало и французы легкомысленно относятся къ выбору своихъ законодателей, руководствуясь не желаніемъ имѣть въ палатѣ людей дѣльныхъ и благонамѣренныхъ, а единственно мпцутнымъ удовольствіемъ пошкандровать существующее правительство; на выборы они смотрятъ какъ на манифестаціи и рады сыграть ни mauvais tour каждому министерству, не заботясь о дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ фара.

Французы, какъ извѣстно, имѣютъ также пристрастіе къ отвлеченныимъ формуламъ. Если эта формула, блестящая снаружи и безсодержательная внутри, можетъ быть осуществлена въ жпвомъ человѣкѣ, французы въ восторгѣ. Вотъ почему съ особымъ удовольствіемъ избираютъ они каждаго, кто представляетъ для нихъ олицетвореніе систематической и безпринципной оппозиціи всякому правительству, которая такъ ихъ тѣшитъ. Конечно, прибавленіе одного чудака къ палатѣ депутатовъ не имѣетъ само по себѣ практическаго значенія. Крайнія мнѣнія остаются пока гласомъ, воиющимъ въ пустынь; но кто поручится, что въ концѣ концовъ эта забава не приведетъ къ реакціи, отъ которой пострадаетъ Франція, а за нею и вся Европа.

Все искусство парламентскаго управленія состоитъ въ компромиссахъ и дѣлать, какъ французы, почти изъ каждаго серьезнаго

случая или закона не только министерский вопрос, но даже вопрос о низвержении правительства, значить не понимать самых элементарных оснований конституционной тактики.

При таких условиях необходимо быть во главе правительства человеку не только деятельному, но и импонирующему своим влиянием. Тьерь, побуждаемый исключительно своею страстью къ словопрению и замѣчательною легкостью говорить по три часа о какихъ угодно вопросахъ, — финансовыхъ, военныхъ и дипломатическихъ, — вмѣшивался во всѣ важнѣйшія пренія, говорилъ по три раза въ одно засѣданіе, но все-таки удержаться не могъ. Бравировать большинство могли — Бисмаркъ, опиравшійся на традиціонную и уважаемую монархію, императоръ Наполеонъ III, опираясь на армию и генераловъ, готовыхъ всегда «спасти цивилизацію»; но дѣйствовать такъ настойчиво въ Национальномъ Собраніи послѣ двухъ революцій, послѣ позорнаго мира, Коммуны и въ виду партій, готовыхъ ради своихъ интересовъ погубить Францію, ея честь и богатство, нужна была большая смѣлость и крупная доля самообольщенія.

Конечно, въ каждой французской палатѣ есть многочисленная партія тѣхъ благоразумныхъ, по расчету или по слабости характера, депутатовъ, которые всегда будутъ поддерживать правительство, выбранное даже не изъ ихъ партій; но и эти люди не всегда любятъ выказывать свое ничтожество и зависимость. Парламентская система тѣмъ и удобна, что она, оставляя въ случаѣ неудачи отвѣтствовать министерствъ, прикрываетъ во всякомъ случаѣ главу государства и основныя начала конституціи.

Въ республиканскомъ правительствѣ, устроенномъ на подобіе французскаго, глава государства можетъ, конечно, вмѣшиваться и лично въ парламентскую борьбу, но это должно дѣлаться въ исключительно важныхъ случаяхъ и настолько рѣдко, чтобы вмѣшательство не теряло въ глазахъ публики своего торжественнаго и внушительнаго характера. Вотъ почему ловкій Гревъ, думавшій только о своихъ доходахъ, просидѣлъ такъ долго, пока не проворовался его зять, а болѣе честолюбивый Казимиръ Перье не удержался и нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Касательно необыкновенной слабости французскаго правительства имѣются весьма поучительныя указанія бывшаго префекта полиціи Андрие. Изъ записокъ его видно, что мотивами важнѣйшихъ дѣйствій правительства во Франціи служатъ только желаніе угодить своей партіи и еще болѣе опасеніе раздражить тѣ интересы, которые эта партія представляетъ. Знаменитое изреченіе Бодена передъ барикадою: «я ихъ глава, значить долженъ слѣдовать за ними», остается, повидимому, девизомъ всѣхъ современныхъ государственныхъ людей Франціи и вынуждаетъ ихъ непрерывно дѣйствовать вопреки убѣжденіямъ и даже здравому смыслу.

Андрие приводитъ факты, какъ, напримѣръ, газета «Lanterne»,

созданная бржевымъ шантажемъ, собирала доносы полицейскпхъ и затѣмъ вынуждала префекта полиціи Жюго увольнять всѣхъ не нравящихся газетѣ служащихъ. Еще лучше дѣйствовала Гамбетта: онъ завелъ въ Парижѣ собственную полицію, которая дошла до такой наглости, что производила формальныя дознанія и обыски даже у иностранныхъ подданныхъ. Судебное вѣдомство во Франціи, какъ и у насъ, не очень въ ладу съ полиціей, и нѣтъ тамъ для прокуратуры большого удовольствія. какъ выпустить на свободу преступника, захваченнаго полиціей. Между тѣмъ, говоритъ Андриэ, не было еще примѣра, чтобы сама прокуратура въ Парижѣ открыла хотя бы одно преступленіе.

Большую силу полиціи въ ея борьбѣ противъ преступленій давало право административной высылки изъ Парижа, въ особенности практиковавшейся по отношенію къ иностранцамъ; право это теперь почти отнято у префекта полиціи. Важную роль играла также 10 статья устава уголовного судопроизводства, дававшая право префекту полиціи дѣлать обыски и арестовывать преступниковъ. Статья эта палатами отмѣнена. Вся эта дезорганизанція производится въ угоду радикальной партіи, находящейся между тѣмъ во всѣхъ палатахъ въ меньшинствѣ. Когда Андриэ хотѣлъ арестовать на бульварахъ номеръ «Lanterne», то министры смотрѣли на него, какъ на сумасшедшаго; когда же онъ исполнилъ это, то хотя министры его на словахъ одобрили, но ни одинъ не рѣшился выступить его защитникомъ передъ палатою. Передъ засѣданіемъ, когда былъ назначенъ запросъ по этому поводу, всѣ сторонились отъ Андриэ, какъ отъ зачумленнаго; когда же онъ одержалъ побѣду, то всѣ депутаты бросились наперерывъ поздравлять его и пожимать руки. Всѣмъ извѣстно совершенно исключительное положеніе Рошфора и его газеты.

Когда въ первый разъ былъ поднятъ вопросъ объ амнистіи коммунаровъ, то большинство палаты не хотѣло и слышать о полномъ прощеніи. Но разъ законъ былъ изданъ, депутаты поголовно выпрашивали черезъ министра юстиціи прощеніе самымъ главнымъ преступникамъ. При такомъ направленіи ничего, конечно, не оставалось, какъ издать общую амнистію. Андриэ утѣшаетъ себя тѣмъ, что значительная часть изъ возвратившихся коммунаровъ успѣшила поступить въ полицію тайными агентами ¹⁾.

Объ организаціи этой агентуры Андриэ сообщаетъ интересныя подробности; оказывается, что наиболѣе отчаянныя социалистическія программы кандидатовъ въ депутаты были изданы тайными агентами полиціи; послѣдняя же на свои средства издавала революціонныя газеты; она же организовала комитетъ для взорванія

¹⁾ По этому поводу нельзя не вспомнить острооты генерала Галифе. Когда его упрекали, что онъ будто бы разстрѣливалъ массы коммунаровъ, — «Да помилуйте, возразилъ онъ, всѣ мною разстрѣлянные состоятъ теперь министрами». Кончилось тѣмъ, что социалисты избрали Галифе военнымъ министромъ!

памятника Тьеру—все это для лучшаго изловленія преступниковъ! Но, разъ поймавъ таковыхъ, полиція и особенно министерство затруднялась, что дѣлать далѣе. Особенно много затрудненій доставляла поимка Гартмана. По требованію русскаго посольства, Андриэ арестовалъ автора московскаго взрыва, но министры испугались и послѣ длинныхъ споровъ, сложивъ отвѣтственность на судебное вѣдомство, выпустили Гартмана въ Англію, къ великому удивленію самого преступника.

Не одно судебное вѣдомство мѣшаетъ во Франціи полиціи; рядомъ съ префектурою полиціи, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ имѣется отдѣленіе общественной безопасности, агенты котораго слѣдятъ не за преступниками, а за агентами префектуры, и обратно. Это параллельное и взаимное шпионство даетъ поводъ къ комическимъ эпизодамъ. Давно настаиваютъ на слитіи обѣихъ полицій, но ни одинъ министръ внутреннихъ дѣлъ не рѣшился на такой важный шагъ. Каждый изъ министровъ думаетъ только одно, какъ бы ему удержаться подолѣе на мѣстѣ, для чего нѣтъ другихъ средствъ кромѣ угодливости передъ депутатами всѣхъ отгѣнковъ.

Очень заблуждаются тѣ, которые полагаютъ, что республиканское правленіе даетъ государственнымъ людямъ болѣе независимости. Тутъ, наоборотъ, приходится угождать всѣмъ и каждому. Этою угодливостью Андриэ объясняетъ изданіе закона, предоставившаго полную свободу кабакамъ и трактирамъ и освободившаго ихъ отъ надзора полиціи. Извѣстно, какую роль питейныя заведенія играютъ при выборахъ и какъ должны поэтому менажировать ихъ депутаты. Угодливостью объясняются и знаменитые законы о закрытіи во Франціи тайныхъ монастырей.

Ни Гамбетта, ни его приспѣшники особою ненавистью къ духовенству и религіи не отличались; каждый изъ нихъ считалъ религіозныя преслѣдованія очень опасными и во всякомъ случаѣ напрасно раздражающими публику; тѣмъ не менѣе рѣшено было приступить къ изгнанію монаховъ. Цѣль этой мѣры было желаніе Гамбетты сохранить свое вліяніе въ большихъ городскихъ центрахъ. Отказавшись заниматься «соціальнымъ вопросомъ» и высказавъ даже, что такового не существуетъ, Гамбетта, котораго «*La petite République*», органъ Жореса и Мильерана, называетъ теперь: «*ce paillasse matamore paraissant devant la baraque opportuniste en enflant sa voix*»,—искалъ какого нибудь предмета, который могъ бы «занять» массу и удовлетворить ея революціоннымъ инстинктамъ. Такимъ образомъ и явился вопросъ о конгрегаціяхъ, непризнанныхъ правительствомъ.

Эта угодливость передъ толпою, это заискиваніе передъ всеобщей подачей голосовъ, представителями которой и въ государственномъ, и въ городскомъ, и въ земскомъ самоуправленіи все чаще и чаще избираютъ бывшихъ коммунаровъ или честолюбцевъ въ родѣ Жореса, не стѣсняющихся мѣнять свои убѣжденія на арко-

красныя доктрины, указываютъ, что парламентское большинство постоянно будетъ перемѣщаться во Франціи влѣво, и только когда уже далѣе идти будетъ некуда, призракъ соціальной революціи, напугавъ пмущественные классы, снова воротитъ Францію къ диктатурѣ. Во всякомъ случаѣ каждая новая палата будетъ долго еще радикальнѣе прежней, т. е., другими словами, французское правительство будетъ еще безсиленѣе настоящаго.

Между тѣмъ положеніе Франціи въ высшей степени серьезно. При Людовикѣ XIV было въ Европѣ только три великихъ державы: Франція, Англія, Германія. Населеніе Франціи составляло 40% общаго населенія великихъ державъ. Теперь въ общемъ итогѣ населенія шести великихъ державъ населеніе Франціи составляетъ 14%, а прибавивъ Соединенные Штаты и взявъ въ расчетъ увеличеніе населенія, черезъ 50 лѣтъ населеніе Франціи будетъ представлять только 7%.

Рядомъ съ застоємъ въ увеличеніи населенія идетъ и относительное пониженіе экономическаго значенія. Давно подмѣченъ историческій фактъ, что кульминаціонный пунктъ торговаго развитія государства совпадаетъ обыкновенно съ моментомъ его наибольшаго политическаго могущества. Фактъ этотъ, подтверждаемый исторіей Португаліи, Венеціи, Голландіи и многихъ другихъ странъ, можетъ быть провѣренъ въ настоящее время и на Франціи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что съ моментомъ политическаго разброма Франціи въ 1870 году начался, сначала незамѣтно, а затѣмъ все сильнѣе и отчетливѣе для посторонняго наблюдателя, ея экономическій упадокъ.

Французская печать обсуждаетъ часто этотъ вопросъ, и въ то время, когда офиціозные органы стараются увѣрять, будто все обстоитъ благополучно и причиною ненормальнаго положенія вещей служатъ непомѣрныя требованія рабочихъ и непрерывныя стачки, органы другихъ направленій усматриваютъ въ настоящемъ положеніи вещей во Франціи серьезный экономическій кризисъ. Хотя, быть можетъ, полного кризиса еще нѣтъ, но, по мнѣнію наиболѣе добросовѣстныхъ экономистовъ, французы не должны заблуждаться, а понять, что положеніе еще хуже мимолетнаго кризиса, ибо Франція находится въ началѣ совершеннаго впаденія своей промышленной и торговой дѣятельности. Франція занимала въ промышленности продолжительное время второе послѣ Англій мѣсто въ Европѣ, а теперь окончательно уступила это мѣсто Германіи.

Упадокъ французской торговли начался съ мореплаванія. Французскій торговый флотъ, занимавшій по своей грузовой вмѣстимости третье мѣсто, въ десять лѣтъ снизошелъ до шестого мѣста, и это паденіе естественно отозвалось на застоѣ отпускной торговли. Мало-по-малу Франція потеряла свое значеніе въ отпускѣ хлѣба, не выдержавъ соперничества Сѣверной Америки; наоборотъ, возрастающее, хотя и не быстро, населеніе, вкусы котораго улучшаются

и утончаются, требуетъ привоза все большаго и большаго количества пшеницы для внутренняго продовольствія. Флоксера съѣдала изъ Франціи важнѣйшую потребительницу иностранныхъ винъ и чрезвычайно уменьшила вывозъ водокъ, винъ и ликеровъ—прежде главной статьи французскаго отпуска. Промышленныя культуры также сократились во Франціи; Германія производитъ нынѣ свекловичнаго сахара болѣе чѣмъ Франція. Земледѣліе въ послѣдней пострадало отъ уничтоженія разведенія марены и отъ конкуренціи, которую дѣлаетъ французскому скотоводству привозъ мяса изъ Америки. Между тѣмъ отъ пониженія цѣнъ потребители ничего не выигрываютъ, барыши остаются въ карманахъ посредниковъ.

Французская промышленность пострадала не менѣе чѣмъ земледѣліе; пожалуй, она сильнѣе почувствовала вліяніе рутинны и невѣжества промышленниковъ, не пожелавшихъ слѣдить за научными открытіями и немедленно прилагать ихъ у себя. Во Франціи продолжаютъ игнорировать другія страны, ихъ вкусы и привычки; такимъ образомъ соперники Франціи, болѣе ловкіе и болѣе свѣдущіе, отнимаютъ у нея одинъ рынокъ за другимъ. Не осталось также безъ вліянія и то обстоятельство, что почти всѣ государства, помощью покровительственнаго тарифа, развили свою собственную промышленность, а также повредила и громадная растрата французскихъ капиталовъ на уплату контрибуціи и на пріобрѣтеніе различныхъ фондовъ—турецкихъ, испанскихъ, южно-американскихъ, трансваальскихъ и др., разорившее кредиторовъ.

Многіе думаютъ, что всемірныя выставки обогащаютъ Францію. Никакого нѣтъ сомнѣнія, что отъ выставокъ наживаются гостиницы и рестораны, очень выигрываютъ также извозчики, кокотки, театры и всякаго рода увеселительныя заведенія. Но люди благоразумные, экономисты и политики, далеко не увлекаются воображаемыми выгодами выставокъ и предсказываютъ, что всемірная выставка въ Парижѣ 1900 г. будетъ, вѣроятно, послѣднею. Дѣйствительно, какъ ни пріятно стричь «растакуэровъ» и брать по два рубля за порцію котлетъ, но нельзя не сознаться, что всемірныя выставки имѣютъ для Франціи много неудобствъ, и весьма крупныхъ.

Первое неудобство—это безцѣльная затрата денегъ на постройки, которыя будутъ затѣмъ сломаны и убраны. Конечно, въ общемъ расходы окупаются, по несомнѣнно, что одновременное возведеніе множества зданій, имѣющихъ кратковременное существованіе, подымаетъ искусственно и напрасно цѣну матеріаловъ и рабочихъ рукъ, что отзывается и на всякаго рода сооруженіяхъ, производимыхъ въ Парижѣ и во Франціи въ выставочный періодъ. Цѣны подымаются не только на плотниковъ или известку. Замѣчено, что каждая всемірная выставка сопровождалась поднятіемъ цѣнъ на квартиры, съѣсные припасы, прислугу, лошадей и пр., что это повышеніе сохранялось на слѣдующее десятилѣтіе, отчего

страдали всё люди, живущие определенными доходами, рантьееры, чиновники, частные служащие, а таковых во Франции многое множество.

Замечено также, что если Париж во время выставок обогащается и доходы его растут, то соответственно французская провинция, жители которой делают сбережения и копят деньги, чтобы съездить в Париж на выставку,—теряет. Это ухудшение провинциальных доходов насчет увеличения парижских, легко проследить по поступлению заставных сборов (*octrois*), существующих во всех городах Франции. Французская промышленность от всемирных выставок не выпрыгивает, как обыкновенно думают, а теряет. Выставки не открывают ей новых рынков и потребителей: для этого нужны искусные коммивояжеры, дешевизна цен и широкий кредит. Напротив, выставки позволяют иностранцам приехать, копировать все, что есть у французов нового и интересного, и сейчас же заводить у себя. Огромные успехи германской промышленности, вытесняющей со всемирного рынка не только французские, но и английские произведения, во многом обязаны всемирным выставкам в Париже. Сами же французы выставками не просвещаются. Выставка 1889 г. дала им только моду на цыган и на *danse du ventre*.

В последнее время сообразили, что всемирные выставки ослабляют Францию даже политически. И так уже французы, с Ришелье до Наполеона III занимавшие на континенте Европы первое место, стали не в меру боязливы. Теперь с элементами опасений присоединился страх за успех всемирных выставок. Столько расходов сделано и вдруг война! Не бросать же все, и вот уже за год и за два до открытия выставки Франция сидит ниже травы, тише воды и боится, как показало ее поведение в испано-американском столкновении, разнуть рот, и все это из страха, что рестораторы бульваров, кафе-шантаны Монмартра и модные магазины *rue de la Paix* не доберут ожидаемой мзды с иностранных гуляк.

Французы настолько неустойчивы в своих политических воззрениях и симпатиях, что всегда очень трудно быть убежденным в возможности сохранения определенного направления их политики на скольконибудь продолжительное время. Они больше всех народов готовы действовать под влиянием временных обстоятельств, и циничское выражение Людовика XV: «*après nous le déluge*» вполне соответствует настроению французской массы. Эту неустойчивость французы объясняют их «великодушием», хотя гораздо вернее объяснить ее себялюбивым эгоизмом, все больше и больше охватывающим высшие классы этой нации параллельно с успехами культуры и материального благосостояния. В то время, когда энергия пропала, только и видишь выставку мускулов, гимнасты и велосипедисты наполняют улицы

и даже женщины въ широкыхъ штанахъ придаютъ себѣ видъ зувовъ! Французы любятъ и свободу ради различныхъ удобствъ, которыя доставляетъ эта свобода, а вовсе не ради предприимчивости и ответственности въ новыхъ дѣлахъ. Французскіе правящіе классы желали бы жупровать жизнью съ наименьшимъ рискомъ и съ наименьшими усиліями, поэтому нѣтъ ничего непріятнѣе для нихъ, какъ мысль о войнѣ и о необходимыхъ для нея пожертвованіяхъ. Это проявляется даже въ мелочахъ. Когда жестокій дагомейскій царекъ началъ войну противъ Франціи, то весьма вліятельная часть буржуазной печати рекомендовала оставить владѣнія Франціи на Гвинейскомъ берегу и уйти по добру, по здорову. «Какая выгода», говорили газеты, — «бороться съ лихорадками и дикарями?» И это писали потомки людей, которые еще полтора-два десятилѣтъ тому назадъ по собственному побужденію занимали и забирали Канаду, Луизиану, Мадагаскаръ, Индію! Та же робость en grand проявлялась и по отношенію къ европейскимъ дѣламъ. Франція вооружалась, лила пушки, строила корабли, газеты толкуютъ о реваншѣ, но ничего лучше не желали бы французы, какъ жить мирно, веселиться и веселить людей, получивъ увѣренность, что благополучію ихъ не угрожаетъ непосредственная опасность.

Эту робость политическія ничтожества, фигурирующія двадцать пять лѣтъ во главѣ французскихъ государственныхъ людей и дипломатовъ, довели до трусливости. Нѣтъ уже никакого сомнѣнія, что еще Гамбетта запскивалъ въ Германіи, а Ферри сдѣлалъ на десять лѣтъ французское правительство покорѣншимъ и безгласнымъ исполнителемъ берлинскихъ указаній. Спюллеръ съ радостью сталъ ухаживать за Италіей, какъ только старый полишпнелъ Крпспи, опасаясь банкротства, счелъ полезнымъ измѣнить нѣсколько таможенную политику Италіи и сказать французскому послу нѣсколько комплиментовъ. Такое жалкое направленіе политики встревожило, наконецъ, людей благоразумныхъ и выдающихъ немного подальше своего носа и башни Эйфеля. Эти люди поняли, что, продолжая подобную систему, Франція, отстающая ежедневно отъ другихъ великихъ державъ по числу населенія и по размѣрамъ торговли, можетъ и вовсе потерять свое прежнее значеніе въ Европѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ потеряетъ и всякую возможность играть роль въ политикѣ, снова занявъ то второстепенное положеніе, которое Франція занимала до времени Ришелье.

Люди благоразумные для спасенія Франціи указывали одинъ выходъ — это союзъ съ Россіей, которая заинтересована, чтобы для сохраненія европейскаго равновѣсія Франція не сходила на степень второклассной державы. Идея союза съ Россіей очень симпатична большинству французовъ, но они понимаютъ ее въ томъ смыслѣ, что Россія обязана, какъ цѣпная собака, охранять Францію отъ нападеній Германіи, до русскихъ же интересовъ французамъ дѣла мало, если не считать дачу Россіи отъ времени

до времени денегъ въ долгъ за хорошіе проценты. Мало того, нашлись голоса, въ родѣ полковника Стоффеля, которые рекомендовали Россіей пользоваться другимъ путемъ, а именно предлагая Германіи пожиться на ея счетъ, но подъ условіемъ возвратити Франціи Эльзась-Лотарингію!

Такое любезное приглашеніе не встрѣтило сочувствія нѣмцевъ, во Франціи же оно повидимому нашло сторонниковъ, какъ можно судить по ряду статей и брошюръ, появившихся въ опроверженіе проекта Стоффеля; въ брошюрахъ этихъ вѣрно ставился вопросъ о соглашеніи Россіи съ Франціей на почвѣ принципа «do ut des». Авторы ихъ предостерегали французовъ ожидать отъ Россіи того наивнаго, чтобы не сказать попросту нелѣпаго, безкорыстія, которое мы проявили въ 1799, 1814, 1829, 1849 и 1878 годахъ, и обстоятельно разъяснили, что удовлетвореніе русскыхъ желаній не только не можетъ вредить Франціи, но весьма ей, напротивъ, полезно, особенно въ виду того, что Англія старый соперникъ Франціи. Всѣ правительства Франціи съ 1815 до 1870 года начинали съ союза съ Англіей, а оканчивали союзомъ съ Россіей, или, по крайней мѣрѣ, искали въ послѣдней опоры противъ угрозъ континентальныхъ державъ и завистливаго соперничества Англіи. Аристократическая и феодальная Англія всегда ненавидѣла Францію, и эта ненависть основана на отличіи расы, на исторіи, религіи, общественномъ и политическомъ устройствѣ. Преслѣдуя всегда и вездѣ матеріалистическую и эгоистическую политику («Англія не просуществовала бы и трехъ недѣль, если бы двѣ недѣли была справедливою», сказалъ какъ-то Питтъ), Англія, для сохраненія своего преобладающаго вліянія на моряхъ, которое общаетъ, если не дало уже, ей всемірное владычество, главное препятствіе видятъ во Франціи. Одна Франція изъ большихъ европейскихъ державъ, владѣя портами въ океанахъ, можетъ еще соперничать съ Англіей. Поэтому Англія еще сильнѣе ненавидитъ Францію и всегда была явною или тайною ея соперницею, радовалась ея пораженію и добывалась раздѣла.

Это положеніе ясно указываетъ на необходимость для Франціи сближенія съ Россіей, традиціонная политика которой была — открытіе себѣ пути къ открытому морю черезъ Дарданеллы и Персидскій заливъ, т. е. къ уничтоженію англійскаго всемірнаго могущества. Сдѣлавшись владычицею проливовъ, Россія немедленно дѣлается и владычицею Малой Азіи. Исторія доказываетъ также, что обладаніе Малой Азіей естественно влечетъ за собою и владычество Египтомъ, составляющимъ ключъ къ Индіи.

Перспектива видѣть Россію на Средиземномъ морѣ не пугаетъ теперь французскихъ публицистовъ. Напротивъ того, только этимъ путемъ Франція будетъ спасена отъ опасности, угрожающей ей созданіемъ сильнаго итальянскаго военнаго флота. При союзѣ Италіи и Англіи Франція совершенно безсильна теперь на Средиземномъ морѣ.

земномъ морѣ: лишь появленіе тамъ русскаго военнаго флота можетъ возстановить необходимое равновѣсіе. Теперь военные флоты Италіи и Франціи почти равны въ силахъ, другими словами, они могутъ уничтожить другъ друга въ каждую минуту, и тогда Англія становится на Средиземномъ морѣ, гдѣ она и безъ того владѣетъ Гибралтаромъ, Мальтой, Кипромъ и Египтомъ, въ положеніе совершенно исключительное. Нѣтъ сомнѣнія, что Франція потеряетъ при этомъ свои богатые африканскія владѣнія—Алжиръ, Тунисъ и Корсику. Если бы Россія и не дала ничего взамѣнъ услугъ Франціи, то для французомъ видѣть русскій флотъ въ Средиземномъ морѣ несколько не unpleasantнѣе зрѣлища господства тамъ англійскаго флота, преспокойно бомбардирующаго Александрію и парадирующаго вмѣстѣ съ итальянскими кораблями во французскихъ водахъ. Зная русскій характеръ, можно, конечно, быть убѣжденнымъ, что относительно слабыхъ державъ Россія, могущественная и на морѣ, никогда не позволитъ себѣ гнусностей, подобныхъ тѣмъ, которыя Англія совершила относительно Даніи и Португаліи.

Теперь, когда франко-русскій союзъ вышелъ изъ области фантазіи и сталъ совершившимся фактомъ, всѣ задались вопросомъ, кому онъ обязанъ своимъ началомъ. Докторъ Ціонъ приписывалъ изобрѣтеніе союза себѣ совместно съ покойнымъ Катковымъ, г-жа Аданъ убѣждена, что придумала союзъ вмѣстѣ съ г. Татищевымъ. Ропшоръ, по случаю пріѣзда Государя Императора въ Парижъ, увѣрялъ, что союзъ выдумалъ онъ, Ропшоръ, съ однимъ русскимъ дипломатомъ за завтракомъ у какого-то «третьяго лица»! Теперь наши мысли о необходимости союза въ романахъ Бальзака. Историки указываютъ, что еще въ 1630 году Дюгэ-Борменень, чрезвычайный посланникъ Людовика XIII къ царю Михаилу Теодоровичу, сказалъ ему: — «Нужно. — чтобы царь слился воедино съ королемъ Франціи». Археологи идутъ еще далѣе и начало союза относятъ къ браку Анны, дочери Ярослава, съ французскимъ королемъ Генрихомъ I.

Послѣ этого событія сношенія двухъ государствъ совершенно прервались вплоть до 1586, когда (при Генрихѣ III) діепскій корабельщикъ Соважъ пришелъ со своимъ судномъ въ Архангельскъ. Дипломатическія сношенія начались только при Теодорѣ Иоанновичѣ, благодаря Годунову, понимавшему необходимость для Россіи войти въ кругъ европейскихъ державъ. Онъ отправилъ къ Генриху III Пьера Рагона, жившаго въ Москвѣ, съ извѣщеніемъ о вступленіи на престолъ Теодора. Въ отвѣтъ король прислалъ Франсуа Карли, который и является первымъ французскимъ дипломатомъ въ Россіи. На его обязанности было заключить торговый договоръ, что и было достигнуто. Генрихъ IV былъ также въ перепискѣ съ Теодоромъ, но о союзѣ въ это время разговоръ не поднимался.

Первыя сношенія Россіи съ Франціею при династіи Романо-

выхъ начался въ 1615 году, когда Михаилъ Ѳеодоровичъ отправилъ къ Людовику XIII столыника Кондырева. Посольство было любезно принято королемъ, но осталось безъ результата: король признавался даже, что никогда не слыхалъ о Россіи. Михаилъ Ѳеодоровичъ просилъ, между прочимъ, чтобы французы не помогали Швеціи и Польшѣ. Людовику обѣщали исполнить просьбу царя, но она осталась забытою. Въ свою очередь онъ въ 1630 году, видя возрастающее могущество московскаго государства, послалъ въ Москву упомянутого выше Дюгэ-Корменена съ порученіемъ заключить торговый трактатъ. Договоръ былъ заключенъ, но не привелъ ни къ какимъ результатамъ за отдаленностью обохъ государствъ.

При Алексѣѣ Михайловичѣ московское правительство сочло необходимымъ увѣдомить Людовика XIV о началѣ войны съ Польшею, точно такъ же, какъ и объ ея концѣ въ 1668 году; были посланы столыникъ Потемкинъ и дьякъ Румянцевъ. Король въ отвѣтъ предложилъ торговый договоръ. Но договоръ не состоялся за отсутствіемъ полномочій у русскихъ дипломатовъ. Въ 1770 г. Людовику XIV вмѣстѣ съ нѣмецкимъ императоромъ былъ выбранъ нами посредникомъ въ переговорахъ съ Польшею. Несмотря на эти сношенія, Людовику XIV смотрѣлъ равнодушно на московское государство.

Постепенно однако Франція должна была принять болѣе активное участіе въ нашихъ дѣлахъ. Сближеніе стало возможнымъ, когда сдѣлалось очевиднымъ пораженіе Швеціи. Лично Петръ Великій не чувствовалъ впрочемъ никакого расположенія къ французскому народу, характеръ котораго ему не нравился. Послѣ смерти Людовика XIV, въ 1715 г., Петръ отправилъ Зотова въ Парижъ, съ цѣлью подготовить почву для сближенія, а въ 1717 году самъ побѣхалъ во Францію, гдѣ предложилъ поставить Россію на мѣсто Швеціи во французской политикѣ и оборонительный союзъ. Регентъ, герцогъ Орлеанскій, и глава французскаго кабинета кардиналъ Дюбуа встрѣтили холодно эти предложенія, опасаясь вызвать неудовольствіе Англіи. Петръ, въ свою очередь, указывалъ на непостоянство Англіи и представлялъ выгоды для Франціи отъ содѣйствія ея дѣламъ со стороны Россіи, Польши и Пруссіи, связанныхъ тогда союзомъ. Послѣ долгихъ переговоровъ, въ 1717 г. въ Амстердамѣ былъ подписанъ договоръ между Франціею, Россіею и Пруссіею, причемъ Франція обѣщала Россіи свое посредничество для заключенія мира съ Швеціею. Во исполненіе этого, Франція впервые назначила постоянного посланника въ Россію, Кампердона. Онъ пріѣхалъ въ 1721 г., послѣ того какъ въ Стокгольмѣ содѣйствовалъ заключенію Ништадтскаго мира.

У Петра въ это время явилась мысль выдать свою дочь Елизавету за короля или по крайней мѣрѣ за одного изъ принцевъ королевскаго дома; въ послѣднемъ случаѣ женихъ выступалъ бы

претендентомъ на польскій престолъ, получение котораго обезпечивала Россія. Предположенія эти не привели ни къ чему, такъ же какъ и переговоры о союзѣ. Послѣдній въ январѣ 1725 г. не былъ заключенъ, по словамъ Кампредона, потому что царь загулялъ. Во всякомъ случаѣ, при Петрѣ французская дипломатія оказала услуги Россіи не только при заключеніи Ништадтскаго мира, но и въ 1724 г. когда едва не возгорѣлась война Россіи съ Турціею изъ-за персидскихъ завоеваній.

При Екатеринѣ I снова выступилъ на сцену проектъ брака Людовика XV съ Елизаветою. Въ спискѣ невѣстъ Елизавета Петровна заняла второе мѣсто. Вмѣстѣ съ ея рукою предлагался наступательный и оборонительный союзъ. Но герцогъ Бурбонскій, по своимъ расчетамъ, предпочелъ дать Людовику XV въ жены Марію Лещинскую. Тогда Екатерина заключила въ 1726 г. договоръ съ Австріею. Сближеніе Россіи съ Австріею понудило Францію попрежнему держаться Швеціи, хотя при Аннѣ Ивановнѣ французская дипломатія содѣйствовала заключенію нашего мира съ Турціею. Въ это царствованіе намъ пришлось впервые столкнуться въ 1734 г. при осадѣ Данцига съ французами, помогавшимъ Лещинскому. Это столкновеніе не повело къ войнѣ, но тѣмъ дѣятельнѣе французская дипломатія пошла противъ насъ. Поведеніе французскаго двора измѣнилось только позже, когда онъ убѣдился, что Франціи гораздо опаснѣе народившаяся Пруссія, чѣмъ Австрія. Отношенія двухъ государствъ при Елизаветѣ слишкомъ извѣстны, чтобы останавливаться на нихъ. Одно время, хотя и недолго, до высылки Шетарди, французское вліяніе было очень спльно. Во время Семилѣтней войны мы шли вмѣстѣ съ Франціею и Австріею противъ Пруссіи. При Екатеринѣ II Франція рѣшительно склонилась на сторону Польши, цѣлью ея полптпки было удаленіе Россіи отъ европейскпхъ дѣлъ. Шуазель, опасавшійся новаго сѣвернаго союза, руководимаго Россіею и Пруссіею и оплачиваемаго Англіею, велъ дипломатическую борьбу противъ насъ въ Турціи, Швеціи и Польшѣ. Такія отношенія продолжались во все царствованіе Екатерины II. По словамъ англійскаго посла гр. Беккингема, Екатерина II питала «глубокое отвращеніе къ французскому народу», но русскіе дипломаты, вслѣдствіе полученнаго ими воспитанія, весьма пристрастились къ французской націи, ея языку и обычаямъ, почему разговоры о сближеніи съ Франціею подымались Сегюромъ и возобновлялись послѣ 1789 г.

При Павлѣ намъ пришлось вести первую войну съ Франціею, хотя вовсе не изъ-за существенныхъ нашихъ интересовъ. Недовольный Англіею и Австріею и преклоняясь предъ гениемъ Бонапарта, императоръ Павелъ привѣтствовалъ переворотъ 18 брюмера. Посланникъ нашъ въ Берлинѣ Крюднеръ получилъ приказаніе переговорить съ французскимъ посланникомъ Бернонвиллемъ, на какихъ основаніяхъ могло бы произойти сближеніе двухъ державъ. Смерть

императора прервала эти сношения, но союзъ былъ формально заключенъ Наполеономъ съ императоромъ Александромъ I въ Тильзитѣ.

Союзъ этотъ не былъ искреннимъ, хотя Александръ I въ 1809 г., послѣ весьма двуплечной политики противъ Наполеона въ войнѣ его съ Австріей, писалъ нашему посланнику въ Вѣнѣ: «Этотъ союзъ между двумя такими могущественными государствами, поставленными такъ сказать на двухъ концахъ Европы и не имѣющими между собою никакихъ точекъ соприкосновенія, долженъ по необходимости имѣть самые счастливые послѣдствія для общаго блага. Если же эта истина еще не успѣла войти въ общее сознание, то это объясняется только извѣстнаго рода отвращеніемъ, съ которымъ люди всегда отказываются отъ долговременной и старой рутины».

Кратковременнымъ союзомъ съ Франціей Россія обязана была Бѣлостокскою областью, Финляндіею, Восточной Галиціей и Бессарабіей и навѣрно она получила бы Молдавію и Валахію, тогда какъ, якобы спасши Европу отъ Наполеона, Россія рисковала ничего не получить, такъ какъ только бѣгство съ Эльбы заставило принять условія Россіи касательно Царства Польскаго.

Тѣмъ не менѣ Александръ I совершенно измѣнилъ свои взгляды и Каподистрия писалъ Поццо ди-Борго по его приказанію: «Вы полагаете, что Франція, разъ она освободилась отъ европейскаго надзора и будетъ предоставлена самой себѣ, сдѣлается нашею. Но государь вовсе не желаетъ этого. Его величество хочетъ, чтобы она осталась самостоятельной, входила въ составъ европейской семьи безъ малѣйшаго предпочтенія или симпатіи къ Россіи».

Затѣмъ попытки, хотя и слабыя, къ сближенію возобновились при Карлѣ X, послѣ Наваррина, и въ концѣ 50-хъ годовъ послѣ Крымской войны. Тѣмъ не менѣ, до тѣхъ поръ пока императоръ Александръ III не выслушалъ Марсельезу стоя, наша дипломатія относилась весьма скептически къ вопросу о возможности союза между Франціей и Россіей. Окончательно союзъ былъ закрѣпленъ повѣздою Императора Николая II въ Парижѣ въ октябрѣ 1896 г. и президента республики Фора въ Петербургѣ въ 1897 г., послѣ чего и Франція рѣшилась объявить о союзѣ, инструментъ котораго остается до сихъ поръ въ тайнѣ.

Союзъ Россіи съ Франціей можетъ быть только оборонительнымъ. У насъ съ Франціей дѣлится нечего, поэтому мы можемъ поддерживать другъ друга въ сферѣ законнаго вліянія каждой страны. Наши восточныя дѣла имѣютъ очень мало общаго съ ея дѣлами; въ Африкѣ, въ Египтѣ, Индо-Китаѣ, и вообще на дальнемъ Востокѣ наши интересы общіе, т. е. враждебные Англіи; коварная и нищенская политика Италіи одинаково опасна и для Россіи, и для Франціи. Только одного сознанія общности инте-

ресовъ недостаточно еще для превращенія сближенія въ союзъ; надобно, чтобы во Франціи было достаточно сильное правительство, все равно подъ какии знаменемъ, и чтобы оно относилось къ Россіи вполне искренно, тогда союзъ получить реальную подкладку.

Покойный Жоппи, бывшій душою нашего министерства иностранныхъ дѣлъ болѣе двадцати лѣтъ подъ-рядъ, человекъ умный и талантливый, въ своей полемикѣ съ г. Татищевымъ по поводу франко-русскаго союза доказывалъ, что главною причиною различія русскои и французскои политики за двѣсти лѣтъ было будто бы различіе принциповъ, на которыхъ основывалось правительство обѣихъ странъ. Г. Татищевъ безъ труда разбилъ подобный аргументъ. Доказательства противнаго изобилуютъ въ исторіи. Извѣстенъ союзъ христіаннѣйшаго короля Франциска I съ султаномъ, калифомъ правовѣрныхъ. Ришелье, кардинала римской церкви, угнетателя гугенотовъ, съ нѣмецкими протестантами; сочувствіе сѣверо-американской республики къ Россіи въ Крымскую войну; дружба Англіи и Турціи, хотя конституціи этихъ странъ имѣютъ такъ мало общаго, и т. д.

Часто говорятъ, что съ республикой нельзя имѣть союзовъ, что въ республикѣ никакія дипломатическія «тайны» невозможны. Но надъ дипломатическими тайнами теперь смѣются какъ надъ дѣтскими пугалами. Первый сталъ смѣяться князь Бисмаркъ. А что республики къ дипломатіи способны — доказали блистательно республики Римская и Венеціанская; ихъ дипломатія была первая по послѣдовательности, ловкости и энергіи въ древніе и средніе вѣка. Недурно устранивалъ свои союзы Голландскіе Штаты въ XVII столѣтіи. Да и теперь Соединенные Штаты не могутъ пожаловаться на свою дипломатію. Дѣло значить не въ формѣ правительства, а въ существѣ, т. е. насколько оно прочно и сильно. Въ этомъ отношеніи, какъ мы выше видѣли, увѣренности со стороны Франціи большой нѣтъ и ничто не гарантируетъ, что какой нибудь Моресъ станетъ руководить республикою, какъ руководилъ ею столько лѣтъ Гамбетта или Клемансо.

Жоппи не былъ, впрочемъ, врагомъ сближенія съ Франціей, но онъ требовалъ, чтобы, сближаясь съ послѣдней, Россія оставалась въ дружбѣ съ Германіей. Такое требованіе г. Татищевъ назвалъ «дипломатическою идилліей», прекрасною мечтою» и сравнивалъ съ извѣстнымъ желаніемъ сохранить при переправѣ и овцу, и капусту. Г. Татищевъ былъ убѣжденъ, что какъ только Россія пожелаетъ сойтись съ Франціей, такъ непременно разойдется съ Германіей. Этому уже были примѣры въ исторіи, именно при Екатеринѣ II, когда великая императрица отказалась въ 1788 г. возобновить союзъ съ Пруссіей, замѣтивъ въ письмѣ къ Потемкину, что «союзъ съ Пруссіей—вещь на свѣтѣ наиболѣе тяжелая, невыносимая и невыносимая, въ чемъ она-де убѣдилась по собственному опыту».

Жюмпи былъ, пожалуй, правъ въ томъ смыслѣ, что неблаго-разумно съ нашей стороны ради удовольствія пользоваться симпатіей Франціи разрывать долготѣтнія мирныя отношенія къ Пруссіи, которыя хотя не всегда были намъ выгодны, но съ которыми мы не могли не считаться. Французы очень ошибаются, если думаютъ, что дружба наша будетъ имѣть цѣлью не уравниваніе силъ, а возстановленіе французскаго преобладанія на континентѣ Европы, преобладанія, причпнявшаго Германіи много бѣдствій, а для Россіи также ничего, кромѣ неприятностей, не доставлявшаго. Для союза надобно, чтобы французы, изучивъ поболѣе Россію—чему начало сдѣлано—поняли выгоды сближенія, а не то только, чтобы союзъ основывался исключительно на страхѣ французовъ передъ Германіей. Россія же никакой другой политикой не должна держаться, кромѣ чисто русской, и горячихъ каштановъ пзъ печки, надѣмся, вытаскивать она впредь не будетъ ни для кого, даже для прекрасныхъ глазъ г-жи Адавъ. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что сила обстоятельствъ заставила и Францію смотрѣть совсѣмъ иначе на Германію и даже искать сближенія съ нею.

За двѣсти лѣтъ, несмотря на значительныя симпатіи, существовавшія въ русскомъ обществѣ къ Франціи, обусловленные и склонностью славянъ къ французамъ, и особенно вліяніемъ французскаго просвѣщенія XVIII вѣка, поведеніемъ Франціи мы никакъ не могли быть довольны, кромѣ развѣ въ кратковременное царствованіе Карла X, которое именно у французовъ и пользуется презрѣніемъ. Почва для союза установилась только въ нынѣшнемъ столѣтіи. До этого Франція была по большей части дипломатическимъ противникомъ Россіи и по причинамъ весьма естественнымъ. Борясь почти три вѣка подъ-рядъ съ стремленіями австрійскаго дома къ всемірному господству, Франція искала союзниковъ въ тылу и на флангахъ Австріи. Такими союзниками являлись Швеція, Польша и Турція. Съ ними Франція вела дружбу и потому весьма холодно встрѣтила появленіе на политическомъ горизонтѣ Россіи, для которой друзья Франціи и составляли исконныхъ враговъ, мѣшавшихъ ей войти въ натуральныя границы. Дружа съ Турціей, Франція командовала на Средиземномъ морѣ и вся торговля Леванта была въ ея рукахъ; даже Остъ-Индія была до конца прошлаго столѣтія болѣе французскою, нежели англійскою.

Все это переѣнилось постепенно. Швеція пришла къ ничтожеству, Польша испарилась, Турція, припжеванная побѣдами Россіи, не смѣла и думать о выѣшателствѣ въ европейскія дѣла, Англія захватила Остъ-Индію и, воспользовавшись потерей Франціей, во время революціи, военнаго и торговаго флота, забрала въ свои руки и восточную торговлю, и отчасти Средиземное море.

При такихъ условіяхъ Франція не могла оставаться долѣе естественнымъ врагомъ Россіи. Если между нами продолжалось соперничество, то по недоразумѣнію, или потому, что, подѣ вліяніемъ

вѣмцевъ, мы не допускали Наполеона слишкомъ безцеремонно господствовать въ западной Европѣ, или потому, что, вообразивъ себя оплотомъ консерватизма, пытались уединить Францію Луи-Филиппа, представляя ее себѣ очагомъ всѣхъ революцій, за что французы мстятъ, прикармливая у себя бѣглыхъ поляковъ. Съ своей стороны французы, гордые своимъ единствомъ, непредусмотрительно политикою національностей распатывая направо и налево старыя государства, создали прямо или косвенно Италию и объединенную Германію, которая для нихъ оказалась опаснѣе, чѣмъ была величественная съ виду, но гнилая внутри Священная Римская имперія.

Жюмини, принявшій на себя въ полемикѣ съ г. Татищевымъ защиту князя Горчакова, коснулся случайно одного вопроса, который, особенно при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, заслуживаетъ полного вниманія. Именно онъ сообщилъ, что цѣль дипломатической кампаніи, затѣянной Англіей по поводу возстанія въ Польшѣ въ 1863 г., была «только рассорить Россію съ Франціей, сближеніе копѣхъ, послѣдовавшее за Парижскимъ миромъ, внушало серьезныя опасенія Англіи». По его мнѣнію, «большинство и остальныхъ державъ, принявшихъ участіе въ означенной дипломатической кампаніи, руководствовалось тѣми же самыми соображеніями».

Сближеніе съ Франціей было, значить, выгодно для Россіи, если чуть не всѣ державы, да еще съ такимъ другомъ какъ Англія во главѣ, поспѣшили насъ поскорѣе разлучить. Почему же князь Горчаковъ, которому принадлежала мысль объ этомъ сближеніи и которому удалось, благодаря послѣднему, отомстить Австріи за коварное поведеніе ея въ Крымскую войну, содѣйствуя изгнанію австрійцевъ изъ Италіи,—почему не продолжалъ онъ своей политики? Почему съ 1863 года онъ сдѣлался только покорнымъ слугою Бисмарка и прямо и косвенно содѣйствовалъ планамъ великаго германскаго дипломата къ объединенію Германіи, къ изгнанію Австріи изъ германскаго союза,—гдѣ она мѣшала намъ менѣе чѣмъ на Востокѣ, и къ униженію Франціи? Конечно, Пруссія оказала намъ—отчасти и въ собственныхъ интересахъ—много услугъ въ польское возстаніе, но эти услуги не такого были сорта, чтобы изъ-за нихъ слѣдовало позабыть болѣе коренные интересы русской политики.

Вотъ эту-то забывчивость едва ли удалось оправдать Жюмини. Могутъ сказать, что политику дѣлаетъ не министерство иностранныхъ дѣлъ, что существуетъ много и другихъ вліяній; это безспорно; но безспорно также, что нельзя восхищаться твердостью и мужествомъ государственнаго человѣка, который, имѣя одинъ планъ, затѣмъ непрекословно пятнадцать лѣтъ подъ-рядъ занимается приведеніемъ въ исполненіе другого плана, прямо противоположнаго. Между тѣмъ, если когда выказалъ князь Горчаковъ

свою провинительность, то именно въ желаніи установить, послѣ Парижскаго мира, болѣе тѣсныя политическія сношенія между Россіей и Франціей.

Послѣ 1870 года мысль о сближеніи еще чаще должна была приходиться въ голову и русскимъ и французскимъ дипломатамъ, нежели послѣ 1856 года. Даже поляки, прекрасно отблагодарившіе во время коммуны французамъ за гостепріимство, перестали быть препятствіемъ. Однако, если не считать эпизода 1875 г., мы не видѣли попытокъ союза. Франція оставалась изолированной, а отъ безспія ея политики мы же и пострадали, такъ какъ это безспіе позволило Англіи сдѣлать свои разбойничьи захваты Египта и Кипра.

Въ настоящее время просвѣтленіе умовъ совершилось съ обѣихъ сторонъ. Оглядываясь вокругъ, мы невольно видимъ, что только на Францію можемъ мы рассчитывать въ будущихъ политическихъ комбинаціяхъ. Восточныя государства: Турція, Персія, Афганистанъ, даже Китай, обпраемы Англіею подъ видомъ союза и помощи, также могутъ быть намъ небезполезными. Во всякомъ случаѣ эти страны тотъ «тылъ», о которомъ такъ много распространялся въ своихъ рѣчахъ противъ Россіи покойный графъ Андраши. Наша дипломатія должна въ этомъ смыслѣ и перевернуть фронтъ своей политики. Тонкое знаніе французскаго языка, которымъ наши дипломаты скрывали свои нѣмецкія имена и нѣмецкія мысли, можетъ быть имъ теперь очень полезно для сближенія съ Франціей.

Несмотря на кратковременное существованіе, союзъ нашель уже порицателей. Во Франціи многіе увѣряютъ, что всѣ выгоды союза на нашей сторонѣ. На это было резонно замѣчено, что союзъ вывелъ Францію изъ ея опаснаго изолированнаго положенія. Онъ внушилъ къ ней уваженіе въ тройственномъ союзѣ. Германия вмѣсто Англіи, стала искать сближенія съ Франціей и встрѣтила взаимность. Франція получила свою долю въ Китаѣ, и если Россія не доставила ей побѣды въ Египтѣ, то потому что не въ силахъ была этого сдѣлать. «Нельзя же было требовать», замѣтилъ одинъ русскій дипломатъ, «чтобы русскій флотъ пошелъ бомбардировать Александрію». Да и относительно Англіи Франція проявила сама большую уступчивость. Недаромъ министръ ея г. Делькассэ — бывший журналистъ, аматеръ въ дипломатіи, за трусливое поведеніе въ фашодскомъ дѣлѣ заслужилъ титулъ *duc de Lachoda* (отъ глагола *lacher*). Въ рѣчи въ 1899 г. г. Делькассэ подтвердилъ, что вопреки разнымъ слухамъ союзъ Россіи съ Франціей, «государственные интересы которыхъ нигдѣ не расходятся», не только не ослабѣлъ, но еще укрѣпился и въ будущемъ оба государства задумываютъ предиріятія (*longs desseins*), «для исполненія которыхъ нужны терпѣніе, время и послѣдовательность». Союзъ этотъ тѣмъ необходимѣе, что въ настоящее время, по мнѣнію г. Делькассэ, ни одна держава отдѣльно не можетъ провести свою политику. Франція начинаетъ забывать

политику «реванша», которая до такой степени въѣлась въ кровь и плоть французовъ, что они, словно гипнотизированные, глядѣли только на Эльзасъ и, для того чтобы отомстить Германіи, истощали все средства страны. Теперь они поняли, что не отъ вѣмцевъ грозитъ имъ опасность. За пдемъ война больше не ведутъ, не будетъ больше и расовыхъ война. Войны будущаго будутъ обусловлены исключительно торговыми интересами. И вотъ почему колониальное развитіе представляетъ теперь такое важное значеніе для всехъ народовъ. А для колониальнаго развитія необходимо располагать сильными и могущественными флотомъ и сильными опорными пунктами на моряхъ. При этомъ, конечно, на каждомъ шагѣ придется сталкиваться съ Англійей, а противъ послѣдней помощь Германіи для французовъ необходима.

Говоря о сближеніи съ Франціей, мы вскользь коснулись одного весьма деликатнаго вопроса, а именно, что взамѣнъ военнаго содѣйствія Россіи мы какъ бы по праву стали ждать отъ Франціи содѣйствія финансоваго.

Въ прежнее время, какъ извѣстно, для насъ были открыты голландскій и англійскій денежныя рынки, но послѣдній уже въ 60-хъ годахъ для позапмствованій закрылся и вовсе не въ виду только соперничества Россіи и Англии на Востокѣ. Еще въ 1868 году, послѣ неуспѣшныхъ переговоровъ Рейтерна о помѣщеніи русскаго займа на лондонской биржѣ, «Economist», крупный авторитетъ котораго въ англійскомъ денежномъ мѣрѣ неоспоримъ, писалъ: «Россія, какъ ни тяжело сказать это, имѣя въ виду ея постоянную финансовую честность по отношенію къ иностраннымъ займамъ, едва ли представляетъ для нашихъ капиталовъ вѣрную обезпеченность и безопасность перваго разряда. Причина того — происходящія въ ней преобразованія. Изъ бюрократіи, тяготѣвшей надъ массою крестьянъ, она становится націей какого-то другаго типа, который трудно заранѣе опредѣлить. Никто не обладаетъ достаточными свѣдѣніями относительно новой преобразованной Россіи, а что характеръ, при которомъ она пользовалась кредитомъ, изгладился, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія».

Наше министерство вынуждено было обратиться тогда къ берлинской биржѣ, путь къ которой, повидимому, пробилъ покойные Дервизъ и Поляковъ помѣщеніемъ, хотя и на тяжелыхъ условіяхъ, своихъ желѣзнодорожныхъ бумагахъ. До того же у насъ съ Берлиномъ были сношенія только по размѣщенію лотерейныхъ займовъ, крайне неудачный планъ которыхъ сочиненъ, какъ извѣстно, въ конторѣ Мендельсона, да по мелкимъ займамъ Царства Польскаго. Такъ какъ по стеченію благоприятныхъ для Германіи обстоятельствъ берлинская биржа стала въ 70-хъ годахъ весьма важною, то помѣщеніе тамъ новыхъ русскихъ государственныхъ и общественныхъ займовъ никакого затрудненія не встрѣчало и вѣмцы набрали нашихъ бумагахъ не менѣе, чѣмъ на два мил-

ліарда рублей, которыя и спускали, впрочемъ, въ Россію по мѣрѣ повышенія курса бумагъ. Приобрѣтать нѣмцамъ наши цѣнности было тѣмъ легче, что по торговому балансу Россія почти до послѣдняго времени оставалась ежегодно должна Германія огромныя суммы, почему вексельный курсъ былъ не въ нашу пользу и нѣмцамъ наши бумаги обходились дешевле, чѣмъ стоили въ дѣйствительности.

Находя подобную связь съ берлинскою биржею неудобною въ политическомъ отношеніи, министерство финансовъ пожелало подготовить финансовыя сношенія и съ другими рынками. Пришлось, конечно, обратиться въ Парижъ, хотя парижская биржа и въ моментъ своего апогея, т. е. въ концѣ второй имперіи, представляла весьма сомнительное помѣщеніе для русскихъ бумагъ. Извѣстно, что 4% заемъ, сдѣланный въ Парижѣ при посредствѣ Абазы въ 1867 г. подъ залогъ Николаевской желѣзной дороги, несмотря на двойную гарантію (требовавшуюся до тѣхъ поръ только отъ Египта, Перу и т. п. государствъ, чѣмъ глубоко возмущался въ свое время Катковъ), одинъ изъ самыхъ невыгодныхъ для нашего правительства, а подъ вліяніемъ событій 1870—1871 гг. французы выпродали имѣвшійся у нихъ огромный запасъ (говорятъ, до 7-ми миллиардовъ франковъ) иностранныхъ бумагъ и въ томъ числѣ сбыли большинство русскихъ бумагъ.

Послѣ того французскіе капиталисты, какъ извѣстно, невѣжественные насчетъ всего того, что происходитъ за границею, долго знать ничего не хотѣли кромѣ французскихъ рентъ и другихъ французскихъ солидныхъ бумагъ, а удовлетворить такую тенденцію тѣмъ было легче, что республика, не выходя изъ дефицита, то и дѣло, что прибѣгала къ помощи публичнаго кредита. Затѣмъ, хотя на парижской биржѣ возникли операціи съ сотнями бумагъ и въ ярлыкѣ парижской биржи котировалось безчисленное множество цѣнностей, но эти цѣнности были исключительно достояніемъ спекуляціи. Онѣ питали лишь азіотажъ и на нихъ съ ничтожными капиталами совершался огромныя номинальныя сдѣлки исключительно съ цѣлью игры, да и эта игра сплпно сократилась послѣ краха Бонту и съ замѣтнымъ упадкомъ дѣлъ во Франціи. Русскіе фонды относительно солидные, колебанія которыхъ незначительны, кромѣ какъ при слухахъ о войнѣ, когда эти бумаги обыкновенно быстро падаютъ, а затѣмъ очень медленно поднимаются, представляли весьма неудобный матеріалъ для игры въ томъ видѣ, какъ она велась на парижской биржѣ.

Не нужно забывать также, что вся биржевая игра въ Парижѣ въ рукахъ жидовъ, а эти жидаы ровно ничѣмъ не отличаются отъ жидовъ, орудующихъ на берлинской биржѣ. Надобно думать даже, что, несмотря на ненависть, господствовавшую между Франціей и Германіей, и на то, что еврейскія газеты обѣихъ странъ подличною патріотизма грызутся между собою, на дѣлѣ между се-

митами двухъ государствъ существуетъ трогательное единодушіе. Извѣстно, что кагалъ уступаетъ право «газака» и «меропіе», т. е. исключительную привилегію эксплуатировать хрстіанъ извѣстной мѣстности. Очень можетъ быть, что такая привилегія касательно Россіи была уступлена именно берлинскимъ евреямъ. Снять такое ограниченіе было не легко, а до снятія никогда парижская спекуляція на нашу сторону не перешла бы; надѣяться же на прямое воздѣйствіе на карманы французскаго буржуа было невозможно. Тѣмъ не менѣе сближеніе и по этой части произошло. Я подробно описалъ его въ книгѣ «Les ministres de finances de la Russie».

Воспользовавшись общимъ пониженіемъ процентовъ по займамъ, стремленіемъ нѣмцевъ сбыть русскія бумаги, а французовъ — итальянскую ренту, наши министры финансовъ при помощи Ротшильдовъ, Banque de Paris et des Pays Bas и др. помѣстили во Франціи болѣе 5 миллиардовъ франковъ бумагъ, представляющихъ по большей части конверсію займовъ, находившихся въ рукахъ нѣмцевъ и голландцевъ. Части этихъ миллиардовъ помѣщены уже прочно въ дѣйствительныхъ сбереженіяхъ массы. Едва ли, однако, французскіе капиталисты руководствовались въ этомъ случаѣ какими-либо платоническими воззрѣніями или идеей союза. Ихъ привлекала ни болѣе, ни менѣе какъ страсть къ легкой наживѣ на подъемѣ бумагъ, которая очень ловко подогрѣвается французскими финансистами. Парижъ давно сдѣлался первымъ всемирнымъ рынкомъ для спекуляцій съ бумагамъ. Государственные и частные дѣятели Франціи на этомъ поприщѣ: Фульды, Мани, Перейры, Мпресы и др. создали изъ азіютажа цѣлую науку. Поэтому нигдѣ не сумѣютъ выпустить такъ ловко займа, какъ во Франціи, и обставить его такими соблазнительными условіями. Французскій финансистъ похожъ въ этомъ случаѣ на французскаго повара, который и кошку приготовить вкуснѣе, нежели другой поваръ зайца. Французы нажили на нашихъ займахъ уже свыше 100 мил. франковъ.

Россія также несомнѣнно выиграла, имѣя теперь для своего кредита двѣ биржи, вмѣсто одной берлинской, т. е. стоя на двухъ, а не на одной ногѣ. Французы выиграла и на курсѣ бумагъ и отъ замѣны цѣнностей сомнительныхъ — цѣнностями солидными. Но изобиліе русскихъ бумагъ представляетъ для нихъ и нѣкоторое неудобство. Во время войны они не найдутъ имъ легкаго сбыта и, продавая только у себя, естественно должны будутъ нести потери. Но это обстоятельство одинъ изъ факторовъ, почему Франція будетъ менѣе легкомысленно относиться впредь къ вопросу о войнѣ.

Кромѣ финансовыхъ связей для насъ важны во Франціи связи торговля и литературныя. Въ началѣ 60-хъ годовъ, подъ влияніемъ господствовавшихъ тогда въ Европѣ идей свободной тор-

говли, вѣрли въ великую пользу торговыхъ договоровъ, но уже десять лѣтъ спустя началась реакція и теперь въ чудодѣйственность торговыхъ трактатовъ мало кто вообще вѣрять, большинство же государствъ находятъ ихъ скорѣе стѣснительнымъ. Если трактаты сохраняются и заключаются новые, то потому, что интересы разныхъ промышленностей такъ перепутались, что является опасеніе, какъ бы, добываясь лучшаго, не испортить того, что уже существуетъ. Нѣкоторые государства, какъ Испанія и Румынія, дѣйствовали такъ, что сначала отказывались отъ всѣхъ трактатовъ, а потомъ приступали къ заключенію новыхъ, на другихъ началахъ. Гораздо практичнѣе поступали американцы, упорно отказывавшіеся ставить свой тарифъ въ договорныя отношенія, хотя и они подчасъ уступали.

Вообще ни одна изъ современныхъ доктринъ не потерпѣла такого фіаско въ такое непродолжительное время, какъ теорія свободной торговли, выставившаяся панацеею общаго мира и общаго благополучія. Даже въ клубѣ Кюбдена въ Лондонѣ — учрежденіи, созданномъ исключительно для распространенія фритредерскихъ идей, — было заявлено грустное для его членовъ сознаніе, что идея эти быстро теряютъ почву въ Европѣ. Въ самой Англій приходиться съ трудомъ бороться противъ теорій такъ называемой *fair trade* «справедливой торговли» теорій, не представляющей ничего другаго, кромѣ протекціонизма подъ другимъ болѣе для англійскаго уха пріятнымъ названіемъ.

Россія связала себя пѣлымъ рядомъ трактатовъ, польза которыхъ довольно сомнительна, но отказаться отъ которыхъ было бы рискованно. Первоначально это были трактаты о взаимствѣ и о предоставленіи права наиболѣе покровительствуемой націи, но въ послѣднее время въ трактатахъ стали помѣщаться конвенціонныя таможенныя тарифы въ виду общаго стремленія государствъ слѣдовать покровительственной системѣ. Въ такомъ смыслѣ заключенъ въ 1893 году торговый договоръ съ Франціей, замѣнившій договоръ 1874 года, заключенный вмѣсто бывшаго трактата 1857 года, отъ котораго русское правительство отказалось вслѣдствіе установленныхъ при Тьерѣ 30 іюня 1872 г. дифференціальныхъ пошлинъ въ пользу французскаго флага; къ трактату 1874 г. была приложена конвенція о взаимномъ положеніи и правахъ консуловъ въ обѣихъ странахъ, и конвенція объ охраненіи и выдачѣ наслѣдствъ, остающихся послѣ умершихъ подданныхъ обѣихъ странъ. Два послѣдніе договора были очень полезны для Франціи, и при-то Россія заплатила за отмену для ея издѣлій запрѣтительнаго тарифа, давно, впрочемъ, обратившагося во Франціи въ тѣ декорации, которыми китаецы пугали нападающую армію, такъ какъ никто не могъ помѣшать безиреятственному провозу русскихъ издѣлій черезъ Германію или Англійю. Независимо отъ уступокъ, специально сдѣланныхъ Франціи по положенію націи

наибольше благопріятствуемой, она пользуется и всѣми уступками, сдѣланными по таможенному договору съ Германіей.

Болѣе интереса представляетъ вопросъ о новой литературной конвенціи, которой добиваются французы, хотя ни въ какой литературной конвенціи съ Франціей Россія не нуждается. Намъ очень пріятно, что французы прочли въ переводахъ романы Толстого и Достоевскаго и что военные хоры ихъ играютъ частенько «Боже, Царя храни»; отъ этого намъ ничего не убудетъ; ожидать же контрафакціи русскихъ книгъ во Франціи весьма трудно. Да если бы такая контрафакція и завелась, то, при нашихъ таможенныхъ и цензурныхъ условіяхъ, ей бы не прожить и двухъ мѣсяцевъ. Сбытъ же русскихъ книгъ внѣ предѣловъ Россіи совершенно ничтоженъ: тамъ обращаются только революціонныя изданія и то въ весьма скромныхъ сравнительно съ прежними размѣрахъ.

Литературной конвенціи желаютъ только французы. Для нихъ контрафакція можетъ быть дѣйствительно невыгодна, потому что французскія изданія внѣ Франціи продаются на милліоны рублей. Удовлетворить законнымъ требованіямъ на этотъ счетъ французовъ и имѣла цѣлью литературная конвенція 1861 г., сдѣлавшая невозможною перепечатку французскихъ изданій въ Россіи. Но французы не удовлетворились этимъ. Понятіе о литературной и артистической собственности чрезвычайно расширилось въ послѣднее время во Франціи къ выгодѣ спекуляціи. Фактъ, наприимѣръ, что общество охраненія музыкальной собственности запрещало въ Парижѣ шарманкамъ играть французскія вещи безъ разрѣшенія! Подобныя ограниченія, бесполезныя для авторовъ ученыхъ и серьезныхъ, чрезвычайно выгодны для авторовъ разной мерзости, пользующейся популярностью; они обезпечиваютъ авторамъ скабрзныхъ романовъ, гривуазныхъ шавсоветокъ, неприличныхъ картинокъ огромные доходы. Какая нибудь пошлѣйшая: «En revenant de la revue» доставила автору сотню, если не болѣе, тысячъ франковъ.

Вотъ эту-то собственность и желали бы упрочить за собою французы. Пользуясь неяснымъ положеніемъ конвенціи 1861 г., которая, какъ все, что выходитъ пзъ-подъ пера дипломатовъ, можетъ быть толкуема четвероюко, французы стали предпринять и требовать вознагражденія за переводы, за исполненіе драматическихъ и даже музыкальных пьесъ, толкуя слово воспроизведеніе (*réproduction*) не какъ перепечатку, а въ самомъ широкомъ смыслѣ, настолько широкомъ, что нельзя будто бы просвѣстать вальсъ пзъ «Фауста», не заплативъ гонорара наследникамъ Гуно. Назойливость французскаго адвоката Мишеля была причиною, что наше правительство, по просьбѣ издателей, отказалось отъ конвенціи 1861 г. Если бы наши дипломаты, вообще склонные слушать болѣе просьбы иностранныхъ, нежели своихъ подданныхъ, не вияли бы моленіямъ литературы и не разрушили бы трактата 1861 года, то французы все-таки ничего не выиграли бы. Наши

смѣтливые издатели и журналисты вмѣсто платежа ограничились бы болѣе дешевымъ способомъ: писали бы только на оберткахъ: сочиненіе Виктора Гюго, переводъ съ норвежскаго перевода, плив: сочиненіе Эмиля Золя, переводъ съ турецкаго перевода, и т. п., и никакіе агенты французскаго общества драматическихъ писателей не могли бы заставить ихъ платить тогда въ пользу французовъ незаконные поборы, потому что съ Турціей и Норвегіей трактатовъ у насъ не существуетъ насчетъ литературной собственности, доказать же происхожденіе перевода никакіе эксперты въ мірѣ не въ состояніи.

Заслуживъ издавая свое сочиненіе въ свѣтъ, авторъ тѣмъ самымъ открываетъ каждому возможность пользоваться его мыслями, насколько онѣ проявились въ его твореніи. За авторомъ остается только право на ихъ внѣшнюю оболочку, на ихъ форму, и только ее онъ можетъ имущественно эксплуатировать. Переводъ есть лишь пользованіе мыслями оригинала, а не его формою, переводъ передаетъ содержаніе оригинала хотя въ той же системѣ и послѣдовательности, въ какихъ оно изложено въ оригиналѣ, но совершенно инымъ языкомъ и иными литературными оборотами рѣчи, а потому переводъ отнюдь нельзя причислить къ механическому воспроизведенію чужого сочиненія—къ контрафакціи.

А если такъ, то переводчику нѣтъ никакой надобности спрашивать предварительнаго согласія автора оригинала на переводъ послѣдняго, и запрещеніе свободы перевода равносильно запрещенію одного изъ видовъ пользованія чужими мыслями. Хотя нѣкоторые изъ положительныхъ законодательствъ сочли возможнымъ свободу перевода поставить въ извѣстныя рамки, но это, какъ справедливо объясняетъ г. Табачниковъ въ своей книгѣ «Литературная собственность», происходитъ отъ невѣрнаго основнаго взгляда, что авторское право есть льгота, дарованная государствомъ авторамъ въ возмездіе за ихъ труды и въ поощреніе ихъ къ дальнѣйшимъ работамъ. Едва ли, однако, государство, оберегая, напр., за Бело права собственности на его неприличные романы, желало поощрить его къ дальнѣйшимъ трудамъ по той же части.

Со времени уничтоженія конвенціи прошло уже нѣсколько лѣтъ и мы рѣшительно не видимъ, въ чемъ интересы Франціи были нарушены. Хотя литературной конвенціи не существовало, по ни одной контрафакціи французскихъ изданій у насъ не появилось по весьма простой причинѣ, что французскія книги и ноты по дороговизнѣ бумаги, французскаго набора и корректуры въ Россіи обойдутся, конечно, несравненно дороже, чѣмъ во Франціи, Бельгіи и даже Германіи. Охранять контрафакцію для Франціи въ Россіи такъ же бесполезно, какъ для Россіи брать привилегіи во Франціи на приготовленіе калачей, сасекъ и лыковыхъ лаптей.

II. ГЕРМАНІЯ.

Слово пруссака—Preusse означает по-литовски «лѣсной челоувѣкъ», то же самое, что орангъ-утангъ по-малайскл. Таковъ былъ взглядъ на нѣмцевъ въ старину. «Нѣмцы», говоритъ Бисмаркъ въ своихъ запискахъ, «въ сущности нація унтеръ-офицеровъ. Каждый жаждетъ наппвогъ п галуновъ; нѣмецъ, занимающій общественное положеніе, обладаетъ только той долей личнаго достоинства, которая соотвѣтствуетъ наложенному на него казенному клеюму п дарованнымъ ему чинамъ п орденамъ». «Уже въ первый разъ», говоритъ Байронъ, «когда германцы появляются въ Италіи (во времена Марія), они представляются въ видѣ вооруженныхъ нищихъ, просящихъ земель п предлагающихъ взамѣнъ услуги своего оружія».

Теперь «какая съ Божіею милостью переѣвна»! Германія можетъ считаться первою на континентѣ Европы державою по образованію п богатству. Германская промышленность п торговля начинаютъ занимать господствующее положеніе на всемъ земномъ шарѣ п вытѣснять самыхъ могущественныхъ соперниковъ. Великобританія, уже полтора вѣка безспорно п безраздѣльно господствовавшая на мировомъ рынкѣ, отступаетъ передъ натискомъ младшей соперницы. Лордъ Розберри, въ одной рѣчи по поводу технического образования, указалъ на угрожающее со стороны нѣмцевъ другимъ народамъ пораженіе въ экономической п технической областяхъ. Мнѣніе свое Розберри основалъ на книгѣ Вильяма «Made in Germany» появившейся въ Лондонѣ въ 1896 г.

Вильямъ весьма обстоятельно, съ цифрами въ рукахъ, разобралъ вопросъ, какимъ образомъ Германія стала первоклассной промышленной страной? Еще нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ она была земледѣльческой страной, промышленность ея была незначительна, промышленный капиталъ весьма ограниченъ, вывозная торговля до того незначительна, что даже не привлекала къ себѣ вниманія офціальной статистики; она ввозила въ большихъ размѣрахъ продукты чужихъ странъ для собственнаго своего потребления. Нынѣ все это измѣнилось. Германская молодежь выросла въ англійскихъ домахъ, усвоила себѣ всѣ тайны англійской промышленности п обогатила ими свои фабрики п заводы. Германія воспитала своего рабочаго такимъ образомъ, что онъ во многихъ областяхъ промышленности сталъ выше, а въ большихъ случаяхъ паравиъ съ англійскимъ собратомъ. Нѣмецкіе капиталисты ведутъ умѣренный п простой образъ жизни, что имъ даетъ возможность обходиться безъ немедленнаго значительнаго барыша п накапливать капиталы. Успѣшнво работая въ своихъ конторахъ, пріучая своихъ сыновей работать точно такъ же, они тщательно слѣдятъ за малѣйшими подробностями своего дѣла; они добились го-

сударственной помощи въ разныхъ видахъ. Населеніе Германіи возросло въ такой же пропорціи, въ какой оно увеличилось въ 30 и 40 годахъ въ Англіи. Верфи Германіи строятъ суда, назначенныя для транспорта нѣмецкихъ товаровъ; ея агенты объѣзжаютъ всѣ страны, гдѣ только есть шансы устроить дѣло на какихъ бы то ни было условіяхъ, и предлагаютъ нѣмецкій товаръ даже съ убыткомъ, лишь бы завладѣть рынкомъ. Словомъ, гигантское торговое государство возникаетъ и угрожаетъ англійскому благосостоянію на поприщѣ всемірной торговли. Правда, этотъ порывъ къ промышленности не пользуется всеобщимъ сочувствіемъ въ странѣ и аграрная партія энергично указываетъ на ущербъ, нанесенный германскому земледѣлію новымъ направленіемъ, но этотъ протестъ до сихъ поръ никакого дѣйствія не имѣлъ, да и врядъ ли будетъ имѣть. Нельзя позабыть также и успѣхи въ торговой политикѣ нѣмецкой дипломатіи. Германія приобрѣла обширныя колоніи, завела повсюду парокходство, заключила выгодныя трактаты. Торговые договоры были даже характерной чертой управленія графа Каприви, въ отличіе отъ политики строгой таможенной охраны Бисмарка.

Не потеряла времени Германія со времени своего объединенія и для успѣховъ въ другихъ отношеніяхъ. Диктатурою своею въ Эльзасъ-Лотарингіи германское правительство пользовалось, на примѣръ, весьма умѣренно и практично, не гоняясь за эффектнымъ результатами и неосуществимыми утопіями, а преслѣдуя германизацію осторожно и послѣдовательно.

По-истинѣ можно сказать, что, въ интересахъ этой германизаціи, пруссаки въ одинъ годъ дѣлали въ Эльзасъ-Лотарингіи болѣе, чѣмъ другія государства во сто лѣтъ для объединенія своихъ окраинъ. Германизація не шла только административно-полицейскимъ путемъ—она втекала по всѣмъ жиламъ края: школа, судъ, армія, финансовое и торговое законодательство—все служило проводникомъ нѣмецкихъ идей. Вслѣдъ за присоединеніемъ, Эльзасъ-Лотарингія получила обязательное обученіе, всеобщую военную повинность, общинную свободу, сокращеніе бесполезной администраціи и излишней магистратуры, языкъ, понятный массѣ народа, университетъ, честное отношеніе къ финансамъ и значительныя облегченія въ промышленномъ и торговомъ законодательствѣ. Всѣ эти блага настолько серьезны, что заставили призадуматься многихъ эльзасскихъ патриотовъ и ослабили симпатіи къ Франціи, несомнѣнно существующія въ покоренной области. На выборахъ 1893 г. депутаты Эльзасъ-Лотарингіи явились въ оппозиціи какъ католики или социаллисты, но вовсе не въ качествѣ протестантовъ противъ принадлежности этой области Германіи.

Съ тою же послѣдовательностью германское правительство дѣйствовало и по отношенію къ своимъ польскимъ окраинамъ. Оно простерло свое усердіе до того, что принялось германизировать

Ковенскую, Плодскую, Калининскую и Волынскую губернии, такъ что пришлось издать охранительный законъ 1887 года, ограничившій въ Россіи права иностранцевъ, дарованныя въ 1860 году.

Никогда, быть можетъ, предсказанія оракуловъ европейской печати не получали такого сильнаго опроверженія, какъ въ вопросѣ о нравственныхъ послѣдствіяхъ франко-германской войны. Въ значительной части публики сложилось убѣжденіе, что объединеніе Германіи подъ господствующимъ вліяніемъ Пруссіи положить начало полной реакціи, подобной той, какую испытала Европа въ 1815—30 и 1849—54 годахъ. Къ счастью для Европы, эти ожиданія не сбылись. Германія не воспользовалась плодами своей побѣды для того, чтобъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла другихъ государствъ. Не разъ ходили слухи о разныхъ таинственныхъ планахъ германскаго правительства относительно независимости Голландіи, австрійскихъ провинцій, населенныхъ нѣмцами, Царства Польскаго, прибалтійскаго края; даже Стамбулу, казалось, угрожали козни бисмарковой политики; однако ничего серьезнаго въ дѣйствительности не случилось и Германія болѣе всего была занята довершеніемъ своего объединенія и ревнивою охраною пріобрѣтеннаго. Правительство и рейхстагъ обращали по преимуществу вниманіе на вопросы законодательные, финансовые, административные, социальныя (страхованіе рабочихъ и пр.), на дополненіе сѣти желѣзныхъ дорогъ, увеличеніе и улучшеніе арміи и пр., а образовавшаяся въ половинѣ 1871 года значительная анти-имперская партія центра, составленная изъ клерикальныхъ и особенно католическихъ элементовъ, еще болѣе сосредоточила интересъ на дѣлахъ внутреннихъ.

Князь Бисмаркъ, съ свойственною ему энергіей и послѣдовательностью, началъ безпощадную войну съ своей оппозиціей, поражая ее не только въ представительствѣ ея въ палатахъ, но и въ самыхъ рядахъ партій, руководимой клерикалами. Изданные съ этою цѣлью въ 1872—74 годахъ церковныя законы дали прусскому правительству широкое право вмѣшательства въ дѣла католической церкви. Извѣстная ловкость канцлера имперіи встрѣтила, однако, достойную себя соперницу въ изворотливости прелатовъ католической церкви, дипломатическое искусство которыхъ давно испытано. Хотя за прусскимъ правительствомъ стояла въ этомъ случаѣ почти вся интеллигенція Германіи, но сломить клерикальную оппозицію не удалось.

Борьба эта возбудила въ Европѣ самыя противоположныя чувства. Въ то время, когда въ религіозной Англіи составлялись митинги съ участіемъ вліятельнѣйшихъ въ обществѣ лицъ для заявленія сочувствія многотрудному дѣлу, задуманному Бисмаркомъ, во Франціи, хвальнойся своимъ свободомысліемъ, журналы всѣхъ партій, кромѣ радикальной, сошлись въ порицаніи прусскаго правительства.

Два элемента, создавшіе Германскую имперію—Пруссія и на-

ціональная партія — враги католицизма. Пруссія болѣе нежели какое-либо другое государство — дочь протестантской религіи, которая возвысила ее изъ ничтожества; прусское понятіе о церкви, подчиненной государству во имя блага отечества, не влечется съ католической идеей, что государство существуетъ только для могущества и славы церкви. «Лучше повиноваться Богу, чѣмъ людямъ» — принципъ, рѣзко противорѣчающій прусской дисциплинѣ. Не менѣе была враждебна католицизму, особенно ультрамонтанскому, національная партія, убѣжденная, что побѣдой надъ ультрамонтанствомъ новая имперія заслужитъ себѣ скорѣе всего почетный титулъ въ исторіи. Прошедшее Германіи убѣждаетъ несомнѣнно, что съ одиннадцатаго вѣка католицизмъ былъ злѣйшимъ врагомъ германскаго единства, поэтому борьба продолжается и до сихъ поръ. Не имплегная антипатія, не капризъ кн. Бисмарка вооружилъ двѣ стороны на борьбу, но самая сила вещей, вопросъ о жизни и смерти, старый кличъ: «Vita Caroli, mors Congradini». Не безъ влияния на эту борьбу сказалось и образование партій такъ называемыхъ «старокатоликовъ», вызванное особенностями германскаго католицизма. Во Франціи и въ другихъ католическихъ странахъ народъ переходитъ отъ вѣры къ безвѣрію, полагаясь только на слово своихъ учителей; въ Германіи грамотное населеніе знаетъ свои догматы и любитъ о нихъ спорить; въ средѣ германскаго духовенства не мало ученыхъ богослововъ, которые доходятъ до всего философскимъ путемъ и не признаютъ навязываемыхъ рѣшеній:

По мнѣнію противниковъ церковной политикѣ Бисмарка, для успокоенія религіознаго волненія не было другого пути, кромѣ свободы, т. е. отстраненія всякаго участія государства въ дѣлахъ церкви и отнесенія послѣдней къ числу равноправныхъ съ другими философскихъ и религіозныхъ ученій. Католицизмъ же болѣе всего боится свободы, такъ какъ единство создавалось и поддерживалось въ этой религіи цѣлые вѣка исключительно при помощи правительства. Предоставленный самому себѣ, католицизмъ непременно распадется на враждующія между собою секты, которыя уравниютъ влияние одна другой. Преслѣдованіе производитъ, наоборотъ, то же дѣйствіе, что и покровительство: оно сближаетъ для борьбы отдѣльныхъ членовъ церкви и заставляетъ ихъ забывать, передъ общимъ врагомъ, мелкія несогласія. Опаснѣйшая сторона католицизма — это его централизація, его почти военное устройство; этою организаціей католицизмъ легко побѣждаетъ другія ученія, болѣе слабо устроенныя; но когда въ разныхъ государствахъ каждый будетъ имѣть право свободно оставлять католическую вѣру, жить гражданской жизнью внѣ церкви, обсуждать ея догматы и правила, тогда католическая церковь будетъ болѣе безопасна для государства. Современные государства такъ велики и сложены изъ такихъ разнообразныхъ элементовъ, что добиваться

религіознаго единства теперь чистая утопія; поэтому лучше всего предоставить въ этомъ отношеніи побольше свободы. но нѣтъ сомнѣнія, что любимѣйшее для гражданъ отечество то, гдѣ они подвергаются наименьшимъ стѣсненіямъ.

Аргументація эта, вѣрная въ своихъ основаніяхъ, не можетъ быть принята безусловно. Конечно, свобода—благо первой необходимости, но самая цѣль учрежденія государства состоить уже въ отстраненіи тѣхъ ея проявленій, которыя вредны для отдѣльныхъ гражданъ; а къ числу такихъ проявленій, безъ сомнѣнія, относится и пропаганда религіознаго ученія, основанная не на флософскихъ доводахъ, а на дѣйствиіи организованной арміи проповѣдниковъ, располагающихъ огромными капиталами и связями, не соединенныхъ со странною семейными узлами, получающихъ приказаніе изъ чужого государства и считающихъ себя независимымъ государствомъ въ государствѣ, простирающихъ свои притязанія даже до того, что считаютъ свои интересы выше государственныхъ. Государство имѣетъ въ этомъ случаѣ право защиты и не можетъ оставаться равнодушнымъ, какъ не можетъ не призвать своихъ гражданъ къ оружію, когда врагъ подходитъ къ границамъ. Такъ поняло свое дѣло прусское правительство. Оно вовсе не руководствовалось догматическими соображеніями; можетъ быть, оно сдѣлало много серьезныхъ промаховъ, которые слѣдовало исправить. что и сдѣлано въ 1887 г., но въ общемъ оно вѣрно рѣшило, что нельзя оставлять государство безоружнымъ или вооруженнымъ только административнымъ произволомъ противъ ученія разрушительнаго для единства имперіи и такъ тѣсно соединившаго политику съ догматикой. что неизвѣстно, гдѣ кончается одна и начинается другая.

Другимъ врагомъ новой имперіи явился социализмъ, который въ Германіи жидовскаго происхожденія (Марксъ и Лассаль). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ будущемъ Германская имперія должна болѣе бояться волненія своихъ подданныхъ социалистовъ, не признающихъ отечества, чѣмъ столкновенія съ папою или иностранными державами.

Национальность, по мнѣнію нѣмецкихъ социалистовъ, повсюду разлагается, въ средѣ народовъ образуется общество космополитическое и международное по своимъ интересамъ и тенденціямъ. Фабрикантъ и купецъ, спекулирующіе на всемірномъ рынкѣ и въ международной торговлѣ; капиталистъ, помѣщающій свои деньги въ иностранные фонды только, чтобы имѣть крупный доходъ, хотя бы отъ предпріятій, вредныхъ для его собственнаго отечества; рабочій-эмигрантъ, которому все равно гдѣ зарабатывать кусокъ хлѣба и который мало интересуется славою отечества, не обезпечивающаго его существованія; артистъ и ученый, которые работаютъ для успѣховъ цивилизаціи вообще и заботятся о человѣчествѣ вообще,—все эти столь различные классы современнаго

общества имѣютъ въ равной степени международныя стремленія, выходящія за границы извѣстной національности.

Особые успѣхи социализмъ сталъ дѣлать въ Германіи со времени слиянія на конгрессѣ въ Готѣ въ 1875 г. всѣхъ социалистическихъ партій; идеи Карла Маркса были взяты тамъ за основаніе, и съ тѣхъ поръ эти успѣхи не прекращались. Число социалистическихъ ассоціацій считается тысячами, онѣ ежегодно увеличиваются сотнями, какъ грибы растутъ и социалистическія газеты. Но что важнѣе всего — это успѣхъ социалстовъ въ рейхстагѣ, поощряемый установленною для выборовъ въ эту палату всеобщею подачею голосовъ. Бисмаркъ думалъ въ этомъ способѣ выборовъ найти орудіе противъ партікуляризма, но лекарство оказалось хуже болѣзни. Каждый выборы социалистическая партія, руководимая Бебелемъ, Либкнехтомъ и Зингеромъ, все усиливалась, а по числу избирателей она давно уже представляется наиболѣе многочисленною. Бисмаркъ пробовалъ было затормозить и это движеніе, какъ хотѣлъ ограничить укрѣпленіе католицизма, но одинаково безуспѣшно. Прпмѣру его пытался слѣдовать и императоръ Вильгельмъ II, но отказался отъ своихъ попытокъ, и социализму предоставлена теперь извѣстная свобода, подѣ условіемъ не дѣйствовать революціонными средствами.

Несмотря на католиковъ и социаль-демократовъ, Германія занимала однако весьма внушительное положеніе, какъ благодаря успѣхамъ своей культуры, такъ и постоянно продолжающимися вооруженіямъ. Необходимость этихъ вооруженій лучше всѣхъ формулировалъ въ своихъ рѣчахъ въ рейхстагѣ покойный графъ Мольтке, возражая ораторамъ свободомыслящей партіи Рихтеру, Вирхову и другимъ.

Ссылаясь на извѣстныя сочиненія Камилля Руссэ и Банкрофта, онъ доказывалъ дороговизну и негодность народныхъ ополченій, испытанную въ Америкѣ и во Франціи, а примѣромъ коммуны подтверждалъ опасность вооружать во время войны народныя массы. Эти два примѣра убѣждаютъ, что необходима извѣстная продолжительность пребыванія въ рядахъ арміи, чтобъ выработать настоящаго солдата. Признавая невозможность обезпечить существованіе государства безъ постоянной арміи изъ опытныхъ солдатъ, Мольтке находилъ, что армія эта должна стоять въ уровень съ политическими потребностями. При этомъ онъ повторялъ два извѣстныхъ афоризма. «Первая потребность государства» — говоритъ онъ — «обезпечить свое существованіе извнѣ; оставляя страну беззащитною, правительство совершаетъ величайшее преступленіе». — «Чтобъ заставить другихъ уважать миръ, — необходимо быть готовымъ къ войнѣ».

Соглашаясь безусловно съ первою изъ этихъ истинъ, нельзя однако признать, что государство можетъ существовать, лишь располагая 1½ милліонами штыковъ; въ такомъ случаѣ погибли бы

всѣ страны, не имѣющія этой утѣшительной цифры. Исторія говоритъ противное. О международной гарантіи п нейтрализованныхъ государствахъ не было прежде п помину, однако мы видимъ, что небольшія государства: Голландія, Португалія, Швейцарія, Данія, Швеція п др. просуществовали цѣлые вѣка, вовсе не располагая милліонами солдатъ. Хотя графъ Мольтке п презиралъ волонтеровъ, но не могъ отрицать, что когда дѣйствительно представлялись случаи дерзкаго покушенія на независимость какого бы то ни было государства, напримѣръ Испаніи при Наполеонѣ I или Мексики при Наполеонѣ III, то п регулярная армія ничего не могла сдѣлать противъ дѣйствительно народной войны. Это на дняхъ подтвердилъ примѣръ буровъ.

Второй афоризмъ графа Мольтке прямо принадлежитъ къ числу опаснѣйшихъ заблужденій нашего времени. Знаменитая латинская поговорка — *si vis pacem, para bellum* — пришла съ необыкновенно по душѣ современнымъ государственнымъ людямъ, но какіе доводы приводятся въ ея защиту! Мольтке, напримѣръ, доказывалъ, что Германіи необходимо имѣть огромную армію, потому что ей никто не довѣряетъ. Но, казалось бы, легче приобрести довѣріе, котораго не доставало, по словамъ Мольтке, нежели увеличивать армію. Для послѣдняго странно было ссылаться на вооруженія Бельгіи, Голландіи, Даніи п даже Англій; государства эти вооружались вовсе не противъ Германіи, а въ защиту отъ послѣдней. Вооруженія ихъ не прекратятся, а только усилятся, если Германія будетъ оставаться на военномъ положеніи. Не болѣе убѣдительны примѣры Австріи п Россіи. Если Мольтке говорилъ, что государства эти, хотя п понапрасну, опасаются потери своихъ полунѣмецкихъ провинцій, то вооруженія съ ихъ стороны очень понятны; но почему эти опасенія, даже крайне преувеличенныя, могутъ быть причиной для усиленныхъ вооруженій Германіи?

Оставалась, слѣдовательно, одна Франція. Отторженіе богатыхъ областей возбудило въ ней ненависть къ нѣмцамъ, которая не очень скоро утихнетъ п оттого понятно, что Германія имѣла основаніе опасаться замысловъ съ этой стороны. Но, присматривая за своимъ сосѣдомъ, готовность котораго къ наступательной войнѣ будетъ еще долгое время проблематическою, Германія не должна, однако, изъ каждой военной реформы во Франціи дѣлать предлогъ для новыхъ вооруженій. При подобныхъ условіяхъ европейскій миръ немислимъ. Быть готовымъ къ войнѣ не значитъ еще жить въ лагерѣ. А безпрерывныя преобразованія въ германской арміи за послѣднія тридцать лѣтъ п постоянныя притворныя опасенія за свою государственную независимость, которой никто серьезно не угрожаетъ, не могутъ не возбуждать въ Европѣ справедливаго недовѣрія.

Многіе полагаютъ, что политика вооруженнаго нейтралитета,

въ которую вовлечены всѣ государства вооруженіями Германіи, въ экономическомъ отношеніи обходится гораздо дешевле войны и въ то же время можетъ безъ большого риска принести результаты столь же плодотворныя, какъ и успѣшныя военныя дѣйствія. Для опроверженія этого полезнѣе всего обратиться къ исторіи государства, которое чаще другихъ видѣло въ вооруженномъ нейтралитетѣ средство болѣе выгодное, чѣмъ открытая война. Я говорю объ Австріи.

Цифры, приведенныя графомъ Мюллинеомъ въ его сочиненіи о финансахъ Австріи, очень поучительны: онѣ ясно доказываютъ, что вооруженный нейтралитетъ стоилъ Австріи съ виду не многимъ дешевле, а въ сущности гораздо дороже войны, не принося никакихъ очевидныхъ результатовъ и дѣйствуя чрезвычайно разорительно на торговлю и народное благосостояніе. Многіе факты указываютъ даже, что война составляетъ явленіе менѣе гнетущее благосостояніе населенія, чѣмъ такъ называемый вооруженный нейтралитетъ.

Кажущаяся парадоксальность подобнаго воззрѣнія можетъ быть однако объяснена безъ особаго труда. Въ дѣлахъ самое важное ясность положенія. Потери, когда размѣръ ихъ опредѣлеть, не страшатъ предпримчивыхъ людей, разъ рѣчь не идетъ о полномъ разореніи,—предположеніе для большой страны немислимое. Губить предпримчивость неопредѣленность и неизвѣстность, при которыхъ нельзя вовсе предугадать будущее, сдѣлать какой-либо основательный расчетъ, и потому рискованно браться за всякое дѣло, какъ бы оно ни казалось просто и выгодно. Въ этомъ смыслѣ война, гдѣ потери болѣе или менѣе выясняются, гораздо менѣе опасна, чѣмъ ожиданіе войны. Затѣмъ мобилизація требуетъ почти всѣхъ расходовъ войны (даже тѣхъ же потерь въ людяхъ отъ болѣзней), не давая взамѣнъ никакихъ выгодъ послѣдней.

А выгоды эти прежде всего нравственныя. Всеобщее одушевленіе и энергія, естественно связанныя съ войною въ здоровомъ обществѣ, имѣютъ не малый вѣсъ также и въ экономическомъ отношеніи. Затѣмъ война, хотя, конечно, нѣсколько лихорадочно, даетъ всегда могущественный толчокъ внутренней промышленности страны, а это, въ свою очередь, отражается на общемъ благосостояніи населенія.

Громадныя полчища, содержимыя Германіей и заставляющія всю Европу обращаться въ большой лагерь, показались еще недостаточными германскому правительству и оно, какъ бы не раздѣляя афоризма своего знаменитаго канцлера, что «нѣмцы кромѣ Бога никого не боятся», искало союзниковъ. До послѣдней Восточной войны такимъ довольно угодливымъ союзникомъ была Россія, но когда послѣдняя, справедливо или нѣтъ—другой вопросъ, осталась недоволенною поведеніемъ «честнаго маклера» на Берлинскомъ конгрессѣ и выказала нѣкоторую независимость, Бисмаркъ,

вопреки желанію своего престарѣлаго государя, поторопился заключить тайный союзъ съ Австро-Венгріей.

Какъ люди, не имѣющіе средствъ пить кофе, довольствуются цпкоріемъ, такъ и Впсмаркъ, не имѣя возможности удержать въ союзѣ Россію, удовольствовался привлеченіемъ въ 1882 г. Италіи, которая, впрочемъ, и безъ того, начиная съ 1866 года, шла съ Германіей рука объ руку во всѣхъ политическихъ вопросахъ.

Наша дипломатія, конечно, смутилась при мысли, что русская политика сдѣлается вдругъ самостоятельною и должна будетъ стоять на своихъ собственныхъ ногахъ послѣ того, какъ мы съ 1814 по 1853 годъ находились подъ австрійскимъ вліяніемъ, съ 1856 по 1863 годъ—подъ французскимъ, а начиная съ 1863 года—подъ прусскимъ. Семидесятилѣтнее вожденіе на помочахъ дѣйствительно должно было нѣсколько отучить Россію отъ свободныхъ движеній. Правда, въ восточной политикѣ, особенно въ началѣ царствованія Николая I, мы держались иногда очень независимо и шли наперекоръ всей Европѣ, а маленькими нѣмецкими дворами даже командовали, но послѣ подобныхъ случайныхъ эскападовъ быстро спрячались и моменты нашего величайшаго торжества были обыкновенно моментами нашего величайшаго разочарованія. Плоды блестящихъ дипломатическихъ и военныхъ побѣдъ какъ-то мгновенно таяли въ нашихъ рукахъ. Достаточно вспомнить обстоятельства, слѣдовавшія за заключеніями выгодныхъ для насъ договоровъ—аккерманскаго, адрианопольскаго, константинопольскаго (ункиаръ-искелесскаго) и санъ-стефанскаго.

Робѣтъ намъ между тѣмъ и тогда было нечего, а теперь и недавно. Не касаясь еще существа противъ насъ направленной комбинаціи державъ, безопасность нашего уединеннаго положенія доказывалась примѣромъ Англіи. Это «свокорыстное», какъ любятъ выражаться дипломаты, государство исконнымъ правиломъ своей виѣшней политики поставило — не вступать ни въ какія обязательства на долгій или неопредѣленный срокъ, въ виду неизвѣстныхъ случайностей будущаго. Никогда не искало оно случая убѣдить, что его интересы тождественны съ интересами другихъ державъ, и не желало путемъ призрочнаго уравнишенія обоюдныхъ интересовъ и взаимныхъ уступокъ придти къ соглашенію и къ мирному и полюбовному разрѣшенію серьезныхъ вопросовъ. Подобную политику Англія считала дипломатической метафизикой; министры ея безъ церемоніи подсмѣивались надъ послѣднею въ депешахъ; они безъ церемоніи ставили англійскіе интересы, т. е. барыши, на первый планъ и для осуществленія своихъ цѣлей пользовались каждымъ средствомъ, не брезгая входить въ соглашенія даже съ естественными противниками Англіи. Такъ нѣсколько разъ морочили они и насъ, дѣлая, напримѣръ въ греческомъ и египетскомъ вопросахъ, Россію орудіемъ своихъ замысловъ.

Если Англія доказала, что уединеніе въ иностранной политикѣ

вовсе не опасно, то и Франція, которая до кронштадтскаго посѣщенія оставалась совершенно уединенной, даже еще подь угрозою подвергнуться каждый день новому германскому нашествію, немного проиграла отъ подобнаго уединенія. По крайней мѣрѣ, оно не помѣшало ей пріобрѣсти лакомый кусокъ на Средиземномъ морѣ, въ видѣ Туниса, и распространить свой протекторатъ на Индо-Китай и Мадагаскаръ. Правда, Франція дала себя вытѣснить изъ Египта, но въ этомъ случаѣ вина была ея собственныхъ государственныхъ людей, которые позволили англичанамъ по отношенію къ Египту разыграть ея grand ту же комедію, которую они разыграли съ нами en petit относительно порта Гамильтона.

Если уединеніе — допуская, что мы не захотѣли бы искать себѣ союзника во Франціи—не уменьшало нашей силы, то союзъ трехъ державъ, весьма внушительный по итогу солдатъ, которыхъ эти державы въ состояніи выставить въ поле, и по занимаемому имъ центральному положенію въ Европѣ отъ Шлезвига до Спциліи, т. е. пріблизительно въ предѣлахъ имперіи Гогенштауфеновъ, не долженъ былъ вызвать слѣшкомъ большой тревоги. Союзы важны и опасны, когда они преслѣдуютъ реальные интересы и направлены къ ясной, строго опредѣленной цѣли. Такъ соглашеніе, устроенное Фридрихомъ Великимъ насчетъ раздѣла Польши, надолго измѣнило систему европейскаго равновѣсія; между тѣмъ Священный союзъ, громкій съ виду, ограничился тѣмъ, что былъ пугаломъ либеральной оппозиціи въ мелкихъ державахъ, не помѣшавъ однако ни июльской революціи, ни отпаденію испанскихъ колоній, ни возстановленію Греціи, ни отдѣленію Бельгіи отъ Голландіи, ни признанію полной автономіи Норвегіи.

Союзъ между Германіей, Австро-Венгеріей и Италіей можетъ быть только временной комбинаціей, ибо одна изъ державъ непременно будетъ проведена въ этомъ союзѣ. Прежде всего пострадала Италія, разорившаяся на вооруженія, чтобы играть приличную роль въ союзѣ. Затѣмъ надобно думать, что дѣре будетъ и Австро-Венгерія, хотя союзъ по наружному виду въ ея пользу главнымъ образомъ и направленъ, какъ бы развязывая ей руки въ восточной политикѣ. Но въ то время, когда Австро-Венгерія жадными очами смотритъ на Адриатическое побережье и Салоникки, мечтаетъ уловить въ свои сѣти маленькія балканскія государства, раздувая въ ихъ интеллигенціи скверное чувство неблагодарности, — одинаково сильное и въ цѣлыхъ народахъ, какъ и въ отдѣльныхъ личностяхъ, — на ея окраины также поглядываютъ, аппетитно облизывая губы, нѣмцы, румыны и итальянцы.

Не можетъ быть тайною, что Австро-Венгерія вступила уже на тотъ путь, въ которомъ находилась Рѣчь Посполитая въ началѣ прошлаго столѣтія, а Турція съ начала нынѣшняго. По наружности еще все обстоитъ благополучно, но невѣдомая сила, которая ничѣмъ остановлена быть не можетъ, развѣдаетъ цементъ, связы-

вающій это искусственно созданное съ такими успіями и съ такимъ дьявольскимъ умѣніемъ государство. Солько угодно мадьярскіе политики могутъ утверждать, что Австро-Венгрія успілась потому, что Франція выгнала ее изъ Італіи, а Пруссія изъ Германіи, но общее сознание самихъ народовъ приднѣвской монархіи говоритъ другое.

Для такого государства, какъ для больного организма, опаснѣе всего сильныя движенія и эмоціи. Союзъ съ двумя свѣжими организмами непремѣнно гибельно отзовется на дальнѣйшемъ его существованіи. Это все равно какъ бракъ старой, снаружи подкрашенной кокетки съ молодымъ и полнымъ силъ юношею. Послѣ нѣсколькихъ дней приторныхъ восторговъ, начинается быстрое истощеніе и умраніе организма. Политическіе браки расторгаются гораздо скорѣе и проще нежели гражданскіе, поэтому и въ сочетаніи двухъ честолюбивыхъ державъ съ третьею, только щущею средствъ спокойно дожить свой вѣкъ, трудно узрѣть какую-либо опасность. Это скорѣе источникъ слабости, нежели силы. Говорятъ, что въ 1866 г. на увѣщанія знаменитаго епископа Штротмайера опереться не на мадьяръ, а на славянъ, императоръ Францъ-Іосифъ отвѣчалъ съ досадою, что онъ «скорѣе будетъ часовымъ у палатки прусскаго короля, нежели славянскимъ императоромъ». Коварная и беззащитная политика князя Бисмарка пмѣла въ виду соединить обѣ эти роли. Но такая комбинація несостоятельна. Если оказалось невозможнымъ пмѣть двухъ германскихъ императоровъ, сѣвернаго и южнаго, то и славянскій императоръ можетъ быть только одинъ.

Не всё однако посмотрѣли на союзъ такъ хладнокровно. Какъ только тайна раскрылась, мысль о возможномъ столкновеніи Россіи съ Германіей неоднократно возникала, отношенія двухъ державъ стали натянутыми, несмотря на существованіе какого-то тайнаго соглашенія, окончательно прекратившагося лишь въ 1890 году¹⁾. Повойный Скобелевъ, какъ *enfant terrible*, прямо заявилъ даже въ Парижѣ, что война наша съ Германіей неизбежна.

Это заявленіе произвело страшный переполохъ, хотя въ рѣчи храбраго генерала не было ничего, кромѣ частнаго выраженія патриотическихъ воззрѣній. Нашелся государственный челоѣкъ, который заговорилъ объ отношеніяхъ Россіи къ Европѣ не языкомъ Лориныхъ, а съ военною прямою откровенно и рѣзко изложилъ свои мысли, желанія, а можетъ быть и мечтанія. Скажи то же самое американецъ, англичанинъ, даже нѣмецъ, слова ихъ были бы поняты въ настоящемъ смыслѣ, но за русскими никакъ не хотятъ

¹⁾ На существованіе этого соглашенія намекалъ князь Бисмаркъ. Пронесшій по поводу этого трактата, открытаго Францъ-Іосифу по секрету однимъ изъ германскихъ королей, парламентскія пренія не много разъяснили. Трактатъ существовалъ повидимому недолго, отъ 1887 до 1890 г., и не былъ возобновленъ по желанію Россіи.

до сихъ поръ въ Европѣ признать права «смыѣ свое сужденіе имѣть» и не допускаютъ возможности говорить — наоборотъ того какъ польскій генералъ «Kabagas» — на другихъ языкахъ, кромѣ рабскаго. Поэтому разъ Скобелевъ не былъ свезенъ на телѣжкѣ dans les steppes glaciales de la Sibérie, иностранныя газеты видѣли въ немъ agent provocateur, подосланнаго русскимъ правительствомъ, и заблп въ набатъ, предсказывая близкую войну.

Но радъ чего стала бы воевать Россія? Она скорѣе нуждалась въ мирѣ для упроченія своего экономическаго и финансоваго положенія, для поднятія курса кредитнаго рубля и для перенесенія тяжелаго кризиса, вызваннаго обезцѣненіемъ всѣхъ земледѣльческихъ продуктовъ. Миръ былъ только выгоденъ для громадной Русской имперіи, которая увеличилась обширными приобрѣтеніями въ Средней Азіи по границамъ Афганистана, искусно связываемыми желѣзными дорогами съ центромъ государства. Для чего же Россія стала бы рсковать такими блестящими результатами? Засимъ, каждая война должна имѣть свою задачу. Она можетъ вызываться или непосредственными интересами, или обуславливаться ходомъ историческихъ событій, складомъ народной жизни, его вѣковыми тяготѣніями. Таковы были наши войны съ Турціей и послѣдняя изъ нихъ хотя не окончилась какъ бытъ можетъ было желательно, но все-таки привела къ извѣстной цѣли: Турція политически уничтожена; не окончится вѣроятно XX вѣкъ, и отъ могущества османлисовъ останется одно сладкое воспоминаніе въ Европѣ. Событіе это неизбежно, но совершится само собою и торопить его для Россіи положительно нѣтъ расчета. Это не значитъ, что мы должны сидѣть сложа руки и считать донъ-кихотствомъ заступничество за слабыхъ и угнетенныхъ, хотя бы угнетателями являлись высоко-цивилизованные австро-венгерскіе чиновники; но сводится къ обдуманному и осторожному образу дѣйствій, такъ какъ распаденіе Турціи создастъ рядъ новыхъ политическихъ комбинацій, настолько запутанныхъ и опасныхъ, что русская политика должна приготовиться къ тому, чтобъ избрать для себя наиболѣе вѣрный путь.

Австро-Венгрія находится въ положеніи, которое должно заставлять ее жадать мира и теперь, и въ будущемъ. Мадыры, ея няньки въ иностранной политикѣ, воинственные на словахъ, также имѣютъ не мало дѣла у себя дома. Вся Австро-Венгерская имперія представляетъ слабое сцѣпленіе частей, которыя развалятся при большомъ европейскомъ столкновеніи. Францъ-Иосифъ — государь опытный; но война никогда не удавалась ему. Въ каждую войну онъ терялъ провинціи, а новая большая война угрожаетъ еще болѣшими опасностями.

Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что распаденіе Турціи дастъ начало полной метаморфозѣ Австро-Венгерской монархіи. Рѣшеніе восточнаго вопроса изъ Константинополя перейдетъ въ

Вѣну. Предвидѣть это событіе возможно, оцѣнить его послѣдствія и опредѣлить роль Россіи весьма затруднительно. Можно предполагать лишь одно, что во всѣхъ измѣненіяхъ, которымъ подвергнется дунайская монархія, славянамъ выпадетъ первенствующая политическая роль, а если Россія станетъ впредь держаться опредѣленной народной политикой, то, конечно, это славянское движеніе, сочувствіе къ которому на сосѣдномъ Балканскомъ полуостровѣ несомнѣнно, силою вещей выдвинетъ Россію на первый планъ въ Европѣ.

Но славянской вопросъ далеко нельзя признать созрѣвшимъ. Славяне до сихъ поръ по географическое понятіе; исторія ихъ страшно раздѣлила и перепутала со всѣми враждебными славянству и православію элементами. Дѣйствуя наслѣственно, можно достигнуть результатовъ прямо противоположныхъ желаемымъ и ожидаемымъ. Вѣдь, напр., Берлинскій конгрессъ привелъ къ успѣху вліянія Австріи, т. е. нѣмцевъ на Востокъ; съ поляками нѣмцы хотя и не въ большой дружбѣ, но извѣстными уступками они могутъ сдѣлать своимъ орудіемъ это легковоспламеняющееся племя, чуждое политической прозорливости. Нападая на твердыни германства въ то время, когда въ славянскихъ народностяхъ нѣтъ сплоченной собственной политической силы и достаточно опредѣленнаго политическаго плана, можно, при неудачѣ и поспѣшности, испортить дѣло.

Остается меньшая изъ великихъ державъ, Италія, которая съ 1866 года идетъ въ хвостѣ Германіи и по всей вѣроятности не разорветъ союза съ послѣдней, такъ какъ союзъ этотъ основанъ на извѣстномъ совпаденіи интересовъ. У Италіи два историческихъ врага: Франція и Австрія, но, не имѣя силы вести политику наступательную, Италія гораздо болѣе выиграетъ, ожидая событій, подъ прикрытіемъ германскаго могущества. Съ Франціей у Италіи отношенія изъ-за Туниса весьма обострились. Италія надѣется когда нибудь оторвать отъ Австріи нѣкоторыя пограничныя земли; часть этихъ земель, напримѣръ южный Тироль, она можетъ получить и при всякомъ исходѣ, гдѣ участь Австро-Венгерской монархіи будетъ поставлена на карту; другую же часть, Истрію и Далматинское побережье, конечно, Россія не предоставитъ Италіи, ибо это было бы измѣною общеславянскому дѣлу. Италія очень горячится на словахъ. Она снѣдается честолюбіемъ и жаждетъ чего-то, чего—и сама не знаетъ; она—какъ юноши, которые никогда недовольны, потому что желанія ихъ неограниченны и безмѣрны, но въ сущности итальянцы народъ практическій. Они пожелали сдѣлать Италію колониальной державой; пока эти желанія мало удались, да если бы Италія и выиграла въ сплѣ какъ держава колониальная, то она настолько же потеряла бы какъ держава континентальная. Удовлетворить обѣимъ задачамъ одновременно не по средствамъ Италіи. Есть еще причина, которая не

дасть послѣдней сойти съ мирнаго пути: это ея финансовое положеніе; оно далеко не прочно. Это знаютъ итальянскіе государственные люди и потому надобно думать, что они будутъ очень и очень осторожны.

Если Россія могла бы желать войны, то очевидно, что желаніе это должно бытъ направлено только противъ Австро-Венгріи. Собственно съ Германіей, олицетворяемой Пруссіей, у насъ не было серьезныхъ поводовъ для войны. Мы могли не любить нѣмцевъ, завидовать первенствующей роли ихъ правительства въ Европѣ, быть недовольны двудлчною политикой въ восточномъ вопросѣ; но подобныя шероховатости, обычныя между народами (ибо гдѣ же найдутся два народа, любящіе непритворно другъ друга?), не давали почвы для вооруженнаго столкновения.

Бисмаркъ въ своихъ посмертныхъ запискахъ также высказываетъ мнѣніе, что если отдѣльно размаривать Германію и Россію, то трудно найти въ одной изъ обѣихъ странъ какое-либо принуждающее или даже лишь оправдываемое основаніе къ войнѣ. Германско-русская война вѣснть слишкомъ тяжело для того, чтобы ею можно было пользоваться какъ средствомъ занятія арміи. Поэтому, говоритъ онъ, «невѣроятно, чтобы Россія, когда она окончитъ свои вооруженія, воспользовалась ими для того, чтобы безъ дальнѣйшихъ околичностей и въ расчетѣ на французскую помощь напасть на Германію. Германская война столь же мало принесетъ Россіи непосредственныхъ выгодъ, какъ и русская Германія; самое большее, что въ отношеніи суммы военной контрибуціи русскій побѣдитель стоялъ бы благопріятнѣе, чѣмъ германскій, но и то лишь, чтобы получить назадъ свои издержки. Мысль о пріобрѣтеніи провинцій восточной Пруссіи, пробравшаяся на свѣтъ въ Семилѣтнюю войну, съ трудомъ найдетъ теперь приверженцевъ. Если Россія уже нынѣшнюю часть нѣмецкаго населенія своихъ балтійскихъ провинцій не желаетъ переносить, то нельзя предполагать, чтобы ея политика стремилась къ увеличенію этого считаемаго опаснымъ меньшинства посредствомъ столь спльнаго придатка, какъ восточно-прусскій. Столь же мало заманчивымъ покажется русскому государственному человѣку умноженіе польскихъ подданныхъ царя посредствомъ пріобрѣтенія Познани и восточной Пруссіи».

По этому поводу нельзя не вспомнить, что въ концѣ мая 1831 г., передъ пріѣздомъ вызваннаго изъ Грузіи фельдмаршала Паскевича, императоръ Николай I, подъ впечатлѣніемъ тѣхъ громаднхъ жертвъ, которыя Россія несла для умиротворенія Польши, составилъ записку и передалъ ее на обсужденіе Паскевича, гдѣ предлагалъ вовсе отказаться отъ поляковъ. «Бросая взглядъ на карту,—писалъ императоръ Николай I,—страшно становится, видя, что граница польской территоріи Имперіи доходитъ почти до Одера, между тѣмъ какъ на флангахъ она отстунаетъ за

Нѣманъ и Бугъ, чтобы упереться близъ Полаугена въ Балтійское море, а у устьевъ Дуная въ Черное море. Въ этой выдающейся части находится населеніе, существенно враждебное къ Россіи, и потому требуетъ арміи для удержанія его въ подчиненіи. Эта страна ничего не приноситъ имперіи, напротивъ, она не можетъ существовать иначе, какъ посредствомъ постоянныхъ жертвъ со стороны имперіи, чтобы дать ей возможность содержать свое собственное управленіе. Такимъ образомъ ясно, что выгоды отъ этого безпокойнаго владѣнія ничтожны, между тѣмъ какъ неудобства велики и даже опасны. Остается рѣшить, какъ пособить этому». Государь не видѣлъ другого средства, кромѣ слѣдующаго:

«Объявить, что честь Россіи получила полное удовлетвореніе завоеваніемъ Царства Польскаго (находившаго тогда въ возстаніи); что Россія не имѣетъ никакого интереса владѣть провинціями, благодарность которыхъ была такъ очевидна; что истинные ея интересы требуютъ установить и утвердить свою границу по Вислѣ и Нареву; что она предоставляетъ остальное, какъ недостойное принадлежать ей, своимъ союзникамъ (т. е. Пруссіи и Австріи), которые могутъ сдѣлать изъ него все, что имъ покажется нужнымъ; что, оставаясь вѣрно своимъ расчетамъ, Россія утвердила бы за тою частью Царства Польскаго, которая за нею осталась, пользованіе ея законами и учрежденіями, насколько они были бы согласны съ ея безопасностью въ будущемъ; что титулъ Царства Польскаго будетъ связанъ съ этою странюю съ цѣлью предупредить, чтобы онъ не былъ данъ кому-либо другому и чтобы не было создано новое государство, враждебное въ отношеніи Россіи».

Другими словами, императоръ Николай I отказывался отъ Царства Польскаго и отъ поляковъ, которыхъ онъ не любилъ, какъ говорятъ, еще съ дѣтства, подъ вліяніемъ своей няни англичанки, арестованной въ Варшавѣ въ возмущеніе 1794 г. и видѣвшей ужасное обращеніе поляковъ въ русскими. Но государь не допускалъ образованія польскаго государства изъ отдаваемыхъ русскихъ подданныхъ.

Фельдмаршалъ, который изъ сочиненія кн. Щербатова, основаннаго на подлинной перепискѣ, оказывается человекомъ несравненно болѣе умнымъ, дѣловымъ и гуманнымъ, чѣмъ русское общество, — мы не говоримъ уже о польскомъ, — въ свое время думало, напелъ предложеніе государя невыгоднымъ для Россіи.

Любопытно, что мысль Николая I была какъ бы заранѣе осуждена еще Павломъ I, разсуждавшимъ съ графомъ Потоцкимъ немедленно по востшествіи на престолъ о Польшѣ, раздѣлу которой онъ, ненавидѣвшій все сдѣланное его матерью, не сочувствовалъ. «Для возстановленія Польшы, — говорилъ императоръ, — необходимо содѣйствіе и согласіе со стороны трехъ державъ на возвращеніе отобранныхъ частей; но представляется ли вѣроятнымъ, чтобы

Австрія, а въ особенності король прусскій, отдали бы свои доли? Не могу же я одинъ отдать принадлежащую мнѣ часть и ослабить себя въ то самое время, когда они усплились? Это невозможно»... А Николай I предлагалъ именно успилить и Пруссію, и Австрію на счетъ Царства Польскаго.

Въ отвѣтной запискѣ своей Паскевичъ нашелъ, что Царство Польское необходимо уничтожить, но для этого надобно заинтересовать нѣкоторыя государства въ нашу пользу, ибо въ сохраненіи польской автономіи въ Европѣ видѣли ослабленіе Россіи, а все безъ исключенія государства, думаютъ, какъ бы насъ ослабить. Паскевичъ, подобно Павлу I, не видѣлъ возможнымъ отдать наши земли безъ соотвѣтствующаго вознагражденія и предлагалъ поэтому три воеводства по лѣвой сторонѣ Вислы—Мазовецкое, Калишское и Сандомирское уступить Пруссіи, четвертое же воеводство, Краковское, уступить Австріи.

«Взамѣнъ уступаемыхъ Пруссіи трехъ воедствъ,—писалъ онъ,—она должна уступить намъ крѣпость Торнъ съ окрестностями, по удобству, и въ восточной Пруссіи по рѣкѣ Прегель, если же большое сопротивленіе будетъ на сіе, или доходы, или населеніе превышаютъ требуемыя нами земли отъ Пруссіи, то уступку взять по мѣстности. Въ семь перерѣзанномъ краѣ многими рѣками въ разныхъ направленіяхъ можно сдѣлать хорошую границу. Если и на сіе Пруссія не согласится, то можемъ взамѣнъ земель, ея получаемыхъ, добавить деньгамъ; но во всякомъ случаѣ граница въ этой сторонѣ должна быть, по крайней мѣрѣ, по Нѣману, съ городомъ Мемелемъ и съ другими городами, сколько удобство для комерціи потребуеть»¹⁾).

Австріи Паскевичъ предлагалъ уступить Краковское воеводство, а взамѣнъ взять Тарнополь или другія земли въ обмѣнъ по числу народонаселенія и доходовъ. Если же отъ Пруссіи трудно будетъ получать земли взамѣнъ трехъ воедствъ, то уступить Пруссіи два, а два воеводства уступить Австріи «на вышензложенныхъ положеніяхъ», т. е. взамѣнъ восточной Галиціи.

«Польза Пруссіи и Австріи въ уничтоженіи Царства Польскаго состоятъ», по мнѣнію фельдмаршала, «въ томъ, что притязанія Россіи, какъ королевства польскаго, на взятія Пруссіею и Австрію провинціи сими уничтожаются. Если взять въ воображеніе, что королевство прусское не только пмѣетъ отъ Польши прибрѣтенныя при первомъ раздѣлѣ провинціи, но даже и сама Пруссія есть уступка отъ Польши курфюрсту бранденбургскому, то удовольствіе ея будетъ велико, когда все могущее возродить домогательство однимъ актомъ уничтожается. Австрія находится въ томъ же по-

¹⁾ Границу по Нѣману предлагалъ намъ Наполеонъ въ Тильзитѣ, но Александръ I предпочелъ взять Вѣлостокскую область, посягъ и тогда съ проектомъ востановленія Польши.

ложеніи и существованіи королевства польскаго есть ей во всякую минуту угроза на ея галиційскія провинціи». Болѣе сильныхъ протестовъ Паскевича опасался огъ Франціи и Англіи, но не придавалъ имъ большого значенія. Англія не пошла бы противъ интересовъ Пруссіи и Австріи, а Франція одна была бы безсильна помѣшать новому раздѣлу польскихъ земель.

Мнѣніе Паскевича устранило обсужденіе безвозмездныхъ уступокъ русской территоріи, предложенныхъ императоромъ Николаемъ, но слишкомъ очевидная выгода Россіи въ предлагаемомъ Паскевичемъ обмѣнѣ настолько затруднила это дѣло, что международные переговоры сочтены были неудобными.

И въ настоящее время, конечно, съ русской точки зрѣнія проектъ Паскевича представляется наилучшимъ и въ политическомъ, и въ военномъ отношеніи. Россія имѣла бы болѣе естественную и болѣе прямую, удобную для защиты границу, а наибольшая часть польскаго населенія отходила бы отъ нея, въ присоединяемой же отъ Пруссіи территоріи населеніе литовское, а въ восточной Галиціи малороссійское, въ части Царства Польскаго, по правую сторону Вислы, оставшейся за Россіей, населеніе также по преимуществу литовское и малороссійское. Сплошное польское населеніе оставалось бы за рубежемъ и, сливаясь съ остальною массою поляковъ въ Австріи и Пруссіи, оно уже само должно было добиваться организаціи своей на національныхъ началахъ. Россіи, вопреки мнѣнію Паскевича и Николая I, пожалуй даже выгодно было имѣть небольшое славянское государство сосѣдомъ, вмѣсто непосредственнаго сопрیکосновеніи съ границами двухъ могущественныхъ военныхъ державъ.

Но какъ ни заманчивъ проектъ Паскевича и какъ ни соотвѣтствуетъ онъ отчасти желанію нашихъ славянофиловъ предоставить полякамъ культурную автономію исключительно въ предѣлахъ сплошного польскаго населенія, надобно сказать, что за шестьдесятъ девять лѣтъ со времени его писанія обстоятельства сильно измѣнились и сдѣлали исполненіе проекта чрезвычайно затруднительнымъ. Въ одномъ, пожалуй, произошло измѣненіе къ лучшему, это въ экономическомъ положеніи Закарпатскаго края. Теперь это такой богатый и лакомый кусокъ, что въ обмѣнъ его нечего бы и думать и просить додачи денегъ; онъ далеко превосходитъ цѣнность равное количество и восточно-пруссскихъ, и восточно-галиційскихъ земель.

Но, во-первыхъ, мы не можемъ предложить Австріи въ обмѣнъ Краковъ, такъ какъ уже даромъ согласились уступить его еще въ началѣ 40-хъ годовъ Австріи, и опять вопреки мнѣнію того же Паскевича. Для обмѣна на Восточную Галицію у насъ остается мало территорій, если мы пожелаемъ бы мѣняться и съ Пруссіей и улучшать свою границу. Но надѣяться получить теперь что-либо отъ послѣдняго государства добровольно—было бы пустымъ мечта-

ніемъ. За Пруссіей стоить могущественная Германія и для послѣдней угрозы о захватѣ земель королевства польскаго не имѣлъ вовсе той силы, о которой писалъ нѣкогда Паскевичъ, да и польскія земли Восточной Пруссіи сильно за полѣвка германизировались. О границѣ по Прегель Россія мечтала еще въ XVIII столѣтіи, при Елизаветѣ Петровнѣ. Но теперь эта одна изъ тѣхъ сладкихъ грѣзъ, къ которымъ въ рендантъ можетъ служить то, что при Павлѣ I Лавалетта на о. Мальтѣ официально считалась русскимъ губернскимъ городомъ.

Новая перекройка польскихъ земель стала бы возможна лишь послѣ какой-нибудь общеевропейской войны, сопровождавшейся катастрофами въ родѣ распада Австро-Венгерской имперіи. Предусматривать подобныя событія—преждевременно, и поэтому «роковой вопросъ» можетъ быть разсматриваемъ въ настоящее время только въ очень узкой сферѣ въ видѣ того или другого болѣе или менѣе практическаго *modus vivendi*.

Война же съ нѣмцами противна нашей исторіи, мало того, германское единство отчасти дѣло нашихъ рукъ. Россія всегда оказывала помощь въ серьезныхъ случаяхъ Пруссіи. Семилѣтняя война лишь эпизодъ нашей политики XVIII вѣка, несколько не измѣняющій общаго правила. И въ настоящее время торжество Германіи съ 1866 года принесло намъ нѣкоторыя выгоды по отношенію къ державѣ, которой мы постоянно оказывали услуги и которая первая породила раздраженіе между германскимъ и славянскимъ міромъ. Торжество Германіи ослабило Австро-Венгрію настолько, что послѣдняя не могла помѣшать успѣхамъ Россіи въ послѣднюю войну. Во многихъ другихъ вопросахъ мы также не имѣли повода быть недовольными Германіей. Она помогла намъ въ польскомъ вопросѣ; относительно прибалтійскаго вопроса Германія держалась постоянно чрезвычайно сдержанно, не позволяя себѣ ни малѣйшаго сопоставленія прибалтійскаго вопроса со шлезвигъ-голландскимъ. Агитація по этому поводу имѣла совершенно частный характеръ, и твердой русской политикѣ по отношенію къ эстамъ и латышамъ мѣшали не внѣшніе нѣмцы, а тѣ русскіе подданные, которые въ душѣ остаются иноплемениками. Конечно, каждый вопросъ можетъ сдѣлаться причиною войны, если мы во что бы то ни стало пожелаемъ послѣдней, но желать-то ея, какъ я сказалъ выше, было бы безцѣльно. Оно было бы и неapolитично.

Неapolитично потому, что такая война, требуя громаднаго напряженія силъ отъ Россіи, только при особенно счастливыхъ обстоятельствахъ могла бы сопровождаться успѣхомъ и то относительно. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Австро-Венгрія, Италія и Германія дѣйствовали бы заодно. Германіи во всякомъ случаѣ было бы выгодно содѣйствіе Австро-Венгріи, такъ какъ и въ случаѣ проигрыша платить пришлось бы послѣдней.

Какъ бы мы высоко ни цѣнили свою армію и достоинства

своихъ полководцевъ, но надобно вспомнить, что рѣчь идетъ не объ оборонительной войнѣ, въ которой я считаю Россію непобѣдимой, а о наступательныхъ дѣйствіяхъ противъ соединенныхъ силъ трехъ милліоновъ солдатъ. Противъ такой массы нельзя дѣйствовать безъ союзниковъ, а на кого можемъ мы рассчитывать, кромѣ горсти героевъ черногорцевъ?

Франція естественная союзница наша въ войнѣ съ Германіей. Увѣряютъ, что Франція такъ горитъ желаніемъ возвратитъ себѣ Эльзась-Лотарингію, что стоптъ какой-нибудь державѣ обнажить мечъ противъ Германіи, чтобы Франція немедленно съ своей стороны ввязалась въ войну. Подобныя завѣренія основаны на буквальномъ толкованіи вопиющихъ возгласовъ нѣсколькихъ французскихъ газетъ, но едва ли, какъ я уже говорилъ, они соответствуютъ дѣйствительному положенію вещей.

Французовъ я считаю болѣе мирными, чѣмъ бы даже слѣдовало—*pacifiques presque à outrance*. говорить о нихъ Леруа Болье. Франція показала свое миролюбіе въ послѣднее время и можно сказать, что ни одно правительство не будетъ прочно во Франціи, если оно не поставитъ мирной программы. Это не значитъ, что французы совсѣмъ обабилсь и не въ состояніи противустать вторженію непріятели. Безъ хвастовства они могутъ сказать, что готовы къ войнѣ болѣе чѣмъ когда либо, а военная репутація французовъ упрочена вѣками.

Но процессъ внутренняго устройства во Франціи, какъ мы видѣли, еще далеко не закончился; хотя республиканскій образъ правленія пускаетъ мало-по-малу корни во французскомъ обществѣ, но правительственные классы его настолько еще не сформировались, партіи такъ непрочно и неорганизованы, что когда Гамбетта, популярнѣйшій и вліятельнѣйшій человекъ въ странѣ, взялъ въ руки управленіе, то не продержался и трехъ мѣсяцевъ. При такой непрочности положенія, какое министерство во Франціи рѣшится на наступательную войну? Колоніальныя экспедиціи показали также, что, несмотря на громкія фразы, военная организація не достигла во Франціи того совершенства, которое необходимо для счастливаго состязанія съ Германіей.

Эти препятствія, однако, не единственныя: Франція можетъ руководиться еще другими соображеніями.

Коалиціи, подобной той, которая существовала въ Семилѣтнюю войну, ожидать теперь невозможно. При союзѣ же Германіи, Австро-Венгріи и Италіи съ одной стороны и Россіи съ Франціей—съ другой, ничего для послѣдней утѣшительнаго ожидать нельзя, а скорѣе наоборотъ: чѣмъ торжество Россіи будетъ полнѣе, тѣмъ участь, подготовляющаяся Франціи въ будущемъ, печальнѣе. Дѣло въ томъ, что побѣда наша не можетъ подорвать силъ единой Германіи, она отразится главнымъ образомъ на Австро-Венгріи, которая будетъ расшатаана, какъ расшатаана теперь Турецкая импе-

рія. Пораженіє Австро-Венгрії приведець къ тому, что враждебныя части імперіи, нѣмецкая, мадьярская и славянская, разсыются и при новомъ толчкѣ распадутся. Тогда славянскія народности образуютъ федерацію подъ покровительствомъ Россіи, или рядъ отдѣльныхъ державъ—подобно нынѣшнимъ славянскимъ монархіямъ на Балканскомъ полуостровѣ—также въ кругѣ русскаго вліянія. Въ такомъ же точно положеніи очутятся 9 милліоновъ австрійскихъ нѣмцевъ. Если они и образуютъ независимое государство, то очевидно политика его будетъ невольна тяготѣть въ Германіи, какъ политика слабыхъ славянскихъ державъ въ Россіи.

Что же выиграеть тутъ Франція? Понятное дѣло — ничего. Если ей удастся вырвать у Германіи 1½ милліона своихъ эльзаскихъ нѣмцевъ, то за то она же сама будетъ содѣйствовать той же Германіи успѣху при соединеніи 9 милліоновъ австрійскихъ нѣмцевъ. Съ такимъ приращеніемъ Германія займетъ еще болѣе грозное положеніе посреди Европы и, предоставляя Россіи извѣстную свободу на Востокѣ, безъ особаго затрудненія удовлетворитъ свой аппетитъ насчетъ Голландіи и фламандской части Бельгіи.

Какой же расчетъ Франціи содѣйствовать подобнымъ комбинаціямъ? Политика ея, какъ понимали Талейранъ, Тьеръ, Прудонъ и другіе проникательные люди, должна главнымъ образомъ основываться на поддержаніи европейскаго равновѣсія; только при такой системѣ географическое положеніе Франціи и при ограниченномъ сравнительно населеніи дасть ей еще извѣстную силу и вліяніе.

А кромѣ Франціи на кого можемъ рассчитывать мы въ случаѣ столкновенія съ Германіей, Италіей и Австро-Венгріей? Швеція и Румынія друзья Германіи. Спла Даніи совершенно ничтожна, а ея географическое положеніе таково, что ни Англія, ни Швеція не допустятъ тамъ никогда преобладанія Россіи. Голландія боится Германіи, но это мирная держава, воюющая только съ малайскими племенами и политически подчиненная Англіи. Бельгія, Швейцарія, Испанія, Португалія, Греція, Соединенные Штаты не принимаютъ активнаго участія въ вопросахъ континентальной политики. Послѣдніе много-много если продадутъ намъ нѣсколько старыхъ кораблей для крейсерства, да тайно будутъ снабжать порохомъ и оружіемъ.

Ждать чего-либо отъ Турціи и Англіи мы не можемъ. Наступательный союзъ съ Россіей для Турціи едва ли возможенъ, потому что всѣ успѣхи Россіи, эмансипируя славянъ, въ концѣ концовъ обратятся противъ Турціи же. Англія съ своей точки зрѣнія также не можетъ желать скорѣйшаго распаденія Турціи, какъ Франція не можетъ стремиться къ распаденію Австро-Венгріи. Обладаніе Константинополемъ дасть ключъ къ Египту, а безъ преобладанія въ Египтѣ и на Суэзскомъ каналѣ не можетъ продол-

жаться господство Англій въ Остѣ-Индіи, Австраліи и на дальнемъ Востокѣ.

Такимъ образомъ, никакого расчета нарушать естественный ходъ историческихъ событій, подымать дунайскій вопросъ, не окончивши босфорскій, и воевать съ Германіей даже въ союзѣ съ Франціей для насъ не существуетъ. Обстоятельства и безъ того складываются скорѣе въ нашу пользу.

«Все дается въ свое время тому, кто умѣетъ ждать» — вотъ девизъ, который должна избрать теперь Россія для своей внѣшней политики. Мы говорили объ умѣнии ждать, которое заключается въ томъ, между прочимъ, чтобъ болѣе сосредоточивать свое вниманіе и свои силы надъ разработкою внутреннихъ вопросовъ, надъ развитіемъ благосостоянія Россіи во всѣхъ отношеніяхъ. Такая политика не означаетъ, какъ уже выше замѣчено, что мы должны оставаться спокойными зрителями, любясь терзаніями славянскаго міра, какъ боемъ гладиаторовъ въ циркѣ, и выжидая исхода. Холодное безучастіе не въ нравахъ нашего сердечнаго народа, она ни на одну минуту не выдѣлптъ себя изъ общей славянской семьи: не для чего только вышпбать сплюю дверь...

Къ сожалѣнію, не одни вооруженія и союзы противопоставили интересы Россіи и Германіи и создали антагонизмъ, которому конца не предвидится. Разрывъ произошелъ и на экономической почвѣ. Въ этой области интересы Россіи и Пруссіи постоянно сталкивались. Самая тѣсная родственная связь и самая искренняя политическая дружба не въ состояніи были убѣдить оба правительства въ необходимости придти къ какому-либо соглашенію въ области торговыхъ интересовъ. Переговоры по торговымъ сношеніямъ почти постоянно оканчивались неудачей. Когда въ 1834 г. истекъ срокъ коммерческой конвенціи 1825 г., замѣнившей договоръ 1818 г., считавшайся пруссаками невыгоднымъ, то новаго договора уже не заключали, хотя въ 1842 г. Николай I лично предоставилъ прусской торговлѣ нѣкоторыя льготы, не требуя взаимства.

Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что политическія и экономическія обстоятельства въ Россіи за послѣднія сорокъ лѣтъ чрезвычайно благоприятствовали германской торговлѣ и германскимъ капиталистамъ. До сооруженія желѣзныхъ дорогъ внѣшняя торговля наша производилась преимущественно моремъ, сухопутныя же сношенія были ничтожны; Англія играла тогда первенствующую роль; помѣщеніе иностранныхъ капиталовъ въ Россіи было незначительно и до 60-хъ годовъ приобрѣтеніе иностранцами недвижимой собственности до крайности затруднялось. Все это существенно затѣмъ измѣнилось.

Благодаря желѣзнымъ дорогамъ и направленію ихъ, германскіе порты стали выходомъ для богатѣйшихъ русскихъ областей, Германія сдѣлалась путемъ огромнаго транзита между Россією и

Западною Европою. Тѣ же дороги и пхъ тарифы открыл сбытъ въ Россію произведеніямъ нѣмецкой промышленности. Дозволеніе покупать недвижимую собственность и обѣднѣніе польскаго дворянства, послѣ возстанія 1863 г., сосредоточили въ рукахъ нѣмцевъ множество земель на западной окраинѣ, а несообразность нашего таможеннаго тарифа, поддерживаемая финансистами изъ нѣмцевъ, поощрила постройку на этихъ земляхъ многочисленныхъ фабрикъ. Дешевизна капитала въ Германіи, при дороговизнѣ его въ Россіи, сдѣлала выгоднымъ пріобрѣтеніе нѣмцами русскихъ бумагъ, а особенно такихъ, которыя имѣли реальное обезпеченіе, какъ желѣзнодорожныя и земельныя; политическія обстоятельства, закрывавшія французскіе и англійскіе рынки для русскихъ фондовъ, также содѣйствовали помѣщенію русскихъ займовъ у нѣмцевъ. Словомъ, все шло въ руку нѣмцевъ и мало-по-малу петербургская биржа сдѣлалась лишь филиальнымъ отдѣленіемъ берлинской. Такимъ образомъ прочесть въ биржевой хроникѣ С.-Петербургa, что рубль сталъ дороже на копейку потому, что какому-нибудь прусскому чиновнику дали русскій орденъ, не только много не шло, но казалось весьма естественнымъ. Явились люди, которые пресерьезно были убѣждены, что если бы всѣхъ берлинскихъ жидовъ пожаловать въ статскіе совѣтники, то это подняло бы нашъ рубль по крайней мѣрѣ на пять копѣекъ.

Одного, однако, никакъ не могли добиться нѣмцы среди своего торжества—это заключенія торговаго трактата. Наши дипломаты и финансисты смутно сознавали, что заключи мы въ придачу къ вышеописаннымъ явленіямъ торговый договоръ, то Россія, при существовавшей до 1887 года протекторской системѣ, рѣшительно стала бы въ крѣпостную экономическую зависимость отъ Германіи, заняла бы то положеніе, въ которомъ стояла Португалія по отношенію къ Англии, благодаря извѣстному Метуэнскому трактату 1703 года. Поэтому всѣ заявленія о договорѣ нѣмецкой дипломатіи оставались безъ дальнѣйшаго движенія и пресѣкались въ корнѣ. Эта твердость даже замѣчательна, въ виду того, что съ остальными державами торговые и навигаціонные трактаты заключались самымъ легкомысленнымъ образомъ, послѣ того, что какой-либо столоначальникъ департамента торговли и мануфактуръ писалъ, что препятствій съ точки зрѣнія русской торговли, промышленности и судоходства къ подписанію трактата нѣтъ. Образчикомъ подобнаго трактата былъ договоръ съ Румыніей.

Строго говоря, нѣмцамъ на трактатѣ и настаивать особенно было нечего: они и безъ него пользовались всѣми преимуществами, благодаря своему пограничному положенію, а также и тому обстоятельству, что въ Россіи нѣмецкая торговая колонія завела прочныя торговопромышленныя сношенія еще съ XVIII столѣтія, а если вспомнить Ганзу, то и раньше.

√ Ухудшенію торговыхъ отношеній Германіи съ Россіей поло-

жили начало сами нѣмцы установленіемъ охраны для своего земледѣлія. Винить ихъ за это впрочемъ нечего, ибо если преувеличенный взглядъ фізіократовъ на земледѣліе и невѣрнѣе, то замѣчаніе Сюлли, что земледѣліе и скотоводство — два сосѣда, питающіе государства — справедливо и охранять ихъ нужно.

Еще лѣтъ двадцать назадъ признавалось безспорною истиною въ политической экономіи, что съ возрастаніемъ населенія цѣнность жизненныхъ продуктовъ будетъ постоянно увеличиваться, а вмѣстѣ съ нею и поземельная рента, цѣнность же фабричныхъ продуктовъ постепенно понижаться. Сообразно съ этимъ и протекціонисты, считая положеніе сельскихъ хозяевъ вполне обезпеченнымъ, участіе свое главнымъ образомъ обращали на фабрично-заводскую промышленность, тщательно оберегая ея первые шаги отъ конкуренціи иностранныхъ государствъ, успѣвшихъ уже долготѣнными успіями развить свое производство. Листъ и Керн, которые десятки лѣтъ были оракулами протекціонистовъ, устанавливали даже родъ закона, по коему каждое издѣліе настолько нуждалось въ таможенной охранѣ, насколько удалялось отъ сырого матеріала.

Огромные успѣхи, сдѣланные удешевленіемъ перевозокъ, когда доставка изъ Америки, Индіи, Австраліи въ какія-нибудь тридцать лѣтъ подешевѣла въ десять разъ, совершенно вполнѣнили вышеозначенныя понятія, еще разъ доказавъ, что формулы политической экономіи, выведенныя изъ извѣстнаго временнаго хозяйственнаго и юридическаго строя вещей, вовсе не имѣютъ безусловнаго значенія. Теперь стало вѣсѣмъ очевиднымъ, что, благодаря дешевизнѣ морской и желѣзнодорожной перевозки, можно доставить хлѣбъ изъ Ост-Индіи или Сѣверной Америки въ середину Германіи или Франціи и продавать его тамъ гораздо дешевле, чѣмъ мѣстный хлѣбъ обходится производителямъ издержками производства; на долю же рентьера при такихъ условіяхъ ничего, конечно, не остается.

Подобный фактъ, представляющій цѣлую экономическую революцію, окончательно разрушилъ оптимистическую систему «экономическихъ гармоній» политико-экономистовъ старой школы. Прежде можно было фантазировать на тему, что одно государство будетъ преимущественно сбывать свое дешевое вино, а покупать у другого государства дешевый портеръ, или, производя часы, обмѣнивать ихъ на горчицу и т. д. Каждое государство могло отказаться отъ водворенія у себя выдѣлки часовъ, горчицы, портера и т. п. и оставаться по этимъ предметамъ данникомъ другого государства. Совсѣмъ иначе вопросъ представляется съ хлѣбомъ.

До сихъ поръ отъ половины до двухъ третей и болѣе населенія каждаго изъ европейскихъ государствъ, не исключая Англіи, занималось исключительно земледѣліемъ. Этотъ промыселъ не только вошелъ въ нравы жителей, но и обусловилъ складъ государственной и общественной жизни, систему воспитанія, систему финан-

совъ, распредѣленіе налоговъ и т. п. Закрывши какую-нибудь локомотивную фабрику, можно пригласить ея рабочихъ обратиться къ другимъ занятіямъ, но такое приглашеніе—безуміе, разъ оно обращается къ земледѣльческому населенію Европы. Нельзя сотни милліоновъ людей оторвать отъ занятія, къ которому они приспособлялись вѣками; нельзя пожертвовать всѣмъ оборотнымъ капиталомъ, вложеннымъ въ земледѣліе: скотоводствомъ, лошадыми, сельско-хозяйственнымъ постройками и машинами; нельзя обучить милліоны людей новымъ ремесламъ; да если бы все это и было возможно, то ничего не получилось бы, кромѣ ужаснѣйшаго кризиса и всеобщаго бѣдствія. Фабрики, утративъ сразу свою производительность, создали бы такую массу произведеній, которую покупать было бы некому, и нищенство распространилось бы по Европѣ съ ужаснѣйшею быстротою.

Такимъ образомъ, естественно создался вопросъ о необходимости уже для многихъ странъ, не имѣющихъ плодородной почвы или же обремененныхъ свое земледѣліе черезчуръ тяжелыми налогами, ограждать свое сельское хозяйство помощью таможенной системы. Князь Бисмаркъ, со свойственнымъ ему проницательностью и необыкновеннымъ здравомысліемъ, понялъ эту роковую необходимость ранѣе другихъ государственныхъ людей Европы и, несмотря на сопротивленіе парламента, установилъ таможенный пошлины въ огражденіе германскаго земледѣлія. Пошлины этихъ, вслѣдствіе постояннаго удешевленія морскихъ фрахтовъ, оказалось скоро недостаточно и пошлины были повышаемы. Вслѣдъ за Германіей послѣдовали Франція, Италія, Швеція, Испанія и др. державы. Замѣчательно, что повышение пошлинъ не встрѣчало въ парламентѣ того ожесточеннаго сопротивленія, которое вызвало первоначальное ихъ установленіе. Только слѣпые и узколобые теоретики не видѣли необходимости измѣненій и протягивали руку депутатамъ отъ морскихъ портовъ, нахваляющихся отъ комиссіонной торговли иностраннымъ хлѣбомъ, и потому естественно несогласныхъ ни на какія тарифныя измѣненія. Вопли этихъ комиссіонеровъ нашли отголосокъ и въ Россіи.

Имѣя въ виду, что Германія покупала около пятой части вывозимой изъ Россіи пшеницы и половины вывозимой ржи, нельзя было считать повышение пошлинъ въ Германіи для Россіи индифферентнымъ; я думаю, однако, что опасенія большихъ убытковъ для русской торговли были крайне преувеличены. Для сельскаго хозяйства таможенная пошлина далеко не могла имѣть того значенія, какъ для промышленности. На фабрикахъ, подъ влияніемъ пошлинъ, можно утратить и удесятерить по произволу производство, сельское же хозяйство ограничено количествомъ пахотныхъ земель и ихъ плодородностью. Какъ бы пошлины на сельскохозяйственные продукты велики ни были, увеличить посѣвы значительно Германія не могла. Самое большое, чего достигала она,

это огражденія своего земледѣлія въ его прежнемъ видѣ, т. е. сельское хозяйство, если не развивалось, то по крайней мѣрѣ сохраняло за собою нынѣшній рынокъ. Оставалось, значить, еще то увеличеніе потребленія, которое вызывается прростою населенія и увеличеніемъ потребленія отъ развитія достатка и промышленности. На этотъ пліусъ наша торговля и должна была разчитываться въ будущемъ, равнымъ образомъ какъ и на сохраненіе того, что ей удалось захватить равнѣ въ свои руки.

Что повышеніе пошлинъ, и даже значительное, не останавливаетъ покупокъ заграницею, разъ торговыя связи установились и населеніе привыкло къ потребленію пвѣстныхъ товаровъ, доказываетъ примѣръ той же Германіи по отношенію къ Россіи. Хотя привозъ фабричныхъ издѣлій гораздо легче ограничить, чѣмъ привозъ жпзенныхъ припасовъ, хотя съ этою цѣлью всѣ наши таможенныя пошлины съ 1877 г. были увеличены на 100⁰ 0, да паденіе курса содѣйствовало удорожанію германскихъ товаровъ въ Россіи на 60⁰ 0, привозъ нѣмецкихъ товаровъ не сократился.

Такимъ образомъ, если сбытъ русскаго хлѣба въ Германію и грозилъ уменьшиться, то немного, и въ общемъ балансѣ это сокращеніе могло быть безъ труда покрыто увеличеніемъ вывоза въ Германію русскаго керосина и другихъ продуктовъ. Во всякомъ случаѣ, если повышеніе пошлины въ Германію и оказалось болѣе тяжелымъ, нежели можно было предполагать, то Россіи слѣдовало мириться съ этимъ фактомъ. Мы предоставили себѣ полную свободу въ тарифной политикѣ и не стѣснялись по два и по три раза въ годъ безъ милосердія облагать нѣмецкіе продукты, привозимые въ Россію; было бы непохвальнымъ лицемеріемъ, достойнымъ англичанъ, жаловаться на то, что нѣмцы дѣйствуютъ съ тою же свободою по отношенію къ русскимъ товарамъ, привозимымъ въ Германію.

Но интересы кармана не знаютъ сантиментальности. Хлѣбныя пошлины повели къ ряду респрессалій. Россія немедленно подыала всѣ свои таможенныя пошлины. Затѣмъ нѣмецкіе интересы были задѣты измѣненіемъ тарифной политики желѣзныхъ дорогъ, затрудненіемъ въ дальнѣйшемъ приобрѣтеніи и арендѣ въ Западномъ краѣ недвижимой собственности и дифференціальными таможенными пошлинами на чугунъ, каменный уголь и хлопокъ. Нѣкоторые ограниченія сдѣланы были и въ передвиженіи нѣмецкихъ рабочихъ.

Если взвѣснть все, что сдѣлано Россіей противъ Германіи за послѣднія десять лѣтъ, то пожалуй нельзя увидѣть въ этомъ систематическаго недоброжелательства къ нѣмцамъ. Узрѣвъ рискъ полнаго экономическаго подчиненія, мы приняли только необходимѣйшія мѣры для сохраненія за собою самостоятельности и свободы дѣйствій. Можно утверждать даже, что наше рѣшеніе запоздало по крайней мѣрѣ лѣтъ на десять, если не на пятнадцать. Же-

ланіе Россіи высвободиться изъ зависимости нѣмцевъ было принято, однако, весьма дурно въ Германіи, и такъ какъ оно совпало съ политическимъ охлажденіемъ, послѣдовавшимъ за Берлинскимъ трактатомъ, то вызвало со стороны нѣмцевъ дѣлую финансовую войну, которая довела нашъ рубль до полтинника. Германія запретила своимъ государственнымъ кредитнымъ установленіямъ учитывать русскія бумаги, что послужило сигналомъ продажѣ массами русскихъ бумагъ и замѣнѣ ихъ итальянскими. Въ концѣ концовъ возгорѣлась настоящая таможенная война, причинившая Россіи большіе убытки и окончившаяся давно желаннымъ нѣмцами торговымъ трактатомъ, которымъ хотя были парализованы повышенія пошлинъ, сдѣланныя по тарифу 1891 года, но прекращены репрессаліи.

✓ Россія несомнѣнно пострадала отъ этой войны, но нельзя сказать, чтобы и Германія отъ нея выиграла. Продать свои русскія бумаги съ убыткомъ, получать доходы со своихъ земель и фабрикъ въ Россіи въ обезцѣненныхъ кредитныхъ рубляхъ—едва ли было пріятно для нѣмцевъ въ Германіи. Поэтому при всей любви къ Бисмарку и уваженіи къ его политикѣ, нѣмцы не прочь были ухватиться за первый предлогъ, чтобы возвратитъ потерянное и возстановитъ прежнее свое значеніе въ русскомъ государственномъ хозяйствѣ. Заключеніе торговаго трактата, связавши насъ въ будущемъ — было одно изъ наилучшихъ средствъ, чтобы достигнуть этого, тѣмъ болѣе, что уступки со стороны Германіи призрачны; наоборотъ, наши потери весьма и весьма существенны. Это доказать вовсе не трудно.

Находясь въ довольно сходныхъ климатическихъ и культурныхъ условіяхъ со средней наиболѣе производительной частью Россіи, Германія не можетъ дѣятельно обмѣниваться съ нею иначе, какъ эксплуатируя русскій рынокъ. Большая часть нашихъ вывозныхъ товаровъ не только Германіи не нужна, но, наоборотъ, вывозъ ихъ, какъ напримѣръ вывозъ спирта, представляетъ для Германіи опасную конкуренцію. Въ приввозѣ, за ничтожными исключеніями, трудно указать на товары, особенно мануфактурные и металлическіе, которые мы нисколько не хуже и даже не дороже не могли бы готовить у себя дома. Колоніальные и восточные товары также намъ выгоднѣе покупать на мѣстѣ, чѣмъ изъ вторыхъ рукъ въ Германіи. Между тѣмъ всякія уступки, которыя Россія дѣлаетъ нѣмцамъ, она, въ силу другихъ заключенныхъ торговыхъ трактатовъ, должна предоставлять и остальнымъ государствамъ. Короче, теперь нѣмцы стануть устанавливать нашъ таможенный тарифъ и опредѣлять мѣру покровительства внутренней промышленности Россіи.

На дѣлѣ будетъ еще хуже, потому что разъ тарифъ нашъ связанъ договоромъ, его измѣнять нельзя безъ согласія другой стороны, между тѣмъ нынче придуманы могущественныя средства для парализованія дѣйствія высокаго охранительнаго тарифа; сред-

ства эти—вывозныя преміи и спидкаты. Если еще воспрещеніе вывозныхъ премій можетъ быть оговорено въ трактатѣ, то какъ ограничить искусственное пониженіе цѣнъ для вывоза, дѣлаемое гласными и негласными спидкатами и картелями частныхъ заводчиковъ и фабрикантовъ. Единственное средство бороться противъ заграничныхъ спидкатовъ представляетъ повышеніе пошлинъ, но при договорѣ средство это уничтожается.

Я убѣжденъ, что съ Германіей Россія можетъ экономически уживаться и безъ особыхъ пожертвованій. Непосредственная эксплоатация Россіи, помощью сбыта нѣмецкихъ издѣлій и направленія транзита черезъ Пруссію, конечно, ослабитъ и не можетъ возстановиться въ прежнемъ видѣ, но какъ поприще для приложенія нѣмецкаго капитала Россія надолго еще останется открытою для Германіи и будетъ работать на нѣмецкихъ капиталпствовахъ. Это имѣетъ дурныя стороны, но нельзя отрицать, что представляетъ оно для Россіи и свои пзвѣстныя выгоды. Если мы сами не умѣемъ дѣлать сбереженій, то по-неволѣ должны пользоваться, хотя временно, сбереженіями другихъ націй. Безъ капитала, какъ доказываетъ экономическая наука, производство невозможно. Русскій же капиталъ, въ зависимости отъ требованій фиска, отъ вліянія кабака, а также и отъ славянскихъ привычекъ жить выше средствъ, нарастаетъ слишкомъ медленно. Только долгимъ періодомъ лѣтъ уменьшимъ мы вліяніе трехъ вышеозначенныхъ факторовъ.

Не довольствуясь таможенными репрессалиями, Германія выгнала отъ себя административною властью десятки тысячъ русскихъ подданныхъ, преимущественно евреевъ и поляковъ, хотя ея собственные подданные ежегодно эмигрируютъ во всѣ части свѣта и число нѣмцевъ въ Россіи и Франціи достигаетъ нѣсколькихъ сотенъ тысячъ, а въ Америкѣ—милліоновъ. Правда, Соединенные Штаты еще ранѣе ограничили приливъ къ себѣ китайцевъ, но сдѣлали они это съ разными оговорками и притомъ для будущей только эмиграціи; не было и рѣчи объ изгнаніи тѣхъ желтокожихъ, которые водворились уже на территоріи республики. Нѣмцы поступили иначе. Смѣлымъ рѣшеніемъ они подтвердили право каждаго государства не допускать къ себѣ иностранцевъ, даже самыхъ мирныхъ и трудолюбивыхъ, разъ это признается невыгоднымъ для собственныхъ подданныхъ. Подобная теорія находится въ прямомъ противорѣчій съ тѣми, которыхъ держались до сихъ поръ всѣ государства и которыя проповѣдывали съ каеэдры, какъ непреложную истину. Нѣмецкая теорія обѣщаетъ въ будущемъ великія усложненія. Есть государства бѣдныя, есть богатые, есть народы зажиточные и народы оборванцы, что зависитъ отъ распредѣленія капиталовъ. Богатство вездѣ имѣетъ, однако, одно и то же вліяніе: оно притягиваетъ къ себѣ тѣхъ, у кого его нѣтъ. Такимъ образомъ движеніе населенія изъ странъ менѣе богатыхъ въ болѣе богатые, или изъ странъ, гдѣ земли недостатокъ, въ страны,

гдѣ въ ней избытокъ (ибо земля тотъ же капиталъ), какъ нельзя болѣе естественно. Поэтому, право свободнаго мѣстожителства и передвиженія не только въ предѣлахъ своего государства, но и въ другихъ государствахъ считалось какъ бы прирожденнымъ правомъ человѣчества.

Германія отвергла это и возвратилась къ законамъ и практикѣ прежняго времени, когда цѣлыя населенія изгонялись изъ страны по политическимъ видамъ, или же вынуждались, какъ евреи, жить въ извѣстномъ ограниченномъ пространствѣ осѣдлости. Вопросъ, однако, возможно ли достигнуть этого при нынѣшней плотности населенія въ Европѣ? Возстановить равновѣсіе между избыткомъ населенія въ одномъ мѣстѣ и недостаткомъ въ другомъ рано или поздно придется, и тогда не останется ничего болѣе, какъ прибѣгать для такого уравновѣшиванія къ помощи оружія. Хорошо тѣмъ странамъ, у кого много свободныхъ земель, какъ у Россіи, или кто запасся колоніями, какъ Англія; но въ какое положеніе стануть тѣ страны, которыхъ колоніи или ничтожны, или же находятся въ тропическомъ климатѣ, невозможномъ для размноженія европейцевъ. Если всѣ государства стануть на германскую точку зрѣнія и начнутъ закрывать у себя доступъ иностранцамъ, то не придется ли ждать въ будущемъ цѣлаго ряда войнъ для измѣненія границъ въ тѣхъ государствахъ, гдѣ населенію окажется жить тѣсно. Не повторится ли явленіе, которое, по словамъ Байрона, представляли нѣмцы въ началѣ ихъ исторіи.

Газеты, конечно, раздували перечисленные выше инциденты (особенно весною), толковали о возможности войны и примиренія, хотя ни о какомъ «примиреніи» не могло быть рѣчи, потому что не было ссоры. Если, подъ вліяніемъ минутнаго негодованія за вмѣшательство русской дипломатіи во франко-германскія отношенія въ 1875 г., нѣмцы рѣзко измѣнили свою политику и, забывъ всѣ услуги Россіи, дошли до организаціи могущественной коалиціи и ряда экономическихъ притѣсненій, а Австро-Венгію необдуманнми дѣйствіями на Балканскомъ полуостровѣ поставили въ вызывающее положеніе, то ужъ, конечно, не Россія было являться съ повинной. Россія ничьей дружбы не искала. Это она доказала своими отношеніями къ Франціи, союзъ съ которою былъ бы лучшимъ отвѣтомъ на знаменитую «лигу мира»; Россія однако формальнаго союза съ послѣднею очень долго не заключала, всячески оберегая нѣмецкую шепетильность. Большею любезности едва ли было возможно требовать, а тѣмъ менѣе возможно ожидать, чтобы Россія заискивала у государства, заключающаго противъ нея тайные союзы.

Съ другой стороны, мы столько лѣтъ прожили съ Германіей въ мирѣ, столько интересовъ нравственныхъ и матеріальныхъ связываютъ насъ съ этимъ сосѣднимъ государствомъ, что мы первые должны радоваться разъясненію недоразумѣній. «Худой миръ лучше доброй ссоры», говоритъ народная мудрость, а еще лучше хорошій

миръ. Слѣдуетъ стоять за достоинство и независимость Россіи, но держаться полтикл, чуждой легкомыслія и оскорбительной заносчивости, стоять за добрыя сосѣдскія отношенія къ Германіи, разъ подъ предлогомъ этихъ отношеній насъ не будутъ, какъ пмбются примѣры, водить за носъ.

Пессимисты увидѣли большую опасность въ томъ, что въ Германіи вступилъ на престолъ молодой, тридцатилѣтній, Вильгельмъ, окружившій себя новыми людьми, устранившій отъ дѣлъ Бисмарка, котораго считали душою германской полтикл, и частенько повторяющій сказанныя Фридрихомъ-Вильгельмомъ I слова: «Кто хочетъ на свѣтѣ чего-нибудь достигнуть, долженъ этого добиваться не однимъ перомъ, а поддерживая его сплюю меча».

Но если Бисмаркъ и сошелъ со сцены, то не надобно забывать, что въ рейхстагѣ столько же сторонниковъ имперіи, сколько и враговъ ея. Съ такимъ большинствомъ можно управлять, но трудно начинать рискованную войну. Императоръ Германіи уже въ лѣтахъ, когда человекъ дѣлается вполне благоразумнымъ. Его выставляли честолюбивымъ, виновственнымъ, ненавистникомъ французовъ. Все это возможно, но тѣ взгляды, которые онъ высказывалъ, будучи принцемъ и не неся никакой отвѣтственности, должны пзмѣниться, когда на него пала громадная отвѣтственность. Подобныя превращенія случались нерѣдко и въ наши дни. Альфонсъ XII испанскій, котораго все считали ничтожнымъ человекомъ, оказался весьма разумнымъ государемъ; его вдовѣ не предсказывали и полугодового царствованія, между тѣмъ она удивила Европу упроченіемъ своей власти. Давно извѣстно прреченіе: *qu'un jacobin ministre n'est pas un ministre jacobin*. То же самое прилагается и къ государямъ. Корона дѣлаетъ голову менѣе легкою и поступки менѣе опрометчивыми. Когда надобно считаться съ интересами 50 милліоновъ людей, то не такъ легко увлекаются фантазіями, какъ увлекается частный человекъ въ домашней откровенной бесѣдѣ, а особенно когда эти фантазіи стоятъ милліона жпзней—цифра потерп въ людяхъ Германіи и Франціи въ войну 1870—71 годовъ¹⁾.

¹⁾ Процессъ Деккерта и Люцова выяснилъ, что и при германскомъ дворѣ существовалъ камарилья, смѣнившая дамское вліяніе, существовавшее при Вильгельмѣ I. Душа этой камарильи, гр. Эйленбургъ, систематически устранялъ отъ власти вліятельныхъ министровъ. О дамской политикѣ при берлинскомъ дворѣ съ 1850 и по 1890 г. сообщаютъ интересныя свѣдѣнія въ анонимной книгѣ «*Damenpolitik am Berliner Hof*». Главнымъ лицомъ, на котораго направлялись стрѣлы этой политики, былъ Бисмаркъ. Изъ-за дамскихъ интригъ ему приходилось проводить ночи въ гнѣвѣ, съ ледяными компрессами на головѣ. При берлинскомъ дворѣ эта политика имѣла чисто семейный характеръ. Бисмаркъ называлъ ее «политикой тещъ». Покойный императоръ Фридрихъ III говорилъ о себѣ, когда еще былъ кронпринцемъ: «всюду меня называютъ героемъ, но никто не знаетъ того, что я величайшій изъ героевъ туфли въ Германіи». Во время господства «бисмарковщины» все августѣйшіе принцессы Европы были противъ Бисмарка. Во время франко-прусской войны короли Вильгельма осаждали со всехъ сторонъ дамы въ защиту Франціи. Въ періодъ «*Kulturkampf*» императрица Августа осо-

Успокоенію болѣе всего содѣйствовали твердый образъ дѣйствій покойнаго императора Александра III. Онъ былъ одинъ изъ важнѣйшихъ факторовъ сохраненія мира въ Европѣ въ послѣдніе годы и подавалъ не мало примѣровъ хладнокровія, осторожности и твердой воли. Онъ очень равнодушно относился къ запугиваніямъ и къ заискиваніямъ противной стороны, и при каждомъ ожидаемомъ свиданіи въ Берлинѣ, подѣ влияніемъ инсинуаций разныхъ нѣмецкихъ рептилій, германскія биржи положительно чапли, спекулируя то на повышение, то на понижение, смотря по мѣрѣ приближенія или отдаленія свиданія.

Волненіе нѣмецкихъ офиціозовъ и биржевиковъ было, конечно, очень лестно для Россіи; оно показывало, что наше отечество не такая величина, къ которой можно относиться равнодушно даже по наружности, что отсрочка съ ея стороны и на мѣсяць исполненія формальнаго акта вѣжливости составляетъ міровое событіе. Волненіе также доказывало, что нѣмцы какъ бы чувствовали за собою вину, если не могли оставаться спокойными въ томъ даже случаѣ, когда, казалось бы, ничто не должно было возбуждать ихъ мнительности.

Но если нѣмцы могутъ успокоиться теперь и въ уравновѣшенномъ состояніи духа продолжать увеличивать свой флотъ и свои вооруженія, то далѣе этого успокоенія не должны, кажется, извлекать какихъ-либо оптимистическихъ выводовъ для дальнѣйшаго. Вѣкъ, когда императоръ Александръ I сантиментально клялся на гробѣ Фридриха II—злѣйшаго врага Россіи и всего русскаго—поддерживать разныя прусскія измышленія, не имѣющія ничего общаго къ кровнымъ интересамъ русскаго государства, прошелъ безвозвратно. Прошелъ и вѣкъ, когда мы позволили разорить Данію, держащую ключъ къ Балтійскому морю, и пораженіемъ Франціи разрушить европейское равновѣсіе, не давъ намъ за это позволеніе никакого вознагражденія, кромѣ платоническаго права завести на Черномъ морѣ нѣсколько поповокъ.

Знаменитый испанскій министръ прошлаго столѣтія графъ Аранда, находясь въ отставкѣ, брался одного своего родственника, назначеннаго посланникомъ въ Россію, въ десять минутъ ознакомить со всею европейскою политикою. Для этого онъ развернулъ карту Европы и, указывая на пзвилистыя очертанія границъ разныхъ государствъ, сказалъ: «Вы видите, нѣтъ ни одного государства, которое имѣло бы правильную фигуру круга или квадрата, каждое государство врѣзывается въ другое острыми углами и старается заполнить промежутки между этими углами; въ свою

бенно враждовала съ имперскимъ канцлеромъ. Весь придворный штатъ императрицы былъ католическій. Всѣ записки Бисмарка проникнуты ненавистью къ жепскому вліянію. Онъ говоритъ, что Вильгельмъ I мѣнялъ свое мнѣніе всегда, если его убѣждали, но если это мнѣніе подсказывала ему жена, то оставался непроницаемымъ, болѣе семейныхъ связей.

очередь, соеднее государство также старается приобрести пространство, которое округляло бы его углы. Въ этомъ, мой другъ, и состоитъ вся европейская политика» ¹⁾).

Бъ сожалѣнiю, въ то время, когда Пруссiя пзъ какой-то весьма угловатой фигуры прiятно округлялась на счетъ своихъ сосѣдей, мы готовы были даже апплодировать этому округленiю, не заботясь нисколько о собственныхъ углахъ и забывая наши собственные интересы. Такому практическому генiю, какъ Наполеонъ I, просто непонятными казались нѣкоторые поступки въ этомъ случаѣ Россiи, и онъ приписывалъ ихъ женскимъ чарамъ.

Дружественныя отношенiя Россiи къ Пруссiи установились давно. Уже въ 1656 г. царь Алексѣй Михайловичъ посылалъ въ Берлинъ дьяка Богданова, предлагая принять курфюрста Бранденбургскаго подъ свое покровительство и признать его своимъ вассаломъ! Петръ Великiй нашелъ въ Бранденбургскомъ курфюрстѣ естественнаго союзника противъ Швецiи и Польши, въ то время очень сильныхъ и для Россiи весьма опасныхъ. Король Пруссiи Фридрихъ-Вильгельмъ I, столь обязанный Петру, говорилъ однако: «Я люблю сильныхъ друзей, но не люблю могущественныхъ сосѣдей». Въ свою очередь и мы не очень вѣрили Пруссiи. Графъ Бестужевъ-Рюминъ еще въ 1744 г. писалъ, что «недреманнымъ окомъ» слѣдуетъ смотрѣть за Пруссiей. «Будучи ближайшимъ и наисильнѣйшимъ сосѣдомъ сей имперiи, потому натурально и наипаснѣйшимъ, хотя бы онъ такого непостояннаго, захватчиваго, безпокойнаго и возмутительнаго характера и нрава и не былъ, какъ у него (Фридриха II) сущесть».

Это недовѣрiе при увлеченiи австрiйскими интересами довело насъ къ участию въ Семилѣтней войнѣ, когда русскiя войска не только заняли Берлинъ и взяли съ него хорошую контрибуцiю, но и древнюю столицу Пруссiи—Кенигсбергъ обратили въ губернский городъ, а жителей привели къ присягѣ на подданство императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ; въ Кенигсбергѣ чеканилась тогда русская монета и даже появился православный монастырь съ архимандритомъ изъ города Данкова!

Быль составленъ проектъ о совершенномъ присоединенiи завоеванной части Пруссiи къ Россiйской имперiи, проектъ, на которомъ императрица Елизавета 30-го апрѣля 1760 г. написала: «быть по сему». При этомъ, однако, въ виду того, что нынѣшнiя Курляндская и Ковенская губернiи не были еще русскими, императрица оставляла за собою право: «получа въ свое владѣнiе Пруссiю, удобнаго средства искать: невозможно ли будетъ съ республикою польскою, полюбовнымъ соглашенiемъ и къ взаимному обѣихъ сто-

¹⁾ Это объясненiе остроумнѣе сдѣланнаго Екатериною II, что вся политика заключается въ трехъ словахъ: обстоятельства, предположенiе и случайность (circonstance, conjecture et conjoncture).

ронъ *удовольствію*, сдѣлать о семь королевствѣхъ другое опредѣленіе¹⁾...»

Означеннаго «удовольствія» не послѣдовало; въ 1761 году императрица Елизавета умерла, а преемникъ ея Петръ III внезапно перевернулъ политикку русскаго двора, — и Россіи вдругъ пришлось сдѣлаться великодушнымъ и самоотверженнымъ другомъ своего врага Фридриха II-го. «Я никогда не въ состояніи заплатить за все, чѣмъ вамъ обязанъ», писалъ послѣдній къ императору Петру. Обязанная Фридриху началомъ своей карьеры, Екатерина вовсе не желала видѣть однако прусскій флотъ на Балтійскомъ морѣ, вотъ почему при первомъ раздѣлѣ Польши не соглашалась даже косвенно дать прусскому королю приобрести шведскую Померанію. Этому противился и Александръ I въ началѣ своего царствованія, но вообще въ его царствованіе отношенія Россіи къ Пруссіи покопились не столько на политическомъ разчетѣ, сколько на личной глубокой и искренней привязанности къ прусскому королю Фридриху-Вильгельму III-му и его супругѣ. Хотя нѣмецкіе и германскіе историки и рептиліи пытались заподозрить эти отношенія, приписывая намъ своекорыстные и честолюбивые замыслы, желаніе господствовать надъ слабымъ сосѣдомъ, но результатъ лучше всего доказываетъ противное.

Пруссаки, какъ Гарденбергъ, находили въ 1815 г., что слѣдуетъ возстановить Польшу, но никакъ не отдавать ее Россіи, т. е., другими словами, оставить послѣднюю за ея услуги Пруссіи въ 1806, 1807, 1812, 1813, 1814 и 1815 гг. безъ всякаго вознагражденія! Замѣчательно, что, когда пруссаки уступили, они все не требовали Торна. Сдѣлалъ предложеніе отдать его Пруссіи лордъ Каствлри и Александръ I согласился. Несмотря на подобныя любезности, нашъ посоль графъ Алопеусъ въ 1823 г. писалъ, что прусскій король искренно любитъ Александра I и русскій народъ, но ни прусскіе министры, ни армія не любятъ Россіи. Уже въ 1814 г., послѣ перваго взятія Парижа, офицеры прусскаго генеральнаго штаба занялись планомъ наступательной и оборонительной кампаніи противъ Россіи, исходя изъ того предположенія, что отнынѣ это единственная держава, которой должна бояться Пруссія.

Дружба съ послѣдней продолжалась и при Николаѣ I. Если, какъ бы вмѣшиваясь во внутреннія дѣла Германіи, Николай I косо смотрѣлъ на желаніе Фридриха-Вильгельма IV дать конституцію, то надобно припомнить, что Фридрихъ-Вильгельмъ I въ свое время также неодобрительно отнесся къ «пунктамъ», коимъ императрица Анна Ивановна ограничила свою самодержавную власть.

¹⁾ Присоединеніе Восточной Пруссіи къ Россіи было условлено и 5 п. договора съ Австріей 22 января 1757 г., но Марія-Терезія отказалась ратифицировать договоръ иначе какъ измѣнивъ редакцію этого пункта, что произошло только въ 1760 г.

Что Германія не вмѣшалась въ Крымскую войну, мы наиболѣе обязаны энергическому и искусному образу дѣйствій Бисмарка, также содѣйствію короля Виртембергскаго. Прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ IV уже колебался. Вильгельмъ I былъ нашимъ другомъ, по словамъ даже Бисмарка. стѣпнымъ. Дружба существовала вплоть до 26-го сентября 1879 года, до знаменитаго австро-нѣмецкаго союзнаго договора, то усиливаясь, то ослабѣвая. за исключеніемъ весьма небольшого періода, когда мы въ 1875 г. заступились за Францію. Впрочемъ, по увѣренію Бисмарка, знаменитый циркуляръ Горчакова, начинавшійся словами: «Maintenant la paix est assurée» былъ театральной выходкой, придуманной Горчаковымъ и французскимъ посломъ въ Берлинѣ, чтобы внушить Европѣ представленіе о кровожадности Германіи. «Мнѣ», пишетъ Бисмаркъ въ своихъ запискахъ, — «мысль напасть на Францію безъ всякаго основанія и лишь съ тѣмъ, чтобы не дать ей обратиться съ силами, не только не приходила въ голову, но я скорѣе вышелъ бы въ отставку, чѣмъ допустить бы что-нибудь подобное».

Подъ могучимъ покровомъ русской дружбы выросла и окрѣпла Пруссія и развились тѣ силы, которыя дали ей возможность взять въ свои руки дѣло единства Германіи и осуществить въ свою пользу эту завѣтную мечту нѣмецкаго народа.

Содѣйствуя, хотя быгь можетъ и безотчетно, означенному единству, мы пренебрегали элементарнѣйшими основаніями международной политики, а что это за основанія — проще всего опредѣлить Тьеръ, когда онъ въ 1865 г. предостерегалъ Францію противъ столь же добродушно-легкомысленнаго отношенія къ созданію итальянскаго единства. «Когда рѣчь идетъ о политикѣ внутренней, то можно еще говорить Тьеръ, серьезно толковать о новой политикѣ. Для участія народа въ управленіи, для уступки высшимъ классомъ среднему и низшему извѣстной доли вліянія на дѣла потребовались новыя формы. Но для иностранной политики, обратимся ли мы къ древности, къ самому политическому изъ древнихъ историковъ Полибію, или къ самому политическому изъ историковъ новыхъ—Гвиччардини, вездѣ мы видимъ, что иностранная политика есть только осторожность бдительныхъ государствъ, которыя внимательно наблюдаютъ за тѣми, кто ихъ окружаетъ, чтобы помѣшать маленькимъ государствамъ сдѣлаться большими, большими сдѣлаться еще большими и опасными. Словомъ, всегда и вездѣ видна одна и та же осторожность и одна и та же бдительность».

Вотъ золотыя слова, которыя сдѣлались теперь, надобно надѣяться, навсегда и девизомъ русской внѣшней политики. Ихъ тѣмъ легче запомнить нѣмцамъ, что они сами не знаютъ другой и до сихъ поръ, кажется, не имѣютъ повода жаловаться, чтобы подобная политика причинила имъ вредъ. Эту политику прекрасно опредѣлилъ князь Бисмаркъ, сказавъ князю Горчакову въ 1870

году: «я добрый другъ — съ друзьями и добрый врагъ — съ врагами».

При такомъ девизѣ можно быть убѣжденнымъ, что миръ съ Германіей нарушенъ не будетъ. Въ заключеніе нельзя не опровергнуть мнѣнія тѣхъ, которые утверждаютъ, будто война необходима, иначе всѣ государства разорятся на вооруженія и что дальнѣйшее выжиданіе нестерпимо. Такое мнѣніе ни на чемъ не основано. Конечно, расходы на армію и флотъ очень тягостны. Выше я приводилъ расчеты графа Мюллера, что они обходятся не многимъ дешевле войны; если они будутъ продолжаться въ прежней пропорціи, то подобная непродуманная затрата капитала дастъ еще болѣе перевѣса въ экономическомъ отношеніи населенію государствъ Америки и Австраліи, но война военныхъ расходовъ не сократитъ. Никогда война не сопровождалась обезоруженіемъ. Напротивъ, послѣ каждой войны, по указанію новаго опыта, государства быстро перевооружались, мѣняли форму обмундированія, приписывая цвѣту штановъ какую-то магическую силу, и съ лихорадочною поспѣшностью увеличивали свои военныя силы и военныя запасы.

Если сокращеніе армій не есть мечта, то она скорѣе достигнется продолжительнымъ миромъ, а не войною. Противъ вѣроятности послѣдней въ Европѣ говорятъ особенно три обстоятельства. Во-первыхъ, со всеобщею волею повинности война затрагиваетъ чувствительно интересы всего населенія, масса котораго предпочитаетъ всегда спокойствіе; во-вторыхъ, современная война требуетъ гигантскихъ затратъ, надолго разоряющихъ страну; наконецъ, теперь, при чуткости и свободѣ общественнаго мнѣнія, отвѣтственность въ случаѣ неудачной войны гораздо сильнѣе не только для министровъ, но и для государей. Хотя человѣческія страсти дѣйствуютъ съ прежнею силой, но вышеозначенныя три обстоятельства служатъ мощнымъ регуляторомъ и сдерживаютъ правительства въ изысканіи предлоговъ къ вооруженному столкновенію.

III. АВСТРО-ВЕНГРІЯ.

Пятдесятилѣтнее царствованіе монарха Австро-Венгерской имперіи замѣчательно превратностями судьбы и составляетъ интересную эпоху въ исторіи дунайской монархіи.

Воспитанный въ самой узкой клерикальной и военной обстановкѣ, Францъ-Иосифъ еще юношей довольно неожиданно получилъ корону, вслѣдствіе отказа своего дяди отъ престола, въ такую минуту, когда одна половина монархіи была охвачена революціонною бурей, а другая находилась въ открытомъ возстаніи. Недо-

статокъ опытности побудилъ молодого императора протянуть руку реакціи и употребить десять лѣтъ на безплодную попытку централизовать разнородный составъ имперіи. Финансовое разореніе и угрожающее положеніе Венгріи было единственнымъ результатомъ этой политики. Печальный исходъ итальянской войны 1859 года открылъ опасность избраннаго пути и указалъ на реформы, какъ на средство исцѣлить недугъ, подточившій крѣпость могущественной прежде имперіи.

Реформы шли сначала довольно медленно, но несчастія 1866 года, когда Австрія, потерѣвъ замѣчательныя пораженія, была въ нѣсколько недѣль изгнана одновременно изъ Германіи и Италіи, доказали окончательно, что традиціонная политика государства, гдѣ властвовали Меттернихъ, Генцы и Бахъ и школами руководили іезуиты, нигде болѣе негодится, что необходимо радикальное обновленіе обветшавшей имперіи.

Въ обѣихъ половинахъ имперіи господствуетъ парламентаризмъ, широкое земское самоуправленіе, довольно полная свобода печати, подходящий налогъ и обязательный гражданскій бракъ, независимые университеты и другія еще болѣе рѣшительныя нововведенія; промышленность сдѣлала большіе успѣхи, Вѣна и Буда-Пештъ стали одними изъ великолѣпнѣйшихъ городовъ Европы. Но все это декорации. Богатство имѣло свои оборотныя стороны, развивъ биржевыя спекуляціи, повлекшія къ страшному краху 1873 г., отразившемуся во всей Европѣ, и къ успленію значенія евреевъ.

Австро-Венгрія представляетъ печальное зрѣлище 38 милліоновъ христіанъ, работающихъ день и ночь, чтобы прокормить и обогащать 2 милліона ничего не дѣлающихъ евреевъ! Семитская раса одна выпрыгиваетъ изъ нескончаемыхъ раздоровъ, она какъ кротъ подкапывается подъ общественный порядокъ Австро-Венгріи, готовый рухнуть. Жидовская печать стала слюю. «Безъ «Neue Freie Presse», сказалъ австрійскій премьеръ Гаучъ, «нельзя управлять Австріей». Въ австрійской арміи болѣе 10% офицеровъ жидовъ. Столицы совсѣмъ оживовѣли. Но нестерпимая наглость евреевъ вызвала естественную реакцію и повела къ образованію, при снисходительномъ содѣйствіи графа Таафе, въ 1885 г. антисемитской партіи. Депутатъ Вергани въ 1888 г. основалъ «Deutsches Volksblatt» — первый антисемитскій органъ. Затѣмъ выборная реформа 1893 года содѣйствовала антисемитскому движенію; докторъ Люгеръ сдѣлался вѣнскимъ бургомистромъ и Герцка проповѣдывалъ настоящій исходъ евреевъ. Партія антисемитовъ наиболѣе вліятельна въ мелкой буржуазіи и низшемъ духовенствѣ, клерикализмъ ослабѣлъ со времени паденія централистической политики.

Еще въ 1829 г. императоръ Францъ I въ припадкѣ откровенности сказалъ русскому послу Татищеву, что его «имперія походить на домъ, изъѣденный червями. Если желаютъ разрушить одну часть зданія, никто не можетъ предвидѣть, сколько отъ него обру-

пштыя». За 70 лѣтъ работа червей только успѣлась. Династія вовсе не популярна, популярнѣе одинъ старый Францъ-Иосифъ. Непзвѣстно даже, кто будетъ его наследникомъ. Вѣнскій парламентъ, съ самаго начала имѣвшій мало силы и авторитета, со времени коалціонныхъ министерствъ падаетъ постоянно въ общественнымъ мнѣніи, благодаря обструкціоннымъ подвигамъ Шенерера и Вольфа.

Изъ числа конституціонныхъ государствъ Европы, гдѣ идетъ горячая борьба партій, Австро-Венгрія находится въ особенно тяжелыхъ условіяхъ; въ то время, когда въ другихъ странахъ вопросъ о государственномъ единствѣ остается внѣ сомнѣнія, и всѣ пререканія возвращаются только на почвѣ политической и отчасти социальной, въ Австро-Венгріи обстоятельства несравненно болѣе затруднительны: тамъ къ политическимъ затрудненіямъ примѣшивается еще вопросъ о національности, а каждую національность приходится разсматривать здѣсь какъ отдѣльное государство. Политическіе и социальные интересы котораго своеобразны и не могутъ быть удовлетворены однимъ какимъ-либо рѣшеніемъ, какъ бы рационально ни казалось оно съ виду.

Нѣмецкая половина имперіи соперничаетъ съ мадьярскою, нѣмецко-чешская буржуазія съ жидами. Антиславянская политика вовсе не примиряла нѣмцевъ съ мадьярами. Первые продолжаютъ видѣть въ мадьярахъ паразитовъ, развѣдающихъ вѣками австрійскую монархію, антисемиты протягиваютъ въ эту минуту руку нѣмцамъ, поэтому компромиссъ въ 1899 г. могъ быть возобновленъ только два года позже срока и притомъ въ сплн 14 статьи австрійской конституціи, дающей монарху право, въ случаѣ настоятельной нужды, обходиться безъ законодательныхъ сословій. Въ Богеміи, Моравіи и Силезіи мы видимъ ожесточенную войну нѣмцевъ съ чехами, въ Тиролѣ нѣмцевъ съ итальянцами, въ Штиріи и Каринтіи словенъ съ нѣмцами, въ Далмаціи—сербовъ съ итальянцами, въ Галиціи—поляковъ съ малороссами, въ Венгріи—мадьяръ съ словаками, сербами и русскими, въ Трансильваніи, Буковинѣ и Банатѣ—мадьяръ съ румынами, въ Хорватіи и Славоніи—сербовъ съ мадьярами. Такова картина Австро-Венгріи. Ни одна національность ея не можетъ успокоиться и сложить оружіе, потому что ни одна изъ нихъ не можетъ удовлетвориться идеалами и интересами другой національности. Въ средѣ самихъ національностей нѣтъ единства и общности стремленій; младочехи ненавидятъ старочеховъ, малороссы распадаются на три партіи, аристократическіе хорваты не ладятъ съ демократическими сербами, у поляковъ свои партіи: станчики, змартвыхстанцы, радикалы; даже нѣмцы съ 1879 распались на партіи либеральныя: нѣмецко-австрійскую и нѣмецкую, желающую соединенія съ Германіею, клерикальную гр. Гогенварта, клерикально-радикальную, антисемитскую и партію центра—гр. Коронини.

Идеаль патриархально-полицейскаго государства подь кровомь старшинной и популярной династїи, возможный въ XVIII столѣтїи, брошенъ теперь окончателно. Онъ нїкого не удовлетворяетъ, такъ какъ всѣ части Австро-Венгріи слишкомъ эмансипировались въ культурномъ и особенно въ національномъ отношенїи. Предсказать въ точности моментъ разложенїя очень трудно, но что онъ рано или поздно настанетъ, предвидѣть легко. Можно, конечно, на мѣстѣ «австрійскихъ» патриотовъ утѣшать себя, что существуютъ же государства какъ Швейцарія, гдѣ три національности, разныхъ по языку и вѣрѣ, мирно уживаются между собою; но эти маленькія комбинаціи, прочность которыхъ къ тому же еще требуетъ провѣрки опыта европейской войны, нїчего не доказываютъ для обширной военной монархіи, желающей играть выдающуюся роль въ Европѣ.

Государственные люди Австріи съ трудомъ поняли необходимость уступокъ интересамъ разныхъ національностей, входящихъ въ составъ имперїи. Графъ Бейста и Деакъ въ 1867 году устроили соглашенїе съ венграми, пожертвовавъ въ пользу послѣднихъ южными славянами. Австрія раскололась тогда на-двое¹⁾. Раздѣленїе это не принесло однако ожидаемыхъ результатовъ. Дуализмъ былъ нелѣпостью въ принципѣ, потому что если централизація не удалась для Австріи въ цѣломъ, то почему та же система стала разумнѣе, когда вмѣсто одного центра образовалось два одинаково чуждыхъ, куда стали силою тащить разныя народности? Чехи считали свое королевство вмѣющимъ не менѣе правъ на автономїю, чѣмъ Венгрія, которая, благодаря придворной ловкости ея аристократовъ, стала руководить иностранною политикою имперїи. Графъ Гогенвартъ приготовилъ было соглашенїе и съ чехами, и Австрія должна была расколѣться уже на три части; но планъ Гогенварта не удался, такъ какъ въ Вѣнѣ испугались, что и другія національности потребуютъ удовлетворенїя послѣ уступокъ, сдѣланныхъ чехамъ. На первомъ планѣ въ этомъ случаѣ стояли поляки, содѣйствїемъ которыхъ преимущественно и пользовалось вѣнское правительство для отстраненїя гибельнаго для него соглашенїя славянскихъ племенъ между собою. Сдѣлавъ уступки другимъ національностямъ и создавъ такимъ образомъ рядъ полунезависимыхъ государствъ, соединенныхъ только династическими узамъ, дунайская монархія опасалась расклеиться, потому что этихъ узъ, несмотря на уваженїе къ древнему Габсбургскому дому, казалось недостаточно для скрѣпленїя связи между народами, чуждыми другъ другу по языку, вѣрѣ, симпатїямъ и даже экономическимъ интересамъ.

¹⁾ Дуализмъ осуществился еще ранѣе Бейста, въ 1749 году, когда была уничтожена въ Вѣнѣ канцелярїя чешскаго королевства и въ то же время оставлена венгерская канцелярїя.

Поэтому, оставивъ федеративный вопросъ въ сторонѣ, преемники Гогенварта думали удовлетворить на время страну конституціонными реформами, направляя послѣднія такъ, чтобъ сломить сопротивление тѣхъ частей имперіи, которыя не признавали порядокъ, введенныхъ съ 1867 года. Важнѣйшею изъ этихъ реформъ было измѣненіе системы выборовъ въ рейхсратъ и связанное съ нею увеличеніе числа депутатовъ отъ рабочаго сословія.

Загрыванія съ разными національностями продолжались впрочемъ ради оставленія министерскаго большинства. Императоръ Францъ-Иосифъ много разъ обѣзжалъ свои разношерстные владѣнія. Былъ онъ и въ Далмаціи, и въ Чехіи, и въ Буковинѣ, и въ Галиціи, не считая постоянныхъ посѣщеній Венгріи; всюду и вездѣ его сопровождали восторгомъ, между тѣмъ положеніе дунайской монархіи отъ того ни на волосъ не упрочивалось и самое существованіе обширной имперіи составляло предметъ нескрываемыхъ опасеній для ея государственныхъ людей.

Равнымъ образомъ, какой только политики ни держались въ Вѣнѣ въ послѣдніе годы, то продавая свою душу мадьярамъ, то кокетничая съ федералистами, то возвращаясь къ нѣмецкимъ централистамъ. Закрывая глаза на дѣйствія Россіи во время войны съ Турціей, Австрія успѣшила захватить лучшіе куски изъ военной добычи: Боснію, Герцеговину и часть Старой Сербіи и въ этомъ приращенія своей территоріи и своего населенія немедленно пріобрѣла новый источникъ слабости, почему сейчасъ же бросилась въ объятія своему злѣйшему врагу, исключившему ее изъ германскаго союза.

Эта безконечная погоня за направленіемъ далеко еще не окончилась. Такъ, со свойственной австрійцамъ манерой удовлетворяютъ одну національность на счетъ другой и жертвовать слабыми въ пользу сильныхъ, они, чтобъ заручиться содѣйствіемъ поляковъ въ рейхсратѣ, пожертвовали въ ихъ пользу интересамъ преданнаго до того династіи русскаго населенія въ Галиціи.

Три пятыхъ населенія Галиціи, даже по весьма пристрастнымъ исчисленіямъ, принадлежатъ къ русскому племени; населеніе это подавлено польскимъ дворянствомъ и еврейскою буржуазіей; только крестьяне и сельское духовенство сохраняютъ еще свою національность, стираемую введеніемъ польскаго языка и администраціи. Такой составъ населенія не можетъ, конечно, дать русскимъ значительнаго вліянія на выборахъ, несмотря на ихъ многочисленность. Въ прежнее время при прямыхъ выборахъ, несмотря на всѣ усилія, министерству Шмерлинга удавалось провести въ вѣнскій рейхсратъ не болѣе полутора десятковъ русскихъ депутатовъ; но и это ничтожное число возбуждало зависть и опасенія польскаго большинства, такъ какъ депутаты престолярды никогда не вотировали вмѣстѣ съ панами, а держались централистскою нѣмецкою партіи. Подобное положеніе, не говоря уже объ его

крайней несправедливости и нелогичности, угрожает многочисленными затруднениями въ будущемъ. Примѣръ Трїединаго королевства въ этомъ случаѣ нѣсколько не поучителенъ, потому что между словенами и сербами нѣтъ вовсе той племенной вражды, какая исторически образовалась между русскими и польскими населеніемъ Галиціи; кромѣ того, словены не желаютъ вовсе дѣлать сербовъ словенами, и наоборотъ. Въ Галиціи совсѣмъ другое: польская аристократія и католическое духовенство, такъ отстаивающія свою національность, продолжаютъ тамъ ту же политику ополченія русскаго населенія, которая такъ грустно отозвалась нѣкогда на отношеніяхъ Польши къ Малороссіи, а въ Австріи вызвала кровавую жакерію 1846 года. Австрійское правительство знаетъ это очень хорошо и между тѣмъ изъ опасенія Россіи даетъ новое оружіе въ руки поляковъ, которыхъ, конечно, никто не сочтетъ прочными друзьями австрійской монархіи. Въ этомъ случаѣ они даже вовсе не считаютъ нужнымъ скрывать свои стремленія. Запгрываніе съ поляками составляетъ однако часть правительственной программы.

Во время послѣдней русско-турецкой войны польскіе политики въ Галиціи, пользуясь отвлеченіемъ вниманія Россіи въ другую сторону, составили отъ имени львовскаго сейма адресъ къ императору Францу-Иосифу въ томъ смыслѣ, что польскій народъ никогда не отказывался отъ своей національной самостоятельности, но для Австро-Венгріи панславистская Россія представляетъ-де большую опасность и только тѣ славянскія племена, которыя не отказываются отъ своей національной самостоятельности, могутъ служить оплотомъ, защищающимъ Австро-Венгрію отъ Россіи. На основаніи адреса, уже въ 1879 г. польская партія получила преобладающее вліяніе на внутреннюю и внѣшнюю политику Австріи. Составители адреса, партія станчиковъ, а именно ея корифей: гр. Альфредъ Потоцкій, гр. Водзицкій, Козмяны, гр. Тарновскій, Земляковскій, Дунаевскій, Зыблшевичъ, Бадени, добились большого значенія и вліянія въ Вѣнѣ. Въ основу партіи были приняты принципы, что поляки свою духовную жизнь должны развивать на католицизмѣ и консервативныхъ началахъ и стараться поднять папскую власть. Извѣстный историкъ Шуйскій прибавилъ къ этой программѣ еще политическую точку зрѣнія, именно, что такъ какъ возстановленіе независимой Польши можетъ произойти только при помощи Австріи, то поляки должны оставить тайные заговоры, вести себя мирно въ Россіи и Пруссіи, въ Австріи же добиваться преобладающаго вліянія. Приведенная программа строго соблюдается польскими политиками и она уже принесла ту пользу, что поляки дѣйствительно верховодятъ въ Австріи. Поляки, конечно, очень довольны, что въ нихъ записываютъ, и не скрываютъ своего удовольствія, поддерживая поочередно всѣ правительства. Цислейтанское правительство очень радо, что поляки довольны. Выходитъ,

всѣ довольны. Спрашивается только, кого же тутъ обманываютъ? Возможно развѣ какое либо серьезное сближеніе поляковъ съ Австро-Венгріей? У поляковъ мысль объ единствѣ не умираетъ; если поляки не мечтаютъ уже о своей Рѣчи Посполитой, то проекты Чарторижскаго и Веленпольскаго создать Польшу въ видѣ государства, связаннаго только династическимъ союзомъ съ какимъ-либо другимъ большимъ государствомъ, сохраняютъ свою силу и заманчивую прелесть¹⁾.

Но Чарторижскій и Веленпольскій надежды свои возлагали на Россію. Тутъ еще былъ смыслъ, какъ потому, что Россія государство славянское, которое рано или поздно станетъ во главѣ славянскихъ племенъ, какъ Пруссія стала во главѣ германскихъ, такъ и по обширности польской территоріи, вошедшей въ составъ Россіи: почти двѣ трети бывшей республики составляютъ теперь нераздѣльную часть Русской имперіи. Совсѣмъ въ другомъ положеніи находится Австро-Венгрія. Въ нынѣшнемъ своемъ состояніи, т. е. въ состояніи нѣмецко-мадьярскаго дуализма, она есть мертворожденный политическій организмъ, съ которымъ нерасчетливо полякамъ связывать свое будущее, даже подъ скипетромъ одного изъ австрійскихъ эрцгерцоговъ. Если Австро-Венгрія обратится въ триаду и дастъ удовлетвореніе чехамъ, то поляки также не извлекутъ изъ этого ничего для себя утѣшительнаго; остается, слѣдовательно, дожидаться переустройства Австро-Венгріи на федеративныхъ началахъ. Тутъ однако представляются два весьма важныхъ обстоятельства. Первое, возможна ли серьезная федерація изъ нѣмцевъ, румынъ, итальянцевъ и славянъ? Не послужитъ ли федерація началомъ окончательнаго распаденія дунайской монархіи? Нѣмцы потянутъ къ Германіи, итальянцы къ Италіи, румыны къ Румыніи, славяне составятъ свои политическія единицы. Венгрія останется островомъ въ славянскомъ мірѣ, который мало-по-малу подточать славянскія волны. Второе—если федерація удержится, то, какъ всякая федерація, она должна имѣть строгое равновѣсіе въ своихъ внутреннихъ частяхъ и спокойную, миролюбивую политику. Таковы федерація сѣверо-американская, швейцарская; между тѣмъ возможно ли спокойствіе и равновѣсіе при участіи въ федераціи такого члена, какъ мадьяры или поляки, съ претензіей на обладаніе огромными территориями до Днѣпра и Балтійскаго моря? Если и ранѣе многія народности Австріи неохотно смотрѣли на

¹⁾ По поводу поляковъ и притязаній на Западную Россію полезно напомнить что первый планъ раздѣла Польши былъ составленъ еще въ XIV столѣтіи Тевтонскимъ орденомъ, уступавшимъ части Польши, Швеціи, Венгріи и Австріи. Уже въ 1514 г. въ союзномъ договорѣ съ императоромъ Максимилианомъ договаривающіяся стороны обязались Россіи возвратить Кіевъ и нѣкоторыя русскія крѣпости, которыя польскій король «неправдою держитъ». «Поляки», сказалъ король Стефанъ Баторій на сеймѣ, «вы обязаны вашимъ сохраненіемъ ни вашимъ законамъ, ибо вы ихъ не знаете, ни вашему правительству, которому не перестаете повиноваться, а исключительно случаю».

ся военные замыслы и протестовали даже против войны съ Пруссіей, то какой оппозиціи надобно ожидать при федеративномъ устройствѣ? Взвѣсивъ все это, становится очевиднымъ, что заигрыванія австрійскаго правительства съ поляками значенія для будущаго имѣть не въ состояніи.

Во всякомъ случаѣ мы можемъ оставаться совершенно спокойными и дожидаться, что пройдетъ немного времени, какъ тѣ же фразы и любезности на семи языкахъ будутъ расточаться гдѣ-нибудь на другомъ концѣ Австро-Венгріи, въ итальянскомъ Тиролѣ или въ Сприніи. Такова ужь судьба этой странной монархіи. Надобно сознаться однако, что государственные люди ея очень ловки. Однимъ изъ такихъ искусниковъ несомнѣнно былъ графъ Таафе, десять лѣтъ управлявшій Австріей при помощи правительственнаго большинства, составившагося благодаря успѣхамъ графа, побудившаго чеховъ къ вступленію въ рейхсратъ и присоединенію къ правительственной партіи. Таафе не былъ человекъ крупныхъ рѣшеній, но умѣлъ выйти изъ затруднительныхъ обстоятельствъ и оказать своей странѣ не мало услугъ. Онъ возобновилъ соглашеніе съ Венгрією и улучшилъ финансы Цислейтаніи. По примѣру князя Бисмарка, онъ заглянулъ и въ область социальна-экономическихъ вопросовъ. Сначала онъ избралъ программу, состоящую въ примиреніи національностей—мечта въ Австріи невозможная. Теперь народности непримиримы въ Австріи болѣе, чѣмъ когда-либо. Поэтому большинство и въ рейхсратѣ остается чисто-искусственнымъ, составленнымъ изъ мелкихъ фракцій, съ которыми надобно между тѣмъ считаться, ибо иначе парламентское управленіе рушится. Строго говоря, въ одно правительство не имѣетъ партіи и каждое управляетъ при помощи компромиссовъ. Къ нимъ лучше всего прилагаются слова Маккиавели: «каждая партія управляетъ до тѣхъ поръ, пока итогъ ея ошибокъ менѣе итога промаховъ ея противниковъ».

Видя невозможность удовлетворить всѣхъ, Таафе измѣнилъ программу. Какъ умный человекъ, онъ не боялся парадоксовъ и сказалъ въ райхсратѣ: «Чтобы хорошо управлять Австрією, надобно, чтобы всѣ партіи были одинаково недовольны!» Тѣмъ, кто жаловался, онъ говорилъ: «Вы жалуетесь? Значитъ я хорошо управляю». Есть доля истины въ этой фразѣ; тѣмъ не менѣе между подвластными Габсбургамъ народами антагонизмъ скорѣе усилился и перемѣна въ положеніи сводится только къ тому, что при вступленіи графа Таафе въ управленіе Цислейтанію недовольство преимущественно предъявлялп чехи, теперь же въ роли обиженныхъ и оскорбленныхъ выступили нѣмцы, оскорбленные уступками, сдѣланными клерикаламъ въ школьномъ законѣ 1869 г. и огорченные признаніемъ сплошной нѣмецкой территоріи на земляхъ чешской короны. Въ протестахъ централистовъ присоеди-

нился и ропотъ младочеховъ и аристократической радикальной партіи, во главѣ которой стоитъ князь Алоизій Лихтенштейнъ.

Наслѣдникъ Таафе Бадени, авторъ такъ называемой «этнополитики», уступкою чехамъ, этимъ «славянскимъ жидамъ», въ вопросѣ о языкахъ въ Богеміи приворожилъ строптивыхъ младочеховъ, раньше хваставшихъ, что помрутся съ австрійскимъ правительствомъ только на почвѣ государственнаго права, т.-е. федеративнаго переустройства Австріи съ королевствомъ св. Вячеслава. Бадени удалось составить изъ поляковъ, чеховъ и клерикаловъ прежнюю «правую» Запгрываль Бадени и съ южными славянами, особенно же съ словенами. Словенскіе и хорватскіе депутаты соединились въ одинъ клубъ «южно-славянскаго союза». Въ него вошли славянскіе депутаты Штирии, Краины, Каринтіи, Далмаціи и Прибережья. Далѣе Бадени поддерживалъ словенъ противъ нѣмцевъ и итальянцевъ. Хорватамъ также были обѣщаны разныя льготы въ Далмаціи. Въ Галиціи Бадени хотѣлъ завербовать часть русскихъ, поощривъ «русско-католическій союзъ» противъ партій руссофильской, украинской и радикальной.

Всѣ эти вилянія не привели однако ни къ чему, нѣмцы учинили въ палатѣ обструкцію и не только свалили Бадени, чуть не предавъ его суду, но и обрекли на бездѣйствіе три министерства—Гауча, гр. Туна и Кларп. Послѣднее не удержалось и отмѣною баденьевскаго декрета о языкахъ. Эта отмѣна нарушаетъ между тѣмъ равенство между народами, гарантированное конституціей. Чехамъ остается только, если они не желаютъ сдѣлать революцію, добиваться при помощи радикаловъ, социалистовъ, малороссовъ и южныхъ славянъ всеобщей подачи голосовъ, которая создастъ въ рейхсратѣ славянское большинство и приведетъ къ федерализму.

Федеральная конституція едва ли не единственный выходъ изъ нынѣшняго положенія, но она, какъ я сказалъ, очень опасное лекарство, особенно въ виду отношенія къ Германіи австрійскихъ нѣмцевъ, составляющихъ треть населенія. Даже и въ экономической области желательно расширеніе правъ областныхъ сеймовъ, такъ какъ естественно, что бѣдныя альпійскія провинціи, высосанная евреями Галиція и оскудѣвшая Далмація замедляютъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ экономическій ростъ такихъ богатыхъ земель, какъ Чехія, Моравія и Силезія. Для разграниченія правъ народностей и чтобы нѣмецкій вопросъ не сдѣлался «австрійскимъ» вопросомъ, совѣтуютъ расширить выборы въ сеймъ, признать и гарантировать права національнаго меньшинства въ сеймахъ, устроить національныя куріи даже съ правомъ «veto» въ нѣкоторыхъ дѣлахъ; все это, конечно, по отношенію къ численности народностей въ отдѣльномъ краѣ. Нѣмецкій языкъ будетъ сохраненъ въ высшей австрійской администраціи и въ арміи.

Но если австрійскіе государственные люди пользуются по-

стоянно славянамъ для своихъ цѣлей, то и трусятъ ихъ они чрезвычайнаго. По этому поводу достаточно припомнить комичный инцидентъ съ появленіемъ генерала Черняева въ январѣ 1877 года въ Прагѣ, напоминающій случай съ Карломъ XII въ Вендерахъ и съ Гарпбальди въ Лондонѣ. Австрійскіе чиновники сочли, впрочемъ, болѣе приличнымъ подражать поведенію турокъ, нежели англичанъ.

Оваціи, которыми былъ встрѣченъ въ Прагѣ генералъ Черняевъ, какъ нельзя болѣе были естественны; для Австріи онъ никакой опасности не представлялъ и въ каждомъ конституціонномъ государствѣ прошли бы благополучно, но идея держать въ опеку славянскую массу такъ вѣлася въ австрійское чиновничество, что нѣсколько звуковъ чешскихъ народныхъ пѣсенъ привели его въ панической страхъ. Нельзя винить за это Черняева, потому что въ его поведеніи не было ничего, что не показывало бы только желанія охранить свое достоинство, какъ человѣка свободнаго и принадлежащаго къ подданнымъ державы, имѣющей нѣкоторыя права на уваженіе въ Европѣ¹⁾. Нельзя винить и пражское населеніе, которое, конечно, не могло оставаться равнодушнымъ къ такому наглому нарушенію гостепріимства, особенно въ отношеніи человѣка, оказавшаго важныя услуги не только славянскому дѣлу, но и гуманности и цивилизаціи вообще.

«Единственное и, можно сказать, истиннѣйшее отвращеніе къ Австріи». — говоритъ Гильфердингъ, — «ощущается почти всѣми». Это чувство вытекаетъ изъ сознанія безнравственности того явленія, что государство, лишнее всякой органической стихіи, завладѣло нѣсколькими народами, богато одаренными природою, и чтобы сдѣлать изъ нихъ послушныхъ подданныхъ, отняло у нихъ всякую свободу развитія. Ложное политическое начало, на которомъ основано существованіе Австро-Венгрии, не можетъ, хотя бы благоразуміе повидному того и требовало, допустить въ своихъ предѣлахъ независимую дѣятельность какой бы то ни было народности. Она не можетъ допустить этого безъ самоотреченія, потому что представляетъ государство, существующее только въ силу отрпцанія всякой народной стихіи въ своихъ подданныхъ.

Насколько это вѣрно, видно изъ того, что, когда послѣ разгрома 1866 года Австрія была вынуждена хотя отчасти отречься отъ своихъ вѣковыхъ государственныхъ основъ и помириться хотя съ одною изъ подвластныхъ ей народностей, т. е. допустить свободное развитіе мадьярскаго племени, то она была въ состояніи это сдѣлать лишь новымъ, еще худшимъ закрѣпощеніемъ всѣхъ остальныхъ народностей и въ особенности славянскихъ. Въмѣсто растлѣвающаго вліянія народности нѣмецкой — потому что австріецъ

¹⁾ Курьезно, что наше посольство въ Вѣнѣ Черняева, какъ сербскаго генерала, признало турецкимъ подданнымъ и совѣтовало австрійскимъ властямъ обратиться къ турецкому послу!

съ его полнѣйшимъ отсутствіемъ умственной дѣятельности и грубѣйшимъ матеріализмомъ вовсе не похожъ на своихъ сѣверныхъ и западныхъ нѣмецкихъ братій—огромная масса славянъ была насильно подчинена уже вовсе чуждому и даже противному ей по духу вліянію мадыарскому. Конечно, рождается естественный вопросъ: какимъ образомъ горсть мадыаръ можетъ имѣть такое роковое значеніе для плотной массы славянскаго населенія?—Но не слѣдуетъ забывать грустной исторіи послѣдняго. Приходъ мадыаръ въ Европу, врѣзавшихся клиномъ среди славянскихъ народностей, не только разорвалъ связь сѣверныхъ славянъ съ южными, но и помѣшалъ послѣднимъ образовать большое южно-славянское государство на Балканскомъ полуостровѣ.

Венгерскій король святой Стефанъ говорилъ: «Государство, гдѣ царствуетъ одинъ языкъ и одинъ обычай, слабо и хрупко». Забывъ это, мадыары стараются омадыарить подчиненныя имъ народности. Они дѣлаютъ анахронизмъ, возвращаясь къ идеаламъ Филиппа II и Людовика XIV. Прошло время, когда людскія массы, бессознательно и легко вытѣплявшіяся въ какія угодно формы, позволяли дѣлать изъ себя что угодно дикамъ деспотовъ.

Къ сожалѣнію, несмотря на многочисленность славянъ въ Трансильваніи и на довольно высокую цивилизацію нѣкоторыхъ изъ нихъ, депутаты ихъ не сумѣли образовать въ палатѣ независимой и серьезной партіи и играютъ жалкую роль въ рукахъ мадыарскаго правительства. Особою зависимостью отличаются депутаты отъ словаковъ.

Это, впрочемъ, общая участь славянъ во всѣхъ странахъ. Не даромъ о нихъ нашъ знаменитый сатирикъ Салтыковъ остроумно замѣтилъ: «Славяне имѣютъ нравъ веселый, легкій и мало углубляющійся... Слезы, которыя капаютъ, капаютъ у нихъ внутрь, капаютъ кровавыми пятнами на сердце и все накапливаютъ, все накапливаютъ, пока не перекрпятъ совершенно»...

Съ славянами честь преслѣдованія раздѣляютъ и румыны, которыхъ при абсолютной монархіи третируютъ какъ собакъ, а при конституціи угнетаютъ въ Венгріи всячески, только болѣе утонченными средствами. Не видя исхода, и румыны обращались прямо къ императору, но добились только тюремнаго заключенія своихъ уполномоченныхъ.

Замѣчательно однако, что преслѣдованіе не мѣшаетъ румынамъ плодиться въ той части славянскихъ земель, гдѣ сербскій элементъ еще былъ усиленъ въ XVII вѣкѣ извѣстнымъ поголовнымъ переселеніемъ изъ Старой Сербіи въ Банатъ, подъ предводительствомъ патріарха Черноевича; славяне, сверхъ правительства и духовенства, встрѣтили социальнаго и необъядимаго врага въ необычной плодovitости румынскаго племени. Потому въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ названія мѣстностей сербскія, очень часто сербовъ вовсе не осталось. Ихъ остается однако довольно, чтобы составить противовѣсъ централизационнымъ претензіямъ мадыаръ и добиваться для этой части сербскихъ земель той же автономіи, которою пользуются Хорватія и Славонія, автономіи, дѣлающейся первымъ шагомъ къ объединенію всѣхъ сербскихъ земель въ одно государственное цѣлое. Централизаторскія попытки мадыаръ здѣсь тѣмъ беззаконнѣе, что Хорватія принадлежала коронѣ св. Стефана вовсе не по праву завоеванія, а по добровольному избранію одной и той же династіи, притомъ на извѣстныхъ для послѣдней условіяхъ. Тѣснѣйшее подчиненіе сербскихъ земель началось только послѣ 1849 года. Съ 1867 года положеніе еще ухудшилось и только соглашеніемъ 1874 года сдѣланы кое-какія уступки сербамъ, весьма недостаточныя. Историческое право, впрочемъ, было бы еще не такъ важно, еслибъ насильственное распространеніе мадыарскаго языка могло принести хотя какую нибудь пользу славянамъ. Знакомясь съ нѣмецкимъ и итальянскимъ языками, славяне все-таки получали возможность черпать ближе изъ источника цивилизаціи, быть можетъ имъ по духу и не подходящей, но во всякомъ случаѣ старой и богатой. Но что могутъ почерпнуть славяне изъ цивилизаціи мадыарской и какое просвѣтительное зна-

чение можетъ имѣть послѣдняя? Происходятъ ли мадьяры отъ финновъ или турокъ, одно несомнѣнно, что они остались на низкой степени цивилизаціи, ниже румыновъ и сербовъ, а въ политическомъ отношеніи идутъ рука объ руку съ жидами, которые, какъ Вамберги и др., охотно принимаютъ мадьярскія племена.

Самое изученіе мадьярскаго языка для славянъ крайне затруднительно. И романскіе, и германскіе языки имѣють довольно много сроднаго съ языкомъ славянскимъ—корень ихъ одинаковъ и грамматика построена на тѣхъ же началахъ: это только части одного и того же главнаго организма. Но языкъ мадьярскій не сходенъ въ Европѣ ни съ однимъ языкомъ, кромѣ языка кочевыхъ вогуловъ Пермской губерніи. Курьезно, что сами образованные мадьяры не имѣли еще недавно понятія о своемъ языкѣ, объясняясь по-латыни и по-нѣмецки. Когда зашла рѣчь о необходимости поощрять, наконецъ, свой языкъ, старые магнаты обратились за его изученіемъ къ своимъ горничнымъ и кухаркамъ!

До 1872 года партія Деака располагала въ венгерскомъ сеймѣ огромнымъ и однороднымъ большинствомъ и руководила безъ затрудненія дѣлами. Не занимая никакихъ официальныхъ должностей, но играя роль перваго министра, Деакъ сумѣлъ создать себѣ въ Венгріи совершенно особое положеніе, подобнаго которому нельзя найти въ другой странѣ, положеніе тѣмъ болѣе замѣчательное, что Венгрія—страна аристократическая, а Деакъ—провинціальныи адвокатъ, выдвинувшійся исключительно вслѣдствіе своихъ талантовъ или, вѣрнѣе, дѣловитости, такъ какъ особымъ краснорѣчіемъ онъ никогда не отличался, да и отличиться не могъ, потому что все мадьяры—природные ораторы.

Болѣзнь Деака и непріятности, постигшія графа Лопіайя, разрушили мало-по-малу господствовавшую партію; къ этому присоединились многочисленныя внѣшнія затрудненія вслѣдствіе неурожая, венскаго биржевого кризиса, холеры, и особенно вслѣдствіе дурнаго положенія финансовъ. Разладъ мало-по-малу проникъ также и въ ряды оппозиціи; два главнѣйшихъ вождя ея, Гичи и Коломанъ Тиша, разошлись во взглядахъ, и Тиша сблизился съ партіей Деака. Изъ руководителей умѣренной лѣвой стороны, Гичи пользовался общимъ уваженіемъ за свою политическую честность; онъ былъ популяренъ не менѣе Деака, но старъ и нерѣшителенъ, и потому не могъ взять на себя бремя управления. Наоборотъ, у товарища его и отчасти соперника Коломана Тиши не было недостатка ни въ желаніи быть первымъ министромъ, ни въ способностяхъ; но Тиша находился первоначально въ положеніи очень двусмысленномъ: партія его держалась такъ называемой «Вихарской программы», т. е. требовала для Венгріи только личнаго союза съ Австріей и отрицала дуализмъ. Тиша однако безъ труда сдѣлалъ уступки въ своихъ убѣжденіяхъ и, какъ ловкій оппортунистъ, остался затѣмъ на пятнадцать лѣтъ вершителемъ политическихъ

судебъ Венгріи, пока не пришлось пожертвовать имъ, какъ протестантомъ, въ разгаръ ожесточенной борьбы партій изъ-за ограниченія вліянія католическаго духовенства, чрезвычайно сильнаго въ Венгріи.

Эпоха продолжительнаго управленія Тиши ознаменовалась подъемомъ экономическихъ силъ страны. Въ то время какъ Австрія улучшала мало-по-малу свои финансы, Венгрія постоянно запутывалась ихъ. Конечно, общая участь всѣхъ новыхъ государствъ (Венгрія послѣ тысячелѣтняго существованія въ послѣднее время совершенно обновилась) неудовлетворительные финансы; но такое положеніе венгерскихъ финансовъ какъ-то не вязалось съ понятіемъ о чрезвычайномъ богатствѣ Венгріи и о сдѣланномъ ею экономическомъ прогрессѣ.

Нѣкоторую роль въ финансовыхъ затрудненіяхъ Венгріи играли причины естественныя и непредотвратимыя, но болѣе всего сдѣлало вреда неумѣлое управленіе финансами. Несмотря на постоянныя предостереженія оппозиціи, правительство и большинство венгерскаго парламента не хотѣли сначала и слышать о какихъ-либо ограниченіяхъ, рассчитывая на «неисчерпаемыя естественныя средства страны». Какъ щедры были они на непродуманныя затраты, можно видѣть изъ того, что Венгрія, безъ министерствъ военнаго, морскаго и иностранныхъ дѣлъ, которыя общи для всей имперіи, имѣла десять министерствъ—роскошь не малая для государства въ 15¹/₂ милліоновъ населенія, когда первоклассныя даже державы ограничиваются семью или восемью министерствами. Число чиновниковъ по крайней мѣрѣ вдвое превышало потребность страны; губернаторовъ назначали даже въ такіе города, которые вовсе ихъ не желали; расходы королевскаго двора были два раза значительно увеличены въ теченіе какихъ-нибудь семи лѣтъ. Не забыты были и такъ называемые «производительные расходы»; столица юнаго королевства устроила свои скверы и бульвары на казенный счетъ; болѣе же всего требовали субсидій желѣзныя дороги. Венгрія очень скоро ознакомилась съ современной доктриной, утверждающей, что желѣзныя дороги должны быть прежде и болѣе всего полезны тѣмъ, кто выдаетъ, утверждаетъ и получаетъ концессіи; государство же, акціонеры и публика являются уже на второмъ планѣ, чтобы, какъ говорятъ французы, «payer les pots cassés». Пять седьмыхъ государственныхъ доходовъ поглощалось, прежде чѣмъ оставалась хотя одна копѣйка на многочисленныя и разнообразныя потребности государства.

Болѣе всего способствовалъ этой путаницѣ своимъ оптимизмомъ бывшій министръ финансовъ Керкаполи. Хорошій профессоръ и ловкій діалектикъ, онъ принялся за изученіе финансовой науки уже по увольненіи своемъ въ отставку изъ министерства; когда наконецъ печальная истина раскрылась, то, несмотря на самоувѣренность венгерскихъ баричей, считающихъ себя еще отъ

рожденія созданными для министерскихъ портфелей, никто изъ нихъ не пожелалъ принять печальное наслѣдство Керкаполи. Большинство палаты депутатовъ, прозрѣвшее опасность, упростило Гичи, одного изъ предводителей оппозиціи и главнаго врага финансово-политики правительства, принять управление министерствомъ финансовъ. Затѣмъ Тиша, при содѣйствіи весьма дѣльныхъ министровъ публичныхъ работъ гр. Іосифа Зичи и Бароша, поправилъ финансы страны, пользуясь тѣмъ, что венгерская половина эксплоатируетъ австрійскую. Труденъ былъ только первый переходъ къ экономіи. Во всякомъ случаѣ дефицитъ изъ венгерскаго бюджета исчезъ и нынѣ, при предстоящемъ пересмотрѣ соглашенія Венгріи съ Австріей, парламентъ послѣдней потребовалъ увеличенія пропорціональнаго участія Венгріи въ расходахъ страны, предпочитая въ противномъ случаѣ учрежденіе таможенной черты.

Помимо финансовыхъ реформъ, понадобились для Венгріи и многія другія реформы. Нужно было въ этой странѣ, гдѣ до 1848 г. были только два сословія: помѣщиковъ и крѣпостныхъ, принять мѣры для созданія средняго класса, а равно для того, чтобы аристократія уважала, а не презирала трудъ и трудящіеся классы народа.

Долголѣтнее управленіе Тиши и побѣда надъ аристократическою и католическою партіями въ церковномъ и школьномъ вопросахъ приготовили мало-по-малу полное торжество либераловъ, выразившееся на выборахъ 1896 года, стоившихъ всего 40 убитыхъ и болѣе 100 раненыхъ (черта венгерскихъ политическихъ нравовъ). Въ новомъ венгерскомъ парламентѣ подавляющее большинство правительственныхъ либераловъ, на долю же враждующихъ между собою оппозиціонныхъ партій осталось едва по нѣсколько человекъ. Самая симпатичная, съ славянской точки зрѣнія, оппозиціонная католическая партія, такъ называемая народная, подъ бывшимъ предводительствомъ «руссофила» (какъ его величаютъ мадьяры) гр. Ф. Зичи и кн. Эстергази, насчитываетъ не болѣе двадцати лицъ. Провалился даже знаменитый Угронъ, не дававшій правительству отдыха своими перѣдко очень рѣзкими запросами, и его партія разсѣяна. Послѣдствіемъ этой побѣды либераловъ стало еще сильнѣйшее ожиданіе Венгріи, безпрепятственная мадьяризація славянъ и румынъ и стремленіе къ полной независимости отъ Австріи. Насчетъ послѣднихъ вождельній надобно думать, что государственные идеалы Банфи и его преемника Селя совпадаютъ вполне съ идеалами Кошута, только кошутовцы требуютъ независимости немедленно, а первые приближаются къ ней исподволь. Надобно замѣтить, впрочемъ, что до 1849 г. Венгрія была уже въ личной униі, а до 1723 г. въ ней даже существовалъ особый порядокъ престолонаслѣдія.

Россія давно устроила дипломатическую агентуру въ Буда-Пештѣ: политика государства съ 15-ти милліоннымъ населеніемъ

достаточно интересна, чтобы оправдать расхожд этого рода, а тѣмъ болѣе въ виду доминирующаго положенія, занятаго мадьярами во вѣдѣннй полнтнкѣ дунайской монархіи. Какъ скудны были свѣдѣнія о Венгріи даже въ европейскомъ обществѣ, доказательствомъ тому служить прелестная наивность французскаго журналиста Мильо, напечатавшаго, какъ онъ удивился, узнавъ въ Буда-Пештѣ, что его лакей — мадьяръ. У насъ въ Парпжѣ, пишетъ Мильо, всѣ думаютъ, что мадьяръ значитъ венгерскій аристократъ». Въ Россіи, конечно, посильнѣе этого въ географіи п этнографіи, но много ли свѣдѣній имѣемъ мы о мадьярахъ, кромѣ того, что они носятъ узкіе гусарскіе панталоны, играютъ маршь Ракоци, дѣлаютъ мышеловки п кричатъ «елейень!» Такое же незнаніе господствуетъ взаимно п въ Венгріи относительно Россіи, съ примѣсью еще ненависти, возбуждаемой воспомнаніемъ о 1849 годѣ. Поколѣніе, произведшее венгерскую революцію, только что вымерло, въ его рукахъ долго находилась власть, а потому отъ его непосредственнаго потомства трудно ожидать большого сочувствія къ Россіи. Впрочемъ нашихъ танцовщицъ встрѣтили довольно дружелюбно въ Буда-Пештѣ въ 1899 г.

Ростиславъ Фадѣевъ удачно сравнилъ Европейскую Турцію съ сундукомъ, крышку котораго тщетно старается открыть Россія, потому что на крышкѣ этой сидитъ Австро-Венгрія. Это положеніе Австро-Венгріи начинается, повидимому, тяготитъ ее. Въ то время, когда наше общественное мнѣніе относится почти равнодушно ко всякимъ вопросамъ завоевательной политики на Западѣ, вѣнскіе п пештскіе публицисты бьютъ постоянно тревогу, кричатъ во всеуслышаніе, что Австро-Венгрія находится въ исключительныхъ условіяхъ, такъ какъ каждую минуту должна быть готова къ войнѣ за свое существованіе, забывая, что война только ускоришь внутрениій кризисъ Австро-Венгріи. Внѣшняя политика не можетъ быть независима отъ внутренней. «Это» по, остроумному замѣчанію одного публициста, «все равно, что заставить ходить часы, дружны которыхъ сломаны».

По мнѣнію вѣнскихъ п мадьярскихъ публицистовъ, главный п самый опасный врагъ Австро-Венгріи — Россія. Самы русскіе указываютъ-де на то, что восточный вопросъ, столь тѣсно связанный съ интересами Австріи, долженъ быть рѣшенъ не въ Стамбулѣ, а въ Вѣнѣ. Русскіе интересы встрѣчаются кромѣ того враждебнымъ образомъ съ австрійскими въ Польшѣ п Галиціи. Покуда польская національность будетъ пользоваться въ Австро-Венгріи значеніемъ п почетомъ равноправнаго элемента, всѣ успія Россіи, направленные противъ этой національности въ Польшѣ, останутся тщетны. Отсюда вытекаетъ, что завоеваніе Галиціи является единственнымъ средствомъ для разрѣшенія польскаго вопроса п что Россія рано или поздно рѣшится его испытать. Если же Россія удастся захватить Галицію, то, по мнѣнію австро-венгерскихъ публицистовъ, восточный

вопросъ также разрѣшится въ ея пользу и она создастъ на Балканскомъ полуостровѣ федерацію государствъ, родственныхъ по вѣрѣ и племенному составу и подчиняющихся ея вліянію. Австро-Венгрія очутится тогда между двумя сильными державами: германскою и всеславянскою, къ которымъ, по племенному родству, невольно будутъ тяготѣть составляющіе ее главные элементы населенія. Тогда настанетъ конецъ Австро-Венгріи и взорамъ современниковъ предстанетъ одно общее, обогренное кровью поле битвы, на которомъ разыграется ничѣмъ неотвратимое столкновеніе германскаго міра со славянскимъ. Все это и служить-де лучшимъ доказательствомъ необходимости для Европы политической самостоятельности Австро-Венгріи, такъ какъ погибель послѣдней была бы началомъ продолжительныхъ племенныхъ войнъ, которыя не кончались бы ранѣе полного порабоженія слабѣйшей стороны. Извѣстный австрійскій ученый и политическій дѣятель Зюсъ высказалъ даже, что во всякомъ случаѣ и безъ войны въ будущемъ столѣтіи останутся только три политическія группы: сѣверо-американцы, русскіе (славяне) и желтое племя, все остальное будетъ слишкомъ ничтожно.

«Если отъ подобнаго перемѣщенія политическаго центра тяжести сильно пострадаютъ Италия, Франція и Англія какъ въ матеріальномъ, такъ и въ политическомъ отношеніяхъ, то на Австро-Венгрію оно отразится еще въ большей мѣрѣ. Можно даже прямо сказать, что успѣхъ Россіею будетъ купленъ лишь путемъ насильственной смерти и распаденія Австро-Венгріи и повлечетъ за собою ограниченіе сферы вліянія Германской имперіи. Въ плохо спитыхъ владѣніяхъ Австро-Венгріи при общей войнѣ каждый найдетъ въ ея провинціяхъ что ему нужно. Понятно, что послѣдняя должна оградить себя отъ послѣдствій политики, клонящейся къ освобожденію славянскихъ племенъ, а потому она рано или поздно должна рѣшиться, суждено ли славянамъ сдѣлаться господствующимъ народомъ въ Европѣ, или же соединенными усиліями послѣдней устоять и остановить ихъ чрезмѣрные притязанія и, отбросивъ это племя за его естественные рубежи, сдѣлать совершенно безвреднымъ». Таково мнѣніе нашихъ противниковъ.

Спорить трудно, что вся наша политика по отношенію къ Австро-Венгріи основывается теперь, при другой группировкѣ интересовъ въ европейскіхъ дѣлахъ, на отношеніяхъ этого государства къ славянамъ и къ Балканскому полуострову.

«Ежели стеченія обстоятельствъ и привели бы къ сему (славянскому) единству, оно будетъ на гибель Россіи», писалъ императоръ Николай I. Министръ его графъ Уваровъ, наиболѣе содѣйствовавшій сближенію съ славянами, когда при мысли объ этомъ у дипломатовъ школы графа Нессельроде тряслись поджилки, писалъ съ своей стороны: «Все, что имѣемъ мы на Руси, принадлежитъ намъ однимъ, безъ участія другихъ славянскихъ народовъ,

нынѣ простирающихъ къ намъ руки и молящихъ о покровительствѣ не столько по внушенію братской любви, какъ по расчетамъ мелкаго и не всегда безкорыстнаго эгоизма».

Въ 1857 г., по поводу запрещенія аксаковского «Паруса», славянскій вопросъ былъ обсуждаемъ въ комитетѣ министровъ и по предложенію намѣстника Царства Польскаго кн. Горчакова былъ признанъ опаснымъ и бесполезнымъ. Подозрительный правительству славянскій вопросъ долгое время оставался въ Россіи только мнѣніемъ небольшого литературнаго кружка и не выступалъ на политическую почву. До Сербской войны и похода Черняева онъ былъ даже почти неизвѣстенъ большинству нашей публики. Слабая попытка поставить его болѣе практически проявилась лишь въ сѣздѣ славянскихъ депутатовъ въ 1867 году на этнографическую выставку въ Москвѣ, но не подлежитъ сомнѣнію, что инициатива этого дѣла принадлежала вовсе не Россіи, а тѣмъ чешскимъ политическимъ дѣятелямъ, Палацкому, Ригеру и др., которые, отстаивая федеральныя начала противъ дуалистическихъ плановъ графа Бейста и Деака, сдѣлали этимъ нѣкоторую политическую диверсію. Панславизмъ былъ тутъ пугаломъ для австрійскихъ министровъ, которые, впрочемъ, судя по ихъ упорству въ уступкахъ, не очень испугались его.

Въ началѣ 70-хъ годовъ въ лондонскомъ «New British Review» было напечатано слѣдующее довольно вѣрное сужденіе о русской политикѣ по отношенію къ славянскому вопросу:

«До сихъ поръ панславистская манія забавляла подданныхъ Россійской имперіи насчетъ Австріи. Она привлекала вниманіе многихъ патріотовъ, которые, не будь этой маніи, набросились бы на внутреннюю политику. Эта манія сослужила во всѣхъ отношеніяхъ хорошую службу русскому правительству, которое извлекло отсюда много для себя выгодъ, но которое никогда не принимало въ этомъ дѣятельнаго участія, всячески стараясь избѣгать того, что могло бы компрометировать его. Такимъ образомъ, панславизмъ не имѣетъ въ Россіи officialнаго значенія. Русское правительство, вѣроятно, не потеряло ни одного рубля на отправку эмиссаровъ въ славянскія провинціи Австріи, хотя добрые люди и утверждаютъ, будто эти провинціи переполнены русскими агентами. Если панслависты и заглядываютъ иногда въ славянскую Австрію, то это не officialные дѣятели, а простые любители или охотники, вызвавшіеся побывать тамъ».

Не отрицая важности панславизма въ будущемъ, нельзя не сознаться, что онъ и до сихъ поръ не вышелъ изъ сферы платоническихъ стремленій, а насколько однихъ этихъ стремленій недостаточно, тому служатъ доказательствомъ Германія и Италія, которыя тысячу лѣтъ дожидались своего единства, несмотря на смутно сознаваемую всѣми политическую необходимость этого единства и на дѣйствительное единство языка, нравовъ и цивилизаціи.

Славяне, разбросанные от береговъ Адриатическаго моря п Одера до Тихаго океана, въ совершенно разнообразныхъ климатическихъ, культурныхъ и религиозныхъ условіяхъ, поставленные на разныя степени цивилизаціи, раздѣленные исторически на крайніе политическіе лагеря (каковы, напримѣръ, русскіе и поляки) и не имѣющіе пока ни общаго языка, ни общей науки, искусства и литературы, которые были всегда у нѣмцевъ и итальянцевъ, требуютъ, конечно, для своего полнаго политическаго объединенія такого періода времени, который позволитъ австро-венгерскимъ государственнымъ людямъ поспать спокойно, не безпокоясь о предстоящихъ ужасахъ торжества панславизма.

Къ сожалѣнію, мы должны сознаться, что спать имъ все-таки не слѣдуетъ, такъ какъ будущность Австріи является въ весьма проблематическомъ видѣ; опасность для ея государственнаго существованія можетъ произойти не отъ Россіи и не отъ напора славянскихъ стремленій. Она выйдетъ оттуда, откуда австро-венгерскіе политики ожидали помощи противъ Россіи. Не нужно забывать, что въ Австріи живетъ девять милліоновъ нѣмцевъ. Эти нѣмцы жаждутъ, конечно, независимости австрійской монархіи, потому что она давала имъ возможность эксплуатировать двадцать семь милліоновъ славянъ, венгровъ, румынъ и итальянцевъ и командовать ими. Въ настоящее же время, когда мало-по-малу выгоды этого преобладанія уничтожаются, нѣмцы начинаютъ не безъ симпатіи поглядывать на великое общегерманское отечество, поглотившее уже слишкомъ пятьдесятъ милліоновъ нѣмцевъ. Найти въ нѣдрахъ этого отечества успокоеніе отъ всѣхъ непріятностей и опасностей политической борьбы съ десяткамиъ противоположныхъ и недовольныхъ національностей покажется быть можетъ для австрійскихъ нѣмцевъ соблазнительнымъ. Вотъ почему и образовалась въ рейхсратѣ нѣмецкая партія, добивающаяся сліянія съ общимъ Vaterland'омъ.

Тѣмъ не менѣе Австро-Венгерія должна опасаться п эмансипаціи своихъ славянъ. Они прозрѣютъ и потребуютъ власти сообразно своей численности, хотя бы Россія и не пошевелила для этого пальцемъ. «Мы надѣемся только на свои силы», слышалъ я въ Загребѣ уже въ 1875 г., «потому что въ мечту нашихъ отцовъ, будто русскіе придутъ и спасутъ насъ, не вѣрятъ теперь даже гимназисты».

Славянскій вопросъ, до 40-хъ годовъ зрѣвшій только въ головахъ нѣсколькихъ ученыхъ и представителей католическаго духовенства, поддерживавшихъ національную литературу, въ интересахъ лучшей проповѣди въ простонародіи, не представляетъ уже какого-либо воображаемаго призрака, созданнаго или произвольно вызваннаго усложненіемъ политическихъ отношеній; нѣтъ, онъ ни болѣе, ни менѣе, какъ историческая необходимость, естественное послѣдствіе и результатъ всеобщаго движенія цивилизаціи.

Наступило, повидимому, время, когда славяне начали сознавать, что имъ предстоитъ еще пная борьба, кромѣ той, въ которой они тысячу лѣтъ сряду состязаются съ другими народами въ одномъ лишь личномъ мужествѣ на войнѣ, и что передъ ними открывается болѣе благородная арена соревнованія, если только они не хотятъ, чтобъ племя ихъ, какъ негодный элементъ, было исключено изъ общаго хода человѣческаго прогресса и исчезло изъ всемирной исторіи.

«Никто, конечно, не откажетъ въ самой горячей симпатіи такому сознанию», замѣчаетъ по этому поводу австрійскій писатель Гемерле; «но форма, въ которой готовы выступить наружу стремленія, вытекающія изъ самосознанія славянъ, должна живо озабочивать всѣхъ мыслящихъ людей. Форма эта называется Россіей, а господство послѣдней не можетъ быть благопріятно европейскому прогрессу; при такой формѣ всѣхъ приобрѣтенія, добытыя трудомъ, сплю и гениемъ романскихъ и германскихъ народовъ, могутъ погибнуть въ борьбѣ съ безплодными (?) стремленіями славянъ, а потому едва ли слѣдуетъ сомнѣваться, что славянскій вопросъ долженъ быть рѣшенъ мечомъ. Чѣмъ скорѣе возгорится война, тѣмъ лучше; ибо всякое усиленіе Россіи, каждый новый шагъ ея на пути внутренняго развитія есть для Европы источникъ слабости». Таковы мнѣнія австро-венгерскихъ публицистовъ, одушевляемыхъ съ одной стороны чувствомъ австрійскаго патриотизма, а съ другой—волнуемыхъ невольнымъ сознаніемъ безсодержательности подобнаго патриотизма, въ виду того положенія, въ которое стала Австрія относительно славянскихъ народностей, помазавъ ихъ по губамъ октябрьскими дипломами 1860 г., которыми были положены новыя основы ея внутренней политикѣ и предоставлено всѣмъ ея народностямъ право обсуждать мѣстные вопросы на своихъ земскихъ сеймахъ. Правительство уже черезъ мѣсяць (sic) стало обдумывать въ Вѣнѣ, какъ бы съузить рамки октябрьской конституціи. Послѣдствіемъ этого и появился патентъ 26 февраля 1861 г., а затѣмъ и дуализмъ, которымъ, по удачному выраженію Бейста—«славяне были приперты къ стѣнѣ».

Война, о которой говорится выше, легче всего возникнетъ изъ-за восточнаго вопроса, такъ какъ не нужно быть глубокимъ знаткомъ политикѣ, чтобъ не сознавать, что вопросъ этотъ долженъ настолько созрѣть въ скоромъ времени, что потребуетъ окончательнаго рѣшенія. Возбужденный уже давно, онъ подвергался только временнымъ остановкамъ—сперва вслѣдствіе того, что «большой челоѣкъ» оказывался еще бодрымъ и духомъ, и тѣломъ, а затѣмъ благодаря тому, что возникали затрудненія относительно раздѣла наслѣдства. Каждый изъ претендентовъ выжидалъ минуту, когда начнутъ читать отходную надъ умирающимъ, чтобы поскорѣе захватить свою часть остающагося имущества. Нѣкоторые дѣйствовали приэтомъ подѣ личною доктринерскаго принципа старой

школы — поддержанія европейскаго равновѣсія; для другихъ вопросъ заключался въ округленіи границъ, торговыхъ выгодахъ, открытомъ морѣ, въ племенномъ и религіозномъ покровительствѣ, хотя въ концѣ концовъ сводился къ желанію господствовать надъ Золотымъ Рогомъ, которое, по устарѣлому мнѣнію Наполеона I, влечетъ за собою всемірное господство.

Послѣднее желаніе показываетъ хорошій вкусъ, а также и здоровый аппетитъ; никто, конечно, не сомнѣвается, что именно Россія чувствуетъ такой аппетитъ и съ начала XVIII столѣтія считаетъ себя призванною рано или поздно вырѣшить восточный вопросъ. Дѣйствительно, ни одно государство въ Европѣ не будетъ обладать такимъ богатствомъ и могуществомъ, какъ Россія, когда она вступитъ во владѣніе наслѣдіемъ османовъ; потому нечего и удивляться, что Россія преслѣдуетъ эту заманчивую цѣль съ такою настойчивостью. При такой постановкѣ, восточный вопросъ вѣрнѣе, по мнѣнію Гегеля, называть вопросомъ о «русскомъ всемірномъ господствѣ».

Многіе государственные люди высказывали, правда, мысль, что обладаніе Россіи Константинополемъ не влечетъ за собою какой-либо опасности; такъ Кобденъ и Брайтъ находили, что вслѣдствіе утвержденія русскаго владычества возникли бы на берегахъ Босфора великолѣпные города, процвѣли бы науки и искусства и цивилизація отъ этого только бы выиграла. Фоксъ утверждалъ, что было бы безуміемъ стараться соперничать съ возрастающимъ могуществомъ Россіи на Черномъ морѣ; тѣмъ не менѣе, по мнѣнію того же австрійскаго публициста, предусмотрительная заботливость западныхъ державъ, а отчасти и Австріи, недаромъ же поддерживала Турецкую имперію и спасала ее отъ гибели. Основаніемъ къ такому образу дѣйствій послужило соображеніе, что торгово-политическіе интересы не могутъ еще служить единственнымъ мѣриломъ въ международныхъ отношеніяхъ и что прежде всего слѣдуетъ имѣть въ виду самый характеръ расширенія чьего-либо могущества, такъ какъ оно можетъ отразиться иногда весьма губительно на самостоятельности другихъ народовъ и государствъ. А такъ какъ несомнѣнно, что цѣль Россіи — вызвать къ жизни многочисленныя родственныя ей славянскія племена, чтобы поглотить ихъ въ стремительномъ потокѣ русской культуры и сдѣлаться владыкой юго-восточной Европы, то это доставитъ Россіи такое могущество, о какомъ едва ли мечтали сами римляне.

Понятно, что вся политика Австріи за двѣсти почти лѣтъ и состоитъ въ удаленіи Россіи отъ разрѣшенія восточнаго вопроса, который для насъ существуетъ съ XV столѣтія и который даже Петръ Великій, этотъ «западникъ» по направленію, считалъ настолько важнымъ, что первоначально желалъ называться не «императоромъ всероссійскимъ», а «восточнымъ». Было бы долго перечислять всѣ интриги и предательства Австріи по отношенію къ Россіи

въ восточномъ вопросѣ. Австрія не спускала глазъ съ Балканскаго полуострова даже въ самыя отчаянныя минуты своей исторіи: такъ рѣшительно протестовала она противъ занятія Катарро въ моментъ, когда русскія войска шли къ ней на помощь послѣ постыдной капитуляціи Маака.

Дипломатическая связь съ Австріей у насъ старинная; еще Иванъ III помогаль австрійцамъ овладѣть Венгріей, чтобы въ свою очередь имѣть свободныя руки по отношенію къ Литвѣ, что естественно дѣлало Польшу врагомъ и Австріи, и Россіи. Тотъ же государь, въ виду успѣховъ турокъ, постарался сблизиться съ султаномъ Баязетомъ и послалъ Плещеева въ Константинополь. Съ тѣхъ поръ и до царствованія Алексѣя Михаиловича Россія была скорѣе въ дружбѣ съ турками, которые съ одной стороны удерживали татаръ отъ набѣговъ, а съ другой вмѣстѣ съ крымскими татарами служили противовѣсомъ противъ Польско-Литовскаго государства, разрушить которое было неконною задачею русской политики. Это не мѣшало однако русскимъ царямъ считать себя наслѣдниками Византіи.

Не смотря на общность враговъ: Польшу и Турцію и на то, что вначалѣ мало было поводовъ къ столкновеніямъ и что славянскій вопросъ почти не существовалъ, поведеніе Австріи всегда оставляло желать многого. «Всѣ вѣнскіе министры мошенники», говорилъ Петръ Великій по поводу Карловицкаго трактата, «вотъ такъ друзья! Въ жпзнь не забуду всего, что потерпѣлъ отъ нихъ, и чувствую, какъ оставили меня эти друзья съ пустымъ карманомъ!.. Собаку побей безъ причины — и та не возвратится къ тому, кто билъ!» Не смотря на это предостереженіе, Екатерина I заключила въ 1726 г. договоръ съ Австріей, въ значительной мѣрѣ ставшей источникомъ всему послѣдующему нѣмецкому влиянію въ политикѣ Россіи.

Однимъ изъ самыхъ главныхъ и возмутительныхъ предательствъ было поведеніе австрійскаго двора во время войны, которую Россія вела съ Турціей при императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ въ союзѣ съ Австріей. Несмотря на страшное кровопролитіе, на потерю 100,000 человекъ, на огромныя денежныя жертвы и побѣды Миниха, Россія ничего не получила, потому что Австрія, тайно отъ своего союзника, заключила миръ съ Турціей.

Нашъ посланникъ въ Вѣнѣ, Ланчинскій, писалъ по этому случаю: «Съ неописаннымъ прискорбіемъ принужденъ я довести, какимъ образомъ мирная негодіація, которая въ турецкомъ лагерѣ отправлялась черезъ генерала Нейберга и толь долгое время содержана была въ крайнемъ секретѣ, наконецъ, вскрылась зѣло гнило, неслыханно и таково, что добрая союзническая вѣрность и здѣшняго двора честь повреждена и репутація оружія ногами поправа». Министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Спнцендорфъ, старался солгать, что Нейбергъ дѣйствовалъ самовольно, императоръ Карлъ VI

также «съ зѣлю прискорбной мною» объявить, что «въ семь срамномъ поступкѣ не имѣеть никакого участія; надѣется онъ на правосудное сердце русской государыни, что изъ-за этого злосчастнаго случая дружбы къ нему не переимѣнитъ, но болѣе сожалѣть будетъ». Данчипскій спросилъ, упоминается ли въ злосчастныхъ прелиминаріяхъ объ интересѣ ея величества? — «Упоминается, — отвѣчалъ цесарь, — только не въ такой мѣрѣ, какъ надлежало и какъ я писалъ».

На дѣлѣ мы были безсовѣстно преданы п ратификація прелиминаріи возбуждала удивленіе даже со стороны нашего главного тогдашняго врага въ восточной политикѣ — французскаго двора. Мало того, постыдный миръ возмутилъ даже вѣнцевъ, всегда столь спокойныхъ. Въ Вѣнѣ удвоены были караулы и приняты мѣры, чтобы войска могли немедленно задавить мятежь, но все обошлось благополучно.

Екатерина дружила съ Иосифомъ II, но «ничего нѣтъ неприятнѣе быть въ хвосту у кого бы то ни было», писала она въ 1782 г. «какъ это доказалъ нашъ горькій опытъ по отношенію къ вѣнскому двору».

Графъ Румянцевъ еще въ 1812 г. настаивалъ на необходимости въ наказаніе за вѣроломное поведеніе вѣнскаго двора обнародовать прокламацію ко всѣмъ славянамъ. Но этого не послушались, такъ какъ уже тогда гр. Нессельроде пользовался довѣренностью Александра I и былъ горячимъ защитникомъ Австріи. По заключеніи австрійскаго союза Румянцевъ вновь повторилъ Александру I, что «на сѣверѣ Англія испортила уже прелесть вашей игры, а на югѣ на томъ же театрѣ вашихъ дѣйствій вѣнскій дворъ еще болѣе будетъ вамъ препятствовать». Съ великою прощительностью гр. Румянцевъ увѣрялъ государя, что теперь всѣ кабрикеты неустанно предались скрытой работѣ, чтобы «въ жатвѣ съ того же самаго поля, которое исключительно воздѣлывала ваша имперія (въ 1812 г.), Россія не получила бы никакой части». Извѣстная гнусная роль Австріи на Вѣнскомъ конгрессѣ, гдѣ, послѣ потоковъ крови русскихъ солдатъ, пролитой за Австрію, вопреки русскимъ интересамъ, въ 1799, 1805 и 1813—1814 годахъ, Меттернихъ не постыдился заключить съ Франціей и Англіей тайный союзъ противъ Россіи, инструментъ коего былъ случайно найденъ Наполеономъ I въ бумагахъ бѣжавшаго изъ Тюльери Людовика XVIII. Союзъ былъ направленъ къ тому, чтобы обдѣлить Россію. Недаромъ одинъ англійскій дипломатъ сказалъ, что «австрійцы лучшіе люди въ свѣтѣ, если у нихъ ничего не просишь».

Брунновъ назвалъ въ одной депешѣ кн. Меттерниха «врагомъ-супостатомъ», а Николай I прибавилъ: «онъ никогда не переставалъ имъ быть», что не мѣшало и этому государю слѣдовать совѣтамъ Нессельроде. Коварное поведеніе Австріи въ Крымскую войну, стоившее Россіи трети Бессарабіи, сильно охладило отношенія обоихъ государствъ. Съ 1815 года Россія была самымъ

ревностнымъ и услужливымъ помощникомъ австрійской политики въ Европѣ, поэтому неудивительно, что даже австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Буоль прощически отозвался тогда, что «Австрія удивляется свѣтъ неблагодарностью».

Во время войны графъ Буоль сказалъ нашему послу въ Вѣнѣ, что «австрійская политика опредѣляется географіей, направление рѣкъ опредѣляетъ и направление австрійской политики». Фраза эта имѣла успѣхъ, ее не забыли въ вѣнскихъ канцеляріяхъ. И такъ какъ Дунай течетъ на востокъ, то туда стремилась и австрійская политика, сталкиваясь рѣшительно съ русской почти по всѣмъ пунктамъ.

Со времени Буоля уже семь министровъ занимали постъ, прославленный Каунницомъ и Меттернихомъ: Рехбергъ, Менсдорфъ-Пульи, Бейстъ, Андраши, Гагерле, Кальнокки и Голуховскій. Первые два держались робко идей Меттерниха и лорда Стасфорда-Редклифа, т. е. оберегали какъ святыню цѣлость Оттоманской имперіи. Бейстъ, отчасти съ благословенія Бисмарка, понялъ, что Парижскій трактатъ отжилъ свое время и что бессмысленно удерживать Румынію и Сербію вассалами султана. Но аппетитъ по отношенію къ турецкимъ землямъ впервые вновь разыгрался у Австро-Венгріи при графѣ Андраши, который былъ цыганомъ и по наружности, и по характеру. Лично обязанный туркамъ, съ похвальною твердостью отказавшись выдать его австрійцамъ для повѣшенія за поведеніе въ 1849 г., Андраши съ спокойнымъ сердцемъ выторговалъ отъ Россіи разрѣшеніе захватить огромный кусокъ турецкихъ земель, а три года спустя противъ той же Россіи заключилъ въ какой-то гостиницѣ съ Бисмаркомъ союзъ, ставшій «ройственнымъ».

Андраши снова оправдывалъ захватъ географическими соображеніями. Владѣя узкой полосой Далмаціи, Австрія не могла, въ стратегическихъ видахъ, позволить взять Боснію-Герцеговину ни Сербіи, ни Черногоріи, оставлять же эти большія провинціи Турціи—было также нельзя. Слѣдующіе министры, раздѣляя подобныя «географическія» воззрѣнія, увѣряли, что только сохраняютъ захваченное и не думаютъ ни о Салоникахъ, ни о томъ, чтобы распространять австрійское вліяніе въ Болгаріи.

Присоединеніе Босніи и Герцеговины было шагомъ смѣлымъ, такъ какъ оно могло имѣть вліяніе на юго-славянскій вопросъ и получить для Австро-Венгріи опасное значеніе. Дѣйствительно, образованіе новой самостоятельной сербской земли рядомъ съ существующимъ неминуемо должно было повлечь сближеніе сербовъ между собою въ болѣе тѣсный союзъ. Разъ же сербы въ Австро-Венгріи твердо почувствуютъ необходимость создать одно цѣлое, вся искусственная система дуализма рухнетъ сама собою. Но сербы, оказавшіе австрійскому правительству столь важную услугу въ 1849 году, были уже разъ обмануты, какъ замѣчаетъ

Гильфердингъ, «съ безстыдствомъ, которому трудно найти примѣръ въ исторіи», и мадьяры справедливо смѣются, что «сербамъ пожаловали, какъ благодаріе и въ награду за преданность, тѣ же милости, что мадьярамъ за мятежъ». Сербы были обмануты и на этотъ разъ. Далмація осталась въ составѣ Цислейтаніи (чему отчасти рады славяне цислейтанскіе, не желавшіе уменьшенія числа своихъ депутатовъ въ нѣмецко-польскомъ рейхсратѣ), а Боснія и Герцеговина, какъ уступленные «временно», образовали общеимперскую область, не принадлежащую непосредственно ни къ какой части монархіи, т. е. не усиливающую въ парламентахъ ни сербскаго, ни вообще славянскаго элемента ни въ одной изъ нихъ. Они приближаются барономъ Калаемъ по нѣмецко-еврейской мѣркѣ, противной населенію, но вызывающей панегирикъ европейскихъ журналистовъ.

Боснія и Герцеговина стоятъ уже австро-венгерскому правительству болѣе пятисотъ миліоновъ флориновъ, не считая расходовъ по военному занятію, и до сихъ поръ слѣды владычества турокъ не исчезли, существуетъ даже «десятина». Населеніе платитъ въ казну не очень много, но зато треть доходовъ отбираютъ беги, аги и др. земельные владѣльцы. Изъ 2,586 чиновниковъ только 12 православныхъ! 2,000 чиновниковъ иностранцы. Выиграли только жида, славословящіе объупацію въ своей прессѣ.

Австрія пыталась уже заговаривать объ окончательномъ присоединеніи Босніи и Герцеговины и посылала въ Петербургъ особаго дипломата для переговоровъ. «Ce serait fatal», отвѣчалъ императоръ Александръ III и на этомъ, повидному, остановились переговоры.

Такова была до сихъ поръ политика Австро-Венгріи, таковою она, конечно, всегда и будетъ. Надобно удивляться не тому, что австрійскіе государственные люди слѣдуютъ настойчиво извѣстной системѣ, хотя и не очень похвальной, но испытанной вѣками, а тому, что находились наивные люди, которые, забывая поучительные уроки исторіи, мечтали у насъ объ «австрійской дружбѣ».

Личное свиданіе государей въ Варшавѣ не сблизило интересовъ двухъ странъ, и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ Австрія помогала осуществленію весьма неясныхъ плановъ Наполеона III относительно Польши. Планы его не получили никакого опредѣленнаго очертанія, но Галиція пріобрѣла претензію сдѣлаться польскимъ Пиемонтомъ. Надежда эта была парализована только славянскимъ движеніемъ, возникшимъ во всей Австріи и даже въ той же Галиціи. Какъ ни слабо было это движеніе, оно показало вѣнскому кабинету крайнюю опасность какихъ-либо наступательныхъ дѣйствій противъ Россіи.

Отношенія Австро-Венгріи къ Россіи напоминаютъ положеніе, въ которомъ первая находилась относительно Пруссіи—послѣ ольмюцкаго договора. Австріи удалось тогда пріостановить на нѣко-

торое время стремление Пруссіи къ достиженію цѣлей, несогласныхъ съ выгодами дунайской монархіи, но это была только временная побѣда, потому что совершенно отказаться отъ своихъ замысловъ это полное жизни и силы государство не было въ состояніи. Дѣйствительно, при первомъ удобномъ случаѣ оно съ успешнымъ напряженіемъ возобновило нападеніе и нашло Австрію совершенно неподготовленною къ отпору. Въ такомъ же положеніи находится и Россія. Она помнитъ, что Австрія остановила ее во время Крымской войны и наканунѣ Берлинскаго конгресса, въ ту самую минуту, когда Россія, казалось, уже овладѣвала предметомъ вѣковыхъ своихъ домогательствъ; Австрія надѣла на Россію тѣ тяжелыя оковы, которыя она сбросила только недавно.

Подобное положеніе, естественно, заставило австрійскихъ военныхъ людей отказаться отъ обычной апатіи и тщательно изучать всѣ шансы неминуемой будто бы войны Россіи съ Австріей. Начало этимъ изслѣдованіямъ положилъ еще въ 1868 году венгерецъ Капольнай. Быстрое сооруженіе цѣлой сѣти стратегическихъ желѣзныхъ дорогъ въ юго-западной части Россіи въ концѣ 60-хъ годовъ обратило на себя вниманіе австрійскихъ стратеговъ, которые признали, что австрійская сѣть желѣзныхъ дорогъ весьма недостаточна на случай войны съ Россіей. Этотъ предметъ былъ подробно разработанъ, и австрійцы пришли къ заключенію (отъ котораго впоследствии отказались), что не слѣдуетъ строить крѣпостей, а нужно всячески развивать желѣзнодорожную сѣть, такъ какъ единственный способъ дѣйствія, обещающій успѣхъ войны съ Россіей, есть наступленіе.

Блестательный примѣръ выгодъ наступательныхъ дѣйствій германскихъ войскъ во франко-прусской войнѣ создалъ у австрійскихъ военныхъ писателей этотъ поворотъ убѣжденій въ пользу наступленія. Для наступательныхъ дѣйствій выѣ своихъ предѣловъ Россія не можетъ будто бы, по бѣдности и обширности территоріи, выставить силы, соразмѣрныя своему населенію, а потому, сознавая недостаточность средствъ для наступленія, Россія всегда, по мнѣнію австро-венгерскихъ военныхъ писателей, старалась обезпечить себѣ успѣхъ посредствомъ сильныхъ союзниковъ, удачнаго выбора минуты для открытія военныхъ дѣйствій и ослабленія противника возбужденіемъ внутреннихъ безпокойствъ и возстаній въ его странѣ. Тайна военныхъ успѣховъ Россіи заключалась-де не въ стратегическомъ и тактическомъ превосходствѣ, а въ искусной политикѣ! Въ случаѣ войны съ Россіей, Австро-Венгріи въ особенности слѣдуетъ остерегаться подобныхъ комбинацій. Нравственное впечатлѣніе, которое произведетъ открытіе военныхъ дѣйствій на австрійской территоріи на нѣкоторые элементы населенія Австро-Венгріи, враждебно къ ней расположенные и доступные влиянію славянскихъ идей, слѣдуетъ предотвратить во что бы то ни стало, такъ какъ ошибку, сдѣланную въ этомъ отношеніи, едва ли ока-

жется возможнымъ поправитъ даже будущими побѣдами. Изданная въ Мюнхенѣ брошюра Карла Шварценберга содержитъ поучительныя историческія свѣдѣнія о массовыхъ измѣнахъ полковъ австрійской арміи во время войнъ въ нынѣшнемъ столѣтіи. Авторъ приходитъ къ заключенію, что нѣтъ страны, гдѣ труднѣе организовать армію и дать ей необходимыя духъ и единство. При наступленіи можно разсчитывать также на содѣйствіе Польши, хотя значеніе этого содѣйствія не слѣдуетъ оцѣнивать слишкомъ высоко, особенно имѣя въ виду политическія усложненія, къ которымъ оно можетъ привести Австрію, также владѣющую бывшими польскими провинціями.

Центръ Россіи, на который и слѣдуетъ прямо наступать австрійской арміи, есть Москва; хотя силы Россіи и ея стратегическое положеніе представляютъ немаловажныя препятствія къ успѣху, тѣмъ не менѣе Австро-Венгрія должна непременно взять на себя инициативу, съ тѣмъ чтобы занять хотя пзвѣстное пространство русской земли, откуда, не вдаваясь въ дальнѣйшее преслѣдованіе арміи, ограничиться обороною занятаго края. Система эта можетъ повести къ экономическому истощенію Россіи. Но при этомъ вѣнскіе и пештскіе писатели забываютъ, кажется, что по финансовому положенію Австро-Венгрія едва-ли не была бы истощена въ такомъ случаѣ гораздо ранѣе, нежели Россія.

Способъ дѣйствія, предлагаемый другими военными авторитетами—также наступленіе, но объектъ дѣйствій прежде всего Петербургъ, потомъ Москва; цѣль дѣйствій—окончательное политическое ослабленіе Россіи. При вынужденномъ обстоятельствами отступленіи австро-венгерская армія все-таки должна думать только объ одномъ—какъ бы при первой возможности снова обратиться къ наступательному образу дѣйствій, почему не должна отступать за Карпаты, а занять фланговыя позиціи за рѣками Саномъ, Вислокомъ и Дунайцомъ.

Относительно войны Россіи съ Австріей и одновременно съ Германіей въ союзѣ съ Франціей и отдѣльно создалась уже цѣлая литература. Кромѣ указаннаго выше Гемерле, имѣются сочиненія Сарматикуса, Шретера, Каю, Лебедева, Гейсмана, Либерта, Тило, Морена, Штѣра и мн. др. Мнѣнія этихъ лицъ разобраны и сведены въ сочиненіи г. Блюха «Будущая война».

Въ виду существованія тройственнаго союза и совмѣстнаго дѣйствія Россіи съ Франціей, нельзя, говоря объ операціяхъ въ войнѣ, разсматривать отдѣльно разныя государства. Русско-германская граница представляетъ удобства для наступательной войны, если бы Россія имѣла дѣло только съ Германією. Но если одновременно надо принимать въ разсчетъ Австрію, то расположеніе западной границы обращается для Россіи въ неудобство. Она уже не можетъ въ такомъ случаѣ воспользоваться тѣмъ клиномъ, который представляетъ русская Польша, для того чтобы направить

войну сразу въ предѣлы Германіи. Чтобы сдѣлать это, имѣя противъ себя съ фронта и на правомъ флангѣ германскія войска, съ лѣваго фланга—австрійскія, необходимо было бы располагать подавляющимъ превосходствомъ силъ, котораго нѣтъ основанія допускать. Въ виду такого положенія, для Россіи необходимо при началѣ дѣйствій занять положеніе выжидательное, ограничиться системою стратегической обороны, что уже предполагаетъ представленіе неприятелю угла, образуемаго завпслянской областью, и занятіе русской арміей позиціи позади Нарева и Вислы.

Такое временно-оборонительное положеніе не исключаетъ для русской арміи возможности частныхъ наступательныхъ дѣйствій, въ видѣ набѣговъ кавалеріи въ предѣлы Пруссіи для разрушенія путей и воспрепятствованія концентраціи германскихъ войскъ, а также пользованія каждою ошибкой противника для нанесенія ему частныхъ пораженій. А вмѣстѣ съ тѣмъ оно представило бы для Россіи то преимущество, что она воспользовалась бы имъ для мобилизаціи и концентраціи тѣхъ громаднхъ силъ, какими она располагаетъ, такъ какъ дѣйствія эти, при обширности имперіи и недостаточности желѣзнодорожныхъ сообщеній, не могутъ не потребовать болѣе значительнаго времени, чѣмъ въ Германіи и Австро-Венгріи.

Но неравенство силъ Россіи въ первой линіи съ совокупными силами Германіи и Австріи тотчасъ же уравнивается участіемъ въ войнѣ Франціи. Очевидно, что, рѣшившись начать наступательныя дѣйствія прежде всего противъ Россіи, Германія часть своихъ силъ должна будетъ, во всякомъ случаѣ, двинуть на свою западную границу, для совместнаго, хотя бы только оборонительнаго дѣйствія съ войсками Италіи.

Вторженіе внутрь Россіи—по обложеніи ли крѣпостей, находящихся на привпслянско-бугско-наревскомъ театрѣ войны, или хотя бы даже по овладѣніи ими—представитъ для союзниковъ, по общему мнѣнію всѣхъ военныхъ писателей, трудности. Имѣя это въ виду, большинство иностранныхъ авторовъ совѣтуютъ союзникамъ ограничить наступательныя дѣйствія занятіемъ Царства Польскаго или Прибалтійскаго края.

При этомъ, конечно, необходимо бы было, чтобы и Брестъ перешелъ во власть нѣмцевъ, такъ какъ это составило бы для германскихъ войскъ, занявшихъ Царство Польское, обезпеченіе противъ наступательнаго поворота русской арміи. Однако, даже если бы союзники утвердились въ Царствѣ, то окончательный исходъ войны все-таки оставался бы вопросомъ. Но допустить такую возможность мыслимо лишь при полномъ незнаніи ресурсовъ Россіи и духа ея народа. Развѣ утрата Царства Польскаго, а хотя бы и балтійскихъ провинцій, такъ ослабили бы Россію, что она уже не могла бы продолжать войну, какъ того неудержимо требовало бы народное настроеніе? Между тѣмъ продолжительность войны пред-

ставилась бы страшной не для Россіи, а скорѣе для союзниковъ: Германія принуждена была бы просить мира, для того чтобы покончить съ своими внутренними затрудненіями, а союзники ея—Италія и Австрія—подавно уже, по недостатку средствъ, должны были бы прекратить войну.

Какъ показываютъ подсчеты относительно распределенія войскъ и средствъ въ людяхъ, Россія будетъ въ состояніи неопредѣленно продлить войну. Стало быть, для того чтобы противники ея могли достигъ своей цѣли, они были бы принуждены по крайней мѣрѣ занять одинъ изъ важнѣйшихъ центровъ Россіи, т. е. Петербургъ или Москву. Но для веденія подобной войны необходимо во всякомъ случаѣ продолжительное время, а его не будетъ въ распоряженіи Германіи, а тѣмъ болѣе Австріи. Наконецъ, и самое занятіе непріятелемъ одной изъ столицъ Россіи, а хотя бы и обѣихъ, еще не принудило бы послѣднюю безусловно къ прекращенію обороны.

Австро-венгерская дипломатія увѣряетъ, что для устраненія вѣроятностей войны намъ будто бы выгоднѣе идти съ нею рука объ руку, нежели соперничать на Балканскомъ полуостровѣ. По ея мнѣнію, нашъ главный интересъ—укрѣпиться на Черномъ морѣ; при этихъ условіяхъ можно будто бы отдать всѣ сербскія земли, Македонію и Салоники австрійцамъ, тѣмъ болѣе, что въ Архипелагѣ и на Средиземномъ морѣ Россія интересовать-де не имѣетъ. Да и обладаніе Чернымъ моремъ представляетъ для насъ интересъ лишь какъ средство сохранить безопасность южныхъ хлѣбородныхъ губерній!

Но если бы роль Россіи на Черномъ морѣ сводилась только къ послѣднему, то собственно говоря и хлопотать было бы не о чемъ, такъ какъ нашлмъ южнымъ провинціямъ никто не угрожаетъ, и за двѣсти лѣтъ не было примѣра, чтобы кто либо начиналъ войну съ цѣлью ихъ отторженія, тогда какъ примѣры противнаго, т. е. войны, объявленной Россіей съ цѣлью наступленія на югъ, многочисленны. Эти примѣры, которые находятся въ естественной и логической связи съ походами, которые Русь дѣлала черезъ Черное море еще въ X вѣкѣ, а можетъ быть подъ другими названіями и ранѣе, показываютъ, что двигателемъ ихъ была сила стихійная и непреоборимая. Сила эта пзвѣстна. Она вытекаетъ именно изъ невозможности для могучаго народа, для обширной имперіи упираться въ закрытое со всѣхъ сторонъ море, ключи къ которому находятся къ тому же у врага. Такимъ врагомъ былъ прежде византійскій грекъ, теперь турка. Еще Талейранъ замѣтилъ, что «Россія—гигантъ, у коего не можетъ быть полного развитія внутреннихъ силъ благодаря тому, что поражены оба легкія», т. е. выходы изъ Балтійскаго и Чернаго морей. Движеніе на югъ вовсе не имѣетъ прямого соотношенія съ

нашимъ стремленіемъ къ объединенію славянства, хотя въ послѣднее время оба движенія пошли параллельнымъ путемъ.

При такихъ условіяхъ какой же имѣетъ смыслъ запыраться въ Черномъ морѣ? Россіи нуженъ именно выходъ на просторъ, въ Средиземное море, которое издавна служило связью со всѣмъ образованнымъ міромъ, а съ прорытіемъ Суэзскаго канала окончательно получило это значеніе. Какимъ же образомъ при сознаніи такого обстоятельства можно говорить спокойно объ отдачѣ Австро-Венгріи Салоникъ или другихъ открытыхъ портовъ Балканскаго полуострова. Отдавалъ побережье послѣдняго, мы отдаемъ и морское его населеніе. А каково будетъ наше положеніе и на Черномъ морѣ, если, имѣя могущественный флотъ, Австро-Венгрія будетъ въ состояніи запереть насъ, когда ей угодно, въ Дарданеллахъ?

Я не говорю уже о малой вѣроятности осуществленія такой политической комбинаціи, при которой большинство земель Балканскаго полуострова перешло бы въ руки австрійцевъ. И теперь въ Австро-Венгріи славяне—большинство населенія; государство это управляется только тѣмъ, что славяне подѣлены между нѣмцами и мадьярами. Прибавится еще нѣсколько милліоновъ сербовъ, центръ тяжести перемѣстится и Австро-Венгрія сдѣлается по преимуществу славянскимъ государствомъ, т. е. станетъ вверхъ ногами. Нѣмецкія и мадьярскія провинціи будутъ болтаться тогда въ воздухѣ безъ всякой связи и смысла.

При такой перспективѣ странно толковать о русско-австрійскомъ союзѣ. Но если даже не гадать о будущемъ, а преслѣдовать исключительно ближайшія цѣли, то и тогда этотъ союзъ является нелогическимъ и противоестественнымъ. «На мертвомъ человѣкѣ жениться нельзя», глубокомысленно сказалъ Наполеонъ III агентамъ польскаго повстанія 1863 года, просившимъ помощи Франціи. Эти слова вполне прилагаются и къ нашимъ отношеніямъ къ австрійцамъ. Благодаря извѣстному дипломатическому искусству австрійскихъ государственныхъ людей, благодаря безспорной энергіи и настойчивости венгерскихъ магнатовъ, Австро-Венгрія можетъ просуществовать въ настоящемъ своемъ видѣ большее или меньшее число лѣтъ, но это политическій организмъ, несомнѣнно обреченный къ смерти. Только живучесть имперіи, обнаружившаяся уже не разъ въ смутныя эпохи австрійской исторіи, позволяетъ питать надежду, что не сейчасъ еще возможно окончательное рѣшеніе.

Сплная военная монархія въ центрѣ Европы всегда была необходима и всегда имѣла большое значеніе, но роль имперіи Габсбурговъ отняла теперь имперія Гогенцолерновъ и, конечно, не подѣлится ею ни съ кѣмъ. Изгнанная изъ Германіи, какъ изгнанная передъ тѣмъ Франціей изъ Италіи, Австро-Венгрія думала поправить свои дѣла на Востокѣ, но то, что было возможно

въ XVII столѣтіи. измѣнилось къ XX столѣтію, въ виду положенія, занятаго съ тѣхъ поръ Россіею, которая намѣтила уже ясно свои задачи по отношенію къ турецкому наслѣдству. Затѣмъ, если какое либо соглашеніе возможно, то съ кѣмъ заключать его, когда Австро-Венгрія, кромѣ своей династіи, представляетъ лишь организованную гражданскую войну не только въ политическомъ, но и въ экономическомъ отношеніяхъ?

Поэтому можно рекомендовать для Россіи только выжидательное положеніе. Россія никогда болѣе не приметъ на себя трудъ примирять населяющія австро-венгерскую монархію національности съ лотаринго-габсбургской династіей, какъ въ 1849 году, да и вообще союзъ съ Австро-Венгріей былъ бы нелѣпъ, хотя и война съ нею напрасная преждевременная растрата силъ, когда и безъ того всѣ политическія комбинаціи складываются въ нашу пользу.

Послѣ всѣхъ потерь и неудачъ Австро-Венгрія и на второмъ мѣстѣ остается всетаки въ Европѣ могущественнымъ государствомъ, и голосу ея монарха повинуются огромная армія; не дорожить добрыми отношеніями такого сосѣда было бы неполитично. Австро-Венгрія важна для насъ, во-первыхъ, какъ противовѣсъ Германской имперіи, которая хотя находится теперь съ нею въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ, но отношенія эти будущими событіями легко могутъ измѣниться. Россія заинтересована въ томъ, чтобы въ центрѣ Европы имѣть губку національностей, называемую Австро-Венгерской монархіей, а не гигантскій кусокъ бронзы, какимъ станетъ прусская Германія, увеличенная всѣми австрійскими нѣмцами. Доброжелательныя и открытыя сношенія съ Вѣной необходимы для Россіи въ видахъ мирнаго и добросовѣстнаго разрѣшенія польскаго вопроса; наконецъ, соглашеніе съ Австріей не невозможно для насъ и въ восточномъ вопросѣ. Хотя интересы Россіи тутъ противорѣчатъ австрійскимъ интересамъ, но, желая по возможности мирнаго и постепеннаго разрѣшенія этого вопроса — а именно такого и слѣдуетъ желать для блага Россіи — нельзя не признать, что оно можетъ быть достигнуто только уговоромъ обоихъ заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ государствъ.

Несмотря на страшныя клеветы, распространявшіяся еврейскою печатью во все время царствованія Александра III, и враждебное настроеніе мадьяръ, отношенія наши къ Австро-Венгрии въ послѣднее время значительно улучшились, благодаря главнымъ образомъ личному вліянію Франца-Иосифа, который ѣздилъ даже въ 1897 г. въ С.-Петербургъ, гдѣ и состоялось соглашеніе о «свободномъ развитіи балканскихъ государствъ», по которому Австро-Венгрія отказалась вестн, по крайней мѣрѣ открыто, интриги въ Болгаріи и Сербіи. Тройственный союзъ доживаетъ свои послѣдніе дни. Онъ потерялъ свое значеніе съ тѣхъ поръ, какъ Германія, подтолкнутая своимъ промышленнымъ перепроизводствомъ, начала новую «колониальную» политику. Вопреки общему мнѣнію, союзъ

этотъ не помогъ, а повредилъ Австро-Венгріи: онъ-то и побудилъ еще сильнѣе австрійскихъ нѣмцевъ стремиться слиться съ Германіей и, какъ противовѣсь этому, вызвалъ славянское движеніе. О прочности тройственнаго союза можно судить потому, что одинъ ея видный политическій дѣятель сказалъ, что первая война, которую будетъ вести Австрія, будетъ навѣрно съ Германіей! Не помогли Австро-Венгріи и усилія вѣнской биржи, старавшейся подорвать помѣщеніе русскихъ бумагъ на парижской биржѣ, которой Австро-Венгрія сама впрочемъ задолжала болѣе четырехъ милліардовъ.

Я могу ограничиться только очень немногими замѣчаніями касательно нашей торговой политики по отношенію къ Австро-Венгріи. Не смотря на сосѣдство и обширную границу, торговля Россіи съ дунайской монархіей въ общей сложности, включая и транспортные грузы, не превосходитъ 45 — 55 мил. р. въ годъ, т. е. немногимъ болѣе, чѣмъ торговля съ Австро-Венгріей небольшою Швейцаріей. Причина такого положенія та, что вывозъ нашъ встрѣчаетъ конкуренцію въ венгерскихъ сельско-хозяйственныхъ продуктахъ, а привозъ австрійскихъ фабрикатовъ въ Россію стѣсняется нашею покровительственною системою и тяжелою таможенною процедурою.

Весьма мало также сдѣлано для взаимнаго ознакомленія производителей обѣихъ странъ. Купцы наши ѣздили, правда, въ австро-славянскія земли съ колоколами, но никто не заинтересовался собрать тамъ какія-либо свѣдѣнія о возможности расширенія торговыхъ дѣлъ. Наше торговое сословіе очень равнодушно къ вопросамъ, связаннымъ съ австро-венгерскою торговлей; учрежденному въ Вѣнѣ генеральному консульству пришлось болѣе заботиться русскими индустриалами и проигравшимися въ Монако соотечественниками, чѣмъ торговыми вопросами. Австро-венгерскіе купцы и правительство, наоборотъ, давно добивались измѣненія торговыхъ условій помощью заключенія болѣе удовлетворительнаго торговаго трактата. Даже повѣдка императора Франца-Иосифа въ 1874 г. въ С.-Петербургъ была въ связи съ заключеніемъ новаго торговаго трактата. Хотя сущность проектированнаго международнаго торговаго договора Россіи съ Австріей сводилась къ крайне незначительнымъ облегченіямъ по торговлѣ на сухопутной границѣ, но послѣ длинныхъ переговоровъ онъ не состоялся, и только въ 1894 году, послѣ того какъ Австро-Венгрія издала законъ о 50% надбавкѣ къ таможеннымъ пошлинамъ для странъ, не имѣющихъ трактатовъ, былъ заключенъ трактатъ, повторившій съ общихъ чертахъ условія русско-германскаго торговаго договора. Въ пользу Россіи были на 10 лѣтъ закрѣплены существующія хлѣбныя пошлины. Этимъ аграрная партія венгерскихъ и польскихъ помѣщиковъ лишена возможности причинять намъ ущербъ.

IV. ВЕЛИКОБРИТАНІЯ.

«Англичане—строгий и суровый народъ», говорятъ ихъ знаменитый историкъ Фрудъ, «они не знаютъ состраданія иначе какъ на законномъ основаніи»; при этомъ англичане—народъ самый оригинальный въ мірѣ и хотя не выдумали обезьяны, какъ нѣмцы, но выдумали очень многое другое, въ особенности лицемѣріе—*sant*, вѣрнѣе безстыдный цинизмъ, при помощи котораго они ограбили почти весь міръ. Грабили они прямо, хватая на морѣ суда, вырѣзывая селенія мирныхъ негровъ и полнезійцевъ, грабили и косвенно—продавая опиумъ, проповѣдая свободу торговли, заключаая торговые трактаты, склоняя къ отбѣнѣ невольничества, устралвая безъ церемоній на чужой землѣ колоніи, посылая своихъ эмпераровъ устралвывать рабочія стачки, отыскивая повсюду «англійскіе интересы» и т. д., и т. д. Контъ объ англійскомъ народѣ сказалъ: «Англійская нація какъ народъ есть самая драгоцѣнная совокупность людей», но зато какъ государство Англія есть самое гбелное, наиболѣе склонное къ насиліямъ и войнѣ и самое властолюбивое государство. Даже Меттернихъ, столь беззаботный насчетъ принциповъ, предостерегая Россію, писалъ, что «только на почвѣ матеріальныхъ интересовъ можно установить сношенія съ Великобританіей, но не на почвѣ нравственныхъ принциповъ». «Англія не можетъ быть союзникомъ, а только противникомъ», сказалъ Наполеонъ III въ 1860 г., т. е. въ моментъ наиболѣе дружественныхъ отношеній. Честолюбіе и эгоизмъ Англии надобли всѣмъ, ея захваты затронули интересы всего свѣта, ея задорный пошлпзмъ оскорбилъ весь міръ. Въ своей внѣшней политикѣ Англія даетъ примѣръ вѣроломства и полного отсутствія великодушія къ слабымъ и достоинства по отношенію къ сильнымъ. Никто не вѣрять ея безкорыстію и всѣ смѣются, когда англичане говорятъ о гуманности. Нѣтъ политики повсюду болѣе популярной, какъ англо-фобская.

И вотъ, какъ бы въ сознаніи содѣянныхъ прегрѣшеній, англичане начинаютъ каяться. Покаяніе хотять дѣлать они не какимъ либо новымъ путемъ, по рецепту Дарвина или Герберта Спенсера, нѣтъ, а тѣмъ, который съ успѣхомъ былъ испытанъ въ Ойвалдѣ еще въ V вѣкѣ по Рождествѣ Христовѣ. Хотя все, говорятъ, на свѣтѣ случается, но между всѣми неожиданными вещами едва ли кто бы могъ подозрѣвать, что соборъ англиканскаго духовенства въ 1889 году будетъ серьезно обсуждать вопросъ, предложенный нѣсколькими клержименами господствующей церкви, объ устройствѣ въ Англии общежитій, члены которыхъ дадутъ обѣты бѣдности, послушанія и цѣломудрія, т. е., по просту говоря, монастырей!

Сочинителя подобнаго проекта еще тридцать лѣтъ назадъ сочли бы за сумасшедшаго и отравили бы въ Бедламъ, хотя надобно сказать, что противъ пользы отъ уничтоженія въ XVI вѣкѣ монастырей и конфискаціи ихъ имущества неоднократно раздавались въ Англіи голоса и даже лордъ Вилсонфильдъ посвятилъ этому нѣсколько блестящихъ страницъ въ своемъ знаменитомъ романѣ «Sybille». Но тутъ дѣло шло уже не о ретроспективныхъ сожалѣніяхъ эксцентрическаго романиста или о мечтаніяхъ поэта, а о положительномъ фактѣ.

Причины, побудившія англичанъ заняться монастырскимъ вопросомъ, состоятъ въ томъ, что при нынѣшней церковной организаціи приходскіе священники рѣшительно не въ состояніи заботиться о своей паствѣ въ большихъ городахъ. Сытому и довольноному клержимену, окруженному большимъ семействомъ, съ привычками богатаго буржуа, некогда посѣщать грязныя и убогія жилища голодныхъ бѣдняковъ, да онъ къ этому и неспособенъ. Въ свою очередь храмъ и проповѣдь такого господина не привлекаютъ рабочаго, сознающаго, что священникъ—баринъ и его нужды не понимаетъ и имъ не сочувствуетъ.

Чѣмъ кончится эта затѣя—трудно предвидѣть. Сомнительно однако, чтобы общество, гдѣ не было такъ долго монастырей и гдѣ такъ цѣнятся личная свобода, согласилось допустить обыты, хотя бы и срочные и легко разрушимые. Во всякомъ случаѣ это религіозное движеніе чрезвычайно любимо. Оно служитъ новымъ подтвержденіемъ духа реакціи, который мало-по-малу охватываетъ европейское общество. Нѣчто подобное было уже въ XVII вѣкѣ, послѣ волненій политическихъ и религіозныхъ XVI вѣка, да случалось и ранѣе. Сколько голосовъ раздается уже противъ парламентаризма, самоуправленія, свободы труда, свободы печати, свободы переселенія. Чего добраго, могутъ договориться до возстановленія инквизиціи и пытки.

Въ виду первостепеннаго значенія, принадлежащаго теперь религіознымъ вопросамъ въ Англіи, невольно удивляешься перемѣнѣ, произошедшей тамъ въ этомъ направленіи въ теченіе послѣдняго вѣка, особенно въ высшемъ обществѣ. Монтескьё, тончайшій наблюдатель своего времени, говоритъ, что въ Англіи нѣтъ религіи, что въ парламентѣ онъ не знаетъ и четырехъ лицъ, которыя ходили бы въ церковь, что въ обществѣ никто не говоритъ о религіи. Какъ сильно измѣнились, судя по этому отзыву, англійскіе нравы со времени путешествія знаменитаго мыслителя!

Затѣмъ, препятствій англичанамъ замаливать ихъ грѣхи въ монастыряхъ, конечно, нѣтъ. Можетъ быть даже тогда политика ихъ сдѣлается менѣе эгоистична. Они станутъ менѣе эксплуатировать Остъ-Индію, менѣе обманывать Турцію, устыдятся своего поведенія въ Египтѣ и, чего добраго, предложатъ намъ соединить поскорѣе желѣзнодорожнымъ путемъ Москву съ Калькуттой, по-

строи въ посредн дорогахъ, въ горахъ Афганистана, лавру, или, пожалуй, группу монастырей на подобіе Афона, гдѣ ихъ политическіе дѣятели, дипломаты и банширы изъ Сипта будутъ «спасаться» на старости лѣтъ. Скорѣе всего должны бы покаяться англичане за свои отношенія къ бѣдной Ирландіи. Всѣ увѣренія англійскаго правительства и англійской печати, лицемѣрно поддерживающей въ этомъ случаѣ свое правительство, будто бы ирландцы довольны послѣдними преобразованіями и феніанизмъ потерялъ всякую почву подъ ногами, совершенно ложны. Хотя Ирландія уже шесть вѣковъ какъ завоевана англичанами, но въ дѣйствительности это завоеваніе и въ настоящее время еще не окончено. Отношенія англичанъ къ ирландцамъ, по мѣткому замѣчанію одного дипломата, напоминаютъ отношенія турокъ къ грекамъ до учрежденія независимаго Греческаго королевства. Взаимное раздраженіе и неависть политическая и религіозная продолжаютъ проявляться съ такою силою, что заставляютъ невольно призадуматься надъ судьбою дальнѣйшихъ отношеній Ирландіи къ ея могущественному властителю, систематически и безпощадно, въ теченіе вѣковъ, цинически подчиняющаго ирландскіе интересы собственнымъ потребностямъ.

Въ одной изъ своихъ лучшихъ рѣчей Брайтъ предлагалъ когда-то англійскому парламенту посвятить цѣлую сессию исключительно разсмотрѣнію ирландскихъ дѣлъ, чтобъ разъяснить, наконецъ, истинныя причины недовольства ирландцевъ и издать рядъ законоположеній, которыя разрѣшили бы окончательно ирландскій вопросъ. Но призывъ благороднаго патриота не встрѣтилъ сочувствія въ средѣ эгоистической палаты, находившей, что эмиграція, сократившая въ двадцать лѣтъ населеніе Ирландіи на 30%, совершенно удовлетворительно отстраняетъ всѣ затрудненія, созданныя сотнями лѣтъ эксплуатаціи, угнетенія и несправедливости, и блистательно разрѣшаетъ задачу, предложенную нѣкогда въ знаменитомъ ироническомъ проектѣ Свифта, — откармливать и съѣдать ежегодно 120,000 ирландскихъ дѣтей для уменьшенія числа папистовъ и повышенія заработной платы остающимся въ живыхъ ирландцамъ.

Гладстонъ сдѣлалъ для Ирландіи, можетъ быть, болѣе всѣхъ англійскихъ министровъ, до него бывшихъ, за чтò и заслужилъ отъ консерваторовъ титулъ революціонера, тайнаго католика и атеиста. Онъ сдѣлалъ бы, конечно, и болѣе, еслибы не встрѣчалъ сопротивленія не только въ упорномъ индифферентизмѣ парламента, но и въ нерѣшительности своихъ товарищей, которые, по англійскому обычаю составляютъ министерства, набираются изъ аристократическаго кружка, преисполненнаго предразсудковъ и предвзятыхъ мыслей. Уничтоженіемъ въ Ирландіи государственной церкви и регулированіемъ поземельныхъ отношеній землевладѣльцевъ и фермеровъ, помощью land bill'ей, обезпечившихъ послѣднихъ отъ самовольнаго и безъ всякаго вознагражденія изгнанія съ фер-

мы, Гладстонъ оказалъ Ирландіи существенную услугу; но услуга эта, повидному, далеко не удовлетворяетъ требованіямъ ирландцевъ, равно какъ и новѣйшія узаконенія въ пользу ирландцевъ. Глухое броженіе въ странѣ, сдерживаемое только военною силой, и прогрессія аграрныхъ преступленій показываютъ, что Ирландію можетъ успокоить только цѣлый рядъ мѣропріятій, изданныхъ исключительно въ ирландскихъ интересахъ и обсуженныхъ въ средѣ самихъ же ирландцевъ.

Теперь уже и въ самой Англіи начинаютъ сомнѣваться въ томъ, чтобъ англичане безъ участія автономнаго ирландскаго парламента могли удовлетворительно разрѣшить ирландскій вопросъ. Изъ этого сознанія вытекають различные предположенія о выдѣленіи Ирландіи изъ вещественнаго соединенія съ Великобританіей и объ учрежденіи союза съ нею только въ лицѣ общаго монарха. Последняго требуютъ, впрочемъ, пока только друзья ирландцевъ. Другіе проекты умѣреннѣе въ своихъ требованіяхъ и ограничиваются дуализмомъ, въ родѣ существующаго въ Хорватіи по отношенію къ Венгріи.

Противники подобной реформы говорятъ, что уже въ прошломъ столѣтіи былъ сдѣланъ неудачный опытъ съ ирландскимъ самоуправленіемъ; ирландцы имѣли уже право контроля надъ своими податями и даже надъ содержаніемъ королевскихъ войскъ въ мирное время въ Ирландіи — и не сумѣли сохранить его. Кромѣ того, ирландскій парламентъ, по мнѣнію этихъ лицъ, поведетъ прямо къ реакціи и упадку. Въ Ирландіи преобладають республиканскія и ультра-католическія идеи. Религіозный фанатизмъ легко можетъ уживаться съ какою угодно формою правленія, и Ирландія, при отдѣленіи, изъ умѣренно-конституціоннаго государства превратится въ ретроградную республику, въ родѣ республикъ Южной Америки. Дѣйствительно, съ 1782 по 1800 годъ Ирландія имѣла уже свой парламентъ, уничтоженный вслѣдствіе возстанія 1798 года; но исторія этого уничтоженія составляетъ позорную страницу англійской исторіи. Одинъ изъ благороднѣйшихъ англійскихъ государственныхъ людей, Д. Корнуэль Люксъ, въ своей «Исторіи англійскаго правительства съ 1770 по 1830 годъ», приписываетъ уничтоженіе отдѣльнаго ирландскаго парламента невозможности, вслѣдствіе нахальства протестантской партіи, сохранить равенство между протестантами и католиками и преувеличеннымъ опасеніямъ французскаго нашествія. Англичане, по словамъ того же писателя, считали отдѣльный парламентъ только игрушкою для забавы ирландцевъ. Для отнятія этой игрушки англичане поступили однако весьма коварно, обѣщали ирландцамъ эмансипацію католиковъ, но исполнили это обѣщаніе только двадцать восемь лѣтъ спустя; они подкупили также владѣтелей ирландскихъ мѣстечекъ, на что израсходовано было болѣе 9 милл. рублей, не считая раздачи мѣстъ, титуловъ и пр. Этого достаточно,

чтобъ судить, насколько короткій опытъ самостоятельнаго управленія Ирландіи отдѣльнымъ ирландскимъ парламентомъ говорить за или противъ пользы отдѣльнаго ирландскаго правительства. Нужно прибавить еще, что ирландскій парламентъ прошлаго столѣтія, организованный совершенно въ духѣ англійской олигархіи, не можетъ считаться удовлетворительнымъ выраженіемъ экономическихъ и нравственныхъ потребностей страны.

Относительно вліянія ультра-католицизма можно сказать, что вредъ этого вліянія гораздо сильнѣе теперь, потому что онъ тайный, какъ вредна всякая болѣзнь, загнанная внутрь. Религія всегда сильнѣе тогда, когда она притѣсняется, нежели когда она свободна. При большей свободѣ католической религіи скорѣе можно ожидать безпристрастнаго и критическаго отношенія къ ней всего ирландскаго населенія. Затѣмъ, въ Ирландіи протестантское населеніе составляетъ весьма значительный процентъ и при своемъ богатствѣ и образованіи сумѣетъ, конечно, отстаивать свои права и религіозную свободу. Изъ двухъ опасностей—возвращенія католической церкви отнятыхъ у нея въ Ирландіи имуществъ и передачи католическому духовенству всего народнаго образованія,—послѣдняя, конечно, серьезнѣе; но вѣтъ сомнѣнія, что протестантскій элементъ и образованный классъ ирландцевъ найдетъ возможнымъ защитить свободу воспитанія, какъ отстаивать ее образованный классъ во всѣхъ недавно еще ультра-католическихъ странахъ—въ Испаніи, Италіи и даже въ Австріи. Потому опасенія относительно будущей католической реакціи кажутся сильно преувеличенными.

Упорство англичанъ въ дѣлѣ уступокъ Ирландіи проще всего объясняется личными интересами; недавно еще англійское духовенство собирало громадныя доходы съ ирландскихъ католиковъ въ свою пользу; теперь многіе англійскіе землевладѣльцы пользуются въ Ирландіи исключительнымъ и привилегированнымъ положеніемъ, съ которымъ, конечно, никто не желаетъ добровольно разстаться. Въ политическомъ же отношеніи отдѣленію Ирландіи никакого серьезнаго препятствія не представляется, въ особенности для такой страны, какъ Англія, гдѣ подобная система федеративнаго соединенія испробована уже съ успѣхомъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Ирландія представляетъ государство съ населеніемъ около $4\frac{1}{2}$ милл., постоянно уменьшающимся, бѣднымъ настолько, что въ нѣкоторые годы страна эта положительно приноситъ дефицитъ англійскому казначейству. Между тѣмъ, та же Англія имѣетъ владѣнія, на примѣръ, Канаду, съ 5 милл. жителей и австралійская колонія (включая Новую Зеландію), которыя пользуются совершенною самостоятельностью и либеральными, почти республиканскими учрежденіями. Эти государства имѣютъ парламенты, основанные на всеобщей подачѣ голосовъ, чеканятъ свою монету и облагаютъ англійскіе товары при ввозѣ ихъ таможен-

ными пошлннами для поощренія своей промышленности; а въ сношеніяхъ съ метрополіей они довели свободу до того, что Викторія, наприлѣръ, обѣщала ссылатъ своихъ уголовныхъ преступниковъ въ Англію, если послѣдняя будетъ продолжать попрежнему высылку своихъ преступниковъ въ эту колонію. Если англійскій войска и стоять въ нѣкоторыхъ изъ этихъ владѣній, то это дѣлается единственно въ интересахъ самихъ колоній, не желающихъ подвергать себя военной повинности и предоставляющихъ означенную честь метрополіи.

Если Англія можетъ спокойно переносить подобное положеніе относительно Канады, Австраліи, Капской земли, Наталія и др. своихъ владѣній, то, конечно, одинъ предразудокъ или ложный стыдъ заставляетъ ее увѣрять, будто для Ирландіи немислимы такія уступки. Ирландія отдѣлена отъ Англіи естественными границами, не можетъ угрожать ей политически, не можетъ и опереться на другую какую-либо страну; нуждается въ Англіи, какъ источникъ капитала, нуждается въ англійскихъ фабрикахъ для сбыта своего труда, въ англійскомъ флотѣ и т. д. Вообще Ирландія гораздо болѣе нуждается въ Англіи, чѣмъ Англія въ Ирландіи. Единственное, что получаетъ Англія отъ Ирландіи—это поляща голодныхъ рабочихъ; но ихъ у нея и своихъ довольно. Поэтому политическое отдѣленіе Ирландіи въ томъ видѣ, какъ отдѣлена теперь Канада и друг., должно оставаться однимъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ для англійскаго парламента, если у послѣдняго хватитъ когда-нибудь времени заняться серьезно Ирландіей. До этого отдѣленія однако очень далеко. Ирландскій вопросъ былъ даже причиною распадѣнія существовавшей болѣе полутора столѣтія партіи виговъ. Противники ирландскихъ реформъ и вообще наиболѣе умѣренные виги подъ именемъ «уніонистовъ», подъ предводительствомъ лорда Гартингтона, присоединились къ торіямъ и образовали вмѣстѣ съ послѣдними консервативную партію, оставшіеся же виги съ частью радикаловъ составили либеральную партію. Чистые радикалы и ирландцы остались особыми партіями, причемъ ирландцы распались еще на партію парнеллистовъ и антипарнеллистовъ, сообразно отношенію ихъ къ идеямъ преемника О'Коннеля—Парнеля, создателя «Національной лиги» и «бойкотизма».

Англійскій парламентъ многократно подвергался порицаніямъ и не за одно равнодушіе къ ирландскимъ дѣламъ. Еще Кобденъ говорилъ, что парламентъ имѣетъ свои достоинства, но «это ужасно тяжелая и дорого стоящая машина». Лордъ Влэкбурнъ писалъ, что когда онъ спросилъ, почему новый законъ не понятенъ, то мпнистръ, внесшій билль, отвѣчалъ, что это сдѣлано было нарочно. «Если бы парламентъ понялъ, о чемъ идетъ рѣчь, онъ бы навѣрно сталъ критиковать и задерживать законъ; теперь же специалисты поймутъ послѣдній, а въ случаѣ нужды судъ разъяснитъ недора-

зумѣнія». Островное положеніе Англіи, охранявшее ее отъ иностранныхъ нашествій, является первымъ условіемъ развитія своеобразнаго англійскаго государственнаго порядка, въ основу котораго положено неограниченное уваженіе къ суду и закону. Поццо ди-Борго основательно замѣтилъ, что если бы Англія была присуждена дать себѣ въ настоящую минуту конституцію, она не имѣла бы никакой конституціи. Общее мнѣніе таково, что въ Англіи, странѣ самоуправленія, парламентъ занимается только важными вещами и пренебрегаетъ мелочами. На дѣлѣ же это далеко не такъ, недаромъ и сложилась пословица въ Англіи, что «парламентъ все дѣлаетъ, только не въ состояніи мужчину сдѣлать женщиною».

Въ какія мелочи входитъ парламентъ, видно изъ способа его разсмотрѣнія городскихъ уставовъ. Уставъ города Аштона-на-Лайнѣ, утвержденный въ 1886 году, занимаетъ сто двадцать страницъ in-folio. Введеніе къ закону занимаетъ 5 страницъ, за которыми слѣдуетъ 5 страницъ, объясняющихъ термины, упомянутые въ уставѣ; это цѣлый юридическій лексиконъ. Разсмотрѣнію этого закона парламентская комсія посвятила три мѣсяца и изъ 259 первоначальныхъ статей его оставила 219. И о чемъ только не говорятъ означенныя статьи. Парламентъ занялся и неприличными шансонетками, и объявленіями о средствахъ противъ секретныхъ болѣзней, и правилами о собачьихъ намордникахъ, и разборомъ правъ жителей города Аштона запрещать музыкантамъ и пѣвчимъ нарушать ихъ покой. Всѣ постановленія на этотъ счетъ образуютъ настоящій кодексъ. Такая регламентація для каждаго города и учрежденія отдѣльно, кромѣ потери времени, вызываетъ еще огромные расходы. У насъ жаловались, и справедливо, что проведеніе концессій желѣзныхъ дорогъ обходилось предпринимателю въ значительныя суммы, которыя потому приходилось наверстывать насчетъ строительнаго капитала. Но расходы въ Россіи мелочь по сравненію съ тѣмъ, что требуется издержать въ Англіи, чтобы получить концессию желѣзной дороги.

Любопытныя данныя на этотъ счетъ содержатся въ обширномъ сочиненіи графа де-Франкевила: «Le Gouvernement et le Parlement britanniques». Франкевилъ приводитъ просто невѣроятныя примѣры. Когда шла рѣчь о концессіи линіи изъ Лондона въ Брайтонъ, четыре конкуррировавшихъ компаніи издержали 100,000 фунт. стерл. на расходы въ парламентѣ, имъ понадобилось до 20 адвокатовъ, 6 sergents или совѣтниковъ короны, 20 ходатаевъ по дѣламъ, цѣлый штатъ парламентскихъ агентовъ, экспертовъ, инженеровъ и пр. Общество Trent Valley получило отказъ въ концессіи на линію изъ Стона въ Рюгби, издержавъ 147,000 фунт. стерл. Концессія на Great Northern, о которой спорили пять обществъ, не была разсмотрѣна въ одну сессію, хотя парламентская комсія посвятила ей 82 засѣданія. Когда, наконецъ, билль вотиро-

валл, издержки общества дошли до 550,000 фунт., но такъ какъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя пришлось измѣнить нѣкоторые параграфы концессіи, то расходы въ парламентѣ дошли до 770,000 фунт. стерл. И это за желѣзнодорожную линію въ 355 верстъ.

Для линіи пзъ Ворчестера въ Герефордъ общество съ капиталомъ въ 555,000 фунт. стерл. издержало 240,000 фунт. стерл. на получение концессіи. Двадцать лѣтъ назадъ въ Англіи считалось, что расходы на получение концессіи и устраненіе конкурентовъ составляютъ 30,000 руб. на версту; десять лѣтъ тому назадъ расходы дошли до 36,000 руб., а теперь превосходятъ 40,000 руб. на версту. Официальный документъ, представленный парламенту въ 1884 году, объясняетъ, что за десять лѣтъ, съ 1872 по 1882 годъ, желѣзнодорожныя общества издержали въ парламентѣ болѣе 4.000,000 фунт. стерл. причемъ означенныя цифры неполны еще, такъ какъ сорокъ обществъ не доставили свѣдѣній о своихъ издержкахъ.

Я сообщаю всѣ вышеприведенныя свѣдѣнія вовсе не для того, чтобы свергнуть въ грусть бывшихъ путейскихъ дѣятелей, зачѣмъ они продешевили при выдачѣ концессій въ мпощескую теперь эпоху желѣзнодорожной горячки 1866—1876 годовъ, а дабы показать, что и на Западѣ не все такъ хорошо и благоустроено, какъ издали кажется. Сэръ Ричардъ Мунъ, предсѣдатель одного пзъ главныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ, London and North Western Railway, произнесъ рѣчь, гдѣ доказывалъ, что англійскій парламентъ изданіемъ новаго закона о тарифахъ желѣзныхъ дорогъ просто на просто «огранилъ» акціонеровъ желѣзныхъ дорогъ. Бываютъ, однако, явленія и противоположныя въ той же парламентской практикѣ.

Весьма важный законопроектъ, которымъ измѣнялись правила о приготовленіи и продажѣ взрывчатыхъ веществъ, въ самый день внесенія палата общинъ приняла безъ преній въ первомъ и второмъ чтеніяхъ и немедленно приступила къ обсужденію по статьямъ. Одобривъ его затѣмъ безъ всякихъ перемѣнъ и безъ голосованія, палата въ тотъ же день препроводила билль въ палату лордовъ, которая приняла его цѣлкомъ.

Такая поразительная быстрота разрѣшенія важнаго законодательнаго вопроса въ двухъ многочисленныхъ собраніяхъ служить подтвержденіемъ, что въ Англіи конституціонный механизмъ приспособленъ для какого угодно разрѣшенія дѣлъ. Та же палата, которая въ сутки разрѣшила не шуточный вопросъ о динамитѣ, посвятила десятки засѣданій на обсужденіе подробностей своего регламента, хотя съ послѣднимъ не связано ничье существованіе и такъ или иначе редактированная статья не угрожаетъ ничьей жизни.

Здѣсь-то и проявляется здравый смыслъ и практическая сметка англичанъ. Они понимаютъ, что въ общемъ хорошій регламентъ

палаты, регулирующей спокойное и серьезное обсуждение тысяч законов, которые так или иначе будут касаться всего населения Англии. несравненно важнее, чем специальный закон, который сегодня кажется чрезвычайно важным, но завтра, при успокоении революционных элементов, может оказаться мертвой буквою, одним из тех многочисленных законов, которые в Англии никогда не отменяются, но и никогда не применяются на практикѣ. В других государствах смотрят иначе. Во Франции, например, или в Италии закон, в роде того, что был утвержден английскими палатами без прений, вызвал бы бесчисленные пререкания, поправки и изменения в статьях, но умнее разобраться в путанице различных интересов, а главное — умнее быть единодушными в надлежащую минуту, для принятия без длинных церемоний практических и решительных мѣръ, и составляет силу конституционной жизни Англии. Потому-то в то время, когда во всей Европѣ, даже в Голландии, жалуются, что парламентарная форма не удовлетворяет современным потребностям государственной жизни и требует обновления, англичане остаются равнодушными. В 1876 г., по инициативѣ клуба Кобдена в Лондонѣ, было произведено исследование, какое влияние на уменьшение расходов и ограничение административных злоупотреблений имѣлъ контроль над государственной росписью со стороны народного представительства. Результаты, сообщенные первѣйшими в Европѣ экономистами и финансистами, получились весьма неблагоприятные. Почти изъ всѣхъ странъ послѣдовали заявления, что никакого ощутительного влияния, по крайней мѣрѣ в полезную сторону, отъ контроля законодательныхъ палатъ не замѣчается.

Теперь дѣло пошло еще дальѣ. Даже заядлые доктринеры, пришли къ заключенію, что ежегодное обсужденіе и утвержденіе бюджета расходовъ и доходовъ, внесенное во всѣ конституции, не составляетъ вовсе экономического закона и что в интересахъ хорошаго финансового хозяйства, быть можетъ, необходимо порѣже представлять государственную роспись на разсмотрѣніе законодательной власти. В Англии подобныя заявления вызвали бы только лишь улыбку.

Иногда впрочемъ улыбаться приходится не англичанамъ. Послѣдніе выказываютъ подчасъ такое недовѣріе въ вещахъ даже совершенно невинныхъ, которое и объяснить себѣ нельзя, не обладая нѣкоторой долей британской логики. Это въ особенности блистательно проявилось въ вопросѣ о проведеніи ламаншскаго подводнаго туннеля. Какъ извѣстно, англійское правительство, вопреки выданной парламентомъ концессіи, приказало приостановить работы по устройству этого туннеля, подъ предлогомъ, что онѣ угрожаютъ безопасности Англии!

Исторія этого событія поучительна, доказывая, какъ узкій кон-

серватизмъ и недоброжелательство къ прочимъ народамъ продолжаютъ составлять отличительныя черты англійскаго характера. Когда въ сороковыхъ годахъ Томэ де-Гамонъ, авторъ проекта подводнаго туннеля, поѣхалъ въ Англію пропагандировать свою идею, то былъ принятъ тамъ съ распростертыми объятіями. Правда, лордъ Пальмерстонъ встрѣтилъ его такъ же сухо, какъ и автора проекта прорытія Суэзскаго канала, за то королева Викторія, принцъ Альбертъ, Кобденъ, Гладстонъ—закрывшіи потомъ работы на туннель — осыпали Томэ де-Гамона комплементами. «Погодите только, чтобы *старикъ* (т. е. лордъ Пальмерстонъ) померъ», сказали на прощанье Томэ де-Гамону Кобденъ.

Старый Palm умеръ въ 1875 году. Миселю Шевалье, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ успій, удалось черезъ лорда Дерби, тогда министра иностранныхъ дѣлъ, добиться концессіи. Немедленно были начаты работы и туннель могъ бы быть оконченъ въ 1885 году. Оппозиція проведенію туннеля началась только въ 1884 году статьями въ «Times» и журналѣ «Nineteenth Century». Вскорѣ агитація успѣлась; вся военная партія, съ герцогами Кембриджскимъ и сэромъ Гарнетомъ Уольслеемъ во главѣ, и вся старо-консервативная партія присоединились къ противникамъ туннеля. Въ *repland* къ знаменитой брошюрѣ «Сраженіе при Дорклингѣ», какой-то шутникъ пздаль брошюру: «Какъ Джонъ Буль потерялъ Лондонъ». Здѣсь описывалось, что подъ предлогомъ участія въ массонскомъ праздникѣ французская армія, переодеваясь въ штатское платье, но со спрятанными кинжалами, поѣхала по туннелю и, выѣхавъ въ Англію, захватила хитростью Дувръ, Лондонъ, а черезъ нѣсколько дней и всю Англію. Эта нелѣпость произвела колоссальное впечатлѣніе въ публикѣ. Даже такіе первоклассные умы, какъ Лэббокъ, Спенсеръ, Гексли стали противниками прорытія туннеля! Въ виду рѣзкаго поворота общественнаго мнѣнія, и правительство потеряло голову. Гладстонъ назначилъ комиссію преимущественно изъ военныхъ, для обсужденія вопроса объ опасности для Англій отъ туннеля, а до того приостановилъ работы ¹⁾.

Любопытно, какъ въ эпоху сооруженія Суэзскаго, Панамскаго и Коринтскаго каналовъ и проведенія Монъ-Сенискаго и Сентъ-Готардскаго туннелей могла явиться такая оппозиція невинному въ военномъ отношеніи предпріятію, экономическія послѣдствія котораго громадны. Я говорю «невинному» потому, что устье канала будетъ имѣть діаметръ всего въ двѣ сажени. Неужели же англи-

¹⁾ Англія воспротивилась осуществленію проекта изъ опасенія, какъ бы Франція не захватила внезапно выходъ изъ туннеля на англійской территоріи. Въ то время по порученію британскаго генеральнаго штаба была составлена историческая записка о случаяхъ открытія военныхъ дѣйствій безъ объявленія войны, автору которой, подполковнику Морису, пришлось удостовѣрить, что за 170 лѣтъ насчитывается 107 случаевъ открытія военныхъ дѣйствій безъ объявленія войны, изъ нихъ 60 приходится на XIX вѣкъ, и что чаще другихъ прибѣгала къ такому нападению именно Англія.

чане не пмбють всегда возможности завалить чъм нпбудь подобную дыру въ случаѣ опасности близкой войны? Одинъ остроумный французъ объясняетъ, что англичане поступили такъ подъ влияніемъ «нервовъ», какъ поступаютъ хорошенькія женщины. Нервы пройдутъ и туннель явится, потому бесполезно и убѣждать англичанъ. Можетъ быть это и вѣрно.

Но островное положеніе Англій вполне ли исключаетъ возможность для французовъ сдѣлать высадку? Специалисты увѣряютъ, что Англія, напротивъ, можетъ считаться классической страной удачныхъ высадокъ. Еще до Рождества Христова, въ 55 и 54 гг. Юлій Цезарь дважды успѣшно высаживался въ Англій; въ 43 г. нашей эры императоръ Клавдій высадился и завоевалъ часть Великобританіи, которую римляне и владѣли до 407 г. Въ 449 г. высадился саксы и основали королевство Кентское; въ 547 г. съ сѣвера Германіи приплыли и высадились англъ, основавшіе четыре маленькихъ королевства. Съ 787 года начинаются вторженія датчанъ. Въ 832 г. датчане разбиваютъ короля Англій Эдберга; въ 851 новая высадка: датчане забираютъ Кентерберн, Лондонъ, переходятъ Темзу; изгнанные въ 878 г. Альбертомъ Великимъ, датчане возвращаются въ 1031 г. и облагаютъ Англію платежомъ подати. Въ 1066 г. въ Англій успѣшно высаживается Вильгельмъ Завоеватель.

Скажутъ, тогда не было у Англій флота; но съ конца XVII и до начала XVIII вѣка Франція не разъ пыталась произвести высадки въ Англій. Онѣ не удавались только тогда, когда французскій флотъ не шелъ прямо къ цѣли, а искалъ сразиться съ англійскимъ флотомъ. Въ 1798 г. высадился въ Ирландію генералъ Гумбертъ подъ Кастельбаромъ съ 1,000 человекъ и разбилъ англійскій отрядъ въ 6,000 чел. Англія выслала 20,000 противъ Гумберта, отряду котораго послѣ 17 дней борьбы пришлось сдаться превосходнымъ силамъ непріятели.

Бонапартъ, еще будучи консуломъ, готовилъ высадку въ Англію. Пользуясь опытомъ Юлія Цезаря, убѣдившагося, что высадку затрудняли глубоко сидящія транспортныя суда, Бонапартъ въ основу своего плана положилъ созданіе плоскодоннаго судна, которое могло бы поднимать отъ 100—180 чел. и пару пушекъ. Въ іюль 1804 г. флотилія въ 1,800 такихъ судовъ была собрана въ сѣверныхъ портахъ Франціи, но Англія втянула въ войну съ Наполеономъ Австрію и Россію.

Чтобы перебросить въ Англію армію въ 160—170,000 человекъ съ 500 орудіями и всѣми боевыми припасами и провіантомъ, понадобилось бы 1,500 паровыхъ баржъ; на сооруженіе ихъ нужно не болѣе 150 мил. франковъ. Въ мирное время эти баржи служили бы на внутреннихъ водныхъ путяхъ. Считаю, что изъ 170,000 арміи погибло бы при переправѣ 10—20 тысячъ, остальныхъ 150,000 чел. достаточно было бы, чтобы разгромить Ан-

плію, особливо въ такую минуту, когда ея сухопутныя силы были бы отвлечены войною въ Индію или Африку.

Что британцы болѣе нервны, чѣмъ думаютъ, доказываетъ почти всегда неожиданная перемена въ общественномъ мнѣніи, вызывающая перемену въ министерствахъ, особенно же если министерства задаются преобразованіями. Но министерскія перемены сравнительно рѣдки. Въ то время, когда съ 1837 г. (годъ вступленія на престолъ Викторіи) во Франціи переменялось 67 министерствъ, въ Англіи ихъ при 14 парламентахъ переменялось только 20. Съ 1868 г. въ Англіи всего седьмое министерство, а во Франціи сорокъ третье. Англичане по натурѣ своей несомнѣнно консервативны въ политическихъ дѣлахъ и идея снѣлаго реформатора, храбро обновляющаго обветшалое зданіе ихъ законодательства, имъ просто противна. Англичане съ охотою принимаютъ только тѣ реформы, которыя давно уже проникли во всеобщее сознаніе.

Послѣ парламентской реформы 1832 года побѣда либераловъ на выборахъ была такъ рѣшительна, что въ палату вступило очень мало консерваторовъ и казалось, торійская партія надолго утратила свое политическое значеніе. Не прошло, однако, и двухъ лѣтъ, какъ либеральное министерство стало подвергаться сильному нападеніямъ быстро оправившейся консервативной партіи, а въ 1835 году уже пало подъ напоромъ послѣдней. Та же исторія повторялась неоднократно. Англійскіе консерваторы новой формации не имѣютъ ничего, впрочемъ, общаго съ реакціонерами; они признаютъ одною изъ важнѣйшихъ причинъ благосостоянія Англіи—свободу печати, доставляющую рабочему обильные источники познанія, образованія и удовольствія; они одобряютъ парламентскую форму правленія, но только подъ условіемъ существованія партій, безъ которыхъ всякое собраніе пало бы передъ могуществомъ или подкупомъ министра; парламентскія реформы 1832—1884 гг. они упрекаютъ только за то, что, усиливъ вліяніе аристократіи и расширивъ права среднихъ классовъ, онѣ мало сдѣлали для рабочихъ классовъ и даже прямо отняли многія привилегіи, которыя принадлежали рабочимъ съ незапамятныхъ временъ. Такиѣ взгляды могутъ высказывать публично только англійскіе консерваторы. Въ своей полемикѣ съ радикалами, защищая палату лордовъ и корону противъ нападокъ Лабурера и т. п., Дизраэли не прибѣгаетъ къ тѣмъ приемамъ, къ которымъ прибѣгнулъ бы французскій легитимистъ или прусскій юнкеръ, а приводитъ доводы въ родѣ, напримѣръ, слѣдующихъ: лорды наследственные лучше назначаемихъ короной, потому что каждый лордъ знаетъ, что если сословіе, къ которому онъ принадлежитъ, будетъ постоянно идти въ разрѣзъ съ общественнымъ мнѣніемъ, то это можетъ повести къ тому, что потомству его не доведется пользоваться его достоинствомъ. Преимущество монархіи для Англіи Дизраэли видѣлъ въ томъ, что каждое лицо, поставленное въ непрерывное

общеніе съ самыми выдающимися государственными людьми разныхъ партій. даже при посредственныхъ способностяхъ, приобретаетъ съ теченіемъ времени значительный запасъ политическаго знанія и политической опытности; что республиканское правительство при федеральномъ устройствѣ, наиболее удобномъ для большого государства, стоитъ гораздо дороже монархіи—это видно изъ американскаго бюджета,—и, наконецъ, что при существованіи монарха, какъ «источника почестей», множество важныхъ должностей могутъ быть даровыя; въ республикѣ же онѣ требуютъ вознагражденія. Словомъ, Даррали не сходилъ ни на минуту съ почвы чисто реальныхъ интересовъ.

Разстройство съ выходомъ въ отставку Гладстона и послѣ выборовъ 1895 г. либеральной партіи, располагавшей такъ долго значительнымъ большинствомъ въ палатѣ общинъ и съ успѣхомъ осуществившей весьма серьезныя реформы: законъ о начальномъ народномъ образованіи, преобразование арміи, расширеніе избирательнаго права и прландскій поземельный вопросъ, почти непонятно для континентальнаго читателя, поражающагося тѣмъ, до какой степени въ Англіи вліятельны еще религіозные интересы и какъ противенъ англичанамъ всякій радикализмъ въ дѣлѣ реформъ. Нужно, чтобы злоупотребленія какого-либо учрежденія достигли въ этой странѣ до крайнихъ предѣловъ, чтобы англичане рѣшились хотя бы на самыя малѣйшія уступки и пзмѣненія. Если отстранить узкіе и мелочные интересы разныхъ религіозныхъ сектъ, то мѣропріятія Гладстона кажутся мѣрами до того умѣренными, что можно только удивляться тому ожесточенію, съ которымъ они порицались въ парламентѣ и образчикомъ котораго могутъ служить слѣдующія слова бывшаго министра Гормана: «Въ палатѣ общинъ не исчезъ еще духъ, который допустилъ бы министра такимъ образомъ обезчестить законодательное собраніе и разрушить независимость парламента!»

Коалиція, возставшая противъ Гладстона, состояла изъ законныхъ приверженцевъ англиканской церкви, враговъ Ирландіи и нѣкоторыхъ радикаловъ, предводительствуемыхъ Чемберленомъ. Гладстонъ понялъ силу подобной коалиціи и сразу заявилъ о готовности своей сдѣлать уступки, благоразумно заявляя, что для него дорогъ принципъ преобразованій, а не второстепенныя подробности. Но уступчивость не всегда бываетъ умѣстна; по крайней мѣрѣ въ этомъ случаѣ желаніе угодить обѣимъ сторонамъ ни къ чему не повело. Одна газета остроумно замѣтила, что удовлетворить всѣ интересы такъ же трудно, какъ накормить одною пищею всѣхъ звѣрей зоологическаго сада. Англичане чрезвычайно презираютъ парламентскія коалиціи и компромиссы.

Гладстонъ и за нимъ Розбери удалились отъ дѣлъ, но чѣмъ разрѣшится кризисъ либеральной партіи, неизвѣстно. Англійскія министерства, исчерпавъ свою программу, любятъ иногда удалиться

отъ дѣль, получивъ пораженіе по какому-либо второстепенному вопросу. Это своего рода хорошая тактика, позволяющая имъ потомъ гораздо легче возвращаться снова къ дѣламъ. Поэтому какъ ни велико кажется торжество по внутреннимъ вопросамъ консерватизма и лорда Салесбюри и какъ ни «пріѣлась», выражаясь вульгарно, Англіи пзворотливая политика Гладстона, все-таки либеральная партія располагаетъ еще нѣкоторымъ вліяніемъ въ парламентѣ; но погоня за министерскими портфелями въ Англіи не существуетъ. Одинъ писатель еще въ прошломъ столѣтіи остроумно подмѣтилъ эту черту. «Станьте на мосту въ Парижѣ» — сказалъ онъ — «и спрашивайте проходящихъ, желаютъ ли они быть министрами: изъ ста человекъ едва ли одинъ откажется отъ подобнаго благополучія; сдѣлайте то же самое въ Лондонѣ: едва ли вы встрѣтите одного человека на сто, который пожелалъ бы когда-нибудь быть министромъ». Отъ этого въ Англіи нѣтъ примѣра, чтобъ партія, располагающая въ палатѣ всего нѣсколькими голосами, добивалась власти съ такимъ же рвеніемъ и азартомъ, какъ будто бы за нею было большинство страны. Временная слабость либераловъ зависитъ и отъ отсутствія опытнаго руководителя: Гарткортъ и Моррей замѣнили Гладстона были не въ силахъ, то же вѣроятно случится съ Кэмпбелемъ-Балверманомъ. А и въ Англіи, не смотря на старинную привычку къ самоуправленію, по вѣрному замѣчанію одного писателя, «въ чемъ состоитъ консерватизмъ и либерализмъ — обыкновенный избиратель не объяснитъ, а если объяснитъ, то вы сейчасъ же замѣтите, что онъ говоритъ съ чужого голоса, что онъ лишь повторяетъ свою газету или рѣчь, услышанную имъ на митингѣ и не умѣя сознательно разобраться въ программахъ и манифестахъ парламентскихъ кандидатовъ, цѣпляется за плена, какъ за якорь спасенія».

Засимъ, повторяю, управленіе торійскими министерствомъ не слѣдуетъ понимать въ смыслѣ реакціи; очень многія либеральныя реформы были проведены въ Англіи въ этомъ столѣтіи торіями, послѣ неудачи, понесенной либералами. Поэтому только часть реформъ будетъ отложена, особенно та, которая касается палаты лордовъ, по другимъ же вопросамъ консервативное министерство, съ другими только людьми, невольно пойдетъ по стопамъ своего предшественника, а объ иностранной политикѣ и говорить нечего. Въ этомъ отношеніи Англія не мѣняется, да и вообще отличная организація партій даетъ ей политическому строю удивительную устойчивость. Зато мы и видимъ старую королеву Викторію, научившуюся искусству управления у нѣмецкаго доктора Эрнеста Штокмара, спокойно царствующую уже шестьдесятъ третій годъ, въ то время какъ въ этомъ періодѣ Европа вынесла революцію 1848 года, Луи-Филиппъ и Наполеонъ III умерли на чужбинѣ, Изабелла II и Амедей отказались отъ престола, императоръ бразильскій домъ-Педро, король греческій Оттонъ, болгарскій князь

Александръ баттенбергскій, египетскій хедивъ Измаиль и пѣлая серія нѣмецкихъ и итальянскихъ государей были изгнаны, Мурадъ V свергнутъ и заточенъ, король датскій потерялъ половину своихъ владѣній, императоръ австрійскій былъ изгнанъ изъ Германіи и Италіи. Я не говорю уже о трагической смерти императора Александра II, императора Максимилиана, герцога Пармскаго, Абдуль-Азиса, президентовъ Линкольна, Гарфилда, Барно и многихъ другихъ.

Въ старину, начиная отъ Ивана Грознаго, англичане считались нашими лучшими союзниками и, благодаря ловкости Дженкинсона, пользовались въ Россіи большими привилегіями по торговлѣ. Барыши, пзвлекавшіеся ими, повели къ прекращенію привилегій, которое не могло совершиться иначе, какъ изгнаніемъ, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, англичанъ изъ Россіи, подъ предлогомъ, что «англичскіе люди учинили зло великое—короля Каролуса на смерть убили». Торговля сношенія затѣмъ мало-по-малу возобновились, но дружба сдѣлалась уже нѣкоторымъ недовѣріемъ съ обѣихъ сторонъ. Уже съ Ивана Грознаго, назвавшаго въ письмѣ королеву Елисавету «самою пошлою дѣвицею», начался первый недоразумѣніи. Борисъ Годуновъ упрекалъ английскую королеву (въ маѣ 1600 г.): «А тебѣ бы сестрѣ нашей любительной впредь съ бессермянскими государями не соединяться и не ссылатися и не дружитися и ничѣмъ не вспомоугати: ни людемъ ни казною».

Петръ Великій хотя искалъ союза, «великой альянции», съ Англіей противъ Швеціи и даже предлагалъ для герцога Мальборо создать княжество Кіевское, Владимірское или Сибірское, «которые похочеть», но уже тогда инстинктивно сознавалось, что успѣніе Россіи на Балтійскомъ морѣ для Англіи пріятно быть не можетъ. На вопросъ нашего посла Матвѣева въ 1706 году, необходимо ли англичанъ обнадеживать, что «не позволите великихъ военныхъ флотовъ въ томъ морѣ плѣтъ». Петръ Великій собственноручно написалъ: «Зело необходимо только о числѣ (т. е. о числѣ кораблей) еще прежде времени не давать знать»...

Понятно, что англичанъ въ этомъ случаѣ провести нельзя было и уже въ концѣ царствованія Петра мы видимъ Англію рѣшительно на сторонѣ нашихъ противниковъ. Витвортъ еще при Петрѣ писалъ: «москвитяне опасны только тѣмъ, кто боятся ихъ, и лучшее средство ихъ образумить—не уступать имъ». Тогда, однако, ссориться съ Россіей Англія имѣла интересъ второстепенный, а въ матеріалахъ для своего флота: лѣсѣ, пенькѣ, паруснѣ и желѣзѣ, получавшихся изъ Россіи, она очень нуждалась. Не придавая значенія Остѣ-Индіи, Англія не обращала большого вниманія и на Турцію, гдѣ первенствующую роль играла Франція, пользовавшаяся, еще съ XVI вѣка, оттоманскимъ могуществомъ для традиціонной борьбы своей съ Австрійскою или, по тогдашнему, Германскою имперіей.

Во второй половинѣ XVIII вѣка центры политической тяжести перемѣщаются: Россія приближается къ Черному морю и Англія, которая уже при Петрѣ смотрѣла на это приближеніе недоброжелательно, старается воспрепятствовать распространенію русскаго могущества на Востокъ. Хотя въ мартѣ 1781 г. Екатерина II было предложено королемъ англійскимъ занять островъ Мпнорку, чтобы дать Россіи возможность создать себѣ плотину и станцію на Средиземномъ морѣ, но это заманчивое съ виду предложеніе было отвергнуто, такъ какъ англичане одновременно предлагали союзный трактатъ.

Во всѣхъ войнахъ при Екатеринѣ II-й англійская дипломатія стояла прямо поперекъ русской. Съ тѣхъ поръ усиленіе англійскаго владычества въ Остѣ-Индіи, приобрѣтенія Цейлона, береговъ Аравіи, части Остѣ-Индскаго Архипелага, развитіе торговли съ Китаемъ и Японіей и, наконецъ, перемѣщеніе главнаго торговаго пути на дальній Востокъ и въ Австралію черезъ Суэзскій каналъ окончательно укрѣпили въ англійской государственной политикѣ желаніе парализовать насколько возможно вліяніе Россіи. Последняя съ своей стороны не оставалась въ долгу и пользовалась при случаѣ внутренними затрудненіями Англіи. Таковъ былъ, напримѣръ, знаменитый вооруженный нейтралитетъ 1780 года, посылка въ 1863 году эскадры Лесовскаго въ Соединенные Штаты въ моментъ, когда эта держава готова была объявить войну Англіи за поддержку конфедерации, и т. п.

За полтора столѣтія слишкомъ лѣтъ можно насчитать очень немного случаевъ, когда наши интересы шли рука объ руку съ англійскими, встрѣчаясь притомъ нерѣдко лишь по недоразумѣнію или чисто внѣшнимъ образомъ. Участіе въ великой борьбѣ Англіи противъ Наполеона, Наваринъ и союзъ противъ замысловъ Франціи, пмѣвшей виды на Египетъ, вотъ почти всѣ случаи совместнаго дѣйствія Россіи и Англіи. Но уже въ 1803 г. наше правительство дѣлало Англіи заявленіе, что считаетъ Черное море, берега котораго принадлежали только Россіи и Турціи, закрытымъ моремъ и будетъ обращаться тамъ съ англійскими корсарамъ какъ съ морскими разбойниками. Борьба съ Наполеономъ I прервана была четырехлѣтней морской войной Россіи съ Англіей изъ-за континентальной системы. Не дожидаясь формальнаго объявленія намъ войны, англичане съ 1808 г. не только наложили запрещеніе на всѣ русскія суда, но и захватили въ Портсмутѣ русскій фрегатъ, на которомъ находилось 3 мил. руб. Хотя съ 1812 г. для войны Англія давала намъ субсидіи, но блестящія побѣды Россіи противъ Наполеона только увеличили зависть Англіи и съ этого-то момента англичане стали особенно опасаться нападенія на Индію. Даже по внѣшности они были мало предупредительны. Въ 1816 г. принцъ-регентъ заставлялъ прождать въ пріемной великаго князя Николая Павловича. Великій князь нарочно опоздалъ затѣмъ къ

обѣду принца-регента на 15 минутъ и тѣмъ заставилъ послѣдняго быть впредь болѣе вѣжливымъ.

Отъ Наваррина англійское правительство отказалось и выразило публичное порицаніе своему адмиралу Кодрингтону; наконецъ, союзъ противъ Махмета-Али, въ дѣйствительности направленный противъ зазорнаго министерства Тьера, имѣлъ мимолетное значеніе для русскихъ интересовъ, впрочемъ, крайне невыгодное.

И подъ личною дружественныхъ отношеній Англія всегда шла противъ насъ. Всѣмъ извѣстна ея роль въ послѣднюю Восточную войну. Въ томъ же духѣ дѣйствовала ея дипломатія во всѣхъ переговорахъ о мирѣ послѣ нашихъ войнъ съ Турціей, таково было участіе ея и въ Вѣнскомъ конгрессѣ, внимательство въ польскія и греческія дѣла, интриги въ Средней Азіи, захватъ Египта, Занзибара и т. д. Мы не говоримъ уже о Крымской войнѣ.

Рядомъ съ этимъ у насъ было сдѣлано очень мало хотя бы для литературнаго и общественнаго соединенія съ англичанами, подымавшими одно время даже вопросъ о сближеніи церкви англійанской съ православной. Совершенному отсутствію русскихъ въ Лондонѣ и въ Англіи можетъ быть приписано отчасти то постоянно недоброжелательное и почти враждебное отношеніе, которое господствуетъ противъ Россіи въ англійскомъ обществѣ и въ англійской печати. Газеты всегда полны скверныхъ противъ насъ выходовъ, а держать сторону Россіи для политическаго челоуѣка считается эксцентричностью. Тѣмъ болѣе было чести покойному лорду Черчиллю, что онъ смѣло сталъ руссофиломъ и доказалъ это не только на словахъ, но и на дѣлѣ, когда былъ министромъ индійскихъ дѣлъ. Изъ лондонскихъ газетъ только одна «Pall-Mall-Gazette» защищала русскую политику совершенно безкорыстно.

Англія сочувствовала тройственному союзу и союзъ этотъ и впредь будетъ дѣйствовать съ Англіей сообща во многихъ вопросахъ, касающихся Россіи, а съ Италіей Англія касательно Средиземнаго моря имѣетъ повидному особое тайное соглашеніе. Тѣмъ удивительнѣе, что лордъ Салисбюри рѣшительно протестовалъ противъ приписываемаго Бисмарку отзыва, будто между Англіей и Россіей существуетъ неизбѣжный и постоянный антагонизмъ. «Это мнѣніе-де предразсудокъ устарѣвшей дипломатіи». «У меня—говорилъ далѣе Салисбюри—есть полное основаніе думать, что Россія преслѣдуетъ тѣ же цѣли и имѣетъ тѣ же намѣренія, что и мы, во всемъ, что касается событийъ на Востокѣ!» Въ подкрѣпленіе словъ премьера министръ индійскихъ дѣлъ Гампльтонъ подтвердилъ, что «между Англіей и Россіей не существуетъ-де неразрѣшимыхъ споровъ и что Россія одна изъ тѣхъ странъ, въ отношеніи которой не существуетъ у англичанъ ни національнаго отвращенія, ни промышленнаго соперничества, ни колониальной конкуренціи».

Такое явное пзращеніе истины объясняется вѣроятно тѣмъ, что въ Азіи Россія одерживаетъ постепенно верхъ надъ Англіею. Пользуясь Закаспійскою желѣзною дорогою, она можетъ двинуть сравнительно въ короткое время значительныя силы въ Афганистанъ, да и значеніе расщипаемой военной дороги черезъ Пампръ къ Чптраю должно быть оцѣнено въ Англіи по достоинству. Сверхъ того, благодаря своему гуманному обращенію съ покоренными народами, Россія нечего опасаться за свой тылъ. А въ самой Индіи положеніе англичанъ внушаетъ имъ все большія опасенія, тѣмъ болѣе, что вооруженныя силы ихъ далеко не соотвѣтствуютъ настроенію туземцевъ. Послѣ пзложеннаго понятію, почему Англія стремится къ такъ называемому соглашенію съ Россіею. Она желаетъ выиграть время для усовершенствованія и увеличенія своихъ вооруженныхъ силъ, она сознаетъ, что пзъ островнаго государства она превратилась въ континентальное и нуждается въ многочисленной арміи. Въ Англіи число сторонниковъ полной реорганизациі арміи и даже введенія общей воинской повинности, несомнѣнно, растетъ, но едва ли не поздно. Исторія Пруссіи свидѣтельствуетъ, сколько времени требуется для того, чтобы всеобщая воинская повинность могла принести плоды. Россія это, конечно, знаетъ и пользуется благоприятно сложившимся для нея обстоятельствами. Вотъ почему невѣроятно возможность англо-русскаго соглашенія, къ тому же русскіе государственные люди не такъ важны, чтобы отказаться отъ игры, когда все козыри въ ихъ рукахъ.

Надобно припомнить, что и либеральная партія на словахъ дѣлала попытки къ сблизенію съ Россіею, а между тѣмъ чуть не затѣяла съ нами въ 1885 войны пзъ-за Мерва, заставивъ парламентъ вотировать 6¹/₂ мил. фунт. стерлинг. на мобилизацию. Поэтому спѣшить протягивать англичанамъ руку нечего, хотя воевать съ ними мы должны лишь въ крайнемъ случаѣ, только тогда, когда не будетъ уже рѣшительно никакого другого пхода, т. е. когда дѣйствительно честь Россіи того потребуетъ.

Понятіе о чести, однако, очень условно. Можно довести щепетильность до того, что считать безчестіемъ всякую малѣйшую уступку, считать униженіемъ передвигеніе взадъ или вбокъ каждаго батальона. Въ полпикѣ, я полагаю, такая щепетильность совершенно неумѣтна. Здѣсь преслѣдуются реальные интересы страны, и только одного самолюбія ради никакаго государственннй дѣятель войны начинать не долженъ. Всѣ войны, начинавшіяся пзъ-за «престипка», съ «легкимъ сердцемъ» какъ, напр., восточная 1853 г., франко-прусская, мексиканская, англійскія экспедиціи въ Афганистанъ, южную Африку, оканчивались неудачно.

Теперь прошли времена кондотьерскихъ походовъ, когда войны тянулись десятки лѣтъ, а жизнь шла себѣ своимъ чередомъ ни шатко, ни валко; поле войны было только мѣстною болячкою на

тѣль Европы. Теперь не то. Война, какъ тифъ, охватываетъ все тѣло послѣдней, а о воюющихъ державахъ и говорить нечего. Формированіе и передвиженіе миллионныхъ армій, миллиардные расходы, гигантскіе убытки отъ застоя торговли, промышленности, мореходства — все это держитъ страну во время войны въ такомъ возбужденномъ состояніи, которое непремѣнно вызываетъ потомъ сильное истощеніе; поэтому никакое государство, какъ бы оно богато ни было, не можетъ теперь воевать слишкомъ долго, не рискуя огромными потерями, даже банкротствомъ. Къ тому же не одиѣмъ финансовымъ потерямъ сопровождается война. Потери на поляхъ сраженія также только еще политическая сторона войны; но рядомъ съ войной и ея подвигами начинаются обыкновенно эпидеміи, быстро переходящія изъ госпиталей на населеніе; зараза происходитъ и въ нравственномъ отношеніи: война даетъ поводъ къ спекуляціямъ, къ наживѣ, къ воровству казны. Подряды, перевозки, судостроеніе, претенданство и даже, къ стыду военнаго сословія, простое командованіе частями войскъ, особенно таковыми, гдѣ пѣдется продовольствіе лошадей, даютъ пищу колоссальнымъ злоупотребленіямъ.

Все это, конечно, хорошо извѣстно и, безъ сомнѣнія, и съ англійской, и съ русской стороны нѣтъ, за ничтожными исключеніями, людей, которые желали бы войны только ради войны. Были, правда, философы не только въ мундирѣ, какъ Скобелевъ, но и штатскіе, какъ Прудонъ, доказывавшіе, что война такъ же необходима и полезна для человѣчества, какъ гимнастика или легкіе кутежи для здоровья отдѣльнаго человѣка, но эти парадоксальныя теоріи едва ли слѣдуетъ принимать во вниманіе при дипломатическихъ переговорахъ.

Здѣсь въ расчетъ можетъ быть принимаемо только одно: какое изъ государствъ должно дѣлать уступки, напмѣнѣ затрогивающія его національные интересы? Какое должно пожертвовать мнущимъ самолюбіемъ для предотвращенія бѣдствій войны, насколько не нарушая, однако, существенныхъ своихъ интересовъ? Ставя вопросъ на эту практическую точку зрѣнія, не исключаящую, впрочемъ, достоинства великодушія и насколько не унипительную, я полагаю, что въ настоящій моментъ Англія не желаетъ очерта голову воевать съ Россіей.

Для этого надобно обратиться къ сути вопроса, изъ-за чего могла бы начаться война? Очевидно, изъ-за преобладанія въ Азіи. Другихъ непосредственныхъ пунктовъ столкновенія у англичанъ съ нами нѣтъ. Въ Россіи мы противъ англичанъ ничего не имѣемъ; живя у насъ, англичане оказываются полезными дѣятелями, торговля съ ними для Россіи самая выгодная, политика русская въ старыя годы была даже настолько дружественная по отношенію къ Англіи, что привилегіямъ англичанъ завидовали другіе народы. Раздоръ начался, когда Россія, сознавая свою силу и выспивъ

свою задачу, начала неуклонно двигаться вперед на Востокъ, двигаться быстро и неудержимо. Англія не могла равнодушно смотрѣть на это поступательное движеніе впередъ, какъ не можетъ Россія, напримѣръ, равнодушно смотрѣть на швецкое Drang nach Osten. Англія старалась затормозить всячески наше движеніе. Это было, пожалуй, ея право; гнѣваться на англичанъ за то, что они ограждаютъ свои интересы, резона нѣтъ. Не могли же мы серьезно считать, что естественныя границы Россіи только Ледовитый, Тихій и Индійскій океаны и что някто уже никакихъ интересовъ въ Азіи, кромя Россіи, имѣть не можетъ.

Особую опасливость по отношенію къ распространенію русскаго владычества проявлялъ лордъ Пальмерстонъ. Виконсфилдъ слѣдовалъ политикѣ Пальмерстона при помощи Турціи удерживать движеніе русскихъ на Востокъ и къ Индіи, завоеваніе которой Россіей Гладстонъ называлъ «страхомъ старыхъ бабъ», хотя на дѣлѣ всячески ставилъ намъ тѣ же препятствія, что и лордъ Виконсфилдъ. Это впрочемъ была обыкновенная политика Гладстона. Онъ называлъ, напр., приобрѣтеніе Кипра «обманомъ, оскорбленіемъ Англіи, взятою, не имѣющей цѣны», но не подумалъ вернуть Кипръ туркамъ.

Опасенія за Индію сдѣлали англичанъ особенно мнительными. Я думаю, что Англія имѣетъ для того основанія: казачій походъ при Павлѣ I, вся наша политика при персидскомъ дворѣ, посылка Витковскаго, завоеваніе Туркестана, посольство Столѣтова—достаточно это подтверждаютъ. Съ 1865 года Россія быстро стала подвигаться къ границамъ Индіи и съ сѣвера, и съ запада. Несомнѣнно, что выгодно бы было бы сойтись въ Азіи обомъ народамъ своимъ границами поскорѣе, но англичане сближенія границъ не желаютъ и въ 1873 году Россія признала въ принципѣ право Англіи на подобную политику, на нейтральную полосу между русскими и английскими владѣніями въ Азіи. На дѣлѣ, однако, сплю вещей русскіе съ 1870 по 1896 годъ прошли ровно половину прежняго пути отъ Россіи до Индіи. Еще двадцать пять лѣтъ подобнаго же мирнаго движенія, и русскіе кордоны охватятъ индійскую границу.

Думаю, что это случится неизбежно. Но это не значитъ, что должно случиться завтра или черезъ два или три года. Завоевать Индію не трудно, трудно владѣть ею съ пользою для человечества. Индіей полтора вѣка владѣли португальцы, владѣли персы, французы, отчасти голландцы. Гдѣ слѣды этого владычества? Если бы англичане добровольно уступили намъ теперь Индію, то мы, право, не знали бы, что съ нею дѣлать. Безъ торговаго флота и безъ капиталовъ Индія была бы для насъ только бременемъ, экономическія песторіи Кавказа и Туркестана это вполне доказываютъ. Зачѣмъ же намъ излишнею торопливостью упреждать событія? Будутъ ли теперь русскіе аванпосты за Паропамизомъ или не будутъ, вовсе не важно, когда знаешь заранее, что вся страна

за Паропампизомъ вплоть до индійской границы будетъ равно или поздно русскою. «Все приходитъ во-время тому, кто умѣетъ ждать» говоритъ умная пословица. Къ тому же Китай и Персія теперь въ извѣстной степени стали заслонять для насъ индійскій востокъ.

Для значенія нашего въ Азіи уступка того или другого участка земли значенія имѣть не можетъ. Уже если несчастія и потери Крымской войны не ослабили нашего авторитета въ глазахъ населенія Балканскаго полуострова, то и ничтожныя уступки по границамъ не уменьшаютъ нисколько нашего авторитета въ Азіи. Англія вѣдь не побоялась заключить въ 1882 г. невыгодный миръ съ Южно-Африканской республикой, хотя шовинисты увѣряли, что это подорветъ ея авторитетъ въ Африкѣ. Для англичанъ же уступки въ въ афганской границѣ имѣютъ принципиальное значеніе. Не надобно забывать, что съ каждымъ приобрѣтеніемъ клочковъ афганской территоріи, Россія въ сущности приобрѣтаетъ право идти впередъ уже по направленію къ Индіи такъ же свободно, какъ будто бы это происходило въ ея собственной области. Тогда потеря Индіи станетъ не дѣломъ времени, до котораго, быть можетъ, не доживутъ наши дѣти, а поставится въ зависимость отъ усмотрѣнія каждаго командующаго на границѣ русскаго генерала.

Хотя, слѣдовательно, есть полное основаніе думать, что войны не будетъ, но все-таки не лишнее заранѣе оцѣнить взаимныя шансы при столкновеніи двухъ могущественныхъ монархій—войны слова съ кѣтомъ, по удачному выраженію покойнаго Бисмарка. Хотя Англія не совсѣмъ удачно воевала даже съ трансваальцами, но это не резонъ, чтобы къ подобному противнику мы могли относиться легкомысленно. Если Англія захочетъ, то она можетъ воевать хоть съ цѣлымъ свѣтомъ, какъ доказала ея слишкомъ двадцатилѣтняя война въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтій. Столкновенія Россіи съ Англіей также не даютъ права третировать послѣднюю свысока.

Въ нынѣшнемъ столѣтіи мы воевали съ Англіей два раза: въ 1808—1812 годахъ и въ 1854—56 годахъ, и оба раза неудачно. Въ первый разъ мы потеряли 4 линейныхъ корабля, 6 фрегатовъ, 7 корветовъ и др. суда, въ томъ числѣ въ устьѣ Таго всю эскадру Сенявина; во второй, въ Севастополѣ, весь черноморскій флотъ. Конечно, эти воспоминанія не могутъ ни на минуту умалить нашей энергіи, но все-таки для войны одного энтузіазма недостаточно. Если бы для войны нужны были, какъ увѣрялъ Монтекукули, только три вещи: «деньги, деньги и деньги», то и толковать нечего, что Англія была бы гораздо сильнѣе Россіи. Но для войны нужно еще многое другое—и люди, и военная организація, и флотъ, и техническія условія, нужна также боевая опытность не въ мелкихъ экспедиціяхъ, а въ веденіи большой войны.

Деньги, впрочемъ, важный элементъ войны; въ этомъ случаѣ не-

сомнѣнно, что Англія стоитъ благопріятнѣ Россіи. Намъ бюджетъ полтора миллиарда руб.; мы можемъ его немного увеличить, дальѣ занять нѣсколько сотъ милліоновъ во Франціи, а затѣмъ останется уже одинъ ресурсъ — выпускъ кредитныхъ билетовъ, цѣнность которыхъ будетъ падать все ниже и ниже, вслѣдствіе застоя въ отпускной торговлѣ отъ блокады портовъ и направленія всего вывоза въ прусскіе порты. Паденіе нашего рубля до четвертака въ началѣ XIX столѣтія и совершилось какъ разъ во время войны съ Англіей изъ-за нашего присоединенія къ континентальной системѣ послѣ Тильзитскаго мира. Доходы Англіи и ея колоній составляютъ въ сложности свыше 2 миллиардовъ рублей. Если считать даже, что бюджетъ Остъ-Индіи, какъ бюджетъ Россіи, не подлежитъ дальнѣйшему растяженію, то все-таки остальные части Британской имперіи могутъ смѣло увеличить свои расходы еще на полмиллиарда изъ обыкновенныхъ бюджетныхъ средствъ, а затѣмъ кредитъ Англіи неограниченъ. Если она для войны съ Французской республикой и имперіей могла занять у себя дома, еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, около 7 миллиардовъ руб., то теперь подобныя колоссальныя кредитныя операціи сдѣлались для нея въдесятеро легче. И всѣ биржи Европы къ ея услугамъ.

По вопросу о людяхъ Англія поставлена не такъ благопріятно. Населеніе ея съ колоніями хотя превосходитъ населеніе Россіи въ два съ половиною раза, но если вычесть слабосильныхъ индусовъ и полудикихъ туземцевъ разныхъ острововъ Тихаго океана, то останется не болѣе 70—80 милл. населенія, способнаго къ дѣйствительной военной службѣ (въ томъ числѣ около 43 милл. бѣлаго населенія). Значитъ, Англія въ этомъ случаѣ слабѣ Россіи, несомнѣнно, на одну четверть и даже треть. Еще менѣе удовлетворительна англійская военная организація. Россія, если только позволить финансовыя средства, безъ особаго затрудненія можетъ выставить армію до 2¹ милл. человекъ, въ томъ числѣ свыше милліона войска, весьма хорошо обученнаго и способнаго къ совершенію какихъ угодно походовъ. Казачьи войска, дающія до ста тысячъ всадниковъ, очень приспособлены къ азіатской войнѣ, на которой, такъ сказать, и выработался ихъ типъ. Британская военная организація даетъ гораздо менѣе средствъ развертывать военныя силы. Нельзя сказать, однако, чтобы и Англія не могла выставить огромной арміи. Въ этомъ случаѣ въ Россіи господствуетъ, кажется, опасное заблужденіе.

Во-первыхъ, общее ополченіе существуетъ въ Англіи еще съ 1757 г. Поэтому ввести военную повинность будетъ не такъ трудно, какъ думаютъ. Въ мирное время Англія имѣетъ регулярную армію въ 220,000 (въ томъ числѣ 106,000 дома, 4,500 въ Египтѣ, 36,000 въ колоніяхъ, остальное въ Индіи), да въ Индіи туземную армію въ 230,000—240,000 человекъ, кромѣ того имѣется резервъ свыше 8,000 и колоніальныхъ войскъ около 3,000. Та-

кимъ образомъ, войскъ равносильныхъ нашей дѣйствующей арміи. у Англіи имѣется около 540,000 человекъ. Затѣмъ, для внутренней обороны Англіи имѣеть 260,000 милиціи и волонтеровъ, ирландскую милицію—14,000, индійскія мѣстныя войска—260,000, канадскую милицію—30,000 и т. д. Это, конечно, войска не важныя, но достаточно удовлетворительныя для внутренней службы и обороны страны, тѣмъ болѣе, что Россія безъ союзниковъ едва ли будетъ въ состояніи сдѣлать гдѣ-либо высадку значительнаго отряда. Надобно также имѣть въ виду, что за годъ, что протянется война, англійская милиція, находясь постоянно подъ оружіемъ, приобрѣтетъ и вѣкоторую военную опытность.

Но это еще не всѣ ресурсы Англіи для войны. Соединенные Штаты, сѣверяне и южане, во время междоусобной войны пзъ ничтожныхъ кадровъ въ 25,000 человекъ создали армію до 2 милліоновъ и огромный флотъ. Это были милиція и волонтеры, но дрались они очень педурно. Олично дралась армія пзъ тѣхъ же элементовъ въ послѣднюю Испанскую войну. При огромныхъ денежныхъ средствахъ, увеличивая преміи, Англія, по примѣру Америки, можетъ весьма значительно увеличить резервы своей дѣйствующей арміи. Найти двѣсти, трпста тысячъ рекрутъ для Англіи никогда не представитъ ни малѣйшаго затрудненія, что равносильно нашему годичному или полторагодичному набору новобранцевъ. Достоинство же этихъ людей съ русскими рекрутами, конечно, одинаково ¹⁾. Такимъ образомъ, въ случаѣ войны, даже не имѣя союза или соглашенія съ Италіей и не принимая въ расчетъ афганскія и вспомогательныя индійскія войска, Англія можетъ выставитъ дѣйствующую армію въ 400,000 человекъ, которая, по мѣрѣ убыли, будетъ пополняться обученными волонтерами, а при наступательной со стороны русскихъ войнѣ поддерживаться мѣстными милиціями.

Арміи этой недостаетъ только опыта большпхъ европейскихъ войнъ. Таковой Англія не вела, можно сказать, со времени Ватерлоо. Англійскія войска также избалованы гораздо болѣе нашихъ; они имѣютъ только одно преимущество: если дѣло коснется похода въ Индію,—лучшее приспособленіе къ тамошнему вредному для европейцевъ климату. За то означенное несомнѣнное качество уравнивается опасеніемъ, что въ тылу у себя англичане имѣютъ населеніе сомнительной вѣрности, которое для русской наступающей арміи можетъ явиться въ видѣ союзниковъ.

Гдѣ на сторонѣ Англіи сохранится несомнѣнное превосходство, такъ это на морѣ. Rule Britannia of sea—долго еще будетъ ея девизомъ. А между тѣмъ война съ Англіей должна быть по преимуществу морскою. На Черномъ морѣ флотъ нашъ еще только устраи-

¹⁾ Надобно имѣть однако въ виду, что пзъ одной регулярной англійской арміи обзавитъ ежегодно до 2,000 человекъ.

вается. На Балтійскомъ много-много если онъ, при помощи минноносковъ и береговыхъ укрѣпленій, будетъ въ силахъ защищать наиболѣе важные въ стратегическомъ и торговомъ отношеніяхъ пункты. Вся надежда остается для Россіи на крейсерство. Морская торговля составляетъ наиболѣе уязвимое мѣсто англичанъ, конечно, если мы возьмемся за дѣло какъ слѣдуетъ.

Никакой параллели между убытками Россіи на морѣ въ случаѣ войны и убытками Англіи провести нельзя. Наша морская торговля малое дѣтя передъ англійской. И у себя дома нашъ торговый флотъ имѣетъ менѣе 10 проц. перевозокъ, оставляя остальное иностранцамъ; каботажъ нашъ также очень слабъ, да и по названію онъ только русскій, пароходныхъ сношеній у насъ чрезвычайно мало. Такимъ образомъ въ случаѣ войны бездѣйствіе торговаго флота, принося ущербъ отдѣльнымъ лицамъ, въ общей экономіи Россіи замѣтной роли играть не будетъ. Если же удастся нейтрализировать Черное море, заперевъ для англичанъ Босфоръ, то торговому флоту на югѣ предстоитъ даже блестящее поприще.

Совсѣмъ не то въ Англіи. Торговый флотъ ея одинъ изъ самыхъ крупныхъ элементовъ ея благосостоянія. Трудно подсчитать барыши, доставляемые имъ странѣ. Возьмемъ, напримѣръ, Германію, страну богатую, предприимчивую и издревле мореходную. Кажалось бы, англійскій торговый флотъ для нея значенія не имѣетъ, между тѣмъ *«Kölnische Zeitung»* сдѣлала въ 1885 г. расчетъ, что, благодаря этому флоту, англичане съ нѣмцами взимаютъ ежегодно 73 мил. руб. контрибуціи, именно 36 мил. за фрахты, 28 мил. коммисіи купцамъ, 17 мил. р. страховыхъ премій, процентовъ на задатки и портовыхъ расходовъ. Если Германія, обладающая большимъ торговымъ флотомъ, платитъ англійскому мореходству такую дань, то что же уплачиваютъ всѣ другія страны въ сложности.

Цифры на этотъ счетъ получаются колоссальныя. Считаая еще только суда значительныхъ размѣровъ, Англія имѣла въ 1895 году 13.469,000 тоннъ; при этомъ на паровыхъ судахъ, теперь наиболѣе важныхъ, изъ торговаго флота всего міра Англіи принадлежало 9.984,000 тоннъ. Эти цифры Bureau Veritas далеко, однако, ниже дѣйствительности. Потому безъ преувеличенія можно сказать, что около 25,000 парусныхъ судовъ и пароходовъ, плавающихъ подъ англійскимъ флагомъ, представляютъ поживу для русскихъ крейсеровъ и каперовъ, тотъ прогръ, полакомиться которымъ найдется не мало охотниковъ.

Пожалуй, могутъ замѣтить, что на случай войны значительная часть англійскихъ судовъ подыметъ нейтральный флагъ, но подобная операція очень затруднительна, такъ какъ законы всѣхъ странъ, кромѣ Россіи, поднятіе національнаго флага обставляютъ сложными формальностями, а едва ли англичане свой флагъ промѣняютъ на русскій. Затѣмъ вездѣ продажа кораблей обложена

крѣпостными пошлинами и расхождъ на эти пошлины при перемѣнѣ флага будетъ для англичанъ чувствителенъ. Но самое главное, что Россія имѣетъ право заявить, что она не признаетъ законными всѣхъ передавъ английскихъ судовъ подданнымъ другихъ державъ, совершенныхъ послѣ объявленія войны, а потому даетъ право своимъ крейсерамъ и каперамъ захватывать подобныя суда.

Какую роль играютъ вообще английскія суда въ торговлѣ, видно изъ того, что черезъ Суэзскій каналъ, по которому проходятъ наиболѣе цѣнные грузы изъ цѣлой всемірной торговли на сумму болѣе 2 миллиардовъ рублей, постоянно болѣе 75% всѣхъ проходящихъ судовъ принадлежатъ англичанамъ. Значитъ, весь остальной земной шаръ, сложившись вмѣстѣ, едва-едва получаетъ на свой паи четвертую часть перевозокъ на Дальній Востокъ. Въ самой Англїи и говорить нечего, что английскій флагъ преобладаетъ всѣ остальные. Понятно теперь положеніе Англїи и английской торговли, когда эта сила, ее поддерживающая, будетъ парализована дѣйствіемъ русскихъ крейсеровъ и каперовъ.

Потери на грузахъ не менѣе важны для англичанъ, чѣмъ потери на судахъ. Вся торговля Англїи и ея колоній производится моремъ. Эта торговля въ Англїи и ея колонїяхъ превосходитъ 13 миллиардовъ рублей. Каждый лишній процентъ страхованія отъ опасности захвата на эту сумму составляетъ уже 130 мил. руб. Но эти цифры далеко не выражаютъ интересовъ англичанъ, потому что ихъ суда, какъ мы сказали, служатъ для перевозокъ и для торговли не только между портами Англїи и ея колоній, но и между портами разныхъ другихъ государствъ.

Эти обороты, составляющіе въ сложности еще нѣсколько миллиардовъ рублей, болѣе всего пострадаютъ въ случаѣ войны, потому что, если англичане по-неволѣ согласятся у себя дома заплатить, по случаю войны, лишній процентъ, то итальянцы или французы, напримѣръ, имѣющіе, положимъ, перевозки въ Индію или Америку, предпочтутъ въ такомъ случаѣ фрахтовать не английскія, а свои или нейтральныя суда. Это предпочтеніе дастъ толчокъ судостроенію на континентѣ, а все, что прибавится къ торговому флоту другихъ державъ, въ виду современнаго направленія покровительственной таможенной политики, составитъ въ будущемъ прямую потерю для английскаго флота.

Что это угроза не теоретическая, доказывается примѣромъ Соединенныхъ Штатовъ. Во время междоусобной войны 1861—1865 гг. торговый флотъ Соединенныхъ Штатовъ, изъ опасенія южанскихъ каперовъ, чрезвычайно уменьшился. Перевозки перешли въ руки англичанъ и такъ и остались. Подобный примѣръ, англичанамъ хорошо извѣстный, долженъ сильно охлаждать ихъ воинственный восторгъ, если только они убѣдятся, что Россія шутитъ не намѣрена и, забывъ о бумагомараніи профессоровъ международнаго права и о фразахъ дипломатовъ на разныхъ политико-куплярныхъ кон-

гресахъ, вынустить на Англію сотню отчаянныхъ добровольцевъ. Кромѣ захвата судовъ и грузовъ, послѣдніе могутъ съ англійскихъ колоній и портовъ брать денежные контрибуціи по «благоусмотрѣнію»: касательно размѣра.

Въ истекшую войну роль нашего военного флота была весьма скромная. Онъ не только не принималъ активнаго участія въ войнѣ, какъ въ 1770 году, когда Алексѣй Орловъ разгромилъ турецкій флотъ въ Архипелагѣ, но даже не могъ, какъ въ 1828 году эскадра графа Гейдена, блокировать Дарданелль. Такого рода ограниченіе собственной боевой силы было сдѣлано пзъ любезности къ Англіи и естественно вызвало воспоминаніе о времени, когда не она намъ, а мы ей обрѣзывали на морѣ когти. Подобный моментъ былъ въ 1780 г. Воспользовавшись тѣмъ, что Англія находилась въ войнѣ съ Франціей, Испаніей, Голландіей и собственными колоніями, Россія сдѣлала декларацію, послужившую по присоединеніи къ принципамъ этого документа Швеціи, Дании, Пруссіи, королевства обѣихъ Сицилій и Священной Римской имперіи, началомъ лиги, пзвѣстной подъ названіемъ «вооруженнаго нейтралитета». Но если въ 1780 году мы явились инициаторами лиги, обуздавшей наглость Англіи на морѣ, то тринадцать лѣтъ спустя, въ царствованіе же императрицы Екатерины II, нами самими были разрушены всѣ плоды вооруженнаго нейтралитета.

Ослѣпленная ненавистью къ французской революціи, Россія въ 1793 году приступила къ союзу съ Англіей и приняла участіе въ несправедливыхъ мѣрахъ блокады, отъ которыхъ пострадала вовсе не одна Франція. Тогда то пзданъ былъ указъ, по которому хлѣбъ, мука и всякіе жизненные припасы были отнесены къ числу предметовъ военной контрабанды.

У нашей дипломатіи есть постоянно въ запасѣ отличное средство умѣрить жаръ англійскаго правительства въ его заносчивыхъ требованіяхъ относительно Россіи, и надобно только удивляться, что дипломатія не воспользовалась до сихъ поръ этимъ средствомъ. Мы говоримъ объ отказѣ отъ Парижской деклараціи 4 (16) апрѣля 1856 года, ограничившей свободу нашихъ дѣйствій на случай морской войны. Даже берлинская офиціозная печать намекала на возможность для Россіи прибѣгнуть къ этому *ultima ratio*, но наша дипломатія остается въ нерѣшимости, какъ оставалась она въ эпоху Берлинскаго конгресса, когда г. Мартенсъ на столбцахъ покойнаго «Голоса» разводилъ жалкія слова въ защиту деклараціи, которая де «послѣднее слово науки» и потому представляетъ такую святыню, которой касаться никакъ нельзя.

Между тѣмъ «неприкосновенность частной собственности на морѣ», подобно «свободной торговлѣ», есть вовсе не научный принципъ, а англійскій подвохъ, съ которымъ Англія, при помощи разныхъ ученыхъ, давно морочить публику. Не сумѣла только она обморочить Соединенные Штаты, Испанію и Мексику, которые

хотя уважают и науку, и прогрессъ, но отъ присоединенія къ Парижской деклараціи 1856 года отказались. Американцы справедливо заявили при этомъ, что недостаточно только объявленія неприкосновенности частной собственности на морѣ: чтобы быть логичнымъ, необходимо съ тѣмъ вмѣстѣ запретить въ военное время и блокаду торговыхъ портовъ. Это, очевидно, невозможно.

Сорокатилѣтній опытъ достаточно, кажется, показалъ, что Парижская декларація осталась почти мертвою буквою. Всѣ пункты ея нарушались даже такою слабою державою какъ Турція. Что же будетъ въ случаѣ войны какой-либо державы съ Англіей? Вопросъ о Парижской деклараціи неоднократно весьма подробно разбирался мною въ «Новомъ Времени» въ 1876—78, 1885 и 1893 гг., когда онъ имѣлъ живой интересъ. Я не буду повторять вновь высказанныхъ тогда теоретическихъ и практическихъ аргументовъ. Въ краткихъ словахъ они сводятся къ тому, что Англія, имѣющая огромный военный флотъ, благодаря Парижской деклараціи, воспрещаетъ государствамъ, не имѣющимъ такого флота, усиливать свой крейсерскій флотъ волонтерами или приватирами. Далѣе, только имѣя огромный военный флотъ, можно дѣйствительно блокировать всѣ торговые порты какой-либо страны: слѣдовательно одна Англія пользуется выгодами «дѣйствительной блокады» какъ она формулирована въ Парижской деклараціи 1856 года. Блокада между тѣмъ остается «бумажной», а не «дѣйствительной»; мы это испытали на Черномъ морѣ. Одесса и другіе города не выдали турецкихъ судовъ, но ни одно нейтральное судно не дерзнуло войти въ эти порты. Итальянцы взяли въ открытомъ морѣ голландское судно, которое везло ружья абиссинцамъ. То же дѣлали англичане въ Трансваальскую войну. По Парижской деклараціи нейтральный флагъ покрываетъ грузъ, кромѣ случаевъ военной контрабанды, споры о предѣлахъ которой безконечны. Но такъ какъ три четверти всѣхъ товаровъ въ мѣрѣ перевозятся по морю на английскихъ судахъ, то очевидно, что Англія болѣе всего пользуется выгодами этого постановленія, причемъ самое ограниченіе военной контрабанды немногими предметами невыгодно именно для Россіи, ибо стѣсняетъ захватъ судовъ въ открытомъ морѣ — единственное средство существенно вредить Англіи и заставить ее смириться.

Не менѣе выгодно для Англіи и воспрещеніе брать въ призь нейтральный грузъ на неприятельскихъ судахъ, ибо Англія островъ и безъ морской торговли существовать не можетъ. Безъ подвоза хлѣба моремъ Англія умретъ съ голоду въ два мѣсяца. Понятно, что, давая право возить нейтральные грузы на неприятельскихъ судахъ во время войны, Парижская декларація сохраняетъ для Англіи безпрепятственное производство торговли и обезпечиваетъ ея продовольствіе.

Словомъ, Парижская декларація какъ будто бы нарочно сочинена для Англіи. Исторія ея извѣстна. Ее предложилъ все тотъ же

сентиментальный Наполеонъ III. чтобы успокоить Англію. крайне сторчениую тѣмъ. что Франція торопилась заключить миръ съ Россіей въ 1856 г. Англичане. конечно. были рады деклараціи. хотя и до сихъ поръ въ Англіи есть ея противники. но не ради воспрещениа корсаровъ. Англіи вовсе не нужныхъ. а ради воспрещениа захватывать призы подъ нейтральнымъ флагомъ. что очень нравилось англичанамъ. Австрія къ морскимъ вопросамъ была всегда равнодушна; Пруссія не имѣла тогда военнаго флота и ничтожный торговый; Италія не существовало. а равно ея военнаго флота. понятно. что в Гюбнеръ. и Мантейфель и Бавуръ безъ труда присоединились къ деклараціи. Энергичски протестовать слѣдовало Россіи. но представителю ея на конгрессѣ были старикъ Орловъ. уже умственно ослабѣвшій. какъ и выяснилось потомъ изъ его душевной болѣзни. и нѣмецъ Брунновъ. боготворившій англичанъ: оба они понятія не имѣли о морскихъ нуждахъ Россіи. Когда декларація была подписана. къ ней по очереди присоединились державы. или находившіяся въ рукахъ англичанъ. какъ Турція. Португалія. Голландія и южно-американскія республики. или считавшія себя внѣ опасности войны. какъ скандинавскія государства (въ чемъ Данія скоро разочаровалась). Протестовали только державы. которыя боялись Англіи и понимали. что при столкновеніи съ послѣднею корсары будутъ единственнымъ средствомъ борьбы: Соединенные Штаты. Испанія и Мексика. Благодаря тому. что Соединенные Штаты не попались на удочку. они и избавились въ 1862 году отъ войны съ Англіей. Въ самой Франціи. корсары которой всегда были наиболѣе знамениты и оказали неоцѣненные услуги. протестъ противъ Парижской деклараціи начался немедленно не только въ военныхъ. но и въ юридическихъ сферахъ. и продолжается до сихъ поръ.

Другія державы тоже скоро поняли свою ошибку: подвиги конфедератскаго корсара «Алабамы» прочитали мозги ихъ дипломатамъ. но. не отказываясь отъ деклараціи. въ извѣстныхъ частяхъ для нихъ выгодной. вопросъ о корсарахъ они удачно обошли. Примѣръ такого обхода подала Германія въ войнѣ 1870—71 гг., пользовавшаяся для военныхъ цѣлей частными судами подъ названіемъ волонтернаго флота. Когда въ 1877 г. намъ стала угрожать война съ Англіей и въ Россіи возникла сильная агитація противъ Парижской деклараціи. вопросъ былъ обойденъ учрежденіемъ Добровольнаго флота и призывомъ всѣмъ морякамъ торговаго флота зачисляться въ военно-морскую службу съ извѣстными правами. По этому поводу я припомню. что мнѣ принадлежитъ изобрѣтеніе названія Добровольнаго флота. Я читалъ въ Обществѣ для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ докладъ о необходимости отказа отъ Парижской деклараціи. Общество и сдѣлало соответствующее представленіе правительству. Во время преній одинъ изъ членовъ замѣтилъ. что каперъ — слово голланд-

ское, а слово корсаръ — смѣшивается у насъ, почему-то, съ прратомъ; въ это время только-что кончились подвиги нашихъ соотечественниковъ въ Сербіи; если васъ слово корсаръ пугаетъ, — скажите я, — то, по примѣру сербскихъ добровольцевъ, назовите русскихъ корсаровъ добровольцами».

Пренія эти были напечатаны въ «Новомъ Времени» и другихъ газетахъ и мой совѣтъ былъ принятъ къ свѣдѣнію Московскимъ обществомъ для содѣйствія мореходству, которому принадлежала инициатива учрежденія Добровольнаго флота, поддержанная «Московскими Вѣдомостями» и «Новымъ Временемъ», а затѣмъ въ правительственныхъ сферахъ гг. Побѣдоносцевымъ и Барановымъ.

Въ настоящее время для скорѣйшей организаціи волонтернаго флота почти всѣми морскими державами приняты особыя мѣры. Во Франціи, напримѣръ, всѣ моряки торговаго флота считаются въ морскомъ резервѣ, а всѣ капитаны торговыхъ судовъ — офицерами морского резерва. Такимъ образомъ разницы между корсарскими и добровольческими судами почти не существуютъ. Разница лишь въ томъ, что первые снаряжаются исключительно на средства частныхъ капиталистовъ и остаются собственностью послѣднихъ; капиталистамъ и достается пзвѣстная доля въ призахъ, но это не даетъ еще корсарамъ повода быть болѣе жестокими, чѣмъ суда казеннаго флота, и дѣйствовать беззаконно.

Надобно однако признать, что учрежденіемъ морскихъ ополченій и добровольныхъ флотовъ обходится, хотя и довольно неудачно, лишь одна статья Парижской деклараціи 1856 года, именнота, которая гласитъ, что «*La course est et demeure abolie*» и воспрещаетъ вооруженіе корсаровъ; всѣ остальные статьи деклараціи остаются въ силѣ. Для насъ же, на случай морской войны, важна не только свобода снаряжать наибольшее число крейсеровъ для захвата англійскихъ судовъ и грузовъ, но и отмѣна признанія, что нейтральный флагъ покрываетъ отъ захвата на морѣ англійскую собственность. Только въ такомъ случаѣ русскіе крейсера и добровольцы принесутъ пользу и англійская торговля затрещитъ на всѣхъ концахъ міра, а мы будемъ въ силахъ отомстить Англій за изморъ, къ которому она приведетъ экономически Россію блокадою портовъ Балтійскаго и Чернаго морей.

Парижская декларація не есть договоръ, она связываетъ каждое государство только до момента, когда заявляется, что держаться этой деклараціи государство болѣе не намѣрено. Самое названіе «декларація» показываетъ, что это есть только заявленіе тѣхъ принциповъ, которыми намѣрены руководиться пзвѣстныя государства въ своихъ дѣйствіяхъ. Съ перемѣною обстоятельствъ взгляды могутъ пзмѣняться, и пзмѣненіе принципиальныхъ воззрѣній на вопросы международнаго права нисколько не можетъ быть воспрещаемо государству, какъ и пзмѣненіе его взглядовъ

на вопросы политической экономии, например на перемену покровительственной таможенной политики на свободноторговую, государственного права (наприм. перемены формы правления), и т. п. Другія державы могут объ этом скорбѣть и даже платонически протестовать, но эти протесты ни на волосъ не умаляютъ державныхъ правъ каждаго самостоятельнаго государства. Что это такъ, доказывается тѣмъ, что передъ каждою войною правительства подтверждаютъ о своемъ намѣреніи соблюдать постановленія Парижской деклараціи. Для послѣдней войны съ Турціей у насъ это было сдѣлано пменнымъ указомъ Правительствующему Сенату 12 апрѣля 1877 года. Слѣдовательно, для отказа Россіи отъ деклараціи достаточно простой нотификаціи. Это заявленіе, навѣрно, произвело бы магическое дѣйствіе на англичанъ. Конечно, нѣсколько профессоровъ международнаго права, особенно тапкихъ, которые пишутъ томы о морскомъ правѣ, моря въ глаза не видавши, завопили бы благимъ матомъ о неуваженіи къ наукѣ, но неужели подобныя выходки могутъ хотя на минуту стѣснять нашихъ дипломатовъ, если рѣчь идетъ о священнѣйшихъ интересахъ отечества. Робеспьеръ могъ сказать: «*Perissent plutôt les colonies qu'un prince*», но эти безнравственные слова смѣшны въ устахъ тайныхъ совѣтниковъ.

Противники каперовъ увѣряютъ, что при одностороннемъ отказѣ отъ деклараціи суда нейтральныхъ державъ имѣютъ право не подчиняться осмотру каперовъ воюющей державы. Но каперъ плаваетъ подъ военнымъ флагомъ и для торговаго судна нѣтъ повода разбираться, на какихъ основаніяхъ снаряжено это военное судно: дѣло купца уважать военный флагъ воюющей державы. Наконецъ, если бы купеческій корабль отказывался допустить осмотръ судовыхъ документовъ, а въ случаѣ нужды и обыскъ груза для конфискаціи военной контрабанды, то на то и имѣются на каперѣ пушки, чтобы заставить купеческій корабль нейтральной державы быть послушнымъ.

Вопросъ о мѣстѣ снаряженія каперовъ послѣ прецедента дѣла «Алабамы» вопросъ дѣйствительно деликатный. Но нельзя сказать, чтобы его нельзя было разрѣшить. Каперъ можетъ спокойно выйти изъ американскаго или другаго нейтральнаго порта, какъ купеческое судно, пушки же, снаряды и порохъ получить въ морѣ съ другаго судна, русскаго или нейтральнаго, которое доставить его на условленное рандеву. Мало ли существуетъ въ океанахъ пустынныхъ архипелаговъ и вообще спокойныхъ мѣстъ, гдѣ перегрузка съ судна на судно очень удобна. Такимъ же образомъ русскіе капера и военные крейсера будутъ, вѣроятно, снабжаться каменнымъ углемъ и провизіей. Послѣдними, впрочемъ, они будутъ пользоваться и съ уничтожаемыхъ призовъ.

Насъ пугаютъ еще тѣмъ, что съ экипажами русскпхъ каперовъ англичане будутъ поступать, какъ съ пиратами. Опять угроза

ровно ни на чемъ не основанная. Разъ судно плаваешь подъ военнымъ флагомъ, снаряжено по уполномочію русскаго правительства и подчиняется дѣйствию русскихъ морскихъ законовъ и военной дисциплинѣ, приравненіе его къ морскимъ разбойникамъ нѣкоимъ образомъ невозможно. Если же Англія въ припадкѣ страха и рѣшилась бы, вопреки здравому смыслу, дозволить себѣ нѣчто подобное, то у Россіи всегда есть средства для репрессалій. Всѣ многочисленные англійскіе подданные, живущіе въ Россіи, и ихъ множество будутъ служить порукою и обезпеченіемъ того, что ни одинъ волосъ не упадетъ съ головы экипажей русскихъ каперовъ иначе, какъ въ честномъ бою. На этотъ счетъ, впрочемъ, и спорить нечего, каперство практиковалось столько вѣковъ, что выработало для себя весьма прочное положеніе въ законодательствѣ всѣхъ государствъ.

Главнымъ аргументомъ противъ отказа отъ Парижской деклараціи, по мнѣнію г. Мартенса, служитъ опасность, которую представляло бы право вооруженія корсаровъ. Подъ русскимъ военнымъ флагомъ могли бы появиться пираты и мы вынуждены были бы отвѣтить передъ нейтральными державами за ихъ незаконныя дѣянія. Въ подтвержденіе своей мысли г. Мартенсъ изъ дипломатическихъ архивовъ выкопалъ нѣсколько случаевъ подозрительныхъ поступковъ греческихъ корсаровъ, дѣйствовавшихъ подъ русскимъ флагомъ въ эпоху экспедицій Орлова-Чесменскаго и Сенивина. Но едва ли такіе примѣры сколько-нибудь убѣдительны. Они доказываютъ только, что надобно быть очень осмотрительнымъ въ выдачѣ каперскихъ свидѣтельствъ (*lettres de marque*). Затѣмъ, если въ XVIII и началѣ XIX столѣтія при отсутствіи гласности, почты и телеграфа могли быть случаи продолжительнаго злоупотребленія каперскими свидѣтельствами, то въ настоящее время они почти невозможны. Явные нарушенія международнаго права сдѣлаются очень скоро извѣстными и отъ провинившагося судна не только будетъ отнято свидѣтельство, но и экипажъ преданъ военному суду.

Во всякомъ случаѣ, если бы паче чаянія нашему правительству и пришлось заплатить вознагражденіе нѣсколькимъ подданнымъ нейтральныхъ державъ за обиды, причиненныя имъ русскими крейсерами и корсарами, то такое вознагражденіе сущіе пустяки сравнительно съ гигантскими убытками для Англіи отъ энергическаго дѣйствія корсаровъ. Затѣмъ отказъ отъ Парижской деклараціи не подразумеваетъ еще непременно выдачу каперскихъ свидѣтельствъ. Къ помощи корсаровъ правительство можетъ обратиться лишь въ крайнемъ случаѣ и даже вовсе не обратиться, какъ не обратился, на примѣръ, Соединенные Штаты въ 1861—1865 годахъ, несмотря на отказъ ихъ присоединиться къ Парижской деклараціи. И безъ вооруженія крейсеровъ правительство, отказываясь отъ Парижской деклараціи 1856 года, выплываетъ

очень много, а именно облегчая дѣйствіе крейсеровъ военнаго флота.

Другой вопросъ: насколько выгодна вообще корсарская война? Это, конечно, вопросъ спеціальныи и отчасти спорныи. Многие писатели доказываютъ, что даже знаменитая въ морской исторіи корсарская война временъ республики и имперіи была, вопреки составившемуся мнѣнію, выгодною англичанамъ, чѣмъ французамъ. Я думаю однако, что противъ Англии, съ ея громаднымъ торговымъ флотомъ и безчисленными мало укрѣпленными колоніями, корсарская война въ настоящее время единственно возможная въ морскомъ отношеніи; относительно другихъ державъ вопросъ требуетъ испытанія на опытѣ. Американцы отказались отъ корсаровъ въ виду незначительности испанскаго торговаго флота. Интересно было бы опытѣ испанцевъ, но у нихъ не нашлось ни энергичныхъ людей, ни особенно денегъ для снаряженія каперовъ. Во всякомъ случаѣ теперь условія корсарской войны значительно измѣнились противъ прежняго времени, когда не было телеграфовъ и суда двигались парусами.

Подвиги Сюркуфа впродъ уже почти невозможны. Въ настоящее время, чтобы брать серьезные призы, надобно вооружать очень быстроходящіе пароходы, а такіе пароходы стоятъ дорого; затѣмъ они жгутъ много угля, а въ силу нейтралитета корсаръ можетъ получить его только лишь въ собственныхъ портахъ, которыхъ у насъ, напримѣръ, безъ союзниковъ немного на земномъ шарѣ, или давши рандеву своимъ и нейтральнымъ судамъ съ углемъ въ извѣстныхъ удаленныхъ пунктахъ. Но въ открытомъ морѣ перегрузка угля затруднительна, а берега бывшихъ недавно дикихъ и пустынныхъ странъ теперь уже все подъ чьей нибудь властью и полицейскимъ наблюденіемъ. Приводъ взятыхъ призовъ также крайне стѣсненъ строгимъ исполненіемъ нейтралитета, благодаря телеграфу, консуламъ и газетамъ. Но, конечно, за деньги все можно достать и устроить.

Англія многократно морочила насъ не только на политическомъ поприщѣ. Точно также дѣйствовала она и на торговомъ. Тарифъ 1797 г., составленный въ видѣ уступки Англии, отнялъ льготы русскимъ судамъ въ таможенныхъ и корабельныхъ сборахъ; при этомъ большое плаваніе, которымъ мы мало занимались, было сохранено за русскими, а каботажъ предоставленъ иностранцамъ! Этотъ тарифъ убилъ въ конецъ созданіе Петра—русскій торговый флотъ.

Съ тѣхъ поръ возстановленіе сбавки пошлинъ стало затруднительно въ виду множества трактатовъ о взаимствѣ, заключенныхъ нами съ 1832 г. съ иностранными державами, по которымъ Россія обязалась не предоставлять своему флагу привилегій въ таможенныхъ и корабельныхъ сборахъ. Это категорическое обѣщаніе ясное всего формулировано въ договорѣ съ Англіей 1858 г., имѣющемъ

силу и до сихъ поръ. Хотя этотъ трактатъ можетъ быть нарушенъ предупреденіемъ Англій за годъ впередъ, но предварительно такого заявленія необходимо строго и точно взвѣснить, что потеряемъ мы при отказѣ отъ взаимства и можно ли ожидать репрессалій.

Надобно полагать, что отказъ отъ трактата съ Англіей былъ бы возможенъ безъ малѣйшаго ущерба для нашей внѣшней торговли; различныя государства предоставили себѣ недавно подобную свободу дѣйствій, ничѣмъ не нарушивъ интересовъ своей торговли и не создавъ политическихъ затрудненій. Франція, Испанія и Румынія, въ видахъ покровительства промышленности и мореходству, отказались напр. отъ заключенныхъ договоровъ. Бразилія также объявила, что отказывается отъ всѣхъ торговыхъ трактатовъ и консульскихъ конвенцій. Франція и ранѣе не стѣснялась трактатами о взаимствѣ ¹⁾.

Что при отказѣ отъ взаимства потери Россіи будутъ мнѣныя, доказывается еще и тѣмъ фактомъ, что запретительные корабельные сборы, которыми облагали нашъ флагъ за границею, ради которыхъ мы и заключили трактаты, почти равняются ластовому платежу, наложенному городами на наше судоходство. Затѣмъ, и при взаимствѣ, въ Англій съ русскаго, какъ и съ каждаго иностраннаго судна, взимають разныхъ портовыхъ сборовъ противъ своего, англійскаго, въ два и три раза болѣе, т. е. если англичанинъ долженъ заплатить 100 рублей, то русскій, при одинаковыхъ условіяхъ, платитъ 200—300 рублей.

У. И Т А Л І Я.

«Я горячусь», говоритъ Байронъ, «когда слышу, что итальянецъ говоритъ дурно о другомъ итальянцѣ, потому что хотя каждый изъ нихъ лжетъ въ частности, но въ общемъ говоритъ вѣрно. И хотя каждый знаетъ, что онъ старается сочинить ложь, но вѣрно сознаетъ, что ему это не удастся, потому что невозможно каждому изъ нихъ сказать что либо о другомъ дурного, что не было бы еще ниже истины; такъ плохъ итальянскій національный характеръ, столько дѣтъ унижаемый». Этотъ презрительный отзывъ былъ сдѣланъ въ моментъ, когда въ будущности «сапога» всѣ начали сомнѣваться. Италія была тогда, говоря словами Меттерниха, лишь географическимъ, а никакъ не политическимъ

¹⁾ По тарифному закону Макъ-Кинлея установлена 10% надбавка со всѣхъ товаровъ, привозимыхъ на судахъ тѣхъ государствъ, которые не заключаютъ торговыхъ договоровъ о льготахъ для американской хлебной торговли.

терпимомъ. Тогда было въ Италіи семь неограниченныхъ и независимыхъ другъ отъ друга правительствъ, притомъ правительствъ деспотическихъ, ставившихъ власть выше права и развратившихъ всё слою общества до того, что, въ видѣ протеста, явились каморра и маффіа, особый родъ разбойничества, неизвѣстный въ другихъ странахъ.

Но французская философія XVIII вѣка, и особенно французская революція, воскресли въ итальянцахъ, которые тысячелѣтіемъ религіознаго мрака, раздробленности и иноземнаго угнетенія, казались, дошли до послѣдней степени униженія, сознание ихъ единства и политической будущности. Первые пятьдесятъ лѣтъ нынѣшняго вѣка прошли въ развитіи этихъ идей и введеніи ихъ, такъ сказать, въ общій обиходъ всего народа. Случайныя благоприятныя обстоятельства позволили въ 1859 году начать ликвидацію прежняго государственнаго порядка на Апеннинскомъ полуостровѣ и потомъ заключить ее въ 1870 году занятіемъ Рима и уничтоженіемъ свѣтской власти папъ. Всѣ иноземныя правительства были изгнаны; отдѣльныя части страны соединились въ одно цѣлое, и въ Европѣ явилась новая тридцатимилліонная нація, безспорно занявшая мѣсто въ совѣтѣ великихъ державъ. Ликвидация эта обнаружила противорѣчивыя явленія.

Объединенной Италіи понадобилась собственная національная армія, содержаніе которой обходилось дорого; развитіе морской торговли потребовало созданія военнаго флота; постройка желѣзныхъ дорогъ, улучшение портовъ, преобразование суда и администраціи, перенесеніе столицы, война съ Австріей и проч. вынудили заключеніе огромнаго долга на тяжелыхъ условіяхъ, часто свыше 10⁰ о годовыхъ. Чтобы вынести расходы на всѣ эти предметы, пришлось прибѣгнуть къ увеличенію всѣхъ налоговъ, введенію табачнаго откупа, установленію ненавистнаго народу налога на помолье муки, къ конфискаціи церковныхъ, монастырскихъ, общинныхъ и благотворительныхъ имуществъ и фондовъ и, наконецъ, къ обязательному курсу денегъ и выпуску неразмѣнныхъ банковыхъ билетовъ. При прежнихъ правительствахъ, между тѣмъ, государственнаго долга почти не было, и для пополненія относительно небольшого бюджета достаточны были невысокіе налоги; притомъ властителямъ Италіи удавалось даже скопить порядочные капиталы на черный день. Разница прежняго отъ новаго порядка объяснялась, однако, очень просто. Прежніе властители Италіи опирались на австрійскіе и французскіе штыки. При прежнихъ правительствахъ не было долга и ассигнацій, но зато и ничего не было, кромѣ полиціи, свѣтской и духовной. Налоги считались невысокими по сравненію съ другими государствами Европы, какъ невысоки они, напримѣръ, въ Турціи; но зато въ Италіи не было ни безопасности, ни правосудія, ни народныхъ школъ, ни маяковъ, ни желѣзныхъ дорогъ, ни телеграфовъ, ни коммер-

ческаго кредита. Получить всё подобныя блага нельзя было даромъ, а чтобъ купить ихъ, потребовался деньги, и даже очень большія деньги.

Какъ тяжело показался переходъ отъ стараго порядка къ новому, можетъ служить доказательствомъ нерѣдко обсуждавшейся въ средѣ государственныхъ людей Италіи вопросъ о томъ, не составляетъ ли пресловутое единство главнаго источника разоренія и не выгоды ли, для отстраненія тяжелой необходимости нѣсколькимъ богатымъ сѣвернымъ провинціямъ полуострова платить огромныя суммы не только для удержанія, но и для провѣщенія южныхъ отсталыхъ провинцій, — перейти къ системѣ федеративнаго устройства на монархическомъ или республиканскомъ началѣ, причемъ каждая область содержала бы себя сама и пользовалась бы благами цивилизаціи настолько, насколько позволяютъ ей собственныя средства? Чувство единства восторжествовало однако. Образованное меньшинство продолжало вѣрить, отчасти своекорыстно, что посвященныя на почвѣ Италіи сѣмена свободы должны принести плоды и что всё затрудненія должны имѣть только временный характеръ.

Несомнѣнно, что самая успѣшность происшедшихъ переменъ имѣла своимъ результатомъ то, что улучшеніе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ являлось болѣе кажущимся, чѣмъ дѣйствительнымъ. Свобода слова и печати существуютъ въ Италіи, но сила кулака и произвола властей и муниципалитетовъ продолжаютъ имѣть вліяніе, такъ какъ легче реформировать законы, чѣмъ воспитать цѣлую націю.

«Теперь, когда Италія сдѣлана, остается сдѣлать итальянцевъ». эти слова Массими д'Азеліо лучше всего характеризовали положеніе Апеннинскаго полуострова въ моментъ объединенія. Известно, что до сихъ поръ даже среднія сословія не говорятъ по-итальянски и каждый городъ имѣетъ свое нарѣчіе. Чиновники и особенно армія сдѣлались важнѣйшими орудіями объединенія, послѣдняя обратилась въ школу для народа (половина грамотныхъ въ Италіи выучилась грамотѣ въ рядахъ арміи), здѣсь же итальянецъ получалъ нѣкоторое нравственное развитіе. Вотъ почему палаты никогда не жалѣли денегъ на армію и расходы на нее съ 1861 года увеличены въ два съ половиною раза. При такихъ затратахъ естественно родилось желаніе, чтобъ эта армія смыла пораженіе свое при Кустодцѣ, и то горячее настроеніе, въ которое приводилъ парламентъ Криспи, настроеніе, которое одинъ изъ итальянскихъ депутатовъ въ одной изъ рѣчей объяснялъ необходимостью будто бы «принять ванну изъ горячей крови»!

«Если итальянцы когда либо будутъ имѣть власть дать себѣ конституцію,—писалъ въ своихъ запискахъ адмиралъ Чичаговъ,— я думаю, что она будетъ переложена на партитуру, будетъ подчпнена прекрасному и одушевленна тѣмъ, что прекрасно. Первые

поэты, первые художники, быть может, первая красавица.—сдѣлаются у нихъ величайшими государственными людьми... Адмиралъ ошибся въ этомъ случаѣ такъ же, какъ и когда прозѣвалъ Наполеона подъ Березной. Любопытно, что сказалъ бы онъ теперь, если бы былъ свидѣтелемъ выборовъ въ Италиі. Каторжника Амлькара Чиприани избрали сразу въ депутаты въ двухъ коллегіяхъ, между прочимъ въ древней Равеннѣ.

Отъ конституціи въ Италиі выиграли главнымъ образомъ средніе классы, и въ особенности чиновники, адвокаты, журналисты и представители такъ называемыхъ «либеральныхъ профессій» города обстроились и число газетъ немѣрно возросло, народъ же, скорѣе, потерялъ; для него тяжелы безчленные налоги казенные, провинціальныя, коммунальныя, которые явились послѣдствіемъ парламентарныхъ порядковъ. Политиканы и биржевые дѣльцы полжестительно угнетаютъ его; даже въ Ломбардіи, которая могла бы быть земнымъ раемъ, народъ гибнетъ отъ голода и пеллагры—этой ужасной болѣзни, источникъ которой видятъ въ кукурузной полентѣ, вѣроятно, ни въ чемъ не виноватой.

Такимъ объясненіемъ удовольствовалась по крайней мѣрѣ парламентская комиссія, назначенная для изслѣдованія вопроса о причинахъ бѣдности въ сельскомъ классѣ населенія. Надобно думать, комиссія состояла изъ дѣльцовъ, которые твердо заучили слова Лабрюйера, что «для успѣха въ свѣтѣ надобно умѣть, чтобы васъ учили вещамъ, которыя вы знаете, люди, о нихъ не имѣющіе понятія»... Отношеніе простаго народа къ парламенту мѣтко опредѣлилъ одинъ рабочій въ рѣчи, пропзнесенной на избирательномъ собраніи въ Миланѣ. Указавъ, что Депретисъ, занявъ съ 1876 года власть, повелъ ту же политику, которую до него вели консерваторы, рабочій заключилъ: Мы совершенно напоминаемъ мельника, о которой говорится въ баснѣ: переувѣняется мельникъ, осель же все продолжаетъ молоть муку и нѣсколько ему отъ этой переувѣны на легче!»

Въ защиту мельника надобно припомнить впрочемъ, что тысяча лѣтъ итальянской исторіи—это исторія тысячелѣтнаго деспотизма, въ томъ числѣ худшаго изъ всѣхъ — чужеземнаго; при такихъ условіяхъ народу не легко было воспитаться для политической жизни; къ этому присоединяются подвижность и впечатлительность итальянскаго характера, разрозненность интересовъ различныхъ мѣстностей, и даже климатическія условія, не позволяющія иногда прилагать достаточныхъ успій для окончанія начатаго дѣла. Поверхностное образованіе не помогло.

Нынѣшній итальянецъ далеко отсталъ не только отъ своихъ предковъ, древнихъ римлянъ, но даже отъ итальянцевъ 40-хъ и 60-хъ годовъ. Нигдѣ и въ поминѣ нѣтъ тѣхъ высокыхъ идеаловъ гражданскаго мужества и любви къ родиנѣ, двгавшихъ отцовъ нынѣшняго поколѣнія на подвиги героизма, забывавшихъ самихъ себя

пзъ-за пдеи, ради которой они шли подъ австрійскія пули, томплие п умирали въ бурбонскпхъ п папскпхъ тюрьмахъ. Идеалы современнаго итальянца заключаются въ различныхъ способахъ легкой наживы п веселой, легкой жпзни.

Всѣ вышеуказанные недостатки отражаются п на дѣятельности итальянскаго парламента.

Причины неудовлетворительнаго хода этой машины весьма разнообразны. На первомъ планѣ стоитъ вялость въ исполненіи своихъ обязанностей со стороны депутатовъ. Изъ пятисотъ членовъ итальянскаго парламента рѣдко болѣе половины посѣщаютъ засѣданія; кромѣ того, начало каждой сессіи проходитъ безплодно въ преніяхъ по безчисленному множеству влзпвшихъ запросовъ, въ концѣ же сессіи палата не имѣетъ времени достаточно зрѣло обсудить предлагаемые ей многочисленныя законы. Собственная инициатива депутатовъ также весьма слаба. Вина падаетъ п на правительство, которое предлагаетъ часто законы, не будучи заранѣе увѣрено въ ихъ успѣхъ п рассчитывая только на случайное большинство въ пять или шесть голосовъ. Это ипчтѣжное большинство зависитъ отъ чрезвычайнаго раздробленія партій въ палатѣ, составляющаго одинъ изъ важнѣйшихъ недостатковъ итальянской политической жпзни. Партій въ англійскомъ смыслѣ этого слова въ итальянской палатѣ пока нѣтъ, а есть только мелкія фракціи или, вѣрнѣе, котеріи депутатовъ, преслѣдующихъ исключительно личныя дѣли; потому-то ни одно министерство не можетъ удержаться сколько-нибудь продолжительное время въ извѣстномъ составѣ, п очень легко преобразуется или падаетъ подъ ударами коалиціи другихъ партій, во всемъ, однако, между собою несогласныхъ, кромѣ борьбы съ существующимъ министерствомъ. Вообще, гдѣ палаты дѣлятся не на большія партіи, а на мелкія фракціи, руководимыя честолюбцами, тамъ очень легко, устраивая коалиціи, власть существующему правительству палки подъ ноги, не достигая этимъ однако никакихъ существенныхъ результатовъ.

Группировка партій основана въ Италіи на другихъ началахъ, нежели болъшая или меньшая степень сочувствія ихъ къ прогрессу. Ретроградовъ п революціонеровъ въ итальянскомъ парламентѣ очень мало; остается только огромное большинство либеральной партіи, раздробленное на многіе враждебныя между собою кружки, расходящіеся по вопросамъ совершенно второстепеннымъ.

Эти положенія особенно выяснились со времени продолжительнаго управленія Депретиса; съ тѣхъ поръ плутоватыя Кириспи п Джіолитти п чествѣйшіи де-Рудини управляли въ сущности съ тѣмъ же большинствомъ. Католики не принимаютъ участія п въ выборахъ, а въ составъ оппозиціи входятъ нѣкоторыя маленькія группы различныхъ тенденцій,—въ томъ числѣ группа республиканцевъ или социалистовъ п такъ называемые умѣренные. Республиканцы Имбриани, Колаиани п др.—враги тройственнаго союза

и друзья Франціи; умѣренные не противъ Франціи, но считаютъ полезнымъ и тройственный союзъ.

Въ средѣ оппозиціи мало или почти нѣтъ единодушія; это-то и составляетъ главную силу министерской лѣвой, которая, успѣшно переживъ десять или двѣнадцать министерскихъ кризисовъ, непрерывно пользуется властью. Несмотря на парламентскія разногласія, оппозиція и министерская партія согласны также въ желаніи сохранить Савойскую династію. Исключеніе, конечно, составляютъ социаллисты, число которыхъ на выборахъ 1897 г. удвоилось, число же подавшихъ за нихъ голоса удесятерилось. Къ сожалѣнію, депутаты эти по большей части изъ оборванцевъ адвокатовъ и журналистовъ; вѣкомы такъ бѣдны, что живутъ круглый годъ въ вагонахъ, злоупотребляя правомъ безплатнаго проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ. Существуетъ еще мало вліятельная оппозиціонная партія преридентистовъ; она стремится присоединить къ итальянскому королевству вѣхъ итальянцевъ, подпавшихъ иностранной власти; главная сфера ея агитаціи находится въ южномъ Тироли (Триентъ) и въ Истрии, хотя послѣдняя на двѣ трети страна славянская.

Третій важный недостатокъ парламентской дѣятельности въ Италіи заключается въ излишнемъ предпочтеніи вопросовъ политическыхъ экономическимъ и административнымъ. Отъ того и происходятъ безчисленное множество запросовъ, поглощающихъ очень много времени, причемъ безпрерывно возбуждается вопросъ о довѣріи къ министерству. Очевидно, что при этомъ значеніе парламента, какъ политическаго учрежденія, должно выступать на первый планъ передъ значеніемъ его, какъ законодательнаго учрежденія, роль котораго для страны, въ полномъ смыслѣ слова обновляющейся, между тѣмъ весьма важна.

Монтескье высказалъ нѣкогда мысль, въ парадоксальной формѣ заключающую великую истину, подтверждаемую ежедневнымъ опытомъ. «Земли», говоритъ знаменитый писатель, «привносятъ доходъ не пропорціонально ихъ плодородію, а пропорціонально ихъ свободѣ». Еще въ первой половинѣ текущаго столѣтія Италія была одною изъ самыхъ бѣдныхъ и неразвитыхъ частей Европы. Италію называли даже «страною макаронъ и скрипичныхъ струнъ». Но съ тѣхъ поръ, какъ заведена общая для всей Италіи «говорильня», экономическое устройство этой страны сдѣлало успѣхи, были прорыты Апеннинскій и Сень-Готардскій туннели, заведено пароходство; развилась и промышленность, которая до 1859 года была въ совершенномъ упадкѣ. Итальянцы, быть можетъ, единственная нація въ Европѣ, соединяющая, подобно французамъ, изящный вкусъ съ искусствомъ техники, а потому промышленности ея можно предсказать блестящее будущее, несмотря на многія неблагоприятныя условія, въ особенности на отсутствіе дешеваго топлива. Но, по правдѣ сказать, развитіе промышленности далеко

не принесло ожидаемыхъ плодовъ; ни развитіе фабрикъ, ни устройство рельсовыхъ путей, ни успія нѣкоторыхъ болѣе благоразумныхъ помѣщиковъ подать руку помощи сельскимъ классамъ населенія не помогли массѣ; бѣдность крестьянъ въ Италіи усиливается. Заработная плата низка и совершенно не соотвѣтствуетъ дороговизнѣ продовольствія и размѣрамъ налоговъ.

Этому какъ бы противорѣчатъ свѣдѣнія объ итальянскихъ сберегательныхъ кассахъ, гдѣ сосредоточено болѣе миллиарда лиръ сбереженій низшихъ классовъ, но эти кассы питаются городскими сословіями. Потому-то въ Италіи замѣчается бѣгство изъ деревень въ города. Большая часть помѣщичьихъ усадебъ или обращены въ фермы, или заброшены и разрушаются за отсутствіемъ ремонта. Поля Ломбардіи, Венеціи и южныхъ провинцій быстро теряютъ населеніе и грозятъ обратиться въ пустыни. Сельское населеніе изъ центральной Италіи эмигрируетъ толпами за границу, не заботясь вовсе объ ожидающихъ его за океаномъ затрудненіяхъ. Ничто не останавливаетъ переселенцевъ, ни желтая лихорадка, ни неприятели тяжелаго морского переезда, ни рискъ не найти въ Соединенныхъ Штатахъ, Бразиліи и Лаплатѣ работы. Крестьяне продаютъ имущество и безъ слезинки оставляютъ отечество и мигрируютъ предковъ. Все для нихъ лучше, чѣмъ нищенство въ родной странѣ.

Около 600 тысячъ здоровыхъ крестьянъ эмигрировали изъ Италіи въ два послѣдніе года. Поэтому цѣнность земли падаетъ каждый день. Собственники и арендаторы должны обанкротиться и лишиться собственности, тѣмъ болѣе, что треть ихъ дохода приходится отдавать въ видѣ налога. Итальянское правительство думало помочь поземельнымъ собственникамъ, обложивъ привозный хлѣбъ таможенными пошлинами, но это обложеніе еще болѣе угнетаетъ массу населенія, покупающую хлѣбъ. Отсюда прискорбныя явленія, дошедшія въ Сициліи, Массе-Карара и Миланѣ до открытаго возстанія. Да и положеніе поземельныхъ собственниковъ немного улучшилось отъ повышенія пошлинъ на хлѣбъ, потому что одновременно, вслѣдствіе политическаго соперничества съ Франціей, Италія принудила въ 1887 г. послѣднюю прекратить привозъ къ себѣ итальянскихъ продуктовъ, а Франція покупала именно произведенія итальянскаго сельскаго хозяйства, отдавая взаменъ того мануфактуры и металлическія издѣлія.

Первымъ условіемъ для облегченія участи крестьянскаго сословія въ Италіи и уменьшенія эмиграціи было бы сокращеніе налоговъ, но само собою разумѣется такое требованіе чистѣйшая утопія при желаніи Италіи играть неподобающую политическую роль въ Европѣ и вмѣсто того, чтобы тратить деньги на облісеніе горъ, осушеніе болотъ и уничтоженіе маляріи и пеллагры, издерживать милліоны на постройку гигантскихъ броненосцевъ и на злосчастныя экспедиціи въ родъ абиссинской.

Кромѣ соціального вопроса для Италіи первостепенную важность имѣетъ вопросъ объ ея отношеніяхъ къ папѣ. Всѣмъ государствамъ, страдающимъ отъ язвы клерикализма, объединенная Италія оказала услуги, очень ловко и смѣло ведя борьбу съ папскимъ престоломъ и пользуясь каждымъ благоприятнымъ обстоятельствомъ, чтобъ наносить папству удары; но успѣхамъ итальянскаго правительства по этой части стала угрожать опасность съ той пмьенно стороны, откуда всего меньше можно было ожидать ее. Франція, сдѣлавшая болѣе всѣхъ другихъ государствъ для единства Италіи, бросилась въ началѣ 1870 годовъ въ ярую клерикальную реакцію, естественнымъ послѣдствіемъ которой могла быть война за независимость папскаго престола. Французская республика воевала уже однажды, въ 1849 году, для возстановленія свѣтской власти папскаго престола.

При такихъ условіяхъ итальянское правительство не могло оставаться спокойнымъ. Во всѣхъ другихъ странахъ католицизмъ является вопросомъ все-таки второстепеннымъ, — для Италіи это вопросъ жизни или смерти; положеніе, занимаемое папою, могло быть каждый день причиною войны, а нѣтъ сомнѣнія, что Италія не выдержала бы единоборства съ Франціей, имѣющей вдвое сильнѣйшую армію и обширныя денежные средства. Италіи пришлось искать союзниковъ. А гдѣ же легче было найти ихъ противъ католической реакціи, какъ не въ Германіи, которой Италія обязана уже была пріобрѣтеніемъ въ 1866 году Венеціи и въ 1870 году Рима.

Такимъ образомъ либераламъ всѣхъ странъ представилось почетное зрѣлище итальянскаго короля, отправляющагося въ Берлинъ искать защиты для конституціонной монархіи и религіозной свободы у Германіи, еще недавно представлявшей твердымъ оплотомъ реакціи. — защиты противъ Франціи, одно имя которой считалось десятки лѣтъ чуть не символомъ либеральныхъ и великодушныхъ стремленій нашего вѣка. Такъ быстро мѣняются роли на сценѣ всемірной исторіи! Поддерживать Италію для Бисмарка былъ прямой расчетъ: на это указывала ему внутренняя анти-клерикальная политика, не говоря уже объ отношеніяхъ къ Франціи, не забывшей потерпѣ трехъ департаментовъ. Поэтому Викторъ-Эмануилъ нашелъ въ Берлинѣ самый почетный пріемъ, который на двадцать лѣтъ опредѣлилъ характеръ иностранной политики Италіи.

Труднѣе было примиреніе съ Австро-Венгеріей, начавшееся равнымъ образомъ съ посѣщенія Викторомъ-Эмануиломъ Вѣны. Хотя Австро-Венгерія стала на путь либеральныхъ отношеній къ церкви, едва ли однако итальянскій король могъ найти въ Вѣнѣ общее сочувствіе въ высшихъ сферахъ. Значительная часть населенія Австріи — горячіе католики; аристократія и дворъ попрежнему въ рукахъ клерикаловъ; государственные люди стараго поколѣнія не въ состояніи были забыть вѣковыхъ традицій, дѣлавшихъ Австрію естественнымъ врагомъ Италіи и опорю папскаго престола.

Съ другой стороны и въ Италіи далеко не всё сочувствовали сближенію съ вѣковымъ врагомъ. Мало-по-малу въ Италіи создаляя прудентизмъ, особенно вѣдствие разочарованія на Берлинскомъ конгрессѣ. Журналы своимъ толкамъ о движеніи Австро-Венгріи на Востокъ возбудили надежды, что и Италія получить соотвѣтственное вознагражденіе. Разочарованіе вызвало неудовольствіе, которое сначала держалось въ довольно умѣренныхъ границахъ. Но затѣмъ пропаганда усилилась и сдѣлалась до того рѣзкою, что, казалось, общественное мнѣніе должно было вовлечь правительство въ войну съ Австріей. Тогда вышла новая книга *Italicæ res* полковника Гемерле, австрійскаго военнаго агента, котораго мы видѣли уже въ качествѣ завоевателя на бумагѣ Россіи, напечатанная по внушеніямъ вѣнской дипломатіи. Итальянское правительство, послѣ зрѣлаго обсужденія, убѣдилось, что несвоевременно приобретать къ оружію, и Кайроли далъ слово австрійскому послу, что Италія не желаетъ войны съ Австро-Венгріей.

Во всемъ этомъ политическомъ *imbroglio* положеніе Италіи было тѣмъ болѣе натянуто, что финансовое положеніе ея вовсе не соответствовало политическимъ претензіямъ. Выше я говорилъ, что если итальянское королевство съ первыхъ же дней своего существованія было поставлено въ затруднительное положеніе. И безъ объединенія Италіи дѣла на полуостровѣ пошли бы очень плохо. По образованіи итальянскаго королевства расходы стали возрастать постоянно, преимущественно отъ военныхъ потребностей, а доходовъ далеко не хватало на покрытіе издержекъ правительства, такъ какъ трудно было, среди всеобщаго разлада, устроить хорошую финансовую администрацію. Послѣдняя долго дѣйствовала ощупью, дѣлая опыты, а извѣстно, какъ дорого обходятся въ финансовомъ отношеніи всякаго рода опыты.

Итальянское казначейство оборачивалось только при помощи кредита. Государственный долгъ возрастать въ очень крупныхъ размѣрахъ. Онъ былъ въ 1861 году равенъ 3,128 милл. лиръ, и съ тѣхъ поръ увеличивался до 13,115 милл. лиръ. Наростаніе государственнаго долга не было бы еще такъ серьезно и даже и опасно, если бы параллельно съ нимъ не увеличивалось въ Италіи постоянно обращеніе неразмѣнныхъ банковыхъ билетовъ. Обращеніе это было регулировано сначала Майорано, создавшимъ *consorzio* банковъ, а затѣмъ реформами Мальяно, возстановившаго размѣнъ и приобрѣвшаго за свое десятилѣтнее управленіе славу чуть не великаго финансиста; но частью по причинамъ экономическимъ—невыгодный торговый балансъ, частью по причинамъ политическимъ—вступленіе Италіи на путь политическихъ авантюръ и желаніе имѣть свои колоніи, финансы Италіи начали вновь быстро портиться и появился даже на золото.

Не слѣдуетъ однако преувеличивать ни вредныхъ послѣдствій выпуска банковыхъ билетовъ, ни увеличенія государственнаго долга.

Многіе признаки показываютъ, что производительныя силы Італіи при всѣхъ указанныхъ выше недостаткахъ развѣивались. Доказательствомъ тому служатъ курсы ренты и вексельный. Італьянская рента приобрѣла себѣ очень обширный рынокъ въ Парижѣ (при помощи Ротшпльдовъ), Лондонѣ и Берлинѣ, а потому, несмотря на новые выпуски, курсъ ея держится сравнительно прочно. Точно также и лагъ на золото далеко не соответствовалъ въ своихъ колебаніяхъ количеству выпускаемыхъ неразмѣнныхъ билетовъ. Луццати заявилъ въ палатѣ, что эра крупныхъ дефицитовъ скоро прекратится и предсказаніе это какъ будто сбывается.

Если теперь что либо можетъ нарушить кореннымъ образомъ всѣ успѣха итальянскихъ финансовъ и повести Італію къ государственному банкротству, такъ развѣ только большая война. Но для чего ей воевать? «Я убѣжденъ», говорилъ Гладстонъ, что у Італіи нѣтъ ни одного врага въ мірѣ». Натянутость ея отношеній съ Франціей вызвана обстоятельствами, нынѣ прекратившимися, она была поддержана Криспи искусственно и ничѣмъ не можетъ быть оправдана. «Всѣ истинные друзья Італіи отъ всей души желаютъ ей только одного, чтобъ она жила въ прочной дружбѣ со всѣми державами... Что касается европейскихъ бурь, то онѣ не должны представлять для Італіи ни опасности, ни затрудненій, если только сама она не будетъ своимъ дѣйствіемъ искать такой опасности, вмѣшиваясь безъ нужды въ постороннія для Італіи дѣла».

Гладстонъ забылъ только, что говоритъ о родинѣ Макиавелли, имя котораго возбуждаетъ понятіе о чемъ-то темномъ, гнусномъ и низкомъ, между тѣмъ Макиавелли занимаетъ одно изъ почетныхъ мѣстъ въ ряду итальянскихъ государственныхъ людей, историковъ и драматурговъ. Такое сочетаніе вовсе не случайно; Макиавелли въ своей знаменитой книгѣ резюмировалъ политическое міросозерцаніе дѣлаго народа, и тѣ идеи, которыя онъ заповѣдалъ Італіи, пережили вѣка, а если прослѣдить итальянскую политику за триста лѣтъ, то легко убѣдиться, что макиавеллевскія идеи составляли всегда ея сущность и руководили ея выдающимся дѣятелями. Мало того, эта политика служила предметомъ отпуска. Вмѣстѣ съ своимъ пѣвцамъ-кастратами, архитекторами, возводившими и на сѣверѣ зданія барокко, и буффонами, Італія снабжала разныя государства ловкими политиками и дипломатами, которые пѣнились именно за полнѣйшее отсутствіе какихъ либо нравственныхъ качествъ, могущихъ стѣснять ихъ свободу дѣйствій.

Можно ли вообразить себѣ, напримѣръ, что либо безнравственнѣе политики Венеціи, государственные люди которой гордились тѣмъ, что они «прежде венеціанцы, а уже затѣмъ христіане», и въ своекорыстномъ эгоизмѣ кровью своихъ славянскихъ солдатъ удерживали въ позорномъ рабствѣ славянскія и греческія земли, продавая папу въ пользу Турціи, турковъ въ пользу Іспаніи, Испанію для Франціи и т. д.

Столь же коварна была и политика Пьемонта, гдѣ государи Савойскаго дома съ необыкновеннымъ искусствомъ и послѣдовательностью пользовались географическимъ положеніемъ этой впечатливой земли à cheval на границахъ владычій могущественныхъ Франціи, Испаніи и Священной Римской имперіи и систематическимъ предательствомъ не только сумѣли сохранить свою независимость, но и настолько расширяться и упрочиться, чтобы въ XIX столѣтіи играть уже въ дѣлахъ Итальянскаго полуострова первенствующую роль.

До какого цинизма доходило это пользованіе каждымъ благоприятнымъ обстоятельствомъ, лучше всего явствуетъ изъ участія, которое Пьемонтъ принялъ въ Крымской войнѣ. Турецкій парламентъ, гдѣ нашлось нѣсколько честныхъ людей, съ трудомъ могъ уѣздиться краснорѣчіемъ Кавура въ выгодахъ договора 26 января 1855 года, который послалъ 15,000 итальянцевъ на театръ войны въ моментъ, когда Россія, ослабѣвъ въ борьбѣ съ тремя державами, не могла уже представить надлежащаго сопротивленія. Итальянцы не задумались вмѣшаться въ дѣло для нихъ чуждое и проливать кровь народа, ничего имъ дурного не сдѣлавшаго, единственно ради надежды получить подачку. Лордъ Мальмесбюри, бывшій двукратнымъ министромъ иностранныхъ дѣлъ въ 50-хъ годахъ, въ своихъ запискахъ сообщаетъ мало извѣстный у насъ фактъ, что итальянцы, въ лицѣ сардинскаго правительства, весьма серьезно хлопотали въ 1855 году объ уступкѣ имъ Крымскаго полуострова. По проекту графа Кавура, Крымъ, отнятый отъ Россіи, долженъ былъ стать нейтральнымъ, какъ Бельгія, и отданъ пьемонтцамъ, которые цвѣлизовали бы его (sic) и сдѣлали центромъ торговли! Итальянцы въ Крыму, по словамъ графа Кавура, возбудили бы у русскихъ менѣе ненависти, чѣмъ турки, а у англичанъ менѣе зависти, чѣмъ австрійцы, тоже претендовавшіе на захватъ Крыма. Такая комбинація тѣмъ болѣе была бы естественна, что генуэзцы владѣли уже когда-то значительною частью Крыма; единственное же неудобство ея состояло бы лишь въ томъ, что султанъ останется хозяиномъ пролива. Прекращеніе по волѣ императора Наполеона III военныхъ дѣйствій послѣ взятія Севастополя.—прекращеніе, сдѣланное потому, что во французскомъ обществѣ Крымская война никогда популярна не была. — похоронило нелѣпый проектъ графа Кавура. Проектъ этотъ показываетъ однако, какъ могутъ разыгрываться иногда аппетиты нѣкоторыхъ націй при видѣ того, что плохо лежитъ. Россія въ своемъ великодушіи, а можетъ быть и просто по добродушной халатности, забыла это скверное дѣло, но Европа его помнитъ, и съ тѣхъ поръ создалась для итальянской политики кличка «политики подачки на водку» (politique de pouwhoise).

«На водку» же Сардинія получила за двадцать пять лѣтъ не мало. Война Франціи съ Австріей дала ей Ломбардію; тоже стре-

мленіе Франціи къ распорядженію дѣлами Европы позволило итальянцамъ въ мирное время, вопреки всякимъ законамъ божескимъ и человѣческимъ, захватить Тоскану, Парму, Модену, большую часть папскихъ владѣній, а также, поощряя предпріятія Гарибальди — этого кондотьера XVI столѣтія, жившемъ перенесеннаго въ XIX-е, какъ Бавуръ былъ Макиавеллемъ XIX столѣтія — захватить и королевство обѣихъ Сицилій.

На этомъ «на водку» не остановилось. За свое безславное участіе, выразившееся въ пораженіяхъ подъ Липсою и Кустоццою, итальянцы получили Венецію и еще дѣлали церемоніи, когда Австрія не уступала ее прямо, а отдавала сначала Наполеону III; итальянцы желали показать видъ, будто бы сами отвоевали такой прекрасный кусокъ земли. Въ 1870 г., когда Франція, которой Италия обязана была своимъ національнымъ существованіемъ, изнемогала въ борьбѣ съ болѣе сильнымъ противникомъ, итальянцы послали ей въ помощь для виду нѣсколько кондотьеровъ изъ бывшихъ кліентовъ окружныхъ судовъ, въ родѣ генерала Бордоне, которыхъ французы прогнали при первой возможности, сами же итальянцы бросились и захватили Римъ и остатки Папской области.

Когда французы установили протекторатъ надъ Тунисомъ, то итальянцы подняли такой гвалтъ, что для успокоенія ихъ англичане, обыкновенно все забпращающіе и никому ничего не дающіе и не позволяющіе брать, дозволили итальянцамъ захватить часть, конечно, не своихъ, а турецкихъ владѣній въ Африкѣ, на берегу Краснаго моря. Въ будущемъ же дали итальянцамъ право надѣяться на захватъ принадлежащаго равнымъ образомъ Турціи Триполли.

Итальянцы всетаки не удовлетворились, и досада, что не имъ достался кусокъ африканскаго берега на Средиземномъ морѣ, надолго укрѣпила въ нихъ вражду къ Франціи, хотя съ французскаго владычества при Наполеонѣ I и началось возрожденіе Италіи. Оно принесло съ собою гражданскую и религіозную свободы, равенство передъ закономъ, единообразіе законодательства, гласность судопроизводства, порядокъ къ администраціи и финансахъ; оно обезпечило пути сообщенія въ Италіи великолѣпными работами, организовало народное просвѣщеніе и подняло военный духъ. Добрая треть населенія полуострова въ первый разъ услышала тогда, что есть на свѣтѣ Италія. О громаднхъ услугахъ для Италіи Наполеона III и говорятъ нечего: онѣ у всѣхъ въ памяти. За то и отблагодарили же итальянцы своего благодѣтеля, пожертвовавшего для нихъ жизнью 100,000 французскихъ солдатъ. Отлитая по частной подпискѣ статуя императора Наполеона III валялась гдѣ-то на дворѣ въ Миланѣ, потому что населеніе не позволяло ее поставитъ на площади!

Крѣпко, всю свою политику построившій на мегалломаніи, вы-

сказалъ какъ-то мысль, что постоянныя вооруженія въ концѣ концовъ разорятъ Европу въ пользу Америки и что онъ готовъ-бы былъ пользоваться каждымъ предлогомъ къ тому, чтобы прекратить новые расходы на армію и флотъ, но, къ сожалѣнію, его долсъ былъ держать Италію въ состояніи защищаться въ случаѣ нападенія, нападенія же слѣдовало опасаться со стороны Франціи, которой и предоставлялось поэтому подать примѣръ разоруженія.

Кто знаетъ коварный характеръ итальянской политики и еще болѣе коварный и деспотическій характеръ самого Криспи, тотъ пойметъ всю ложь подобныхъ завѣреній, да еще въ такой моментъ, когда вопросъ о возобновленіи тройственнаго союза—этого главнаго источника опасеній и безпорядковъ въ Европѣ за послѣднія восемнадцать лѣтъ—обсуждался въ тайнѣ кабинетовъ, не дожидаясь даже срока окончанія договора.

Для опроверженія разсужденій Криспи лучше всего взглянуть на бюджеты Италіи. Съ 1879 г., съ приступа къ направленному противъ Россіи тройственному союзу, задесять лѣтъ союза съ Германіей и Австро-Венгеріей, государственные расходы Италіи возросли на 555 мил. фр. или 47 проц. но относительно общаго итога бюджета расходы вниманія не увеличились, всѣ расходы, кромѣ военныхъ, пропорціонально уменьшились, да и абсолютно они увеличились только на 65 мил., тогда какъ военныя издержки, составлявшія до тройственнаго союза пятую часть бюджета, составляли въ 1889 г. болѣе трети. Между тѣмъ во Франціи, съ ея громадными затратами на военную часть, армія и флотъ поглощали только 24 проц. общаго бюджета расходовъ. И это непомерное возрастаніе военныхъ издержекъ производилось въ то время, когда бѣдность массы населенія во всѣхъ почти частяхъ Апеннинскаго полуострова доходила до крайнихъ предѣловъ, итальянскіе муниципалитеты и крупныя банки банкротились, и когда Россія рѣшительно ни въ чемъ не угрожала Италіи и не соперничала съ нею даже экономически.

Во время обсужденія проекта закона о подчиненіи надзору государства благотворительныхъ учрежденій, вѣрнѣе о конфискаціи въ пользу оупустѣвшей итальянской казны капиталовъ этихъ учрежденій, Криспи забавлялъ своихъ мамелюковъ насмѣшками надъ тѣмъ, что существуютъ еще въ Италіи учрежденія для выкупа невольниковъ у пиратовъ и для леченія прокаженныхъ. — «Теперь нѣтъ ни пиратовъ, ни прокаженныхъ», воскликнулъ онъ при хотѣ и рукоплесканіяхъ министерскаго большинства.

Эти слова такъ же вѣрны, какъ и другія завѣренія итальянскаго премьера. Проказа вовсе не думала исчезать изъ Европы, а, по завѣренію медицинскихъ авторитетовъ, она свирѣпствуетъ въ Италіи болѣе, чѣмъ гдѣ либо. Пираты современные—на бр-жѣ—нисколько не лучше старинныхъ грабителей. Невольниковъ же въ Италіи если не *de jure*, то *de facto*, милліоны, если не

десятки миллионов. Развъ не невольники рабочіе въ сѣрныхъ копяхъ Сициліи, рыбаки и ловцы коралловъ, эмигранты, сотнями тысячъ продающіе свой трудъ въ Америку, наконецъ, почти все крестьяне-contadini, обѣдтвующіе повсюду, такъ что круглый годъ не видать мяса, кромѣ какъ случайно отъ собственной издохшей отъ болѣзни скотины, а мѣстами не знаютъ даже соли!

При такихъ воззрѣніяхъ и такомъ кругѣ нравственныхъ понятій трудно, конечно, ожидать, чтобы для Россіи Италія измѣнила кореннымъ основамъ своей политики, хотя и по отношенію къ Россіи Италія ничѣмъ кромѣ благодарности обязана быть не должна.

Забывъ оскорбленіе, нанесенное въ Крымскую войну, Россія, гдѣ общественное мнѣніе съ наивнымъ восторгомъ привѣтствовало освобожденіе Италіи, сдержала въ 1859 г. Пруссію, готовую помочь Австріи. Этимъ Россія облегчила возможность Наполеону III справиться съ послѣдней и возстановить итальянское единство. Псковная заступница легитимнаго принципа, Россія очень скоро, а именно въ 1862 г., признала новое королевство и въ 1863 г. заключила съ нимъ торговый договоръ, чѣмъ не только нарушила свои принципы, но и порвала старинныя связи съ неаполитанскими Бурбонами, намъ ничего кромѣ хорошаго не приносящими. Известно, что во всей Европѣ только неаполитанскій король держался во время Крымской войны дружественнаго намъ нейтралитета. Самое же важное—Россія позволила нарушить систему европейскаго равновѣсія, ибо разумѣется, что если Россіи трудно было справиться съ четырьмя великими державами, то еще труднѣе стало входить въ соглашеніе съ пятью. Наша дипломатія, какъ и дипломатія французская, не сообразила также, что единство итальянское быстро и неизмѣнно повлечетъ за собою единство германское, т. е. создастъ на границахъ Россіи сплывую военную монархію взамѣнъ слабаго союза, половина членовъ котораго пресмыкалась передъ Россіею.

Въ войны 1866 и 1870 гг. нашъ дружественный къ Пруссіи нейтралитетъ былъ очень на руку итальянцамъ; безъ него Италія не получила бы никогда Венеціи и Рима. Но чѣмъ же отблагодарила за это насъ Италія? Она стала принимать участіе во всѣхъ интригахъ, которыя начали затѣваться противъ Россіи въ послѣднія двадцать лѣтъ. Она ни въ чемъ не поддержала насъ на Берлинскомъ конгрессѣ, молчаливо одобрила захваты Англіи въ Египтѣ. Италія продолжаетъ серьезно мечтать, что рано или поздно ей удастся овладѣть Истріей и Далмаціей, положеніе которыхъ въ политическомъ отношеніи слегка напоминаетъ положеніе Прибалтійскихъ губерній. Но какъ никогда послѣднія не стануть Германіей потому, что частица ихъ населенія говоритъ по-нѣмецки, такъ никогда Россія не можетъ, ради горсти обитательнѣвшей буржуазіи, допустить отдачу словенскаго и сербскаго побережья

Адриатики—Синяго моря—въ руки древнихъ враговъ славянства. Кромѣ Истріи и Далмаціи, Италія стала находить, что и Албанія, особенно ея побережье, была бы ей совѣтъ съ руки. Такимъ образомъ на Балканскомъ полуостровѣ у насъ явился новый конкуррентъ.

Въ настоящее время Италія идетъ уже далѣе и заявляетъ, что никогда не потерпитъ русскаго флота на Средиземномъ морѣ. Эта фанфаронада не осталась нескромною болтовнею отдѣльнаго государственнаго лица. Криспи по одному повелѣнью князя Бисмарка летать на поклонъ въ Фридрихсруэ, гдѣ еще въ виду возможности только франко-русскаго соглашения, нисколько Италіи не касавшагося и, какъ чсто оборонительнаго, нисколько для Италіи не опаснаго, затѣвался союзъ, цѣль котораго «Кельнская Газета»—органъ германскаго канцлера—опредѣляла такъ: «защищать штыками европейскую культуру» и воспрепятствовать «тюркосамъ или казакамъ сдѣлать набѣгъ на благословенныя поля центральной Европы»... Не надѣясь твердо на помощь Германіи и особенно Австро-Венгрии, которой Триентъ, Истрію и Далмацію все не хочется уступать Италіи, а равно допускать ее на Балканскій полуостровъ, послѣдняя повидмому заключила тайное соглашение о Средиземномъ морѣ съ Англіей. Въ это соглашение Италія пыталась одно время втянуть и Испанію.

Въ послѣднее время много шума надѣлала статья Фрассати въ «Nuova Antologia», въ которой указывалось на возможность со стороны Италіи оказать Англіи поддержку путемъ предоставленія войскъ для гарнизоновъ въ Гибралтарѣ, Мальтѣ и Египтѣ, чтобы освободить соответственные британскія войска для войны. По словамъ автора, для Италіи наступило время выйти изъ своей изолированности, которая непрерывно увеличивается со времени оккупации Туниса Франціей и отказа Италіи отъ принятія британскаго соглашения относительно совмѣстныхъ дѣйствій въ Египтѣ. Вліяніе Италіи въ Средиземномъ морѣ не можетъ усилиться иначе, какъ въ союзѣ съ Англіей, и, предлагая свои военныя силы въ трудный моментъ, Италія оказываетъ Великобританіи услугу, за которую та съумѣетъ, конечно, отблагодарить. Статья Фрассати любопытна въ качествѣ показателя господствующихъ въ Италіи политическихъ симпатій. Она вызвала рѣзкія возраженія со стороны «Osservatore Romano» и «Gazzetta del Popolo». Опытные государственные люди считаютъ взгляды Фрассати практически неосуществимыми, хотя не отрицаютъ, что приведеніе ихъ въ исполненіе сильно связало бы въ Средиземномъ морѣ интересы Англіи и Италіи.

На какую подачку вновь рассчитываетъ Италія,—неизвѣстно. Но макиавеллизмъ, который помогъ ей такъ въ эпоху 1858—70 гг., не всегда бываетъ непременно успѣшенъ. Изъ своей прошлой исторіи Италія могла бы убѣдиться, что кривые пути если и приводятъ къ цѣли, то болѣе медленно и болѣе тяжелымъ образомъ, чѣмъ

прямые. Во всякомъ случаѣ Италия, созданная одною прихотью Наполеона III, вопреки ходу исторіи и интересамъ всей Европы, далеко не можетъ считать свое положеніе упроченнымъ, чтобы поддерживать политику приключеній. Въмѣсто замысловъ о гегемоніи на Средиземномъ морѣ и о турецкомъ наследствѣ, лучше бы она лечила свою пелаггу, искореняла разбойничество въ южныхъ провинціяхъ (даже депутат Полицци оказался въ составѣ разбойничьяго сообщества шайки) и улучшала благосостояніе нѣзкихъ классовъ. Папскій вопросъ также одинъ изъ тѣхъ, о которомъ не должна забывать Италия, ибо римская курія въ своей послѣдовательной политикѣ проникнута тѣми же макиавеллевскими принципами, и по отношенію къ политикѣ итальянцевъ представляетъ живое осуществленіе поговорки: *à corsaire corsaire et demi*. Не даромъ въ послѣднее время даже Ричиоти Гарibaldi перешелъ въ сторонники папства и высказался за федеративную республику съ папою во главѣ! Только федеративная республика въ Италиіи и можетъ, по словамъ Гарibaldi, рѣшить «вопросъ свѣтской власти папства въ смыслѣ законныхъ правъ послѣдняго и не насупя принципа единства націи». Это превращеніе наглядно показываетъ громадныя успѣхи католическо-соціальныхъ идей въ Италиіи. Духовенство заняло теперь выдающееся положеніе даже на сѣверѣ Италиіи и зорко слѣдитъ за общественными дѣлами. Часть его, какъ показали миланскіе беспорядки, не отстываетъ отъ прямыхъ сношеній съ социалистами. Его задача—привязать къ себѣ немущіе классы населенія.

Россія же не должна смущаться итальянскими кознями и обращать вниманія на всѣ мелочныя непріятности, сдѣланныя со времени отозванія въ 1888 г. графа Греппи и не смягченныя любезнымъ приѣмомъ покойнаго Гирса у короля Гумберта, главнаго сторонника тройственнаго союза и агрессивной политики. Если все величіе героевъ Лиссы и Бустоццы не испугало до сихъ поръ абиссинцевъ, то тѣмъ болѣе русскіе могутъ оставаться равнодушными къ дѣйствіямъ официальной Италиіи, не официальная же можетъ попрежнему продолжать пріѣзжать нашь развлекать и потѣшать на разныхъ сценахъ и на улицахъ. Артисты въ родѣ Мазини, Цукки, Дузе и т. п. будутъ у насъ всегда *les bienvenus*. Заработки ихъ хотя частью смягчатъ невыгоды баланса по торговлѣ Италиіи съ Россіей. Вынужденная покупать у насъ хлѣбъ, шерсть, керосинъ и пр., Италия всегда переплачиваетъ Россіи и обложеніе нашихъ продуктовъ высокими пошлинами не пзмѣнило означеннаго неблагоприятнаго соотношенія.

Торговля сношенія съ Италией выгодны для Россіи. Русскій ввозъ въ Италию достигаетъ свыше $\frac{3}{4}$ всего итога ввоза и вывоза. Вывозъ итальянскихъ продуктовъ въ Россію сравнительно незначителенъ и падаетъ, что стоитъ въ зависимости отъ условій русскаго рынка, который остается закрытымъ очень многими итальянскими

продуктамъ, благодаря высокимъ ввознымъ пошлинамъ въ Россіи. Если бы таможенные условія были болѣе благопріятны, нѣкоторые итальянскіе продукты могли бы разсчитывать на болѣе широкое распространеніе, напр. вина. А теперь даже вывозъ въ Россію итальянскихъ лимоновъ сократился, что слѣдуетъ отчасти приписать американской конкуренціи.

Въ послѣдніе годы, увидя, что тройственный союзъ приноситъ мало пользы, а стоитъ въ годъ 149 милл. лиръ лишнихъ расходовъ, Італія поуспокоилась и желаетъ какъ бы жить въ мирѣ со всѣми. Она прекратила дипломатическую войну съ французами и заключила обоюдовыгодный торговый договоръ съ Франціей. Послѣ убійства австрійской императрицы Елисаветы итальянцемъ Луккени итальянское правительство приглашало представителей всѣхъ державъ на международную конференцію для обсужденія мѣръ борьбы съ революционнымъ анархизмомъ. Но впрочемъ ни двукратное министерство Рудини, ни министерство Пелу не сдѣлали ни во внутренней, ни во внѣшней политикѣ ничего выдающагося; парламентскія сессіи оставались безплодными.

Слѣдую тенденціямъ, которыя дали такія пагубныя послѣдствія при Криспи, министерство Пелу обратилось къ китайскому правительству съ требованіемъ уступки Санмунской бухты. Послѣдовалъ отказъ, который, послѣ категорической формулировки итальянскимъ правительствомъ своихъ требованій, былъ чувствительнымъ оскорбленіемъ Італіи. Въ палатѣ колоніальныя стремленія адмирала Каневаро, бывшаго въ то время министромъ иностранныхъ дѣлъ, не нашли отклика. Послѣ бурныхъ засѣданій палаты кабинетъ Пелу вышелъ въ отставку для того, чтобы сформироваться въ новомъ составѣ. Министерство отклонилось вправо, принявъ въ свой составъ нѣсколько членовъ правой, въ томъ числѣ маркиза Висконти-Веноста въ качествѣ замѣстителя Каневаро. Новый кабинетъ повелъ въ колоніальномъ вопросѣ неопредѣленную политику. Для Россіи пускать Італію въ Китай нѣтъ расчета.

РИМСКИЙ ПРЕСТОЛЪ.

VI. РИМСКИЙ ПРЕСТОЛЪ.

Ренанъ сказалъ:—«Теперь только еще двѣ силы на свѣтѣ: папа и печать». Тѣмъ въ послѣднемъ томѣ своего знаменитаго сочиненія: «Origines de la France contemporaine» прекрасно положилъ громадныя успѣхи, сдѣланныя католицизмомъ въ XIX столѣтїи. Успѣхи эти достигнуты не только въ полудивилизованныхъ странахъ, какъ республика Эквадоръ, которая въ 1890 г. посвятила свой народъ «Святому сердцу Иисусову: La Republica del sagradí Corazon», но и въ самыхъ свободныхъ и образованныхъ государствахъ, какъ Соединенные Штаты, Голландія и Англія. Двѣ причины особенно содѣйствовали современному положенію католицизма. Съ одной стороны, замѣчательное во многихъ отношеніяхъ долготѣнее управленіе Пія IX римскою церковью; съ другой—образованіе Германской имперіи въ центрѣ Европы.

Папство Пія IX было необыкновеннымъ явленіемъ въ исторіи церкви, и еслибъ ультрамонтанство когда-либо восторжествовало, то Пій IX, конечно, считался бы болѣе великимъ человѣкомъ, чѣмъ Григорій VII. Но этого, вѣроятно, не случится; напротивъ, никто не повредилъ болѣе въ будущемъ католичеству, чѣмъ покойный папа. «Пій IX»—говоритъ Ренанъ—«болѣе сдѣлалъ въ исторіи католичества, чѣмъ Ришелье и Людовикъ XIV въ исторіи Франціи; но какъ послѣдніе намѣтили уже черты будущей революціи, такъ и дѣятельность Пія IX выяснила, что и католицизмъ погибнетъ революціоннымъ путемъ, отъ избытка власти и преувеличенія своего основнаго принципа». Еще въ средніе вѣка папы, отъ Григорія VII до Бонифація VIII, стремились создать нѣчто въ родѣ христіанскаго калфата въ Европѣ, но это удалось только Пію IX, который послѣдовательно установилъ: догматъ, не имѣющій никакого основанія ни въ Св. Писаніи, ни въ мнѣніи соборовъ, осудилъ въ силлабусѣ весь гражданскій строй современнаго общества

и, наконецъ, позволилъ провозгласить себя непогрѣшимымъ. Эти безпримѣрные притязанія, такъ легко принимаемыя католиками, показываютъ уже начало конца. потому что всякая сила, дойдя до высшей степени своего напряженія, теряется, всякая власть, не признающая себѣ никакихъ границъ, падаетъ, и гордость называется съ момента своего полнѣйшаго торжества».

Эти слова Ренана являются для папства не однимъ только предсказаніемъ; они отчасти уже сбылись: два мѣсяца спустя по провозглашеніи непогрѣшимости, папа лишился своей свѣтской власти. Потеря эта многозначительна. Если въ средніе вѣка папа могъ еще иногда не пугѣть престолища, то это не вліяло на церковь, сложившуюся тогда въ чрезвычайно плотныя и законченныя формы; другое дѣло—настоящее время: глава обширнаго царства вѣрующихъ, почти полубогъ, немислимъ съ образомъ жизни авантюриста, и нѣтъ сомнѣнія, что теперь даже самыя клерикальныя государства будутъ стараться, для своего спокойствія, избѣгать присутствія у себя папы. Такое положеніе центра католицизма уже само въ себѣ заключаетъ источникъ большихъ опасностей; но къ этому присоединяются еще и другія условія.

Борьба католицизма съ свѣтскою властью, борьба, ожесточеніе которой проницательные люди предвидѣли уже въ 1870 году, послѣ безпримѣрныхъ притязаній ватиканскаго собора, начинаетъ распространяться мало-по-малу по всему свѣту и вызывала столкновенія даже въ такихъ отдаленныхъ странахъ, какъ Бразилія и Гватемала. Постепенно усиливающееся значеніе этой борьбы видно изъ отношенія, въ которое поставила себя къ ней Англія. Три вѣка, какъ извѣстно, англичане съ чрезвычайнымъ увлеченіемъ боролись противъ притязаній папскаго престола и католицизма¹⁾. Послѣдній, казалось, уступилъ, и въ эпоху движенія въ пользу политической эмансипаціи католиковъ католицизмъ казался опаснымъ только въ Ирландіи. На дѣлѣ, однако, пропаганда шла дѣятельнѣе прежняго, католическая вѣра дѣлала въ Англіи успѣхи, и обращенія высокопоставленныхъ лицъ, особенно богатаго лорда Бьюта и бывшаго министра маркиза Грея-и-Рипона, раскрыли глаза англійскому обществу. Въ то же время въ такъ называемомъ «ритуализмѣ» англійская церковь стала выказывать стремленіе возвратиться къ прежнимъ католическимъ преданіямъ и замѣнить пышною внѣшностью сухую протестантскую разсудочность своихъ обрядовъ. Опасность такого положенія заставляла англійское общество встрепетаться и самъ Гладстонъ выступилъ на поле духовной полемики съ «Опытомъ и ритуализмомъ» и «Political expostulation».

Слѣдное повнновеніе, требуемое ультрамонтанами, доктринамъ

¹⁾ Даже во время религиозной свободы, при Кромвелѣ, публичное отправленіе католической вѣры было запрещено въ Англіи, подѣ предлогомъ, какъ гласилъ законъ, что католики, «притворяясь вѣрующими въ Бога, проповѣдуютъ лишь одинъ развратъ».

Syllabus'a и догмату папской непогрѣшимости несомѣстимо гражданскими обязанностями, возлагаемыми канцелярскимъ государствомъ на своихъ гражданъ. Это мнѣніе не разъ высказывалось уже и ранѣе Гладстона, но ультрамонтаны постоянно доказывали, что непогрѣшимость папы касается только вопросовъ вѣры и чисто нравственныхъ.

Пій IX и его панегиристы проницательно замѣчаютъ Гладстонъ, Гордо утверждаютъ, что средневѣковые папы, съ ихъ соборами, никогда не думали вмѣшиваться въ свѣтскія дѣла, что Григорій VII не воевалъ противъ императора Генриха IV Циннокентій — противъ Раймонта Тулузскаго, что Павелъ III не отнималъ престола у Генриха VIII англійскаго. Пій V не исполнялъ той же «отеческой обязанности» относительно королевы Елизаветы!..

Если, однако, непогрѣшимость касается только вопросовъ вѣры и нравственности, то пусть какой угодно римскій казуистъ докажетъ, что есть хоть одна отрасль человѣческой дѣятельности, которая не соприкасается съ нравственностью. Подобное различіе — только недостойная уловка узкой политики, которая ищетъ прикрыть такимъ образомъ дерзкое честолюбіе лицъ, занимающихъ папскій престолъ, или, вѣрнѣе, лицъ, скрывающихся за этимъ престоломъ. Римскій первосвященникъ, *sacro approbante consilio*, желаетъ имѣть высшее руководство надъ нашимъ разумомъ, личной волей, надъ всѣмъ, что касается нашихъ обязанностей. И онъ провозглашаетъ это не какъ правило для монастырской жизни, а какъ нѣчто обязательное для всѣхъ и каждаго. Еще болѣе, чѣмъ догматъ о непогрѣшимости папы, опасна для общества третья глава Syllabus'a — о всемірномъ повиновеніи. Въ этой главѣ неоднократно повторяется, что папа имѣетъ право на безусловное повиновеніе, подъ страхомъ утраты вѣчнаго спасенія, не только во всѣхъ вопросахъ вѣры и нравственности, но во всемъ, касающемся церковной дисциплины и управленія церковью. Подъ вліяніемъ этой доктрины, въ папскія сѣти попадаютъ тысячи совершившихся фактовъ, цѣлыя государственныя системы, принятыя тѣмъ или другимъ образомъ въ разныхъ странахъ. Даже въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ предполагается полное отдѣленіе церкви отъ государства, можно составить цѣлый списокъ вопросовъ, которые, касаясь ближайшимъ образомъ церкви, относятся также и къ компетенции государства. Достаточно взять для примѣра бракъ, похороны, воспитаніе, тюремную дисциплину, законы о святотатствѣ, общественную благотворительность, церковныя имущества, обѣты безбрачія, права монашествующихъ и т. д., и т. д. Въ Европѣ кругъ подобныхъ вопросовъ еще болѣе обширенъ и пунятамъ столбовенія двухъ сферъ нѣтъ счета. Неужели по всѣмъ этимъ вопросамъ стоить папѣ заявить, что они касаются вѣры, нравственности или церковнаго управленія и дисциплины, чтобы, подъ страхомъ утраты вѣчнаго спасенія, всѣ католики обязаны

были не повноваться государственными властям? Правда, никакой вселенский собор не подтвердил пока формально всёхъ притязаній спллубуса и энциклвбъ, но за этимъ дѣло, конечно, не станетъ.

Въ ожиданіи этого подтвержденія никому не слѣдуетъ забывать, что такого безусловнаго повновенія потребовалъ папа, въ царствованіе котораго осуждены и преданы проклятію свободное слово, свободная печать, вѣротерпимость, свобода совѣсти, пзученіе гражданскихъ и философскихъ вопросовъ поммо церковной власти, гражданскій бракъ и право государства опредѣлять границы церковной власти. Другими словами, папа потребовать для своей церкви привилегіи опредѣлять самой ея гражданскія права; съ другой же стороны, ссылаясь на божественное право, папа требуетъ гражданской невмѣняемости и содѣйствія свѣтской власти для утвержденія своего владычества.

Католическій вопросъ для насъ не менѣе важенъ, чѣмъ для Англіи и даже для Германіи. Хотя въ Германіи болѣе трети населенія католиковъ, а у насъ только 6—7%, но за то католицизмъ, какъ политическое знамя, далеко не имѣетъ въ Германіи такого антигосударственнаго значенія, какъ въ Россіи, гдѣ онъ сплвадается съ польщизной. Если оппозиція эта не можетъ проявляться въ Россіи такъ гласно и такъ рѣзко, какъ въ Германіи, значеніе ея все-таки значительно, и нельзя отрицать у государства право принимать извѣстныя мѣры противъ замысловъ клерикальной партіи. Побѣда Ватикана и у насъ отразилась бы самымъ прискорбнымъ образомъ, укврпивъ вліяніе іезуитовъ, значительно ослабѣвшее послѣ реформъ, предпринятыхъ въ Царствѣ Польскомъ съ 1864 г. Во всякомъ случаѣ, отъ своего католическаго населенія мы отказываться не желаемъ, обращать его въ господствующую вѣру не намѣрены, поэтому остается для нашего же спокойствія найти какой нибудь *modus vivendi*.

Наша политика по отношенію къ католицизму на западной окраинѣ Россіи вовсе не случайна. Она есть плодъ нашихъ вѣковыхъ отношеній къ польскому государству, другими словами, плодъ всей русской исторіи. Конечно, давно прошло то время, когда католицизмъ былъ господствующей религіей въ Западномъ краѣ и католики были господами, «панамми» здѣсь. Но воззрѣніе, что католичество—«панская» вѣра, костель—«панская» церковь—сохраняется въ народѣ и теперь, особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ много католиковъ. Съ этимъ легко соединяется мысль о превосходствѣ «панской» вѣры предъ вѣрою, исповѣдуемою мужикомъ, «хлопомъ»; если «панъ» выше «хлопа», то не трудно придти къ мысли, что и вѣра панская выше «вѣры хлопской». Не менѣе ненормальнымъ представляется и то обстоятельство, что въ западной Россіи до сихъ поръ простые крестьяне не только не умѣютъ хоть сколько нибудь отличить православіе отъ католиче-

ства, но даже не могутъ правильно назвать свою вѣру. Спростятъ православному крестьянину въ томъ краю: какой онъ вѣры? Онъ вамъ отвѣтитъ, что онъ «вѣры русской!» Значитъ, онъ смѣшиваетъ національность съ религіей и, противопоставляя свою вѣру католической, называетъ послѣднюю польской вѣрой. Конечно, на первый взглядъ это можетъ представиться мелочью, на которую не стоитъ обращать особеннаго вниманія; но если выпнуть глубже въ смыслъ такого явленія, то оно представится отнюдь не мелочью.

Поэтому, если въ чисто религіозныхъ вопросахъ еще могли быть рѣчь объ уступкахъ папѣ, то къ притязаніямъ его по вопросамъ политическимъ правительство не могло не отнестись весьма строго. Въ этомъ отношеніи Пій IX своимъ внимательствомъ въ польскія и уніатскія дѣла¹⁾ поставилъ себя въ безвыходное положеніе и послѣ дерзости, сказанныхъ имъ нашему повѣренному въ дѣлахъ, разрывъ съ римскимъ престоломъ сталъ неизбеженъ. Со вступленіемъ на папскій престолъ умнаго и осторожнаго Льва XIII, обстоятельства измѣнились и сношенія съ римскою куріей мало-по-малу возстановились. Этого важнаго результата мы достигли безъ запякиванія и уступчивости, а послѣдовательно политикой. Заслуга тутъ въ значительной степени можетъ быть приписана покойному Макову.

Надобно, впрочемъ, замѣтить, что взгляды на исходъ переговоровъ, начатыхъ послѣднимъ съ Римомъ, весьма различны. Графъ Д. А. Толстой, считавшійся авторитетомъ въ католическихъ дѣлахъ, былъ противъ, а Т. П. Филипповъ увѣрялъ, что Льву Макову не перешитриль Льва тринадцатаго и дѣйствительно нѣкоторыя изъ предложенныхъ имъ въ епископы лицъ оказались неудобными и назначеніе ихъ оживило польскій духъ въ Западномъ краѣ. Но

¹⁾ По поводу уніатовъ не могу не припомнить, что покойный Жюль Симонъ, представляя французской академіи книгу «Le centenaire du Journal des Débats» и разсказывая, какъ Наполеонъ I, преслѣдуя печать, конфисковалъ «Débats» и назначилъ цензора главнымъ редакторомъ оппозиціонной газеты, прибавилъ: «Тотъ же способъ преслѣдованія былъ употребляемъ русскими во время преслѣдованія русинской церкви (église ruthénienne). Они брали католическіе храмы, дѣлали изъ нихъ русскія церкви и заставляли бывшихъ священниковъ исполнять обязанности звонарей. Такимъ образомъ священники ссылали своихъ вчерашнихъ чадъ слушать еретическаго проповѣдника»

Для бывшаго министра просвѣщенія, профессора и академика, легкомысліе, выказанное въ этихъ словахъ, поразительно! Во-первыхъ, что эта за русинская церковь? Если разумѣется уніатская, то Жюль Симону слѣдовало бы знать, что никогда и папы не считали ее католическою; они оставили греко-уніатамъ ихъ православные догматы и обряды, довольствовались признаніемъ своего главенства. Затѣмъ о какихъ преслѣдованіяхъ уніатской церкви идетъ рѣчь? Преслѣдовали ее не русскіе, а поляки. Если же подъ преслѣдованіемъ разумѣется двойное воссоединеніе, то анекдотъ сомнителенъ. Воссоединенія оба раза произведены были склоненіемъ къ православію уніатскаго духовенства, за которымъ послѣдовала масса прихожанъ. Если были протестанты, то въ средѣ мірянъ; противъ нихъ, къ сожалѣнію, употреблялись иногда полицейскія мѣры, хотя и въ интересахъ сохраненія общественнаго спокойствія.

известно, что всё вопросы, касающиеся католической иерархии, считаются наиболее трудными для разрешения не только у нас, но и повсеместно. События римской курии, как известно, первые дипломаты в мире, о которых сам Веспаркь обломал зубы и, поклявшись торжественно, что не пойдет в Каноссу, т. е. не сдается католицизму уступок, все-таки в конце концов уступил и изменил так называемые «майские законы».

Наше правительство в католическом вопросе существенных уступок не сделало. Оно признало лишь то, что стало необходимым силой вещей и противодѣйствовать чему было бы лишь желанием проломить лбом стѣну. Дѣйствіе, быть может, очень рѣшительное и смѣлое, но, какъ известно, не приносящее никогда никакой пользы.

Если наше соглашеніе съ папою не установило мира въ католической церкви въ Россіи и не привязало къ намъ католическаго населенія, то во всякомъ случаѣ оно устранило возможность въ близкомъ будущемъ многихъ неприятныхъ случайностей и вовсе не ставило насъ въ худшее противъ прежняго положеніе. Уже одно возобновленіе нормальныхъ отношеній правительства къ римскому двору, при полномъ сохраненіи свободы дѣйствій, представляло результатъ весьма удовлетворительный, дѣлающій честь миролюбію Льва XIII. Добиться чего либо подобнаго при Піѣ IX было совершенно немислимо.

Можно какъ угодно смотрѣть на католицизмъ, можно считать его, особенно при известномъ отбѣнкѣ фанатизма со стороны населенія, очень опасною доктриною для цѣлости государства. тѣмъ не менѣ нельзя отрицать, что католицизмъ есть дѣло совѣсти и убѣжденія многихъ десятковъ милліоновъ. Въ Россіи католиковъ, по самому умѣренному счисленію, свыше 8 милліоновъ. Какими бы государственными и религіозными идеалами ни задаваться, интересы совѣсти этихъ милліоновъ не могутъ быть игнорированы. Признавая даже всё означенные 8 милліоновъ пребывающими въ глубокомъ и опасномъ заблужденіи, правительство, не возвращаясь къ западно-европейскимъ приемамъ XVI и XVII вѣка, не можетъ оставаться равнодушнымъ къ религіознымъ убѣжденіямъ такого множества людей.

Это одинъ существующій фактъ. Другой состоитъ въ свойствѣ католицизма. Послѣдній немислимъ безъ папы и папскаго авторитета. Можно и философски, и канонически оспаривать законность подобнаго явленія, оно, однако, фактически существуетъ и доколѣ существуетъ каждое правительство, имѣющее въ составѣ своего населенія католиковъ, должно по необходимости съ нимъ считаться, а особенно правительству такого государства, гдѣ населеніе это считается милліонами.

Третій фактъ состоитъ въ томъ, что папское правительство или такъ называемая римская курія никогда не мѣняетъ своей

политикъ. И оно, конечно, уступаетъ иногда силѣ и обстоятельствамъ, но затѣмъ при первой возможности возвращается къ прежнимъ своимъ претензіямъ. Когда папы были итальянскими государями, а въ XVI вѣкѣ довольно даже могущественными, они подчиняли еще свою политику династическимъ и чисто государственнымъ интересамъ, но съ утратою территориальнаго могущества политика папскаго двора все болѣе дѣлалась исключительно религиозною, а потому болѣе настойчивою и вліятельною. Триста и двѣсти лѣтъ назадъ самыя набожныя государя, какъ Филиппъ II или Людовикъ XIV, въ грошъ не ставили папу, теперь даже протестантскія государства крайне осторожно относятся къ всѣмъ католическимъ вопросамъ.

Такова наличность фактовъ, обуславливающая отношенія русскаго правительства къ папскому двору. Съ послѣднимъ съ 1867 г. у насъ не было официальныхъ дипломатическихъ сношеній. Спла вещей заставила однако завести оффиціозныя сношенія, сначала чисто дѣловыя, пбо католицизмъ немислимъ безъ папы. Недостатокъ постоянныхъ сношеній съ римскимъ дворомъ выразился болѣе всего въ дезорганизациі высшей католической іерархіи. Безъ папы новыхъ епископовъ посвящать нельзя, а въ семнадцатилѣтній промежутокъ разрыва сношеній только счастливая случайность не позволила еще естественною смертію сдѣлать всѣ католическія кафедры въ Россіи вакантными. Вопросъ о замѣщеніи епископскихъ кафедръ сталъ такимъ образомъ наиболѣе настоятельнымъ. Онъ не могъ однако разрѣшиться безъ опредѣленія участи тѣхъ епископовъ, которыхъ наше правительство сослало за участіе въ мятежѣ 1863 года, но лишше которыхъ сана, безъ согласія папы, не нарушая самымъ кореннымъ образомъ принциповъ католической вѣры, не могло.

Папа, не настаивая на возобновленіи конкордата, на возстановленіи закрытыхъ монастырей, на изгнаніи русскаго языка изъ богослуженія и на множествѣ другихъ деликатныхъ вопросовъ, согласился уменьшить въ Россіи число католическихъ епархій, сосланнымъ епископамъ дать у себя епархій *in partibus* и утвердить новыхъ епископовъ изъ кандидатовъ, предложенныхъ русскимъ правительствомъ.

Добившись отъ папы уступки по важнѣйшему для насъ вопросу, отъ котораго зависѣло, можно сказать, дальнѣйшее безмятежное существованіе католицизма въ Россіи, правительство, въ свою очередь, вынуждено было сдѣлать нѣсколько уступокъ. Важнѣйшая состояла въ томъ, что въ католическихъ академіи и семинаріяхъ министерство народнаго просвѣщенія инспектируетъ лишь преподаваніе русскаго языка, литературы и исторіи, и въ томъ, что правительство не можетъ заставить епископа удержатъ въ своей епархіи священника, признаваемого епископомъ негоднымъ. Но даже и при новомъ положеніи католическія духовно-учебныя заведенія

стали гораздо болѣе въ подчиненіи администраціи, чѣмъ православыя духовно-учебныя заведенія; такимъ образомъ католики получили здѣсь лишь ту равноправность, которая обезпечена въ пзвѣстной степени всѣмъ вѣроисповѣданіямъ въ нашемъ сводѣ законовъ. Въ отношеніи же возстановленія правъ епископовъ.— хотя это возстановленіе можетъ имѣть въ политическомъ отношеніи вѣкоторыя неудобства—ни съ логической, ни съ юридической стороны означенная уступка оспариваема быть не должна. Дѣйствительно, въ такой религіи, какъ католическая, гдѣ все основано на авторитетѣ, администрація не въ состояніи быть судьей между епископомъ и священникомъ. Если по нашимъ законамъ каждый начальникъ имѣетъ право уволить своего подчиненнаго по пзвѣстному 3-му пункту, безъ объясненія причинъ, и заградить тѣмъ доступъ чиновнику во всѣ другія вѣдомства, то хотя частіцу подобнаго права нельзя отнимать у епископовъ, которые также начальники, а по каноническимъ понятіямъ весьма полновластные, своего духовенства. Пруссія также пробовала ограничить дисциплинарныя права епископовъ по отношенію къ священникамъ ихъ епархій, но также признала невозможность удерживать долѣе это анти-каноническое ограниченіе.

Спустя нѣсколько лѣтъ переговоры съ папою снова возобновились; г. Извольскій былъ болѣе счастливъ въ своихъ сношеніяхъ съ кардиналомъ Рамполлою, нежели агенты покойнаго Макова, гг. Мосоловъ и Бутеневъ, были въ переговорахъ съ кардиналомъ Якобини, и въ концѣ концовъ дипломатическое представительство Россіи при папскомъ дворѣ возстановлено.

Съ тѣхъ поръ отношенія наши, можно сказать, были вполне нормальны и скорѣе даже дружелюбны. Папа и его иностранный совѣтникъ Рамполла, въ виду ухудшеній отношеній куріи къ Риму, Франціи, Австріи и отчасти Германіи, стали болѣе цѣнить предупредительность русскаго правительства. Въ будущемъ и для насъ, конечно, имѣетъ значеніе выборъ новаго папы, въ виду дряхлости Льва XIII. Поэтому я напомню, что въ кардинальской коллегіи борются двѣ партіи, одна Рамполлы, проводящая кардинала Готти, другая кардинала Ледоховскаго. Послѣдній, какъ иностранецъ, non parabile, но онъ можетъ провести въ папы неприятнаго намъ кандидата. Въ такомъ случаѣ Россіи придется прибѣгнуть къ помощи своего союзника Франціи. Франція и Австро-Венгрія имѣютъ, какъ пзвѣстно, право veto на конклавѣ.

Изъ текущихъ вопросовъ по прежнему не окончательно выясненъ вопросъ о русскомъ преподаваніи въ католическихъ семинаріяхъ; вопросъ, имѣющій впрочемъ очень ограниченное территориальное значеніе о русскомъ языкѣ въ литургіяхъ въ Минской губ., разрѣшенъ компромисомъ въ томъ смыслѣ, что и русскій, и польскій языки одинаково устранены изъ богослуженія и допускаются въ означенной мѣстности только латинскій языкъ. Вопросъ

о титулѣ митрополита варшавскаго архіепископа значенія не имѣть, такъ какъ по порядку, принятому въ католической церкви, каждый архіепископъ считается митрополитомъ своей провинціи. Варшавскій архіепископъ, отстаивая свои права, пменуетъ себя «архіепископомъ на митрополитской кафедрѣ». Придаться къ этому наименованію съ канонической точки зрѣнія нельзя, но это не даетъ означенному прелату никакихъ существенныхъ правъ.

Гораздо болѣе былъ бы важенъ вопросъ о папской нунціатурѣ въ Россіи. Еще въ 1808 г. русское правительство рѣшительно отказалось допустить архіепископа гр. Берни въ Россію въ качествѣ нунція. С.-Петербургскій дворъ, писалъ при этомъ гр. Румянцевъ, всегда старался устранить насколько возможно влияние римской курии и не признавать иной верховной власти въ отношеніи римско-католическаго исповѣданія въ Россіи, кромѣ власти государя». Взглядъ этотъ несколько не измѣнился и потому маловѣроятнѣе сообщаемый иногда иностранными газетами слухъ, что переговоры между Россіей и Ватиканомъ относительно временной въ Россіи нунціатуры возобновились и что въ Ватиканѣ надѣются на благоприятный исходъ происходящаго обмѣна мыслей.

Переходя отъ области спеціально церковныхъ вопросовъ, изъ которыхъ каждый требуетъ внимательнаго разбора, я долженъ указать еще на то, что дружелюбныя отношенія къ папѣ необходимы Россіи не только для спокойнаго управленія западною окраиною, но и въ общей экономіи нашихъ политическихъ отношеній въ Европѣ. Папа—такой козырь, который лучше имѣть въ своей игрѣ, нежели видѣть въ игрѣ противниковъ. Папа силою обстоятельствъ сталъ элементомъ, съ которымъ непременно должна считаться наша дипломатія, если не желаетъ проспать событій.

Съ папою наши отношенія временно ухудшились по тремъ причинамъ: во-первыхъ, по сочувствію, если не по косвенному содѣйствію, которое Россія оказала итальянскому объединенію—надѣясь этимъ ослабить Австрію и наказать ее за гнусное поведеніе въ Крымскую войну; во-вторыхъ, пзъ-за польскаго вопроса, гдѣ виноваты были іезуитскій антуражъ Пія IX; наконецъ, пзъ-за крѣпкой дружбы Россіи съ Германіей въ моментъ, когда послѣдняя начала безпощадную войну противъ католической іерархіи. Польскія дѣла значительно измѣнили свою физиономію; цѣну дружбы съ Германіей мы познали еще на Берлинскомъ конгрессѣ, а плату за нее получили въ тайномъ договорѣ Германіи съ Австро-Венгріей и Италіей. Оставались не вполне выясненными только наши дальнѣйшія отношенія къ итальянскому единству.

Но съ тѣхъ поръ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что на Средиземномъ морѣ мы имѣемъ теперь серьезнаго и опаснаго противника—державу, которая, создавшись коварствомъ и наспліемъ, невольно должна вести фальшивую политику и для своего благополучія стараться вести двойную игру и мутить воду, отношенія Россіи къ

папѣ опредѣлился. Италія ненавидитъ своего благодѣтеля—Францію, которой обязана существованіемъ, какъ обязаны Россія своимъ появленіемъ на свѣтъ Румынія, Греція, Сербія и Болгарія. Эта ненависть, связанная съ боязнью, заставляетъ Италію опасаться сближенія Франціи съ Россіей и вынуждаетъ бросаться въ объятія Германіи и вассала послѣдней—Австро-Венгріи. Желаніе командовать Средиземнымъ моремъ заставляетъ Италію съ немалой боязнью относиться къ возможности появленія русскаго флота въ Дарданеллахъ; наконецъ, извѣстная жадность итальянцевъ, побуждающая ихъ стараться урвать что нибудь изъ богатаго наследства умирающей Турецкой имперіи, также заставляетъ ихъ ревниво и съ завистью относиться къ каждому шагу Россіи на Востокѣ.

На Берлинскомъ конгрессѣ отъ Италіи мы не видѣли никакой поддержки, а съ тѣхъ поръ она заключила тайные договоры съ нашими естественными противниками, заключила ихъ даже съ двухъ сторонъ: съ Германіей и Австро-Венгріей для дѣйствія на сухою пути и съ Англіей для дѣйствія на морѣ. Къ такому поведенію Россія, конечно, оставаться равнодушною не можетъ. У насъ и безъ того много недруговъ и завистниковъ въ Европѣ. Чтобы мы могли спокойно переносить всякаго рода козни и двуличіе; «кто не за насъ, тотъ противъ насъ» — таковъ долженъ быть всегда девизъ здоровой и практической политики, политики того, кто не желаетъ, чтобы его водили за носъ. «Прощать врагамъ надобно — когда они уже повѣшены», сказалъ одинъ гениальный человѣкъ.

По своему географическому положенію Италія находится внѣ круга прямого съ нашей стороны воздѣйствія. Поведеніе ея и объясняется, вѣроятно, безнаказанностью до момента, когда Россія станетъ твердою ногою на Балканскомъ полуостровѣ. Но у Италіи есть очень слабая сторона — это ея отношенія къ папскому престолу. Какъ ни признавать законными стремленія итальянскихъ народцевъ къ единству, но двѣсти милліоновъ католиковъ и безчисленная армія католическаго духовенства, разбѣянная по всему земному шару, съ трудомъ перевариваютъ мысль, что это единство создано путемъ споліаціи папскаго престола, лишеніемъ послѣдняго того, чѣмъ онъ тысячу лѣтъ владѣлъ спокойно. Грабежъ, какъ извѣстно, коснулся не только владѣній папы, но и дворцовъ, картинъ, предметовъ древности и т. п. Какъ уладить свои отношенія Италія къ папскому престолу — предвидѣть трудно, но несомнѣнно, что въ настоящемъ своемъ видѣ эти отношенія тотъ ракъ, который незримо точитъ крѣпость итальянскаго государственнаго организма. Видимая слабость папы ничего не доказываетъ. И прежде папы бывали въ рукахъ византійскихъ губернаторовъ и французскихъ королей. Наполеонъ I дѣлалъ опыты плѣненія папы, но сила папскаго престола отъ того не умалаялась, а выростала;

она въ прямой связи съ міросозерцаніемъ массы, а реакція въ религиозномъ отношеніи всегда возможна.

Если таково значеніе папы въ Италіи, очевидно, что онъ нашъ естественный политическій союзникъ; только черезъ папу можемъ мы имѣть въ Италіи надлежащее вліяніе, а потому Россія должна препятствовать всему, что ведетъ къ уничтоженію папскаго престижа и къ умаленію политическаго значенія папы. Конечно, мы не должны ради этого жертвовать своею политическою независимостью, забывать о Польшѣ и заключать необдуманные конкордаты, но благоразумныя уступки, вниманіе къ положенію папы, какъ главы католической церкви, пзвѣстное уваженіе къ правамъ его, какъ вѣнценосца, должны постоянно руководить нашими дѣйствіями—это будетъ хорошею политикою.

Вообще нашей дипломатіи слѣдуетъ навсегда забыть свою рутину, оставить зады Священнаго союза, копѣхъ мѣсто въ архивахъ, и вести политику новую, оригинальную и не опиравшуюся на допотопные предрасудки.

ВТОРОСТЕПЕННЫЯ ЕВРОПЕЙСКІЯ ГОСУДАРСТВА.

VII. ШВЕЦІЯ И НОРВЕГІЯ.

Оскаръ II править двумя просвѣщеннѣйшими и трудолюбивѣйшими народами. Шведско-норвежская монархія съ 1815 года вступила, можно сказать, въ тотъ періодъ, о которомъ давно великій мыслитель замѣтилъ: «счастливы народы, не имѣющіе исторіи! Ничего бьющаго на эффектъ, никакихъ политическихъ трагикомедій не представляетъ болѣе политическая жизнь Скандинавскаго полуострова: прогрессъ, успѣхи просвѣщенія, гражданственности, огромные успѣхи экономическіе, — таковъ несложный, но существенный балансъ скандинавской исторіи за послѣднія семьдесятъ лѣтъ. Это устраненіе себя съ вышшаго политическаго поприща не устраняетъ борьбу партій и даже антагонизма двухъ частей Скандинавскаго государства.

Въ Швеціи конституція существуетъ очень давно и она только нарушалась, но не отмѣнялась абсолютными монархами въ родѣ Карла XII и Густава III. По этой конституціи, весьма схожей съ существующей до сихъ поръ въ Финляндіи, государственные чины раздѣлялись на четыре сословія. Такъ какъ каждый старшій въ родѣ дворянинъ засѣдалъ лично, а прочія сословія избиралъ депутатомъ, то понятно, что дворянское сословіе преобладало на сеймѣ. Затѣмъ всѣ либеральныя профессіи, пополнявшіяся преимущественно дѣтьми крестьянъ, не имѣли вовсе представителей. Такой порядокъ привелъ къ реформѣ 1866 года, когда была введена англійская система двухъ палатъ. Этотъ законъ былъ принятъ послѣ упорнаго сопротивленія, благодаря только личному вліянію короля Карла XV.

Такъ какъ верхняя палата, имѣющая почти такой же объемъ власти, какъ и нижняя, пополняется, по новому закону, депутатами, избираемыми на десять лѣтъ земскими и городскими собраниями, то произошло совершенное переимѣненіе политической силы.

Дворянство потеряло большую часть своего значения и образовало юнкерскую или придворную партию. Она имѣетъ, впрочемъ, въ числѣ своихъ представителей лучшихъ ораторовъ палаты. Часть дворянъ съ демократическимъ оттѣнкомъ перешла на сторону крестьянъ. Горожане и духовенство утратили прежнее значеніе и это было причиною, что въ 1870 году удалось, наконецъ, отменить законъ, по которому только лютеранскіе аугсбургскаго исповѣданія могъ быть въ Швеціи членомъ палаты, избирателемъ и вообще занимать какую либо должность. По новой конституціи, половина членовъ государственнаго совѣта, т. е. министровъ, должна быть непременно не дворянскаго происхожденія. Такимъ образомъ верхняя и нижняя палаты и министерство фактически перешли въ руки крестьянъ.

Торжество крестьянъ не должно быть несколько удивительнымъ. Въ Швеціи крестьяне всегда играли важную роль, а дворянство было искусственно создано и поощряемо королевскою властью. Рабства и крѣпостного права въ Швеціи не существовало и крестьянство составляло сословіе не только свободное, но и относившееся постоянно съ недовѣріемъ и нѣкоторою завистью къ высшимъ классамъ. Дворянское сословіе образовалось въ Швеціи не ранѣе XIV столѣтія, и притомъ какъ чисто служилый элементъ. Лишь король Іоаннъ III въ концѣ XVI столѣтія не только сдѣлалъ дворянство наследственнымъ, но и дозволилъ носить дворянскіе титулы тѣмъ даже, у кого не было земл. Абсолютизмъ Карла XI и Карла XII понизилъ на время значеніе дворянства, но по смерти Карла XII оно забрало всю власть въ свои руки. «Секретный комитетъ», избравшійся сеймомъ, былъ единственною властью, передъ которою пасовала даже королевская власть. Это продолжалось до извѣстнаго *coup d'Etat* Густава III, когда вновь, до паденія короля Густава IV возобновили абсолютизмъ, пользовавшійся высшимъ сословіемъ только какъ декорацией. Всѣ эти перевороты происходили въ верхнихъ слояхъ общества, а масса сельскаго населенія оставалась въ прежнемъ положеніи и продолжала пользоваться пассивною долею самоуправленія. Въ ней лежало ядро шведской національности и она своимъ осмысленнымъ консерватизмомъ спасала государство въ критическія минуты, которыхъ Швеція пережила не мало въ теченіе своей бурной и кровавой исторіи.

Шведамъ однако до *suffrage universelle* далеко. Вычислено, что только 6°, 0 всего населенія пользуется правомъ голоса; въ этомъ отношеніи ниже Швеціи стоятъ только Венгрія. Крестьяне же, о которыхъ выше шла рѣчь, напоминаютъ по богатству скорѣе мелкыхъ буржуа.

Верхняя палата имѣетъ огромное консервативное и протекціонистское большинство. Нижняя палата раздѣляется на четыре партіи: старая національная партія, предводитель коей Свенъ Нильсонъ; новая національная партія или консервативная; прогрессивисты

избираемые преимущественно городомъ, и центръ, предводитель коего Герсловъ. Консерваторы—протекціонисты, остальные партіи стоятъ за свободу торговл. Прогрессисты поддерживаютъ интересъ рабочихъ, требуютъ социальныхъ реформъ и расширенія избирательнаго права. Физіономія риксага значительно измѣнилась, вслѣдствіе состоявшихся въ 1899 г. выборовъ, благодаря которымъ вошло 73 новыхъ члена, а такія вліятельныя лица, какъ вожаки великошведской партіи, Алль и Рейтершвердъ, отсутствуютъ. Вся либеральная и норвежская печать сочувственно относится къ программѣ новой партіи и видятъ въ ней возможность соглашения между союзными государствами. Въ виду этого полагаютъ, что она соберетъ вокругъ себя болѣе 100 членовъ риксага и со временемъ пріобрѣтетъ сильное вліяніе. Министерства въ Швеціи, конечно, мѣняются, но чаще всего господствуетъ протекціонистская консервативная партія. Она отвергла проектъ страхованія рабочихъ (хотя социализмъ въ Швеціи развивается) и желаетъ сократить число представителей въ палатахъ, чтобы ослабить вліяніе городовъ, болѣе демократическихъ.

Такую же важную политическую роль крестьяне играютъ и въ Норвегіи. Последняя осуществляетъ собою почти идеаль «мужническаго царства». Съ тѣхъ поръ какъ депутаты норвежскихъ крестьянъ по собственной инициативѣ собрались въ Эйдевольдѣ, при извѣстіи, что ихъ отечество тайнымъ соглашеніемъ Россіи со шведскимъ наслѣднымъ принцемъ оторвано отъ Даніи, и вотпривали себѣ либеральнѣйшую конституцію, которую имѣлъ достаточно такга принять Бернадоттъ, Норвегія управляется крестьянами и управляется—замѣтнѣе—отлично. Нищая при отдѣленіи отъ Даніи, она уже давно не имѣетъ прямыхъ налоговъ и богатѣетъ постоянно.

Норвегія, пожалуй, тягость для Швеціи, шведы ее ненавидятъ, боятся ея демократическаго вліянія, поругиваютъ норвежцевъ и норвежскіе порядки. Они, дѣйствительно, не совсѣмъ пріятны для шведскаго монарха. Когда онъ вноситъ предложеніе въ норвежскій стортингъ, то двери палаты отворяются настежь, членъ государственнаго совѣта въ полномъ мундирѣ несетъ королевское посланіе въ сопровожденіи шести членовъ палаты; палата встаетъ съ мѣстъ и молча выслушиваетъ чтеніе; затѣмъ посланникъ съ такою же церемоніей удаляется, дверь затворяется и... стортингъ безъ разговоровъ отвергаетъ королевское посланіе. Если стортингъ два раза вотпривалъ безъ измѣненія законъ и король наложилъ veto, то при третьемъ голосованіи палата «умоляетъ» (это офціальный терминъ) короля принять законъ, если же король опять кладетъ veto, то законъ самъ собою входитъ въ силу. Мало того, конституція не даетъ королю права заключать трактаты и объявлять войну и требуетъ, чтобы король, *liste-civile* котораго не превосходитъ 150,000 р. въ годъ, непременно жилъ въ Норвегіи два мѣсяца въ году, при-

чемъ строго воспрещаетъ кому-либо изъ шведовъ сопровождать короля. Неудивительно, что послѣдній на свое періодическое пребываніе въ Норвегіи смотритъ, какъ на родъ почетной ссылки. Въ остальное время король сносится съ норвежскимъ правительствомъ при помощи особаго министра, проживающаго въ Стокгольмѣ. Нашъ стась-секретаріатъ по финляндскимъ дѣламъ составляетъ копію этого послѣдняго учрежденія.

Не довольствуясь еще этимъ, норвежцы требуютъ для Норвегіи большей доли самостоятельности въ области иностранной политики, а часть населенія обнаруживаетъ стремленіе и къ расторженію униі. Для объясненія этого факта, надобно повторить, что въ 1814 году норвежцевъ пришлось присоединить сплю. они добились почти полной автономіи и, кромѣ государя, общимъ осталось только министерство иностранныхъ дѣлъ, такъ какъ не только правительство, но и армія, и флотъ у Норвегіи — особые отъ Швеціи.

Норвежцы однако всегда были недовольны и такою слабою связью и находили ее для себя стѣснительною, жалуются, что въ международныхъ сношеніяхъ интересы Норвегіи жертвуются въ пользу шведскихъ интересовъ. Жалобы эти, по важнымъ обстоятельствамъ, въ послѣднее время усилились; такъ, напр., Швеція стала слѣдовать покровительственной таможенной системѣ, а норвежцы желаютъ держаться свободной торговли; шведы отказались принять участіе въ парижской всемірной выставкѣ въ 1889 г., а Норвегія приняла въ ней участіе, что вызвало даже отставку министра иностранныхъ дѣлъ Эренсверда, одобрившаго нелѣпый отказъ шведско-норвежскаго посланника въ Парижѣ, графа Левенгаупта, представить норвежскаго делегата на выставкѣ президенту Французской республики.

Норвежцы требуютъ также, чтобы изъ ихъ флага были исключены помѣщенные скромно въ углу шведскіе цвѣта и чтобы король по конституціи былъ лишенъ права назначать своего сына вице-королемъ норвежскимъ.

Измѣненія флага они добились; послѣднее требованіе удовлетворить легко, но разрѣшить первое затрудненіе, касательно общей дипломатіи, весьма трудно. Несомнѣнно, что Швеція и Норвегія имѣютъ разные торговые и политическіе интересы, но если сдѣлать министра иностранныхъ дѣлъ изъ норвежцевъ, то это, конечно, не удовлетворитъ шведовъ, какъ не удовлетворяетъ норвежцевъ нынѣшній министръ изъ шведовъ. Имѣть же двухъ министровъ невозможно, такъ какъ посланники и консулы будутъ получать тогда противоположныя приказанія. Если же сдѣлать и дипломатическихъ представителей разныхъ, то это почти равносильно полному отдѣленію обоихъ государствъ и уничтоженію униі.

Йоганъ Свердрупъ, предводитель лѣвой, управлявшій пять лѣтъ Норвегіей въ качествѣ перваго министра, и вель политику въ та-

комъ смыслѣ, выразившюся въ приговорѣ, произнесенномъ въ 1884 г. ригерадомъ надъ членами министерства Зельмена за ихъ якобы противуконституціонныя дѣйствія и созданіе шведско-норвежскаго совѣта по иностраннымъ дѣламъ подъ предѣдательствомъ короля. Благодаря выборамъ 1888 года, измѣнившимся нѣсколько составъ стортинга и ольдстинга, королю удалось въ 1889 г. провести министерство правой съ Эмпиемъ Стангомъ во главѣ, но этотъ талантливый адвокатъ не затормозилъ нисколько сепаратическаго движенія, и будетъ-ли во главѣ министерствъ лицо, принадлежащее болѣе умѣренной фракціи, или радикальный премьеръ-министръ Стенъ, — не подлежитъ сомнѣнію, что кабинетъ будетъ по мѣрѣ возможности избѣгать всякаго рѣшительнаго шага, клонящагося къ немедленному рѣшенію вопросовъ уніи.

Съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ, полное отдѣленіе Норвегіи отъ Швеціи можетъ быть только пріятно, хотя въ свое время Россія болѣе всего и старалась объ уніи, желая вознаграждать Швецію за потерю Финляндіи. Не говоря уже объ исторической къ намъ враждѣ шведовъ, шведское правительство находится теперь несомнѣнно если не въ тайномъ союзѣ, то подъ сильнымъ вліяніемъ Германіи. Король Оскаръ II, несмотря на свое гасконское происхожденіе, былъ всегда почтателемъ нѣмцевъ, а послѣ брака своего старшаго сына кронпринца Густава на баденской принцессѣ, двоюродной сестрѣ императора германскаго, сталъ еще болѣе германцемъ. Это нѣмецфильство и составляетъ одинъ изъ главныхъ пунктовъ обвиненія со стороны норвежцевъ, опасующихся войны изъ-за интересовъ тройственнаго союза.

Газета «Daily Chronicle» помѣстила крайне важное письмо норвежскаго писателя Бьернстерна-Бьернсона, въ которомъ послѣдній заявляетъ, что причина шведско-норвежскаго разлада коренится въ сопротивленіи, которое оказываетъ Норвегія проекту присоединенія Скандинавіи къ тройственному союзу, такъ какъ норвежцы находятъ, что Россія вовсе не угрожаетъ Скандинавскому полуострову. Норвежцы подозреваютъ, что Германія поддерживаетъ Швецію въ мысли завоеванія Норвегіи. Бьернсонъ повторяетъ, что Норвегія никогда не согласится примкнуть къ тройственному союзу и скорѣе предпочтетъ нарушать унію со Швеціей.

Хотя независимая Норвегія будетъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ враждебной намъ Англіи, но надобно ожидать, что вліяніе это въ значительной степени парализуется вліяніемъ дружественной Россіи Даніи. Съ послѣдней норвежцевъ связываетъ общая вѣковая исторія, общая культура и старинныя симпатіи, не совсѣмъ и понятныя, потому что до отдѣленія Норвегіи отъ Даніи послѣдняя была скорѣе нѣмецкимъ, чѣмъ Скандинавскимъ государствомъ даже во внутреннемъ управленіи. Теперь это, конечно, измѣнилось, поэтому надобно будетъ думать, что, освободившись отъ Швеціи, Норвегія будетъ искать сблженія съ Даніей.

Шведы, какъ поляки, венгерцы и турки, считаются на Западѣ естественными нашими врагами; до сихъ поръ въ самой Шведіи существовало убѣжденіе, будто только стремленіе Россіи къ завоеваніямъ было причиною паденія Шведіи. Такія воззрѣнія ошибочны. Для этого стоитъ безпристрастно взвѣсить всѣмъ извѣстные историческіе факты.

Шведская монархія внезапно выдвинулась изъ ничтожества на первое мѣсто гениемъ Густава-Адольфа. Заслуга послѣдняго состояла не въ военныхъ только подвигахъ, но въ умѣніи принять подъ свое покровительство протестантскіе интересы, составлявшіе въ XVII вѣкѣ партію прогресса въ Европѣ. Къ сожалѣнію, созданная на окровавленныхъ поляхъ Германіи монархія не имѣла прочнаго основанія; она представляла собою какъ бы пирамиду, стоящую острыми концами къ странѣ, т. е. въ положеніи равновѣсія наиболѣе неустойчиваго. Поццо ди-Борго очень вѣрно замѣтилъ о шведахъ: «C'est un malheur d'avoir une grande histoire et une petite puissance. on est enflé par l'orgueil et humilié par la faiblesse». Въ апогеѣ своего величія Швеція считала только 5 милліоновъ жителей. Роль покровителей протестантскихъ государствъ противъ соединенныхъ усилий папы, императора и испанскаго короля съ такимъ же успѣхомъ успѣшили принять Рипшеле и Кромвель, и первенствующее значеніе Шведіи быстро померкло. Громовой ударъ нанесъ ему Карлъ XII.

Какъ ни дорогъ шведамъ этотъ коронованный авантюристъ, но можно ли сомнѣваться, что его близорукое непониманіе возникающаго значенія Россіи и было причиною внезапнаго паденія Шведіи на степень третьекласснаго государства—паденія, подобныхъ которому по быстротѣ немного примѣровъ во всемірной исторіи.

Россія не являлась по отношенію къ шведамъ въ роли завоевателя. Часть Финляндіи, Олонецкій край, берега Финскаго залива, значительная часть Прибалтійскаго края были исконно-русскими владѣніями, и Россія вступила только въ свои права, какъ вступаетъ наследникъ, достигнувъ совершеннолѣтія, а эта-то возможность и настала для нея при Петрѣ Великомъ. Наши западники говорятъ объ обьяѣ, прорубленномъ въ Европу, но Россія всегда понимала значеніе для себя Балтійскаго моря; имъ пользовался Новгородъ; Иванъ Грозный раздавалъ на этомъ морѣ каперскія свидѣтельства. Оно всегда было русскимъ: оно было только временно затенено шведскою тряпкою. Шведское владычество было даже очень непродолжительно, потому что въ Эстляндіи шведы водворились въ самомъ концѣ XVI вѣка, въ Лифляндіи и Ингерманландіи въ началѣ XVII вѣка, а къ началу XVIII вѣка уже не осталось въ этихъ земляхъ и слѣдовъ шведскаго владычества.

Ничто изъ русскихъ не уважалъ такъ шведовъ, какъ нашъ

великій преобразователь, позаимствовавший у них очень много въ военномъ, административномъ и судебномъ отношеніи, но никто не нанесъ имъ такихъ сплныхъ ударовъ. Вся шведская исторія XVIII вѣка была повтореніемъ ошибки Карла XII; шведская аристократія не хотѣла признать существующихъ фактовъ и страна теряла все болѣе и болѣе. Не было, конечно, недостатка въ людяхъ провинцательныхъ, но постоянно преобладала партія, искавшая для «французовъ Сѣвера», какъ тщеславно называли себя шведы, отдаленныхъ союзниковъ противъ Россіи.

Окончательный ударъ нанесъ Швеціи Наполеонъ I своею коварной и эгоистической политикою. Война 1808—1809 года и континентальная система разорили въ конецъ бѣдную страну и привели ее на край гибели; къ счастью, удачная перемена династии спасла Швецію и не только подняла ее внутреннее благосостояніе, но династическимъ союзомъ съ Норвегіей усилила и ее политическое значеніе въ Европѣ.

Безъ сомнѣнія, не всѣ шведы успокаиваются на подобныхъ результатахъ; существуетъ не мало горячихъ головъ, мечтающихъ о прошедшихъ безвозвратно временахъ Мюнстерскаго и Оливскаго мира, но есть люди чуждые подобныхъ мнѣній и желающіе укрѣпленія съ Россіей чувствъ добраго сосѣдства, которыя, несомнѣнно, повлекутъ за собою и тѣснѣйшее сближеніе въ экономическомъ отношеніи. Со Швеціей наши счеты закончены. Претензіи, которыя имѣли взаимно другъ къ другу оба государства, должны быть давно исключены изъ ихъ актива. Войдя, такъ сказать, въ естественныя границы свои, Россія и Швеція не имѣютъ болѣе осязательныхъ причинъ искать случая вредить другъ другу. Къ тому же исторія оставила на этотъ счетъ такіе указанія и уроки, которые нельзя пргладить изъ человѣческой памяти. Нападать на Швецію было бы со стороны Россіи не только безцѣльно, но и безумно, ибо такое нападеніе вызвало бы противъ нея общую европейскую коалицію.

Швеція, однако, никогда не переставала думать о реваншѣ за 1809 годъ. Извѣстно злорадство шведовъ во время Крымской войны, едва не приставшихъ къ коалиціи послѣ успѣй, которыя французскій посоль маршалъ Канроберъ дѣлалъ въ Стокгольмѣ, чтобъ привлечь Швецію на сторону нашихъ противниковъ. Заключенъ былъ даже (21 ноября 1855 г.) съ Англіею и Франціею, договоръ, направленный противъ Россіи. Оскаръ I обязался не уступать Россіи и не мѣнять съ нею никакой части шведской и норвежской территоріи, гавани или угольной станціи, равно и не предоставлять ей права рыбнаго промысла или другихъ какихъ-либо правъ въ предѣлахъ шведской и норвежской территорій. Въ случаѣ, если Россіею будетъ предложено или заявлено что-либо подобное, король Швеціи и Норвегии обязанъ безотлагательно увѣдомить объ этомъ англичанъ и французовъ, а по-

слѣдніе, съ своей стороны, обязались снабжать Швецію и Норвегію сухопутными и морскими военными средствами, достаточными для того, чтобы протпводѣйствовать требованіямъ Россіи.

Какъ на причины, побудившія короля Швеціи прибѣгнуть къ заключенію договора, указывалось на то, что Россія въ началѣ 50 годовъ якобы обнаруживала агрессивный и вызывающій образъ дѣйствій по отношенію къ Норвегіи, настаивая на предоставленіи ей различныхъ правъ въ норвежскомъ Финмаркенѣ по отношенію къ пастбищамъ для оленей. Но, очевидно, это былъ пустой предлогъ. Вопросъ о пересмотрѣ русско-норвежскаго договора отъ 1751 г. о пограничномъ населеніи былъ возбужденъ Россіею еще въ 1847 г., когда Россія объявила, что въ случаѣ если Норвегія не приметъ требуемыхъ мѣръ къ урегулированію положенія пограничныхъ вочующихъ лопарей, то Россія закроетъ имъ свою границу. Когда эта угроза въ 1852 г. была приведена въ исполненіе, то Норвегія отвѣтила такою же репрессаліею. Открывшіеся для улаженія конфликта переговоры продолжались до 1854 г. и не привели ни къ какому результату. Пограничный вопросъ остался неразрѣшеннымъ и договоръ отъ 1751 г., слѣдовательно, остался въ силѣ. Нѣвакихъ протестовъ противъ послѣдняго со стороны Россіи не послѣдовало больше и предъявленныя ею прежде требованія о русской колонизаціи на Финмаркенскомъ побережьи послѣ этого не повторялись.

Какія же были настоящія причины и цѣли ноябрьскаго трактата? Отвѣтъ на это мы находимъ въ циркулярной нотѣ шведскаго министра иностранныхъ дѣлъ отъ 18 декабря 1855 г., въ которой говорится: «Опасенія за будущее, основанныя на воспоминаніяхъ, которыя слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы нужно было указывать на нихъ, и затрудненіяхъ, создаемыхъ Россіею для упрядоченія положенія пограничнаго сѣвера, еще болѣе увеличилось послѣ того, какъ обнаружилось вмѣшательство этого государства въ положеніе дѣлъ на Востокѣ. При другихъ болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ эти виды (Россіи) на сѣверъ могли получить такое развитіе, которое угрожало бы намъ серьезными неприятностями».

Вотъ настоящее объясненіе трактата 1855 года, объясненіе, которое теперь можетъ казаться и дерзкимъ, и смѣшнымъ. Но во время заключенія союза, Россія находилась въ затруднительномъ положеніи. Севастополь былъ взятъ и Крымская война окончилась для нея неблагопріятно. Поэтому Швеція, ничѣмъ не рискуя, рѣшилась лягнуть своего историческаго врага и прпстать къ враждебной Россіи коалиціи. Есть основаніе утверждать, что трактатъ 1855 г. заключалъ въ себѣ и нѣкоторыя тайныя условія, въ силу которыхъ Швеція и Норвегія обязаны были принимать участіе въ войнѣ союзниковъ съ Россіею въ случаѣ, если бы она возобновилась весною 1856 г. Это доказывается между прочимъ тѣмъ, что

при заключеніи мира шведскому министру иностранныхъ дѣлъ удалось включить унизительный пунктъ о томъ, что Россія не имѣетъ права возобновлять укрѣпленія на Аландскихъ островахъ. Замѣчательно, что шведское правительство заключило этотъ договоръ помимо вѣдома Норвегій, равно и шведскаго риксдага. Съ того времени норвежцы стали относиться недовѣрчиво къ внѣшней политикѣ Швеціи, несмотря на часто повторяемыя мирныя завѣренія шведскаго правительства.

Въ 1863 году, когда западныя державы, видя слабость нашего правительства предъ польскими мятежниками, дошли до того, что съ угрозамъ требовали отъ Россіи исполненія желаній народоваго ржонда, Швеція опять готова была приступить къ вооруженію, грозя отнять у насъ Финляндію. Однако шведскій риксдагъ оказался на этотъ разъ благоразумнѣе министерства и отвергъ его предложеніе объ оказаніи помощи Польшѣ.

Въ настоящій моментъ, когда европейскія государства снова дѣлятся на два лагеря, роль Швеціи весьма затруднительна. Поѣздки короля Оскара въ Берлинъ и затѣмъ въ Петербургъ показали, что шведско-норвежское правительство не чуждо политики, доставившей Россіи столько неудовольствій въ прошедшемъ. Швеція и Норвегія едва не примкнули къ «лигѣ мира», которая образовалась въ послѣднее время сблизженіемъ Германіи, Австро-Венгріи и Италіи. Между тѣмъ я слышалъ въ Стокгольмѣ отъ людей, заслуживающихъ полнаго довѣрія, что все время войны 1877 г. сочувствіе шведовъ было не на сторонѣ турокъ, ихъ старинныхъ союзниковъ, а на сторонѣ Россіи, какъ представительницы гуманнхъ и освободительныхъ началъ, которыя всегда найдутъ отголосокъ въ странѣ, не знавшей рабства. И все-таки въ 1890 г. шведскій риксдагъ, несмотря на пзвѣстную его скупость въ расходованіи денегъ, принялъ безъ всякой урѣзки предложеніе военнаго министра объ ассигнованіи 4.665.000 кронъ для скорѣйшаго окончанія стратегической желѣзной дороги до русской границы. При этомъ шведскій военный министръ Пальмшерна высказалъ, что, по его мнѣнію, каждую минуту можно ожидать въ Европѣ событій, при которыхъ Швеція придется защищать свой нейтралитетъ. Защита нейтралитета есть, какъ пзвѣстно, выраженіе, подъ которымъ разумѣютъ вмѣшательство въ военныя событія, съ цѣлью пзвлечь выгоды для своего государства. Весною 1891 года, хотя и послѣ горячихъ возраженій во второй своей палатѣ, риксдагъ принялъ предложеніе о постройкѣ карльсборгскихъ и вабергскихъ крѣпостныхъ сооружений, защищающихъ входъ съ моря въ Стокгольмъ, проектъ постройки укрѣпленныхъ казармъ въ провинціи Норландъ, на границѣ съ Финляндіей, и ассигновалъ суммы на усиленіе вооруженій въ крѣпостяхъ восточной части Швеціи. Всѣ эти мѣры принимались, очевидно, на случай войны съ Россіей, чего впрочемъ не скрывало и министерство.

Когда «С.-Петербургскія Вѣдомости» со словъ Бьерзона упомянул о враждебномъ къ намъ настроеніи шведовъ, сто-гольмская официальная газета «Post-Tidning» напомнила, что король союзныхъ государствъ неоднократно и ясно объявлялъ въ своихъ тронныхъ рѣчахъ, что Швеція и Норвегія желаютъ сохранять ненарушимый нейтралитетъ и жить въ мирѣ и дружбѣ со всѣми своими сосѣдями. Министръ иностранныхъ дѣлъ гр. Дугласъ при первомъ своемъ появленіи въ риксдагѣ высказался въ такомъ же смыслѣ слѣдующими словами: «Расходы по вооруженію арміи и флота не имѣютъ другой цѣли, какъ неустанное охраненіе вышней безопасности государствъ и стремленіе всѣми средствами сохранять ихъ нейтралитетъ при могущихъ возникнуть европейскихъ осложненіяхъ». Такъ называемыя шведскія вооруженія, по его словамъ, не что иное, какъ исполненіе реорганизаціи арміи, принятое послѣ многолѣтнихъ обсужденій въ 1892 году.

Однако въ 1898 г. 14.580,000 кронъ было вновь назначено сеймомъ на успленіе стратегическихъ подступовъ къ границамъ Россіи. Именно предполагено укрѣпить Боденъ и построить желѣзнодорожную вѣтвь до р. Калпкса.

Замѣчательно совпаденіе этихъ шведскихъ вооруженій съ многолѣтними успіями «финляндскаго правительства» добиться разрѣшенія русской Верховной Власти продолжить желѣзную дорогу отъ Улеборга до Торнео, чтобы такимъ образомъ сомкнуть сѣтъ финляндскихъ желѣзныхъ дорогъ со шведскою стратегическою дорогою. Петція объ этомъ была подана еще на сеймѣ 1891 года и отвергнута императоромъ Александромъ III. Домогательство объ этомъ было возобновлено на сеймѣ 1893—1897 года, вновь отвергнуто, и опять возобновляется.

Риксдагъ рѣшилъ также провести желѣзную дорогу отъ Гелливаре до норвежской границы. Норвежское правительство еще раньше въ принципѣ согласилось довести эту дорогу до моря у Офотена. Пренія въ шведскомъ сеймѣ по означенному вопросу приняли весьма интересное для насъ политическое направленіе. Сочувствующіе дорогѣ ораторы указывали на то, что и она не въ далекомъ будущемъ примкнетъ къ финляндскимъ и русскимъ желѣзнымъ дорогамъ и такимъ образомъ Атлантическій океанъ соединится съ Тихимъ океаномъ непрерывнымъ желѣзнодорожнымъ путемъ. Значеніе этого сообщенія усугубляется еще тѣмъ, что порты на западномъ побережьѣ Норвегіи никогда не замерзаютъ. Новая желѣзная дорога будетъ имѣть и выдающееся стратегическое значеніе. Но противъ этого главнымъ образомъ и возражала оппозиція, высказывавшая опасеніе, что враждебная Швеціи Норвегія можетъ найти для себя выгоднымъ сдать Россіи портъ Офотенъ въ аренду. Хотя по ноябрьскому договору 1855 г. Франція и Англія и обязались охранять Швецію и Норвегію отъ русскихъ притязаній, но едва ли эти державы въ настоящее время вспо-

мнѣть о своихъ обязательствахъ. Франція теперь союзница Россіи, а политика Англіи вполнѣ зависить отъ того, стоить ли во главѣ ея торійское или либеральное правительство. Ораторы напомнили, что въ 1847—1854 г. Россія пыталась склонить Норвегію къ уступкѣ ей самой сѣверной части королевства. Шведскій министръ иностранныхъ дѣлъ рѣшительно возсталъ противъ этихъ разсужденій. Онъ не видѣлъ никакого основанія ждать подобныхъ дѣйствій отъ Россіи, которая дала соединеннымъ королевствамъ столько доказательствъ своей симпатіи. Генераль Бьернстерна, бывшій посланникъ въ С.-Петербурѣ, отзывался о Россіи тоже чрезвычайно дружественно и высказалъ сожалѣніе, что договоръ 1855 г. былъ заключенъ. «Офотенъ», сказалъ ораторъ, «въ случаѣ войны, можетъ имѣть, какъ нейтральный портъ, величайшее значеніе для русскаго вывоза, тогда какъ, будучи русскимъ, онъ можетъ быть блокированъ или разрушенъ». Трактатъ 1855 г. въ настоящее время очевидно не имѣетъ никакого практическаго значенія, но *de jure* онъ и теперь еще не потерялъ своей силы и обязательности для лицъ, подписавшихъ его. Почему невольно возбуждается вопросъ: къ чему Швеція и Норвеція быть связанными хотя бы только формально этимъ совершенно бесполезнымъ для нихъ договоромъ и отчего бы имъ не отказаться отъ него и тѣмъ доказать на дѣлѣ, что ихъ политика ничего общаго не имѣетъ съ прошлыми политическими дѣлами?

Несмотря на смежность границъ, мы еще очень мало знаемъ Швецію и Норвегію, завели съ ними весьма недостаточныя торговыя связи и вообще не пользуемся всѣми выгодами своего географическаго положенія. Пзвѣстна бѣдность нашего Сѣвера, неумѣніе наше сдѣлать что-либо для его голоднаго и нищенскаго населенія. Какъ вѣбогда Петръ Великій, видя рыцарскіе подвиги на безчисленныхъ поляхъ сраженія, покрывшихъ шведское имя неувядаемою славою, учился у шведовъ искусству побѣждать враговъ, такъ и теперь мы безъ стыда можемъ поучиться у нихъ искусству побѣждать природу, поучиться, какъ на скудной почвѣ, при суровомъ климатѣ, при бѣдности всѣхъ естественныхъ даровъ, трудолюбіемъ, образованіемъ и особенно свободными учрежденіями упрочивается не только безбѣдное существованіе, но даже комфортъ и достатокъ значительнаго населенія.

Возрастающее преобладаніе крестьянъ выгодно для Россіи, дѣлая политику скандинавскихъ державъ мирною и утилитарною. При такомъ направленіи только и возникали у насъ со Швеціей и Норвеціей два серьезныхъ вопроса—одинъ о Шпицбергенѣ, другой о Барскомъ морѣ. Заслуживаетъ для Норвегіи имѣть значеніе стремленіе Россіи создать военный портъ на Мурманѣ. Существуетъ, правда, еще вопросъ финляндскій, но я считаю его внутреннимъ русскимъ вопросомъ; онъ легко разрѣшается, если стать въ правильныя отношенія къ этому краю, относительно котораго, начиная

съ 1809 года и ранѣе при Павлѣ I, были сдѣланъ безчисленный рядъ ошибокъ. Первый шагъ къ этому разрѣшенію уже сдѣланъ манифестомъ 3 февраля 1809 г., которымъ положенъ предѣлъ претензіямъ Финляндіи считать себя отдѣльнымъ полувшведскимъ государствомъ.

Къ Финляндіи всецѣло примѣняются слова, сказанныя Самаринымъ по поводу заявленія кн. Суворова, что отъ остзейцевъ нечего болѣе и требовать, разъ они преданы государю. «Теорія эта, писалъ Самаринъ, есть съ одной стороны нелѣпость, съ другой—заключаетъ въ себѣ самое разрушительное и опасное для насъ начало. Кто же повѣритъ, кто въ состояніи разумно допустить, чтобы можно было вѣрно и надежно служить государю и при этомъ ненавидѣть православіе, гнущатся русскаго языка, систематически преграждать русскимъ доступъ въ торговля и ремесленныя общества». Поэтому пока полтика наша по отношенію къ Финляндіи существенно не измѣнится, мы можемъ считать, что политически это есть источникъ не силы, а слабости нашей у самой столицы государства и на Балтійскомъ морѣ. Венгерцы отлично показали, къ какимъ результатамъ приводятъ династическіе союзы.

По вопросу объ устройствѣ порта на Мурманѣ нельзя прежде всего не вспомнить о крайней небрежности (покойный Споровъ былъ увѣренъ, что не обошлось безъ подкупа), съ которой при размежеваніи въ 20-хъ годахъ съ Норвегіей мы уступили послѣдней всѣ лучшіе гавани Финмаркена. А затѣмъ удивительно легкомыслие, съ которымъ были уничтожены въ 50-хъ годахъ наши военно-морскія учрежденія въ Сѣверномъ морѣ. Конечно, Архангельскъ съ замѣною паруснаго флота паровымъ потерялъ свое военное значеніе, но едва ли такъ легко можно было поступиться пунктомъ, единственнымъ въ Европѣ, гдѣ выходъ нашихъ судовъ не запертъ чужими владѣніями.

Къ счастью, въ Архангельскѣ нѣтъ болѣе надобности. На сѣверѣ, на границѣ Норвегіи, мы имѣемъ никогда не замерзающія мѣста, гораздо болѣе удобныя для устройства военно-морской станціи. Если бы здѣсь устроитъ грозный военный портъ, то, конечно, близость его къ торговымъ портамъ Англіи, Норвегіи и Германіи, а съ другой стороны возможность придти къ нему на помощь изъ Соединенныхъ Штатовъ и Франціи дала бы нашимъ военно-морскимъ силамъ другое значеніе, чѣмъ какое имѣютъ онѣ, болтаясь въ запертыхъ со всѣхъ сторонъ водахъ Чернаго и Балтійскаго морей, или находясь въ другомъ полушаріи въ Восточномъ океанѣ. При томъ балтійскіе и восточно-сибирскіе порты замерзаютъ и послѣдніе, слѣдовательно, не могутъ служить прочною опорой для крейсерской войны. Нашимъ крейсерамъ, вслѣдствіе неимѣнія у насъ другого пункта, кромѣ Порта-Артура, придется зимою взятые призы вводить въ нейтральные порты, что сопряжено съ затрудненіями.

Вопросъ объ устройствѣ порта на Мурманѣ поднять очень

давно, напрасно покойный Казн и г. Бѣломоръ приписывали себѣ эту честь; но, подобно многимъ вопросамъ, важность которыхъ осязательна для многихъ, онъ оставался до послѣдняго времени безъ движенія. Трудно придумать даже, отчего это. Мы въ простотѣ предполагаемъ самыя простыя причины. Привыкнувъ къ привольной жизни около Петербурга или на южномъ берегу Крыма, моряки, позабывъ Охотскъ и Петропавловскій портъ, съ ужасомъ помышляютъ о портѣ за полярнымъ кругомъ въ вѣчныхъ туманахъ. Портъ этотъ представляется имъ чѣмъ-то невозможнымъ. Между тѣмъ рядомъ существуютъ же зашточныя норвежскія города. Если при Екатеринѣ случалось нашимъ военнымъ судамъ зимовать въ Колѣ, которая по климату навѣрное хуже, чѣмъ поселеніе на берегу океана, около теплаго теченія, то, конечно, житье зимою на Мурманѣ не должно бы казаться ужаснымъ. Въ настоящее время устроены въ Екатерининской губѣ торговый портъ Александровскъ, торговать здѣсь нечѣмъ и портъ мало-по-малу обратится въ военный. Трудно будетъ только начало, а затѣмъ, когда устроится большое поселеніе, заведется клубъ, найдутъ дѣвцы, наши моряки получатъ возможность танцевать польку, новый портъ по складу своей жизни мало чѣмъ станетъ отличатся отъ Кронштадта или Николаева. Необходимо однако новый портъ соединить желѣзною дорогой съ сѣтью финляндскихъ желѣзныхъ дорогъ и съ Петербургомъ; тогда онъ выиграетъ въ стратегическомъ отношеніи и жизнь въ немъ сдѣлается совсѣмъ нормальною.

Во всякомъ случаѣ пора, наконецъ, серьезно заняться этимъ вопросомъ и положить хотя начало его разрѣшенію. Это такое дѣло, на которое мало десяти, пятнадцати лѣтъ, потому нечего его и откладывать постоянно. Мало-по-малу, безъ крупныхъ затѣй и не требуя милліоновъ тамъ, гдѣ можно обойтись сотнями тысячъ, явится возможность для Россіи на морѣ и въ Европѣ занять подобающее положеніе. Что вопросъ о мурманскомъ военномъ портѣ имѣетъ крупное политическое значеніе, доказывается упомянутыми выше слухами, что мы ждемъ отъ Норвегіи уступки намъ незамерзающаго порта.

Возможность свободнаго плаванія по Карскому морю, которая вторичною экспедиціей Норденшельда, а также экспедиціей Вилгинса въ 1876 году была окончательно доказана, возбудила вопросъ о территоріальности Карскаго моря.

Русскіе промышленники, занимающіеся звѣрными промыслами на Новой Землѣ и въ Карскомъ морѣ, начали взывать о защитѣ ихъ противъ произвола и господства иностранцевъ къ сѣвернымъ водамъ Россіи. Они объясняли, что въ то время, когда сѣверныя гавани послѣдней еще закрыты льдами, иностранныя суда, преимущественно подъ норвежскимъ флагомъ, приходятъ иногда на три мѣсяца ранѣе русскихъ промышленниковъ и выбиваютъ моржей, тюленей и другихъ морскихъ звѣрей, а иногда увозятъ и добычу,

оставленную русскими. Такъ какъ иностранцы истребляютъ матокъ во время ихъ беременности, или тогда, когда дѣтеныши ихъ не въ состояніи жить безъ матери, то подобный несвоевременный бой можетъ повести къ полному истребленію звѣря. что замѣчается уже у береговъ Гренландіи, Шпицбергена и Исландіи. Истребленіе звѣря въ водахъ Исландіи и было причиною направленія иностранныхъ промышленниковъ къ русскимъ побережьямъ, въ особенности въ мало еще тронутое эксплоатаціей Карское море.

Каждое государство обязано защищать собственность и интересы своихъ подданныхъ. Поэтому каждое государство издаетъ постановленія относительно прибрежныхъ частей моря и содержитъ въ случаѣ нужды военную силу для поддержанія своего права. Государство имѣетъ здѣсь право законодательства, суда и полиціи, хотя бы даже и не имѣло права собственности. Кроме того, ловля береговая и въ предѣлахъ территориальнаго моря всегда считалась исключительнымъ правомъ государства, влаждующаго берегами и территориальнымъ моремъ, если особымъ договорами не было сдѣлано исключеніе. Въ этомъ случаѣ сѣверное побережье Россіи не можетъ быть исключеніемъ. Служа поприщемъ эксплоатаціи и средствомъ прокормленія десятковъ тысячъ русскаго населенія, издревле занимавшагося промыслами въ этихъ водахъ и связаннаго съ ними всеобразнымъ складомъ своей жизни, населеніе это не можетъ быть оставлено безъ куска хлѣба, потому что климатъ благоприятствуетъ иностранцамъ выходить изъ своихъ гаваней въ русскія воды нѣсколькими мѣсяцами ранѣе нашихъ сѣверныхъ промышленниковъ. Тѣмъ болѣе не можетъ быть рѣчи о предоставленіи иностранцамъ полной свободы пользоваться богатствами, заключающимися въ русскихъ водахъ, безъ соответственнаго съ ихъ стороны вознагражденія.

По инициативѣ англійскаго правительства особымъ закономъ было запрещено русскимъ подданнымъ бить тюленей у береговъ Гренландіи ранѣе 22-го марта по старому стилю, между тѣмъ, гораздо ранѣе ходатайства великобританскаго правительства, русскіе промышленники и общество для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ ходатайствовали въ министерствахъ иностранныхъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ объ установленіи пощадныхъ сроковъ для боя тюленей и другихъ морскихъ звѣрей у русскихъ береговъ Сѣвернаго океана.

Разсматривая вопросъ о средствахъ оградить сѣверныя воды, и въ особенности Карское море, отъ хищническихъ набѣговъ иностранныхъ промышленниковъ, нельзя было не обратить вниманія на то обстоятельство, что Карское море имѣетъ многія данныя, чтобы считаться моремъ закрытымъ (*mare clausum*). Авторитеты международнаго права не отрицаютъ никогда исключительныхъ правъ Англій на проливъ св. Георгія, Давіи—на Зундь и Бельты, Неапска

на Мессинскій проливъ, Голландіи на Зюдерзее, Швеціи до 1721 г. на Финскій заливъ и т. д. Карское море имѣеть гораздо болѣе правъ, нежели эти воды, считаться моремъ территоріальнымъ. Со всѣхъ сторонъ окружено оно владѣніямъ Россійскаго государства; проливы, ведущіе въ него, девять мѣсяцевъ въ году всегда заперты льдами и составляютъ непрерывное продолженіе территоріи Россійскаго государства, и по очертанію береговъ оно приближается скорѣе къ заливу, какъ оно и называется во многихъ европейскихъ географіяхъ и на картахъ. Заливы же безспорно составляютъ всегда часть моря территоріальнаго. Къ послѣднему относится обыкновенно и часть моря, гдѣ мореплаваніе одного народа наноситъ вредъ другому чрезъ ловлю морскихъ звѣрей и рыбъ, что исключаетъ море изъ положенія открытаго.

Права Россіи на Карское море вполне подтверждаются и другими основаніями международнаго права, именно правомъ перваго занятія и безспорнымъ владѣніемъ въ теченіе полувѣка.

Если императоръ Александръ I торжественно, указомъ 4-го сентября 1821 г., призналъ закрытымъ моремъ часть Тихаго океана, заключающуюся между Беринговымъ проливомъ, Алеутскими, Курильскими островами и 54° с. шпроты; если Охотское море, несмотря на то, что между окружающими его островами находились японскіе острова Матмай, Утунъ и Урупъ, считалось до послѣдняго соглашенія съ Японіей также закрытымъ моремъ, то Карское, разумѣется, имѣеть гораздо болѣе права быть причислено къ закрытымъ морямъ Россіи.

Со времени основанія русскаго государства, Карское море всегда считалось принадлежностью Россіи. Ни одна держава не оспаривала этого права. Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича запрещено было плаваніе въ немъ, и иностранныя державы не протестовали. Въ началѣ XVIII вѣка наше правительство предполагало основать крѣпость на Новой Землѣ и, наконецъ, въ XVIII столѣтіи и въ началѣ XIX отправляло для послѣдованія его морскія экспедиціи. Оно считало его закрытымъ для иностранныхъ морскихъ промышленниковъ, иначе оно не дало бы особыхъ правъ въ 1833 г. Бранту и въ 1869 г. Корнбуть-Кубитовичу.

На основаніи этихъ соображеній, Общество для содѣйствія русской промышленности и торговли просило подтвердить дипломатическимъ путемъ о нетерриториальности правъ Россіи на Карское море, какъ на море закрытое и чисто-русское, а также о береговомъ правѣ Россіи по всему берегу Ледовитаго океана, отъ Печоры до Беринговаго пролива, съ прилегающими островами, банками и отмелями. Тѣмъ болѣе, что норвежскіе публицисты успѣли возбудить вопросъ: самая Новая Земля можетъ ли считаться принадлежащею Россіи?

Правительство наше не спѣшило однако удовлетворить означеннаго ходатайства, такъ какъ Карское море, хотя и въ малыхъ

еще размѣрахъ, становится транзитнымъ путемъ для сообщенія Сибиря съ Западною Европою.

Болѣе внимательно наши дипломаты отнеслись къ ходатайству того же Общества въ 1872 году о неуступкѣ Шпицбергена норвежцамъ, о чемъ шведско-норвежское правительство обратилось къ нашему съ формальнымъ запросомъ. Такъ какъ Шпицбергенъ (Грумантъ) есть самый важный пунктъ Сѣвернаго океана для производства китоловнаго и др. морскихъ промысловъ, то извѣстie о ходатайствѣ скандинавовъ не могло не возбудить вниманiя въ такое время, когда вопросъ о развитiи производительныхъ силъ Сѣвера былъ поднятъ у насъ и въ правительствѣ, и въ публикѣ.

Съ формальной стороны ни одинъ изъ европейскихъ народовъ не могъ безусловно считать Шпицбергенскiе острова принадлежащими къ ея владѣнiямъ, и Норвегiя менѣе всѣхъ другихъ странъ въ правѣ была заявить свои претензiи, такъ какъ норвежцы только въ послѣднее время стали посѣщать сѣверный архипелагъ. Между тѣмъ русскiе издавна и весьма часто совершали плаванiя къ нему и жили тамъ по нѣскольку лѣтъ. Есть основанiе предполагать, что группа Шпицбергенскихъ острововъ была извѣстна русскимъ ранѣе ея открытiя Барендсомъ въ 1596 г. Во всякомъ случаѣ русскiе были первыми и одно время единственнымъ фактическимъ обладателями Шпицбергена. Только около 1851—53 гг. русскiе прекратили туда свои плаванiя. Съ своей стороны русское правительство неоднократно, особенно въ XVIII столѣтiи, принимало мѣры для развитiя промысловъ на Шпицбергенѣ и озабочивалось улучшенiемъ участи поморовъ, посѣщавшихъ этотъ архипелагъ. Необитаемость Шпицбергена также не могла служить основанiемъ для присоединенiя его къ Норвегiи. Необитаемы также русскiе острова: Новая Земля, Новая Сибирь, Кильдинъ, Колгуевъ, Валгачъ, но никому въ голову не придетъ требовать ихъ присоединенiя къ какой-либо державѣ.

Наши дипломаты не рѣшились, однако, настаивать на включенiи Шпицбергена въ составъ русскихъ владѣнiй и, не отдавая его Норвегiи, они объявили его какъ бы нейтральнымъ и доступнымъ для промышленной эксплуатацiи всѣхъ морскихъ державъ. То же сдѣлано было недавно и для Медвѣжьяго острова, куда забрался одинъ нѣмецъ.

VIII. ДАНIЯ.

Если въ стаканъ съ растворомъ нѣсколькихъ солей, одна относительно другой нейтральныхъ, подлить какой-нибудь реактивъ, то случается иногда замѣчать совершенное перемѣщенiе составныхъ частей: тѣ же элементы образуютъ новыя комбинацiи, часть солей садится, а въ растворѣ остаются совѣмъ другiя соли. Нѣ-

что подобное происходит и в политическом мире, причем роль действующего реактива играют перевороты и большія войны.

Послѣ революціонныхъ войнъ, завершившихся 1815 годомъ, произошло подобное перемѣщеніе въ составныхъ частяхъ различныхъ государствъ, называемое для краткости «измѣненіемъ карты Европы». Въ періодъ отъ окончанія Крымской войны до нашего времени составные элементы европейскихъ государствъ опять пришли въ броженіе и стремятся кристаллизироваться въ другомъ видѣ и образовать новыя политическія комбинаціи. Румынія соединилась, Италия объединилась, Германія сплотилась, Австрія расклепалась, Турція, Данія и Франція раздробились и т. д. Понятно, что на этомъ реакція не остановится—сократятся и преобразуются и другія старыя государства, образуются новыя.

Общее направленіе шло пока къ объединенію. Кавуръ облегчилъ гимназистамъ изученіе географіи, вычеркнувъ изъ списка пять государствъ; Бисмаркъ, съ своей стороны, уничтожилъ еще четыре. Затѣмъ на очередь европейской публицистикой были поставлены объединенія Иберійскаго полуострова, Скандинавскихъ государствъ и Нидерландовъ, или присоединеніе Голландіи и Бельгіи къ сосѣднимъ странамъ. Идея объединенія скандинавскихъ государствъ, Швеціи, Норвегіи и Даніи, получила сильный толчокъ послѣ отнятія у Даніи, въ 1864 году, ея нѣмецкихъ провинцій. Идею эту поддерживалъ покойный король Карлъ XV. Изъ разоблаченій Квантена, бывшаго библіотекаря шведскаго короля, видно, что въ моментъ, когда война между Пруссіей и Даніей уже вспыхнула, Карлъ XV предложилъ соединить Швецію, Норвегію и Данію въ одинъ семейный союзъ съ общимъ парламентомъ и военными силами. Король датскій отказался подъ предлогомъ, что Швеція и Норвегія не могутъ ему вполне обезпечить обладаніе Шлезвигъ-Гольштиніей. Скандинавскій конгрессъ экономистовъ показалъ затѣмъ, что идея объединенія не созрѣла еще даже на почвѣ экономической, которую далеко опередило, напримѣръ въ Германіи, объединеніе политическое.

Несмотря на близкое племенное родство, историческія условія чрезвычайно раздѣлили скандинавскія государства. Швеція, несмотря на свою конституцію, восходящую до XIV вѣка, въ настоящее время самое отсталое изъ скандинавскихъ государствъ. Хотя парламентская реформа 1866 года уничтожила старый сословный сеймъ, но въ Швеціи до сихъ поръ дворянство сохраняетъ различныя привилегіи, а лютеранство пользуется значеніемъ государственной религіи. Гражданское и церковное законодательства, и особенно законы о правахъ женщинъ, также чрезвычайно отстали въ Швеціи. Наоборотъ, деспотическая нѣкогда Данія теперь одно изъ либеральнѣйшихъ государствъ, а бывшая ея провинція Норвегія, безъ сомнѣнія, самая демократическая монархія Европы. Государственное устройство Норвегіи такъ дорого нор-

вещамъ, что они отстаиваютъ его съ особою ревностью; всѣ попытки шведскаго правительства объединиться съ Норвегіей учрежденіемъ особой палаты для разсмотрѣнія общихъ для полуострова дѣлъ встрѣчались со стороны норвежскаго парламента рѣзкій отказъ. А современная борьба показываетъ, какъ далека отъ норвежцевъ серьезная идея сближенія со шведами.

Въ послѣднее время оказалось, что и Исландія желаетъ отдѣлиться отъ Даніи, чтобы присоединиться къ Норвегіи. Предлогомъ къ тому исландцы выставляли централизацию управления, неимѣніе своего представительства и то, что датчане занимаютъ преимущественно земледѣліемъ и пассивной торговлей и вовсе не колонизируютъ своихъ владѣній; между тѣмъ Норвегія имѣетъ огромный торговый флотъ, ведетъ весьма активную торговлю и норвежцы охотно переселяются на сѣверъ; такимъ образомъ, вмѣсто объединенія, предъ нами являются совершенно противоположныя стремленія къ отторженію: Норвегіи отъ Швеціи и Исландіи отъ Даніи. Скандинавскому единству мѣшаетъ еще и то, что теоретическіе проповѣдники этого единства, забывая исторію двухъ послѣднихъ вѣковъ, присоединяютъ къ скандинавской униіи и Финляндію, а попытка отнять ее у могущественной Россіи была бы просто безуміемъ.

Исландія съ ея вулканами и бѣлыми медвѣдями хотя и не Богъ знаетъ какой лакомый кусокъ, но для такого маленькаго государства, какъ Данія, во всякомъ случаѣ—колонія, нелишенная извѣстной цѣнности. Датское правительство отвергло первоначальное предложеніе исландскаго альтинга объ измѣненіи исландской конституціи въ смыслѣ личнаго соединенія острова съ Даніей. Не имѣя успѣха въ Копенгагенѣ, исландскій альтингъ, чтобы подкрѣпить свое ходатайство, созвалъ народное собраніе. Результаты этого собранія хотя не оправдали ожиданій альтинга—большинство собранія высказалось за необходимость сдѣлать уступки и войти въ соглашеніе съ правительствомъ.—но неудача эта не охладила сепаратическихъ стремленій альтинга; онъ послалъ новые предложенія въ Копенгагенъ, которые были приняты въ 1875 г. и установили личное соединеніе Исландіи съ королевствомъ. Предложенія эти состояли въ слѣдующемъ: альтингъ облеченъ законодательною властью и одинъ будетъ утверждать каждые два года бюджетъ острова; министры дѣлаются отвѣтственными только передъ альтингомъ; никакая субсидія для общихъ потребностей датской монархіи не можетъ быть взята съ Исландіи безъ согласія альтинга. Антидатская агитація въ Исландіи все-таки не прекратилась; недавно исландскій языкъ сдѣланъ официальнымъ.

Но исландскія событія незначительны въ сравненіи съ внутрѣннею борьбою партій въ самой Даніи, напоминающей борьбу прусской палаты съ правительствомъ въ 1862—1865 годахъ. Въ Даніи, совершенно иначе нежели въ другихъ государствахъ,

въ оппозиціи съ правительствомъ находится не городское, а крестьянское сословіе: оно и посылаетъ въ парламентъ большинство, которое наноситъ пораженія министерству.

Сельскіе жители Даніи мало напоминаютъ крестьянъ другихъ мѣстностей. Мы уже видѣли въ Швеціи, что политическая сила перешла тамъ въ руки сельскаго населенія со времени послѣднихъ измѣненій въ конституціи; сельская масса въ Даніи еще болѣе вліятельна со временъ введенія конституціи 1866 года. Крестьяне и учителя сельскихъ школъ положительно господствуютъ въ нижней палатѣ и съ ними съ трудомъ борется правительство, сознающее, что разъ крестьянство одолѣетъ въ палатахъ окончательно, оно возбудитъ непременно вопросъ о самой формѣ правленія.

Монархіи обязана Данія своимъ мнувшимъ величіемъ, громкимъ подвигамъ конца XVI и начала XVII столѣтія, но монархическая полнота, затягивавшая постоянно Данію въ континентальные вопросы, была причиною ея паденія. Въ настоящее время датчане, какъ голландцы и норвежцы, сохраняютъ наружныя формы монархіи, хотя масса народа настолько развита и интересы ея до такой степени ограничены сферою собственныхъ домашнихъ дѣлъ, что нѣтъ болѣе никакихъ препятствій завтра же установиться какимъ угодно демократическимъ формамъ правленія.

Строго говоря, большого выигрыша отъ этого не будетъ для народа, ибо и въ настоящее время датчане пользуются весьма свободными учрежденіями; въ законахъ не осталось и слѣда какого-либо неравенства сословій. Тѣмъ не менѣ конституціонный кризисъ существуетъ въ Даніи хронически и правительство вынуждено было даже управлять нѣсколько лѣтъ безъ бюджета, правильно утвержденного, опираясь единственно на сходительныя голосованія верхней палаты, гдѣ правительство изъ 66 членовъ собственною властью назначаетъ двадцать одного, чѣмъ это учрежденіе существенно отличается отъ шведской высшей палаты. Защитники бюрократіи называютъ партію датскихъ крестьянъ социалистической и даже привѣтствовали смерть ея предводителя, профессора Гансена, и воровство въ нѣсколькихъ рабочихъ ссудо-сберегательныхъ кассахъ денегъ, какъ радостное для монархіи событіе, но уже одинъ видъ датской деревни достаточенъ, чтобы признать кличку «социалистовъ» справедливою быть можетъ касательно нѣкоторой части копенгагенскихъ фабричныхъ рабочихъ, по отношенію же къ датскимъ крестьянамъ—основанною на чистѣйшемъ недоразумѣніи.

Министерство графа Гольштейнъ фонъ-Гольштейнборга, управлявшее съ 1870 года, и смѣнившее его въ 1875 г. министерство Эструпа отказывалось выйти въ отставку. При каждомъ голосованіи въ фолькетингѣ они терпѣли пораженія, но, вопреки

конституціонной практикѣ, не уступали мѣста кабинету, взятому изъ рядовъ большинства. Въ свое оправданіе министерства приводили, что одинъ фолькетингъ не представляетъ еще страны. Отговорка эта, конечно, съ теоретической точки зрѣнія не выдерживаетъ критики, потому что въ Англіи, гдѣ палата лордовъ наследственная, и въ Бельгіи и Голландіи, гдѣ она избирается народомъ помимо всякаго участія короны, министерство подчиняется, однако, волѣ нижней палаты и формируется исключительно изъ ея большинства. Безъ этого уничтожается самое основаніе парламентарнаго управленія—воля народа, выражаемая большинствомъ голосовъ.

Чтобъ показать, какъ было убѣждено датское министерство въ своей непопулярности и не надѣялось найти поддержки въ странѣ, достаточно привести фактъ, что, несмотря на многочисленныя пораженія въ палатѣ, на отказы въ кредитахъ, значительныя сокращенія бюджета и отклоненіе всѣхъ важнѣйшихъ его проектовъ, министерство не рѣшалось, однако, распускать фолькетингъ, зная очень хорошо, что новые выборы только усилятъ оппозицію. Между тѣмъ новые выборы—обыкновенно средство для конституціоннаго правительства, чтобъ показать, находится ли истина на его сторонѣ. Въ воззваніи къ странѣ, изданномъ оппозиціей, справедливо говорилось: «Пререканія съ правительствомъ могутъ окончиться только двоякимъ образомъ: если король сомнѣвается, что фолькетингъ представляетъ мнѣнія избирателей, то долженъ распустить палату, если же не сомнѣвается, то можетъ уволить министерство и пригласить другое, болѣе согласное съ мнѣніемъ большинства фолькетинга».

Желаніе это вполне законно и согласно съ обычаями конституціонной жизни; но датское правительство не думало ему слѣдовать. Это объяснялось и тѣмъ, что правая была единодушна, а оппозиція (лѣвая) раздѣлена и состояла изъ «датчанъ» (умѣренная лѣвая) и европейцевъ (радикальная партія), враждебныхъ между собою; былъ еще центръ, мало вліятельный. Одно время партіи утомились въ борьбѣ и пошли на компромиссы, но засимъ борьба вновь возгорѣлась. Эструпъ просидѣлъ однако 18 лѣтъ, чѣмъ вновь доказалъ, что въ концѣ концовъ для массы народа не столько важна форма правительства, сколько результаты управленія.

Эструпа замѣнилъ въ 1894 г. кабинетъ Реедтца Тота, названный министерствомъ умпротворенія, но долго не удержался, вслѣдствіе разногласія съ либералами относительно военнаго бюджета и недружелюбнаго отношенія Эструпа. Во главѣ новаго кабинета сталъ Гаррингъ. Общая политическая система, состоявшая въ стремленіи образовать изъ умѣренныхъ элементовъ консервативной и либеральной партій крупную правительственную партію, не измѣнилась, но разногласія въ консервативной партіи усилились и грозили ей распаденіемъ. Бывшій министръ вѣроповѣданій Яковъ

Свавеніусъ образовалъ «молодую партію правой» — рѣшительной консервативной политикѣ. Его противникъ Динсенъ настаивалъ на необходимости привлечь посредствомъ нѣкоторыхъ уступокъ умѣренно-либеральную партію.

Результаты послѣднихъ выборовъ въ датскіе фолькетингъ и ландстингъ оказались весьма неудачными для консервативной партіи: она окончательно потеряла свое прежнее преобладающее положеніе. Парламентская лѣвая, руководимая Христенсеномъ-Стадлемъ и Гаге, вмѣстѣ съ социаль-демократами располагаетъ въ фолькетингѣ по крайней мѣрѣ 75 голосами противъ 16 — правой. Несоотвѣтствіе силъ обѣихъ партій слишкомъ очевидно и только уваженіе къ престарѣлому королю Христіану IX нѣсколько сдерживаетъ ходъ грядущихъ социальныхъ реформъ въ Даніи. Вторая палата риксдага — ландстингъ осталась представительницею консерватизма. Результаты выборовъ имѣли для консерваторовъ и хорошія послѣдствія. Они убѣдились, что своими внутренними раздорами они сами отчасти способствовали успѣху вліянія противниковъ — либеральной и социаль-демократической партій, а, вторыхъ, что необходимо сблизиться съ умѣренно-либеральной партіей. Этимъ обнаружилась несостоятельность «молодой партіи правой», — и она прекратила свое кратковременное существованіе. Съ исчезновеніемъ послѣдней положеніе Гарринга значительно упрочилось; для на компромиссы, послѣдній преобразовалъ министерство, взявъ военнымъ министромъ Сельмака, обнаруживавшаго склонность къ компромиссу съ лѣвой, а министромъ внутреннихъ дѣлъ Врамсена, *persona gratissima* социаль-демократовъ.

Вялость внѣшней политики даетъ хорошее оружіе въ руки оппозиціи. Съ потерей своихъ нѣмецкихъ областей Данія, ставъ государствомъ чисто скандинавскимъ, должна была также, казалось, отойти въ разрядъ счастливыхъ государствъ, не имѣющихъ исторіи. Нейтрализація Даніи при своемъ осуществленіи еще болѣе выдѣлила бы ее изъ круговорота европейской политической жизни. Только немногія событія заставляли обратить вниманіе на положеніе вещей въ этомъ маленькомъ государствѣ, которое долго считалось образцомъ мирнаго довольства. Важнѣйшими явленіями датской политики за послѣднее время были отношенія къ Германіи и Россіи.

Германія дѣлала неоднократно попытки сблизиться съ государствомъ, нейтралитетъ котораго для нея во всякомъ случаѣ весьма важенъ. Данія, оправившись отъ кроваваго пораженія 1864 года, быть можетъ забыла бы свои прежнія притязанія, еслибъ извѣстная статья Пражскаго трактата, включенная по настоянію Наполеона III, была выполнена Пруссіей. Къ сожалѣнію, послѣдняя, принимая во вниманіе, что Данія въ Пражскомъ трактатѣ никакого участія не принимала, заинтересованная же сторона, Австрія,

никакихъ претензій не заявляла, а главное руководствуясь принципомъ «что взято, то свято» и не помышляла собирать когда-либо голоса населенія съвернаго Шлезвига и исправить свою съверную границу. Взять наслѣднаго принца германскаго въ 1873 г. долженъ былъ, повидимому, замѣнить для Даніи уступку территоріи. Насколько это удовлетворило датчанъ, судить не трудно; посѣщеніе германскаго наслѣднаго принца имѣло семейный характеръ и принято было довольно холодно датскимъ населеніемъ.

Прусская политика систематическаго преслѣдованія произвела въ Даніи, равно и во всей Скандинавіи, удручающее впечатлѣніе и обострила отношенія между съверными народами и Германіею. — отношенія, которыя и безъ того были не совсѣмъ дружественныя. Большимъ утѣшеніемъ для датскаго народа было то, что вся европейская печать. — въ томъ числѣ и безпристрастные нѣмецкіе органы — выступила въ защиту преслѣдуемыхъ и рѣзко осудила наспія прусской власти.

Стоя на твердой почвѣ договоровъ, Данія могла бы протестовать и противъ включенія Гельголанда въ составъ Германской имперіи, такъ какъ островъ этотъ, принадлежавшій Даніи съ 1712 г., хотя и былъ захваченъ англичанами въ 1807 году, но утвержденъ за Англіею лишь трактатами 1814 — 15 годовъ, подъ которыми подписалась и Россія. Къ сожалѣнію, договоры эти не въ первый разъ нарушались берлинскимъ дворомъ. Цѣлый рядъ международныхъ постановленій ограждалъ проливы, соединяющіе Нѣмецкое море съ Балтійскимъ, охрана коихъ въ обще-европейскомъ интересѣ поручена была Даніи, за которою, сверхъ того, были укрѣплены Шлезвигъ и Голштинія, какъ необходимое дополненіе ея владычества надъ Зундомъ и Бельтами. Съ этимъ интересомъ вполне совпадали частные интересы Россіи, а потому, естественно, онъ въ продолженіе двухсотъ лѣтъ оставался непреложнымъ догматомъ нашей дипломатіи.

Данія, которой нѣкогда принадлежала Эстляндія, а потомъ островъ Эзель, съ своей стороны весьма близко интересовалась русскими дѣлами. Прорубая окно въ Европу, Петръ Великій предвидѣлъ, что отвоеванное имъ у шведовъ побережье можетъ принести Россіи всю ожидаемую пользу лишь подъ условіемъ, что входъ и выходъ въ Балтійское море останутся всегда открытыми для заводимаго имъ флота, какъ военнаго, такъ и торговаго. Отсюда тѣсный союзъ Петра съ Даніею, а при первыхъ попыткахъ капенгагенскаго двора перейти на сторону враговъ Петра — стремленіе самому завладѣть мекленбургскимъ и голштинскимъ поморьемъ посредствомъ брачныхъ союзовъ съ владѣтелями этихъ странъ. Въ великой съверной войнѣ Данія была вѣрнѣйшей союзницей Россіи. Охлажденіе началось только съ присоединеніемъ Шлезвига и Голштиніи къ Даніи. Дѣло уладилось и то временно только въ 1732 г.

Союзный договоръ съ датчанами при Екатеринѣ II приобрѣлъ надлежащую устойчивость вслѣдствіе обмѣна на Ольденбургъ и Дельменгорстъ правъ наследника русскаго престола на Шлезвигъ и Голштинію, съ уступкою означеннаго удѣла младшей линіи голштинскаго дома. Съ этой минуты связь Даниі съ Россіей оставалась неразрывною, за исключеніемъ короткаго промежутка, когда, въ 1812 году, необходимость удержать Бернадота отъ союза съ Наполеономъ вынудила императора Александра I дать согласіе на отторженіе Норвегіи отъ Даниі и на присоединеніе ея къ Швеціи въ видѣ вознагражденія за утраченную Финляндію.

Императоръ Николай неизмѣнно оставался другомъ Даниі. Когда, въ 1848 году, революціонное движеніе въ Германіи обратилось противъ Даниі съ цѣлью отторженія отъ нея приэльбскихъ герцогствъ и Пруссія объявила ей войну и войска ея подошли къ границамъ Ютландіи, Николай I не ограничился дипломатическими представленіями берлинскому двору, а послалъ свой флотъ на защиту Копенгагена. «Не бойся, король датскій, Епанчинъ съ тобою», сказалъ, говорятъ, Фридриху VII русскій адмиралъ, ветеранъ Наварина, командовавшій русскою эскадрою, и въ этихъ простодушныхъ словахъ, какъ вѣрно замѣтилъ г. Татищевъ, скрывался глубокій политическій смыслъ. Когда одного появленія нашего флота подъ стѣнами датской столицы не оказалось достаточнымъ, чтобы спасти Данию отъ грозившей ей опасности, Николай I потребовалъ немедленной приостановки военныхъ дѣйствій, предупреждая, что если Пруссія не исполнитъ это требованіе, то разрывъ между Россіей и Пруссіей неизбеженъ. Въ виду этого заявленія Пруссія и заключила перемиріе съ Данией въ Мальмѣ.

Лондонскій договоръ 1852 года обезпечилъ Даниі признаніе цѣлости ея территоріи всѣми великими державами. Но это обезпеченіе оказалось мнимымъ. Когда въ 1864 г. Пруссія съ Австріею началъ войну противъ маленькой Даниі, въ Копенгагенѣ пѣли право рассчитывать на защиту Англіи и Россіи. Бездѣйствіе англійчанъ достаточно объясняютъ слова одного изъ пѣхъ государственныхъ людей: «Если бы Киль былъ портомъ Нѣмецкаго моря, то вопросъ шлезвигъ-голштинскій могъ бы касаться Англіи; но Бильгаванъ балтійская и вопросъ этотъ—русскій вопросъ». Но какое-то пагубное ослѣпленіе удержало русскую дипломатію отъ подачи Даниі помощи въ борьбѣ ея съ превосходными силами двухъ великихъ державъ не за одно свое существованіе, но и за прямой и старинный русскій интересъ. Англія, дважды уничтожавшая въ началѣ этого столѣтія морскую силу Даниі съ тою же безцеремонностью, какъ она уничтожила морское могущество Голландіи, не пошевелила пальцемъ, и ограничилась платоническими манифестациями въ парламентѣ. Англія думала, что создаетъ опаснаго врага Россіи, но упустила изъ виду, что объединенная Германія поже-

лаеть стать морскимъ государствомъ и въ этомъ отношеніи будетъ скорѣе дѣйствовать противъ Англіи нежели противъ Россіи ¹⁾

По отношенію къ внутренней политикѣ Даніи Россія должна, конечно, относиться нейтрально, но успѣхъ ея партій для нея не безразличны. Датскіе социаллисты стоятъ за союзъ съ Германіей, лѣвые не желаютъ этого союза и рѣшительно противятся военнымъ расходамъ и укрѣпленію Копенгагена, для насъ весьма важному. Ихъ пугаетъ, впрочемъ, слухъ о секретномъ договорѣ Даніи съ Россіей.

Въ дѣйствительности неприкосновенность водъ, омывающихъ Данію—утопія; проливы, раздѣляющіе Балтійское море отъ Каттегата, никакъ нельзя назвать теперь датскими водами. Еще на Зундѣ, вслѣдствіе установившейся по старому обычаю пошлины, Данія имѣла претензіи какъ на свои воды, но выкупъ въ 1858 г. пошлины сдѣлалъ Зундъ открытымъ для всѣхъ достояніемъ и лишилъ Данію какихъ-либо правъ на полицію въ этихъ водахъ. Но нельзя сказать, чтобы прилегающія къ Балтійскому морю маленькія державы не могли въ случаѣ войны оказать намъ никакого содѣйствія. Ужъ если только Швеція, Норвегія и Данія заявятъ, что англійскія военныя суда и призы не имѣютъ права, кромѣ случая force majeure, заходить въ ихъ порты и тамъ получать что либо, то и это очень стѣснить англичанъ, какъ было стѣсненъ французскій флотъ въ 1870—71 гг. при его военныхъ дѣйствіяхъ противъ Германіи.

Еще бы лучше было, если бы сосѣднія съ Балтійскимъ моремъ державы, опираясь на Германію, предложили Англіи, въ виду крайняго убытка для ихъ торговли отъ крейсерской войны, не дѣлать Балтійское море цѣлью военныхъ операцій. Подобные случаи нерѣдки. Въ Крымскую войну, въ угоду Соединеннымъ Штатамъ, союзники отказались дѣлать наши американскія колоніи предметомъ военныхъ операцій, а мы, ради Австріи, сдѣлали то же самое по отношенію къ Сербіи. Въ послѣднюю Восточную войну, въ угоду Англіи, мы обязались не производить военныхъ дѣйствій противъ Египта и вообще въ восточной части Средиземнаго моря. Эти прецеденты даютъ нейтральнымъ державамъ право попытаться сдѣлать Англіи вышеозначенныя предложенія.

Вопросъ только: приметъ ли ихъ Англія? Я думаю, что нѣтъ. Иначе тогда ей пришлось бы, въ виду возможности занятія нами

¹⁾ Неудачѣ Англіи помогъ твердый образъ дѣйствія Бисмарка и власть престарѣлаго лорда Джона Росселя. Послѣдній написалъ Пруссіи очень грубую ноту, которую Бисмаркъ не удостоилъ даже отвѣтомъ. Спусти нѣсколько недѣль, вслѣдствіе новаго запроса въ англійскомъ парламентѣ, Россель прислалъ новую ноту, составленную нѣсколько мягче. И съ этою нотой Бисмаркъ поступилъ точно такъ же, какъ съ первою, и сталъ ждать, что предприметъ англійскій министръ. Вышло нѣчто такое, чего онъ не ожидалъ. Когда послѣдовалъ третій запросъ въ палатѣ, Россель не побоялся заявить, что имъ получено отъ Пруссіи «полное удовлетвореніе»!

выхода изъ Босфора, ограничиться на морѣ, гдѣ ея сила особенно велика, только дѣйствіями противъ пустынныхъ береговъ Архангельской губерніи и Приморской области Восточной Сибіри. Если же Англія не изъявитъ согласія на нейтрализацію Балтійскаго моря, то едва ли можно надѣяться, что подобный отказъ Германія и скандинавскія державы почтутъ за *casus belli*.

Конечно, вмѣсто нейтрализаціи Балтійскаго моря можно бы по общему договору нейтрализовать Данію.

Еще въ декабрѣ 1896 г. фолькетингъ, по инициативѣ представителя реформаторской лѣвой Кристоффера Гаге, единогласно принялъ резолюцію, что правительство не упуститъ никакого случая убѣдить иностранныя государства въ томъ, что Данія при войнахъ другихъ государствъ будетъ исключительно заботиться о сохраненіи своего нейтралитета. Первый министръ Реддцъ-Тотъ сказалъ при этомъ, что «Данія въ теченіе долгаго европейскаго мира едва ли будетъ имѣть возможность торжественно заявить о своемъ намѣреніи держаться въ сторонѣ отъ всякаго европейскаго столкновенія, но что никакого договора съ Россіей она не имѣетъ. Правительство настойчиво заявляетъ, что укрѣпленіе столицы имѣетъ цѣлью обезпечить только нейтралитетъ. Правительство всегда стремилось избѣжать всего, что могло бы въ случаѣ войны наложить на Данію какія-либо обязательства». Въ 1898 г. въ фолькетингѣ министръ иностранныхъ дѣлъ Равнъ сообщалъ, что правительство поручало посланникамъ Даніи спросить у иностранныхъ правительствъ, есть ли возможность для Даніи добиться гарантированнаго нейтралитета? Правительства съ полной признательностью отнеслись къ готовности Даніи занять нейтральное положеніе, но въ настоящее время не существуетъ ни малѣйшей вѣроятности добиться означеннаго нейтралитета.

Проектъ нейтрализаціи хотя нашелъ многихъ сторонниковъ въ Даніи, былъ бы только на руку Германіи и, слѣдовательно, вреденъ для Россіи. При нейтрализаціи Даніи Германія была бы спокойна за свою сѣверную границу, Данія сдѣлалась бы тогда вассаломъ Германіи, тогда какъ теперь вся сила ея въ томъ, что она можетъ заключить съ кѣмъ нибудь союзъ и тѣмъ получить значеніе. Въ случаѣ нужды она можетъ заключить союзъ и съ тою же Германіей. Нейтрализаціи Даніи невозможна также безъ нейтрализаціи Швеціи и Норвегіи, имѣющихъ съ нею много общихъ интересовъ.

Датскіе проливы измѣнились, впрочемъ, въ послѣднее время свое значеніе. Германія, которая на Балтійскомъ морѣ съ военно-морской точки получила преобладающее значеніе, парализовала стратегическое значеніе Даніи сооруженіемъ морскаго канала, соединяющаго Нѣмецкое и Балтійское моря. Въ настоящее время флоты Германіи и ея союзниковъ, даже при враждебномъ положеніи Даніи, могутъ свободно двгаться изъ моря въ море. Каналь вы-

звать большія опасенія въ датской печати. Изъ балтійскаго Геллес-понта, говорила она, Зундъ обращается въ болото, по которому будетъ сообщаться Копенгагенъ съ сосѣдними шведскими портами. Опасенія эти, конечно, преувеличены, но равнымъ образомъ преувеличены и надежды на проектъ, благодаря porto-franco, парализовать торговое значеніе Кильскаго канала и сдѣлать датскую столицу соперницею Гамбурга и Бремена.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія Данія была обѣднѣйшей на всемъ континентѣ страной; теперь по богатству она превышаетъ всѣ остальные государства, обогнала даже Францію, такъ какъ въ ней приходится на каждого жителя по 2,300 р. изъ общаго капитала страны, а во Франціи по 2,240 р. (въ Россіи — только 550 р.). Развитіемъ своего благосостоянія Данія обязана высокой степени научныхъ знаній по сельскому хозяйству и жертвамъ, которыя дѣлало и дѣлаетъ правительство на пользу сельскаго хозяйства. Для насъ торговля съ Даніей довольно выгодна. Она урегулирована недавно договоромъ 1894 г., который замѣнилъ торговый договоръ 1782 г., старѣйшую изъ нашихъ торговыхъ конвенцій. Договоръ 1782 г. окончился въ 1794 г., но косвенно былъ восстановленъ мирнымъ трактатомъ 1814 г. и дополненъ въ 1831 г. Изъ этого договора въ сущности только одна статья сохраняла силу. Новый договоръ заключенъ съ русско-германскаго и русско-австро-венгерскаго; таможенныхъ пошлинъ онъ не коснулся, такъ какъ онѣ очень малы въ Даніи для русскихъ товаровъ.

IX. ГОЛЛАНДІЯ И ЛЮКСЕМБУРГЪ.

Голландцы — маленькій народецъ, не производящій хлѣба въ достаточномъ количествѣ даже для своего потребленія и имѣющій промышленность, которая не особенно отличается на выставкахъ; народецъ, который не въ состояніи наполнить свои карманы и контрибуціей, такъ какъ онъ не въ силахъ быть побѣдителемъ даже султана ачинскаго.

Въ прежнее время (правда, очень давно) голландская промышленность была первая въ Европѣ, и до сихъ поръ титулъ «голландскаго» остался почетнымъ названіемъ для многихъ продуктовъ; говорятъ: «голландское полотно», «голландская бумага» и т. п., чтобы показать высокое качество товара. Разсматривая же голландскіе отдѣлы на выставкахъ, не только не замѣчалось этого превосходства голландскихъ пздѣлій передъ прочими европейскими, но даже не находилось вовсе нѣкоторыхъ продуктовъ, которыми повидимому, особенно славилась Голландія, напримѣръ песчей бумаги.

Богатство Голландіи приписываютъ обыкновенно ея колоніямъ; но доходы колоній давно уже сильно сократились, голландскій тор-

говый флотъ также уменьшается. Не совсѣмъ неосновательно Голландію называютъ европейскимъ Китаемъ; а при всемъ томъ все-таки голландцы самый богатый народъ въ Европѣ. Когда въ 1870 году былъ конвертированъ австрійскій государственный долгъ слишкомъ на миллиардъ рублей, оказалось, что половина его находится въ голландскихъ карманахъ, хотя въ тѣхъ же карманахъ, какъ извѣстно, помѣщалась уже и порядочная часть долговъ русскихъ, американскихъ, испанскихъ и многихъ другихъ. Тайна этого факта заключается, несомнѣнно, въ двухъ обстоятельствахъ—какъ я убѣдился во время моего двукратнаго путешествія по Голландіи: во-первыхъ, въ томъ, что богатство распространено тамъ во всѣхъ классахъ общества, а не въ одномъ, какъ въ большей части другихъ государствъ, и во-вторыхъ, разъ накопленное богатство не уничтожается, такъ такъ во всѣхъ слояхъ голландскаго общества трудолюбіе и умѣренность одинаковы, и доходъ всегда съ нѣкоторымъ избыткомъ покрываетъ расходы каждаго частнаго бюджета, отчего образованіе новыхъ капиталовъ не встрѣчаетъ никакихъ затрудненій. Въ Голландіи говорятъ: «это человекъ сумасшедшій, онъ проживаетъ двѣ трети своего годового дохода!»

Поднятая въ послѣднее время мысль о воссоединеніи Голландіи съ Бельгіей имѣетъ очень мало шансовъ на успѣхъ. Во всякомъ случаѣ она заслуживаетъ вниманія послѣ упорной борьбы, которую семьдесятъ лѣтъ тому назадъ Бельгія выдержала противъ правительства голландскаго короля Вильгельма II. Этотъ король «принадлежалъ», по словамъ Литтона Бульвера, «къ числу тѣхъ умныхъ людей, которые постоянно дѣлаютъ только глупости». Любопытно, что въ то время, когда голландскій король ни за что не хотѣлъ уступать Бельгіи, голландцы очень были рады отдѣлаться отъ бельгийцевъ. Теперь послѣдніе сожалеютъ о разрывѣ. Защитникомъ объединенія выступилъ, между прочимъ, покойный весьма извѣстный бельгійскій публицистъ Лавелё, статьи котораго произвели сильное впечатлѣніе и въ Бельгіи, и въ Англіи.

«Революція 1830 года», говоритъ «Лавелё, была такою же большою ошибкою, какою была бы, напр., революція, которая отдѣлила бы Ирландію отъ Англіи». Устройство королевства Нидерландовъ, осуществившее идею, къ которой стремились нѣкогда герцоги Бургундскіе, было однимъ изъ лучшихъ дѣлъ Вѣнскаго конгресса. Сѣверныя провинціи Нидерландовъ, германскаго происхожденія, служили препятствіемъ къ покоренію южной части Франціи; южныя провинціи, латинскаго происхожденія, играли ту же роль по отношенію къ Германіи. Государство съ 9 или 10 милліонами населенія въ Европѣ, не считая колоній, съ бюджетомъ свыше 100 милл. рублей, было бы такъ же сильно, какъ Пруссія въ 1815 году, и представляло бы совершенно удовлетворительныя условія для защиты отъ иноземнаго нашествія. Въ настоящее

время Голландія съ опасеніемъ смотритъ на востокъ, т.-е. на Германію, Бельгія—на югъ, и для обѣихъ нѣтъ увѣренности въ совершенной безопасности. Друзья свободы въ Бельгіи, опираясь на протестантовъ въ Голландіи, могли бы съ успѣховъ сопротивляться ультрамонтанству; теперь же, совершенно одинокіе, они очень близки къ окончательному пораженію. Возбудивъ революцію 1830 года, бельгійское католическое духовенство, по мнѣнію Лавелё, совершило преступленіе противъ спокойствія Европы.

Весьма интересно, что въ то время, когда пбѣрійскій и скандинавскій союзы проповѣдуются во имя племенного единства, возстановленіе Нидерландовъ поддерживается во имя реллигозной свободы и политической независимости. Насколько послѣдніе мотивы серьезнѣе перваго—покажетъ время; но до сихъ поръ интересы національностей брали рѣшительный перевѣсъ надъ всякими другими соображеніями.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что реакціонный духъ мало-по-малу охватываетъ всю Европу; даже такіа государства, какъ Голландія, стоящая почти особнякомъ въ системѣ европейскихъ государствъ и представляющая въ своей конституціи довольно удачное приложеніе децентрализаціи провинцій (бывшихъ штатовъ), не составляютъ исключенія изъ общаго направленія и дѣлаютъ уступки минутному настроенію общественнаго мнѣнія. Послѣднія министерства Геемскирпа и барона Макея принадлежали къ консервативной, даже клерикальной партіи. Конечно, нужно принять во вниманіе, что голландскіе консерваторы не имѣютъ ничего общаго съ французскими ultras, прусскими юнкерами или бельгійскими клерикалами, что это не болѣе, какъ либералы очень умѣреннаго оттѣнка, нѣчто въ родѣ англійскихъ виговъ. Во всякомъ случаѣ, очевиденъ тотъ фактъ, что либеральная голландская партія, такъ долго державшая, подъ руководствомъ Торбекэ, управленіе въ своихъ рукахъ, разстроилась и не имѣетъ опредѣленной программы—явленіе, которое замѣчается и въ Бельгіи.

Большіе успѣхи клерикаловъ въ Голландіи тѣмъ еще замѣчательнѣе, что, всегда осторожные въ отношеніи реллигозныхъ вопросовъ, голландцы оградили еще себя отъ вторженія клерикализма въ народную среду запрещеніемъ преподавать въ народныхъ школахъ какой бы то ни было катехизисъ, предоставляя реллигозное воспитаніе юношества исключительно семейному вліянію.

Подобная система свѣтскаго, нейтральнаго воспитанія и составляетъ предметъ атаки со стороны голландскихъ клерикаловъ, которые распадаются на двѣ главныхъ партій: антиреволюціонеровъ, ярыхъ кальвинистовъ, строящихъ всю политику на реллигозныхъ началахъ и потому равнодушныхъ даже къ формѣ правительства, и католиковъ, необыкновенно искусно предводительствуемыхъ священникомъ Шенманомъ. Провинціи Лимбургъ и сѣверный Брабантъ душою преданы этой партіи, вліятельной и въ другихъ

провинціяхъ, хотя число католиковъ Голландіи пропорціонально уменьшается. Въ 1830 г. они составляли двѣ пятыхъ населенія, теперь они составляютъ одну четверть.

Низшія школы въ Голландіи раздѣляются на правительственныя, получающія субсидіи отъ общины, и на частныя. Такъ какъ въ первыхъ преподаваніе Закона Божія не входитъ въ составъ программы, то родители, желающіе доставить дѣтямъ релігіозное образованіе, принуждены обращаться къ частнымъ школамъ, число которыхъ быстро растетъ. Защитники послѣднихъ и требуютъ либо прекращенія субсидій правительственнымъ школамъ, либо распространенія ея и на частныя. Затѣмъ, между внутренними вопросами Голландіи заслуживаютъ вниманія: избирательный цензъ, введеніе подоходнаго налога, неприятнаго богатымъ голландцамъ, живущимъ рентой отъ иностранныхъ процентныхъ бумагъ, но тѣмъ не менѣе необходимаго для поправленія голландскихъ финансовъ, не питаемыхъ болѣе манною колоніальныхъ избытковъ, и вопросъ о всеобщей воинской повинности. Насколько удастся разрѣшить эти задачи — предсказать трудно, такъ какъ каждое министерство, по своему характеру не столько политическое, сколько дѣловое, едва ли располагаетъ серьезнымъ большинствомъ въ палатахъ. Во всякомъ случаѣ, исходъ этихъ вопросовъ, важный для голландцевъ, имѣетъ только самый ничтожный интересъ для другихъ европейскихъ державъ.

Со времени своего существованія Нидерландское королевство, неправильно называемое Голландіей, уже три раза пересмотрѣло конституцію, послѣдній разъ въ 1887 г. Выборы 1891 г., къ общему удивленію, кончились побѣдою либераловъ; вмѣстѣ съ радикалами и социалистами, партію которыхъ въ Голландіи создалъ Домела Нювенхуйсъ, они составили большинство въ нижней палатѣ относительно консервативныхъ партій католиковъ и ихъ союзниковъ протестантовъ и антиреволюціонеровъ. Расколъ послѣдней партіи съ католиками, несмотря на обѣщаніе сопротивляться военному закону и угрожать папѣ, и обезпечилъ побѣду либераламъ, предводители которыхъ Фанъ-Гутенъ и Рюль, до того во многомъ не согласные между собою, стали министрами. Въ Голландіи, странѣ самостоятельныхъ характеровъ, случаи, что депутаты не идутъ за своими вождями, заключающими соглашенія, нерѣдки.

Въ 1896 г. избирательный законъ снова былъ пересмотрѣнъ, число депутатовъ удвоено, введена почти всеобщая подача голосовъ и секретный вотумъ, но на этомъ агитація не закончилась. Въ то время когда Бельгія стремится ввести у себя такъ называемое *scrutin uninominal*, т. е. избраніе по одному кандидату въ каждомъ избирательномъ округѣ, голландцы употребляютъ всѣ усилія, чтобы отдѣлаться отъ подобной системы, убѣдившись въ ея несостоятельности.

Въ Голландіи замѣтно также пониженіе парламентскаго уровня:

вмѣсто энергичныхъ, выдающихся по способностямъ депутатовъ, въ настоящее время двѣ трети парламента составляютъ посредственности, не приносящія странѣ ни малѣйшей пользы и совершенно неподготовленныя къ роли законодателей. Голландское правительство до сихъ поръ никогда не слѣдовало примѣру правительствъ другихъ конституціонныхъ государствъ и не пыталось оказывать давленіе на избирателей.

Колоніальная система до XIX столѣтія была одинакова во всѣхъ государствахъ и облеклась въ извѣстныя весьма опредѣленныя формы, которыя всѣмъ хорошо извѣстны по критикѣ въ каждомъ руководствѣ политической экономіи. Систему эту можно назвать эксплуатацией колоній метрополіею, съ исключеніемъ изъ конкуренціи всѣхъ прочихъ государствъ. Послѣ громадныхъ политическихъ переворотовъ въ колоніяхъ, въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтій, политика эта, занимающая важныя страницы въ исторіи трехъ столѣтій, существенно видоизмѣнилась и, сообразно народному характеру различныхъ государствъ, управление колоніями сложилось въ три разнородныя системы.

Голландія создала систему доходныхъ колоній—доходныхъ не въ смыслѣ эксплуатаціи колониальнаго населенія, но отъ благоразумнаго направленія колониальной производительности. Двадцать-пять тысячъ голландцевъ держатъ въ рукахъ большую часть Остъ-Индскаго архипелага въ 29,000 кв. миль, съ 25 милл. туземнаго населенія; они извлекали изъ него огромные доходы; даже въ неудачный періодъ 1867—1871 годовъ Голландія получила отъ своихъ колоній 51,202,600 гульденовъ чистаго дохода. Этимъ она обязана генію губернатора Явы, генерала Ванъ-денъ-Боша, который въ тридцатыхъ годахъ ввелъ въ колоніяхъ, приносящихъ до того постоянный убытокъ, широкую культуру предметовъ, потребныхъ Европѣ: кофе, сахара, индиго, кошенили и табаку. Счастлива та страна, гдѣ генералы употребляютъ свои таланты на разведеніе кофе! Благодаря подобному явленію, Голландія съ 1833 года получила отъ своихъ колоній болѣе 500 милл. руб. чистаго барыша. При такихъ барышахъ, достигавшихъ въ благопріятные годы 2½ милл. руб., очевидно, Голландія смотрѣла весьма равнодушно на тѣ колоніи, которыя не приносили ей барыша; наоборотъ, она всячески старалась укрѣпить за собою владычество въ колоніяхъ, дающихъ прибыли. Эти стремленія превосходно обрисовались въ рѣшеніи вопросовъ о гвинейскомъ берегу и Суматрѣ.

Дѣло въ томъ, что на гвинейскомъ берегу у Голландіи были колоніи, которыми она владѣла двѣсти-пятьдесятъ лѣтъ и которыя—о ужасъ!—приносили ей 50,000 руб. ежегоднаго убытка. Съ другой стороны, Голландія владѣла $\frac{1}{3}$ острова Суматры, который по естественнымъ богатствамъ не уступаетъ нѣсколько баснословной Явѣ, но имѣетъ только въ десять разъ менѣе населенія. Остальная $\frac{1}{3}$ острова Суматры принадлежала номинально

англичанамъ, которые, по свойственной имъ жадности, заявляли весьма неопредѣленные притязанія и на другія части острова. Голландцы, для окончательнаго рѣшенія вопроса о разграниченіи Суматры, предложили уступить гвинейскій берегъ англичанамъ и возложить на нихъ бремя 50,000 р. дефицита. Англичане, забывъ совѣты своего великаго экономиста Смита—«оставлять всё колоніи, которыя не могутъ содержать себя во время мира и защищать во время войны», и слова Корнуаль Льюиса, что «націи не дѣлаютъ чести владѣніе странами, которыя не приносятъ ни ей, ни другимъ дохода, и что безславно удерживать колонію, откуда не извлекаешь ни доходовъ, ни военной или морской силы, ни коммерческихъ выгодъ, ни способовъ для эмиграціи», — согласилась на это предложеніе.

Это согласіе пробудило патриотизмъ голландцевъ; пріѣхавъ какой-то черныи депутатъ отъ африканскаго короля Эльмина и умолялъ парламентъ не утверждать уступки. Самыя вліятельныя газеты писали, что Голландія не можетъ продавать населенія, находящагося 2½ вѣка подъ ея покровительствомъ; если же ей обходится дорого содержаніе гвинейской колоніи, то она можетъ подарить ее королю Эльмина, посылающему такихъ краснорѣчивыхъ депутатовъ. Когда законъ прошелъ въ обѣихъ палатахъ, газеты взывали къ королю, вспоминая, что онъ присягалъ блюсти цѣлость государственной территоріи, а конституція 1798 года, правда отмѣненная, даже прямо оговаривала неотчуждаемость гвинейскаго берега. Все это не помогло, и подданные короля Эльмина сдѣлались подданными королевы Викторіи; зато голландцы спокойнѣе смотрятъ теперь на Суматру и другія остъ-индскія колоніи.

Суматра оказалась, однако, не очень пріятнымъ пріобрѣтеніемъ. Для упроченія голландскаго владычества пришлось снаряжать экспедиціи противъ ачинскаго султана, бывшія причиною паденія нѣсколькихъ министерствъ и стоившія много денегъ и до сихъ поръ далеко не доведенныя до конца. Значеніе этой войны гораздо важнѣе, чѣмъ она кажется съ виду. Отказавшись отъ полнаго завоеванія острова, голландцы продолжаютъ войну уже двадцать слишкомъ лѣтъ на другихъ основаніяхъ. Они усилили военный флотъ, чтобы дѣйствительнымъ образомъ блокировать берега Суматры; затѣмъ, занятые пункты укрѣплены, и внутрь страны голландцы подвигаются осторожно, не атакуя болѣе на-авось мало извѣстныя имъ позиціи. Прекратить же войну значило бы уронить навсегда значеніе Голландіи въ Индійскомъ архипелагѣ. Это тѣмъ опаснѣе, что голландцы своихъ обширныхъ владѣній вовсе не колонизируютъ. Небольшая вербованная армія удерживаетъ тамъ въ повиновеніи двадцать пять милліоновъ довольно воинственныхъ туземцевъ, сохранившихъ большей частью свою администрацію, свою аристократію и даже своихъ наследственныхъ султановъ.

Заронить въ эту массу сознание безсилія Голландіи все равно, что отказаться отъ владѣній, изъ которыхъ Голландія извлекала уже столько милліоновъ и которыя при сохраненіи обязательной для мѣстнаго населенія культуры кофе общають еще для ея торговли громадныя выгоды.

Ачинское дѣло имѣетъ очень много общаго съ нашими отношеніями въ Хивѣ. Неосторожную экспедицію, предпринятую голландцами съ малыми средствами противъ Кратона въ 1872 году, можно сравнить съ нашею хивинскою экспедиціей 1839 года. Загѣмъ мы долго бездѣйствовали, пока, изучивъ съ 1869 по 1872 годъ пути, уничтожили въ 1873 году политическое значеніе Хивы на-вѣрняка. Голландцы, болѣе заинтересованные на Суматрѣ, торопились исправить сдѣланную ошибку: на слѣдующій же годъ возобновили они экспедицію, но опять съ недостаточными средствами. Не подлежитъ также сомнѣнію, что англійскіе купцы поддерживаютъ военною контрабандою упорное сопротивленіе ачинцевъ; какъ ни слаба Голландія, но англичане не желаютъ позволить ей занять крѣпкое положеніе въ Малаккскомъ проливѣ, на важномъ торговомъ пути изъ Индо-Китаю, Китаю и Японіи въ Европу.

Положеніе голландцевъ далеко еще не отчаянное; для такой богатой страны война, въ родѣ ачинской, ничто; но голландцы—народъ вообще крайне разсчетливый. Едва ли, однако, разсчетливость возьметъ у нихъ верхъ надъ политическимъ благородіемъ. Съ конца XVII вѣка Голландія быстро шла въ потерѣ своего политическаго вліянія; утрата колоній низвела бы ее на степень третъеклассной державы, и тогда она несомнѣнно будетъ поглощена сильнымъ сосѣдомъ, давно бросающимъ на нее жадныя взоры.

Сосѣдъ этотъ Германія; но голландцы вовсе не желаютъ сліянія съ послѣдней, что особенно проявилось, когда въ 1889 г. германскій императоръ посетилъ Голландію съ огромною свитою и министрами иностранныхъ дѣлъ барономъ Маршалемъ, очевидно съ цѣлью втянуть сосѣда въ тройственный союзъ.

«Нидерландскій народъ не желаетъ никому подчиняться, желаетъ жить самостоятельно»—таковъ былъ общій крикъ всѣхъ органовъ печати безъ различія партій. «Standard», органъ антиреволюціонеровъ, энергически доказывалъ, что необходимо Вильгельму II вынести твердое убѣжденіе, что голландцы вовсе не нѣмцы, живутъ и думаютъ иначе и что «нѣтъ ничего общаго между флегматическими жителями Амстердама и Роттердама и лихорадочными (?) жителями Берлина». Въ свою очередь органъ либераловъ «Handelsblad» протестовалъ противъ всякой идеи союза. Такія-де идеи могутъ прийти только пзвнѣ, голландское же правительство не можетъ имѣть другой политики, кромѣ мира со всѣми державами и полного нейтралитета. «Tijd», органъ католической партіи, не видитъ, что Голландія можетъ имѣть общаго съ тройственнымъ союзомъ, а тѣмъ

болѣе въ интересахъ его выступать противъ Франціи. Ея роль—держаться внѣ всякихъ ссоръ великихъ державъ.

Голландію нельзя, впрочемъ, считать совершенно нейтральною. Хотя Англія разорила торговлю и морское могущество Голландіи, но послѣдняя находится подъ ея сильнымъ вліяніемъ; Англія многократно помогала Голландіи въ ея столкновеніяхъ съ Франціей, спасала отъ полнаго подчиненія послѣдней, голландскія колоніи легко могутъ быть захвачены англичанами, послѣдніе держатъ въ своихъ рукахъ сообщеніе съ этими колоніями черезъ Суэзь, поэтому голосъ англійской дипломатіи преобладающій въ Гаагѣ.

Съ Германіей связываютъ Голландію только династическіе интересы. Домъ Нассау нѣмецкаго происхожденія, престолонаслѣдіе въ случаѣ бездѣтности королевы должно перейти къ нѣмцамъ; несомнѣнно также, что королева Вильгельмина выйдетъ замужъ за нѣмецкаго и протестантскаго принца. Но съ рѣшеніемъ этого важнаго вопроса, который можно сравнить съ вопросомъ о бракѣ королевы Изабеллы Испанской въ 40-хъ годахъ, голландцы не торопятся.

Въ настоящее время равновѣсіе въ отношеніяхъ къ Англіи и Германіи нѣсколько нарушено. Англо-трансваальская война вызвала въ Голландіи сильное возбужденіе противъ англичанъ. Сочувствіе къ Германіи появилось въ 1895 г., со времени набѣга Джемсона, хотя и по традиціямъ и по характеру учрежденій голландцы всетаки ближе къ Англіи, нежели къ нѣмцамъ, особенно пруссакамъ.

Съ Россіей Голландію связываютъ старинная дружба, вдушая еще съ начала XVII столѣтія, когда голландцамъ даны были большія привилегіи въ торговлѣ. Тогда же была сдѣлана первая попытка занять у Голландіи деньги. Посольство, отправленное съ этою цѣлью въ 1614 г., успѣха не имѣло; генеральные штаты обѣщали склонить шведскаго короля къ миру, но денегъ не дали. Также неудачна была попытка, сдѣланная въ 1631 г. Любопытно, что когда при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ составлялись проекты развитія русскаго торговаго флота, то прежде всего вспомнили о Голландіи. «Ни одинъ во всей вселенной, говоритъ одинъ проектъ, есть, чтобы такими малыми проторьями такое множество кораблей можно велѣть дѣлать и держать, какъ его величеству лично, потому что его земля обильна и слишкомъ имѣетъ лѣсу, пеньки, желѣза, смолы и иные товары, которые къ морскому дѣлу годны...» Ярославскій купецъ Антонъ Лаптевъ возмѣлъ тогда (въ 1646 году) въ Амстердамъ пушные товары, для устройства прямой торговли, и хотя попытка его была неудачна, но она доказываетъ, что и старинные русскіе торговые люди понимали пользу торговли съ Голландіей и сознавали необходимость развитія отечественнаго мореходства¹⁾. Любовь Петра Великаго ко всему голландскому извѣстна.

¹⁾ По собственному откровенному отзыву иностранныхъ купцовъ, нелюбимому для насъ назиданію и въ настоящее время: «для того-де они Антонова (Лап-

Послѣ новой неудачной попытки занять денегъ у голландцевъ при Елисаветѣ Петровнѣ, заемъ въ Амстердамѣ наконецъ удался въ 1769 г. Съ тѣхъ поръ Екатерина II и Павелъ I сдѣлали цѣлый рядъ займовъ черезъ Десмеда и Гоге. Изъ признательности Екатерина оказала Голландіи косвенную поддержку въ ея войнѣ съ Англіей, объявленіемъ такъ называемаго вооруженнаго нейтралитета. Послѣ конверсіи 1817 г., позаймствованія изъ глубокихъ голландскихъ кармановъ продолжались до послѣдняго времени. Съ конверсіями Вышнеградскаго голландцы отдѣлались (съ хорошимъ барышомъ) отъ большинства русскихъ бумагъ, хотя не имѣли никогда повода на нихъ жаловаться. Неакуратный платежъ процентовъ во время войны 1812—1815 гг. былъ немедленно цѣлкомъ пополненъ, при помощи Англіи, по заключеніи мира. Это сдѣлало русское правительство популярнымъ въ Голландіи болѣе, чѣмъ кровь русскихъ солдатъ, пролитая за освобожденіе этой страны отъ французскаго владычества при Павлѣ I и Александрѣ I. По восстановленіи мира, Россія, по родственнымъ связямъ дворовъ (королева Анна Павловна и королева Софія), находилась въ отличныхъ отношеніяхъ съ Голландіей; императоръ Николай I думалъ даже помочь ей въ борьбѣ съ возставшей Бельгіей, двинувъ русскія войска противъ французовъ, защищавшихъ бельгійскій народъ противъ законнаго его правителя—голландскаго короля Вильгельма II, зятя русскаго государя. Нѣкоторое, мало замѣтное впрочемъ, охлажденіе дворовъ произошло при Александрѣ II, который не могъ сочувствовать поведенію Вильгельма III, страннымъ образомъ сочетавшаго скупость съ развратомъ и внесшаго раздоръ въ свое собственное семейство. Преслѣдованіе, которому сынъ его, извѣстный въ Парижѣ подъ именемъ Prince Citron, подвергся за связь съ графиней Штпронъ, вынудило этого принца покинуть отечество и преждевременно погубить свою жизнь въ оргіяхъ и тѣмъ оставить Голландію безъ наслѣдника престола, такъ какъ принцъ Фредерикъ, былъ человѣкъ крайне болѣзненный.

Мы всегда были предупредительны къ голландцамъ даже въ мелочахъ; такъ по протесту ихъ мы прекратили чеканку голландскихъ червонцевъ, издаванъ производившуюся въ маломъ видѣ на монетномъ дворѣ для нѣкоторыхъ надобностей. Затѣмъ поддерживать колониальную державу голландцевъ составляло, конечно, всегда прямую обязанность Россіи. Мы это еще недавно доказали, присудивъ по третейскому суду голландцамъ часть французской Гвианы, богатую золотомъ. Споръ съ Франціей шелъ изъ-за того, что границею по трактатамъ должна была считаться р. Марони, между

тева) товару не купили, чтобы инымъ русскимъ торговымъ людямъ ѣздить въ наши государства было неопасно; а только-де въ нашихъ государствахъ русскіе торговые люди учнутъ торговать такъ же, какъ мы у васъ, и мы всѣ останемся безъ промысловъ, также оскудѣемъ, какъ и вы торговые люди». Самыя, такимъ образомъ, неудачи Лаптева краснорѣчиво говорили въ пользу выгоды, предстоявшихъ Россіи отъ морской торговли.

тѣмъ въ верховьяхъ рѣка эта состоитъ изъ прр. Лама и Тапанагонн, и неизвѣстно, кому должно было принадлежать значительное пространство земли между означенными двумя рѣками.

Въ 1899 г. Россія оказала Голландіи любезность, избравъ Гаагу мѣстомъ сѣзда представителей 19-ти европейскихъ государствъ, Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, Персіи, Японіи и Китая, чтобы сообща обсудить цѣлый рядъ предложеній о разоруженіи, сгруппированныхъ въ циркулярѣ русскаго министра иностранныхъ дѣлъ отъ 30-го декабря 1898 года. Вопросы, подлежавшіе обсужденію конференціи въ Гаагѣ, настолько были важны, что это собраніе слѣдовало бы назвать конгрессомъ, но ограничились конференціей, такъ какъ рѣшенія послѣдней, постановляемые большинствомъ голосовъ, не имѣютъ такой силы, какъ рѣшенія конгресса.

Мысль о вѣчномъ мирѣ и разоруженіи не нова. Не подымаясь до Генриха IV, достаточно вспомнить, что въ 1816 г. англійское правительство возбуждало вопросъ о разоруженіи. Россія выразила свое сочувствіе, даже Меттернихъ написалъ замѣчательное мнѣніе. Дѣло ничѣмъ не кончилось.

Въ настоящее время невозможно сказать, къ какимъ результатамъ приведетъ Гаагская конференція; желательно, чтобы она не осталась безслѣдной. Но ожидать отъ нея, по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ, крупныхъ результатовъ было бы наивно. Г. Мартенсъ увѣряетъ правда, что конференція «создала стройную систему возможныхъ успій, направленныхъ къ сохраненію международнаго мира посредствомъ добрыхъ услугъ, посредничества и международнаго третейскаго суда». Но если это такъ, то, какъ справедливо замѣтилъ «Вѣстникъ Европы», почему эта вмѣненная государствамъ обязанность была оставлена безъ всякаго вниманія при первомъ же серьезномъ конфликтѣ между Англійей и обѣими южно-африканскими республиками? Почему не былъ сдѣланъ опытъ примѣненія этой «стройной системы возможныхъ успій» къ возникшей вслѣдъ затѣмъ трансваальской войнѣ? «Или эта стройная система создана была не для того, чтобы примѣнить ее на практикѣ? Что помѣшало державамъ употребить возможные успія для предупрежденія кровопролитія? Отвѣтственность за неудачу сдѣланныхъ усилій падала бы тогда всецѣло на Англію; но успія эти не были сдѣланы, и въ этомъ нельзя было не видѣть доказательства практической безплодности «стройной системы» хорошихъ словъ, возвышенныхъ на Гаагской конференціи. Дипломатическая рутинна превращаетъ въ мертвую букву самые возвышенные и благородные проекты, и это неприятное сознаніе есть, къ сожалѣнію, только логическій выводъ изъ событій послѣдняго времени».

Со смертью короля Вильгельма III, въ силу салическаго закона, находившійся въ династической уніи съ Голландіей Люксем-

бургъ сталъ самостоятельнымъ государствомъ и въ немъ воцарился бывшийъ нассаусскій герцогъ Адольфъ, вѣкогда женатый на русской великой княжнѣ.

Исторически Люксембургъ принадлежитъ Германской имперіи; онъ связанъ съ нею и экономически, входя въ составъ цольферейна; по національности и культурѣ это скорѣе полуфранцузская страна; горное дѣло и выдѣлка перчатокъ питаютъ жителей. Въ политическомъ отношеніи преобладаютъ клерикалы. Люксембургъ, нейтралитетъ котораго гарантированъ Лондонскимъ трактатомъ 1867 года, спичка между громаднымъ паровымъ молотомъ и наковальнею. На него смотрять, какъ на кусокъ для вознагражденія того или другого государства при измѣненіи въ картѣ Европы. Люксембуржцы и особенно ихъ престарѣлый великій герцогъ, уже разъ терявшій корону, конечно, не желаютъ болѣе, какъ оставаться безусловно нейтральными и защищаются отъ всяческихъ подозрѣній въ тайныхъ сношеніяхъ съ Германіей. Для Россіи только этого и нужно отъ Люксембурга.

Х. БЕЛЬГІЯ.

Такъ какъ сентябрьская революція въ Бельгіи произошла вслѣдъ за іюльской революціей въ Парижѣ, то французы, а вслѣдъ за ними и вся Европа вообразили, будто это было либеральное движеніе противъ голландскаго деспотизма. Многимъ знавшимъ голландскій характеръ и тогда казались упреки Голландіи въ деспотизмѣ безсмысленными, но революціонная легенда увлекла общественное мнѣніе. Съ тѣхъ поръ дѣло разъяснилось. Вся бельгійская революція 1830 года была твореніемъ іезуитовъ и католическаго дворянства, опасавшагося за свои льготы при голландскомъ правительствѣ (даровавшемъ, замѣтимъ въ скобкахъ, Бельгіи достаточную долю автономіи). Клерикализму пришла на помощь Франція, думавшая поудить рыбку въ мутной водѣ и присоединить къ себѣ Бельгію, и Англія, всегда съ завистью относившаяся къ богатой Голландіи и даже подъ личиною дружбы не перестававшая работать къ ея ослабленію.

Надобно впрочемъ замѣтить, что и на Вѣнскомъ конгрессѣ были люди, которые сомнѣвались въ выгодѣ соединенія Бельгіи съ Голландіей и находили выгоднѣе слить ее съ Ганноверомъ и тѣмъ соединить личнымъ союзомъ съ Англіей, чтобы сдѣлать оплотъ противъ Франціи, но сами англичане воспротивились подобному проекту, очевидно, опасаясь увязнуть въ континентальныхъ дѣлахъ.

Въ Бельгіи почти всѣ серьезные политическіе люди и многіе видные писатели поняли уже, что совершили съ своей пресловутой революціей, прославленной въ Брюсселѣ десяткомъ монумент-

товъ изъ бронзы, камня и мрамора, порядочную глупость. Нидерланды, въ томъ видѣ, какъ ихъ создалъ Вѣнскій конгрессъ и какъ имъ и слѣдовало быть по географическимъ и экономическимъ условіямъ, представляли бы теперь государство въ 10 милліоновъ богатѣйшихъ жителей въ метрополіи, до 25 милліон. въ колоніяхъ; Голландія вносила свой флотъ, свои торговыя связи; Бельгія — свою промышленность, свое горное дѣло, обѣ — свою высокую культуру, обширные капиталы и свободныя учрежденія. Такое государство имѣло бы значеніе въ Европѣ не меньшее, чѣмъ имѣютъ его Испанія и Италія; оно было бы въ состояніи вооружить въ случаѣ нужды 300 или 400 тысячъ человекъ въ свою защиту, а также найти союзниковъ, какъ находила ихъ безъ труда Голландія въ XVII вѣкѣ.

Что же мы видимъ теперь, когда оба государства вполне независимы другъ отъ друга? Бельгія защищается лишь воображаемымъ нейтралитетомъ, Голландія — покровительствомъ Англіи, для которой, однако, голландскія колоніи приписались бы очень кстати. Но еще болѣе кстати приходится онѣ Германіи. Поэтому можетъ наступить часъ — и это сознаютъ бельгійскіе патріоты, — когда Германія и Франція, чтобы покончить свои вѣковые счеты, растащутъ бывшіе Нидерланды по кускамъ и покончатъ съ ихъ вѣковой оригинальною цивилизаціею. Какъ бы въ предвидѣніи этого, король бельгійцевъ обзавелся уже для своей династіи новымъ королевствомъ — Конго, куда помѣщаетъ свои капиталы. Такой исходъ не можетъ быть, конечно, утѣшителемъ для патріотовъ 1830 года. Они должны прійти къ грустному сознанію, что фантазія ихъ молодости была самообольщеніемъ, стермленіемъ создать политическую комбинацію, которая не имѣла подъ собою никакой твердой почвы и не обѣщаетъ прочности въ будущемъ.

Бельгійцы счастливо соединяютъ скупость голландцевъ съ нѣкоторыми свойствами, заимствованными отъ французской цивилизаціи. Эта страна и теперь поражаетъ своимъ богатствомъ; препятствіемъ для дальнѣйшаго развитія бельгійской промышленности, вслѣдствіе политическихъ условій, слѣдуетъ считать ограниченность внутренняго рынка. Но если по наружности Бельгія одна изъ счастливыхъ странъ въ Европѣ, въ особенности въ матеріальномъ отношеніи, то многіе симптомы указываютъ на то, что безмятежность бельгійской политической жизни была слѣдствіемъ скорѣе нравственнаго утомленія и ничтожества, а не правильнаго и здороваго отправленія всѣхъ государственныхъ функцій. Застой и отупѣніе, въ которыхъ находилась бельгійская политическая жизнь, обозначались въ продолжительныхъ политическихъ преніяхъ въ палатѣ депутатовъ, крайне рѣзкихъ и грубыхъ. Извѣстна, напр., прискорбная сцена вызова на дуэль нѣсколько лѣтъ тому назадъ бывшаго перваго министра Фреръ-Орбана за дерзкую фразу, сказанную имъ чуть не за десять лѣтъ до того депутату Гильери.

Должно быть политическая жизнь в странах мало оживлена и интересна, если какая-либо фраза не может быть забыта десять лет и возбуждает при одном намеке на нее такие прискорбные сцены. Не нужно приписывать это явление излпшней щепетильности бельгийских депутатов; напротив того, нигде не господствует болге дурной тонъ, чбмъ въ брусельской палатб. Это происходитъ какъ отъ неязщества вообще тяжеловбсной фламандской расы, такъ и особенно отъ чрезвычайно рбзкаго различія между двумя господствующими въ Бельгии политическими партиями.

Нужно не мало усилій, чтобъ одолбть стенографическій отчетъ безконечно длиннаго ряда засбданій, посвящаемыхъ ежегодно бельгийской палатой представителей обсужденію полпты правительства. Притомъ пзъ всей этой массы сквернаго французскаго языка нельзя извлечь никакой идеи, никакой живой политической программы; видно только ожесточеніе партій, упреки, инсинуаціи, а чаще всего—ругательства. Нужно сознаться еще, что въ послбднемъ отношеніи либеральная партія едва ли не превосходила клерикаловъ, которые хоть наружно умблн сохранить нбсколько спокойствія и такта. При усиленіи въ палатб социалистической партіи обструкция и неприлпчное поведеніе депутатовъ чрезвычайно усилились и назначена даже коммиссія, прозванная «коммиссіей намордниковъ», для измбненія регламента палаты; всб сожальють, что конституція не позволяетъ налагать на депутатовъ денежные штрафы.

Во многихъ отношеніяхъ конституціонная жизнь Бельгии напоминала англійскую, хотя, конечно, сходство это болге внбпшнее, такъ какъ въ Бельгии нбтъ вовсе крупныхъ аристократическихъ поземельныхъ интересовъ, а въ Англійи клерикализмъ играетъ сравнительно незначительную роль. Сходство двухъ странъ заключается въ томъ, что у оббихъ, вслбдствіе необыкновеннаго, сравнительно съ прочею Европою, матеріальнаго благосостоянія, консервативный элементъ очень силенъ въ обществб; радикальная партія, несмотря на обширное рабочее населеніе, только въ послбднее время, съ измбненіемъ конституціи, могла пріобрбсти вліятельное положеніе въ палатб. Затбмъ крупныя подраздбленія партій, клерикалы и либералы, подобно тори и вигамъ, до такой степени были равны вліяніемъ и богатствомъ, что конституціонная жизнь шла съ чрезвычайною правильностью, безъ особыхъ толчковъ и рбзкихъ переходовъ; десятки летъ клерикальные и либеральные министерства смбняли другъ друга безъ малбйшаго затрудненія, не только не подавая повода къ кмбмъ-либо революціоннымъ вспышкамъ, но даже не производя никакого замбшательства въ текущей администраціи; нбсколько разбитыхъ стеколъ и двойная порція выпитаго пива успокаивала въ Бельгии самыя распаленныя страсти. Все это, конечно, служить къ чести здравомыслящаго бельгийскаго народа и объясняется его исторіей, гдб рядомъ съ дес-

потпзомъ иностранныхъ государей, испанскихъ и австрійскихъ, мы видимъ постоянно широкое муниципальное самоуправленіе въ рукахъ многочисленнаго и образованнаго средняго сословія, отлично подготовившаго массу къ конституціонной жизни.

Равновѣсіе партій чрезвычайно, какъ извѣстно, облегчаетъ функціонированіе парламентарной системы. Безъ него приходится управлять съ большинствомъ, искусственно сдѣленнымъ изъ мелкихъ, нерѣдко враждебныхъ одна другой фракцій и каждую минуту готовыхъ распасться или же—что еще хуже—съ большинствомъ, совершенно подавляющимъ своею численностью оппозицію. Министертво, представляющее подобное большинство, особенно когда оно сидитъ долго на мѣстѣ, въ концѣ концовъ начинаетъ управлять такъ же самовластно, какъ если бы никакихъ конституціонныхъ гарантій не существовало.

Въ Бельгіи для ожесточенія партій, помимо обще-государственныхъ и экономическихъ интересовъ, примѣшиваются и интересы національности, и особенно религіозные. Католики почти исключительно фламандцы, либералы—валлоны, затѣмъ бельгійскіе католики отличаются крайнимъ ультрамонтанскимъ оттѣнкомъ; либералы отстаиваютъ науку и не стѣняясь высказываютъ, что католическая церковь въ Бельгіи заботится о народѣ лишь съ цѣлью эксплуатаціи въ пользу своихъ выгодъ и своего честолюбія. Конечно, съ обѣихъ сторонъ для людей, смотрящихъ со стороны, замѣтны преувелченія въ упрекахъ. Надобно сказать, однако, что если истина была на сторонѣ бельгійскихъ либераловъ, то историческая логика на сторонѣ католиковъ.

Бельгійскую революцію сдѣлали клерикалы; потому неудивительно, что почти до пятидесятихъ годовъ, за немногими исключениями, они стояли во главѣ управленія. Послѣдствіемъ этого было чрезвычайное размноженіе въ Бельгіи іезуитовъ и развитіе самыхъ обскурантныхъ клерикальныхъ интересовъ. Революція 1848 года измѣнила нѣсколько такое положеніе вещей. Послѣ нея лѣтъ двадцать преобладали министерства либеральныя, которыя если и не всегда удачно, то во всякомъ случаѣ энергично и послѣдовательно боролись съ возраставшей дерзостью клерикаловъ. Положеніе либераловъ было тѣмъ затруднительнѣе, что ихъ подозрѣвали въ тайномъ сочувствіи къ Франціи, бывшей тогда въ зенитѣ своего могущества; клерикальная же партія выставляла себя, какъ единственную защитницу національныхъ и патріотическихъ стремленій.

Въ 1871 году въ Бельгіи случилось событіе, очень схожее съ тѣмъ, что происходило въ Англіи и въ другихъ конституціонныхъ странахъ, а именно: выборы, произведенные либеральнымъ министерствомъ для подкрѣпленія распадавшейся въ палатѣ депутатовъ министерской партіи, неожиданно дали весьма серьезное большинство клерикаламъ, давно уже бывшимъ не у дѣлъ. Отчасти повліяла на это событіе Франко-прусская война 1870 года, пока-

завшая Бельгія всю опасность ея положенія; но болѣе пораженію либераловъ содѣйствовало то, чѣмъ объяснялись неоднократныя пораженія Гладстона, а именно, что страна, по существу своему строго-консервативная, утомилась рядомъ многочисленныхъ, но не важныхъ преобразованій. Что объясненіе это вполне справедливо, видно изъ того, что клерикалы, одержавъ побѣду, и не подумали воспользоваться ею для разрушенія всего, что сдѣлали либералы. Будь нѣчто подобное во Франціи или Испаніи, клерикальное министерство предложило бы десятилѣтніе послѣшно-составленные законы, буквально противоположныя тѣмъ, которые только что были утверждены народнымъ представительствомъ. Но въ Бельгіи, болѣе опытной въ конституціонной жизни, поступили иначе: клерикалы не предложили ни одной рѣзкой политической мѣры и ограничились дѣлами административными и экономическими. Это ставили имъ въ упрекъ либералы во время преній, усмотрѣвъ въ такой политикѣ лучшее сознаніе въ безсиліи. Но едва ли такой упрекъ можетъ быть безусловно принятъ; скорѣе осторожность бельгійскихъ клерикаловъ слѣдовало приписать благоразумной умѣренности и опытности въ дѣлахъ.

Нужно сказать также, что упрекъ въ безсиліи относился одинаково и къ либеральной партіи въ Бельгіи. По крайней мѣрѣ лучшіе клерикальные ораторы—Дюмортье, Малу и Жакобъ—приглашали нѣсколько разъ либераловъ формулировать точнѣе свою политическую программу, но тѣ ничего не могли привести, кромѣ введенія обязательнаго свѣтскаго воспитанія (до сихъ поръ въ Бельгіи господствуетъ такъ-называемая «свобода воспитанія», которой добиваются всѣми силами французскіе клерикалы), и ограничивались крѣпкими прозвищами своихъ противниковъ, называя ихъ «злостными банкротами», «отравителями», «лгунами».

Видя въ клерикализмъ своего смертельнаго врага, бельгійскіе либералы, чтобы бороться съ нимъ, искали оружія въ примѣрѣ другихъ странъ. «Культурная борьба» князя Бисмарка и законы Ферри во Франціи пришлись имъ очень на руку и они сочинили свой маленькій законъ о первоначальномъ образованіи, состоявшій въ томъ, что законъ Божій въ первоначальныхъ школахъ не преподавался, но въ каждой школѣ должно быть отведено помѣщеніе, гдѣ, по желанію родителей, ихъ дѣти могутъ получить у священниковъ своей вѣры соответственное религіозное воспитаніе.

Понятно, что такой законъ долженъ былъ возмутить клерикаловъ. Шесть недѣль подрядъ въ палатѣ шли самыя ожесточенныя пренія, пока законъ не прошелъ. Противники не стѣснялись въ выраженіяхъ. Депутатъ Берже увѣрялъ, напримѣръ, что будто бы «ежедневно въ Бельгіи съ церковной кафедры и на столбцахъ католической печати взываютъ къ возмущенію, убійству и грабежу». «Церковь», сказалъ депутатъ Варнантъ, «занимается въ Бельгіи исключительно политикой: она сдѣлалась журналистомъ, полити-

чекимъ мажлоромъ и даже биржевымъ агентомъ, марая свои ризы въ сообществѣ откупщиковъ и зайцевъ». «Ничто васъ не останавливаетъ», говорилъ Жотранъ, «обращаясь въ палатѣ къ католикамъ: вы поддѣлываете исторію, какъ и другіе документы; вы остались людьми фальшивыхъ декреталій и, когда идетъ рѣчь объ интересахъ церкви, вы не останавливаетесь передъ поддѣлкою текста законовъ».

Если такъ выражались депутаты почтенныхъ лѣтъ и консервативныхъ въ общемъ убѣжденій, то каковъ долженъ былъ быть языкъ періодической печати, а она очень многочисленна и вліятельна въ Бельгіи. Въ скромнѣйшемъ «Indépendance Belge» напечатаны были избирательные циркуляры либеральныхъ кандидатовъ въ сенаторы, которые по рѣзкости и грубости языка могли бы поспорить развѣ съ американскими памфлетами. Тѣмъ же тономъ, если не хуже, отвѣчали представители клерикализма, весьма невоздержанные на рѣзкія выраженія, особенно съ тѣхъ поръ, какъ свѣтская власть не позволяетъ имъ, по примѣру добраго стараго времени, сжигать на кострахъ не только писанія либераловъ, но для краткости и самихъ либераловъ.

Такимъ образомъ политическое положеніе Бельгіи пришло въ непривлекательное состояніе какого-то мазама. Извѣстнѣйшіе политическіе дѣятели ея публично заявляли о своемъ безсиліи; новыхъ партій, новыхъ идей и людей не являлось, а между тѣмъ иезуиты, захватывая постепенно воспитаніе, дѣйствительно отравляли нравственно цѣлыя поколѣнія и подготавливали для Бельгіи большія непріятности въ будущемъ. Перемяна въ группировкѣ партій произошла случайно изъ-за попытки разрѣшить вопросы, интересующіе европейское горнорабочее населеніе, помощью международнаго конгресса въ Парижѣ, созваннаго не правительствами разныхъ державъ, а непосредственно самими рабочими. Попытка эта хотя не имѣла, по разнымъ обстоятельствамъ, послѣдствіемъ принятіе какого-либо опредѣленнаго рѣшенія, какъ желали нѣкоторые болѣе нетерпѣливые коноводы, напр. общей стачки горнорабочихъ въ Европѣ, впредь до включенія въ законодательство 8-часовой продолжительности рабочаго дня въ подземныхъ работахъ, но повлекла къ ускоренію рѣшенія вопроса о пересмотрѣ бельгійской конституціи.

На парижскомъ горнорабочемъ конгрессѣ самыми рьяными оказались бельгійскіе уполномоченные; они добились того, что прочіе горнорабочіе обѣщали имъ поддержку въ случаѣ, если бельгійскіе рабочіе сдѣлаютъ стачку, дабы добиться у себя дома измѣненія законовъ о наймѣ. Прибѣгать къ подобнымъ экстралегальнымъ путямъ, по словамъ бельгійскихъ уполномоченныхъ, необходимо, потому что нельзя было ожидать улучшенія участи рабочихъ отъ бельгійскаго парламента при его прежней организаціи.

Дѣйствительно, Бельгія жила при избирательной системѣ раус

légal, скопированной съ системы, существовавшей во Франціи при Луи-Филиппѣ и зааркованной тамъ въ 1848 году. Изъ шести милліоновъ населенія Бельгіи только сто сорокъ тысячъ челоуѣкъ пользовались избирательными правами. Такимъ образомъ парламентъ въ Брюсселѣ представлялъ интересы богатыхъ классовъ, а рабочее население имѣло въ немъ случайныхъ представителей, допущенныхъ по милости умѣренной либеральной партіи. Даже главный вождь бельгійскихъ радикаловъ Якобсъ попалъ въ палату благодаря подобной коалиціи.

Клерикальная партія, управлявшая пятнадцать лѣтъ, хотя и не находила нужнымъ мѣнять конституцію, но, опасаясь серьезнаго рабочаго движенія, а особенно если оно, какъ указали Парижскій конгрессъ горнорабочихъ, будетъ поддержано рабочими другихъ сосѣднихъ странъ, рѣшилась сдѣлать измѣненія въ избирательномъ законѣ, чтобы привлечь къ управленію менѣе зажиточные классы населенія.

Тогдашній премьеръ Августъ Беернертъ ввелъ въ 1893 г. всеобщую подачу голосовъ, отчего число избирателей увеличилось до 1¹/₂ милліоновъ, но для смягченія ввелъ обязательную вотировку и такъ называемый *vote plural*, т. е. прибавку двухъ и трехъ добавочныхъ голосовъ нѣкоторымъ болѣе состоятельнымъ и образованнымъ категоріямъ избирателей. Несмотря на эти предосторожности, на выборахъ 1894 г. и 1898 г. социалисты одержали относительную побѣду и вытѣснили либераловъ изъ палаты. Последняя до реформы конституціи состояла изъ 92 католиковъ и 60 либераловъ, въ настоящее время въ палатѣ 112 католиковъ, 28 социалистовъ и всего 12 либераловъ. Таковы остатки партіи, управлявшей Бельгіей съ 1847 до 1884 г.

Реформа конституціи, понятно, не удовлетворила либераловъ, часть ихъ старается установить связь съ социалистической партіей; католики также не совсѣмъ довольны, и часть ихъ, подъ руководствомъ аббата Дерса, образовала такъ называемую «христіанскую народную партію», любезничающую съ социалистами и враждующую съ клерикалами чистой воды партіи Вѣста и Ванденпеееребоома. Въ средѣ послѣднихъ въ свою очередь образовался расколъ, такъ какъ часть клерикаловъ съ Беернертомъ и Десметъ де-Нееромъ желаетъ измѣнить избирательный законъ установленіемъ пропорціональнаго представительства.

Représentations proportionnelle и *uninomiale* вызвали расколъ и въ другихъ партіяхъ. За эту систему стоитъ часть социалистовъ съ Ванъ-деръ-Вельде во главѣ, не менѣе вліятельные социалисты, руководимые Дефюссо, противятся ея приложенію и организируютъ «свободную социалистическую партію» въ фламандскихъ земляхъ. Вопросъ о реформѣ выборовъ хотя и поднятъ либералами, но въ числѣ послѣднихъ представители сторой школы: Бара, Бульсъ и др. ему не сочувствуютъ.

Вслѣдствіе парламентскихъ интригъ Десметъ де-Нееръ принужденъ былъ выйти въ отставку и мѣсто министра-президента занялъ Ванденпеееребоомъ. Поклонившій свой постъ кабинетъ стоялъ за пропорціональное представительство, тогда какъ Ванденпеееребоомъ поддерживалъ униномпнальную систему и представлялъ палатѣ законопроектъ избирательной реформы въ этомъ смыслѣ, но натолкнулся на такую сильную обструкцію, что вынужденъ былъ дважды безуспѣшно передѣлывать свой проектъ. Этотъ неожиданный оборотъ дѣла былъ смертнымъ приговоромъ для кабинета Ванденпеееребоома. Отставка кабинета была принята королемъ, поручившимъ составленіе новаго министерства Десметъ де-Нееру. Послѣдній представилъ законопроектъ, основанный на принципѣ пропорціональнаго представительства. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній законопроектъ былъ принятъ палатою и сенатомъ. Необычайная настойчивость, съ которою Ванденпеееребоомъ отстаивалъ свои идеи, вызвала сильнѣйшія смуты, окончившіяся кровопролитнымъ столкновеніемъ между войсками и толпою, назлектризованною рѣчамп социалистовъ и либераловъ.

Расширеніе выборнаго начала поведеть въ Бельгіи къ послѣдствіямъ гораздо болѣе важнымъ, чѣмъ одно измѣненіе внутренняго порядка управленія и удовлетвореніе интересовъ рабочаго сословія. Бельгія, какъ я сказалъ, состоитъ изъ двухъ половинъ, рѣзко различающихся между собою происхожденіемъ, языкомъ и складомъ жизни. Восточная часть страны населена валлонами, которые ближе всего къ французамъ и легко усваиваютъ французскую цивилизацію; западная часть—фламандская. Фламандцы эти очень мало отличаются отъ голландцевъ: языкъ ихъ и образъ жизни весьма приближаются также къ сѣверо-германскому.

Первоначально Бельгія была организована по французскимъ образцамъ, но мало-по-малу фламандская національность стала эмансипироваться; она заявила свое существованіе въ литературѣ, театрѣ, періодической печати; затѣмъ она потребовала и добилась равноправности въ администраціи и на судѣ. Даже столица Бельгіи—Брюссель—теперь городъ гораздо болѣе фламандскій, чѣмъ французскій. Но и на этомъ борьба не окончилась и рѣзкая противоположность двухъ національностей все болѣе и болѣе обозначается. Такъ какъ культура высшихъ классовъ въ Бельгіи еще со временъ бургундской династіи была французская и французское вліяніе упрочилось двадцатилѣтней связью Бельгіи съ Франціей во время республики и первой имперіи, то при ограниченномъ составѣ избирателей не представлялось затруднительнымъ поддерживать полуфранцузскій складъ вещей. При расширеніи избирательнаго права палата наполняется представителями среднихъ и низшихъ классовъ населенія и защитники фламандства—flamengand—берутъ верхъ; они сдѣлали уже фламандскій языкъ официальнымъ, мало того, заставили и во франко-валлонской части

Бельгіи сдѣлать всѣ надписи по-фламандски. Это все равно какъ если бы обязать въ Петербургѣ наряду съ русскимъ употреблять грузинскій или молдаванскій языкъ подъ предлогомъ, что Грузія и Бессарабія составляютъ части Россіи.

Если различіе національностей еще обострится, то, по всей вѣроятности, не будетъ найдено другого выхода, какъ уничтоженіе Бельгіи, какъ особаго государства, и раздѣленіе ея на двѣ части, которыя прямо и косвенно войдутъ въ сферу вліянія, съ одной стороны, германо-голландскаго, съ другой—французскаго. Этотъ расколъ, конечно, вызоветъ рядъ серьезныхъ европейскихъ компликацій, такъ какъ Англія никогда не согласится уступить голландскихъ колоній Германіи или Франціи, а послѣдняя, а равно и Россія, ни за что не отдадутъ ихъ Англіи.

Россія поступила неразумительно, участвуя, хотя и противъ своего желанія и неохотно, въ созданіи Бельгіи. Я говорилъ уже, что Николай I хотѣлъ было даже воевать въ защиту правъ Голландіи. Если общеевропейской войны не возникло изъ-за бельгійскаго вопроса и Николай I остановился во-время въ своемъ желаніи побороть всеобщую революцію, то въ этомъ отношеніи повліялъ наиболѣе Матушевичъ. Его идеи и послужили основаніемъ Лондонской конференціи. Николай впрочемъ отказался было ратифицировать постановленія Лондонской конференціи, пока къ ней не присоединится король голландскій. Отчасти парализовало агрессивныя дѣйствія Россіи въ бельгійскомъ вопросѣ польское возстаніе.

Когда принцъ Леопольдъ, англійская креатура, принялъ корону Бельгіи и тѣмъ узаконилъ бельгійскую революцію, Николай I долго не хотѣлъ поддерживать съ нимъ правильныхъ дипломатическихъ сношеній. Еще въ 1837 г., когда первое бельгійскій судно пришло въ Кронштадтъ, то сильно опасался, что его туда не пустятъ, а въ 1842 г. Николай I заявилъ, что не назначитъ представителя въ Брюссель, ссылаясь на то, что Бельгія принимала на службу польскихъ мятежниковъ. Только въ 1852 г., опасаясь нападенія Луп-Наполеона на Бельгію, Николай I измѣнилъ свою политику и предлагалъ Бельгіи послать на помощь армію въ 60,000, приглашая Англію сдѣлать то же самое.

И въ настоящее время Бельгія чужда намъ; это въ политическомъ отношеніи на-половину англійское, на-половину германское государство. Не довольствуясь тѣмъ, что по лондонскимъ трактатамъ 1831 и 1839 гг. Бельгія была объявлена державою нейтральною, она заключила съ Англіей особый договоръ 9-го и 11-го августа 1870 г., по которому Англія приняла на себя обязательство поддерживать независимость и нейтралитетъ Бельгіи, т. е. нѣкоторымъ образомъ установила надъ нею протекторатъ. Бельгія страна клерикальная, а клерикалы повсюду враги Россіи; она держится свободной торговли и въ торговомъ отношеніи намъ

почти не нужна. Наоборотъ, для бельгійскихъ капиталистовъ Россія представляетъ обширное поле эксплуатаціи, и огромные бельгійскіе капиталы затрачены въ русскіе горные и механическіе заводы и въ конно-желѣзныя дороги. Къ 1 января 1899 г. въ 105 русскихъ обществахъ было вложено бельгійцами 339.843,500 фр.; 53 русско-бельгійскихъ общества, представившихъ отчеты, имѣли 14.460,830 фр. чистаго барыша или въ среднемъ 8⁰/₀. Бельгія очень нашлаась также при постройкѣ русскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Нейтралитетъ Бельгіи обезпеченъ великими державами, но тѣмъ не менѣе, въ виду опасности, которая угрожаетъ отъ Франціи, не имѣющей возможности, вслѣдствіе отнятія Эльзаса и Лотарингіи и постройки ряда крѣпостей, съ успѣхомъ дѣйствовать на Германію иначе какъ черезъ Бельгію, король Леопольдъ II заключилъ, говорятъ, тайный союзъ съ Германіей и даже, если вѣрять сенсационной брошюрѣ Жюппара, обязался предоставить ей въ случаѣ войны укрѣпленія по р. Маасу. Бельгійское правительство постоянно однако протестовало противъ слуховъ о тайномъ трактатѣ и, не довольствуясь заявленіемъ своихъ министровъ, до нынѣшняго Десметъ де-Неера включительно, поручило брюссельскому бургомистру Бульсу сдѣлать торжественное въ этомъ смыслѣ заявленіе въ Марселл. Этому заявленію противорѣчитъ однако агитація, покровительствуемая самимъ королемъ, къ увеличенію бельгійской арміи, начатая въ 1897 г.

Но имѣется или нѣтъ договоръ, несомнѣнно, что Бельгія не находится въ сферѣ франко-русскаго вліянія, а поэтому къ ней въ политическомъ отношеніи должно относиться осторожно. «Вѣчный нейтралитетъ не есть патентъ на безнаказанность», справедливо замѣтилъ императоръ Николай I по поводу бельгійскихъ дѣлъ. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что изобиліе союзниковъ иногда такъ же опасно, какъ и ихъ отсутствіе. Наполеонъ I очень вѣрно, хотя и двинчески, выразилъ эту мысль въ Тилъзитѣ, сказавъ: «qu'il faut coucher à deux et jamais à trois».

Династическою связью съ королевствомъ Конго Бельгія вошла въ кругъ колоніальной политики. Объ этомъ я скажу еще въ другомъ мѣстѣ, но здѣсь могу замѣтить, что экономическая политика для Бельгіи самая важная, такъ какъ Бельгія безъ свободы торговли существовать можетъ съ трудомъ и рѣзкое повсемѣстное возвращеніе, по инициативѣ Бисмарка, къ покровительству отозвалось крайне невыгодно на бельгійскихъ интересахъ. Статьи, написанныя по этому поводу въ яро-фритредерскихъ органахъ, просто смѣшно читать, до такой степени онѣ зазорны. Россіи сильно доставалось въ нихъ за повышение таможеннаго тарифа; особенно распинался старый проказникъ бельгійскій экономистъ Густавъ де-Молинар, увѣрявшій, будто наше отечество возвращается обратно къ варварству и что по теоріи ея финансистовъ «двѣ потери равносильны одному барышу».

Но не одними этими старыми остроумиями Бастия ограничиваются могикане фритредерства. Видя поражение свое на практической почве, они придумали теперь новый изворотъ, который и проповѣдуютъ серьезно, какъ спасеніе для бельгійской промышленности. Дѣло въ томъ, что отъ общаго повышенія пошлинъ должны болѣе всего пострадать интересы тѣхъ государствъ, которыя не имѣютъ своего внутренняго значительнаго рынка. Въ сущности это законно, ибо по какому праву какая нибудь Бельгія, пользуясь низкими пошлинами, настолько развивала свои фабрики, что недавно еще ея вывозъ превосходилъ вывозъ Россіи, имѣющей въ двадцать разъ болѣе населенія. Для сохраненія подобнаго незаконныхъ барышей маленькихъ и богатыхъ странъ экономисты и совѣтуютъ, яко бы съ цѣлью борьбы съ экономически-гигантскими территориями, какъ Россія, Китай или Соединенные Штаты, заключить общіе таможенные союзы изъ нѣсколькихъ сходныхъ по своей промышленности государствъ. Одинъ подобный союзъ проектируется образовать изъ Австро-Венгрии и Германіи, другой — изъ Бельгіи, Франціи, Италіи, Испаніи, Швейцаріи и можетъ быть Португаліи.

Понятное дѣло, что каждая изъ этихъ странъ въ отдѣльности не будетъ настолько наивна, чтобы принять подобный совѣтъ. Не говоря уже о томъ обстоятельстве, что общій таможенный тарифъ двухъ странъ невозможенъ иногда вслѣдствіе разницы политическаго устройства и финансовой системы—что отчасти мы у себя видимъ на примѣрѣ Финляндіи—включеніе какого либо государства въ таможенный союзъ съ другимъ государствомъ было бы равносильно уничтоженію промышленности одного изъ нихъ. Возьмемъ хотя Испанію. Вывозъ ея вина, главнаго предмета отпуска, конечно, не много усилится отъ заключенія таможеннаго союза съ Франціей или Италіей, странами винодѣльными; да и теперь этому вывозу мѣшаетъ не покровительственная политика сосѣдей по отношенію къ винодѣлію, а другія условія. Между тѣмъ испанскіе фабрики и заводы, при включеніи Испаніи въ союзъ, хотя будутъ ограждены отъ конкуренціи Англіи и Германіи, но ничто не помѣшаетъ имъ еще легче быть разоренными конкуренціей фабрикъ французскихъ, бельгійскихъ и швейцарскихъ, продукты которыхъ придутъ тогда въ Испанію совершенно безпошлинно.

Венгрія страдаетъ отъ конкуренціи Соединенныхъ Штатовъ; какую же пользу можетъ принести ей таможенный союзъ съ Германіей? И теперь венгерскіе фабриканты жалуются на общность таможенъ Венгрии съ Австріей и на невозможность для венгерцевъ соперничать съ австрійскими, особенно съ богемскими продуктами. Что же станетъ съ венгерскою промышленностью, когда къ этой конкуренціи прибавятся еще конкуренція болѣе развитой фабричности Германіи? Такиимъ образомъ идею таможенныхъ

союзъ, по крайней мѣрѣ въ томъ шпрокомъ видѣ, какъ она проектируется, нельзя не признать непрактичною. Во всякомъ случаѣ возвращеніе большинства государствъ къ охранительной политикѣ должно прозвести крупный переворотъ, послѣдствія котораго еще трудно и предвидѣть. Можно а ригорі предсказать только, что промышленные центры, искусственно развившіеся на чужой счетъ, навѣрное пострадаютъ. Не видя себѣ поддержки, Бельгія сама стала возвращаться къ протекціонизму, по крайней мѣрѣ для своего земледѣлія. Надобно думать, что примѣру ея послѣдуетъ и Голландія, гдѣ земледѣльцы буквально бѣдствуютъ, хотя клочки земли, или воздѣлываемые, отняты у моря съ громадными затратами труда и капитала.

XI. ШВЕЙЦАРІЯ.

Одинъ нѣмецкій профессоръ въ 1507 году писалъ о швейцарцахъ, что «болѣе нѣжныхъ чувствъ можно встрѣтить у турковъ, нежели у этихъ горныхъ жителей, жестокихъ, грубыхъ, гордыхъ своею силою, вѣчно готовыхъ къ войнѣ, воспитанныхъ съ колыбели для войны, упивающихся христіанскою кровью, наживающихся вслѣдствіе ссоръ королей». «Швейцарія — писалъ триста лѣтъ спустя Байронъ — это проклятая нація грубіановъ, эгонстовъ и дураковъ, гнѣздящихся въ самомъ поэтическомъ углу земного шара. Я никогда не могъ выносить ея жителей». А въ одно время съ великимъ англійскимъ поэтомъ австрійскій генераль замѣтилъ про-нически, что «ожидать отъ швейцарца, чтобы онъ сдѣлалъ что нибудь даромъ, значить нанести ему жесточайшее оскорбленіе».

Все это съ улучшеніемъ путей сообщенія значительно измѣнилось, Швейцарія не продаетъ болѣе крови своихъ сыновъ на защиту реакціи; въ послѣдній разъ швейцарскіе наемные солдаты дрались за папу въ 1848 г. при Виченцѣ и въ 1860 г. при Кастельфидардо, и хотя католическая часть Швейцаріи очень клерикальна, но вѣдь эта страна весьма образованная и съ развитою промышленностью. Къ сожалѣнію, швейцарская промышленность, подобно бельгійской, не имѣетъ своего внутренняго рынка и, будучи принужденною подчиняться потребностямъ чужихъ странъ, не можетъ выработать самобытнаго характера; только при помощи извѣстной предпримчивости швейцарскаго купечества издѣлія швейцарскихъ фабрикъ распространяются не только въ Европѣ, но и въ Америкѣ и на Дальнемъ Востокѣ, особенно въ Китаѣ; издѣлія эти предназначаются для потребителей средняго достатка.

Вмѣстѣ съ распространеніемъ образованія и наплывомъ иностранцевъ, положительно грозящихъ всѣхъ швейцарцевъ обратить или въ содержателей гостинницъ, или въ прислугу въ послѣд-

нихъ, пзмѣнилась и швейцарская конституція не только федеральная, но и кантональная, представляющая во многихъ кантонахъ грубую эксплуатацію одного класса населенія другимъ, деревень — городамъ и т. п.

Федеральная конституція 1848 г. была пересмотрѣна въ послѣдній разъ въ 1874 году, послѣ того какъ народъ отвергъ проектъ конституціи, составленный въ 1872 г., и съ тѣхъ поръ подъ ея вліяніемъ усилились радикальная партія и стремленіе къ централизаціи. Въ настоящее время множество административныхъ и особенно экономическихъ функцій перешло изъ кантоновъ въ руки центрального правительства, серьезно возбужденъ даже вопросъ объ объединеніи уголовного и гражданского законодательства, что предвѣщаетъ, по мнѣнію многихъ, уничтоженіе самаго принципа, на которомъ созданъ союзъ въ 1291 году. Въ 1890 году въ конституціи было сдѣлано измѣненіе, значительно расширившее право *referendum* (непосредственнаго обращенія къ народу) по заявленію 30,000 гражданъ-избрателей, а именно даровано право требовать не общаго, а частичнаго пересмотра конституціи, чѣмъ разныя партіи и особенно радикалы не преминули воспользоваться. Право референдума также нарушило интересы кантоновъ, давая преимущество многонаселеннымъ передъ маленькими.

Между прочимъ неожиданнымъ примѣненіемъ обращенія къ народу было возстановленіе смертной казни. Противъ этого измѣненія конституціи велась сплная агитація. Юристы цифрами доказывали, что въ пять лѣтъ число крупныхъ преступленій замѣтно въ Швейцаріи увеличилось. Мнѣніе печати раздѣлилось. Часть ея защищала возстановленіе смертной казни, другая — горячо порицала возвращеніе къ прежней «варварской» юстиціи. Викторъ Гюго и др. выдающіеся политическіе дѣятели поощряли прогрессивную швейцарскую печать письмами и наставленіями. Результатъ плебсцита швейцарскія либеральныя газеты объясняли причинами болѣе политическими, нежели философскими возрѣніями массы. Такъ какъ конституція 1874 г. была уступкою централизму, то всѣ противники централизма охотно подають голосъ за отмѣну какой угодно статьи неудобной для нихъ конституціи. Поэтому, напримѣръ, кантонъ Ваадтъ, котораго населеніе противъ смертной казни и гдѣ послѣдней не было, подалъ все-таки теперь голосъ противъ 65 статьи конституціи только ради того, что и прежде кантонъ вотировалъ противъ новой конституціи въ сдѣломъ ея составѣ. На помощь защитникамъ смертной казни пришли также всѣ не желающіе объединенія швейцарскаго уголовного устава, а 65 статья и была первою попыткою ограничить права отдѣльныхъ кантоновъ имѣть особое уголовное законодательство.

Для насъ рѣшеніе швейцарскаго народа любопытно болѣе съ общей политической точки зрѣнія. Какъ извѣстно, до сихъ поръ публицисты, съ легкой руки Руссо, а затѣмъ Бентама, придавали

всеобщей подачѣ голосовъ значеніе необыкновенно демократическаго фактора. По ихъ мнѣнію, царство демократіи только и возможно при абсолютномъ примѣненіи всеобщей подачи голосовъ, которая въ состояніи надѣлать міръ всеми благами широкой свободы. Историческій опытъ не оправдываетъ пока подобныхъ теорій. Не говоря уже о томъ, что нѣкоторыя государства, какъ Голландія, при ограниченномъ политическомъ цензѣ оказываются несравненно либеральнѣе, чѣмъ французская, бывшая испанская или южно-американскія республики, всякій разъ, когда серьезно, а не притворно только, спрашивали мнѣнія массы народа, не насилуя его совѣсти. рѣшеніе оказывалось всегда гораздо консервативнѣе, нежели мнѣніе интеллигенціи. Швейцарскій плебисцитъ служитъ подтвержденіемъ вышеозначеннаго положенія. Его нужно понимать исключительно въ томъ смыслѣ, что большинство швейцарскаго народа не желаетъ измѣненія своей вѣковой конституціи ради теоретическихъ соображеній, хотя бы самыхъ логическихъ и заманчивыхъ. Онъ довольствуется устраненіемъ изъ конституціи того, что лишь само собою пришло уже въ негодность. Какъ извѣстно, такая осторожность составляетъ всю тайну успѣха конституціонной жизни и въ Англии.

Политикой швейцарцы очень интересуются, особенно въ итальянскихъ кантонахъ; для участія въ какихъ либо ничтожныхъ выборахъ избиратели пріѣзжаютъ даже изъ Америки. Дѣло, особенно въ Тессинѣ, доходитъ до вооруженнаго столкновенія, и центральное правительство мобилизуетъ свои войска, чтобы выгнать самозванныхъ правителей; во французскихъ кантонахъ идетъ горячая клерикальная борьба, хотя народъ въ Швейцаріи вообще противъ притязаній папскаго престола. Судя по составу депутатовъ, въ національномъ совѣтѣ въ настоящее время преобладаетъ лѣвая партія; партіи правыхъ и центра въ общей сложности едва равняются по числу лѣвой; къ послѣдней примыкаютъ социалисты, точнѣе радикалы, такъ какъ чистыхъ социалистовъ въ совѣтѣ еще немного.

Относительное положеніе партій не измѣнили и выборы 1899 г. Лѣвая партія имѣетъ несложную программу: сокращеніе военныхъ издержекъ, страхование рабочихъ и выкупъ въ федеральную собственность желѣзныхъ дорогъ. Противъ этого выкупа, поддерживаемаго нѣмецкими депутатами и рѣшеннаго обращеніемъ къ народу въ 1898 г., протестовали французскіе и итальянскіе, видя въ этомъ новое укрѣпленіе централизаціи и желаніе втянуть Швейцарію въ общеевропейскую политику.

Пользуясь узкимъ кальвинистскимъ направлениемъ и врожденнымъ республиканскимъ духомъ швейцарцевъ, англичане и ихъ агенты достигли того, что внушили швейцарцамъ упрямое предубѣжденіе къ Россіи и ея политикѣ. Эта враждебность проникаетъ даже въ правительственныя программы преподаванія. Конечно, для Россіи политическая вражда Швейцаріи не опасна, но имѣтъ ее

въ виду не мѣшаетъ. При малѣйшей возможности, она проявляется и въ официальныхъ актахъ. Союзный совѣтъ готовъ быть отказать въ разрѣшеніи воздвигнуть памятникъ во славу русскихъ воиновъ, павшихъ въ походѣ Суворова. Въ послѣдній моментъ онъ не рѣшился произнести отказа, но, тѣмъ не менѣе, сказалъ русскій проектъ и уменьшилъ вдвое величину креста противъ его первоначальныхъ размѣровъ! Швейцарцы пишутъ до сихъ поръ о Россіи такъ, какъ писали въ Западной Европѣ во время Крымской войны или польскаго возстанія 1863 г. — «Страна кнута», «варварская страна по преимуществу» и пр. составляютъ обыкновенные эпитеты, употребляемые самыми авторитетными органами. Франція постоянно осмѣивается за союзъ съ Россіею. Германскому императору ставятся въ вину старанія его быть въ дружбѣ съ Россіею. Русскимъ полякамъ читается нотація за ихъ нынѣшнее просвѣтленіе; къ тройственному союзу взываютъ сблизиться съ Англіею для защиты цивилизаціи. Наконецъ, всѣ и каждый, кто не питаетъ довѣрія къ Англіи, подвергаются порицанію.

Между тѣмъ Швейцарія, не говоря о благодѣяніяхъ Александра I, имѣетъ старинныя связи съ Россіею на почвѣ практическихъ интересовъ и гораздо болѣе швейцарцевъ находитъ себѣ прибыльную дѣятельность въ Россіи, чѣмъ въ Англіи. Заработки торгово-промышленниковъ несомнѣнно у насъ большіе, съ педагогами обращаются безъ всякаго сравненія лучше въ Россіи, чѣмъ у англичанъ. Весьма странно, что изъ столькихъ швейцарцевъ, живущихъ всю жизнь въ Россіи и всѣмъ ей обязанныхъ, почти никого не находится, кто бы почувствовалъ потребность исправить недѣльныя мнѣнія на ихъ родинѣ.

Внутренними швейцарскими дѣлами наша печать и публика вовсе не интересуются. Въ послѣднее время обратилъ на себя вниманіе только случай, напоминающій нѣсколько отношенія нашихъ городовъ, особенно Скопина, къ гарантіи цѣлости вкладовъ въ городскіе общественные банки. Три города кантона Ааргау: Цеффингъ, Ленцбургъ, Баденъ и городъ въ кантонѣ Цюрихъ—Винтертуръ гарантировали заемъ въ 9 мил. франк. на окончаніе желѣзной дороги, называемой National Bahn. Дорога обанкротилась, и кредиторы дороги обратились къ городамъ. Винтертуръ согласился уплачивать свою часть по купонамъ долговъ дороги, но другіе города сначала предложили уплатить менѣе половины долга, когда же это предложеніе кредиторами принято не было, города предпочли объявить себя несостоятельными.

Суды кантона Ааргау не признали, однако, возможнымъ объявить города банкротами, а федеральный судъ отказалъ въ своемъ содѣйствіи кредиторамъ. Послѣ длинныхъ переговоровъ правительство кантона Цюрихъ, несмотря на сопротивленіе кантона Ааргау, заставило швейцарское федеральное правительство вмѣшаться въ это дѣло и назначить комиссію для изслѣдованія положенія

несостоятельныхъ городовъ. Комиссія эта нашла, что городскія управленія трехъ вышеозначенныхъ городовъ совершенно псто- щили свои кассы и что хотя буржуазія этихъ городовъ имѣетъ значительные сословные доходы, а кантонъ Ааргау располагаетъ запаснымъ капиталомъ въ 25 мил. франк., проценты котораго да- ютъ возможность обходиться безъ прямыхъ налоговъ, установленію копѣхъ населеніе кантона всегда протпвилось, но средства эти юри- дически нельзя привлечь къ уплатѣ гарантированнаго городами долга. Призванный для окончательнаго рѣшенія вопроса швейцар- ский парламентъ (Assemblée fédérale) въ обобщъ своихъ совѣтахъ положилъ, что такъ какъ силою ничего подѣлать нельзя, то остается «братски» помочь зарвавшимся городамъ. Поэтому швейцарское правительство дало пострадавшимъ городамъ въ суду, за маленькіе проценты и на продолжительный срокъ, половину суммы, слѣ- дующей кредиторамъ дороги, съ тѣмъ, чтобы кантоны Цюрихъ и Ааргау гарантировали этотъ заемъ и затѣмъ уже приняли мѣры дальнѣйшаго расчета съ кредиторами.

Этотъ казусъ поучителенъ для насъ въ томъ смыслѣ, что и въ республиканской Швейцаріи въ аналогическомъ случаѣ не было найдено ничего остроумнѣе, какъ ошбки городского самоуправленія покрыть на счетъ казны. Лучше не придумаль бы и самъ Рыковъ. Обратили у насъ вниманіе, что въ Швейцаріи, именно въ Женевѣ, ограничили судъ присяжныхъ. Если мы могли въ 60 годахъ заимствовать свои судебные уставы изъ маленькой Сардиніи, то можемъ кое-что позаимствовать теперь и изъ маленькаго женевакаго кантона. Оттуда свѣтъ не разъ уже проливался на темный юридическій міръ: достаточно вспомнить, какое значеніе имѣли, напримѣръ, сдѣланныя тамъ Дюмонамъ удобочитаемыя из- влеченія изъ безконечныхъ по объему трудовъ Иереміи Бентама, котораго когда-то Потемкинъ приглашалъ просвѣщать Россію.

Швейцарія, на основаніи особаго приравленія къ Парижскому трактату 20 ноября 1815 г., считается страной нейтральной. Этимъ она обязана вліянію Лагарпа на своего коронованнаго уче- ника, Александра I, почему австрійскій уполномоченный при Гель- ветической республикѣ и могъ написать, что «изъ отечества кнута распространились здѣсь идеи равенства и правъ человѣка». Ней- тралитетъ направленъ быть главнымъ образомъ противъ Франціи, но онъ оберегалъ Швейцарію и отъ Австріи. Въ послѣднее же время сталъ оберегать отъ объединившихся Италіи и Германіи, которыя черезъ Швейцарію, при помощи Сенъ-Готардскаго тоннеля, провели торговый путь, могущій быть обращеннымъ въ военное сообщеніе.

Во всякомъ случаѣ нейтралитетъ не даетъ права государству, подъ предлогомъ свободы въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ, безна- казано нарушать свои обязанности къ другимъ державамъ и не имѣть надлежащаго наблюденія за проживающими иностранцами.

Между тѣмъ при пзвѣстіи о гнусномъ злодѣяніи 1-го марта нигилисты публично обнялись на улицахъ Женевы и поздравляли другъ друга съ пролитіемъ крови русскаго монарха. Курьезное зрѣлище въ странѣ, которая вѣками проливала кровь за чужихъ монарховъ и даже увѣковѣчила въ Люцернѣ великолѣпнымъ памятникомъ эту черту швейцарскаго характера. Однако, не подобная пронія судьбы, а фактъ, что политическіе убійцы могутъ устраивать трогательныя публичныя демонстраціи на улицахъ европейскихъ городовъ, получаетъ болѣе непосредственную практическую важность. Дѣйствительно, въ моментъ, когда расточается столько фразъ о солидарности человечества, которое должно-де представлять одинъ народъ, управляемый общими законами нравственности и справедливости, когда объединяются даже почтовые тарифы, никакъ не могутъ договориться до признанія, что убійство одинаково безнравственно, совершается ли оно въ монархіи или въ республикѣ и прикрывается ли оно стремлениями служить собственному или «общему благу». А служба послѣднему, какъ пзвѣстно, по большей части бываетъ повыгоднѣе для гг. революціонеровъ преслѣдованія ихъ личныхъ цѣлей.

Для насъ этотъ вопросъ имѣлъ особенное значеніе, такъ какъ цѣлыя пайки русскихъ нигилистовъ пріютились въ различныхъ европейскихъ центрахъ, въ особенности въ Швейцаріи, главнымъ образомъ въ Цюрихѣ, гдѣ совершенно свободно и даже открыто подготавливали цѣлый рядъ преступленій самыхъ возмутительныхъ и ужасныхъ.

Нѣтъ никакаго сомнѣнія, что каждое государство можетъ принимать къ себѣ политическихъ преступниковъ, но всѣ юристы согласны, что право убѣжища законно только для тѣхъ эмигрантовъ, которые переносятъ свое изгнаніе спокойно и съ достоинствомъ, которые не составляютъ новыхъ заговоровъ и не пытаются совершать новые перевороты. Государство въ правѣ не только оказывать гостепріимство эмигрантамъ, но даже давать имъ пособія, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно обязано принимать пзвѣстныя предохранительныя мѣры: назначать имъ мѣсто жительства, которое они не имѣютъ права мѣнять безъ позволенія, удерживать ихъ въ случаѣ нужды силою или, наоборотъ, силою высылать, когда они злоупотребляютъ покровительствомъ и компрометируютъ международныя сношенія. Оно и понятно: государство, дающее эмигрантамъ убѣжище, связано также пзвѣстными отношеніями и къ тому государству, откуда выходятъ эти эмигранты. Оно не можетъ и не должно дозволить дѣйствовать противъ правительства народа, съ которымъ состоитъ въ дружественныхъ и мирныхъ сношеніяхъ.

Съ вопросомъ о правѣ убѣжища связанъ вопросъ о выдачѣ. Какъ ни пытались, по случаю просьбы Россіи о выдачѣ Гартмана, пзвратить вопросъ о выдачѣ политическихъ преступниковъ, но несомнѣнно для наиболѣе компетентныхъ юристовъ, что общее пра-

вило не исключаетъ тщательнаго разбора каждаго отдѣльнаго случая. Даже въ Англіи, хотя Allen Bill 1844 года ставитъ эмигрантовъ подъ прямое покровительство государя и запрещаетъ послѣднему высылать ихъ, но законъ 1848 года поясняетъ, что это относится до тѣхъ эмигрантовъ, которые на англійской почвѣ будутъ вести себя честно.

Такимъ образомъ, въ принципѣ нѣтъ поводовъ препятствовать соглашенію правительствъ, которое пресѣкло бы возможность приготовлять загранично, на нейтральной почвѣ, открыто и безнаказанно преступленія, совершаемыя въ другихъ государствахъ; между тѣмъ на дѣлѣ мы видимъ, что политическій антагонизмъ и зависть различныхъ государствъ мѣшаютъ исполненію того, что вошло уже, такъ сказать, въ публичное право народовъ.

Едва ли не единственной серьезной попыткой въ послѣднее время добиться отъ другого государства прекращенія завѣдомаго покровительства политическимъ преступникамъ можетъ служить известная блокада Швейцаріи французскими войсками послѣ знаменитой ноты, адресованной швейцарскому федеральному совѣту въ 1836 году герцогомъ Монтебелло. Швейцарское правительство закрыло тогда тайныя общества и выслало массу эмигрантовъ разныхъ націй. Затѣмъ рядъ попытокъ остался тщетнымъ. Известна участь предложеній Жюль Фавра послѣ коммуны и князя Бисмарка послѣ покушеній на жизнь императора Вильгельма—принять какой-либо общій образъ дѣйствій противъ анархистовъ.

Несмотря на эти неудачи, новыя и настойчивыя попытки совершать политическія убійства въ Россіи, Ирландіи, Италіи, Германіи, Испаніи, во Франціи и др. мѣстахъ, въ то время, когда никакихъ революцій или гражданскихъ переворотовъ въ этихъ странахъ не происходило, переполнило мѣру человѣческаго терпѣнія и на Россію и ея дипломатію пала обязанность озаботиться новымъ приглашеніемъ всѣхъ европейскихъ правительствъ на конференцію, которая обсудила бы два существенно важныхъ вопроса, первый: гдѣ кончается политическое преступленіе и начинается преступленіе противъ общаго права, и второй—особенно важный въ случаѣ, если первый вопросъ и связанный съ нимъ вопросъ о выдачѣ будетъ признанъ неразрѣшимымъ—какими мѣрами каждое государство гарантируетъ честное отношеніе къ другому государству, не позволяя врагамъ послѣдняго подготовлять quasi-политическія преступленія? Къ сожалѣнію, попытка, сдѣланная Россіей въ этомъ смыслѣ, благодаря противодействию Англіи, никакого успѣха не имѣла ¹⁾.

Кромѣ инициативы въ созывѣ конференціи противъ анархистовъ наша дипломатія должна была принять мѣры для перегово-

¹⁾ Не болѣе успѣха, какъ я выше указывалъ, имѣла подобная же попытка итальянскаго правительства, сдѣланная послѣ безпорядковъ въ Миланѣ.

ровъ съ отдѣльными правительствами о выполненіи ими своихъ международныхъ обязанностей.

Въ особенности Швейцарія провинилась на этотъ счетъ и заслуживала вниманія. Достоинство Россіи обязывало, чтобы эта республика не относилась такъ легко къ своимъ полицейскимъ обязанностямъ. Мы не можемъ, какъ Франція, блокировать швейцарскія границы, но у насъ имѣлось не мало средствъ заставить Швейцарію выслать скопившихся въ ней анархистовъ въ такія государства, гдѣ правительства болѣе сильны и внимательны, а главное болѣе заинтересованы въ недопущеніи анархическихъ элементовъ. Если Швейцарія не захотѣла бы принимать никакихъ серьезныхъ мѣръ для прекращенія публичныхъ приготовленій къ убійствамъ, то для Россіи оставалась грустная необходимость прервать съ нею дипломатическія сношенія, не выдавать паспортовъ русскимъ подданнымъ въ Швейцарію, воспретить въѣздъ и пребываніе швейцарскихъ подданныхъ въ Россіи (а таковыхъ тысячи) и обложить двойною противъ тарифа таможенною пошлиною всѣ швейцарскія произведенія. Въ случаѣ же, если и это не помогло бы, то намъ ничего не оставалось бы, какъ заключить конфиденціальныи договоръ, развязывающій въ будущемъ руки Германіи, если бы она, преслѣдуя свою традиціонную политику, пожелаала анексировать кое-какіе куски швейцарской территоріи. Само собою разумѣется, что не одна Швейцарія должна нести отвѣтственность за свою преступную поблажку убійцамъ¹⁾. Если наши дипломаты оглянутся хорошенько, то найдутъ не мало средствъ заставить и другія государства исполнять болѣе внимательно ихъ международныя обязанности.

Нашей дипломатіи не пришлось, однако, утруждать себя переговорами, вразумить Швейцарію взяла на себя въ 1889 г. Германія по извѣстному дѣлу полицейскаго агента Вольгемута, арестованнаго и высланнаго изъ Швейцаріи по подозрѣнію, что онъ наблюдаетъ за проживающими тамъ анархистами и социалистами. Германское правительство послало швейцарскому рядъ рѣзкихъ нотъ и въ одной заявило даже, что не только можетъ отказаться отъ охраненія нейтралитета Швейцаріи, такъ какъ Германія въ настоящемъ своемъ видѣ въ Парижскомъ трактатѣ 1815 г. не участвовала, но и вообще не станетъ признавать этого нейтралитета, если пойдетъ рѣчь о наказаніи Швейцаріи за нарушеніе международного права. Этотъ взглядъ противорѣчитъ общепринятому,

¹⁾ Замѣчательно, что убійцищемъ для политическихъ дѣятелей и писателей Швейцарія сдѣлалась какъ бы съ благословенія Россіи. Эрцъ-герцогъ Іоаннъ австрійскій, бывшій потомъ въ 1848 г. регентомъ Германской имперіи, говорилъ въ 1815 г. императору Александру I по поводу нейтрализаціи Швейцаріи: «Развѣ не нужно, чтобы было такое мѣсто, гдѣ честные люди, подвергающіеся преслѣдованію, гдѣ угнетенная мысль, находили бы убѣжище», на что государь, взявъ эрцъ-герцога за руки, съ чувствомъ произнесъ: «Какъ мнѣ пріятно слышать васъ разуждающимъ такимъ образомъ».

что вѣчная (perpetuelle) нейтрализація есть договоръ, отъ котораго можно отказаться лишь съ согласія всѣхъ обязавшихся сторонъ. Поэтому и сама Германія на немъ не настаивала, но такъ какъ протесты ея противъ свободы, представленной въ Швейцаріи анархистамъ, поддержали Австро-Венгерія и Россія, то Швейцарія приняла нѣкоторыя мѣры для обузданія послѣднихъ, между прочимъ по постановленію федеральнаго совѣта былъ изгнанъ князь Крапоткинъ. Постановленіе это не лишено извѣстной важности съ международной точки зрѣнія, такъ какъ въ немъ прямо ставился въ вину князю Крапоткину не только его революціонная дѣятельность на швейцарской почвѣ, но и участіе въ лондонскомъ социалистическомъ конгрессѣ. Подобное строгое отношеніе къ революціонной пропагандѣ особенно знаменательно, если сопоставить его съ мнѣніемъ о возможной выдачѣ Гартмана, высказаннымъ съ американскою откровенностью товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ въ Вашингтонѣ.

Республики, такимъ образомъ, въ вопросѣ объ ограниченіи права убѣжща какъ бы опережали монархическія правительства. Здѣсь не нужно видѣть какого либо новаго факта международнаго права въ смыслѣ его научной разработки. Дѣло объясняется проще. Анархисты въ своей безпощадной войнѣ съ современнымъ обществомъ не щадятъ представителей правительства, къ какому бы они отънку мнѣній ни принадлежали. Печальная участь генерала Гарфильда и Карно показала, что и высшіе сановники республикъ нисколько не обезпечены противъ покушеній безумцевъ. А это, очевидно, заставитъ призадуматься мирныхъ буржуа, стоящихъ во главѣ швейцарскаго и американскихъ правительствъ, если ихъ не вразумило окончательно ужасное убійство императрицы Австрійской.

ХІІ. ИСПАНІЯ.

Революціонная эра въ Испаніи далеко не закончена. Пиренейскій полуостровъ оставался слишкомъ долго неподвижно-спокойнымъ зрителемъ движенія, начавшагося въ Европѣ реформаціей, религіозными войнами и заключавшагося революціями. Неудивительно, что Испанія, принужденная теперь передѣлать у себя работу четырехъ вѣковъ, не можетъ такъ скоро выработать окончательно вполне устойчивое политическое устройство.

Въ 1868 году Испанія произвела у себя революцію совершенно въ французскомъ вкусѣ: династія была изгнана, составъ министерства измѣненъ, кое-что передѣлано въ конституціонной хартии; но всѣ административныя злоупотребленія, централизація, безчестное отношеніе къ податнымъ деньгамъ, невольничество въ колоніяхъ и пр. остались нетронутыми, и тѣ ⁹/₁₀ испанцевъ, которые

индифференты къ чисто-политическимъ вопросамъ, находилась въ недоумѣнн, какой смыслъ имѣлъ переворотъ и что выиграла страна отъ проявленія державной власти народа.

Для посторонняго безпристрастнаго наблюдателя поведеніе испанскихъ учредительныхъ кортесовъ представлялось какъ нельзя болѣе естественнымъ. Послѣ всякаго переворота страсти до такой степени разыгрываются, а государство, точно выдержавшее опасную хирургическую операцію, такъ возбуждено, что правительство,—все равно монархическое ли, или республиканское—невольнo дѣлается консервативнымъ, по крайней мѣрѣ на извѣстное время. Горюпится въ одну-двѣ сессіи палаты переимѣнить весь строй сложившейся годами государственной жизни, истребить всѣ злоупотребленія и исправить всѣ недостатки—значило построятъ карточное зданіе, которое при всей красотѣ снаружи разлетѣлось бы отъ перваго столкновения съ непривлекательною дѣйствительностью.

Преобразователемъ этого осужденнаго общественнымъ мнѣніемъ порядка явилось радикальное министерство Зорилья. Названіе «радикаловъ» не имѣло вовсе въ этомъ случаѣ общеевропейскаго значенія, потому что радикальная партія въ Испаніи состояла изъ образованныхъ представителей буржуазіи и администраціи, пользовалась сочувствіемъ столичнаго общества и не шла далѣе умѣреннаго либерализма. Подобные люди не годились для широкихъ политическихъ и социальныхъ реформъ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ пустыхъ препирательствъ маршалъ Примъ призвалъ на престолъ итальянскаго принца Амедея. Избранный только слабымъ большинствомъ голосовъ въ кортесахъ и непопулярный въ странѣ, какъ иностранецъ, молодой король съ самаго пріѣзда понялъ трудность своего положенія. Онъ нашелъ испанскія партіи организованными въ нѣсколько монархическихъ, антидинастическихъ и республиканскихъ фракцій, и среди нихъ только нѣкоторую образованную часть либеральной буржуазіи,—которая во всѣхъ странахъ составляетъ такъ называемый центръ, готовый безъ заднихъ мыслей поддерживать новыя учрежденія. Зорилья, Риверо, Мартосъ и др. добросовѣстно отнеслись къ дѣлу водворенія новой династіи на началахъ конституціи, самой либеральной, можно сказать, изъ всѣхъ монархическихъ конституцій въ Европѣ, послѣ норвежской. Но лица эти не пользовались достаточнымъ авторитетомъ въ странѣ. Видя слабое вліяніе министерства на страну, король думалъ, что возвращеніе къ партіи болѣе консервативной, не измѣняя общаго положенія дѣлъ, упрочитъ его положеніе. Съ этой цѣлью онъ уволилъ Зорилью и пригласилъ къ управленію партію праваго центра, руководимую Сагастой, Серрано и Топете; но попытка была крайне неудачна, сагастисты, пользуясь не большимъ вліяніемъ въ странѣ, чѣмъ радикалы, имѣли противъ себя свое весьма небезукоризненное прошлое.

Коалиція оппозиціонныхъ партій оживила надежды карлист-

ской партіи и вызвала серьезное возстаніе въ сѣверныхъ провинціяхъ. Республиканцы, поощряемые сосѣдствомъ французской республики, неустанно подрывали монархію; консерваторы отшатнулись отъ правительства, рѣшившагося уничтожить выгодное для нихъ невольничество въ колоніяхъ; къ этому присоединилось еще хроническое возстаніе въ Кубѣ, финансовыя затрудненія, безпорядки въ администраціи, противодѣйствіе духовенства и пр., и пр. Не предвидя исхода изъ этой путаницы и зная холодность населенія, переходившую даже въ насильственные покушенія, молодой король призналъ наиболѣе благоразумнымъ исполнить мысль, которая не оставляла его, говорить, съ самаго вступленія на испанскую почву—сложить корону, предоставивъ испанцамъ самимъ позаботиться объ улучшеніи своего положенія. Катастрофа 1867 г. въ Кверетаро послужила также королю урокомъ, показавъ, какъ чувствительны испанцы въ дѣлѣ своей самостоятельности.

Когда король Амедей сложилъ съ себя корону, всё высказалось сомнѣніе, чтобъ республиканская форма установилась въ Испаніи безъ рѣзкихъ потрясеній. Грустный опытъ испанскихъ республикъ въ Америкѣ предвѣщали смуты. Республиканская форма существуетъ уже въ 14-ти государствахъ, населенныхъ испанцами, но нигдѣ республиканскія формы не привились прочно и диктатуры безпрерывны. Вопросъ возникалъ и о томъ, какая республика была возможна въ Испаніи. Унитарная республика нигдѣ не приносила пока полезныхъ результатовъ и неизмѣнно оканчивалась диктатурой и торжествомъ солдатчины. Федеративная же республика въ странѣ старой и насильно объединяемой пятисотъ лѣтъ не могла быть устроена въ два часа, безъ тщательнаго изученія потребностей каждой отдѣльной мѣстности. При томъ собраніе кортесовъ едва ли могло присвоивать себѣ учредительную власть. Оно было выбрано не безъ административнаго вліянія со стороны министерства чисто монархическаго; республиканцевъ *de l'avant-veille* въ немъ было мало. Къ лицамъ же, переходящимъ изъ одного лагеря въ другой подъ вліяніемъ минуты, слѣдуетъ всегда относиться очень осторожно, потому что люди эти потомъ такъ же легко переходятъ въ противоположный лагерь и не задумываются надъ разрушеніемъ своего собственнаго созданія. Вѣковой деспотизмъ смѣнился въ Испаніи въ 30-хъ годахъ этого столѣтія междуусобной войной, которая стала хроническою, и эти два элемента не могли воспитать въ испанскомъ народѣ уваженія къ законности и политическаго такта, безъ которыхъ свободныя учрежденія остаются на бумагѣ и разлетаются какъ пухъ при серьезномъ давленіи обстоятельствъ.

Сомнѣнія очень скоро оправдались. Хотя кортесы, оставшіеся державными, были выбраны подъ вліяніемъ радикальной партіи, но временное правительство было составлено изъ республиканскихъ депутатовъ, которые въ палатѣ были въ меньшинствѣ, а въ

странѣ располагали также не очень значительными силами. Правительство это, гдѣ преобладалъ Фигверасъ, распустило кортесы, и, вмѣсто того чтобъ по возможности держаться законности и успокоить враждебныя республиканскія партіи, силою разогнало постоянную комиссію кортесовъ.

Это насиліе не осталось безнаказаннымъ. Опытъ убѣждаетъ, что изъ нарушенія правъ законодательныхъ собраній ничего полезнаго никогда не выходило. Долгій парламентъ и нѣкоторыя собранія французскихъ республикъ служатъ тому лучшимъ доказательствомъ. *Conc d'Etat*, даже не стояющій ни капли крови, разрушая въ сознаніи народномъ чувство законности, разнуздываетъ такія страсти, для успокоенія которыхъ требуется много времени. На выборы въ учредительныя кортесы явилось самое ничтожное число избирателей, притомъ наименѣе образованныхъ. Депутаты, избранные при этихъ условіяхъ, естественно не могли пользоваться нравственнымъ и политическимъ авторитетомъ. Съ первыхъ же засѣданій начался рядъ пререканій и раздоровъ, конституція была забыта, и готовилась вспыхнуть междоусобная война. При полной политической неумѣлости новыя кортесы вручили власть Пи-и-Маргалу, который изъ всѣхъ членовъ временнаго правительства выказалъ наименѣе характера и наиболѣе доктринерства. При немъ страна стала распадаться и организовалось обширное кантональное возстаніе. Въ то время когда кантоналисты, не имѣя ни опредѣленной задачи, ни сочувствія въ массѣ населенія, захватывали крѣпости и броненосныя суда и разоряли населеніе богатѣйшихъ городовъ Испаніи, Пи-и-Маргалъ проповѣдывалъ, что возлагаетъ всю надежду на одни «моральныя средства» къ спасенію.

Ожиданіе полной анархіи вызвало естественную реакцію; даже въ неудовлетворительномъ составѣ учредительныхъ кортесовъ оно понудило многихъ подумать о необходимости обширной партіи толковыхъ приверженцевъ республики. Руководителемъ и душою этой партіи сталъ Кастеляръ, здравый смыслъ котораго заставилъ его сразу изъ крайнихъ перейти на правую сторону палаты и организовать ея силы. Знаменитый ораторъ сознавалъ, что тамъ, гдѣ нѣтъ даже простаго общаго лада, нельзя ограничиться одною проповѣдью крайнихъ философскихъ и политическихъ теорій.

Партія Кастеляра отняла власть у Пи-и-Маргала и вручила ее Сальмерону, который оказалъ большія услуги странѣ, сконцентрировавъ кантональное возстаніе въ одной Картагенѣ, возстановивъ дисциплину и протянувъ руку защиточнымъ классамъ общества, испуганнымъ анархіей и готовымъ эмигрировать. Но Кастеляръ недолго игралъ второстепенную роль тамъ, гдѣ въ сущности онъ былъ главнымъ дѣятелемъ. Эффектный, но непрактическій отказъ Сальмерона подписывать смертныя приговоры въ страхѣ, гдѣ *de facto* и безъ того кровь лилась рѣкой, заставилъ

кортесы передать исполнительную власть Кастиляру. Ему была вручена диктатура, которою онъ пользовался три мѣсяца очень умѣренно и не безъ искусства. Онъ приготовилъ паденіе Картагены; съ пустымъ казначействомъ онъ управлялъ страню, организовалъ кое-какую армію, и сколько могъ задерживалъ карлистское возстаніе, на преодоленіе котораго у него не было ни денегъ, ни солдатъ. Диктатура открыла глаза Кастиляру. Онъ окончательно пришелъ къ убѣжденію, что конституціонные проекты необходимо отложить впредь до успокоенія страны. Къ несчастію, какъ человѣкъ новый, безъ большихъ связей во вліятельныхъ кружкахъ общества, онъ не могъ создать сильную партію и поневолѣ въ своихъ консервативныхъ стремленіяхъ опирался на партію Серрано, Сагасты и другихъ, которые произвели революцію 1868 года. Партія эта не пользовалась большимъ почетомъ у республиканцевъ, и потому Сальмеронъ, поставивъ еще разъ принципы выше интересовъ государства, помогъ Пи-и-Маргалу и непримиримымъ свергнуть Кастиляра. Этимъ сверженіемъ кортесы подписали себѣ смертный приговоръ.

У Кастиляра не хватило духа, прозвнеся въ два часа дня громкія слова, что «вѣкъ пронунціаменто навсегда законченъ», въ шесть часовъ утра стать во главѣ новаго пронунціаменто; но у союзниковъ его, воспитанныхъ въ другихъ правилахъ, мысль о насильственномъ разогнаніи кортесовъ давно созрѣла и была исполнена безъ малѣйшаго колебанія. Душа переворота, генераль Павія, судя по его, быть можетъ и притворному, безкорыстію, не преслѣдовалъ личныхъ цѣлей; онъ сдѣлался орудіемъ умѣренной партіи, которая страшилась повторенія анархіи. Насиліе, сдѣланное Павіей, одобрили вліятельныя сферы публики. Кастиляръ протестовалъ, но это не помѣшало новому правительству печатно расточать бывшему диктатору комплименты. Какъ знать? Быть можетъ горькій опытъ убѣдилъ честнаго Кастиляра, что рано или поздно дѣло должно было кончиться такимъ образомъ.

Диктаторомъ сталъ Серрано, никакой программой не задавшійся, а разсуждавшій только о томъ, какую изъ трехъ ролей выгоднѣе сыграть ему: Боанарта, Монка или Макъ-Магона. Его поведеніе не внушало увѣренности въ будущемъ, и испанскія либеральныя газеты, несмотря на строгость цензурныхъ условій, не стѣснялись высказывать, что республика, такъ или иначе, но непременно погибнетъ въ рукахъ Серрано, что и случилось, когда 30-го декабря 1878 г. генераль Мартинецъ-Кампосъ восстановилъ Бурбонскую династію въ лицѣ семнадцатилѣтняго Альфонса XII. Государство, гдѣ горсть солдатъ и честолюбивыхъ генераловъ создаютъ по произволу ту или другую форму правленія, несомнѣнно, дошло до послѣдней степени упадка и развращенія, и, конечно, не риторическое краснорѣчіе «первыхъ ораторовъ въ свѣтѣ» могло поднять его.

Послѣ fiasco, испытаннаго въ Испаніи республикой, сулившей золотыя горы, а на дѣлѣ приведшей страну къ распаденію и полной анархіи, возстановленіе конституціонной монархіи было встрѣчено большинствомъ испанскаго народа какъ начало эпохи успокоенія. Король Альфонсъ, несмотря на свои юные годы, сумѣлъ довольно твердо взять въ руки бразды правленія. А это дѣло не легкое въ странѣ, которая въ полномъ смыслѣ раздиралась партіями и къ которой примѣнены были совершенно чуждые ея исторіи и народному духу порядки.

Удерживая почти все время во главѣ управленія консервативное министерство съ Кановасъ-дель-Кастильо—своимъ бывшимъ учителемъ—во главѣ, королю Альфонсу удалось усмирить окончательно карлстское и кубанское возстанія, сблизиться съ Португаліей и, войдя въ тѣсныя отношенія съ Германіей, стать въ положеніе, независимое отъ Франціи—государства, которое, по своему географическому положенію можетъ вліять на внутреннія испанскія дѣла. Періодъ временнаго спокойствія подѣйствовало благоприятно на Испанію и въ другихъ отношеніяхъ: несчастныя испанскіе финансы начали улучшаться, а въ торговой политикѣ Испаніи удалось отказаться отъ невыгодныхъ для нея торговыхъ трактатовъ. Сѣть желѣзныхъ дорогъ значительно подвинулась впередъ.

Во всякомъ случаѣ это было только начало и Испаніи еще надо бы было очень много успій и труда, чтобы упрочить свое положеніе и занять подобающее мѣсто въ ряду европейскихъ государствъ. Смерть короля Альфонса рпсковала остановить нормальный ходъ дѣлъ и снова ввергнуть Испанію въ періодъ смуты и революцій, обыкновенно являющихся тамъ, гдѣ власть находится въ рукахъ регентства и гдѣ династія не встрѣчаетъ единодушной поддержки во всей массѣ населенія. Къ счастью для Испаніи, въ регентствѣ Маріи-Кристинѣ она нашла замѣчательную женщину. Отъ своего дѣда, знаменитаго полководца-побѣдителя при Аспернѣ эрцъ-герцога Карла, она унаслѣдовала стойкость и отвагу, необходимую для управленія испанцами, а по мужскому складу ума и дѣловитости она напоминаетъ свою прабабушку, императрицу Марію-Терезію, отличаясь отъ послѣдней только веселымъ характеромъ.

Королева-регентша изучаетъ все въ подробности, читаетъ много и буквально удивляетъ министровъ своими спеціальными по всѣмъ предметамъ познаніями. Она заявила также желаніе исполнять строго свои конституціонныя обязанности. Къ сожалѣнію, въ Испаніи послѣднее не такъ-то легко. Испанцы, точно дѣти, любятъ перемѣны и не могутъ ни на чемъ долго успокоиться. Они хвалятъ королеву за желаніе управлять вмѣстѣ вліянія придворной камарильи, но перемиріе и тишина, наступившія въ Испаніи и имѣвшія послѣдствіемъ, что единственный разъ парламентъ не былъ распу-

щевъ до срока (сессія 1888—1891 гг.), обязаны случаю и едва ли объ испанцахъ нельзя будетъ и впредь острить, что ихъ конституціонная монархія основана исключительно *sur la foi de leurs pères et celle de leurs créanciers*.

Хотя въ странѣ имѣются двѣ главныхъ партій—консервативная и либеральная, долго руководившіяся опытными государственными людьми—Кановасомъ-дель-Кастильо и Сагастой, пзъ коихъ первый пользовался особымъ уваженіемъ, а второму нельзя отказать въ пзворотливости, но объ эти партіи не дисциплинированы. Это скорѣе естественныя въ каждой странѣ два теченія общественнаго мнѣнія, теченія, границы которыхъ мѣняются постоянно; правительственные же кружки распадаются на многочисленныя группы; гдѣ личные интересы рѣшительно преобладаютъ надъ политическими и нравственными соображеніями. Испанія ранѣе Америки узнала не только язву репортажа, но и язву отъ появленія класса «политикановъ». Для массы людей политика здѣсь давно уже стала ремесломъ и какой-либо энергической человѣкъ, который сто лѣтъ назадъ останавливалъ бы въ ущельяхъ Сьеры Морены дилжансы, теперь не менѣ ловко ощипываетъ карманы публики, сдѣлавшись политическимъ авантюристомъ и добившись выбора въ кортесы. Народъ смутно сознаетъ, что его морочатъ, что всѣ реформы обращаются лишь на его эксплуатацію, но онъ безсиленъ сбросить съ себя ярмо, наложенное на него интеллигенціею, да и основы, на которыхъ покоилось вѣковое зданіе испанской монархіи, систематически разбивались съ 1812 года.

Внутренняя политика Испаніи для иностранца, незнакомаго съ тонкостями партійныхъ интригъ, кажется даже не совсемъ понятною. Министерство располагаетъ, наприимѣръ, въ палатахъ большинствомъ, но это ничего не значить, пбо выборы совершенно въ рукахъ правительства и, слѣдовательно, большее или меньшее число голосовъ не имѣетъ рѣшающаго значенія. Важно мнѣніе политическихъ вожаковъ и настроеніе общественнаго мнѣнія въ правящемъ классѣ. Если оно рѣшительно противъ, то министерство увольняютъ безъ церемоній, а новое выбираетъ какую ему угодно палату. Такимъ образомъ, парламентскій механизмъ въ Испаніи—одна комедія; управляетъ кружокъ политикановъ. Я не говорю уже о личныхъ сношеніяхъ. Здѣсь всѣ ссорятся и спорятъ о политикѣ публично, но это не мѣшаетъ дружбѣ и нерѣдко за однимъ столомъ встрѣчаешь какъ пріятелей людей, сидящихъ на крайнихъ концахъ палаты и готовыхъ тамъ, кажется, растерзать другъ друга.

Несмотря на обезпеченное большинство, министерства скоро оказываются безсильными. Они потому и ослабѣваютъ, что имѣютъ въ кортесахъ такое большинство, которое показывало, что оппозиція не попала въ палату, а осталась внѣ ея, т. е. въ странѣ. Въ тѣхъ же конституціонныхъ государствахъ, гдѣ оппозиція лишена легальнаго средства представлять свои интересы, она при-

бѣгаетъ къ революціонному пути. Оттого-то въ Англіи правительство такъ и прочно, что оппозиція давно организована тамъ въ партію, почти не уступающую въ силѣ правительственной партіи, и оппозиція знаетъ, что вопросъ о проведеніи ея идей есть только вопросъ времени.

Вслѣдствіе подтасовки выборовъ, карлисты пѣвуютъ въ сенатѣ и въ кортесахъ лишь по одному представителю, хотя цѣлыхъ три провинціи, часть духовенства и много помѣщиковъ въ остальныхъ остаются преданными Донъ-Карлосу. Республиканцы также послѣ позорнаго опыта 1874—1876 гг. малочисленны. Республиканцы сильно рассчитываютъ въ будущемъ на всеобщую подачу голосовъ, но люди, весьма близко знакомые съ политическими вопросами Испаніи, увѣряютъ, что при расширеніи права голосованія надобно ожидать прямо противоположнаго, а именно успенія консервативной партіи, такъ какъ въ сельскомъ, наиболѣе многочисленномъ, населеніи вліяніе духовенства и помѣщиковъ еще очень сильно, и крестьяне ненавидятъ буржуазію, скупившую по дешевой цѣнѣ большую часть монастырскихъ земель, а въ кортесахъ направляющую политику въ томъ смыслѣ, чтобы тяжесть налоговъ главнымъ образомъ падала на земледѣліе. Это и было причиною появленія въ Андалузій тайнаго общества «Черной руки», напугавшаго своею социалистическою программой.

Социалистическое движеніе среди сельскаго населенія Испаніи нельзя объяснить себѣ, не ознакомившись ближе съ положеніемъ тамъ поземельной собственности. Въ сѣверной части Испаніи, наиболѣе плотно населенной, и особенно въ Пиренейскихъ горахъ, начиная съ восточной части Каталоніи и оканчивая западной частью Галисіи, поземельная собственность очень раздроблена: можно даже сказать, что въ Галисіи дробленіе это достигло гомеопатическихъ размѣровъ. Трудолюбіе и бережливость, доходящая часто до скупости, свойственны этому населенію и дѣлаютъ то, что въ сѣверной части Испаніи уваженіе къ личной собственности очень велико и коммунистическая пропаганда не имѣетъ никакого успѣха. Вслѣдствіе культуры, населеніе, чтобы быть ближе къ своимъ полямъ, разсѣяно тутъ мелкими поселеніями и отдѣльными хуторами.

Совершенно иначе, нежели въ сѣверной Испаніи, организована поземельная собственность въ Андалузій и Эстрамадурѣ; тамъ изгнаніе мавровъ оставило слѣды, которые не изгладятся еще цѣлыя столѣтія. Поощра надъ маврами была вознаграждена раздачею обширныхъ земель дворянству, сопровождавшему королей въ ихъ походахъ или воевавшему на свой собственный счетъ. Половина способной къ воздѣлыванію земли принадлежала тутъ прежде къ заповѣднымъ имуществамъ; оттого населеніе по необходимости сосредоточилось въ трехъ или четырехъ большихъ городахъ и въ нѣсколькихъ людныхъ селеніяхъ; путешественникъ же провзбываетъ

десятки верств совершенной пустыни, прежде чѣмъ встрѣтѣтъ какую-нибудь уединенную хлѣбну. Въ странѣ нѣтъ никого, кромѣ крупныхъ помѣщиковъ и безземельныхъ рабочихъ. Эти-то рабочие, трудящіеся круглый годъ подъ палящимъ солнцемъ Андалузіи, и требуютъ теперь раздѣла обширныхъ невоздѣланныхъ земель, забывая, что вѣковая давность узаконила право нынѣшнихъ владѣльцевъ. Короче, испанскій крестьянинъ желаетъ быть «собственникомъ» путемъ грубого захвата. Аграрное движеніе въ Испаніи, впрочемъ, не новость; признаки экономической революціи на югѣ Испаніи замѣчались давно. При министерствѣ Нарваеса возстаніе съ этою цѣлью было сдѣлано въ Аватралѣ, при маршалѣ О'Доннеллѣ—въ Лохѣ. Переворотъ 1868 года оживилъ надежды испанскихъ крестьянъ; съ тѣхъ поръ надобно было ожидать новаго возстанія: оно и случилось.

Уничтоженіе заповѣдной собственности и майоратовъ должно привести современемъ свои плоды и раздробитъ въ Испаніи поземельную собственность, которая законнымъ путемъ перейдетъ тогда во многія руки. Тому же способствуетъ поземельный налогъ, введенный въ Испанію по образцу французскаго. Но желанія сельскаго населенія опережаютъ благотворное вліяніе изданныхъ законовъ. Это стремленіе къ землѣ пропизвело въ рукахъ пролетаріевъ довольно странную путаницу понятій. Желая владѣть землей, они всячески между тѣмъ препятствуютъ распродажѣ государственныхъ и общинныхъ земель отдѣльными участками. По мнѣнію испанскихъ крестьянъ, общественныя земли должны отдаваться исключительно имъ за небольшую арендную плату. Правительство пробовало эту систему, но безъ успѣха. Пролетаріи, не имѣя запаса сѣмянъ и земледѣльческихъ орудій, спѣшили продавать за стаканъ вина земли, которыя имъ ничего не стоили. Такимъ образомъ лица, которыя могли бы заплатить государству за тѣ же земли значительныя деньги, при посредствѣ крестьянъ пріобрѣтали ихъ за безцѣнокъ. Дешевизна эта привлекала людей безъ трудолюбія, знанія и капитала, и земля оставалась все-таки необработанною.

Съ тѣхъ поръ анархизмъ сдѣлать въ Испаніи огромные успѣхи: нападеніе на Хересъ въ 1892 г., покушеніе на убійство маршала Кампоса, постоянныя рабочія возстанія въ Вильбао, Мурціи, Каталоніи, взрывъ въ театрѣ Лусео въ Барселонѣ, убійство въ 1897 г. Кановаса-дель-Кастильо. Несмотря на изданіе въ 1894 и 1896 годахъ очень строгихъ законовъ, язва эта распространяется.

Сколько разъ въ Испаніи ни мѣнялись правительства, сколько разъ ни передѣлывалась конституція—злоупотребленія оставались неизмѣнными. Зло, очевидно, лежитъ въ ложной организаціи и заимствованной изъ Франціи централизованной администраціи, которая процвѣтаетъ, несмотря на всѣ перевороты, и считаетъ себя чѣмъ-то независимымъ отъ страны. «Франція есть страна, завое-

важная своим чиновникам» — фраза еще более справедливая для Испании. Идея Кастелъера обь организации въ Испаніи федеральнаго государства въ томъ и состояла, чтобъ дать обществу самостоятельность и необходимое самоуправленіе. Безъ такой реформы Испанія будетъ всегда вращаться въ ложномъ кругу.

Страна попрежнему пребываетъ въ періодѣ, который одинъ испанскій писатель хорошо охарактеризовалъ словамъ: «въ моемъ несчастномъ отечествѣ никто не желаетъ повиноваться и никто не умѣетъ повелѣвать». Анархія господствуетъ даже въ арми. т. е. въ такомъ учрежденіи, которое въ остальной Европѣ считается по своей строгой дисциплинѣ опорой порядка, и эра преторіанскихъ революцій не миновала. «Я убѣжденъ, говорилъ мнѣ съ грустью одинъ депутатъ, весьма преданный правительству и назначенный губернаторомъ въ одну изъ важнѣйшихъ провинцій, что стоитъ согласиться пяти генераламъ, чтобы опробовать у насъ въ Испаніи какое угодно правительство».

Насколько недовѣрчиво испанское общество къ правительству, показываетъ случай съ подпискою въ пользу раненыхъ въ карлпетской войнѣ. Подписка на этотъ предметъ, предложенная газетамъ, шла очень успѣшно до тѣхъ поръ, пока правительство, для облегченія пересылки денегъ, не предложило передавать деньги въ казначейства. Это распоряженіе сразу прекратило подписку, потому что испанская публика убѣждена, что всѣ деньги, собранныя такимъ образомъ, украдутъ чиновники.

Очень трудно, конечно, судить о положеніи страны столь своеобразной и относительно мало изученной, особенно въ ея соціальныхъ отношеніяхъ, какъ Испанія, но и изъ фактовъ общепзвѣстныхъ, а равно изъ ея политической практикки за послѣднее двадцати- и даже пятидесятилѣтіе можно сдѣлать нѣсколько, повидимому, безошибочныхъ заключеній о томъ пути, вѣд котораго Испанія будетъ постоянно вращаться въ безысходномъ кругѣ военно-революціонныхъ и анархическихъ движеній.

Прежде всего нужно полагать, что конституціи и административный режимъ, существующіе въ Испаніи, къ ней вовсе не подходятъ. Для парламентскаго управленія при помощи средняго сословія въ Испаніи нѣтъ достаточно элементовъ и это управленіе не удовлетворяетъ потребностямъ народной массы. Централизція также вовсе не свойственна странѣ, гдѣ одновременно, какъ, напримеръ, въ 1873 году, однѣ провинціи проливали кровь за абсолютную монархію, а другія съ оружіемъ въ рукахъ отстаивали соціально-демократическую республику.

По географическому положенію Испаніи, по характеру ея исторіи и свойству жителей ей нужна не буржуазная конституція съ узенькою, эгоистическою плутобратическою политикою и водевильною борьбою парламентскихъ фракцій, а очень сильная центральная власть, пользующаяся уваженіемъ въ народѣ, съ широкимъ

самоуправленіем провинцій. И до сихъ поръ въ Испаніи сохранились крѣпкіе остатки муниципальныхъ городскихъ и сельскихъ учреждений, которые спасли Испанію противъ владычества Наполеона, и теперь еще составляютъ единственный противовѣсъ противъ чиновничьяго деспотизма. Для страны съ такимъ разнороднымъ составомъ населенія, которое только сплюю инквизиціи удалось привести въ одному знаменателю и сплотить въ нѣчто цѣлое, необходима значительная децентрализація.

Послѣ реформы конституціи необходима реформа арміи. Большая армія—зло для Испаніи. Конечно, государство, гдѣ такъ плохо охраняется право собственности, нуждается въ военной силѣ, но сила эта должна быть организована какъ-нибудь иначе, напирѣмъ въ видѣ жандармеріи, милиціи и т. п., но не въ видѣ тѣхъ преторіанскихъ когортъ, которыя по первому сигналу своихъ вѣчно недовольныхъ карьерою генераловъ дѣлаютъ разныя «pronunciamentos» на городскихъ площадяхъ. Слишкомъ стотысячную армію Испанія содержитъ главнымъ образомъ противъ Франціи, но, не говоря уже о томъ, что послѣдняя едва ли подумаетъ когда-либо серьезно о завоеваніи Испаніи, эта страна въ состояніи защищаться противъ могущественнаго сосѣда одною системою удачныхъ союзовъ. Комбинируя ихъ дѣйствіе, Испанія могла бы сократить свою постоянную армію на половину.

Но и эта половина опасна, если Испанія будетъ продолжать прежнюю вялую внѣшнюю политику и такъ мало развивать предприимчивость своей торговли. Характеръ испанскій не имѣетъ настойчивости, но въ немъ много энергіи и отваги; колоніи и европейскія войны XVII и XVIII столѣтія давали исходъ этимъ качествамъ испанцевъ и Испанія была спокойна внутри, несмотря на невыносимо скверное управленіе. Теперь она представляетъ паровикъ, закрытый со всѣхъ сторонъ, въ которомъ паръ, находящійся подъ сильнымъ давленіемъ, ищетъ исхода. Испанское правительство должно открыть клапаны. Оно должно найти пищу народной энергіи. Эксплуатація сосѣдняго Марокко, хорошая колониальная политика, возстановленіе торговыхъ связей съ Южной Америкой и Мексикой—вотъ то поприще, гдѣ могли бы найти себѣ съ пользою для страны занятіе тѣ герои, которые безславно растрачиваютъ энергію на улицахъ Барселоны или Бадахоса.

Къ сожалѣнію, Испанія не нашла поддержки для такой политики въ другихъ странахъ. Несмотря на расточаемыя въ изобиліи на разныхъ международныхъ торжествахъ (фразы о единеніи и братствѣ народовъ, до сихъ поръ еще основаніемъ международныхъ отношений служатъ лицемѣріе и самый мелкій эгоизмъ. Сколько лѣтъ терзается Испанія въ мукахъ самой постыдной междоусобной войны, какъ сильно ни страдаютъ и культурные, и экономическіе интересы Европы и Америки отъ того, что одно изъ крупныхъ государствъ находится безпрерывно въ состояніи анархіи—

никто, однако, не беспокоится и не хлопочетъ серьезно о томъ, чтобы положить конецъ такому положенію. Двѣразли, напримѣръ, выразили притворное участіе къ судьбѣ «благороднаго народа», хотя ему стоило пошевелить пальцемъ, чтобы прекратить снабженіе карлистовъ англійскимъ оружіемъ и сдѣлать тѣмъ для «благороднаго» народа въ десять разъ болѣе, чѣмъ всѣми краснорѣчивыми сожалѣніями, высказываемыми въ стѣнахъ парламента. Еще хуже поступала Франція. Не разъ уже унижала и разоряла она Испанію, хотя послѣдняя по своему географическому положенію и другимъ условіямъ должна бы быть ея лучшимъ союзникомъ.

Правительство Макъ-Магона не могло быть оправдано тѣмъ, что являлось слѣпымъ орудіемъ народныхъ страстей; оказывая тайную помощь карлистамъ, правительство его старалось угодить только небольшой части монархической партіи, выше всего ставящей узкіе клерикальные интересы. Въ томъ же, что карлистское возстаніе держалось преимущественно послабленіемъ пограничныхъ французскихъ властей, не могло быть сомнѣнія, какъ бы ни доказывали противное официальныя слѣдствія, производимыя французскими чиновниками. Баскское населеніе, хотя и очень энергичное, но, воюя непрерывно почти три года въ предѣлахъ своей ограниченной гористой территоріи, бросивъ промышленность и не имѣя возможности торговать, скоро должно было прійти въ такое разоренное положеніе, что правильная война, требующая значительныхъ матеріальныхъ средствъ, сдѣлалась бы для него невозможною. Только помощь пзвнѣ и поддерживала очагъ возстанія; помощь эта не могла, между тѣмъ, приходить иначе, какъ черезъ французскую границу, потому что Бискайскій заливъ, хотя и не вполне, но всецѣмъ въ извѣстной мѣрѣ блокировался испанскимъ флотомъ. По собственному опыту мы знаемъ цѣну пограничныхъ поблажекъ. Стоитъ только припомнить, какъ строгій надзоръ со стороны австрійцевъ по галиційской границѣ прекратилъ возстаніе 1863 года гораздо скорѣе, чѣмъ сдѣлали это военныя дѣйствія. Такую же двуплечную роль играли Соединенные Штаты въ оба кубанскія возстанія, не обращая никакого вниманія на незаконность иностраннаго вмѣшательства во внутреннія дѣла государства совершенно самостоятельнаго.

Когда карлистская война затянулась, то даже либеральныя газеты находили, что европейскія государства имѣютъ право вмѣшаться въ это дѣло, забывая, что карлизмъ есть только одна изъ многочисленныхъ политическихъ партій въ Испаніи; слѣдовательно, возставая противъ него, иностранныя государства не ограничивались умпротвореніемъ извѣстной территоріи, но какъ бы вступали въ борьбу съ извѣстными слоями испанскаго общества, болѣе или менѣе разсѣянными во всемъ государствѣ. Такое предположеніе, по мнѣнію защитниковъ вмѣшательства, далеко не оправдывается фактами. Безъ сомнѣнія, въ Испаніи существуетъ изъ-

вѣстная реакціонная партія, которая не прочь помочь возстановленію донъ-Карлоса, въ надеждѣ увидѣть прѣзѣтомъ п возстановленіе всякихъ несправедливостей добраго стараго времени; но партія эта не имѣетъ большихъ корней въ народѣ п ограничивается преимущественно платоническимъ сочувствіемъ. Карлизмъ охватываетъ всю народную массу только въ трехъ сѣверныхъ провинціяхъ, которыя, отстаивая свое мѣстное, почти республиканское самоуправленіе (*fueros*), желаютъ силою навязать деспотическаго короля остальной, большей части Испаніи. Врагъ является тутъ если не внѣшнимъ, то, во всякомъ случаѣ, какъ бы постороннимъ, такъ какъ сѣверныя провинціи Испаніи п по языку, п по государственному п административному устройству не имѣли съ прочей Испаніей почти ничего общаго. Связь обѣихъ частей была скорѣе федеративная; а если признать эту точку зрѣнія, иностранная помощь мадридскому правительству такъ же могла бы быть оправдана, какъ, напримѣръ, помощь Австріи ганноверскому королю п другимъ нѣмецкимъ государямъ въ войнѣ съ Пруссіей въ 1866 году.

Но кромѣ формальной точки зрѣнія была еще п другая, болѣе будто бы возвышенная, п въ данномъ случаѣ болѣе вѣрная. Были, конечно, примѣры самаго прискорбнаго вмѣшательства въ чужія дѣла; но есть немало п такихъ, которыми справедливо гордится исторія. Таково, напримѣръ, вмѣшательство Россіи, Англіи п Франціи въ дѣло независимости Греціи, вмѣшательство Сардиніи въ сицилійское возстаніе 1860 года, что повело къ ускоренію единства Италіи, п т. д. Карлизмъ защищаетъ не только принципъ легитимизма—весьма еще, въ данномъ случаѣ, спорный, потому что салическій законъ былъ въ Испаніи новостью—но п самыя отсталыя п дурныя цѣли, опираясь прѣзѣтомъ на испорченные элементы; поэтому борьба съ нимъ являлась-де заслугою передъ человѣчествомъ п какъ бы обязанностью современнаго общества!

Подобныя же софизмы повторялись по поводу возстанія испанскихъ колоній. Одно время романскіе народы первенствовали въ колоніяхъ: но первенство ихъ было призрачное, п потребовалось немного успій, чтобъ Франція потеряла Индію, Луизиану п Канаду, Испанія—Мексикку п Среднюю п Южную Америку, Португалія—Бразилію. Съ этими потерями пала п такъ называемая колониальная система ихъ. Только относительно Кубы, Порто-Рико п Филиппинъ Испанія продолжала слѣдовать системѣ, состоявшей въ томъ, чтобъ держать колониальное населеніе въ умственномъ п политическомъ рабствѣ, не извлекая отъ колоній никакихъ денежныхъ выгодъ, не содѣйствуя даже развитію своего торговаго флота п промышленности. Она дѣлала изъ колоній только поле эксплуатаціи для голодныхъ чиновниковъ, промотавшихся офицеровъ п безсовѣстныхъ адвокатовъ. Могъ ли какой-либо губернаторъ Кубы заботиться о водвореніи порядка, когда ежегодный

доходъ его отъ одного только допущенія привоза черныхъ невольниковъ доходилъ иногда до 2¹/₂ милл. руб. и каждое министерство старалось покормить у такого нечистаго псточника своихъ друзей?

Республика, несмотря на кратковременность своего бурнаго существованія, успѣла уничтожить невольничество на Порто-Рико, трудолюбивое населеніе котораго было привязано въ своей метрополіи. Вопросъ о невольничествѣ на островѣ Кубѣ также поставленъ былъ на очередь, но разрѣшеніе его представлялось гораздо затруднительнѣе, потому что не могло быть сдѣлано по справедливости, безъ вознагражденія рабовладѣльцевъ; а такъ какъ цѣнность негровъ на Кубѣ составляла отъ 12 до 15 милліардовъ песеть, то очевидно, что бѣдной Испаніи нельзя было провести этого вопроса благополучно до конца; насильственное же разрѣшеніе вопроса стало началомъ экономическаго разоренія богатаго острова, производящаго одного сахара на 150 милл. руб.; ему стала угрожать жалкая участь Санъ-Доминго или Ямайки, положеніе же негровъ улучшилось немного.

Куба еще одна изъ тѣхъ романскихъ колоній, которыя, благодаря необыкновенному богатству, при одномъ отсутствіи открытаго возстанія, оккупала все-таки свое содержаніе и приносила даже кое-какой доходъ, не считая того, который оставался въ карманахъ чиновниковъ. Но истинными образчиками испанскихъ колоній представлялись—Филиппины, Фернандо По и Президио. Всѣ эти владѣнія, щедро одаренныя природою, на берегу моря, на великихъ морскихъ путяхъ, существовали исключительно для удовольствія своихъ чиновниковъ и доставляли метрополіямъ одни расходы. За то сколько въ теченіе года требовали онѣ разныхъ циркуляровъ, положеній, правилъ, регламентовъ, запрещеній, сколько испускалось бланковъ предписаніямъ и отношеніямъ!

Ослабленіе испанцевъ въ ихъ колоніальной политикѣ, послѣ столькихъ чувствительныхъ потерь, просто непонятно, и объясняется только черезчуръ крупными интересами партій, заинтересованныхъ въ колоніальныхъ злоупотребленіяхъ. Тутъ необходимы были реформы очень широкія, иначе потеря колоній была неизбежна. Нѣкоторые публицисты находили, впрочемъ, что для Испаніи, въ интересахъ торговли и для поднятія нравственнаго уровня администраціи, подобная потеря была бы скорѣе выгодна. Но большинство испанскаго общества справедливо полагало, что безъ колоній Испанія потеряетъ окончательное свое политическое значеніе и представитъ удивительный примѣръ страны, которая до ничтожества по собственной винѣ, такъ какъ по географическому положенію нѣтъ въ Европѣ страны болѣе безопасной отъ внѣшнихъ потрясеній.

Несомнѣнно, Испанія переживаетъ самую критическую минуту своего долготѣннаго историческаго существованія и потеря половины государства угрожаетъ ей низведеніемъ на степень третье-

степенной державы. Но въ оправданіе испанцевъ можно привести, что складъ правительства и администраціи, продукты вѣковой культуры, не мѣняются по одному желанію. Затѣмъ, исторія бывшихъ испанскихъ колоній, обратившихся въ деспотическія республики, гдѣ революціи и политическія убійства представляются ежедневными явленіями, показываетъ, что колоніи эти и безъ испанскихъ чиновниковъ нѣсколько управляются не лучше, чѣмъ при этихъ чиновникахъ.

Испанія если кое въ чемъ и провинилась въ Америкѣ, то и какія услуги она оказала той же Америкѣ! Она ее открыла, населила и цивилизовала. Положительно можно сказать, что для блага американскаго континента Испанія выпустила кровь изъ своихъ жилъ, отдала и свои капиталы, и лучшую часть своего населенія. Это крупная заслуга Испаніи передъ цивилизованнымъ міромъ.

Возстаніе испанскихъ колоній и ихъ дальнѣйшая исторія были дѣломъ не только плохого управленія, но результатомъ борьбы расъ черной и индѣйской противъ бѣлой. Точно такую же расовую являлась и война въ Кубѣ, гдѣ негры и мулаты, пользуясь тропическимъ климатомъ и растительностью, возстали съ дѣлю будущаго угнетенія бѣлой расы.

Ближайшимъ сосѣдямъ Кубы, практическимъ янки, эта борьба была очень на руку, и такъ какъ разореніе Кубы являлось огромною премією сѣверо-американскимъ табачнымъ и особенно сахарнымъ фабрикантамъ, то они и поддерживали братоубійственную борьбу, надѣясь половить рыбку въ мутной водѣ. Хотя въ политикѣ и принято подсмѣиваться надъ «принципамъ», но нельзя же отрывать, что никакое государство, не создавая опасныхъ прецедентовъ, не можетъ позволить сильному угнетать слабого и ставить кулакъ, хотя бы и покрытый броней, вышшимъ руководителемъ дипломатіи. Испанія, усмиряя Кубу, исполняла только свои обязанности,—какъ исполняли мы свои, усмиряя Польшу въ 1831 и 1863 гг.,—и ничьихъ интересовъ Испанія не задѣвала; видѣть въ ней зачинщица войны—это было повторять сказку о волкѣ и овцѣ.

Кончилось однако тѣмъ, что Соединенные Штаты заставили испанцевъ начать войну въ 1898 г. Испанія вовсе не была къ ней готова, надѣясь на заступничество папы, всѣхъ святыхъ, чудеса и даже на европейское вмѣшательство! Заступился одинъ папа и, конечно, безуспѣшно. Во время войны испанцы интересовались только боемъ быковъ и вопросомъ о томъ, что женщины выступаютъ эспадами, волновалъ ихъ болѣе, чѣмъ пораженія; правда, благодаря цензурѣ, они получали о войнѣ самыя скудныя свѣдѣнія.

Американскій флотъ уничтожилъ сначала испанскій флотъ у береговъ Маниллы, затѣмъ залерь испанскій флотъ въ Сантъ-Яго на Кубѣ и уничтожилъ его при попыткѣ прорваться. Высадивъ

14.000-ную армию волонтеров у того же Санть-Яго, американцы заставили сдаться запертую при там часть испанской армии в числе 250.000 человек, охранявшей Кубу; вместе с этим они заняли Порто-Рико, встретив вездь самое слабое сопротивление.

Столь ли небрежно было сдѣлано испанцамъ, какъ я говорю въ введеніи, и заключеніе мира, который окончился потерей почти всѣхъ колоній, потому что Испанія продала Германіи Маріанскіе острова.

Въ концѣ концовъ ни эти потери, ни паденіе Сагасты, ни консервативное министерство Сильвелы не заставили испанцевъ прозрѣть политически. Испанія уничтожила министерство колоній, но не думаетъ о сокращеніи военныхъ расходовъ; въ концѣ 1898 г. военное министерство потребовало даже увеличенія арміи до 140,000 въ виду какъ бы карлистской агитаціи. Легкомысленно и ради пустого рыцарства приняли испанцы на себя непосильную обузу долга колоній, но для улучшенія внутренняго положенія ничего серьезнаго не дѣлается. Ожесточенная борьба партій продолжается и положеніе Испаніи напоминаетъ положеніе Англіи и Франціи наканунѣ революціи. Даже купцы не хотятъ платить усиленныхъ налоговъ.

У насъ многіе были того мнѣнія, что такъ какъ Испанія находится на концѣ Европы, то ея политика для Россіи такъ же indifferentна, какъ политика Бразиліи или Перу. Великое заблужденіе, раздѣлявшееся между тѣмъ и нашей дипломатіей! Дружба съ Испаніей для Россіи была гораздо важнѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ, а дипломатія наша немногимъ лучше знаетъ теперь Испанію, чѣмъ въ моментъ, когда при Петрѣ Великомъ князь Долгорукой ѣздилъ къ испанцамъ, вѣчно нуждавшимся въ деньгахъ, дѣлать заемъ для Россіи.

Взапимость интересовъ обѣихъ державъ уже проявлялась исторически. Не отвлеки въ 1812 году Испанія огромной части силъ Наполеона I, исходъ кампаніи могъ быть другой; въ свою очередь, не побѣди мы Наполеона, можетъ быть Испанія оставалась бы до сихъ поръ вассальнымъ французскимъ государствомъ. Испанцы показали намъ, какъ и всей Европѣ, что бояться Наполеона нечего, а затѣмъ Испанія была почти единственнымъ нашимъ союзникомъ въ войнѣ съ величайшимъ полководцемъ новаго времени, для чего кортесы и заключили формальный договоръ съ Россіей въ Великихъ Лукахъ. Союзъ этотъ вовсе не былъ одною платоническою формальностью. Содѣйствіе Испаніи пригодилось намъ и въ 1813 и 1814 годахъ и стоило Испаніи безчисленныхъ жертвований, почти полного разоренія и одичанія страны.

И какъ же мы отблагодарили за это содѣйствіе испанцевъ въ одинъ изъ наиболѣе критическихъ моментовъ нашей исторіи?

А вотъ какъ. Пользуясь тѣмъ, что, истощенная борьбою съ Наполеономъ, Испанія не имѣла никакихъ средствъ охранять свои безмѣрные тогда владѣнія въ Новомъ Свѣтѣ, представители нашей

*

Россійско-Американской компаніи безъ церемоніи перешли проливъ Фурка и заняли вѣточки испанской территоріи въ нынѣшнихъ штатахъ Орегонъ и Калифорнія. Когда, по заключеніи мира, король Фердинандъ VII пожелалъ возстановить свою власть въ возставшихъ американскихъ колоніяхъ, по отношеніямъ къ которымъ Англія играла такую же двудличную роль, какую играли Соединенные Штаты по отношенію къ Кубѣ, то онъ обратился за помощью къ Россіи. Россія, полагая помочь королю, уступила ему въ 1817 г. 5 линейныхъ кораблей и 6 фрегатовъ за 13,000,000 руб. (уплоченныхъ, впрочемъ, англичанамъ, сначала противившимся сдѣлкѣ). Испанцы пришли въ восторгъ и возгордились, какъ только могли. «Но вотъ возвѣщенное событіе, пишетъ одинъ русскій историкъ, совершилось. Въ Кадиксъ приползла грозная эскадра. Она представляла самое жалкое зрѣлище. Почти ни одинъ корабль не былъ годенъ къ плаванію въ океанѣ. Нужно было употребить цѣлые мѣсяцы кропотливой работы, чтобы починить ихъ; мало того, во всей эскадрѣ не было ни одного запаснаго паруса и даже ни одного сухаря для значительнаго русскаго экипажа, который долженъ былъ тотчасъ же вернуться домой, а въ Кадиксъ съѣстные припасы были вдесятеро дороже, нежели въ русскихъ гаваняхъ. Испаніи пришлось издержать еще 14 милліоновъ реаловъ, чтобы только выпроводить этихъ гостей во-своисп». Дѣло это произвело въ свое время большой скандалъ; въ заключеніе всѣ опытные капитаны отказались отъ начальствованія надъ русскими судами, когда при вооруженіи одного изъ этихъ судовъ дно отвалилось отъ остова, а корабль «Александръ», только что вышедшій въ океанъ, немедленно вернулся для починки.

Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ мы косвенно вѣшпивались въ Испаніи въ гражданскую войну, не признавая упорно королевы Изабеллы и тайно покровительствуя донъ-Карлосу, представителю меньшинства націи. Въ 1833 г., по настоянію Меттерниха, Россія приняла даже участіе въ поручительствѣ по займу, заключенному донъ-Карлосомъ, и дала ему значительную субсидію. Въ отмщеніе за это Испанія поговаривала объ участіи въ Крымской войнѣ и тоже написала въ 1863 г. ноту по польскому вопросу (наибольше любезную и вѣжлиую по формѣ).

Хотя Испанія для насъ другой міръ, болѣе удаленный во многихъ отношеніяхъ, чѣмъ Китай или Японія, но дружба съ Испаніей, повторяю, можетъ быть намъ и теперь полезна. Во-первыхъ, потому, что Испанія по своей исторіи естественный врагъ Англіи. Во-вторыхъ, по своему положенію на Средиземномъ морѣ Испанія противникъ Италіи, поведение которой относительно насъ такъ коварно. Но самое важное значеніе имѣетъ Испанія въ общей группировкѣ европейскихъ державъ. Если считать, что Германія, по ея центральному положенію, надолго останется сильнѣйшею державою въ Европѣ, то естественно, что она будетъ искать

всякаго случая ослабить возможность выгоднаго союза Россіи съ Франціей — отвлеченіемъ спль этой послѣдней. Достаточно во время европейскаго столкновенія Испаніи мобилизовать свою армію, чтобы Франція была вынуждена отдѣлить двѣсти тысячъ для защиты южной границы, а такимъ образомъ она станетъ много слабѣе противъ Германіи и Италіи, позволивъ послѣднимъ употребить болѣе спль противъ Россіи.

Это для всѣхъ ясно; вотъ почему въ ухаживаніи за Испаніей недостатка не было, а равно и въ попыткахъ вовлечь ее въ союзы. Съ этою цѣлю происходили морскія демонстраціи въ Барселонѣ, съ этою же цѣлю первоклассныя державы имѣли въ Мадридѣ пословъ, потому что посламъ всегда легче вести интимныя переговоры, нежели посланникамъ, а особенно, когда во главѣ правительства стоитъ женщина. Мы завели теперь посла въ Испанію и должны поддерживать съ Испаніей самыя лучшія отношенія, какія мы поддерживали прежде съ Соединенными Штатами.

Какъ ни покажется странною мысль о союзѣ Россіи съ Испаніей, но, несмотря на указанные выше прецеденты, нельзя считать и его невозможнымъ. Мы нравственно остались и остаемся въ долгу передъ Испаніей.

Испанскую республику въ 70-хъ годахъ мы не признавали. Въ свое время всѣ европейскія газеты посвятили рядъ статей вопросу этого непризнанія, приписывая сдержанность нашу проявленію патриотическаго чувства, протестующаго противъ преобладающаго значенія Германіи въ европейской политикѣ, и выводя изъ этого заключеніе о пораженіи князя Бисмарка, возбудившаго вопросъ о признаніи испанской республики. Затѣмъ взвели на насъ и другое обвиненіе, а именно въ стремленіи къ восстановленію на Западѣ легитимныхъ началъ. Стремленія эти имѣли, однако, непродолжительное вліяніе въ дѣлахъ русской внѣшней политики. Когда въ 1870 г. пала династія Бонапартовъ, наше правительство не отказало въ признаніи французскаго правительства, которое никакою писанной конституціи не имѣло и отличалось такою же неопредѣленностью формъ, какъ и испанская республика 1868 г. По всей вѣроятности, русское правительство усматривало ту разницу между французскою и испанскою республиками, что первая, хотя и явилась результатомъ уличной революціи, но получила очень скоро санкцію въ одобреніи, почти единогласномъ, народнаго представительства. Испанская же республика, хотя и возникла совершенно легальнымъ порядкомъ, вслѣдствіе отказа короля Амедея отъ престола, но грубое насиліе генерала Павія, штыками разогнавшаго народное представительство и создавшаго диктатуру маршала Серрано, лишило эту республику законнаго основанія и поставило ее въ очень двусмысленное положеніе.

Легко могло статься, что какой-либо честолюбивый генераль дерзнулъ бы, по примѣру Павія, сдѣлать новое pronunciamiento

и создать въ Мадридѣ другое правительство. Въ виду этой случайности, русское правительство предпочло остаться въ вышпадетельномъ положеніи, но затѣмъ оно первое признало возстановленіе на престолѣ Альфонса XII, хотя особой благодарности за это не получило, такъ какъ обстоятельства пзмѣнились и Альфонсъ XII чуть не сдѣлался союзникомъ Германіи, за что и былъ освидстанъ въ Парижѣ. Только попытка Бисмарка захватить часть Маріанскихъ острововъ открыла глаза испанцамъ.

Въ 1896 г. прошелъ было слухъ о заключеніи союза между Испаніей, Россіей и Франціей. «New-York Herald» увѣрялъ даже, что двѣ послѣднія державы гарантировали Испаніи обладаніе Кубой и Порто-Рико. Офиціозная «Ероса» сомнѣвалась въ подписаніи договора, но увѣряла, что спмпатіи Испаніи и Россіи такъ велики, что въ случаѣ надобности союзъ не встрѣтитъ препятствій. «Вопросъ экономическій и вопросъ социальный лежатъ въ основаніи идеи союза Испаніи съ Франціей и Россіей», писала въ слѣдующемъ году «El País», газета республиканско-соціалистско-революціонная. По мнѣнію «El País», подобный союзъ еще болѣе будетъ гарантировать Европѣ миръ и способствовать ея разоруженію.

Все это пока оказалось мечтою. Но несмотря на многократныя опроверженія, англійская печать упорно поддерживаетъ слухъ о намѣреніи Испаніи сблизиться съ нами и уступить Сеуту, которая, по словамъ адмирала Нельсона, скорѣй чѣмъ Гибралтаръ, служитъ ключомъ къ Средиземному морю.

Хотя непосредственныя торговыя сношенія Испаніи съ Россіей и не очень велики, но, прибавляя Финляндію, они все-таки довольно значительны, причемъ привозъ русско-финляндскихъ товаровъ въ Испанію постоянно превосходитъ вывозъ испанскихъ товаровъ въ Россію и Финляндію. Разореніе Испаніи сократитъ, конечно, эту выгодную для насъ торговлю. Нашъ союзникъ Франція чрезвычайно заинтересована въ финансовомъ благополучіи Испаніи. Однѣхъ государственныхъ испанскихъ бумагъ обращается на парижской биржѣ до трехъ миллиардовъ. Банкротство Испаніи, какъ естественное послѣдствіе войны, разоритъ французскихъ капиталистовъ. Россія же, помѣстившая на парижской биржѣ на шесть или на семь миллиардовъ (франковъ) своихъ бумагъ, не можетъ оставаться равнодушною къ положенію парижскаго рынка.

Наконецъ, нашъ интересъ, на случай крейсерской войны, былъ сохранять поболѣе испанскихъ колоній. Очень печально для будущаго Россіи, если, по теоріи Монроэ, Соединенные Штаты заберутъ въ свои руки всѣ американскія воды, а Англія въ это время захватитъ остальные океаны. Въ утѣшеніе останутся намъ тогда только устья Оби, Енисея и Лены.

Все это показывало, что и гуманность, и чувство благодарности, и здраво понятыя собственные интересы обявывали насъ помогать по мѣрѣ силъ улаженію испано-американскаго столкно-

венія. Наша старинная дружба съ Соединенными Штатами, услуги, которыя мы оказали имъ въ эпоху ихъ борьбы за независимость, во время междоусобной войны съ съ южными штатами и уступкою за бездѣнокъ Аляску, вопреки собственному интересу (что всегда останется на памяти кн. Горчакова), давали намъ право говорить въ Вашингтонѣ съ большею настойчивостью, чѣмъ какой-либо другой державѣ. А въ данномъ случаѣ намъ было говорить тѣмъ легче, что мы нашли бы поддержку и во всемъ «европейскомъ концертѣ», обычная какофонія котораго такъ дорога сердцу профессиональныхъ дипломатовъ. Даже римскій папа былъ на нашей сторонѣ.

Въ 1876 г., занимаясь въ канцеляріи нашего посланника въ Вашингтонѣ, я увидѣлъ на столѣ журналъ входящихъ бумагъ русской миссіи, начиная съ 1814 г. Это была книжонка не толще мизинца.—«Не много.—подумать я,—угруждали себя русскіе дипломаты за 62 года въ Америкѣ». Полагаю, что и за истекшіе съ тѣхъ поръ 22 года работы имъ было немного. Вотъ и представлялся отличный случай наверстать потерянное и потрудиться, а это было тѣмъ легче, что наша миссія въ Вашингтонѣ была возведена въ высокое положеніе посольства и должна имѣть болѣе внушительный видъ, чѣмъ во времена, когда американскій мнистръ иностранныхъ дѣлъ запретилъ пускать къ себѣ покойнаго Катакази.

Справедливость требуетъ замѣтить, что не мы одни; но что и испанцы по малому, вѣроятно, знакомству съ Россіей и ея сплами, довольно равнодушно относились до сихъ поръ къ сближенію, считая Россію какъ бы внѣ круга своей внѣшней политики. Даже въ торговомъ отношеніи Испанія съ Россіей имѣла мало сближенія, хотя, находясь на двухъ противоположныхъ концахъ Европы, въ разныхъ климатахъ, оба эти государства могли бы дѣятельно обмѣниваться своими товарами. Россія нуждается въ свинцѣ, мѣди, пробкѣ, апельсинахъ, винахъ и др. испанскихъ товарахъ; Испанія— въ хлѣбѣ, лѣсѣ, керосинѣ.

Замѣчательно, что уже при Петрѣ Великомъ, когда едва были сдѣланы первыя начала къ устройству русскаго торговаго флота, мы помышляли о распространеніи торговой дѣятельности нашей въ Испаніи. Въ 1723 году Петръ Великій повелѣлъ, по примѣру Голландіи, учредить изъ торговыхъ людей компанію съ Гншпанію. «И когда (сказано въ указѣ) въ этомъ заобычномъ государствѣ принужденіе чинится, тѣмъ болѣе у насъ надобно принужденіе, какъ у новыхъ людей во всемъ». «Но какъ всѣмъ извѣстно—говорится далѣе въ указѣ—что наши люди ни во что сами не пойдутъ, ежели не прпневолены будутъ, а потому коммерцъ-коллегія для этой новости управленіе должно имѣть, пока въ совершенство придетъ». Компаніи было обѣщано вспоможеніе кораблями, матросами и частью деньгами отъ казны.

Но однѣ принудительныя мѣры и покровительство правительства не могли имѣть успѣха въ предпріятіяхъ, для которыхъ потребно образованіе, большой капиталъ и обширное торговое мореходство.

На основаніи промеморіи коммерцъ-коллегіи, поданной въ 1726 году объ испанской торговлѣ и о посылкѣ въ Испанію казенныхъ и купеческихъ товаровъ, были отправлены въ Кадиксъ по торговымъ дѣламъ купецъ Семенниковъ, а затѣмъ по требованію нашего повѣреннаго при испанскомъ дворѣ князя Голицына опредѣлены еще консулами Щербатовъ и Вешняковъ (послѣдній замѣнилъ Евреянова). Съ своей стороны въ томъ же 1726 году главный магистратъ подалъ промеморію о приумноженіи коммерціи въ Испаніи и объ отправленіи туда купеческихъ людей Басковъ и Холщенинниковъ. Товары, посланные въ распоряженіе консуловъ, проданы своею временемъ не были, ихъ оставили у вдовы Головина и только въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія они были распроданы.

Въ 1760 г. опять послѣдовала указъ Прав. Сената объ учненіи коммерціи съ Испаніей. Въ 1763 г. нашему министру при испанскомъ дворѣ князю Репину были посланы образчики парусны и равендука: въ 1764 г. по Высочайшему указу разсматривались въ комисіи о коммерціи прошеніе и кондичія, поданныя отъ компаніи купцовъ, желавшихъ производить торги въ Испаніи, а въ 1765 г. были опредѣлены консуломъ въ Кадиксъ Бранденбургъ, закупавшій между прочимъ для Россіи испанскіе піастры. Назначенному въ 1766 г. въ Бордо консуломъ Вдтгогу также было поручено обслѣдованіе испанской торговли. Для поощренія непосредственной торговли съ Испаніей въ 1766 г. дозволено было олоонецкому купцу Попову на собственномъ его 3-хъ-мачтовомъ кораблѣ отвезти изъ С.-Петербурга брусья и доски въ Испанію въ видѣ опыта безоплашно.

Въ 1771 г. послѣдовала новый указъ Прав. Сената о распространеніи коммерціи отъ С.-Петербургскаго порта въ Испанію; при этомъ собирались свѣдѣнія о приходѣ испанскихъ кораблей и объ оборотахъ испанцевъ въ Россіи. Испанское правительство съ своей стороны черезъ своего посланника хлопотало въ то время о торговыхъ сношеніяхъ съ Россіей. Въ 1775 г. было учреждено русское консульство въ Гибралтарѣ, а въ 1782 г. мы хлопотали о сбавкѣ въ испанскихъ областяхъ пошлины съ вина и водки. Въ числѣ товаровъ, сбывавшихся тогда въ Испаніи, были лѣсные матеріалы и мачты. Несмотря на всѣ эти мѣропріятія, до сихъ поръ торговля Россіи съ Испаніей незначительна.

Послѣ заявленія въ 1832 г. Испаніи, что она отказывается отъ заключеннаго съ нами въ 1876 г. торговаго договора, новый торговый трактатъ былъ заключенъ въ 1885 году. Къ сожалѣнію, созданію прямыхъ торговыхъ сношеній съ Испаніей заключенный

трактатъ помочь не могъ, а скорѣе могъ повредить. Это покажется парадоксальнымъ, между тѣмъ это именно такъ. Дѣло въ томъ, что недостатку, если не совершенному почти отсутствію прямой, непосредственной торговли Россіи болѣе всего способствовало отсутствіе торговаго флота. Въ прошломъ столѣтіи, когда у насъ были, благодаря системѣ поощреній, свой торговый флотъ, были и свои торговыя конторы за границей; теперь русскаго торговаго флота (не считая субсидированныхъ пароходовъ и судовъ, поднявшихъ обманнымъ образомъ русскій флагъ) нѣтъ, нѣтъ и русскихъ торговыхъ домовъ за границею. Конечно, можно насчитать нѣсколько фирмъ, устроенныхъ русскими подданными, преимущественно изъ евреевъ, въ разныхъ мѣстахъ Европы, но это такая мелочь, такая капля въ морѣ, что о ней не стоитъ и говорить. Русскаго же торговаго флота нѣтъ, потому что его нельзя создать до тѣхъ поръ, пока будутъ существовать торговые трактаты, тому препятствующіе.

Всѣ торговые договоры, заключенные до сихъ поръ, какъ я имѣлъ случай указывать, имѣли единственную цѣль помѣшать Россіи дать своему національному флагу покровительство, и русско-испанскій договоръ буквально повторялъ то же самое ограниченіе. Шестая статья его гласила, что «суда испанскія, нагруженные или ненагруженные, и грузъ ихъ въ Россіи, откуда бы оныя ни пришли, изъ своей или иной страны, и какое бы ни было мѣсто происхожденія или назначенія ихъ груза, будутъ пользоваться во всѣхъ отношеніяхъ при входѣ, во время ихъ пребыванія и при выходѣ равноправностью съ національными (т. е. русскими судами)». Мало того, статья 7-я разрѣшала испанцамъ въ известной степени, подъ видомъ выгрузки въ разныхъ портахъ и догрузки, каботажное плаваніе, составляющее на бумагѣ исключительную привилегію не только русскимъ судамъ, но даже русскимъ подданныхъ.

Нужно оговориться, что новыхъ льготъ Испанія не получала. То, что составляло предметъ 6-й статьи договора, было уже разрѣшено по всеподданѣйшему докладу министра финансовъ 30-го марта 1872 г. Но есть маленькая разниця между льготою, добровольно предоставленною, и договоромъ. Разрушить послѣдній всегда труднѣе. Единственное, что можно было сказать въ пользу испано-русскаго трактата о торговлѣ и мореплаваніи въ томъ видѣ, какъ онъ заключенъ, это краткость его срока. Трактатъ подписанъ былъ всего на два года, а затѣмъ дѣйствіе трактата сохраняло силу только въ случаѣ, если одна изъ договаривающихся сторонъ не сдѣлаетъ за двѣнадцать мѣсяцевъ заявленія о намѣреніи прекратить дѣйствіе онаго. Прежде трактаты заключались обыкновенно на десять лѣтъ; такимъ образомъ наша дипломатія сама, очевидно, сомнѣвалась въ выгоды новаго договора.

И дѣйствительно, въ 1887 г. былъ заключенъ уже новый трактатъ, по которому Испанія предоставила намъ нѣкоторыя льготы.

Къ сожалѣнію, за послѣднее время испанская торговля вообще находилась въ угнетенномъ состояніи. Причиной этому служатъ отчасти полпическія обстоятельства, отчасти то, что торгово-промышленная дѣятельность современной Испаніи отдана всецѣло на произволь частныхъ предпринимателей и правительство совершенно беспечно регулировать и направлять экономическую жизнь народа. Мало того, даже тѣ операціи, которыя составляютъ во всѣхъ другихъ странахъ неотъемлемую правительственную регалию, въ Испаніи сдаются на откупъ частнымъ лицамъ.

ХІІІ. ПОРТУГАЛІЯ.

Объединеніе Иберійскаго полуострова съ перваго взгляда не представляеть большихъ трудностей; о немъ поговаривали даже серьезно во время трехлѣтняго междуцарствія въ Испаніи, послѣ изгнанія Изабеллы II. По языку и образу жизни, Португалія немногимъ отличается отъ иныхъ провинцій Испаніи; тѣмъ не менѣе можно смѣло предсказать, что объединеніе этихъ двухъ государствъ весьма еще далеко отъ осуществленія. Главная причина заключается въ общемъ характерѣ населенія: испанцы горды, жестоки, честны и лѣнливы, португальцы — трудолюбивѣе, любятъ торговлю, характера мягкаго, но низкаго. Имъ болѣе всего обязано человечество торговлею людьми: опасную торговлю неграми они удачно замѣнили потомъ торговлею китайскими куліями; вообще же испанцы презирають португальцевъ. Въ Испаніи католицизмъ былъ главнымъ объединяющимъ элементомъ; съ ослабленіемъ его, современная Испанія стремится превратиться въ федерацію; этого хочетъ республиканская партія. Подобная идея находитъ поддержку и въ Португаліи. Извѣстный заговоръ Антехо, цѣра королевства, насколько онъ объясненъ весьма неполнымъ слѣдствіемъ, былъ вызванъ не сочувствіемъ къ иберійскому единству, а именно потворствомъ иберійскому федерализму. Поэтому присоединенія Португаліи къ Испаніи нельзя ожидать ранѣе коренного преобразованія самой Испаніи на федеративныхъ началахъ, чего, при существованіи въ Испаніи монархіи, ждать невозможно.

Нынѣшняя португальская династія происходитъ изъ того саксенъ-кобургскаго герцогскаго семейства, которое пресловутый докторъ Штокмаръ, при помощи англійской дипломатіи, посадилъ на столько троновъ въ Европѣ. Такъ какъ водвореніе ея было плодомъ гражданской войны, то ея нельзя еще считать вполне упрочившейся. Нынѣшній король довольно молодъ, а отецъ его домъ-Луишъ вступилъ на престолъ неожиданно въ 1861 году, вслѣдствіе смерти своего старшаго брата домъ-Педро д'Алькантара (по слухамъ, отравленнаго герцогомъ Лоле), также молодымъ человѣ-

комъ. Онъ хотя не пользовался особенною любовью подданныхъ и служилъ постоянно мншеню для сатирическихъ газетъ (въ Португаліи печать совершенно свободна), но процарствовалъ 28 лѣтъ, сравнительно съ своею матерью, довольно благополучно. Среди англійскихъ филантроповъ онъ приобрѣлъ пзвѣстность унчитоженіемъ, при мнпстерствѣ Са де Банейра, невольничества въ португальскихъ колоніяхъ, а въ португальской литературѣ — хорошимъ переводомъ «Гамлета». Надобно замѣтить, впрочемъ, что со времени маркиза Помбала это было уже, кажется, третье освобожденіе невольниковъ и едва ли они и посейчасъ вполне свободны, такъ какъ въ Португаліи реформы дѣлаются только на бумагѣ и къ нимъ возвращаются неоднократно.

За все продолжительное царствованіе домъ-Луиса былъ только одинъ переворотъ, сдѣланный въ 1870 г. извѣстнымъ маршаломъ Сальданей для изгнанія мнпстерства герцога Лоле, сокращенія числа депутатовъ и продажи духовныхъ имѣній, и съ тѣхъ поръ Португалія мирно управлялась по очереди двумя партіями: реформаторовъ и прогрессистовъ, долѣ же всѣхъ управлялъ, начная съ 1871 года, глава партіи реформаторовъ Фонтезъ, отдавшій Португалію въ руки плутократіи. Для лучшаго торжества среднихъ классовъ въ 1878 и 1885 гг. конституція была передѣлана въ очень либеральномъ духѣ. Въ результатѣ Португалія построила желѣзныя дороги, привлекла много иностранныхъ капиталстовъ и авантюристовъ, но сельское населеніе ея бѣдствуетъ и эмгрируетъ въ Америку, а дворянство обѣднѣло и лишилось значенія. Какъ и повсюду, сельское хозяйство, важнѣйшее въ Португаліи занятіе населенія, переживаетъ тяжелый кризисъ. Землевладѣльцы, несмотря на ссуды казеннаго земельного кредита, пзнемогаютъ подъ тяжестью огромныхъ процентовъ и въ нѣсколько лѣтъ совершенно разоряются, а арендаторы по существующему законодательству почти лишены кредита. Въ торговомъ отношеніи Португалію эксплуатируютъ англчане, къ которымъ съ 1870 г. присоединились нѣмцы.

Послѣ парламентской реформы португальская палата депутатовъ должна состоять изъ 149 членовъ (12 отъ колоній), выбираемыхъ одиночною баллотировкою на четыре года, причемъ правомъ голоса могутъ пользоваться и священники, и военные, при условіи извѣстнаго ценза. Прислуга не допускается, однако, до подачи голосовъ; съ другой стороны всѣ отцы семейства и лица, умѣющія читать и писать (кромѣ военныхъ), имѣютъ право голоса, хотя бы не имѣли ценза. Депутаты для своего избранія также нуждаются въ цензѣ; они получаютъ во время сессій жалованья по 220 р. въ мѣсяць, но не могутъ занимать мѣстъ въ нѣкоторыхъ частныхъ компаніяхъ и при дворѣ. Въ засѣданіяхъ не бываетъ и половны вышеозначеннаго числа депутатовъ; послѣдніе большую часть времени пребываютъ въ отсутствіи, подъ предлогомъ, что

имъ нечего дѣлать. Депутаты, какъ вездѣ, дѣлятся на политическія партіи; таковыхъ, если не считать отъѣнковъ, въ Португаліи теперь четыре: двѣ крайнѣхъ, такъ сказать революціонныхъ, находящихся въ правительствѣ—легитимистовъ и республиканцевъ, и двѣ умѣренныхъ, въ которыхъ сосредоточивается поочередно власть—прогрессистовъ и реформаторовъ (regeneradores), какъ называютъ себя въ Португаліи для благозвучія консерваторы.

Легитимисты, бывшіе мигуэлисты, защитники абсолютной монархіи и теократіи, постоянно теряютъ почву и ея важнѣйшіе представители явлютъ заграницею. Въ палатѣ роль мигуэлистовъ незначительна, но, благодаря духовенству и нѣсколькимъ искуснымъ публицистамъ, партія не можетъ считаться окончательно умершею. Духовенство, хотя лишилось поземельной собственности, но стало богаче прежняго, такъ какъ взятая у него и проданная казною земли были замѣнены процентными бумагами съ большимъ доходомъ.

Республиканская партія создалась только въ 1870 годахъ, подъ влияніемъ учрежденія республикъ во Франціи и въ Испаніи, и хотя въ палатѣ она имѣетъ еще мало значенія, но въ народѣ мало-по-малу пускаетъ корни. Возстанія въ 1882 и 1890 гг. въ сѣверной Португаліи произошли при крикахъ «да здравствуетъ республика!» Республиканцы дѣлятся на умѣренныхъ и социалистовъ. Они отчасти сторонники пберійскаго союза. Вліяніе принадлежитъ двумъ центральнымъ партіямъ, которыя не отличаются почти по принципамъ, но скорѣе представляютъ извѣстные интересы, группирующіеся вокругъ нѣкоторыхъ лицъ. Образовались эти партіи изъ бывшей либеральной партіи, отстаивавшей конституцію 1826 г. противъ деспотизма домъ-Мигуэля. Тогда въ первый разъ партія распалась на два отъѣнка—хартистовъ и сентябристовъ. Королева Марія да-Глорія поддерживала первыхъ, но переворотъ 1846 года привелъ къ власти послѣднихъ. Борьба продолжалась до 1852 года, когда маршалъ Сальданья, послѣ измѣненія конституціи, соединилъ ихъ въ одну партію, но въ 1855 году изъ-за финансоваго вопроса партія распалась снова на двѣ, принявшія свои нынѣшнія названія: реформаторовъ и прогрессистовъ. Одно время прогрессисты раздѣлялись еще на двѣ партіи, но сначала болѣе консервативная часть присоединилась къ реформаторамъ, а затѣмъ и всѣ партіи слились въ одну. Новый переворотъ, сдѣланный Сальданьей въ 1870 году, окончательно разъединилъ обѣ партіи.

Впрочемъ и теперь, какъ я сказалъ, обѣ онѣ мало чѣмъ отличаются другъ отъ друга. Перебѣзчики изъ обѣихъ партій встрѣчаются постоянно, а потому и министерское большинство мѣняется безпрерывно; случается, что подчиненные министровъ подаютъ противъ нихъ голоса; бываетъ, что министерство, располагающее огромнымъ большинствомъ голосовъ, выходитъ по собственному желанію въ отставку и замѣняется коалиціоннымъ министерствомъ.

Такъ случилось, напр., въ 1890 г., когда реформаторъ Серра Пименталь замѣнилъ прогрессиста Барросъ-Гомеса, не сумѣвшаго противостоять Англии.

Если въ самой Англій парламентарная форма правленія уже выказываетъ многія неудобства, и публицисты такого толща доктринерства, какъ «Journal des Débats», дерзаютъ порицать ее, то понятно, сколько въ этой формѣ непрактичнаго и непримогого къ условіямъ страны въ родѣ Португаліи. Государство, гдѣ высшее сословіе или эмпривовало, или совершенно равнодушно къ политикѣ, гдѣ среднее сословіе состоитъ изъ ростовщиковъ и иностранныхъ авантюристовъ, а низшее лишено земли, — либеть весьма мало элементовъ для прочнаго парламентарнаго правительства. Бюрократія здѣсь открытъ полный просторъ, и она, подавъ руку плутократіи, должна невольно стать всемогущею, не встрѣчая никакихъ ограниченій, а только прикрываясь громкими фразами изъ доктринерскаго лексикона о правовомъ порядкѣ, и т. д.

И въ строго конституціонныхъ государствахъ личный элементъ всегда играетъ огромную роль; потому, несмотря на множество фигурантовъ парламентской сцены, въ каждой изъ нихъ одинъ, рѣдко два человѣка забираютъ власть и становятся безусловно необходимымъ. Бисмаркъ въ Германіи, Тиша въ Венгріи, Криспи въ Италіи, Братиано въ Румыніи, Гладстонъ въ Англій, Жюль Ферри во Франціи, Кановасъ въ Испаніи, Эструшь въ Давіи и т. д. управляли на нашихъ глазахъ страню съ большимъ авторитетомъ, чѣмъ прежніе властители *par droit divin*. Въ Португаліи такой диктатурѣ образоваться было еще легче, и роль ея неограниченнаго вершителя судебъ занималъ Фонтесъ, глава партіи реформаторовъ, взявшій за основаніе афоризмъ Дидро, что трудно государственному человѣку, который сознаетъ, что онъ дѣлаетъ добро, не быть немного деспотомъ.

Подкупъ былъ главное орудіе его политики. Казенныхъ денегъ онъ не жалѣлъ и отъ всѣхъ крупныхъ затратъ ему кое-что перепадало. Португалія, начавшая дѣлать долги еще съ конца XV столѣтія, брала деньги на условіяхъ тяжелыхъ. Займы, конечно, требовали на уплату процентовъ денегъ, а для добыванія послѣднихъ усиливались налоги, что въ концѣ концовъ повлекло къ частичному банкротству и установленію монополій.

Вообще въ Португаліи конституція — чистѣйшая комедія. Нигдѣ нѣтъ такой разницы между тѣмъ, что написано на бумагѣ, и существуетъ въ дѣйствительности; половина избрателей не является на выборы. Никакой оппозиціи въ палатахъ нѣтъ, оппозицію дѣлаетъ само министерство для закрытія глазъ народу, сажая однихъ друзей направо, другихъ направо, но всегда сохраняя огромный численный перевѣсъ въ друзьяхъ. Правительство всемогуще, Фонтесъ распоряжался какъ диктаторъ. Это былъ совершенно «палатный мэръ» времени Меропинговъ. Выборы въ пар-

ламентъ нечестны, причемъ правительство на нихъ производитъ давленіе.

Въ результатѣ Португалія имѣетъ теперь пропорціонально самой большой долгъ въ Европѣ, почти 200 руб. на душу населенія, и разоряется на поддержаніи арміи, хотя вооруженія Португалія бесполезны. У нея одинъ врагъ — Англія, бороться съ ней безуміе, а дѣйствовать въ свою защиту можно только или моральными средствами, или пользуясь партіями Европы.

Со стороны Португаліи въ продолженіе многихъ лѣтъ ничего не дѣлалось для ея африканскихъ колоній. Въ прежнія времена вниманіе Португаліи было обращено исключительно на колонизацію Бразиліи, а затѣмъ наступила смутная эпоха междоусобной войны. Когда наконецъ португальское правительство признало нужнымъ выйти изъ бездѣйствія по отношенію къ своимъ африканскимъ владѣніямъ, то хотя мало было сдѣлано для ихъ развитія и колоніи доставляли немного прибыли, но тѣмъ не менѣе сразу замѣтны уже стали успѣхи. Торговля Анголы удвоилась. Не менѣе благоприятные результаты получились и въ остальныхъ колоніяхъ Африки. Эти успѣхи возбудили жадность англичанъ и въ 1890 г. они безъ церемоніи отобрали себѣ добрую половину африканскихъ колоній Португаліи. Лордъ Салесбурп отправилъ Португаліи ультиматумъ въ десять строкъ, гдѣ объяснилъ, чего хочетъ, забывъ прибавить, почему онъ такъ хочетъ. А дѣло шло не меньше, не больше какъ о земляхъ около Замбезе, которыми Португалія владѣла спокойно болѣе трехсотъ лѣтъ. Португальцы народъ робкій и португальское правительство, которому было дано всего 24 часа на размышленіе, уступило, обѣщаясь насчетъ своего «права» сдѣлать воззваніе къ Европѣ, къ той мнѣической «Европѣ», къ которой наши дипломаты все отсылали боснійскихъ и герцеговинскихъ сербовъ, пока ихъ не захватили въ свои дѣпкія руки австрійцы.

Разговаривать съ англичанами — это все равно, что служить обѣдню для глухого. Вся исторія англійской политики есть самое безцеремонное нарушеніе элементарныхъ основаній международнаго права. Захватъ ихъ въ португальскихъ колоніяхъ нисколько не болѣе возмутителенъ, чѣмъ захватъ Гибралтара, Мальты, Гонгконга, острововъ и гаваней на Персидскомъ заливѣ, Вирмы, Занзибара и т. д., и т. д. Этими захватами можно испестрить страницу и все-таки всѣхъ не перечислить. Развѣ когда-нибудь удавалось уговорить англичанъ возвратить незаконную добычу? Да они не имѣютъ обыкновенія и отвѣчать на платоническія напоминанія о подобныхъ грабежахъ.

Такимъ образомъ кончилось и заявленіе португальскаго правительства о примѣненіи къ его спору съ Англіей 12-й статьи трактата о Конго, подписаннаго въ Берлинѣ всѣми морскими державами и постановившаго, что дальнѣйшіе территоріальные споры

въ Африкѣ должны разрѣшаться третейскимъ судомъ. Англія на такой судъ добровольно никогда не соглашается, въ виду того, что опытъ ея обращенія къ этому суду въ вопросахъ о проливѣ Фуга въ Америкѣ, о бухтѣ Делагоа въ Африкѣ и др. былъ всегда неудаченъ, какъ по очевидной неосновательности англійскихъ претензій, такъ и потому, что въ настоящемъ спорѣ не могло быть и рѣчи о правѣ со стороны англичанъ. Португальцамъ въ однохъ и тѣхъ же шпротахъ принадлежали оба берега океановъ въ южной Африкѣ, съ одной стороны въ Анголѣ, съ другой—въ Мозамбикѣ; само собою разумѣется, что и пространство между этими берегами было также португальскимъ. Понимать иначе значило бы не признавать и правъ англичанъ на ихъ владѣнія въ Канадѣ и американцевъ на дальнемъ Западѣ въ моментъ, когда между колоніями на берегу Атлантическаго и Тихаго океановъ была еще пустыня, по которой проходили отдѣльные охотники и торговцы.

Интересно, что бы заговорили англичане, если бы тогда американцы вѣзли къ нимъ въ Канаду съ юга подъ предлогомъ, что тамъ англійскихъ поселеній и англійскихъ чиновниковъ нѣтъ. Между тѣмъ буквально то же сдѣлали англичане съ португальцами. Ограничивая владѣнія послѣднихъ на сѣверѣ рѣкою Руо, впадающей въ Шпре, а на югѣ забирая округа Матабеле, Машоне и Макалака—величиною больше всей Англій—англичане заставляли португальцевъ отказаться отъ непрерывности своихъ владѣній и ограничиваться береговою полосою. Курьезнѣе всего, что, отрицая право португальцевъ на непрерывность ихъ владѣній, англійская печать это свое залѣзаніе въ чужія владѣнія объясняла желаніемъ установить непрерывность англійскихъ владѣній отъ Кап-ланда до Египта, который англичане не задумываются также причислять къ собственнымъ колоніямъ. Эту «идею» одобрилъ, какъ извѣстно, самъ Гладстонъ.

Надобно пожалѣть, что португальцы не поставили вопроса ребромъ и не отвергли англійскаго ультиматума. Блокада Лиссабона, если бы англичане и рѣшились на нее, менѣе была бы важна для Португаліи, чѣмъ потеря двухъ-третей ихъ заморскихъ владѣній, между тѣмъ насильственные дѣйствія англичанъ противъ Португаліи не остались бы можетъ быть безнаказанными.

Кромѣ Австро-Венгріи, которая совершенно индифферентна къ колониальнымъ вопросамъ, и Италіи, которой удалось захватить турецкія и абиссинскія владѣнія на Красномъ морѣ при содѣйствіи тѣхъ же англичанъ, всѣ остальные морскія державы заинтересованы въ ограниченіи непостижимой наглости Англій. Не говоря уже объ Испаніи и Голландіи, богатые колоніи которыхъ могли стать объектомъ новыхъ захватовъ Англій, изъ великихъ державъ Франція, Россія и даже Германія навѣрное были бы готовы явиться посредниками и защитить слабую Португалію отъ напора. Какъ никакое гражданское общество немислимо безъ нака-

занія нарушителей права и восстановления авторитета послѣдняго, такъ и общество государствъ не можетъ существовать безъ соблюденія началъ международнаго права. Государства заинтересованы въ томъ, чтобы международное право не нарушалось, и должны восстанавливать его въ тѣхъ случаяхъ, когда оно пощрается.

Равнодушіе и безучастіе въ подобныхъ случаяхъ свидѣтельствуеть объ эгоистичной и близорукой политикѣ, узаконяющей разбой. ибо кто нарушаетъ международное право, дѣлаетъ этимъ вредъ не одному пострадавшему, но и всѣмъ остальнымъ державамъ. Франція, отъ которой Англія отняла большую часть своихъ колоній (Индія, Канада, Антильскіе острова), болѣе всѣхъ заинтересована, чтобы въ заморской политикѣ никто не руководился правилами, наказуемыми уложеніемъ о наказаніяхъ. Россія, которой Англія оказала столько вреда въ восточной политикѣ, также должна пользоваться каждымъ случаемъ, чтобы ставить Англію на свое мѣсто. Германія, гдѣ князь Бисмаркъ, создатель колониальной политики Германіи, вырвалъ владѣнія для послѣдней въ Африкѣ и на Новой Гвинеей пзъ-подъ носу Англіи, пренебрегши рычаніемъ послѣдней, не менѣе заинтересована, чтобы Англія своихъ хищныхъ аппетитовъ не считала основаніемъ права.

Очевидно, не трудно было эти три державы, а также Испанію и Нидерланды, склонить къ энергичному протесту противъ политики Англіи и заставить ее предоставить территориальный споръ съ Португаліей третейскому суду. Россія, которая ежеминутно страдала отъ натригъ Англіи въ Афганистанѣ, Персіи, Китаѣ, должна была воспользоваться этимъ предлогодъ, чтобы умѣрять англійскую алчность. Что было возможно русскимъ дипломатамъ въ 1780 году, казалось, было еще легче при нынѣшнихъ колоссальныхъ военныхъ и финансовыхъ средствахъ Россіи.

Если бы Англія не подчинилась требованію отдать ея территориальный споръ съ Португаліей на разсмотрѣніе конференціи европейскихъ державъ, или не избрала бы одну изъ послѣднихъ третейскимъ судьей для рѣшенія означеннаго спора, то этимъ она себѣ же создала бы весьма неприятный прецедентъ. Англійскія владѣнія разбросаны по всему свѣту. Разъ Англія считала, что владычество надъ ними основано не на правѣ, а только на силѣ, то не понадобится длинныхъ церемоній, чтобы воспользоваться этими владѣніями, когда сила будетъ почему-либо на сторонѣ англичанъ.

Для Россіи это можетъ быть пріятнѣе, чѣмъ для кого-либо. Какъ ни увертываются англичане отъ выясненія своего положенія въ Остъ-Индіи, какъ ни закрываютъ они себѣ глаза отъ опасности горстью солдатъ держать въ рукахъ 250 милліоновъ индѣйцевъ, но пробьетъ часъ и Богъ знаетъ, какъ скоро, когда владычество это будетъ потрясено. Тогда нечего будетъ справляться

съ старыми архивами, по примѣру самой Англїи: достаточно будетъ заявить ей, что вмѣсто англійскихъ резидентовъ и коллекторовъ въ Остѣ-Индскіяхъ владѣніяхъ вводятся земскіе начальники. Съ этой точки зрѣнія—хотя скорого присоединенія Индіи я вовсе не желаю, намъ, можетъ быть, слѣдовало бы скорѣй радоваться беззащитному поведенію Англїи, если бы зрѣлище притѣсненія слабого и беззащитнаго сильнымъ и грубымъ не было по-истинѣ возмутительно и если бы интересы справедливости не должны были всегда стоять впередъ матеріальныхъ выгодъ.

Соображенія эти не раздѣлялись однако даже въ русскомъ обществѣ. Въ «Новомъ Временнѣ» было помѣщено письмо, гдѣ поведеніе Англїи относительно Португалїи если не оправдывалось, то объяснялось тѣмъ, что владѣнія португальцевъ въ Африкѣ ограничивались береговыми постами, что въ эти владѣнія шла дѣятельная колонизація англичанъ и что, устраняя англичанъ изъ Африки, европейскія державы будутъ-де работать не въ пользу безобидныхъ португальцевъ, а въ пользу нѣмцевъ.

Очень не трудно возразить на всѣ эти пункты. Въ Сибири, на Тихомъ океанѣ наше фактическое занятіе ограничивается немногими пунктами, на всемъ Камчатскомъ полуостровѣ одно русское поселеніе, остальная граница открыта. Неужели поэтому можно считать наши сибирскія владѣнія принадлежащими Россіи только номинально? Американскіе промышленники такъ, впрочемъ, по-видимому, и понимали, потому что послѣ ряда посылокъ крейсеровъ, чтобы прогнать китобоевъ, пришлось устроить новое русское поселеніе въ Чукотской землѣ. Но едва ли американскіе авантюристы авторитеты въ международномъ правѣ. На сѣверѣ Сибири по берегамъ нѣтъ рѣшительно русской власти. Неужели англичане или норвежцы могутъ, пользуясь этимъ, пройти въ устья Оби или Енисея и устроить тамъ свои колонїи? Мы и Шпицбергенъ не согласились уступить въ 1874 году Норвегїи, хотя не плаваемъ туда много лѣтъ. Въ Остѣ-Индїи англійская власть также выражается во многихъ мѣстахъ лишь въ занятїи только нѣсколькихъ стратегическихъ береговыхъ пунктовъ и въ договорахъ съ полунезависимыми владѣльцами. Береговая армія не сторожить всѣхъ уголковъ обширныхъ индїйскихъ границъ. И англичане платятъ разнымъ индїйскимъ владѣтелямъ субсидїи, какъ платитъ Португалїя африканскимъ царькамъ. Это не уменьшаетъ, однако, въ глазахъ англичанъ правъ ихъ на Индію.

Что англійская колонизація просачивалась въ португальскія владѣнія, что въ бассейнѣ Замбезе, вслѣдъ за миссіонерами, шли торговцы и колонисты, проводились дороги и устранивались поселенія, это также не измѣняетъ сущности вопроса. У насъ на Азовскомъ морѣ при Екатеринѣ греческія колонїи устранивались ранѣе, чѣмъ русскія поселенія; нѣмцы населяютъ теперь западную окра-

ину; неужели это въ чемъ-либо можетъ умалять державныя права Россіи на Новороссійскій или Западный край?

Англичане чувствовали неправоту своихъ захватовъ, и потому измѣнили тактику; вмѣсто прямого присоединенія они выдавали хартии большому торговому компаніямъ, которыя брались эксплуатировать яко бы никому не принадлежащія пространства, а затѣмъ англійское правительство принимало подъ свою защиту эти англійскія компаніи, да кстати ужъ и эксплуатируемыя или территоріи. Такъ поступали англичане на Борнео, какъ поступали они въ южной и средней Африкѣ. Само собою, что такая система была сшита слишкомъ грубыми нитками, чтобы не распознать ея истинную цѣль.

Англичане ли будутъ владѣть колоніями въ Африкѣ или въицы—для Россіи далеко не все равно.

Въ самой Африкѣ Россія владѣній еще ищетъ, и потому ей безразлична та или другая группировка внутреннихъ африканскихъ территорій. Единственное, что для Россіи важно—это то, чтобы наименьшее число африканскихъ портовъ находилось въ рукахъ англичанъ, такъ какъ успѣшность крейсерской войны противъ Англій прямо пропорціональна числу портовъ, не находящихся въ прямой зависимости отъ англичанъ. Но эти соображенія второстепенны. Имѣются поважнѣе этого. Первое изъ нихъ,—направленіе нѣмецкой эмиграціи. Несомнѣнно, что Германія даетъ ежегодно большой избытокъ населенія. Онъ направляется теперь частью на западъ въ Америку, частью на востокъ въ Россію; Соединенные Штаты начинаютъ стѣснять притокъ къ себѣ эмигрантовъ, что должно усилить притивъ нѣмцевъ въ Россію. Вотъ въ этомъ отношеніи весьма важно, чтобы Германія устроила себѣ колоніи, которыя поглощали бы избытокъ ея рабочихъ рукъ. Нѣмцы подъ экваторомъ, и нѣмцы въ Ковенской губерніи для Россіи не одно и то же.

Усиленіе Германіи на океанѣ будетъ очень полезнымъ противовѣсомъ англійскому морскому могуществу. Во всякомъ случаѣ, оно менѣе опасно для Россіи, чѣмъ сосредоточеніе главныхъ нѣмецкихъ морскихъ силъ на Балтійскомъ морѣ, или новое успленіе политическаго могущества Англій, которая и безъ того непрерывною сѣтью своихъ владѣній, отъ Кипра до Колумбіи, какъ въ кольцо сдерживаетъ естественное поступательное движеніе Россіи на востокъ къ океанамъ.

Англія давно земной шаръ, кромѣ европейскихъ владѣній и холодной Сибіри, признаетъ какъ бы находящимся въ вассальной зависимости («въ кругѣ англійскихъ интересовъ»); пока эта зависимость выражалась непроницаемымъ вмѣшательствомъ англичанъ въ чужія дѣла и захватомъ никому не принадлежащихъ земель, можно еще было молчать, но когда захватываются земли, какъ принадлежащій Турціи Египетъ или португальскія владѣнія

въ Африкѣ, на пользованіе которыми имѣется не гражданская давность, а десятки такихъ давностей, общій интересъ всѣхъ европейскихъ государствъ повторить этой державѣ, которая ведетъ себя съ высокоумріемъ Наполеона, въ моментъ, когда онъ командовалъ Европою отъ Кадикса до Москвы, англійское же: руги прочь!»

Португалія, потерявшая уже часть африканскихъ колоній, должна скоро потерять и свои индійскія владѣнія: Гоа, Сальгете, Бардешъ и другіе остатки великихъ завоеваній Васко-де-Гама и Альмеиды. Возстанія сипаевъ случаются здѣсь часто; для усмиренія ихъ посылались войска и ѣздили наследники престола; это несомнѣнно начало движенія, послѣдствіемъ котораго будетъ отпаденіе колоній. Потери отъ того, по словамъ англичанъ, для Португаліи никакой. будетъ даже выгода... въ сокращеніи бесполезныхъ расходовъ; только архіепископъ Гоа, важное лицо, предшественникъ котораго избилъ 400,000 срийскихъ христіанъ, издревле жившихъ въ Индіи—все, въ чемъ выразилось португальское владычество въ Индіи,—останется-де за штатомъ.

Надобно сказать, что въ самой Португаліи имѣется сильная партія, поддерживаемая вліятельнѣйшими газетами, *Journal do Commercio* и *Las Navidades*, которая стоитъ за сокращеніе колониальныхъ владѣній Португаліи. Не довольствуясь тѣмъ, что Мозамбикъ отдала уже большой компаніи, ставшей полунезависимой въ административномъ отношеніи, предлагаютъ теперь для поправки финансовъ и выкупа изъ частныхъ рукъ желѣзныхъ дорогъ, общества которыхъ разоряютъ страну, продать Мозамбикъ, Тиморъ, Макао, Сень-Жанъ д'Ахуде и португальскую Гвинею, оставивъ себѣ только богатѣйшія колоніи: Сень-Томе, Зеленаго мыса и Анголу. Депутатъ Ферейра де-Альмеида вносилъ уже предложеніе въ этомъ смыслѣ въ палату, но противъ него высказалось и правительство, хотя по прежнему преданное англичанамъ.

Наиболѣе важнымъ въ политическомъ отношеніи колониальнымъ владѣніемъ сдѣлалась теперь бухта Делагоа съ портомъ Лузензо-Маркезъ, естественнымъ выходомъ на море изъ богатаго Трансваала. Англичане во что бы то ни стало добиваются этого порта, но именно его-то и не слѣдуетъ отдавать имъ, по крайней мѣрѣ безъ соответственныхъ вознагражденій Германіи, Франціи и Россіи¹⁾.

¹⁾ По слухамъ, въ 1897 г. между Германіею и Англіею былъ заключенъ договоръ, который долженъ вступить въ силу при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, именно,—когда для оздоровленія финансовъ португальское правительство и кортесы признаютъ необходимымъ ликвидацію португальскихъ восточно-африканскихъ владѣній. Возможно однако, что въслѣдствіи соглашения будетъ распространено и на владѣнія Португаліи въ западной Африкѣ. Германія получитъ часть ихъ, граничащую съ сѣвера съ германскими владѣніями юго-западной Африки, слѣдовательно Моссамедесъ съ Рыбьею бухтою и Тигровымъ островомъ. До подписанія соглашения это было конфиденціально сообщено Россіи, которая будто бы отвелась къ нему какъ къ дѣлу, несколько не касающемуся ея интересовъ. Последнее со-

Такъ какъ Россіи купить португальскія колоніи не удастся, въ виду того, что по договору 1890 г. съ Англіей Португалія обязалась не уступать своихъ колоній безъ согласія Англій, то продажа или уступка ея колоній для насъ невыгодна. Вообще же хотя Португалія и маленькая страна, но Россія не должна пренебрегать ею, а напротивъ, жить съ нею постоянно въ дружбѣ.

Бъ сожалѣнію, какъ я узналъ лично, о Россіи португальцы имѣютъ понятія весьма приблизительныя. Единственное обстоятельное португальское сочиненіе о Россіи «Quadros da litteratura, dos sciencias e artes na Russia» издано въ Лиссабонѣ въ 1868 г. нашимъ соотечественникомъ, дипломатомъ г. Вакселемъ. Въ то время, когда тотъ же г. Ваксель написалъ исторію португальской музыки, князь Гедройцъ — исторію португальскаго народа, а покойный Соболевскій былъ замѣчательнымъ знатокомъ португальскаго языка и литературы, едва ли когда какой-нибудь португалецъ дѣлалъ серьезныя изслѣдованія о Россіи. Существуетъ только португальскій переводъ 1817 г. похвальнаго слова Петру Великому сочиненія Ломоносова. Латино Коэльо знаетъ по-русски и переводилъ въ стихахъ отрывки изъ Пушкина и другихъ поэтовъ, но его переводы не изданы. Есть два напечатанныхъ перевода оды «Богъ». Въ послѣднее время уроженецъ Мадеры и извѣстный португальскій публицистъ Фаріа-и-Кастро перевелъ и напечаталъ «Пиковую даму». Болѣе португальцы интересуются нашимъ исплистами, и извѣстная книга Степняка: «Подземная Россія» переведена на португальскій языкъ съ итальянскаго.

Впрочемъ, по правдѣ сказать, и наши познанія о Португаліи, за исключеніемъ немногихъ указанныхъ выше лицъ, недалеко ушли. Самые образованные люди смутно припоминаютъ имена Генриха Мореплавателя, Магеллана, Васко-де-Гамы, Камонса и Помбала. Теперь къ этимъ гимназическимъ познаніямъ прибавились свѣдѣнія изъ «Африканки» да стихи изъ оперетки, что «Les Portugais sont toujours gais». Вотъ и все свѣдѣнія. И то послѣднее еще, къ сожалѣнію, ложно. Между тѣмъ нѣкоторое сближеніе двухъ странъ вовсе, какъ я сказалъ, не лишнее. Португалія государство для насъ вдвойнѣ интересное: и въ торговомъ, и въ политическомъ отношеніи. Въ торговомъ она важна потому, что было бы очень легко завести прямыя сношенія моремъ съ Португаліей на судахъ подъ русскимъ флагомъ. Португальцы нуждаются въ нашемъ хлѣбѣ, спиртѣ, лѣсѣ, деньгѣ, мы — въ португальскихъ винахъ, соли, пробѣхъ, апельсинахъ. Здѣсь вполне возможенъ обою-

мыслительно, да и другія заинтересованныя державы въ настоящее время едва ли согласятся, что такое расширеніе территоріи Великобританіи не нарушаетъ равновѣсія. Во всякомъ случаѣ, до поры до времени Португалія и думать не смѣетъ объ уступкѣ своихъ африканскихъ владѣній англичанамъ. Буры врядъ ли съ этимъ примирятся: такое сосѣдство англичанъ навсегда отрѣжетъ ихъ отъ вѣшняго міра.

довыгодный обмѣнъ безъ малѣйшей эксплуатаціи одной стороны другою. Теперь нашъ оборотъ съ Португаліей не превосходитъ 2¹ милл. рублей въ годъ, но его легко утроить и учетверить. Главный интересъ для Россіи былъ бы, конечно, въ распредѣленіи привоза ея хлѣбовъ, хотя здѣсь препятствіемъ служить покровительственная система. До 1857 г. привозъ иностраннаго хлѣба въ Португалію былъ вовсе запрещенъ, а нынѣ сельскіе хозяева снова добиваются запретительныхъ пошлинъ. Таможенная система такъ неустойчива, что въ одномъ 1888 году пошлина на пшеницу мѣнялась четыре раза, сообразно колебанію цѣнъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ политическомъ отношеніи Португалія важна не по своей малочисленной силѣ, а по колоніальному положенію въ разныхъ частяхъ свѣта. Въ случаѣ крейсерской войны португальскіе порты могли бы намъ быть очень полезными. Правда, мы уже однажды потеряли въ устьяхъ Таго всю эскадру Сенявина, но это прискорбное событіе не должно умалять нашу энергію въ будущемъ.

Конечно, Португалія почти вассаль въ политическомъ отношеніи Англій, но тѣмъ умѣе и искуснѣе долженъ быть дипломатъ, котораго мы назначаемъ въ Лиссабонъ представителемъ русской политики. До сихъ поръ же Португалія считалась для нашей дипломатіи или богадѣльней, или мѣстомъ ссылки. Захожденіе отъ времени до времени военныхъ судовъ также не поможетъ. Моряки всѣхъ націй, извѣстно, въ иностранныхъ портахъ моютъ только бѣлье и ищутъ такія заведенія, которыя въ сферахъ международной политики вѣса не имѣютъ.

При искусной дипломатіи, наше вліяніе, совершенно теперь незамѣтное въ Лиссабонѣ, могло бы упрочиться. А что дружба и маленькой страны бываетъ очень полезна — доказала намъ Черноморія.

Торговья отношенія между Россією и Португалією были опредѣлены трактатомъ 1851 года, на основаніи котораго обѣ договорившіяся стороны даровали другъ другу право наибольшаго благопріятствованія. Въ такомъ положеніи оставалось дѣло до начала 1891 года, когда португальское правительство заявило о своемъ намѣреніи прекратить дѣйствіе договора и, вмѣстѣ съ тѣмъ, войти съ нами въ переговоры о заключеніи новаго торговаго соглашенія. При возникшихъ вслѣдъ затѣмъ переговорахъ лиссабонскій кабинетъ не признавалъ возможнымъ заключить новый трактатъ на основѣ взаимнаго наибольшаго благопріятствованія и распространить на Россію всѣ тѣ льготы по торговлѣ и мореплаванію, какія Португалія предполагала въ то время предоставить Испаніи и Бразиліи, а предложила намъ ограничиться примѣненіемъ права наибольшаго благопріятствованія только къ нѣкоторымъ опредѣленнымъ товарамъ и условіямъ взаимнаго торговаго оборота.

Дѣйствіе трактата 1851 г. прекратилось въ 1892 году, а въ

началъ сентября 1893 г., по ходатайству португальскаго правительства, нами былъ установленъ временный *modus vivendi* съ этой державой. Послѣ продолжительныхъ переговоровъ, тянувшихся болѣе двухъ лѣтъ, въ 1896 г. заключена съ Португаліей новая торговая конвенція, причемъ нами, взаменъ небольшого пониженія пошлинъ на пробку (португальская пробка лучше всѣхъ другихъ), приобрѣтены пониженія португальскаго тарифа по 15-ти статьямъ, обилмающимъ весьма существенные предметы нашей отпускной торговли; такимъ образомъ, въ этомъ отношеніи конвенція является для Россіи выгодною, а практическое примѣненіе этихъ выгодъ будетъ уже дѣломъ предприимчивости нашихъ торговцевъ. Съ этою цѣлью полезно устроить при нашихъ консульствахъ постоянныя выставки образцовъ русскихъ товаровъ. Въ Лиссабонѣ, правда, учрежденъ торговый и промышленный музей, но Россія представлена въ немъ двумя деревянными ложками и одной деревянною чашкою, да и то очень грубой работы!

ВОСТОКЪ.

XIV. ТУРЦІЯ.

До нынѣшняго столѣтія вниманіе Турціи было почти исключительно обращено на европейскія дѣла. Захвативъ въ XV и XVI вѣкахъ огромную территорію на юго-востокѣ Европы, Турція начала терять ее съ конца XVII столѣтія. Ей пришлось устремить всѣ свои усилія на борьбу съ возростающимъ могуществомъ европейскихъ сосѣдей, чѣмъ она поневолѣ ослабляла свое вліяніе въ Азіи и Африкѣ. Мало-по-малу Алжирія, Тунисъ, Триполи, Египетъ, Аравія, большая часть Сиріи и Малой Азіи сдѣлались только номинально подчиненными турецкому владычеству. Въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ направленіе турецкой политики совершенно измѣнилось. Потерявъ Новороссійскій край, Кубанскую область, Абхазію, Мингрелію, Бессарабію, часть Венгріи, Трансильванію и признавъ независимость Греціи, Румыніи, Сербіи, Черногоріи и Самоса, Турція не могла уже рассчитывать на какой-либо другой образъ дѣйствій въ Европѣ, кромѣ сохраненія status quo, чему благопріятствовало и взаимное недоброжелательство европейскихъ государствъ, которыя не хотѣли видѣть расширенія чьихъ-либо границъ на счетъ Турціи. Взамѣнъ этого вниманіе турецкихъ государственныхъ людей обратилось на возстановленіе владычества султана въ другихъ частяхъ свѣта.

Успѣхи, сдѣланные въ этомъ направленіи турецкою политикой, не лишены интереса. Силою оружія или дипломатическими происками были мало-по-малу уничтожены всѣ полунезависимые пашалыки въ Европѣ и Малой Азіи, присоединены Триполи, успокоены Ливанъ, неоднократно побѣждено могущество египетскаго вице-короля и, наконецъ, возстановлено турецкое владычество въ значительной части Аравіи. Турки помышляли даже о томъ, чтобъ перейти на другой берегъ Краснаго моря и, не опасаясь тропи-

ческаго климата, возстановить свою власть по берегамъ Абиссиніи и далѣе къ югу, до самаго Занзибара.

Побѣды эти не оставались, конечно, незамѣченными въ Европѣ, но европейскія державы, за рѣдкими исключеніями, не стремились положить какое-либо препятствіе расширенію турецкаго владычества на Востокѣ. Сознаніе, что роль Турціи, какъ европейскаго государства, хотя этотъ титулъ былъ данъ ей только въ 1856 г., окончилась, какъ бы указывало, что справедливость требовала для вознагражденія развязать ей руки въ дѣлахъ азіатскихъ и африканскихъ.

Въ Стамбулѣ постарались возвести территориальные замыслы Турціи даже въ политическую доктрину. Турецкіе дипломаты доказывали, а пзвѣстная часть англійской и вѣнской журналистики подтверждала, что попытка султана возстановить свое значеніе въ Аравіи основывалась на религіозномъ единствѣ, связывающемъ всѣ мусульманскіе народы. Въ Европѣ, говорили эти турецкіе политики, существуетъ принципъ національностей, старающійся измѣнить старую политическую систему, основанную съ XVI вѣка на принципѣ равновѣсія; мусульманскія государства обладаютъ принципомъ не менѣе для нихъ важнымъ: религіей, быть можетъ слѣпой и фанатической, но во всякомъ случаѣ не потерявшей своего прежняго исключительнаго значенія. Коранъ—единственная сила, одинаково направляющая и духовную, и гражданскую, и даже государственную дѣятельность мусульманскихъ народовъ. Такое исключительное положеніе ученія Магомета, уцѣлѣвшее безъ большихъ измѣненій на развалинахъ восточнаго могущества, дѣлается легко объяснимымъ для всякаго, кто выпкалъ въ исторію Востока, къ сожалѣнію-де, мало пзвѣстную европейскимъ публицистамъ.

Турецкое правительство, повидному, пріяло близко къ сердцу эти теоріи «пантурецизма». По крайней мѣрѣ цѣлый рядъ политическихъ событій показывалъ, что, несмотря на внутреннее безсиліе, близость банкротства, религіозныя волненія и пзнеможеніе, съ которымъ можно сравнить развѣ жалкое положеніе Испаніи въ концѣ прошлаго столѣтія, когда послѣдняя, при всей обширности своихъ владѣній, не имѣла средствъ вооружить линейнаго корабля или защитить государственную почту отъ грабежей около столицы короля, не знавшаго предѣловъ своей власти—несмотря на все это, Турція выступила сопрательницей мусульманскихъ областей.

Дѣло началось съ торжественнаго приѣма Якубъ-хана, чрезвычайнаго посланника кашгарскаго эмира. Владѣтель Алтышара, побѣдитель въ борьбѣ съ Коканомъ и Кннтаемъ, сталъ опасаться за свою независимость, видя приближеніе русскихъ къ своимъ владѣніямъ. Онъ вошелъ въ сношенія съ остъ-индскимъ правительствомъ и въ то же время пзъявилъ желаніе признать себя вассаломъ султана, надѣясь въ этой роли найти въ англичанахъ еще болѣе усердныхъ защитниковъ. Англійскій посолъ въ Константи-

нополѣ, сэръ Генри Эллиотъ, очень хлопоталъ въ пользу Ягубъ-хана, и послѣдній уѣхалъ со многими пожеланіями, захвативъ кстати нѣсколько современныхъ орудій и инструментовъ, не помѣшавшихъ, впрочемъ, паденію независимости Кашгара.

Вторымъ подобнымъ фактомъ явилось пзвѣстное ачпское дѣло. Ачпскій султанъ, полагая, что борьба съ голландцами ему не по силамъ, послалъ Салда-эффенди уполномоченнымъ въ Стамбулъ съ предложеніемъ принять вассальную зависимость отъ Турціи и оттоманское знамя. Предложеніе Салда-эффенди было принято очень хорошо: голландское правительство получило ноту, на которую, впрочемъ, отвѣчало очень категорическимъ отказомъ. Турецкое правительство, храброе противъ второстепенныхъ государствъ, думало было послать свой броненосный флотъ къ берегамъ Суматры, но тотъ же сэръ Генри Эллиотъ, съ виду принимавшій сторону Турціи, отсовѣтовалъ послѣдней наступательную политику. Какъ ни дорожила Англія независимостью Турціи, она, однакоже, помнила, что 50 милліоновъ мусульманъ живутъ въ англійскихъ ость-индскихъ владѣніяхъ, а позволить поднять въ Стамбулѣ знамя пророка для возстановленія древнихъ притязаній значило бы создать себѣ въ будущемъ немало затрудненій въ Азіи.

Еще рѣзче проявилась противоположность интересовъ Англіи и Турціи въ столкновеніи на южномъ берегу Аравіи. Въ 1871 г., воспользовавшись смутами въ племенахъ ассиръ, турки начали рядъ завоеваній въ Аравіи, доставившихъ имъ около трехъ милліоновъ новыхъ подданныхъ. Съ другой стороны египетскія войска начали двгаться по западной сторонѣ Краснаго моря и южной Аденскаго залива и присоединять независимыя африканскія владѣнія, между прочимъ они захватили Берберу, важнѣйшій отпускной портъ сѣверо-восточной Африки. Въ Аравіи турецкая армія, распространяя свое владычество изъ Йемена въ Гадремаутъ, дошла до Тагеи—владѣнія независимаго султана, въ 18 верстахъ отъ Адена, который англичане справедливо считаютъ Гибралтаромъ Краснаго моря и Индійскаго океана и безъ котораго немислима безопасность важнаго для нихъ пути изъ Европы въ Ость-Индію черезъ Суэзскій каналъ. Султанъ Тагеи получаетъ отъ Англіи субсидію въ 10,000 рублей; изъ его владѣній Аденъ снабжается жизненными припасами и водою. Очевидно, что англичане не могли остаться равнодушны къ захвату такого важнаго пункта турками. Когда турецкій отрядъ отказался добровольно очистить Тагею, англійскій губернаторъ Адена, зависящій отъ бомбейскаго правительства, не задумался, съ достойною англличанца смѣлостью, послать отрядъ въ пятьсотъ человекъ, чтобы выгнать турокъ изъ Тагеи. Турція не дерзнула спорить съ Англіей и, несмотря на слабость политикъ тогдашняго англійскаго кабинета, которую одна сатира характеризовала формулой: «не поддерживать своихъ дру-

зей и не нападать на своихъ враговъ», успѣшила установить въ южной Аравіи «нейтральную полосу».

Абдуль-Гамидъ, потерявъ столько христіанскихъ провинцій, также вспомнилъ, что султанъ есть не только государь Турецкой имперіи, но и калифъ, т. е. духовный глава всѣхъ правовѣрныхъ мусульманъ. Абдуль-Гамидъ угѣшалъ себя мыслью, что Турція еще можетъ играть крупную роль во всемірныхъ дѣлахъ въ качествѣ представительницы «панисламизма», т. е. политическаго и духовнаго союза всѣхъ мусульманскихъ народностей ¹⁾. Осуществленіе этихъ турецкихъ иллюзіи повело бы однако только къ скорѣйшему уничтоженію Турціи. Тѣсное соединеніе духовной власти со свѣтской, т. е. принятіе на себя (замѣтимъ, узурпаторское) султаномъ званія калифа и составляетъ главнѣйшее препятствіе для какихъ бы то ни было полезныхъ улучшеній въ турецкомъ устройствѣ. Всѣ уступки, которыя султанъ могъ бы еще сдѣлать, какъ государь, онъ не въ силахъ исполнять, какъ духовный глава правовѣрныхъ, не рискуя скомпрометровать себя.

Вмѣсто безцѣльной погоня за восстановленіемъ своего господства въ предѣлахъ монархіи XVI и XVII вѣковъ, Турція гораздо было бы полезнѣе озаботиться устройствомъ того, что у ней осталось отъ этой громадной монархіи. И теперь Турція—кусочекъ довольно лакомый; правительству ея довольно работы внутри страны. Борются же бессильно противъ шаекъ разбойниковъ, смотрѣтъ равнодушно на голодную смерть своихъ подданныхъ и въ то же время стремиться вмѣшпваться въ чужія дѣла по меньшей мѣрѣ нелогично. Впрочемъ, съ своей стороны мы могли бы только радоваться пантуркизму, такъ какъ расширеніе турецкаго владычества въ полуцивилизированныхъ странахъ сталкивается турецкіе интересы съ англійскими, а менѣе нѣжные отношенія Англій къ Турціи никогда повредить намъ не могутъ.

Въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, подъ гнетомъ господствовавшей въ Европѣ системы политическаго застоя, идеи покровительствуемая Англією, взяли верхъ: на Турцію начали смотрѣтъ не какъ на общаго врага, а какъ на необходимое условіе европейскаго равновѣсія, и начали думать не о разрушеніи вет-

¹⁾ Панисламистская пропаганда вновь приняла за послѣднее время дѣятельный характеръ. причемъ главною ареною ея являются англійскія и голландскія колоніи. Стамбульская печать весьма охотно копсатируетъ ея успѣхи и даже весьма преувеличиваетъ ихъ. Предусмотрительная Англія, оставая безъ вниманія константинопольскую пропаганду, не упускаетъ случая поощрить идею арабскаго калифата, представляющаго собою тотъ же панисламизмъ, но въ формѣ совершенно противоположной оттоманскому. Меккскій шерифъ, играющій значительную роль въ Геджасѣ, долженъ, въ качествѣ потомка пророка, сдѣлаться настоящимъ калифомъ правовѣрныхъ. Аравія продолжала бы существовать въ видѣ нѣсколькихъ независимыхъ государствъ; религіозное государство Геджасъ было бы объявлено нейтральнымъ и поставлено подъ покровительство всѣхъ державъ, имѣющихъ магометанъ въ числѣ своихъ подданныхъ. Индійская группа послѣдователей ислама выражаетъ свою солидарность съ подобной комбинаціей; въ Египтѣ она тоже имѣетъ сторонниковъ.

хаго зданія Оттоманской Порты, а объ его реставраціи. Псевдо-реформаторская дѣятельность султана Махмуда II, заслужившаго въ западной печати титулъ великаго человека за то, что, вмѣсто чалмы, онъ надѣлъ на свою армію греческія фески и обрилъ солдатамъ бороды, и гюльханейскій гатти-шерифъ—родъ либеральнаго фельетона, сочиненнаго Решидъ-пашею, бросилъ пыль въ глаза Европы. Дипломаты, собравшіеся на конгрессъ въ Парижѣ въ 1856 году, торжественно признали *«la haute valeur»* этого фельетона, оставшагося не болѣе, какъ плодомъ турецкой канцелярской музы, и гостеприимно включилъ Турцію въ сонмъ европейскихъ державъ.

Сколько «либеральныхъ» людей перебивало съ тѣхъ поръ во главѣ турецкаго правительства, если вѣрять иностраннымъ журналистамъ. Решидъ-паша, Фуадъ-паша, даже Али-паша превозносились какъ великіе реформаторы и обновители обветшалаго зданія турецкой монархіи. Темная питрига, возведшая Мидхата-пашу въ званіе перваго министра, привѣтствовалась западной еврейской журналисткой какъ «заря свободы», озарившая мусульманскій міръ. Люди, знакомые съ положеніемъ дѣлъ на берегахъ Босфора, знали истинную цѣну всѣмъ этимъ похваламъ и порицаніямъ и не вѣрили краснорѣчію туркофильской печати. Для этихъ людей и Мидхатъ-паша, загрывавшій съ партіей «Молодой Турціи», но, еще управляя дунайскимъ вилайетомъ, выказавшій себя жестокимъ врагомъ славянъ, не представлялъ ничего, кромѣ огромной перетасовки личнаго состава чиновниковъ, весьма обыкновенной въ бюрократическихъ государствахъ ¹⁾. А Турція изъ всѣхъ своихъ реформъ послѣднихъ сорока лѣтъ лучше всего усвоила себѣ недостатки многочисленной централизованной и жадной бюрократіи, соединившей въ одинъ типъ придарчивость французскаго чиновника съ апатіей русскаго и продажною греческаго.

Для турецкаго реформатора еще недостаточно милости султана, нужно умѣть ладить и съ корыстолюбивымъ гаремомъ, и съ закоренѣлыми предрассудками духовенства, и съ «старой партіей», и съ представителями великихъ державъ, оскаривающихъ вліяніе на дѣла Востока, и съ представителями тѣхъ банкирскихъ домовъ, которые доставляютъ Турціи кредитъ на европейскихъ биржахъ на условіяхъ чисто-ростовщическихъ, и т. д., и т. д. Задача не легкая.

Къ этому присоединяется безвыходное положеніе внутренней политики. Если болѣе просвѣщеннымъ вѣмцамъ и мадьярамъ трудно

¹⁾ Мидхатъ, турокъ еврейскаго происхожденія, для отвода глазъ созывалъ даже парламентъ, обставившійся чистѣйшею комедіей. Въ Турціи до сихъ поръ, впрочемъ, есть сторонники говорильни. Кромѣ «молодыхъ турковъ», проживающихъ изъ осторожности болѣе за границею, бывшій генералъ-губернаторъ Триполи Памилъ-Кемаль-бей подалъ въ 1897 г. султану обширную записку о необходимости созванія нотаблей.

управлять разными національностями Австро-Венгрии, то каково положение турецкаго правительства, которое въ одной Европейской Турціи должно руководить шестнадцатюю болѣе или менѣе значительными національностями, изъ которыхъ греки и славяне ясно сознали уже цѣль своихъ стремленій. Чтобы найтись въ этомъ омутѣ противоположныхъ интересовъ, необходима или растлѣвающая ловкость, или честность и государственная идея по-истинѣ великаго политика.

Каждая смѣна великаго vizиря въ Турціи наполняла сердца публицистовъ ни на чемъ неоснованной надеждой, что новый vizирь, поднятый на верхъ могущества гаремной интригой, долженъ непременно совершить великія реформы, которыя откроютъ для Турціи новые политическіе горизонты и залечатъ ея экономическія язвы. Но кромѣ громкихъ обѣщаній всѣ великія vizиры ничѣмъ себя не ознаменовали и не воспользовались даже и тѣми средствами и тѣми временемъ, которыя были у нихъ въ распоряженіи. Все ограничивалось перемѣщеніемъ чиновниковъ; а до чего доходить кочеваніе администраціи въ Турціи — примѣромъ тому можетъ служить Смирна, одинъ изъ важнѣйшихъ городовъ имперіи: тамъ въ сорокъ три года перемѣнилось сорокъ восемь губернаторовъ, вся дѣятельность которыхъ прошла, конечно, въ однихъ переѣздахъ, пріѣздахъ, отъѣздахъ и устройствѣ квартиръ.

Между тѣмъ, не говоря уже о различныхъ весьма важныхъ политическихъ и религіозныхъ вопросахъ, раздражающихъ Турцію, одни экономическіе интересы такой обширной страны могли бы дать пищу для самой усипенной дѣятельности какому угодно трудолюбивому министру; не менѣе значенія имѣло бы и преобразование, или, вѣрнѣе, упрощеніе администраціи. Въ этомъ смыслѣ ровно ничего не дѣлалось. Государственные доходы находились въ очень плохомъ, если не отчаянномъ положеніи; между тѣмъ никто не думалъ о развитіи производительныхъ силъ государства, поставленнаго чрезвычайно выгодно въ географическомъ и климатическомъ отношеніи. Учредили-было на бумагѣ министерство горныхъ и лѣсныхъ дѣлъ, но къ эксплуатаціи рудныхъ мѣсторожденій и лѣсовъ никто и не приступалъ. Опытъ показалъ, на примѣръ, что взиманіе податей непосредственно чиновниками гораздо прибыльнѣе взиманія черезъ откупщиковъ; никто, однако, не обратилъ вниманія на эти опыты. Въ непродуманныхъ расходахъ никакого сокращенія не дѣлалось, несмотря на постоянно возрастающій дефицитъ; земледѣліе оставалось безъ всякаго поощренія; нечего говорить уже о бездѣйствіи по сооруженію шоссе, портовъ, каналовъ, по устройству морского и рѣчного пароходства — однимъ словомъ, по всему тому, что даетъ теперь жизнь и движеніе промышленности и торговлѣ. Если и сооружались какія-нибудь дороги, то обыкновенно онѣ разрушались на одномъ концѣ раиѣ, нежели другой былъ построенъ. Железныя же дороги,

благодаря подкупамъ при выдачѣ гарантій, только разоряли финансы.

Систему же турецкихъ финансовъ можно оцѣнить по слѣдующему факту. Въ эмирскомъ владѣтѣ собиралось 3 мил. рублей податей; изъ нихъ 2 милліона отсылалось въ Константинополь, а 1 мил. расходовался на мѣстѣ. Но изъ этого милліона ни одной копѣйки не издерживалось ни на образование, ни на пути сообщенія; даже низшіе чиновники, не получая почти жалованья, жили взятками. Весь милліонъ шелъ въ жалованье высшимъ чиновникамъ, которые вознаграждались втрое выше, нежели въ Европѣ.

Законы Турецкой имперіи кодифицировались, но судебное устройство преобразовывалось очень медленно, несмотря на категорически выраженное желаніе самого султана. Недвижимая собственность стѣснялась многочисленными формальностями, а капиталы оставались безъ движенія или поглощались ажіотажемъ, потому что поземельнаго кредита не существуетъ. По народному образованію бытъ изданъ хорошій законъ, который остался вовсе безъ приложенія, и сочинили даже законъ, вводящій даровое и обязательное обученіе; послѣднее, конечно, осталось на бумагѣ.

Права и обязанности чиновниковъ въ точности не опредѣлены и не разграничены; положеніе ихъ совершенно не обезпечено, такъ какъ пенсій и эмеритальныхъ кассъ въ Турціи не существуетъ. Персоналъ турецкой администраціи комплектуется оригинальнѣйшимъ въ мірѣ образомъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что базисомъ его служатъ гнусный порокъ турокъ, заставляющій ихъ держать вокругъ себя молодыхъ людей, офиціально приравненныхъ, будто бы, для подаванія и загибанія чубуковъ и наргиле. Если подобный юноша состоитъ при султанѣ и успѣетъ понравиться, онъ легко сдѣлается министромъ, посланникомъ или «вали» (генераль-губернаторомъ); если онъ пользуется милостью вали, то его ожидаетъ мѣсто каймакана или мудира, т. е. по-нашему губернатора или уѣзднаго начальника и т. д. Несмотря на такую странную подготовку, турецкіе чиновники, вслѣдствіе хорошихъ манеръ, врожденныхъ восточнымъ народамъ, и невозмутимаго спокойствія, имѣютъ весьма презентабельный видъ и этимъ видомъ вводятъ въ обманъ европейскихъ туристовъ, принимающихъ тупую апатію за глубокомысліе. Только двѣ привычки оттапливаютъ турецкихъ чиновниковъ и офицеровъ отъ европейцевъ — спанье, не раздвѣваясь, въ тѣхъ же вышитыхъ мундирахъ, въ которыхъ они управляютъ и командуютъ днемъ, а затѣмъ слабость къ чесноку, слабость, издревле общая всѣмъ южнымъ народамъ.

А на бѣду Турецкой имперіи вообще не везетъ: финансовый кризисъ, неурожай, голодъ, пожары, грабежи и всякія другія бѣдствія обрушиваются на нее и ухудшаютъ ея и безъ того не очень красное положеніе. Въ эту-то трудную пору правительство оказы-

валась постоянно гораздо ниже своей задачи. Посылая, напр., помощь голодающим, администрація въ то же время припнмаетъ всё мѣры для взысканія съ нихъ податныхъ недопмокъ. Губернаторъ голодающей провинціи рассказывалъ публично одному европейцу: «Я получилъ девятнадцать телеграммъ о послѣднемъ взысканіи недопмокъ. Такъ какъ жители платятъ не въ состояніи, то придется многихъ посадить въ тюрьму; но жители будутъ отъ этого въ восторгѣ, такъ какъ получать даровое казенное продовольствіе; я боюсь только, что, пожалуй, всё жители пожелаютъ быть посаженными въ тюрьмы». «Право, сейчасъ бы бросилъ все и уѣхалъ, если бы самому было что ѣсть», прибавилъ турецкій администраторъ. Во многихъ изъ деревень не осталось и половины населенія, а между ними продолжали распредѣлять прежнюю сумму податей и глшатай взымалъ на базарѣ: «Если у кого остались вола, ослы, бараны, коровы или хлѣбъ, все тащите, правовѣрные, продавайте и платите налоги!» Вотъ уже подлинно буквальное исполненіе знаменитаго англійскаго изреченія, что «платить подати и умирать долженъ каждый»!

Пожары на Востокѣ, въ тѣхъ городахъ, которые построены изъ дерева, безпрерывны. Разбойничество, всегда сильное въ оттоманскихъ провинціяхъ, съ голодомъ, конечно, только усиливалось. Какъ-то около Александретты было схвачено и послано за крѣпкимъ карауломъ четыреста разбойниковъ. Четыреста человекъ — да это маленькая армія, въ родѣ тѣхъ, что сражались за независимость Греціи или бунтуютъ теперь въ южно-американскихъ республикахъ.

Такова картина внутреннихъ золъ, развѣдавшихъ Турецкую имперію. «Турки», говорилъ ихъ извѣстный панегиристъ Убичини, «не сдѣлались ни лучше, ни хуже; они не отстали и не подвинулись впередъ; они прожили это время — вотъ все, что можно сказать о нихъ». Больше строго оцѣнилъ ихъ англійскій историкъ Фриманъ, сказавъ, что «въ то время, какъ другіе народы дѣлаются лучше и лучше, турки становятся все хуже». Нѣтъ сомнѣній, что многое въ нынѣшнихъ условіяхъ могло бы быть исправлено при одномъ добромъ желаніи и безъ большихъ затрудненій. Почва Турціи плодородна, христіанская часть населенія трудолюбива и отчасти предприимчива, морской путь во всё части свѣта открытъ круглый годъ, иностранные капиталы помѣщаются въ Турціи довольно охотно, туда же переселяются изъ Европы техники, артисты, даже литераторы; но ложная правительственная система и мертвящая администрація губятъ все въ корнѣ, не давая странѣ вздохнуть свободно и оправиться хоть на минуту, чтобъ сбросить съ себя вѣковой гнетъ и освѣжиться новыми силами. Никто не думаетъ объ удовлетвореніи насущныхъ потребностей страны; гораздо болѣе интересуютъ всѣхъ политическія интриги и подчасъ пустыя бредни о возстановленіи имперіи османовъ.

Передъ послѣдней Восточной войной турецкіе министры и дипломаты были пресерьезно убѣждены, что полунезависимымъ государствамъ, входившимъ тогда въ составъ Оттоманской имперіи, не только не слѣдуетъ заботиться о дальнѣйшемъ отдѣленіи, но скорѣе хлопотать о тѣснѣйшемъ сближеніи подъ скипетромъ султана, такъ какъ это, будто бы, могло послужить единственнымъ спасеніемъ для ихъ національностей; предоставленныя же самимъ себѣ, вассальныя государства Турціи немедленно-де сдѣлаются добычею своихъ сильныхъ сосѣдей.

Туркофилы въ этомъ случаѣ сильно заблуждались. Хотя нельзя не признать искусства, съ какимъ въ серединѣ XIX столѣтія турецкое правительство возстановило свою власть въ провинціяхъ, но успѣхи эти не должны были ослѣплять стамбульскихъ политиковъ. Возстановленіе власти султана было достигнуто исключительно силой оружія; никакнхъ другихъ мотивовъ для сближенія Турціи съ ея вассалами не было, да и быть не могло. Какія данныя имѣла она для устройства федеральной связи? Народы не привлекались къ ней ни единствомъ религіи, ни единствомъ языка, ни желаніемъ объединенія законодательства; даже въ торговомъ отношеніи интересы различныхъ частей Турецкой монархіи совершенно различны, и съ развитіемъ пароходства замѣчается теперь быстрое ослабленіе экономической централизаціи Константинополя. Если же ничто не привлекало вассаловъ Турціи къ объединенію, а наоборотъ важнѣйшіе интересы свободы, національности, правосудія и образованія побуждали ихъ самостоятельно вырабатывать свое государственное устройство, то, конечно, стремленія къ полной автономіи и независимости какъ политической, такъ и экономической были въ высшей степени законны и, безъ сомнѣнія, никакими ухищреніями устарѣвшей въ своихъ приемахъ турецкой дипломатіи воспрепятствовать ихъ эмансипаціи было нельзя.

Такъ же безцѣльнымъ, какъ проектъ турецкой федераціи, считаю я другой вопросъ—о преобразованіи власти великаго визиря. Великій визирь соединяетъ въ своемъ лицѣ власть перваго министра, министра внутреннихъ дѣлъ и единственнаго докладчика по всѣмъ отраслямъ управленія передъ султаномъ; только дѣла духовныя и юстиціи не находятся въ его вѣдѣніи. Положеніе это Абдуль-Гамидъ думалъ какъ-то измѣнить тѣмъ, что, оставивъ великаго визиря главою кабинета, отдѣлилъ отъ него министерство внутреннихъ дѣлъ и допустилъ всѣхъ министровъ до личныхъ докладовъ. Подобное преобразование не принесло пользы и не могло принести. Въ Турціи и безъ того имѣется уже болѣе десятка министерствъ; образованіе новаго увеличивало только число чиновниковъ и усложняло переписку. Дозволеніе же всѣмъ министрамъ сноситься непосредственно съ султаномъ имѣло послѣдствіемъ уничтоженіе единства, существовавшего въ турецкомъ кабинетѣ (ди-

ванъ): каждый министр начал дѣйствовать самовластно, укрываясь за волю султана, и усилились неизбежныя пререканія разныхъ вѣдомствъ, сдерживать которыя у великаго визиря не было средствъ.

Какой-то шутникъ распространилъ-было въ заграничныхъ газетахъ слухъ о томъ, что предполагалось свиданіе четырехъ спланныхъ монарховъ магометанскаго міра: турецкаго султана, египетскаго хедива, тунисскаго бейя и марокксккаго императора. Программою этого фантастическаго свиданія долженъ былъ послужить проектъ федераціи всего мусульманскаго міра отъ Индійскаго моря до Атлантическаго океана. Незвѣстно, могла ли подобная глубокомысленная идея когда-либо осуществиться, но если бы случай привелъ встрѣтиться мусульманскихъ монарховъ, то, безъ сомнѣнія, у нихъ былъ бы только одинъ интересный предметъ для разговора, а именно, какъ устроить финансы, которые были одинаково дурны во всѣхъ мусульманскихъ странахъ.

Первенство въ этомъ случаѣ принадлежало Турціи. Она ухитрилась въ мирное время, не производя почти общественныхъ работъ и не выплачивая даже аккуратно жалованья арміи и чиновникамъ, дѣлать ежегодно огромные займы и зашутывать до такой степени свои финансы, что не было другого исхода, кромѣ объявленія государственнаго банкротства.

Въ 1854 году, благодаря содѣйствію тогда союзныхъ Англіи и Франціи, Турціи удалось впервые заключить заграничный заемъ. Средство это чрезвычайно понравилось турецкимъ государственнымъ людямъ. Возможность займа отстраняла необходимость предусмотрительности и позволяла легко удовлетворять различныя прихоти вліятельныхъ лицъ; съ другой стороны, при заключеніи займовъ черезъ услужливыхъ банкировъ на условіяхъ, обыкновенно довольно тяжелыхъ, нѣсколько милліоновъ лишней комиссіи незамѣтно оставались, чтобы полакомить турецкихъ министровъ. Министры эти мѣнялись непрерывно, аппетитъ ихъ возобновлялся постоянно, и потому неудивительно, что, въ теченіе какихъ-нибудь двадцати лѣтъ турецкимъ правительствомъ было заключено пятнадцать заграничныхъ займовъ, на сумму въ милліардъ руб. Къ этимъ займамъ нужно прибавить еще внутренній неотвержденный долгъ, исчислить который не легко.

Большая часть милліарда была доставлена мелкими англійскимъ и особенно французскими капиталистами. Постоянныя жалобы ихъ вынуждали, однако, турецкое правительство установить хотя какой-либо порядокъ въ финансовомъ управленіи. Въ 1861 году государственный бюджетъ былъ въ первый разъ опубликованъ; Турція опередила насъ въ этомъ отношеніи на цѣлый годъ. Въ 1865 году различныя долги были объединены и отверждены и учреждена государственная долговая книга, въ законѣ о которой сказано, что «никакой новый долгъ не можетъ быть вписанъ въ

книгу. прежде чѣмъ будутъ пысканы для платежа процентовъ и погашенія надлежащія средства пзъ сбереженій въ расходахъ или отъ возрастанія доходовъ». Эти реформы принесли мало пользы. Займы возобновлялись съ тѣхъ поръ съ изумительной легкостью. Летомъ 1875 года необходимость прибѣгнуть къ новому займу для покрытія процентовъ по прежнимъ долгамъ поставила турецкое правительство въ чрезвычайно затруднительное положеніе. Министръ финансовъ Садыкъ-паша объѣхалъ Европу и вездѣ получалъ одинъ отвѣтъ, что турецкое правительство не найдетъ болѣе кредита, если не допуститъ европейскихъ капиталистовъ контролировать употребленіе собираемыхъ займами суммъ.

Садыкъ-паша былъ смѣненъ, но великій визирь, сваливъ, по обыкновенію, всё бѣдствія на неспособность своихъ предшественниковъ, вынужденъ былъ уступить требованію европейскихъ кредиторовъ. Съ этою цѣлью турецкое правительство заключило договоръ съ Оттоманскимъ банкомъ, который сдѣлался государственнымъ казначействомъ Турціи. Результатомъ новаго порядка вещей былъ успѣхъ громаднаго займа, вынужденнаго турецкимъ правительствомъ на лондонской и парижской биржахъ. Но, избавившись отъ грабежа своихъ финансовыхъ агентовъ, турецкое правительство подпало подъ худшее иго европейскихъ биржевиковъ и спекуляторовъ. Такая эксплуатація, административная или банковская, оказалась тяжелѣе для Турціи, скоро показалъ опытъ. Въ 1875 г. Турція предложила платить проценты вмѣсто денегъ новыми облигаціями.

Никто не можетъ строго осудить правительство, которое во время страшной войны, спасая цѣлость государства, приостанавливаетъ платежи звонкою монетою по своимъ билетамъ или даже временно платежей процентовъ по займамъ. *Salvus rei publicae lex suprema esto*, говорили еще римляне. Но объявить государственное банкротство ради того, что подати, выбивавшіяся палкою пзъ народа, шли не на его просвѣщеніе, не на развитіе торговли или на исправленіе дорогъ, а на сооруженіе прихотливыхъ мраморныхъ дворцовъ на Босфорѣ, постройку никому ненужныхъ броненосныхъ судовъ и на содержаніе въ сералѣ двухъ тысячъ наложницъ, превосходило мѣру дозволеннаго по общепринятымъ понятіямъ о честности, которая одинаково обязательна какъ для мелочного торговца, такъ и для государства съ трехсотъ-тысячною арміею. Оправдывался герцеговинскимъ возстаніемъ для турецкаго правительства не было основанія: возстаніе ограничилось двумя бѣдными и гористыми провинціями.

Что Блистательная Порта приняла подобное «блистательное» рѣшеніе, не удивительно. Но что должно удивлять всѣхъ, это неловкая защита нѣкоторыми газетами невѣроятнаго поступка турецкаго правительства, который нагло назывался «приведеніемъ въ порядокъ турецкихъ финансовъ». Въ числѣ защитниковъ спо-

ліаці турецькимъ правительствомъ своихъ кредиторомъ явился и «Journal de St.-Petersbourg». По его словамъ, должно было полагать, что турецкое правительство «твердо рѣшилось оставить путь полумѣръ и заняться экономическимъ развитіемъ страны». «Въ послѣднемъ случаѣ, отвращеніе фнансоваго міра къ турецкимъ бумагамъ будетъ только временнымъ, а впослѣдствіи превратится даже въ горячую симпатію, потому что всѣ, кто считаетъ себя ограбленными, получаютъ выгоду отъ повышенія цѣны турецкаго займа въ тотъ моментъ, когда сдѣлается извѣстнымъ, что турецкая фнансовая администрація отказалась навсегда отъ случайныхъ спекуляцій».

Наша дипломатическая газета забыла прибавить, когда именно наступитъ тотъ день, когда капиталисты убѣдятся въ просвѣтленіи разума турецкой фнансовой администраціи, которая до тѣхъ поръ, кромѣ какъ взяточничествомъ и казнокрадствомъ ничѣмъ себя не проявила, и полагала, будто всѣ капиталисты въ состояніи дожидаться этой вождѣльной минуты и хранить, какъ драгоценность, турецкіе фонды. «Journal de St.-Petersbourg» не соображалъ, что у капиталистовъ скорѣе явится опасеніе, что если турецкое правительство платитъ сегодня только половину процентовъ по своимъ долгамъ, то завтра оно можетъ, на тѣхъ же основаніяхъ, вовсе отказаться отъ ихъ платежа. Слѣдовательно, каждый изъ капиталистовъ поспѣшитъ не спрятать турецкія бумаги въ сундукъ, а отдѣлаться поскорѣе отъ нихъ.

Что наступаетъ время, когда турецкое правительство и вовсе перестанетъ платить проценты по своимъ займамъ, было несомнѣнно. Для этого слѣдовало только прислушиваться къ сужденіямъ газетъ, въ родѣ указанной, и дѣйствовать послѣдовательно. Если рѣшеніе турокъ вмѣсто пяти франковъ платить по долгамъ два съ половиною провозглашалось первымъ шагомъ къ несомнѣнному прогрессу и «экономическому развитію страны», то рѣшеніе турокъ вовсе не платить процентовъ, навѣрное, должно было довести развитіе Турецкой имперіи до ея алогей. Наконецъ, если Турція, руководствуясь фнансовою политикою еще болѣе радикальною, вмѣсто платежа пяти франковъ попросило бы, наоборотъ, эти пять франковъ вновь у своихъ кредиторовъ, то благо-состояніе ея навѣрное дошло до крайнихъ предѣловъ человеческого благополучія!

Вообще, въ это время наши дипломаты, на словахъ впрочемъ, переполнены были странными отношеніями къ Турціи илюзіями. Въ этомъ отношеніи замѣчательна рѣчь русскаго посла въ Константинополь, генерала Пгнатъева, сказанная на обѣдѣ, данномъ въ его честь въ Одессѣ въ 1873 г.

«Что бы ни говорили мои противники», заявлялъ онъ, «но въ теченіе девятилѣтняго пребыванія въ Турціи у меня не было ни одной крупной ссоры съ Портой. Въ моихъ сношеніяхъ я по-

стоянно старался ослабить тѣ предрасудки, которые враги и завистники наши поселяли съ своекорыстною цѣлью въ государственныхъ людяхъ Турціи»... «Мы находимся въ наилучшихъ сосѣдственныхъ отношеніяхъ съ Турціей всякій разъ, когда министръ, находящійся во главѣ правительства (т. е. великій визирь), не руководствуется предвзятыми мыслями, внушенными ему нашими противниками»... Настоящую политику Россіи въ Константинополь Игнатъевъ характеризовалъ слѣдующими словами. «Намъ ни пяди чужой земли не нужно. Мы ничего себѣ не желаемъ. Естественное сочувствіе наше къ единовѣрцамъ безвредно (для Турціи). Мы желаемъ всякому свое—правду и справедливость, а зла—никому».

Спустя три года послѣ этой рѣчи возгорѣлась Восточная война, въ причинахъ которой игралъ такую видную роль Игнатъевъ. Ему приписывали, неизвѣстно насколько справедливо, самонадѣянность, съ которой мы начали войну съ ничтожными силами (да еще потерявъ напрасно, по совѣту генерала Коцебу и др. специалистовъ, цѣлую зиму), какъ графу Шувалову приписывали потомъ излишнюю робость и уступчивость по окончаніи войны между Санъ-стефанскимъ миромъ и Берлинскимъ конгрессомъ.

Выходитъ, мы провинились одинаково и въ смѣлости, и въ робости. «Фортуна—женщина, она принадлежитъ только смѣлому», сказалъ Макиавелли, и нигдѣ, конечно, этотъ афоризмъ не прилагается съ такою силою, какъ въ войнѣ. Если отдѣльныя личности пѣнятся и награждаются въ военное время главнымъ образомъ по степени выказываемаго удалства и храбрости, то совершенно одинаково смѣлость должна проявляться и въ той коллективной личности, которая называется государствомъ. Смѣлость еще вдвойнѣ похвальна, когда выказывающій ее защищаетъ святое дѣло. Исторія знаетъ въ этомъ случаѣ удивительные примѣры. Въ 1808 году отдѣльные города Испаніи возстали противъ деспотизма Наполеона, располагавшаго военными силами половины Европы, и безъ всякаго предварительнаго соглашенія, избравъ тѣмъ временнаго правительства, формально объявили войну всемогущему императору, и что-жъ оказалось? Эти, по заключенію рутинной логики, безумцы вышли побѣдителями.

Безъ сомнѣнія, большое государство не можетъ рисковать въ одинаковой степени своими интересами, какъ малое или такое, для котораго война является отчаянною ставкою игрока, но смѣлость и опрометчивость—понятія вовсе не тождественныя. Пруссія, повидному безъ всякаго подготовленія, смѣло дѣйствовала въ 1866 году, а Наполеонъ III, послѣ длинныхъ колебаній и получивъ отъ своего военнаго министра завѣреніе, что даже всѣ пуговицы припшты на своихъ мѣстахъ въ арміи, начавъ въ 1870 году войну, какъ вышло на повѣрку, поступилъ только опрометчиво. Таковъ нерѣдко бываетъ плодъ излишней предусмотрительности. Въ 1796 году Напо-

леонъ началъ кампанію съ арміей безъ сапоговъ, а разбить четыре арміи; тотъ же Наполеонъ, весьма тщательно подготовившись къ кампаніи 1812 года, настолько тщательно, что не забылъ даже напечатать фальшивыхъ русскіхъ ассигнацій, понесъ жестокое поражение.

Я нарочно привелъ эти элементарные примѣры, чтобы показать, какъ несостоятельно мнѣніе, будто бы на войнѣ лишь тотъ побѣждаетъ, кто дѣйствуетъ оцупью, раздумывая на каждомъ шагѣ и спрашивая направо и налево, какъ думаютъ о его поступкахъ. Подобную именно роль навязывали нашей арміи наши заграничные друзья, забывая, что едва ли кто настолько наивенъ, чтобы вести войну по указанной ему заранѣе дорожкѣ. Если подобныя указанія безмысленны, то не болѣе того заслуживало одобренія желаніе нашей дипломатіи узнать заранѣе, какое впечатлѣніе произведетъ то или другое изъ возможныхъ событій. Развѣ можно было предусмотрѣть не только общую совокупность обстоятельствъ, могущихъ совпасть одновременно со взятіемъ Константинополя, но и впечатлѣніе, которое это событіе произведетъ на пзмѣнчивое общественное мнѣніе, легко признающее совершившіеся факты и даже восторгающееся имъ. Зная же заранѣе, что мы Константинополь брать не намѣрены, Андраши, конечно, не затруднился, или, точнѣе, не постыдился (пбо участвовалъ въ дѣлѣхъ Турціи) принять сторону Англій.

Дѣло все шло о томъ, какъ бы успокоить Англію, хотя въ дѣйствительности скорѣе она должна была опасаться насъ съ ея Индіей и торговымъ флотомъ. Это успокоеніе заставило Россію пренебрегать до послѣдней минуты содѣйствіемъ Персіи, которая диверсіей къ Евфрату съ своей, хотя и очень плохой арміей, могла бы отвлечь часть турецкихъ силъ, быть можетъ равную той, которую турки могли свободно высадить въ Сухумѣ.

Относительно Сүэзскаго канала, хотя онъ составлялъ часть египетской территоріи и также долженъ былъ считаться нейтральнымъ, какъ напримѣръ Ладожскій каналъ, Россія могла, пожалуй, сдѣлать уступку; собственно отъ канала доходы Египта ничтожны, а акціи, принадлежавшія вице-королю, проданы Англій; между тѣмъ для нейтральныхъ державъ каналъ былъ не только важенъ, но даже необходимымъ. Единственное, что могла выговорить Россія за свою уступку, это воспрещеніе Турціи возить по каналу войска изъ ея владѣній по Красному морю. Другое дѣло берега Египта. Князь Горчаковъ въ своей нотѣ къ лорду Дерби настаивалъ на правѣ Россіи распространить военныя дѣйствія и на Египетъ, какъ на часть Турецкой имперіи, но затѣмъ уступилъ. Между тѣмъ блокировать берега Египта являлось прямою необходимостью и обязанностью для Россіи во время войны. Торговля Египта превосходила 150 милліоновъ рублей въ годъ и на эти средства онъ снаряжалъ армію, сражавшуюся съ нами. По-

добная блокада была невыгодна для нейтральныхъ державъ; но блокада береговъ Германіи была въ десять разъ невыгоднѣе, однако никто и подумать не посмѣлъ, когда Франція объявила нѣмецкіе порты блокированными. Да не только Франція, Данія блокировала ихъ въ 1849 и 1864 годахъ. Въ Восточную войну, вопреки буквальному тексту парижской деклараціи 4-го апрѣля 1856 года, которую Турція подписала тѣмъ охотнѣе, что заранѣе знала, что къ исполненію никто ее не понудитъ, послѣдняя объявила «бумажную» блокаду русскихъ портовъ Чернаго и Азовскаго морей и настаивала на неприкосновенности этой блокады, не взирая на протесты, правда, довольно робкіе, нейтральныхъ державъ. Между тѣмъ многія государства, особенно Греція и Италія, очень сильно пострадали отъ подобной незаконной блокады.

Само собою разумѣется, что мы должны были также воспользоваться правомъ взаимно блокировать и турецкіе берега по Средиземному морю и входъ въ Дарданеллы. Известно, въ какомъ ужасномъ положеніи сухопутные пути сообщенія въ Турціи. Все торговое значеніе Константинополя основано на томъ, что онъ центръ обширныхъ каботажныхъ сообщеній. Блокируя турецкіе порты, мы, во-первыхъ, ставили столицу въ отчаянное положеніе умереть съ голода, во-вторыхъ, дезорганизовали окончательно всю перевозку рекрутъ, снарядовъ, припасовъ и пр. изъ Сиріи, Египта, Малой Азіи, Кандіи, Архипелага и обратно.

Вообще вредить врагу всѣми мѣрами—составляетъ цѣль войны, и какъ ни кажется грустною необходимость распространять тягости войны на мирныхъ жителей—это совершенно неизбежно, иначе войны тянулись бы слишкомъ долго, представляя только родъ заботы для дѣйствующихъ армій. Такими и были кондотьерскія войны XV и XVI столѣтій въ Европѣ и нынѣшнія войны въ южно-американскихъ республикахъ, оканчивающіяся очень часто безъ убитыхъ и даже раненыхъ. Въ 1877—1878 гг. военная необходимость вынуждала заставлять поголодать населеніе столицы Турціи, чтобы этимъ косвеннымъ путемъ вынудить турецкое правительство къ большей уступчивости при заключеніи мира. Константинополь съ своимъ окрестностямъ заключаетъ, какъ извѣстно, почти миллионъ населенія, питающагося исключительно привознымъ хлѣбомъ. Поэтому почти каждую войну вопросъ о продовольствіи столицы становится грознымъ призракомъ передъ турецкимъ правительствомъ¹⁾.

¹⁾ Видя, что снабженіе Константинополя хлѣбомъ косвеннымъ путемъ, черезъ Ливорно и Марсель, обходится слишкомъ дорого, турецкое правительство, опасаясь неудовольствія стамбульской черни, сперва уничтожило до 1-го марта 1878 года привозную таможенную пошлину на хлѣбъ (равную почти 14%)—что было весьма благоразумно, а затѣмъ объявило, что готово выпускать изъ яко бы блокируемыхъ южныхъ русскихъ портовъ суда, нагруженные хлѣбомъ—что было уже совершенно наивно, тѣмъ болѣе, что Турція давала пропускъ только подъ условіемъ выгрузки хлѣба въ Константинополь.

Имѣя въ виду, что вся хлѣбная торговля въ портахъ южной Россіи находится

У насъ сложилось мнѣніе, будто бы блокада турецкихъ портовъ была невозможна, потому что у насъ не было флота, но это невѣрно, скорѣе сила турецкаго флота была только на бумагѣ. Если бы Россія сдѣлала диверсію въ Средиземномъ морѣ, то двухъ поповокъ и нѣсколькихъ многоносныхъ судовъ, имѣвшихся въ Черномъ морѣ, было бы вполне достаточно для обороны послѣдняго.

Существуетъ еще другое возраженіе, будто бы у насъ не было на Средиземномъ морѣ точки опоры, а современныя правила нейтралитета стѣсняють плаваніе военныхъ судовъ. На это замѣчу, что нейтралитетъ Даніи, Швеція и Пруссіи не мѣшалъ, однако, англо-французамъ отлично плавать въ Балтійскомъ морѣ въ Крымскую войну; можно было понудить Грецію не закрывать въ угоду англичанамъ свои превосходные порты, и изъ ея громаднаго торговаго флота образовать недостающій Россіи транспортный и крейсеровскій флотъ. Слѣдовательно, если мы не шли въ Средиземное море, то вовсе не ради преувеличенныхъ недостатковъ нашего флота или какихъ-либо стѣсненій международнаго права, а по убѣжденію въ рѣшительномъ превосходствѣ нашемъ по сухому пути, нѣсколько охлажденномъ неудачами подъ Плевною.

Въ публикѣ и въ извѣстной части нашей печати существуетъ убѣжденіе, что войны 1853—56 гг. и 1877—78 гг. были дѣломъ прихоти. Русскіе взяли да и пошли битъ бѣднаго турку. Такъ толковать міровыя событія однако невозможно. Обѣ войны, тяжелыя для насъ—потому что мы надѣлали кучу оппбокъ по части дипломатіи, финансовъ, генеральнаго штаба, интендантства и т. д., оказались, какъ всегда, неготовыми къ войнѣ и въ выборѣ лицъ руководилсъ фаворомъ и протекціей—въ сущности были неизбежны. Это лишь два послѣднихъ звена въ той цѣпи войнъ, которая началась еще съ Куликовской битвы и окончится лишь тогда, когда наша армія въ томъ или другомъ видѣ приведетъ Россію къ открытымъ морямъ.

въ рукахъ иностранцевъ и отчасти космополитическихъ евреевъ, нѣтъ сомнѣнія, что эти «благодѣтели» нашей страны поспѣшили бы «ничто же сумаящеся» изобильно снабдить турецкую столицу и ея интендантскіе склады относительно дешевымъ продовольствіемъ. Поэтому слѣдуетъ безусловно одобрить распоряженіе правительства о воспрещеніи вывоза хлѣба изъ портовъ Чернаго и Азовскаго морей,—воспрещеніе, которое не было сдѣлано ранѣе только въ виду уже фактически прекратившагося отпуса изъ русскихъ портовъ.

При этомъ я, однако, долженъ обратить вниманіе на одно довольно, по моему мнѣнію, важное обстоятельство. Извѣстно, что въ виду турецкой фиктивной блокады портовъ, правительство наше временно разрѣшало въ русскихъ южныхъ моряхъ заниматься каботажемъ судамъ подъ нейтральнымъ флагомъ, что воспрещается, въ интересахъ русскаго мореходства, въ мирное время. Были поводы опасаться, что многія изъ подобныхъ нейтральныхъ судовъ, особенно английскихъ и австрійскихъ, нагрузившись русскимъ хлѣбомъ въ Одессѣ или Таганрогѣ и прописавъ свои документы въ Севастополь, Феодосію и другіе русскіе порты, преспокойно отправятся въ Константинополь, гдѣ, конечно, будутъ приняты съ распростертыми объятіями и даже въ случаѣ весьма сомнительнаго протеста со стороны своихъ консуловъ, ссылаться на вынужденный заходъ въ турецкій портъ по случаю дурной погоды, аваріи и т. п.

Жалобы на послѣднюю войну основывались главнымъ образомъ на сопровождавшемъ ее финансовомъ разстройствѣ, но и предыдущія наши войны съ Турціей влекли за собою буквально тѣ же послѣдствія. «Изъ войны Турецкой вышли мы не безъ славы, но опустошили столько своихъ карманы, что долго пребудемъ въ гонимыхъ», писалъ гр. Воронцовъ Завадовскій послѣ второй турецкой войны при Екатеринѣ II. Разница та, что, закончивъ съ двойными успѣхами войну 1877—78 гг., мы педугались собственной побѣды и договоръ побѣдителя съ побѣжденнымъ отдали на пересмотръ своимъ исконнымъ врагамъ¹⁾. — явленіе небывалое въ исторіи. Мы точно затруднялись рѣшить, чѣмъ и какъ могутъ быть удовлетворены честь и интересы Россіи. Но понятіе о народной чести весьма можетъ быть различно и, конечно, Россія понимала ее не въ смыслѣ только удовольствія побить турокъ. Это было бы ужъ черезчуръ мелко и недостойно. Честь Россіи заключалась въ дарованіи турецкимъ христіанамъ свободы и дѣйствительной независимости подъ покровительствомъ Россіи, а это англійскимъ проектомъ, принятымъ нашей дипломатіей, вовсе не достигалось. Относительно собственно русскихъ интересовъ также можно было поспорить. Безъ сомнѣнія, Батумъ полезное для насъ приобрѣтеніе, но ни для кого не секретъ, что, если бы не кое-какія серальныя интриги, Батумъ турки продали бы намъ гораздо ранѣе за 40 милліоновъ рублей; выходитъ, будто бы за всѣ военныя издержки Россія, сверхъ контрибуціи, которую турки платятъ такъ неаккуратно, получила сорокъ милліоновъ рублей. Но въ состояніи ли насъ вознаградить подобная ничтожная сумма?

Достаточно вспомнить громадныя расходы на мобилизацію нашей арміи и содержаніе ея въ теченіе пяти мѣсяцевъ на Прутѣ, потерпѣ отъ банкротства, убытки отъ задержекъ движенія по желѣзнымъ дорогамъ и отъ прекращенія черноморской и азовской торговли, потерпѣ на курсахъ и отъ необходимости выпускать кредитныя билеты, собственно военныя расходы, денежную помощь сербамъ и черногорцамъ и, наконецъ, убытки отъ грабежей, совершаемыхъ турками на нашемъ кавказскомъ берегу, чтобы, и не очень утруждая себя арифметическими вычислениями, понять, какъ маловажна была уступка Батума. Она не покрывала и сотой части нашихъ потерь и расходовъ.

Пародируя пресловутый отвѣтъ венеціанскихъ пословъ, наши соперники на Востоку давно говорятъ: «мы прежде всего англичане, а затѣмъ христіане»; не было повода, почему это изреченіе русскіе вывернули въ 1878 г. на познаніе къ явной своей невыгодѣ...

¹⁾ Любопытенъ отзывъ о Берлинскомъ конгрессѣ и тактикѣ европейской дипломатіи англійскаго дипломата Лейярда въ разговорѣ съ Скобелевымъ, происходившемъ въ 1878 г. послѣ конгресса. Лейярдъ между прочимъ сказалъ: «Quand les Gaulois ont monté au Capitole les oies ont crié et les Gaulois ont eu peur. Nous avons fait comme les oies et les russes ont eu peur».

Англичане и австро-венгерцы не вышли из своей роли, являясь съ предложеніями, истинная цѣль которыхъ была остановить Россію на полдорогѣ, но мы также не вышли изъ своей, если, послѣ сдѣланнаго прискорбнаго опыта добиться чего-либо при помощи Европы, отказался входить въ какія-либо политическія комбинаціи, искренность которыхъ могла быть заподозрѣва. Времена переѣхались и къ нынѣшнимъ войнамъ уже не могутъ быть приложены пзвѣстные слова Макиавелли, что «ихъ начинаютъ безъ боязни, продолжаютъ безъ опасности и оканчиваютъ безъ убытковъ». Россія обнажила мечъ съ таими цѣлями, что вложить его могла лишь заранѣе увѣренная въ осуществленіи своего первоначальнаго намѣренія хотя въ главнѣйшихъ чертахъ. Къ сожалѣнію, не всѣ раздѣляли такое воззрѣніе, что и привело насъ уступка за уступкою въ Берлинъ на конгрессъ, подъ предсѣдательствомъ того человека, который казался безпристрастнымъ «честнымъ маклеромъ».

Въ Берлинскомъ трактатѣ, важнѣйшемъ для Россіи дипломатическомъ актѣ послѣднихъ сорока лѣтъ, главнѣйшую роль играли графъ Шуваловъ и кн. Горчаковъ. Выяснить ихъ личное, весьма многостороннее участіе въ Восточной войнѣ возможно станетъ лишь по опубликованіи дипломатическихъ документовъ. Но результаты не говорятъ въ ихъ пользу. При своихъ несомнѣнныхъ способностяхъ, Шуваловъ, быть можетъ, былъ бы хорошимъ представителемъ Россіи въ другой странѣ, кромѣ Англіи; но въ Лондонѣ, преклоняясь передъ аристократическими порядками и вынужденный постоянно защищать несимпатичную для него политику на Востокѣ графа Игнатъева, онъ находился въ неловкомъ положеніи. На бѣду, судьба поставила во главѣ англійскихъ дѣлъ человека гениальнаго, хотя и со слабостями—лорда Блэквудъ; послѣдній безъ труда проводилъ Шувалова. Нашъ посолъ и не подозрѣвалъ, напр., о договорѣ англичанъ съ турками, повлекшемъ къ уступкѣ Англіи острова Кипра и протекторату надъ Малою Азіею.

Во все время, отъ начала герцеговинскаго возстанія до объявленія войны, Шуваловъ былъ противъ энергическаго вмѣшательства Россіи въ турецкія дѣла, въ чемъ сходилъ съ кн. Горчаковымъ, который далеко не былъ сторонникомъ рѣшительной политики. Нерѣшительность эта, между тѣмъ, и сдѣлала войну неотложною. Съ другой стороны, проволочка, разоряя насъ въ финансовомъ отношеніи, дала возможность туркамъ отлично вооружиться и укрѣпиться на англійскія деньги. Еще за три недѣли до объявленія войны Шуваловъ подписалъ съ лордомъ Дерби извѣстный протоколъ 19-го марта о согласіи Европы улучшить участь турецкихъ христіанъ.

Когда война была, наконецъ, объявлена, Англія черезъ посредство графа Шувалова добилась важной уступки, что Россія не сдѣлаетъ восточную часть Средиземнаго моря полемъ военныхъ дѣйствій; такимъ образомъ балтійскій флотъ былъ обреченъ на

бездѣйствіе, Константинополь не могъ быть блокированъ, а Египетъ открыто помогаль Турціи. Такого унижительнаго условія англичане не рѣшились предложить Россіи даже въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія.

Но это были цвѣточки передъ тѣмъ, что насъ ждало впередъ. Необыкновенно быстрые успѣхи русской арміи послѣ перехода черезъ Балканы поразили англичанъ. Они сдѣлали всё успія, чтобы остановить наши войска у Константинополя. Австро-Венгрія, хотя и купленная до войны уступкою сербскихъ областей, измѣнила намъ и перешла на сторону противниковъ. Но ни Англія, ни Австро-Венгрія къ войнѣ готовы не были и, несмотря на всё пхъ похвальбы, воевать бы не стали. Вотъ тутъ-то и проявилось вліяніе Шувалова; онъ былъ убѣжденъ и убѣдилъ другихъ, что англичане рѣшились воевать во что бы то ни стало. Пока шли переговоры объ условіяхъ пересмотра Санъ-стефанскаго договора, Англія и Австро-Венгрія дѣйствительно вооружались, а русская армія вымрала отъ тифа у стѣнъ Константинополя.

Берлинскій трактатъ увѣнчалъ дипломатическую дѣятельность Шувалова въ теченіе пяти лѣтъ. Обладавъ большимъ характеромъ, честолюбивый и недоброжелательный, онъ не отказывался нести отвѣтственность за свои поступки и смотрѣлъ, повидному, на свои труды по конгрессу, какъ на заслуживающіе награды; по крайней мѣрѣ, диктуя извѣстныя корреспонденціи въ «Голосъ» изъ Берлина въ 1878 г., онъ включилъ туда фразу, что заслужилъ отъ Россіи памятникъ.

Статьи Берлинскаго договора были заранѣе условлены Шуваловымъ въ Лондонѣ и имъ же привезены въ Петербургъ до конгресса. Достигнутое предварительными переговорами съ Англіею соглашеніе не избавляло, однако, насъ отъ необходимости посчитаться и съ австро-венгерскими притязаніями. Князь Бисмаркъ, защищая роль Германіи на Берлинскомъ конгрессѣ, заявилъ, что онъ самъ изумился содержанію предварительныхъ условій, но смѣшно было, прибавлялъ онъ иронически, отъ него требовать, чтобы онъ сталъ «болѣе русскимъ, чѣмъ сами русскіе». Истина великая!

Роль графа Шувалова на конгрессѣ наша у насъ защитниковъ, но чѣмъ объяснить, наприимѣръ, слова, сказанныя Шуваловымъ передъ конгрессомъ кн. Бисмарку: «Я ѣду въ Петербургъ воевать съ ультра-русскою партіею», или сказанныя имъ во время конгресса депутатамъ Сербіи и Черногоріи (какъ свидѣтельствоваль Ристичъ): «Идите къ графу Андраши, ваше будущее зависить отъ Австріи». Даже «будущее», которое, по общему мнѣнію, въ ружьхъ Божьихъ!

Слишкомъ близкая дружба покойнаго графа къ Дербу и его семейству и противдѣйствіе къ пріѣзду въ Лондонъ графа Игнатъева съ извѣстнымъ протоколомъ, пріѣзду, который могъ бы при-

вести къ замѣнѣ Дерби болѣе серьезнымъ и спокойнымъ (какъ подтвердилъ опытъ) лордомъ Саллсбурп, также останутся угоромъ для Шувалова.

Общій характеръ нашего канцлера князя Горчакова извѣстенъ, онъ влагалъ въ свою дипломатическую дѣятельность много ума и изворотливости, а также упрямства, обладалъ патриотизмомъ, но ему недоставало хладнокровія, которое на войнѣ, какъ и за столомъ конференцій, обезпечиваетъ успѣхъ. Онъ былъ злопамятенъ и мелочно тщеславенъ. Злую, но вѣрную оцѣнку сдѣлалъ ему одинъ бывший сотрудникъ князя, занимавшій выдающійся дипломатическій постъ: «Князь былъ противоположностью того русскаго впазя, который говорилъ: «Бду не свшщу, наѣду не спущу. Горчаковъ громко свпсталъ, но Европѣ спускалъ». Эффектъ фразы онъ считалъ прогода за дѣйствительное впечатлѣнiе. Онъ былъ премплымъ causeur'омъ, а какъ стилистъ гордился классическими познаніями и долго носился съ цитатою пзъ Светонія о различіи между анархіею и свободою, вставленною въ одну пзъ депешъ о польскихъ дѣлахъ.

Горчаковъ ненавидѣлъ Австрію. Ему принадлежитъ знаменитая фраза: «L'Autriche n'est pas un état, ce n'est qu'un gouvernement». Но и въ этой ненависти князю недоставало хладнокровія. Опубликованные теперь документы несомнѣнно доказываютъ, что въ своемъ нерасположеніи къ Австріи Горчаковъ слишкомъ увлекался, отчего преувеличивалъ опасность участія Австріи въ Крымской войнѣ и тѣмъ отвлекъ русскія силы отъ Севастополя.

Пзъ депешъ самого Горчакова видно, что никогда австрійцы ни однимъ словомъ не грозили намъ войною, напротивъ, нашъ посланникъ нѣсколько разъ пугалъ ихъ войною и заставлялъ усиленно вооружаться. Это недоразумѣнiе дорого обошлось Австріи, а для насъ было совершенно пагубно. Горчаковъ оправдывался впоследствии тѣмъ, что гр. Нессельроде—этотъ, по мѣткому опредѣленію одного писателя, «разпительный примѣръ прптягательной силы, существующей между ничтожествомъ и фортуной»—желавшій для Вѣнскихъ конференцій посадить Бруннова, нарочно оставлялъ его безъ пнструцій.

Извѣстный франко-прусскій публицистъ, бывший правитель канцеляріи графа Бейста, Юліанъ Клячко написалъ пѣлую книгу «Les deux chanceliers», чтобы доказать, какую роковую ошибку сдѣлалъ Горчаковъ, помогая въ 1870 году Пруссіи, а не Франціи; такого же мнѣнiя держались и держатся многіе и у насъ въ Россіи. Но если взвѣсить безпристрастно всѣ обстоятельства, то нельзя безусловно обвинить поведеніе Горчакова въ этомъ случаѣ. Россія, оказавъ помощь Франціи въ 1870 г., конечно, повредила бы временно интересамъ Пруссіи, но остановитъ объединеніе Германіи она бы не могла, пбо это объединеніе, на двѣ трети уже готовое, совершилось бы и помимо воли Россіи, съ тою разницею, что, вмѣсто со-

сѣдей, иногда капризныхъ, но въ общемъ мирныхъ, мы имѣли бы тогда смертельныхъ враговъ, что, при политическомъ состояніи нашихъ западныхъ окраинъ, вовсе не было бы угѣшительно. Кто знаекомъ съ исторіей, кому извѣстно, какія нестерпимыя мучительства Германія вынесла отъ Франціи въ царствованія Людовиковъ XIII, XIV, XV, во времена республики и Наполеона I, тотъ пойметъ, что нѣмцы должны были, наконецъ, догадаться, что не могутъ оставаться вѣчно раздѣленными. Кто знаетъ эту исторію, тотъ, безъ сомнѣнія, не будетъ задаваться ложнымъ сантиментализмомъ и въ поведеніи Германіи по отношенію къ Франціи увидитъ лишь естественный законъ возмездія.

Горчаковъ, впрочемъ, скоро увидѣлъ опасность для Россіи и европейскаго равновѣсія отъ ослабленія Франціи, и въ 1875 г., благодаря личному вмѣшательству покойнаго государя, Германія отказалась отъ намѣренія напасть на беззащитную Францію и разорить ее въ конецъ. Недовольные нѣмцы съ этого-то момента и стали снова оказывать Австро-Венгрии предпочтеніе передъ Россіей и обманули наши ожиданія на конгрессѣ. Бисмаркъ увѣрялъ впрочемъ, что событіе 1875 г. существовало только въ старческомъ воображеніи Горчакова.

Поведеніе канцлера во время Сербской войны, хотя и нерѣшительное въ общемъ, влекло къ той же цѣли, къ которой стремились и помыслы всей просвѣщенной Россіи. Въ вопросѣ о добровольцахъ въ Сербіи наша дипломатія сбросила даже съ себя рутину, хотя поведеніе Россіи въ этомъ случаѣ напоминало только поведеніе Англіи въ 1836 г. по отношенію къ междоусобной войнѣ въ Испаніи. Въ защитѣ Сербіи, какъ ранѣе въ вопросѣ объ отказѣ отъ Парижскаго трактата, Горчаковъ былъ даже смѣлѣе и рѣшительнѣе тогдашняго военнаго министра.

За то въ теченіе Восточной войны непосредственная роль князя Горчакова была весьма скромная. Проживая въ Бухарестѣ, онъ оставался какъ бы зрителемъ двухъ противоположныхъ теченій нашей дипломатіи: одного, которое имѣло въ виду русскіе интересы quand même, другого, желавшаго поставить нашу дипломатію въ связь съ «европейскимъ концертомъ», т.-е. въ хвостъ англійскаго министерства. Первое теченіе взяло верхъ въ Санъ-стефанскомъ договорѣ, но второе побѣдило въ концѣ концовъ на Берлинскомъ конгрессѣ.

Здѣсь-то въ послѣдній разъ могло проявляться дипломатическое искусство Горчакова, но престарѣлый канцлеръ совершенно постарчески выражалъ свое участіе, а именно заболѣвалъ всякій разъ, когда на очереди стоялъ щекотливый вопросъ для нашего національнаго достоинства, по которому приходилось дѣлать уступки. Благодаря этому дипломатическому приему, подпись князя Горчакова отсутствуетъ на протоколахъ наиболѣе обидныхъ для насъ засѣданій конгресса, хотя и стоитъ на самомъ трактатѣ. Канцлеръ

забылъ совѣтъ одного знаменитаго министра, что государственный человѣкъ долженъ имѣть здравый разумокъ; а когда онъ имѣеть счастье обладать таковымъ, то необходимо второе качество—имѣть храбрость показывать, что его имѣешь. Его «умываніе рукъ» возбуждало только сарказмы лорда Биконсфильда, хотя на время обѣдло князя Горчакова въ русскомъ общественномъ мнѣніи, а объ общественномъ мнѣніи Горчаковъ очень заботился. «Замѣчательно пишетъ Семевскій, что когда старый канцлеръ начиналъ говорить о берлинскомъ трактатѣ, онъ просто ожесточался противъ своихъ сочленовъ по конгрессу вообще и противъ русскаго въ особенности; на этого послѣдняго канцлеръ валилъ всю вину. «Онъ (т. е. графъ Шуваловъ) испортилъ въ четыре недѣли всю мою службу Россіи!» «Но, конечно, прибавляетъ покойный издатель «Русской Старины», князь былъ самъ виноватъ во многомъ, а въ особенности въ томъ, что чуть не со слезами напрасился непременно захватить представителемъ Россіи и съ простодушіемъ старца, себя пережившаго, думалъ, что Бисмаркъ не болѣе какъ его воспитанникъ! За это самообольщеніе и довелось дорого поплатиться». Князь разошелся, впрочемъ, съ княземъ Бисмаркомъ, такъ высоко имъ до того цѣнимымъ, утверждая, что «честный маклеръ» игралъ на конгрессѣ двуличную роль.

Возражая на это, Бисмаркъ въ своихъ запискахъ увѣряеть, что князь Горчаковъ, «какъ дама отъ своего обожателя, ожидалъ, что германскій кавалеръ угадаетъ и постарается осуществить всѣ его желанія безъ всякихъ объясненій съ его стороны». Бисмаркъ сообщаетъ о шифрованныхъ депешахъ, которыми онъ обмѣнялся съ генераломъ Вердеромъ, находившимся осенью 1876 г. въ Ливадіи. Изъ-за Турецкой войны угрожало столкновение съ Австро-Венгріей, и нашему правительству нужно было знать, останется ли Германия нейтральной. Недостаточно предупредительный отвѣтъ Бисмарка на запросъ изъ Ливадіи и повелѣ къ ближайшему соглашенію съ Австро-Венгріей и конвенціи 15-го января 1877 г., по которой мы обезпечили себѣ во время Турецкой войны нейтралитетъ дунайской монархіи. Эта конвенція, а не Берлинскій конгрессъ, составляетъ до сихъ поръ основаніе австрійской оккупациіи Босніи и Герцеговины.

На Берлинскомъ конгрессѣ Бисмаркъ не обѣщаль быть нашимъ представителемъ: его просили созвать конгрессъ и оказать услугу дѣлу мира, что онъ исполнилъ, «продолжая питать довѣріе и дружескія чувства къ Россіи, несмотря на то, что отъ Германіи пытались скрыть договоръ въ Рейхштадтѣ». На конгрессѣ германское правительство во всѣхъ случаяхъ, когда это не шло въ разрѣзъ съ его собственными интересами, становилось на сторону Россіи, но вмѣсто благодарности получило выраженіе неудовольствія. *Notre amitié est trop platonique*,—сказала покойная императрица одному изъ нѣмецкихъ дипломатовъ. Но если на конгрессѣ и сдѣланы

ошибки.—отвѣчаетъ Бисмаркъ,—то онѣ падаютъ на князя Горчакова и его сотрудниковъ, но не на «честнаго маклера». До известной степени,—прибавляетъ онъ,—дружба одного кабинета къ другому всегда останется платонической: ни одна великая держава не можетъ отдать себя на службу другой. она всегда должна помнить о своихъ отношеніяхъ къ остальнымъ и стараться не создать себѣ принципиальныхъ враговъ. «Можетъ быть,—прибавляетъ канцлеръ,—русскіе архивы когда-нибудь обнаружатъ, что въ легендѣ о роли нѣмцевъ на Берлинскомъ конгрессѣ заключалась разсчитанная неискренность»...

Конгрессъ еще только началъ свои занятія, а Россія уже вынуждалась дѣлать уступки, и даже непредвидѣнныя въ русско-англійскомъ соглашеніи. Такимъ образомъ въ нѣсколько часовъ разговора унчтожалось великое дѣло, на которое Россія и славянскія государства употребили три года и ради коего, забывая нерѣдко о своихъ внутреннихъ, часто безотлагательныхъ, нуждахъ, сдѣлали громадныя затраты.

Неволью являлось сомнѣніе въ возможности ожидать чего либо отъ конгресса и представлялся вопросъ, не слѣдовало ли выбраться изъ этого «европейскаго ареопага», какъ прозвали конгрессъ, не зная, очевидно, того, что ареопагъ былъ судъ, а сажать Россію на скамью подсудимыхъ было не за что.

Желаніе получить одобреніе отъ Европы за производимые на Востоке перевороты было всегда величайшей ошибкой нашей дипломатіи. На чемъ основывалось подобное желаніе во время послѣдней войны? Люди, вовсе не особенно проинпцательные, но знакомые сколько нибудь съ настроеніемъ общественнаго мнѣнія на Западѣ, заранѣе предсказывали невозможность добиться подобной санкціи. Не говоря уже о буржуазномъ настроеніи массы средняго сословія въ Европѣ, какъ огня боящагося какихъ-либо переворотовъ, послѣдствіямъ которыхъ бывають хотя временныя экономическія потери, даже рабочее сословіе, выступающее теперь какъ огромная политическая сила, но могло оказать намъ содѣйствія. При его маломъ развитіи и подѣ влияніемъ социалпстовъ Россія кажется ему до сихъ поръ гораздо болѣе опасною для прогресса, нежели Турція.

Разсчитывать на высшіе правительственныя классы, на интеллигенцію мы также не имѣли никакого права. Еще въ прошломъ столѣтіи правительства Европы съ завистью смотрѣли на успѣхи русскаго оружія, и не было войны съ Турціей, гдѣ бы европейскія державы, а особенно Англія, Австрія и Франція, которыя тогда однѣ и имѣли значеніе, не старались насъ обрѣзать и провести при окончательномъ результатѣ.

О новѣйшемъ времени я и не говорю. Какіе результаты Россія извлекла изъ войны 1828—29 года, кромѣ вреднаго само мнѣнія о превосходствѣ своей военной организаціи, которая тогда

уже оказалась весьма неудовлетворительною. Г. Мартенсъ весьма ярко описывает панпугу въ Берлинѣ, когда, въ 1829 г., русская армія, перейдя Балканы, двинулась къ Адрианополю. Ансельонъ, управлявшій министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, сказалъ нашему посланнику графу Алоуеусу, что «взятіе турецкой столицы вызоветъ самыя ужасныя послѣдствія». А Крымская война. Я помню, что когда умеръ въ изгнаніи Наполеонъ III, то каждый старался лягнуть его, возлагая на покойнаго многія такія провинности, за которыя онъ былъ отвѣтственъ лишь косвенно. И что же, тогда вліятельные органы печати, какъ «Revue des deux mondes» — вѣчно находившіяся въ оппозиціи съ имперіей — заявляли, что Наполеонъ III, при всѣхъ недостаткахъ, сдѣлалъ одно великое дѣло. Это великое дѣло — Крымская война!

«Journal des Economistes», скромнѣйшій ученый органъ, котораго никакъ уже нельзя заподозрить въ подкупъ турецкимъ правительствомъ, устами своего редактора, сенатора Гарнье, назвалъ войну 1877 года «позорнымъ проявленіемъ русскаго варварства». Чего же было ожидать отъ публицистовъ, стоявшихъ на менѣ нейтральной почвѣ? А печать отражала европейское общественное мнѣніе и слишкомъ наивно было убаюкивать себя оффиціозными статьями и эксцентрическими выходками двухъ, трехъ членовъ британскаго парламента. Да и какія сдѣлала Европа заявленія въ пользу великодушной политики? Не она ли вѣками не только не помогала итальянцамъ освободиться отъ ихъ тирановъ, но еще ковала Италиі новыя цѣпи. Не Франція ли только въ 1870 году, по необходимости, убрала своихъ солдатъ изъ Рима. А сочувствіе Европы къ дѣлу южанъ, а равнодушіе къ раздробленію и уничтоженію Даниі? Все это факты, которые должна была имѣть въ виду наша дипломатія.

Поэтому добиваться какой-то монтионовской преміи отъ Европы за великодушіе было равносильно желанію зачерпнуть воду рѣшетомъ. Не только ни о какомъ сочувствіи не должно было подымать рѣчи, но плменно слѣдовало пользоваться тѣмъ, что «Европа» есть фикція и нужно, какъ показали блистательно опыты владычества Наполеона I надъ Европою, очень долгое время, чтобы она предприняла что нибудь сообща.

Вся цѣль нашей политики послѣ пораженія Турціи должна была состоять въ томъ, чтобы стать въ такое положеніе, изъ котораго другія державы не могли бы насъ выбить иначе, какъ войной¹⁾. Объявить же послѣднюю вовсе не было такъ просто.

¹⁾ Если занять самый Константинополь для насъ не представлялось необходимою, то безусловно важно было занять стратегическіе пункты бофорскаго полуострова: Българскій Лѣсъ и Даудъ-Пашу, а также принять мѣры, чтобы турецкія войска не сосредоточивались и передъ нами не воздвигались новыя укрѣпленія. Обстоятельства сложились иначе: русская армія расположилась, въ виду англійской эскадры, въ нездоровомъ по своему климату С.-Стефано, а турки, оправившись, приняли угрожающее положеніе. Кто былъ истинный виновникъ ошибокъ, сдѣланныхъ нами въ это время, хорошо разъяснено въ статьѣ: «Les russes devant Constantinople» въ «Revue de Paris» 1897 г.

Если Европа въ началѣ 1877 года позволила Россіи идти на Турцію, не подозрѣвая еще Плевны и Саганлугскаго похода, то естественно, что она, хотя и противъ сердца, проглотила бы результаты этой войны. Во всякомъ случаѣ, заключи мы въ январѣ съ Турціей не прелиминарный, а окончательный миръ, какъ хотѣлъ гр. Игнатьевъ, думая обойти этимъ обѣщанія, сдѣланныя Австро-Венгріи, положеніе европейскихъ державъ было бы крайне затруднительное. Коалицію составить въ рѣшительный моментъ не такъ-то легко, а противъ каждаго государства, рѣшившагося дѣйствовать врозь, Россія была бы спльнѣе, потому что имѣла армію уже мобилизованную и одушевленную блестящею побѣдою надъ врагомъ.

Что же мы сдѣлали въ это время? Мы начали вести переговоры. Но англичане на наше искреннее желаніе покончить дѣло мирно — отвѣчали грубостями и приступили къ мобилизаціи, которой мы противопоставляемъ покупку трехъ, четырехъ почтовыхъ судовъ въ Германіи и Америкѣ! Съ Англіей заодно поднялась Австро-Венгрія.

Въ этотъ періодъ не было недостатка въ совѣтахъ дѣйствовать энергически, махнуть на все рукою и занять сплю проливы. Подобный планъ встрѣчалъ затрудненія; поэтому принятый выжидательный методъ не можетъ быть безусловно порицаемъ. Если уже разъ мы сдѣлали ошибку, признавъ, уступая Англии и Австро-Венгріи, миръ прелиминарнымъ, то не слѣдовало казаться пойманнымъ въ ловушку и дать залогъ того, что Россія не желаетъ непременно драться ради только удовольствія вести войну. Дипломатія могла принести тутъ пользу и намъ слѣдовало, не теряя времени и не затягивая переговоровъ, спросить наиболѣе заинтересованныя державы (а ихъ всего было двѣ) порознь и затѣмъ поступать, какъ оказалось бы выгоднѣе въ стратегическомъ отношеніи.

Взамѣнъ этого, мы провели полгода времени въ переговорахъ; нѣкоторые наши органы печати даже желали убѣдить Биконсфильда, что это онъ намъ далъ порученіе уничтожить Турцію. Мало того, когда наши увѣщанія остались безъ должнаго эффекта, мы согласились пригласить уже не одну Англию или Австро-Венгрію, но и всю Европу на конгрессъ...

Конгрессъ же, какъ я сказалъ, заранѣе ставилъ Россію въ крайне неловкое положеніе. Возьмемъ, напримѣръ, Францію: по ея историческимъ традиціямъ, по интересамъ ея многочисленныхъ капиталистовъ, Франція не могла быть довольна новымъ порядкомъ вещей на Восокѣ, но, проученная въ 1870—71 году, Франція была осторожна въ своей политикѣ и трудно было ожидать отъ нея какого-либо серьезнаго противодѣйствія. Разъ же ее призывали на конгрессъ, разъ ея уполномоченный заявлялъ тѣ или другія требованія, народная честь и достоинство требо-

вали уже готовности поддержать эти требования. Таким образом из чисто пассивной роли Франция переходила в активную — и в ущерб намъ.

Въ томъ же положеніи находилась Италия. Какъ ни нуждалась она въ Германіи, но эта завѣсность не мѣшала ей помнить свои интересы на Востокѣ, которые сходны съ французскими и ничего общаго съ нашими не имѣли. Даже Германія, не желая на конгрессѣ заявлять себя нашимъ союзникомъ и считая, что она уже достаточно облагодѣтельствовала насъ лондонскимъ соглашеніемъ 1871 г., возстановившимъ черноморскій флотъ, должна была занять положеніе вовсе для насъ не особенно выгодное.

Въ чемъ же была прибыль для Россіи отъ конгресса? Дипломатія обязана была знать заранее, что такое конгрессъ. Изъ пяти конгрессовъ, бывшихъ въ этомъ столѣтіи, два — Вѣнскій и Парижскій, созданные только утвердить существующіе факты, хотя и не создали ничего долговѣчнаго, все-таки достигли извѣстныхъ цѣлей; наоборотъ, конгрессы Веронскій, Тропаускій, Лайбахскій съ темными и неясными программами, имѣвшіе въ виду не прошедшее, а будущее, ровно ни къ чему не привели. Даже во время Крымской войны, когда поражение Россіи сдѣлалось очевиднымъ, Парижскій конгрессъ состоялся очень легко, но къ чему привела примирительная Вѣнская конференція, тянувшаяся всю зиму 1853—1854 года и окончившаяся для насъ полнымъ фіаско, выразившимся въ присоединеніи Австріи къ нашимъ врагамъ.

Все это историческіе факты, противъ которыхъ нельзя спорить серьезно. Соображая ихъ, поневолѣ задаешься вопросомъ, чего мы могли ожидать отъ конгресса, который сразу становился сплюсшей поперекъ цѣлей и стремленій Россіи? А это могло быть предвѣдно.

Даже такіе хладнокровные люди, какъ нашъ главнокомандующій гр. Тотлебенъ, не скрывали своего неудовольствія и раздраженія противъ рѣшеній Берлинскаго конгресса. Очень любопытенъ отзывъ Тотлебена о дипломатахъ конгресса въ перепискѣ, приложенной ко второму тому его біографіи г. Шпльдера (письмо изъ Адрианополя, отъ 22-го сентября 1878 г.). Въ своей всеподданнѣйшей запискѣ о конгрессѣ Горчаковъ написалъ: «Берлинскій трактатъ есть самая черная страница въ моей служебной карьерѣ». Александръ II подписалъ къ этимъ строкамъ собственноручно: «и въ моей также». «Несомнѣнно, говоритъ г. Бобриковъ, нашъ военный уполномоченный на конгрессѣ, что въ Берлинѣ мы были вообще уступчивы. Чтобы скорѣе выйти изъ напряженнаго состоянія и избѣжать возможности новыхъ международныхъ осложненій, мы, быть можетъ, слишкомъ легко шли на уступки, не прозрѣвая въ намѣреніяхъ соперничающихъ державъ, дѣйствительно ли стояла за ихъ требованіемъ рѣшимость войны, или то была ловко замаскированная пустая угроза. Такому положенію, конечно, много содѣйствовала

полная изолпрованность, съ которою мы явились на Берлинскомъ конгрессѣ, какъ будто бы послѣдній былъ для насъ совершенною неожиданностью и не могъ быть нами предвидѣнъ». И въ литературѣ междунагоднаго права, несмотря вообще на ненависть иностранныхъ писателей къ Россіи, Берлинскій конгрессъ считается возвращеніемъ къ порядкамъ, существовавшимъ въ дипломатіи полвѣка назадъ.

Послѣ конгресса, возвращаясь въ октябрѣ 1878 г. въ Лондонъ, графъ Шуваловъ посѣтилъ разные дворы для новыхъ увѣреній въ миролюбивомъ настроеніи Россіи! Такъ какъ Берлинскій трактатъ вызвалъ общее негодованіе въ Россіи, то нѣмцы, загрывавшіе уже съ австрійцами, стали опасаться рано или поздно возмездія за ихъ двуличное поведеніе на конгрессѣ и поторопились заключить въ 1879 г. тайный союзъ съ Австро-Венгеріею противъ Россіи. Извѣстіе объ этомъ союзѣ было встрѣчено очень дурно въ С.-Петербурѣ, и на Шувалова, косвеннаго виновника этого опаснаго для Россіи соглашенія, была возложена нелестная миссія съѣздить въ Варшаву къ Бисмарку и въ Вѣну.

Дипломатія дѣйствительно на Берлинскомъ конгрессѣ не отличалась. Австро-Венгерія пришлось завоевывать Боснію и Герцеговину, Черногорія и Греція не безъ успій и кровопролитія заняли отданные ей участки, противуестественный раздѣлъ Болгаріи и Румелии привелъ къ войнѣ между Сербіею и Болгарскимъ княжествомъ и къ болгарской революціи. На отвѣтственности конгресса лежатъ и массовыя убійства армянъ, и критское возстаніе, и война грековъ съ турками 1897 г. За двадцать лѣтъ этотъ мирный конгрессъ вызвалъ не меньше кровопролитія, чѣмъ война 1877 между Россіею и Турціею.

Изучая событія, послѣдовавшія за войною, Габріель Шарль пришелъ въ своей книгѣ о положеніи Востока послѣ войны также къ заключенію, раздѣляемому, по его словамъ, не только выдающимися государственными людьми Турціи, но и султаномъ Абдуль-Гамидомъ, что для турокъ было гораздо выгоднѣе принять безпрекословно санъ-стефанскій договоръ, нежели воспользоваться «благамъ» Берлинскаго трактата. Единственно, что выиграла Турція отъ пересмотра Санъ-стефанскаго договора, это нѣсколько большее географическое единство въ своихъ европейскихъ владѣніяхъ, затѣмъ во всѣхъ отношеніяхъ Турція только проиграла отъ излишней заботливости своихъ западно-европейскихъ нянекъ.

Къ чему, напримѣръ, послужило раздѣленіе Болгаріи на двѣ части? Каждый разъ, когда Турція заводила рѣчь о посылкѣ войскъ на Балканы и укрѣпленіи тамъ своей границы, она встрѣчала отказъ; такимъ образомъ Восточная Румелия нисколько не охраняла Константинополя. Единная Болгарія могла бы при извѣстныхъ дипломатическихъ комбинаціяхъ стать въ независимое положеніе отъ Россіи, какъ стала, напримѣръ, Румынія; въ нынѣшнемъ же своемъ

состояніи Болгаріи только лишній козырь въ рукахъ Россіи. Какъ до Берлинскаго трактата, такъ и послѣ него Балканы остались за русскими и послѣдніе могутъ когда угодно дойти до святой Софіи. Но по крайней мѣрѣ до Берлинскаго трактата Турція вынуждена была считаться съ одной Россіей, съ тѣхъ поръ у нея явился другой не менѣе сильный противникъ—Австро-Венгрія.

Салонки и Константинополь одинаково въ опасности, или, вѣрнѣе, опасность потерять ихъ удвоилась, ибо и Россія, и Австро-Венгрія идутъ къ одной и той же цѣли. Турція не можетъ надѣяться даже, что соперничество двухъ великихъ державъ нейтрализуетъ ихъ силы въ ея пользу, потому что послѣ того уже, какъ она отдала часть Арменіи Россіи, Боснію и Герцеговину—Австро-Венгріи и Кипръ—Англіи, Европа вынудила у нея уступки новой территоріи Черногоріи и двухъ великолѣпныхъ провинцій королевству Греческому. Какъ ни былъ тяжелъ для Турціи Салъ-стефанскій договоръ, онъ не возлагалъ на нее унижительнаго обязательства удовлетворить честолюбію даже грековъ, — народа, который мусульмане презираютъ и ненавидятъ болѣе всѣхъ другихъ своихъ бывшихъ христіанскихъ подданныхъ.

Но и эти уступки были не послѣднія. Пока книга Шарма печаталась, Франція окончательно отняла у Турціи протекторатъ надъ Тунисомъ, а Англія безъ церемоній вытѣснила турецкое владычество изъ Египта и обратила послѣдній почти въ англійскую колонію. Параллельно съ этимъ Англія вела интриги для возбужденія автономнаго движенія въ другихъ арабскихъ областяхъ. Стоило ли для подобныхъ результатовъ, намѣчающихся уже въ близкомъ будущемъ распаденіе Турціи, унижаться передъ Европою, изощрять себя въ дипломатическихъ хитростяхъ и разорять страну, удерживая нѣсколько лѣтъ подрядъ подъ ружьемъ огромную армію, совершенно несоотвѣтствующую средствамъ населенія.

Впрочемъ, окончательное заключеніе, къ которому приходитъ Шармъ, состоитъ въ томъ, что при какихъ угодно измѣненіяхъ во власти султана, даже при возобновленіи въ Константинополѣ конституціонной комедіи, Турція непремѣнно погібнетъ; весь вопросъ только въ срокъ ея существованія. Шармъ жалѣетъ объ этой гибели ради спокойствія Европы, онъ повторяетъ слова Тьера, что «трупъ Турціи будетъ заражать Европу пятьдесятъ лѣтъ подрядъ», но все-таки нигде онъ не видитъ для Турціи спасенія.

Турція, какъ государственный организмъ, возродиться не можетъ. Она останется до смерти тѣмъ, что она есть. Ея достоинства не менѣе другихъ причинъ влекутъ ее къ гибели. Часто хвалятъ, и не безъ основанія, удивительное самопожертвованіе, спокойную храбрость и добродушіе турецкаго населенія, но эти-то добродѣтели и погубятъ Турцію. Какъ возможно улучшить такое дурное правительство, какъ турецкое, когда населеніе выноситъ его не волнуясь, не протестуя, даже не жалуясь громко? Де Вогюэ

вѣрно замѣтили, что вся исторія Турціи заключается въ слѣдующей аксіомѣ: «Турка, неспособный для управленія, умпраетъ во время мира и воскресаетъ войною. Только на поляхъ сраженія онъ находитъ свои врожденные качества, причины своего господства надъ райей, которую онъ не способенъ управлять».

Давно повторяютъ, что каждый народъ имѣетъ то правитель-ство, которое онъ заслуживаетъ. «Это, конечно, истина, замѣчаетъ, Шарль, не требующая оговорокъ, ибо недостатокъ правительства зависятъ нерѣдко отъ слишкомъ покладливаго характера подданныхъ. Когда управляющіе не боятся вовсе управляемыхъ, когда первые знаютъ, что могутъ все себѣ позволить, не опасаясь, что отъ нихъ потребуютъ отчета, то естественно не соблюдаютъ никакой мѣры и дозволяютъ себѣ неслыханныя злоупотребленія». Турція служитъ лучшимъ доказательствомъ этого положенія, а въ особенности Турція послѣ Восточной войны. Если бы турки во внутренней жизни проявили хотя немного той храбрости, которую они выказали на полѣ сраженія, то не позволили бы тѣмъ, кто эксплуатируетъ ихъ, подъ видомъ управленія, влечь ихъ въ бездну. Къ сожалѣнію, ничто не въ силахъ поборотъ инерціи турокъ во внутреннихъ дѣлахъ и только извнѣ найдутъ они для себя или спасеніе, или ужъ окончательную гибель.

Что такое Турція въ настоящее время? Если нельзя назвать государственный организмъ ея мертвымъ, то нельзя и не видѣть, что даже друзья и панегиристы Турціи начинаютъ сомнѣваться въ возможности обновить, при настоящихъ условіяхъ, ея дряхлое политическое тѣло. Одна безпристрастная газета, посмѣявшись надъ тѣмъ, что «неизлечимо больной» пережилъ большую часть своихъ услужливыхъ врачей, говоритъ, однако, что Турецкая имперія въ своемъ подражаніи Европѣ напоминаетъ дѣтей разбогатѣвшихъ лавочниковъ, которые безумную трату денегъ и займы считаютъ признакомъ хорошаго тона.

Недавно еще Европа имѣла случай убѣдиться, какъ неволью охладѣваетъ это сочувствіе даже у такихъ государствъ, которыя десяти лѣтъ ставили себѣ задачей поддерживать во что бы то ни стало status quo Оттоманской монархіи. Вѣнскій кабинетъ въ настоящемъ столѣтіи былъ злѣйшимъ врагомъ эмансипаціи народностей, живущихъ въ Турціи, и не только не уступалъ, но иногда, напримѣръ въ вопросѣ объ освобожденіи грековъ, превосходилъ Англію консервативностью своей политики въ Восточномъ вопросѣ. «Господи, кто избавитъ меня отъ турокъ и грековъ», говорилъ Меттернихъ. Но какъ только конституціонныя реформы послѣднихъ 35-ти лѣтъ позволили славянскому населенію самой Австріи поднять хотя слабый голосъ, мы видимъ, что дипломаты ея, даже съ мадьярскимъ графомъ Андраши во главѣ, являлись защитниками угнетенной сербской національности.

Франція давно уже охладѣла въ своихъ туркофильскихъ стрем-

леніяхъ, а наме поколѣніе стало свидѣтелемъ такого же охлажденія и со стороны Англіи, вліяніе которой въ Стамбулѣ замѣтно ослабло съ 1894 г. вслѣдствіе небезкорыстнаго заступничества за армяно.

Дѣйствительно, съ какою бы точки зрѣнія ни смотрѣть на Турцію, вездѣ видны тѣ же признаки разложенія и упадка, которые я описалъ выше, говоря о положеніи Турціи до войны. Политическія окривны и вассальныя земли султана или отпали, или упрочили свою независимость; въ національномъ отношеніи турецкая раса вырождается и быстро уменьшается въ числѣ, а развивающіяся расы, славянская и эллинская, готовы возобновить ту страшную борьбу, которая разрушила нѣкогда Византійскую имперію. Въ религіозномъ отношеніи на Балканскомъ полуостровѣ представляется огромный расколъ церквей, проклинающихъ одна другую. Нѣсколько не утѣшительнѣе и другія стороны народной жизни. Центральная администрація сдѣлалась азартною игрой придворныхъ кружковъ; недавно, напримѣръ, всѣмъ воровалъ секретарь султана, арабъ Пзеть-бей. Въ Турціи по прежнему два правительства. Одно явное — Блестательная Порта, великій визирь и министры, другое тайное: сераль, камергеры, секретари султана и пр. Если одно худо, другое отвратительно; стоятъ Портѣ задумать что-либо, чтобы придворная камарилья ей помѣшала. Мѣстные власти живутъ на счетъ народа, выжимая послѣдніе соки; земледѣліе разорено; промышленность погибла уже очень давно; торговля рѣшительно въ застоѣ, города въ развалинахъ; порты засоряются; налоги растутъ и растутъ, а всѣ улучшения остаются мертвою буквою на бумагѣ. Нѣсколько новыхъ линій желѣзныхъ дорогъ, обогатившія барона Гирша и нѣсколько нѣмецкихъ его сородичей, принесутъ, конечно, свою пользу, но не въ сплахъ будутъ останавливать общаго упадка.

По заключеніи мира Турція не могла и думать существовать самостоятельно. Она не могла опираться на Англію, обманувшую ее и отнявшую Египтъ и Турнію, ни на Францію, отнявшую Турнію и вынудившую Порту отдать значительную территорію Греціи, ни на Австро-Венгрію, поощрявшую въ 1877 г. къ сопротивленію Россіи и затѣмъ отнявшую Боснію и Герцеговину, ни на Италію, отнявшую Массову и жадно поглядывающую, что бы ей еще взять. О покровительствѣ Россіи, вслѣдъ за войною, Турціи также нельзя было думать. Россія послѣ войны такъ увлеклась устройствомъ новой Болгаріи, такъ вошла въ свою роль защитницы правъ и стремленій Болгаріи противъ и въ ущербъ туркамъ, что послѣднимъ немисливо было предлагать намъ принять на себя покровительство Оттоманской имперіи. Съ 1880 по 1890 гг. русское вліяніе поэтому въ Турціи было невелико. Англія и тройственный союзъ царил тамъ. Лучшія мѣста въ турецкой администраціи занимали тогда албанцы и армяне.

Султанъ отправилъ къ императору германскому чрезвычайнаго

посла Али-Низама-пашу съ просьбою о покровительствѣ и союзѣ. Въ то время политическое могущество Германіи достигло своего апогея. Россія, ослабленная продолжительною войною, не могла помышлять о самостоятельности. Послѣ нѣкоторыхъ промедленій, между императорами русскимъ и германскимъ состоялось свиданіе въ Данцигѣ, а нѣсколько лѣтъ спустя въ Скерневицахъ между тремя имперіями установилось пзвѣстное соглашеніе. Сближаясь съ Портою, князь Бисмаркъ не считалъ однако возможнымъ придать этому сближенію характеръ союза. Нѣмцы согласились быть покровителями Турціи, но не приняли на себя никакихъ обязательствъ относительно обезпеченія ея территоріи. Покровительство было сначала академическое, но турки были рады по этому, рады, что нашелся въ Европѣ могущественный народъ, который не пренебрегалъ завязать съ ними дружескія сношенія послѣ грандіозныхъ погромовъ и бѣдствій, а главное ничего за это взыскать не требовалъ. Соображеніе щадить самолюбіе Россіи не помѣшало къ тому же Германіи послать въ Турцію офицеровъ-инструкторовъ и чиновниковъ-финансистовъ. Военнымъ предстояло реорганизовать турецкую армію и укрѣпить Босфоръ; финансисты, устраивая турецкіе финансы¹⁾, должны были содѣйствовать экономическому вытѣсненію Англии и Франціи и завладѣнію турецкимъ рынкомъ продуктами германскаго производства.

Опираясь на Германію, турки, конечно, стали позаносчивѣе. Послѣ заявленія Бисмарка, что «Болгарія не стоитъ костей одного померанскаго гренадера», они не обращали никакого вниманія на протесты наши касательно Болгаріи, хотя если бы въ Софіи получилось пзвѣстіе, что турецкая армія перешагнетъ румелийскую границу для водворенія порядка въ Болгаріи и что эта армія пришла въ движеніе для исполненія воли Русскаго Царя, то всѣ Стамбуловы и вся его шайка палочниковъ разобѣжалась бы навѣрное, какъ стая воронъ послѣ ружейнаго выстрѣла.

Затѣмъ нашей дипломатіи пришлось испытать цѣлый рядъ неприятностей. Ежегодно, напр., изъ Одессы отправлялся пароходъ Добровольнаго флота на Сахалинъ, или, какъ называютъ его каторжные, Соколинный островъ, съ транспортомъ новыхъ ссыльныхъ и грузомъ тюремнаго вѣдомства. Такъ какъ при каторжныхъ слѣдовала военная команда, то пароходъ несъ въ теченіе рейса не коммерческій, а военный флагъ. Военныя суда черезъ Босфоръ безъ согласія турецкаго правительства проходить не могутъ, поэтому и для посылки крейсера Добровольнаго флота «Нижній-Нов-

¹⁾ Въ этомъ отношеніи вліяніе ихъ проявилось. Изъ 116.135,063 турецкихъ лиръ государственнаго утвержденаго долга было въ 14 лѣтъ погашено 12.267.767 лиръ, правительство стало платить 1 процентъ интересовъ и средняя цѣна турецкихъ фондовъ съ 26% въ 1883 г. поднялась до 47% въ 1895 г. Отчетъ управленія турецкимъ долгомъ за 1898—99 г. свидѣтельствуетъ о продолжающемся финансовомъ улучшеніи.

городъ съ каторжными испрашивалось согласіе турецкаго правительства. Турки, однако, объявили, что даютъ его «въ послѣдній разъ».

Подобная оговорка могла стѣснить правительство въ его стремленіяхъ колонизировать Сахалинъ. Перевозка массы людей моремъ черезъ тропики и безъ того дѣло не легкое; оно стало бы еще затруднительнѣе, если пароходы съ сыльно-каторжными пришлось посылать на Сахалинъ не изъ Одессы, а изъ Ревеля, отчего пребываніе въ морѣ удлиняется по меньшей мѣрѣ на двадцать дней. Пришлось посылать суда подъ коммерческимъ флагомъ.

Вопросъ о турецкой контрибуціи также принималъ подчасъ острый характеръ. Извѣстно, что турецкое правительство думало вовсе избавиться отъ контрибуціи, поставивъ наше требованіе послѣ всѣхъ другихъ своихъ долговыхъ обязательствъ. Четырехлѣтніе переговоры и командировка г. Тернера привели къ тому, что мы отказались отъ процентовъ по контрибуціи и согласились довольствоваться только ничтожною суммою ея погашенія. На этомъ, однако, дѣло не остановилось. Подъ предлогомъ англо-египетской войны Турція погашенія не платила, но обязалась внести къ началу будущаго года сумму, слѣдовавшую за 1883 г. Тутъ произошло новое «маленькое» недоразумѣніе. Порта полагала начать уплату съ начала турецкаго финансоваго года, т. е. съ 1-го марта, русскій же посоль желалъ уплаты съ 1-го января 1883 г. Послѣ обмѣна мыслей по этому поводу, стороны согласились обратиться за разъясненіями къ директору Оттоманскаго банка, Форстеру, который, какъ англичанинъ, понятно, принялъ сторону турокъ и заявилъ, что турецкому правительству легче начать уплату военной контрибуціи съ 1-го марта! Такой аргументъ показался г. Неллидову убѣдительнымъ; еще «легче» для турецкаго правительства было бы вовсе не платить контрибуціи, на что оно повидимому и рассчитывало, зная нашу любезность, называемую для приличія великодушіемъ.

Дѣло, само собою разумѣется, не въ двухъ мѣсяцахъ отстрочки. Въ нашихъ казначействахъ всегда имѣется двѣсти, триста милліоновъ рублей наличныхъ и 2½ турецкихъ милліона позже уплаченныхъ не ввели бы министерство финансовъ въ затрудненіе; важенъ тутъ принципъ. А именно — нашей дипломатіи необходимо выказывать твердость при всякомъ случаѣ. Извѣстно, что каждый разъ, когда наша дипломатія говоритъ съ сознаниемъ собственнаго достоинства, заявленія ея выслушиваются съ должнымъ вниманіемъ, соотвѣтствующимъ значенію и силѣ Россіи въ средѣ другихъ державъ. Наоборотъ, какъ затянуть наши дипломаты тоненькой фистулой почтительную рѣчь о европейскомъ концертѣ, о содѣйствіи другихъ державъ и т. п., такъ и остаются не при чемъ.

Въ концѣ концовъ терпѣніе нашей дипломатіи истощилось и она разразилась протестомъ; протестъ этотъ произвелъ надлежа-

шее дѣйствіе: султанъ торжественно согласился назначить русскаго делегата наблюдать при Оттоманскомъ банкѣ за тѣмъ, чтобы слѣдующія намъ суммы не попадали въ чужіе карманы, а относительно самаго способа уплаты контрибуціи подписать конвенцію. причѣмъ наша дипломатія согласилась уже вмѣсто условленныхъ 1.200.000,000 франковъ получить только 800.000,000 франковъ. Турки все-таки платять довольно неаккуратно.

Если въ 1881 г. Бисмаркъ отклонилъ формальный турецкій союзъ, то въ 1889 г. онъ, выступая рѣшительнымъ противникомъ Россіи, измѣнилъ свои взгляды, но тогда султанъ Абдуль-Гамидъ отказался подписать таковой по первому требованію Берлина и на приглашеніе присоединиться къ тройственному союзу сказалъ германскому послу Радовицу: «Я имѣю право остаться нейтральнымъ и свободнымъ и не позволю, чтобы меня лишили этого права». Султанъ понялъ, что нелѣпо было ждать, чтобы немцы изъ-за торока стали когда либо воевать противъ Россіи или Австро-Венгріи.

Мало того, турки начали шириться и съ мыслью о тѣсномъ союзѣ съ Россіей, мысль о которомъ промелькнула у нихъ послѣ Санъ-стефанскаго мира. Турція стала мѣнять политику, увидя, что тройственный союзъ одобряетъ присоединеніе Восточной Румелии къ Болгаріи. Великій визирь Кіамиль-паша былъ еще на сторонѣ англичанъ, но въ 1892 г. султанъ снова обратился къ Россіи и даже какъ будто сталъ ея другомъ, прошли даже слухи о заключеніи съ Россіей секретнаго договора. Впрочемъ и у насъ въ разгаръ болгарскихъ смуть, когда Россія была пзоплована въ политическомъ отношеніи и со дня на день могла ожидать войны, особенно опасной по беззащитности нашихъ черноморскихъ прибрежій, печать указывала на выгодность и даже необходимость русско-турецкаго союза. Мысль о такомъ союзѣ не нова. Любимою мечтою Фридриха Великаго, котораго турецкій исторіографъ Василь-эффенди назвалъ: «въ коварствѣ и шайтанствѣ несравненнымъ, въ искушеніяхъ и мороченіи людей вторымъ дьяволомъ», былъ тройственный союзъ съ Россією и Турцією, такъ чтобы Россія, связанная обязательствами, ничего не могла предпринять на Востокѣ, тогда какъ за Пруссією оставался бы широкій просторъ относительно Австріи, Саксоніи, Даніи, Польши. Екатерина II не признала подобный проектъ тройственнаго союза удобнымъ. Въ запискѣ графа Везбородко, которую императрица одобрила въ 1779 г., было сказано: «Не упоминая уже о томъ, koliko оскорбителенъ былъ бы для деликатности ея (императрицы) союзъ съ державою, всей христіанской республикѣ непріязненной, ниже колѣ вредныя впечатлѣнія можетъ онъ произвести въ народахъ подъ игомъ турецкимъ пребывающихъ, особливую къ нимъ преданность и надежду питающихъ, коихъ вѣнскій дворъ отъ насъ отвращать и привязывать къ себѣ не упустить».

Къ XIX столѣтію взгляды измѣнились; въ 1802 году гр. Ко-

чубей, въ запискѣ, поданной Александру I, высказывался за необходимость поддерживать Турцію: «Россія въ пространствѣ своемъ не имѣетъ уже нужды въ расширеніи: нѣтъ сосѣдей покойнѣе турковъ и сохраненіе сплхъ естественныхъ непріятелей нашихъ должно дѣйствительно впредь быть кореннымъ правиломъ нашей политики. Теперь, конечно, обстоятельства еще болѣе перемѣнились. Для Турціи союзъ былъ бы полезенъ. во-первыхъ, въ томъ отношеніи, что двухвѣковой опытъ доказалъ, что она не можетъ противостоятъ русскому оружію. Сосѣдей, которые никогда не упускаютъ случая пожиться на счетъ Турціи, когда Россія приводитъ ее въ беззащитное положеніе, — такихъ сосѣдей турки имѣютъ массу. Весь міръ такіе добрые для нихъ сосѣди. А друзей вѣрныхъ, которые защищали бы турокъ противъ Россіи, вовсе не имѣется. Слѣдовательно, по самой логикѣ вещей, для обезпеченія своего дальнѣйшаго существованія туркамъ не остается другого средства, какъ взывать къ великодушію и пощадѣ Русскаго Царя. Во-вторыхъ, Россія не преслѣдуетъ, какъ западныя державы, политику, заключающейся въ экономической эксплуатаціи малопромышленныхъ народовъ, къ которымъ принадлежатъ турки. Союзъ съ Россіей никакъ не материальныхъ невыгодъ Турціи не причинитъ. Скорѣе, опираясь на этотъ союзъ, турки успѣютъ освободиться отъ когтей безсовѣстной эксплуатаціи, въ которыхъ теперь думаютъ ее европейцы, пользуясь турецкою изолированностью и слабостью и ехидно ссылаясь на капитуляціи, цѣль которыхъ была какъ разъ противоположная той, которой онѣ служатъ теперь. Капитуляціи, дарованныя европейцамъ турками по собственной инициативѣ, должны были, какъ извѣстно, улучшить ея матеріальное состояніе, а теперь онѣ только разоряютъ Турцію.

Съ другой стороны несомнѣнно, что союзъ могъ быть полезенъ и для русскихъ. Въ своей восточной политикѣ Россія стремится главнымъ образомъ къ двумъ цѣлямъ: вліять попрежнему на судьбы освобожденныхъ ею христіанскихъ народовъ Балканскаго полуострова и запретить проливы иностраннымъ военнымъ судамъ, когда имъ вздумается вторгаться въ Черное море. Русско-турецкій союзъ дастъ Россіи то и другое.

Очень многіе даже среди турокъ того мнѣнія, будто въ Константинополѣ почва такъ хорошо подготовлена, что Россія, если бы сегодня пожелала турецкаго союза, то завтра же могла бы имѣть его въ карманѣ. Если и не считать, что почва вполне подготовлена, то нельзя не признать, что при настоящей комбинаціи европейскихъ силъ, турокъ полезно держать въ русскихъ рукахъ. Турція въ смыслѣ угрозы для Европы отошла, благодаря русскому оружію, въ область исторіи. Идти противъ турокъ далѣе—это все равно, что вратъ на войну со шведами за то, что Делагардъ былъ въ Новгородѣ, а Карлъ XII въ Малороссіи. Турція была нечужестранна намъ не какъ государство, а какъ военно-духовный лагерь.

Къ туркамъ, какъ къ народу, русскій народъ не имѣетъ ненависти, какъ не имѣетъ ее и къ другимъ тюркскимъ племенамъ на Волгѣ, въ Средней Азш, на Кавказѣ, въ Крыму. Турецкихъ плѣнныхъ мы всегда принимали радушно. Наши офицеры и солдаты, возвращаясь домой послѣ войны, ругали румынъ и болгаръ и не стѣснялись хвалить турокъ за ихъ честность и храбрость.

Россія — государство несомнѣнно славянское, говорятъ далѣе сторонники русско-турецкаго союза, но она также государство восточное, не только въ силу своего географическаго положенія, но и въ силу племеннаго состава населенія. Если чехи, хорваты, болгары и т. п. имѣютъ право на наше покровительство, то съ должнымъ вниманіемъ должны относиться мы и къ туркамъ, персамъ, афганамъ, монголамъ, китайцамъ. Дружественныя отношенія со всѣми этими восточными народами нисколько не представляютъ теперь пзмѣны той вѣковой политикѣ, которой слѣдовала Россія въ интересахъ цивилизаціи. Только узкая близорукость можетъ не видѣть, какъ обстоятельства быстро пзмѣняются и какъ необходимо каждому народу приспособлять свои отношенія къ новымъ условіямъ.

При настоящемъ положеніи вещей прямой интересъ Россіи состоитъ не въ томъ, чтобъ тайными происками и интригами содѣйствовать немедленному разрушенію турецкаго государственнаго организма, а въ томъ, чтобъ сдѣлать Россію достаточно сильною и готовою безъ малѣйшихъ колебаній придать то направленіе своей политикѣ, которое будетъ наиболѣе выгодно въ виду таковой случайности. Вслѣдствіе крайней запутанности интересовъ, общій итогъ которыхъ называется восточнымъ вопросомъ, очень опасно упребрлять впредь при разрѣшеніи его прежнія насильственные мѣры. Интересъ Россіи не ускорять естественнаго хода событій и не навязывать себѣ добровольно затрудненій, выйти изъ которыхъ возможно только съ огромными усиліями и матеріальными пожертвованіями.

Россія, по словамъ де-Вогюэ, должна относиться къ Турціи какъ садовникъ въ своемъ саду. Онъ трясетъ дерево, когда плоды поспѣли; но онъ же охраняетъ дерево отъ воровъ, пока плоды еще незрѣлы.

Намъ тѣмъ болѣе слѣдуетъ быть на-сторожѣ, что вопросъ о раздѣлѣ Турціи, который я подробно разбираю въ слѣдующей главѣ, съ 1894 года подымался уже Англійей, забывшей свой догматъ неприкосновенности Оттоманской имперіи. Англійскія газеты неустанно твердятъ о невозможности дальнѣйшаго пребыванія христіанъ подъ игомъ мусульманъ и требуютъ на первый разъ автономіи Арменіи, думая этимъ вызвать затрудненія для Россіи въ Закавказскомъ краѣ и у насъ на границѣ создать новую Румынію, да какую еще—съ доброю примѣсью дикихъ курдовъ! Что англичане интригуютъ и въ русской Арменіи, доказывается вы-

сылкою изъ Эчмиадзина епископа Орманьяна, возбуждавшего мѣстное населеніе противъ русскаго правительства. Когда требовали свободы сербы и болгары, то легко возникло въ умѣ представленіе объ ихъ землѣ, границы коей каждому болѣе или менѣе извѣстны. Но какъ представить себѣ будущее армянское царство, когда армяне не живутъ въ Турціи сплошною массою и даже въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ они преимущественно сосредоточены, число армянъ не превосходить 24% общаго числа населенія. Да и кромѣ этого можно ли удовлетворить армянъ, пользующихся, кстати сказать, большею свободою въ религіозномъ отношеніи, нежели русскіе въ Галиціи или въ Венгріи, не удовлетворяя грековъ и Македонію, другими словами, не раздѣляя Турцію? Самое большее, что Россія можетъ сдѣлать для армянъ, это согласиться, примѣнительно къ 61 ст. Берлинскаго трактата, дать Арменіи управленіе въ родѣ существующаго для Ливана, съ христіанскимъ губернаторомъ во главѣ.

Въ 1863 г. Порта, въ противодѣйствіе нашему положенію 1836 г. объ армянской церкви, утвердила организацію армянской церкви. Хотя Али-паша назвалъ эту конституцію четырехугольнымъ колесомъ, неспособнымъ двигаться, но несомнѣнно, что это было орудіе противъ Россіи. Константинополь сталъ армянскимъ центромъ, $\frac{3}{5}$ армянъ живутъ въ Турціи и всего ихъ тамъ $2\frac{1}{2}$ милліона. Но эмансипація армянъ сдѣлала ихъ опаснымъ элементомъ для Турціи. Садъ-паша, турецкій либераль, замѣтилъ, что простѣйшій способъ упразднить армянскій вопросъ, это уничтожить армянъ! Избіенія начались. Поголовная рѣзня не новость въ Турціи: вспомнимъ Хиосъ въ 1822 г., Ливанъ въ 1860 г., Болгарію въ 1876 г. Зерек-паша за то, что вырѣзалъ армянъ въ своемъ владѣнн, былъ пожалованъ султаномъ золотою медалью «за поощреніе земледѣлія» въ Эрзерумской провинціи!

Россія не на словахъ однако доказала, какъ она защищаетъ христіанъ отъ насилія мусульманъ. Точно также она сочувствуетъ и армянамъ, когда они дѣйствительно являются жертвами; но она была прозорлива, и отличила истину отъ преувеличенія, имѣвшаго цѣлю вызвать замѣшательства, которыя дали бы армянскому вопросу разростись и ускорить разрѣшеніе восточнаго вопроса, намъ не желательное.

Вопросъ о Македоніи не менѣе труденъ для разрѣшенія, чѣмъ вопросъ армянскій. Освобождая Македонію, придется ее дѣлить или признать отдѣльнымъ государствомъ. А какъ посмотреть на подобный проектъ Австро-Венгрія, мечтающая о Салоникахъ? Македонія населена греками, болгарами и сербами и, судя по идущей горячей борьбѣ изъ-за религіознаго вопроса, трудно рѣшить, какая національность можетъ въ ней господствовать. Съ освобожденіемъ болгаръ и воссоединеніемъ съ Болгаріей Восточной Румелии болгарская агитація въ Македоніи очень усилилась. Одной изъ наиболѣе блестящихъ побѣдъ Стамбулова и было исходатайствованіе

у султана фирмана на учрежденіе трех болгарскихъ епископскихъ кафедръ въ Македоніи. Сербы не мпряты, однако, съ такою побѣдою и сильнѣе прежняго поссорились и съ болгарами, и съ греками. Не менѣе труденъ вопросъ о Иерусалимѣ, а затѣмъ останется для разрѣшенія самый мудреный вопросъ—вопросъ о проливахъ.

Въ слѣдующей главѣ я объясняю, что Константинополь, если не останется въ рукахъ султана, можетъ быть только русскимъ. Всякая другая комбинація будетъ для насъ невыгодна, да и едва ли возможна. Константинополь не можетъ быть ни болгарскимъ, ни греческимъ, ни, какъ вѣрно полагали Николай I и Нессельроде, вольнымъ городомъ. Въ послѣднемъ случаѣ онъ превратился бы въ космополитическій центръ, притонъ всякаго рода авантюристовъ. Безъ прочнаго правительства, онъ, на подобіе Кракова, сталъ бы только предметомъ вѣчныхъ споровъ для сосѣдей. Еще болѣе фантастична комбинація покойнаго Данилевскаго («Россія и Европа») сдѣлать Константинополь общимъ всему православному и славянскому міру городомъ. Обращенію его въ столицу международной организаціи, основательно замѣтилъ гр. Комаровскій, препятствуютъ его удаленность и положеніе на окраинѣ Европы, пестрое населеніе, въ политическомъ отношеніи совершенно не развитое, наконецъ, всѣ традиціи его прошлаго. Поэтому непонятно, почему Комаровскій, только суживая идею Данилевскаго, предложилъ обратитъ Константинополь въ общую столицу балканскихъ государствъ.

Занятіе Россіей Константинополя дало бы намъ самую безопасную границу на югѣ. На это возражаютъ, что такое занятіе невозможно безъ полной или частичной нейтрализаціи проливовъ, а тогда Черное море станетъ территоріальнымъ и интересы Австріи, Румыніи и Болгаріи пострадаютъ. Но, во-первыхъ, почему эти интересы не страдали столько же отъ принадлежности проливовъ султану; затѣмъ Австрія имѣетъ уже выходъ въ Средиземное море, а Румынію и Болгарію я не понимаю иначе, какъ въ видѣ государствъ дружественныхъ Россіи; если же они будутъ враждебными, то Россія и безъ проливовъ найдетъ средства вредить имъ. Наконецъ, нейтрализація полная, т. е. оставленіе проливовъ безъ укрѣпленій, невозможна—гдѣ же была бы тогда наша безопасность, а неполная, въ родѣ той, что дана Суэзскому каналу, не имѣла бы значенія, такъ какъ Россія въ случаѣ войны никогда не согласилась бы пропускать суда воюющихъ съ нею державъ.

Обладаніе Россіи проливами вернуло бы въ дѣйствительности къ положенію, созданному Ункіаръ-Искелесійскимъ договоромъ 1833 года.

Пальмерстонъ, котораго Брунновъ называлъ «человѣкомъ, созданнымъ Богомъ въ наказаніе за наши грѣхи», добился уничтоженія этого договора и замѣны его конвенціею 1 марта 1841 г. По убѣ-

жденію Николая I, конвенція эта создала полную безопасность русских владѣній на Черномъ морѣ; Крымская война и насильственный проходъ англійскаго флота черезъ Дарданеллы въ 1878 г. доказаль ошибочность такого убѣжденія, вынужденнаго англичанами. Радость англійскаго правительства по поводу добровольнаго отказа Россіи отъ Ункіаръ - Пискалесійскаго трактата была очень велика, такъ какъ лордъ Пальмерстонъ весьма основательно разсчитывалъ, что Порта не задумается открыть путь союзнику на войнѣ; Англія разсчитывала быть этимъ союзникомъ—что и случилось.

Въ одномъ былъ Данилевскій правъ, что Константинополь не долженъ дѣлаться столицей Россіи. Перенесеніе центра имперіи съ сѣвера, гдѣ таится ея національная мощь, далеко на югъ нанесло бы страшный ущербъ всей ея самобытности. Извѣстно, сколько пагубныхъ послѣдствій имѣло перенесеніе столицы въ Петербургъ, на далекую, чуждую окраину. Эти послѣдствія еще въ XVIII столѣтіи извѣстный историкъ князь Щербатовъ изложилъ весьма наглядно. По его мнѣнію, столица на окраинахъ не позволяетъ государямъ знать, что дѣлается внутри имперіи, удаляетъ правительство отъ народа, который мало его видитъ, привлекаетъ высшее сословіе въ отдаленную столицу и лишаетъ его познанія нуждъ страны и того, что можетъ быть въ тягость народу, вытекающаго изъ постояннаго сближенія, а равно заставляеть это сословіе всю жизнь посвящать исканію милостей у двора; столица на окраинѣ дѣлаетъ то, что отъ отдаленія «и вопль народный не доходитъ до столицы», лишаетъ народъ непосредственнаго примѣра лучшихъ его сыновъ, не живущихъ болѣе въ провинціи; наконецъ, близость къ вражескимъ границамъ дѣлаетъ общее положеніе менѣе прочнымъ. Перенесеніе столицы въ Константинополь было бы повтореніемъ ошибки Петра I, только въ гораздо болѣе крупныхъ размѣрахъ.

Во всякомъ случаѣ, если объ обращеніи Константинополя въ русскій городъ можно говорить пока лишь теоретически, то разрѣшеніе вопроса о проливахъ давно стало на очередь.

По мнѣнію покойнаго Каткова, настоятельно необходимо для нашего правительства обращеніе къ другимъ державамъ съ заявленіемъ о закрытіи, въ случаѣ военныхъ дѣйствій, для военныхъ и торговыхъ судовъ воюющихъ державъ Босфора съ Дарданеллами, Суэзскаго канала, Бельтово и Зунда. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что подобное разрѣшеніе вопроса очень облегчило бы наше положеніе на случай войны; къ сожалѣнію, одной угрозой нейтральнымъ державамъ здѣсь много не подѣлаешь, да и угроза имѣеть значеніе только тогда, когда за нею можетъ послѣдовать возмездіе. Самое отношеніе Россіи и нейтральныхъ державъ къ вопросу о проливахъ Мраморнаго моря чрезвычайно различно и не поддается одинаковому рѣшенію.

Закрытіе проливовъ, пока ключъ отъ нихъ въ рукахъ султана,

представляется наиболее легкимъ. «Турція должна оставаться хранителемъ проливовъ противъ Европы, говоритъ Висмаркъ, а Россія поддерживать ее въ этой роли». Безусловное право Турціи не пропускать военныя суда черезъ проливы не подлежитъ спору и Турція добровольно не пропуститъ англійскій флотъ въ Черное море, не нарушивъ своего нейтралитета относительно Россіи. Но представляется вопросъ: какъ поступятъ Турція и Россія, если англійскія суда силою прорвутся сквозь Дарданеллы? О Босфорѣ я не говорю, потому что, разъ флотъ прошелъ Дарданеллы, Турція по-неволѣ должна будетъ уступить, въ виду беззащитности Константинополя. При нарушении англичанами нейтралитета, Турція представляется два исхода: она можетъ ограничиться протестами и можетъ объявить Англійи войну. Последнее она сдѣлаетъ, конечно, лишь при угрозѣ объявленія войны со стороны Россіи. Но тутъ явится новый вопросъ: въ союзъ съ кѣмъ для Турціи выгоднѣе воевать—съ Англійей ли противъ Россіи или съ Россіей противъ Англійи?

Для Россіи также представляется весьма затруднительный для разрѣшенія вопросъ, что выгоднѣе: смотрѣть ли сквозь пальцы на плохое соблюденіе Турціей ея нейтралитета, или же имѣть противъ себя не только англійскія, но и турецкія военныя силы? Я думаю, что, въ виду важности для успѣха войны въ Азіи запретъ проливы и въ виду того, что со времени разрушенія крѣпостей по Дунаю, въ Болгаріи и Арменіи война съ Турціей для насъ будетъ незатруднительна, намъ выгоднѣе, въ случаѣ отказа Турціи серьезно защищать Дарданеллы при помощи батарей и своего броненоснаго флота, немедленно объявить ей войну или же, руководствуясь англійскими примѣрами, безъ объявленія занять Константинополь и потребовать сдачи укрѣпленій. Здѣсь явится только одно условіе—это необходимость вознаграждать Австро-Венгрію за ея нейтралитетъ, ибо безъ согласія Австро-Венгріи теперь на Балканскомъ полуостровѣ воевать трудно. Новый кусокъ турецкихъ владѣній могъ бы послужить вознагражденіемъ; надобно опасаться однако, что венгерскіе совѣтники Франца-Иосифа будутъ очень противиться всякому увеличенію славянъ въ дунайской имперіи. Да и что можно было бы обѣщать вѣнскому двору, когда мы уже, кажется, все обѣщали.

Наша дипломатія какъ будто измѣнила свой взглядъ на проливы, по крайней мѣрѣ въ офиціозномъ «Nord» была напечатана корреспонденція изъ С.-Петербурга, ставившая вопросъ о проливахъ въ новомъ видѣ. Указавъ, какія крупныя перемѣны произошли на берегахъ Чернаго моря со времени конвенціи 1841 г., корреспондентъ присовокуплялъ, что проливы не играютъ-де болѣе роли ключа Турціи къ Черному морю. Турція превратилась во второстепенную державу, и она не имѣетъ никакого права считать себя стражею моря, которое ей болѣе не принадлежитъ. Черное

море должно быть объявлено свободным, но, благодаря своему миролюбивому и безкорыстному правительству, Россія вовсе не желает осложнять этого вопроса, предъявляя исключительныя притязанія на проливы. Желая-де облегчить рѣшеніе этого вопроса, она требуетъ безусловной свободы проливовъ, т.-е., чтобы любое иностранное судно могло свободно проходить черезъ проливы, не подвергаясь стѣснительнымъ и нерѣдко даже оскорбительнымъ формальностямъ, которыя нынѣ требуются отъ иностранныхъ военныхъ судовъ.

Но едва ли это дипломатическое заявленіе было серьезно. Гораздо болѣе вѣрно мнѣніе Бисмарка, что первая потребность Россіи въ развитіи силъ на Востокѣ есть именно обезпеченіе безопасности Чернаго моря. Если удастся достигнуть крѣпкаго закрытія Босфора посредствомъ загражденія орудіями и торпедо, то южный берегъ Россіи будетъ еще лучше защищенъ, чѣмъ балтійскій, которому въ Крымскую войну и превосходившія русскія силы англо-французскіе флоты не много могли причинить вреда.

Традиціонная русская политика, по мнѣнію Бисмарка, основывавшаяся частью на единствѣ вѣры, частью на племенномъ родствѣ съ дѣлю «освободить» румынъ, болгаръ и сербовъ отъ турецкаго ига и черезъ это привязать ихъ къ Россіи—не оправдалась на дѣлѣ. Весьма вѣроятно, что всѣ эти племена въ будущемъ будутъ приурочены къ русской системѣ, но что одно освобожденіе еще не превращаетъ ихъ въ приверженцевъ русскаго могущества—это прежде всего доказали греки. Освобожденные народы не благодарны, но требовательны, и Бисмаркъ думаетъ, что русская политика въ нынѣшнее реалистическое время впредь будетъ проводима болѣе технически.

«Техника» же должна состоять въ томъ, что Россія предложитъ султану гарантировать его положеніе въ Константинополѣ и оставшіяся въ его владѣніи провинціи, если онъ пожалуетъ Россіи ключъ къ русскому дому, т.-е. къ Черному морю, въ видѣ русскаго затвора Босфора. Что порта пойдетъ на русскій протекторатъ въ этой формѣ—это не только возможно, но, если это дѣло ловко будетъ ведено, даже вѣроятно. Султанъ могъ еще думать въ прежнія десятилѣтія, что ревность европейскихъ державъ представляетъ ему гарантіи противъ Россіи. Для Англій и Австріи было нѣкоторою традиціонною политикою охранять Турцію; но глэдстоновскія заявленія отняли у султана эту подпору, и не только въ Лондонѣ, но и въ Вѣнѣ. Судя по нынѣшнему положенію дѣлъ, не представляется вѣроятнымъ, чтобы султанъ ожидалъ отъ Англій или Австріи столько помощи и защиты, сколько ему Россія, безъ пожертвованія своими интересами, можетъ предложить и оказать на дѣлѣ, благодаря своему сосѣдству. Если Россія, — послѣ того какъ окажется достаточно готова для того, чтобы въ случаѣ необходимости военнымъ образомъ на

морѣ и супрѣ вдругъ появиться въ Босфорѣ, — предложить случаю дружески, за уступку нѣкотораго достаточнаго укрѣпленія и дозволеніе держать извѣстное число войскъ на сѣверномъ входѣ въ Босфорѣ, гарантію положенія его въ сералѣ и всѣхъ провинцій, не только относительно иностранныхъ государствъ, но и собственныхъ его подданныхъ, то это будетъ такимъ предложениемъ, въ которомъ заключается, по мнѣнію Бисмарка, большое искушеніе къ принятію его. Австрія и Англія, если бы онѣ вздумали войною противиться русскимъ дѣйствіямъ, не могутъ разсчитывать на поддержку Германіи. «Германіи даже было бы полезно, чтобы русскіе тѣмъ или другимъ путемъ физически или дипломатически укрѣпились въ Константинополь и имѣли бы задачу защищать его. Тогда мы болѣе не были бы въ нынѣшнемъ положеніи, когда Англія, а при случаѣ и Австрія извлекаютъ изъ насъ пользу, какъ изъ какой-то сворной собаки, которую поддразниваютъ противъ русскихъ вождѣвнѣй насчетъ Босфора, но могли бы выждать, будетъ ли (съ русской стороны) нападеніе на Австрію, съ коимъ наше *casus belli* наступитъ. Для австрійской политики тоже было бы правильнѣе держаться подалеже отъ венгерскаго шовинизма до тѣхъ поръ, пока Россія не займетъ извѣстнаго положенія на Босфорѣ и этимъ значительно не обостритъ своего тренія съ державами Средиземнаго моря, т.-е. съ Англіею и даже съ Италіею и Франціею, и такимъ образомъ не увеличитъ для себя надобности войти въ соглашеніе à l'amiable съ Австріею. Участіе Австріи въ турецкомъ наслѣдствѣ можетъ быть улажено вѣдь только въ соглашеніи съ Россіей, и австрійская часть наслѣдства окажется тѣмъ больше, чѣмъ дольше сумѣютъ въ Вѣнѣ выждать и поощрять русскую политику къ дѣйствию. Относительно Англіи положеніе нынѣшней Россіи можно пожалуй считать улучшеннымъ, если Россія будетъ властвовать въ Константинополь»...

Мысли покойнаго канцлера глубоко поучительны, но, повидному, преемники его не считаютъ убѣдительнымъ его мнѣніе, что «Германія въ наше время учинила бы большую глупость, если бы желала въ восточныхъ спорныхъ вопросахъ безъ собственного интереса занимать положеніе впереди другихъ болѣе заинтересованныхъ державъ».

Германія, напротивъ, старается прочною ногою стать въ Константинополь; она оказала огромныя услуги Турціи въ греко-турецкомъ столкновеніи и въ награду получаетъ при помощи желѣзныхъ дорогъ въ Малой Азіи, о чемъ я болѣе подробно буду говорить въ XXIX главѣ, преобладающее значеніе въ Сиріи и Месопотаміи.

Германскій посольскій заслоняетъ даже подчасъ значеніе нашего посольства, тѣмъ болѣе, что французское посольство продолжаетъ по древнимъ традиціямъ теряться въ мелкихъ клерикальныхъ

интригахъ. Изъ явныхъ вліятельныхъ совѣтниковъ султана на первомъ планѣ стоитъ теперь нынѣшній великій визирь Халиль Рифать-паша. Онъ знаетъ только по-турецки, не лишень тонкости и ловкости, но въ общемъ слабъ и думаетъ болѣе объ округленіи своего состоянія и помѣщеніи родныхъ. Въ случаѣ выхода Халила его замѣнитъ вѣроятно ех-визирь Саидъ-паша; онъ сравнительно честенъ и образованъ, но отличается страстью къ канцелярщинѣ. Морской министръ Гассанъ-паша при напускной любезности отличается жадностью къ деньгамъ; не лишень корыстолюбія и министръ внутреннихъ Мемедъ - паша, имѣющій репутацію турецкаго писателя и поэта. Остальные современные турецкіе государственные люди, кромѣ нѣсколькихъ генераловъ, не заслуживаютъ вниманія.

Вообще же Турція, несмотря на усѣхи на войнѣ, находится въ переходномъ положеніи. Самые ярые туркофильскіе органы печати считаютъ крайне безразсуднымъ вѣрить въ будущее Турціи. Минутное успокоеніе, наступившее въ настоящее время, можетъ вводить въ заблужденіе только тѣхъ, кто незнакомъ съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ; дѣйствительность въ очень близкомъ будущемъ легко превзойдетъ самыя худшія и мрачныя ожиданія.

Турція беспильна поддерживать порядокъ въ своихъ границахъ и прекратить безчеловѣчія. Но прежде всего надобно, чтобы Европа дѣйствовала прямо, чтобы Турція знала, чего держаться, и должна обязаться во что бы то ни стало ввести реформы; для послѣднихъ же необходимы денежныя средства. Европейскимъ державамъ, вмѣсто того, чтобы настаивать на скорѣйшей уплатѣ долговъ, слѣдуетъ поэтому дѣлать новыя разсрочки, а буде нужно, дать ссуду. Безъ денегъ не только Турція, но и никакая страна не въ силахъ приступить къ реформамъ. Трудно даже ожидать спокойствія тамъ, гдѣ армія и полиція не получаютъ по два года жалованья. Въ этомъ случаѣ взгляды дипломатовъ Россіи и Франціи — принимающей къ сердцу интересы своихъ капиталистовъ, также нѣсколько расходятся.

Французы изъ четырехъ почти миллиардовъ франковъ турецкихъ долговъ, стоящихъ и по нынѣшнему курсу не менѣе двухъ миллиардовъ, имѣютъ двѣ трети (Англія всего 12⁰/₁₀). Поэтому французы желали бы, чтобы администраціи публичнаго долга, учрежденной волею султана, данъ былъ характеръ кассы египетскаго долга, включивъ русскаго делегата. Въ такомъ случаѣ и русская контрибуція конвертировалась бы въ числѣ прочихъ долговъ. Французы находятъ, что если они дали Россіи въ долгъ пять или шесть миллиардовъ, то по чувству товарищества Россія не откажется помочь имъ взыскаъ въ Турціи полтора миллиарда ихъ долга. Желаніе это, пожалуй, законно, но наши дипломаты, привыкшіе дѣлать поблажки Турціи въ уплатѣ контрибуціи, благо эти деньги казенныя, находятъ, что интересы кредиторовъ не такъ важны.

Чтобы не ссориться съ Франціей, нашъ посоль заявляъ Портѣ, что въ случаѣ если будутъ нарушены права совѣта управления Dette Publique или будетъ сдѣлано посягательство на предоставленныя владѣльцамъ турецкихъ фондовъ государственныя доходы, Россія, подобно всѣмъ прочимъ державамъ, будетъ вынуждена потребовать учрежденія международной фнансовой комиссіи, предусмотрѣнной 18 параграфомъ Берлинскаго трактата. Задачею комиссіи будетъ разслѣдованіе финансоваго положенія Оттоманской имперіи и отысканіе новой части государственныхъ доходовъ, которая должна быть предоставлена кредиторамъ.

Въ настоящее время Турція имѣеть два бюджета: одинъ общій, покрывающій расходъ двора, администраціи, арміи и пр., второй по государственному долгу. Въ то время, когда первый въ ужасномъ дефицитѣ и правительство нищенствуетъ, второй обезпеченъ лучшими доходами, имѣеть избытокъ, служащій для выкупа долговъ. А такъ какъ рядомъ правительство дѣлаеть новые долги, то для обезпеченія ихъ оно передаетъ комиссіи администраціи долга въ обезпеченіе все новыя источники доходовъ, оставаясь безъ гроша. Очевидно, что такое положеніе совершенно ненормально и продолжаться не можетъ. Турція гарантпровала еще множество желѣзныхъ дорогъ. Турція лишена между тѣмъ, благодаря капиуляціямъ, возможности увеличить свои таможенныя доходы и остается съ Англіей единственной въ Европѣ фритредерской страной, къ сожалѣнію, насильно. Поэтому необходимо или отменить, или пересмотрѣть капиуляціи. Эти остатки другихъ вѣковъ мѣшаютъ не только увеличенію таможеннаго дохода, которое одно могло бы улучшить положеніе финансовъ, но и правильному управленію юстиціи. Турція давно хотѣла пересмотрѣть свой таможенный тарифъ, причемъ имѣлось въ виду установить нѣкоторое покровительство для собственной промышленности, разоренной европейской конкуренціей, ограничившись на первый разъ повышеніемъ таможенныхъ пошлинъ до 20 проц., вмѣсто нынѣшнихъ 8 проц.

Съ подобнымъ рѣшеніемъ можно было только поздравить турецкое правительство. До сихъ поръ лишь одно государство не знало никогда покровительственной системы — это несчастная Польша; оно и погибло. — примѣръ для Турціи вовсе не поучительный. Съ экономической точки зрѣнія европейскимъ государствамъ нѣтъ повода опасаться упроченія въ Турціи промышленности; съ богатымъ государствомъ выгоднѣе торговать, чѣмъ съ бѣднымъ, какъ въ частной жизни удобнѣе имѣть дѣло съ богатыми, нежели съ нищими. Поэтому, казалось бы, что рѣшеніе Турціи не должно бы возбуждать ничего противодѣйствія. Турція дѣлаеть только то, что Англія сдѣлала въ 1649 г., Россія — въ 1822 г., Соединенныя Штаты — въ 1861 г. Но не такъ посмотрѣли европейскіе торгаши, привыкшіе эксплуатировать Турцію. Для подоб-

ной категоріи аферистовъ каждое измѣненіе таможенныхъ пошлинъ равносильно временному сокращенію барышей, почему эти господа и поднимаютъ крикъ. Дипломатія считала своею обязанностью выплывать этимъ крикамъ и производить давленіе на турецкое правительство. Только на дняхъ пѣмцы измѣнили тактику.

Въ дѣлѣ пересмотра турецкаго таможеннаго тарифа интересы Россіи не противоположны, а скорѣе солидарны съ турецкими. Это подсказываютъ намъ и соображенія нравственныя, и соображенія экономическія. Нравственныя соображенія основаны на справедливости. Россія до 1894 года держалась въ своей таможенной политикѣ полной независимости: никому совать носа въ наши тарифные вопросы мы не позволяли. Разъ же мы держались подобныхъ воззрѣній, справедливость и прямой интересъ нашъ не отказывать и Турціи въ такомъ же правѣ по отношенію къ другимъ государствамъ.

Справедливыми и великодушными намъ быть къ тому же вовсе не трудно, ибо торговля Россіи съ Турціей такова, что измѣненія въ таможенномъ тарифѣ существеннаго значенія не имѣютъ. Прежде всего надобно замѣтить, что весь вывозъ въ Турцію не играетъ замѣтной роли въ общемъ отпускѣ изъ Россіи. Въ 1895 году вывозъ въ Турцію составлялъ всего 16 милл. руб., но и изъ этой суммы надобно вычесть многіе товары, которые показываютъ въ таможенѣ, какъ идущіе въ Турцію, но въ сущности идутъ въ одинъ изъ турецкихъ портовъ, чтобы, перегрузившись тамъ, отправиться въ другія страны.

Разбирая списокъ товаровъ, идущихъ изъ Россіи въ Турцію, мы видимъ, что большинство ихъ состоитъ изъ жизненныхъ припасовъ: пшеницы, кукурузы, муки, коровьяго мяса, крупнаго и мелкаго скота, или изъ сырыхъ матеріаловъ: шелка, шерсти, сала, лѣсу, пальмоваго дерева, невыдѣланныхъ кожъ, мѣди и т. п. Эти товары и впредь, очевидно, будутъ оплачиваться въ Турціи незначительными таможенными пошлинами, а нѣкоторые изъ нихъ предполагаются даже сдѣлать беспошлинными. Между жизненными припасами въ довольно крупной цифрѣ фигурируетъ спиртъ, пошлина на который конечно должна быть въ связи съ тѣмъ налогомъ, которымъ турецкое правительство обложитъ у себя выдѣлку этого продукта.

Собственно же издѣлій, т. е. такихъ товаровъ, на которыхъ предполагаемое повышеніе турецкихъ таможенныхъ пошлинъ отзовется болѣе или менѣе чувствительнымъ образомъ, изъ Россіи въ Турцію вывозится самое ничтожное количество. Главную роль по европейской границѣ играютъ между ними веревки и полотна, а по азиатской—шерстяныя издѣлія. Веревки во всякомъ случаѣ будутъ идти изъ Россіи, ибо ихъ брать болѣе неоткуда, а сокращеніе вывоза прочихъ русскихъ издѣлій, если считать, что увеличеніе цѣны отъ введенія пошлины на 10 или 15 коп. на рубль сокра-

туть сбытъ издѣлій, совершенно ничтожно въ общемъ балансѣ русской торговли.

Весь вопросъ сводится, значить, къ 50—200,000 рублямъ, на которые рскадетъ уменьшиться русскій вывозъ въ Турцію. Намъ кажется, что о такомъ пустякѣ и разговаривать нечего, тѣмъ болѣе, что мы не стѣснялись никогда облаживать турецкіе товары въ Россіи и съ 1876 года увеличили на нихъ пошлину слишкомъ на сто процентовъ противъ прежняго.

XV. ДЕРЖАВЫ БАЛКАНСКАГО ПОЛУОСТРОВА.

Человѣкъ сколько нибудь знакомый съ исторіей не станетъ называть донъ-кихотствомъ нашу освободительную миссію на Востокѣ. Развѣ неизвѣстно, что взоры всѣхъ поработенныхъ народовъ Балканскаго полуострова обратились къ Россіи, какъ къ послѣдному прибѣжищу, тогда, когда еще сама она съ трудомъ отбивалась отъ татарскихъ набѣговъ? Уже съ конца XV вѣка начинаются обращенія къ намъ въ этомъ смыслѣ грековъ, въ XVII идея панславизма вполне созрѣла если не у ученыхъ, то у народовъ, и завязываются постоянныя политическія сношенія Россіи съ сербами, черногорцами и православными румынами. Она вносила свободу въ ряды этихъ угнетенныхъ національностей, свободу дѣйствительную, а не ту, которая, выражаясь эмблемами и фразами, влечетъ за собою поработеніе народной массы кружку интеллигенціи и капиталстовъ.

Замѣчательно, что уже въ XV столѣтіи права Россіи на наслѣдіе Византіи официально признавались и Венеціей, и папами. По самому положенію своему единственной независимой славянской и православной державы, Россія представлялась естественнымъ центромъ, куда невольно обращались за помощью всѣ угнетенныя славянскія и православныя національности. Отказаться отъ этого положенія—закрывать, такъ сказать, глаза и уши, не видѣть и не слышать того, что дѣлается на Востокѣ—было бы чистѣйшимъ абсурдомъ, да и дѣломъ немыслимымъ, такъ какъ ни одно государство не можетъ, даже на время, отказаться отъ своей національной фізіономіи, отъ своихъ вѣковыхъ идеаловъ, отъ своей исторической задачи.

Задача эта создается не отвлеченными умствованіями двухъ, трехъ политиковъ и въ этомъ случаѣ идея иностранныхъ публицистовъ о пресловутомъ, никогда не существовавшемъ «завѣщаніи Петра Великаго», которое стремится исполнить во что бы то ни стало Россія, довольно смѣшна. Историческая задача обуславливается стихійными началами, а именно племенными отличіями, географическимъ положеніемъ и т. п., отстранить которыя нѣтъ силъ,

а не духовнымъ завѣщаніемъ. Какъ Англія не могла не сдѣлаться морскою и колониальною державою, такъ Россія не могла не сдѣлаться центромъ тяготѣнія для всѣхъ славянъ. Даже Нессельроде писалъ: «Права Россіи основываются на неоспоримомъ фактѣ: 50 милліоновъ русскихъ православныхъ не могутъ относиться равнодушно къ судьбѣ 12 милліоновъ православныхъ подданныхъ султана».

Но братская помощь, которую находили у насъ угнетенныя славянскія національности, всегда далека была отъ мысли поддерживать въ нихъ несбыточныя надежды, а тѣмъ болѣе не шла въ подрывъ государствамъ, съ которыми мы сохраняли дружественныя или, вѣрнѣе, мирныя отношенія. Такъ въ 1875 г. русскіе не могли равнодушно, конечно, переносить мысли о безпощадномъ истребленіи ихъ братьевъ въ Герцеговинѣ, но ни о какомъ дѣятельномъ участіи не было и рѣчи до тѣхъ поръ, пока Турція сама не нарушила своихъ добрыхъ къ намъ отношеній.

Болѣе всего надобно было опасаться, чтобы Турція, въ малодушномъ отчаяніи, не явилась нарушительницею трактатовъ и не дерзнула бы, подъ предлогомъ противодействія панславизму, нарушить ту связь, которая искони существовала между Россіею и независимыми сербскими государствами. Известно, что Турція не признавала полной самостоятельности Черногоріи, несмотря на то, что эта самостоятельность освятилась вѣками. Съ Черногоріей же у насъ существовали отношенія, которыя не могли быть нарушены военнымъ занятіемъ этого края турками, въ какихъ бы то ни было высшихъ стратегическихъ соображеніяхъ. Независимость Сербіи также была обезпечена, между прочимъ, гарантіею Россіи. Поэтому Россія не могла допустить и мысли, чтобы турецкое правительство, подъ предлогомъ бѣгства нѣкоторыхъ дезертировъ или сбора въ предѣлахъ княжества нѣсколькихъ тысячъ паштровъ въ помощь семействамъ инсургентовъ, угрожало независимости Сербіи и стѣсняло бы совершенно естественное въ ея населеніи проявленіе сочувствія къ своимъ братьямъ по крови, языку и религіи.

Россія сначала не была даже противникомъ примиренія двухъ воюющихъ сторонъ. Въ интересахъ гуманности она желала только, чтобы кровопролитіе окончилось какъ можно скорѣе: у насъ сожалѣли даже о бесполезно гибнущихъ турецкихъ солдатахъ, участь которыхъ тѣмъ болѣе была плачевна, что они сражались за неправо дѣло, не встрѣчая не только ни малѣйшаго сочувствія со стороны другихъ народовъ, но страдая отъ хищничества собственныхъ чиновниковъ, безпутно расходовавшихъ въ Стамбулѣ деньги, назначенныя въ жалованье и на покупку припасовъ. Отдавая, однако, должное чувству гуманности, не слѣдовало забывать, что есть нѣчто гораздо болѣе возвышенное—чувство справедливости. А если гдѣ послѣднее—основаніе каждаго благоустроеннаго общества—было попорно, то именно въ отношеніяхъ несчастной

райи къ мусульманскому владычеству. Достаточно было написать краснорѣчивыхъ словъ въ теченіе слишкомъ четырехъ вѣковъ, чтобы изобразить страданія христіанскаго населенія въ Турціи, и, конечно, новаго нельзя было ничего прибавить, вромѣ сознанія, что ни время, ни движенія прогресса, ни постепенное разложеніе Оттоманской имперіи не имѣли равно никакого вліянія на улучшеніе положенія этого населенія.

Съ грустью нужно было даже признать, что интересы его дѣлались еще годъ отъ году все болѣе и болѣе чуждыми Европѣ. Въ прежнее время, когда христіанская пропаганда была очень сильна, какое-то рыцарское чувство по отношенію къ турецкому владычеству овладѣвало всей Западной Европой. Борьба съ ненавистнымъ мусульманствомъ воодушевляла одинаково мальтійскаго рыцаря, венеціанскаго нобіля или венгерскаго магната. Ослабленіе волнствующаго католицизма и созданіе теоріи національностей постепенно разорвали тѣ симпатіи, которыя проявлялись къ христіанскому населенію Турціи въ Западной Европѣ. Горячее сочувствіе замѣнялось сухимъ и отвлеченнымъ понятіемъ о политическомъ равновѣсіи, передъ которымъ умолкали всѣ другія соображенія.

Славянская идея, хотя честь ея открытія приписываютъ себѣ западно-славянскіе ученые, въ сущности была дѣломъ Россіи, потому что до возвелченія послѣдней идея эта не имѣла никакого практическаго смысла. Старинныя славянскія монархіи пали во времена слишкомъ отдаленныя и смутныя, а Чехія и Польша черезчуръ зависѣли отъ западныхъ вліяній, чтобы имѣть возможность сдѣлаться ядромъ возрождающихся славянскихъ національностей. Россія первая пробудила въ славянахъ плодотворное въ будущемъ значеніе своего племенного достоинства. Славянинъ не могъ мечтать обратиться въ нѣмца, мадьяра или турка, какъ старая хорутанская, хорватская и боснійская аристократія, а желалъ остаться славяниномъ по примѣру извѣстнаго англичанина, отвѣчавшаго маршалу Себастіани, который заявилъ, что если бы онъ не былъ французомъ, то хотѣлъ бы сдѣлаться англичаниномъ: — «а я, если бы не былъ англичаниномъ, то желалъ бы быть англичаниномъ».

Но если Россія невольно возбудила во всѣхъ славянскихъ племенахъ такое сознаніе и сдѣлала изъ принципа національности ихъ политическое знамя, то съ тѣмъ вмѣстѣ она дала славянамъ и нѣкоторое право надѣяться на то, что она станетъ въ уровень со своимъ историческимъ призваніемъ. Исторія отвѣчаетъ, какъ и когда Россія исполнила свою задачу въ этомъ отношеніи, и я не стану пересказывать того, что всѣмъ извѣстно. Скажу одно, что русская дипломатія никогда не придавала большого значенія обѣщаніямъ, щедро раздававшимся турецкимъ правительствомъ. Какъ каждый несостоятельный должникъ готовъ писать векселя на ка-

кія угодно суммы и на какихъ угодно условіяхъ, точно такъ же и Турція готова была давать тысячу обѣщаній, зная заранее, что она исполнить ихъ не въ силахъ, не рискуя на самоубійство, но соображая, что однаково удобно не исполнить десяти данныхъ словъ, какъ и одного, для лица, которому не вѣрять, хотя и дѣлають видъ, что придаютъ значеніе его честности.

Политика Россіи по отношенію къ восточному вопросу была, конечно, не всегда послѣдовательна: уже въ 1570 г. Новосплдець былъ посланъ въ Константинополь увѣрять султана Селима, что даръ вовсе не врагъ мусульманъ! Но въ общемъ она была ясна и мудра, пока рѣчь шла о присоединеніи къ намъ отдѣльных кусковъ турецкихъ территорій и постепенномъ ихъ превращеніи въ русскія губерніи и уѣзды. Къ сожалѣнію, мало по малу, а особенно съ первой половины выѣшняго столѣтія, система эта стала замѣняться созданіемъ на счетъ русской крови и денегъ тайно или явно враждебныхъ намъ государствъ.

Иногда мы выбрали и моменты неподходящіе. Таковъ былъ 1853 годъ. Виновникомъ Крымской войны, даже по мнѣнію г. Мартенса, былъ Николай I. Онъ вызвалъ враждебное настроеніе во французскомъ императорѣ, задѣвъ его самолюбіе. Онъ находился въ полномъ заблужденіи насчетъ дѣйствительнаго настроенія общественнаго мнѣнія Англіи, благодаря розовымъ донесеніямъ Бруннова. Наконецъ, своими откровенными разговорами съ англійскимъ посланникомъ насчетъ устройства на развалинахъ Оттоманской имперіи новыхъ государствъ онъ далъ пищу подозрительности англійскихъ государственныхъ людей насчетъ завоевательныхъ замысловъ Россіи. Подъ впечатлѣніемъ записокъ Погодина Николай I написалъ, правда, въ 1853 г. записку о планѣ нашихъ дѣйствій по отношенію къ христіанскимъ народностямъ Турціи, гдѣ предлагалось возстановить ихъ независимость и автономію, но Нессельроде немедленно написалъ въ видѣ доклада возраженіе на эту записку, гдѣ доказывалъ, что такая политика противорѣчитъ обѣщанію не разрушать Турціи, и будетъ вредна для самой Россіи, а до ея осуществленія вызоветъ жестокія репрессаліи противъ христіанскаго населенія.

Недобросовѣстность турецкаго правительства и послѣ урока Крымской войны проявлялась на каждомъ шагѣ. Одна изъ реформъ обѣщала христіанскимъ подданнымъ Турціи, что взимавшаяся съ христіанъ подать, взимѣнъ личнаго отправленія воинской повинности, будетъ уменьшена наполовину. Кроме того эта подать должна была взиматься, по словамъ султанскаго фирмана, только съ тѣхъ, которые по своимъ лѣтамъ способны къ отправленію воинской повинности, т. е. съ лицъ отъ 20 до 40 лѣтъ. Подобная реформа была бы дѣйствительно весьма благодѣтельна для христіанъ, если бы она буквально и добросовѣстно выполнялась. Между тѣмъ что же оказывалось на дѣлѣ. Немедленно послѣ пзданія

фирмана визирь, извѣщая объ этой реформѣ представителей христіанскихъ общинъ въ Турціи, прибавилъ, что хотя лица отъ 20 и выше 40 лѣтъ и изъяты отъ уплаты воинской подати, тѣмъ не менѣе общая сумма, которая должно быть взимаема съ лицъ свободныхъ по своимъ лѣтамъ отъ отправления воинской повинности, отнюдь не должна быть меньше той, которая до того взималась со всѣхъ безъ исключенія! Это обстоятельство можетъ служить образчикомъ того, какъ исполнялись обѣщанія турецкаго правительства о благодѣтельныхъ для его подданныхъ реформахъ, а такъ же примѣровъ легко насчитать десятки.

Что-жъ удивительнаго, что раія не придавала никакаго значенія турецкимъ реформамъ, потеряла всякое довѣріе и смотрѣла на свое положеніе, какъ на чистѣйшее рабство.

Исходя изъ такой точки зрѣнія и признавая, что вообще нѣтъ предмета болѣе важнаго во всей нашей иностранной политикѣ, какъ вопросъ восточный, тотъ или другой исходъ борьбы, начатой въ 1875 году сербами за свою свободу, не могъ казаться для насъ одинаковымъ. Тутъ рѣчь шла не о томъ, что дралась горсть волонтеровъ и инсургентовъ, что всѣ наши жертвы ограничались нѣсколькими сотнями тысячъ рублей, почти со слезами выпрошенными отъ лицъ, которыя на свои прихоти не задумались бы издержать въ десять разъ болѣе, — вопросъ ставился немного посущественнѣе.

Въ теченіе десяти лѣтъ это было уже четвертое возстаніе православныхъ христіанъ Турціи; каждое изъ нихъ, при помощи лицемѣрной европейской дипломатіи, тунилось въ волнахъ крови и приводило только къ ухудшенію положенія христіанскаго населенія. Неужели на эти отчаянныя попытки забитаго населенія добиться хотя относительной свободы и признанія своихъ человѣческихъ правъ слѣдовало смотрѣть съ точки зрѣнія турецкихъ чиновниковъ, какъ на случайное проявленіе буйства и непокорности установленнымъ властямъ. Не ясно ли было, что все это только матеріалы для громаднаго возстанія, которое рано или поздно должно было охватить весь Балканскій полуостровъ, а быть можетъ захватить и часть дунайской имперіи. Не благоразумнѣе ли было, не дожидаясь подобнаго непредотвратимаго событія, размыры и послѣдствія котораго исчислить трудно, постараться хотя по частямъ удовлетворить интересамъ христіанскаго населенія Турціи. Европейская дипломатія отвергла такой путь — благоразумный и осторожный; что же получилось въ результатѣ? Сначала сербская война и походъ Черняева, затѣмъ война 1877—1878 гг. Къ чести нашей печати должно сознаться, что она приняла — правда, нѣсколько позже, чѣмъ бы слѣдовало — весьма близко къ сердцу интересы возставшихъ сербовъ. Такого сочувствія долго не замѣчалось въ нашемъ обществѣ и оно быстро исчезло послѣ войны. Явленіе это печально и не можетъ быть объяснено только

вялостью, съ которою мы вообще воспринимаемъ постороннія возбужденія. Равнодушіе не такъ еще въ этомъ случаѣ возмутительно, какъ фарисейство, прикрывавшее у многихъ сваредность пышными патріотическими фразами. — «Помылѣйте, гдѣ намъ заботиться о милліонахъ славянскихъ душъ, разсыянныхъ по разнымъ странамъ, когда и для своихъ-то несчастныхъ ередства наши неудовлетворительны», слышалось во время войны съ разныхъ сторонъ.

Подобныя разсужденія не выдерживаютъ ни малѣйшей критики. Еслибъ мы дѣйствительно дожидались, для того чтобъ придти на помощь южнымъ славянамъ, времени, когда у насъ не будетъ ни бѣдности, ни несчастныхъ случаевъ, а водворится царство «млека и меда», то, безъ сомнѣнія, долго дожидались бы этого. Между тѣмъ наше тяжелое положеніе не могло идти ни въ какое сравненіе съ тѣмъ прогомъ, которое выносило большинство православнаго населенія въ Турціи. Последнее не имѣло собственности; религіозныя убѣжденія его презирались и ежеминутно нагло попирались; личная безопасность и человѣческое достоинство ничѣмъ не обезпечивались; подати, хотя по суммѣ и небольшія, но взимаемыя самымъ безжалостнымъ образомъ, шли на расходы, для населенія вовсе чуждые и неизвѣстные, а взаменъ того ему не давалось ни школы, ни суда, ни дорогъ, — ничего, ничего такого, что могло поднять человѣка изъ его первобытнаго скотскаго состоянія на степень мыслящаго гражданина.

Вотъ какъ знаменитый Али-паша герцеговинскій опредѣлялъ, по словамъ покойнаго Гильфердинга, права влаховъ (православныхъ сербовъ): «Никогда не говори, несчастный, чтобъ тебя судили по закону Божию! Да, полно, знаешь ли ты, что говорится въ законѣ-то? Вотъ, вѣдь, какъ законъ говоритъ о влахѣхъ: Со всякаго влaha слѣдуетъ брать ежегодно по 9 драхмъ чистаго серебра въ царскую казну, да еще не просто, — пришелъ и взялъ: нѣтъ! нужно свалить его за шанку да ударить трижды о землю и сказать: подай харачъ! а при этомъ въ глаза ему поносить крестъ. Пусть влахъ вѣрно служитъ 99 лѣтъ турку; да и тогда слѣдуетъ убить его, чтобъ не дать умереть своею смертію. Влахамъ не нужно ничего другого, кромѣ только того, чтобъ они не голодали; они должны ходить наги и босы, какъ ослы, работать на всѣхъ турокъ и повиноваться имъ. Вотъ что говорится въ законѣ; но мы, турки, по нашему нраву очень добры и въ этомъ отступаемъ отъ закона: мы много позволяемъ влахамъ и почти поровняли ихъ съ собою».

Въ этихъ характеристичныхъ словахъ, оправившихся на несуществующіе тексты корана, опредѣляются тѣ условія, при которыхъ прозябало нѣсколько милліоновъ христіанскаго населенія въ Турціи. Часть этого населенія, многократно безуспѣшно пытавшаяся сбросить съ себя подобное иго, не имѣвшее оправданія въ XIX вѣкѣ, взялась снова за оружіе. Россія не возбуждала его

для этого; можно сказать даже, что она узнала о возстаніи позже другихъ державъ. Неужели она могла остаться вовсе безучастна въ борьбѣ, гдѣ лились потоки невинной крови и совершались возмущающіе душу безчеловѣчныя поступки, ссылаясь только на то, что у насъ случилось нѣсколько пожаровъ, да урожай плохъ?

Подобное положеніе для Россіи было невозможно ни по видамъ челоуѣколюбія, ни сообразно значенію нашему въ ряду другихъ славянскихъ народностей, ни, наконецъ, въ собственныхъ своихъ выгодахъ.

О челоуѣколюбіи говорить нечего. Вся Европа подала намъ примѣръ въ этомъ случаѣ, организовавъ комитеты и подписки. Ужели свои могли быть равнодушнѣ чужихъ? О средствахъ и говорить не стоитъ, потому что хотя мы относительно и бѣдны, но сообразно уплачиваемымъ налогамъ не бѣднѣе же многихъ другихъ государствъ; при томъ бѣдность наша не препятствовала намъ тратить ежегодно милліоны и даже десятки милліоновъ рублей на расходы, которые, быть можетъ, и полезны, но не составляли насущной необходимости.

Челоуѣколюбіе однако недостаточный и не единственный стимулъ въ этомъ случаѣ. Развѣ можно было согласиться, чтобъ русскіе руководились къ страждущимъ славянамъ тѣми же чувствами, какъ испанцы или жители Канады. Помочь сербамъ въ 1876 году мы должны были уже ради того, что мы Россія, т. е. единственное славянское государство, которое судьба избавила отъ уничтоженія и сохранила вѣка неприкосновеннымъ. Какъ славянская держава, Россія имѣетъ призваніе, отказаться отъ котораго было бы равносильно самоубійству. Какое же можетъ быть другое призваніе естественнѣе, какъ освобожденіе отъ гна прочихъ славянскихъ народностей, историческими невзгодами разобщенныхъ и утратившихъ свою самобытность. Прежде, однако, чѣмъ думать о самостоятельности славянскихъ государствъ, будущихъ нашихъ союзниковъ, надобно было озаботиться о томъ, чтобъ славянскія населенія не утратили, въ ожиданіи этой вождельной минуты, своей народности, какъ утратили ее уже многіе милліоны славянъ въ Германіи. На комъ же лежала, опять-таки, обязанность пещись въ этомъ случаѣ, какъ не на Россіи? Для славянъ Россія, когда не является спасительницею, все-же остается опорой, примѣромъ и надеждою въ будущемъ. Можно ли было въ такомъ положеніи, созданномъ исторіею и логикою событій, отворачиваться нерѣшительно въ минуты затруднительныя?

Послѣднее было даже наразсчетливо, если уже мѣрять народную политику на торгашескій аршинъ. Даже самые близорукіе мыслители, пробѣжавъ исторію Россіи за послѣднія столѣтія, видятъ, что вся ея политика, за исключеніемъ случайныхъ увлеченій въ сторону, подъ влияніемъ иностранцевъ, неизмѣнно шла къ упроченію значенія нашего отечества на Востокѣ, гдѣ первен-

ствующее до того влияние имела Оттоманская империя. Для этого мы вели войны, поглотившие миллионы людей и миллионы рублей, для этого, преимущественно, в ожидании могущих возникнуть событий, мы содержим армию, стоющую ежегодно сотни миллионов рублей. Знаменитый оратор Донозо-Кортесъ обрисовалъ какъ-то очень удачно значеніе такого рода войнъ, сказавъ, что «миръ никогда не видѣлъ то, что удвѣляетъ нашу эпоху, а именно, что арміи служатъ орудіями цивилизаціи, тогда какъ идеи приводятъ къ варварству». Никакая армія не поработала столько для цивилизаціи, какъ русская, и нигдѣ идеи не давали такихъ отрицательныхъ результатовъ, какъ именно у насъ. Представлялось самое простое, удовлетворительное и, можно сказать, скорое рѣшеніе восточнаго вопроса, и мы не могли этимъ не воспользоваться. Великая магометанская имперія, распавшаяся успѣхами русскаго оружія, разваливалась на части, подъ влияніемъ напора собственныхъ элементовъ. Славяне, составлявшіе краугольный камень имперіи, до тѣхъ поръ молчаливая рабочая сила, волновались, и все зданіе готово было рухнуть.

Нельзя, конечно, сказать, что источникъ всѣхъ золъ, сопро-вождавшихъ оттоманское владычество, заключался въ магометанской религіи. Можно доказать и противное. Что религія эта сама по себѣ мирится съ прогрессомъ, показываетъ исторія арабовъ. Несмотря на то, что религіозный фанатизмъ во времена калифовъ былъ безконечно сплѣнѣ турецкаго, онъ не помѣшалъ арабамъ спасти драгоценные остатки классической древности, создать свою обширную и богатую литературу и обогатить человѣчество полезнѣйшими научными открытіями—я не развиваю этой темы, извѣстной всѣмъ и каждому. Такіе же блестящіе результаты дала мусульманская культура въ Индостанѣ. И въ настоящее время въ Египтѣ магометанская религія легко уживается со всѣми побѣдами человѣческаго разума: съ равноправностью религій и сословій, съ успѣхами знанія и пр. Зло, подточившее могущество османлисовъ, было въ другомъ обстоятельствѣ.

Кто прослѣдитъ исторію турецкаго государства, хотя полную блестящихъ страницъ, но внесшшую повсюду разрушеніе, даже въ среду мусульманской цивилизаціи, легко убѣдится, что съ самаго основанія своего монархія эта была исключительно военною. Никакихъ другихъ идей, кромѣ идеи большого военнаго стана, турки не носили и съ первыхъ дней своего могущества, вопреки утверженію въ неспособности ихъ пользоваться плодами европейской цивилизаціи, они отлично умѣли замѣтывать тѣ отрасли послѣдней, которыя имѣли соотношеніе съ военнымъ ремесломъ. Если теперь европеецъ находитъ въ Турціи средневѣковые порядки рядомъ съ скорострѣльными ружьями и броненосными судами, то такая же дисгармонія, можно сказать, существовала споконъ вѣка въ турецкомъ лагерѣ.

Въ XV столѣтіи, когда турки представлялись всѣмъ чѣмъ-то въ родѣ азіатской орды, въ дѣствительности мы видимъ ихъ, рядомъ съ Европой, едва вышедшей изъ феодальныхъ пеленокъ, обладающими постоянными арміями, артиллеріей, бомбардировавшей греческую Византію, и могущественнымъ флотомъ, который выметаетъ изъ Средиземнаго моря слабые флоты тогдашнихъ европейскихъ державъ. Въ періодъ съ 1453 по 1571 гг. было заключено тринадцать союзовъ или лигъ для изгнанія турокъ изъ Европы, и ни одинъ не привелъ ни къ какому результату. Два вѣка военное счастье не пачало туркамъ и завоеванія Мурада II, Магомета II, Селіма и Сулеймана Великаго образовали къ концу XVII столѣтія державу въ 100 тысячъ кв. геогр. миль, т. е. величайшее и сильнѣйшее по тому времени государство въ трехъ частяхъ свѣта.

Остріемъ меча, однако, не можетъ держаться имперія. Это доказалъ Римъ, который предлагалъ еще побѣжденнымъ народамъ свою несравненную книгу законовъ, а турецкій законъ, заключающійся въ коранѣ и комментаріяхъ, хотя и оказался весьма подходящимъ къ условіямъ огромнаго числа народовъ, отъ южнаго Китая до центральной Африки, но не могъ никогда пустить прочныхъ корней въ Европѣ при совершенно различныхъ соціальныхъ и географическихъ условіяхъ. Такимъ образомъ, съ потерей въ XVII столѣтіи военного могущества, подорваннаго успѣхами имперскаго и русскаго оружія, Турція мгновенно начала терять свой *raison d'être*, и затѣмъ только взаимное недоувѣріе европейскихъ державъ дозволило ей продержаться до настоящаго времени, а въ 40-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія укрѣпить даже нѣсколько свое вліяніе въ провинціяхъ, которыя сдѣлались почти независимыми отъ центральной власти.

Событія 1875—78 гг. не были, слѣдовательно, неожиданностью. Какъ ни желали защитники *status quo* закрыть себѣ глаза, но несомнѣнно, что искусственное поддержаніе разлагавшагося организма являлось источникомъ бѣдствій гораздо худшихъ, чѣмъ смѣлая хирургическая операція.

Въ чемъ же состояла спасительная операція — было понятно само собою. Сгнила не Турція, не ея народныя силы, а тѣ слабыя связи, которыя сдерживали ихъ въ опредѣленной политической формѣ. Раздѣленіе Турецкой монархіи стало такимъ образомъ, *à l'ordre du jour* и отъ болѣе или менѣе удачнаго произведенія этого расчлененія, сдѣланнаго ли силою оружія вассаловъ или путемъ общаго соглашенія европейскихъ державъ, зависѣло спокойствіе Европы. Турецкая монархія, скроенная мечомъ изъ земель и народностей, ничего общаго между собою не имѣющихъ, при расчлененіи должна была распасться, какъ кристаллическая порода, связующее вещество которой вывѣтрилось, а минеральныя частицы опредѣленной формы сохранили свои грани.

Оставалось, слѣдовательно, только опредѣлить тѣ зерна, тѣ плот-

ныя политическія агрегаціи, далѣ которыхъ дѣленіе Турецкой монархіи идти не могло, а затѣмъ уже задать вопросъ, какого рода новыя комбинаціи возможны изъ этого первичнаго матеріала? Этнографія служила могущественнымъ орудіемъ для разъясненія такого вопроса.

Турецкая монархія состояла въ 1877 году изъ мозаики самыхъ разнообразныхъ народностей, не сходныхъ ни по языку, ни по социальнымъ условіямъ, но многія изъ этихъ народностей образовали естественныя группы, довольно близкія между собою и всегда сохранявшія въ той или другой формѣ тѣсную связь. Числовыхъ данныхъ обо всѣхъ этихъ народностяхъ имѣлось очень много, хотя всѣ онѣ были невѣрны, въ особенности въ численности колпчества турокъ, къ которымъ обыкновенно относили почти всѣхъ магометанъ. Впрочемъ, даже по официальному, крайне преувеличенному расчету, турокъ въ Европѣ, Африкѣ и Азій не болѣе 40% всего населенія Турецкой имперіи, въ дѣйствительности же въ 1877 г. ихъ навѣрное было менѣе четверти населенія. Цифровыя данныя не имѣли, впрочемъ, особаго значенія, потому что въ Турціи примѣры одновременнаго сожительства нѣсколькихъ національностей на протяженіи одной и той же территоріи слишкомъ часты и желать при новомъ политическомъ устройствѣ страны держаться строго и исключительно принципа національности составило бы почти неразрѣшимую задачу, да и представлялось излишнею роскошью въ виду того, что нигдѣ въ цѣломъ мірѣ мы не видимъ государствъ съ вполне однороднымъ племеннымъ составомъ.

Обращаясь къ историческимъ примѣрамъ, мы замѣчаемъ, что значительныя части, входившія нѣкогда въ составъ турецкой агломерациі, очень легко ассимилировались съ сосѣдними государствами или образовали самостоятельныя единицы. Такъ, часть Венгріи, Славонія и Банатъ сдѣлались достояніемъ короля св. Стефана, Россія воспользовалась западнымъ Кавказомъ, Новороссіей и Бессарабіей, Франція — Алжиромъ, Греція, Черногорія, Румынія, Сербія, Самось, Египеть, Тунисъ и Недждъ устроились къ началу Восточной войны вполне или отчасти независимо. Нѣтъ сомнѣнія, что и дальнѣйшее дробленіе турецкихъ земель могло идти въ томъ же естественномъ направленіи: нѣкоторыя части могли ассимилироваться сосѣдними государствами, изъ другихъ образоваться автономныя единицы, находящіяся въ вассальной зависимости отъ этихъ государствъ, наконецъ, третьи должны были составить собственныя вполне самостоятельныя единицы.

Турція владѣла въ 1877 г. территоріей въ Европѣ, Азій и Африкѣ; часть ея безъ всякаго затрудненія могла быть устроена на основаніяхъ уже, такъ сказать, намѣченныхъ. Въ Европѣ двѣ вліятельныя группы національностей имѣли преимущественное право на наслѣдіе турецкой монархіи. Я не говорю объ османлисахъ,

ибо разъ существованіе ихъ государства признавалось несомнѣннымъ съ достоинствомъ Европы и началами справедливости, то не было надобности заботиться о приисканіи средствъ создать имъ въ Европѣ независимое положеніе, тѣмъ болѣе, что часть такъ называемыхъ турокъ — славянскіе ренегаты, которые, безъ сомнѣнія, быстро поглощаются большинствомъ населенія, а другая — истые османлысы — постепенно вымираетъ, и подъ напоромъ цивилизаціи естественно уничтожится сама собою, даже при всѣхъ гарантіяхъ ея соціального и религіознаго быта. Гораздо затруднительнѣе вопросъ объ албанцахъ, которые ни по происхожденію, ни по языку, а тѣмъ менѣе по образу жизни могутъ быть причислены къ одной изъ преобладающихъ на Балканскомъ полуостровѣ племенныхъ группъ.

Славяне образуютъ тамъ двѣ главныя отрасли: сербовъ и болгаръ. Граница первыхъ очерчена довольно ясно, но для политическаго переустройства ихъ являлись многія препятствія въ религіи, соперничествѣ династій Нѣгоша и Обреновича, а особенно въ томъ, что наибольшая часть сербскаго народа и весьма близкихъ къ послѣднему словенъ состоитъ въ подданствѣ нѣмцевъ и мадьяръ. Очень трудно гадать о будущемъ, но невозможно отнять у сербовъ право мечтать объ образованіи единой Сербіи, государства, которое, включая сербовъ, хорватовъ и словенъ (хорутанцевъ), образуетъ королевство съ весьма почтенною цифрою (свыше 11 мил.) населенія, въ очень выгодныхъ географическихъ условіяхъ.

Пока, однако, такое королевство является болѣе плодомъ политическихъ фантазій, а ликвидация сербскихъ земель, принадлежавшихъ Турціи, фактъ настоятельный. Я думаю, что нейтрализовать противорѣчивые интересы возможно было вполне удовлетворительно такимъ образомъ. Княжество Сербія получало бы большую часть Боснии и ту часть Старой Сербіи, гдѣ сохранилось еще сербское населеніе. Часть Боснии, такъ называемая Краина, населенная сербами-католиками, уступалась бы Австріи и присоединялась къ Далмаціи, отъ которой взамѣнъ того отдѣлялось все чрезполосное владѣніе по Катарскому заливу и вмѣстѣ съ Герцеговиной присоединялось къ Черногоріи; къ послѣдней отходила бы также часть Албаніи, занятая православнымъ населеніемъ, и ближайшій къ Антивари берегъ Адриатическаго моря.

Болгарія и вся населенная болгарами, а отчасти турками и греками часть Македоніи, Добруджи и Румелии, за исключеніемъ Константинополя, должны были образовать независимое государство Болгарское, въ 5½ или 6 мил. населенія, съ центромъ въ Адрианополь, портами въ Варну и Салоникахъ и съ принцемъ греческаго исповѣданія на престолѣ, по выбору учредительнаго собранія. Эпиръ и Фессалія присоединялись бы къ греческому королевству, которое кромѣ того получало Критъ и острова Архипелага, т. е. всего свыше 1.700,000 новыхъ подданныхъ. Изъ Архи-

пелага исключались только, какъ стратегическіе пункты. Тенедось и Родось, которые должны находиться въ рукахъ того, кто будетъ владѣть Константинополемъ.

Оставшаяся неприсоединенною къ Черногоріи часть Албаніи, съ населеніемъ въ 200,000, если не пожелала бы присоединиться сама къ Греціи, могла образовать небольшую независимую республику—родъ старыхъ швейцарскихъ кантоновъ. Албанія такая земля, присоединеніе которой будетъ скорѣе тягостью, чѣмъ находкой для какого угодно государства.

Греція по своему географическому положенію могла сохранить попрежнему полную независимость, но Болгарія—по совершенной новости ея политическаго положенія и по неравномѣрности этнографическаго состава населенія, особенно по окраинамъ, а равно сербскія земли—въ виду объясненнаго выше ихъ двойственнаго положенія, необходимо должны были оставаться подъ протекторатомъ болѣе сильнаго государства. По географическому положенію такихъ государствъ два—Австро-Венгрія и Россія: протекторатъ послѣдней, какъ государства славянскаго и одинаковаго по вѣрѣ, имѣлъ болѣе правъ и охотнѣе принялся бы мѣстнымъ населеніемъ. Австро-Венгрія, господствуя уже надъ столькими миллионами сербовъ, имѣла бы, пожалуй, также право на послѣднихъ, но присоединеніе вассальныхъ сербскихъ государствъ къ Австріи произвело бы постепенно отпаденіе отъ послѣдней собственныхъ сербскихъ земель; затѣмъ такое успленіе славянскаго элемента разрушаетъ всю систему дуализма, внѣ котораго въ Австріи возможна только федерація, причемъ славяне получаютъ преобладающее значеніе, т. е. разрушаютъ тѣ основы, на которыхъ зиждется теперь монархія Габсбурговъ.

Гораздо естественнѣе сербскія государства и Болгарію было поставить въ вассальную, хотя глубокую зависимость отъ Россіи. Австро-Венгрія же могла быть вознаграждена тѣмъ, что Румынія,—отъ которой отходилъ клочокъ Бессарабіи, необходимый, какъ естественная граница, для Россіи,—слившись съ румынскими же Трансильваніей и Буковиной, образовала подъ пменемъ Дакіи независимую группу въ Австрійской монархіи, подобно Венгріи. Для румынъ замѣна турецкаго вассальнаго владычества австрійскимъ никакой существенной разницы не составила бы и даже казалась бы выгодною, потому что такимъ образомъ осуществлялось единство румынскаго племени въ Европѣ. Австрія же обращалась бы временно въ триединую Дунайскую монархію, гдѣ четыре составныхъ элемента ея: славяне, нѣмцы, мадьяры и румыны парализовали бы центробѣжныя стремленія каждой части имперіи.

Для того чтобы Россія могла поддерживать свой протекторатъ надъ славянскими землями надлежащимъ образомъ, а равно, чтобы Австрія, владѣя Дунаемъ, не могла каждую минуту отрѣзать Россіи доступъ къ ея ближайшимъ союзникамъ, необходимо Восторъ и

Дарданеллы съ окружающими мѣстностями оставить было въ рукахъ Россіи. Такое чрезполосное владѣніе при существованіи пароходства на незамерзающемъ морѣ никакаго затрудненія для Россіи не составило бы, между тѣмъ оно поставило бы ее прочно на открытомъ и совершенно необходимомъ для нея Средиземномъ морѣ.

Безъ сомнѣнія, на этомъ морѣ и другія государства имѣютъ интересы не менѣе существенные, особенно Англія, для которой съ прорытіемъ Суэзскаго перешейка Средиземное море получило снова первенствующее значеніе, какъ кратчайшій путь въ Остъ-Индію. Поэтому Англія по справедливости имѣла бы право занять нѣкоторые необходимыя для нея пункты турецкихъ владѣній по Красному морю и Персидскому заливу, напр. Джедду, Бассору и др., а затѣмъ вся остальная населенная арабами часть Оттоманской имперіи, т. е. южная Сирія, Мессопотамія, Геджасъ, Іемень, Египетъ и Триполи должны образовать одно независимое государство съ столицею Капромъ и неселеніемъ въ 14 мил., которое, пожалуй, можетъ сохранить нынѣшнюю египетскую династію, но съ перенесеніемъ протектората отъ Турціи къ Англіи, которая обезпечивала бы такимъ образомъ навсегда за собою Красное море и Персидскій заливъ, т. е. прямое сообщеніе съ Индостаномъ и Австраліей. При этомъ Суэзскій каналъ и Святые Мѣста слѣдовало бы нейтрализовать и подчинить управленію особыхъ международныхъ комиссій.

Тунисъ, составляющій часть арабскихъ владѣній Турціи, хотя и чисто номинальныхъ, долженъ быть сдѣланъ вассаломъ Италіи, или, если послѣдняя будетъ вознаграждена южнымъ Тиролемъ, взаимнѣе усиленія австрійскаго могущества на Дунаѣ вассальною зависимостью 4¹/₂ мил. румынъ, то — Франціи, которая, соединивъ свои колоніи Сенегала съ владѣніями по Средиземному морю, приобрѣтала бы тогда въ западной Африкѣ такое же прочное положеніе, которое Англія занимаетъ въ южной и восточной частяхъ этого обширнаго материка.

Нѣсколько затруднительнѣе былъ вопросъ о переустройствѣ малоазійскихъ владѣній Турціи. Выше я сказалъ уже, что большая часть Сиріи и Мессопотаміи могла бы отойти къ Египту, точно также весьма естественно Арменію, какъ страну христіанскую и имѣющую географически и въ племенномъ отношеніи много общаго съ Закавказьемъ, присоединить непосредственно къ Россіи. Затѣмъ оставались еще Анатолія, Курдистанъ и сѣверная часть Сиріи, дальнѣйшая участь которыхъ требуетъ нѣкотораго разъясненія.

Я забылъ прибавить, что владѣніе Константинополемъ и проливами немисливо безъ владѣнія болѣе или менѣе значительной полосой азіатскаго берега. Граница здѣсь должна быть проведена сообразно военнымъ потребностямъ, не гоняясь за территориальнымъ расширеніемъ, потому что обладаніе Константинополемъ, даже

подъ условіемъ содержанія тамъ постоянно значительной военной силы, окупится необыкновенными выгодами этой мѣстности для торговли. По примѣрному соображенію, на обѣихъ берегахъ проливовъ Россіи досталось бы около 1¹ мил. населенія.

Остальная часть Малой Азіи представляетъ страну, населенную внутри турками, лазами, курдами и др. мусульманскими народами, а по окраинамъ греческими колоніями. Грековъ здѣсь свыше миллиона, а турокъ по умѣренному даже счету не менѣе шести миллионовъ. Отдѣленіе береговой полосы, не говоря уже о затруднительности разграниченія, было бы невозможно, такъ какъ это значило бы обречь на смерть экономическое развитіе и безъ того довольно бѣдной мѣстности страны. Во всякомъ случаѣ, порѣшивъ разъ навсегда подчинить христіанскія народности туркамъ, въ возможно меньшихъ пропорціяхъ, не оставалось ничего, кромѣ уступки Трѣбизонда и лежащихъ къ востоку гаваней Россіи, какъ естественнаго дополненія Армянской области, и образованія изъ западной и юго-западной частей Малой Азіи, т. е. изъ древней Іоніи и Киликіи съ островомъ Кипромъ и нѣкоторыми ближайшими островами особаго греческаго государства въ 2 мил. населенія, которое, имѣя столицю Смирну, могло бы находиться до времени въ личномъ соединеніи съ греческимъ королевствомъ, какъ, на примѣръ, Норвегія соединена съ Швеціей.

Затѣмъ, остальное пространство *potens volens* въ ожиданіи, пока сбудется пророчество одной остроумной дамы *que l'Asie mineure sera majeure*, должно сохраниться пока подъ турецкимъ владычествомъ. Причемъ можно избрать столицю Брюссу, Дамаскъ или Діарбекиръ. У султана все еще осталось бы тогда столько же подданныхъ, сколько ихъ имѣеть другой могущественный мусульманскій государь—шахъ персидскій. Нѣсколько гаваней по Средиземному, Мраморному и Черному морямъ доставятъ этому государству средства для выгодной торговли, но о заведеніи какого либо военнаго флота, конечно, не могло быть болѣе и рѣчи, да онъ и не имѣлъ бы смысла. Турецкая администрація обратила въ пустыню означенный край, но онъ вовсе не такъ бѣденъ. Нашъ соотечественникъ, покойный П. Чихачовъ, многіе годы изучавшій Малую Азію во всѣхъ отношеніяхъ, убѣдился, что при другомъ порядкѣ вещей она и теперь, вопреки мнѣнію Лябиха, приписывавшаго запустѣніе ея истощенію почвы, могла бы кормить огромное населеніе.

Важень еще одинъ вопросъ,—турецкій вѣншній государственный долгъ. Хотя лица, ссудившія турецкому правительству деньги, давно въ высшихъ процентахъ выручили свои капиталы, тѣмъ болѣе, что займы выпускались обыкновенно между 40 и 50 за сто, но для успокоенія европейскихъ капиталистовъ было бы справедливо турецкій вѣншній долгъ раздѣлить между всѣми наследниками пропорціонально населенію, исключивъ даже, пожалуй, соб-

ственно турецкое государство, которому и безъ того предстоялъ бы большой расходъ на перевозъ администраціи въ Азію.

Проектовъ раздѣла Турціи существовало не мало¹⁾. До нынѣшняго столѣтія, подъ вліяніемъ отчасти воспоминаній о крестовыхъ походахъ, волновавшихъ Европу два съ половиною вѣка, мысль объ уничтоженіи мусульманскаго государства была въ модѣ. Она занимала не только политиковъ, но и ученыхъ. Бэконъ въ своемъ «*de Vello sacro*» доказывалъ, что турки стоятъ внѣ международнаго права; графъ де-Бревъ, игравшій важную роль въ Левантѣ, представилъ Людовику XIII подробную записку о необходимости изгнанія турокъ изъ Европы. Ту же идею проводилъ Лейбницъ, въ 1668 году, въ «*Consilium Aegyptiacum*», а Вольней, въ 1788 году, въ извѣстныхъ «*Considérations sur la guerre des Turcs*». Недавно появился проектъ англійскій, предоставляющій Англии протекторатъ надъ всѣми христіанами на Востокѣ, Австро-Венгрію—Боснію и Герцеговину, Франціи—Сирію, Россіи—гавань у Босфора, острова у Дарданеллъ и Обокъ, отбираемый отъ Франціи. Есть даже проектъ англо-индусскій, предоставляющій Греціи—Албанію, Критъ и европейскій Архипелагъ, Италиі—Триполи, Англии—Египеть и Кипръ, Франціи—Сирію и Месопотамію, Германіи—Аравію, Австро-Венгрію—всю Европейскую Турцію съ Константинополемъ, Россіи—Малую Азію и азіатскій Архипелагъ.

И русскіхъ проектовъ раздѣла Турціи было не мало. Практически мысль эта обсуждалась и дѣлались надлежащіе приготовления, по инициативѣ Екатерины II, въ 1788 году. Графъ Ростопчинъ въ 1800 г. предлагалъ Павлу I раздѣлить Турцію, причемъ Россія возьметъ Румелію, Булгарію и Молдавію; Австрія—Боснію, Сербію и Валахію; Пруссія отдавалось курфиршество ганноверское и епископство падерборнское и монстерское; Франціи—Египеть. Греція съ островами Архипелага образовали республику.

Въ Тильзитѣ между Александромъ I и Наполеономъ былъ намѣченъ слѣдующій планъ раздѣла Турціи. Россія приобрѣтала: Бессарабію, Молдавію, Валахію и Болгарію до Балканъ; Наполеонъ присоединялъ къ своимъ владѣніямъ: Албанію, Фессалію, Морею, Кандію и соглашался дать Австріи Боснію и Сербію. Турки удерживали Константинополь, Румелію, Малую Азію и Египеть. Соотвѣтственно съ этимъ въ началѣ турецкой войны Александръ I предложилъ Австріи занять Боснію, Сербію и Краину, въ то время какъ Россія завладѣла бы Дунайскими княжествами.

Въ 1828 году гр. Каподистрія представилъ тайному комитету, созданному Николаемъ I, новый планъ политическаго переустройства Балканскаго полуострова. Оттоманская имперія въ Европѣ за-

¹⁾ Вышеназванный проектъ раздѣла Турціи былъ предложенъ мною набанунѣ войны, въ «Новомъ Времени», въ формѣ анонимнаго письма изъ Віаррица. Письмо это въ свое время, въ 1877 г., вызвало много комментариевъ и обшло европейскую печать.

мѣнялась странами: Даліею, составленною изъ Молдавіи и Валахіи; Сербіею, обнимавшею кромѣ этой области еще Болгарію и Боснію; Македонію, въ составъ которой вошли бы, кромѣ собственно Македоніи и Фракіи, многіе острова Архипелага. Эпиромъ съ областью того же племени и Албаніею и, наконецъ, Греціею. Эти государства составляютъ между собою федерацію, столицею которой назначается Константинополь, объявляемый вольнымъ городомъ, съ прирѣзкою небольшой территоріи. Последній пунктъ вызвалъ справедливыя возраженія со стороны гр. Поппо-ди-Борго и Дашкова, находившихъ, что при указанныхъ условіяхъ Константинополь не былъ бы въ состояніи, закрывъ проливы, ограждать черноморское побережье. Такое же мнѣніе высказалъ и гр. Нессельроде въ 1829 г. въ моментъ, когда побѣды Дибича подняли вопросъ о раздѣлѣ. Нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ, передавая, очевидно, мысли Николаю I, находилъ, что не только нельзя сдѣлать Константинополь вольнымъ городомъ, но придется укрѣплять проливы для защиты и отъ отброшенныхъ въ Азію турокъ.

Наконецъ предъ началомъ Крымской войны императоръ Николай, въ извѣстномъ разговорѣ съ англійскимъ посломъ Сеймуромъ, предлагалъ Дунайскія княжества, Сербію и Болгарію сдѣлать независимыми и поставить подъ протекторатъ Россіи, а Англіи отдать Египетъ и Критъ ¹⁾).

Всѣмъ извѣстнымъ сдѣленіемъ обстоятельствъ планы раздѣла разстраивались. Герцогъ Веллингтонъ въ разговорѣ съ императоромъ Николаемъ, упомянувъ, что Турція умраетъ уже четыре столѣтія, весьма вѣрно замѣтилъ, что вопросъ о наследствѣ «большого человѣка» было бы легче рѣшить, если бы въ Турціи было два Константинополя.

Я не претендовалъ на безусловно хорошее рѣшеніе, но оно мнѣ казалось достаточно примирившимъ тѣ интересы, которые въ восточномъ вопросѣ непосредственно сталкиваются. Удовлетворить всѣхъ и каждаго, конечно, невозможно, да и въ Европѣ немного вопросовъ, гдѣ на другой почвѣ взаимныя компенсаціи возможно сдѣлать ко всеобщему удовольствію.

Война 1877 г. остановилась на половинѣ — до полного раздѣла Турціи не дошло. Частичныя же раздѣлы, частью на основаніи Берлинскаго трактата, частью по позднѣйшимъ соглашеніямъ, произошли нѣсколько иначе, чѣмъ проектировано выше. Румынія, получившая вмѣсто южной Бессарабіи Добруджу, Сербія, увеличившаяся Нишской провинціей, и Черногорія, получившая Антивари, сдѣла-

¹⁾ Достоянію вниманія, по своей курьезности, поддержанный прусскимъ королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ IV проектъ Радовица обратить Святыя Мѣста въ собственность пяти великихъ державъ, причѣмъ гору Сіонъ, укрѣпивъ, занять смѣшаннымъ европейскомъ гарнизономъ. Только въ Парижѣ къ проекту отнеслись сочувственно, потому что онъ подходилъ къ предложенію, сдѣланному Гизо Меттерниху и Пальмерстону. Въ С.-Петербургѣ же прусскій проектъ встрѣтилъ рѣшительный отпоръ.

лись независимыми государствами. Россіи достались, сверхъ части Бессарабіи, Батумская и Карсская области. Австро-Венгрія взяла себѣ, якобы временно, Боснію, Герцеговину и часть Старой Сербіи; Англія также, будто бы временно, захватила Кипръ; Греція получила Фессалію и только часть Эпира; Франція заняла Тунисъ; Италія уже безъ всякаго согласія Турціи взяла часть египетскихъ гаваней по Красному морю.

Но одно дѣло отвоевать свободу какого-либо народа, другое—устроить государственный бытъ на вполне прочномъ основаніи. Дипломаты нѣсколько разъ задавали себѣ вопросъ: отчего это за послѣднія 50 лѣтъ наше положеніе среди освобожденныхъ нашею кровью народовъ Балканскаго полуострова нисколько не улучшилось, но даже ухудшилось—и это послѣ блестящихъ побѣдъ 1829 и 1877 годовъ? вмѣсто того, чтобы отвѣтить прямо, что главная вина въ политикѣ, которая, связывая насъ по рукамъ и ногамъ, заставляла слушать коварные совѣты западныхъ друзей, дипломаты винили обыкновенно нашу заботливость объ освобожденныхъ народахъ.

Освобождая народы, говорятъ они, мы постоянно брали на себя роль ихъ опекуновъ и руководителей, и хотя, несомнѣнно, поступали въ этихъ случаяхъ безкорыстно, тѣмъ не менѣе «неумѣреннымъ вмѣшательствомъ» въ чужое хозяйство, во-первыхъ, подавали поводъ къ обвиненіямъ въ тайномъ намѣреніи вполне подчинить себѣ освобождаемыхъ единоувѣрцевъ, а во-вторыхъ—возбуждали противъ себя недовольство въ странѣ. И правительство, и общество совершенно упускали изъ виду, что въ благодѣтельствуемыхъ нами странахъ мы все же были чуждымъ элементомъ и что поэтому, при непосредственномъ вмѣшательствѣ во внутреннія дѣла страны, главная отвѣтственность за ошибки падала на насъ, а не на тѣхъ, кого мы освобождали.

Говорить подобное, значитъ забывать, въ какомъ положеніи были освобожденные нами народы. Когда Киселевъ взялъ въ руки управление Румыніей, то «первыя основы общезанятія и гражданственности—обезпеченіе личности и собственности, можно сказать, не существовали въ княжествахъ,—пишетъ его біографъ Заблоцкій-Десятовскій; главнымъ источникомъ доходовъ полиціи было разбойничество и воровство. Преступниковъ не только не преслѣдовали, но, напротивъ того, тайно имъ покровительствовали, участвуя съ злодѣями въ дѣлежѣ награбленнаго и накраденнаго... Отправленіе правосудія считалось какъ простой придатокъ власти и какъ дѣло совершенно второстепенное; законы оставались безъ власти; фаворитизмъ и капризъ рѣшали дѣло и справедливость приносилась въ жертву корыстнымъ интересамъ и низкимъ страстямъ... Вездѣ сила замѣняла право, вмѣсто закона господствовали произволъ, и злоупотребленія всякаго рода составляли единственный способъ производить богатство»...

Въ еще худшемъ положеніи послѣ освобожденія были Греція

при гр. Каподистрия и Сербия при Георгии Черномъ и Милоше. Какимъ же образомъ можно утверждать, что мы непрощенно хазяинчили въ странахъ, когда эти страны не имѣли другихъ хазяевъ, кромѣ атамановъ разбойничьихъ шаекъ? Вѣдь это только въ 1877 году, послѣ того какъ мы сами подвергались временному умственному затменію, мы сообразили, что стоило заказать Лукьянову и Градовскому сочинить для Болгаріи конституцію на манеръ бельгійской, чтобы бывшіе прикащики въ турецкихъ лавкахъ обратились бы въ конституціонныхъ министровъ. Тогда еще не знали чудодѣйственной силы, которая нашего же интендантскаго чиновника Стамбулова превратила вдругъ въ Гизо или Плитта, съ которыми русскіе дипломатическіе генералы разговаривали съ подобнымъ почтеніемъ.

Дипломаты увѣряютъ, что мы, къ сожалѣнію, мало знаемъ исторію нашихъ сношеній съ балканскими народами, а если бы знали, то видѣли бы, что, за исключеніемъ времени Киселева въ Румыніи, мы пользовались своимъ «неограниченнымъ» вліяніемъ въ ущербъ собственнымъ интересамъ. Интересъ же нашъ будто бы состоялъ только въ признаніи «права полной самостоятельности балканскихъ народовъ во внутреннемъ управленіи». Создадимъ «Болгарію для болгаръ», «Румынію для румынъ», «Грецію для грековъ», говорили дипломаты, и «едва ли можно сомнѣваться, что повсемѣстно начнется быстрый поворотъ въ нашу пользу и нѣсколько десятковъ дѣйствительныхъ нашихъ враговъ потеряютъ всякую почву».

Прежде чѣмъ перейти къ разбору этой программы, надобно защищать память графа Киселева отъ малѣйшаго сочувствія къ подобнымъ взглядамъ. Хотя дипломаты считаютъ управленіе Киселева единственнымъ приятнымъ исключеніемъ, но вотъ что писалъ самъ Киселевъ въ кн. Орлову въ 1833 г., когда уже достаточно поуправлялъ Дунайскими княжествами:

«Надо разсѣчь узель, оставить за нами княжества въ теченіе десяти лѣтъ. Я думаю такъ потому, что считаю Дунай границею имперіи, и несмотря на Нессельрода и всѣхъ вашихъ петербургскихъ политиковъ, сила возьметъ верхъ надъ природою, и мы будемъ тамъ, гдѣ намъ должно быть. Продолжая оккупацию, мы приучимъ умы насъ видѣть и присоединеніе сдѣлается удобнѣе. Оставить добровольно выгодное положеніе, въ которомъ мы находимся, будетъ глупостью, которую вы, я увѣренъ, не потерпите»...

Орловъ отвѣчалъ, что вполне сочувствуетъ Киселеву, но сомнѣвается въ успѣхѣ, въ виду нашего тѣснаго сближенія съ Австріею, т. е. въ виду Нессельродовъ и другихъ дипломатовъ того времени. Впрочемъ любимецъ Нессельрода, Брунновъ, писалъ передъ Крымскою войною: «Война создастъ на развалинахъ Турціи новыя государства, которыя будутъ въ отношеніи насъ столь же неблагоприятны, какъ была Греція; которыя настолько же будутъ

неудобны для насъ, какъ Дунайскія княжества въ настоящее время: и что еще хуже—она создастъ въ будущемъ такой порядокъ вещей, при которомъ наше вліяніе еще больше будетъ встрѣчать противодѣйствія и будетъ ограничиваемо соперничествомъ со стороны Франціи, Англіи и даже Австріи, чѣмъ были до сихъ поръ во время господства турокъ».

«Мы будемъ проливать нашу кровь,—пророчески прибавлялъ Брунновъ, и тратить наши деньги для того, чтобы греческій король приобрѣлъ Фессалію, чтобы англичане забрали нѣсколько новыхъ острововъ, имъ удобныхъ, чтобы французы имѣли въ этомъ дѣлѣ свою часть и чтобы Оттоманская имперія замѣнилась независимыми государствами, которыя сдѣлаются для насъ или обременительны покровительствуемымъ, или враждебными сосѣдями».

Предлагая создавать вопли автономныя и чуждыя намъ государства на Балканскомъ полуостровѣ и забывая, что народности перемѣшаны тамъ во многихъ мѣстахъ такъ, что никогда нельзя разграничить національности въ точно опредѣленныхъ границахъ, дипломаты совѣтовали Россіи взять за образецъ политику Наполеона III въ Румыніи во времена князя Кузы и политику австро-венгерцевъ по отношенію къ Сербіи въ настоящее время.

Этотъ совѣтъ показываетъ только, что и дипломаты забывали очень скоро исторію. Наполеонъ III дѣйствительно руководилъ политикой Румыніи при Кузѣ; онъ дѣйствительно былъ авторомъ румынскаго единства, которое наша дипломатія, заискивавшая у Франціи послѣ Крымской войны, имѣла непростительную слабость допустить, что было одною изъ величайшихъ ошибокъ въ ея исторіи. Но, спрашивается, гдѣ плоды этой наполеоновской политики? Румынія давно вышла изъ круга французскаго вліянія, Наполеонъ же своими интригами на Дунаѣ только лишилъ Францію естественнаго союзника, что и почувствовали на собственной спинѣ въ 1870 г. Наполеонъ I былъ въ этомъ случаѣ сообразительнѣе, предлагая намъ на эрфуртскомъ свиданіи Дунайскія княжества. Къ несчастію, наша дипломатія, принимая даръ Наполеона, увлеклась затѣмъ такого рода политикой, которая, подъ вышнимъ видомъ торжества, на пятьдесятъ лѣтъ отодвинула Россію на задній планъ, отдавъ ее подъ начало Австріи.

Еще менѣе убѣдительна ссылка на примѣръ Австро-Венгріи. Что думаютъ австрійцы по отношенію къ Сербіи, никто не знаетъ, но всѣмъ извѣстно, что думаютъ австрійцы и мадьяры по отношенію къ сербамъ. Здѣсь далеко они не ограничиваются тѣмъ «общимъ политическимъ руководствомъ», о которомъ лепетали дипломаты. Мало-по-малу австрійцы и венгерцы не только стали «хозяйничать», но и забрали сербовъ Хорватин, Сръма, Славоніи, Башки, Баната, Военной границы, Далмаціи, Рагузанской республики, Боки Котторской, Босніи, Герцеговины и Старой Сербіи. Трудно послѣ этого предполагать, что австрійцы намѣрены

поступить иначе по отношенію къ тому ключу сербскаго народа, который живетъ еще полу-автономно въ нынѣшнемъ королевствѣ Сербіи, такъ такъ онъ не составляетъ и 15 проц. общаго числа сербовъ, попавшихъ уже въ руки Габсбургскаго дома. Какъ же хорошо жилось сербамъ подъ этимъ «руководительствомъ» Австріи, видно изъ того, что еще въ прошломъ столѣтіи, когда въ Россіи въ полномъ цвѣтѣ было и крѣпостное право, и пытка, сто тысячъ сербовъ ушло въ наше подданство, предпочтя сосѣдство съ хищными татарами нѣмецкимъ чиновникамъ и іезуитскимъ священникамъ.

Я полагаю, что намъ нѣтъ нужды въ примѣрахъ ни Наполеона III, ни современныхъ австрійскихъ дипломатовъ. Россія имѣетъ на Балканскомъ полуостровѣ свою исторію, начинающуюся еще со Святослава, и въ ея выводахъ должна искать себѣ рѣшенія и примѣровъ. Наша задача пошире сочпненій для румынъ и болгаръ эфемерныхъ автономій и конституцій и призванія туда нѣмецкихъ принцевъ. Россія стоитъ во главѣ восточнаго міра, во главѣ всѣхъ славянъ и всего православія и въ интересахъ ихъ должна вести войну съ Западомъ, вести неустанно и вѣками. Для насъ болгары, сербы, румыны только солдаты въ колоссальной борьбѣ, солдаты въ гигантской вѣковой битвѣ. «Въ битвѣ же всегда оправдывается старое правило, что обѣ стороны одинаково боятся другъ друга. Кто первый сумѣетъ освободиться отъ этого впечатлѣнія и сдѣлаться морально господномъ положенія, тотъ и будетъ побѣдителемъ, ибо надъ всѣми силами стоятъ тѣ, которыя дѣйствуютъ на душу и наполняютъ ее или страхомъ и заботой, или гордостью и самоувѣренностью».

Эти умныя строки, выпсанныя мною изъ нѣмецкаго курса стратегіи (Баронъ Кальмаръ фонъ-деръ-Гольцъ: «Вооруженный народъ»), лучше всего рисуютъ тотъ образъ дѣйствій, который должна избрать Россія. Горе ей, если она будетъ слушаться дипломатовъ и заискивать расположенія кого бы то ни было, а тѣмъ болѣе болгаръ и сербовъ, которые обязаны ей всѣмъ, т. е. тѣмъ, что они люди, а не рабочій скотъ турокъ. Гордость тѣмъ, что Россія сдѣлала для освобожденія балканскихъ народовъ, и увѣренность въ томъ—какъ выразился Киселевъ—что мы «будемъ тамъ, гдѣ намъ должно быть»—такова программа русской политикѣ. Программа простая и ясная, а, слѣдовательно, легко осуществляемая. Въ хитросплетеніяхъ же, достойныхъ беспильнаго государства, прикidyвающегося крѣпкимъ, мы непремѣнно запутаемся и въ концѣ концовъ проиграемъ.

Народы живутъ не мѣсяцами и годами, и вопросъ еще—долго ли будетъ общественное мнѣніе въ освобожденныхъ нами турецкихъ провинціяхъ намъ враждебно? Весьма вѣроятно, что очень скоро произойдетъ рѣзкій переворотъ и всѣ славянскія и православныя народности поймутъ, что только подъ охраною Россіи онѣ могутъ обезпечить себѣ въ будущемъ спокойное существованіе.

Болгарія.

Источникомъ затруднительнаго положенія болгарскаго народа наиболѣе служитъ трудность разграничить границы расселенія болгарскаго племени отъ греческаго и частью сербскаго и румынскаго, а затѣмъ малая подготовленность болгарскаго народа къ конституціонной жизни, навязанной ему нами въ 1878 году.

Болгары, какъ и сербы, румыны и греки, въ моментъ освобожденія ихъ русскими были деморализованы многовѣковымъ турецкимъ рабствомъ. Неудивительно, что дарованную имъ свободу они употребляютъ не на упроченіе внутренняго мира и благосостоянія, а на взаимныя соперничества, которыя еще усиливаются фантазіями о возстановленіи ихъ былого величія. Политическая рознь, вѣроисповѣдная вражда, унаслѣдованная отъ Византии, страсть къ интригамъ и обезьянское преклоненіе передъ верхушками западнаго прогресса являются весьма серьезными препятствіями къ дальнѣйшему преуспѣянію и къ спокойному развитію балканскихъ государствъ. Эти безпокойные наслѣдники Турціи обѣщаютъ дать не менѣе послѣдней работы европейской дипломатіи.

Греко-болгарскій церковный споръ, возникшій при содѣйствіи русской дипломатіи еще до образованія автономной Болгаріи, немедленно обратился въ жгучій національно-политическій вопросъ. Въ печати нашей по поводу его появился рядъ рѣзкихъ статей, принадлежавшихъ покойному Т. И. Филиппову, писателю весьма свѣдущему въ церковныхъ вопросахъ и ярому защитнику притязаній константинопольскаго патриаршаго престола.

Филипповъ держался на такой узкой, исключительно-канонической почвѣ, на которой, чтобы препряться съ нимъ, нужно было бы обратиться къ древности, авторитетъ которой въ разрѣшеніи современныхъ политическихъ столкновеній едва ли можетъ быть серьезно поддерживаемъ. Но нѣкоторыя изъ соображеній Филиппова не потеряли до сихъ поръ значенія. Причиной новаго раскола онъ считалъ отказъ св. синода принять во всемъ этомъ дѣлѣ болѣе дѣятельное участіе. Сообразно съ этимъ взглядомъ онъ и излагаетъ исторію событій, повлекшихъ къ опредѣленіямъ константинопольскаго собора, предавшаго болгаръ и принципъ раздѣленія церквей по народностямъ, а не по территориямъ, проклятію. Бывшій константинопольскій патриархъ Григорій два раза, какъ извѣстно, приглашалъ Россію на вселенскій соборъ для разрѣшенія этого вопроса и оба раза получалъ отказъ, въ послѣдній разъ даже довольно жесткій. «Горько видѣть», говоритъ Филипповъ, «что мы, лишенные установленныхъ вселенскою церковью для всѣхъ мѣстныхъ церквей обязательныхъ періодическихъ соборовъ, дошли уже до того, что перестали вѣрить въ силу собора, которая есть между тѣмъ главная сила церкви. Въ подобныхъ слу-

чаяхъ церковь никогда не сомнѣвалась въ достоинствѣ и силѣ соборнаго сужденія. вѣруя, что спасеніе во мнозѣ совѣтѣ... Для самой русской церкви созваніе собора было бы началомъ возстановленія изъ того печальнаго и уныннаго положенія, въ которое она повержена многими исторически-сложившимися причинами, и болѣе всего лишеніемъ соборнаго начала».

Причиной отказа св. Синода Филипповъ считалъ дипломатическія соображенія.—что русскіе іерархи могли быть подавлены численностью представителей чисто-греческихъ церквей: константинопольской, антиохійской, іерусалимской, александрійской и аѳинской, и доказываетъ, что подобное опасеніе было несправедливо, такъ какъ на нашей сторонѣ, кромѣ нравственнаго авторитета Россіи, были бы епископы славянъ турецкихъ, австрійскихъ и румынскихъ. Официально Синодъ отвѣчалъ патриарху, что всѣ соборы созывались до сихъ поръ для устраненія ересей, а вопросъ греко-болгарскій не угрожаетъ опасностью ни одному изъ догматовъ православной вѣры. На это Филипповъ возражалъ указаніями на постановленія всѣхъ семи соборовъ, занимавшихся очень много административно-церковными дѣлами, что и положило начало каноническому праву.

Отдавая справедливость заявленію Филиппова о пользѣ соборнаго обсужденія, какъ наиболѣе въ принципѣ справедливаго, нельзя не отнестись съ сочувствіемъ и къ осторожному рѣшенію Синода, руководившагося въ этомъ случаѣ вовсе не тѣми соображеніями, о которыхъ говоритъ Филипповъ. Синодъ сознавалъ, что всѣ каноническія будто бы основанія, приводимыя константинопольскимъ патриархатомъ, не выдерживаютъ критики и приводятся единственно въ финансовыхъ видахъ—чтобы дозволить фанариотскому духовенству высасывать попрежнему въ свою пользу послѣдніе соки изъ бѣднаго болгарскаго населенія.

Политическая сторона греко-болгарскаго вопроса такова. Въ Турціи около двухъ милліоновъ грековъ и болѣе пяти милліоновъ болгаръ; между тѣмъ, благодаря прежнему, нынѣ смягченному, смѣшенію въ турецкомъ государственномъ устройствѣ духовнаго и свѣтскаго управленія, греческое духовенство захватило въ свои руки всѣ православныя епархіи имперіи и считало болгаръ чѣмъ-то въ родѣ дойной коровы. Когда же лучшіе люди Болгаріи, видя независимость другихъ славянскихъ церквей, задумали, наконецъ, освободить свой народъ отъ греческаго ига, то патриархатъ сталъ ссылаться на то, что установленіе раздѣленія восточныхъ церквей сдѣлано соборамъ, а слѣдовательно касаться его—значитъ касаться догматовъ православной церкви. Подобные аргументы не выдерживали, конечно, никакой критики, потому что никогда вопросы церковной администраціи не могутъ быть относимы къ догматамъ; къ тому же вселенскіе соборы были еще во времена восточной Римской имперіи; съ тѣхъ поръ не только измѣнились

всѣ политическія отношенія, но и учредились, и уничтожились многія восточныя церкви, безъ всякаго протеста со стороны другихъ церквей. Такъ, сдѣлалась совершенно независима церковь русская, румынская, греческая, австрійская, и почти независима сербская; наоборотъ, утратила самостоятельность церковь грузинская. Замѣчательнѣе всего то, что болгарская или охридская церковь была уже почти независима до 1767 года, и только съ этого сравнительно недавняго времени началась ея тѣсная связь съ константинопольскимъ патриаршимъ престоломъ.

При такой постановкѣ вопроса не могло быть, кажется, и рѣчи о правахъ греческаго духовенства. Единственнымъ спорнымъ пунктомъ, даже въ глазахъ канонистовъ, являлось разрѣшеніе, данное турецкимъ правительствомъ по настоянію гр. Пганъева, устранивать параллельныя епархіи въ мѣстахъ, гдѣ населеніе смѣшанное, напримѣръ въ Константинополѣ. Но и этотъ вопросъ, конечно, могъ бы быть улаженъ полюбовнымъ соглашеніемъ и не повлекъ бы къ расколу. Если же дѣло зашло такъ далеко, то вѣрно потому, что у грековъ была задѣта самая чувствительная сторона—ихъ карманы; а главное, благодаря вліянію продажной журналистики въ Аѣнахъ, и отчасти въ Константинополѣ, примѣшался сюда и вопросъ національно-политическій, гораздо болѣе важный, нежели всѣ споры о томъ, могутъ ли быть два епископа во градѣ единомъ—вопросъ, съ такимъ паѣосомъ разъяснявшійся Филипповымъ.

Было время, когда среди апатіи славянскаго населенія, греческое населеніе Европейской Турціи прониклось самымъ горячимъ энтузіазмомъ къ Россіи. Восторженный приѣмъ великаго князя Константина Николаевича въ Константинополѣ, въ 1845 году, можно считать апогеемъ этого энтузіазма. Любовь къ Россіи появилась однако не спроста; кровью нашею мы освободили православное населеніе Турціи отъ ига, и, какъ народъ болѣе развитый, греки воспользовались этимъ освобожденіемъ ранѣе румынъ, и особенно славянъ. Но, получивъ изъ рукъ Россіи свободу, греки очень скоро поняли, что ихъ интересы далеко не солидарны съ интересами прочаго православнаго населенія Турціи; между тѣмъ это населеніе всегда было и будетъ намъ ближе грековъ.

Воспоминанія давно минувшаго величія, иностранныя внушенія и соблазнительное сосѣдство независимаго греческаго королевства внушаютъ турецкимъ грекамъ праздныя мысли о восстановленіи Византійской имперіи, разбѣивающіяся о сопротивленіе славянскихъ народностей. Цивилизація послѣднихъ теперь не такъ далеко уступаетъ греческой, чтобъ горсть грековъ могла надѣяться управлять славянами, какъ въ VIII или X вѣкѣ. Славянская идея и плодотворнѣе, и далеко современнѣе византійской, а потому нельзя ожидать, чтобъ славяне въ Турціи отказались отъ своего будущаго въ пользу весьма сомнительнаго прошедшаго. Греки очень хорошо сознаютъ это и спѣшатъ разорвать поскорѣе вся-

кую связь съ православными славянами, чтобъ не быть поглощенными славянской волной, но, пользуясь вѣковымъ раздѣленіемъ, сохранить свое прежнее вліяніе въ турецкихъ дѣлахъ. То же самое замѣчаемъ мы теперь въ политическихъ отношеніяхъ къ славянамъ румыновъ. Послѣдніе индифферентны къ церковнымъ вопросамъ, но ихъ мучитъ сознание своего безсилія противъ непреклоннаго теченія исторіи, которая выдвигаетъ на первый планъ славянъ на юго-востокъ Европы.

Чтобъ ускорить кризисъ, отъ котораго пострадаютъ болѣе всего сами же греки, послѣдніе торопили патриархата разослать опредѣленіе константинопольскаго собора, чтобъ предать проклітію и тѣ первыя, которыя не согласятся съ постановленіемъ собора, т. е. останутся въ общеніи съ болгарамя. Церковь эти—славянскія, и на первомъ планѣ русская. Мы не должны были смущаться такою категорическою постановкою вопроса; если увлеченіе грековъ и могло повредить нашей связи съ народомъ, отъ котораго мы нѣкогда заимствовали духовное просвѣщеніе и который вознаградили освобожденіемъ отъ турецкаго яга, то разрывъ съ славянами изъ-за греческаго фанариотскаго духовенства былъ бы отрпцаніемъ всей нашей исторіи, политическимъ абсурдомъ.

Но греки поняли, что болгарская эзархія въ Константинополѣ становится силою, противъ которой призванъ бороться весь эллинскій міръ. Или греки должны побѣдить болгаръ, или же они будутъ, какъ и сербы, ими побѣждены. Безъ боя же греки не хотятъ уступить болгарамъ ни Фракіи, ни южной Македоніи, почему борьба еще долго будетъ продолжаться.

О ходѣ первоначальнаго устройства Болгаріи въ моментъ войны и шатаніи мысли при этомъ очень интересныя свѣдѣнія можно почерпнуть изъ записокъ въ «Русской Старинѣ» сенатора Анучина, главнаго сотрудника кн. Черкаскаго. Изъ этихъ откровеній видно, какъ все велось непослѣдовательно и вопреки очевидности.

На примѣрѣ Польши мы могли убѣдиться, что славянская держава, обставленная либеральными учрежденіями, вовсе не должна быть навѣрное другомъ, и тѣмъ болѣе покорнымъ слугою Россіи. Затѣмъ идея пересаживать принципы англійской конституціи въ турецкій вилайетъ была довольно странною идеею, видѣть же русскихъ чиновниковъ, обучающихъ болгаръ тонкостямъ конституціоннаго права, было явленіемъ уже высокаго комизма. Неудивительно, что пронырскій возгласъ: «Свобода какъ въ Болгаріи» сталъ одно время девизомъ нашихъ нигилистовъ.

На бѣду еще проектъ болгарской конституціи, выработанный нашими доморожденными либералами, подвергся, на основаніи берлинскаго договора, переработкѣ въ тырновскомъ собраніи, гдѣ всѣ недочеты явились въ качествѣ авторитетовъ парламентаризма. Между тѣмъ грустное положеніе Греціи и Румыніи, конституціи коихъ были самовольно передѣланы въ либеральнѣйшемъ духѣ,

позволяло предвидѣть, какіе плоды принесетъ вновь устранимая «говорильня». При этомъ расчлененіе какихъ нибудь трехъ миллионъ освобожденных болгаръ на два государства вынуждало создавать для нихъ два весьма сложныхъ государственныхъ аппарата.

Не совсѣмъ удаченъ былъ и выборъ русскихъ офицеровъ и чиновниковъ, дѣйствовавшихъ въ Болгаріи во время оккупации.—своимъ высокомеріемъ и расточительностью они совершенно несогласовались съ простотою болгарскаго быта. Даже дипломатическіе агенты раздражали болгаръ безъ надобности вслѣдствіе малаго знакомства съ настроеніемъ и желаніямъ народа.

Исторію дальнѣйшихъ отношеній Россіи къ Болгаріи вплоть до появленія «кобургскаго узурпатора», весьма обстоятельно изложили въ своихъ книгахъ гг. Матвѣевъ и Татищевъ. Сочиненіе послѣдняго («Изъ прошлаго русской дипломатіи») прямо обвинительный актъ противъ нашей дипломатіи. Дѣйствительно, если Берлинскій трактатъ испортилъ значительно дѣло, то и наша политика немного сдѣлала для исправленія результатовъ конгресса. скорѣе ихъ ухудшила. Берлинскій конгрессъ неосновательно призналъ Балканы границею болгарской народности, когда къ югу отъ Балкановъ болгаръ было столько же, сколько и къ сѣверу, и эта южная часть болгарскаго населенія, какъ наиболѣе удаленная отъ глазъ Европы, и подвергалась турецкимъ насиліямъ. Какое же основаніе было для того, чтобы лишить эту часть населенія благъ независимости, а частью и совсѣмъ оставить подъ властью турокъ? Самая болгарская автономія немыслима была безъ опоры о какое либо могущественное государство, которое служило бы ей прочнымъ основаніемъ не только политическимъ, но и культурнымъ. Неужели подобнымъ базисомъ могла служить Турція или, что еще хуже съ славянской точки зрѣнія, Австро-Венгрія съ ея нѣмецко-мадьярскихъ дуализмомъ и католичествомъ?

Россія это сознавала и потому, жертвуя сербамъ и предоставляя ихъ влиянію Австро-Венгріи, старалась, вопреки если не буквѣ, то духу берлинскаго договора, остаться хозяйномъ въ Болгаріи и образовать изъ нея передовой редутъ русскаго влиянія на Балканскомъ полуостровѣ, для чего снабдила Болгарію въ изобиліи русскими чиновниками, а образованіе арміи взяла совсѣмъ въ свои руки. Такая политика не удалась однако отъ неудачнаго выбора лицъ и своенравной непослѣдовательности дипломатіи.

Съ заключеніемъ мира, князь Горчаковъ только номинально оставался руководителемъ нашей иностранной политики, которая шла вяло и нерѣшительно. Онъ послалъ въ Румелію своего родственника Алеко-пашу, а отправлявшемуся въ Болгарію Баттенбергу не далъ никакихъ опредѣленныхъ указаній, никакой серьезной политической программы. Самый выборъ принца Александра, полунѣмца, полуполяка, былъ сдѣланъ весьма неудачно, какъ и

выборъ Ботордиса. Малообразованный, легкомысленный и заносчивый, хотя довольно умный, принцъ презиралъ и Россію, и русскіяхъ. Полномочный комиссаръ кн. Дондуковъ-Корсаковъ, какъ показалъ своимъ управленіемъ Кавказа, также не имѣлъ политическихъ дарованій. Неудачная конституція сразу дала преобладаніе народному собранію надъ центральной властью и сдѣлала княжество игралищемъ партій: въ этомъ смыслѣ князь Александръ былъ правъ, добываясь передѣлки конституціи.

И что это были за политическія партіи? Болгары имѣли много хорошихъ сторонъ, въ особенности добрую нравственность, бережливость и трудолюбіе: какъ страстные земледѣльцы, они постепенно колонизировали и распахивали большую часть земель Болгаріи. Румелии и Македоніи, бросаемыхъ безъ вниманія турками, считающими себя въ Европѣ какъ бы временными гостями. Въ умственномъ отношеніи въ болгарскомъ народѣ также замѣчался поворотъ къ лучшему: число школъ и газетъ значительно увеличилось, и болгары вели страстную борьбу съ фанариотскимъ духовенствомъ, опиравшимся не столько на каноны вселенскихъ соборовъ, сколько на турецкихъ чиновниковъ; при всемъ томъ они были наименѣ развитымъ изъ славянскихъ племенъ, наиболѣе угнетаемымъ турками и эксплуатируемымъ греками. Среди этой-то наивной и полуневѣжественной массы политическіе интриганы и начали свои дѣла. Образовались двѣ партіи: консерваторовъ и радикаловъ-народниковъ. Первые изъ зажиточнаго городского класса и купечества, имѣя, при помощи взятокъ, администрацію на своей сторонѣ, находили, къ несчастію, свои выгоды въ сохраненіи прежняго порядка вещей для эксплуатаціи, при содѣйствіи турковъ, бѣднаго сельскаго населенія. Народники образовались изъ учителей, репортеровъ—изъ молодыхъ болгаръ, учившихся въ Россіи и заграницею и набравшихся социалистическихъ идей. Таковы были партіи, съ которыми слѣдовало считаться князю и нашей дипломатіи.

Князю пришла идея помеломъ прогнать эти партіи, но онъ не встрѣтилъ поддержки въ мѣстной русской дипломатіи, сближавшей его сначала, при Давыдовѣ, съ псевдо-консерваторами, а затѣмъ, при Кумани—съ народниками. Только въ генералѣ Эрнротѣ, впоследствии горячемъ защитникѣ финляндской конституціи, принцъ Александръ нашелъ сторонника своихъ автократическихъ идей и, не дожидаясь приѣзда Хитрово, который долженъ былъ рѣшить, плоха или хороша тырновская конституція, сдѣлать въ апрѣлѣ 1881 года переворотъ. Спсковское учредительное собраніе вслѣдствіе поддержки Россіи, открыто заявленной Хитрово, хотя не сочувствовало князю и избирательнымъ маневрамъ его храбраго и рѣшительнаго министра, но одобрило *coup d'état*.

Замѣчая, что консервативное министерство успѣха не имѣетъ и власти его не укрѣпляетъ, князь просилъ прислать ему русскихъ

министровъ внутреннихъ и военныхъ дѣлъ, видя въ этомъ лишь предлогъ эмансипироваться отъ вліянія русской дипломатіи. Ему сначала въ просьбѣ отказали, но поѣздка въ Россію уладила дѣло и зависимость болгарской арміи отъ создавшей ее Россіи ослабѣла. Русскихъ министровъ князь, видя ихъ слабость, думалъ и совсѣмъ обратить въ свое слѣпое орудіе, но, встрѣтивъ сопротивленіе, снова поѣхалъ въ Россію, гдѣ былъ принятъ во время коронаціи 1883 г. Князю отказали въ просимыхъ деньгахъ (въ которыхъ онъ постоянно нуждался) и послали руководителя въ лицѣ одного изъ опытнѣйшихъ нашихъ дипломатовъ г. Юнгина, котораго однако совершенно обошелъ Баттенбергъ. Еще уступчивѣе былъ другой представитель Россіи, г. Кояндеръ.

Со времени этой побѣды между нашимъ и болгарскимъ правительствомъ обнаружилась натянутость отношеній, очень обрадовавшая западныхъ доброжелателей Россіи. Князь объѣхалъ соперничавшіе съ нами дворы въ Берлинѣ и въ Вѣнѣ, а въ Софіи началъ открытую борьбу противъ «диктатуры» русскихъ министровъ. Для достиженія своей идеи онъ, популярности ради, предложилъ возстановить тырновскую конституцію, что вынудило русскихъ министровъ подать въ отставку. Затѣмъ князь задумалъ подчинить себѣ непосредственно армію и выборъ военнаго министра, ранѣе назначавшагося всегда Россіей. Полагая, что на князя вліяютъ наши же русскіе офицеры Лѣсовой и Ползиковъ, правительство отозвало ихъ; въ отвѣтъ на это князь уволилъ русскаго военнаго министра, исключилъ изъ своей свиты остальныхъ русскихъ офицеровъ и вызвалъ изъ Россіи всѣхъ болгарскихъ офицеровъ.

Такой образъ дѣйствій еще усилилъ симпатіи въ Баттенбергу въ Западной Европѣ, а русское правительство вмѣсто своевременнаго протеста вдругъ уступило и только точнѣе опредѣлило положеніе нашихъ офицеровъ въ болгарской службѣ. Такой отвѣтъ на дерзость князя, вовсе не пользовавшагося тогда сочувствіемъ въ народѣ, конечно, увеличилъ его смѣлость и онъ вмѣсто Цанкова, считавшагося нашей дипломатіей искреннимъ другомъ Россіи, сдѣлалъ первымъ министромъ Каравелова, на сторону Россіи перешедшаго только послѣ того, какъ его, а кажется и его жену, высѣкъ Стамбуловъ.

Между тѣмъ дѣла въ другой половинѣ Болгаріи, Восточной Румелии, шли не лучше. Тамъ также сидѣло нѣсколько русскихъ чиновниковъ, но на второстепенныхъ должностяхъ; ихъ всячески выжибавъ симпатизировавшій туркамъ Алеко-паша. Конституція или статутъ Румелии отдавалъ ее на разграбленіе вновь созданной многочисленной бюрократіи. Подвиги этого чиновничества гораздо болѣе, чѣмъ національныя стремленія, содѣйствовали перевороту въ Филиппополѣ, прекратившему самостоятельность художонаго созданія Берлинскаго конгресса. Турція не обращала на Восточную Румелию

вниманія, а европейская дипломатія, видя худое по отношенію къ Россіи поведеніе болгаръ въ княжествѣ, какъ бы толкала румелийцевъ на сліяніе съ послѣдними. Призывая европейскія государства примкнуть къ лигѣ мира, князь Бисмаркъ не скупился въ это время на обѣщанія. Въ 1885 г. между болгарамъ держался даже слухъ, что соединеніе княжества съ Румелиею будетъ приданнымъ германской принцессы Викторіи, предполагаемой невѣсты князя Александра.

Переворотъ очень некстати пришелся для Россіи, удрученной афганскимъ столкновеніемъ и только что, при помощи сквернѣйшаго и кремзирскаго свиданія, якобы подружившейся съ Германіей и Австро-Венгріей, которая заключила уже противъ нея тайный союзъ. Такъ какъ переворотъ былъ дѣломъ англо-австрійскихъ интригъ и неожиданнымъ былъ только для Россіи, то понятной становилась наша досада. тѣмъ болѣе, что принцъ Александръ успѣлъ до этого забѣжать въ Лондонъ, гдѣ получилъ надлежащія наставленія отъ лорда Саллсбуря. Соединеніе лишило окончательно князя расположенія русскаго правительства, равнѣе утраченнаго неосторожною болтовнею, но онъ, набравшись храбрости въ войнѣ съ Миланомъ, не только не обратилъ на это вниманія, но позволилъ себѣ передъ фронтомъ выученныхъ нами войскъ презрительно отозваться о русской арміи. Исключеніе изъ списковъ нашей арміи и разрывъ дипломатическихъ сношеній были отвѣтомъ на эту новую продѣлку русской брестуры.

Надѣясь на своихъ «союзниковъ», Германію и Австрію, Россія желала разрѣшить положеніе Болгаріи конференціей въ Константинополѣ, но это новое дипломатическое состязаніе окончилось для насъ, по обыкновенію, неудачно: платоническимъ порицаніемъ на бумагѣ нарушенія Берлинскаго трактата, непослѣдовательнымъ защитникомъ котораго являлся такимъ образомъ едва ли не мы одни. Россія при этомъ опротестовала состоявшееся при посредствѣ Англіи, признаніе Портой соединенія Болгаріи воедино; протестовала она и противъ выборовъ отъ Румелии въ общій болгарскій парламентъ. Понятно, что такое поведеніе, хотя формально и соответствовало трактату, поколебало наше вліяніе въ Болгаріи, гордой въ это время своими побѣдами надъ сербами.

Но въ моментъ, когда болгары все болѣе и болѣе обращались противъ насъ, и Баттенбергъ, поддерживаемый только частью консерваторовъ и пмѣя противъ себя остальныхъ партій, не былъ въ фаворѣ у софійскихъ интригановъ. Этими воспользовалась горсть заговорщиковъ, офицеровъ и кадетъ; они низложили князя и отправили въ Россію точно кладъ съ наложеннымъ платежемъ.

Низложеніе князя Александра, служившаго главною причиною нашей чрезвычайной странной политики въ болгарскомъ вопросѣ, открывало надлежащій просторъ русской дипломатіи для установленія въ Болгаріи такого порядка вещей, который согласовался

бы съ интересами Россіи. «Но нигдѣ и никогда—говорить г. Тапшевѣ—полная несостоятельность нашей политики не выразилась болѣе ярко и наглядно, какъ въ дѣйствіяхъ Россіи до и послѣ переворота 9-го августа. Три года она всю свою политику въ Болгаріи строила въ виду случайности отрѣшенія отъ власти Баттенберга, искала даже заручиться согласіемъ на нее своихъ ближайшихъ союзниковъ, дворовъ берлинскаго и вѣнскаго, и когда, наконецъ, фактъ совершился, то не сумѣла имъ воспользоваться. Тамъ, гдѣ нужна была быстрота и рѣшимость, Россія выказала сначала нерѣшительность, а затѣмъ уже и совершенное незнаніе внутренняго положенія Болгаріи.

Въ эту страну, намъ тогда враждебную, былъ отправленъ въ качествѣ не посла, а какъ бы политическаго комиссара генералъ Каульбарсъ, совершенно неспособный и для самаго обыкновеннаго дипломатическаго порученія, хотя быть можетъ и дѣльный какъ военный агентъ. Выборъ на Каульбарса палъ какъ на бывшаго пріятеля Баттенберга; выбору этому, какъ состоявшемуся помимо нея, наша дипломатія не сочувствовала и къ заключеніямъ русскаго уполномоченнаго относилась не безъ прони. Положеніе Каульбарса было смѣшное, почти унижительное, и хотя болгарское народное собраніе, избирая вѣсто принца регентство, изъявляло Россіи «чувство любви и благодарности», но руководить своимъ дѣламъ Россію вовсе не просило. Болгарамъ очень ужъ пришлось по вкусу ихъ quasi-независимость. Болгарское регентство не желало, согласно настоянію Россіи, отсрочить выборъ новаго князя. Сориться съ нимъ изъ-за этого не стоило, такъ какъ зерно вопроса лежало въ сущности въ мелкихъ партійныхъ раздорахъ, но мы, слушаясь Цанкова и защищая не столько русскіе, сколько цанковскіе интересы, поставили вопросъ ребромъ. Видя полный неуспѣхъ своей миссіи и будучи свидѣтелемъ, какъ русскій флагъ и русскіе подданные подвергаются безнаказанно оскорбленіямъ, Каульбарсъ уѣхалъ, прервавъ вновь дипломатическія сношенія съ Россіей, чему, конечно, несказанно обрадовались западныя державы, тайно поддерживавшія болгаръ въ ихъ сопротивленіи указаніямъ русской дипломатіи. Гр. Кальноки и Салисбюри жаловались даже въ палатахъ на наше хозяйничанье въ Болгаріи, гдѣ въ дѣйствительности никто насъ не слушалъ.

Неуспѣхъ Каульбарса, въ виду недостаточной выясненности его роли, вызвалъ въ Россіи взрывъ негодованія даже въ публикѣ. Впрочемъ, въ русскомъ обществѣ господствовали насчетъ Болгаріи самыя противорѣчивыя воззрѣнія. «Гражданинъ», напримѣръ, обозвалъ бунтомъ проявившееся въ части (увы! весьма небольшой) болгарской арміи отвращеніе къ регентству. «Но вѣдь съ этой точки зрѣнія слѣдовало признать бунтовщиками и нижегородское ополченіе, двинувшееся въ 1612 г. на выручку къ Москвѣ, гдѣ засѣдало тоже считавшее себя законнымъ правительствомъ царя Вла-

дслава».—отвѣчать я ему въ «Новомъ Временнѣ». А если такъ, то, чтобы быть послѣдовательнымъ, мы должны снять съ памятника, возвышающагося на Красной площади и воздвигнутаго «благодарною Россіею», изваянія «гражданина Минина» и «князя Пожарскаго», и замѣнить ихъ конною статуею Мещерскаго, представляющаго въ одномъ лицѣ и «князя» и «гражданина»... Зашла рѣчь даже объ окупациіи если не всей Болгаріи, то хоть Варны, и дивизія генерала Абрамова стала готовиться къ отплытію, но, къ счастью, благоразуміе взяло верхъ и наше правительство рѣшилось предоставить болгаръ ихъ собственной участи, дѣйствуя исключительно черезъ Порту, влияніе которой, впрочемъ, въ Софіи равнялось нулю.

Такъ наши дипломаты, послѣ отказа принца Вальдемара, предложили было кандидатуру князя Мингрельскаго, отвергнутую болгарами, избравшими принца Фердинанда Саксенъ-Кобургскаго. Его называли австрійскимъ кандидатомъ, но онъ, кажется, былъ скорѣе всего своимъ собственнымъ. Болѣе французъ, чѣмъ нѣмецъ, по воспитанію, смѣлый и остроумный, принцъ очень честолюбивъ и съ жадностью ухватился за вакантный тронъ; онъ обращался первоначально къ кн. Лобанову-Ростовскому въ Вѣнѣ, но, не встрѣтивъ сочувствія, сошелся со Стамбуловымъ. Совершенно неожиданно для нашей дипломатіи принцъ принялъ, конечно, избраніе и въ іюль 1887 г. явился въ Болгарію, не дожидаясь признанія европейскихъ державъ. «Наша дипломатія, говоритъ г. Татищевъ, лишній разъ доказала полную свою непредусмотрительность».

Дальнѣйшія событія показали и ея безсиліе. Въ февралѣ 1888 года Россія заявила, что она считаетъ избраніе принца недѣйствительнымъ и смотритъ на прибытіе его въ Болгарію и на захватъ имъ власти, какъ на явное нарушеніе Берлинскаго трактата, и опубликовало программу русско-болгарскихъ отношеній, составленную на случай устраненія болгарскаго кризиса, но это не привело ни къ какому результату. Правда, согласно нашему желанію, Порта заявила о незаконности избранія Фердинанда на болгарскій престолъ, но заявленіе это не имѣло значенія въ глазахъ болгарскаго правительства, такъ какъ великія державы, за исключеніемъ Франціи, съ первыхъ же дней прибытія Кобурга въ Болгарію начали сноситься съ нимъ такъ же свободно, какъ и съ другими государями Балканскаго полуострова.

Противодѣйствовать политикѣ князя пришлось болѣе всего нашему посланнику въ Бухарестѣ покойному Хитрову, тому самому, который въ извѣстныхъ сатирическихъ стихахъ осмѣялъ цивилизаторскую въ Болгаріи миссію кн. Черкаскаго. Но Хитрово, чело-вѣкъ, впрочемъ, умный, оказался въ данномъ случаѣ не лучшимъ дипломатомъ, чѣмъ былъ поэтомъ. Измѣною одного изъ своихъ мелкихъ служащихъ, Якобсона, частью укрывшаго, частью поддѣлавшаго документы, онъ даже нѣсколько скомпрометировалъ

себя, тѣмъ болѣе, что онъ впутывался и во внутреннія румынскія дѣла.

Несмотря на отсутствіе надлежащей санкціи при избраніи, но при постоянномъ покровительствѣ державъ, особенно Австро-Венгріи, не скупившейся на комплименты и на поощренія, принцъ Фердинандъ преспокойно просидѣлъ десять лѣтъ, найдя въ Стамбулѣ очень искуснаго, хотя и не разборчиваго въ средствахъ помощника. Зная нравственное состояніе Болгаріи, Стамбуловъ и его сподвижники, Начевичъ, Странскій, Стояновъ и др., дѣйствовали терроромъ: палки, тюремное заключеніе, пытки, а подчасъ и смертные приговоры, постановляемые въ 24 часа, служили орудіями управленія. Печать была также запугана. Народное собраніе огромнымъ большинствомъ утверждало всѣ ихъ мѣры; главы оппозиціи, начиная съ Цанкова, поссорившаго Стамбулова, первоначально горячаго русофила, съ Россіей, эмигрировавшаго еще въ 1888 году, предпочли покинуть Болгарію. Не лишено значенія, что, не теряя времени въ пустыхъ словопреніяхъ, терроризированное собраніе вотпировало въ это время много полезныхъ законовъ.

Стамбуловъ превзошелъ однако мѣру; казнь въ 1890 году сторонника Россіи Паницы, о помилованіи котораго самъ судъ ходатайствовалъ, вызвала реакцію. Отношенія Стамбулова къ балканскимъ державамъ, особенно къ Сербіи, также не были удовлетворительны; онъ дружилъ только съ Турціей, отъ которой добился важныхъ для болгарскаго народа уступокъ въ Македоніи въ церковныхъ вопросахъ. Одно время казалось, что Стамбуловъ и принцъ Фердинандъ совсѣмъ потеряли голову въ своихъ стараніяхъ вырвать съ корнемъ русское вліяніе въ Болгаріи. Преподаваніе русскаго языка въ школахъ было уничтожено, привозъ русскихъ книгъ воспрещенъ. Принцъ окрестилъ даже своего сына въ католическую вѣру и добился измѣненія конституціи въ томъ смыслѣ, что и наслѣдникъ его можетъ не быть православнымъ. Вслѣдствіе вызванной такою антиславянскою политикою реакціи явились заговоры; убіиство министра финансовъ Бельчева было предостереженіемъ, а затѣмъ зарѣзали на улицѣ на бойкомъ мѣстѣ, передъ клубомъ, и самого Стамбулова, какъ подозрѣваютъ, не безъ участія его бывшихъ товарищей по министерству. Стамбуловъ въ это время впрочемъ первымъ министромъ уже не былъ, принцъ Фердинандъ уволилъ его еще въ 1894 г., какъ опасаясь вообще этого честолюбца-патріота, такъ и въ предвидѣніи, что при Стамбуловѣ никогда примиренія съ Россіей произойти не можетъ.

Увольненіе диктатора дѣйствительно расчистило почву для сближенія болгаръ съ Россіей. Общее неудовольствіе массы народа заставило князя круто измѣнить политику. Смерть императора Александра III, упорно противостоявшаго возобновленію связей съ Болгаріей, пока Кобургскій принцъ будетъ на престолѣ, также имѣла свое вліяніе.

Ранѣе того, впрочемъ, принцъ началъ неофициальные переговоры при посредствѣ заштитника болгаръ въ нашей печати г. Таглицева. Гирсъ не придавалъ этимъ переговорамъ значенія; наши дипломаты были въ душѣ рады, что Болгарія оставалась неприпрямою, не давая имъ болѣе хлопотъ. Но иначе на дѣло взглянуть князь Лобановъ-Ростовскій, когда сталъ руководителемъ русской иностранной политики.

Присланная поклониться праху покойнаго императора депутація съ митрополитомъ во главѣ просила прощенья; она уѣхала очарованная мпловымъ приѣмомъ въ С.-Петербургѣ и рассказы ея произвели страшный эффектъ въ Болгаріи. Желая выйти наконецъ изъ ненормальнаго международнаго положенія, въ которое мы были вовлечены болѣе всего собственными ошибками. Государь Императоръ мудро рѣшилъ воспользоваться крупнымъ шагомъ, сданнымъ для взаимнаго сближенія принцемъ Фердинандомъ—обращеніемъ его сына Бориса въ православіе. Шагъ былъ дѣйствительно для принца не маловажный, потому что жена его полу-француженка, полугишпалка, принадлежала къ очень клерикальной семьѣ. Она боялась папскаго проклятья и ей въ протестъ помогали всѣ родственники и австрійскій дворъ. Съ другой стороны благоразумные совѣты поскорѣе искать въ Россіи прощенья дали принцъ Омальскій, сказавшій, что «принцамъ надобно брать примѣръ съ Генриха IV, а не съ графа Шамбора», и Ганото. Правительственное сообщеніе 27-го января 1896 г. возвѣстило, что «одушевляемый чувствами великодушія и искренняго доброжелательства къ Болгаріи, Государь Императоръ вынулъ просьбу принца Фердинанда и Высочайше соизволилъ на удовлетвореніе ходатайства его командированіемъ въ Софію, какъ свидѣтеля-воспріемника при совершеніи таинства миропомазанія генералъ-маіора графа Голенищева-Кутузова».

Загѣмъ принцъ уже черезъ два мѣсяца былъ признанъ Портою и всѣми державами, ѣздилъ въ Петербургъ и Парижъ, гдѣ былъ принятъ радушно, присутствовалъ въ Москвѣ на коронаціи, и нормальные дипломатическія сношенія Россіи съ Болгаріей возобновились.

Болгарія снова находится въ орбитѣ русской политики. Будущее, конечно, покажетъ, насколько раскаяніе «дѣлокупной Болгаріи» и ея правителей было дѣйствительно искренне. Пока же, благодаря нашей примирительной политикѣ, Болгарія могла спокойно заняться улучшеніями во внутреннемъ своемъ управленіи и не причиняла намъ хлопотъ въ критическіе моменты армянскаго движенія въ Константинополь. Благодаря этому и македонскій вопросъ, подогрѣваемый одновременно изъ Софіи, изъ Бѣлграда и изъ Вѣны, не вызывалъ особыхъ осложненій.

Успіяхъ Болгаріи и Сербіи утвердить свое вліяніе въ Македоніи уравновѣшивались Портой, которая предоставила какъ сербамъ,

такъ и болгарамъ нѣсколько новыхъ епископскихъ кафедръ въ этой области. Сербамъ, кромѣ того, досталась митрополія въ Ускюбѣ. въ Старой Сербіи, долго бывшая яблокомъ раздора между греками, сербамъ и болгарами, хотя въ Старой Сербіи албанцы нынѣ преобладаютъ, вслѣдствіе выселенія въ 1690 году сербовъ въ Венгрію. И сейчасъ албанцы грабятъ и рѣжутъ тамъ сербовъ, такъ что, съ 1878 года въ Старой Сербіи православное населеніе сократилось на ¹ : часть перерѣзана, часть насильственно обращена въ магометанство.

Болгарскій простой народъ къ политикѣ равнодушенъ. онъ одинаково спокойно выноситъ всѣ министерства отъ перваго консервативнаго Бурмова до нынѣшняго Пванчева, надѣясь только на Бога и русскаго Царя; но другое дѣло интеллигенція; процессы объ убійствѣ поэта Алеко Константинова и процессъ Бойчева и Новелича открыли, особенно послѣдній, поражающую картину первобытной грубости и административной песпорченности, царящихъ въ Болгаріи¹⁾. Дальнѣйшее положеніе Болгаріи будетъ во многомъ зависѣть отъ положенія ея партій. При Стамбуловѣ преобладала правительственная партія, затѣмъ въ оппозиціи была партія русская Каравелова и, пока еще былъ живъ Баттенбергъ, партія «александритская» Радославова, желавшаго возвращенія принца Александра. Новое положеніе вызвало, конечно, другую группировку партій. Выборы, сдѣланные будто бы безъ давленія администраціи, дали огромное преобладаніе сторонникамъ министерства Стоцлова, изъ котораго вышелъ скомпрометированный антирусской политикой военный министръ Петровъ, удалившійся, какъ равно и Начевичъ *après fortune faite* (въ Болгаріи достаточно для этого быть министромъ) совершенно отъ дѣлъ. — Оппозиція относительно малочисленна. Ядро партіи Стоцлова «соединитовъ» положила бывшая руссофильская партія въ Восточной Румелии. Къ этой партіи принадлежатъ Гешовъ, Маджаровъ, Годоровъ, Величовъ, Вазовъ, Стоцловъ, нѣкогда ярый врагъ Россіи, сдѣлался нашимъ сторонникомъ; онъ во всякомъ случаѣ самый образованный изъ болгарскихъ государственныхъ людей, вполне европеецъ. Къ стоцловской партіи примкнула часть цанковитовъ, бывшихъ руссофиловъ сѣверной Болгаріи; въ оппозиціи стоялъ Цанковъ, добывшійся премьерства, остатки септовъ Стамбулова съ знаменитымъ палочникомъ Петковымъ во главѣ, и конституціонисты, предводитель которыхъ Радославовъ.

¹⁾ Что за народъ служить въ Болгаріи, видно изъ списка принятыхъ на службу новымъ министерствомъ. Бывшіе депутаты Поповъ, Теневъ, Проводаніевъ, главный ревизоръ министерства внутреннихъ дѣлъ Стефановъ судились, а иные и многократно, за кражи и мошенничества, Свиначевъ, предѣдатель софійскаго окружнаго совѣта, осужденъ въ крѣпость за рядъ звѣрскихъ преступленій въ бытность судебнымъ слѣдователемъ, Рашевъ, разградскій окружный управитель, былъ предводителемъ шайки разбойниковъ, и т. д.

Несмотря на столкновение съ Австро-Венгріей и паденіе популярности князя, кабинетъ лобваго Столлова просуществовалъ болѣе двухъ лѣтъ и разрѣшилъ вопросъ о военныхъ эмигрантахъ. Онъ палъ изъ-за вопроса объ иностранномъ унификаціонномъ займѣ. Явившійся на смѣну кабинетъ Грекова-Радославова не удержался изъ-за столкновения премьера съ Радославовымъ и замѣненъ кабинетомъ ничтожнаго Иванчева. Въ это время Станковъ, человекъ въ денежномъ отношеніи честный, умеръ, а бывшая партія Стамбулова отказалась отъ принципіальнаго руссофобства и избрала вождемъ Грекова, который, въ союзѣ со Столловымъ, является противобѣсомъ вліянію честолюбиваго Радославова.

Въ 1897 г., во время Греко-турецкой войны, пушенъ былъ слухъ о секретномъ союзѣ между Болгаріей, Сербіей и Черногоріей, съ одобренія Россіи, гдѣ заранѣе подѣлены турецкія провинціи. Но слухъ этотъ не имѣлъ основанія: война только сильнѣе обнаружила непримиримость интересовъ отдѣльныхъ балканскихъ народовъ. Чтобы умиротворить христіанское населеніе Европейской Турціи, рекомендуютъ раздѣлить ее на пять генераль-губернаторствъ по національностямъ: 1) Фракійское съ Константинополемъ, 2) Салоникское.—изъ южной Македоніи, Халкидскаго полуострова и Эпира, 3) Скопійское—изъ сѣверной Македоніи, 4) Охридское или Битольское,—изъ средней Македоніи и наконецъ 5) Скадрское изъ Албаніи. Во Фракійскомъ и Салоникскомъ влѣяетатахъ администрація могла бы быть образована изъ грековъ и турокъ; въ Скопійскомъ изъ сербовъ и турокъ; въ Скадрскомъ (Скутари) изъ албанцевъ и турокъ и въ Битольскомъ изъ македонскихъ славянъ, турокъ, вудоваховъ и грековъ, но не изъ болгаръ. При этомъ какъ Македонія, такъ и Фракія должны быть изъяты отъ управленія болгарскаго экзархата, ибо болгарскіе архіереи и учителя, поставляемые болгарскою экзархією по рекомендаціи болгарскаго правительства, суть агенты послѣдняго. Но такой проектъ, выгодный для грековъ и турокъ, навѣрное не понравится болгарамъ, считающимъ Македонію своею и имѣющимъ тамъ многочисленныхъ представителей.

Въ самое послѣднее время прошелъ новый слухъ, что за право провозгласить свою полную независимость Болгарія уступаетъ Россіи въ аренду угольную станцію около Бургаса и заключаетъ тѣсный союзъ. И этотъ слухъ едва ли основателенъ; несомнѣнно однако, что наши отношенія продолжаютъ улучшаться, Болгарія допустила даже ревизію русскими офицерами своей арміи, оказавшейся въ очень удовлетворительномъ состояніи, и открыла г. Кюбеко тайны своего бюджета.

Экономическое положеніе Болгаріи со времени ея освобожденія улучшилось, но есть и дурные признаки, особенно по части финансовъ. Пришлось даже возстановить турецкую систему взиманія поземельнаго налога натурою. На ряду съ другими земледѣль-

чeskими странами Болгарія. въ теченіе ряда лѣтъ, находилась подъ вліяніемъ низкихъ цѣнъ и ея сельское населеніе, составляющее 70⁰ 0, при недостаткѣ въ дешевомъ кредитѣ, не можетъ оправиться. несмотря на разнообразныя мѣры правительства; тотъ фактъ, что во время повсемѣстныхъ жалобъ на недостатокъ въ деньгахъ, вклады въ банкъ и въ ссудо-сберегательныя кассы возрастаютъ непрерывно, ничего не доказываетъ. Вклады эти принадлежатъ болѣею частью мелкимъ городскимъ капиталистамъ. Болгарскіе крестьяне попрежнему отличаются бережливостію, но въ жизни средняго сословія появилась уже роскошь, послѣдствіемъ коей замѣчается множество банкротствъ, особенно въ столицѣ. Авціонерная и промышленная дѣятельность въ Болгаріи развивается, портъ въ Варнѣ улучшенъ и урегулировано плаваніе по Дунаю. отчего выпирали не только Австро-Венгрія, Германія и Сербія, но и Россія. Торговля первой постоянно развивается, торговля послѣдней, за исключеніемъ немногихъ товаровъ, находится попрежнему въ плачевномъ положеніи и въ общихъ оборотахъ по внѣшней торговлѣ Болгаріи торговыя сношенія съ Россіей въ 1891 г. занимали всего 0,69⁰ 0, въ 1895 г. — 2,10⁰ 0. Цифры, безспорно, весьма скромныя. Слѣдуетъ надѣяться, что въ заключенномъ недавно договорѣ съ Россіей Болгарія найдетъ спасеніе отъ исключительнаго господства Австро-Венгрии на болгарскихъ рынкахъ. По этому договору Россія не приобрѣла никакихъ исключительныхъ правъ и преимуществъ, а будетъ пользоваться тѣми правами «особо благоприятствуемой» державы, которыми уже пользуются другія государства при ввозѣ своихъ продуктовъ въ Болгарію.

Расширеніе нашихъ торговыхъ сношеній со всѣми придунайскими странами подвигается впередъ чрезвычайно туго, несмотря на субсидіи дунайскому пароходству. Изъ книги г. Мураневича «Русско-Балканскій торговый вопросъ» легко убѣдиться, что основныя причины этого печальнаго явленія заключаются не во внѣшнихъ препятствіяхъ, а лежатъ преимущественно въ насъ самихъ. Важнѣйшею же помѣхою служитъ полное незнакомство русскаго купечества съ главнѣйшими балканскими странами. Представленія многихъ нашихъ купцовъ и фабрикантовъ объ этихъ странахъ по-истинѣ чудовищны. Подобный недостатокъ, къ сожалѣнію, мало пополняется трудами русскихъ консуловъ на Балканскомъ полуостровѣ. Консулы прежде всего агенты международной торговли, а потомъ уже дипломаты, слѣдовательно содѣйствовать выясненію вопросовъ торговаго свойства ихъ прямая обязанность. Наши представители въ славянскихъ земляхъ держатся, однако, иного взгляда.

Равнодушный пріемъ, встрѣченный г. Мураневичемъ у русскихъ консуловъ на Балканскомъ полуостровѣ, не былъ явленіемъ случайнымъ: лучшаго отношенія къ своей скромной задачѣ не

удалось г. Мураневичу вызвать и со стороны посольства въ Константинополь. Изъ девяти представителей Россіи, къ которымъ обращался г. Мураневичъ за содѣйствіемъ, только трое отнеслись просто, нехитростно и сочувственно къ просьбѣ и доставили просимыя свѣдѣнія.

Но если со стороны дипломатовъ г. Мураневичъ встрѣтилъ только равнодушіе, то со стороны московскаго купечества отношенія были по-истинѣ забавныя. Надобно замѣтить еще, что г. Мураневичу все время покровительствовали Аксаковъ, митрополитъ Михаилъ, Ристичъ и др.: иначе бы его и на порогъ къ себѣ не пустили московскіе богачи. Началь дѣйствовать г. Мураневичъ въ самое благопріятное время, сейчасъ послѣ войны, когда Болгарія представляла почти ту же Россію: вся гражданская администрація, все военное начальство состояло изъ русскихъ людей, въ рынкѣ всѣ товары были русскіе. Слѣдовательно, для каждаго благого русскаго начинанія была готова самая плодотворная почва.

Несмотря на то, однако, что проекты г. Мураневича не требовали никакихъ жертвъ, а лишь разумнаго пониманія собственной торговой выгоды, онъ не встрѣтилъ въ Москвѣ никакихъ симпатій, хотя пменно объ устройствѣ торговли съ Балканомъ слѣдовало озаботиться тотчасъ же послѣ войны. Такъ сдѣлала Австро-Венгерія и уже отчасти пожинаетъ плоды своихъ трудовъ.

Переговоры въ Москвѣ г. Мураневичъ началъ съ г. Найденовымъ, который сейчасъ же направилъ его къ московскому папѣ—Морозову. Морозовъ всячески дѣло тянулъ, между тѣмъ другіе московскіе тузы говорили, что примутъ участіе въ дѣлѣ только, когда во главѣ его станетъ Морозовъ. Видя столь незавидное положеніе, г. Мураневичъ обратился официально въ московскій биржевой комитетъ. Члены комитета отнеслись сочувственно къ проекту, но предѣдатель комитета, г. Найденовъ, доложилъ проектъ мимоходомъ, никого не предупредивъ, въ концѣ одного изъ засѣданій кучкѣ спѣшившихъ разойтись членовъ. Рѣшеніе было понятно—дѣло «подробно изслѣдовать». Между тѣмъ покойный Морозовъ, узнавъ о передачѣ дѣла биржевому комитету, обидѣлся и сказалъ г. Мураневичу: «теперь пусть вамъ биржевой комитетъ и помогаетъ».

Видя, что дѣло плохо, Мураневичъ обратился къ содѣйствію дипломатовъ; тѣ на бумагахъ выразили свое сочувствіе, но одинъ изъ нихъ, явившись въ Москву, говорилъ купцамъ совсѣмъ другое. Тогда въѣзжали въ дѣло Аксаковъ и Скобелевъ. По ихъ инициативѣ Морозовъ собралъ, наконецъ, у себя купцовъ, и когда Скобелевъ первый подписалъ 500 рублей, то купцы, тщеславія ради, мигомъ собрали 10,000 рублей на торговую экспедицію въ Болгарію. Но лишь стоило явиться деньгамъ, какъ въ проектируемое дѣло втерся одинъ человѣчекъ, не имѣвшій понятія о Балканскомъ полуостровѣ, и не только онъ вошелъ въ составъ экспе-

дщцн, но и стать во главѣ ея: мало того, началъ устранять вслѣдствіи остальныхъ ея членовъ.

До отправкн экспедиціи князь Александръ Болгарскій прѣхалъ въ Москву. Казалось бы чего лучше. Но стоитъ прочесть у г. Мураневича, какъ купцы отлынивали, подъ разными предлогами, отъ участія въ депутаціи къ князю, какъ состоявшіе при князѣ русскіе чиновники старались депутацію не допустить и т. д. Князь, впрочемъ, принялъ депутатовъ милостиво и обѣщалъ полное содѣйствіе. Тутъ повторилось обычное русское явленіе. Когда экспедиція прѣбыла въ Болгарію, то всѣ члены ея были уже въ ссорѣ между собою. «Мы перестали, пишетъ г. Мураневичъ, кланяться другъ другу и взаимно избѣгали встрѣчъ. Когда одинъ изъ насъ былъ у кого-нибудь въ гостяхъ и вдругъ туда же приходилъ нашъ глава, то хозяинъ не зналъ, что ему дѣлать съ нами, разводилъ насъ по разнымъ комнатамъ и пряталъ другъ отъ друга».

Несмотря на подобныя милая отношенія, экспедиція все-таки собрала кое-какія свѣдѣнія и привезла въ Москву подробный отчетъ. Но здѣсь уже окончательно перестали интересоваться ею. На собраніи у Морозова купцы бѣгло посмотрѣли на образцы привезенныхъ товаровъ и, послѣ нѣсколькихъ «оховъ» и «аховъ» о трудности конкуренціи, принялись пить чай и говорить о... кавказскомъ транзитѣ. Провожая гостей домой, хозяинъ со вздохомъ сказалъ: «что же, господа, мѣсяца черезъ два соберемсн опять, посмотримъ тогда, что сдѣлать можно». Съ тѣхъ поръ прошло много разъ по «два мѣсяца», а про дѣятельность гостей Морозова на пользу русско-болгарской торговли рѣшительно ничего не слышно.

Г. Мураневичъ однако не унимался; онъ сочинилъ проектъ общественнаго пароходства по Дунаю, втягивалъ Губонина въ постройку болгарскихъ желѣзныхъ дорогъ, ходатайствовалъ о томъ же по разнымъ министерствамъ и, не видя успѣха, рѣшилъ, что для русскихъ купцовъ важны не журавли въ небѣ, а синицы въ рукахъ. Желая дать возможность купцамъ уловить эти синицы, т. е. нажить хотя что нибудь съ болгаръ немедленно, г. Мураневичъ уговорилъ бывшаго болгарскаго военнаго министра, князя Кантакузена подрядъ для болгарской арміи устроить такеъ, чтобы русскіе могли легко принять участіе въ торгахъ съ выгодой для себя. Дѣло это было не легкое, ибо товарищъ болгарскаго военнаго министра г. Котельниковъ, хотя и русскій, желалъ непременно «въ интересахъ справедливости» отдать подрядъ австрійцамъ.

Купцы наши и фабриканты польстились сначала на заработокъ. Торговаться въ Болгаріи вызвались гг. Казѣевъ, Лобачевъ, Сеньковъ, Ляпинъ, Щербатовъ. Но затѣмъ въ концѣ концовъ дѣло разстроилось и подрядъ остался за австрійцами. Ляпинъ и Сеньковъ, вывѣдавъ у г. Мураневича, въ чемъ дѣло, тайкомъ хотѣли

устроить подрядъ черезъ жидовъ, но не сдумѣли. Лобачева не пустила въ Болгарію жена. Казѣвъ желать сдавать непременно товаръ въ Москвѣ, а не въ Болгаріи и т. д. Очень характеренъ разговоръ автора съ кожевннымъ фабрикантомъ Лобачевымъ. Г. Мураневичъ успокаивалъ Лобачева, что въ Болгаріи взятокъ не берутъ. «Какъ бы не такъ! Въдъ въ министерствѣ не мало русскихъ служатъ?»—Такъ что же?—«Значитъ, они и братушекъ научили благому дѣлу», стоялъ на своемъ «опытный» фабрикантъ.

Вѣдомъ всѣхъ стараній г. Мураневича было увѣдомленіе одесскаго комитета торговли и мануфактуръ, нашедшаго, что проектъ торговли Россіи съ Болгаріей представляетъ «матеріальныя выгоды для участниковъ слишкомъ сомнительныя и во всякомъ случаѣ достижимыя лишь черезъ продолжительный промежутокъ времени». Отъ комитета, состоящаго почти исключительно изъ нѣмцевъ, грековъ и евреевъ, другаго отвѣта трудно было, конечно, и ожидать.

Несмотря на всѣ неудачи, г. Мураневичъ не разочаровался окончательно и въ книгѣ своей приходитъ къ заключенію, что по теоретическимъ соображеніямъ вовсе не слѣдуетъ, будто мы не можемъ вытѣснить изъ славянскихъ земель австрійскіе и англійскіе продукты.

Сербія.

Въ странахъ гористыхъ и лѣсистыхъ, какъ Сербія, Боснія и Герцеговина, даже небольшія военныя силы могутъ очень долго сопротивляться регулярной арміи. Сербы — народъ, живущій по преимуществу скотоводствомъ, а извѣстно, что ни одинъ народъ, не говоря уже о самомъ воспитаніи его, не выдерживаетъ такъ удобно бѣдствій народной войны, какъ именно народъ пастушескій, легко переносящій съ собою не только средства къ жизни, но даже богатства. Потому-то въ то время, когда болгары вѣками безропотно выносили самое ужасное турецко-греческое иго, единоплеменные имъ сербы постоянно воевали противъ турокъ и отстаивали хотя частичку своей независимости. Если нѣкоторыя сербскія земли и были побѣждены, наконецъ, окончательно, какъ, напримеръ, Боснія, то не силою оружія, а измѣною своей же аристократіи, принявшей исламъ въ обмѣнъ за различныя феодальныя права и льготы. Большинство сербовъ не желало, однако, подобнаго скотскаго существованія. Дѣйствительно, была ли малѣйшая тѣнь справедливости, чтобъ одиннадцати-милліонный народъ, довольно развитый, населяющій почти сплошь пространство отъ Бачки и Баната до Албаніи, — территорию, замѣчательную столько же по своему стратегическому положенію, сколько и по богатству, — народъ, единый по языку и обычаямъ, находился въ

такихъ унижительныхъ условіяхъ: итальянцы и нѣмцы въ Цислейтаніи, мадьяры въ Транслейтаніи, турки на Балканскомъ полуостровѣ—все это считало сербовъ низшею расою, и только ничтожному по числу населенію княжествъ Сербіи и Черногоріи удалось достигнуть хотя какого-нибудь сноснаго существованія.

Одного сознанія своего національнаго единства было недостаточно для вызова всѣхъ многочисленныхъ возстаній. Рука Россіи и Австріи сказывалась нерѣдко, а въ послѣднемъ герцеговинскомъ возстаніи справедливо видѣли вліяніе проясковъ Австріи, мечтавшей пріобрѣсти, взамѣнъ потерянныхъ итальянскихъ областей и гегемоніи въ Германіи, Боснію и Герцеговину.

Когда возстаніе перешло въ открытую войну, то не было сомнѣнія, что два слабыя княжества не въ силахъ сопротивляться, даже пассивно, турецкой монархіи, располагавшей трехсотъ-тысячною арміею; они разсчитывали на поддержку Россіи, которая одно изъ нихъ даже вызвала къ жизни успѣхами своего оружія.

Неудачный исходъ первой, такъ сказать, офиціозной помощи, охладилъ у насъ съ поразительною силою вспыхнувшее въ 1876 г. сочувствіе къ славянскому вопросу и естественно вызвало полемику. Фадѣевъ, одинъ изъ толкавшихъ Россію въ войну и хотѣвшій даже для этого поступить въ египетскую службу, въ своемъ анонимномъ памфлетѣ противъ Черняева ошибку военнаго плана 1876 года видѣлъ въ томъ, что центромъ дѣйствія избрана была Сербія и изъ-за этой «дряньненькой», какъ онъ выражался, страны пожертвовали интересамъ Болгаріи, которая будто бы готова была возстать и доставила бы военный матеріалъ несравненно болѣе могущественный, нежели Сербія. Все, что говорилось о болгарской трусости и неготовности къ возстанію, по словамъ автора, была клевета, исходившая изъ штаба сербской арміи.

Съ азартомъ Фадѣевъ опрокидывался также на Черняева, какъ на главнокомандующаго. Признавая въ Черняевѣ только хорошаго «третьестепеннаго военнаго дѣятеля», онъ находилъ, что неумѣренныя похвалы вскружили голову генералу, какъ и многимъ другимъ въ Россіи. Всѣ стратегическія дѣйствія Черняева подверглись рѣзкому порицанію, и особенно нападалъ Фадѣевъ на его первыя дѣйствія, давшія возможность соединиться разбросаннымъ турецкимъ корпусамъ, которые легко могли подвергнуться пестреленію по частямъ.

Дѣйствительно, какъ оказалось впоследствии, болгаре гораздо храбрѣе, чѣмъ ихъ считали до войны,—но организація болгарскаго движенія была вне сферы дѣятельности Черняева, которому предстояло не мало дѣла и съ собственной арміею. За организацію болгарскаго движенія взялись особые спеціалисты, заручившіеся предварительно деньгами довѣрчивыхъ людей, и если означенные спеціалисты, выдававшіе себя за популярныя въ Болгаріи лица, ничего не сдѣлали, то должны были пенять больше всего на са-

михъ себя. Не сдѣлали они же потому, что ничего не сумѣли толкомъ сдѣлать, а желали сначала пользоваться трудами Черняева, а затѣмъ сочли даже болѣе выгоднымъ стараться сѣсть на мѣсто послѣдняго, надѣясь этимъ путемъ доставить себѣ дешевые лавры. Фадѣевъ былъ одинъ изъ специалистовъ, бравшихся заставить Болгарію придти на помощь сербамъ. Своими бравадами онъ содѣйствовалъ укрѣпленію мысли, что турецкая армія вполне дезорганизована, и что стоитъ дать знакъ, и Болгарія подыметъ, какъ одинъ человекъ.

Упреки Черняеву за военные планы могли дѣлать военные канцеляристы, одерживающіе побѣды на картѣ, передвигая вмѣсто армій по произволу цвѣтныя булавы, но Фадѣевъ, который постоянно воевалъ въ своихъ статьяхъ противъ академическаго догматизма, отлично зналъ, что и наилучшія стратегическія комбинаціи остались бы только благими намѣреніями. Недостаточно задумать движеніе, чтобы осуществить его—нужно имѣть матеріалъ: штабъ и армію, а въ іюлѣ мѣсяцѣ ни штаба, ни армій у Черняева, въ европейскомъ смыслѣ, не было. Толпы вооруженной милиціи нѣсколько не походили на забаленныхъ солдатъ итальянской арміи и, желая подражать Бонапарту въ походѣ 1796 года и по очередно разбивать непріятельскія арміи, дѣлая смѣлыя и пзворотливыя движенія, Черняевъ потерпѣлъ бы полнѣйшее фіаско.

Неудача Черняева имѣла, однако, свое вредное вліяніе; она разочаровала русскую дипломатію въ сербахъ и заставила въ моментъ войны, поднятой якобы за нихъ, вполне поступиться ихъ интересами, пойдя на встрѣчу графу Андраши въ желаніи овладѣть Босніей и Герцеговиной. Наиболѣе пострадавшимъ на Берлинскомъ конгрессѣ было сербское племя, такъ много перетерпѣвшее, вѣчно раздробленное и въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій постоянно жившее въ борьбѣ. По трактату, Сербское княжество, вмѣсто Босніи, получило округа: Пиротъ, Вранью, Легковацъ и Прокулье, нарочно на югъ-востокъ, чтобы раздуть старую вражду между сербами и болгарами. Между тѣмъ Австро-Венгрія, не затратившая ни одного гроша и не пролившая ни одной капли крови, получила Боснію и Герцеговину, а затѣмъ вырвала изъ слабыхъ рукъ Турціи и часть Старой Сербіи. Захваты вѣнскаго двора, устанавливая на прочныхъ основаніяхъ нѣмецко-мадьярское вліяніе среди юго-восточныхъ славянъ, предупреждали въ будущемъ возможность сліянія сербовъ боснійскихъ и герцеговинскихъ съ сербами Черной Горы и княжества. Эти ловкіе захваты невольна также должны были усилить исконное соперничество между Россіей и Австро-Венгріей на Балканскомъ полуостровѣ.

Хотя на основаніи трактата и Константинопольской конвенціи 21 апрѣля 1879 года, болѣе точнымъ образомъ опредѣлившей условія австро-венгерскаго занятія, Боснія и Герцеговина были признаны составною частью владѣній турецкаго султана, вслѣд-

ствіе чего онъ попрежнему остается единственнымъ верховнымъ владѣтелемъ этихъ провинцій, но турецкій суверенитетъ чисто номинальный и власть турецкаго султана представляется въ видѣ «jus pium».

Кромѣ ненормальности съ юридической точки зрѣнія такого положенія, Берлинскій конгрессъ допустилъ относительно означенныхъ областей еще другую странность — не упомянуть о срокѣ «занятія». Эта недомолвка, давшая Австро-Венгріи возможность занимать Боснію и Герцеговину, когда официальная цѣль занятія ихъ — замѣненіе — уже давно достигнута, объясняется вовсе не недосмотромъ со стороны составителей трактата, а исключительно тѣми соображеніями, которыми руководилось австро-венгерское правительство, принимая участіе въ конгрессѣ. Ему нуженъ былъ митрополитъ влѣчь отъ великаго европейскаго пути, оканчивающагося Салониками. Но графъ Андраши не имѣлъ духу требовать прямо уступки Босніи и Герцеговины, опасаясь Венгріи, постоянно боящейся утратить свой вліятельный голосъ въ имперіи, при увеличеніи славянскаго элемента.

Такое безсрочное занятіе ставитъ, по мнѣнію г. Мартенса и Блюнчли, эти провинціи въ крайне странное положеніе, не подходящее ни подъ какую извѣстную юридическую форму, а другого профессора международнаго права г-на Комаровскаго «Восточный вопросъ» заставляетъ рекомендовать: «Черногоріи расширить свои предѣлы вдоль Адриатическаго побережья и присоединить къ себѣ Герцеговину, Боснію же отдать Сербіи, причемъ лучше всего было бы Черногоріи и Сербіи соединиться!» Какъ будто бы этотъ ученый не знаетъ, что, независимо отъ трактата, Россія тогда же обязалась не только никогда не требовать возврата Австро-Венгріей захваченныхъ провинцій, но и не препятствовать присоединенію Старой Сербіи.

Нѣсколько неудивительно, что сербы были крайне недовольны результатами войны, указывая на принесшую очень мало жертвъ и въ десять разъ болѣе получившую Болгарію. Во всемъ этомъ они винили Россію и своихъ либераловъ, управлявшихъ во время войны. Къ сожалѣнію, еще не настало время раскрыть всѣ причины, поведшія ко взаимному недоразумѣнію и многолѣтнему охлажденію между Россіей и Сербіей; тѣмъ не менѣе нельзя не сказать, что главная причина этихъ прискорбныхъ явленій не Россія, а недобросовѣстность Милана и нѣкоторыхъ изъ его совѣтниковъ, скрывшихъ отъ народа правду объ отношеніяхъ Россіи къ Сербіи. Лишеніе сербскаго народа его завѣтныхъ мечтаній, ради которыхъ онъ и проливалъ кровь, не могло утѣшить то, что во время войны 1876 года, кромѣ обильныхъ приношеній отъ русскаго народа, Сербія сдѣлала въ Россіи заемъ черезъ митрополита Михаила и что при этомъ императоръ Александръ II простилъ Сербіи около милліона рублей стараго долга, сдѣланнаго еще при князѣ Михаилѣ, послѣ бомбардировки Бѣлграда.

Миланъ и Ристичъ спекулировали на нашъ счетъ, обязавшись выступить въ августѣ 1877 года и откладывая это подъ предлогомъ заговора Карагеоргиевича (въ сущности возмущенія одного батальона въ Тополѣ), но съ ясной цѣлью не соваться въ воду, пока русскіе не возьмутъ Плевны. Россія платила по 15 коп. золотомъ за 60 тысячъ сербскихъ солдатъ, а ихъ было на-лицо не болѣе половины, и притомъ съ августа, когда сербы должны были выступить, тогда какъ войска ихъ двинулись только въ декабрѣ, когда Вранья, Нишъ, Протъ уже были взяты. Россія содержала въ это время и Милана на свой счетъ, притомъ гораздо роскошнѣе, чѣмъ онъ жилъ потомъ королемъ.

О королевствѣ Сербіи, какъ и о другихъ маленькиихъ государствахъ Балканскаго полуострова, можно сказать то же, что говорить Тень о провинціальныхъ городахъ Франціи, что это капли воды, въ которыхъ въ микроскопъ видно, что страшные звѣри готовы каждую минуту пожрать другъ друга. Въ особенности подобное пожраніе удобно наблюдать на Сербіи, микроскопической странѣ, гдѣ и теперь только 2^{1/2} милл. жителей, но гдѣ политическія страсти кипятъ какъ въ котлѣ. За какія-нибудь шестьдесятъ лѣтъ тамъ династія Карагеоргиевичей и Милошъ Обреновичъ были изгнаны, князь Михаилъ зарѣзанъ чуть не публично, король Миланъ вынужденъ отказаться отъ престола, а король Александръ сдѣлалъ болѣе комическій, нежели трагическій переворотъ, еще не достигнувъ совершеннолѣтія.

По остроумному замѣчанію «Temps», юный король сербскій напоминаетъ принца Конде, о которомъ говорили, что онъ молодымъ человѣкомъ уже болѣе убилъ подъ собою коней, чѣмъ старые ветераны. «Сербскій король болѣе назначилъ и уволилъ министровъ, нежели королева Викторія за шестьдесятъ лѣтъ своего царствованія».

Политическая жизнь Сербіи вообще представляетъ рядъ вопиющихъ противорѣчій и, при неразвитости и подвижности народной массы, открываетъ удобное поле для разныхъ интригановъ. Оттого сербское королевство и «сербіанцы» пользуются весьма нелестною репутаціею въ прочемъ сербскомъ мірѣ, особенно въ Черногоріи и Хорватіи. Въ глазахъ грубыхъ и храбрыхъ черногорцевъ «сербіанцы» оживѣли, а, по мнѣнію аристократическихъ хорватовъ, населеніе королевства состоитъ исключительно изъ свинопасовъ, правительство же, подъ маскою ложнаго конституціонализма, продолжаетъ традиціи бѣлградскихъ трехбунчужныхъ пашей. Говоря о Сербіи, не нужно забывать, однако, давно ли она вышла изъ своего вѣкового рабства и оцѣпенѣнія. Еще въ 1865 г. красное знамя жепорока гордо развѣвалось надъ бѣлградскою твердынею, въ самомъ, такъ сказать, сердцѣ сербской земли.

Служитица по конституціи 1869 года и дополненіямъ въ ней, сдѣланнымъ въ 1889 г., полновластна и князь и король только

приводятъ въ исполненіе ея постановленія. но не санкціонируютъ ихъ ¹⁾. Правда, часть депутатовъ скупщины—30 назначается непосредственно правительствомъ, но около ста выбираются, болѣе или менѣе, независимо. Несмотря на это и на свободу печати, король можетъ дѣйствовать въ извѣстной степени какъ угодно. а Миланъ даже управлялъ совсѣмъ деспотически, притомъ въ высшей степени прихотливо и непослѣдовательно. Этотъ человекъ, въ рукахъ котораго находится и до сихъ поръ судьба Сербіи, своею апатіею въ дѣлѣ иностранной политики и самовластіемъ по отношенію къ внутреннимъ дѣламъ принесъ дѣлу сербскаго народа болѣе вреда, чѣмъ всѣ турецкіе баталіоны и западные дипломаты, взятые вмѣстѣ.

Говорятъ, что регенты нарочно отбармливали Милана, чтобы сдѣлать его лѣнливымъ и равнодушнымъ къ дѣламъ. Когда я въ первый разъ видѣлъ его въ 1875 году, прищуренные глаза князя обличали упрямство и показывали, что кровь Обреновичей не остыла въ его жилахъ. Онъ уменъ, но чрезвычайно скрытенъ и ниго не можетъ заставить его проговориться. Упорство характера Милана видно было и въ мелочахъ. На балу, во дворцѣ, онъ открылъ однажды балъ съ дочерью Мариновича; этимъ обидѣлась жена какого-то дипломатическаго агента, считавшая себя старшею дамою въ Бѣлградѣ; князь, тогда еще совсѣмъ юный, рѣшилъ, во избѣжаніе споровъ, баловъ болѣе не давать, что и сдержалъ въ теченіе двухъ лѣтъ. Злые языки прибавляютъ, что тутъ руководили и соображенія экономическія, потому что бережливость наследственна у Обреновичей. «Великій», какъ называютъ его въ Сербіи, Милошъ требовалъ, чтобы прислуга его постоянно ссорилась между собою, если же онъ замѣчалъ, что все спокойно, немедленно увольнялъ всю дворню.—«Если они не ссорятся, говорилъ старый герой, значить стакнулись, чтобъ обворовывать меня».

Для петригъ Милана удобное поле представляла партійная рознь; партіи въ Сербіи en voux-tu—voilà, даже у каждаго офицера, кромѣ гадуновъ, должно быть непременно свое политическое знамя. Политическое знамя—по-сербски застава. Эти «заставы» дѣйствительно служатъ заставами для развитія государственной жизни сербскаго народа. Сельское населеніе Сербіи еще сохранило хорошія качества и какое то слѣпое обожаніе Россіи, но интеллигенція буквально заѣдается партійностью. Каждый сербъ прежде всего человекъ извѣстной партіи. Въ 1872 году, когда наступило совершеннолѣтіе Милана, насчитывались въ княжествѣ слѣдующія партіи: старая турецкая, князя Милана, Карагеоргиевичей, князя Николая Черногорскаго, радикальная, республиканская, не говоря уже о всемірной партіи—геморондальной,

¹⁾ Существуетъ еще великая скупщина, которая вчетверо больше обыкновеннаго народнаго собранія; но она созывается только въ тѣхъ случаяхъ, когда необходимо принять рѣшенія по самымъ важнымъ и конституціоннымъ вопросамъ.

для которой хоть трава не расти. И все это на население въ 1.350.000 душъ. изъ котораго болѣе мплліона занималось исключительно разведеніемъ свиней и стояло на той степени развитія, что свинью зарѣзать, что турка—все равно. Князь началъ княженіе полнымъ удаленіемъ регентовъ и устраненіемъ отъ дѣлъ Ристича съ либеральнымъ министерствомъ. Министерство это пользовалось нелестною кличкою «*ministère des assassins*», такъ какъ члены его были замѣшаны въ дѣлѣ объ убійствѣ князя Михаила въ Топчидере. Впрочемъ, всѣ безъ исключенія выдающіеся сербскіе дѣятели были тогда, болѣе или менѣе, прикосновенны къ этой cause célèbre, начиная съ сербскаго Мольте Блазнаваца,—преобразователя мѣстной арміи.—наблюдавшаго съ горы за совершеніемъ преступленія. Удаляя либераловъ, Миланъ мстилъ за удаленіе его матери изъ сербской столицы. На сцену выступило консервативное министерство.

На князя имѣлъ тогда рѣшительное вліяніе ярый консерваторъ Мариновичъ, постоянный соперникъ Ристича во всѣхъ дѣлахъ. Ристичъ, имя котораго и у насъ приобрѣло популярность, хотя былъ человекъ очень способный, все-таки былъ не болѣе, какъ политическій лттриганъ. Консерваторы далеко не пользовались симпатіями въ Сербіи, а потому, желая приобрести популярность, стали помогать движенію въ Босніи и Герцеговинѣ; наступало время войны и министерство, не будучи въ силахъ справиться съ положеніемъ, было замѣнено министерствомъ либеральнымъ съ Михайловичемъ, Груичемъ и Ристичемъ; министерство это вынесло на себѣ объ войны. Результаты ея повредили однако либераламъ. Неувѣренны въ своей силѣ, консерваторы, въ 1879 году, сблизились съ лѣвымъ крыломъ либераловъ. Отъ этого произошла партійная пертурбація. Омладина, отдѣлившаяся отъ молодой соціальной Сербіи, снова стала чисто либеральной партией, а отпавшіе отъ либераловъ (соціалисты) образовали ядро радикальной партіи; что же касается до консерваторовъ, то они переименовали себя въ прогрессистовъ или напредняковъ. Такимъ образомъ въ 1880 году образовалось первое напредняцкое министерство съ Пирочанцемъ во главѣ. Объ партіи хотя и образовали два отдѣльныхъ клуба, но не очень ссорились: напредняки изъ боязни оппозиціи, а радикалы для того, чтобы имѣть долю участія въ спекуляціяхъ Милана съ Бонту. Имѣвшіе въ скупщинѣ всего семь представителей, либералы вышли оттуда въ самомъ началѣ дѣла съ Бонту, а радикалы перессорились съ напредняками уже тогда, когда Бонту обанкрутился (въ 1882 г.). Миланъ (получившій лично 3¹/₂ мплліона франковъ) и напредняки тѣмъ не менѣе поручили ему же постройку желѣзныхъ дорогъ. «Мы не хотимъ имѣть что либо общее съ напредняками, они продали Сербію», заявили радикалы и также вышли изъ скупщины. Такимъ образомъ напредняки остались одни у власти,—и смѣло

со своимъ королемъ предалась Австро-Венгріи. Наша дипломатія, въ виду соглашеній 1877 и 1878 гг., на это не обращала большого вниманія, съ одной стороны рассчитывая на традиціонную къ намъ привязанность сербскаго народа, а съ другой — думая, что Австрія, няньчась со своимъ любимцемъ Миланомъ, ставшимъ въ 1882 г. королемъ, развяжетъ намъ руки по отношенію къ Болгаріи. На чемъ основывалось такое мнѣніе, понять трудно, въ виду извѣстной ревнивой полптики Австріи. Она ни на мигъ не измѣняла своей двуличности по отношенію къ Болгаріи, выживая насъ отсюда. Между тѣмъ, уступая вѣнскому двору, мы на семь лѣтъ запустили свои отношенія въ Бѣлградѣ¹⁾.

Почувствовавъ себя на свободѣ и вѣвъ всякаго контроля отъ Россіи, либеральной и радикальной партій, министерство съ Миланомъ заодно и подъ покровительствомъ Австро-Венгріи пустилось, что называется, во вся тяжкія. Наступило полное банкротство Бонту, отчего Сербія потеряла 4½ милл. руб., но король и его министры продолжали продавать Сербію иностранцамъ. Впрочемъ и изъ Россіи, при помощи Волжско-Камскаго банка, Миланъ заполучилъ нѣсколько милліоновъ.

Вся дальнѣйшая политика его представляла безтолковую партійную игру, сопровождавшуюся не только смѣною министровъ, но и возмущеніями, ссылками и тюрьмами. По очереди король перебѣгалъ отъ Христича, прозваннаго «мясникомъ», наполнившаго тюрьмы радикалами, т. е. представителями руссофильской партіи, и приговорившаго къ смертной казни ихъ предводителей, Пашича, Таушановича, Велимировича и др., къ напреднякамъ, глава которыхъ Гарашанинъ былъ ему особенно милъ по своимъ австрофильскимъ тенденціямъ, и наконецъ къ либераламъ.

Травля радикаловъ и подтасовка выборовъ дозволила ему совершить безумнѣйшій поступокъ — объявить въ ноябрѣ 1885 года Болгаріи войну. Румелійскій переворотъ признанъ былъ сербскимъ правительствомъ нарушеніемъ равновѣсія, установленнаго на Балканскомъ полуостровѣ Берлинскимъ трактатомъ, вслѣдствіе чего Миланъ приступилъ къ мобилизаціи своей арміи съ тѣмъ, чтобы не допустить объединенія обѣихъ Болгарій, не добившись соотвѣтственнаго земельного приращенія для своего королевства. Внутреннія дипломатіи не оказали никакого вліянія, такъ какъ изъ двухъ державъ, поставленныхъ въ наиболѣе благоприятныя условія для выраженія порицанія военнымъ приготовленіямъ Сербіи, — Германія молчала, а Австро-Венгрія явно потворствовала братоубійственной войнѣ. Австро-Венгрія имѣла цѣлью округлить для себя сербскую область, сдѣлавъ Милана тараномъ для прокладки дороги къ Эгейскому морю, а затѣмъ, вытѣнивъ Россію изъ-за

¹⁾ Князь Горчаковъ раскаявался въ такомъ потворствѣ Австро-Венгріи, какъ о томъ свидѣтельствуетъ нота его къ нашему послу въ Вѣнѣ, Новикову, отъ 2-го февраля 1879 г.

Дуная, стать полновластною распорядительницею балканскихъ славянъ. Расчеты вѣнскаго кабинета въ первую минуту сербо-болгарскаго столкновенія, казалось, оправдывались, охранители Берлинскаго трактата и Порты остались безучастными зрителями, несмотря на то, что Сербія вторгалась въ вассальное княжество турецкаго султана. Но уже черезъ нѣсколько дней обнаружилась ошибочность расчетовъ вѣнскаго двора. Неожиданно для австро-венгерскихъ дипломатовъ, болгары отразили нападеніе и сами вторглись въ Сербію.

Видя пораженіе сербскихъ войскъ и трепеща за участь своего подручника, Австрія обратилась за помощью къ Россіи, которая предложила великимъ державамъ прекратить борьбу путемъ энергическаго давленія, условленнаго между Портою и державами. Австрія, мало вѣря въ чудодѣйственную силу дипломатическихъ нотъ, чтобы скорѣе добиться перемирія между Сербіей и Болгаріей, въ виду опасности, грозившей столицѣ сербскаго королевства и престолу преданнаго ей Обреновича, присоединила къ требованіямъ великихъ державъ угрозу болгарскому князю, что если онъ не приостановитъ побѣдоноснаго шествія по сербскій территоріи, то австро-венгерскія войска выступятъ на помощь Милану. Эта угроза была причиною, что 19-го февраля 1886 года въ румынской столицѣ былъ подписанъ мирный договоръ между Сербіей и Болгаріей. Австро-Венгрія очень ловко являлась такимъ образомъ спасительницею Сербіи.

Видя неудачи, радикалы и либералы, вслѣдствіе ужаснаго положенія внутреннихъ дѣлъ, на минуту забыли партійные споры и рѣшились дѣйствовать противъ Милана единодушно. Союзъ ихъ состоялся въ концѣ 1886 года и въ короткій срокъ принесъ внушительные результаты, зависѣвшіе впрочемъ болѣе отъ того, что Германія и Австро-Венгрія, пзъ боязни франко-русскаго союза, стали дѣлать Милану надлежація внушенія.

Послѣдній быстро повернулся въ противоположную сторону и послалъ королеву съ сыномъ въ Ялту для примиренія его съ Россіей, но эта попытка не удалась и, несмотря на благосклонный приемъ, оказанный самой королевою, перетрусившій Миланъ вынужденъ былъ въ 1887 г. пригласить Ристича для составленія либерально-радикальнаго «фюзіоннаго министерства» при участіи Саввы Груича, человека очень честнаго, но слабохарактернаго. Министерство потребовало возвращенія нашего друга митрополита Михаила, отрѣшеннаго королемъ въ 1881 г. и изгнаннаго въ 1883 году.

1888 годъ былъ концомъ австро-венгерскаго господства въ Сербіи. Дѣйствія въ этотъ годъ Милана удивили весь міръ. По совѣту королевы, онъ уволилъ Ристича и сдѣлалъ снова первымъ министромъ Гарашанна, но рядомъ съ этимъ началъ бракоразводное дѣло съ королевою. Не встрѣчая сочувствія въ синодѣ, онъ собственною властью, ссылаясь на примѣры старыхъ сербскихъ коро-

лей. развелъ себя, на что, впрочемъ, получилъ одобреніе митрополита Θεодосія. Это событіе было дурно принято въ Россіи, такъ какъ Наталія, молдаванка, воспитанная въ одесскомъ институтѣ, считалась почему-то преданною Россіи. Разводъ взволновалъ и сербскія партіи, хотя королева никакой популярностью не пользовалась. Радикалы даже прямо протестовали противъ развода.

Два дня спустя по разводѣ Миланъ созвалъ великую скупшину для пересмотра конституціи. Результатомъ выборовъ было чрезвычайно сильное большинство радикаловъ. Мннстерство Христича сначала игнорировало выборы, но затѣмъ подало въ отставку. Великая скупщина приняла новую конституцію съ важной поправкой, въ силу которой король лишался права заключать безъ вѣдома и утвержденія великой скупщины союзы и конвенціи съ иностранными государствами. Вслѣдствіе этого Миланъ, и ранѣе поговаривавшій объ отреченіи, отказался отъ престола въ пользу своего малолѣтняго сына Александра, а до совершеннолѣтія установилъ регентство изъ Ристича, Белмарковича и Хорватовича. Ристичъ, сдѣлавшись въ 1889 г. первымъ регентомъ малолѣтняго короля, подписалъ военно-политическую конвенцію съ Австріей. Этотъ государственный актъ Ристичъ скрывалъ отъ всѣхъ вплоть до своего паденія 1-го апрѣля 1893 года, послѣ котораго передалъ конвенцію президенту тогдашняго радикальнаго кабинета, покойному нынѣ Докичу, и лишь послѣдній довелъ ее до свѣдѣнія короля.

Отреченіе короля было принято съ удовольствіемъ, какъ возвратъ къ русской и славянской политикѣ и прекращеніе финансовыхъ безобразій. Пашичъ, ставшій первымъ министромъ, программю поставилъ обоединеніе всѣхъ сербовъ, экономическую и политическую солидарность между всѣми державами Балканскаго полуострова, нравственную и умственную связь со всѣми славянскими народами.

Отъ отказа Милана и до *coup d'Etat* 1-го апрѣля 1893 года регенты управляли уже въ болѣе русскомъ направленіи, опираясь на радикальную партію, изъ которой выдѣлилась крестьянская партія Катича. Хотя регенты употребляли всѣ усилія, чтобы не задѣть Австро-Венгрію, но дипломаты и особенно газеты въ Вѣнѣ и Пештѣ были очень враждебны къ перемѣнѣ сербской политики, и въ 1890 г. графъ Кальноки дѣлалъ даже Сербіи угрозы въ делегаціяхъ, кончившіяся репрессаліями въ таможахъ. Сербы терпѣли все, держась девиза своего герба, «*Tempus et meum jus*».

Переворотъ, сдѣланный юнымъ королемъ, не измѣнилъ положенія Россіи въ Бѣлградѣ, но внутреннее положеніе не стало устойчивѣе, чѣмъ при регентахъ. Родители короля надѣлали своими ссорами и интригами, пока ихъ не успокоили—Милана разными субсидіями, а королеву пересмотромъ ея бракоразводнаго дѣла; разъ пришлось королеву выжить изъ Бѣлграда, даже силою. Для порядка приглашали снова въ премьеры *l'honime à roign*—Христича,

либераловъ съ Новаковичемъ. Финансовое положеніе также осталось запутаннымъ: для погашенія долга учредили монополіи подъ надзоромъ иностранныхъ кредиторовъ. Министерство Новаковича обвинило короля въ заговорахъ съ иностранными державами противъ своихъ министровъ: король въ свою очередь нашелъ, что министерство позволяетъ скупщинѣ нарушать конституцію, и поручилъ посланнику въ Вѣнѣ Симичу, умѣренному напредняку, но болѣе дипломату, чѣмъ человѣку партіи, составить министерство.

Такъ какъ Симичъ былъ въ Вѣнѣ *persona gratissima*, то явилось предположеніе, что австро-венгерское вліяніе снова восторжествовало въ Бѣлградѣ, хотя повидному опасность была не велика, — Симичъ и въ Петербургѣ оставилъ хорошія воспоминанія. Онъ возстановилъ тотъ конституціонный режимъ, который былъ упраздненъ государственнымъ переворотомъ 1893 года. Программа его не содержала ничего такого, что заставило бы подозрѣвать кабинетъ Симича въ намѣреніи держаться строго австрофильской политики. Скорѣе она представлялась желаніемъ сидѣть между двухъ стульевъ.

Поѣздка короля и Симича въ Цетинье не оправдала возлагавшихся на нее надежды: она не повлекла за собою болѣе тѣснаго союза двухъ сербскихъ государствъ и родства дворовъ и, повидному, была источникомъ неудовольствія короля противъ Симича. Этимъ сумѣлъ воспользоваться Миланъ, встрѣтившись въ Вѣнѣ съ королемъ Александромъ; тутъ и состоялось сближеніе, очевидно, не безъ вліянія Австро-Венгрии и при участіи Ристича, думавшаго, что премьеромъ будетъ Белимарковичъ. Въ октябрѣ 1898 г. Миланъ вмѣстѣ съ королемъ возвратился въ Бѣлградъ и вызвалъ своимъ появленіемъ отставку Симича. У власти появилось министерство Влодана Джорджевича, состоящее изъ лицъ непартійныхъ, но близкихъ къ эссъ-королю. Личность новаго министра вызвала опасеніе, что Сербія снова можетъ броситься въ приключенія. Это опасеніе возобновилось съ извѣстіемъ, что Миланъ назначенъ главнокомандующимъ арміею.

Сербская пословица говоритъ, что «волкъ мѣняетъ шерсть, но нравъ — никогда». Это подтвердилось на Миланѣ. Онъ ужасающимъ образомъ довершилъ паденіе Сербіи. Начали съ заключенія займа, пошедшаго на удовлетвореніе кредиторовъ эссъ-короля. Дальнѣйшіе финансовыя планы Милана, грозя конечнымъ разореніемъ странѣ, встрѣчали затрудненіе. Чтобы предотвратить новое сближеніе короля съ радикалами, придумали отчаянное средство — флетивное покушеніе на Милана. Это было поводомъ устрашить большого короля и уничтожить — противниковъ. При волюющемъ нарушеніи всѣхъ судебныхъ гарантій, рядъ вліятельныхъ членовъ радикальной партіи обвинялся въ антидинастическомъ заговорѣ. Престарѣлый Пашичъ, закушенный Миланомъ, позорно отрекся отъ своего прошлаго. Амнистія заключенныхъ радикаловъ до сихъ

порь не объявлена королема, несмотря на представлеіе великихъ державъ. Россія даже отзывала своего представителя. Но до сихъ порь дружелюбныя отношеіия не возстановились и нашъ повѣренный живетъ уединенно, вѣдая только текущими дѣлами. Черногорія окончательно разорвала свои отношеіия къ бѣлградскому правительству.

Наші торговыя сношеіия съ Сербіей, несмотря на проведеніе желѣзныхъ дорогъ отъ Ниша въ Кладово, открывающихъ для насъ рынки Старой Сербіи и Македоніи, скорѣе сокращаются. Если въ общемъ итогъ онѣ кажутся увеличивающимися, то это отъ поставли для казенной монополіи русскаго керосина. Такое положеніе завлсипь отъ преобладанія Австро-Венгріи, низкаго курса денегъ, а отчасти отъ обѣднѣнія Сербіи.

Сербія страна мелкой собственности. Обработка полей производится примитивнымъ способомъ, земледѣльческихъ орудій не ввозится и никакихъ мѣръ къ улучшенію породы скота не принимается. Причины того—рутина, лѣность и отсутствіе наличныхъ денегъ у крестьянъ. Виноградники были опустошены филлоксерой и пероноспорой, такъ что для удовлетворенія мѣстнаго потребленія приходится ввозить вино изъ Турціи. Даже свиноводству стала грозить упадокъ, за отсутствіемъ другого пути для вывоза, кромѣ Венгріи, куда было запрещено транзитъ сербскихъ свиней подъ предлогомъ ветеринарныхъ мѣръ. Всѣ промышленныя заведенія носятъ въ Сербіи кустарный характеръ и подъ натискомъ европейскихъ фабрикантовъ клонятся къ упадку; несмотря на поощреніе со стороны правительства, дарующаго 10-ти лѣтнія исключительныя привилегіи и всяческія облегченія, крупныя предпріятія не возникаютъ.

Для развитія торговли съ Сербіей въ 1892 г. мы начали переговоры о торговомъ трактатѣ, которыя и закончены въ 1893 г. Мы согласились на установленіе въ Сербіи разныхъ монополій и на пониженіе пошлинъ на черносливъ (важнѣйшій послѣ свиней предметъ вывоза), а съ своей стороны добились признанія за нами правъ наиболѣе благопріятствующей націи (что представляетъ сбавку 40% пошлинъ съ общаго тарифа), т. е. тѣхъ же льготъ, которыя даны Австро-Венгріи и Германіи, сбавки пошлинъ на керосинъ и кожи и пониженія «трашарины» (octrois).

Черногорія.

Вся мѣстность, занимавшая Черногоріей до границъ Берлинскаго трактата, была прежде необитаема; постоянныя войны съ турками заставили черногорцевъ мало-по-малу очистить ровныя и плодородныя мѣстности Зеты, имъ искони принадлежавшія, и переселиться на высоты, куда ни турецкая, и никакая другая

армія въ міръ не дерзала заглядывать, потому что достаточно было десяти человекъ, бросавшихъ сверху камни, которыхъ безчисленное множество, чтобъ удержать батальоны. Только подкупомъ и пзвѣною можно было что-нибудь сдѣлать въ такихъ мѣстахъ; но черногорцы доказали, что и такой способъ войны къ нимъ непримѣнимъ. Принужденные жить постоянно въ горахъ, они, понятно, старались эксплуатировать ихъ, но это давалось съ большимъ трудомъ.

Достаточно взглянуть на черногорскія пашни, чтобъ убѣдиться, какихъ усилій требуется отъ земледѣльца. Замѣчательно, что въ Брдѣ, гдѣ хлѣбопашество гораздо проще и легче, черногорецъ дѣлается скоро лѣнивымъ и работаетъ крайне неохотно, да и въ прочихъ мѣстахъ работаютъ болѣе женщины; онѣ же служатъ для перевозокъ. Le postre donne solo le postre mule, говорилъ проводникъ извѣстному путешественнику Убичичи. Въ Черногоріи количество удобной земли недостаточно для потребностей населенія; послѣднее часто терпитъ голодъ; горы, покрытыя весьма рѣдкимъ кустарникомъ, а не травой, могутъ скорѣе кормить козъ, чѣмъ овецъ; поэтому въ странѣ, естественно, образуется пролетаріатъ, ищущій себѣ занятій. И въ мирное время черногорцы шли на заработки въ страны въ Турцію и Австрію; въ одномъ Цареградѣ ихъ болѣе двухъ тысячъ, но еще охотнѣе готовы они были искать пропитанія въ военныхъ набѣгахъ, «четахъ». Поэтому война, даже самая неравная, не только не пугала черногорца, но скорѣе радовала его. Для страны уничтоженіе даже нѣкотораго избытка населенія, тяготящаго ее, не могло считаться большимъ несчастіемъ. Конечно, подобный порядокъ вещей ненормаленъ и продолжаться долго не можетъ, однако единственное средство обратить черногорцевъ въ вполне мирныхъ гражданъ состоитъ въ расширеніи ихъ владѣній и въ присоединеніи къ нимъ сосѣднихъ плодородныхъ и пустынныхъ турецкихъ округовъ. Безъ этого всякія убѣжденія и мѣропріятія будутъ совершенно излишними.

Торговля Черногоріи ничтожна. Она производится преимущественно съ Австріей и отчасти съ Англіей и состоитъ изъ отпуски табаку и нѣкоторыхъ продуктовъ земледѣлія и привоза тканей, металлическихъ издѣлій и колониальныхъ товаровъ. Изъ Россіи Черногорія вывозитъ керосинъ, составляющій монополію князя.

Черногорская администрація очень несложна. Князь входитъ во всѣ дѣла; подъ деревомъ, онъ публично разбираетъ просьбы своихъ подданныхъ. При немъ секретарь князя французъ, изъ алжирскихъ конныхъ егерей, не знаю—писалъ ли что нибудь, но зато объяснялъ черногорцамъ, какъ лучше рубить пашкою. Послѣ князя важнѣйшая власть въ Черногоріи—сенатъ или Государственный совѣтъ. Сенаторы или воеводы живутъ болѣе по домамъ и пріѣзжаютъ въ Cetinje по очереди. Предсѣдатель Государнаго совѣта, бывшаго сената, двоюродный братъ князя Божидаръ Петро-

вичъ Негушъ, воспитанный во Франціи. Онъ же теперь министръ внутреннихъ дѣлъ. Изъ другихъ членовъ Государнаго совѣта вліятельны: Вуковичъ — министръ иностранныхъ дѣлъ. Пламенацъ — министръ военный и Матановичъ — министръ финансовъ. Сима Поповичъ, министръ просвѣщенія и исповѣданій, почтъ и телеграфовъ — основатель «Гласа черногорца». Мѣсто министра юстиціи вакантно, прежній г. Богичичъ жить болѣе въ Парижѣ, да и что было ему дѣлать въ странѣ, гдѣ дѣла разбираются подъ деревомъ или въ кабинетѣ князя въ дружеской бесѣдѣ? Имѣется, впрочемъ, въ Цетиньѣ высшая судебная палата — великій судъ.

По характеру черногорцы отличаются простотою, но болѣе «простою московскою». Даже воспитанные въ Сень-Сирѣ, франдузы только по наружности и хотя читаютъ «Figaro» и «Revue des deux mondes», но не брезгаютъ чеснокомъ, оставаясь въ душѣ черногорцами. Всѣ черногорцы пламенные патриоты и только воспитаніе нѣсколько уразнообразило ихъ симпатіи, выражающіяся болѣе во вѣншиности. Всѣ они образуютъ, конечно, партіи.

Ранѣе учрежденія министерствъ администрація состояла изъ канцелярій: военной и финансовъ. Хотя онѣ помѣщались отъ меня въ двухъ шагахъ по тому же коридору, гдѣ я жилъ, но мнѣ не удалось слышать сврппа перьевъ и видѣть этихъ чиновниковъ. Едва ли въ канцеляріяхъ и было много дѣла, особенно у канцеляріи финансовъ. Въ мое время во всей черногорской казнѣ не было положительно ни копейки. Мѣстная администрація состоитъ изъ капетановъ, завѣдывающихъ округами. Расправа капетановъ очень короткая.

Вообще же черногорцамъ нужно удивляться. Со всѣми пособіями, государственный бюджетъ ихъ не превосходилъ до войны 1877—1878 гг. 125,000 руб. въ годъ, потому что податей платить никто не хотѣлъ — въ чемъ же было бы тогда отличіе свободнаго человѣка отъ подданнаго Турціи? На эти деньги черногорцы, отказывая себѣ патриотически во всемъ, умудрились содержать армію слишкомъ въ 20,000 человѣкъ, отлично вооруженныхъ, да такую армію, которая стояла сорока тысячъ. Понятно, что эта армія, въ Европѣ стоявшая бы пять, шесть милліоновъ рублей, внушала во всѣхъ державахъ великое къ Черногоріи уваженіе и желаніе быть приятнымъ. Россія, стариннѣйшій другъ Черногоріи, платила *listes-civil*, большую часть котораго князь уступалъ въ государственную казну. Россія же сдѣлала съему Черногоріи, заплатила за составленіе кодекса, содержала женскій институтъ и пр.; Австрія проводила для черногорцевъ дороги, содержала даромъ почту и телеграфъ; Франція уплачивала жалованье секретарю князя, его доктору и т. д. Какъ скромны здѣсь издержки, видно изъ того, что сенаторы, десять лѣтъ учившіеся въ Парижѣ, получали еще недавно по 300 и по 500 гульденовъ жалованья въ годъ, т. е. по 25 руб. въ мѣсяць, сумма, за которую въ Петербургѣ трудно

нанять кучера, и теперь министрам дается по 2.000 гульденовъ. Не нужно, однако, думать по этимъ умѣреннымъ цифрамъ, что черногорцы какіе нибудь двари. Напротивъ того, въ Черногоріи книги печатались въ Рѣкѣ еще въ концѣ XV вѣка. Правда, типографскія литеры были перелиты потомъ въ пули противъ турокъ, но грамотность въ Черногоріи никогда не прекращалась; архивы черногорскіе въ порядкѣ, а потому объ исторіи черногорской сочиненій очень много; въ Цетинѣ издается своя газета.

Газета эта называлась Черногорець, потомъ Черногора, а съ 1878 г. выходитъ подъ названіемъ Гласа черногорца. Такия превращенія обусловливались законами о печати въ Австріи. Какъ скоро газета тамъ запрещалась, она мѣняла заглавіе и снова продолжала свое существованіе; такъ какъ главный событіе черногорской газеты въ австрійскія владѣнія у тамошнихъ сербовъ, то запрещеніе и разрѣшеніе ея въ Австріи весьма важно для редакціи. Газетою этой, какъ и всѣмъ въ Черногоріи, руководитъ самъ князь.

Съ точки зрѣнія черногорцевъ и всѣхъ южно-славянскихъ писателей, Черногорія всегда была совершенно независимымъ государствомъ. Въ 1496 г. послѣдній изъ дома Черноевпчей, правившихъ Черногоріей, Георгій, отказавшись отъ своей власти, уѣхалъ въ Италію. Постѣ этого во главѣ Черногоріи стали владыки—митрополиты, избранные народомъ; наступилъ теократическій періодъ правленія, крайне интереснаго и своеобразнаго, который продолжался 355 лѣтъ, до 1851 г., когда владыка Данилъ Петровичъ-Нѣгошъ, съ согласія Николая I, принялъ титулъ князя и сдѣлался самодержавнымъ свѣтскимъ государемъ. Начиная съ 1696 г. и до нашего времени во главѣ черногорскаго государственнаго управленія находилась династія Петровичъ-Нѣгошей. Нѣкоторые историки доказываютъ однако, что Черногорія была независимой, но имѣла форму не теократическаго правленія, а республиканскаго племеннаго, другіе же, что Черногорія была зависимой въ XVI и XVII вѣкахъ и никогда въ ней не было теократическаго правленія. Вопросъ запутанъ, благодаря весьма малому числу разработанныхъ документовъ, относящихся къ исторіи Черногоріи. Несомнѣнно впрочемъ, что и въ послѣдующее время черногорскіе владыки неоднократно лично предводительствовали войскамъ, напр. Петръ I (1784—1830 г.). Отголоски такого порядка остались въ Черногоріи и по сіе время, гдѣ существуютъ попы—«воеводы», даже нынѣшній черногорскій военный министръ Пля Пламаенацъ имѣетъ санъ священника.

Несомнѣнно такъ же, что претензіи султана на Черногорію имѣли не болѣе основаній, чѣмъ, напр., имѣли бы притязанія итальянскаго короля, основанныя на его титулѣ короля іерусалимскаго и кипрскаго. Турецкіе государственные люди считали Черногорію вассальнымъ государствомъ, съ такими же правами,

какъ права Сербіи или Египта, но взглядъ черногорцевъ былъ, конечно, правильнѣе, потому что никогда турки фактически не владѣли Черногоріей. Дипломатически до 1878 г. вопросъ оставался совершенно неразрѣшеннымъ, такъ какъ никакіе трактаты или конвенціи великихъ державъ не разрѣшали, съ точки зрѣнія европейскаго международнаго права, вѣковыя несогласія Порты съ Черногоріей; это небольшое государство оставалось въ какомъ-то совершенно исключительномъ положеніи въ Европѣ.

По странной разсѣянности, въ мнрномъ трактатѣ, заключенномъ въ Спсговѣ въ 1791 г., черногорцы названы были русскими дипломатами «турецкими подданными». На это черногорцы возражали, что въ договорѣ, заключенномъ въ Граховѣ въ 1838 году, и въ договорѣ объ опредѣленіи границы, заключенномъ въ 1842 году, сами турки называли Черногорію независимою державою. Болѣе серьезно вопросъ выступилъ на сцену во время заключенія Парижскаго трактата 1856 года. Въ одномъ засѣданіи при вопросѣ австрійскаго уполномоченнаго графа Буоля объ отношеніяхъ Россіи къ Черногоріи, покойный Али-паша заявилъ, что Porta считаетъ Черногорію неразрывною частью Оттоманской имперіи, хотя не думаетъ измѣнять своихъ отношеній къ ней. Заявленіе это было встрѣчено молчаніемъ всѣхъ уполномоченныхъ, въ томъ числѣ и нашихъ, выразившихъ тѣмъ какъ бы свое согласіе съ мнѣніемъ турецкаго посла. Извѣстіе объ этой сценѣ заставило князя Данила обратиться ко всѣмъ дворамъ, участвовавшимъ въ парижскихъ конференціяхъ, съ протестомъ, въ которомъ князь довольно рѣзко объявлялъ, что турецкія претензіи не выдерживаютъ критики. «Скорѣе черногорцы», говоритъ онъ, «имѣютъ право владѣть половиною Албаніи и всей Герцеговиной, такъ какъ мои предки владѣли этими землями; турки же никогда не владѣли Черногоріей». Протестъ остался безъ отвѣта. Въ 1857 году турецкое прсвительство предложило князю Данилу, находившемуся въ Паризѣ, черезъ французское правительство, заключить договоръ, съ тѣмъ, чтобы онъ призналъ себя вассаломъ Порты и получилъ въ вознагражденіе званіе и жалованіе мушира (корпуснаго командира) и наслѣдственное владѣніе Черногоріей. Князь Данилъ отказался даже обсуждать это предложеніе. Въ 1858 году была назначена международная коммиссія для разграниченія владѣній Турціи и Черногоріи. Уполномоченные Турціи и Австріи протпвились назначенію въ эту коммиссію черногорскаго депутата, но уступили энергическимъ настояніямъ русскаго и французскаго уполномоченныхъ. При обсужденіи доклада коммисіи въ собраніи посланниковъ великихъ державъ въ Константинополѣ, Али-паша хотѣлъ включить въ протоколъ засѣданія претензіи Порты на Черногорію. Бутеневъ и Тувенель этому воспротпвились, австрійскій повѣренный въ дѣлахъ графъ Лудольфъ принялъ сторону Турціи, англійскій и прусскій послы остались въ нерѣшимости. Споръ былъ очень оживленный и грозилъ

разстроить конференцію, но въ слѣдующее засѣданіе Али-паша заявилъ, что Порта согласна оставить вопросъ открытымъ.

Вопросъ былъ поднятъ снова Портою послѣ неудачной для черногорцевъ войны 1862 года. Омеръ-паша совѣтовалъ въ то время оттоманскому правительству воспользоваться правами побѣдителя и вынудить у черногорцевъ признаніе ихъ вассальной зависимости отъ Турціи. Фуадъ-паша, бывшій тогда великимъ визиремъ, боялся однако раздражить великія державы возбужденіемъ этого вопроса и обошелъ его, заявивъ, что «Портѣ нѣтъ надобности подтверждать то, чѣмъ она пользовалась всегда по праву, а теперь будетъ пользоваться и въ силу завоеванія». Вслѣдствіе такого толкованія въ ультиматумѣ Омера-паши, принятомъ черногорцами, не упоминалось ни единымъ словомъ о верховномъ правѣ султана. Турки выговорили себѣ только право устроить укрѣпленную блокгаузамъ торговую дорогу по черногорской территоріи изъ Никшича въ Спужь. Европейскія державы все-таки увидѣли въ этомъ замаскированное погубленіе на независимость Черногоріи, вопреки формальному обѣщанію самихъ турокъ, передъ началомъ похода 1862 года, вызваннаго, какъ извѣстно, герцеговинскимъ возстаніемъ. Россія протестовала весьма рѣзко и съ достоинствомъ; Франція также протестовала, но болѣе мягко; въ ней позднѣе, и довольно неохотно, присоединилась Австрія. Только Англія оправдывала дѣйствія Турціи, хотя и не становилась явно на ея сторону. Турецкое правительство, видя неудовольствіе европейскихъ державъ, снова уступило и, воспользовавшись, какъ предложомъ, просьбою князя Николая, срыло въ 1864 году всѣ свои блокгаузы, построенныя на черногорской территоріи. На этомъ вопросъ и остановился до послѣдняго возстанія въ Герцеговинѣ.

Извѣстіе о назначеніи сербскаго публициста Сундечича черногорскимъ консуломъ въ Зарѣ и о согласіи австро-венгерскаго правительства принять его въ этомъ званіи, послѣ посѣщенія княземъ Николаемъ Вѣны и личныхъ переговоровъ его съ графомъ Андраши, указывало на измѣненіе австрійской политики по отношенію къ Черногоріи и было новымъ признаніемъ со стороны одной изъ европейскихъ великихъ державъ полной независимости Черногоріи и права ея имѣть собственное дипломатическое представительство.

Вопросъ о томъ, что и другія государства послѣдуютъ этому примѣру и не только акредитуютъ своихъ консуловъ въ Цетиньѣ, но и закрѣпятъ какимъ-нибудь международнымъ актомъ за черногорскимъ народомъ, триста лѣтъ отстаивавшимъ свою свободу и обязавшимъ немалыя услуги не только южнымъ славянамъ, но и всей Европѣ во время всепожирающаго могущества турецкой монархіи—былъ разрѣшенъ только Восточною войною и новою кровью, пролитой черногорцами и Россіей.

Видя въ черногорцахъ наиболѣе вѣрныхъ союзниковъ Россіи,

Берлинскій конгрессъ былъ для нихъ крайне скупъ и прирѣзаль весьма не большое количество земель, преимущественно албанскихъ, болѣе удаленныхъ, и поставилъ морскія силы Черногоріи въ зависимость отъ Австро-Венгріи. Особенно неохотно уступленъ былъ Черногоріи портъ Антивари изъ опасенія, что Россія сдѣлаетъ изъ него свой военный портъ. Однако передача Гуспныи и Плавы не могла осуществиться, такъ какъ населеніе вмѣстѣ съ албанцами возстало противъ присоединенія къ Черногоріи. Въ виду этого великимъ державамъ въ 1880 г. пришлось замѣнить уступку Гуспныи и Плавы частью областей Земскои и Вермосекой съ портомъ Дубльцино, причемъ, вслѣдствіе сопротивленія турецкаго правительства такому рѣшенію державъ, ихъ военныя суда блокировали портъ Дубльцино. Имѣя бюджетъ въ 400 — 500.000 руб. Черногорія, конечно, большои силы за этими прирѣзками не приобрьла. Реформы состояли въ учрежденіи министерствъ, въ постройкѣ казармъ для упражненія собираемыхъ на время войскъ и въ проведеніи, что было полезнѣе, нѣсколькихъ дорогъ, въ томъ числѣ въ Антивари, обладающему прекрасной бухтой, которой недостаетъ только мола для безопасной стоянки судовъ. Портъ этотъ обѣщаетъ сдѣлаться центромъ дѣятельныхъ сношеній съ Италіей и ослабить торговую зависимость отъ Австро-Венгріи.

Съ тѣхъ поръ, однако, какъ императоръ Александръ III назвалъ князя Николая своимъ единственнымъ другомъ, въ Европѣ фонды черногорскаго двора очень поднялись. Княжеское семейство породнилось съ другими дворами, а принцесса Елена вышла даже замужъ за наследнаго принца итальянскаго. Бракъ этотъ, весьма почтенный, не будетъ, конечно, имѣть политическаго значенія, какъ не имѣли браки тетки итальянскаго короля съ принцемъ Наполеономъ для судьбы Франціи и другой тетки Гумберта съ королемъ португальскимъ — на участъ Амедея Савойскаго на Пиберійскомъ полуостровѣ. Черногорія останется русскою.

Отношенія Австріи къ Черногоріи за послѣднее время носили характеръ нѣсколько холодный, хотя и улучшились поводомъ князя Николая въ Вѣну. За то въ Константинополь князь Николай имѣлъ большой успѣхъ. Отношенія между Черногоріей и Сербіей, какъ я сказалъ, весьма плохи.

ХVII. РУМЫНІЯ.

Надобно удивляться, какъ иногда вопросы, сами по себѣ ясны до очевидности, затемняются при обсужденіи—ради того, что обѣ спорящія стороны вращаются въ области общихъ мѣстъ и громкихъ фразъ, не давая себѣ вовсе труда ознакомиться хотя слегка съ исторіей того предмета, изъ-за котораго идетъ споръ. Таковъ былъ и вопросъ о южной части Бессараби, отторгнутой отъ Рос-

сип Парижскимъ трактатомъ 1856 года и возвращенной по Берлинскому трактату, взамятъ Добруджи, отрѣзавшей насъ весьма некстати отъ непосредственнаго соприкосновенія съ вассальными княжествами Турецкой имперіи.

Что румынскіе министры и политическіе вожди, получившіе воспитаніе въ парижскихъ кафе среди подонковъ тамошней мелкой прессы, что румынскіе журналисты—эта жалкая и невѣжественная литературная богема, имѣли смѣлость увѣрять, будто бы южная Бессарабія составляла исконн неразрывную часть румынскаго отечества, нѣтъ ничего удивительнаго, но что подобная мысль повторалась и у насъ журналами весьма почтенными и даже профессорами, это уже совершенно непростительно. Не говоря о справкѣ со множествомъ печатныхъ сочиненій, эпохи Бухарестскаго и Адрианопольскаго мира—не какія-нибудь эпохи Рюрика или Фарамонада, о которыхъ можно фантазировать какъ угодно, да и въ 1878 г. было не мало живыхъ современниковъ этихъ славныхъ для Россіи событій.

Бессарабія до присоединенія ея къ Россіи никогда не составляла ни независимой, ни даже общей области; она заключала въ себѣ нѣсколько частей, бывшихъ совершенно отдѣльными. Земли, присоединенныя Бухарестскимъ трактатомъ, состояли изъ слѣдующихъ трехъ частей. Первая была присоединена отъ Турціи; это такъ называемая «Райя», или христіанскія провинціи, управлявшіяся до того особыми пашами. Сюда входила большая часть Хотинскаго уѣзда, страна пограничная, гдѣ поляки вели постоянную войну съ турками и молдаванами за Буковину; туркамъ принадлежали затѣмъ города: Бендеры, Аккерманъ, Измаилъ, Рени или Томарово. Отъ Турціи же непосредственно приобрѣтена была южная часть Бессарабіи, извѣстная подъ именемъ «Буджака», или турецкой Бессарабіи. Уступленная нами въ 1856 году территория составляла малую лишь часть этой площади. Буджакъ, т. е. нынѣшніе уѣзды: Измаилскій, Аккерманскій, Бендерскій и часть Кишиневскаго, были исконн степью, обитатели которой до конца минувшаго столѣтія не измѣняли кочевому образу жизни. Наконецъ, собственно отъ молдавнскаго господства были присоединены въ 1812 году цинугы: Гречань, Кодру, Хаторнпчень, Орхей, Сорока и часть Ясскаго цинуга, т. е. нынѣшніе уѣзды Яскій, Сороковскій, Оргѣвскій и большая часть Кишиневскаго до Троянова вала.

Буджакъ, по описанію очевидцевъ, до присоединенія его къ Россіи представлялъ пустыню, въ которой не было ничего кромѣ травы и высокаго бурьяна; на степи паслись огромные табуны дикихъ коней буджакскихъ татаръ; обработанныхъ полей и колодезь было весьма мало и то только возлѣ рѣчныхъ поселковъ. Жителями этихъ степей являлись хищные звѣри и птицы, скрывавшіеся при появленіи человѣка. Человѣкъ былъ здѣсь временнымъ гостемъ, страшась долго оставаться въ такой пустынѣ.

Причина подобнаго запустѣнія лежала въ исторіи. Въ то время, когда сѣверная Бессарабія пздревле была населена молдаванами, южная, лежавшая на пути движенія дикихъ ордъ, нѣсколько разъ пзмѣняла племенной составъ своего населенія. Лѣтописецъ Несторъ знаетъ южную Бессарабію, населенную славянами, тиверцами и улчанами; еще къ концу XII вѣка тутъ владѣли князья галицкіе, но половцы и затѣмъ монголы истребили славянское населеніе. Въ томъ же вѣкѣ по берегамъ моря, а также въ Бендерахъ и Сорокахъ основались генуезцы. Образовавшіяся въ XIII и XIV вѣкахъ княжества валахское и молдавское начали все болѣе и болѣе распространять свое владычество на востокъ на счетъ половцевъ или кумановъ, но послѣдніе съ успѣхомъ отстаивали южную Бессарабію отъ румынъ до 1412 года. Только вмѣшательствомъ Венгріи и Польши эта страна временно и чисто номинально подпала подъ власть молдавскихъ и валахскихъ князей, но уже въ 1482 году, со взятіемъ Баязетомъ II Кплія и Аккермана, южная часть Бессарабіи сдѣлалась собственностью турокъ.

Во время этихъ войнъ южная Бессарабія совершенно запустѣла, и Салиманъ II въ 1569 году уступилъ древнюю родину улчей 30 тысячамъ ногайскихъ семействъ, выведеннымъ турками и татарамъ съ береговъ Волги, послѣ неудачныхъ попытокъ соединить эту рѣку съ Дономъ посредствомъ канала. Ногайцы неоднократно пытались освободиться отъ ига крымскихъ хановъ, которымъ они были уступлены турками. Все ногайское населеніе дѣлилось въ Буджакѣ на четыре кочевья: Эдпсэнь и Оранъ-Оглу—занимавшіе нынѣшній Аккерманскій уѣздъ, Орумбетъ-Оглу—въ бывшемъ Кагульскомъ уѣздѣ, и Измаиль-Канессп по берегамъ Дунайскихъ гирлъ; поэтому и до сихъ поръ множество урочищъ южной Бессарабіи носятъ татарскія названія, румынскія же племена появились только въ самое послѣднее время.

Еще съ половины XVIII столѣтія ногайцы начали выселяться въ теперешнюю Таврическую губернію, а въ 1770 г. графъ Панинъ, по взятіи Бендеръ, перевелъ туда и на Кубань 12,000 душъ ногайцевъ. Послѣ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, турки, вслѣдствіе недоразумѣній съ крымскимъ ханомъ Шагинъ-Гиреемъ, снова овладѣли Буджакомъ и удержали его за собою до Бухарестскаго мира. Сѣверною же частью Бессарабіи они владѣли непрерывно еще со времени молдавскаго князя Богдана, сына Стефана Великаго, т. е. съ конца XV столѣтія.

Въ 1806 году, при началѣ Турецкой войны императора Александра I-го, во всемъ Буджакѣ было уже не болѣе 5,000 татаръ, но стараями герцога Ришелье, управлявшаго тогда Новороссійскимъ краемъ, и эти послѣдніе были выведены въ Крымъ. Южная часть Бессарабіи снова совершенно запустѣла, но за колонизацію ея дѣятельно взялось наше правительство. Въ 1807 году пзъ за-

дунайскихъ запорожцевъ, перешедшихъ въ подданство Россіи, было образовано Усть-Дунайское казацкое войско и поселено въ южной части Прута. Съ 1809 года, въ надеждѣ, что Бессарабія перейдетъ подъ власть Россіи, Буджакскія степи населяются новыми переселенцами: болгарами, сербами и раскольниками-некрасовцами. Въ 1814 и 1815 годахъ переселены въ Буджакъ 1,500 семействъ нѣмецкихъ колонистовъ изъ герцогства Варшавскаго. Въ 1816 и 1817 годахъ, а затѣмъ съ 1834 по 1842 годъ, образованы новыя колоніи нѣмецкихъ переселенцевъ, преимущественно изъ Виртемберга. Болгарскими и нѣмецкими колонистами было отдано въ Буджакѣ 80,000 десятинъ земли, а остальные затѣмъ 90,000 десятинъ зачислены въ казну и жаловались разнымъ лицамъ за заслуги. Тутъ-то впервые появились въ Буджакѣ молдавскіе поселенцы изъ сѣверной Бессарабіи и частью изъ Молдавіи. Не мало шло также сюда и бѣглыхъ русскихъ и малороссіянъ, судя потому, что при одномъ губернаторѣ Федоровѣ было выслано изъ Бессарабіи въ Россію 35,000 бродягъ, а въ южной Бессарабіи оказались по переписи 6,000 малороссіянъ, нѣтъ ни переселенныхъ. Послѣ войны 1828—1829 годовъ снова было поселено въ южной Бессарабіи болѣе 1,000 душъ некрасовцевъ и 3,000 семействъ болгаръ. Переселеніе болгаръ продолжалось потомъ до 1834 года. Между 1837 и 1843 годами изъ русскихъ переселенцевъ были образованы по Дунаю поселенія вольныхъ матросовъ. Города южной Бессарабіи, особенно Рени и Измаиль, населялись греками, явившимися преимущественно въ 20-хъ годахъ изъ Архипелага, и болгарами. Послѣдніе образовали около Измаила торговый посадъ Тучковъ. Надобно замѣтить, что всѣ города перешли къ намъ отъ турокъ запустѣвшими и разоренными.

Таковы историческіе факты. Одинъ бѣглый взглядъ на нихъ показываетъ, имѣли-ли румыны какое либо историческое право считать южную Бессарабію неотъемлемою частью своего отечества. Положительно можно сказать, что отъ древнѣйшихъ временъ до 1856 года румыны составляли самую незначительную и притомъ пришлую, а не коренную по численности часть мѣстнаго населенія, наравнѣ съ евреями, цыганами, армянами и съ второстепенными національностями разноплеменной Бессарабіи. Съ 1856 года обстоятельства, конечно, нѣсколько измѣнились. Значительная часть русскихъ и нѣкоторое количество болгаръ выселилось изъ южной Бессарабіи въ Россію, мѣста ихъ заняли румынскіе выходцы, затѣмъ образованіе изъ двухъ русскихъ уѣздовъ двухъ румынскихъ департаментовъ вызвало огромное переселеніе чиновниковъ. Во всякомъ случаѣ этотъ приливъ разныхъ проходивцевъ, продолжавшійся съ небольшимъ только двадцать лѣтъ, не давалъ румынамъ права одѣваться въ траурныя ризы и посыпать главу пепломъ, когда зашла рѣчь о потерѣ приобрѣтенія, доставшагося

имъ незаконно, случайно и безъ всякихъ съ ихъ стороны заслугъ или правъ.

Притязанія румынъ весьма мѣтко охарактеризовалъ прусскій министръ иностранныхъ дѣлъ фонъ-Бюловъ фразою: Вотъ забавные союзники!¹⁾

Если бы мы, придерживаясь приѣмовъ Наполеона III, пожелаали устроить плебисцитъ, то и въ этомъ случаѣ нельзя сомнѣваться, что огромное большинство жителей южной Бессарабіи хотѣло бы за возвращеніе къ Россіи. Высказывалось, правда, мнѣніе, что такъ какъ Румынія—государство конституціонное съ шпровами, по крайней мѣрѣ на бумагѣ, гарантіями личной свободы, то невѣроятно какъ-то предполагать въ какой либо части ея населенія сепаративныя стремленія. Но на это, не вступая даже въ разсмотрѣніе вопроса: дѣйствительно ли румынская конституція обезпечиваетъ какую либо свободу кромѣ свободы пасквиля въ странѣ, гдѣ такъ мало грамотныхъ, можно возразить, что разноплеменный и чуждый по языку и интересамъ румынскому большинству составъ населенія южной Бессарабіи прямо уже указывалъ, что конституціонныя блага должны имѣть для послѣдняго чисто второстепенное значеніе. Свободныя рѣчи на непонятномъ языкѣ, сказанныя чужими людьми, имѣютъ вообще мало прелести, а когда изъ этихъ рѣчей вытекали законы, совершенно чуждые населенію, и налоги очень тяжелые, да въ придачу на потребности для народа излишнія, а особенно на содержаніе арміи румынскихъ чиновниковъ и продажныхъ судей, то очевидно, что болгары, нѣмцы, русскіе раскольники и др. осѣдлые жители южной Бессарабіи далеко не въ силахъ были оцѣнить различіе страны свободной отъ несвободной.

Александръ, румынскій поэтъ, котораго румыны въ своемъ простодушіи считаютъ равнымъ Пушкину плюс Альфредъ де-Мюссе,—хотя онъ сочинилъ только нѣсколько благозвучныхъ подражаній молдавскимъ народнымъ пѣснямъ, обратился къ князю Горчакову съ открытымъ письмомъ, гдѣ протестовалъ противъ обмѣна южной Бессарабіи на Добруджу. Въ Добруджѣ Александръ видѣлъ только средство влутать Румынію въ славянскія дѣла. «Если бы Добруджа, говорилъ онъ, была въ десять разъ обширнѣе и богаче, то Румынія предпочла бы отъ нея отказаться, чтобы не перемѣщать своего національнаго центра дѣйствія и въ особенности чтобы своимъ согласіемъ не освящать системы территориальныхъ присоединеній,

¹⁾ Заграницею, однако, даже серьезные органы продолжаютъ повторять румынскій вздоръ. «L'intervention de la Roumanie, пишетъ П. Леруа Вольте, dans cette guerre avait été décisive: sans l'appoint qu'apportèrent ses troupes, les Russes eussent peut-être été arrêtés définitivement devant les fortifications de Plewna. Elle en fut pourtant assez mal récompensée и даже: la première de ces provinces (т. е. южная Бессарабія), située sur la rive gauche du Pruth et du bas Danube était fertile, bien cultivée et entièrement peuplée de Roumains» («Economiste Français» 1896 № 29).

которыя незамѣтно могутъ исключитъ Румынію изъ семейства латинскихъ народовъ. Но это надобно замѣтить, что только языкъ свой румыны унаследовали отъ римскихъ ссыльно-каторжныхъ, религію же и культуру они получили отъ Византіи и до конца 50-хъ годовъ азбука ихъ была славянская ¹⁾).

Румынія, говорилось еще въ письмѣ, не забываетъ, чѣмъ она обязана Россіи, но 1812 г. оставилъ въ этихъ воспоминаніяхъ зачатки неудовольствія, которые не могутъ исчезнуть, такъ какъ тутъ затронуты жизненные вопросы румынскаго народа». Въ 1812 г., какъ извѣстно, Бессарабія была присоединена къ Россіи, и подобный намекъ показывалъ, что Александръ заботился не столько о возвращеніи Россіи южной Бессарабіи, сколько объ отобраніи отъ Россіи всей Бессарабіи. Та же мысль, и точно также неудачно замаскированная, проведена была въ циркулярной нотѣ, съ которою румынское правительство обратилось къ иностраннымъ державамъ, протестуя противъ предполагаемаго обмѣна Добруджи на клочки Бессарабіи.

Въ доказательство основательности недовѣрія румынъ къ Россіи Александръ привелъ изъ «Histoire du Consulat et de l'Empire» Тьера слѣдующій поучительный анекдотъ. На вѣнскомъ конгрессѣ императоръ Александръ I доказывалъ императору Францу I, что извѣстная и испытанная честность его характера служить лучшей гарантіей для австрійскаго народа. — «Такъ, такъ, замѣтилъ императоръ Францъ, великодушіе государей, конечно, гарантія, но хорошая гаранція во всякомъ случаѣ еще болѣе надежная гарантія».

Приводя этотъ отвѣтъ, румынской Альфредъ де-Мюссе не подозревалъ, что онъ служитъ лучшимъ опроверженіемъ его же собственныхъ теорій. Если хорошая гаранція лучшая гарантія и благодушныхъ намѣреній государей, и прибавлю кстаті, признательности народовъ, то, безъ сомнѣнія, только Дунай и Прутъ можно признать серьезною гранцею между Россіей и Румыніей, которая хотя сама по себѣ и ничтожна, но устами своего же поэта заявляетъ себя лишь аванпостомъ на Востокѣ латинской расы.

Жюминд, подписавшійся «Русскимъ», мастерски обработалъ въ «Nord» сентиментальное посланіе румынскаго поэта и разоблачилъ нѣкоторыя темныя стороны дипломатическихъ переговоровъ, предшествовавшихъ послѣдней войнѣ. Соображенія дипломата объ основной точкѣ зрѣнія Александри не лишены значенія. А именно послѣдній стоялъ на почвѣ національностей. Жюминд не отрицалъ,

¹⁾ Кстаті замѣтить, что румыны напрасно считаютъ себя потомками римлянъ. По указу Траяна 107 года для населенія Дакии—приказано было переселять туда колонистовъ со всѣхъ концовъ Имперіи (ex toto orbe Romano) за исключеніемъ Итали. Затѣмъ, хотя формы румынскаго языка несомнѣнно латинскія, но въ его говорѣ только пятая часть словъ латинскихъ; преобладаютъ слова славянскія, которыя только въ послѣдніе тридцать лѣтъ начали усиленно замѣняться итальянскими и французскими.

что эта почва, въ предѣлахъ, конечно, благоразумія и возможности, должна служить основаніемъ политикѣ, но удивлялся, почему принципъ національности законенъ для румынъ, а когда онъ ставится Россіей, то сейчасъ же обзывается «панславизмомъ» и встрѣчаетъ яростное сопротивленіе со стороны тѣхъ же румынъ.

Южная Бессарабія была отнята отъ Россіи не вслѣдствіе завоеванія, она не была даже театромъ военныхъ дѣйствій. Мысль такомъ отнятіи явилась въ послѣднюю минуту переговоровъ въ головѣ австрійскаго уполномоченнаго, графа Буоли. Въ этой мысли не было и тѣни желанія вознаграждать Румынію, еще не существовавшую, или даже Молдавію, не принимавшую участія въ Крымской войнѣ, а единственно намѣреніе отстранить отъ Дуная Россію, которую почему-то подозрѣвали въ желаніи стѣснять свободное судоходство по этой рѣкѣ. Отнятый клочокъ земли былъ отданъ Молдавіи, какъ самой безобидной сосѣдкѣ, и такое рѣшеніе было именно причиною, почему Россія легко согласилась на уступку своей территоріи. Она привыкла видѣть въ Молдавіи собственное дѣтище и на расчлененіе Бессарабіи смотрѣла какъ на семейное дѣло.

Такимъ образомъ потеря южной Бессарабіи была дѣломъ завистливой политики, имѣвшей цѣлью обезпечить навсегда существованіе Оттоманской имперіи. Событія 1877 г. доказали тщетность подобныхъ ожиданій и всѣ мотивы, которые вызывали отнятіе у Россіи ея территоріи, потеряли всякій смыслъ и болѣе не существуютъ. Свобода судоходства по Дунаю стала международнымъ принципомъ, охраняемымъ великими державами. Мысль закрыть въ случаѣ войны доступъ Россіи къ Турціи нейтральной территоріей не осуществилась. Искусственныя преграды оказались призрачными, а система, изобрѣтенная для спасенія Турціи, ее-то и погубила, такъ какъ турки не могли не злоупотреблять оружіемъ, даннымъ имъ въ руки. Самый Парижскій трактатъ, который задавался подобными цѣлями, былъ нарушенъ прежде всего Молдавіей, соединившейся съ Валахіей, вопреки трактату и дипломатическимъ протоколамъ. По Парижскому трактату, какъ извѣстно, самое существованіе Румыніи вовсе не предполагалось. Парижскій конгрессъ установилъ только въ принципѣ соединеніе дунайскихъ княжествъ, пользовавшихся съ давнихъ временъ административною и отчасти политическою автономіей. Изъ этого соединенія вытекли совершенно новыя политическія комбинаціи: образовалось новое централизованное государство, совершенно почти самостоятельное, давшее себѣ новое названіе, два раза измѣнявшее конституцію, два раза избравшее новую династію, создавшее національную армію, заключавшее займы, чеканившее монету, разославшее своихъ представителей и т. д. Правда, Турція постоянно протестовала, но протесты ея становились все слабѣе и слабѣе, и Аарифи-паша довольно вѣрно замѣтилъ, съ отгѣнкомъ

мусульманскаго фатализма, что «человѣческая воля безсилна сдержать потокъ обстоятельствъ». Протестовала не одна Турція. Россія также не признавала, на примѣръ, права румынскаго правительства конфисковать монастырскія имущества, Австрія не хотѣла слышать о какой-то «Румыніи»; ния это возбуждало долго затрудненія на разныхъ международныхъ собраніяхъ, конгресахъ, выставкахъ; но мало-по-малу затрудненія уладились; набравшаяся подъ прикрытіемъ русской арміи храбрости, Румынія провозгласила въ 1877 г., опять-таки вопреки договору 1856 г., свою полную независимость.

Почему же изъ разорваннаго такимъ образомъ въ ключи Парижскаго трактата должна была уцѣлѣть непремѣнно только та статья его, которая освящала незаконное отнятіе русской территоріи и почему выгодами трактата пользовались бы именно тѣ, которые его первые нарушили? Если румыны, логически доказывали далѣе Жюмини, желаютъ ссылаться на Парижскій трактатъ, присоединившій часть Бессарабіи къ Молдавіи, то пусть прежде всего они возстановятъ эту Молдавію, уничтожатъ свое единство и изберутъ снова господарей, и пусть Порта, съ своей стороны, исполнитъ тѣ обязательства, которыя она приняла на себя по Парижскому трактату.

Румыны ссылались еще на конвенцію, заключенную съ Россіей при вступленіи нашихъ войскъ, и на содѣйствіе румынской арміи противъ Плевны. Оба эти аргумента нельзя не признать не имѣющими никакого практическаго значенія. Румынія, прежде чѣмъ заключить съ нами конвенцію, обращалась тайно ко всѣмъ дворамъ съ просьбою гарантировать ея нейтралитетъ, т.-е., другими словами, брала на себя инициативу образовать коалицію, съ цѣлью помѣшать Россіи воевать съ Турціей. Когда же Россія объявила, что будетъ считать Румынію воюющей державой, румыны вдругъ возгорѣлись желаніемъ содѣйствовать освобожденію восточныхъ христіанъ. Россія приняла это содѣйствіе и обязалась защищать неприкосновенность Румыніи, но въ военномъ, конечно, смыслѣ, а вовсе не гарантируя обладаніе землей, которую Россія всегда считала своею собственностью.

Вообще нейтрализацию Румыніи Жюмини признавалъ справедливо—мечтою. По его мнѣнію, трактаты въ этомъ случаѣ совершенно безсилны, и если мы видимъ примѣръ такой нейтрализаціи на Бельгіи, то это единственно потому, что Англія рѣшилась раз навсегда лучше вести войну, чѣмъ уступить какой-либо великой державѣ антверпенскій портъ. Если же полный нейтралитетъ Румыніи невозможенъ, то ссориться ей съ Россіей не приходится.

Румынія мало вяла совѣтамъ нашей дипломатіи, и послѣ новыхъ безплодныхъ протестовъ на Берлинскомъ конгрессѣ осталась враждебной Россіи, особенно въ періодъ до конца 1887 г., когда Иванъ Братіано, стоявшій во главѣ управленія съ 1875 г., поль-

зовался полнымъ могуществомъ вмѣстѣ съ своими сторонниками либералами, консервативная же оппозиція практически перестала принимать дѣятельное участіе въ управленіи государственными дѣлами. Только выборы въ 1888 г. нѣсколько исправили положеніе оппозиціи, министерство Братіано подало въ отставку, уступивъ мѣсто министерству Россети, выдающагося члена «юнимистовъ» (отъ Junea drepta—молодая правая). Результатомъ общихъ выборовъ, происходившихъ въ октябрѣ 1888 г., было еще большее усиленіе юнимистской партіи, которая насчитывала въ числѣ своихъ сторонниковъ либеральныхъ консерваторовъ и независимыхъ либераловъ.

Какова была внутренняя политика за время управленія Братіано, можно судить по вышедшей въ Бухарестѣ брошюрѣ князя Георгія Бибеско, извѣстнаго сотрудника «Nouvelle Revue». Изданная въ столицѣ Румыніи, брошюра эта, если и заключала нѣкоторыя преувелченія, то едва ли судъ могъ бы оставить безнаказанными содержащіяся въ ней обвиненія; очевидно, послѣднія имѣли фактическія основанія.

Бибеско обращается къ королю Карлу Гогенцолернскому, который на просьбу оппозиціи два раза лично обѣщаетъ гарантировать свободу выборовъ. Несмотря на это обѣщаніе, довольно оригинальное въ странѣ, претендующей на обладаніе либеральнѣйшей конституціей, черезъ нѣсколько же дней Николай Кречулеско, бывшій у насъ румынскимъ посланникомъ, заявилъ въ газетахъ, что въ Кантудунгѣ, гдѣ онъ явился на сенаторскіе выборы, никто не смѣлъ подать за него голосъ. Кречулеско обвинялся—де въ руссофильствѣ! Избиратели со слезами на глазахъ заявляли ему, что не смѣютъ подавать голосовъ, ибо, несмотря на тайну выборовъ, полиція провѣряетъ выборные бюллетени и затѣмъ жестоко преслѣдуетъ виновныхъ.

Руссофильство—дѣйствительно ужасное преступленіе въ глазахъ румынъ, особенно если вспомнить, что для освобожденія румынъ отъ турецкаго ига русскій народъ проливалъ свою кровь въ 1711, 1738—39, 1769—74, 1788—91, 1806—12, 1828—29, 1853—56 и 1877—78 годахъ. Сколько храбрыхъ солдатъ сложили свои головы на поляхъ Румыніи, сколько поумирало ихъ тамъ въ госпиталяхъ, сколько денегъ было издержано при этомъ въ Румыніи—и счесть трудно. Все это, какъ обызывается, было необходимо только для дарованія румынскому православному народу нѣмецкаго правителя и псевдо-конституціи.

Эта конституціонная комедія двѣнадцать лѣтъ разыгрывалась одною и тою же труппою Братіано. Князь Бибеско дѣлаетъ очень поучительный обзоръ главнѣйшихъ фигурантовъ этой труппы.

Иванъ Братіано, первый министръ, началъ весьма скромно съ заключенія въ тюрьмѣ въ Парижѣ въ 1853 году за покушеніе на жизнь императора Наполеона III. Срокъ заключенія былъ сокра-

щень, такъ какъ, по увѣренію Раяна. Брагіано выдалъ своихъ друзей. Въ 1866 году Брагіано участвовалъ въ заговорѣ противъ князя Кузы, окончившемся переворотомъ, а находясь въ оппозиціи, два раза принималъ участіе въ заговорахъ: въ 1870 году (бунтъ въ Плоешти) и въ 1875 году (заговоръ Мазаръ-паша). Этотъ радикализмъ не помѣшалъ покойному нынѣ Брагіано участвовать въ биржевыхъ дѣлѣшкахъ. Такъ, вопреки энергическому сопротивленію консервативной партіи, руководимой Ласкаромъ Катарджи, онъ отдалъ знаменитому Струсбергу постройку румынскихъ желѣзныхъ дорогъ за 120 милліоновъ франковъ, дорожке, чѣмъ предлагала построить ихъ французская компанія, п. наоборотъ, заплатилъ за выкупъ тѣхъ же дорогъ въ казну 237 милліоновъ франковъ, когда могъ заплатить лишь 71 милліонъ франковъ. «Figaro» весьма непочтительно называлъ Брагіано: un bandit international. Нѣтъ сомнѣнія, что его политикѣ Румынія обязана тѣмъ, что потеряла покровительство Россіи и бросилась въ объятія Австро-Венгріи, а затѣмъ стала унижаться передъ Германіей, добиваясь чести вступить въ тройственный союзъ. Брагіано нарушилъ также конституцію, заставивъ палату, ночью, почти внезапно, вопреки 96 статьѣ статута, назначить королю удѣльные имѣнія.

Одинъ изъ помощниковъ Брагіано, военный министръ Ангелеску, попалъ-таки подъ судъ. Брагіано заявилъ тогда въ палатѣ, что знаетъ, что въ военномъ министерствѣ воруютъ, но «предпочиталъ лучше упустить одного виновнаго, нежели обезчестить армію». Недурная теорія, отрывающая для казнокрадовъ весьма широкіе горизонты. Не лучше были и другіе помощники.

Дмитрій Стурдза, министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, до назначенія министромъ прославился грязными анонимными памфлетами противъ короля: «L'Espion prussien» и «L'Allemagne, le Roumanie et le prince Charles». Правда, тогда Стурдза былъ бѣденъ; ставъ министромъ, онъ разбогатѣлъ и сдѣлался директоромъ всѣхъ выгодныхъ компаній; надобно замѣтить, что и бюджетъ расходовъ Румыніи удвоился во время либеральнаго министерства. Прежде Стурдза былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и на этомъ посту отличился особымъ пресмыкательствомъ передъ Австро-Венгріей. Когда Стурдза временно занималъ должность перваго министра, печать обличила, что его агенты пытали въ Бордени крестьянъ. Слѣдствіе подтвердило это обвиненіе. Пытка, по словамъ князя Вибеско, въ большомъ уваженіи у румынскихъ либераловъ.

Министръ юстиціи, Евгений Статеско, представитель истинно румынскаго правосудія. Въ палатѣ онъ постоянно угрожалъ поставить своихъ политическихъ противниковъ «внѣ закона». Суды нерѣдко отказывались постановлять приговоры по возбужденнымъ Статеско съ политической цѣлью дѣламъ и этотъ оригинальный министръ юстиціи заявилъ въ 1887 году въ палатѣ, что онъ «при-

нимаетъ иногда участіе въ подсудимыхъ, достойныхъ симпатіи, и хлопочеть за нихъ у судей!»!

Самый замѣчательный, однако, типъ государственнаго человѣка я оставляю pour la bonne bouche. Это министръ внутреннихъ дѣлъ Раду Михаи, извѣстный хорошо русскимъ, такъ какъ онъ былъ префектомъ полиціи въ Бухарестѣ во время войны. Въ періодъ выборовъ, какъ доказали судебные процессы, Раду Михаи нанялъ агентовъ-палочниковъ, общавъ имъ въ день по 5 франковъ, но выдалъ по 3. Слѣдующая сцена, взятая цѣлкомъ изъ парламентскихъ протоколовъ, характеризуетъ вышеозначеннаго румынскаго дѣтеля.

Войновъ, бывшій министръ въ кабинетѣ Братіано, заявлявшій уже въ 1883 г. въ сенатѣ, что въ Румыніи: «министры воруютъ, губернаторы воруютъ, всѣ воруютъ», вновь повторилъ обвиненіе, что «въ администраціи поголовно воруютъ». Онъ прибавилъ при этомъ: «когда я вижу, что люди, не имѣвшіе десять лѣтъ назадъ сапоговъ, имѣютъ теперь по двѣнадцати тысячъ золотыхъ въ годъ дохода, я говорю имъ: вы также воры!» На это Раду Михаи спросилъ: «Не обо мнѣ ли вы это говорите?» Войновъ предложилъ назвать имена. Министръ, сконфузившись, замѣтилъ, что «не его дѣло давать ему разрѣшеніе, что Войновъ злоупотребляетъ трибуной и что онъ требуетъ прекращенія преній». Министерское большинство поспѣшило вотировать прекращеніе и министръ уѣхалъ изъ засѣданія. Еще лучше исторія, сообщенная въ публичной рѣчи извѣстнымъ дѣтелемъ оппозиціи Градичеану, на основаніи письма капитана Вакареска. Капитанъ пишетъ, что у него украли часы и что онъ нашелъ ихъ потомъ у префекта полиціи, нынѣ министра Раду Михаи. Префектъ, однако, часовъ не отдалъ, а промѣнялъ ихъ въ дежурной комнатѣ во дворцѣ на хронометръ у Кюгальничану, бывшаго перваго министра. Хорошенькіе, нечего сказать, порядки у румынъ въ ихъ столицѣ, имя которой по-румынски значитъ между тѣмъ «городъ радостей»!

Честная часть румынскаго общества возмущалась, наконецъ, и почти силою избавила страну отъ управленія Братіано, отдававшего священнѣйшіе интересы этой православной страны въ руки австрійцевъ и искавшаго съ лакейскимъ усердіемъ поощренія въ передней у князя Бисмарка. Направленіе юнионистскаго министерства Россети-Карпа было весьма неопредѣленное и для Россіи, конечно, было болѣе пріятно увидѣть во главѣ управленія корифеевъ консервативной партіи.

Юнионистское министерство продолжало «германскую политику», оно выгнало изъ Румыніи русскихъ офеней, подъ предлогомъ, что она шпионы и революціонные агенты! Само же министерство подъ словомъ «германская политика» разумѣло будто бы «политику, стремящуюся къ внутреннему улучшенію страны». Почему такая политика считается «германскою» — понять трудно. По ней

выидеть, что и Франція, заботящаяся не менѣе Румыніи о своемъ внутреннемъ улучшеніи и безопасности, также слѣдуетъ германской политикѣ—абсурдъ очевидный. Ключъ къ его нѣкоторому уразумѣнію заключается въ рѣчи Братіано, сказанной въ отвѣтъ на запросъ Бларамберга. Рѣчь эта была лебединою пѣснью павшаго перваго министра. Краснорѣчіе Братіано явилось въ формѣ ораторскаго упражненія на тему, что для маленькаго государства опасно-де связывать свою политикѣ съ политикою большого государства, а лучше держаться независимо, потому что въ случаѣ войны большія государства имѣютъ обыкновеніе жертвовать интересамъ маленькыхъ государствъ и даже живиться на ихъ счетъ. Подъ большими государствами Братіано не только разумѣлъ, но и прямо называлъ ихъ—Россію, Австро-Венгрію и Турцію. Такимъ образомъ, только Германія, какъ государство нейтральное, могла-де оказывать Румыніи вполнѣ безкорыстное содѣйствіе. То, что румыны были вѣка или за турокъ, или за австрійцевъ, или за русскихъ, Братіано называлъ «несчастіемъ для Румыніи». Вообще, вся рѣчь Братіано дышала глубокою ненавистью къ Россіи, а отчасти и недоброжелательствомъ къ Франціи. Старый революціонеръ 1848 года и подпольный журналистъ временъ второй имперіи сказался въ ней. Видно, что Братіано не забылъ ни своего бѣгства изъ Бухареста передъ русскими войсками въ сентябрѣ 1848 года, ни трехъ мѣсяцевъ, проведенныхъ въ тюрьмѣ по приговору парижскаго tribunal correctionnel.

Братіано рассказывалъ, напримѣръ, какъ фактъ, что когда Киселевъ оставлялъ управленіе Дунайскими княжествами, то разослалъ во всѣ округа комиссіи для уплаты поселянамъ убытковъ, понесенныхъ отъ воровства русскихъ чиновниковъ; посыла вызвана была будто бы общими жалобами сельскаго населенія. Братіано сообщалъ далѣе съ негодованіемъ, что Гамбетта утверждалъ, будто Франція не имѣетъ интересовъ на Дунаѣ, причемъ присутствующій при разговорѣ французскій генераль прибавилъ, что Франція смѣло можетъ предоставить Константинополь русскимъ. Братіано привелъ это какъ фактъ непониманія французами ихъ собственныхъ интересовъ и объявилъ, что онъ отвѣтилъ Гамбеттѣ фразой: «Не постигаю, что можетъ выиграть Франція отъ занятія русскими Константинополя». Самое же любопытное сообщеніе Братіано сдѣлалъ о договорѣ, заключенномъ Румыніей съ Россіей передъ послѣдней Восточною войною. Онъ сдѣлалъ его, какъ выразился, для доказательства того, что «большія державы не бѣгаютъ за маленькими для заключенія договоровъ». Истина, едва ли требовавшая доказательства.

«Когда я былъ въ Ливадіи, рассказывалъ Братіано, мнѣ заявили, что русская армія должна пройти черезъ Румынію, на что я отвѣчалъ: Конечно, но только тогда, когда мы заключимъ объ этомъ договоръ. Князь Горчаковъ, услыша это, посмотрѣлъ на меня

въ великимъ изумленіемъ и сказали: Договоръ? Да вы-то кто? Я отвѣчалъ на это, что мы хотя маленькая нація, но вынуждены будемъ сопротивляться, если съ нами не заключать договора.—Если вы будете сопротивляться, сказалъ Горчаковъ, мы васъ раздавимъ.—Конечно, отвѣчалъ Братіано, вы сильная держава, вы можете насъ раздавить, но вы получите тогда къ намъ уваженіе (?!): вѣрнѣе, однако, что вы насъ не раздавите, потому что не пожелаете, ида освободить одинъ христіанскій народъ, пройти по дорогѣ по трупамъ другой христіанской націи. Присутствовавшій при разговорѣ графъ Игнатьевъ вмѣшался тогда и сказалъ: Нѣтъ, г. Братіано, князь Горчаковъ немного погорячился; естественно и несомнѣнно, что мы заключимъ договоръ»...

Передавая этотъ разговоръ и сообщивъ, что князь Бисмаркъ заявилъ ему, что если Румынія желаетъ войны, то должна обращаться не къ Германіи и Австро-Венгрии, Братіано прибавилъ, очевидно, по адресу Россіи: «Всякій, кто захочетъ войти въ Румынію безъ нашей воли, встрѣтитъ насъ передъ собою; мы сумѣемъ сопротивляться и прольемъ нашу кровь до послѣдней капли для защиты отечества».

Эта угроза, въ виду того, что Россія и не думала никогда пскать войны съ Румыніей и проливать румынскую кровь, была только смѣшна. Но не забавны, а возмутительны остальные мѣста рѣчи Братіано.

Одно мѣсто — это которое касается изображенія управленія Киселева въ видѣ эксплуатаціи Румыніи шайкою воровъ; другое — подробности заключенія Ливадійскаго договора. Стоитъ ли останавливаться и надъ первымъ обвиненіемъ? Какъ будто бы неизвѣстно, о чемъ я уже говорилъ, что въ 1829 году первыя основы общежитія и гражданственности — обезпеченія личности и собственности, можно сказать, не существовали въ Дунайскихъ княжествахъ. Преступниковъ не только не преслѣдовали, но полиція тайно имъ покровительствовала, участвуя съ злодѣями въ дѣлежъ награбленнаго и покраденнаго. Единственною цѣлью эфемернаго правительства фанаріотовъ было безстыдное хищничество, единственною опорой — рабское униженіе передъ султаномъ, единственною движущею силою — безпримѣрная продажность. А что Киселевымъ и его сотрудниками было кое-что сдѣлано, видно изъ того, что еще въ 1842 году, т. е. восемь лѣтъ спустя по отъѣздѣ Киселева изъ княжествъ, валахское собраніе вотировало воздвигнуть ему памятникъ. Киселевъ отказался и дурно сдѣлалъ, ибо этотъ монументъ на площади въ Бухарестѣ, конечно, служилъ бы лучшимъ опроверженіемъ клеветъ, подобныхъ тѣмъ, которыя произносилъ въ своей рѣчи Братіано.

Безпристрастное по отношенію къ Дунайскимъ княжествамъ поведеніе Киселева тѣмъ болѣе съ румынской точки зрѣнія должно быть оцѣнено, что ранѣе того вся политика Россіи шла къ при-

соединенію румынскихъ земель. Въ 1810 году Россія считала даже княжества частью русской территоріи, подобно тому какъ Финляндія была присоединена въ Россіи. Въ этомъ ссылались на новое международное право, практиковавшееся Наполеономъ I. Этому праву и теперь держится Англія. Помѣшала намъ, какъ извѣстно, Австрія. Хотя нашъ посланникъ въ Вѣнѣ гр. Шуваловъ говорилъ Меттерниху, что Россія не можетъ отказаться отъ Дунайскихъ княжествъ и не уступить изъ нихъ ни одной пяди земли, но Меттернихъ увѣрялъ, что Наполеонъ предоставилъ эти княжества Россіи только, чтобы поссорить ее съ Австріей. Мнѣніе Меттерниха восторжествовало и въ 1812 г. мы ограничились одною Бессарабією.

Разоблаченіе разговора въ Ливадіи послужило только къ укрѣпленію доброй репутаціи князя Горчакова, какъ дипломата, нѣсколько пострадавшей отъ разоблаченій послѣдняго времени. Заключение договора съ Румыніей было величайшею съ нашей стороны ошибкою, за которую мы дорого заплатились во время войны. Румынія была вассаломъ Турціи и мы имѣли полное право на время войны взять ея администрацію и желѣзныя дороги въ свои руки, приостановить дѣйствіе конституціи и установить диктатуру. Мы же просто унижались передъ румынами, запретили по договору, заключенному кн. Кантакузеномъ, войскамъ переходить черезъ Бухарестъ, переплачивали за все вдесятеро и заставляли нашихъ начальниковъ, даже самыхъ высшихъ, терпѣть дерзости румынскихъ чиновниковъ. Особенно бѣдствовали наши госпитали. За табакъ, который «Красный Крестъ» провозилъ для раненныхъ въ Болгарію, румынская табачная монополія потребовала 1.700,000 левъ штрафу. Нашъ посланникъ, о которомъ уполномоченный «Краснаго Креста» доносилъ, что «qu'il fait tout ce qu'il peut mais il peut si peu», отказался спорить съ румынами. Пришлось обратиться къ помощи германской императрицы Августы, по просьбѣ которой штрафъ былъ снятъ. «Великое изумленіе» на лицѣ князя Горчакова при наглыхъ словахъ Братіано весьма понятно. Россія, благодѣтельствовавшая румынъ безъ конца, шла проливать кровь за окончательное ихъ освобожденіе, и вдругъ представитель этого самаго народа, почтавшася нами дружественнымъ, началъ, очевидно подстроенный Австро-Венгріей, торговаться, надѣясь сорвать что-нибудь съ Россіи еще до войны.

Смѣнившее наконецъ въ 1890 г. юннимистовъ, многократно раздававшееся и преобразовавшееся консервативное министерство отдало подъ судъ Братіано и сдѣлало нѣсколько полезныхъ реформъ для крестьянскаго сословія. Министерство было, къ сожалѣнію, очень непрочное отъ интригъ, происходившихъ въ средѣ самой партіи, расколовшейся на боярскую или старо-консервативную Катаржи и ново-консервативную Вернеско, Мано, Лаговари. Юннимисты въ свою очередь преобразовались въ конституціонную партію, а въ

оппозиціи кромѣ національ-либераловъ, либераловъ-диссидентовъ (Дмитрія Братіано) и социалистовъ прибавилась. ничтожная впрочемъ по значенію, партія, желавшая, вопреки неудачному опыту съ княземъ Кузюю, имѣть государя изъ румынъ. Расколъ привелъ опять къ власти либераловъ.

Мѣсто либеральнаго кабинета Дмитрія Стурдзы заняло министерство Авреліано. Кризисъ произошелъ изъ-за изложенія и заключенія въ монастырь румынскаго митрополита Геннадія. Это тоже любопытный образчикъ румынскаго государственнаго дѣятеля: синодъ обвинялъ его въ присвоеніи чужихъ денегъ, даже пожертвованій на благотворительныя дѣла, и въ продажѣ священныя предметовъ. Не имѣя ранѣе ни гроша, митрополитъ вдругъ очутился богатымъ человѣкомъ. Митрополитъ въ оправданіе ссылался на какія-то постановленія карагенскаго собора. Ссылки эти не помогли, но рѣзкіе протесты консервативной партіи и флевпестовъ заставили министерство выйти въ отставку, а новое освободило митрополита *fin de siècle*.

Князь Григорій Стурдза является въ Румыніи однимъ изъ немногихъ сторонниковъ тѣснаго союза съ Россіей. Большая же часть румынскихъ государственныхъ дѣятелей, начиная съ Дмитрія Стурдзы и кончая Павломъ Карпомъ и Таелъ Іонеску, не перестаютъ твердить, что Румыніа должна служить «железными воротами», закрывающими Россіи доступъ къ Константинополю. По случаю обсужденія отвѣтнаго адреса на тронаую рѣчь 1896 г. Гр. Стурдза произнесъ въ палатѣ депутатовъ рѣчь, гдѣ доказывалъ, что единственною благоразумною для Румыніи политикою является искренняя связь съ Россіей и конфедерация всѣхъ балканскихъ народовъ, не исключая Греціи и Румыніи, подъ эгидою Россіи. Политика, основанная на союзѣ съ Австро-Венгріей, чревата, напротивъ, серьезными опасностями въ случаѣ войны. Державы въ концѣ концовъ придутъ, быть можетъ, къ соглашенію подѣлить между собою Румынію: Россія возьметъ Молдавію, а на долю Австро-Венгрии достанется Валахія, или Австро-Венгрія будетъ почему либо принесена въ жертву своею союзницею—Германіею. Поэтому было бы искусною политикою обращать взоры не на Вѣну и Буда-Пештъ, въ особенности не на Буда-Пештъ, гдѣ угнетаютъ трансильванскихъ румынъ, а на Петербургъ. Министръ иностранныхъ дѣлъ Стоицеску заявилъ по этому поводу, что отношенія между Румыніей и Россіей превосходны, и что Стурдза забылъ національное положеніе Румыніи, которая въ качествѣ выдающагося орудія мира и цивилизаціи (?!) на Востока должна поддерживать наилучшія отношенія не съ одною только, а со всѣми державами Европы. Въ заключеніе министръ упомянулъ о «великодушныхъ (*sic*) дѣяніяхъ султана въ пользу живущихъ въ Турціи румынъ». Рѣчь эта сопровождалась горячими одобреніями большинства палаты, которое, наоборотъ, встрѣ-

гило рѣчь Стурдзы шумными протестами. Одинъ изъ депутатовъ прервалъ даже оратора замѣчаніемъ: «то, что вы говорите, было бы уместно въ Россіи, но никакъ не въ румынскомъ парламентѣ!» Этакое, подумаешь, святотлеще.

Несмотря на то, что министерство Аврелиана зарекомендовало себя нѣсколькими административными мѣропріятіями и тащичностью поведенія, оно не устояло подъ напоромъ интригъ Стурдзы и его сторонниковъ. Послѣ упорной борьбы со стурдзистами, министерство Аврелиана подало въ отставку. Съ этого дня аврелианисты открыто объединились въ особую національно-либеральную группу. Новое, либеральное министерство Стурдзы занялось разработкой ряда законопроектовъ, однако ни одна изъ намѣченныхъ имъ реформъ не осуществилась и въ 1899 г. опять вступило консервативно - флевистское министерство кн. Кантакузена, которое скоро смѣнилъ кабинетъ генерала Мано. Мано принадлежитъ въ той же группѣ консервативной партіи, какъ и Кантакузенъ. Кризисъ еще осложнялся расколомъ между этой группой и группой демократической, во главѣ которой стоятъ Иоанеску и Филипеску.

Въ этихъ частыхъ переменахъ внять короля, извратившаго парламентскую систему. Онъ беретъ министерство, котораго страна не требуетъ, кабинетъ выбираетъ, подъ давленіемъ администраціи, соответствующую палату—палату дискредитованную въ глазахъ общественнаго мнѣнія, безъ престижа и съ случайнымъ составомъ. Надобно замѣтить однако, что болѣзнь наследнаго принца Фердинанда показала, что гогенцолернская династія пустила уже въ Румыніи довольно глубокіе корни.

Послѣднія перемены министерствъ мало измѣняютъ наши отношенія къ Румыніи. Консерваторы хотя и поддерживали съ Россіей корректныя отношенія, но втайнѣ все-таки, особенно подъ влияніемъ короля и наследнаго принца, тянули къ Германіи и Австро-Венгріи. Министры иностранныхъ дѣлъ заявляли, что существованіе тройственнаго союза «утѣшительно» и что Румыніа будетъ защищаться противъ нападенія, откуда бы оно ни шло. При этомъ подымался вновь вопросъ и о полной нейтрализаціи Румыніи подъ гарантіей великихъ державъ. Консерваторы укрѣпили Бухарестъ, очевидно, противъ Россіи. Они интриговали также въ Болгаріи, когда эта страна была намъ враждебна. У короля Карла являлась даже мысль предложить Стамбулову, управлявшему Болгаріей диктаторски, личное соединеніе Болгаріи съ Румыніей въ лицѣ гогенцолернской династіи. Это избавляло бы, по мнѣнію короля, Румынію отъ возможности русскихъ «тисковъ» съ двухъ сторонъ, чего румыны особенно боятся, почему постоянно и обращаются къ тройственному союзу.

Императоръ Францъ-Иосифъ ѣздилъ даже въ 1896 г. въ Бухарестъ, рискуя подвергнуться оскорбленію румынскихъ радикаловъ-ирредентистовъ, мечтающихъ о присоединеніи Трансильваніи и

Буковины и учредившихъ, по почину депутата Когальничано, сенатора Марзеско и др., «Лигу единства румынскаго образованія», считающую членовъ десятками тысячъ. Такъ какъ за этой поѣздой послѣдовалъ приѣздъ сербскаго короля, то наши заграничные друзья стали представлять Румынію какъ бы центромъ нарождающейся на берегахъ Дуная коалиціи второстепенныхъ державъ, враждебной Россіи и расположенной дѣйствовать заодно съ тройственнымъ союзомъ. Однако время, когда дипломатія тройственнаго союза могла придавать большую цѣну присоединенію Румыніи, — миновало, вслѣдствіе оборота политическихъ обстоятельствъ, приведшихъ къ тѣсному сближенію между Россіей и Франціей. При выѣзжихъ условіяхъ Румыніи лучше всего жить въ дружескихъ отношеніяхъ съ нами. Для Австро-Венгріи, еслибъ она вздумала противодѣйствовать Россіи въ Турціи, помощь Румыніи большой пользы принести не можетъ, поэтому всякая коалиція балканскихъ государствъ оказалась бы излишнею и повела бы развѣ только къ тому, что Россіи пришлось бы принять надлежащіи мѣры съ цѣлью уничтожить развѣ навсегда возможность повторенія подобныхъ коалицій. Румынская политика будетъ политикою дружбы съ сильнѣйшимъ, и въ прошломъ Молдаво-Валахія, т. е. современная Румыніа, отъ прутскаго затрудненія Петра вплоть до Восточной войны, присоединялась всегда къ той сторонѣ, на которой въ данный моментъ была сила.

Если и не секретъ, что король Карлъ заключилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ дружественное соглашеніе съ берлинскимъ Гогенцолерномъ, то не секретъ и то, что это соглашеніе, ни тайно, ни явно, не заявлено румынскому парламенту. Такимъ образомъ у румынскихъ народныхъ представителей въ рѣшительный моментъ будетъ благодидный предлогъ счесть это соглашеніе, истолковываемое извѣстными вѣнскими и мадьярскими органами печати какъ присоединеніе Румыніи къ тройственному союзу, какъ бы не существующимъ. Пока румыны продолжаютъ придерживаться двойственной политики: съ одной стороны, благодаря вліянію короля, они на сторонѣ тройственнаго союза, а съ другой — и не противъ двойственнаго. Положеніе румынскаго министерства иностранныхъ дѣлъ облегчалось съ тѣхъ поръ, какъ между гр. Голуховскимъ и Муравьевымъ состоялось соглашеніе относительно балканской политики. Нота гр. Муравьева и приѣздъ бессарабскаго губернатора Константиновича на яскія празднества истолковывались даже въ смыслѣ улучшенія отношеній съ Россіей, на что повліялъ и приѣздъ короля на коронацію въ Москву.

Румыніа оригинальнымъ образомъ соединяетъ вѣншній парижскій доскъ высшаго общества съ первобытнымъ состояніемъ массы; потому первое довольствовало только иностранными произведеніями, а послѣдняя сама снабжала себя неприхотливыми произведеніями, доступными ей по низкому уровню цивилизаціи. При та-

кихъ условіяхъ не было мѣста серьезной промышленности; но желаніе при помощи таможенныхъ пошлинъ укрѣплять и развивать свою промышленность и, главнымъ образомъ, содѣйствовать равновѣсію между отпускомъ и привозомъ для созданія того баланса, который недавно еще вовсе отрицали экономисты, какъ пустой средневѣковой предрасудокъ, охватило теперь и такія страны, которыя нельзя было никогда заподозрить въ стремленіи къ протекціонизму. Наболѣе впечатлѣнія произвела въ этомъ случаѣ измѣна Румыніи. Когда Франція обложила привозъ хлѣба пошлиною, а Австро-Венгрія стѣснила привозъ къ себѣ скота, Румынія, страна земледѣльческая, нуждающаяся въ рынкахъ для своихъ произведеній и угнетенная конкурренціей Остѣ-Индіи и Соединенныхъ Штатовъ, ни мало не испугалась таковыхъ угрозъ. Она выработала таможенный тарифъ, совершенно не заботясь о томъ, какъ посмотрятъ на него сосѣди венгерцы и даже французы, которыхъ въ другихъ отношеніяхъ румыны боготворятъ, и ввела этотъ тарифъ въ дѣйствіе. Заспѣвъ румынскія палаты, для восстановленія равновѣсія въ торговомъ балансѣ страны, отпускъ которой былъ парализованъ, приняли резолюцію, уполномочивающую правительство повысить таможенный тарифъ на 50%, и лишить нѣкоторыя государства привилегій, которыя они имѣли по пользованію пониженными пошлинами. Подобное благоразумное рѣшеніе привело просто въ умозступленіе экономистовъ, считавшихъ, что Румынія должна вѣчно оставаться дойною коровою западноевропейскихъ фабрикантовъ. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что иностранцы не рѣшаются строить въ Румыніи фабрики изъ опасенія, что правительство можетъ отступить отъ системы автономнаго таможеннаго тарифа и тогда мѣстное производство окажется не въ состояніи конкурировать съ ввозимыми изъ европейскихъ фабрично-промышленныхъ центровъ товарами.

Въ Румыніи, особенно въ менѣе богатой Молдавіи, владѣльцы имѣній, за весьма рѣдкими исключеніями, сами хозяйствомъ не занимались и сдавали ихъ въ аренду «посессорамъ» (преимущественно евреямъ), досуги же свои посвящали политикѣ, картамъ и воловиству. Достигшее къ концу 1894 года высшихъ предѣловъ паденіе цѣнъ на земледѣльскія произведенія повліяло кореннымъ образомъ и на весь сельско-хозяйственный строй Румыніи. Не говоря уже о неплатежѣ посессорамъ арендной платы, большинство послѣднихъ совершенно отказалось отъ дальнѣйшаго арендованія, несмотря на предлагаемое владѣльцами имѣній уменьшеніе договорной цѣны. Землевладѣльцы вынуждены либо сами вести хозяйство, на что у нихъ нѣтъ ни опыта, ни денежныхъ средствъ, либо отдавать землю мелкими участками крестьянамъ¹⁾. Само

¹⁾ Румынскіе кредиторы самые несчастные люди и значительная часть ихъ претензій, самыхъ справедливыхъ, остается неудовлетворенною, не потому только,

государство также понесло въ этомъ отношеніи непосредственныя убытки; между тѣмъ со времени установленія на австрійской и на венгерской границахъ суровыхъ санитарныхъ мѣръ, подъ предлогомъ охраны отъ заноса эпизоотіи, но главнымъ образомъ для устранения конкуренціи венгерскому скотоводству, и эта отрасль сельскаго хозяйства сократилась, несмотря на заключенный румынскимъ правительствомъ съ Австро-Венгеріей въ 1894 году специальный договоръ, на который возлагались большія надежды. Финансы Румыніи, несмотря на такое положеніе, въ порядкѣ; за 25 лѣтъ дефицитъ былъ въ ней только четыре раза. Это объясняется болѣе богатствомъ почвы, чѣмъ хозяйственностью управленія.

Съ Россіей Румынія заключила въ 1886 г. новый торговый договоръ, весьма для насъ невыгодный и сильно стѣснившій сбытъ русскихъ товаровъ въ эту страну, и безъ того не очень значительный. Договоръ требуетъ пересмотра.

ХVIII. ГРЕЦІЯ.

Еще Цицеронъ въ одной изъ рѣчей, дѣлая весьма любопытную характеристику грековъ и называя ихъ легкомысленнѣйшимъ народомъ, прибавилъ: «что же касается добросовѣстности и святости присяги, то этотъ народъ въ нихъ ничего не понимаетъ». Ту же мысль проводитъ нашъ лѣтописецъ Несторъ, говоря: «суть бо греца льстиви отъ древнихъ временъ», а Торквато Тассо въ безсмертныхъ терцинахъ повторяетъ: «La fedè greca a chi non è palese». Къ сожалѣнію, эта нравственная увертливость сохранилась до сихъ поръ съ примѣсною «независимости сердца». Въ той рѣчи, которую король Георгъ прочелъ въ день двадцатипяти-лѣтняго своего царствованія, онъ, очевидно, повторяя написанное ему министерствомъ и не обращая вниманія ни на родственныя связи, ни на получаемую

что должники не имѣютъ чѣмъ заплатить, но просто не желаютъ платить. Это указываетъ на дурную организацію гражданскаго, въ особенности торговаго, судопроизводства.

Кредиторы для охраны своихъ интересовъ рѣшились дѣйствовать сообща, какъ въ картахъ вистующіе соединяются противъ играющаго. Эта простая идея зародилась въ Бухарестѣ, гдѣ, вѣроятно, очень много охотниковъ дѣлать долги и ихъ не платить, помня слова героя Бомарше, что «имѣть долги и ихъ не платить—все равно, что ихъ не имѣть». Вотъ въ Бухарестѣ и учредилось общество, подъ названіемъ «Союза румынскихъ кредиторовъ», имѣющее цѣлью защищать интересы своихъ сочленовъ отъ нарушенія ихъ при несостоятельности.

Французское правительство, по просьбѣ французскаго посланника въ Румыніи, г. Кутузи, обратило вниманіе своихъ согражданъ на пользу участія ихъ въ означенномъ союзѣ. По нашему мнѣнію, для русскихъ гражданъ слѣдовало бы рекомендовать не участіе въ румынскомъ союзѣ, а учрежденіе подобныхъ же ассоціацій въ Россіи. По части «оплетанія» кредиторовъ нигдѣ, кажется, не усовершенствовались такъ, какъ у насъ, особенно въ Москвѣ; тамъ изобрѣтательность на этотъ счетъ превосходитъ, навѣрно, изобрѣтательность Гутенберга, Фультона и Эдиссона, ввятыхъ вмѣстѣ.

отъ нашего правительства по договору дотацію въ 4,000 фунт. стер., ни однимъ словомъ не обмолвился о Россіи. Между тѣмъ Греческое королевство, какъ государство, есть русское созданіе— послѣдствіе извѣстнаго «греческаго проекта» Екаторины II.

Народъ греческій разбросанъ по разнымъ частямъ Европы, Азіи и Африки, отъ Сициліи до устьевъ Дона, въ количествѣ четырехъ милліоновъ, собрать его воедино нѣтъ никакой возможности и такъ называемая «великая греческая идея» есть мечта, противорѣчащая исторіи и географіи, вотъ почему Греческое королевство успѣхами русскаго оружія и русской дипломатіи создано въ болѣе тѣсныхъ предѣлахъ. Оно имѣло задачу ослабленіе Турціи и въ этомъ смыслѣ достигло цѣли, вопреки многочисленнымъ противодѣйствіямъ и прежде всего Меттерниха, который сказалъ какъ то: «Боже, кто меня освободитъ отъ турковъ и грековъ».

Прочное начало освобожденія Греческаго королевства было положено сраженіемъ въ Наваринской бухтѣ 8-го октября 1827 г., гдѣ три соединенные флота: русскій, англійскій и французскій, подъ командою адмираловъ графа Гейдена, Кодрингтона и графа де-Риньи, уничтожили турецко-египетскій флотъ, подъ начальствомъ Ибрагима-паши. Греки передъ тѣмъ уже шесть лѣтъ тщетно боролись за свою независимость. Эта борьба возбудила симпатіи всего образованнаго европейскаго общества, которое въ тягостномъ положеніи тогдашней политической реакціи радовалось, что хотя одинъ народъ въ Европѣ ищетъ свободы. Во Франціи, хотя дружба съ Турціей велась еще съ начала XVI столѣтія, всѣ органы печати съ энтузіазмомъ высказывались за грековъ. Даже общественное мнѣніе и журналистика въ Англии, вопреки традиціоннымъ предубѣжденіямъ, настойчиво требовали немедленнаго окончанія восточныхъ замѣшательствъ и грозили, что въ случаѣ нужды Англія одна объявитъ Турціи войну въ защиту грековъ. При такихъ обстоятельствахъ Англія, Россія и Франція, по предложенію послѣдней, но очевидно подъ вліяніемъ нашей дипломатіи, составили конференцію въ Лондонѣ, результатомъ которой явился договоръ 1827 года; тайныя статьи его гласили, что греки будутъ признаны воюющей стороной и затѣмъ имъ и Турціи будетъ предложено заключить перемиріе, непринятіе котораго побудитъ три кабинета прибѣгнуть для успокоенія Востока къ сообразнымъ съ обстоятельствами мѣрамъ.

Диванъ принялъ нотификацію этого договора съ своимъ обычнымъ высокомеріемъ.— «Чего вы бонтесъ за насъ? сказалъ рейс-эфенди (министръ иностранныхъ дѣлъ) Пертевь-эфенди, одному изъ нѣмецкихъ пословъ. Мы сами не имѣемъ никакого страха и будемъ защищаться до послѣдней капли крови». Эта гордая самоувѣренность овладѣла и всѣмъ народомъ. На бѣду Турціи войска ея имѣли какъ разъ въ это время временный успѣхъ въ Греціи. Поэтому коллективная нота, назначавшая туркамъ 15-ти-дневный срокъ для размышленія, осталась безъ отвѣта и Пертевь на вто-

ричное напоминаніе о ней сухо отвѣчать, что онъ даже не читалъ ноты. услышавъ, что оно касается внутренняго для Порты греческаго вопроса.

Державы все еще медлили разрывомъ, когда пришло неожиданное извѣстіе, что огромный турецко-египетскій флотъ отправленъ съ десантомъ въ 25,000 человекъ въ Морекю. Согласно полученнымъ инструкціямъ, командиры союзныхъ эскадръ потребовали отъ Ибрагима-паши не предпринимать ничего до времени. Паша было согласился, но когда въ нарушение даннаго обѣщанія произвелъ высадку и обнародовалъ безчеловѣчную прокламацію, угрожавшую возставшимъ грекамъ разрушеніемъ домовъ, уничтоженіемъ оливковыхъ плантацій и избіеніемъ мужьянъ, то соединенные флоты трехъ державъ вторглись въ Наваринскую гавань.

На долю русскихъ судовъ въ наваринскую битву выпала одна изъ почетныхъ ролей. Тутъ въ младшихъ чинахъ отличилось много офицеровъ, трудами которыхъ былъ преобразованъ потомъ черноморскій флотъ, вписавшій въ нашу военную исторію безсмертныя имена Сивопа и Севастополя. Подвигъ русскаго флота былъ тѣмъ примѣчательнѣе, что очень долгое время, почти со шведской войны 1790 года, онъ находился въ загонѣ и совершенно игнорировался въ интересахъ военно-сухопутныхъ силъ. Но духъ нашихъ моряковъ всегда былъ выше тѣхъ матеріальныхъ средствъ, которыми они располагали, и русскіе моряки не задумывались совершать свои подвиги на какихъ угодно судахъ, руководясь извѣстнымъ изреченіемъ славнаго адмирала Чичагова, успокоившаго императрицу Екатерину II за участіе балтійскаго флота въ шведскую войну словами: «Не бойся, матушка, вѣдь не проглотятъ».

Союзъ Россіи, Англіи и Франціи во имя свободы и цивилизаціи противъ турецкаго ига кажется чѣмъ-то необыкновеннымъ ¹⁾). Что представлялось возможнымъ позвѣка назадъ, обратилось потомъ въ совершенную утопію. Обстоятельства, вызвавшія единство дѣйствій, приведшее къ наваринскому побойцу, были чисто случайныя. Конечно, при пособіи многихъ талантовъ европейское общественное мнѣніе было настроено въ пользу грековъ, но вѣковая политика кабинетовъ не измѣнилась бы такъ легко подъ давленіемъ народнаго увлеченія, если бы во Франціи Карлъ X не былъ искреннимъ почитателемъ Николая I. Это впрочемъ обстоятельство второстепенное. Современною цѣлью французской политики на Востока было ослабленіе вліянія Россіи и препятствованіе расширенію послѣдней. Та же идея легла въ основаніе соображеній французскаго кабинета для дальнѣйшаго поведенія въ греческомъ вопросѣ. Такъ какъ Россія, вопреки Лондонскому договору 1827 г., начала военныя приготовленія къ вторженію въ сѣверные предѣлы

¹⁾ Онъ необыкновеннымъ кажется, повидимому, и грекамъ. Они ждали 50 лѣтъ, чтобы поставить памятникъ въ память Наварина, вотивованный еще въ 1831 г.

Турціи. то явилось необходимымъ противопоставить этому рѣшительную демонстрацію, не стѣрая въ то же время съ лица земли Турціи, положеніе коей въ ряду державъ Европы должно было оставаться неприкосновеннымъ. Морейская экспедиція съ успѣхомъ давала возможность выполнить эту двойную цѣль: изгоняя Пбрагмапашу, дать желанную свободу Греціи. Въ Англіи совершенно безкорыстно принялъ сторону грековъ одинъ изъ ея величайшихъ политическихъ дѣятелей, Каннингъ. Послѣдній, правда, не дожидая до наваринской битвы, наслѣдникъ же его въ министерствѣ немедленно измѣнили взгляды. Кодрингтонъ былъ смѣщенъ и Веллингтонъ заявилъ въ палатѣ, при протестѣ, впрочемъ, вѣговъ, что Наваринъ былъ «прискорбной неожиданностью, несчастнымъ событіемъ». Такимъ образомъ, наваринское сраженіе осталось только эпизодомъ великой задачи эпохи освобожденія, и Россія можетъ съ гордостью утверждать, что дѣло уничтоженія турецкаго владычества въ Греціи принадлежитъ главнымъ образомъ ей.

Освобожденіе застало жителей нынѣшней Греціи въ печальномъ видѣ. При тогдашнемъ уровнѣ своей цивилизаціи греки не могли, конечно, производить очень пріятнаго впечатлѣнія на европейцевъ. Они безпрестанно занимались морскимъ разбоемъ и, нападая на турецкія и египетскія суда, захватывали и товары, принадлежащіе французскимъ и англійскимъ подданнымъ. Случалось, что греческіе пираты нападали и на суда союзныхъ державъ, а награбленное сбывали затѣмъ въ греческихъ гаваняхъ. Съ другой стороны, жители Ионическихъ острововъ, хотя сами греки, помогали Пбрагиму-пашѣ и постоянно нарушали блокаду турецкихъ портовъ. Де-Ривья не стѣснялся писать нашему адмиралу: «нѣтъ никакой возможности вразумить всѣхъ этихъ дликихъ звѣрей, именуемыхъ кандіотами, греками или турками», и къ Кодрингтону: «Боюсь, что намъ самимъ придется создавать эту Грецію, ибо гдѣ она — не вижу. Забавно, что приходится платить этимъ молодцамъ, дабы они сражались за свое собственное дѣло, да еще платить имъ, чтобы они не разбойничали на морѣ, — а вѣдь подлинная картина такова, и она одна вѣрна съ подлинникомъ!»

Графъ Каподстриа съ первыхъ же шаговъ столкнулся съ самою яркою оппозиціей, съ развращенностью, продажною, соперничествомъ въ полученіи государственныхъ должностей и отлучій. Подъ этимъ впечатлѣніемъ онъ, вѣроятно, писалъ въ 1830 году свое длинное письмо принцу Леопольду Саксенъ-Кобургскому, съ цѣлью отговорить его принять корону Греціи, и предсказывалъ принцу ту участь, которая ожидала его самого.

Вотъ изъ этакаго-то матеріала пришлось создавать новое государство. Неудивительно, что и двадцать пять лѣтъ позже Эдмондъ Абу нашелъ еще полную анархію и придворныхъ, имѣвшихъ участіе въ барышахъ шаекъ разбойниковъ. Теперь въ такомъ участіи обвиняются нѣкоторые депутаты, и разбойничество продолжается

быть одною изъ язвъ Греціи. Каждый годъ истребляютъ послѣднюю шайбу», но число разбойниковъ не уменьшается. Это неудивительно при дурномъ положеніи юстиціи. Хотя кодексъ и процедура заимствованы изъ Франціи, но судья, смѣняемый по прихоти министра юстиціи, подкупны; иностранцы всегда теряютъ процессы и часто дѣла рѣшенныя снова перерѣшаются тридцать лѣтъ спустя.

Греки, какъ я сказалъ, никогда не были однимъ народомъ. Въ исторіи мы ихъ видимъ разбросанными въ разныхъ мѣстахъ, въ видѣ постоянно соперничающихъ другъ съ другомъ городовъ; единство создавалъ имъ языкъ, удивительно способный для софизмовъ. Эта софистика и осталась основаніемъ ихъ характера и политики. Какъ греки безъ конца спорили о славѣ горы Фавора, въ то время когда Магометъ громилъ врата Царьграда, такъ и теперь они живутъ фразами.

Истинные эллины, по справедливому замѣчанію Реклю, тѣ, которые находятся не въ Греціи, а въ Турціи и другихъ странахъ, вдали отъ развращающаго вліянія греческой бюрократіи. За границею королевства сохранились гораздо лучше преданія и порядки общественной жизни, и тамъ греческіе граждане дѣйствуютъ всего свободнѣе. Заграничныя общины наиболѣе также богаты и благоустроены и на ихъ пожертвованія содержатся важнѣйшія благотворительныя и учебныя заведенія въ королевствѣ. Несмотря на скупость и эгоизмъ, греки имѣютъ прекрасную черту въ характерѣ—щедрость въ пожертвованіяхъ на общепольныя предпріятія. Трудно сосчитать число ежегодныхъ приношеній съ этою цѣлью, потому что жертвуютъ не только миллионеры, но и простые пастухи; въ особенности многочисленны пожертвованія на дѣло образованія. Аѳонскій университетъ весьма роскошно содержится исключительно на проценты съ пожертвованныхъ капиталовъ. Пожертвованія эти принесли уже плоды: греки-горожане по внѣшности, особенно живущіе за границею, немногимъ отличаются отъ другихъ цивилизованныхъ народовъ; имъ недостаетъ теперь только нравственнаго воспитанія, которое, конечно, придетъ мало по малу и котораго, независимо отъ расовыхъ свойствъ, невозможно требовать отъ народа, недавно освободившагося отъ многовѣковаго рабства. Щедрость имѣетъ, впрочемъ, и свои дурныя стороны: Аѳонскій университетъ создаетъ умственный пролетаріатъ и нерѣдко адвокаты и доктора служатъ лакеями, чтобы не умереть съ голода.

Со времени своего освобожденія Греческое королевство сдѣлало, конечно, нѣкоторые успѣхи, но несомнѣнно, что оно имѣетъ, несмотря на троекратный пересмотръ, самую дурную и неустойчивую конституцію и самую развращенную и централизованную бюрократію. Даже помощники сельскихъ старостъ назначаются въ Греціи королями. Число чиновниковъ въ Греціи сравнительно больше, чѣмъ во всякой другой странѣ Европы: они составляютъ $\frac{1}{60}$, а съ

семьями всего населенія королевства. И хотя жалованье чиновников весьма скромное, но по бюджету оно поглощает болѣе четверти всѣхъ доходовъ.

Налоги въ Греціи чрезмѣрны; несмотря на крайнюю воздержанность, населеніе не имѣетъ возможности удовлетворить даже первымъ потребностямъ жизни въ пищу и одеждѣ. Поэтому эмиграція идетъ не въ Грецію, а наоборотъ—масса грековъ, особенно съ острововъ, гдѣ сообщеніе удобнѣе, отправляется ежегодно плавать счастья въ Турцію, Египетъ и даже въ Индію. Люди работающіе и предприимчивые удаляются, а остается толпа интригановъ, которые изъ полноты дѣлаютъ себѣ доходное ремесло, и послушные чиновники, участь которыхъ зависитъ отъ министровъ.

Желаніе осуществить «великую идею», т. е. собрать греческій народъ воедино, начавъ съ присоединенія Крита, привело къ расходамъ, не соответствующимъ средствамъ страны. Благодаря содержанію арміи и флота и неудачнымъ финансовымъ операціямъ, греческое государственное казначейство опустѣло и курсъ его билетовъ сильно упалъ (на 316%^о). Въ результатѣ Греція уменьшила въ 1893 году, по закону, проведенному Трикупсомъ, платежи процентовъ по долгамъ, даже имѣвшимъ специальное обезпеченіе, на 70%^о.

Экономическое положеніе Греціи весьма тягостно. Страна нуждается въ открытіи внутреннихъ частей государства при помощи шоссеиныхъ дорогъ и легкихъ рельсовыхъ путей, а затѣмъ въ развитіи земледѣлія. Къ несчастію, однако, сельское хозяйство въ Греціи въ большомъ загонѣ. Промышленность не сдѣлала успѣховъ. Существеннымъ тормазомъ для нея является необходимость ввоза сырыхъ матеріаловъ изъ-за границы и отсутствіе своего каменнаго угля.

Единственнымъ имѣющимъ дѣйствительно значительный сбытъ за границу предметомъ вывоза является коришка, въ виду чего отъ судьбы этого продукта и его ежегоднаго урожая зависитъ болѣе или менѣе вся торговля Греціи. Производство ея упало отъ запретительныхъ мѣръ во Франціи противъ изюмнаго вина. Предложенныя и отчасти приведенныя въ исполненіе законодательныя мѣры противъ чрезмѣрнаго паденія цѣны на коришку — каковы, напр., устройство правительственныхъ складовъ, куда производитель обязывался отдавать 15% урожая для исключительнаго потребленія внутри страны—не привели ни къ чему.

Первый проектъ греческой конституціи былъ написанъ какимъ-то учителемъ, который устроилъ правительство изъ трехъ членовъ и двухъ членовъ-корреспондентовъ! Но за этою милою наивностью быстро выступила некрасивая дѣйствительность. Король Оттонъ правилъ неограниченно, но лордъ Пальмерстонъ навязалъ грекамъ конституцію, имѣвшую самыя печальныя послѣдствія. Нашъ посоль Поццо ди-Борго энергически доказывалъ, что греческій на-

родъ бѣдный, необразованный, безъ финансовъ, безъ полиція и средствъ содержать его и почти безъ законовъ, не торось до конституціоннаго порядка управленія, но русскіхъ дипломатовъ не слушалсь.

Въ Греціи продажа голосовъ въ выборахъ произволится совершенно открыто, особенно на Цикладахъ. Пелопоннесъ и Іоническіе острова менѣе заражены этой болѣзью. Въ нѣкоторыхъ городахъ устанавливается настоящая ярмарка при выборахъ: за голосъ платится отъ 20 до 75 драхмъ. Замѣчательно, однако, что подкупаемые ведутъ себя честно и возвращаютъ полученные деньги, если противникъ дастъ болѣе. Такимъ образомъ кандидаты знаютъ заранѣе, будутъ ли они избраны, или нѣтъ. Всѣ на это жалуются, но палаты не касаются выборовъ подъ предлогомъ, что купленные голоса (когда подкупъ раскрытъ) не могли бы существенно измѣнить большинства! Между тѣмъ палата, состоящая изъ 150 подобныхъ депутатовъ, всецѣльна, потому что высшей палаты, регулярной бы дѣйствія низшей, въ Греціи не имѣется.

Политическихъ партій въ Греціи вовсе нѣтъ въ западномъ смыслѣ. Всѣ депутаты почти согласны въ главныхъ вѣншихъ и внутреннихъ вопросахъ и борьба сводится къ личностямъ. Потому очень трудно характеризовать партіи какимъ либо эпитетомъ въ родѣ консерваторовъ, радикаловъ и т. п., опредѣляющимъ въ другихъ парламентахъ программу партіи. Въ Греціи имѣется только нѣсколько личностей, ставшихъ почему либо впередъ; вокругъ нихъ и группирется толпа депутатовъ, чиновниковъ, выборныхъ агентовъ и дѣльцовъ. Когда подобная личность дѣлается первымъ министромъ, она сейчасъ же сажаетъ повсюду своихъ кліентовъ, но никакой программы у нея нѣтъ и политика сводится къ веденію дѣлъ въ такомъ духѣ, какъ вело ихъ предъидущее министерство: бояться должно болѣе своихъ друзей, нежели враговъ. Падаютъ кабинеты только подъ напоромъ кліентовъ противника, торопящихся поживиться, въ свою очередь, казеннымъ пирогомъ.

Такимъ образомъ въ прежнее время правили Булгарисъ, Займисъ, Комундуросъ, а въ послѣднее время по очереди Трикуписъ и Деліанисъ и падали по очереди, хотя въ политикѣ ничего не мѣнялось, а слабѣла популярность министерства именно отъ пребыванія его во власти. Конституціонная жизнь Греціи страдаетъ тѣмъ же недостаткомъ, что и жизнь другихъ южныхъ государствъ; депутаты легко составляютъ коалиціи въ палатѣ для низверженія существующихъ министровъ и очень рѣдко сходятся между собою для проведенія какихъ либо общихъ законодательныхъ проектовъ. Существовавшій, въ 1872 году, болѣе полутора лѣтъ кабинетъ Деллигеоргиса казался замѣчательнымъ примѣромъ политической долговѣчности въ Греціи. Точно также только одинъ изъ министровъ, Булгарисъ, по крайней мѣрѣ на словахъ, отказался отъ притязан-

ній дѣлать «добычу» и произвелъ очень хорошее впечатлѣніе на страну, но подражателей ему не нашлось.

Смерть Трикуписа, считавшагося англоманомъ, разстроила его партію и партія Деліаниса, считавшагося другомъ Россіи, стала всесильною, имѣя противъ себя разстроенныхъ противниковъ и небольшую промежуточную партію Ралли.

Для оппозиціи почва была подготовлена: для этого, кромѣ финансоваго вопроса, имѣлся критическій вопросъ. Островъ, гдѣ треть населенія мусульманская, греки считаютъ своимъ и постоянно возбуждали тамъ возстанія, поддерживаемыя скверною турецкою администрацію. Когда наслѣдный принцъ женился на сестрѣ германскаго императора, то греки были убѣждены, что Кпртъ будетъ приданымъ. Имъ очень поэтому не понравились слова Бисмарка, замѣтившаго, что «онъ интересовался всегда болѣе послѣднимъ комкомъ земли въ своемъ саду, нежели этимъ островомъ, и что кртыяне, платя мало налоговъ, навѣрное будутъ менѣе счастливы подъ греческимъ владычествомъ, нежели подъ турецкимъ». Въ утѣшеніе грековъ нѣмецкая принцесса приняла православіе, что охладило къ Греціи германскаго императора и едва не поссорило аепископскій синодъ съ вселенскимъ патріархомъ. Синодъ разрѣшилъ принцессѣ при крещеніи не погружаться въ воду, а патріархъ доказывалъ, что онъ одинъ имѣлъ право давать подобное разрѣшеніе!

До сихъ поръ католическая церковь преимущественно была призвана бороться съ государственною властью и оспаривать у нея преобладаніе не только въ религіозныхъ, но и въ свѣтскихъ дѣлахъ. Православная церковь, помня апостольскія правила, не расходилась существеннымъ образомъ съ государственною властью. Это коренное различіе двухъ церквей опредѣлилось, какъ всѣмъ извѣстно, ихъ исторіей. Въ то время, когда римская церковь, пользуясь безначаліемъ, господствовавшимъ послѣ разложенія западной Римской имперіи, подняла свой авторитетъ до того, что до XVI вѣка считала себя выше всякой государственной власти, а судя по послѣднимъ приказаниямъ папы и собора 1870 года, считаетъ себя таковою до сихъ поръ,—восточная церковь развивалась подъ покровительствомъ византійскаго государственнаго строя. Турки, овладѣвъ Константинополемъ, взяли въ свои руки высшее церковное управленіе. Такое же положеніе, подчиненное верховной власти, заняла потомъ церковь эта въ Россіи и Венгріи, но въ послѣднее время въ Греціи православная іерархія старалась организоваться нѣсколько самостоятельно отъ государства и въ нѣкоторыхъ случаяхъ броженіе охватываетъ и ее, съ тою разницею, что она ставитъ себѣ политическимъ знаменемъ эгоистическій интересъ греческой національности, католическая же церковь борется противъ успѣховъ челоуѣческаго разума—цивилизаціи и гражданской свободы.

Я изложилъ выше одно изъ важнѣйшихъ движеній, охватив-

шихъ восточную церковь, именно такъ называемое греко-болгарское церковное столкновение, которое превратилось теперь въ чисто-политическій вопросъ о преобладаніи на Балканскомъ полуостровѣ эллинскаго или славянскаго элемента. Столкновение это далеко не улажено и у грековъ нѣтъ въ умѣ и мысли о какихъ либо уступкахъ болгарамъ. Она особенно обострилась въ 1890 году, когда патріархъ Діонисій, креатура Трикуписа, самовольно оставилъ свое мѣсто и заперъ церкви, и Россія водворила своихъ монаховъ въ Иерусалимѣ. Греки ставили Діонисія наравнѣ съ Златоустомъ и Фотіемъ, а противъ болгаръ горѣли на словахъ такою ненавистью, что, казалось, возвратился времена, когда императоръ Василій Македонянинъ шелъ разрушать имперію Аспаруха и Крума.

Греко-болгарское столкновение болѣе всего поддерживалось сочувствіемъ и участіемъ высшаго духовенства королевства Греческаго, а также аѳинскихъ журналистовъ и политическихъ дѣятелей, мечтавшихъ о возстановленіи Византійской имперіи въ границахъ XI или X вѣка. Нѣкоторые признаки указываютъ, что и въ средѣ духовенства королевства идетъ борьба, какъ это обозначилось изъ столкновенія аѳинскаго синода съ греческимъ правительствомъ по поводу замѣщенія въ должности предсѣдателя греческаго синода послѣ смерти митрополита Теофила, повлекшее къ распусценію синода.

Другое не менѣе рѣзкое столкновение произошло въ 1838 г. вслѣдствіе назначенія министертвомъ, вопреки мнѣнію синода, предсѣдателемъ его и аѳинскимъ митрополитомъ архіепископа Германа. Кандидатъ синода архіепископъ коринѣскій обвинилъ своихъ товарищей въ симоніи¹⁾.

Очень мало надежды, чтобы Греція вышла изъ границъ, назначенныхъ ей Берлинскимъ договоромъ. Если греки желаютъ быть счастливы въ будущемъ, то должны пораздумать надъ постояннымъ противорѣчіемъ между ихъ широкими политическими фантазіями и некрасивою дѣйствительностью. Счастье Греціи въ ея рукахъ; оно заключается во внутренней медленной и тяжелой работѣ и въ тѣсномъ политическомъ союзѣ съ Россіей, съ которою должны соединить грековъ не только чувство благодарности, но и общность религіи, а также и нѣкоторое племенное родство. Хотя жители Греческаго королевства удивительнымъ образомъ сохранили не только свой языкъ, но и черты національнаго характера; любовь къ пережѣнамъ и діалектикѣ, предпочтеніе интеллектуальнаго достоинства моральному, страстную любовь къ жизни и къ ея наслажденіямъ, но несомнѣнно, что они теперь не болѣе, какъ эллинизированные славяне и отчасти албанцы. Сла-

¹⁾ Церковь королевства, независимая отъ вселенскаго патріархата по конституціи 1844 г., а de facto съ 1850 г., отличается изобиліемъ іерарховъ: на 2 милл. населенія имѣется 6 митрополитовъ, 14 архіепископовъ и 20 епископовъ.

вянское вліяніе сохранилось даже въ народномъ костюмѣ. Даже названіе Мореи происходитъ отъ славянскаго: море.

Финнійскіе бушны и римскіе завоеватели мало змінили составъ эллинскаго населенія, но зато варвары со времени начала своихъ переселеній стали во множествѣ проникать въ Грецію. Въ Византіи сначала говорили по-латыни, затѣмъ по-гречески, но это не значило, что все государство было греческимъ. Славяне играли въ немъ огромную роль. Юстиніанъ былъ славянинъ; славянская династія царствовала 250 лѣтъ: въ IX и X столѣтіяхъ. Болѣе двухъ вѣковъ владѣли Пелопонезомъ авары, затѣмъ пришли славяне и славянскій языкъ, вѣроятно сербскій, сталъ главнымъ нарѣчіемъ, какъ это доказывается еще и теперь множествомъ названій урочищъ. Самый костюмъ нынѣшнихъ грековъ завшанъ имъ ихъ сѣверными завоевателями, а равно суевѣрія и легенды. После почти полного ослабленія Эллада, въ особенности во времена венеціанскаго господства, чуть было не сдѣлалась албанскою. Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія албанскій языкъ преобладалъ въ Эпидѣ, Аргосѣ, Беотіи и Аттикѣ и въ настоящее время говорятъ Реклю, «болѣе ста тысячъ нашихъ эллиновъ говорятъ еще на этомъ языкѣ».

Для Россіи возрожденіе Греціи принесло плоды прямо противоположныя ожидаемымъ. Времена, когда греческіе матросы потихоньку подливали къ нашимъ военнымъ судамъ и дѣловали у нихъ руль, давно прошли. Греческое королевство скоро стало и остается нашимъ противникомъ на Востокѣ по теоріи, что благодѣянія переносятся труднѣе всего. Оно сдѣлалось центромъ интригъ западно-европейской дипломатіи и вмѣстѣ съ тѣмъ центромъ оппозиціи противъ эмансипаціи славянскаго элемента на Балканскомъ полуостровѣ. Уже Нессельроде говорилъ французскому послу въ Петербургѣ Баранту въ 1836 г.: «Существованіе самостоятельной Греціи ни къ чему для насъ не нужно. Оно даже вредно для нашего торговаго флота и отняло часть торговли, которая ранѣе производилась подъ русскимъ флагомъ; греки, служившіе ранѣе матросами у насъ, ушли теперь на собственныя суда. Серьезное политическое вліяніе Россіи въ Греціи также очень затруднительно. По своему географическому положенію Греціи легче быть подъ вліяніемъ Франціи или Англіи». Въ знаменитой нотѣ 7 февраля 1850 г. по поводу блокады англичанами греческихъ портовъ тотъ же Нессельроде писалъ: «Греція вовсе не отдѣльное государство, обязанное своимъ существованіемъ только самому себѣ и зависящее только отъ себя. Греція—государство, созданное Россіей».

«Греческое рвеніе (возстановитъ Византійскую имперію насчетъ Россіи) чрезвычайно меня охлаждаетъ: писалъ въ то же время Бруновъ, въ виду интересовъ Россіи... «Я принадлежу къ числу тѣхъ, которые убѣждены, что Россія существуетъ для самой себя и что она родилась не для прекрасныхъ глазъ Фемистокла».

Вражда Греческаго королевства къ Россіи пзъ-за мечтаній а-ли-скихъ публицистовъ возстановитъ Римскую имперію съ Константинополемъ въ видѣ столицы постоянно еще усиливается. Греки вредили намъ во время Крымской войны — своею весьма двуличною политикою: теперь они интригуютъ въ средѣ константинопольскаго духовенства. Въ экономическомъ отношеніи они повредили намъ, учредивъ у себя государственную монополію продаж керосина и спичекъ—двухъ товаровъ, въ которыхъ русскіе не имѣли бы въ Греціи соперниковъ. Словомъ, отъ грековъ пользы не видать, а вреда не мало, не говоря уже о тѣхъ грекахъ, которые обираютъ русское населеніе въ южныхъ портахъ, а въ особенности въ Таганрогѣ и по всему азовскому побережью, гдѣ русское населеніе по отношенію къ хитрымъ эллинамъ до сихъ поръ остается въ роли склѣвовъ. Греки смотрѣли и продолжаютъ смотрѣть на Россію только какъ на удобное орудіе.

Когда Россія выступила за Дунаемъ и Балканами освободительницею восточныхъ христіанъ, Греція въ борьбѣ участія не приняла. Сначала сама русская дипломатія, боясь Англій и Австро-Венгріи, не желала привлекать къ ней грековъ, точно такъ же, какъ сербовъ и румынъ, но потомъ мы обратились къ аѳинскому правительству съ предложеніемъ вступить въ союзъ съ Россіей противъ Порты, обѣщая при заключеніи мира выговорить въ его пользу Фессалію и Эпиръ. Трикуписъ, не доводя русскаго предложенія до свѣдѣнія совѣта министровъ, который предсѣдательствовалъ знаменитый герой Канарисъ, съ королемъ взяли на себя отвѣтить нашему посланнику Сабурову, что принять участіе въ войнѣ Греція можетъ не иначе, какъ на слѣдующихъ дополнительныхъ условіяхъ: крупнаго денежнаго пособія, прихода въ Архипелагъ балтійскаго флота и обезпеченія за Греціей, сверхъ Фессаліи и Эпира, еще всей Македоніи. Условія эти были равносильны отказу.

Такое поведеніе Трикуписа, очевидно, объясняется подкупомъ англійской дипломатіи; но когда русская армія перешла Балканы, новый кабинетъ Деліаннса нашель, что непростительно не воспользоваться удобнымъ случаемъ. Пока однако греческія войска вступили въ Фессалію, миръ былъ законченъ, имъ не оставалось ничего, какъ уйти обратно, удовольствовавшись обѣщаніемъ Англій на будущемъ конгрессѣ выговорить въ пользу Греціи земельное приращеніе.

Дѣйствительно, Берлинскій конгрессъ,—на который, впрочемъ, не былъ допущенъ греческій уполномоченный, ограничился гарантіей для Крита статута 1868 г., предоставилъ полюбовному соглашенію Греціи съ Портою «исправленіе» ихъ границы и обѣщаль посредничество великихъ державъ. Изъ Берлина Деліаннсъ отправился въ Петербургъ, гдѣ Александръ II высказалъ ему горькую истину: «Когда нужно было дѣйствовать, вы не двинулись, а начали дѣйствовать, когда нужно было сидѣть смирно. Этимъ

вы сами лишили Грецію всякаго права на покровительство Россіи. Тѣмъ не менѣе Россія поддержала притязанія Греціи въ дальнѣйшихъ дипломатическихъ совѣщаніяхъ въ Берлинѣ и Константинополѣ, приведшихъ въ 1881 году къ уступкѣ ей почти всей Фессаліи и части южнаго Эпіра.

Обстоятельство это не осталось безъ вліянія на возникновеніе тѣсныхъ родственныхъ сношеній между дворами русскимъ и греческимъ въ царствованіе императора Александра III, но не помѣшало въ 1885 году дать Греціи урокъ, когда она, послѣ совершившагося соединенія Восточной Румелии съ Болгаріей, выразила намѣреніе объявить войну Турціи съ тѣмъ, чтобы оттянуть отъ нея нѣсколько клочковъ земли. Россія хотя и участвовала въ обще-европейской блокадѣ греческихъ береговъ, отъ которой устранила себя Франція, но не дѣйтельно, а какъ бы для виду. Съ тѣхъ поръ политическія отношенія между обоими правительствами улучшились, особенно когда, послѣ смерти Трикуписа, Деліанисъ надолго завладѣлъ властью. Но настроеніе греческаго общественнаго мнѣнія и выразительницы его — печати не отвѣчало дружественнымъ отношеніямъ дворовъ. Въ аѳинскихъ газетахъ преобладаетъ направленіе, прямо враждебное Россіи. Греческая печать занята непрерывнымъ поношеніемъ и клеветой на Россію. То же дѣлаютъ и многочисленныя греческія каррикатуры, расходящіяся, благодаря дешевизнѣ, въ большомъ количествѣ.

Въ Россіи плохо знаютъ современную Грецію. Стоитъ немного побывать въ Греціи, чтобы совершенно разочароваться въ этомъ искусственно созданномъ государствѣ. Анти-русское настроеніе еще усилилось во время послѣдней греко-турецкой войны, безумно начатой министерствомъ Деліаниса изъ-за Крита, о чемъ я скажу ниже.

Дѣло дошло до того, что въ Пирей на русскихъ моряковъ броненосца «Николай I» напала греческая толпа, причемъ пострадалъ лейтенантъ Нелидовъ. Въ броненосецъ даже стрѣляли; это вызвало пріѣздъ на броненосецъ съ извиненіемъ перваго министра Ралли, замѣниваго послѣ пораженій Деліаниса. Но, несмотря на мягкость условій удовлетворенія, онѣ не были выполнены. Пирейская крѣпость должна была произвести салютъ русской націи въ 21 выстрѣлъ, не получая отвѣта. Ровно въ 4 часа дня, писалъ корреспондентъ «Новаго Времени», въ Пирейской крѣпости, имѣющей 21 орудіе, подаренныя когда-то русскими, былъ поднятъ греческой бабой нашъ флагъ. Затѣмъ, какой-то инвалидъ началъ салютъ; салютъ былъ въ 7 выстрѣловъ, остальные были простыми вспышками, звука которыхъ не слышалъ даже офицеръ, посланный съ русскаго броненосца свидѣтелемъ при производствѣ салюта. Греческіе матросы, стоявшіе близости, громко хохотали надъ такимъ салютомъ русскому флагу.

Война легла тяжелымъ ярмомъ на Грецію: народъ, и безъ того разоренный въ экономическомъ отношеніи, долженъ теперь горько расплачиваться за прегрѣшенія своихъ политикановъ и платить удвоенные налоги. Рѣчь шла даже о революціи, провозглашеніи республики; греки забыли, что имъ стоило изгнаніе короля Оттона.

Обнаружились и другія горестныя для Греціи послѣдствія послѣдней войны. Сначала Турція и слышать не хотѣла о восстановленіи въ пользу Греціи правъ, даруемыхъ капитуляціями всякой христіанской державѣ, и важныхъ по юрисдикціи венецельскихъ судебныхъ учрежденій. Споръ, вѣроятно, будетъ разрѣшенъ арбитражемъ.

Засимъ Турція, подъ предлогомъ заключенія трактата о торговлѣ и мореплаваніи, пожелала запретить ввозъ изъ Греціи всѣхъ монополизированныхъ продуктовъ, установить право осмотра греческихъ торговыхъ судовъ турецкими властями на разстояніи пяти миль отъ берега, запрещеніе греческимъ подданнымъ производить ловъ рыбы и каботажной торговли въ Турціи и т. д.

Въ настоящую минуту Греція опять стала англофильской и выражала даже враждебныя отношенія къ бурамъ. Палата теряетъ время въ пустой болтовнѣ и вопросъ объ отдѣленіи командованія арміей, дезорганизованной влѣпательствомъ депутатовъ, отъ военнаго министерства едва не вызвалъ кризиса. Въ палатѣ теперь двѣ политическихъ партій: теотобисты и деліанисты, и человекъ до сорока, непринявшихъ по разнымъ причинамъ ни къ одной изъ господствующихъ партій.

Хотя министерство Теотобиса обладаетъ сплннымъ большинствомъ, но престарѣлый вождь оппозиціи, Деліанисъ, которому перевалило за 85 лѣтъ, усиленно работаетъ надъ тѣмъ, чтобы свергнуть министерство. Вообще положеніе Греціи очень тяжело. Финансы ея, несмотря на установленіе европейскаго финансоваго контроля, плохи и въ 1898 г. Россія совместно съ Англіей и Франціей пришлось опять гарантировать греческій заемъ въ 170 милл. драхмъ. Это уплата за нанесенныя намъ оскорбленія.

Россія однако великодушна, она желаетъ за зло платить добромъ, и такъ какъ русскіе дипломаты, благодушно наивные, не въ силахъ соперничать съ потомками Улпсса, то одно время явилось желаніе дѣйствовать даже не на греческій умъ и сердце, а на греческій карманъ. Отсюда и возникло въ 1884 г. желаніе замѣнить дипломатическое искусство изюмомъ.

Изюмъ-коринка, какъ сказано выше, составляетъ важнѣйшую отрасль отпускной греческой торговли, болѣе половины всего вывоза королевства Греціи. Коринка отправляется огромными массами въ Англію, гдѣ безъ коринки англичане были бы лишены чистѣйшаго изъ своихъ наслажденій, ибо у нихъ не было бы ни

plum-pudding'a, ни plum-cakes. всякихъ вообще традиціонныхъ plums, которыхъ коринка главное основаніе. Если бы и другія государства, въ особенности Россія, поѣдали коринку въ такой же пропорціи, какъ англичане, то Греція была бы богатѣйшею страной въ мірѣ, доходы ея были бы неисчерпаемы и вся территория покрылась бы виноградниками. Къ несчастію, русскіе мало ѣдятъ коринки.

Греки вообразили себѣ, что это происходитъ отъ таможенной пошлины въ 1 руб. 50 коп. съ пуда, которою обложена была у насъ коринка, наравнѣ съ прочими видами изюма и другими сухими фруктами, и что если пошлину снять, то русскіе быстро пріучатся ѣсть коринку въ сахѣ и съ кашею. Несмотря на то, что опыты снятия съ коринки пошлины были уже разъ сдѣланы и что русскій народъ отъ того къ коринкѣ никакого влеченія не приобрѣлъ и сбытъ ея ни на одинъ пудъ не увеличился, греки неустанно продолжали хлопотать о беспошлинности коринки.

Немного казалось страннымъ допускать такой предметъ роскоши беспошлинно, когда въ Россіи обложены пошлиною даже глины, алебастръ, руды, уголь, не говоря уже о русскихъ книгахъ, но, опасаясь греческихъ интригъ на Востокѣ, рѣшили сдѣлать грекамъ это удовольствіе, причемъ, очевидно, считывали, что Россія, отъ потери дохода съ коринки, примѣрно тысячь пятидесяти въ годъ, не обѣднѣетъ, греки же не разбогатѣютъ настолько, чтобы имѣть средства еще болѣе вредить намъ на Востокѣ. На бѣду это великодушное рѣшеніе было принято внезапно, какъ разъ въ моментъ, когда обсуждался вопросъ о новомъ обложеніи чая, вина, шампанскаго, масла и др. предметовъ, съ цѣлью пополнить ожидавшійся дефицитъ.

Въ видахъ канцелярскаго удобства, освобожденіе коринки съ дипломатическою цѣлью присоединили къ вопросу объ обложеніи другихъ товаровъ съ фискальною цѣлью. Такимъ образомъ сберегалось время на писаніе протоколовъ и нѣсколько листовъ бумаги. Экономія эта оказалась, однако, очень невыгодною для казеннаго кармана. Слухъ о новыхъ пошлинахъ сначала проникъ въ печать; когда объ этомъ купцы, а особенно московскіе, преимущественно отличающіеся «игрою ума», узнали, то мгновенно сообразили, что если очистить пошлиною чай, вино и др. дорогіе товары немедленно, не дожидаясь указа, то наживешь порядочный кушъ денегъ. Согласно съ этимъ расчетомъ, купцы и принялись «очищать» свои склады въ таможенныхъ, а одинъ домъ по телеграфу, говорятъ, потребовалъ даже два парохода съ чаемъ изъ Лондона въ Либаву. Понятное дѣло, что очищали именно тѣ товары, на прибавкѣ въ пошлинѣ которыхъ министерство финансовъ и считывало получить восемь, девять милліоновъ. Изъ этой суммы оно не досчиталось доброй части. И все это изъ-за маленькой проволоочки въ распухлованіи тарифа, вызванной коринкой.

Коринна замѣнила такимъ образомъ роль дипломата, но дебаты ея въ этой роли обошлись русской казнѣ въ два милліона. П убытки казны на этомъ не остановились. Со времени отмены пошлины на коринку и до 1893 г. ввозъ въ Россію этого продукта составлялъ, въ среднемъ, немного болѣе 40 тыс. пудовъ ежегодно. Въ 1893 году количество поступившей на наши рынки коринки вдругъ достигло 200 тыс. пудовъ, а въ теченіе 1894 года, и особенно—въ первой половинѣ 1895 года, положеніе дѣла рѣзко измѣнилось: привозъ коринки увеличился почти въ 30 разъ, фабрикація изюмного вина приняла небывалые размѣры и изъ виводѣльческихъ районовъ послышались громкія жалобы и ходатайства о защитѣ отъ новаго и неожиданнаго врага. Внимая жалобамъ, г. Витте обложилъ опять коринку пошлиною, да еще выше существовавшей до 1885 г.

Послѣ коринки важнѣйшій доходъ Греціи—отъ морского извоза, падающаго отъ конвулленціи пароходства. Греки надѣялись поддержать свое мореходство прорытіемъ Коринскаго канала. Одесская банкирская фирма Рафаловича приняла участіе въ подпискѣ на сборъ капитала въ 30 милліоновъ франковъ, необходимаго для этого прорытія. Каналь, съ большимъ затрудненіями, вслѣдствіе банкротства Comptoir d'Escompte, построенъ извѣстнымъ венгерскимъ авантюристомъ, врагомъ Россіи, генераломъ Тюромъ. Тюръ слѣдовалъ тому же направленію, которое было проектировано 1824 года назадъ инженерами римскаго императора Нерона, но сдѣлалъ каналь допустимымъ для судовъ большихъ размѣровъ.

Главная выгода отъ канала для транзита состоитъ въ сокращеніи пути и въ избавленіи судовъ отъ необходимости обигать опасный мысъ Матапанъ. Но сокращеніе это не очень-то значительно; для судовъ, идущихъ изъ Адриатическаго моря въ Черное, оно составляетъ около 170 морскихъ миль, а для судовъ, идущихъ изъ Средиземнаго—только 60 миль. Разстоянія эти при дешевизнѣ морскихъ фрахтовъ такъ не велики, что едва ли изъ-за нихъ стоить подвергаться потерѣ времени, неизбежной при слѣдованіи даже по нешлизованному каналу, и въ особенности необходимости уплачивать пошлины за право прохода по каналу. Гораздо важнѣе Коринскій каналъ будетъ, вѣроятно, для каботажнаго судоходства, весьма распространеннаго въ Греціи. Коринскій каналъ въ 1895 г. посетили 2,324 судна съ 345,453 тоннъ, а Тюръ ожидалъ судходное движеніе по каналу въ 7¹/₂ милл. тоннъ.

Для Россіи Коринскій каналъ можетъ принести нѣкоторую пользу, поэтому я не вижу большой бѣды, что нѣсколько греческихъ рублей втянулись съ одесской биржи на это предпріятіе. Хотя срочныхъ пароходныхъ линій въ Адриатическое море Россія не имѣетъ, но несрочныя сношенія наши съ портами Эпира и Албаніи, а также съ Корфу, Фиуме, Бриндизи, Анквой, Венеціей и особенно Триестомъ довольно значительны; правда, они совер-

шаются частью на парусных судахъ, которыя будутъ избѣгать канала по необходимости расходовъ на буксировку и трудности лавировать въ Патрасскомъ заливѣ, но извѣстно, какъ парусное судоходство теперь быстро вытѣсняется паровымъ. Для судовъ, идущихъ къ намъ изъ океана и западной части Средиземнаго моря, Коринѳскій каналъ едва ли сдѣлается нормальнымъ путемъ; поэтому участіе его въ этомъ отношеніи и для русской торговли окажется второстепеннымъ.

Официальные отчеты о греческой внѣшней торговлѣ очень запаздываютъ появленіемъ въ свѣтъ, и свѣдѣнія имѣются только въ консульскихъ донесеніяхъ. Послѣ Англій Россія занимаетъ въ греческой торговлѣ второе мѣсто. Вывозная торговля Россіи въ Грецію сильно падаетъ, а привозная, наоборотъ, увеличивается, хотя балансъ все-таки въ нашу пользу. Замѣчательно, что между цифрами русской и греческой таможенной статистики существуютъ рѣзкія различія. Цифры таможенной статистики разныхъ государствъ не могутъ, само собою разумѣется, совпадать между собою. Наша таможенная статистика отмѣчаетъ цѣну товара въ русскомъ портѣ въ моментъ вывоза; въ греческомъ портѣ этотъ самый товаръ является уже болѣе дорогимъ, ибо въ цѣнность его входятъ фрахтъ, коммисія, страхование въ пути и таможенная пошлина. То же самое касается цѣнности греческихъ товаровъ въ русскихъ портахъ. Во всякомъ случаѣ, допуская, что греческіе товары могли удвоиться въ своей цѣнѣ, дойдя до русскихъ таможенъ—тѣмъ болѣе, что главные греческіе товары: оливковое масло, табакъ и вино обложены у насъ высокими пошлинами, трудно предположить, чтобы русскіе товары упытерались въ своей цѣнѣ на пути въ Грецію.

Три четверти нашего вывоза въ Грецію состоятъ изъ пшеницы; затѣмъ идутъ лѣсъ, паюсная пкра, пшеничная мука. Все это предметы, которые нигдѣ не облагаются значительными таможенными пошлинами. Очевидно, слѣдовательно, что въ показаніяхъ о торговлѣ Россіи съ Греціей есть крупныя ошибки или въ русскихъ, или въ греческихъ таможенныхъ отчетахъ.

Островъ Критъ.

Послѣ восьми возстаній, Критъ добился теперь автономіи и почти полной независимости отъ Турціи. Наша вѣковая политика распатала постепенно могущественное зданіе Турецкой имперіи и наши дипломаты только въ послѣднюю минуту замѣтили, что если она окончательно рухнетъ, то на наши же головы, и всполошались. Дѣйствуя, какъ всякіе чиновники, по «бывшимъ примѣрамъ» они, конечно, ничего не могли и придумать лучшаго, какъ учредить комиссію о починкѣ прорѣхъ въ зданіи и въ виду послѣд-

него возстанія въ составъ означенной комиссіи пригласили архитекторовъ отъ всѣхъ шести великихъ державъ. Это рѣшеніе нѣкоторымъ публицстамъ и Ганото, остроумно названному Рошфоромъ батиньольскимъ Ршмелле, показалось верхомъ политической мудрости, но всѣ, кому была знакома исторія вышеозначенныхъ совѣщаній и кто зналъ положеніе вещей въ Греческомъ королевствѣ, видѣли, что никакія конференціи не помогутъ.

О присоединеніи Крита къ Греціи поднималъ вопросъ еще Леопольдъ I, когда былъ кандидатомъ на греческій престолъ. Съ тѣхъ поръ всѣ возстанія на Критѣ возбуждались изъ Греціи и Россія въ силу своей вѣковой политики смотрѣла на нихъ благодушно, забывая иногда о своихъ интересахъ. II послѣдняя комиссія или концертъ обошлись намъ въ 60 милл. руб., не считая потерь отъ торговаго кризиса, вызваннаго греко-турецкой войной.

Винновникъ этой войны Англія и Австрія. Дѣйствительно, встѣдъ за сближеніемъ греческаго правительства съ Англіей послѣдовало, при посредствѣ послѣдней, сближеніе его и съ Австро-Венгріей, которая, въ свою очередь, примирила Грецію съ Румыніей (отношенія между ними были прерваны изъ-за спора о наследствѣ послѣ одного богача). Вѣнскій кабинетъ успѣлъ тогда привлечь Румынію къ тройственному союзу и предпринялъ группировку балканскихъ державъ, долженствовавшую служить противовѣсомъ союзу славянскихъ правительствъ полуострова.

По возвращеніи короля Георга изъ Вѣны въ Аѣны было тотчасъ же рѣшено образованіе лагеря въ Оивахъ и усиленіе арміи и флота. При неимѣніи кашихъ либо средствъ въ греческомъ казначействѣ и отсутствіи всякаго кредита внѣ страны, сдѣланъ былъ заемъ у одушевленныхъ національнымъ духомъ греческихъ купцовъ и банкировъ въ разныхъ странахъ Европы. Попытка эта потерпѣла однако фіаско.

Между тѣмъ на островѣ Критѣ старанія державъ произвели нѣкоторое успокоеніе. Критяне, какъ ни спленъ ихъ эллинизмъ, не очень желали соединять свою судьбу со страной, столь низко упавшей экономически и нравственно, какъ Греческое королевство. На это рѣшеніе всего болѣе вліяли жалобы тѣхъ областей Греціи, которыя были присоединены въ послѣднее время, какъ Іоническіе острова и Тессалія.

Какое управленіе лучше—турецкое или греческое, разрѣшается очень просто. Какъ ни плохъ деспотизмъ турокъ, но въ Турціи живутъ болѣе 2-хъ милліоновъ грековъ, между тѣмъ изъ свободнаго Греческаго королевства турки, нѣкогда столь многочисленныя въ нѣкоторыхъ частяхъ Пелопонеза, Беотіи и на островѣ Эвбеѣ, должны были бѣжать всѣ до единаго. Очевидно, турки справедливіе относятся къ своимъ подданнымъ, нежели греки.

Въ февралѣ 1897 г. агитаціи греческихъ патриотовъ удалось склонить греческое правительство къ вооруженному вмѣшатель-

ству въ критскій вопросъ: принцъ Георгъ высадилъ на островѣ отрядъ греческихъ войскъ подъ командою Вассоса, объявившаго, что онъ явился для принятія Крита подъ протекцію Греціи. Не успѣвъ, благодаря разногласіямъ между собою, предупредить эту высадку, державы заявили, что Критъ ни въ какомъ случаѣ не будетъ присоединенъ къ Греціи, но что, съ другой стороны, въ виду проволокъ Порты, онъ рѣшили предоставить острову автономію подъ сюзеренитетомъ султана. Въ то же время греческому правительству предложено было въ недѣльный срокъ отозвать свои войска и между державами начались переговоры о блокадѣ Греціи. Вслѣдствіе настроенія Англіи проектъ блокады Греціи былъ оставленъ и замѣненъ блокадою Крита и занятіемъ главныхъ побережныхъ пунктовъ его международными отрядами. Но это не отрезвило грековъ. Агитація греческихъ патристическихъ обществъ (Этникэ этерія) не встрѣчала противодѣйствія ни со стороны короля, ни со стороны министерства Деланпса; приготовленія къ войнѣ продолжались и въ апрѣлѣ открылись военныя дѣйствія. Война обнаружилла полную неподготовленность, отсутствіе дисциплины и плохую организацію греческой арміи при неспособности генеральнаго штаба и, наоборотъ, хорошую организацію турецкихъ войскъ, руководимыхъ германскими инструкторами.

Послѣ цѣлаго ряда позорныхъ пораженій, Деланпсъ получилъ отставку и въ управленіе вступилъ кабинетъ Ралли, адвоката-болтуна, находившагося въ постоянной оппозиціи съ Деланпсомъ и Трикуписомъ. Первымъ распоряженіемъ новаго кабинета было отозваніе греческихъ войскъ съ Крита, но окончательный исходъ войны не могъ уже оставлять никакого сомнѣнія. Тогда державы предложили свое посредничество для заключенія мира. Послѣ четырехмѣсячныхъ переговоровъ, Греція обязалась уплатить 4 милл. ливровъ военнаго вознагражденія, уплата котораго обезпечилась временною окупаціею Эссалии турецкими войсками и учрежденіемъ международнаго контроля надъ финансовымъ управленіемъ Греціи; условлено исправленіе границы въ Эссалии съ предоставленіемъ Турціи стратегическихъ выгодъ. Министерство Ралли не пожелало, конечно, принимать на себя отвѣтственности за заключеніе невыгоднаго мира и сформировался новый кабинетъ Займиса. Между тѣмъ вопросъ о Критѣ остался нерѣшеннымъ. Державы не могли придти къ соглашенію даже относительно выбора будущаго генераль-губернатора Крита. Послѣдовательно возникли кандидатуры швейцарца, бельгійца и черногорца.

Окончательное разрѣшеніе критскій вопросъ получилъ въ 1898 г. Послѣ того, какъ мусульмане при содѣйствіи турецкаго гарнизона вырѣзали до 600 грековъ, Россія, Франція, Англія и Италія предъявили султану рѣшительное требованіе отозвать турецкія войска съ острова; требованіе было исполнено и греческій король Георгій высадился въ Канеѣ въ качествѣ уполномо-

ченнаго державами правителя острова Крита, а въ началѣ 1890 была вопрошена конституція острова.

Султанъ вынужденъ былъ подчиниться ультиматуму въ то самое время, когда онъ принималъ императора Вильгельма въ Константинополь въ качествѣ дорогого въ буквальномъ смыслѣ слова гостя. Повидимому, султанъ надѣялся до самаго послѣдняго момента на поддержку Германіи, но въ концѣ концовъ долженъ былъ разочароваться въ своихъ ожиданіяхъ. Надежда турокъ была основана на томъ, что бракъ діадоха съ сестрою императора Вильгельма II не только не послужилъ къ сближенію берлинскаго двора съ Аѳинами, но, какъ я говорилъ, едва ли не привелъ ихъ къ полному отчужденію. Къ этому прибавилось еще раздраженіе, вызванное въ Германіи конверсією греческаго долга, отъ которой пострадали нѣмецкіе кредиторы. Вслѣдствіе того Германія во время войны была скорѣе на сторонѣ Турціи. Это обстоятельство, а равно путешествіе императора Вильгельма по Палестинѣ, оставленное очень эффектно, подняло престижъ Германіи въ мусульманскомъ мірѣ и сопровождалось результатами весьма реальнаго свойства.

Критскій вопросъ однако не кончился и греки убѣждены, что присоединеніе Крита къ Греціи только вопросъ времени. Критомъ владѣли римляне, отъ которыхъ онъ преемственно перешелъ къ Византіи, но та владѣла островомъ недолго, такъ какъ сначала овладѣли имъ арабы, а затѣмъ крестоносцы, причемъ маркграфъ Монфератскій продалъ Критъ венеціанцамъ, владѣвшимъ послѣдними до второй половины XVII столѣтія, когда его завоевали турки. Послѣдніе, впрочемъ, съ 1810 по 1824 гг. отдавали Критъ подъ власть египетскаго пашы.

Поэтому неясно, отчего Греческое королевство предъявляетъ права на Критъ? Съ гораздо большимъ основаніемъ могли бы предъявить на него свои права итальянцы, какъ правопреемники Венеціанской республики, или египетскій хедивъ. А юридически крѣпче всѣхъ все-таки права турецкаго султана, ибо онъ одновременно и наслѣдникъ Византіи, и арабскаго калифата.

Греческое королевство не можетъ основываться на принципѣ національностей, такъ какъ чистота греческаго происхожденія критянъ очень сомнительна, какъ сомнительно и греческое происхожденіе жителей самаго Греческаго королевства.

Во всякомъ случаѣ островъ Критъ прекрасный во всѣхъ отношеніяхъ клочекъ и по климату, и по плодородію почвы. Замѣчательное географическое положеніе его было оценено еще Аристотелемъ. Хуже всего на островѣ его населеніе. Уже апостолъ Павелъ сказалъ: «Изъ нихъ же самихъ одинъ стихотворецъ сказалъ: «Критяне всегда лжецы, злые звѣри, утробы лѣнивыя. Свидѣтельство это справедливо»... Повидимому, нравственное состояніе критянъ мало измѣнилось. Критскій министръ финансовъ Фумисъ го-

ворить адмиралу Скрыдлову, что онъ главный доходъ ожидаетъ отъ судебныхъ пошлинъ въ виду страсти населенія къ процессамъ и кляузамъ.

Относительно будущаго Крита полезно имѣть въ виду судьбу острова Кипра. Бѣдные жители послѣдняго, отданные на Берлинскомъ конгрессѣ въ руки Англій. въ уплату за деньги, пушки, снаряды, которыми она яко бы безкорыстно снабжала турокъ въ войнѣ ихъ противъ Россіи, сдѣлали на своей шеѣ любопытное испытаніе сравнительныхъ достоинствъ старой паріархіальной и новой усовершенствованной бюрократіи.

Кипріоты хотя и предпочли бы англійскому владычеству присоединеніе къ Греціи, но англійскую администрацію они приняли съ радостью, какъ первый шагъ къ дальнѣйшему прогрессу. Зная англичанъ за богатую націю, они ожидали, что на островъ посыплется родъ золотого дождя. Радость, однако, была непродолжительна. Англійское владычество и усовершенствованная администрація не обогатили, а скорѣе разорили островъ.

Прежде всего, съ чѣмъ согласна отчасти и администрація острова, поземельная собственность на Кипрѣ упала въ цѣнѣ и доходъ отъ нея уменьшился. Десятинный налогъ даетъ ежегодно на 150,000 р. менѣе англійскому правительству, чѣмъ давалъ ненавистному турецкому. Такъ какъ налогъ этотъ взимается съ жатвы натурою, то не трудно, помножая дефицитъ въ налогѣ на десять, сообразить, что землевладѣльцы острова получаютъ теперь ежегодно на 1½ мил. руб. дохода менѣе. Въ дѣйствительности доходъ упалъ еще болѣе, потому что отъ лѣности и безпечности турокъ значительная часть налога недопоступала въ прежнее время, тогда какъ теперь усовершенствованная бюрократія не оставляетъ, конечно, безъ вниманія и безъ налога клочка земли.

Возражая противъ упадка цѣнности земли, мѣстная администрація замѣчаетъ, впрочемъ, что этотъ упадокъ наблюдается главнымъ образомъ при обязательныхъ продажахъ по судебнымъ взысканіямъ и т. п., при добровольной же продажѣ, по крайней мѣрѣ въ столичномъ округѣ Никозіи, такого сокращенія не наблюдается. Но подобное явленіе можно наблюдать повсемѣстно, ибо понятно, что человекъ, который не нуждается въ деньгахъ, на отдасть своей собственности безъ барыша, и эту продажу нельзя сравнивать съ продажей земли, обремененной ипотечными и др. долгами по дѣйствительной рыночной цѣнности.

Установленіе англійской усовершенствованной администраціи, естественно, увеличило расходы и потребовало новыхъ налоговъ, хотя, какъ мы сказали, доходы жителей Кипра скорѣе уменьшились. По officialнымъ даннымъ, расходы на содержаніе администраціи увеличились на 280,000 руб. Англичане увѣряютъ, правда, что въ дѣйствительности расходы едва ли увеличились, потому что въ прежнее время часть податей не поступала въ доходъ казны,

а оставалась въ карманахъ чиновниковъ, но едва ли можно думать, что небольшое число турецкихъ чиновниковъ брало себѣ такую крупную комиссію изъ общаго дохода острова, не превышавшаго при турецкомъ владычествѣ 1.400,000 рублей.

Во всякомъ случаѣ прежняя турецкая администрація стоила только 400,000 рублей, тогда какъ новая англійская, менѣе патріархальная, хотя и болѣе неподкупная, стоитъ почти миллионъ рублей. Такимъ образомъ честность англичанъ достигается двойнымъ окладомъ жалованья, въ концѣ концовъ извлекаемымъ изъ того же кармана жителей Кипра, откуда брались турецкія взятки, но извлекаемымъ въ успелномъ противъ прежняго размѣрѣ.

Имѣя менѣе дохода, платя болѣе податей и содержа орду щедро оплачиваемыхъ чиновниковъ, кипріоты подвергаются въ придачу коммерческой и промышленной эксплуатаціи англичанъ, которая должна напоминать жителямъ острова эпоху ненавистнаго владычества венеціанской республики. Лондонскіе арматоры довершаютъ разореніе острова, такъ удачно начатое англійскими усовершенствованными чиновниками.

Въ бывшемъ королевствѣ Лузиньяновъ фабрикъ никогда не существовало, конечно, но англичане не заведутъ ихъ, земледѣліе же, единственное занятіе жителя, не можетъ бороться съ конкуренціей, которую дѣлаютъ его продуктамъ произведенія другихъ странъ, перевозимыя такъ дешево на англійскихъ корабляхъ. Въ результатѣ разница между вывозомъ съ острова и привозомъ туда ежегодно уменьшается и страна разоряется. Нумизматы могутъ найти еще на Кипрѣ монеты изъ древнихъ городовъ Малой Азіи, но золото и серебро, какъ монета новѣйшихъ чекановъ, совершенно исчезли изъ обращенія.

Не сознавая еще громко въ этомъ, жители Кипра оплачиваютъ бывшее турецкое владычество и проклинаютъ въ душѣ плутовство лорда Виконсфильда, ставившаго, можно сказать, безъ церемоніи островъ у Турціи во время пожара Восточной войны. Это, впрочемъ, не первый примѣръ раскаянія: въ Греціи, Болгаріи, Румыніи населеніе, по крайней мѣрѣ сельское, проклинало турокъ, пока они хозяйничали, а потомъ жалѣло, когда ихъ замѣнила собственная усовершенствованная бюрократія.

ХІХ. ЕГИПЕТЪ.

Гете въ 1827 году говорилъ Эккерману, что онъ хотѣлъ бы просить лишнихъ лѣтъ пятьдесятъ, чтобы дожить до того, чтобы видѣть англичанъ владѣльцами какого нибудь канала черезъ Суэзь. Оказывается, что для этого не потребовалось и полвѣка, а если бы великій нѣмецкій поэтъ, оказывавшійся въ данномъ случаѣ близорукимъ политикомъ, прожилъ сверхъ желаемаго еще три-четыре

година, то увидѣлъ бы англичанъ полнымъ хозяевамъ не только Суэзскаго канала, но и всего Египта.

Добились такого положенія сыны коварнаго Альбіона безъ большого труда, тѣмъ же порядкомъ, которымъ они составили себѣ почти все свое колониальное могущество, именно шли заветливо по пятамъ французовъ и, пользуясь или обстоятельствами, или легкомысліемъ французской политики, забрали безъ всякой церемоніи пзъ-подъ французскаго вліянія огромныя области. Такъ было въ Сѣверной Америкѣ, на Антильскихъ островахъ, въ Остѣ-Индіи, такъ случилось и въ Египтѣ.

Потеря вліянія въ этой странѣ — потеря, которая нарушаетъ положеніе, издавна занятое въ Левантѣ французской политикой и торговлей — ляжетъ чернымъ пятномъ на дипломатіи третьей республики, какъ на душѣ дипломатіи второй имперіи останется потеря французскаго вліянія въ Италіи и Германіи.

Марсель дѣятельно торговала съ Египтомъ уже во время заключенія первыхъ капитуляцій (1535 г.); эти договоры развили торговлю; въ XVII вѣкѣ она уже была такъ значительна, что Лейбницъ обратился именно къ Людовику XIV съ проектомъ изгнать невѣрныхъ пзъ этой страны. Людовика XVI занимала мысль о каналѣ между Краснымъ и Средиземнымъ морями; тотъ же проектъ интересовалъ и Наполеона I, старавшагося упрочить французское вліяніе въ Египтѣ, какъ первый этапъ по пути въ Индію, потерянную при Людовикѣ XV. Въ XIX столѣтіи роль французовъ сдѣлалась еще почетнѣе. Мехметъ-Али поручилъ имъ преобразование своей арміи и администраціи, а при Пашахъ — Лессепсъ прорылъ Суэзскій каналъ.

Пока не было канала, т. е. морского пути черезъ Египетъ въ Индію, Франція играла въ Каирѣ первенствующую роль. Съ 1869 года декорачія мѣняется. Красные дни для Египта множились. Съ 1862 по 1865 годъ, вслѣдствіе американскаго междоусобія и огромнаго запроса на египетскій хлопокъ, торговля этой страны развилась до громадныхъ размѣровъ, учредилось много банковъ, обширная сѣтъ пароходства, деньги лились рѣкою и миллионныя состоянія составлялись въ нѣсколько мѣсяцевъ. Съ прекращеніемъ войны хлопокъ едва-едва сбывался даже по цѣнамъ дешевѣйшимъ противъ того, во что обходился онъ земледѣльцамъ; единственною поддержкою торговли служилъ отпускъ хлѣба и сахара-сырца, въ послѣднее время также пострадавшій. Кромѣ того въ Александріи на биржѣ завелась оживленная биржевая игра, главною пищею которой служили фонды и билеты египетскаго казначейства. Такъ какъ монетная единица въ Египтѣ металлическая, то бумажныя цѣнности принимались съ учетомъ, который колебался отъ 15-ти до 30-ти процентовъ; на этихъ-то колебаніяхъ была основана игра, на которой, при умѣніи, наживалось не мало денегъ.

Нельзя сказать, чтобы египетская торговля клонилась серьезно къ упадку, или страна не имѣла средствъ къ своему дальнѣйшему развитію. Напротивъ, почва Египта такъ богата, а производительность такъ разнообразна, что въ товарахъ, потребныхъ для Европы, недостатка никогда быть не могло, но ужасная финансовая система въ конецъ разоряла населеніе. Я быль министромъ, говорилъ одинъ старый паша французскому публицисту Берару, у семи вице-королей: семь сошли съ ума, вслѣдствіе своей неограниченной власти, двое остальныхъ были дураки отъ рожденія». Управление Измаила вело Египетъ несомнѣнно къ банкротству. Феллахи выпродали уже всю мѣдь, въ которой накопляли свои скудные сбереженія, налоги постоянно возрастали и доводили сельское населеніе до отчаянія. Значительныя суммы, собираемыя такимъ образомъ, поглощались самымъ непроизводительнымъ образомъ, преимущественно займами, заключаемымъ, несмотря на поземельное обезпеченіе, пзъ 11-ти или 12-ти процентовъ. Займы эти шли на постройки, на платежи иностранцамъ по разнымъ процессамъ, и особенно на вооруженія. Египетъ содержалъ довольно значительную армію, вооруженную скорострѣльными ружьями и одѣтую въ сольфериновые казакины и бѣлыя перчатки; офицеры, набираемые пзъ тѣхъ же неграмотныхъ арабовъ, ходили въ лакированныхъ полусапожкахъ и тонкомъ платьѣ. Не имѣя силъ ограничить себя въ издержкахъ, хедивъ пробовалъ-было собрать нѣчто въ родѣ парламента, но шутка эта рѣшительно не удалась. Выбранные какъ попало, арабы болѣе всего хлопотали о томъ, чтобы имъ позволили сидѣть поджавъ ноги и курить трубки. Всего труднѣе было образовать оппозицію; въ нее добровольно никто не соглашался идти: а какой же парламентъ, кромѣ парламента второй имперіи съ 1852 по 1857 годъ, можетъ обходиться безъ оппозиціи? Пришлось образовать лѣвую сторону по особому назначенію хедива; тогда всѣ депутаты пожелали быть въ оппозиціи.

Египетъ въ концѣ 60-хъ годовъ можно было сравнить съ судомъ, куда Европа выбрасывала всю пѣну, всѣ нечистоты своего общества. Разные авантюристы, злостные банкроты, уголовные преступники бѣгали на его гостепріимную почву нажить копейку и, разъ составивъ состояніе, дѣлались членами общества. Процессы составляли особенность Египта, и адвокатское занятіе тамъ было самое прибыльное; къ счастью, язва эта теперь уменьшилась, а до судебной реформы можно было, подъ пустымъ предлогомъ, начать процессъ съ правительствомъ и, опираясь на пособіе консуловъ, облеченныхъ весьма широкою властью, вытянуть себѣ приличное вознагражденіе. Европейскіе порядки въ этомъ случаѣ извращались, и чиновникъ давалъ взятки частнымъ лицамъ, чтобы только пзбавиться отъ ихъ назойливости.

Съ разореніемъ Египта начался и упадокъ французскаго вліянія, что весьма собрушало египетское правительство; оно, есте-

ственно, должно было подчиниться влиянію англичанъ, интересы которыхъ дѣлали ихъ вѣрными союзниками султана. Турецкое правительство между тѣмъ не довѣряло Египту и принимало соотвѣтственныя мѣры для ограниченія его автономіи. Подчиняясь турецкому влиянію, хедивъ, несмотря на свою задолженность, вынужденъ былъ послать десять тысячъ войска противъ Сербіи и 18.000 противъ Россіи, причемъ погублено не мало англійскихъ поданныхъ магометанъ изъ ость-пидскихъ владѣній, поступившихъ, вопреки торжественно заявленному нейтралитету британскаго правительства, на службу хедива и сражавшихся противъ Россіи ¹⁾).

Въ концѣ концовъ Пзмаиль-паша, бросая деньги просто за окно и понавъ въ руки самыхъ скверныхъ спекуляторовъ, кругомъ задолжалъ. Такъ какъ ему вѣрила только очень дурная часть европейской биржевой публики, то въ обыкновенное время никто бы и не сталъ думать объ интересахъ прогорѣвшихъ въ Египтѣ спекуляторовъ, какъ никто не думаетъ о сотняхъ милліоновъ погубившихъ столь же позорно на бумагахъ Перу или республикъ средней Америки, но Египеть сдѣлался съ 1869 г. путемъ къ дальнему Востоку, почему, англичане вмѣшались въ дѣло покупкою въ 1875 г. 177,000 акцій Суэзскаго канала, принадлежавшихъ замотавшемуся хедиву.

Востокъ имѣетъ грустную привилегію давать пищу европейской дипломатіи и политической печати. Не успѣло утихнуть возстаніе въ полутурецкой, полуавстрійской Герцеговинѣ, не успѣли кривошейцы постоить терпѣніе читающей публики, какъ на смѣну ихъ явились египтяне съ Араби-пашею во главѣ. Этотъ ловкій офицеръ, захватившій диктатуру въ странѣ фараоновъ, сталъ первымъ человѣкомъ въ текущей политикѣ 1881 г., каждый день газеты посвящали его малѣйшимъ словамъ и жестамъ передовыя статьи, корреспонденціи и телеграммы.

Дипломаты также очнулись. Они съ прискорбіемъ увидѣли, что ихъ жалкое дѣтище—Берлинскій трактатъ, долженствовавшій укрѣпить «больного» на много лѣтъ, оказался недѣйствительнымъ и процессъ разложенія турецкаго владычества пошелъ еще быстрѣе и быстрѣе: не успѣлъ Тунисъ окончательно выскользнуть изъ-подъ протектората, хотя и номинальнаго, Турціи, какъ очередь пришла Египту. У дипломатовъ, какъ извѣстно, приемы отличаются стереотипностью. Каждое государство желаетъ погрѣть свои лапы около костра, пожирающаго бывшія владѣнія султана, но никто не хочетъ въ этомъ сознаваться, почему и существуетъ болѣе благозвучный перифразъ: «защита интересовъ своихъ подданныхъ». Хотя бы этихъ подданныхъ было полтора человѣка и каждый изъ

¹⁾ Впрочемъ, нашъ повѣренный въ дѣлахъ хотя и получилъ паспорта, но остался въ Каирѣ и даже посѣщалъ хедива, что вызвало протесты со стороны Порты, окончившіяся обычнымъ бакшишемъ.

нихъ, вернувшись въ свое отечество, судился бы немедленно за воровство-мошенничество, но, разъ эти мошенники живутъ на Востоку, дипломатія къ нимъ проникается необыкновенною нѣжностью, конечно на словахъ, въ теоріи; говоря о защитѣ интересовъ подданныхъ, разумѣютъ не реальные интересы каждаго изъ нихъ порознь, а нѣчто неумовимое, возвышенное и потому недоступное обыкновеннымъ житейскимъ разчетамъ.

Для охраненія этихъ интересовъ вызываютъ къ европейскому концерту. «Концертъ» также изобрѣтеніе дипломатическаго ума. Пнтригуетъ, пнтригуетъ какое-нибудь государство, да и попадется, видить—плохо дѣло, сейчасъ вызываетъ къ европейскому концерту. Соберутся дипломаты и узаконятъ существующіе факты, потому нельзя—какъ бы не вышло чего еще хуже. Подобные «концерты» происходятъ періодически черезъ нѣсколько лѣтъ и обыкновенно послѣ нихъ взаимное недобѣріе разныхъ державъ еще болѣе усиливается, а пнтриги ожесточаются. Иногда пзъ концерта вытекаетъ война, хотя концертъ значитъ согласіе.

У Англіи явилась подобнымъ же путемъ необыкновенная заботливость о капиталстахъ, имѣвшихъ египетскія долговыя обязательства, и даже о феллахъ, которыхъ грабили безнаказанно уже 5,000 лѣтъ и все не могли окончательно ограбить. Забывая, что у нихъ въ Ирландіи есть свои собственные феллахи, не менѣе достойные симпатій, англичане придумали устроить контроль надъ египетскими финансамъ, но такъ какъ финансы есть лишь продуктъ остальной администраціи, то англійскій контроль распространился косвенно и надъ послѣдней. Франція, какъ низко ни пала она въ дипломатическомъ отношеніи съ 1870 года, не могла стерпеть такого хозяйничанья англичанъ на африканскомъ континентѣ, гдѣ французы также имѣли право на «цивилизующую миссію», и настояла, чтобы и ей дали участіе въ означенномъ контролѣ. Французское правительство заключило договоръ о совмѣстномъ преобразованіи администраціи Египта (*condominium* 1878 г.). Этотъ договоръ дѣйствовалъ безъ особыхъ затрудненій, какъ вспыхнуло возстаніе Араби-паши противъ иностранцевъ вообще и хедива.

Франціи и Англіи въ слѣду *condominium*'а слѣдовало совмѣстно усмирять возстаніе, но Фрейсина, бывший тогда первымъ министромъ, или перехитрилъ, или струсилъ военныхъ дѣйствій, предоставивъ англичанамъ честь уничтоженія при Тель-эль-Кебрѣ войска Араби-паши. Макъ-Карти остроумно замѣтилъ, что «англичане, покоряя Египетъ для хедива, напоминали солдатъ Бромвеля, сражавшихся за короля». Впрочемъ, по части макіавелизма въ политикѣ англичане могли бы давать уроки самому Макіавелю.

Съ этого момента французское вліяніе пошло сильно на убыль; англичане, занявшіе своими гарнизонами долину Нила, приступили къ отвоеванію у махдистовъ Судана и подъ этимъ

предлогомъ стали захватывать въ свои руки египетскую администрацію.

Потеря Судана началась поражениемъ въ 1883 г. Гисса-паша въ ущельи Касгиль, взятіемъ въ 1885 г. Хартума и Дарфура и закончилось присоединениемъ въ 1888 г. Варъ-Эль-Газала и въ 1889 г. Вади-Гальфы, главнаго города Экваторіальной провинціи. Только Суакимомъ не удалось овладѣть махдистамъ. Нашъ клиперъ «Стрѣлокъ» былъ свидѣтелемъ въ Суакимѣ одной изъ военныхъ экспедицій англичанъ противъ суданскихъ повстанцевъ.

Если англичане оказались тогда плохими воителями, то зато ихъ административнымъ и дѣловымъ способностями справедливо восхищался г. Скрыдловъ. Онъ считъ долгомъ засвидѣтельствовать передъ начальствомъ о томъ образцовомъ порядкѣ, который былъ введенъ англичанами во время оккупации. Можно себѣ представить, какъ такой порядокъ долженъ былъ дѣйствовать на русскаго, привыкшаго къ безобразіямъ въ своихъ портахъ. На берегу за всю мѣсячную стоянку башпера г. Скрыдловъ не видѣлъ ни одного пьянаго солдата или матроса, ни одной драки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ни одного кабака! Для поддержанія такого порядка англичане не останавливались, однако, передъ самыми крутыми мѣрами. На дворѣ таможни, занятой сильнымъ англійскимъ карауломъ, производились экзекуціи сѣченья кошмами. Въ особенности вызвало много разговоровъ наказаніе въ присутствіи адмирала и множества офицеровъ разнаго рода оружія батальона египетскихъ солдатъ, завлывшихъ о своемъ нежеланіи работать на англичанъ. Упленный въ тайной продажѣ вина солдатамъ содержатель кофейной, греческій подданный, былъ тоже высѣченъ кошмами. Такимъ образомъ, не имѣя возможности испытывать блага дражня на своихъ ¹⁾, англичане не жалѣли этого исправительнаго средства для египтянъ и др. иностранцевъ. Совершенно поанглійски.

Несмотря на свое искусство, несмотря на потерю убитымъ, раненымъ и больнымъ пятой части всего отряда, англичане успѣха долго въ своей завоевательной политикѣ не имѣли; главные торговые пути въ Хартумъ и Берберъ оставались въ рукахъ мятежниковъ, съ которыми и золото не помогло. Махди и Османъ-Дигма отвергли всѣ предложенія подкупа. Съ наступленіемъ жаровъ, безплодная экспедиція заканчивалась.

Англичане, однако, не отказались отъ своей завѣтной идеи завоевать Суданъ и Экваторіальную область Египта, чтобы протянуть руку своимъ восточнымъ и южнымъ владѣніямъ въ Африкѣ,

¹⁾ Впрочемъ, тѣлесное наказаніе не исчезло и въ самой Англии. Судъ присяжныхъ въ Варвикширѣ въ 1896 г. потребовалъ тѣлеснаго наказанія за кражи со взломомъ и нападеніе на женщинъ и дѣтей. Судья утвердилъ приговоръ и глубокомысленно прибавилъ: «кошка о девяти хвостахъ скоро положитъ конецъ этимъ преступленіямъ въ Ливерпулѣ».

тѣмъ болѣе, что съ 1889 года, послѣ того какъ въ сраженіи при Тоскѣ былъ убитъ Махди, а преемникъ его Абдалла оказался человѣкомъ нерѣшительнымъ, сила махдистовъ ослабѣла. Новый главнокомандующій англо-египетскими войсками Китчеръ оказался болѣе на высотѣ положенія. Заявивъ Берберъ и Кассалу, подвигаясь постепенно въ теченіе трехъ лѣтъ впередъ и обойдя нильскіе пороги легкою желѣзною дорогой, онъ взялъ наконецъ Омдурманъ, близъ бывшаго Хартума, и разсѣялъ махдистовъ, причемъ Абдалла былъ убитъ. Занятіе Экваторіальной провинціи, гдѣ Китчеръ встрѣтилъ у Фашоды экспедицію Маршана, было уже дѣломъ легкимъ.

Для лучшаго упроченія своей власти въ Египтѣ, кромѣ отвоеванія Судава и подьяненія его не Египету, а какъ бы Англій, англичане уговорили державы заключить еще 29-го октября 1888 г. договоръ о нейтрализаціи Суэзскаго канала, сохраняющей навсегда свободный путь въ Остъ-Индію для торговыхъ и военныхъ судовъ. Франція и Россія имѣли слабость подписать и этотъ договоръ, а профессора международнаго права находятъ, что нейтрализація должна со временемъ распространиться и на все Красное море, такъ чтобы оно составляло съ каналомъ, въ юридическомъ отношеніи, одно цѣлое. Между тѣмъ нейтрализація имѣла бы смыслъ лишь подъ непремѣннымъ условіемъ срытія укрѣпленія на всемъ протяженіи воднаго пути, на что, конечно, Англія никогда не согласится.

Такимъ образомъ англичане сдѣлались почти полными хозяевами этой части Африки и не хотятъ девятнадцатый уже годъ и слышать о назначеніи какого-либо срока для очищенія Египта отъ своихъ войскъ. Хотя послѣдній номинально остается частью Турецкой имперіи и хедивъ попрежнему слѣдитъ со своимъ гаремомъ въ Капрѣ, но въ дѣйствительности Египетъ управляется изъ Лондона и англичане имѣли даже наглость обидѣться, что европейскіе консулы не явились in corpore привѣтствовать принца Уэльскаго, точно будущаго египетскаго государя, когда онъ пріѣхалъ въ Капръ въ 1889 году.

Внутренняя политика Египта за это время, какъ и вообще за послѣднія двадцать лѣтъ, сосредоточивается въ двухъ лицахъ—Нубара-паши и Ріазы-паши. Нубаръ былъ христіанинъ-армянинъ, образованный и сравнительно либеральный; ему Египетъ обязанъ смѣшанными судами. Ріазъ—еврей, обратившійся въ магометанство, по характеру чистѣйшій турокъ, страшный консерваторъ, но человѣкъ дѣловой. Онъ одинъ могъ власть въ свое время преграды безумной расточительности Измаила-паши и Египетъ обязанъ ему улучшеніемъ финансовъ, поддержкою, которую онъ оказалъ европейскимъ контролерамъ. Ріазъ былъ также скорѣе противникомъ англичанъ.

Нельзя однако не признать, что англійская оккупация имѣла и полезное вліяніе. Въ Египетъ постоянно приливаютъ иностран-

ные капиталы: съ 1889 по 1898 г. учреждено акціонерныхъ предприятий на сумму 8 милл. ег. л. и притомъ этотъ, вѣроятно, еще будетъ продолжаться, такъ какъ за послѣдніе годы въ Египтѣ совершается сильный промышленный подъемъ. Страна, которая отдавала двѣ трети европейскимъ кредиторамъ, отдаетъ теперь только половину и отдавала бы меньше, если бы не европейскіе контролеры. Большое вліяніе на экономическое положеніе имѣла отмена натуральныхъ повинностей и постройка барража Нилла; затѣмъ благоприятно вліяло улучшеніе юстиціи и армии. Англичане увѣряютъ даже, что при уничтоженіи финансоваго контроля дѣла Египта пошли бы еще лучше, такъ какъ теперь всѣ избытки государственныхъ доходовъ идутъ на погашеніе долга, сокращать который особой надобности нѣтъ въ виду благоприятнаго положенія финансовъ.

Въ своей заботливости и англичане, конечно, ничего не прогадали, напротивъ они очень заработали на занятіи Египта. Однѣ купленные за 40 милл. руб. англійскимъ правительствомъ акціи Суэзскаго канала стоятъ теперь болѣе 200 милл. рублей. Европейскіе кредиторы Египта довольны сдѣланнымъ англичанъ, потому что египетскіе фонды поднялись чуть не вътрое противъ временъ Измаила, но египтяне и послѣ ссылки Араби-паши—этого «мистическаго гамбургъ-мажора», по мѣткому опредѣленію одного француза, очень недовольны англійскою окупаціей. Оппозиція проявляется нерѣдко. По совѣту лорда Дюфферина, Тевфизъ-паша возстановилъ въ 1884 г. придуманное Измаиломъ законодательное собраніе пзъ вотаблей съ правомъ совѣщательнаго голоса. Собраніе набралось мало по малу храбрости и не отказываетъ себѣ въ удовольствіи дѣлать англичанамъ непріятности. Ежегодно, напримѣръ, оно критикуетъ бюджетъ и безуспѣшно требуетъ исключенія 84,000 фунт. стерл., необходимыхъ на расходы по англійскому окупаціонному корпусу.

Предлогомъ для того, чтобы оставаться въ Египтѣ, англичане выставляютъ обыкновенно то обстоятельство, что египетская армія недостаточно устроена и не въ силахъ защищать Египетъ. Теперь, послѣ обратнаго завоеванія Судана, этотъ доводъ отпадаетъ; египетскія войска оказались надежными, и отсутствіе стойкости въ нихъ не должно болѣе служить благовиднымъ предлогомъ для вѣчнаго сдѣлнія англичанъ.

Надобно замѣтить, что Европа, по ненависти къ Россіи, относилась къ этому сдѣлнію довольно добродушно. Только Франція, прозѣвавшая Египетъ, протестовала отъ времени до времени. Французы долго не соглашались, напр., на конверсію 5% египетскаго привилегированнаго долга въ 3¹/₂%, доказывая весьма основательно, что если политическое и экономическое положеніе Египта такъ хорошо, что онъ можетъ конвертировать свои долги и понижать проценты по обязательствамъ, то это служить лучшимъ подтвержденіемъ, что помощь англичанъ въ устройствѣ еги-

петскихъ дѣлъ по меньшей мѣрѣ излшшя. Къ сожалѣнію, въ этомъ протестѣ французы были слабо поддержаны другими державами. Такъ какъ янды всѣхъ биржъ были заинтересованы въ конверсіи, то въ концѣ концовъ Франція въ 1890 г. уступила.

Англичане проявили затѣмъ новую безперемонность по отношенію къ Египту. Они назначили товарищемъ министра юстиціи англичанина изъ ость-пидскаго судебного вѣдомства. Европейцы судятся теперь въ Египтѣ смѣшанными судами изъ европейцевъ же, слѣдовательно египетское министерство юстиціи касается исключительно туземнаго мусульманскаго населенія. Передѣлывать туземную юстицію по англійскому образцу, какъ передѣлана египетская армія, финансы и управленіе публичныхъ работъ, значило окончательно обращать Египетъ въ англійскую колонію. Въ чемъ будетъ выражаться еще независимость Египта, если всѣ отрасли его управленія будутъ въ рукахъ англійскихъ чиновниковъ? Это далеко не то, что временная военная оккупация для поддержанія порядка. Французы вновь протестовали, на этотъ разъ болѣе рѣзко. Парижская печать поддержала протестъ, съ меньшимъ, однако, жаромъ, чѣмъ какой былъ проявленъ, напримѣръ, по вопросу о томъ, должны ли фигурировать французскія карты въ Берлинѣ или нѣтъ.

Между тѣмъ въ Египтѣ дѣло шло вовсе не о фразахъ. Не считая нравственнаго вліянія, французы заинтересованы и матеріально въ Египтѣ гораздо болѣе англичанъ. Участіе французскихъ капиталстовъ въ Суэзскомъ каналѣ равнялось 838 мил. франк., съ доходомъ отъ 28 до 38 мил. фр. въ годъ, французамъ принадлежить треть египетскаго государственнаго долга, по коему Франція получаетъ отъ 40 до 45 мил. франковъ ежегодно. Французамъ принадлежить также около 100 мил. франковъ, затраченныхъ въ крупныя египетскія предиріятія: египетскій поземельный кредитъ, коммерческіе банки, ломбарды и пр.

Но если общественное мнѣніе Франціи, собранное съ толку пустыми риториками и мелкими политическими интриганами, недостаточно вѣрно оцѣнивало роль своего правительства по отношенію къ англійскимъ захватамъ въ Египтѣ, то и другія государства, заинтересованныя въ томъ, чтобы умѣрнить дѣйствіе англійскихъ рулей въ Африкѣ, напрасно не оказывали французамъ болѣе государственнаго содѣйствія. Окончательный захватъ Египта Англією не можетъ быть желателенъ, напримѣръ, для Германіи. Прочно тамъ водворившись и держа въ своихъ рукахъ Суэзскій каналъ, британское правительство навѣрное приступитъ къ осуществленію своей завѣтной мечты о превращеніи всей восточной части африканскаго материка въ сплошную англійскую колонію. Само собою разумѣется, что Германія не можетъ допустить ничего подобнаго уже вслѣдствіе своего колониальнаго соперничества съ Англією, а чего не допустить Германія, тому ужъ, конечно, не стануть со-

дѣйствовать. по крайней мѣрѣ явно. ея союзники Австро-Венгрія и Италия. Интересы континентальной Европы оказываются, такимъ образомъ, тождественными въ египетскомъ вопросѣ. Окупація не можетъ быть признана законною и съ точки зрѣнія международнаго права. Она стоитъ въ противорѣчїи съ Лондонскою конвенціею 1840 г., создавшею современное международное положеніе Египта, а равно съ многочисленными договорами и правительственными распоряженіями послѣднихъ лѣтъ.

Если наша дипломатія могла еще оставаться болѣе или менѣе равнодушною (хотя ей и этого не слѣдовало дѣлать) къ англійскимъ захватамъ въ португальской Африкѣ, то къ хозяйничанью англїчанъ въ Египтѣ ей вовсе не слѣдовало оставаться индифферентною. Непосредственная торговля Россїи съ Египтомъ довольно значительна, особенно по привозу отсюда хлопка. Черезъ Египетъ идетъ не только морской путь въ русскія владѣнія на Тихомъ океанѣ, но гавани Египта обращены лицомъ къ Дарданелламъ, которыя представляютъ единственный выходъ для Россїи къ морю на югѣ.

Въ египетскихъ дѣлахъ мы уже неоднократно дѣлали промахи. Самый крупный изъ нихъ была помощь, дважды оказанная намъ султану противъ Мехмета-Али и въ особенности военная помощь въ 1833 г. Хотя по Унгиарь-скелесійскому договору мы получили за это въ награду воспрещеніе доступа военнымъ судамъ всѣхъ націй въ Черное море, но подобное воспрещеніе, какъ я уже говорилъ, умалилось тѣмъ, что воевать съ нами на Черномъ морѣ державы могли лишь при союзѣ съ Турціей. Наоборотъ, развалилась Турція еще въ 30-хъ годахъ подъ ударами своего непокорнаго вассала, не было бы ни Крымской войны, ни Восточной войны 1877 года. Да и съ Лун-Филиппомъ намъ было легче управиться, чѣмъ съ Бисмаркомъ.

Во внутреннихъ дѣлахъ Египта мы непосредственно мало заинтересованы. Наши подданные тамъ—это нѣсколько одесскихъ евреевъ и грековъ или брещенныхъ арабовъ. Египетскому правительству въ долгъ мы ничего не давали, а слѣдовательно вопросъ о контролѣ надъ египетскимъ долгомъ для насъ безразличенъ. Но какъ бы и кѣмъ ни управлялся Египетъ, намъ не все равно. Намъ нѣтъ расчета, чтобы Египетъ сдѣлался снова турецкимъ пашалыкомъ и чтобы Турція, которая такъ прекрасно поретя по всѣмъ швамъ своихъ гранць, укрѣплялась объединеніемъ подъ однимъ сильнымъ центральнымъ управленіемъ. Затѣмъ, будетъ ли Египетъ подъ англійскимъ или французскимъ протекторатомъ, для насъ не все равно. Взявъ въ расчетъ соперничество Россїи съ Англїей на всемъ протяженіи Азіи отъ Герата до Японскаго моря, намъ не можетъ быть прїятно, чтобы Египетъ сдѣлался англійскимъ. Императоръ Николай предлагалъ, правда, Египетъ англїчанамъ въ 1853 году и лордъ Саллсбюри, къ общему удивленію, недавно

находя, что вся политика Англии въ восточномъ вопросѣ за послѣднія сорокъ лѣтъ, въ томъ числѣ и ея собственная, оказалась ошибочной, признавъ, что самую крупную ошибку сдѣлалъ либеральный кабинетъ Абердина, отвергнувшій предложенія императора Николая I. Но Россія впредь если и можетъ оставить Англию въ Египтѣ, то лишь въ формѣ протектората, чисто военнаго, при условіи, что проливы Мраморнаго моря будутъ наши и что Франція получитъ надлежащую компенсацію.

Лучше же всего для Россіи Египетъ автономный и самостоятельный, и мы должны его всячески поддерживать, будетъ ли во главѣ этого Египта стоять Тевфикъ или Халимъ, или просто случайный диктаторъ въ родѣ Араби-паша. Турецкія поползновенія намъ, наоборотъ, слѣдуетъ пресѣкать и никакъ не пользоваться ими, даже какъ средствомъ противъ Англии. Мы тѣмъ легче можемъ сочувствовать тенденціямъ египетской національной партіи, что онѣ никакимъ русскимъ интересамъ ни прямо, ни косвенно не угрожаютъ, попеченіе же о Египтѣ всякой другой державы намъ опасно.

Египетъ давно могъ служить отличною пробою для крѣпости такъ называемаго франко-русскаго соглашения и пора было перейти отъ громкихъ фразъ къ чему либо существенному. Совмѣстное воздѣйствіе двухъ такихъ могущественныхъ державъ должно непременно имѣть весьма успокоивающее дѣйствіе на англичанъ, которые легко оцѣняютъ разницу между Португаліей и государствами, почти граничащими съ Индіей: одно съ сѣвера, другое—съ востока.

Англія, не обращая вниманія на капитуляціи и пренебрегая верховною властью турецкаго султана, намѣревалась было принудить всѣ прочія державы къ заключенію торговыхъ договоровъ съ хедивомъ. Съ этою цѣлью былъ выработанъ общій таможенный тарифъ, направленный противъ державъ, которыя не обезпечать своихъ интересовъ заключеніемъ подобныхъ договоровъ. Тарифъ этотъ долженъ былъ вступить въ дѣйствіе уже съ 5-го января 1892 г. Русскому правительству было непосредственно сдѣлано приглашеніе заключить съ Египтомъ торговую конвенцію.

Наша дипломатія не дала, однако, на этотъ разъ провести себя и по представленію ея, а равно и французскаго правительства, султанъ поручилъ своему верховному комиссару въ Египтѣ, газп-Мухтару-пашѣ, торжественно протестовать какъ противъ притязаній хедива на самостоятельное заключеніе торговыхъ договоровъ, такъ и противъ незаконнаго назначенія Скотта юрисконсультомъ при египетскомъ министерствѣ финансовъ. Такимъ образомъ, первая же попытка совмѣстнаго дѣйствія Россіи и Франціи увѣнчалась успѣхомъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что за этимъ первымъ успѣхомъ могли послѣдовать другіе, еще болѣе существенные, если только наша дипломатія дѣйствовала прямо и настойчиво. Потому и прозвела не совсѣмъ благоприятно

впечатлѣніе изворотливая, не въ мѣру ужь скромная, замѣтка по этому поводу «Journal de St.-Petersbourg».

Въ 1888 году Россія протестовала вмѣстѣ съ Франціей противъ изданныхъ египетскимъ правительствомъ правилъ санитарной полиціи и патентнаго сбора съ иностранцевъ, какъ нарушающихъ капиуляціи; требованіе наше было отчасти удовлетворено, хотя отношенія сдѣлались съ тѣхъ поръ холоднѣе.

Еще болѣе имѣлъ успѣха протестъ Франціи и Россіи въ 1896 г., поддержанный европейскими судами въ Египтѣ, противъ безцеремоннаго обращенія суммъ, принадлежавшихъ европейскимъ кредиторамъ и находившихся въ распоряженіи международной коммисіи, наблюдавшей за египетскимъ долгомъ, на расходы упомянутой выше суданской экспедиціи.

Исходъ этого дѣла въ Каирѣ—несомнѣнный успѣхъ франко-русской политики въ Египтѣ. Англія должна впредь знать, что она не имѣетъ никакого права располагать финансовыми средствами Египта на военные расходы арміи, которой поставлена скромная задача установить господство Англіи на африканскомъ материкѣ отъ мыса Доброй Надежды до Египта. Англійская печать, понятно, съ ожесточеніемъ напала на рѣшеніе апелляціоннаго суда и утверждала, что оно послужитъ лишь въ тому, что Англія продлитъ окупацію Египта и станетъ въ этой странѣ еще на болѣе твердую ногу. Какъ бы въ подтвержденіе угрозы, англійскій комиссаръ лордъ Кромеръ сообщилъ египетскому правительству, что англійское правительство готово дать займы потребные на экспедицію 500,000 ег. лиръ, такъ какъ, по мнѣнію этого правительства, египетское не въ состояніи покрыть ее.

Выражая готовность ссудить Египту деньги, Англія съ перваго взгляда какъ будто хотѣла подчиниться рѣшенію апелляціоннаго суда, на самомъ же дѣлѣ она пошпала его, совершенно напрасно надѣясь вывернуться изъ положенія, въ которомъ увязла, прибѣгая къ смѣлымъ передержкамъ. Споръ оконченъ только недавно. Хедивомъ подписано распоряженіе о правахъ коммисіи по управленію долгомъ въ Египтѣ, изданное съ согласія державъ, подписавшихъ Лондонскій договоръ 1883 г. Чрезвычайные расходы не могутъ быть производимы изъ отложенныхъ коммисіею суммъ, за исключеніемъ того случая, когда, за покрытіемъ такого расхода, остается еще свыше 300,000 ег. лиръ. Вслѣдствіе этого послѣдняго постановленія, потеряло силу обращеніе 500,000 ег. лиръ на суданскую экспедицію.

Суэзскій каналъ.

Смерть строителя Суэзскаго канала принята была европейскою и даже французскою публикою довольно равнодушно, между тѣмъ Лессепсъ былъ, можетъ быть, самымъ выдающимся дѣятелемъ вто-

рой половини XIX столѣтія; во всякомъ случаѣ, онъ сдѣлалъ вещь, которая имѣетъ по-истинѣ мировое значеніе и передъ которою всѣ подвиги Бисмарка, Мольте и т. п. покажутся потомству совершенными мелочами. Это удивительный примѣръ человѣка, сотворившаго великія дѣла, не будучи великимъ человѣкомъ. Любопытно, что еще въ 1869 г., во время торжествъ открытія Суэзскаго канала, когда вся Европа преклонялась передъ «гениемъ Лессепса, присутствуя въ качествѣ делегата русскаго правительства, въ одномъ изъ своихъ писемъ въ «С.-Петербургскія Вѣдомости» я. не увлекаясь общимъ восторгомъ, сдѣлалъ слѣдующую характеристику строителя канала: «Одни сравниваютъ Лессепса съ Христофоромъ Колумбомъ; другіе считаютъ его только умнымъ и ловкимъ человѣкомъ, нѣчто въ родѣ Самуила Соломоновича Полякова; мнѣ кажется, что истина лежитъ въ этомъ случаѣ въ серединѣ». Исторія сооруженія Панамскаго канала подтвердила нѣсколько этотъ суровый приговоръ.

Карьера Лессепса очень оригинальна,—и обстоятельства чрезвычайно помогли осуществленію его идей, послѣдствій которыхъ онъ самъ, очевидно, предвидѣть не могъ, хотя въ громкихъ фразахъ недостатка въ его рѣчахъ никогда не было.

Когда онъ служилъ въ молодости въ Египтѣ, ему пришла мысль соединить Красное море съ Средиземнымъ, что было уже осуществлено въ малыхъ размѣрахъ (каналомъ изъ Нила) при фараонахъ, но о чемъ тщетно мечтали многіе великіе умы до Наполеона I включительно. Суэзскій каналъ хотѣлъ прорыть и знаменитый визирь Мухамедъ-Соколли, тотъ самый, который началъ соединеніе Волги съ Дономъ. Въ 1848 году Лессепсъ былъ французскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Испаніи, въ моментъ реакціоннаго министерства Нарваэса, который на смертномъ одрѣ заявилъ своему духовнику, что «не можетъ простить своихъ враговъ, ибо уже заранѣе всѣхъ ихъ разстрѣлялъ». Въ это время Лессепсъ породнился съ графиней Монтихо и ея дочерью, впоследствии французской императрицей Евгеніей: она-то и повліяла на своего мужа, чтобы онъ до конца поддержалъ предпріятіе Суэзскаго канала.

Съ Наполеономъ III Лессепсъ не всегда, впрочемъ, былъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Въ 1849 г., состоя посланникомъ въ Римѣ, онъ былъ противъ французской экспедиціи. Отозванный принцемъ-президентомъ республики, Лессепсъ оставилъ навсегда дипломатическую службу и тутъ-то, воспользовавшись своимъ полувынужденнымъ бездѣйствіемъ, задумалъ осуществить Суэзскій каналъ.

Дѣло первоначально шло очень дурно, англичане оказывали сильнѣйшее противодѣйствіе, средствъ было мало. Лессепсъ металъ во всѣ стороны, ища денегъ; онъ былъ даже для этого въ Одессѣ, гдѣ ему сильно покровительствовалъ Новосельскій. Лессепсъ вспоминалъ объ этомъ на открытіи Суэзскаго канала и

сообщилъ, что жена его (первая) говорила по-русски, что вообще русскій языкъ былъ всегда въ употребленіи въ его домѣ.

На капиталы Новосельскаго Лессепса, конечно, Суэзскаго канала не устроилъ бы. Но весьма кстати сѣверо-американское междуособіе обогатило Пзмапла-пашу, пріятеля Лессепса. Щедрый вообще, Пзмаплъ сталъ тогда сыпать деньгами, и каналъ, при помощи инженеровъ Бореля и Лавалле, сдѣлавшихъ необходимыя изобрѣтенія, къ 1869 г. былъ кое-какъ законченъ и торжественно открытъ.

Каналь счастья Пзмаплу не принесъ. Онъ возбуждлъ зависть Англіи и у Пзмапла-паши отобрали флотъ и ограничили автономію Египта. Зато акціонеры Суэзскаго канала, полуразоренные за десять лѣтъ и состоявшіе преимущественно изъ легковѣрныхъ парижскихъ консьержей и кухарокъ, внезапно разбогатѣли: цѣна акцій сразу увеличилась въ пять и шесть разъ. Эта популярность Лессепса среди швейцаровъ и кухарокъ и позволила ему, десять лѣтъ спустя, найти легко деньги для прорытія другого перешейка—Панамскаго. Но здѣсь уже были совсѣмъ другія обстоятельства. Дѣло было плохо изслѣдовано и разсчитано; оно поглотило безплодно массу денегъ, безтолково потраченныхъ. Репутація Лессепса пошатнулась и, вмѣсто «новаго Христофора Колумба» и *le Grand Français*, его, въ видѣ комплимента, называли: *un Ap-penckoff français*.

Такова внѣшняя сторона дѣятельности Лессепса. Совсѣмъ иначе представляется эта дѣятельность въ ея историческихъ послѣдствіяхъ. Здѣсь мы стоимъ передъ чѣмъ-то колоссальнымъ, опредѣлить размеры чего еще и невозможно, пожалуй. Если Лессепсъ не заставилъ земной шаръ обращаться навыворотъ на своей оси, то онъ, несомнѣнно, заставилъ всю жизнь на этомъ шарѣ перевернуться вверхъ дномъ. Послѣдствія прорытія Суэзскаго канала далеко превзошли всѣ смѣлыя ожданія Лессепса и государственныхъ людей, и ученыхъ пятидесятихъ и шестидесятихъ годовъ.

Во-первыхъ, этотъ «великій французъ», несомнѣнно патриотъ, политически скорѣе умалплъ и разорплъ Францію, чѣмъ возвысилъ и обогатилъ ее. Панамскій крахъ поглотилъ до миллиарда рублей народныхъ сбереженій и Франція, благодаря вмѣшательству Англіи, начавшемуся съ покупки у хедива такъ называемыхъ привилегированныхъ суэзскихъ акцій, была вытѣснена изъ Египта, а засимъ, такъ какъ, благодаря Суэзскому каналу, развилась именно морская торговля, то, имѣвшая мало торговаго флота Франція, конечно относительно, проиграла въ международномъ торговомъ балансѣ.

Англія, торговое верховенство которой и хотѣлъ уничтожить Лессепсъ, направивъ торговлю вновь къ Средиземнымъ портамъ, покинутымъ съ открытіемъ Америки и круговаго пути въ Индію, чрезвычайно выиграла отъ Суэзскаго канала. Остъ-Индія и Ав-

стралиа получили совсѣмъ другую цѣну: встѣдъ за Египтомъ, Англія захватила добрую половину Африки и обращаетъ ее въ богатая, цвѣтущія колоніи. Торговый флотъ Англіи, не составлявшій въ итогѣ половины, теперь равняется двумъ третямъ всѣхъ торговыхъ флотовъ, и англійскій языкъ царитъ повсемѣстно. Китай и Японія никогда не были бы тѣмъ, чѣмъ стали, если бы не прорылся Суэзскій каналъ. Весь прогрессъ ихъ основанъ на существованіи этого канала, который приблизилъ ихъ къ Европѣ, по времени, втрое и вчетверо противъ прежняго. Отъ канала выиграло даже западное побережье Сѣверной Америки и каналъ создалъ зачатки жизни на мертвыхъ пустыняхъ нашего побережья Восточной Сибиря; онъ видоизмѣнилъ также нашу възовую торговлю съ Китаемъ.

Но все это ничто по сравненію съ тою торговою и экономическою революціею, которую Суэзскій каналъ произвелъ, давъ столь энергическій толчокъ паровому морскому мореходству. Послѣ открытія канала морское кораблестроеніе сдѣлало небывалыя успѣхи въ объемѣ судовъ, ихъ быстротѣ и уменьшеніи потребности топлива. Поэтому прежде, напримѣръ, привезти въ Англію изъ Херсона пудъ шерсти стоило 4 руб., а теперь стоитъ привезти изъ Южной Америки 10 копѣекъ. Такое рѣзкое измѣненіе въ цѣнѣ провоза, понятно, произвело полный переворотъ въ экономическихъ отношеніяхъ не только разныхъ странъ между собою, но и внутри каждой страны. вмѣсто собственнаго производства стало дешевле покупать хлѣбъ въ Индіи, сало и шерсть въ Южной Америкѣ или южной Африкѣ, мясо и масло въ Австраліи, фрукты въ Калифорніи и т. д. Наоборотъ, дешевый провозъ каменнаго угля, машинъ и разныхъ химическихъ продуктовъ позволилъ устраивать фабрики во всѣхъ концахъ міра, даже подъ тропиками. Пониженіе цѣнъ на пассажирскихъ пароходахъ удасятерило эмиграціонное движеніе и новыя колоніи стали возникать съ неслыханною дотогѣ быстротою, старыя же столь же быстро культивироваться. Двадцать лѣтъ назадъ три четверти Соединенныхъ Штатовъ были почти terra incognita, гдѣ бродили дикіе индѣйцы, — теперь треть той же территоріи уже распазана для посѣва хлѣба, который пароходы везутъ въ Европу.

Подобныя явленія произвели рѣзкій переворотъ въ экономической политикѣ. Всѣ страны охраняли прежде свою промышленность, теперь онѣ строго охраняютъ свое земледѣліе, наиболѣе пострадавшее отъ естественнаго послѣдствія прорытія Суэзкаго канала — пониженія фрахтовъ. Если наши помѣщичи и мужики не знаютъ, куда сбывать свой хлѣбъ гдѣ-нибудь въ Тульской или Воронежской губерніяхъ, то косвенный виновникъ тому Лессепсъ. Подъ вліяніемъ экономической революціи, созданной имъ, всѣ почти страны вернулись къ протекціонизму и колониальной политикѣ. Сообразно съ этимъ произошелъ переворотъ и въ экономической

наукѣ. Теоріи Адама Смита оказываются построенными на условіяхъ жизни, которыя такъ же далеки отъ насъ, какъ условія каково-нибудь феодальнаго государства.

Вотъ каково вліяніе имѣлъ этотъ небольшого роста, живой и говорливый французъ. Если судить по вліянію на судьбу народовъ, то Франція, поставившая Наполеону I вандомскую колонну, должна была Лессепсу—на англійскія, впрочемъ, деньги—поставить колонну вышиною, по крайней мѣрѣ, съ Эйфелеву башню, а она поставила въ Портъ-Саидъ маленький монументъ.

Успѣхъ Суэзскаго канала и по открытіи движенія достался однако не безъ борьбы. Это грандіознѣйшее предпріятіе создавалось безъ гарантіи. Изъ необходимаго для его сооруженія капитала, 342 милл. франковъ собраны были, какъ сказано, подпискою у мелкихъ французскихъ капиталистовъ, а 117 милл. праявленіи, или вѣрнѣе Лессепсъ, создали положительно изъ ничего, во время самой постройки. Изъ капиталистовъ въ наиболѣе рискованномъ положеніи очутились владѣльцы акцій, интересы которыхъ должны были удовлетворяться послѣ интересовъ владѣльцевъ облигацій и «делегаций»; но и послѣдніе поставлены были въ очень затруднительное положеніе, когда по открытіи движенія оказалось, что безъ займа компанія не въ состояніи будетъ уплачивать проценты по своимъ долговымъ обязательствамъ. Еще въ 1870 году потребовалось реализовать заемъ въ 12 милл. фр. на покрытие расходовъ. Но уже въ 1872 году доходъ достигъ 18 милл. фр. и превзошелъ расходы. Такимъ образомъ, за удовлетвореніемъ долговыхъ обязательствъ, свободный остатокъ позволилъ начать выдачу дивиденда по акціямъ, котораго тщетно нѣсколько лѣтъ дожидались акціонеры.

Не слѣдуетъ, однако, думать, что такое благопріятное положеніе канала было достигнуто только путемъ нормальнаго увеличенія движенія. Болѣе всего въ этомъ случаѣ сдѣлала настойчивость Лессепса, съ половины 1872 года рѣшившагося взимать сборъ по каналу не по официальной, показанной въ судовыхъ документахъ, а по дѣйствительной грузовой вмѣстимости кораблей. Англія, которой это болѣе всего касалось, признала сначала подобное распоряженіе, равнявшееся почти 40-процентной надбавкѣ въ тарифу, законнымъ—рѣдкій примѣръ прямотушія въ англійской торговой политикѣ. Иначе взглянуло на дѣло французское общество «Messageries Maritimes»; оно затѣяло противъ компаніи процессъ и своимъ протестомъ вызвало дипломатическое вмѣшательство Австро-Венгріи и Италіи. Разъясненіе вопроса было предоставлено султану, какъ монарху, утвердившему концессию; послѣдній одобрилъ въ принципѣ рѣшеніе компаніи. Такимъ рѣшеніемъ компанія обязана была содѣйствию французскаго и русскаго правительствъ. Въ данномъ случаѣ нельзя не одобрить образа дѣйствій нашего представителя въ Константинополѣ, такъ какъ

онъ удовлетворялъ принципъ справедливости. Точныя цифры показывали, что съ открытіемъ Суэскаго канала фрахты на дальній Востокъ значительно упали, на почтовыхъ пароходахъ даже на отъ этого выиграла вся Европа. Транспортная пошлина не отягощала торговлю: на одномъ страхованіи сберегалось болѣе, чѣмъ уплачивалось компаніи. Тѣмъ же, кто былъ недоволенъ прибавкою. Лессепсъ остроумно предлагалъ плавать старымъ путемъ, вокругъ мыса Доброй Надежды.

Картина, однако, скоро переизмѣнилась: компанія, стала выручать болѣе 90 мил. фр. въ годъ, акціи ея поднялись въ семь разъ и общающъ въ будущемъ подняться еще въ десять и болѣе разъ, акціонеры заработали уже около 3 миллиардовъ франковъ ¹⁾. Поэтому возникъ вопросъ, не слѣдуетъ ли принять во вниманіе и общіе интересы, торговые и политическіе, вытекающіе изъ существованія Суэскаго канала. Противники компаніи замѣчали, что нельзя оставлять важнѣйшій въ мірѣ торговый путь на произволъ небольшому собранію капиталистовъ и биржевыхъ спекулянтовъ, что торговцы всѣхъ странъ не могутъ оставаться равнодушными къ дѣйствіямъ компаніи. Въ отвѣтъ на это былъ предложенъ довольно практическій планъ: право прохода по каналу, но не самый каналъ, выкупить европейскими державами, подобно тому какъ было выкуплено право безпошлиннаго прохода по Зунду и Шельдѣ. Такимъ образомъ отстранялась политическая сторона вопроса: каналъ оставался египетскимъ, но движеніе по немъ становилось свободнымъ и нейтрализовалось для транзита.

Весьма важно, и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма трудно, опредѣлить степень участія каждаго государства отдѣльно въ расходахъ, сопряженныхъ съ выкупомъ судоходныхъ сборовъ на Суэскомъ каналѣ. Конечно, отъ канала выигрываютъ болѣе всего Англія, Франція, Россія, Голландія, Германія, Турція и Португалія, имѣющія владѣнія по ту сторону канала; но и всѣ другія государства Европы, а также Китай, Японія, Соединенные Штаты Америки и австралійскія колоніи получаютъ немалыя выгоды отъ сокращенія пути для перевозки товаровъ черезъ каналъ, и потому должны принять на себя извѣстную долю расходовъ.

Для опредѣленія степени участія каждаго государства въ суммѣ выкупа правильно предлагали принять пропорцію товаровъ, которые изъ различныхъ государствъ идутъ на Востокъ, напр. уголь, металлы и мануфактурныя произведенія, или привозятся съ Востока, напр. шелкъ, чай, сахаръ, кофе, хлопкъ, рисъ и проч. Оборотъ съ этими товарами составляетъ обыкновенно около 20% общаго баланса заграничной торговли каждаго государства; слѣдо-

¹⁾ Въ настоящее время (1899 г.) по каналу проходитъ 3,607 судовъ въ 9,895,000 тоннъ, въ томъ числѣ русскихъ 48, и провозится 219,554 пассажировъ (въ томъ числѣ 24,000 русскихъ). Доходы компаніи составляютъ свыше 91 милл. фр. и акціи ея вмѣсто 500 фр. стоятъ 3,640 фр.

вательно этот процент и могъ быть принятъ за весьма справедливую и прочную норму при распредѣленіи доли участія каждаго государства въ выкупъ судоходныхъ сборовъ канала. Всякая другая норма была бы не совсѣмъ справедлива. Если бы взять, напримѣръ, въ основаніе отношеніе числа судовъ, проходящихъ по каналу, то 75^о расхода пало бы на Англію, хотя, конечно, она далеко не пользуется въ такой пропорціи выгодами новаго пути, особенно благоприятствующаго, какъ пзвѣстно, южной Европѣ. Столь же несправедливъ будетъ и расчесть, сдѣланный по размѣру торговаго флота каждаго государства, потому что въ такомъ случаѣ на Грецію, не торгующую почти съ дальнимъ Востокомъ, пали бы огромные расходы, а Швейцаріи, играющей важную роль въ торговлѣ съ дальнимъ Востокомъ, не пришлось бы заплатить ни копейки.

Расходы по выкупу судоходныхъ сборовъ на каналѣ, будь они сдѣланы своевременно, были бы сравнительно не очень велики. За выкупъ зундской пошлины, которая близко касалась только немногихъ государствъ, было уплачено 20¹ милл. рублей. Между тѣмъ для полнаго вознагражденія акціонеровъ Суэзскаго канала, въ эксплуатаціи котораго заинтересованы болѣе или менѣе всѣ образованныя государства, нужно было выплатить 80 милл. руб., а именно 200 милл. франковъ складочнаго акціонернаго капитала и 120 милл. франковъ долговъ компаніи. Кромѣ того, слѣдовало вознаграждать еще и египетское правительство, которое имѣло по концессіи право на 15^о/₁₀₀ изъ будущихъ прибылей компаніи.

Проектъ полнаго выкупа судоходныхъ сборовъ за проходъ по Суэзскому каналу заслуживаетъ вниманія и до сихъ поръ, хотя придется уже заплатить сумму въ шесть разъ большую. Это было бы особенно выгодно для нашего правительства, возвращающаго пароходамъ пошлины, уплачиваемыя ими за проходъ по каналу. Но теперь, когда почти всѣ права египетскаго правительства и акціи послѣдняго перешли къ англичанамъ, трудно ожидать выкупа. Пока ограничилисъ нейтрализаціей канала, но такъ какъ каналъ фактически находится въ рукахъ англичанъ, имѣющихъ въ Египтѣ значительную армію, то, безъ сомнѣнія, каналъ останется открытымъ для англійскихъ судовъ, военныхъ и торговыхъ, во все время военныхъ дѣйствій. Нашимъ же судамъ и думать тогда нечего туда заглядывать. Торговлю англичанъ по каналу можно, однако, отчасти парализовать, направляя дѣйствіе русскихъ крейсеровъ въ Индійскій океанъ и въ Аденскій заливъ.

Каналъ имѣетъ для англичанъ и военное значеніе, ограждая Египетъ отъ наступленія изъ Сиріи. Извѣстно, что этимъ путемъ Египетъ былъ завоеванъ Камбизомъ и Александромъ Македонскимъ.

А Ф Р И К А.

XX. АБИССИНІЯ И КРАСНОЕ МОРЕ.

Красное море, забытое и заброшенное въ теченіе трехъ вѣковъ, призвано теперъ играть важную роль во всемірной торговлѣ, а слѣдовательно и въ исторіи человѣческаго прогресса и цивилизаціи. Въ древности и въ средніе вѣка оно служило однимъ изъ путей, по которымъ шла индійская торговля; торговлю эту не слѣдуетъ, однако, понимать въ настоящемъ значеніи. Только самыя дорогіе товары выдерживали провозъ и рискъ того времени, а потому обороты были крайне ограничены. Съ открытіемъ Америки и покореніемъ восточнаго побережья Средиземнаго моря турками, торговля по этому пути почти прекратилась, а съ тѣхъ поръ самая мысль о возможности плаванія по Красному морю сдѣлалась болѣе и болѣе невѣроятною. Это, впрочемъ, относилось всегда только къ сѣверной части моря, такъ какъ въ средней и южной постоянно плавали арабскія суда, преимущественно съ паломниками, а также заходили туда и суда Остъ-Индской компаніи. Этимъ путемъ были посланы, напримѣръ, англійскія войска изъ Индіи для изгнанія французовъ изъ Египта, въ концѣ прошлаго столѣтія.

Развитіе пароходства прямо указало на выгоды пользованія болѣе короткимъ водянымъ путемъ для срочныхъ сообщеній, сравнительно съ тѣмъ, который существовалъ вокругъ мыса Доброй Надежды. Какъ великъ прогрессъ, созданный пароходствомъ по новому пути, въ сокращеніи времени,—видно изъ того, что по открытіи Индіи португальцами парусное судно изъ Европы употребляло на путь въ Индію тринадцать мѣсяцевъ; въ 1830 году на это же путешествіе необходимо было еще четыре съ половиною мѣсяца; между тѣмъ теперъ, пользуясь Суэзскимъ каналомъ и путемъ по Красному морю, можно доѣхать изъ Европы до Индіи въ 10 дней.

Англичане всегда понимали пользу новаго пути и усердно его изучали. Кромѣ расчетовъ политическихъ—опасенія преобладанія французскаго вліянія въ Египтѣ—упорству англичанъ въ противодѣйствіи сооруженію канала способствовали болѣе всего сомнѣнія въ возможности паруснаго плаванія по Суэзскому заливу и вообще по Красному морю къ сѣверу отъ Джедды, по направленію къ Суэзу, а также и то, что до американскаго кризиса и развитія въ Остѣ-Индіи плантаций хлопчатника, торговля этой страны не имѣла серьезныхъ связей съ Европою. Весь балансъ индійской торговли былъ основанъ тогда на опиумѣ, который вывозился въ Китай, а полученный тамъ въ обмѣнъ чай доставлялся въ Англію, къ доходу ея отъ остъ-индскихъ владѣній. Выгода же плаваніемъ на парусныхъ судахъ по старому пути, была тогда сомнительна. Она была сомнительна и послѣ, потому что англійское правительство принуждено было назначать большія преміи тѣмъ пароходамъ, которые скорѣе другихъ доставятъ чай изъ Китая въ Англію по Суэзскому каналу.

Въ настоящее время можно уже составить себѣ довольно отчетливое понятіе о достоинствахъ и недостаткахъ Краснаго моря. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что для плаванія пароходовъ это одно изъ самыхъ лучшихъ морей въ мірѣ по отсутствію тумановъ, почти постояннымъ попутнымъ вѣтрамъ въ извѣстномъ направленіи, или штилямъ, достаточно широкому и глубокому фарватеру, свѣтлымъ ночамъ и преобладанію хорошей погоды. Съ другой стороны, море это включаетъ множество острововъ, подводныхъ банокъ, коралловыхъ рифовъ, дѣлающихъ берега его трудно доступными безъ весьма опытнаго лопмана; дующіе постоянно, кромѣ полнолунія и новолунія, сѣверные вѣтры дѣлаютъ плаваніе парусныхъ судовъ невыгоднымъ въ сѣверной его части: суда принуждены по мѣсяцамъ лавировать въ узкихъ проливахъ.

Еще важнѣйшимъ препятствіемъ для развитія судоходства нужно считать то, что на всемъ пути изъ Суэза въ Аденъ, т. е. на протяженіи слишкомъ тысячи трехсотъ миль, нѣтъ ни одного порта, куда безъ напрасной потери времени, кромѣ рѣдкихъ случаевъ, могло бы зайти судно за грузомъ. Оба берега: африканскій, принадлежащій египетскому и итальянскому правительству, и аравійскій, подчиненный турецкому султану, одинаково пустынно, безводны и неплодородны; только узкая южная полоса аравійскаго берега, называемая Йеменомъ, составляетъ исключеніе; но и ея производительность, ограничивающаяся кофеемъ да верблюжьей и овечьей шерстью, весьма незначительна, хотя здѣшній кофе положительно лучший въ мірѣ.

Африканскіе порты Краснаго моря вывозятъ небольшія количества кофее, слоновой кости, перламутра, страусовыхъ перьевъ и иногда невольниковъ,—послѣднее тщательно скрывается изъ страха

англичанъ; изъ Массовы, порта Абиссиніи, откуда англичане начали свою, подъ предводительствомъ лорда Непира, пресловутую экспедицію противъ Теодора, или также нѣкоторыя произведенія скотоводства; изъ арабійскихъ гаваней вывозится почти исключительно кофе, который весь свозится въ Джедду, откуда по очисткѣ направляется въ Суэзъ и Капръ. Пароходы могутъ шить тутъ очень мало грузовъ и только иногда достаточно пассажировъ, мусульманскихъ паломниковъ; но послѣдніе появляются два мѣсяца въ году, во время рамазана и бабрама. Бѣдность населенія препятствуетъ развитію и привозной торговли: на арабійскомъ берегу она ограничивается бумажными матеріями, а на африканскомъ—сверхъ того стеклянью и бусами, такъ какъ известно, что весь костюмъ дамъ внутри Африки состоитъ верѣдко лишь изъ одной нитки бисера или мелкихъ раковинъ, если же онѣ носятъ передники, не ради стыдливости, а для защиты отъ колючихъ растений.

Такимъ образомъ значеніе портовъ Краснаго моря главнымъ образомъ стратегическое и поэтому-то Англія, считающая себя чуть не монополисткою суэзскаго пути, весьма ревниво смотритъ на возможность для другихъ державъ устроиться здѣсь. Она не могла воспрепятствовать Франціи устроиться въ Таджурскомъ заливѣ, но египетскую Массову, удобнѣйшій портъ для Абиссиніи, предоставила дружественнымъ итальянцамъ, народу цѣлкому, который и въ Крыму сумѣлъ просидѣть слишкомъ двѣсти лѣтъ.

Но гораздо ранѣе итальянцевъ мысль завязать сношенія съ Абиссиніей пришла и русскимъ. Глядя на дѣлея африканскаго пирога, нѣкоторые наши патріоты со вздохомъ спросили себя: почему же Россія не досталось ничего при дѣлежѣ? Почему мы одни смотрѣли равнодушно на растаскиваніе по частямъ Африки; развѣ у насъ нѣтъ тутъ ужъ никакихъ интересовъ? Нѣкоторыя газеты, въ томъ числѣ и Московскія Вѣдомости, вспоминая абиссинскаго маэстро Лазарева, нашли, что для Россіи интересы въ Африкѣ существуютъ—это поддержаніе Абиссиніи, страны, христіанская вѣра которой имѣетъ съ православіемъ много общаго, по крайней мѣрѣ, по догматамъ. Абиссинія и ранѣе занимала нашу московскую прессу и «братьевъ-абиссинцевъ» очень протезировали «Современныя Извѣстія» въ 1876 или 1877 годахъ. Абиссинія, въ свою очередь, имѣла всегда высокое мнѣніе о могуществѣ Россіи и императоръ Іоаннъ посылалъ даже въ подарокъ Александру II вѣст. но на это не обратили вниманія и вѣст. потому съ трудомъ были розысканы.

Подъ влияніемъ газетъ, Ашиновъ, саратовскій мѣщанинъ, пожалованный въ Парижѣ въ казаки «гетманы», сдѣлалъ маленькую экскурсію въ Абиссинію, а затѣмъ при покровительствѣ нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ задумалъ водвориться на берегахъ Краснаго моря на землѣ, уступленной ему туземнымъ владѣль-

цель, и открыть отсюда постоянныя сношенія съ Абиссиніей. Попытка эта кончилась весьма печально. Адмиралъ Орли бомбардировалъ лагерь Ашинова и забралъ его спутниковъ въ плѣнъ.

Чѣмъ болѣе вдумываешься въ смыслъ нападенія французовъ на нашу абиссинскую миссію въ Сагалло, тѣмъ болѣе должно признать въ немъ весьма некрасивый поступокъ, вызванный исключительно желаніемъ радикальнаго министерства Флокэ и Гоблэ запекать расположеніе Италіи. Не совсѣмъ непонятна также поспѣшность, съ какою нѣкоторыя наши газеты выдали патенты благонадежности показаніямъ французовъ; поспѣшность тѣмъ болѣе странная, что въ моментъ, когда они сочли долгомъ оправдывать передъ русскою публикою поступки Гоблэ и Флокэ, французы уводили послѣднихъ въ отставку.

Вопросъ былъ еще болѣе затемненъ комментаріями, сдѣланными къ убійству русскихъ подданныхъ въ Сагалло газетами въ родѣ «Гражданинъ» и «Новостей». Невѣжественный цинизмъ перваго трогательно соединился въ данномъ случаѣ съ злорадствомъ послѣднихъ. «Морское сраженіе» между отцомъ Палсіемъ и Комп. и французскимъ «адмиральскимъ судомъ» заставило предполагать князя Мещерскаго, что почтенный архимандритъ былъ не въ трезвомъ состояніи, а можетъ быть и «въ состояніи невмѣяемости отъ какихъ либо психическихъ причинъ!» «Новости», съ своей стороны, восхваляли «осмотрительный и дружелюбный образъ дѣйствій французскаго правительства»—выразившійся въ убійствѣ я раненіи всего только 10 русскихъ подданныхъ! Съ рѣдкою прощпательностью онѣ «положительно пришли къ заключенію, что цѣль Ашинова была посорить насъ съ Франціей!» «Новости» находили очень забавною мысль архимандрита Палсія «преподать абиссинцамъ ученіе православной вѣры». Въ заключеніе «Новости» увѣряли, будто актъ водруженія на французской территоріи русскаго коммерческаго флага былъ равносильнъ «захвату чужой собственности»!

Прежде чѣмъ отвѣчать на эти обвиненія, надобно посмотрѣть, дѣйствительно ли экспедиція Ашинова находилась на территоріи, хотя бы номинально подчиненной Франціи. Сомнѣнія въ этомъ быть не можетъ, ибо даже въ географіи Реклю сказано, что селеніе или группа хижинъ Сагалло, служившее мѣстомъ посадки на суда галасскихъ невольниковъ, перевозимыхъ въ Аравію, было приобрѣтено въ 1882 году французскимъ путешественникомъ Полемъ Солелье отъ начальника кабулета Адъ-али и офиціально взято во французское владѣніе въ 1884 году.

Но эта формальная сторона нѣсколько еще не говоритъ, что, высаживаясь въ Сагалло, Ашиновъ совершилъ Богъ вѣсть какое преступленіе противъ публичнаго права. Берега Таджурскаго залива не были заняты Франціей, она пріютилась въ Обокѣ, и Ашиновъ могъ считать, что приобрѣлъ клочокъ этихъ пустынныхъ

съ виду береговъ путемъ договора, какъ приобрѣлъ ихъ точно также частный человѣкъ—Солелье. Французы даже ту мѣстность, гдѣ стоитъ Обокъ, фактически заняли лишь двадцать лѣтъ спустя послѣ того, какъ она номинально была уступлена данаплими, а теперь Обокъ бросили и перешли въ Джбуutti.

Берега Африки пустыни и не заселены, поэтому ошибочное занятіе мѣстностей весьма легко, оно не нарушаетъ ничьихъ интересовъ, а поэтому спрավляется безъ труда путемъ дружескихъ переговоровъ, а не силою оружія. Германцы захватили огромные берега въ юго-западной Африкѣ, гдѣ потомъ, однако, признали одну бухту (Китовую) собственностью англичанъ; нѣмцы взяли затѣмъ значительную территорию въ восточной Африкѣ, которая всѣмъ считалась въ подданствѣ завзбарскаго султана; точно такъ же поступили они въ Новой Гвиней. Англичане захватили лучшую часть острова Борнео, считавшуюся во владѣніи Голландціи, и безъ церемоній забрали принадлежавшій Корей Гампльтонъ. Самы французы, столь чувствительные къ пребыванію отца Пасія въ Сагалло, три года сидѣли съ войсками на Ново-Гибридскихъ островахъ, вовсе имъ не принадлежавшихъ, и англичанамъ съ трудомъ удалось выжить ихъ оттуда, хотя на время.

Англичане просили, однако, объ этомъ «честью», а не стрѣляли въ находившихся тамъ французовъ. Скажутъ, что и англичане, и французы, и нѣмцы дѣйствовали по уполномочію своего правительства, Ашиновъ дѣйствовалъ на свой страхъ, какъ частный человѣкъ. Хотя въ первый разъ Ашиновъ ѣздилъ въ Таджуракъ на русскомъ суднѣ и эта поѣздка была описана въ «Кронштадтскомъ Вѣстникѣ», хотя отца Пасія изъ Одессы везли до Суэза на русскомъ же пароходѣ и при отплытіи торжественно служили молебны, но несомнѣнно то, что и онъ, и Ашиновъ дѣйствительно были частные люди. Что жъ это, однако, доказываетъ? Развѣ въ первый разъ въ Россіи частные люди занимали свободныя земли правительства?

Не вспоминая о томъ, что вся почти Сибирь занята была частными людьми, развѣ обширная территория Русской Америки не была занята якутскими купцами Шелеховымъ и Коми. Правительство не отказалось потомъ принять эту территорию въ русскую державу и продать Соединеннымъ Штатамъ. Мало того, до 40-хъ годовъ мы владѣли въ Калифорніи колоніей Россъ и уступили ее швейцарскому подданному, гражданину Мексиканской республики, хотя Россъ былъ занятъ агентами Россійско-Американской компаніи несомнѣнно на испанской территоріи, а испанцы были въ это время еще нашими союзниками въ борьбѣ съ Наполеономъ I.

Тотъ фактъ, что Ашиновъ подымалъ въ Сагалло русскій коммерческій флагъ, самъ по себѣ не имѣлъ ровно никакого значенія. Есть правила для поднятія этого флага на судахъ, плавающихъ

въ морѣ, ибо тамъ этотъ флагъ опредѣляетъ національность судна и всѣ связанныя съ этимъ обстоятельствомъ правоотношенія; для поднятія же купеческаго флага на сухомъ пути правль нѣтъ, каждый можетъ украшать имъ свой домъ, дачу или складъ товаровъ. Если французскіе рестораторы украшаютъ флагами свои трактиры на Каменномъ островѣ и Черной Рѣчкѣ, то непонятно, почему русскіе люди не могли повѣсить своего флага надъ своимъ жилищемъ на берегу Таджурскаго залива и за что они должны были заплатить за это жпзнью.

Указанія нашихъ газетъ, что съ Ашиновымъ поѣхали въ экспедицію какіе-то фельдфебелъ и кантонисты, ничего не доказываютъ. П спутники Пизарро, Кортеса, Ермака и др. тоже, вѣроятно, не принадлежали къ цвѣту аристократическаго общества. Да и едва ли можно думать найти въ Россіи охотниковъ колониловать абиссинскія пустыни между тайными совѣтниками или институтками. Малочисленность миссіи (въ первую экспедицію Ашинова поѣхало-де всего семь человекъ) также ничего не доказываетъ. Колонизація Сенегала, Канады, Луизианы, Новой Зеландіи и мн. др. обширныхъ нынѣ колоній равнымъ образомъ началась весьма скромно съ отдѣльныхъ личностей.

По моему мнѣнію, вся вина въ прискорбномъ сагалльскомъ инцидентѣ лежала на французскомъ министерствѣ и его агентахъ. Если русская экспедиція попала не на свое мѣсто и не могла въ скоромъ времени быть перевезенною на другое, или двинуться далѣе въ глубь въ Абиссинію, то французамъ слѣдовало терпѣливо дожидаться, пока не пришло бы приказаніе русскаго правительства очистить чужую территорію. Еще лучше, если бы это приказаніе сопровождалось посылкою русскаго судна. Во всякомъ случаѣ никакой серьезной опасности для Франціи отъ пребыванія лишній мѣсяцъ Ашинова въ Сагалло быть не могло. Кто видѣлъ туземцевъ сѣверо-восточнаго угла Африки,—знаетъ, что опасеніе, будто «распространеніе Ашиновымъ неблагопріятныхъ для Франціи слуховъ» могло быть губельно для республики—совершеннѣйшій вздоръ. Дикари эти о Франціи понятія не имѣютъ и нѣсколько паръ подаренныхъ или панталонъ скорѣе могли внушить уваженіе къ правительству господъ Флока и Гобля, нежели безцѣльное убійство русскихъ подданныхъ. Въ Африкѣ и безъ того человѣческая жизнь цѣнится очень мало.

Французамъ, которые спокойно перерѣзали въ 1793—94 гг. цвѣтъ своей интеллигенціи, а въ 1871 году разстрѣляли въ одинъ день двадцать или тридцать тысячъ обезоруженныхъ федералистовъ, пять человекъ убитыхъ ничего, быть можетъ, не значили. Но русскіе люди къ человѣческой жизни относятся съ большимъ уваженіемъ. Государство въ сто двадцать милліоновъ имѣло право требовать, чтобы ни одинъ волосъ съ головы его подданныхъ не падалъ безъ нужды. Россія имѣетъ побольше средствъ, чѣмъ древній

Римъ. заставить къ ея гражданамъ относиться съ уваженіемъ. А въ особенности это важно въ странѣ, гдѣ наше пмя пользуется особымъ уваженіемъ.

Что мысль Ашинова не была вполне неосновательна, доказы-
вается какъ установленіемъ съ тѣхъ поръ прочныхъ сношеній съ
Абиссиніей, такъ и новою попыткою русскихъ водвориться на
Красномъ морѣ. Русское военное судно «Запорожецъ» заходило
для этого въ 1896 г. въ Рахитъ.

Рахита или, вѣрнѣе, Рахейта—небольшой, полунезависимый
султанатъ на берегу Краснаго моря, недалеко отъ Перима, передъ
самымъ Бабельмандебскимъ проливомъ. Онъ раздѣляетъ собою
сферы вліянія въ этихъ мѣстахъ Италіи и Франціи и подчиненъ
султану Ауссы, давнему вассалу Абиссиніи, которая и имѣетъ
сюзеренныя права надъ Рахейтой. Италія въ 1882 г. объявила
свой протекторатъ надъ султаномъ Ауссы, но Франція этого про-
тектората не признавала и въ мирномъ договорѣ Италіи съ Абис-
синіей ничего не говорилось о передачѣ Менелпомъ Италіи его
правъ на Ауссу, занятую абиссинцами въ 1875 г., а съ нею и
на Рахейту.

По другой версіи, исходящей изъ французскихъ источниковъ,
несмотря на неоднократно возникавшее за послѣднее время пред-
ложеніе уступить брошенный Обокъ Россіи для устройства уголь-
ной станціи (Сагалло для этого гораздо удобнѣе) и несмотря на
отправку въ Абиссинію русскихъ экспедицій, наше правительство
не намѣревается занять какой бы то ни было пунктъ на за-
падномъ берегу Краснаго моря. Рахейту намъ, конечно, охотно
уступили бы абиссинцы, но ея гавань мелководна и Франція,
хотя и нашъ союзникъ, едва ли бы очень обрадовалась, видя
насъ ставшимъ прочно на красноморскомъ пути по сосѣдству съ
нею. Чтобы помѣшать Россіи, итальянское и французское правитель-
ства приступили къ дружественному разграниченію своихъ
обоюдныхъ владѣній, отъ Обока до Ассаба, причемъ Италія бу-
детъ владѣть берегомъ до Расъ-Омеира и всѣмъ сѣвернымъ скло-
номъ этого мыса; Франціи же остался южный склонъ.

Въ Россіи существуетъ впрочемъ мнѣніе, что намъ ни на
Красномъ морѣ, ни въ Африкѣ рѣшительно нечего дѣлать, такъ
какъ ни одно государство, кромѣ, быть можетъ, Соединенныхъ
Штатовъ, съ ихъ богатымъ дальнимъ Западомъ, не поставлено
относительно колониальной политики такъ выгодно, какъ Россія.

Прежде всего, Россія сама есть колонія славянъ между фин-
скими и тюркскими племенами, а заселеніе сѣвернаго Кавказа,
Заволожья и южнаго Урала, на нашихъ глазахъ совершающееся,
показываетъ, что колониационное движеніе не завершилось еще
въ предѣлахъ самой Европейской Россіи. Затѣмъ понадобится не
одна сотня лѣтъ, дабы существующее русское населеніе распло-
дилось настолько, чтобы заполнить собою огромную площадь Си-

бири и Средней Азии. Одна Томская губерния может прокормить-де современем 10—20 миллионов населения. Какія же еще искать Россіи колоніи? При этомъ ненадобно забывать, что русскія ненаселенныя территоріи находятся въ тѣхъ же широтахъ и приблизительно въ тѣхъ же климатическихъ и культурныхъ условіяхъ, какъ и метрополія, а это вопросъ для будущности важности чрезвычайной. На эксплуатацію туземнаго африканскаго населенія при помощи сбыта продуктовъ надежда также плоха. Если мы до сихъ поръ не можемъ продавать сами свои продукты въ Гамбургѣ, Бордо, Капкеѣ или Смирнѣ, если мы ждемъ, чтобы у насъ купили ихъ нѣмцы, греки или англичане, то когда же дождемся мы русскихъ купцовъ на рынкахъ Тимбукту, Бусса, Юла или Кука?

Не отрицая вѣскости означенныхъ разсужденій, я все-таки думаю, что въ интересахъ крейсерства и для ознакомленія восточной Африки и Аравіи съ русскимъ флагомъ было бы выгодно занять намъ одинъ изъ заливовъ Краснаго моря или Аденскаго залива, для учрежденія тамъ русскаго порта, какъ опорнаго пункта для пароходныхъ сношеній съ Приморскою областью и на случай морской войны, хотя, конечно, для мирнаго времени русскимъ пароходамъ всегда выгоднѣе заходить въ Адень или какой нибудь другой иностраннѣй портъ, гдѣ производится оживленная торговля, ибо въ такихъ пунктахъ фрахтовъ болѣе, каменный уголь, вода и провизія дешевле, легче найти лоцмановъ, кочегаровъ и пр.

Захвативъ съ благословенія англичанъ, боявшихся появленія на Красномъ морѣ русскихъ, часть владѣній, принадлежащихъ Турціи, и ея вассалу Египту, итальянцы, не дожидаясь законнаго за ними укрѣпленія этого грабежа, начали вторгаться въ абиссинскія, уже вполне независимыя владѣнія. Стоя на почвѣ и для каждаго дикаря священныя принципы неприкосновенности родной земли, абиссинцы крѣпко поколотили итальянцевъ. Последнимъ этого только и было нужно. Возмездіе за оскорбленіе военной чести знамени, покрывшаго себя такой славой подъ Кустоцкой и Лиссой, явилось благовиднымъ предлогомъ для новаго вторженія въ Абиссинію ужъ съ удесятеренными силами.

Россія не могла остановить этого нападенія на независимое и мирное государство. Хотя въ Красномъ морѣ, служащемъ путемъ сообщенія для Россіи къ ея владѣніямъ на Восточномъ океанѣ, мы имѣемъ вдесятеро болѣе интересовъ, чѣмъ Италия, но, къ сожалѣнію, мы лишены тамъ прямыхъ средствъ воздѣйствія. Но если русскій флотъ и русская дипломатія бесплны были что либо сдѣлать въ пользу бѣдныхъ абиссинцевъ, то никто не мѣшалъ русскому обществу сочувствовать угнетеннымъ. По старинной формулѣ, французскія сословія помогали своему королю: дворянство—кровью, среднее сословіе—деньгами, духовенство—молитвами. Вотъ,

и мы, за непмѣнѣмъ лучшаго, ограничились въ помощи абиссинцамъ на первое время добрыми пожеланіями.

Дѣло абиссинцевъ было правое. Этотъ храбрый народъ, съумѣвшій сохранить свою христіанскую цивилизацію среди самыхъ неблагопріятныхъ культурныхъ условій и окруженный злыми ино-вѣрцами, магометанами и язычниками, заслуживаетъ лучшей участи. А прежде всего права сохранить свою независимость. Игра на шарманкахъ не пзмѣнить тропического климата и не обратитъ безводныхъ скалъ въ плодородныя равнины; поэтому отъ Италіи абиссинцамъ ждать было нечего. Новое же рабство только окончательно погубило бы ихъ. Затѣмъ, что бы ни сулили итальянцы, разъ абиссинскій народъ отвергалъ эти посулы съ презрѣніемъ, никто не былъ въ правѣ его понуждать къ повиновенію, а особенно ссылаясь на заключенный Антонелли въ 1888 г. учіальскій договоръ. По договору этому расъ-Мангашъ провинціи Окуло-Кузаи продать ее Италіи. Подобный договоръ, конечно, не могъ считаться законнымъ, потому что губернаторъ не можетъ продавать землю безъ вѣдома своего государя, а негусъ объ этомъ договорѣ ничего не зналъ. Когда же новый негусъ, бывший король Шоа Менелликъ, потребовалъ у Италіи незаконно захваченной провинціи, ему было отказано на томъ основаніи, что Италія-де нѣсколько лѣтъ владѣетъ ею! Естественно слѣдовало пожелать бѣднымъ абиссинцамъ полного успѣха, пусть они отстаиваютъ родную землю и пусть побьютъ крѣпко покушающихся на ихъ свободу и независимость. Этими, кромѣ удовольствія, они и себѣ, и намъ ничего не могли доставить.

Въ комическомъ манифестѣ, опубликованномъ въ Массовѣ, генераль Санъ-Марцано заявилъ, что Италія «съ любовью смотритъ» на свои африканскія владѣнія, «въ будущности которыхъ она сильно заинтересована». Ради этой-то любви итальянцы и снаряжали корпуса, которые убивали абиссинцевъ и жгли ихъ жилища. Правда, незадолго до того, видя, что негусъ для войны занялъ деньги въ той же Италіи, одинъ изъ итальянскихъ министровъ увѣрялъ въ палатѣ, что «таинственная Африка протягиваетъ дружески и довѣрчиво руки!»

Благословеніе, которое Россія послала абиссинцамъ, принесло имъ пользу. Итальянская армія, прпзвезенная, чтобы возстановить военную репутацію итальянскаго знамени, замаранную пораженіемъ при первыхъ встрѣчахъ съ полудикарями, долго не рѣшалась показать носа изъ-за укрѣпленій: то наступалъ періодъ сильныхъ жаровъ, то періодъ тропическихъ дождей, при которыхъ никакія дѣйствія въ Абиссиніи невозможны. Болѣзненность и смертность въ войскахъ, къ тропическому климату не привывшихъ, естественно, сильно увеличивались въ это время.

Такимъ образомъ отъ болѣзней погибало навѣрное гораздо болѣе солдатъ, чѣмъ пало ихъ подъ ударами храбрыхъ абиссин-

сикхъ волновъ, но итальянцы предпочитали лучше оставаться въ госпиталяхъ и проливать кровь отъ диссентеріи, нежели ризковать новымъ поражениемъ. Въ концѣ концовъ Криспи нашель, однако, что хотя осторожность — мать благоразумія, но въ военномъ дѣлѣ, наоборотъ, смѣлость считается лучшимъ качествомъ для каждой арміи, а тѣмъ болѣе въ странахъ полудцивизованныхъ. Не говоря уже о баснословныхъ подвигахъ горсти пснанивъ въ Южной и Средней Америкѣ, о блистательныхъ дѣйствіяхъ французовъ и англичанъ въ Индіи въ XVIII столѣтіи и объ экспедиціяхъ нашихъ отрядовъ въ Средней Азіи, гдѣ на одного солдата приходилось по меньшей мѣрѣ десять непріятелей, въ той же Абиссиніи, когда она была гораздо менѣе пзвѣстна, когда лучшее оружіе не давало такого перевѣса европейцамъ и когда переносныя желѣзныя дороги, артезианскіе колодцы, консервы и др. орудія борьбы въ полудикой странѣ не получили такого усовершенствованія, англійскій отрядъ, въ половину менѣе многочисленный, чѣмъ итальянская армія, безъ труда прошелъ всю страну и разорилъ столицу грознаго Θεодора.

Но такая рѣшительность, поддержанная генераломъ Баратьери, дорого обошлась итальянцамъ. Разбитые подъ Амба-Аладжи, Макале и Адудей, они потеряли двѣ трети своего экспедиціоннаго корпуса и постыдно бѣжали, бросивъ почти всю артиллерию. Это не рекомендуетъ итальянскую армію, а также не рекомендуетъ предусмотрительности итальянскаго правительства, которое посылало свои войска, не соображая, въ состояніи ли они выполнить возложенную на нихъ задачу. Несомнѣнно, что поражение абиссинскаго экспедиціоннаго корпуса повредило репутаціи итальянской арміи гораздо болѣе, чѣмъ какое угодно поражение на поляхъ Европы, не говоря уже объ огромныхъ денежныхъ потеряхъ отъ бесполезныхъ расходовъ по экспедиціи. Нѣчто подобное повторялось потомъ съ англійскою арміею въ Трансваалѣ.

Сваливъ всю вину на главнокомандующаго (Криспи суду преданъ не былъ), Италия успѣшила заключить миръ съ Абиссиніею, или, точнѣе, негустъ, столько же храбрый, сколько и великодушный, продиктовалъ Италиі условия мира. Главныя условия договора, подписаннаго докторомъ Нераццини, заключались въ признаніи со стороны Италиі независимости Абиссиніи, отмѣнѣ учіальскаго договора и уплатѣ военной контрибуціи.

Въ предварительныхъ переговорахъ по этому предмету игралъ значительную роль г. Леонтьевъ, поѣхавшій въ 1894 г. на свой счетъ въ Абиссинію, послѣ того какъ двѣ экспедиціи, въ 1889 и 1890 гг., г. Машкова, мало знакомаго съ иностранными языками, остались почти безъ результатовъ. Г. Леонтьевъ, человекъ замѣчательно энергичный, искусно воспользовался тѣмъ, что Россія никогда не признавала протектората Италиі надъ Абиссиніею и относилась къ послѣдней дружественно. Это подтвердилъ почетный

пріѣхавшаго съ г. Леонтьевымъ подъ начальствомъ двоюроднаго брата негуса Дамто, названнаго у насъ принцемъ, хотя въ Абиссиніи принцевъ нѣтъ.

Вслѣдъ за посольствомъ пошли слухи о тайномъ договорѣ между Россіей и Италіей, взаимныя нѣкоторыхъ гарантіи, обезпечивающихъ территоріальную цѣлость Италіи. послѣдняя же приняла на себѣ обязательство держаться въ восточномъ вопросѣ политикки *laissez faire* по отношенію къ Россіи. Нѣкоторые органы вѣнской печати присовокупляли, что въ силу именно упомянутаго договора Россія-де заставила Абиссинію подписать миръ на выгодныхъ для Италіи условіяхъ. Офиціозный «Nord» энергично однако это опровергъ: никакого особаго политическаго договора между Россіей и Италіей не существуетъ. Единственный, сдѣланный Россіей въ этомъ дѣлѣ шагъ заключался въ данномъ нашимъ правительствомъ негусу Менелику отвѣтъ на собственноручное письмо послѣдняго Государю Императору. Въ письмѣ этомъ Менеликъ спрашивалъ, какъ ему слѣдуетъ поступить по отношенію къ предложеннымъ Италіею условіямъ мира? Россія помогла также абиссинцамъ получить въ Іерусалимѣ церковь, неправильно захваченную коптами. Оказывая эту любезность, султанъ воспользовался предложомъ, чтобы снарядить въ Абиссинію турецкое посольство.

Негусъ получилъ орденъ Александра Невскаго, но важнѣйшимъ шагомъ для сближенія Россіи съ Абиссиніей послужила отправка подъ начальствомъ г. Шведова санитарнаго отряда. Отрядъ, который итальянцы не пропустили черезъ свои владѣнія, пробылъ въ Абиссиніи семь мѣсяцевъ и результаты его дѣятельности выразились въ оказаніи медицинскои помощи тридцати тысячамъ раненыхъ и больныхъ и въ основаніи абиссинскаго Краснаго Креста; отдѣленіе отряда оставлено для продолженія дѣятельности. Отрядъ сначала встрѣченъ былъ недружелюбно, абиссинцы и самъ Менеликъ не постигали его высокой миссіи, но безкорыстная дѣятельность отряда, раздача лекарствъ и помощь врачей произвели впечатлѣніе. Негусъ навѣщалъ нашъ госпиталь, присутствовалъ при операціяхъ и даже учился готовить лекарства.

Съ отправленіемъ русской официальной миссіи ко двору негуса кончился подготовительный періодъ европейскихъ отношеній къ Абиссиніи. Всѣ государства увлеклись Абиссиніей, что случилось не въ первый разъ—еще Лейбницъ выставялъ великимъ реформаторомъ тогдашняго государя Абиссиніи Ясокъ-Аджамъ Нугада. Франція послала посольство Лагарда и заключила торговый договоръ. Англійская печать тотчасъ воспользовалась этимъ для попытки посѣять недовѣріе между Россіей и Франціей. Нѣкоторыя газеты сообщали, будто русское правительство очень недовольно успѣхомъ, одержаннымъ французскою миссіей въ Абиссиніи.

Извѣстіе это безусловно ложно. Россію должны, напротивъ, радовать дипломатическіе успѣхи ея союзницы. Чтобы противодѣйствовать франко-русскому вліянію, Англія снарядила посольство Реннелъ Родда, который подписалъ договоръ о разграниченіи Абиссиніи и египетскаго Судана. Граница идетъ по 14° сѣвер. широты къ Бѣлому Нилу. Въ 150 верстахъ отъ Хартума граница пойдетъ по озеру Альбертъ, а отсюда по 2° сѣвер. широты и по рѣкѣ Джуба.

Англія, по обыкновенію, уступила то, что ей не принадлежало, а присвоила себѣ часть пустыни, отдѣляющую Харраръ отъ Зейлы. Дѣло на этомъ не кончилось, такъ какъ Менеликъ, скупои въ отношеніи территоріи, какъ и въ отношеніи денегъ, требуетъ себѣ отъ Судана провинціи Метемнэ, Джебалабъ и др., а въ случаѣ прохода дороги отъ Зейлы въ Суданъ, денежнаго вознагражденія.

Менеликъ, какъ всѣ абиссинцы, отличается вѣжливостію и англійскіе дипломаты ему не нравятся. Наоборотъ, г. Власовъ, пріѣхавшій съ казаками, быстро сталъ *persona gratissima*. Русскій госпиталь также продолжаетъ быть органомъ русской пропаганды. По словамъ «С.-Петербур. Вѣдомостей», политика Россіи въ Абиссиніи выиграла бы еще больше, если бы Россія поручила своему консулу въ Аденѣ (настоящему консулу, русскаго происхожденія) взять на себя, помимо своей миссіи, представительство интересовъ Абиссиніи въ этой мѣстности. Абиссинія имѣетъ массу дѣлъ съ Аденомъ и у нея нѣтъ здѣсь своего агента.

Въ настоящее время Абиссинія отдѣлена отъ Краснаго моря полосой шириною отъ 40 верстъ на сѣверѣ и до 300 верстъ на югѣ. Такимъ образомъ, помимо путей внутренней мѣновой торговли, Абиссинія должна пользоваться единственно портомъ Джибутти, французскимъ быстро развивающимся центромъ управленія протектората надъ страной Сомали. Съ англійскимъ портомъ Зейла Абиссинія почти дѣль не имѣетъ, такъ какъ дорога туда длиннѣе и менѣе безопасна. Существуетъ уже проектъ соединить Джибутти трансфриканскою желѣзною дорогою черезъ пустыню Пльдегой близъ Харрара и далѣе вести ее черезъ Адисъ-Абеба въ Абиссинію, англійскія владѣнія и королевство Конго во французское Конго. Изслѣдованіе этого пути было поручено экспедиціи Маршана и привело къ извѣстному Фашодскому столкновенію съ Англіей.

Эритрея (какъ прозваны итальянскія владѣнія на Красномъ морѣ въ 1890 г.), послѣ мира въ Адисъ-Абеба, при такомъ положеніи, не имѣя возможности отвлечь транзитъ отъ Джибутти на Массову и представляя, по добросовѣстному изслѣдованію депутата Плебано, пустыню, почти негодную для культуры и цивилизаціи, не въ силахъ болѣе существовать, тѣмъ болѣе что приходится воевать и съ махдистами, имѣющими виды на уступленную Англіей, хотя ей равнымъ образомъ не принадлежавшую, Кассалу. Итальянцы отъ Эритрейцъ, вѣроятно, откажутся, сохранивъ временно Мас-

сову. По договору съ негусомъ они должны мѣстность за Маребомъ уступитъ абиссинцамъ, и возможно, что въ нарушение договора они передадутъ Массову англичанамъ подъ предлогомъ, что портъ этотъ ранѣе принадлежалъ Египту. Но ни Франція, ни Россія не должны допускать подобной передачи, совершенно нарушающей равновѣсіе силъ на Красномъ морѣ. Морской берегъ нуженъ Абиссиніи, которая въ смыслѣ плодородія почвы, климата и орошенія поставлена въ благопріятныя условія. Ея почва пригодна вовсе не для одного кассо—средства отъ солитера, которымъ долгое время только и была извѣстна европейцамъ Абиссинія—но и для всѣхъ культурныхъ растений Европы. Къ несчастію, постоянныя внутреннія и внѣшнія войны, а отчасти и характеръ самихъ абиссинцевъ мѣшаютъ развитію народнаго благосостоянія. Абиссинцы, занимающіеся исключительно войною и наполняя многочисленныя монастыри, мало склонны къ занятію земледѣліемъ и разыгрываютъ роль господъ. Это своего рода Черногорія, съ населеніемъ въ пятнадцать разъ большимъ. Каждый абиссинецъ солдатъ въ душѣ, онъ страстно любитъ оружіе и походы, а работу предоставляетъ женщинамъ и галласамъ.

Развитію сношеній съ Россіей населеніе Абиссиніи, не вполне довѣряющее французамъ, сочувствуютъ, смотря на русскихъ какъ на защитниковъ своей вѣры. Русскіе товары пользуются успѣхомъ и сбытъ ихъ былъ бы вполне обеспеченнымъ, такъ какъ промышленныхъ заведеній въ Абиссиніи мало. Вывозятъ оттуда безпошлинно кофе и хлопокъ. Не нужно, впрочемъ, преувеличивать торговаго значенія нашихъ новыхъ друзей: страна, гдѣ все одѣяніе мужчинъ состоитъ въ однихъ длинныхъ панталонахъ, а женщины въ синей рубашкѣ, а пища—растертыя между двухъ камней хлѣбныя зерна и въ видѣ роскоши немного сквернаго меда, не можетъ быть серьезною потребительницею. Самое выгодное продавать туда старья ружья.

XXI. АФРИКА.

Мы присутствуемъ при событіи, важность котораго можно будетъ оцѣнить только въ будущемъ—это дѣлежь Африки, части свѣта, наименѣе интересовавшей до сихъ поръ европейцевъ, несмотря на близкое сосѣдство. Только Египеть, который древніе считали частью Азіи, по своему необыкновенному богатству и выгодному географическому положенію, составлялъ исключеніе изъ общаго правила. Остальная Африка служила только для снабженія колоній рабочею силою, а нѣкоторые пункты—пристанищемъ для кораблей, идущихъ въ Индію, Австралію и Америку. Внутренность же континента такъ была мало извѣстна, что еще трид-

пять или сорок лет назад один астроном мог с справедливою гордостью сказать, что карта луны гораздо точнее карты Африки.

Недостатки Африки содействовали наиболее четыре обстоятельства: сплошная форма ея, лишенная морей и заливовъ, врѣзывающихся въ материкъ, убійственный для европейцевъ климатъ, отсутствие воды или, наоборотъ, гнющія болота по берегамъ и характеръ мѣстности, представляющей огромное плато, спускающееся къ морю уступами, вѣдствие чего все рѣки Африки падаютъ водопадами и потому не могутъ служить для непрерывнаго сообщенія съ внутренностью страны. Замѣчательно также, что середина этой части свѣта населена гораздо сплѣтѣе, нежели окраины, зато это густое мѣстами населеніе находится на очень низкомъ уровнѣ цивилизаціи; достаточно сказать, что есть въ Африкѣ обширныя области, гдѣ все перевозки дѣлаются на плечахъ людей, есть области, гдѣ за недостаткомъ соли употребляютъ коровью мочу, есть наконецъ области, гдѣ, благодаря мухѣ цеце, никакое скотоводство невозможно.

Европейцамъ, однако, благодаря примѣненію пара къ промышленности, благодаря увеличенію населенія отъ водворенія безопасности и лучшихъ гигиеническихъ условій для низшихъ классовъ населенія, слишкомъ тѣсно на той территоріи, которую захватила ихъ цивилизація, и открытіе новыхъ рынковъ и новыхъ мѣстъ для колонизаціи становится насущною необходимостью. Европейская производительность такъ напряжена, что открытіе какой нибудь Японіи съ сорокамилліоннымъ населеніемъ только на два или на три года возбудило оживленіе; черезъ три года японскій рынокъ былъ такъ же переполненъ европейскими товарами, какъ и богатые рынки Силезіи и Бельгіи. При подобныхъ условіяхъ понятно, что остается только добраться до центра Африки и тамъ искать эту любимую экономистами расу «потребителей», такъ какъ въ Европѣ уже число производителей превосходитъ количество потребителей, и мы присутствуемъ при удивительномъ явленіи—позорномъ для человѣческаго ума—возрастаніи бѣдности массы при необыкновенномъ увеличеніи производительности, далеко превосходящемъ потребительную силу населенія. Этотъ перевѣсъ предложенія передъ спросомъ распространяется даже на предметы сельскаго хозяйства. Въ будущемъ можно ждать, что населеніе Европы перемереть съ голоду оттого, что хлѣбъ и другіе продукты будутъ слишкомъ дешевы и избыточны!

Въ надеждѣ извлечь что нибудь изъ Африки, которая, за малыми исключеніями, являлась только поставщицей слоновой кости, страусовыхъ перьевъ и масличныхъ сѣмянъ, а покупала болѣе водку и старыя ружья, европейскія государства и принялись кроить наслѣдіе Хама, какъ большой имянинный пирогъ. Теперь уже можно сказать, что свободныхъ береговъ Африки не осталось,

да и внутри, если гдѣ еще по картѣ значатся незанятые клочки, то это такая дрянь, которая не имѣетъ и не можетъ никогда имѣть никакой цѣнности, или же мѣстности, о которыхъ плетъ споръ.

Страсть къ африканскимъ завоеваніямъ, говоритъ Нордау, обрѣтается въ настоящую эпидемію. Эта магія поддерживается, по его мнѣнію, двухъ сортовъ людьми: липецѣрами и циниками. Липецѣры утверждаютъ, будто овладѣвають Африкой для пользы туземцевъ, а циники откровенно признаются, что дѣлаютъ захваты собственно для себя. Единственная культура, вводимая европейцами въ Африкѣ—это водка, и еслибъ запретили ея ввозъ, то половина интереса къ Африкѣ пропала бы. Чтобы имѣть возможность покупать спиртные напитки, туземцамъ приходится работать. Но къ чему развивать въ негрѣ вкусъ къ водкѣ и бумажнымъ тряпкамъ и увеличивать трудъ, отъ котораго негръ былъ до сихъ поръ свободенъ? Что касается проповѣди христіанства африканцамъ, то Нордау полагаетъ, что многіе изъ нихъ могутъ преподавать урокъ кротости и терпимости европейскимъ народамъ, желающимъ цивилизовать ихъ. Оставивъ въ сторонѣ липецѣровъ, Нордау обращается къ циникамъ и спрашиваетъ—могутъ ли они надѣяться извлечь выгоды изъ своихъ захватовъ? Судя по настоящему положенію дѣлъ, было бы дешевле для плательщиковъ податей выдавать содержаніе африканскимъ войскамъ и чиновникамъ, удержавая ихъ въ Европѣ.

Тропическія страны Африки недоступны для постоянныхъ европейскихъ поселеній и промышленныхъ предпріятій. Одинъ нѣмецкій путешественникъ сказалъ: «Гдѣ есть вода въ Африкѣ и какая нибудь растительность, тамъ климатъ убійственный. А тамъ, гдѣ климатъ здоровый, нѣтъ воды и ничего не растетъ». Самые ерѣвно сложенные бѣлые, живя въ жаркомъ поясѣ, вырождаются черезъ нѣсколько поколѣній и становятся тѣнью своихъ предковъ, если не вымрутъ окончательно отъ нужды и болѣзней. Поселенцы между тропиками не только не двигаютъ впередъ цивилизаціи, но, напротивъ, вскорѣ у нихъ ничего не остается отъ прежнихъ физическихъ и интеллектуальныхъ качествъ, кромѣ испорченнаго языка да кастовой спеси. «При развитіи европейской эмиграціи экваторъ будетъ служить страшнымъ котломъ, гдѣ будетъ гаять человѣческое мясо. Это возрожденіе древняго жертвоприношенія Молоху. Народы умѣренныхъ поясовъ будутъ бросать часть своихъ дѣтей въ его пасть, чтобы такимъ образомъ очистить мѣсто для остальныхъ. Но если сказанное справедливо, хотя и не вполне, для тропической части Африки, то значительная часть ея и на сѣверѣ, и на югѣ вполне удобна для жизни европейцевъ. Эти-то страны и сдѣлались теперь по преимуществу цѣлью для захватовъ и подчасъ яблокомъ раздора.

Первый раздѣлъ Африки былъ произведенъ въ 1885 году, когда Германія вступила въ разрядъ колониальныхъ державъ. Бу-

дучи младшей пзъ этихъ державъ. Германия тѣмъ не менѣе руководила первой ихъ конференціей по дѣламъ Африки, собравшейся въ Берлинѣ. Франція и Германия могли быть довольны плодами совмѣстнаго дѣйствія, ибо аппетитъ Англій былъ ограниченъ. Италия и Португалія, тогдашнія союзницы Англій, ничего не выиграли: Португалія едва спасла свои прежнія приобрѣтенія. Италия получила пустынную часть африканскаго берега подъ самымъ экваторомъ. Конференція создала новое государство Конго пзъ мало вѣдомыхъ странъ, впервые пройденныхъ Стенли—удивительнымъ примѣромъ газетнаго репортера, обратившагося въ вершителя судебъ народовъ.

Во время Берлинской конференціи 1885 г. подымались нѣкоторые принципиальные вопросы международнаго права, и нашъ уполномоченный на конференціи, графъ Каппицъ, не сидѣлъ все время молча, хотя Россія въ вопросѣ о Конго, напримѣръ, прямо заинтересована не была. Такъ, Каппицъ возражалъ противъ попытки признать Дунай, часть береговъ котораго принадлежитъ Россіи, какою-то международною державною территоріею. Далѣе нашъ посланникъ въ Голландіи протестовалъ противъ теоріи, признающей каменный уголь военною контрабандою. «Россія, сказалъ графъ Каппицъ, не допускаетъ примѣненія этой теоріи къ африканскимъ областямъ». Хотя нельзя признать эту фразу вполне достаточною, но, во всякомъ случаѣ, пріятно было услышать ее отъ русскаго дипломата, ибо при поверхностномъ даже уразумѣніи положенія Россіи на случай морской войны сдѣлается яснымъ, что противъ расширенія понятія о военной контрабандѣ въ томъ смыслѣ, чтобы въ нее входилъ каменный уголь, должна всегда энергичеки протестовать наша дипломатія.

Понятія о военной контрабандѣ и примѣненія понятій этихъ къ международному праву отличаются шаткостью и неопредѣленностью. Никто серьезно не можетъ отрицать права каждаго воюющаго государства воспрепятствовать нейтральнымъ государствамъ снабжать своего противника предметами, могущими служить неприятелю для военныхъ цѣлей, но авторитеты международнаго права спорятъ, слѣдуетъ ли подъ понятіе о контрабандѣ подводить тѣ предметы, которые не непосредственно, а только косвенно могутъ быть необходимы для военныхъ цѣлей. Такъ, лошади могутъ требоваться не для одной кавалеріи, но и для сельскаго хозяйства; сѣра и селитра не для одного пороха, но и для химическихъ заводовъ и т. д.

Разрѣшить напередъ, что такое военная контрабанда, очень трудно, и профессора международнаго права много потратили на это византийской діалектики; большая часть правительствъ понятіе о военной контрабандѣ опредѣляетъ всякій разъ по-своему, смотря по потребностямъ.

Считать ли каменный уголь военною контрабандою—одинъ изъ

наиболѣе спорныхъ вопросовъ международнаго права. Изъ авторитетовъ послѣдняго, Блюнчли скорѣе противъ захвата угля, кромѣ рѣдкихъ, исключительныхъ случаевъ доставки его на военныя суда противника; наоборотъ, Билльморъ, Гесснеръ, Перельсъ и др. находятъ захватъ угля во многихъ случаяхъ правильнымъ. На практикѣ, въ Крымскую войну англійское правительство признало каменный уголь контрабандою, въ итальянскую—Франція и Италия отказались отъ такого признанія, въ франко-прусскую войну англійское правительство снова запретило торговымъ судамъ подвозъ угля французскому флоту въ Сѣверномъ морѣ. Эти дѣйствія объясняются весьма просто интересами каждой изъ вышеупомянутыхъ державъ.

Дѣйствія Россіи должны подходить ближе къ дѣйствіямъ Франціи и Италиі, нежели къ дѣйствіямъ Англій. Во время послѣдней Восточной войны наше правительство не объявляло каменнаго угля военною контрабандою, но по одному случаю оно не предоставило, однако, этому товару какъ бы полной свободы обращенія. Дѣло было такъ. Въ маѣ 1877 г. англійское правительство возбудило вопросъ: дозволено ли будетъ англійскимъ судамъ, не опасаясь захвата, перевозить въ Портъ-Саидъ каменный уголь для употребленія на купеческихъ судахъ, проходящихъ черезъ Суэзскій каналъ? Наше министерство иностранныхъ дѣлъ, вступивъ объ этомъ въ переписку съ морскимъ министерствомъ, высказало мысль, что можно бы изъявить на это согласіе на тѣхъ же основаніяхъ, которыя были приняты для перевозки на нейтральныхъ судахъ каменнаго угля, предназначеннаго для англійскихъ военныхъ судовъ, пребывающихъ въ непріятельскихъ портахъ, съ тѣмъ, однако, ограниченіемъ, чтобы великобританское правительство впередъ объявило о количествѣ каменнаго угля, необходимаго на опредѣленное время для предположенной цѣли, дабы не могло произойти никакого злоупотребленія, такъ какъ Портъ-Саидъ находится на территоріи непріятельской державы. Морской министръ, покойный Лесовскій, отвѣтилъ, что такъ какъ каменный уголь не объявленъ военною контрабандою и Портъ-Саидъ блокировать не предполагается, то доставленіе угля въ этотъ портъ на англійскихъ судахъ можетъ производиться безпрепятственно, и для огражденія этихъ грузовъ угля отъ захвата нашими крейсерами не требуется особыхъ устройственій о назначеніи угля. Взглядъ морского министра былъ, по нашему мнѣнію, совершенно правильнымъ; всетаки для успокоенія Англій относительно пропуска каменнаго угля для англійскихъ судовъ въ непріятельскихъ портахъ была послана, по Высочайше утвержденному докладу кн. Горчакова, инструкция командирамъ нашихъ морскихъ силъ, по которой они имѣли право требовать отъ англійскихъ судовъ, перевозящихъ уголь въ турецкіе порты, въ числѣ другихъ судовыхъ документовъ, и свидѣтельства, выдаваемыя англійскимъ адмиралтействомъ и удостовѣренныя рус-

скимъ генеральнымъ консуломъ въ Лондонѣ, что уголь дѣйствительно назначенъ для англійскихъ военныхъ судовъ.

Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ наше правительство какъ бы отступилось отъ категорическаго признанія, что каменный уголь не будетъ считаемъ вообще военною контрабандою. Графъ Капнпстъ заявилъ, что въ предѣлахъ африканскихъ водъ Россія также согласна не признавать каменный уголь военною контрабандою. Но мнѣ кажется, что въ интересахъ Россіи слѣдовало бы добиваться признанія этого принципа не для одной Африки, но и вообще для всѣхъ случаевъ, кромѣ указываемыхъ Блюнчли, а именно когда каменный уголь непосредственно доставляется неприятельской эскадрѣ.

Дѣйствительно, признаніе каменнаго угля военною контрабандою выгодно только Англии и англійскому военному флоту. Она одна снабжаетъ и весь міръ, и себя собственнымъ каменнымъ углемъ. Хотя въ случаѣ такого признанія англійскій уголь будетъ подлежать захвату и на нейтральныхъ судахъ, но, во-первыхъ, угольные припасы очень малоцѣнны, чтобы стоило изъ-за нихъ связываться и спорить съ нейтральными державами, во-вторыхъ, перевозка англійскаго угля подъ нейтральнымъ флагомъ сравнительно рѣдкое исключеніе. Совсѣмъ не то для Россіи. У насъ только крейсерство на Черномъ морѣ не нуждается въ привозѣ иностраннаго каменнаго угля, ибо свой можетъ быть всегда доставленъ по желѣзнымъ дорогамъ изъ Донецкаго бассейна. Флотъ же на моряхъ Балтійскомъ, Бѣломъ, въ Тихомъ океанѣ и вообще вездѣ, гдѣ могутъ плавать русскіе крейсера и добровольцы, нуждается въ подвозѣ иностраннаго каменнаго угля. Такъ какъ русскій торговый флотъ ничтоженъ, да и во время войны онъ едва ли дерзнетъ плавать гдѣ-либо, то единственнымъ источникомъ для снабженія насъ углемъ остается перевозка его на нейтральныхъ судахъ, но и она сдѣлается если не невозможною, то очень рискованною и дорогою стоющею при признаніи каменнаго угля военною контрабандою, то есть подлежащимъ захвату и подъ нейтральнымъ флагомъ.

Каменный уголь имѣетъ, между тѣмъ, для насъ не одно военное значеніе. Безъ привознаго каменнаго угля просто не можетъ существовать промышленность всего Балтійскаго побережья, а это ровно треть всей русской промышленности. Уже въ Крымскую войну недостатокъ угля давалъ себя знать, но съ тѣхъ поръ промышленность здѣсь удесятирилась. Признаніе каменнаго угля контрабандою въ случаѣ морской войны поставитъ обширную часть Россіи въ самое критическое положеніе, особенно если война будетъ продолжительна. Поэтому наши дипломаты свободу угля отъ захватовъ и исключеніе его изъ списка предметовъ военной контрабанды должны поддерживать всегда и всюду крайне настойчиво

и принципъ этотъ формулировать при каждомъ удобномъ случаѣ съ достаточною ясностью и опредѣленностью ¹⁾.

Несмотря на недовольство первымъ раздѣломъ Африки, англичане вошли въ дружественныя отношенія къ Германіи, въ ожиданіи болѣе благоприятнаго момента для второго раздѣла Африки. Чего англичане не могли добиться силою отъ Германіи, то они надѣялись получить ловкостью. Дѣйствительно, для Германіи возникли серьезныя затрудненія въ колоніяхъ: нѣмцы—новички въ этомъ дѣлѣ—не нашли сразу выхода изъ затрудненій и это повредило ихъ обаянію, чѣмъ и воспользовались англичане. Они разорили нѣмецкія предпріятія на Нигерѣ и Бенуэ, у Камерунскаго берега и съ обычною безцеремонностью захватили островъ Ламу, торговый центръ германской колоніи Вту; англійскій генеральный консулъ въ Занзибарѣ поставилъ также въ крайне опасное положеніе экспедицію, посланную Германіей на выручку Эмина-паша, запретивъ Петерсу выгружать оружіе; сами же англичане отправились на выручку Эмина-паша, дабы этимъ способомъ обезпечить себѣ свободный доступъ къ германскимъ владѣніямъ въ восточной Африкѣ. Кромѣ того англичане, изъ Капской области наступая въ сѣверномъ направленіи, сдѣлали захваты вплоть до германскихъ владѣній во внутренней Африкѣ. Италия съ своей стороны захватила Оббію въ Сомалійскомъ султанатѣ, и хотѣла занять Кисмаю, главный портъ Сомалійской области, хотя эта область была приобрѣтена германскимъ восточно-африканскимъ обществомъ по договору. Дабы покончить споры, нѣмцы согласились съ англичанами на новый раздѣлъ и въ 1890 г. перекроили четвертую часть Африки по своему усмотрѣнію, не стѣняясь мнѣніемъ другихъ державъ и тѣмъ менѣе желаніемъ туземцевъ. Нѣмцы согласились подчинять Занзибаръ протекторату Англій, не спрашиваясь султана послѣдняго, и сверхъ того отдали англичанамъ Вту и Сомалійскій берегъ. Англичанамъ окончательно досталась вся территория къ сѣверу отъ великихъ озеръ вплоть до Абиссиній и экваторіальныхъ провинцій, окончательно потерянныхъ Эминомъ-пашею. Къ югу земли взяли себѣ нѣмцы, отнявъ у занзибарскаго султана берега отъ Дельгадо до Паньона. Трактатъ исправилъ и другія нѣмецко-англійскія границы въ Африкѣ.

Громадная площадь внутренней Африки, свыше 2 милл. квадр. верстъ, почти неизвѣстная двадцать лѣтъ назадъ, образуетъ новое королевство Конго, состоящее въ династической связи съ Бельгіей, съ правомъ послѣдней съ 1900 года присоединить себѣ Конго и совсѣмъ, за уплатою нѣкоторыхъ издержекъ. Если же Бельгія когда либо откажется отъ этого владѣнія, оно переходитъ къ Фран-

¹⁾ Въ послѣднюю южно-африканскую войну Англія еще расширила понятіе о военной контрабандѣ и объявила мѣру военной контрабандой. Но это прецедентъ очень опасный въ будущемъ для самой Англіи, которая на своемъ хлѣбѣ не можетъ прожить и трети года.

ціп, у которой, а частью у Португаліи, взять выходъ для королевства къ Атлантическому океану.

Конго управляется изъ Брюсселя, преимущественно на средства короля Леопольда II, такъ какъ полудикая территорія не покрываетъ расходовъ управленія. Англичане къ тому же вынуждены новое королевство держаться принциповъ свободной торговли, т. е. лишить себя лучшей части доходовъ—таможенныхъ. Англія вообще держитъ Конго въ своихъ рукахъ и даже убѣдила ея короля отдать ей территоріи, которыя устанавливали непосредственную связь ихъ владѣній въ средней и южной Африкѣ съ египетскими Суданомъ, но Франція не допустила этой затѣи. Между Конго и Англіей произошло впрочемъ, минутное охлажденіе изъ-за разстрѣлянія капитаномъ Лотеромъ одного англійскаго авантюриста. Цивилизаторская миссія Конго, какъ и другихъ европейскихъ поселеній въ тропической части Африки, подвергается сомнѣніямъ. Африканскій дикарь способенъ къ образованію и къ культурѣ не хуже европейца, но большой вопросъ, станетъ ли этотъ дикарь счастливѣе отъ нашей цивилизаціи?

Какъ извѣстно, не было проявленія болѣе гнуснаго лицемерія, какъ во всѣхъ попыткахъ Англіи прекратить торговлю африканскими невольниками. Прикрываясь громкими фразами гуманности, свободы, блага дикарей, Англія въ дѣйствительности искала только предлога для разоренія тѣхъ конкурирующихъ съ ея индійскими владѣніями государствъ и колоній, которымъ, по условіямъ тропическаго климата, трудъ чернокожихъ необходимъ.

Хотя умыселъ Англіи давно былъ разоблаченъ, но она отъ времени до времени умѣла улавливать на этотъ счетъ наивныхъ. Къ числу послѣднихъ не замедлили, конечно, причислиться и наши дипломаты нессельродовской эпохи. Извѣстно, что, въ силу англо-русскаго договора о торговлѣ и мореплаваніи 1841 г. (потомъ возобновленнаго въ 1879 г.), Россія признала за англійскими крейсерами безусловное право осмотра (*droit de visite*), хотя недобѣріе къ Англіи въ этомъ случаѣ имѣло за собою извѣстные историческія данныя. Англія стояла за право осмотра, такъ какъ это право обезпечивало ей неограниченное господство на морѣ. Въ прошломъ столѣтіи ея произволь въ этомъ отношеніи и былъ причиною провозглашенія вооруженнаго нейтралитета.

Видя, что Германія, Франція и Португалія дѣлаютъ успѣхи на африканскомъ континентѣ, Англія задумала снова половить рыбу въ мутной водѣ, поигравъ на дудкѣ гуманности, для чего и обратилась къ посредничеству своего главнаго агента на континентѣ, короля бельгійскаго, который хотя и дружитъ втайнѣ съ Германіей, но еще болѣе зависитъ отъ англичанъ. И вотъ, по иниціативѣ Леопольда II, а въ дѣйствительности по просьбѣ лорда Салисбуря, переданной лордомъ Вивіаномъ въ Брюссель, въ ноябрѣ 1889 г. была созвана новая конференція о прекращеніи невольничества.

Конференція засѣдала семь мѣсяцевъ, засѣданія ея были почему-то облечены тайною, но, вслѣдствіе противодѣйствія Франціи, Турціи и Португаліи, англичанамъ не удалось при всей таинственности провести публичку, что видно изъ генеральнаго акта конференціи, подписаннаго 2-го іюля 1890 года.

Казалось бы, что Россія вопросъ объ африканскихъ невольникахъ вовсе не касается. Но мы приняли участіе въ брюссельской конференціи и даже, какъ напомнили «Новости», явились на ней выразителями историческихъ традицій Россіи, которая всегда стремилась къ идеальной благу, къ освобожденію страдающаго человечества: Императоръ Александръ I дѣйствительно объявилъ на Вѣнскомъ конгрессѣ, что русское правительство согласнo даже запретить въ Россію привозъ произведеній изъ тѣхъ колоній, въ которыхъ рабство не отмѣнено. А рядомъ съ этимъ договоромъ 1815 г., подтверждавшимъ прежнія картеллы, мы платили австрійцамъ, а они намъ особую денежную плату за каждаго пойманнаго и выданнаго дезертира!

Вѣнскій конгрессъ призналъ, какъ извѣстно, торгъ неграми противнымъ законамъ и общей нравственности, но принятіе болѣе практическихъ мѣръ по этой части досталось на долю Ахенскаго конгресса. Англія предложила тамъ предоставить ей право осмотра судовъ. Англійское предложеніе встрѣтило мало сочувствія; русскій уполномоченный графъ Каподистрія проектировалъ на западномъ берегу Африки особое международное учрежденіе Institution Africain, съ своимъ судомъ, своей военной силой. Русскій проектъ не прошелъ, англичане нашли его «совершенно непрактичнымъ» и «совершенно непонятнымъ». Но онъ осуществился затѣмъ почти буквально въ Association Internationale Africaine. Берлинская конференція 1884—1885 гг. по дѣламъ Конго и его постановленія объ учрежденіи вѣчно нейтральнаго государства на берегахъ Конго напоминаютъ идею Каподистрія о «развитіи африканской цивилизаціи».

Въ особенности, по словамъ «Новостей», замѣчательна была роль на конференціи г. Мартенса. Онъ «блистательно» разрѣшилъ «трудную задачу конференціи» и притомъ «съ большимъ талантомъ и тактомъ». Англичане и французы готовы были уже перессориться между собою. Въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ, если вѣрить «Новостямъ», конференція, по предложенію французскаго уполномоченнаго Кюгордана, обратилась къ русскому уполномоченному съ просьбою примирить противоположные взгляды выработкой новаго проекта. «Задача была въ высшей степени трудная, почти неразрѣшимая». Тѣмъ не менѣе, черезъ нѣсколько дней г. Мартенсъ предложилъ составленный имъ новый проектъ, въ которомъ «чрезвычайно остроумно обойдено было главное препятствіе и удовлетворялись интересы обѣихъ сторонъ».

Остроуміе г. Мартенса дѣйствительно блистательно, если ему,

можетъ быть въ жизни не выдавшему чернаго невольника береговъ Африки и Индѣйскаго океана, удалось въ нѣсколько дней разрѣшить то, надъ чѣмъ сотни лѣтъ напрасно бились государственные люди и авторитеты международнаго права.

Торговля теперь уже не производится на большихъ невольничьихъ судахъ, а на небольшихъ баркасахъ, обыкновенно не превышающихъ 450 тоннъ вмѣстности. Противъ этихъ невольничьихъ кораблей г. Мартенсъ предложилъ сохранить право осмотра въ тѣхъ случаяхъ, когда эти корабли идутъ подъ флагомъ страны, признающей такое право. Если же подозрительный корабль плаваетъ подъ флагомъ страны, не признающей *droit de visite*, напримеръ подъ флагомъ Франціи, то крейсеръ, остававшаяся судно, не имѣетъ право приступить къ его осмотру, а можетъ лишь потребовать отъ него корабельныя бумаги для проверки. Если изъ этой проверки выяснится вполне правильный характеръ судна и его груза, то все дѣло этимъ и ограничивается. Если же подозрѣнія не разсѣются, то судно безъ всякаго осмотра отводится крейсеромъ въ ближайшій портъ, гдѣ имѣется консулъ той страны, подъ флагомъ которой подозрительное судно захвачено. Въ портѣ производится предварительное слѣдствіе, послѣ котораго консулъ произноситъ окончательный приговоръ, руководствуясь, въ случаѣ вповности, постановленіями регламента. Слѣдовательно, судить задержанныя суда могутъ исключительно власти того государства, подъ флагомъ котораго они плаваютъ.

Таковы главныя основанія проекта, составленнаго г. Мартенсомъ и принятаго единогласно Брюссельской конференціей. «Можно сказать, прибавляли «Новости», что этимъ проектомъ спасена была участь конференціи и предложены были самыя практическія мѣры для борьбы со зломъ». Что честь конференціи этимъ, можетъ быть, была спасена и что дипломатамъ удалось подписать протоколъ, я не сомнѣваюсь, но очень сомнительно, чтобы этотъ дипломатическій «инструментъ» оказался практическимъ. Стоитъ для торговли неграми строить суда не въ 500, а въ 501 тонну (конференція приняла 500 тоннъ)—и все остроуміе г. Мартенса обратится въ ничто.

Да и остроуміе проекта вообще не велико. Если считалось унизительнымъ пустить на свое судно для осмотра англійскаго офицера, то не унизительнѣе ли подвергаться за сотни миль таканію подъ конвоемъ англійскаго судна для осмотра, послѣ котораго можетъ ничего не оказаться, да навѣрно и не окажется, такъ какъ по дорогѣ ночью можно побросать всѣхъ невольниковъ въ море.

Относительно торговли невольниками можно замѣтить, что она зависитъ отъ жадности европейцевъ къ слоновой кости и уничтоженіе ея невозможно, по милости соперничества между европейцами. Знаменитый путешественникъ Казати, ратуя противъ торговли нег-

рами. признаетъ вопросъ о рабствѣ весьма спорнымъ и разрѣшимымъ лишь съ помощью постепенныхъ мѣропріятій, безъ рѣзкихъ потрясеній, которыя только способны увеличить трудности. Хотя общественное мнѣніе Европы чтить память Уильберфорса, какъ одного изъ благодѣтелей человѣчества, но поднималось не мало голосовъ, особенно во Франціи, Испаніи и Америкѣ, равнымъ образомъ доказывавшихъ, что если торговля неграми можетъ быть прекращена, то совершенно иного требуетъ рабство. Порожденное, какъ необходимость, въ состояніи младенчества человѣческой цивилизаціи, оно должно исчезнуть не въ силу случайностей или какихъ либо внезапныхъ реформъ, а вслѣдствіе постепеннаго перерожденія социальнаго строя. Было бы «безсмыслиемъ и варварствомъ» насильственно и немедленно освободить африканскихъ рабовъ, не соображаясь съ экономическими и другими условіями. Африканцы не могутъ усвоить сразу того, чему христіанство учило европейцевъ въ теченіе девятнадцати вѣковъ. На этотъ счетъ назидательныя данныя собраны въ брошюрѣ Брехта «Kirche und Sklaven».

Масса природныхъ препятствій въ Африкѣ ставила постоянныя преграды духовному и моральному развитію ея населенія. Объявленія войны работорговлѣ, преслѣдованія ея въ современнѣйшихъ уголкахъ, исключенія самой возможности ея производства, вслѣдствіе воспрещенія продажи товара на рынкахъ, еще недостаточно. Осилить арабовъ, этотъ фанатическій народъ, не понимающій основныхъ идей отечества и нравственности.—вотъ единственное средство, пригодное для достиженія цѣли, по мнѣнію Казати. До тѣхъ поръ, пока раса эта сохранитъ за собой преимущество въ сѣверной и средней Африкѣ, всякая попытка цивилизаціи послѣдней останется безплодной. Этою мнѣніемъ держался и Гордонъ, но его слишкомъ энергическія дѣйствія противъ арабовъ и невольничества и были причиною временной потери Судана и экваторіальныхъ провинцій Египта.

Замѣчательно, что англичане являлись недавно еще самыми ретивыми работорговцами и Гладстонъ защищалъ въ молодости эту торговлю. Вывозъ негровъ производился европейцами въ прошломъ столѣтіи въ колоссальныхъ размѣрахъ. Въ нѣкоторые годы онъ простирался до 100.000 штукъ. Восточно-африканскіе арабы—мелочные торговцы въ сравненіи съ огромной торговлей человѣческими мясомъ, какою занимались европейскія націи.

Одинъ нѣмецкій пасторъ замѣтилъ своимъ прихожанамъ: «я беру жалованье, чтобъ учить, какъ слѣдуетъ поступать добродѣтельно, но еслибъ отъ меня потребовали исполнить то, чему я учу васъ, я не взялъ бы въ пять разъ болѣе жалованья». Въ политическомъ мірѣ этотъ пасторъ—Англія. Съ такимъ же лицемеріемъ, какъ дѣйствовала она въ прекращеніи торговли неграми, по другимъ вопросамъ сама же непрерывно нарушаетъ его пер-

вая, совершая волющія наслія въ странахъ отдаленныхъ надъ государствами слабыми; хотя относительная слабость государствъ никогда еще не давала никому права забывать элементарныя понятія о правѣ.

Въ 1848 году англичане, тяготясь управленіемъ обширной и малонаселенной страной къ сѣверу отъ Оранжевой рѣки, образовали изъ нея четыре округа и предложили голландскимъ колонистамъ, населявшимъ территорію, управляться самостоятельно, сохраняя за собою верховную власть и покровительство. Въ 1854 году, разсчитавъ, что покровительство равноспльно содержанию небольшого войска и требуетъ расходовъ, англичане предложили колонистамъ совершенное отдѣленіе. Колонисты, окруженные со всѣхъ сторонъ враждебными африканскими племенами, долго отказывались отъ самостоятельности, но англичане рѣшительно оставили ихъ, и по особому договору была образована республика Оранжевой рѣки, въ которую вошла вся территорія между рѣками Оранжевой, Вааль и горою Дракенсбергъ. Въ томъ же договорѣ, изъ опасенія английскихъ интригъ, было выговорено, что англичане не заключаютъ болѣе никакихъ договоровъ съ африканскими племенами, соседними съ новою республикою.

Сначала все шло хорошо и Оранжевую республику, вслѣдъ за Англіей, признали Соединенные Штаты, Германія, Франція, Россія, Австрія, Италія, Испанія и Голландія. Въ 1869 году въ республикѣ были найдены богатые алмазные копи, которыя привлекли притокъ новыхъ колонистовъ и обѣщали большія выгоды. Англичане смекнули, что дурно сдѣлали, уступивъ республикѣ самостоятельность; раскаяніе ихъ было тѣмъ сильнѣе, что съ прорытіемъ Суэскаго канала капскимъ колоніямъ угрожала кризисъ и обѣднѣніе; помочь колоніальному правительству доходомъ отъ чужихъ алмазныхъ копей показалось англичанамъ весьма подходящимъ.

Не задумываясь долго, англичане въ 1870 году объявили Оранжевой республикѣ, что одинъ изъ искателей алмазовъ, капитанъ Ватербоэръ, просилъ принять его въ английское подданство, признавая его копи английскою собственностью; не услѣла эта бумага дойти до Влемфонтейна, столицы Оранжевой республики, какъ четыре дня спустя, не дожидаясь отвѣта, англичане захватили богатую территорію и послали туда своихъ чиновниковъ. Правительство республики протестовало и просило въ крайнемъ случаѣ поручить разборъ дѣла третейскому суду какого либо нейтральнаго государства. На это министръ колоній графъ Кимберлей отвѣчалъ, что третейскій судъ можетъ вызвать въ южной Африкѣ «серьезныя политическія complicаціи». Въ слѣдующихъ депешахъ английское правительство оправдывало свой захватъ тѣмъ, что республика не устроила порядочной администраціи на копяхъ, чѣмъ затруднила будто бы ихъ разработку, а также что Англія имѣетъ

свѣдѣнія, что республика занимается торговлею неграмми. Республиканское правительство легко доказало всю фальшивость подобныхъ обвиненій; тогда англійское правительство обличило республиканское правительство въ поддѣлкѣ документовъ, довольно, впрочемъ, косвенно. Мало того, узнавъ, что алмазы находятся и въ территоріи Кемпбеля, уступленной республикѣ племенемъ грикасовъ, англичане объявили притязанія и на эту землю, забывъ договоръ, воспрепятствующій имъ вмѣшиваться въ споры республики съ сосѣдями.

Правительство Оранжевой республики обратилось тогда ко всѣмъ державамъ съ торжественнымъ протестомъ, прекрасно написаннымъ, противъ наглаго нарушенія международнаго права и поправки сильнымъ правъ слабого государства, которое старалось всегда жить съ англичанами въ дружбѣ и честно исполняло трактаты. Протестъ Оранжевой республики остался гласомъ вопіющаго въ пустынь, потому что у европейскихъ государствъ довольно своихъ несправедливостей и правонарушеній, чтобы идти восстанавливать законность въ южную Африку, да еще въ странѣ, которая немногимъ и была извѣстна.

Для насъ это дѣло могло имѣть интересъ, но не потому, чтобы мы желали поддерживать справедливость въ южномъ полушаріи, но ради того, что съ англичанами Россія имѣла свои счеты и объясненія, для которыхъ дѣло Оранжевой республики могло послужить урокомъ. Но, конечно, наша дипломатія оставила дѣло безъ всякаго вниманія.

Видя грустное положеніе Оранжевой республики, другая голландская республика—Трансвааль, также образовавшаяся изъ колонистовъ, ушедшихъ изъ-подъ англійскаго режима въ Капской землѣ, постаралась совершенно уединиться и отыскать для сбыта своихъ продуктовъ выходъ въ португальскій портъ Луренсо-Маркесъ. Англичане не оставили въ покоѣ и эту республику. Они едва не захватили Луренсо-Маркеса (присужденнаго окончательно Португаліи только въ 1877 г., по третейскому суду Макъ-Магона) и, воспользовавшись финансовыми затрудненіями молодой республики, предложили въ 1877 г., черезъ британскаго дипломатическаго агента Шипстона, присоединиться къ англійскимъ владѣніямъ, что и было необдуманно принято.

Неудачная война съ зулусами, предпринятая послѣ присоединенія земель кафровъ, и поражение англичанъ въ 1880 г., подали мысль голландскимъ колонистамъ возстать. Они трижды победили англичанъ и особенно сильно при Majuba Hill. Гладстонъ приказалъ тогда главнокомандующему вступить въ переговоры съ новою республикою, принявшею имя Южно-Африканской. Последняя съ 1884 г. стала независимою подъ условіемъ не заключать трактатовъ безъ согласія Англій. Къ несчастью колонистовъ, въ 1887 г. въ республикѣ было найдено золото и она быстро обо-

гатила и привлекала массу англичанъ. Это богатство, естественно, возбудило зависть Англій, которая въ это время, лучше опѣнивъ значеніе материка южной Африки, сдѣлала очень много для упроченія своего тамъ положенія. Продолжая свою вѣковую политику: подбирать то, что плохо лежитъ Англіи, захвативъ разъ въ португальскій hinterland, черезъ губернатора Капской колоніи увѣдомила правительство Трансваальской республики, что страны: Матабале, Машона, Макалаба, а также вся территория до Замбезе находятся въ сферѣ исключительно англійскаго вліянія. Извѣстно, что означаетъ эта фраза. Такимъ образомъ англичане сдѣлались владѣльцами страны, изобилующей золотомъ, алмазами и др. минеральными богатствами и служащей прямымъ путемъ внутрь Африки; кромѣ того англичане захватили весь бассейнъ верховьевъ Замбезе, вдоль которой идетъ къ Индійскому океану торговля центральной Африки. Особенно много сдѣлано въ этой мѣстности Сесилемъ Родсомъ, прозваннымъ «южно-африканскимъ Наполеономъ». Онъ, въ качествѣ перваго министра, отличилъ вель дѣла Капланда, а затѣмъ организовалъ новое государство изъ обширныхъ странъ къ сѣверу отъ этой колоніи причемъ разрѣзалъ на-двое португальскія владѣнія и окружилъ голландскія республики англійскими владѣніями¹⁾.

Дальнѣйшіе замыслы Родса заключались въ томъ, чтобы овладѣть Трансваалемъ и Оранжевою республикою, а за одно приобрести тѣмъ или инымъ способомъ у португальцевъ часть прибрежной полосы съ прекрасною гаванью Дуренсо-Маркесъ и соединить всѣ эти земли въ одно владѣніе подъ именемъ Южно-Африканскихъ соединенныхъ штатовъ, съ самостоятельной конституціею, но подъ протекторатомъ Англій; затѣмъ связать вновь образованное государство съ Египтомъ желѣзною дорогою, прикупивъ для этого часть бельгійскаго Конго или войдя въ соглашеніе съ Германіею.

Голландскія республики отвѣчали на эти проекты упроченіемъ у себя голландскаго языка въ администраціи и судѣ и ограниченіемъ правъ новыхъ пришельцевъ. Возрожденіе голландскаго элемента въ самыхъ владѣніяхъ англичанъ въ Капъ и Наталъ повело къ образованію, по мысли Гофмейера, «Африканскаго союза», который долженъ былъ объединить политическія усилія голландцевъ. Скоро, однако, республики увидѣли, что союзъ «африкандеровъ»

1) Эти земли образовали область обладающей верховными правами компаніи British South Africa; часть ея переименована нынѣ въ Родезію. Подобная же компанія имѣется и для земель по р. Нигеру. Такимъ образомъ, вопреки своимъ же классическимъ экономистамъ, англичане вернулись къ системѣ привилегированныхъ большихъ компаній. Площадь Нигерии равняется приблизительно половинѣ площади Британской Индіи, но почва ея еще болѣе плодородна. Народонаселеніе ея даже теперь въ семь разъ многочисленнѣе населенія Сибири или Австраліи, но здѣсь проживало бы въ довольствѣ, навѣрное, болѣе ста милліоновъ жителей, если бы война,—постоянный бичъ Африки,—не обезплодила эти страны.

для них независимости опасень: они отказались от таможенного объединения и съ трудомъ согласились въ 1890 г. оставить маленькое черное королевство Свизиланда подъ общимъ протекторатомъ. Но если буры республикъ нашли мало поддержки отъ своихъ соплеменниковъ въ английскихъ владѣнiяхъ, то къ нимъ неожиданно пришла помощь съ другой стороны, отъ Германiи.

Германiи удалось водвориться въ южной Африкѣ въ 1884 г. только хитростью. Бисмаркъ спросилъ лорда Гренвилля, составляетъ ли берегъ къ сѣверу отъ Оранжевой рѣки принадлежность Капской колонiи? Не подозрѣвая задней мысли, англійскiй министръ отвѣчалъ, что колонiя не претендуетъ на эту мѣстность. Бисмаркъ немедленно объявилъ ее нѣмецкою; англичане подняли шумъ, но имъ удалось вырвать обратно только клочокъ (правда, лучший)—Киптовую бухту. Занявъ эту мѣстность, нѣмцы вошли въ дружественныя сношенiя съ бурами; президентъ Трансваала Крюгеръ въ 1885 г. посѣтилъ Берлинъ¹⁾. Опасаясь, что нѣмцы станутъ сосѣдями буровъ, англичане безъ церемонiи заняли Бечуаналендъ и такимъ образомъ навсегда разъединили нѣмецкiя колонiи юго-западной Африки, весьма бѣдныя, отъ богатыхъ голландскихъ республикъ.

Нѣмцы, однако, нашли отличный случай отомстить. Богатства Трансваала въ золотѣ, поставившия быстро эту страну рядомъ съ Калифорнiей и Австралией и доставившия громадныя барыши спекулянтамъ въ родѣ Барнато, Гирша и др., вновь возбудили аппетиты англичанъ. Подъ руководствомъ Родса, съ тайнаго благословенiя англійскаго министра колонiй Чемберлена, англичане снарядили въ концѣ 1895 году флибустьерскую экспедицію для завоеванiя Трансваала, подъ предлогомъ угнетенiя тамъ англичанъ! Предупрежденные во-время, буры поколотили вновь англичанъ и взяли въ плѣнъ предводителя разбойничьей шайки Джемсона. Англійское правительство заступилось бы навѣрное за своихъ, но германскiй императоръ поспѣшилъ поздравить торжественно Крюгера съ побѣдою и высадилъ въ Луренсо-Маркесѣ германскихъ матросовъ для подачи помощи бурамъ.

Это возмutilo и вмѣстѣ съ тѣмъ напугало англичанъ. Они для виду присудили выданнаго имъ Джемсона съ его сообщниками

¹⁾ «Крюгеръ, пишетъ сэръ Чарльзъ Дилльсъ, одинъ изъ самыхъ выдающихся людей нашего столѣтiя. У насъ сдѣлали страшную глупость, когда во время пребыванiя въ Англии его не допустили къ королевы Викторiи. Этого оскорбленiя онъ не позабылъ. Я хорошо помню, какимъ взволнованнымъ голосомъ и какъ искренно отозвался Крюгеръ, бесѣдуя со мною, князь Бисмаркъ. Когда я сказалъ, что признаю его, Бисмарка, величайшимъ дипломатомъ девятнадцатаго вѣка, старый канцлеръ сказалъ: «Полноте! это вовсе не такъ! Во-первыхъ, Кавуръ былъ безспорно тоньше и хитрѣе меня, его дипломатическiя способности были выше моихъ, но президентъ Крюгеръ стоитъ во всѣхъ отношенiяхъ выше Кавура и меня. Онъ не имѣетъ въ своемъ распоряженiи сильной армii, онъ не опирается на могущественное государство, у него только какiе-то солдаты-мужики, тѣмъ не менѣе онъ обладаетъ такою творческою силою, что всѣмъ намъ утратъ носъ».

къ тюремному заключенію, но затѣмъ скоро помиловали, по требованію общественнаго мнѣнія, видѣвшаго въ разбойникѣ національнаго героя. Человѣчество странно понимаетъ правосудіе. Если какой нибудь оборванецъ, страдая отъ холода, украдетъ pantalony, то его навѣрно засудятъ, и если это сдѣлано со взломомъ, то онъ человѣкъ навѣки погнѣшій. Но если у него, какъ у Сеспія Родса, были бы солдаты и деньги, чтобы похищать терроріи и убивать ихъ владѣльцевъ, то сейчасъ найдутся Чемберлены, которые поставятъ такія дѣйствія въ заслугу!

Послѣ набѣга Джемсона, посланецъ президента Крюгера, посѣтивъ въ Парижѣ, долженъ былъ также отправиться и въ С.-Петербургъ. Но, вслѣдствіе образа дѣйствій министерства Буржуа, поѣздка въ Россію не состоялась. Это не первый примѣръ, что французскіе радывалы, въ угоду ненавидящимъ Россію социалистамъ, дѣйствовали по отношенію къ намъ двулично. Бурамъ слѣдовало послать изъ Преторіи въ С.-Петербургъ дипломатическаго агента, для того чтобы уяснить, насколько англійская политика имѣетъ шансы на успѣхъ въ Европѣ, а еще болѣе нужно пожалѣть, что у насъ до сихъ поръ не учредили консульства, а еще бы лучше генеральнаго, для Преторіи и Блемфонтейна ¹⁾. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ данномъ случаѣ наша дипломатія должна не допускать ни въ какомъ случаѣ англичанъ до новыхъ захватовъ чужой собственности.

Въ виду новыхъ интригъ англичанъ, трансваальское правительство начало втихомолку усиленно готовиться къ войнѣ. Въ теченіе только первыхъ двухъ лѣтъ послѣ набѣга Джемсона истрачено было имъ 60.000.000 руб. на покупку пушекъ, ружей и на фортификаціи. Затѣмъ Южно-Африканская и Оранжевая республики заключили тѣсный оборонительный и наступительный союзъ. Трансваальскій вопросъ въ концѣ концовъ разрѣшился войною. Въ мартѣ 1899 г. 21 т. британскихъ подданныхъ, живущихъ въ Трансваалѣ, подали королевѣ петицію, наполненную жалобами, — къ значительной мѣрѣ преувеличенными, — на различныя притѣсненія со стороны правительства буровъ и просили королеву о защитѣ. Рѣшено было устроить конференцію между высшимъ комиссаромъ для Южной Африки сэромъ Альфр. Мильнеромъ и президентомъ Крюгеромъ. Конференція состоялась въ Блемфонтейнѣ, но осталась безплодной. Мильнеръ требовалъ дарованія утлендерамъ избирательныхъ правъ послѣ пятилѣтняго пребыванія въ Трансваалѣ; при этомъ новый избирательный законъ долженъ былъ имѣть обратную силу и утлен-

¹⁾ Еще болѣе безтактно мы поступили, не допустивъ южно-африканскую республику на гаагскую конференцію. Голландскій министръ иностранныхъ дѣлъ сказалъ въ палатѣ, что со стороны голландскаго правительства были сдѣланы всевозможныя усилія съ цѣлью включить южно-африканскія республики въ число приглашенныхъ на конференцію, но переговоры съ Петербургомъ и другими пунктами обнаружили, что участіе Трансваала въ конференціи только повредило бы его интересамъ!

дерамъ гарантовался извѣстный минимумъ мѣстъ въ фолькераадѣ. Между тѣмъ Брюгеръ ставилъ условіемъ пріобрѣтенія избирательныхъ правъ 7-ми-лѣтнее поселеніе въ странѣ, и то подъ разными ограниченіямъ. При послѣдующихъ переговорахъ Чемберленъ поставилъ новыя условія: 1) пятилѣтній срокъ поселенія, какъ условіе пріобрѣтенія избирательныхъ правъ; 2) $\frac{1}{4}$ мѣстъ въ фолькераадѣ для золотоносной области Трансвааля; 3) равноправіе англійскаго и голландскаго языковъ въ раадѣ; 4) право новыхъ гражданъ на участіе въ президентскихъ и другихъ выборахъ. Брюгеръ отвѣтилъ отказомъ; тогда Чемберленъ заявилъ, что британское правительство вынуждено формулировать новыя требованія. Съ этой формулровкой онъ однако медлилъ, посылая войска въ Южную Африку. Но трансваальское правительство, созавая свое временное военное превосходство, объявило 27-го сентября ультиматумъ Англіи, требуя удаленія изъ Южной Африки всѣхъ ново-привывшихъ войскъ. Черезъ два дня вспыхнула война, и къ трансваальскимъ бурямъ присоединились въ качествѣ союзниковъ буры Оранжевой республики.

По политическимъ соображеніямъ англичане сочли нужнымъ удержать въ своихъ рукахъ сѣверную часть Наталя, и задача эта была возложена на ген. Уайта. Этимъ былъ предопредѣленъ ходъ всей кампаніи: Ледисмитъ, гдѣ Уайтъ сосредоточилъ свои силы, былъ окруженъ непріятелемъ и долго находился въ осадѣ. Войска, присланныя на помощь изъ Англіи, поневолѣ пришлось раздробить, и отряды Мэтуена, Гетэкра и Буллера понесли пораженія. Рядъ поражений произвелъ удручающее впечатлѣніе въ Англіи, обнаруживъ легкомысленную опрометчивость, съ которою была предпринята война, и слабость англійской арміи. Въмѣсто Буллера былъ назначенъ новый главнокомандующій — ген. Робертсъ съ ген. Китчерномъ въ качествѣ начальника штаба. Военныя неудачи осложнились возстаніемъ голландскихъ фермеровъ въ Капской колоніи и международными затрудненіями изъ-за захвата нѣсколькихъ нейтральныхъ судовъ, заподозрѣнныхъ въ провозѣ военной контрабанды. Буры во время войны дѣйствовали великолѣпно и снискали своею храбростью общее уваженіе всего міра. Они вновь подтвердили истину, что знаніе не даетъ самопожертвованія, необходимаго для службы своему отечеству, для этого наною воспитаніе. Шарпгорстъ говорилъ: «народы гибнутъ, если искусство войны предпочитаютъ военной доблести». Это сказалося на англичанахъ, низведшихъ военное дѣло на степень ремесла.

Какъ извѣстно, въ половинѣ прошлаго столѣтія Франція была, послѣ Испаніи, первою колониальною державою. Она владѣла Канадой и всѣмъ теченіемъ Миссисипи и Миссури, т. е. большею частью нынѣшнихъ Соединенныхъ Штатовъ; въ Индіи французы занимали — по крайней мѣрѣ въ политическомъ отношеніи — то же положеніе, которое заняли теперь англичане. Санъ-Доминго снаб-

жало всю Европу сахаромъ и царило между Антильскими островами. Все это было утрачено, по словамъ историковъ, ошибками царствованія Людовика XV и войнами первой республики, но, вѣрнѣе, оттого, что французскія заморскія колоніи не имѣли прочнаго базиса, существуя исключительно ловкостью нѣсколькихъ лицъ, умѣвшихъ съ малыми средствами поддерживать престижъ Франціи въ отдаленныхъ странахъ.

Послѣ того Франція неоднократно желала возсоздать себѣ колониальныя владѣнія, но каждый разъ неособенно удачно: англичане ревниво слѣдили за дѣйствіями въ этомъ направленіи французовъ и разстраивали всѣ ихъ планы. Надобно сказать также, что общественное мнѣніе очень слабо поддерживало въ колониальномъ вопросѣ правительство. Потерявъ съ 1870 года преобладающее значеніе въ Европѣ, французы вновь задумали расширить свои внѣевропейскія владѣнія. Въ короткій періодъ времени Франція захватила Тунисъ, утвердилась въ Тонкинѣ, превратила протекторатъ надъ Таити и Новогебридскими островами въ фактическое владѣніе, устроила срочную пароходную линію изъ Марселя въ Австралію, дѣятельно расширяетъ свои владѣнія въ Сенегалѣ, захватила часть Конго и, наконецъ, подтвердивъ права Франціи на островъ Мадагаскаръ, сначала установила надъ нимъ протекторатъ, а затѣмъ и совсѣмъ завоевала его.

Въ 1854 года Сенегаль была незначительная колонія и лежала на убойственныхъ для здоровья низкихъ мѣстахъ, вблизи моря. Федеръ первый понялъ, что эти низины надо оставить неграмъ и что бѣлые люди должны двинуться во внутрь, на земли, расположенныя по высотамъ. Поэтому онъ расширилъ колонію къ востоку. Его преемникъ, Бриеръ де-Лиль, пошелъ по его слѣдамъ—и берега рѣки Нигера были достигнуты въ 1879 году. Такое расширение не обошлось, конечно, безъ борьбы. Пришлось вести свирѣпую борьбу съ арабо-негритянскими владѣтелями Ахмаду и Самори.

Хотя на пространствѣ отъ Дакара до Дагомеи выгода осталась такимъ образомъ на сторонѣ Франціи, но они уступили устье Нигера.

Успѣшнѣе были дѣйствія въ Конго. Уже съ 1843 года Франція владѣла въ Африкѣ страной Габонъ, которая, однако, развивалась мало. Въ 1885 году, подъ управленіемъ де-Браца, колонія неожиданно стала развиваться. Название ея перемѣнилось. Ее называли Французское Конго. Вдохновляемые своимъ начальникомъ, пѣлый рядъ путешественниковъ и эксплуататоровъ двинулся оттуда впередъ съ успѣхомъ по-истинѣ чудеснымъ. Крампель, Дыбовскій, Мэстръ, Мизонъ, Порроль и др. исследовали страны по рѣкѣ Конго, проникли въ Суданъ и достигли озера Чадъ. Въ 1894 году организовалась въ средней Африкѣ, сначала было совсѣмъ не примѣченная, провинція Верхней Убанги, по рѣкѣ этого имени и далѣе

по р. Мбому, захватывая часть провинции Барь-Эль. Газаль Французская территория такимъ образомъ достигла до водораздѣла между рѣками Ниломъ и Конго.

Особенная сила французскаго положенія на Конго лежитъ въ конвенціи, признанной всѣми государствами, по которой, если Бельгія пожелаетъ покинуть Конго, Франція имѣетъ преимущественное право присоединять къ себѣ всю его территорию. Благодаря этой конвенціи, отзывавшейся протекторатомъ, Франція могла унчлчть англо-бельгійскій трактатъ, по которому бельгійское Конго уступало Англии часть своей территоріи.

Принадлежащій французамъ Мадагаскаръ—территорія также не маловажная. Площадь его на 7 милліоновъ десятинъ болѣе площади всей Франціи, население равно 4 милліонамъ и островъ можетъ прокормить население въ десять разъ большее, вслѣдствіе богатства своей почвы. Климатъ середины острова здоровый, берега легко доступны судамъ, а положеніе посреди торговыхъ путей на Суэзъ и вокругъ мыса Доброй Надежды, по сосѣдству французскихъ, португальскихъ и англійскихъ колоній, чрезвычайно выгодное.

Права Франціи на Мадагаскаръ были существенны, конечно, настолько, насколько вообще имѣютъ подъ собою юридическую почву колониальныя притязанія стараго времени. Еще въ 1642 г. нѣкто Риго или Рико получилъ отъ Ришелье исключительную привилегію на торговлю съ Мадагаскаромъ, а довѣренный Риго, Принц, выстроилъ Фортъ-Дофанъ на полуостровѣ Толонгавѣ. Преемникъ Принц, Флакуръ, устроилъ много новыхъ постовъ въ разныхъ мѣстахъ острова и окрестилъ Мадагаскаръ названіемъ «Восточной Франціи». Преемники Флакура занимали новыя мѣста; къ сожалѣнію, назначенный Кольберомъ въ 1670 году вице-королемъ Деге надѣлалъ столько ошибокъ, что вызвалъ возстаніе и, не надѣясь справиться съ послѣднимъ, ушелъ со всѣмъ гарнизономъ въ Индію.

Съ тѣхъ поръ, до царствованія Людовика XV, французовъ не было на островѣ, но французское правительство постоянно подтверждало свои права на Мадагаскаръ. Замѣчательно, что въ 1723 г. Петръ Великій снарядилъ изъ Рогервика (Балтійскій портъ) два фрегата подъ начальствомъ Уильстера для взятія Мадагаскара подъ русскій протекторатъ, но плохое качество судовъ не дозволило экспедиціи, снаряженной безъ достаточнаго изученія, осуществиться. Въ 1768 году, при министерствѣ герцога Пралена, де-Манданъ снова занялъ Фортъ-Дофанъ, но дальнѣйшія попытки французовъ приостановились неуспѣхомъ экспедиціи внутрь острова, руководимой знаменитымъ авантюристомъ Беніовскимъ. Несмотря на эти неудачи, права Франціи оставались безспорными, настолько безспорными, что англичане въ 1815 г., получивъ отъ Франціи Иль де-Франсъ (островъ св. Маврикія) съ

подчиненными ему мѣстами, рѣшили, что подъ послѣдними нужно разумѣть Мадагаскаръ, на что, однако, Франція не согласилась.

Вслѣдствіе этого французы вновь заняли Фортъ-Дофанъ, Таматаву и др. пункты на островѣ. Но въ это же время одинъ изъ предводителей туземцевъ Радама изъ племени говасовъ, при тайной помощи англичанъ, началъ утверждать мало-по-малу свою власть надъ всѣми племенами острова, какъ бы не признавая номинальнаго владѣчества французовъ. Послѣдніе рѣшились тогда объявить войну преемницѣ Радама, его вдовѣ Ранавало. Къ несчастію, экспедиція, снаряженная при Карлѣ X въ 1829 году морскимъ министромъ Гидъ де-Невилемъ, окончилась весьма неудачно. Занявъ сначала фортъ Ларрей и др. пункты, начальники экспедиціи Гурбейръ покинули ихъ, страдая отъ недостатка продовольствія.

Несмотря на новыя неудачи, правительство іюльской монархіи продолжало считать Мадагаскаръ въ числѣ своихъ владѣній, о чемъ и заявляло постоянно въ международныхъ актахъ. Въ 1847 г. готовилась туда экспедиція подъ начальствомъ генерала Дювивье, но палаты не дали денегъ. Французы ограничивались водвореніемъ на нѣсколькихъ островкахъ. При имперіи Наполеонѣ III, для лучшей охраны вышеозначенныхъ островковъ: Сентъ-Мари, Майоттъ и Носи-бей, заключенъ былъ съ королемъ племени говасовъ Радамой II договоръ и затѣмъ такой же договоръ въ 1868 году со вдовою Радамы Розагериной. Въ этихъ договорахъ, вѣроятно изъ опасенія Англіи, вопреки прежнимъ заявленіямъ французскаго правительства, предводители племени говасовъ неосторожно названы королями Мадагаскара, а наоборотъ владѣнія Франціи около острова получили скромное названіе «Майотта и подчиненныя ему мѣста».

Французы, однако, справедливо находили, что трактаты эти вовсе не связывали имъ рукъ. Двѣсти лѣтъ никто не оспаривалъ правъ Франціи на островъ, да и тѣ колоніи, которыя она имѣла тамъ, получены не отъ предводителей говасовъ, а договорами съ другими племенами. Само собою англичане держались другой точки зрѣнія и ихъ газеты называли попытки Франціи возстановить свой протекторатъ надъ Мадагаскаромъ набѣгами флибустеровъ. Англійское правительство оказалось, однако сговорчивымъ. Оно признало протекторатъ французовъ не только надъ островомъ, но заодно и надъ громадною частью западной Африки, включая Суданъ и половину степи Сахары, подъ условіемъ развязать ему руки относительно Занзибара, получившаго значеніе для сбыта товаровъ изъ Индіи. Площадь французскихъ владѣній въ Африкѣ оказалась такимъ образомъ огромною, но по качеству она не стоитъ и десятой части англійскихъ владѣній.

Нельзя не пожелать Франціи полнаго успѣха, хотя, признаться, въ послѣднемъ можно и сомнѣваться. Для этого достаточно взглянуть на положеніе ближайшей къ Мадагаскару французской ко-

люди—Реюнионъ. Несмотря на богатство своей почвы, островъ этотъ находится въ бѣдственномъ положеніи. Освобожденные негры работать не желаютъ, ихъ замѣняли индусскіе куліи, но по просьбамъ плантаторовъ сосѣдняго англійскаго острова св. Маврикія вывозъ индійскихъ куліевъ теперь запрещенъ. Французы думали тогда найтц рабочихъ для Реюниона въ Мозамбикѣ, но и здѣсь находящееся въ рукахъ англичанъ португальское правительство создало препятствія. Вслѣдствіе такого положенія Реюнионъ, для котораго метрополія не доставляетъ ничего, кромѣ чиновниковъ, находится въ жалкомъ экономическомъ положеніи.

Во всякомъ случаѣ безъ Франціи и Германіи Африка стала бы англійской провинціей и франко-германское соглашеніе, говоритъ справедливо г. Горловъ, единственное средство спасенія Африки отъ полнаго захвата ея Англіей. Къ несчастью, это соглашеніе крайне трудно устроить, что Англія очень хорошо знаетъ. По дѣлу Конго оно, впрочемъ, устроилось; но зато въ Трансваалѣ, въ Египтѣ и въ Марокко—оно едва-едва зарождается. А для того, чтобы оно было дѣйствительно полезно, обѣ націи не должны колебаться, въ случаѣ надобности, обнажить вмѣстѣ свои шпаги. Въ виду огромной силы противника, франко-германскому союзу потребуется и поддержка Россіи. Съ такою поддержкой союзъ всегда можетъ собрать столько же денегъ для флота, сколько и Англія; что же касается до превосходства сухопутныхъ силъ, то тутъ и говорить нечего.

Лежащая рядомъ съ Египтомъ турецкая провинція Триполи интересна только потому, что на нее, со времени занятія французамъ Туниса, жадно поглядываетъ Италія. Провинція эта имѣетъ значеніе и оттого, что изъ нея ведутъ лучшіе пути во внутрь континента. Французы уже приобрѣли ея hinterland и изъявляли желаніе приступить къ сооруженію желѣзной дороги въ 3.000 километровъ длиною, которая соединила бы Средиземное море съ богато и густо населеннымъ райономъ, окружающимъ озеро Чадъ въ центральной Африкѣ, крайней границей того района, который англичане «уступили» великодушно Франціи, не имѣя на него ни малѣйшаго права. Въ С.-Петербургѣ пріѣзжали даже съ этою цѣлью Дюпорталь, директоръ тунисскихъ желѣзныхъ дорогъ, и директоръ французскихъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, командированный французскимъ правительствомъ для изученія способа дешевой постройки Закаспійской желѣзной дороги, и лѣнпчій Бланъ—для изученія способа огражденія Закаспійской дороги отъ песчаныхъ заносовъ.

Самое естественное и кратчайшее направленіе такой дороги было бы изъ Триполи на Мурзукъ, вдоль нынѣ существующаго караваннаго пути, но такъ какъ Триполи Франціи не принадлежитъ, то приходится проектировать дороги или изъ Алжира, или изъ Туниса. Изъ Алжира, по одному проекту, дорога пойдетъ изъ

Орана и направится въ Тимбукту; по другому проекту предпочтается направленіе изъ Алжира чрезъ Бискру къ озеру Чадъ. Едва ли, однако, не лучшее будетъ направленіе изъ тунисской гавани Габеса къ тому же озеру. Какому пути отдать предпочтеніе, укажутъ, конечно, дальнѣйшія изслѣдованія. Напередъ, впрочемъ, можно предсказать, что военное министерство будетъ стоять за путь болѣе прямой и скорый къ осуществленію, а министерство публичныхъ работъ за путь дешевый.

Выгоды отъ сооруженія желѣзныхъ дорогъ въ Африкѣ французы вполне оцѣнили. Благодаря сѣти дорогъ, оккупационный корпусъ въ Алжирѣ могъ быть сокращенъ до десяти тысячъ человекъ, и спеціалисты увѣряютъ, что каждый километръ пути уменьшаетъ на цѣлую роту потребности въ войскѣ для водворенія полного спокойствія въ краѣ. Проектированная дорога свяжетъ французскій Суданъ непрерывною линіею съ владѣніями Франціи по Средиземному морю.

Алжирію и Тунисъ можно разсматривать теперь какъ составную часть Франціи; особою конвенціею 1896 г. Россія распространила даже на Тунисъ свое таможенное соглашеніе съ Франціею; поэтому страны эти не могутъ возбуждать особыхъ политическихъ вопросовъ. Съ русской точки зрѣнія слѣдуетъ радоваться, что такой важный стратегическій пунктъ, какъ портъ Бизерта, командующій Сициліей и островомъ Мальта, перешелъ въ руки нашихъ союзниковъ. Еще въ 1877 г. Тунисъ воевалъ съ нами; въ началѣ войны тунисскій бей Мухамедъ-эсъ-Садыкъ-паша объявилъ себя нейтральнымъ, почему русскій консулъ оставался въ Тунисѣ, но затѣмъ бей отправилъ 1,000 вьючныхъ муловъ и 5,000 человекъ вспомогательнаго войска. Такое измѣненіе образа мыслей бея тѣмъ непонятнѣе, что Тунисъ находился въ гораздо большей зависимости отъ европейскихъ государствъ, нежели отъ Турціи. Зависимость бея отъ Порты была чисто номинальная и ограничивалась почти одной инвеститурой; наоборотъ, надѣлавъ долговъ и не зная, какъ изъ нихъ извернуться, а съ другой стороны нуждаясь въ заграничномъ кредитѣ, бей согласился подчиниться финансовой опекѣ Англии, Франціи и Италіи, для чего имѣлась въ Тунисѣ особая коммиссія изъ представителей этихъ государствъ. Такъ какъ воевать безъ денегъ нельзя, то понятно, что бей получилъ въ 1877 г. нѣчто въ родѣ полусогласія отъ своихъ опекуновъ. Любопытно, что первый министръ и совѣтникъ бея, генераль Гуссейнъ, заступившій мѣсто извѣстнаго Кередина, попалъ случайно въ Плевну, гдѣ и просидѣлъ все время осады.

Система управленія Тунисомъ выбрана французами довольно удачная: политически связанная съ Франціей, страна эта сохранила соответствующее культурѣ и религіи населенія самостоятельное, восточное управленіе. Напротивъ того, управленіе Алжиромъ, который французы мечтали обратить во французскіе департаменты,

нельзя не признать довольно неудачнымъ. Хотя экономически Алжирія, несомнѣнно, сдѣлала успѣхи, но до сихъ поръ, не считая содержаніе арміи, она стоитъ Франціи болѣе 10 милл. руб. въ годъ. Затѣмъ арабское населеніе остается чуждо Франціи и скорѣе разоряется. Отъ французскаго владычества преуспѣли одни алжирскіе жида, гнуснѣйшіе въ мірѣ ростовщики, эмансипированные во время войны 1870 г. извѣстнымъ декретомъ Крэмье, который, по мнѣнію даже іудофиловъ, какъ Леруа Болье, настоящее государственное преступленіе. Но такъ какъ всѣ алжирскіе евреи радикалы, то никакой надежды на отмену нелѣпаго декрета нѣтъ. Несомнѣнно, что будущее развитіе Алжиріи зависить отъ того, будетъ ли Франція смотрѣть на нее какъ на колонію, населенную арабами, и откажется ли отъ своихъ централизаторскихъ и бюрократическихъ претензій.

Съ Алжиріей граничитъ богатое по природнымъ средствамъ, но полудикое Марокко. Объ этомъ государствѣ знатокъ восточныхъ дѣлъ гр. Муравьевъ-Карскій въ 1869 г. писалъ Ермолову, что оно чувствительный нервъ Англіи, «едва ли не чувствительнѣе Египта», значеніе котораго для англичанъ вѣрно оцѣнилъ Наполеонъ I. Вопросъ объ учрежденіи русскаго представительства въ Танжерѣ и о пользѣ заключенія дружественнаго союза съ Мароккскимъ государствомъ поднятъ былъ еще въ 1830 году, но только недавно разрѣшился учрежденіемъ русской миссіи. Повелитель Марокко, считающій себя калифомъ наравнѣ съ турецкимъ султаномъ, никогда, впрочемъ, въ Танжерѣ не живетъ, а изъ своихъ трехъ столицъ предпочитаетъ Фецъ. По большей части онъ находится не въ столицѣ, а воюетъ съ непокорнымъ племенами, изъ которыхъ состоитъ большинство населенія Марокко. Въ Танжерѣ, къ которому давно подбѣгаютъ англичане, живутъ только губернаторъ и министръ иностранныхъ дѣлъ, съ которымъ и переговариваются аккредитованные въ Марокко дипломаты.

Танжерскіе евреи хотя пользуются презрѣніемъ арабовъ и эксплуатируютъ населеніе, но, покровительствуемые миссіями, живутъ въ безопасности, какъ и другіе иновѣрцы; въ Танжерѣ христіанскіе храмы помѣщаются на лучшихъ улицахъ, а также издается нѣсколько газетъ. Газеты занимаются и политикою, доказывая, что Марокко должно принадлежать марокканцамъ.

Для объясненія этого надобно замѣтить, что по географическому положенію и по свойству почвы Марокко—вторая Испанія и на этотъ лакомый кусокъ давно заглядываются разные народы. Уже и въ настоящее время торговля Марокко, какъ изъ Тангера, такъ и изъ другихъ портовъ, постоянно развивается. Важнѣйшій вывозъ—миндаль, деревяннаго масла, кожъ, шерсти, воска и разныхъ смоль. Сосѣдняя Испанія участвуетъ въ этой торговлѣ гораздо менѣе, нежели Англія и Франція. Это не мѣшаетъ Испаніи мечтать болѣе другихъ о приобрѣтеніи Марокко. Въ международ-

ныхъ отношенійхъ Марокко произошла въ послѣднее время перемѣна, которая отражается также на внутреннихъ дѣлахъ этого государства. Положеніе Испаніи, которая недавно играла первенствующую роль, теперь, вслѣдствіе послѣднихъ событій, сильно пошатнулось и мѣсто ея заняла Франція. Этимъ она не мало обязана Россіи. Франціи и Россіи протпводѣйствовали представитель Англіи, но съ успѣхомъ ли, судить трудно, такъ какъ отдаленіе двора, а также скрытый и двуличный характеръ марокканцевъ не позволяютъ составить себѣ точное понятіе о дѣйствительномъ положеніи вещей. За исключеніемъ германскаго посланника, который не мало содѣйствовалъ упроченію вліянія Германіи, давно уже никто изъ иностранныхъ представителей не былъ принятъ султаномъ съ такими почестями, какъ русскій посланникъ. Россія официально признается «новымъ другомъ» Марокко и стремится создать себѣ положеніе, подобное тому, какое она приобрѣла въ Абиссиніи. Съ внѣшней стороны это уже удалось ей.

Испанцы, по наслѣдству отъ Португаліи, еще въ XVI вѣкѣ водворились на марокканскомъ берегу въ такъ называемыхъ предіяхъ Сеута, Мелла и др. Сеута лежитъ на берегу Гибралтарскаго пролива, который имѣетъ здѣсь не болѣе 25 верстъ ширины. Испанцы воображаютъ, что англичане спятъ только и видятъ, чтобы овладѣть Сеутою, а если бы ею овладѣли, то стали бы первою державою въ мірѣ. Въ дѣйствительности, при обладаніи Гибралтаромъ, владѣніе другою гаванью, къ тому же открытой, было бы для англичанъ скорѣе тягостью. Рассказываютъ, что Моретъ, бывши министромъ иностранныхъ дѣлъ, серьезно помышлялъ о возможности предложить англичанамъ Сеуту въ обмѣнъ на Гибралтаръ. Россія и Франція, конечно, осуществленія подобнаго проекта допускать не должны, ибо, разъ англичане стануть на почву Марокко, они быстро заберутъ всю страну. Сеута въ другихъ рукахъ имѣла бы важное значеніе; какъ пунктъ для торговли съ Марокко, она по своему выгодному положенію въ проливѣ и глубинѣ легко могла бы соперничать съ Тангеромъ, а также служить, при устройствѣ порто-франко и при улучшеніи порта, конкурентомъ Гибралтара въ смыслѣ транзитнаго пункта для судовъ, идущихъ изъ Средиземнаго моря въ Атлантическій океанъ и обратно. Но, само собою, испанцы и не помышляютъ объ этомъ. Для нихъ Сеута, подобно другимъ портамъ на африканскомъ побережьи, служитъ мѣстомъ ссылки. Сюда же отправляютъ и политическихъ преступниковъ, и Сеута играетъ важную роль въ мартирологѣ испанскихъ революціонеровъ, которыхъ африканская жара, конечно, охладить не можетъ.

Еще въ 1864 году испанцами было рѣшено приступить къ постройкѣ въ Сеутѣ военнаго порта, на что ассигновано 9¹/₄ мил. песеть. Но, по свойственной испанской администраціи неподвижности, работы начались ровно черезъ двадцать лѣтъ, и въ слѣ-

дующее десятилѣтіе моль былъ выведенъ только метровъ на двѣсти. Въ самое послѣднее время въ Лондонъ прошелъ слухъ, что Испанія продаетъ Суету Россіи. Соглашеніе будто заключено въ 1899 г. въ лѣтней резиденціи испанской королевы-регентши. Оно составляетъ часть болѣе обширнаго соглашенія, касающагося будущаго устройства владѣній султана мароккесскаго. Переходъ Суеты въ руки сильной державы послужилъ бы въ освобожденію Средиземнаго моря отъ англійскаго господства. Весьма понятно поэтому, что и сентъ-джемскій кабинетъ употребитъ все усилія, дабы предотвратить неприятное ему измѣненіе.

А З І Я.

XXII. СРЕДНЯЯ АЗІЯ.

Наши отношенія къ Азіи издавна обусловливались естественнымъ ходомъ вещей; только съ величайшей натяжкой можно назвать ихъ завоеваніями, да и насильственное присоединеніе полупустынныхъ пространствъ не имѣетъ ничего общаго съ англійскою системою покоренія богатыхъ и сравнительно цивилизованныхъ государствъ, съ населеніемъ въ десятки милліоновъ. Съ древности уже славянская колонизація двигалась на востокъ, переходя постепенно съ Оки на Волгу, съ Волги на Каму и Чусовую, далѣе за Обь и Ангару. Для отраженія кочевыхъ сосѣдей народъ нашъ, почти помимо государственной власти, образовалъ военную силу—казаковъ, которые рассыпались непрерывною цѣпью по рр. Дону, Тереку, Волгѣ, Уралу и по сибирской границѣ до Амура и Тихаго Океана. Пограничныя интересы и виды торговли привели, наконецъ, и правительство къ необходимости вмѣшаться въ азіатскую политику. Въ этомъ случаѣ оно очень часто только узаконивало существующіе факты; такъ по верховьямъ р. Иртыша расположилась русская колонизація гораздо ранѣе включенія ихъ въ русскіе предѣлы; по Амуру казаки плавали всегда и не подозревая, что государственная граница идетъ гораздо сѣвернѣе. То же самое было и на восточномъ берегу Каспійскаго моря.

Къ киргизамъ еще до 30-хъ годовъ правительство наше относилось съ особою дипломатическою осторожностью. Мы не рѣшались переходить р. Уралъ, хотя киргизы, номинально съ 1730 года наши поданные, спокойно грабили на обояхъ его берегахъ. Точно также юмуды восточнаго берега Каспія нѣсколько разъ приносили намъ присягу, но не были принимаемы въ русское подданство. Даже среднеазіатскія ханства пытались еще въ прошломъ столѣтіи подчиниться нашему вліянію, на что не было об-

ращено должнаго вниманія. Обрусѣніе оренбургскаго края, устройство новой линіи въ степи, постоянный приливъ колонизаціи въ Семипалатинскій и Семипрѣчинскій края и развитіе по всѣмъ этимъ мѣстностямъ русской торговли и промысловъ естественно привели къ необходимости успокоить Киргизскую степь. Для этого самое практическое средство было отрѣзать ихъ отъ вліянія среднеазиатскихъ ханствъ и, по мысли оренбургскаго генераль-губернатора Обручева, сомкнуть оборонительныя линіи противъ Кокана и Хивы. Занятіе съ 1864 по 1868 годъ Туркестанскаго края вооруженною силою осуществило это предположеніе. Кромѣ успокоенія степи, занятіе это позволило водворить миръ въ Коканѣ, Бухарѣ, Хивѣ, положить предѣлы завоевательнымъ стремленіямъ Джаты-Шара. Желаніе офціально возстановить кратчайшій торговый путь по Аму-Дарьѣ, а въ дѣйствительности занять прочную позицію противъ Хивы, о силѣ которой имѣлось преувеличенное представленіе, повлекло къ возобновленію занятія южной части пустыннаго побережья Каспійскаго моря. Въ заключеніе полная анархія въ сѣверно-западныхъ областяхъ Киптая, отторгнутыхъ возстаніемъ дунганъ, побудила занять нѣкоторые пограничныя пункты и Кульджу.

Англичанамъ, понятно, очень не понравились намѣренія Россіи водворить какой либо порядокъ въ полудикихъ странахъ Средней Азіи: вѣдь и покореніе Кавказа представлялось всегда въ Англіи какъ попытка нарушить порядокъ въ Азіи. Сколько лѣтъ терпѣли мы безпорядки въ Киргизской степи, грабежи на Каспійскомъ морѣ, оскорбленія со стороны ничтожной Хивы, перерывъ удобнѣйшаго и кратчайшаго пути въ Азію по Аму-Дарьѣ, а все это потому, что англичане являлись какими-то патентованными стражами международныхъ правъ даже по отношенію къ кочующимъ народамъ. Только съ занятіемъ Красноводска мы сдѣлали рѣшительную попытку освободиться изъ-подъ гнета англійскаго общественнаго мнѣнія; но сколько лѣтъ до того графъ Нессельроде и другіе наши дипломаты слышать не хотѣли о какомъ-либо русскомъ водвореніи на юго-восточномъ берегу Каспійскаго моря, потому что сосѣдство съ Персіей можетъ вызвать ревность англичанъ; хотя тѣ же англичане преспокойно занимали острова на Персидскомъ залпѣ, а затѣмъ переходили на твердую землю и устраивали прочныя колоніи, монополизировавшія персидскую торговлю на югѣ.

Красноводскъ былъ занятъ въ 1869 году, и съ тѣхъ поръ нѣсколько разъ измѣнялся взглядъ на значеніе этого пункта: то отдавали предпочтеніе Александровскому форту на Мангышлакѣ, то предлагали перенести морскую пристань южнѣе, къ Серебряному бугру, то въ дѣйствительности пытались устроить портъ въ Узунъ-Ада. Одно время промелькнуло даже предположеніе и вовсе оставить восточный берегъ Каспійскаго моря. Послѣднее однако, къ счастью, не осуществилось; иначе Каспійское море, несмотря на

все выгодное географическое положеніе, снова было бы обречено на десятки лѣтъ на прежнее запустѣніе. Напротивъ, съ ежегодною приплатой 100,000 рублей, восточные порты этого моря были связаны круглый годъ срочнымъ сообщеніемъ съ Астраханью, Петровскомъ и Баку и постройки красноводскаго форта перенесены на болѣе удобное мѣсто. Построена даже на возвышенномъ мѣстѣ мечеть. «Мечети этой», писалъ одинъ корреспондентъ, «постараются придать по возможности величественный видъ, чтобъ наружность ея производила сильное впечатлѣніе на послѣдователей Магомета».

Я сильно сомнѣваюсь, чтобъ заботы о магометанской пропагандѣ приносили намъ гдѣ-либо пользу. Всѣ степные, кочующіе народы, подавленные одною мыслью найти кормъ для своихъ стадъ, единственного источника существованія, чрезвычайно индифферентны въ религіозныхъ вопросахъ: къ тому же бѣдность не позволяетъ имъ заводить храмовъ и содержать духовенство. Такое положеніе выгодно для Россіи и съ политической, и съ культурной точки зрѣнія. Являются тутъ съ казенными средствами для искусственнаго возбужденія религіознаго фанатизма, и въ особенности мусульманскаго, наиболѣе для насъ опаснаго, значило повторять ошибки, неоднократно нами сдѣланныя. Внешки этого фанатизма надѣлали довольно зла и на Кавказѣ, и въ Оренбургскомъ краѣ, и въ Киргизской степи. Поэтому я полагаю, что устройствомъ въ Туркменіи мечетей можно было и повременить.

Самъ по себѣ Красноводскъ, украшенный и обстроенный, все-таки былъ до времени совершенно ничтоженъ и интересенъ только какъ пунктъ кратчайшаго и удобнѣйшаго сообщенія съ Хивою. Отъ утвержденія въ послѣдней нашего вліянія и зависѣло будущее значеніе Россіи не только въ торговлѣ Средней Азіи, но и въ азіатской политикѣ. Бывшій посланникъ въ Персію и знаменитый ученый Роулисонтъ читалъ, въ присутствіи принца Уэльскаго, лекцію въ лондонскомъ Географическомъ Обществѣ, въ которой доказывалъ, что занятіе Красноводска искувало переидскаго шаха и составляло нарушеніе границъ хивинскихъ владѣній; устройство же русскими Чикишларскаго поста на правомъ берегу р. Атрека будетъ постоянною угрозою для Хорасана, т. е. Персіи, и для Герата.

Насколько было правды въ этихъ увѣреніяхъ, достаточно видно изъ всей исторіи отношеній Персіи, Хивы и Россіи къ турменамъ. Туркмены всегда немилосердно грабили переидскія владѣнія; Хива изрѣдка дѣлала на нихъ набѣги и собирала дань, но она дѣлала это и съ нашими киргизами. Наоборотъ, еще во времена Петра Великаго туркмены приняли подданство Россіи и не мало содѣйствовали русскимъ войскамъ, отправленнымъ въ Хиву подъ начальствомъ князя Бековича-Черкаскаго. Послѣ Петра туркмены сами неоднократно просили о принятіи ихъ въ наше подданство, но въ тѣ времена Россія не хотѣла и думать о прочномъ водвореніи въ степи. Въ 1781 г. была отправлена изъ Астрахани подъ началь-

ствомъ Марка Войновича. эскадра изъ 6 судовъ для основанія укрѣпленія на одномъ изъ острововъ восточнаго берега Каспійскаго моря и для проложенія торговаго пути въ Индію. Экспедиція вернулась, не окончивъ порученія, отчасти по вѣроломству персіанъ, а отчасти по неумѣлости Войновича и дурного снаряженія судовъ. Въ 1802 г. туркмены опять объявили себя подданными Россіи и правительство рѣшилось было завести укрѣпленіе на восточномъ берегу Каспійскаго моря, однако и на этотъ разъ отказалось отъ своего намѣренія. Въ 1819 г. Муравьевъ, по порученію Ермолова, прошелъ степь отъ Каспійскаго моря до Хивы и обратно, и повсюду встрѣчалъ среди туркменъ дружбу и расположеніе. Въ 1821 г. Муравьеву было поручено выбрать удобное мѣсто для постройки крѣпости на морскомъ берегу, которую предполагалось сдѣлать и мѣстомъ склада товаровъ. Онъ избралъ два пункта: одинъ на Балханскомъ заливѣ, близъ нынѣшняго Красноводска, а другой—при Серебряномъ бугрѣ, около впаденія въ море р. Гюргени. Последнее обстоятельство весьма замѣчательно потому, что Серебряный бугоръ лежитъ гораздо южнѣе устья р. Атрека, обладаніе даже правымъ берегомъ котораго оспаривалось у насъ англичанами. Только въ 1833 г. русскіе водворились, наконецъ, на восточномъ берегу Каспійскаго моря, построивъ Ново-Петровское укрѣпленіе, перенесенное въ 1846 г. въ Тюкь-Караганъ и въ 1857 г. переименованное въ Ново-Александровское ¹⁾. Въ періодъ съ 1833 г. по 1856 г. три раза туркмены предлагали опять свою зависимость и просили у Россіи покровительства; но лишь въ 1869 г. было приступлено къ устройству укрѣпленій въ Красноводскѣ и Чиквишлярѣ. Впрочемъ, занятіемъ острова Ашуръ-Аде и устройствомъ тамъ морской станціи въ 1842 г. по проекту Путятина (хотя предположеніе занять острова высказалъ еще въ 1836 г. Карелинъ послѣ второй своей экспедиціи), русскіе еще ранѣе водворились въ самомъ юго-восточномъ углу Каспійскаго моря, противъ Астрабада.

Такимъ образомъ разсужденія Роулисона о какихъ-то нарушеніяхъ границъ Хивинскаго ханства по Каспійскому морю и угрозахъ существованію Персіи были несостоятельны. О правахъ хивинскаго хана на берегъ моря не могло быть и рѣчи, и уже пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ русское правительство считало все побережье до устья Гюргени своею безспорною собственностью. Персіане также смотрѣли на наши попытки съ благодарностью, потому что только русскіе крейсера спасали Астрабадскую провинцію отъ полнаго разграбленія туркменами. Слѣдовательно официальное проведеніе границы по рѣкѣ Атреку, сдѣланное въ послѣднее время, не болѣе, какъ любезная уступка съ нашей стороны Персіи.

¹⁾ Замѣчательно, что уже Петръ Великій указывалъ на Тюкь-Караганъ, какъ на мѣсто удобное для укрѣпленія, но Карелинъ думалъ быть умнѣе и построилъ Ново-Петровское укрѣпленіе въ Мертвомъ Бултукѣ.

При занятіи среднеазіятскаго края невольно возникло естественное желаніе, чтобъ это занятіе не составляло бремени для государства. Поэтому прежде всего представлялось необходимымъ утвердить прочно наше обладаніе на такихъ земляхъ, которыя были въ состояніи прокармливать войска и окупать расходы на администрацію и благоустройство. Для этого слѣдовало перейти отъ бесплодныхъ степныхъ пространствъ, гдѣ безъ всякой пользы расходовался деньги и люди, къ мѣстамъ орошеннымъ и съ болѣе высокою культурою. Начало тому было положено занятіемъ Ташкента, затѣмъ наиболѣе основательнымъ приобрѣтеніемъ можно почесть присоединеніе Ходжентскаго уѣзда, Бухары и особенно Зарявшанскаго края, мѣстностей плодородныхъ и способныхъ къ самому широкому экономическому развитію. Но и за этимъ присоединеніемъ, Туркестанскій край оставался чѣмъ-то неполнымъ и отрѣзаннымъ во многихъ частяхъ отъ Россіи и открытымъ по границамъ для ежеминутныхъ нападений какихъ нибудь коканскихъ инсургентовъ или туркменскихъ шаекъ.

Лордъ Грей, бывшій министромъ иностранныхъ дѣлъ, не обращалъ большого вниманія на наступательное движеніе русскихъ къ р. Аму-Дарьѣ, которая представляла весьма важный въ стратегическомъ отношеніи путь къ границамъ англійскихъ владѣній. Но успѣшность движенія возбудила въ англличанахъ, всегда ревнивыхъ къ интересамъ Россіи въ Азіи, мысль поднять вопросъ объ опредѣленіи нейтральной полосы между русскими владѣніями и находящимися въ подчиненномъ отношеніи къ намъ средне-азіятскими ханствами съ одной стороны и англійскими владѣніями въ Индостанѣ—съ другой. Надобно замѣтить, что и въ Россіи первые успѣхи показались чуть не сумасбродствомъ. Новый край С.-Петербургу совсѣмъ былъ неизвѣстенъ: когда Циммерманъ донесъ о взятіи Пишпека, приказано было благодарить намѣстника Кавказскаго! Затѣмъ возникли преувеличенныя опасенія о расходахъ, необходимыхъ для обладанія завоеваннымъ краемъ; наконецъ, возбудились сомнѣнія высшаго разбора о томъ, что подумаетъ о насъ Англія, какъ взглянетъ на наши успѣхи газета «Times» и не напишутъ ли новыя обличительныя статьи противъ Россіи профессоръ Арминіусъ Вамбери и Роулинсонъ? Мало-по-малу, всѣ эти опасенія разсѣивались, и среднеазіятская политика наша, перейдя изъ рукъ дипломатовъ въ руки генераль-губернаторовъ, становилась все болѣе и болѣе рѣшительною, строго послѣдовательною и основанною исключительно на интересахъ края и цѣлой Россіи, а не на фантастическихъ опасеніяхъ и желаніи во что бы то ни стало угодить всему свѣту. Другими словами, взявъ за образецъ Англію въ ея индійскихъ дѣлахъ, Россія стала смотрѣть на вопросы среднеазіятской политики, какъ на собственныя свои домашнія дѣла, а не какъ на вопросы международныя. Это впрочемъ не было новостью.

Еще при Александрѣ I, хотя и робко, проводилась по отноше-
нію къ среднеазіятскимъ дѣламъ та мысль, что эти дѣла—наши
домашнія дѣла—и не касаются Англій. Такое положеніе Нессель-
роде выразилъ въ инструкціи князю Ливену, посланцу въ Лондонѣ,
въ 1816 г., замѣчая, что принципъ русской азіатской политики:
никогда не допускать въ отношеніи подобныхъ столкновеній ни
посредничества, ни вмѣшательства, ни даже добрыхъ услугъ ино-
странной державы. Кастльри, когда Ливень прочелъ ему депешу
Нессельроде, даже не попросилъ съ нея копии, ибо считалъ не-
удобнымъ хранить въ архивахъ Foreign Office подобное неприят-
ное заявленіе русскаго правительства.

Когда, вопреки желанію перваго министра, была предпринята
первая англійская экспедиція въ Кабуль, возникли весьма серьез-
ные переговоры съ Англіею и въ то время Россія не признавала
Афганистанъ страной, находящеюся внѣ сферы ея дѣйствій въ
Средней Азіи. Пальмерстонъ, устроившій экспедицію, справедливо
признается отцомъ систематической подозрительности и враждеб-
ности политики Англій въ отношеніи Россіи, но наша диплома-
тія не вела тогда энергичной политики въ среднеазіятскихъ дѣ-
лахъ и даже Бруновъ неоднократно писалъ Нессельроде, что пра-
вительству не слѣдовало бы обращать слишкомъ большого вни-
манія на крики англичанъ. По поводу хивинскаго похода Перов-
скаго онъ писалъ между прочимъ: «Будьте совершенно покойны,
лишь бы только Перовскій сдѣлалъ свое дѣло: пусть онъ прого-
нитъ хана, или повѣситъ его, или выпоретъ плетью,—все равно
онъ поступитъ отлично и никто намъ въ томъ мѣшать не можетъ.
Только умоляю васъ: предпочтите факты писаніямъ. Эти писанія въ
настоящее время даже въ Европѣ очень мало имѣютъ значенія, еще
меньше стоятъ они въ Азіи. Всякій открытый актъ, подписанный
нами съ какимъ-либо хивинскимъ разбойникомъ, не дастъ намъ
больше безопасности, но навѣрное будетъ вредить намъ въ Англій».

Послѣ Парижскаго трактата мы почувствовали себя свободнѣе
и всякая попытка англичанъ встрѣчала одинъ отвѣтъ и въ Пе-
тербургѣ, и въ Лондонѣ: мы не допускаемъ никакихъ объясненій
по среднеазіятскимъ дѣламъ, касающимся исключительно Россіи.
Распространеніе нашихъ границъ въ Азіи признавалось дѣломъ
внутренней политики. Къ сожалѣнію, такое настроеніе продолжалось
только до 1864 года. Получивъ серьезный отпоръ, англичане пе-
рестали было беспокоить насъ, но кн. Горчаковъ самъ испортилъ
дѣло знаменитымъ циркуляромъ 24-го ноября 1864, въ которомъ,
предъ лицомъ всей Европы, мы обязались, безъ малѣйшей необхо-
димости, принять р. Арысь окончательно нашею границею. Три
мѣсяца спустя (циркуляръ былъ обнародованъ только въ 1865 г.)
мы нарушили обѣщаніе взятіемъ Ташкента, за которымъ пошла
другія завоеванія Черняева и Романовскаго. Черезъ пять лѣтъ мы
находились уже въ бассейнѣ Аму-Дарьи. Тогда англійское пра-

вительство не на шутку встревожилось. Въ 1869 г. посоль нашъ баронъ Брунновъ доносилъ министерству иностранныхъ дѣлъ, что англичане начинаютъ поговаривать о демаркаціонной линіи въ Средней Азіи, но что онъ не думаетъ, чтобы это могло привести къ какому либо практическому результату. Вслѣдъ затѣмъ англійское правительство прислало намъ карту, на которой отмѣчена граница, упирающаяся въ Аму-Дарью между Керки и Чарджуемъ. По докладу кн. Горчакова Александръ II повелѣлъ немедленно и рѣшительно отклонить это предложеніе какъ несомѣстное съ достоинствомъ и значеніемъ независимаго государства. «Что это такое значить отклонить?» спросилъ наивно лордъ Кларендонъ барона Бруннова.—«Это значить, отвѣтилъ нашъ посоль,—что если бы еще разъ заговорили со мною о такой разграничительной линіи, то я отказался бы продолжать разговоръ съ вами: мои инструкціи мнѣ это запрещаютъ. Вотъ какъ я понимаю слово отклонить». Увы, этотъ отвѣтъ былъ послѣднимъ твердымъ заявленіемъ нашей дипломатіи.

Потерпѣвъ такое поражение въ Лондонѣ, англичане прибѣгли къ уловкѣ, которая такъ часто удается азіатскимъ правительствамъ. Если бываетъ трудно справиться на мѣстахъ съ представителемъ иностранной державы, знающимъ свое дѣло, то можно обойти трудность непосредственнымъ обращеніемъ къ центральному правительству. Англичане перенесли переговоры о среднеазіатскомъ вопросѣ въ Петербургъ. Осенью 1869 г. состоялась поѣздка въ Россію извѣстнаго индійскаго дѣятеля Форсайта. Опытный и ловкій агентъ вступилъ въ дружескія объясненія съ тогдашнимъ директоромъ азіатскаго департамента Стремоуховымъ и въ одно свиданіе достигъ результата, составлявшаго предметъ долголѣтнихъ возжеланій англичанъ. «Предѣломъ Афганистана будутъ считаться тѣ мѣстности, которыми въ настоящее время Ширъ-Али-ханъ дѣйствительно владѣетъ». Вотъ формула, въ которую было облечено англійское домогательство и на которую мы согласились. По непонятному ослѣпленію, никто изъ власть имѣвшихъ дипломатовъ не догадался, что это именно и суть та демаркаціонная линія, которая нѣсколькими мѣсяцами раньше была отклонена по Высочайшему повелѣнію. Вотъ genesis печальнаго дѣла «афганскаго разграниченія», которое продолжалось слишкомъ четверть вѣка и въ нашихъ отношеніяхъ къ Англіи привело къ результатамъ, діаметрально противоположнымъ тому, къ чему стремились, и которое серьезно пошатнуло на время обаяніе Вѣлаго Царя въ глазахъ заинтересованныхъ туземцевъ.

По подробной картѣ Средней Азіи, составленной для переговоровъ нашимъ военно-топографическимъ депо по англійскимъ источникамъ, сѣверная граница Афганистана шла по Гиндукушу; все лежащее къ сѣверу—или было независимо, или находилось въ номинальномъ подчиненіи Бухарѣ и Китаю. На дѣлѣ это было

не такъ и границу слѣдовало на картѣ исправить, потому что лѣзавія къ югу отъ Аму-Дарьи: ханство Балхъ было покорено еще Достъ-Магометомъ, а ханство Бундузъ уже лѣтъ двадцать какъ присоединено къ Афганистану сыномъ Достъ-Магомета Афзульханомъ. Вотъ тѣмъ ограничивались владѣнія кабульскаго эмира.

Между тѣмъ англійское правительство, просившее сначала Россію собрать по этому предмету на мѣстѣ точныя свѣдѣнія, не дожидаясь результата изслѣдованія Кауфмана, бывшаго противъ уступокъ, и подъ вліяніемъ слуха о походѣ на Хиву, внезапно объявило, что, по его мнѣнію, Афганистану безусловно принадлежатъ: часть кашгарскихъ владѣній къ западу отъ Сарикюля, независимыя ханства Бадахшанъ и Ваханъ, ханства такъ называемаго афганскаго Туркестана: Бундузъ, Хулумъ и Балхъ (Мазаръ-п-Шерифъ) и бухарскія области Акчи, Сарипуль, Меймане, Хаббирганъ и Андхой. Такимъ образомъ, владѣнія Афганистана увеличивались неожиданно на цѣлую треть богатѣйшимъ въ земледѣльческомъ и горномъ отношеніи сѣвернымъ склономъ Гиндукуша и миллиономъ жителей. Въ «нейтральной» полосѣ оставались въ Средней Азіи только Хива, уменьшенная значительно Бухара, Коканъ и туркменскія степи. Россія отвѣчала на это притязаніе, что афганскій Туркестанъ можно считать въ числѣ афганистанскихъ владѣній, что противъ причисленія къ нимъ южныхъ округовъ Бухары, отдѣленныхъ отъ послѣдней неудобными степями и песками, Россія также ничего не имѣетъ, но протестовала противъ присоединенія Бадахшана и особенно Вахана, которые отъ кабульскаго эмира были совершенно независимы: незадолго бадахшанскій эмиръ даже разбилъ афганскія войска. Соединеніе этихъ земель съ Кабуломъ поставитъ-де нейтральную полосу, т. е. англичанъ, въ тѣсное соприкосновеніе съ Бухарой (съ непокорными ея округами Гиссаръ и Кулябъ), съ Коканомъ, съ Кашгаромъ и отчасти съ русскими владѣніями—стратегическое положеніе, допускающее въ будущемъ весьма запутанныя политическія комбинаціи.

Въ результатъ, слѣдовательно, вышло, что англичане, завѣсивъ во всеуслышаніе о захватахъ русскихъ, присоединили къ своимъ вассальнымъ владѣніямъ всю ту важную часть Средней Азіи, куда не распространялось еще наше вліяніе. Впрочемъ, едва ли въ Россіи были лица, знакомыя съ англійской политикой въ Индіи, которыя бы повѣрили, что англичане заботились только о будущемъ величій кабульскаго эмира. Ширъ-Али-ханъ стоялъ въ это время въ томъ положеніи къ остъ-индскому правительству, въ какое всегда становились многочисленныя тамошніе владѣтели,—десятки которыхъ и теперь считаются номинально независимыми—когда Англія предлагала имъ свой союзъ и бралась рукководить ихъ дипломатическими дѣлами. По своему угрожающему географическому положенію относительно Пешавера и Пенджаба,

Кабуль всегда былъ предметомъ зависти для англичанъ, и если зависть эта перешла въ дружбу, то очевидно, что Кабуль находился уже въ ихъ рукахъ.

Посѣтившій въ это время Туркестанъ американскій дипломатъ Скайлеръ, въ отчетѣ своемъ, довольно враждебномъ мѣстному управленію, не могъ не признать, что мы всегда искренно желали воздержаться отъ расширенія своихъ владѣній въ Средней Азіи, но дѣла слагались такъ, что нельзя было не принять роли наступательной, а разъ завоеваніе было сдѣлано, отъ него уже невозможно отступить, безъ риска потерять всякое значеніе въ краѣ. Вообще русская политика въ центральной Азіи была вполне въ зависимости отъ обстоятельствъ. «Я убѣжденъ, прибавлялъ Скайлеръ, что Россія не имѣетъ ни малѣйшаго желанія, ни намѣренія напасть на Индію; хотя русскимъ было бы непріятно, если бы вліяніе Англіи распространилось далѣе настоящихъ границъ, и весьма возможно, что когда нибудь между обѣими державами возникнутъ неудовольствія... Личная политика генераль-губернатора также клонится къ роли умиротворителя Средней Азіи. Въ этихъ видахъ были заключены трактаты съ разными государствами, хотя и весьма слабо наблюдалось впоследствии за поддержаніемъ договоровъ въ должной силѣ».

Изъ всѣхъ туземныхъ ханствъ Коканъ наиболѣе потерялъ отъ русскихъ завоеваній. По ратификаціи торговаго трактата и донесенію о томъ изъ Ташкента, въ Петербургѣ думали, что Коканъ приведенъ окончательно въ вассальное отношеніе къ Россіи. Но на дѣлѣ этого далеко не было: статьи договора соблюдались не совсѣмъ строго; пошлины торговцы платили до 6%, и на представленія со стороны русскаго правительства ханъ не обращалъ никакого вниманія. Скайлеръ былъ того мнѣнія, что очень скоро обстоятельства вынудятъ насъ занять Коканъ, какъ этого желалъ уже генераль Романовскій.

Политику Бухары относительно Россіи Скайлеръ также обличалъ въ двоедушіи, а уступки, сдѣланныя Бухарой, считалъ номинальными. По поводу уничтоженія невольничества, онъ сообщалъ, что самъ, бывши въ Бухарѣ, видѣлъ открытый торгъ персіанами на базарѣ и купилъ даже одного изъ нихъ и привезъ въ С.-Петербургъ.

Относительно трактата съ Бухарой, американскій дипломатъ справедливо замѣтилъ, что въ тамошнихъ ханствахъ важно не заключеніе трактата, а поддержаніе его силою. Для всѣхъ понимающихъ положеніе дѣлъ въ Средней Азіи, очевидно, по его словамъ, что русскимъ слѣдуетъ занять всю мѣстность, простирающуюся до Аму-Дарьи и даже, можетъ быть, до Гинду Куша. Туркестанская администрація такъ это и рѣшила и, несмотря на сопротивленіе петербургскихъ дипломатовъ, приступила къ постепенному занятію ханствъ. Дѣло началось съ той же Хивы. Въ

успѣхъ движенія не могло быть сомнѣнія, потому что сдѣланныя рекогносцировки показали, что путь въ Хиву вовсе не представляетъ тѣхъ неудобствъ, которыя предполагали въ немъ прежде, на основаніи неудачнаго похода Перовскаго, и о которыхъ такъ краснорѣчиво писалъ Вамбергъ.

Относительно достаточности поводовъ къ походу тоже не могло быть спора. Хива своими постоянными грабежами въ степи и по берегамъ Каспійскаго моря, укрывательствомъ бѣглыхъ и поощреніемъ торговли русскими и персидскими плѣнниками давно заслуживала наказанія. Вопросъ о необходимости похода могъ быть разсматриваемъ только съ точки зрѣнія политической.

Признавая за Россіей полное право, для спокойствія своихъ границъ, раздѣляться съ пограничными полудикими народами, не признающими другихъ аргументовъ кромѣ силы, общественное мнѣніе не отрицало, что и туземное населеніе выиграетъ отъ присоединенія, если не нарушать его религіозной свободы и нѣкоторыхъ обычныхъ правъ; но присоединеніе окраинъ не признавалось выгоднымъ съ чисто-русской точки зрѣнія. Оно-де заставляетъ усиливать армію, ложится усиленною тяжестью на бюджетъ, увеличиваетъ и безъ того сложную машину администраціи, усложняетъ законодательство и т. д. При нашей централизаціи, подобное возрастаніе окраинъ вредно вліяетъ на общественную жизнь коренныхъ губерній, отвлекая вниманіе правительства къ болѣе отдаленнымъ областямъ.

Хива находилась, впрочемъ, въ исключительныхъ для Россіи условіяхъ; это разбойничье гнѣздо лежало въ низовой части Аму-Дарьи, которая для мѣстнаго полудикаго населенія служитъ только какъ источникъ для орошенія полей; между тѣмъ на протяженіи тысячи верстъ эта рѣка представляетъ водной путь, значеніе котораго для центральной Азіи еще въ 30 годахъ оцѣнилъ Бѣрнсъ.

Это торговый путь не только въ Туркменію, Хиву, Бухару, Бадахшанъ, Сепстанъ, Хулумъ, Кундузъ, Мазаръ-и-Шерифъ, Афганистанъ, но и въ Индію, потому что отъ Кундуза на Кабуль до Пешавера, т. е. до желѣзныхъ дорогъ Индіи, останется не болѣе пятисотъ верстъ пути, хотя и гористаго, но трудности котораго съ весьма понятною цѣлью сильно преувеличивались англичанами, которые преспокойно прогуливались тамъ во время занятія Афганистана съ тяжелою артиллеріей. Хотя, конечно, означенный путь, идущій черезъ Баміанское ущелье, не можетъ сравниться съ путемъ отъ Гязскаго берега Каспійскаго моря на Нишапуръ, Мешедъ, Герать, Себзаръ, Феррахъ, Газни, Кандагаръ, Кветта и менѣе высокія Солпмановы горы. Торговля Европы съ Индіей уже въ древнія времена производилась, однако, по первому пути. Плиній пишетъ, что во времена Помпея въ семь дней прибывали отъ Инда въ Бактріану на берегахъ р. Икаръ, впадающей въ Оксусъ (Аму-Дарью), и что индійскіе товары, перевезенные

оттуда черезъ Каспійское море въ Куру, могутъ быть перевезены сухопутно не болѣе какъ въ 5 дней до р. Фазиса (Ріона), впадающаго въ Эвксинскій понтъ (т. е. Черное море). Къ этимъ свѣдѣніямъ знаменитаго римскаго ученаго надобно сдѣлать маленькую поправку. Такъ какъ отъ р. Инда до Бактріаны (Балха) 1,600 верстъ, то этого разстоянія въ 7 дней и на велосипедѣ не проѣдешь.

Политическую важность возобновленія подобнаго пути, особенно съ приложеніемъ пара, легко было оцѣнить даже противникамъ гг. «ташкентцевъ». Наши среднеазіатскія владѣнія представляли какъ бы длинный языкъ, вытянутый изъ Западной Сибіри, между степью и враждебными ханствами; соединяя этотъ языкъ съ Каспійскимъ моремъ, мы придавали нашимъ владѣніямъ опредѣленную форму и законченность. Какія бы политическія затрудненія ни представлялись къ сѣверу и къ югу отъ этихъ владѣній, но изъ трехъ важнѣйшихъ путей, связывавшихъ ихъ съ Россіей, т. е. омскаго, оренбургскаго и красноводскаго, по крайней мѣрѣ одинъ долженъ былъ оставаться свободнымъ; при такихъ только условіяхъ Туркестанскій край не былъ горстью русскихъ, брошенныхъ въ чужой край, но органически сливался съ имперіей.

Точная исторія хивинскаго похода рисуется дѣло съ непривлекательной стороны. Еще осенью 1872 года полагали, что полковникъ Маркозовъ, командовавшій экспедиціею, которая отправилась отъ Красноводска до Каспійскаго моря, дойдетъ до Хивы и овладѣетъ ею; но онъ, по неосмотрительности, потерялъ много верблюдовъ и вернулся съ полпути. Тогда рѣшено было снарядить полную экспедицію противъ хана. Кауфманъ предложилъ организовать два отряда: одинъ, изъ кавказскихъ войскъ, вышелъ бы изъ Красноводска прямо на Хиву; другой, подъ личнымъ его начальствомъ, направился бы изъ Ташкента. Крыжановскій, бывшій въ то время въ Петербургѣ, увѣрилъ, что если еще третья экспедиція не выйдетъ изъ Оренбурга, то Киргизская степь будетъ открыта, и хивинцы, при содѣйствіи друзей своихъ, туркменовъ, кинутся на большой почтовой трактъ, ведущій къ Ташкенту, и займутъ Оренбургскую губернію!

Эти стратегическія соображенія вынудили совмѣстное снаряженіе трехъ экспедицій. Одна изъ нихъ, Маркозова, вслѣдствіе послѣдствій, съ какою онъ шелъ, желая придти первымъ и взять Хиву до прибытія другихъ экспедицій, совершенно не удалась; отрядъ пострадалъ невыносимо отъ жары и недостатка воды, и Маркозовъ былъ вынужденъ вернуться, зарывъ свою пушку въ песокъ и сбросавъ ружья, которыя потомъ были принесены ему киргизами ¹⁾. Въ виду неусиѣха Маркозова, въ двѣ недѣли былъ

¹⁾ Въ виду соперничества трехъ военныхъ округовъ, Маркозовъ избралъ кратчайшій путь черезъ колодцы Инды, Ортакую и Змухширимъ (граница Хивинскаго ханства), но между первыми и вторыми 5 дней безводнаго перехода, а между

сформированъ еще новый отрядъ Ломакина, который съ Мангышлака двинулся къ Кунграду черезъ Усть-Юрть. Экспедиція Кауфмана также встрѣтила неблагоприятную погоду, и когда отъ Калата пошла на Аму-Дарью, къ Учъ-Угачу, черезъ пустыню, совершенно ей неизвѣстную на разстояніи около тысячи верстъ, то преодолевала трудности выше всякаго описанія; палящій зной и жажда томили войска; всѣ почти верблюды пали; офицеры и солдаты побросали въ степи большую часть багажа и лагерныхъ принадлежностей. Кауфманъ доходилъ до отчаянія и одно время ожидалъ гибели всей своей экспедиціи среди песковъ. Экспедиція Веревкина дошла между тѣмъ безъ всякихъ затрудненій, и когда она добралась до Аму-Дарьи, дѣла пошли лучше.

Три послѣднія экспедиціи почти одновременно атаковали городъ Хиву, но какъ только установилось сообщеніе между Кауфманомъ, Веревкинымъ и Ломакинымъ, послѣдніе получили предписаніе прекратить огонь, потому что городъ намѣренъ сдаться. Веревкинъ, взявшій ворота, видя, что огонь со стороны города не прекращался, съ горстью людей взялъ приступомъ и цитадель; но едва только онъ это успѣлъ сдѣлать, какъ пронеслась вѣсть, что Кауфманъ уже вступаетъ въ капитулировавшій городъ черезъ другія ворота.

Ясно, что войска изъ Ташкента и съ Каспійскаго моря были двинуты напрасно. Навстрѣчу Кауфману черезъ Аму-Дарью не тронулся ни одинъ отрядъ—до такой степени всѣ были убѣждены, что генераль погибъ въ пескахъ. Единственное сопротивленіе встрѣтилъ отрядъ Веревкина, противъ котораго была послана вся хивинская армія, за исключеніемъ небольшого отряда, охранявшаго переправу черезъ Аму-Дарью. Вышло такъ, что оренбургская экспедиція, посланная только въ видахъ огражденія степи отъ набѣговъ туркменъ, одна избрала самую лучшую дорогу, на которой почти не встрѣтила препятствій, прибыла благополучно и овладѣла городомъ. Еслибъ въ свое время принятъ былъ совѣтъ оренбургскаго генераль-губернатора, то Хива была бы взята безъ труда, безъ шума и безъ всякихъ дипломатическихъ непріятностей, какія затѣмъ послѣдовали.

Въ виду усѣховъ, одержанныхъ оренбургскимъ отрядомъ, надобно было дать какую-нибудь роль и ташкентскому отряду, чтобъ и на его долю выпала часть награды и почестей за подвигъ, который приписывался единственно оренбурго-мангышлакской экспедиціи. Поэтому, послѣ наложенія контрибуціи на туркменъ были призваны старѣйшины юмудскаго племени и имъ объявлено, чтобъ въ двѣ недѣли была уплачена часть этой суммы, а остальное уплатится въ разсрочку; въ видѣ же обезпеченія того, что

вторыми и третьими 7 дней. А какъ нарочно 1873 г. былъ исключительно знойный и уже въ апрѣлѣ жара доходила до 40°.

въ указанный срокъ будетъ привезенъ пмп первый взносъ, взяты заложники. Но вмѣсто того, чтобъ дожидаться истеченія означенныхъ двухъ недѣль, вслѣдъ затѣмъ былъ высланъ отрядъ подъ командою Головачева, который порядочно поколотилъ юмудовъ.

Послѣ разгрома Хивы прощѣ всего казалось, конечно, присоединеніе послѣдней къ русскимъ владѣніямъ; но торжественное обѣщаніе, данное гр. Шуваловымъ, обязывало сохранить самостоятельность этого ханства. Хивинское ханство осталось полунезависимымъ, съ границею по Аму-Дарьѣ; все же лежащее на правомъ берегу послѣдней отдало Бухарѣ; на ханство налагалась контрибуція въ 2 милл. руб., въ обезпеченіе уплаты которой русскіе отряды, содержимыя на счетъ хивинской казны, должны были занимать въ теченіе семи лѣтъ укрѣпленные пункты на Аму-Дарьѣ—Кунградъ и Шураханъ; часть этой контрибуціи возложилъ на туркменъ-юмудовъ; кромѣ того, отмѣнялась смертная казнь въ хивинскомъ ханствѣ на вѣчныя времена. Эти условія вызвали нѣсколько болѣе или менѣе основательныхъ возраженій. Указывали на то, что контрибуція составляетъ $\frac{3}{4}$ настоящихъ доходовъ ханства, экономическое устройство котораго потрясено освобожденіемъ невольниковъ, на которыхъ лежали труды по обработкѣ земли, что возможность для хивинскаго хана подчинить юмудовъ контрибуціи сомнительна, что Шураханъ лежитъ на правомъ берегу Аму-Дарьи, слѣдовательно, въ обезпеченіе уплаты хивинцамъ контрибуціи мы будемъ занимать въ сущности бухарскую территорію, что полная отмѣна смертной казни едва ли своевременна въ Хивѣ, когда наказаніе это не отмѣнено еще въ Англіи и Франціи, наконецъ, что, потративъ на походъ много успій и 2 милл. р., мы въ результатѣ болѣе всего обезпечиваемъ интересы не свои, а Бухары. Къ этому можно прибавить, что еще болѣе отъ нашего похода выигрывала Персія, которой было возвращено свыше 20,000 человекъ здороваго мужского населенія, т. е. капиталъ примѣрно въ 10 милліоновъ рублей.

Хива нами была завоевана, поэтому мы третируемъ ее иначе чѣмъ Бухару, добровольно принявшую нашъ протекторатъ. Поэтому въ Хивѣ нѣтъ дипломатическаго резидента, она получаетъ приказанія отъ туркестанскаго генераль-губернатора, ханъ не имѣетъ право давать орденовъ и пр.

Часть хивинскихъ земель была отдана Бухарѣ, часть праваго берега Аму-Дарьи и дельта этой рѣки, отъ Аральскаго моря до крайняго, западнаго рукава Аму-Дарьи была присоединена къ русскимъ владѣніямъ. Для охраны вновь занятой территоріи составленъ особый отрядъ и командиру его предоставлены права губернатора. Здѣсь, въ 80 верстахъ отъ Хивы и 200 верстахъ отъ Бухары, возникъ русскій городъ Петро-Александровскъ. Городу этому можно предсказать торговую будущность, если найдется достаточно топлива для поддержанія дѣятельнаго по Аму-Дарьѣ па-

роходства, пока же на этой рѣкѣ мало жизни и воды ея служатъ болѣе для орошенія. Петро-Александровскъ лежитъ на пути торговыхъ каравановъ изъ Хивы въ Бухару, а слѣдовательно и на пути отъ Самарканда и Бухары къ Каспійскому морю. Съ другой стороны, транзитный путь идетъ на Мервъ и Мешедъ въ Персію.

Мы становились прочно и на Аральскомъ морѣ. Номинально оно считалось и ранѣе въ предѣлахъ русской территоріи, но, по отсутствію на его берегахъ прѣсной воды и населенія, море это не имѣло никакого практическаго значенія, пока вліяніе наше не распространилось до обитаемыхъ пунктовъ по Аму-Дарьѣ, гдѣ могутъ быть устроены торговая колонія, пристань, верфь для постройки судовъ и образовано компетентное управленіе для разъясненія могущихъ возникнуть, вслѣдствіе торговли и судоходства по Аму-Дарьѣ, споровъ и недоразумѣній.

Въ постановленіи правительства о присоединеніи говорилось только о сѣверной и восточной границахъ Хивы, но умалчивалось о границахъ западной и южной. Южная граница съ Бухарой для Россіи была мало интересна; но западная, т. е. Турменская степь, была очень важна въ политическомъ отношеніи. Официальное молчаніе о ней показывало, что русское правительство оставалось при прежнемъ своемъ мнѣніи о безусловныхъ правахъ Россіи на Закаспійскую степь. За Хивую очередь настала для этой степи и для Кокана.

Въ 1863—65 годахъ мы завоевали по необходимости часть Коканскаго ханства—нашего истоннаго врага въ Киргизской степи, но, о чемъ уже было сказано, не закончили этого завоеванія и довольствовались договоромъ, заключеннымъ въ 1868 г. Лучшая часть ханства, съ населеніемъ въ восемьсотъ тысячъ, поселеннымъ на прекрасныхъ скатахъ горъ, удержала свою независимость. Запертое со всѣхъ сторонъ, политически ханство это никакого значенія не имѣло; оставаясь, однако, въ рукахъ мусульманскихъ фанатиковъ, оно представляло ежеминутную опасность, возможностью возбудить возстаніе въ нашихъ собственныхъ владѣніяхъ. Образую, въ сущности, лучшую естественную границу для Туркестанскаго края, Коканъ отъ русскихъ владѣній никакою подобною границею отдѣленъ не былъ. При такихъ условіяхъ, занятіе ханства и обращеніе его въ русскую Ферганскую область составляло событіе желательное и нормальное и требовалось только убѣдить въ этомъ князя Горчакова. Занять необходимо было все ханство, а не одинъ только малоплодородный правый берегъ Сыръ-Дарьи, какъ объ этомъ существовали предположенія. Такая полумѣра положила бы лишь начало новымъ затрудненіямъ въ будущемъ. Присоединеніе Кокана, исполненное въ 1876 г., послѣ того, что коканцы, возмущившіеся подъ начальствомъ Абдуррахмана-Автобачи противъ Худейръ-хана, были разбиты сначала фонъ-Кауфманомъ, а затѣмъ знаменитымъ генераломъ Скобелевымъ, встрѣчено было

съ радостью даже массою коканскаго населенія, выведенною изъ терпѣнія грабежемъ своихъ хановъ, и не возбуждало ничьей зависти, даже мнительной Англїи, потому что Коканъ, отрѣзанный съ трехъ сторонъ неприступными горами, давно казался оазисомъ въ морѣ русскихъ владѣній.

Нѣсколько иначе посмотрѣли англичане на экспедицію, служившую къ присоединенію тѣсно связаннаго съ Коканомъ Алая и въ особенности къ упроченію западной границы нашихъ среднеазиатскихъ владѣній. Англичане дѣлали видъ, что поражены извѣстіемъ, что экспедиція направляется на Мервъ. «Это извѣстіе», говорилъ «Times», «измѣнило все дѣло (?) и возбуждало, надобно сознаться, во многихъ живѣйшую тревогу». Поводы же къ этой тревогѣ, по словамъ «Times», слѣдующіе: «Хотя въ Мервѣ нѣтъ ничего, кромѣ земляныхъ мазанокъ, но онъ есть пунктъ, имѣющій нѣкоторое торговое и важное стратегическое значеніе. Наименьшее изъ его преимуществъ есть плодородіе его округа, представляющаго свѣтлый пунктъ въ печальной пустынѣ. Онъ имѣетъ еще большее значеніе, какъ пересѣченіе дорогъ изъ Мешеда въ Бухару и изъ Герата въ Хиву. Граница Афганистана отстоитъ лишь на три или на четыре дни пути отъ Мерва, и затѣмъ менѣе чѣмъ въ недѣлю легкаго похода вторгающійся отрядъ можетъ достигнуть Герата. Городъ этотъ можно считать или не считать «ключомъ Индіи», но, по меньшей мѣрѣ, это пунктъ такой важности, что еслибъ онъ попалъ въ руки Россіи, то индійскую армію пришлось бы немедленно усилить, по крайней мѣрѣ, на четвертую часть. Итакъ экспедиція на Мервъ не пустое дѣло. Нѣтъ надобности особенно тревожиться ею, но она будетъ, несомнѣнно, угрозою для насъ на будущее время».

Правда, тонъ «Times» былъ значительно спокойнѣе и не видно было прежняго раздраженія, но всетаки британская нетерпимость и желаніе сдѣлать Азію какимъ-то родовымъ англійскимъ владѣніемъ проглядывали между строчекъ. Между тѣмъ стремленіе русскихъ успокоить Туркменскую степь не должно было возбуждать опасеній, скорѣе оно должно было привѣтствоваться, потому что отъ этого выигрывали не только Россія и Персія, но и косвенно Англія. По картѣ, русскія владѣнія тянулись непрерывно отъ Тянь-Шаня до Каспійскаго моря, но никакое серьезное торговое движеніе въ этомъ направленіи не было возможно, ибо туркменскія племена не были приведены еще окончательно въ покорность. Умиротворить же ихъ навсегда возможно было только занявъ, военнымъ образомъ, всю территорію между моремъ и Аму-Дарьею, такъ, чтобъ русскія границы соприкасались лишь съ границами государства съ осѣдлымъ и спокойнымъ населеніемъ. Это необходимое округленіе границъ подразумѣвалось при переговорахъ гр. Шувалова, предшествовавшихъ хивинской экспедиціи, и Мервъ не былъ включенъ въ такъ называемую «нейтральную полосу»,

т. е. въ ту часть среднеазіятскихъ владѣній, которая была брошена на съѣденіе британскому черберу.

Движеніе русскихъ отрядовъ въ Закаспійскомъ краѣ ограничивалось первоначально рекогносцировками по старому руслу Аму-Дарья и по Атреву; осуществленіе занятія Мерва для Россіи потребовало гораздо болѣе времени, чѣмъ необходимо было для усиленія остъ-индской арміи на 25,000 человекъ, которое съ ужасомъ предрекалъ «Times».

Собственно Мервъ былъ присоединенъ безъ особыхъ хлопотъ искусными переговорами, которые велъ доброволецъ-дипломатъ инженеръ путей сообщеній г. Лессаръ и полковникъ Алхановъ. Дѣло кончилось нѣсколькими ружейными выстрѣлами. Но это могло совершиться лишь послѣ взятія Геокъ-Тепе и разгрома текинцевъ. Последнее потребовало цѣлаго похода Скобелева 1880—1881 г., такъ какъ предшествовавшая экспедиція Ломанна въ 1879 г. была отражена съ большими потерями, вѣною коихъ было легкомысліе нѣкоторыхъ начальниковъ колоннъ. Штурмъ преждевременно начатый былъ отбитъ съ потерей пятьсотъ человекъ; мы ушли, бросивъ часть раненыхъ и много оружія, которое служило потомъ противъ насъ¹⁾.

Окончательное присоединеніе къ имперіи занятаго нашими войсками ахаль-текинскаго оазиса весьма удачно совпадало съ возвращеніемъ Китаю Кульджи. Ахаль-текинскій оазисъ не могъ, конечно, сравниться по богатству съ утраченными нами землями, потому что Кульджа представляетъ рѣдкое сочетаніе на маломъ пространствѣ земель чрезвычайно удобныхъ для земледѣлія и колонизаціи, съ огромными подземными сокровищами, въ особенности въ видѣ каменнаго угля. Но и ахаль-текинскій оазисъ былъ полезнымъ для Россіи приобрѣтеніемъ болѣе всего въ смыслѣ политическомъ.

Значеніе новой территоріи тройное: по отношенію къ путямъ въ Среднюю Азію, по отношенію къ успокоенію Закаспійскаго края и, наконецъ, по отношенію къ сосѣднимъ къ Россіи азіатскимъ государствамъ. Я говорилъ уже, что путь на Герать и Кандагаръ есть лучшій путь въ Остъ-Индію. Занятіе на этомъ пути новаго прочнаго базиса, очевидно, было чрезвычайно важно въ стратегическомъ отношеніи и, въ свою очередь, повліяло на отношенія къ намъ Англии. Чѣмъ болѣе твердо становились мы на пути въ Остъ-Индію, тѣмъ уступчивѣе дѣлалась политика Англии въ восточномъ вопросѣ. Это не требуетъ доказательствъ.

Умиротвореніе Закаспійской степи, невозможное, пока въ тылу у кочующихъ тамъ народовъ не было русскихъ укрѣпленій, не

1) Любопытна прогрессія расходовъ на завоеванія, несмотря на успѣхи цивилизаціи. Присоединеніе Ташкентской области потребовало 2,000 чел. войска, 235 т. руб., хивинскаго ханства—уже 6 мил. руб. и трехъ большихъ отрядовъ, Геокъ-Тепе 18 мил. руб. и постройки желѣзной дороги.

лишено значенія въ экономическомъ смыслѣ. Хотя это край вообще бѣдный и пустынный, но полное успокоеніе его подняло благосостояніе кочевниковъ, оживило прибрежные рыбныя и нефтяныя промыслы, усилило стремленіе къ осѣдлости тамъ, гдѣ она возможна вблизи рѣкъ, что, въ свою очередь, увеличило доходъ правительства и сократило издержки, необходимыя для охраненія новаго края. Нѣчто подобное произошло съ Киргизской степью послѣ присоединенія Туркестана.

Наболѣе значенія для укрѣпленія за нами присоединеннаго края, а также и для усиленія его стратегическаго значенія имѣло сооруженіе тамъ желѣзной дороги генераломъ Анненковымъ. Начало постройки этой дороги было встрѣчено очень холодно; даже Скобелевъ, торопясь походомъ и нуждаясь въ верблюдахъ, смотрѣлъ на нее лишь какъ на стѣсняющую его затѣю и относился недружелюбно къ Анненкову, требовавшему для сооруженія участка только до Кизиль-Арвата 10,000 верблюдовъ для перевозки матеріаловъ. Въ дальнѣйшей постройки не было недостатка въ противоѣдствіи; ходили слухи чуть ли не объ умопомѣшательствѣ строителя дороги и ѣздилъ цѣлая коммиссія, подъ предсѣдательствомъ Паукера, провѣрять на мѣстѣ справедливость разныхъ извѣстій. Тѣмъ не менѣе дѣло было доведено успѣшно до конца и удивило Европу. И въ Лондонѣ, и въ Парижѣ впечатлѣніе отъ открытія Самаркандской желѣзнодорожной линіи было вдесятеро сильнѣе, чѣмъ въ Петербургѣ.

Кто знаетъ порядки, существующіе въ нашихъ канцеляріяхъ, мнительность послѣднихъ въ отношеніи новыхъ и смѣлыхъ затѣй, затрудненія—весьма, впрочемъ, естественныя—сопряженныя съ значительнымъ отпускомъ казенныхъ денегъ, да еще на окраинѣ, тотъ пойметъ, что главныя успія строителя были не въ покрытыхъ саксауломъ барханахъ среднеазиатской степи, а въ Петербургѣ, въ приходящихъ людей власть имѣющихъ. Къ счастью, строитель нашелъ дальновиднаго союзника въ лицѣ начальника Главнаго Штаба Обручева, который всячески поддерживалъ его планы. Въ настоящее время Закаспійская дорога доведена до Ташкента и продолжена до Андижана съ одной стороны и до Кушка (отъ Мерва) съ другой. А отъ Кушка, какъ извѣстно, до Герата ручкой подать.

Закаспійская дорога проткнула Бухару насквозь, какъ булавка какого-нибудь жука. Вся мѣстность около желѣзной дороги въ русскихъ рукахъ, возникли цѣло русскія поселенія—Чарджуй и Новая Бухара. Русскіе заняли одновременно на лѣвомъ берегу Аму-Дарьи весьма важный стратегическій пунктъ относительно Афганистана—Керки, гдѣ и содержатъ гарнизонъ.

Дорога, прошедшая затѣмъ на Ташкентъ и Андижанъ, прорѣзываетъ Сыръ-Дарьинскую и Ферганскую области. Мерво-Кушкинская желѣзная дорога перерѣзываетъ на 300-верстномъ протяженіи

оазисы Мервскій, Голотанскій и отчасти Пендинскій и заканчивается у самой афганской границы. Направленіе ея опредѣляется теченіемъ р. Мургаба и впадающей въ нее р. Кучкь, гдѣ проходила почтовая грунтовая дорога. Мервскій оазисъ, перерѣзанный уже приблизительно съ запада на востокъ Закаспійской дорогой, перерѣзанъ новой вѣтвью съ сѣвера на югъ. Герать отъ Кучкинскаго поста отстоитъ на сто верстъ. А отъ Герата, откуда до Чамана (конечная желѣзнодорожная станція англичанъ) по караванной дорогѣ, чрезъ Себзарь, Фаррахъ, Гиришкь и Кандагаръ, остается еще около 700 верстъ, иначе говоря — аванпосты двухъ армій находятся въ разстояніи около тридцати съ небольшимъ переходовъ одинъ отъ другого. Послѣ этого нѣтъ надобности распространяться относительно стратегическаго значенія означенной вѣтки. Она дастъ возможность въ каждый желаемый моментъ кинуть къ границѣ Афганстана десятки и сотни тысячъ нашихъ войскъ съ Кавказа и Туркестана, т.-е., пными словами, поставить насъ въ такое же выгодное положеніе относительно пресловутаго буфернаго государства, въ какомъ давно уже находится Англія со стороны Индіи. Въ маломъ видѣ опытъ такой мобилизаціи былъ сдѣланъ уже въ концѣ 1899 г. Кромѣ того Кучка укрѣплена. По словамъ иностранныхъ газетъ, 150 орудій поставлено тамъ, и въ Керкахъ сверхъ того заготовленъ матеріалъ для быстрой постройки 260 верстъ желѣзной дороги, въ томъ числѣ имѣются тис—и для перевозки осадныхъ орудій.

Но вышеозначенной линіи еще недостаточно. Аму-Дарья, какъ путь судоходства, слишкомъ неудовлетворительна и полагаться на нее нельзя. Желѣзная дорога отъ Чарджуя вверхъ по рѣкѣ до Келифа и даже до Айманджп составляетъ предметъ серьезной необходимости. Г. Лебедевъ полагаетъ, что направленіе вдоль рѣки обойдется дешевле, нежели прямое отъ Самарканда, такъ какъ не придется переходить горы; это крайне полезное предпріятіе будетъ въ то же время и весьма доходнымъ, такъ какъ дорога пройдетъ по густо населенной, богатой и плодородной странѣ, которая до сихъ поръ лишена удобныхъ путей сообщенія. Между тѣмъ эта дорога дастъ твердую опору лѣвому крылу русской арміи, наступающей противъ англійской отъ Гиндукуша на Памиръ; правое крыло ея будетъ опираться на желѣзную дорогу въ Сеистанъ. При такихъ условіяхъ центръ арміи можетъ смѣло двигаться впередъ изъ Герата. Закаспійская желѣзная дорога совершенно измѣнила отношенія Бухары къ Россіи. Еще очень недавно, особенно между военными, существовало мнѣніе, впервые высказанное Черняевымъ, что Россія сдѣлала ошибку, оставляя самостоятельное существованіе, въ тылу у войскъ, которыя могутъ дѣйствовать противъ Афганистана или Остъ-Индіи, такому крупному центру мусульманскаго фанатизма. Бухару, по мнѣнію этихъ лицъ, слѣдовало присоединить еще въ 1868 году, вмѣстѣ съ Са-

маркандоуъ. Дѣйствовать иначе было, однако, много весьма важныхъ причинъ.

Въ то время наши среднеазіятскія владѣнія не имѣли еще скорыхъ путей сообщенія съ Россіей; Коканъ и Хива были независимы, туркмены находились также почти внѣ вліянія Россіи. Поэтому слѣдовало сначала укрѣпить положеніе Россіи въ Туркестанѣ и Закаспійскомъ краѣ. Теперь обстоятельства совершенно переѣнились и присоединеніе Бухары—совершенно въ нашихъ рукахъ.

Въ 1872 году былъ заключенъ новый торговый договоръ туркестанскимъ генераль-губернаторомъ съ бухарскимъ эмиромъ. Сравнительно съ договоромъ 1868 года этотъ трактатъ представлялъ значительный шагъ впередъ, расширяя права русской торговли въ ханствѣ. Въ политическомъ отношеніи договоръ также былъ немаловаженъ: онъ уничтожалъ рабство въ бухарскихъ владѣніяхъ, объявлялъ плаваніе по Аму-Дарьѣ для русскихъ судовъ свободнымъ и позволялъ имѣть въ Бухарѣ постояннаго политическаго агента. Но наибольшее вліяніе для укрѣпленія значенія русскихъ имѣли не трактаты, а занятіе Зарявшанскаго края, который является ключомъ къ Бухарѣ. Край этотъ питаетъ большую часть Бухары и, занявъ его, русскіе всегда могутъ отрѣзать воду не только отъ окрестностей Бухары, но и отъ самаго города. Въ настоящее время только расширеніе культуры въ пограничныхъ русскихъ владѣніяхъ и спасаетъ населеніе Бухары отъ голода. Униженіе Хивы и завоеваніе Ахаль-Текинскаго и Мервскаго оазисовъ и расширеніе границъ до Афганстана окружили Бухару русскими владѣніями, ставшую такимъ образомъ какъ бы уединеннымъ островомъ среди обширныхъ русскихъ владѣній.

Вмѣстѣ съ этимъ произошла и переѣна лицъ. Вмѣсто враждебнаго намъ Музаффара-эффенди, эмиромъ сдѣлался, отчасти при помощи Россіи, Сепдъ-Абдуль-Авхатъ, человекъ слабый и думающій болѣе объ увеличеніи своего состоянія, нежели о политическихъ интригахъ. Совѣтники его всѣ люди также очень мало энергическіе; они держатся стороны Россіи, конечно, пзъ-за благъ земныхъ, имѣя возможность подъ охраною русскихъ штыковъ болѣе спокойно эксплуатировать туземное населеніе.

Назначенный только съ 1886 г. повѣренный въ дѣлахъ при эмирѣ контролируетъ всѣ дѣйствія бухарскаго правительства. Г. Лесаръ, первый пзъ русскихъ агентовъ, прекрасно установилъ ихъ значеніе. Подъ вліяніемъ этого дипломатическаго агента, напоминавшаго англійскихъ рездентовъ въ Индіи, уничтожено окончательно невольничество, а равно пытка, бросаніе съ башни, клоповники, устроились школы и больницы. Наконецъ, въ 1894 г. Россія сдѣлала еще болѣе важный шагъ, включивъ Бухару, а равно и Хиву, въ свою таможенную черту.

До 1867 года таможенная черта шла у насъ по границамъ Уральской области, Оренбургской, Тобольской и Томской губерній; другимъ словомъ, отдѣляла отъ насъ нашихъ же подданныхъ киргизъ. Съ завладѣніемъ Туркестанскаго края эта черта, утратившая всякій смыслъ, была уничтожена и оставалась лишь для сбора акциза съ киргизской соли, каковую цѣль утратила въ 1880 г. Наши среднеазіятскія владѣнія были такимъ образомъ долгое время *portio franco*, но обстоятельству указали на необходимость приступитъ вновь къ устройству пограничныхъ таможенъ. Не говоря уже объ удобствѣ, представляемомъ таможенными пошлинами, сравнительно съ сохранившимся въ край сборомъ зякета, установление таможенныхъ пошлинъ необходимо было и для огражденія интересовъ русской торговли, особенно чайной, которая въ Туркестанскомъ край не могла выдерживать соперничества однородныхъ товаровъ, привозимыхъ черезъ Персію и Афганистанъ.

Въ этихъ видахъ привозъ чая, кпсеп и пр. обложенъ уже былъ въ Туркестанѣ пошлиною. Но это частичное обложение не достигало цѣли, а между тѣмъ, съ постепеннымъ замиреніемъ Средней Азіи и съ слияніемъ нашихъ границъ съ афганистанскими, возможность привоза иностранныхъ товаровъ черезъ Персію, Индію и Афганистанъ въ Россію ежедневно усиливалась. Размежеваніе наше съ Англіей послѣ улаженія вопросовъ о Пендѣ и Зюльфагарѣ окончательно открыло для иностранной торговли въ русскихъ среднеазіятскихъ владѣніяхъ широкія двери. Если англійскіе товары проникали къ намъ даже проходя всѣ опасности и стѣсненія по пути въ мелкихъ ханствахъ, то совсѣмъ въ полномъ положеніи станутъ означенные товары, когда порядокъ въ Афганистанѣ будетъ упроченъ англичанами, которые въ придачу проводятъ тамъ отличные колеиные и приближаютъ рельсовые пути. Тутъ надобно непременно опасаться, что англійскіе товары, особенно чай и мануфактуры, черезъ Афганистанъ и Персію, пойдутъ не только въ Туркестанъ и Закаспійскій край, но попадутъ и въ Сибирь, Кавказъ и Восточную Россію.

Вотъ въ предвидѣніи этой-то непріятной для нашей промышленности случайности и устроена таможенная черта, которая, начинаясь у устья Атрека, прошла вдоль всѣхъ нашихъ среднеазіятскихъ владѣній до трудно доступныхъ высотъ отроговъ Тянь-Шаня, по границамъ Ферганской и Семырѣченской областей.

Новая таможенная черта, во избѣжаніе чрезполосицы и слишкомъ большихъ расходовъ на стражу, захватила Бухару и Хиву, но понятно, что означенныя среднеазіятскія ханства только выиграли отъ подобнаго включенія въ нашу таможенную территорию. Эмиръ бухарскій, получая изъ собираемаго таможеннаго дохода соответствующую своему населенію часть, сохранилъ право привозить для себя беспошлинно товаровъ на сумму до двухъ съ

четвертью миллионъ рублей. Изъ части таможеннаго дохода, онъ обязанъ употреблять, впрочемъ, извѣстную сумму на дороги, орошеніе и другія общепользныя предпріятія. Таможенный союзъ еще тѣснѣе включилъ Хиву и Бухару въ сферу нашей экономической политики и, точнѣе разграничивши владѣнія въ нейтральной полосѣ, при помощи пограничной стражи, которой сформировано уже двѣ бригады, отстранилъ въ будущемъ множество мелкихъ пограничныхъ столкновеній между Россіей, Персіей и Афганистаномъ, которыя представляются обыкновенно вначалѣ пустышными, а мало-по-малу обращаются въ крупныя политическія вопросы.

Послѣ таможеннаго объединенія автономія Бухары стала почти пустымъ звукомъ; за нею послѣдуетъ, вѣроятно, объединеніе монеты и бухарской арміи. Выгоды послѣдняго объединенія пока спорны. У эмира останется въ утѣшеніе многочисленный гаремъ, право давать аудіенціи, раздавать ордена и время отъ времени вѣшать кого либо изъ своихъ подданныхъ. Это право не слишкомъ улыбается, однако, бухарскому народу и онъ, сравнивая постоянно порядки, существующіе въ ихъ автономной области, съ порядками въ сосѣднихъ Туркестанскомъ и Закаспійскомъ краяхъ, невольно убѣждается въ большемъ удобствѣ жить подъ русскимъ владычествомъ; это мнѣніе раздѣляется даже старшинами и другими лицами, которыя имѣютъ пока интересъ поддерживать *status quo*.

Окончательно присоединять Хиву и Бухару намъ нѣтъ однако расчета не только по высказаннымъ выше соображеніямъ, но и потому, что такая анекдота произвела бы дурное впечатлѣніе на Афганистанъ и на полунезависимыя государства въ Индіи. Послѣднія усмотрѣли бы въ Россіи не возможнаго для нихъ, въ случаѣ разрыва съ англичанами, покровителя, а скрытаго врага.

Русская торговля въ ханствахъ, становясь въ полномъ смыслѣ слова безпошлинною, конечно, только выиграла отъ таможеннаго союза. Занятіе Средней Азіи вызвало въ русской торговлѣ и мануфактурной промышленности преувелеченныя ожиданія отъ выгодъ новаго рынка, размѣры котораго были расширены воображеніемъ чуть не вдвѣтеро; число же потребителей русскихъ мануфактурныхъ товаровъ опредѣлялось десятками миллионъ. Хотя на дѣлѣ это не оправдалось, но было бы крайне опрометчиво заключить, что присоединеніе края было бесполезно въ торговомъ отношеніи. Напротивъ того, можно утверждать, что Россія не извлекла еще изъ присоединенія и сотой доли тѣхъ выгодъ, которыя оно обѣщаетъ въ близкомъ будущемъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что нѣсколько миллионъ населенія, частью кочевого, частью полудивилизованнаго, разореннаго тысячелѣтнимъ бессмысленнымъ деспотизмомъ и страхомъ грабежа, конфискаціи и неправосудія, доведеннаго до минимума потребностей,

не могутъ представлять значительнаго рынка даже для такой ограниченной промышленности, какъ русская. Малодоступныя еще для русской торговли области Афганпстана и китайскаго Туркестана въ нѣкоторомъ случаѣ еще бѣднѣе среднеазіатскихъ рынковъ, а въ другихъ — лежатъ несравненно удобнѣе для снабженія ихъ англійскими товарами черезъ Остъ-Индію и Персію. Оттого и съ этой стороны русская торговля ожидать многого не можетъ. Но и не представляя непосредственно возможности большого сбыта для русскихъ товаровъ, Средняя Азія тѣмъ не менѣе чрезвычайно важна для Россіи. Она содержитъ, во-первыхъ, огромное количество земель, которыя, при орошеніи и лучшей культурѣ, способны производить въ изобиліи различныя фабричныя растенія и прежде всего хлопокъ, занимающій, какъ извѣстно, первое мѣсто въ привозной торговлѣ¹⁾. Во-вторыхъ, среднеазіатскія владѣнія находятся на половинѣ пути изъ Россіи въ Остъ-Индію, страну съ тремястами милліоновъ населенія и торговлей, чрезвычайно важною для всей Европы.

Подобное значеніе нашихъ новыхъ владѣній требуетъ и особенныхъ мѣръ для того, чтобъ воспользоваться ими съ наибольшою выгодой. На первомъ планѣ стоитъ, конечно, успокоеніе края; затѣмъ устройство банковъ и возможность для русскихъ купцовъ, промышленниковъ и техниковъ свободно развѣзжать и водворяться въ сосѣднихъ земляхъ; послѣднее достигается торговыми трактатами. Необходимо стараться, чтобъ пребываніе русскихъ въ краѣ не имѣло характера временнаго занятія и потому слѣдуетъ облегчить для нихъ возможность повсюду селиться, приобретать собственность. Но самая главная заботливость должна быть обращена на пути сообщенія. Для сношеній этой окранный съ коренной Россіей безусловно необходимо Оренбургскую желѣзную дорогу продолжать до Ташкента. Обсуждать подробности проведенія такой дороги предоставляю специалистамъ, но съ своей стороны замѣчу, что путь изъ Оренбурга въ Ташкентъ есть историческій путь, освященный вѣками, а опытъ показываетъ, что желѣзная дорога, проложенная по вѣковому пути, всегда приноситъ доходъ. Сибирская линія можетъ служить тому примѣромъ. Отъ Оренбурга до Орска почва состоитъ изъ плодороднаго чернозема, а инженерныя изысканія за Орскомъ показываютъ, что мѣстность тамъ орошена водою гораздо обильнѣе, нежели предполагали. Изъ исторіи мы знаемъ, что цѣлыя арміи проходили по этому пути. Если австралійскія колоніи съ населеніемъ въ 2 милліона приступаютъ теперь къ сооруженію желѣзной дороги въ 3,000 верстъ отъ Мельбурна до Портъ-Дарвина черезъ пустынный и безводный мате-

¹⁾ Уже въ настоящее время значительная часть необходимаго нашимъ фабрикамъ хлопокъ получается съ туркестанскихъ плантацій.

рикъ Новой Голландіи, то для Россіи не должна показаться не по силамъ задача соорудить желѣзную дорогу, которая непосредственно и безъ перегрузки соединила бы сѣтъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ съ остъ-индскою сѣтью.

XXIII. АФГАНИСТАНЪ.

Афганистанъ, отдѣляющій насъ отъ Индіи, представляетъ площадь въ 900 верстъ длиною и въ 750 ширною, очень гористую. Главный массивъ горъ составляетъ Кабулстанъ, съ которымъ граничатъ горы Кафирстана и Читрала. Политически Афганистанъ дѣлится на провинціи Кабуль, Туркестанъ, Герать и Кандагаръ и округъ Вадахшанъ. Во главѣ стоитъ эмиръ, нынѣ Абдуррахманъ-ханъ, внукъ Достъ-Магомета, признанный англичанами въ 1880 г. Каждая провинція управляется хакимомъ и старшинами, сохранившими феодальныя права. Произволь, вымогательство и насилие — главные свойства афганскихъ порядковъ, недаромъ слово афганецъ значитъ «разбойникъ».

Нѣкоторый матеріальный прогрессъ замѣчается, впрочемъ, подъ влияніемъ англичанъ и въ Афганистанѣ. Теперь имѣется постоянная армія въ 30,000 человекъ съ артиллеріей, довольно плохой, и арсеналъ; дороги очищены отъ грабителей, устроены магазины, школы и въ Кабулѣ можно найти даже англійскихъ портныхъ. По словамъ Грея, англійскаго доктора эмпра, Абдуррахманъ — деспотъ, не терпитъ газетъ и духовенства, но отличается простою въ обращеніи, доступностью для всѣхъ своихъ подданныхъ и хорошимъ образованіемъ; онъ быстро и справедливо рѣшаетъ лично дѣла и на полезныя учрежденія даетъ ссуды безъ процентовъ.

Дороги въ Афганистанѣ улучшаются, но товары перевозятся исключительно вьюками и транзитная торговля очень стѣснена заставными пошлинами, между тѣмъ торговля Индіи съ русскимъ Туркестаномъ могла бы сдѣлаться немаловажною. Внутреннія богатства Афганистана также не лишены значенія, но въ нашихъ глазахъ Афганистанъ интересенъ по преимуществу какъ нейтральная полоса или страна-буферъ между русскими и англійскими владѣніями въ Азій.

Англичане издавна считаютъ Афганистанъ какъ бы своимъ вассальнымъ владѣніемъ; однако два раза уже афганцы выгоняли ихъ, когда англичане хотѣли утвердиться въ Кабулѣ болѣе прочно. Хотя Николай I признавалъ химерою мысль о завоеваніи Индіи и вовсе не увлекался чувствами недоброжелательства къ Англіи, но Англія, не довѣряя Россіи, окончательно потеряла голову, когда въ отвѣтъ на прибытіе въ 1837 г. въ С.-Петербургъ агента афганскаго хана Достъ-Магомета былъ посланъ въ Кабуль капитанъ

Виткевичъ. Предлогомъ для обмѣна посланцевъ были торговля сношенія, но въ дѣйствительности умный и ловкій Достъ-Магометъ, недовольный сейкамъ, государство которыхъ еще не распалось, искалъ союза съ Персіей и Россіей. Опасеніе видѣть русскихъ у границъ Индіи, поддержанное нашими приготовленіями къ первой хивинской экспедиціи, подъ начальствомъ Перовскаго, вынудило англичанъ поторопиться завоеваніемъ Афганистана, вовсе не взвѣсивъ послѣдствій этого предпріятія.

Такъ какъ свѣдѣнія объ этомъ печальномъ походѣ нѣсколько изгладились, то я считаю нелишнимъ припомнить его въ общихъ чертахъ. Чтобы придать своему захвату тѣнь легальности, англичане отправились будто бы возстановить на кабульскомъ престолѣ одного изъ претендентовъ Шаха-Шуджы. Къ осени 1839 года была собрана армія въ 54,000 человекъ и направилась, по приказанію тогдашняго генераль-губернатора Индіи, лорда Оукленда, двумя колоннами: большая часть, подъ командою сэра Клина, черезъ Боланскій проходъ на Кандагаръ, а меньшая (до 11,000 человекъ), подъ командою Уада, Хайберскимъ проходомъ черезъ Джеллалабадъ на Кабуль. «Мы воевали, откровенно писалъ слѣдующій генераль-губернаторъ, лордъ Элленборо, чтобы выгнать владѣтеля, который сумѣлъ соединить племена, создать войско и ввести въ странѣ порядокъ». Этотъ гнусный эгоизмъ можетъ служить отчасти извиненіемъ злодѣяній, совершенныхъ затѣмъ англичанами.

Оставивъ 10,000 человекъ въ резервъ въ Синдѣ, также еще тогда полунезависимомъ, главная англійская армія выступила въ февралѣ изъ Шикарпура и, съ трудомъ пробившись черезъ Боланскій проходъ, достигла Кандагара. Оставивъ по дорогѣ гарнизоны, войска пошли на Газни и Кабуль. Первый изъ этихъ городовъ былъ взятъ приступомъ и затѣмъ Кабуль сдался почти безъ боя. Неожиданные успѣхи англичанъ побудили Достъ-Магомета искать спасенія въ мирныхъ переговорахъ. Переговоры не удались и эмиръ бѣжалъ въ Гиндукушъ къ Баміану, а Шахъ-Шуджа торжественно вступилъ въ полуопустошенную столицу.

Недостатокъ сочувствія со стороны населенія долженъ былъ немедленно внушить англичанамъ значительныя опасенія, но они забыли роковыя слова келатскаго хана: «вы пришли въ эту страну, — это очень хорошо, но какъ-то вы изъ нея выйдете?» и думали, что побѣдили уже всѣ трудности. Мало того, оставивъ небольшіе гарнизоны въ крѣпостяхъ, англичане отпустили въ началѣ 1840 года часть войска обратно въ Индію.

Между тѣмъ въ Кабулѣ и во всемъ Афганистанѣ немедленно оказались слишкомъ явные признаки нерасположенія къ новому порядку вещей. Достъ-Магометъ и его сынъ Акберъ-ханъ, бѣжавшіе въ горы, а потомъ въ Бухару, поддерживали при помощи своихъ эмиссаровъ броженіе. Англичане сначала думали было о

походъ за Аму, но суровая зима заставила отклонить это намѣреніе. Достъ-Магометъ кончилъ, правда, кашгуляціей и былъ отправленъ на жительство въ Индію, но и это не успокоило страны, гдѣ развратный Шахъ-Шуджа возбудилъ ненависть народа, вручивъ управление въ руки ничтожнаго во всѣхъ отношеніяхъ визиря Мулла-Шкара.

На бѣду для англичанъ два главныхъ представителя ихъ власти, Макнайтень и Бёрнсъ, были между собою въ ссорѣ. Знаменитый Бёрнсъ, дипломатическимъ талантамъ котораго Англія была обязана своими успѣхамъ въ Средней Азіи, считалъ себя обязательнымъ подчиненіемъ Макнайтену и тайно торговалъ противъ него. Онъ смѣлъ даже низость писать генераль-губернатору лорду Оукленду, что дѣла идутъ отлично и подкрѣпленій не нужно, хотя самъ писалъ въ то же время въ Англію, что положеніе вещей отчаянное и что возстаніе несомнѣнно. Вслѣдствіе такихъ раздоровъ главнокомандующій арміей храбрый Кинъ отправился въ отпускъ, а для оставшагося войска не было приготовлено укрѣпленнаго лагеря; не позаботились даже обезопасить проходъ черезъ ущелье, хотя разстояніе отъ Кабула до Фираспура, перваго города подъ властью англичанъ, составляло около тысячи верстъ.

Высокомѣріе англичанъ, гаремы, которые они позаводили, по примѣру Бёрнса, изъ красныхъ афганокъ, ускорилъ взрывъ. Первые возстали белуджи и умертвили англійскаго резидента, затѣмъ возмущились горные округа, куда прибылъ Акберъ-ханъ изъ Бухары; возстаніе распространилось до ущелья Курдъ-Кабуль. Отправленный для усмиренія мятежниковъ бригадиръ Сель дошелъ съ трудомъ до Джеллалабада, но не могъ уже вернуться обратно.

Наконецъ, 2-го ноября 1841 года разразилась буря. Кабуль возсталъ какъ одинъ человекъ и Бёрнсъ былъ убитъ въ числѣ первыхъ. У англичанъ оставалось въ столицѣ 6,000 человекъ войска, но ими командовалъ престарѣлый и безтолковый генералъ Эльфинстонъ. Въмѣсто энергическихъ дѣйствій, англичане пустились въ переговоры, забывая, что азіатамъ никогда нельзя довѣрять въ подобныхъ случаяхъ. Переговоры велъ Акберъ-ханъ, перебравшій передовые посты англичанъ и подошедшій съ арміей къ Кабулу. Была, впрочемъ, сдѣлана одна попытка занять силою стратегическую позицію около Беймара, но струсившіе спал отказывались повиноваться и англичане только потеряли свою артиллерию.

Испуганный Макнайтень согласился очистить Афганистанъ и выдать Шаха-Шуджу, но Акберъ-ханъ, подъ предлогомъ подписанія договора, заманилъ къ себѣ англійскаго резидента и измѣнически его убилъ. Убийство совершилось на глазахъ англійскаго войска, но никто не думалъ о мщеніи; мало того, Эльфинстонъ продалъ еще двѣ недѣли незвѣстно для чего, давъ возможность афганцамъ занять всѣ пути отступленія.

Наконецъ, 6-го января 1842 года началось знаменитое отступление. Бросивъ все свое имущество, англійская армія въ 4,500 чел., сопровождаемая обозомъ и семействами, еще 12,000 чел., вышла изъ Кабула и пошла по горамъ, покрытымъ глубокимъ снѣгомъ, не имѣя ни продовольствія, ни топлива и единственно полагаясь на обѣщанія коварныхъ афганцевъ. Понятное дѣло, что эти обѣщанія не исполнялись; англичане голодали и замерзали сотнями, а афганцы убивали остальныхъ какъ собакъ и все время требовали еще отъ Эльфинстона заложниковъ и исполненія разныхъ унижительныхъ условій.

Особенно ужасенъ былъ переходъ черезъ Курдское ущелье. По описанію жены доктора, лэди Сэлъ, одной изъ немногихъ, пережившихъ это отступление, едва сто человѣкъ въ состояніи были нести оружіе. Полуобезумѣвшіе снали жгли свои одежды, чтобы согрѣться, женщины и дѣти разбивали бочки съ водкой и пили съ остервенѣніемъ; въ одинъ день афганцы убили здѣсь пятьсотъ солдатъ, кромѣ того погубило болѣе двухъ тысячъ пятисотъ человѣкъ лагернаго сброда. 10-го января Ахберъ-ханъ потребовалъ выдачи всѣхъ женщинъ; когда англичане исполнили это, большая часть несчастныхъ была изнасилована и затѣмъ зарѣзана. Оставшаяся горсть англичанъ ѣла сырое мясо и спала на голомъ снѣгу. Ахберъ потребовалъ выдачи главнокомандующаго, и это было исполнено, ибо отъ англійскаго воинства осталось въ живыхъ только 280 человѣкъ. На другой день лишь небольшая толпа въ 20 человѣкъ достигла Ганджака, т. е. англійскихъ владѣній: въ числѣ ихъ былъ только одинъ англичанинъ!

Это пораженіе успокоило англичанъ до 1879 г., но не послужило урокомъ для нихъ, и потребовалось второе, въ условіяхъ удивительно сходныхъ съ первымъ пораженіемъ.

До 1878 г. прямыхъ сношеній между Россією и Афганистаномъ было мало, развѣ лишь изрѣдка происходили обмѣны вѣжливостей. Письма, присылаемыя туда изъ Туркестана, всегда сопровождалась англійскимъ переводомъ, вѣроятно въ видахъ большаго удобства индійскихъ властей, которымъ, какъ предполагалось, передавались эти письма. Но весной 1878 г., когда Англія дѣлала видъ, что желаетъ воевать съ нами изъ-за Турціи и даже вызвала въ Средиземное море войска изъ Индіи, въ Кабулѣ прибыло посольство генерала Столѣтова. Эмиръ Ширъ-Али принялъ посольство съ почестями и, наоборотъ, не пустилъ отправленное одновременно лордомъ Литтономъ англійское посольство. Англія немедленно стала готовиться къ войнѣ противъ Афганистана, а въ ноябрѣ двинулись тремя колоннами въ числѣ 40,000 человѣкъ. Испуганный Ширъ-Али бѣжалъ въ Россію, гдѣ и умеръ, а сынъ его Якубъ поспѣшилъ заключить въ Гандамакѣ въ іюнѣ 1879 г. миръ. По этому миру эмиръ принялъ англійскаго резидента, обязался ни съ кѣмъ не имѣть дипломатическихъ сношеній, допустилъ свободную

для англичанъ торговлю и отдалъ области Курумскую, Тишинскую и Сибъ, а также Хайберское ущелье, т. е. установилъ выдуманную Биеонсфильдомъ «научную границу» (Scientific frontier), необходимо будто бы для безопасности Индіи.

Этотъ унижительный миръ очень не понравился афганцамъ и въ концѣ августа авторъ его и англійскій резидентъ майоръ Каваньяръ, вмѣстѣ со свитою, были убиты возмущившимися афганскими солдатами. Извѣстіе о новомъ избіеніи англійскаго посольства въ Кабулѣ произвело страшное волненіе въ Англии и Индіи. Рѣшено было немедленно наказать виновныхъ, но посланные войска, подъ начальствомъ Робертса, имѣли успѣхъ только относительный; зима также препятствовала военнымъ операціямъ. Съ трудомъ удерживаясь противъ главныхъ силъ афганцевъ, англичане, подъ начальствомъ генерала Верроу, были совершенно разбиты Эюбъ-ханомъ подъ Кушка-и-Паходомъ и очистили этотъ важный пунктъ. Хотя замѣнившій Верроу генераль Робертсъ разбилъ Эюбъ-хана и заставилъ бѣжать въ Персію, но, видя затрудненіе овладѣть Афганистаномъ, англичане бросили «научныя границы» и даже важную въ военномъ отношеніи Курумскую долину. Предварительно же они отправили сомнительнаго Якуба-хана на житье въ Индію, а на мѣсто его посадили эмпротъ Абдурахмана, съ которымъ и заключили въ Раванъ-Пинди миръ, подъ условіемъ, что эмиръ не будетъ вступать въ сношенія ни съ какимъ другимъ иностраннымъ правительствомъ. Съ своей стороны англичане очистили все занятое по Гандамакскому миру пространство, обязались не имѣть въ Кабулѣ резидента, вернули пушки и оружіе и назначили эмиру субсидію по 120,000 фунт. стерл. въ годъ. Абдурахманъ долго жилъ въ Самаркандѣ на нашемъ жалованьи и, считавшійся нашимъ, хотя онъ въ душѣ, какъ потомъ оказалось, русскихъ не любилъ, былъ выпущенъ въ рѣшительную минуту. Онъ пользовался большимъ вліяніемъ въ афганскомъ Туркестанѣ, благодаря чему и укрѣпилъ свою власть.

Съ тѣхъ поръ англичане измѣнили вообще политику и стали заботиться не столько о своихъ, сколько объ афганскихъ границахъ¹⁾. Съ этою цѣлью они, послѣ занятія русскими Мерва, начали въ 1884 г. переговоры съ нашимъ правительствомъ о назначеніи разграничительной комиссіи.

Пока наши дипломаты судили да рядили, англичане съ свойственной имъ наглостью подучили афганцевъ самовольно расширить границу по направленію къ Мерву захватомъ въ 1885 г. форта Пенде. Къ счастью, генераль Комаровъ выгналъ ихъ оттуда,

¹⁾ Генераль Макъ-Грегоръ въ своемъ знаменитомъ трудѣ «Оборона Индіи» говоритъ по этому поводу: «Безчисленныя малыя войны съ кабульцами, когистанцами, гильзаями, афридіями и прочими народцами, способствуютъ къ сліянію этихъ племенъ въ одинъ «Соединенный Афганистанъ», но соединенный исключительно въ смыслѣ непримиримой къ намъ (англичанамъ) ненависти».

разбивъ афганскія силы подъ начальствомъ Наиба Салара подъ Купомъ. Наша дипломатія очень испугалась этого шага и даже полемизировала въ «Новомъ Времени» противъ рѣшительныхъ дѣйствій. Но императоръ Александръ III мудро одобрилъ поступокъ Комарова и не испугался родомонтадъ Англіи, хотя послѣдняя ассигновала деньги на мобилизацію арміи на случай войны съ Россіей и укрѣпила Герать и Горіанъ. Но Гладстонъ воевать не желалъ, и хотя консервативная печать подбивала на войну, но консервативное министерство, смѣнившее либераловъ, остановило вооруженія. Соединенная комиссія русскихъ и английскихъ офицеровъ объѣздила затѣмъ въ 1886 г. всю пограничную область и установила новую границу, причемъ Россія получила Пенде и почти всю страну, на которую заявляла свои права, какъ входившую въ область туркменскихъ кочевьевъ.

Захваты афганскаго эмира продолжались однако, что вызвало въ 1891 и 1892 гг. съ нашей стороны экспедиціи полковника Іонова, имѣвшія цѣлю отстоять права Россіи на водораздѣлъ между Гиндукушемъ и Боракорамомъ, гдѣ были найдены остатки памятника надъ коканскимъ сардаремъ. Въ первую изъ экспедицій Іоновъ арестовалъ английскихъ шпионовъ капитана Юнгенсбеда и поручика Девисона, а во вторую прогналъ афганцевъ изъ Самоташа и занялъ позицію, открывавшую намъ путь въ вассальный Англіи Кашемиръ.

Экспедиція Іонова возбудила вновь опасенія англичанъ и заставила ихъ въ 1892 г. начать болѣе рѣшительную антирусскую политику въ Кабулѣ. Посольство Мортимера Дюрана скрѣпило союзъ Афганстана съ Англіей подъ условіемъ увеличенія субсидій на 30,000 фунт. стерл., а затѣмъ англичане присоединили Бунджуть, Ясинъ, Кафиристанъ и Белуджистанъ. Два послѣднія, впрочемъ, не вполнѣ. Кафиристанъ, куда въ свое время не рѣшался идти завоеватель Пиндл, Шахъ-Баберъ, былъ занятъ въ 1894 г. Абдуррахманомъ, но сіухъ-пуши, населяющіе Кафиристанъ, до сихъ поръ не признаютъ себя во власти Кабула. Белуджи, несмотря на сохраненіе только тѣни независимости, также въ душѣ не считаютъ себя подъ английскимъ владычествомъ и высылали даже уполномоченныхъ къ нашимъ пограничнымъ начальникамъ.

Ни одно государство не находится въ такомъ двусмысленномъ положеніи относительно своихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній, какъ Англія. Завистливо слѣдя за каждымъ шагомъ Россіи, почти самой природой поставленной на пути къ присоединеніямъ—благодаря сосѣдству ея съ обширными нецивилизованными и мало населенными землями—и поднимая шумъ при каждомъ клочкѣ земли, колонизируемомъ этимъ государствомъ, она сама преспокойно занимаетъ одну обширную территорію за другой, предупреждая между

тѣмъ, что не потерпѣть, чтобы какое-либо другое государство послѣдовало ея примѣру.

Что, кажется, могло быть неинтереснѣе такой страны, какъ Белуджистанъ, который когда-то съ трудомъ прошла армія Александра Македонскаго? Гористая страна эта, съ рѣдкимъ разбойничьимъ населеніемъ, хотя и не лишенная минеральныхъ богатствъ, но безъ производительности и торговли, безъ дорогъ, безъ всякаго политическаго значенія, могла бы, кажется, навсегда оставаться въ сторонѣ отъ всякихъ покушеній на свою независимость со стороны какаго бы то ни было образованнаго государства; а между тѣмъ и ее захватили теперь англичане, хотя и ранѣе по трактатамъ келатскаго хана съ англійскимъ правительствомъ 1854 и 1872 гг. разрѣшалось послѣдному посылать войска и содержать гарнизонъ въ тѣхъ частяхъ белуджистанской территоріи, гдѣ оно признаетъ нужнымъ.

Интересно, какъ объясняли англичане необходимость занятія Кветты. По ихъ словамъ, это, конечно, могло быть исполнено безъ возраженій, но время могло пзмѣнить обстоятельства (значить, келатскій ханъ не такъ ужъ доволенъ участіемъ въ его судьбѣ англичанъ?); кромѣ того, нельзя въ одну мнвуту устроить укрѣпленнаго лагеря, а онъ необходимъ для англичанъ именно въ Кветтѣ, какъ операціонный базисъ, въ случаѣ войны съ Россіей въ Средней Азій. Кветта важна не только съ стратегической точки зрѣнія, но и съ политической. Если Персія пожелаетъ овладѣть Гератомъ и афганскимъ Сеистаномъ, то независимость Афганстана и Белуджистана подвергнется сильной опасности; присутствіе же англичанъ въ Кветтѣ стѣсняетъ Персію. Не менѣе-де важное значеніе имѣетъ эта позиція и относительно Россіи. Въ 1899 г. келатскій ханъ заключилъ съ Индіей новый договоръ, на основаніи котораго онъ за ежегодную ренту въ 9,000 рупій передалъ британскому правительству на вѣчныя времена администрацію округа Нушки. Уступку эту со стороны хана англичане мотивируютъ не своею политикою, а тѣмъ, что этотъ сравнительно пустынный округъ давалъ ему слишкомъ мало дохода, во-вторыхъ, ханъ не пользовался престижемъ, обладая областью, дикіе жители которой занимались грабежомъ. Значеніе, представляемое Нушкою для Англій, состоитъ въ томъ, что территорія, по которой пролегаетъ недавно открытый торговый путь между Индіей и Персіей, находится теперь въ британскихъ рукахъ. Въ Англій не скрываютъ надежды, что эта дорога принесетъ ущербъ русской торговлѣ съ Персіей по Закаспійской желѣзной дорогѣ. Вице-король Индіи лордъ Керзонъ всегда держался мнѣнія, что Англія должна забрать въ свои руки индійско-персидскую торговлю, и онъ сплится привести въ исполненіе выработанный имъ планъ кампаніи противъ русской торговли помощью постройки желѣзной дороги на югѣ, какъ противовѣсъ Закаспійской дорогѣ. Приобрѣтеніе Нушки облегчитъ

исполненіе плана, хотя придется преодолѣть не мало препятствій. Прежде чѣмъ предпринять что-либо въ этомъ краѣ, Англія придется покорить населяющія его племена.

Любопытно, что всѣ разсужденія лондонскихъ газетъ клонятся при этомъ къ возможности, весьма проблематической, завоеваній со стороны Персіи, Афганистана и отчасти Россіи, хотя для послѣдней Белуджистанъ вовсе не важенъ ни съ какой точки зрѣнія; между тѣмъ англичане какъ бы игнорируютъ вопросъ, почему завоеванія съ пхъ стороны въ районѣ тѣхъ же нейтральныхъ до сихъ поръ азіятскихъ владѣній не представляютъ опасности для Россіи, и почему Остъ-Индія должна бояться за свои границы, а всѣ остальные государства—оставаться равнодушными къ безопасности своихъ.

Въ дѣйствительности Белуджистанъ важенъ только для расширенія захватовъ Англіи. Пользуясь Белуджистаномъ, англичане думаютъ обойти крѣпкую позицію афганцевъ въ Кабулстанѣ и провести желѣзную дорогу близъ южной границы Афганистана и далѣе черезъ Сепстанъ къ Герату, составляющему если не ключъ къ Индіи, какъ полагали ранѣе, то ключъ къ Средней Азіи—что для насъ гораздо важнѣе. Сепстанъ—родина Рустема и Зареба, раздѣляется границею на афганскій и персидскій. Вслѣдствіе грабежей белуджей и туркменъ, онъ малолюднъ, но хлѣбороднъ и вообще богатъ природою. Сепстанъ представляетъ значительную важность, какъ большой оазисъ среди обширнаго безводнаго пространства. Кто владѣетъ Сепстаномъ, тотъ господствуетъ надъ всею прилежащею мѣстностью вплоть до Кандагара; никакая армія не можетъ пройти изъ Герата въ Кандагаръ, если непріятель утвердился въ Сепстанѣ... Всѣ признаютъ, что для русской арміи въ случаѣ войны съ Индіей главный путь наступленія пойдетъ на Гератъ, но допускаютъ возможность, кромѣ того, нашего наступленія и въ обходъ гератской области, прямо изъ персидскаго Хорасана черезъ Сепстанъ и Белуджистанъ, хотя этотъ путь длиннѣе и Белуджистанъ бѣденъ продовольствіемъ. По этимъ причинамъ полковникъ Билль въ своемъ извѣстномъ сочиненіи горячо рекомендовалъ создать заблаговременно широкую операціонную базу, фронтомъ на сѣверъ, продолженіемъ желѣзной дороги отъ Кветты черезъ Белуджистанъ (Нушк) въ Сепстанъ (на лѣвомъ берегу Гильменда). Съ занятіемъ Нушки англичанамъ остается всего 150 верстъ до долины Гильменда, которая представляетъ собою большую дорогу въ Сепстанъ. Первый этапъ движенія на Гератъ, такимъ образомъ, уже сдѣланъ; если же англичане займутъ и Сепстанъ, то русскій Туркестанъ окажется въ самомъ беспомощномъ состояніи. Угроза такъ очевидна, что Россія имѣетъ вполне законное право путемъ предупрежденія искать самозащиты.

Укрѣпившись на югѣ Афганистана, англичане столь же прочно

укрѣпились и на сѣверо-востоѣ присоединеніемъ Читрала. Завоеваніе этой страны совершилось въ 1894—96 гг., подъ предлогомъ изгнанія сѣвшаго неправильно на престолъ родственника убитаго владѣтеля (мехтара) Читрала Умра-хана. Благодаря зпмѣ и трудной мѣстности, потребовалось послать въ Читраль 15,000 человекъ войска.

Хотя Морпмеръ Дюранъ въ 1893 г. скрѣпилъ вассальную зависимость Афганистана, но границы послѣдняго, укрѣпленныя къ невыгодѣ Россіи по Герируду и Зульфагару, оставались въ верховьяхъ Аму-Дарьи неясными на пространствѣ слишкомъ 500 в. Новое движеніе наше на Памиръ въ обходъ афганской границы, пользуясь столкновеніемъ афганцевъ съ китабцамъ, и постройка укрѣпленій на слияніи Аксу и Аббайтала смутили англичанъ. Были однако голоса за уступки Россіи территоріи до Гиндукуша (въ томъ числѣ начальника штаба англо-индійской арміей Макъ-Грегора, извѣстнаго врага Россіи); Чарльзъ Дилкъ рекомендовалъ, напротивъ, тѣсный союзъ съ Китаемъ, мысль, какъ показала дальнѣйшій опытъ, весьма неудачная. Большинство англичанъ склонилось къ укрѣпленію нейтральной полосы (Buffer-States).

Извѣстный нашъ противникъ Керзонъ доказывалъ, что Индія, какъ малое дитя, нуждается въ такихъ предохранительныхъ подушкахъ по всѣмъ своимъ границамъ. Въ «Nineteenth Century» онъ подробно формулировалъ выгоду нейтральныхъ полосъ. Государство, образующее *état tampon*, по его мнѣнію, останавливаетъ наступленіе и нападающій является виновнымъ, а въ это время Англія пмѣетъ время укрѣпить свою границу. На это ему слѣдуетъ возразить, что начавшій войну никогда не признаетъ себя виноватымъ и что разъ границу нужно укрѣплять, то не проще ли это сдѣлать на собственной границѣ съ противникомъ, нежели укрѣплять границу сомнительнаго вассала-союзника. При положеніи буфера владѣтель промежуточнаго государства, какъ показала опытъ Афганистана, будетъ постоянно находиться въ самомъ неудобномъ положеніи, считаясь одновременно и съ двумя могущественными сосѣдямъ, и съ настроеніемъ собственнаго народа, не всегда расположеннаго къ сторонѣ, употребляющей его буферомъ.

Надобно замѣтить, однако, что неудачная мысль о «буферахъ» въ Азіи едва ли не выдумана впервые нашей дипломатіей. По крайней мѣрѣ графъ Нессельроде еще въ 1838 г. писалъ въ инструкціи русскому послу въ Лондонѣ: «Для предупрежденія этого великаго несчастія (нарушенія мира въ Средней Азіи) необходимо самымъ тщательнымъ образомъ сохранять спокойствіе промежуточныхъ странъ, отдѣляющихъ владѣнія Россіи отъ владѣній Великобританіи».

Въ виду рѣшенія сохранить во что бы то ни стало Афганистанъ, въ качествѣ нейтральной полосы, охраняющей Индію, про-

позшло новое и послѣднее англо-русское разграниченіе 1895 г. Это разграниченіе, какъ и всѣ предыдущія, совершилось къ нашей невыгодѣ. За границу Афганистана былъ принятъ не Гиндукушъ, а русло Аму-Дарьи и даже въ верховьяхъ афганцы, т. е. англичане, перешли къ сѣверу отъ русла важнѣйшаго притока этой рѣки, Пяндж; граница пошла по Аксу. Сначала англичане требовали даже границы по Мургабу. Въ Индію ведутъ изъ Россіи три пути: первый на Герать и на Кандагаръ, наименѣе гористый, второй—на Баміанское ущелье изъ долины Кундуза, ведущей къ Кабулу, стоящему на притоѣ Инда; третій путь, памирскій, довольно трудный, на Баригульское и Даркотское ущелья и долину Читрала. Этотъ послѣдній путь позволяеть арміи переходить изъ истоковъ Аму-Дарьи въ верховья Инда; Русскіе держали уже двадцать лѣтъ ключи къ этому пути въ своихъ рукахъ, но при соглашеніи англичане забрали его въ свои руки. Въ утѣшеніе нашихъ дипломатовъ, англичане обязались мѣстность между Гиндукушемъ, озеромъ Викторіей (Сарыкуль или Сарыгиль) и китайскою границею, составляющую безлюдную полосу верстъ въ сто шириную, никогда не присоединять къ своимъ собственнымъ владѣніямъ—что, въ сущности, было бы для насъ гораздо выгоднѣе, и не строить тамъ укрѣпленій.

Англичане отобрали для Афганистана южную часть бухарскаго Дарваза и приобрѣли такимъ образомъ всю страну къ югу отъ Памира съ населеніемъ въ полмилліона и границу, выгодную въ стратегическомъ отношеніи для сѣверо-западной Индіи, чего и добивались болѣе двадцати лѣтъ. Самое трудное для нихъ было завладѣть обширною, очень гористою мѣстностью, окружающею здѣсь Индію. Выставляя впередъ свои вассальныя земли, Афганистанъ и Кашемиръ, англичане и забрали всю необходимую имъ территорію. Они присоединили Читраль и Кунжутъ (Ганза) и раздвинули противъ соглашенія 1873 г. границы Афганистана къ сѣверу какъ только могли. Въмѣсто половины своей индійской арміи, которая была необходима для охраны Пенджаба, англичане, если вѣрить ихъ сторонникамъ, могутъ довольствоваться теперь арміей въ 10,000 человекъ, прочно укрѣпившеюся въ трудно доступныхъ ущельяхъ Читрала. Въмѣстѣ съ тѣмъ послѣднее памирское разграниченіе открываетъ англичанамъ путь въ Кашгаръ, т. е. въ Китайскую имперію, такъ какъ проникнуть туда черезъ Гималаи иначе имъ было нельзя. Теперь же они съ истоковъ Аму-Дарьи имѣютъ сравнительно удобную дорогу на Ташъ-Курганъ въ обходъ горнаго массива Тагарма. Частныя сношенія Кашгара съ Англіею и ранѣе озабочивали не мало русскія власти въ Туркестанѣ. Кашгаръ гораздо ближе къ чертѣ русскіхъ владѣній, чѣмъ къ Индіи, и очень важенъ, служа для сношеній Китая, Индіи, Русскаго Туркестана и Афганистана. Поэтому мы ни въ какомъ случаѣ не должны допускать здѣсь прочнаго водворенія англичанъ. Граница

между Россіей и Китаемъ опредѣлена только до Кизилджыкского прохода (между озерами Каракуль и Рангульскимъ. Земель Китайскаго Туркестана, т. е. Кашгара и Яркенда, англо-русское соглашеніе 1895 г. не касается.

Бухара получила спорныя части Шугнана, Рошана и Вахана; Россіи по памирскому разграниченію досталась почти необитаемая часть Памира, плоскогорье, доступное передвиженію артиллеріи, но высокою въ Монъ-Бланъ, покрытое рѣдкою травою, но гдѣ пребываніе почти невозможно вслѣдствіе уже одной разрѣженности воздуха, вызывающей особую горную болѣзнь (тузѣкъ). И, дѣйствительно, въ настоящее время на Памирѣ оставленъ нами самый назначительный отрядъ, какъ наблюдательный постъ.

Но и здѣсь русскіе опасны для Англіи. Если англичанамъ удалось независимыя пограничныя племена включить теперь въ сферу британскаго вліянія, то нужно, однако, согласиться, что всѣ эти племена представляютъ попрежнему крайне безпокойные элементы и что власть англійскаго оружія чисто номинальная и рѣдко простирается далѣе сферы огня съ укрѣпленія. Возстаніе горцевъ въ Бунджутѣ, приведшее къ экспедиціи 1891 года, указываетъ, до какой степени племена чувствительны къ самому слабому голосу съ нашей стороны.

Вотъ именно этимъ и страшень Памиръ для англичанъ и этимъ объясняется значеніе для Россіи этой малодоступной мѣстности. Значительныя массы нашихъ войскъ не могутъ двинуться черезъ Памиръ, но небольшіе отряды могутъ воспользоваться этимъ путемъ для того, чтобы проникнуть въ Читраль или Гильгитъ и поднять безпокойныя пограничныя племена, всегда готовые взяться за оружіе. А возстаніе можетъ затѣмъ проникнуть въ Пенджабъ и далѣе въ Индостанъ.

Разграниченіе и укрѣпленіе за Афганистаномъ обязанности быть буферомъ не устраняетъ все-таки возможности дальнѣйшихъ столкновеній. По послѣднимъ извѣстіямъ, эмиръ не особенно преданъ Англіи и симпатизируетъ Россіи. Это извѣстно какъ въ Калькуттѣ, такъ и въ Лондонѣ. Тамъ знаютъ также, что въ случаѣ нападенія на Индію, Абдурахманъ можетъ присоединиться и къ нападающей сторонѣ. Въ виду этого, чтобы обезвредить эмира, Англія разсчитываетъ на двѣ вещи: или на столкновеніе, которое произойдетъ между эмиромъ и вождями отдѣльныхъ племенъ, вслѣдствіе новаго военнаго закона, который кабульское правительство навязываетъ афганцамъ, или на смерть Абдурахмана и на смуты, которыя могутъ въ такомъ случаѣ произойти въ Афганистанѣ. Въ томъ и другомъ случаѣ Афганистанъ сдѣлается театромъ междоусобной войны и потому не будетъ въ состояніи употребить свои силы противъ Индіи. Англія же подъ благовиднымъ предлогомъ, если понадобится, двинетъ въ третій разъ свои войска на Кабуль.

Въ случаѣ смерти афганскаго эмира по крайней мѣрѣ четыре

партіи вступять въ борьбу пзъ-за наслѣдства на престоль. Эмпръ давно боленъ, а потому смерть его представляется возможною въ скоромъ времени. Тогда афганскій вопросъ вступитъ въ острый фазисъ. Россія займетъ, вѣроятно, Герать и такъ-называемый Афганскій Туркестанъ. Если бы Россія сдѣлала такой шагъ нынѣ. Англія только напумѣла бы, но не двинула бы впередъ ни одного человѣка. Въ Россіи это знаютъ, и если воздерживаются отъ такого шага, то пзъ уваженія къ эмпру. Англія однако не станеть ждуть наступательнаго движенія русскыхъ послѣ смерти эмира, а какъ только получатъ пзвѣстіе о кончинѣ Абдуррахмана, тотчасъ расположеннымъ въ Пешаверѣ войскамъ будетъ данъ приказъ идти на Кабуль и оккупировать его. Въ то же время находящіяся нынѣ въ Кветтѣ войска пойдуть на Кандагаръ и овладѣють этимъ важнымъ въ стратегическомъ отношеніи трактомъ. Желѣзная дорога, оканчивающаяся теперь въ Нью-Чаманѣ, на западной оконечности Коякского прохода, будетъ тогда тотчасъ же продолжена до Кандагара, такъ какъ весь необходимый для этого матеріалъ уже теперь имѣется наготовѣ въ Нью-Чаманѣ и никакихъ естественныхъ препятствій на широкой, плоской равнинѣ между Нью-Чаманомъ и Кандагаромъ не существуетъ. Возможно, что третья колонна двинется изъ Дера-Измаиль-Хана черезъ Гомальскій проходъ въ Газни и овладѣеть этимъ важнымъ стратегическимъ пунктомъ.

Обладаніе линіею Кандагаръ-Газни-Кабуль доставитъ англичанамъ благоприятную оборонительную линію для энергичной обороны границъ Индіи.

Г. Горловъ въ «Новомъ Времени» доказываетъ, что намъ нечего дожидаться смерти эмира. Желѣзная дорога въ Кушбу не имѣеть конечнаго пункта; конечнымъ пунктомъ для такой дороги можетъ быть только Герать—настало время испросить согласіе эмира на постройку этого участка дороги. Для защиты рабочихъ отъ мусульманскихъ фанатиковъ, а затѣмъ для обезпеченія правильности эксплуатаціи дороги придется поставить въ Герать небольшой русскій гарнизонъ, на что надо купить согласіе эмира, при полной гарантіи неприкосновенности его верховныхъ правъ.

Англія это не доставитъ, конечно, большого удовольствія; но она не объявитъ теперь войны ни намъ, ни Афганистану. Возражая на это, «Новое Время» замѣтило довольно резонно, что вопросъ—выгодно ли намъ теперь имѣть Герать или нѣтъ? равносильенъ вопросу: какъ легче совершить походъ на Индію—пмѣя афганскаго эмира своимъ врагомъ, скрытымъ или явнымъ, или союзникомъ? Едва ли можно сомнѣваться, что захватъ Герата—покупкой, или иначе—сдѣлалъ бы пзъ эмира нашего убѣжденнаго врага. «Сегодня Герать, завтра Кабуль»—такое умозаключеніе слишкомъ просто, чтобы не придти ему въ голову. Конечно, мы можемъ разгромить его и въ Кабулѣ, но что приобрѣ-

темъ черезъ это? Если при пассивномъ отношеніи Афганстана походъ на Индію можетъ быть совершенъ съ 100,000 человекъ, то при необходимости начать военныя дѣйствія за тысячу верстъ до границъ Индіи, для такого похода будетъ мало и 300 тыс. чел. Какъ подготовительная база для наступленія на Индію, Кашка едва ли многимъ хуже Герата, и едва ли поэтому обладаніе Гератомъ представляетъ для насъ дѣйствительно серьезныя выгоды.

Газета думаетъ поэтому, что не только намъ не надо брать Гератъ, но, напротивъ, если бы существовали гарантіи того, что мы никогда его не возьмемъ, намъ слѣдовало бы дать ихъ кабульскому эмиру и изъ двухъ чувствъ, борющихся въ немъ постоянно: ненависти къ англичанамъ и боязни передъ русскими,—уничтожить второе, чтобы съ тѣмъ большей силой оживилось первое. Отъ нынѣшняго же момента собственно на почвѣ Афганстана мы могли бы получить серьезную выгоду, достигнувъ учрежденія въ Кабулѣ нашего постоянного резидентства. Это было бы крупной побѣдой нашей политики и естественной компенсаціей за присоединеніе англичанами Нушкунскаго округа.

Уже болѣе года циркулируютъ слухи о назначеніи русскаго агента въ Кабулъ, но ничего опредѣленнаго не было сообщено ни съ той, ни съ другой стороны. Эмиръ заявилъ британскому агенту, что всѣ подобныя слухи неосновательны. Было бы весьма желательно, если бы эти слухи оправдались, хотя Керзонъ заявилъ, что онъ рѣшительно воспротивится назначенію русскаго политическаго агента въ Кабулъ и даже далъ понять своему правительству, что если его протестъ не будетъ принятъ во вниманіе, то онъ выйдетъ въ отставку.

Хотя по соглашенію 1873 г. Россія согласилась не посылать своего агента въ Кабулъ, но это соглашеніе было уже фактически отмѣнено еще при императорѣ Александрѣ II въ 1878 году посылкой Столѣтова, затѣмъ съ 1873 г. измѣнилось рѣшительно все: мы подошли своими границами къ границамъ Афганистана вплотную. Закаспійская дорога создала для насъ серьезные экономическіе интересы въ этихъ мѣстахъ; вмѣсто отдаленныхъ областей въ Средней Азій у насъ создалась огромная область, которая по границѣ не можетъ довольствоваться прежнею неопредѣленностью отношеній къ эмиру; наконецъ торговый балансъ перешелъ отъ Англій на нашу сторону. Назначеніе нашего агента въ Кабулъ, при видимой ничтожности этого факта, составитъ эпоху въ нашихъ англо-индійскихъ отношеніяхъ.

Въ будущемъ, однако, надобно непремѣнно предвидѣть, что независимаго Афганистана политически болѣе существовать не будетъ и Россія, вмѣсто сосѣдства полудикихъ хановъ, приобрѣтетъ сосѣдство просвѣщенныхъ мореплавателей. Это сближеніе позволитъ, наконецъ, обѣимъ сторонамъ оцѣнить ихъ истинныя намѣренія, и вмѣстѣ съ тѣмъ побудитъ жить въ мирѣ,

чтобъ не причинять другъ другу напраснаго вреда. Относительно же прочности нашихъ приобретений надобно замѣтить, что въ стратегическомъ отношеніи положеніе Россіи въ Средней Азій все-таки будетъ всегда далеко безопаснѣе положенія англичанъ въ южной. Хотя русскія приобретения въ Азій и не такъ блестящи, какъ англійскія, зато они солиднѣе. Ихъ легко связать тѣсно съ Россіей, а при помощи немногихъ желѣзныхъ дорогъ Средняя Азія станеть въ тѣ же условія относительно отдаленности своей отъ политическаго центра Россіи, въ какихъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія находились Заволжье или Новороссійскій край. Русская колонизація этой мѣстности не только возможна, но осуществляется уже на самой отдаленной ея окраинѣ, въ Семирѣченской области, довольно быстро. Англійское же владычество въ Азій, держась военною силою, всегда сохранитъ характеръ временной торговой конторы для извлеченія извѣстныхъ выгодъ. Уже и теперь связь Индіи съ метрополіей далеко не всегда удобна ¹⁾. Когда же Соединенные Штаты укрѣпятся на Тихомъ океанѣ, и Австралія возмущаетъ настолько, что прерветъ политическую связь съ Англійей, владычество англичанъ въ южной Азій сдѣлается весьма затруднительнымъ.

XXIV. ПЕРСІЯ.

Съ тѣхъ поръ какъ персидскій шахъ Насръ-Эддинъ задумалъ объѣхать Европу, чтобъ ознакомиться съ положеніемъ болѣе образованныхъ государствъ, Персія привлекла общее вниманіе, и въ печати, особенно иностранной, распространялись объ этой странѣ самыя невѣрныя свѣдѣнія. Трудно сказать, какое впечатлѣніе произвели путешествія на шаха, но для будущности Персіи они значенія не имѣли. Персія давно сошла на степень третьестепеннаго государства, и политически и экономически немногимъ теперь сильнѣе Афганистана. Населеніе быстро уменьшается, большая часть земли даже близъ столицы остается невоздѣланною, а немногія провинціи, гдѣ сохранилась еще какая нибудь промышленная и торговая дѣятельность, разоряются невѣроятной правительственной систе-

¹⁾ Въ англійскій парламентъ внесенъ уже частный проектъ желѣзнодорожной линіи отъ Кушка до Чемана. Въ связи съ этимъ разсматривается вопросъ объ измѣненіи маршрута пути индійской почты, слѣдующей нынѣ черезъ Суэзскій каналъ. Предполагается установить для почты новый маршрутъ сухимъ путемъ черезъ Берлинъ, Варшаву, Москву и далѣе по новымъ линіямъ на Оренбургъ и Самаркандъ. Продолженіемъ этихъ линій будетъ служить проектируемая въ Афганистанѣ вѣтвь отъ Кушка до Чемана и далѣе въ Индіи желѣзная дорога на Гератъ, Кандагаръ и Карачи, для соединенія съ сѣтью желѣзныхъ дорогъ британской Индіи. Стоимость постройки соединительной вѣтви отъ Кушка до Чемана, длиною 705 англійскихъ миль, опредѣлена въ 50 мил. руб. На перевозку индійской почты по предложенному пути потребуется всего 10 дней.

мой. Значительная часть населенія поселяется нарочно въ уединенныхъ долинахъ во избѣжаніе соприкосновенія съ властями и возможности проѣзда двора—проѣзда, являющагося полнымъ разореніемъ посѣщенной имъ области. Вообще, это страна самаго грубаго деспотизма, и можно только дивиться терпѣнію персидскаго народа. Невольно повторишь слова Монтескье: «какъ это можно быть персіанцномъ?»

Благодаря правительству, со времянь Кира и Дарія, впервые объединившихъ персовъ и мидянъ, буквально разоряющему все, къ чему оно прикасается, Персія не мѣняется, она только приходитъ постепенно въ упадокъ. Персія почти не перемѣнилась противъ того, какъ она описана въ знаменитомъ романѣ Морьера «Хаджи-баба», переведенномъ на русскій языкъ Сенковскимъ. Одинъ дипломатъ, едва ли не покойный Гирсъ, сказалъ о Персіи, что это «le dernier des pays et le dernier des peuples», отзывъ быть можетъ и чрезвычайъ строгій. Хотя въ Персіи правдивый человѣкъ является въ видѣ феномена, а англичане, кажется, тѣмъ персамъ и противны, что не любятъ лгать, но есть въ Персіи и свои хорошія стороны.

Персія—рай для бѣдныхъ людей, дешева жизнь въ ней невѣроятная, значительная часть населенія грамотна, слуги отличаются преданностью, и если рабство въ Персіи существуетъ, то рабы относительно счастливы; имъ даже постоянно грозятъ, какъ наказаніемъ, «свободою», т. е. изгнаніемъ на улицу и необходимостью работать для прокормленія.

Осѣдлое населеніе Персіи довольно даровито, очень умеренно въ своихъ потребностяхъ, миролюбиво и трудолюбиво; грабятъ кочевники, составляющіе четверть всего населенія, но, по убѣжденію персовъ и ихъ правительства, порядокъ безъ палокъ немислимъ. Ни званіе, ни возрастъ, ни полъ не избавляютъ въ Персіи отъ тѣлеснаго наказанія—все различіе только въ количествѣ ударовъ. Наказаніе это, какъ у насъ въ старинной Руси, не считается, впрочемъ, безчестіемъ. Да и самое преступленіе не служитъ персамъ препятствіемъ для достиженія высшихъ должностей. Рахимъ-ханъ, занимавшійся грабежемъ на большихъ дорогахъ и присужденный судомъ къ смертной казни, занималъ потомъ должность губернатора важнѣйшей Испаганской провинціи и откупщика таможенныхъ сборовъ. Нашъ извѣстный закавказскій разбойникъ Керимъ—столько разъ убиваемый по донесеніямъ полиціи—служилъ потомъ при тавризскомъ генералъ-губернаторѣ чѣмъ-то въ родѣ оберъ-полицеймейстера.

До сихъ поръ въ Персіи въ тюрьмахъ пытка процвѣтаетъ, а казни очень жестоки, особенно при преслѣдованіи религиозныхъ сектъ. Преступниковъ зарываютъ живыми въ землю, сжигаютъ, распинаютъ, затаптываютъ до смерти и варятъ въ котлахъ, причѣмъ въ видѣ особой любезности сажаютъ въ кипятокъ, а не вы-

вариваютъ изъ виновнаго бульонъ. Персидское правосудіе если строго, то несложно и, пожалуй, дешево. Въ итогѣ всѣ подкупы чиновниковъ и даже губернаторовъ обходятся дешевле, чѣмъ судебныя и адвокатскія издержки въ другихъ странахъ, а такъ какъ подкупаютъ судей обѣ стороны, то рѣшенія бываютъ обыкновенно довольно справедливы. Боясь чиновниковъ, персы предпочитаютъ, однако, третейскій судъ. Замѣчательно, что, величайшіе врази въ мірѣ, персы рѣдко даютъ на судѣ ложную присягу.

Все здѣсь страшно продажно, — администрація, судъ, духовенство; взятки и «безгрѣшные доходы» считаются прерогативами каждой власти. Подкупить можно кого угодно, отъ шаха до послѣдняго его подданнаго. «Русскіе. говорятъ докторъ Уильсъ въ своей интересной книгѣ «Современная Персія», знаютъ эту слабость своихъ сосѣдей и мудро ею пользуются. Когда имѣешь дѣло съ нецивилизованнымъ народомъ, подкупъ является самымъ важнымъ средствомъ». Я сильно сомнѣваюсь, чтобы цивилизованные соотечественники Уильса такъ ужъ пренебрегали подкупомъ.

Хотя духовенство играетъ главную роль, но оно ненавидимо персамъ какъ главные грабители и разорители народа. Каковы же столпы администраціи, видно, напр., изъ того, что въ половинѣ 80-хъ годовъ первымъ министромъ былъ Аминъ-Султанъ, красивый молодой фаворитъ шаха, сынъ погонщика муловъ, министромъ иностранныхъ дѣлъ безграмотный пьяница Кавале-Довле, не говорившій ни на какомъ языкѣ, кромѣ персидскаго, и ненавидѣвшій все европейское, министромъ юстиціи — Визиръ Назамъ, бывшій каменщикъ, прозванный «величайшимъ воромъ и величайшимъ несчастіемъ Персіи», военнымъ министромъ Наббе султанъ, сынъ шаха, интересовавшійся только банею!

Государственнаго бюджета Персія не имѣетъ. Шахъ получаетъ до 50 мил. руб., идущихъ въ его личную кассу. Персія, не имѣя долгу, не имѣла въ то же время никакого кредита.

По бумагамъ въ арміи числится до 70 полковъ; въ дѣйствительности ихъ не болѣе 10, большую часть изъ людей отъ 14 до 60-ти-лѣтняго возраста, такъ какъ правильнаго набора нѣтъ, а каждая область поставляетъ опредѣленное количество головъ. Содержаніе солдатъ выдается деньгами и они живутъ дома, посвящая службѣ не болѣе 1 часа въ сутки. Ружья хранятся въ складахъ во избѣжаніе кражъ; особенно охотно воруются для пашлыковъ ружейные шомпола. Артилерія состоитъ изъ разнообразныхъ орудій и вѣдается тремя начальниками: надъ людьми, надъ орудіями и надъ лошадьми. Чтобы составить батарею, кромѣ согласія всѣхъ начальниковъ, нужно еще сообразоваться съ намѣреніями шахскихъ женъ, потому что артиллерійскія лошади въ то же время и лошади гарема.

Въ военное время Персія можетъ выставить до 60,000 человекъ, но для обученія необходимы европейскіе инструкторы,

такъ какъ мѣстные офпцеры, взятокъ ради, не обращаютъ вниманія на дисциплину; обученные европейцами персидскіе солдаты не хуже англійскихъ спаевъ. Персидскій солдатъ, особенно если взять изъ горныхъ племенъ, понятливъ и выносливъ, — нужно только его хорошо кормить и аккуратно платить ему жалованье. Евреи военной повинности въ Персіи не подлежатъ. Прежде англчане и австрійцы посылали въ Персію своихъ инструкторовъ, теперь русскіе инструкторы обучили уже два казачьихъ полка — лучшую кавалерію въ Персіи. Казачья бригада была сформированна въ 1879 г. полковникомъ Домонтовичемъ. Русское вліяніе, проводимое начальникомъ бригады г. Косаговскимъ, отлично говорящимъ по-персидски и имѣющимъ личный докладъ у новаго шаха, вытѣснило англійское изъ арміи и уронило престижъ послѣдняго. Этимъ, конечно, англчане недовольны, такъ какъ, по мнѣнію ихъ государственныхъ людей, Персія должна служить барьеромъ между Англіей и Россіей и не должно допускать распадѣнія и разрушенія этого барьера. Добровольно допуская Персію подчиняться русскому вліянію, англчане даютъ возможность лишнимъ полкамъ нахлынуть современемъ на Индію. Персія, если даже она не будетъ принуждена сама принять участіе въ борьбѣ между Россіей и Англіей, какъ орудіе Россіи, все-таки опасная величина для Индіи по своему чрезвычайно выгодному географическому положенію.

Уменьшить однако русское вліяніе въ Персіи не такъ-то легко. Уже болѣе четырехъ вѣковъ назадъ было положено начало сношеніямъ русскаго правительства съ персидскимъ. Іоаннъ III, желая найти себѣ союзника въ борьбѣ съ ханами Золотой Орды, отправилъ посольство къ шаху Узунъ-Гассану. Столѣтіемъ позже наша соперница въ Азіи—Англія—прибѣгла къ содѣйствію Россіи для отправленія въ Персію съ торговыми цѣлями Антонія Дженкинсона. Но дипломатическія сношенія установились у нея не ранѣе 1800 г. Борисъ Годуновъ старался поддерживать тѣсныя сношенія съ персіанами. Слѣдующіе государи московскіе шли тѣмъ же путемъ и въ 1664 году русскіе получили право торговать въ Персіи безошлнно.

При Петрѣ Великомъ, кромѣ завоеванныхъ нами Дербента и Баку, за помощь, оказанную шаху Тахмаспу, мы получили провинціи Гилянъ, Мазандеранъ и Астрабатъ, эту «персидскую Ломбардію», составляющую рѣзкій контрастъ съ остальною Персіей. Къ сожалѣнію, мы недолго владѣли этимъ «перломъ персидской короны». Уже черезъ четыре года послѣ смерти Петра мы отдали шаху провинціи Астрабатскую и Мазандеранскую, а въ 1735 году, по Ганжинскому трактату, уступили Дербентъ и Баку въ виду большой смертности въ русскихъ гарнизонахъ. Спустя 70 лѣтъ мы опять начали завоевывать отданный нами Прикаспій-

скій край и опять при Павлѣ I его легкомысленно уступили, чтобы начать вновь завоевать при Александрѣ I.

Жители персидской Ломбардіи, да и другихъ провинцій, привѣтствовали бы нашу власть и нынѣ съ восторгомъ, тѣмъ болѣе, что въ населеніи ихъ имѣется значительная примѣсь тюркскаго элемента, презирающаго собственно персіанъ. Въ Персіи имѣется также значительное число христіанскаго населенія, несторіанъ и армянъ, состоящихъ подъ покровительствомъ нашей миссіи,—оно также ждетъ присоединенія къ Россіи.

При Людовикѣ XIV и Наполеонѣ I французы старались занять прочную позицію въ Персіи, но со второй четверти нынѣшняго столѣтія послѣдняя стала мѣстомъ, гдѣ по преимуществу встрѣчались нити русской и англійской политики. Персія долго была главною сценою для русско-англійскихъ столкновеній въ Азіи, въ виду претензій персидскихъ шаховъ на Гератъ и того обстоятельства, что мы еще не становились прочно въ Средней Азіи.

Невыгодный для Персіи Гюлистанскій договоръ 1813 г., подписанный послѣ геройскихъ подвиговъ Котляревскаго и побѣдъ при Асландузѣ и Ленкоранѣ, казалось, надолго обезпечивалъ Россію. Но еще ранѣе этого договора, въ 1810 г., Англія заключила съ Персіей союзный трактатъ, обязуясь платить субсидіи и даже выставлять вспомогательный корпусъ. Договоръ сдѣлалъ персовъ настолько притязательными и нашу дипломатію настолько трусливою, что поднятъ былъ вопросъ о неисполненіи Гюлистанскаго трактата. Нессельроде просилъ Ермолова еще разъ осмотрѣть границы и возвратить Персіи что возможно! Къ счастью, Ермоловъ не нашелъ возможнымъ уступить что либо.

Персія отдалась тогда совсѣмъ въ руки англичанъ; англійскіе офицеры находились въ это время на персидской службѣ и дѣйствовали противъ Ермолова. Опасенія Ермолова, что это вызоветъ новую войну, тщательно, повидимому, скрывались Нессельродомъ отъ государя. Когда война вспыхнула, то наши дипломаты сочли своею обязанностью всячески сдерживать новаго главнокомандующаго Паскевича, требуя сохраненія цѣлости (sic) Персіи и неприкосновенности престола шаха. Тогда какъ Паскевичъ, наоборотъ, вовсе не опасался разложенія Персіи и доказывалъ необходимость присоединить хотя Азербайджанъ, если не всю Персію. Императоръ Николай I находилъ, что «намъ далеко лѣзть въ глубину Персіи не слѣдуетъ», а достаточно стать твердою ногою въ Астрабадъ и Энзели, т. е. значить вновь занять Гилянъ и Мазандеранъ.

Въ виду этого вѣроятно, несмотря на угрожавшую Россіи войну съ Турціей, англичане уговорили шаха поскорѣе согласиться на заключеніе мира. И болѣе скромныя условія Туркманчайскаго трактата испугали нашихъ дипломатовъ. По словамъ

гр. Бенкендорфа (въ письмѣ къ гр. Воронцову): Parmi les diplomates elle (извѣстie о мврѣ) a été comme un coup de massue. И неудивительно, что Нессельроде писалъ Паскевичу: «Умоляю васъ беречь англичанъ и не вѣрить слухамъ, распускаемымъ про нихъ армянами и другими азіятскими интриганами».

Проученная войною и послѣ благополучнаго для нея разрѣшенія инцидента съ убійствомъ Грибоѣдова, оскорбившаго ревность тегеранскихъ мужей, Персія, съ 1834 г., сдѣлалась нашею союзницею и находилась скорѣе подъ влияніемъ Россіи. Англійское правительство, находя, что преобладаніе въ Тегеранѣ русскаго вліянія можетъ уронить его престижъ въ глазахъ не только сосѣднихъ владѣній, но въ самой Индіи, открыто, конечно, противоѣствовало въ Тегеранѣ стремленіямъ русской политики. Пальмерстонъ, бывшій въ продолженіе почти сорока лѣтъ руководителемъ англійской политики, совершенно откровенно признавался въ подобной цѣли.

Между тѣмъ сама Англія дѣлала все, чтобъ заставить шаха искать покровительства противъ англійскихъ претензій и захватовъ именно у Россіи. Когда, вслѣдствіе задержанія въ 1837 г. англійскаго курьера, Англія чуть не объявила войны Персіи, когда она, пользуясь этимъ проществіемъ, ввела свой флотъ въ Персидскій заливъ и отняла персидскій островъ Карракъ и когда англійскій посланникъ въ Тегеранѣ Макъ-Нейръ предъявлялъ при этомъ шаху самыя унизительныя требованія, персидское правительство обращалось естественно за помощью къ Россіи, и нашъ генералъ Дюгамель былъ принятъ въ Тегеранѣ съ распростертыми объятіями. Россія признала права, которыя шахъ предъявлялъ на Гератъ. Но шахъ пошелъ въ 1837 г. войною противъ Герата и афганцевъ, вопреки совѣтамъ Россіи, поэтому несправедливо было обвинять насъ въ подстрекательствѣ, хотя полковникъ Бларамбергъ и былъ свидѣтелемъ осады. Англійское правительство держалось тогда въ отношеніи Персіи такой агрессивной политики, что она должна была привести къ серьезнымъ столкновеніямъ. Оборону Герата руководилъ англійскій офицеръ, а въ осадѣ участвовалъ баталіонъ изъ русскихъ бѣглыхъ солдатъ. Не довольствуясь тѣмъ, что персы сняли осаду, англичане объявили войну Афганистану. Англійское правительство возстало при этомъ противъ предложенія нашего посланника въ Тегеранѣ, графа Симонича, чтобъ шахъ заключилъ съ эмиромъ афганскимъ договоръ, провозглашавшій полную независимость Афганистана.

Во время Крымской войны, конечно, не безъ вліянія Россіи, старавшейся отвлечь силы Англии, шахъ Насръ-Эддинъ, въ 1856 году, завоевалъ Гератъ, тогда независимый отъ Афганистана. Но англичане немедленно объявили Персіи войну и захватили въ Персидскомъ заливѣ Бендеръ-Буширъ и др. гавани. Шахъ

объщать не трогать Герата, за что получили обратно свои порты¹⁾. Постъ этого успѣха вліяніе Англій въ Персію вновь укрѣпилось, Англія имѣла тогда въ Тегеранѣ цѣлый рядъ искусныхъ дипломатовъ: Раулинсона, Алисона (любимый секретарь знаменитаго Стратфорда Редклифа), Томсона. Она дѣйствовала бы еще удачнѣе, если бы ея дипломаты не были связаны одновременнымъ подчиненіемъ и министерству иностранныхъ дѣлъ, и генераль-губернатору, а затѣмъ вице-королю Индіи, что подавало поводъ ко многимъ недоразумѣніямъ.

Хотя персы убѣждены въ могуществовѣ англичанъ, но, не взирая на полученные уроки, не считаютъ ихъ вопиющей державой. Къ тому же они находятся гораздо ближе къ Россіи, чѣмъ къ Англіи. «Англія въ глазахъ персовъ пустой звукъ, а Россія сила, передъ которой нужно преклоняться и трепетать», говоритъ одинъ англичанинъ. Къ этому надобно, однако, сдѣлать поправку, напомнивъ, что золото для персовъ всегда было соблазнительнѣе, чѣмъ вороха дипломатическихъ бумагъ.

Это-то косвенное вліяніе балансировало часто старанія нашей дипломатіи. Конецъ 70-хъ годовъ и начало 80-хъ, особенно время представительства г. Зиновьева, даже по отзыву англичанъ, считается эпохою рѣшительнаго преобладанія Россіи. Въ этотъ періодъ мы установили съ Персіей нашу границу по восточную сторону Каспійскаго моря конвенціями 1881 и 1885 годовъ. По первой мы, впрочемъ, согласились признать, въ угоду англичанамъ, нашу границу по Атреку, а не по Гюргени, по второй же Персія уступила намъ Серакъсъ. Согласно договору 1881 года, мы получили право имѣть въ Хорасанѣ своихъ консуловъ, а по слухамъ секретнымъ соглашеніемъ 1883 года персы предоставили намъ право, при пзвѣстныхъ условіяхъ, занимать и Хорасанъ войсками, такъ какъ иначе Закаспійская дорога не была бы въ безопасности. Другіе слухи ходили объ уступкахъ около Астрабата, имѣющаго чрезвычайно важное стратегическое значеніе. Здѣсь горы положи и черезъ Астрабатъ можно проникнуть въ Персію повсюду.

Наше преобладаніе значительно упало затѣмъ при князѣ С. М. Долгорукомъ. Несмотря на неудачи въ Закаспійскомъ краѣ, онъ имѣлъ репутацію человека умнаго и рѣшительнаго, поэтому

¹⁾ Здѣсь нужно помянуть добрымъ словомъ гиганта между нашими представителями въ Персіи Н. А. Аничкова, бывшаго посланникомъ именно въ это трудное время. Когда-то онъ дождется своего біографа? Заключенный имъ договоръ о нейтралитетѣ Персіи *chef d'oeuvre* дипломатическаго искусства. Любопытенъ эпизодъ съ персидскимъ военнымъ есарваномъ, направлявшимся въ Турцію и захваченнымъ русскими. Замѣчательный отзывъ объ Аничковѣ далъ извѣстный египтологъ Вруншъ («Reise der K. Preussischen Gesandtschaft nach Persien 1860—61». Томъ I стр. 244). Солоно приходилось англичанамъ отъ него, такъ солоно, что Ватсонъ (бывшій секретаремъ англійской миссіи въ Тегеранѣ) въ своей «History of Persia» нигдѣ не произноситъ имени Аничкова, тогда какъ съ удовольствіемъ распространяется о ничтожномъ предметникѣ его, князѣ Д. И. Долгоруковѣ.

отъ назначенія его въ Тагеранъ, вмѣсто состарившагося въ дипломатической канцеляріи г. Мельникова, ожидали весьма многого. Но результаты не соответствовали ожиданіямъ. Причиной этого люди, знающіе персидскія дѣла, выставляютъ то обстоятельство, что князь Долгорукій, человекъ мягкій, не былъ достаточно знакомъ съ восточными нравами и слишкомъ полагался на престижъ своего имени. На бѣду, соперникомъ ему попался сэръ Друммондъ Вольфъ, тончайшій англійскій дипломатъ изъ крещеныхъ евреевъ, отличный знатокъ Востока.

Хотя огромные успѣхи, сдѣланные англичанами во время пребывания кн. Долгорукаго, были потомъ и побавлены, частью подъ давленіемъ нашего правительства, частью въ силу обстоятельствъ, но нельзя не признать, что наше положеніе въ Персіи, столь важное для будущаго, не соответствовало расширенію нашего владычества въ Средней Азійи и на Кавказѣ. Поэтому на смѣну кн. Долгорукова отправили болѣе искуснаго дипломата, г. Бюцова, служившаго ранѣе по дипломатической части при графѣ Муравьевѣ-Амурскомъ, потомъ посланникомъ въ Китаѣ и Австріи и знакомаго съ Востокомъ. Воспользовавшись пребываніемъ Насръ-Эддина въ С.-Петербургѣ, Александръ III напомнилъ ему, что сто тысячъ войска стоятъ всегда на границѣ Персіи.

Это напоминаніе было весьма кстати, а то въ 1888 году была открыта для международнаго плаванія р. Карунъ, впадающая въ Шатъ-эль-Арабъ у Мохаммера. Это открытіе разсматривалось какъ блестящая побѣда англичанъ; опасались даже, что они, пользуясь водянымъ путемъ, завладѣютъ всѣми персидскими рынками въ ущербъ Россіи. Но ожиданія не вполне оправдались, вслѣдствіе притѣсненій въ таможенныхъ и неудовлетворительности пути.

Въ 1888 г. персы вздумали противиться учрежденію, согласно конвенціи 1881 г., генеральнаго консульства въ Мешедѣ и согласились на это только предоставивъ то же право Англій. Затѣмъ шахъ воспретилъ было вывозъ хлѣба изъ Хорасана.

Въ 1889 г. англичанину Рейтеру была дана концессія имперскаго банка и монопольное право на всѣ минеральныя богатства Персіи; вмѣстѣ съ этимъ банкъ получилъ концессию на желѣзную дорогу изъ Тегерана въ Шустера и Испагань и на шоссе до Кума. Дѣла банка также не пошли блистательно, а дѣло шоссе ликвидировано. Не лучше вышло и съ третьимъ англійскимъ предпріятіемъ, надѣлавшимъ шуму. Въ 1890 г. шахъ отдалъ на 50 лѣтъ компаніи монополію табака. Придирки агентовъ помогли возбудить неудовольствія; духовенство, пользующееся въ народѣ большимъ авторитетомъ, чѣмъ чиновники, начало проповѣдывать, что табакъ компаніи нечистъ. Когда же высшее духовное лицо въ Кербелѣ высказалось противъ монополіи и воспретило куреніе, то шахъ, опасаясь открытаго возмущенія, уничтожилъ концессию, заплативъ англійской компаніи за убытки 5 милл. руб.

Съ этихъ поръ англійское вліяніе въ Персіи начало замѣтно слабѣть, хотя англичане и не думаютъ уступать намъ окончательно вліянія въ Персіи и въ крайнемъ случаѣ предпочли бы раздѣль этой страны, взявъ себѣ всю южную часть до Пспагани, а намъ предоставивъ сѣверную часть. Хотя послѣдняя гораздо богаче южной, но Россія нѣтъ интереса дробить и ослаблять Персію. Россія не нуждается въ кускахъ персидской территоріи, а имѣетъ только интересъ сохранить Персію въ предѣлахъ своего политическаго вліянія, хотя въ случаѣ распаденія Афганістана она не будетъ уже помогать персіянамъ присоединять Герать. Англіи думала создать изъ Персіи государство-буферъ; Россія, содѣйствуя политическому и культурному пробужденію Персіи, можетъ сдѣлать себѣ изъ этой страны преданнаго союзника, хотя въ Персіи, какъ въ восточномъ государствѣ, политика наша должна быть всегда очень твердая и рѣшительная.

Персія важна для насъ также какъ противникъ Турціи. Персы и турки всегда жили обособленно и не имѣли никакихъ общихъ интересовъ въ дѣлахъ внѣшней политики; напротивъ, они часто между собою воевали. Россія пользовалась этимъ, и за косвенное содѣйствіе свое во время послѣдней войны персы получили даже небольшое приращеніе территоріи.

Въ послѣднее время въ политической жизни Персіи произошла перемѣна. Шахъ Насръ-Эддинъ былъ убитъ анархистомъ. Уже немедленно по вступленіи на престолъ Насръ-Эддинъ сдѣлался жертвою покушенія нѣсколькихъ фанатиковъ секты Баби—персидскихъ коммунистовъ, потому-то онъ потомъ такъ часто мѣнялъ свое мѣстопробываніе, хотя проще было перемѣнить жестокую политику. Ближайшее знакомство съ Европою не повліяло на шаха: онъ завелъ у себя электричество, купилъ паровую яхту, но остался тѣмъ же деспотомъ; первый шагъ его по возвращеніи изъ первой поѣздки за границу былъ—удавленіе перваго министра. Появленіе персидскихъ анархистовъ объясняютъ не только порочностью развращенной администраціи, но и пониженіемъ цѣнности серебра, гибельной для персидскихъ рабочихъ конкуренціей европейскихъ фабрикъ и маніей покойнаго шаха копить богатства, его охватившей совершенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ состарѣлся.

Пока эти событія волновали персіянъ и подрывали вѣру народа въ попеченія о немъ шаха, въ Персію, несмотря на полицейскія мѣры и учрежденіе министерства печати (sic), стали проникать печатающіеся загранично на персидскомъ языкѣ листокъ анархистовъ, распространявшійся по городамъ и селамъ.

О новомъ шахѣ, благодаря его долгой жизни (болѣе 35 лѣтъ) вдали отъ столицы, сначала говорили, что онъ хорошо знакомъ съ тѣмъ народомъ, надъ которымъ призванъ властвовать, но что онъ научился скрывать свои симпатіи и антипатіи. Но засимъ начались смѣны должностныхъ лицъ, заставлявшія относиться недо-

вѣрчиво къ тому, что сообщалось ранѣе о прогрессивныхъ стремленіяхъ новаго шаха. Садразамъ Эминъ-эсъ-султанэ, способствовавшій своимъ распоряженіями спокойному воцаренію шаха, былъ высланъ въ Кучанъ ¹⁾ и министрамъ приказано лично представлять доклады. Но вскорѣ новый садразамъ Эминъ-уд-Доула былъ уволенъ въ отставку, и его преемникомъ явился тотъ же Эминъ-эс-султанэ.

Персія находится наканунѣ важнаго переворота въ ея исторіи. Къ счастью, что для этого она имѣетъ въ лицѣ нынѣшняго великаго визиря человѣка, который сумѣетъ принять рѣшеніе, вполне соответствующее данному положенію. Было бы ошибочно считать его безусловнымъ приверженцемъ Россіи. Его политика сводится къ тому, чтобы поддерживать доброе согласіе съ обѣими великими державами, и г. Керзонъ въ своемъ извѣстномъ трудѣ «Persia and the Persian Question» называетъ его даже англофиломъ. Но о паденіи нашего вліянія въ Тегеранѣ не можетъ быть болѣе и рѣчи.

Экономическое положеніе Персіи, къ сожалѣнію, крайне плачевно. Съ каждымъ годомъ нищета возрастаетъ, а подкупность чиновниковъ увеличивается. Персія ищетъ, кто бы ей помогъ въ ея крайнемъ положеніи. На помощь пришло наше правительство, разрѣшивъ Ссудному банку Персіи покупку персидскаго 5% займа на 22½ милліона рублей. Погашеніе займа разсрочено на 75 лѣтъ, причѣмъ уплата гарантирована таможенными доходами, за исключеніемъ доходовъ съ таможенъ Фарса и портовъ Персидскаго залива. Этотъ заемъ еще болѣе закрѣпилъ наши дружественныя отношенія съ Персіей, которая и ранѣе въ трудныя минуты находила у насъ помощь. Когда англичане въ 1898 г. пытались захватить таможеню въ Вендеръ-Абасѣ, доходы которой были заложены имъ шахскимъ правительствомъ за 500 т. р., Россія выручила послѣднее, сохранивъ ему этотъ городъ, гдѣ англичане высадили десантъ.

Русское правительство, очевидно, намѣревается сдѣлать въ Персіи тотъ же опытъ, что и въ Китаѣ, но съ тою разницею, что въ Китаѣ оно раздѣляетъ контроль съ другими его кредиторами, въ Персіи же будетъ единственнымъ контролеромъ. Получивъ надзоръ надъ болѣею частью персидскихъ таможенъ, она приобретаетъ возможность оказывать вліяніе и на администрацію страны, и вліяніе это будетъ становиться все сильнѣе по мѣрѣ того, какъ будетъ отодвигаться на задній планъ вліяніе Англіи.

¹⁾ Кучахъ—сѣверная провинція Персіи вдоль Копетъ-Дага. Какъ и сосѣдній Бужинуртъ, Кучанъ управляется наследственнымъ генераль-губернаторомъ, носящимъ громкій титулъ «стрѣлы государства». Эти стрѣлы государства страшное зло въ Персіи, отъявленные грабители и варвары. За невозможность своевременно подать въ селѣ Гермабъ кучанскій генераль-губернаторъ приказалъ всѣмъ взрослымъ мужчинамъ отрубить лѣвую ногу! Между тѣмъ населеніе Кучана, по большей части курды, отличается миролюбіемъ, трудолюбіемъ и расположеніемъ къ Россіи и не похоже на своихъ турецкихъ соплеменниковъ.

Если Россія политически должна преобладать въ Персїи, то она могла бы владычествовать по своему географическому положенію и въ персидской торговлѣ. Датчане думали торговать съ Персіею черезъ Россію уже при Василіи Темномъ. Въ 1555 г. англичане для торговли съ Персіею образовали компанію, которая вела торговлю черезъ Волгу и Каспійское море. Въ XVIII вѣкѣ они же дѣлали попытки возобновить покупку шелка тѣмъ же путемъ. Петръ Великій, отправляя въ 1715 г. Волынскаго посломъ въ Персію, приказалъ ему не только хлопотать о размноженіи тамъ русскаго купечества, но объ открытіи торговли черезъ Персію съ Индіей. Русскіе стали покупать съ этого времени въ Персїи хлопокъ, но запрещеніе вывоза изъ Россіи золота въ 1812 г. подорвало нашу торговлю.

Позднѣйшія попытки русскихъ людей основаться въ Персїи были рѣдки; наоборотъ, персіане постоянно посѣщали Россію для покупки и продажи товаровъ. Мы сами отчасти были причиною того, что иностранцы овладѣли многими рынками въ Персїи. Еще въ началѣ 30-хъ годовъ, во время существованія въ Тавризѣ дома бр. Посыльныхъ, ввозилось русскихъ мануфактурныхъ товаровъ: ситцевъ, нанки, миткаля и платковъ ежегодно на сумму 900,000 рублей. Но въ 1837 году началъ свою дѣятельность греческій торговый домъ Ралли, который, пользуясь преимуществами русскаго подданства и покровительствомъ нашей дипломатіи, прочно утвердился въ Тавризѣ. Съ тѣхъ поръ увеличивавшееся число иностранныхъ купцовъ, заводившихъ, по примѣру Ралли, торговые конторы въ Тавризѣ, было причиною, что уже къ 1842 году торговля русскими ситцами почти прекратилась.

Съ окончаніемъ дѣятельности торговаго дома Посыльныхъ въ Персїи, на остальные наши предпріятія по сбыту туда русскихъ произведеній надо смотрѣть не иначе, какъ на рядъ самыхъ неудачныхъ попытокъ, терпѣвшихъ фіаско или вслѣдствіе совершеннаго незнанія необходимыхъ потребностей страны, или же отъ неурядицы въ устройствѣ подобныхъ предпріятій.

Въ 50-хъ годахъ основалось Кокоревское Закаспійское товарищество, съ цѣлью вести торговое дѣло въ Персїи, но оно скоро прекратило существованіе. Затѣмъ, стремясь усилить сбытъ мануфактуръ въ Среднюю Азію, мы долго оставляли Персію безъ вниманія и предоставили эксплуатаціи иностранцевъ. Почти вся торговля Россіи съ Персіею сосредоточилась въ рукахъ армянскихъ купцовъ; между ними есть крупныя, но большая часть армянъ, владѣя крайне скудными средствами, ограничивается одною мелочною торговлею. Къ тому же армяне, вмѣсто того чтобъ дѣлаться въ Персїи проводниками русскои промышленности, мало-по-малу заводятъ сношенія съ Западною Европою. Они опасаются также отказываться отъ однажды принятыхъ пріемовъ и относятся съ недо-вѣрїемъ къ каждому нововведенію, хотя бы и полезному.

Вслѣдствіе этого, несмотря на близкое сосѣдство и совершенное отсутствіе въ Персіи фабрикъ и заводовъ, мы снабжаемъ едва десятою частью потребныхъ этой странѣ товаровъ, сами же, наоборотъ, не взирая на первобытное состояніе персидской культуры и ремесль, покупаемъ постоянно въ Персіи болѣе, нежели продаемъ, и являемся относительно персіанъ должниками по балансу. Положеніе довольно странное, особенно сравнительно съ положеніемъ тамъ же Франціи, Англіи и Германіи, которыя, продавая Персіи огромное количество своихъ обработанныхъ издѣлій, почти изъ милости берутъ за полцѣны небольшое количество персидскихъ товаровъ. Оказывается, слѣдовательно, что скорѣе персіане должны интересоваться благоустройствомъ русскихъ таможенъ, чѣмъ наоборотъ.

Это особенно важно было при существованіи такъ называемаго персидскаго транзита, который долго представлялся главною причиною жалкаго положенія персидско-закавказской торговли. Къ Тавризу вели два транзитныхъ пути: одинъ, беспошлинный, черезъ Закавказье, гдѣ построена желѣзная дорога, а другой—по Арменіи, гдѣ турецкое правительство устроило отчасти шоссе и собирало транзитную пошлину. По расчетамъ, средняя цѣна провоза товара черезъ Закавказье была дешевле на 28 проц. Казалося бы, что при такой дешевизнѣ всѣ товары въ Персію должны были бы слѣдовать только на Поті и Тифлисъ, а между тѣмъ выходило совершенно противное. Несмотря на желѣзную дорогу, русское направленіе съ трудомъ соперничало съ турецкимъ путемъ. Причины такого явленія весьма просты: хотя по турецкому пути товары оплачивались транзитною пошлиною, но всѣ таможенные формальности оканчивались у турокъ въ нѣсколько часовъ, между тѣмъ, вслѣдствіе формальностей русскихъ таможенъ, «безпошлинно» идущимъ товарамъ нужно было по меньшей мѣрѣ пролежать десять дней при самыхъ благоприятныхъ условіяхъ.

Несмотря на такое положеніе, беспошлинный транзитъ представлялъ сильную конкуренцію сбыту русскихъ товаровъ въ Персію и его слѣдовало упорядочить. Вопросъ о транзитѣ очень горячо и долго дебатировался и въ печати, и въ государственныхъ учрежденіяхъ, такъ какъ на сторонѣ транзита была и кавказская администрація, и наша дипломатія, опасавшіяся, что персіане будутъ очень недовольны стѣсненіемъ ихъ торговли. Вопросъ былъ рѣшенъ въ 1883 г. въ благоприятномъ для русскихъ интересовъ смыслѣ, причемъ Высочайшаго одобренія удостоилось мнѣніе меньшинства—весьма, впрочемъ, внушительнаго—членовъ Государственнаго совѣта.

Такимъ путемъ расширялся рынокъ для сбыта русскихъ товаровъ въ западной Персіи и закрѣплялся за Россіей еще болѣе важный рынокъ—Закавказье, свободно наводнявшееся иностранною контрабандою, привозившеюся подъ видомъ товаровъ для пер-

сидскаго безошлиннаго транзита. Равнымъ образомъ устранялась опасность, что тотъ же иностраннѣй контрабандный товаръ, при помощи батумско-баклинской желѣзной дороги, проникнетъ въ Среднюю Азію и вытѣснитъ русскія издѣлія изъ этого естественнаго для нихъ рынка.

Для интересовъ Закавказья сокращеніе безошлиннаго транзита не имѣло никакого серьезнаго значенія, потому что если временно и уменьшился доходъ отъ провоза иностранныхъ товаровъ въ Персію (доходъ отъ провоза персидскихъ товаровъ въ Европу остался въ прежнемъ видѣ), то доходъ закавказскихъ желѣзныхъ дорогъ и извозчиковъ не уменьшился, ибо, вмѣстѣ съ иностранными товарами, въ ту же Персію и въ то же Закавказье стали привозить равное количество русскихъ товаровъ, которые пошли не только изъ Нижняго черезъ Каспійское море, но и прямо изъ Москвы и Кіева черезъ Одессу, Севастополь и Таганрогъ на Потю и Батумъ и далѣе по желѣзнымъ и грунтовымъ дорогамъ.

Защитники безошлиннаго закавказскаго транзита пугали тѣмъ, что вмѣсто русскихъ товаровъ Персія начнетъ покупать иностранные товары, направляя ихъ безошлиннымъ путемъ на Трапезунтъ. Но съ этимъ путемъ все болѣе и болѣе конкурируетъ путь черезъ Персидскій заливъ отъ сильнаго пониженія морскаго фрахта. Затѣмъ, въ виду пустоты турецкой казны, нельзя ожидать, чтобы турки могли сдѣлать что-нибудь для благоустройства труднаго гористаго пути на тысячу слишкомъ верстъ. Надобно припомнить еще, что благами безошлиннаго транзита пользовалась далеко не вся Персія, а наиболѣе западная, или, точнѣе, сѣверо-западная часть.

Прекращеніе закавказскаго безошлиннаго транзита имѣло еще одну важную сторону—политическую. Оно показало въ нашемъ правительствѣ твердую рѣшимость въ экономическихъ и торговыхъ вопросахъ слѣдовать впредь исключительно національнымъ интересамъ, не задаваясь отвлеченными принципами и желаніемъ угодить иностранцамъ. Это подтвердилось на произошедшемъ вслѣдъ затѣмъ прекращеніи порто-франко въ Батумѣ, при сохраненіи коего закрытіе транзита было бы мѣрою не полною. Хотя Россія обязалась по Берлинскому трактату допускать въ Батумъ привозъ товаровъ безошлинно, но это не было какое-либо обязательство, вынужденное у Россіи силою оружія, а простое обѣщаніе нашего правительства, которое оно не обязано было исполнять безконечно и имѣло право взять всегда назадъ, разъ признавало это для интересовъ Россіи необходимымъ. Если Англія и Франція, гарантировавшія въ Берлинѣ цѣлость Оттоманской монархіи, успѣли уже въ это время первая взять у Турціи Египетъ, а вторая—Тунисъ, то понятно, что объ исполненіи такой пустяшной статьи, какъ батумское порто-франко, и разговаривать не стоило, тѣмъ болѣе, что на означенную статью дѣйствительно слѣдовало смо-

трѣтъ, какъ на любезность Россіи по отношенію къ иностранной торговлѣ, а не какъ на безсрочное ограниченіе державныхъ правъ русскаго государства на собственный городъ.

Съ момента закрытія транзита русскія предпріятія стали снова появляться въ Персіи. Большія надежды возлагались на попытку Кюшпина, въ 1884—90 гг., сбывать въ Персіи русскіе мануфактуры, но Кюшпинъ потерялъ болѣе 100,000 руб. и прекратилъ свои дѣла. Въ 1889 г. учреждено въ Персіи товарищество для торговли г. Полякова. Поляковъ имѣетъ, кромѣ торговли, страховое дѣло, спичечную фабрику, ему же принадлежитъ конно-железная дорога въ Тегеранѣ.

Въ дѣлѣ упроченія экономическаго вліянія въ Персіи важнымъ шагомъ, сдѣланнымъ нами, могъ бы явиться учрежденный въ Тегеранѣ «Ссудный банкъ Персіи». Но до сихъ поръ не открыты отдѣленія этого банка даже въ Мешедѣ и Тавриздѣ, которые служать важнѣйшими торговыми центрами въ сѣверной Персіи. Компаніи транспортрованія кладей мы не имѣемъ, почему персидскіе купцы лишены возможности выписывать товары непосредственно изъ Россіи. На персидскомъ побережьѣ Каспійскаго моря мы до сихъ поръ не успѣли устроить ни одного порта. Въ Энзели и въ Мешедессерѣ суда останавливаются въ открытомъ морѣ и, въ случаѣ бурной погоды, не могутъ высадить пассажировъ, не говоря уже о выгрузкѣ товаровъ.

Вслѣдствіе такой постановки дѣла, русскіе купцы и не идутъ въ Персію. Кромѣ того и число консульствъ крайне недостаточное. До послѣдняго времени у насъ были консульства: генеральныя — въ Мешедѣ и Тавриздѣ и простыя — въ Рештѣ и Астрабадѣ. Два года тому назадъ открыто новое консульство — въ Испгани. Устроивъ наблюдательныя консульства по югу Персіи, а также въ Керманѣ и Іездѣ, намъ необходимо было учредить и въ Сеистанѣ генеральное консульство, а устроено только вице-консульство, англичане же имѣютъ тамъ резидента, точно въ странѣ, состоящей въ протекторатѣ!

Въ Персіи, какъ въ странѣ съ первобытными способами сообщенія, съ отсутствіемъ періодической печати, съ чрезвычайно плохимъ составомъ администраціи, — сборъ какихъ-либо точныхъ свѣдѣній объ отдаленныхъ частяхъ государства является возможнымъ только черезъ консуловъ. Учредивъ новыя консульства, мы должны усилить наше представительство и въ Испгани. Юго западная Персія управляется фактически изъ Испгани, и хотя Зелле-ес-султанъ, ея правитель, и подчиненъ шаху, но зависимость эта подвержена случайностямъ, и нашей заботой должно стать упроченіе этихъ отношеній. Для этого рекомендуютъ перевести въ Испганю часть персидской казачьей бригады или организовать для Испгани нѣсколько новыхъ ея сотенъ.

Русская торговля продолжаетъ страдать въ Персіи оттого, что

богатые торговцы могутъ, давая взятки, платить менѣ пошлинь, чѣмъ мелкіе, а торговля ведется преимущественно мелкими торговцами. Сбыту же персидскихъ товаровъ въ Россіи, поощряемому низкими пошлинами по Туркманчайскому трактату 1828 года, на который наше министерство финансовъ давно косо поглядываетъ, вредятъ плохіе пути сообщенія, а въ послѣднее время и запрещеніе ввоза въ Россію серебра. Съ 1894 г. персамъ нечѣмъ покрывать благопріятный для нихъ балансъ, въ обмѣнъ на кредитные билеты; послѣдніе, впрочемъ, уже обращаются въ Персію. Проще всего было бы для урегулированія торговыхъ отношеній включить Персію въ нашу таможенную черту или, по крайней мѣрѣ, заключить съ нею таможенный союзъ. Слухъ объ этомъ ходилъ въ 1891 г. и, понятно, очень не понравился англичанамъ. При проведеніи желѣзныхъ дорогъ въ Персію и установленіи тамъ фабрикъ, союзъ этотъ станетъ неизбежнымъ. Это не значитъ, впрочемъ, какъ я уже говорилъ, что мы должны подчинить себѣ Персію, какъ сдѣлали съ Бухарой. Хотя если судьба когда нибудь заставитъ насъ присоединить мусульманское государство, то, въ виду отношеній къ Турціи и Афганстану, пріятнѣе имѣть подданныхъ шиптовъ. Послѣдній, устроившись въ границахъ, намѣченныхъ Достъ-Магометомъ, сталъ сунитскою державою порядочной силы.

Торговля русская всетаки теперь развивается, даже въ отдаленномъ Хорасанѣ. Наши фабриканты стали принаравливаться къ вкусамъ персидскихъ потребителей, а затѣмъ на счетъ русскихъ капиталистовъ персы стали усердно заниматься культурою хлопковъ и винограда «себзи».

За 10 лѣтъ торговля съ Персіей увеличилась съ 19 до 40 милліоновъ руб., поэтому вопросъ о постройкѣ тамъ желѣзныхъ дорогъ дѣлается все болѣе и болѣе настоятельнымъ. Персіане проведеніе и исправленіе даже грунтовыхъ дорогъ считаютъ излишнимъ. «Дороги нужны тѣмъ, у кого плохія лошади, а у персіанъ хорошія лошади», объяснялъ одинъ мулла нашему инженеру. Понятно, персамъ и думать нечего построить у себя дороги. Несмотря на нашу давнюю смежность съ Персіей, мы провели въ ней только двѣ колесныя дороги: отъ Асхабата (вѣрнѣе отъ Гаудана) до Кучана и отъ Пиръ-Базара до Тегерана. Первая изъ этихъ дорогъ (70 верстъ) построена персидскимъ правительствомъ, но по нашему настоянію, вторая же — компаніей г. Полякова съ субсидіей отъ Россіи. Англичане первые собирались прорѣзать Персію желѣзнодорожною линіей, но предприниматель не нашелъ достаточныхъ капиталовъ и дѣло не состоялось. Проектъ Рейтера заставилъ и насъ задуматься надъ желѣзнодорожнымъ дѣломъ въ Персіи; генераль Фалькенгагенъ добился выгодной концессіи отъ Джульфы на Тавризъ и далѣе, но и этотъ проектъ рухнулъ. Новая концессія, полученная г. Поляковымъ, по интригамъ англичанъ, также не привела ни къ чему, но въ 1899 г. Россія и Персія

заклучили договоръ, на основаніи котораго срокъ приобрѣтеннаго Россією исключительнаго права на постройку желѣзныхъ дорогъ въ Персіи, который истекалъ лишь въ 1909 г., продленъ на неопредѣленное время.

Желѣзныя дороги явятся для Персіи настоящею благодатью, но европейцы боятся, что Россія не разрѣшитъ транзитную торговлю съ Персією.

Удастся ли Россіи обезпечить за собою одинъ изъ портовъ Персидскаго залива, къ берегамъ котораго будетъ проведена идущая черезъ Тегеранъ и Испаганъ желѣзная дорога, покажетъ ближайшее будущее. Во всякомъ случаѣ для Россіи наступилъ моментъ дѣйствовать. Въ провинціяхъ Азербейджанъ и Хорасанъ работали уже русскіе инженеры, которые изучили наиболѣе выгодныя направленія. Дорога въ 2000 верстъ отъ Джульфы на Тавризь, Гамединъ, Испаганъ и Бендеръ - Абасъ съ вѣтвью къ Тегерану обойдется въ 150 милл. руб. и можетъ быть окончена въ 1904 г.

Соединеніе Каспійскаго моря съ Персидскимъ заливомъ предполагаетъ направленіе индійскаго транзита по Средиземному и Черному морямъ до Потти, далѣе черезъ Закавказье по желѣзной дорогѣ и, наконецъ, по новому желѣзному пути и Персидскому заливу въ Бомбей. При такомъ направленіи транзита времени потребуются болѣе, нежели по Суэзскому каналу, а четырехкратная перегрузка и двѣ желѣзныя дороги, обѣ въ гористыхъ мѣстностяхъ, дорого построенныя, т. е. съ высокими тарифами, еще болѣе удорожаютъ перевозку, сравнительно съ направлениемъ черезъ Месопотамію не говоря уже о перевозкѣ прямо моремъ.

Мѣстнаго значенія подобная желѣзная дорога имѣть будетъ болѣе, хотя центральная часть Персіи разорена, почва ея или истощена, или безводна, т. е. неплодна. Потребуется огромный капиталъ и большое населеніе (а его во всей Персіи нѣтъ и 8 милл.), чтобъ поднять культуру страны. Южная часть Персіи очень гориста и бѣдна, населеніе ея или лѣново, или разбойники. Побережье Персидскаго залива песчано, лишено воды и растительности. Большія суда стоятъ отъ Бендеръ-Абаса въ 4¹/₂ верстахъ. Желѣзная дорога при такихъ условіяхъ обойдется очень дорого и не можетъ окупить эксплуатаціи; единственное условіе ея существованія—правительственная гарантія. Затѣмъ, чтобы меридіанальная дорога имѣла значеніе въ торговомъ и политическомъ отношеніи, необходимо, чтобы выходъ ея въ море находился непременно въ рукахъ Россіи, иначе дорога можетъ сдѣлаться орудіемъ Англій.

Въ виду затрудненія въ проведеніи меридіанальной дороги черезъ Персію, г. Фальдъ проектировалъ поперечную черезъ Персію дорогу изъ Александрополя на Эриванъ, Джульфу, Тавризь, Казвинъ, Тегеранъ, Шахрудъ, Себзеваръ, Нишапуръ, Мешедъ и Куш-

бу. Дорога эта находилась бы цѣлкомъ въ русскихъ рукахъ, проходила бы по богатѣйшимъ провинціямъ Персіи, соединяла бы три важнѣйшихъ ея города и уничтожила бы англійскій транзитъ черезъ Трапезунтъ. Но поперечная дорога недостаточна, ибо у Россіи есть болѣе важная задача, чѣмъ персидскій транзитъ, это — выйти къ океану, выйти на широкій просторъ мировыхъ путей.

Англичане уже давно поняли это и направили свои усилія къ тому, чтобы отрѣзать намъ этотъ путь, идущій черезъ Юго-Восточную Персію. Къ сожалѣнію, эту часть владѣній шаха мы знаемъ весьма поверхностно, а во многомъ—даже совершенно не знаемъ. Единственнаго русскаго путешественника, недавно явившагося туда съ научными цѣлями, англичане заставили вернуться. И великобританская дипломатія еще протестовала—на какомъ основаніи русскій натуралистъ осмѣливается безъ разрѣшенія Англии путешествовать по Персіи!

Лучшій проектъ меридианальной желѣзной дороги черезъ Персію, имѣющей цѣлью обойти необходимость выхода дороги въ Персидскій заливъ, стратегическіе пункты котораго въ рукахъ англичанъ, а входъ можетъ быть запертъ, начинается отъ порта Чахбара, на Оманскомъ заливѣ, составляющемъ часть открытаго Индѣйскаго океана, и идетъ черезъ персидскую провинцію Мекранъ, мимо Сенстана на Каинъ, Мешедъ и Хорасанъ до Душака на Закаспійской желѣзной дорогѣ. Эта линія можетъ и для Европы сократить дорогу въ Индію и Персію. Теперь пароходъ изъ Ливерпуля до Бушпра идетъ 26 дней; отъ Бушпра до Испагани гужомъ требуется еще 20 дней. При желѣзной дорогѣ на Чахбаръ, русскіе товары дойдутъ до Испагани въ 9 дней, а на десятки сутокъ могутъ быть на берегу Индѣйскаго океана. Скорый поѣздъ отъ Москвы до Чахбара могъ бы добѣжать въ 5 сутокъ. Отъ Чахбара до Бомбея 2 или 3 сутокъ пути. Тогда почта и пассажиры предпочли бы ѣхать изъ Европы въ Индію черезъ Россію. Впослѣдствіи дорога можетъ быть соединена черезъ Герать съ Кушкомъ, куда упирается вѣтвь Закаспійской желѣзной дороги, а съ другой стороны—съ линіей Тавризъ—Джюльфа и далѣе къ Карско-Тифлисской дорогѣ. Главное неудобство проекта, что портъ Чахбаръ и сосѣдніе съ нимъ такъ же мелководны, какъ и порты Персидскаго залива.

Если Россіи удастся устроить портъ въ Чахбарѣ, то оборонительная линія Кветта-Пешаверь, на которую потрачены англичанами громадныя суммы, окажется обойденною. Владѣя Чахбаромъ, атакующій можетъ безъ особеннаго труда овладѣть Каррачи и слѣдовательно желѣзнодорожнымъ мостомъ, перекинутымъ черезъ Индъ у Сагеура.

Въ такомъ случаѣ сообщенія Кветты съ Индіею будутъ отрѣзаны. Для предупрежденія этого пришлось бы израсходовать не мало денегъ для того, чтобы укрѣпить Каррачи такъ, что оно

было бы обезпечено отъ всякаго неожиданнаго нападенія. Но однихъ укрѣпленій, которыя должны быть построены и вдоль со-всѣмъ доступнаго Мекранскаго прибрежья, окажется недостаточнымъ,—необходимо будетъ располагать въ индійскихъ водахъ постоянно весьма сильнымъ флотомъ.

Желѣзная дорога, открывая Россіи океанъ, свяжетъ съ нами ближе и Хорасанъ, чрезвычайно теперь важный въ стратегическомъ отношеніи, а равно торговомъ и политическомъ. Хорасанъ богатъ продуктами продовольствія и можетъ служить прекрасной базой для новыхъ предпріятій. Занявъ Хорасанъ, Россія можетъ еще болѣе угрожать Герату и, кромѣ того, приобретаетъ возможность пользоваться дорогою черезъ Феррахъ и Гиршкъ на Кандагаръ, т. е. можетъ идти на Индію южнѣе Герата. Главный городъ Хорасана Мешедъ — центръ шиитизма, къ гробницѣ имама Руза стекаются шииты всѣхъ странъ. Городъ этотъ связанъ шоссе съ Асхабадомъ и, въ случаѣ войны, войска изъ Закаспійской области могутъ пройти здѣсь въ то время, какъ другой отрядъ двинется изъ южной Туркменіи на Гератъ. Хорасанъ богатъ хлѣбомъ и фуражомъ. Тутъ, во время похода Скобелева, была образована продовольственная база, и когда Геокъ-Тепе былъ взятъ, отсюда подвозили провіантъ. Это было для насъ очень важно, потому что масса верблюдовъ къ этому времени пала, а верблюды составляютъ жгучій вопросъ въ Средней Азіи. Англичане въ послѣднюю войну потеряли ихъ болѣе 70,000 и тѣмъ разорили Безджистанъ. Современемъ къ вышеозначенной линіи невольно примкнетъ англійская Кандагаръ-Нушклинская желѣзная дорога и откроетъ торговый путь въ Индію.

Персидскій заливъ и Аравія.

Соединеніе Средиземнаго моря съ Краснымъ временно отняло у Персидскаго залива его прежнюю роль въ индійской торговлѣ, но цѣнность его для Персіи, Аравіи и Месопотаміи только возросла, такъ какъ интересы европейскихъ державъ все болѣе и болѣе сосредоточиваются въ Азіи и Африкѣ.

Англія всегда придавала значеніе Персидскому заливу и стремилась къ абсолютному владычеству въ его водахъ: въ числѣ другихъ мѣръ она упорно добивалась утверженія своего вліянія и въ Аравіи. Ко всѣмъ преимуществамъ, содѣйствовавшимъ успѣхамъ англичанъ въ Персидскомъ заливѣ, присоединилось и то обстоятельство, что имъ не приходилось сталкиваться въ водахъ его съ интересами какой-либо европейской державы, за исключеніемъ, развѣ, Турціи, которой принадлежитъ часть арабскаго побережья отъ полуострова эль-Катра до устьевъ Шатъ-эль-Араба.

Собственно псковныя владѣнія Порты начинаются лишь къ западу отъ эль-Катифа; на полуостровѣ же эль-Катрѣ и въ эль-Газѣ Турція утвердилась лишь съ 1871 года.

Взаимныя отношенія Англіи и Турціи въ Персидскомъ заливѣ никогда не оставляли желать ничего лучшаго. Единственное столкновение обонхъ государствъ произошло изъ-за вопроса о правѣ на Баренскаго архипелага, извѣстный своимъ жемчужными ловлями. Англіи удалось одержать верхъ въ этомъ спорѣ и мѣстный шейхъ принялъ на себя обязательство безъ согласія англичанъ не вступать ни въ какія сношенія съ иностранными государствами, а также не допускать учрежденія на своей территоріи какихъ бы то ни было угольныхъ станцій.

Медленное развитіе сношеній черезъ Персидскій заливъ было послѣдствіемъ дурнаго господства сперва португальцевъ и затѣмъ голландцевъ, закрывшихъ другимъ государствамъ доступъ въ Персію черезъ южныя моря. Въ виду такого положенія дѣль, европейскіе товары оказывались вынужденными искать для провоза въ Иранъ иныхъ путей.

Другою причиною медленнаго развитія торговаго движенія являлось то обстоятельство, что на всемъ своемъ протяженіи Персидскій заливъ составляетъ бассейнъ весьма небольшого углубленія и морскія суда, даже въ наиболѣе важныхъ портахъ, какъ, напримѣръ, Бендеръ-Буширъ и Бендеръ-Абась, принуждены останавливаться въ нѣсколькихъ миляхъ отъ берега, что, конечно, крайне затрудняетъ торговыя операціи и весьма невыгодно отзывается на фрахтахъ. Къ тому же, при полномъ отсутствіи какого-либо орошенія и при скудости дождевыхъ осадковъ, берега залива представляютъ почти сплошную пустыню съ рѣдкими оазисами. При такихъ условіяхъ, мѣстные продукты незначительны, а сообщеніе побережья съ внутренними областями чрезвычайно затруднено, отсутствіемъ судоходныхъ рѣкъ, если не считать Шатъ-эль-Араба и соединеннаго съ нимъ Каруна, слишкомъ удаленныхъ на западъ, и обиліемъ высокыхъ горныхъ цѣпей, тянущихся вдоль залива и нерѣдко вплотную подступающихъ къ морю. Послѣднія крайне затрудняютъ обычный въ Персіи караванный способъ перевозки. Всѣ эти неудобства отзываются, конечно, какъ на скорости доставки товаровъ, такъ и на стоимости ея.

Поэтому къ перенесенію центра торговыхъ операцій въ Персидскій заливъ европейцевъ могли побудить лишь обстоятельства исключительной важности, каковыми были: открытіе Суецкаго канала, повлекшее за собою пониженіе морскихъ фрахтовъ въ заливѣ; русско-турецкая война, закрывшая европейскимъ товарамъ доступъ въ Персію съ сѣвера, черезъ турецкую территорію; закрытіе безпошлиннаго транзита черезъ Закавказье.

Главнымъ же толчкомъ послужило то, что русскіе товары завоевали себѣ сѣверные рынки Персіи, почему для англичанъ оста-

валась южная Персія и берега залива. Почти все коммерческое движеніе Персидскаго залива, не только въ трехъ портахъ на его побережьѣ: Бендеръ-Буширѣ, Лингѣ и Бендеръ-Абасѣ, но и въ городахъ: Басрѣ, на Шатъ-эль-Арабѣ и Мохаммерѣ, на рѣвѣ Карунѣ, сосредоточилось почти исключительно въ рукахъ купцовъ Индіи и ея метрополи и увеличеніе этого движенія за 20 лѣтъ поразительно.

Важность Персидскаго залива въ торговомъ отношеніи естественно вызвала желаніе соединить его съ Средиземнымъ моремъ. Проектъ рельсоваго соединенія не новъ. Онъ былъ составленъ Чеснеемъ, изслѣдовавшимъ эти мѣстности еще въ 30-хъ годахъ. По проекту желѣзная дорога шла отъ Александретты до верховьевъ Евфрата, потомъ вдоль Евфрата до Бассоры, въ 70 верстахъ отъ Персидскаго залива; отъ послѣдняго города большіе пароходы безпрепятственно уже ходятъ въ Куррачи и Бомбей. По означенному пути англійская компанія «Turkey and Levant» торговала съ Персіей уже съ 1581 года. Осуществленію проекта Чеснея помѣшала возникшая съ 1869 г. конкуренція дешеваго суэзскаго пути. Отправлять по рельсамъ товары не было расчета, по крайней мѣрѣ для товаровъ не очень цѣнныхъ и не слишкомъ спѣшныхъ. Окупить же дорогу однимъ доходомъ отъ пассажировъ и багажа казалось невысказано. Мало-по-малу однако обстоятельства измѣнились и Германія одержала несомнѣнно побѣду съ тѣхъ поръ, какъ обществу Анатолійскихъ желѣзныхъ дорогъ («Deutsche Bank» 60% и 40% Оттоманскому банку) дана концессія на продленіе Коніискій желѣзной дороги черезъ Багдадъ въ Бассору (на р. Шатъ-эль-Арабѣ, при впаденіи ея въ Персидскій заливъ).

Это событіе, которое отразится на судьбѣ всего Ближняго Азіатскаго Востока. Для европейской торговли откроются рынки Анатолиі и Месопотаміи, а равно откроется новый, болѣе короткий путь въ Индію. Значительная часть транзитной торговли пойдетъ изъ Англии не черезъ Францію и Италію, какъ то было до сихъ поръ, а черезъ Германію, изъ чего послѣдняя извлечетъ не мало выгодъ. Нельзя, конечно, опредѣлить теперь время, которое потребуется для того, чтобы пройти пространство между Константинополемъ и Бассорою, но можно предсказать, что въ случаѣ, если за проѣздъ изъ Куррачи черезъ Константинополь въ Лондонъ будутъ назначены умѣренныя цѣны, то потокъ путешественниковъ, совершающихъ поѣздки изъ Европы въ Индію и обратно, направится по новой линіи.

При надлежащей обработкѣ годной къ культурѣ территоріи Малой Азіи, послѣдняя можетъ дать огромное количество хлѣба. Только отсутствіе удобныхъ путей сообщенія лишало возможности Азіатской Турціи служить житницей европейскихъ государствъ. Проведеніе желѣзной дороги Босфоръ-Конія-Багдадъ-Бассора устранить это препятствіе. На смѣну вывозимыхъ сырыхъ продуктовъ

пойдутъ въ Малую Азію произведенія мануфактурной промышленности, и такимъ образомъ Малая Азія въ экономическомъ отношеніи будетъ порабощена Европой, а на Востоке политическое вліяніе находится въ прямой зависимости отъ экономическаго. Тѣ области, за которыя до сихъ поръ мы боролись только съ одной Англійей, попадаютъ подъ опеку нѣмцевъ, и это крупное предпріятіе явится какъ бы мирнымъ захватомъ азіятскихъ владѣній султана Германіей и въ Малой Азіи послѣдняя займетъ быть можетъ такое же положеніе, каковымъ въ Египтѣ пользуется Англія. Съ англійской стороны врядъ ли будутъ сдѣланы противъ этого возраженія. Во-первыхъ, черезъ Малую Азію и Сирію Россія всегда можетъ атаковать Англію на Суэзскомъ каналѣ и въ Египтѣ. Во-вторыхъ, Англія никогда не проявляла ревности къ Германіи вслѣдствіе усиливающагося вліянія послѣдней, а потому трудно предположить, чтобы она оказала сопротивленіе германско-турецкому соглашенію. Возраженія могли бы послѣдовать со стороны Россіи, но Германія приложитъ, конечно, старанія къ тому, чтобы дружественнымъ нейтралитетомъ относительно поступательнаго движенія Россіи въ Персію и въ другихъ направленіяхъ заручиться нашимъ расположеніемъ.

Успѣхи Германіи въ Малой Азіи вызвали, не мало комментариевъ въ печати. Австрія и Италія приняли ихъ съ благосклоннымъ равнодушіемъ, Англія и Франція чуть что не съ энтузіазмомъ. Англичане заявляли, что они — въ восторгѣ отъ того, что развитіе Месопотаміи будетъ находиться въ рукахъ державы, обладающей широкими экономическими воззрѣніями, и не скрывали своего удовольствія при мысли о томъ, что не Россія получила названную концессію. Что касается французовъ, то тонъ ихъ газетъ былъ не совсѣмъ понятенъ. Хотя Германія обязана успѣхомъ соглашенію между французскою и нѣмецкою группами капиталистовъ, интересы французскаго вліянія не выигрываютъ отъ подобной комбинаціи.

Французскій инженеръ Котаръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ обращался къ турецкому правительству съ просьбою о дарованіи ему Багдадской желѣзнодорожной концессіи, причемъ отказывался даже отъ гарантіи. Нѣмцы явились на сцену позже, но такъ ловко повели свои дѣла, что получили означенную концессію на условіяхъ, несравненно менѣе выгодныхъ для Турціи, нежели условія Котара.

Комбинація, предложенная Германією Франціи и принятая послѣднею, была раньше предложена Англій, но расчетливые англичане отказались отъ нея. Именно общество анатолійскихъ желѣзныхъ дорогъ намѣревалось войти въ соглашеніе съ англійскою компанією, владѣющею линією Смирна—Аидинъ, съ тѣмъ, чтобы присоединить послѣднюю къ анатолійской сѣти и продолжить ее до Багдада. Англичане сообразили, что подобная комбинація бу-

деть способствовать процвѣтанію нѣмецкой компаніи, не гарантируя никакой компенсаціи для линіи Смирна—Алдинъ, и потому отказался.

Вопросъ объ окончательномъ направленіи Багдадской линіи еще не выясненъ. Главнымъ препятствіемъ, которое придется преодолѣть, является Таврская горная цѣпь. Лучше всего было бы направить линію къ Коніа прямо на Цезарею, но многіе высказываются за болѣе южное направленіе отъ Коніа, такъ какъ въ этомъ направленіи встрѣчается меньше препятствій и дорога будетъ идти по болѣе плодородному краю. Если проложить дорогу по лѣвому берегу Тигра до персидской Мохаммера, то устранится необходимость строить мостъ въ четыре километра длиною черезъ Шатъ-эль-Арабъ, чего нельзя избѣгнуть, если дорога оканчивается въ Эль-Куэйтѣ, на Персидскомъ заливѣ¹⁾. Направить дорогу между Евфратомъ и Тигромъ не удобно, такъ какъ пространство между этими рѣками подвергается опустошительнымъ наводненіямъ, хотя въ этомъ направленіи не потребовалось бы строить моста черезъ Шатъ-эль-Арабъ и можно безъ труда достигнуть Эль-Куэйти.

Багдадская дорога, какъ я сказала, нарушила интересы Россіи. Поэтому, по настоянію нашей дипломатіи, султанъ издалъ ираде, въ которомъ повелѣлъ въ будущемъ концессіи на постройку и эксплуатацію соединительныхъ путей въ бассейнѣ Чернаго моря, за исключеніемъ дорогъ, концессіи на которыя получены уже другими, выдавать только русскимъ подданнымъ, при томъ на такихъ же условіяхъ, на какихъ, получена концессія Багдадской дороги. Въ предѣлы, о которыхъ выше идетъ рѣчь, входитъ все побережье Чернаго моря, именно вилаеты Костомонійскій и Трапезундскій, затѣмъ Эрзерумскій вилаетъ, равно какъ часть Сивасскаго, Карпутскаго и Витлискаго вилаетовъ съ точно опредѣленною пограничною чертою на югѣ, а именно линіею Ангара-Сивась, относительно которой общество Анатолійскихъ желѣзныхъ дорогъ уже имѣетъ право первенства, и линіею Сивась-Ванъ, затѣмъ на сѣверѣ почти до Гераклеи, гдѣ добытыя концессіи обществомъ Анатолійскихъ дорогъ относительно постройки рельсоваго пути отъ Адабазара до Гераклеи тоже обезпечиваются за обществомъ. Хотя съ виду явилось расширеніе

¹⁾ Небольшой султанатъ Эль-Куэйтъ расположенъ въ сѣверо-западномъ углу Персидскаго залива. Это единственное интересное мѣсто на побережьи между Эль-Калифомъ и Фао-Гранъ или Куэйтъ. Благодаря разумной политикѣ и торговымъ способностямъ, населеніе города возросло до 20,000 душъ и онъ сдѣлался однимъ изъ наиболѣе преуспѣвающихъ портовъ залива.

Въ 1821—1822 гг. Куэйтъ служилъ мѣстопробываніемъ британскаго резидента въ Бассорѣ. Теперь близкой связи Куэита съ турецкимъ правительствомъ не существуетъ и послѣднее никогда не пыталось поставить здѣсь горнизонъ. Лондонскія газеты неоднократно доказывали, что Куэйтъ былъ бы превосходнымъ опорнымъ пунктомъ для Англіи. Онъ находится какъ разъ напротивъ Бушира, персидскаго порта, гдѣ англичанамъ удалось пустить корни.

русской сферы влияния почти до самого Константинополя, но наша побѣда, купленная сохраненіемъ у насъ армянскихъ эмигрантовъ, не очень велика. Турція дала намъ право строить дороги въ прилежащей къ берегу Чернаго моря полосѣ земли, длиною около 1,000 верстъ, но шириною всего 50—200 верстъ. Территорія, которую будетъ обслуживать Багдадская дорога и которая слѣдовательно будетъ входить въ сферу нѣмецкаго влияния, превосходитъ уступленную намъ полосу въ нѣсколько десятковъ разъ. Притомъ же уступка, сдѣланная Турціею, не обезпечиваетъ насъ отъ вторженія нѣмцевъ даже и на томъ самомъ Черноморскомъ побережьѣ, которое послужило предметомъ соглашения, ибо линия отъ Ада-Базара до порта Ерегли уже отдана компаніи анатолійскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Допустивъ широкое развитіе германскихъ промышленныхъ интересовъ въ Малой Азіи, Турція, нѣкоторымъ образомъ, связываетъ свою судьбу съ Германіею. Германія становится твердою ногою на пути въ Индію и тѣмъ самымъ приобретаетъ возможность непосредственно усиливать свое влияние на Дальнемъ Востока. Признательные нѣмцы убѣдили поэтому французовъ поскорѣе согласиться на подписаніе новаго торговаго договора съ Турціею, который далъ бы ей въ новыхъ таможенныхъ пошлинахъ источникъ для уплаты желѣзнодорожныхъ гарантій.

Затѣмъ въ Германіи поговариваютъ о необходимости исправить теченіе Шатъ-эль-Араба и залучить Куэйтскій портъ. Турція, кажется, не прочь доставить ей и это удовольствіе. Если нѣмцы получаютъ концессіи на постройку портовъ въ Куэйтѣ и въ Гайдаръ-паша, то въ рукахъ Германіи очутятся два важныхъ конечныхъ пункта между Восточнымъ и Персидскимъ заливомъ. Судьба Куэйтска можетъ имѣть серьезное влияние на положеніе значительной части Аравіи.

Аравійскій полуостровъ раздѣляется въ политическомъ отношеніи на четыре обширныхъ области, которыя легко разграничить, проведя мысленно двѣ линіи крестъ-на-крестъ—одну отъ Хорана къ мысу Мебрать (въ Индійскомъ океанѣ), другую отъ залива Барейна (Персидскій заливъ) къ Кунфида (Красное море). Въ сѣверо-восточномъ углу находится Геджасъ, въ юго-восточномъ Іемень-Гадрамутъ, рядомъ съ нимъ на югъ Оманъ (Маскатъ), къ сѣверу отъ него Неджъ. Во всѣхъ четырехъ частяхъ полуострова есть свой духовный глава: въ Геджасѣ—шерифъ Мекки, въ Іемень—имамъ Суды, въ Маскатѣ—имамъ Маската и въ Неджѣ—эмиръ, дѣятельность котораго сосредоточивается въ Ріадѣ, расположенномъ почти въ центрѣ Аравіи. Верховное главенство султана не имѣетъ почти никакого значенія. Шерифъ Геджаса обязанъ отправлять султану дары, но все это имѣетъ случайный характеръ и не налагаетъ никакихъ постоянныхъ обязательствъ. Въ

Йеменѣ власть падишаха поддерживается оружіемъ и признается лишь въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ стоятъ войска. Въ Гадрамутѣ царствуетъ полная анархія и совершенная независимость. Маскатъ находится подъ англійскимъ вліяніемъ, хотя въ религиозномъ отношеніи и подчиненъ шерифу Мекки.

Султану Омана принадлежатъ берегъ Аравіи отъ Мирабатской бухты (въ Индійскомъ океанѣ) до Катарскаго полуострова (въ Персидскомъ заливѣ). Не такъ давно еще иправшіе важную роль, благодаря географическому положенію ихъ страны, маскатскіе властители теперь у ногъ англійчанъ. Маскатъ сталъ со-всѣмъ англійскимъ городомъ и англійскій резидентъ распоряжается тамъ самовластно.

Французское правительство, хорошо предчувствовавшее политическую важность Омана и боявшееся поглощенія его Англійей, обмѣнялось съ послѣдней въ 1868 г. деклараціей, по которой британское правительство принимало на себя обязательство уважать независимость Омана. Въ 1886 г. къ этой деклараціи присоединилась и Германія. Такимъ образомъ съ формальной стороны оманскій султанъ независимъ и можетъ передать въ аренду принадлежащіе ему порты какой угодно державѣ. Но когда султанъ обѣщался сдать французскому правительству въ аренду подъ угольную станцію портъ Бардаръ - Гисса въ 5 миляхъ отъ Маската, то Англія заявила протестъ и послала адмирала Дугласа, который силою принудилъ султана Сеидъ-Фейзула отказаться отъ договора съ Франціей. Субсидія, выплачиваемая индійскимъ правительствомъ султану, была отнята. Только южно-африканская война измѣнила настроеніе. Британскіе агенты въ Персидскомъ заливѣ получили приказаніе какъ можно вѣжливей относиться къ мѣстнымъ султанамъ, а правительство успѣшило заплатить Сеидъ-Фейзулу часть своего долга.

Британское правительство давно также обращаетъ вниманіе на мѣстечко Касавъ, запирающее входъ въ Персидскій заливъ, которое при помощи англійскихъ инженеровъ можетъ быть обращено въ своего рода Перимъ или Гибралтаръ. Съ расширеніемъ нашихъ владѣній на Дальнемъ Востокѣ, намъ еще болѣе, чѣмъ прежде, необходимы угольные станція, и если Франція и Англія приобрѣтутъ себѣ порты на оманскомъ побережьи, то и намъ будетъ полезно послѣдовать ихъ примѣру. Захватъ Касавы какъ пункта, который, благодаря своему географическому положенію, можетъ грозить свободному плаванію въ Ормузскомъ проливѣ, не долженъ быть нами допускаемъ.

Эмиръ Неджа, хотя и проявляетъ попытки самостоятельности и старается избавиться отъ турецкаго покровительства, все-таки находится въ наиболѣе тѣсной зависимости отъ Порты. Въ религиозномъ отношеніи онъ пользуется большимъ авторитетомъ у своихъ подданныхъ, хотя признаетъ главенство Мекки. Совер-

шенно не признають этого главенства только въ Іеменѣ, гдѣ до сихъ поръ поддерживаются преданія вахабитовъ.

Нѣсколько русскихъ, интересовавшихся Месопотаміей и Персіей, обратили вниманіе и на Неджъ. Дѣтъ семь тому назадъ, по словамъ «Спб. Вѣдом.», одинъ русскій путешественникъ отправился въ Неджъ и положилъ начало дружескимъ сношеніямъ съ эмиромъ.

Установленныя имъ отношенія могли бы принести пользу русской политикѣ, если бы ихъ правильно продолжать ¹⁾. Подъ властью эмира Неджа находится весь восточный берегъ Персидскаго залива отъ бухты Барейнъ до Эль-Хасса. Эта часть владѣній эмира совершенно открыта турецкому флоту и потому эмиру приходится мириться съ вліяніемъ Турціи. Послѣдняя назначаетъ губернаторовъ и шейховъ, но и эмиръ принимаетъ участіе въ назначеніяхъ. Побережье Эль-Хасса все изрѣзано бухтами, а на противоположной сторонѣ, принадлежащей персамъ, всего только одинъ портъ. Зато противъ Маската персидскій берегъ гораздо удобнѣе послѣдняго.

Англичане водворились также въ Джаскъ на персидской территоріи, на островѣ Ларекъ, гдѣ у нихъ складъ угля, въ Бендеръ-Буширѣ, на Барейнѣ и въ Могаммера, гдѣ также развѣвается англійскій флагъ для охраны разныхъ складовъ.

XXV. ОСТЪ-ИНДІЯ.

Читая англійскія газеты, можно подумать, что Азія составляетъ какое-то приращенное владѣніе британской короны, что одна Англія является тамъ представительницею права, цивилизаціи, торговли и мира, прочія же государства только вносятъ начала разрушенія и грабежа и преслѣдуютъ исключительно завоевательныя цѣли, результатомъ которыхъ должно быть изгнаніе англичанъ съ азіятскаго материка. Въ этомъ случаѣ исторія можетъ служить лучшимъ опроверженіемъ лицемѣрныхъ увѣреній англійскихъ печатн и ораторовъ, будто Россія не имѣетъ права пріобрѣтать территоріи въ Азіи и вообще дѣйствовать тамъ самостоятельно, по примѣру Англіи, къ которой будто бы всегда склонялось со-

¹⁾ По свѣдѣніямъ «С.-Петербур. Вѣдомостей», одинъ изъ шейховъ Неджа, очень преданный эмиру, но признававшій и главенство Порты, палъ отъ руки одного изъ своихъ родственниковъ. Убийца скрылся въ провинціи Бассора. Семья убитаго обратилась къ турецкому правительству съ жалобой, но послѣднее назначило убійцу на мѣсто убитаго. Семья убитаго, не надѣясь на турецкое правосудіе, обратилась въ департаментъ персидскихъ дѣлъ, въ Бомбей. Это присутственное мѣсто взяло на себя обязанности полицейскаго надзора на берегахъ Персидскаго залива, подъ предлогомъ охраны коммерческихъ интересовъ Великобританіи, и вмѣшивается во все. Оно охотно занялось примиреніемъ эмира съ турецкимъ правительствомъ и разрѣшеніемъ вопроса о Куэйтѣ, что можетъ привести къ установленію вовсе нежелательнаго англійскаго владычества въ Неджѣ.

чувствіе тамошнихъ народовъ и правителей. Стоитъ сравнить положеніе Россіи и Англіи относительно Азіи и вѣковую политику этихъ государствъ въ этой части свѣта, чтобъ уяснить себѣ, какое изъ двухъ государствъ можетъ упрекать другое въ исключительномъ стремленіи къ завоеваніямъ, въ преслѣдованіи эгоистическихкихъ и корыстолюбивыхъ цѣлей и нарушеніи какъ международнаго, такъ и естественнаго права.

Съ 1611 по 1756 годъ англичане довольствовались торговлею съ Индіей только въ четырехъ ничтожныхъ факторіяхъ. Незначительное несогласіе съ бенгальскимъ набабомъ послужило поводомъ къ открытію завоевательной политики, въ которой по-истинѣ *l'arretit venait en mangeant*. Взявъ за образецъ политику французовъ Дюплеиса и Лабурдоне, съ малыми средствами при помощи ловкихъ союзовъ создавшихъ одно время франко-индійскую имперію, Клейвъ съ горстью войскъ съ 1756 по 1760 годъ завоевалъ часть Бенгаліи и Мазулпатамъ; онъ же въ 1765—1766 годъ докончилъ завоеваніе Бенгаліи и заставилъ аудскаго короля признать себя вассаломъ Остъ-Индской компаніи. Съ 1775 по 1792 годъ начинаются грабежи и завоеванія Уаррена Гастингса, осужденнаго потомъ англійскимъ парламентомъ. У аудскаго короля Гастингсъ отнялъ богатѣйшую въ Индіи Бенаресскую провинцію, субабъ деканскій уступилъ ему провинціи Гонтуръ и Сиргаръ. Временно успѣхи англичанъ были приостановлены тогда Гайдеръ-Али, отвоевавшимъ у нихъ Мадрасъ; но по смерти его лордъ Корнвалисъ побѣдилъ Типу-Саиба и присоединилъ большую часть Мейсора.

Новая попытка Типу-Саиба, восточнаго деспота, гордившагося титуломъ гражданина французской республики, повлекла только окончательное покореніе Индостана англичанами. Маркизь Уэлслей, которому первому принадлежитъ мысль объ индійской имперіи, разбилъ мейсорцевъ и марратовъ и съ 1799 по 1805 годъ завоевалъ Каимбатуръ, Канару, Вайнандъ, Танджоръ, Гайдерабадъ и оттянулъ отъ великаго могола провинціи: Барельи, Меррадабадъ, Рогильвундъ, Доабъ и Аллагабадъ. Скоро настала очередь и великаго могола; побѣжденный марратами, онъ думалъ найти помощь у англичанъ и заплатилъ за это сохраненіемъ призрачнаго титула и дѣйствительной потерей провинцій Дели, Агра, Гураджаны, Мирута, Этаваха, Куталиа, Баллаяра и Ягернаута. Все это было закрѣплено завоеваніемъ и большей части земли марратовъ.

Захватъ столь обширныхъ территорій, съ населеніемъ почти въ сотню милліоновъ, заставилъ англичанъ временно отдохнуть и озаботиться устройствомъ новыхъ владѣній; но это продолжалось недолго. Съ 1815 по 1818 годы лордъ Мона завоевалъ остальную часть владѣній марратскаго пейшвы, между прочимъ Нербудда. Завоеваніе въ 1825 году лордомъ Эмгерстомъ Буртпора

подчинило британской коронѣ все пространство отъ Инда и Гималаевъ до мыса Коморина. Къ тому же времени англичане отняли отъ голландцевъ островъ Цейлонъ. Такимъ образомъ, казалось, что главная цѣль англійской политики—пріобрѣтеніе обширнаго и богатаго рынка—была достигнута. Всѣ населенныя, относительно спокойныя и богатыя провинціи были у нихъ въ рукахъ, все лежавшее внѣ не заслуживало уже вниманія; но тутъ-то и выяснились истинные планы англичанъ. Каждый генераль-губернаторъ и каждый вице-король болѣе всего заботился, чтобъ, оставляя свое мѣсто, съ гордостью указать на приращеніе территоріи, сдѣланное его трудами.

Съ 1824 года началось завоеваніе восточнаго полуострова. Лордъ Эмгерстъ отнялъ значительную часть Бирмы, а именно араканскій и танассерскій округи. Затѣмъ завоеваніемъ канаварской провинціи и Ганрагана англичане перешли на тибетскую плоскую возвышенность и подошли къ границамъ Китая. Въ 1830 годахъ жадные взоры ихъ обратились на сѣверо-западъ. Долина Инда привлекала ихъ, но мысль приблизиться къ Средней Азии, куда, по ихъ мнѣнію, стремилась и Россія, остановила временно порывы. Лордъ Бентинкъ самъ не воевалъ, если не считать присоединенія Ассама, но зато его неутомимые эмиссары, между которыми Вёрнсъ можетъ служить образцомъ англійской дипломатіи на Востока, приготовили все для дальнѣйшихъ завоеваній.

Лордъ Ауклендъ снова началъ завоевательную политику. Подъ ничтожными предлогами онъ завоевалъ въ 1838—1839 годахъ Афганистанъ, на стратегическое значеніе котораго обратилъ вниманіе еще Уэлеслей, и занялъ нѣкоторые острова въ Персидскомъ заливѣ. Изгнанные однако изъ Кабула, англичане утѣшились присоединеніемъ несравненно болѣе важной южной части Сянда, т. е. исхода бассейна Инда, и отнятіемъ у арабовъ Адена и у китайцевъ Гонконга. Лордъ Элленборо, начавшій систему завоеваній, безъ всякихъ поводовъ снова началъ войну съ афганцами, но удовольствовался только тѣмъ, что побѣдами Поллока загладилъ пораженія своего предшественника; зато слѣдующій генераль-губернаторъ, лордъ Гардинджъ, безъ труда, одними интригами, съ 1844 по 1849 годъ, подъяпалъ могущественное государство сейковъ.

Маркизъ Дальгузи, одинъ изъ самыхъ даровитыхъ генераль-губернаторовъ, воспользовался этими трудами въ 1849 году и присоединилъ Пенджабъ, Сindhъ, Нагпуръ, Саттару, а войнами на восточномъ полуостровѣ отнялъ у Бирмы Пегу и распространилъ владычество англичанъ на Пенангъ и весь полуостровъ Малакку. Въ 1857 году лордъ Каннингъ затѣялъ новую войну съ Персіей, окончившуюся занятіемъ Бендеръ-Бушира и значительной части берега Персидскаго залива. Восстаніе 1857—1858 годовъ позволило навсегда уничтожить остатки власти великаго мо-

гола и аудскаго короля. Наконецъ, въ новѣйшее время англичане присоединили Кашаръ и землю лусаевъ, привели въ вассальныя отношенія Кашмиръ, Непаль и Бутанъ, сдѣлали новые успѣхи въ Бирмѣ, которая была окончательно присоединена въ 1886 г. лордомъ Дюфферинномъ. Затѣмъ англичане подчинили своему вліянію Афганистанъ, границы котораго были раздвинуты на счетъ среднеазіатскихъ ханствъ и припамирскихъ владѣній, присоединили Белуджистанъ, завоевали Читраль и Гунза. Соглашеніемъ 1896 года съ Франціей Англія, отказавшись отъ мысли создать новое государство-буферъ въ верховьяхъ Меконга, будетъ пользоваться удлинненной границей вдоль восточнаго побережья Индійскаго океана, свяжетъ Бирму съ Китаемъ посредствомъ желѣзной дороги, цѣлкомъ проходящей чрезъ британскую терри- торію, и значительно увеличить свои владѣнія на счетъ Сіама¹⁾.

Такимъ путемъ въ сто тридцать лѣтъ были завоеваны владѣнія, превосходящія пространствомъ двѣ трети Европы, въ которыхъ, не считая Цейлона, свыше 220 милліоновъ непосредственныхъ подданныхъ Англіи и около 70 милліоновъ, хотя и платящихъ подати шестистамъ туземнымъ владѣльцамъ, но находящихся въ дипломатическомъ и военномъ подчиненіи у индійскаго вице-короля, который къ индійскому будто бы «независимому» князю, правителю нѣсколькихъ милліоновъ, преспокойно пишетъ: «Вспомните, что вы не болѣе, какъ прахъ отъ моихъ ногъ!» Обширность ость-индскихъ владѣній ужасаетъ самихъ англичавъ. «Я пришелъ къ заключенію», говорилъ Брайтъ, «что зданіе, воздвигнутое нами въ Индіи, слишкомъ обширно. Было неблагоразумно и рискованно присоединять терри- торіи, которыя слѣдовало лучше оставить независимыми, и вести войны столь же ненужныя, какъ и не имѣющія для себя никакого оправданія. Огромная импе-

¹⁾ Вскорѣ послѣ поѣздки въ Европу сіамскаго короля Россія учредила въ Бангкокѣ дипломатическое представительство, которое можетъ имѣть только политическое значеніе, такъ какъ торговля между обоими государствами сводится почти къ нулю. По мнѣнію англичавъ, конечною цѣлью нашихъ стремленій является пріобрѣтеніе въ Сіамѣ угольныхъ станцій. Пунктами, гдѣ Россія желала бы устроиться, считаютъ островъ Саланга (или Малый Цейлонъ) и островъ Кохъ-си-Гонгъ. Островъ Саланга лежитъ у входа въ Малакскій проливъ, почти въ Бенгальскомъ заливѣ, слѣдовательно не въ далекомъ разстояніи отъ Калькутты, Мадраса и Рангуна. Островъ этотъ представляетъ въ стратегическомъ отношеніи не малое значеніе, а потому обладаніе имъ должно представляться Россіи весьма желательнымъ. Кохъ-си-Гонгъ находится по ту сторону Малайскаго полуострова, почти въ сѣверномъ углу Сіамскаго залива и приблизительно насупротивъ французской и сіамской терри- торіи. Англія, конечно, не могла примириться съ мыслью, что въ недалекомъ разстояніи отъ ея владѣній будетъ мѣсто стоянки русскаго флота и Россія, повидимому, отказалась отъ своего намѣренія. Въ такомъ же положеніи находится дѣло съ Кохъ-си-Гонгомъ. Въ случаѣ, если это ей не удастся, то, какъ признаютъ вѣроятнымъ въ Сіамѣ, она получитъ островъ Куедакъ на западномъ берегу Малайскаго полуострова. Въ томъ и другомъ случаѣ сдѣланныя Россіи уступки будутъ имѣть немаловажное значеніе и для французской республики. Соглашеніе между Россіей и Франціей относительно Сіама приняло въ послѣднее время еще болѣе сердечный характеръ. Не лишено интереса, что въ послѣднее время и Германія старается утвердиться въ сіамской торговлѣ.

рія, которая нами завоевана, слишком обширна для управленія: ея фундамент колеблется и иногда кажется, что она готова рухнуть... Нужно принять за правило, что генераль-губернатору больше чести тогда, когда онъ будетъ отозванъ за то, что ни на одинъ акръ не увеличилъ территоріи нашихъ индійскихъ владѣній, чѣмъ когда онъ присоединитъ къ нимъ цѣлую провинцію или королевство»...

Но и двѣ трети Индо-Китай не удовлетворяютъ, вѣроятно, честолюбію англичанъ; ихъ жадные взоры давно обращаются къ самой Срединной Имперіи, которая для ловкой эксплуатаціи открываетъ поле получше Индостана. Пятьсотъ милліоновъ населенія, при весьма по чеченію тысячелѣтій къ самому мелочному деспотизму, очень хорошій матеріалъ для какихъ угодно политическихъ и экономическихъ экспериментовъ. Къ этой имперіи англичане давно уже приставили хорошую пивку въ видѣ Гонконга; но отдѣльный островъ не можетъ имѣть той политической важности, какую представляетъ непосредственное соприкосновеніе, когда тысячи мелочныхъ дѣлъ, возникающихъ непрерывно на границахъ, дадутъ возможность вмѣшиваться во внутреннія дѣла Китая и идти все дальше и дальше.

Хотя европейскіе публицисты всегда къ успѣхамъ англичанъ въ Азіи относятся съ меньшею завистью, нежели къ успѣхамъ Россіи на томъ же поприщѣ, но, къ счастью, въ эксплуатаціи южнаго Китая англичане встрѣтили теперь соперниковъ въ французсахъ, мѣшающихъ имъ сдѣлаться по ту сторону Ганга полновластными хозяевами. Захватомъ Анана и Тонкина и стремленіями подняться по Меконгу Франція представитъ, конечно, серьезное препятствіе для англійской монополизациі южной Азіи. Франція непременно должна открыть и для себя путь въ Китай, иначе индо-китайскія колоніи ея останутся при томъ же ничтожномъ значеніи, что Барнакъ или Пондичері въ Индостанѣ. Керзонъ въ своей книгѣ совершенно не допускаетъ возможности соглашенія относительно азіатскихъ дѣлъ между Англіей и Франціей.

Нельзя не удивляться тому, какъ удастся англичанамъ управлять Индіей изъ Лондона, за 10,000 верстъ—управлять двѣсти девяносто милліонами людей разныхъ племенъ, религій, цивилизациі, живущихъ въ самыхъ разнообразныхъ почвенныхъ и климатическихъ условіяхъ. Насколько затруднительны рѣшенія въ дѣлахъ Индіи, можно судить потому, что рѣчь идетъ часто о племенахъ и земляхъ, недостаточно извѣстныхъ даже ученымъ географамъ. Поэтому нельзя не отдать справедливости искусству, съ которымъ изворачивалась до сихъ поръ Англія среди безчисленныхъ затрудненій своей индійской политики.

При ближайшемъ знакомствѣ съ послѣднею дѣлается понятною мнительность и даже ожесточеніе, съ которыми англичане опасаются малѣйшаго прикосновенія къ ихъ индійской имперіи. Эта

имперія, какъ справедливо назвали ее въ 1877 году Дизраэли, держится тѣмъ, что тысячелѣтняя цивилизація и рядъ завоеваній, по большей части забытыхъ даже исторіей, нагромоздили въ Индіи безчисленные обломки государственности и вѣрованной самыхъ разнообразныхъ достоинствъ. Индія состоитъ изъ различныхъ странъ, но ни одна изъ нихъ не представляетъ самостоятельнаго пѣлаго, населеннаго народомъ одного происхожденія, болѣе или менѣе отличающимся отъ другихъ въ социальномъ и политическомъ отношеніяхъ.

Въ Индіи нѣтъ и прежде никогда не было никакого единства ни въ политическомъ, ни въ социальномъ или религіозномъ отношеніяхъ, т. е. тамъ не существуетъ никакой индійской націи и выраженіе «индійскій народъ» имѣетъ мнѣшное значеніе. Европейская цивилизація сглаживаетъ національныя различія, поэтому разнообразіе нарѣчій, вѣрованій и расъ несравненно нагляднѣе бросается въ глаза въ Индіи; политическіе перевороты сопровождались тамъ болѣе большими насиліями, чѣмъ въ Европѣ. Въ послѣдней нѣтъ народа, который настолько отличался бы другъ отъ друга, какъ бенгальцы отъ сейбовъ. Образованный магометанинъ изъ сѣверной Индіи скорѣе приближается къ англичанину, чѣмъ къ бенгальцу, получившему степень въ мѣстномъ университетѣ. Затѣмъ вся масса народа раздѣляется на многочисленныя и разнообразныя племена, роды, касты и религіозныя общины. Часть населенія: амамаилайцы, джуанги не вышли еще изъ культуры каменнаго періода; затѣмъ идутъ группы аборигеновъ и арийцевъ,—только часть послѣднихъ говоритъ санскритскими нарѣчійми; за ними слѣдуютъ смѣшанныя племена, наиболѣе многочисленныя, и магометане, религія которыхъ болѣе всего сгладила расовыя и кастовыя отличія.

Такое же разнообразіе до нѣкоторой степени проявляется и въ административномъ режимѣ, который установленъ англичанами. Семь или восемь главныхъ индійскихъ провинцій, по территоріи и населенію равныхъ большимъ европейскимъ государствамъ, имѣютъ каждая свое отдѣльное правительство, въ значительной степени независимое отъ центральной власти. Отсюда не слѣдуетъ, однако, что центральная власть въ Индіи не имѣетъ значенія. Хотя важнѣйшія политическія дѣла рѣшаются министерствомъ Остъ-Индіи въ Лондонѣ и даже бюджетъ Индіи утверждается парламентомъ, вице-король играетъ весьма важную роль. Онъ направляетъ по своему усмотрѣнію постановленія правительствъ въ различныхъ провинціяхъ, контролируетъ сношенія съ иностранными государствами, имѣетъ право объявлять войну и заключать миръ.

Возможно, что стремленіе къ образованію національности обнаружится въ какой-либо отдѣльной мѣстности, но нельзя допустить, чтобы оно могло охватить всю Индію. Съ болѣею вѣроятностью можно предсказать, что всѣ народы Европы сольются въ одну на-

цію, чѣмъ настанеть тотъ моментъ, когда эта мысль сдѣлается достояніемъ населенія всей Индіи. Индусскіе патріоты и теперь требуютъ не объединенія, а раздѣленія Индіи на нѣсколько особыхъ, совершенно независимыхъ одно отъ другого государствъ—мысль, которую ранѣе высказывалъ Брайтъ.

Но если слить обломки Индіи воедино невозможно и англичане пользуются разъединенностью интересовъ населенія для управленія съ небольшими военными силами, то зато пухъ имперія, лишенная внутренней связи, не имѣеть никакой крѣпости; внѣшнее давленіе легко разнесеть ее по частямъ, быть можетъ, еще скорѣе, чѣмъ инперія эта создалась. Расширяя неосторожно предѣлы своихъ владѣній, англичане давно вышли изъ области поборныхъ и мирныхъ народовъ и несовсѣмъ благоразумно врѣзались въ племена полудикія и относительно воинственные, для усмиренія которыхъ требуется военная сила, необходимая, конечно, и внутри страны.

Границы Индіи вообще неспокойны. Простираясь на безконечное пространство отъ Белуджистана до границы Сіама, она окружена многочисленными разноплеменными народами. Нѣкоторые изъ этихъ народовъ образуютъ довольно могущественныя, но мало цивилизованныя и враждебныя европейцамъ государства; другіе, разбросанныя по горамъ и лѣсамъ, образуютъ мелкія племена, среди которыхъ постоянно возникаютъ безпорядки и которыя тревожатъ покой пограничныхъ частей индо-британскихъ владѣній.

Въ двухлѣтній только періодъ 1871—72 гг., о которыхъ у меня подъ рукою свѣдѣнія (Statement exhibiting the moral and material progress of India), англичане воевали для усмиренія лупаевъ, разорявшихъ чайныя плантаціи въ Капартъ; начасовъ, вуки и др. племень, пограничныхъ съ Ассамомъ; хивовъ, хами, миро и др. племень, грабящихъ сѣверный Араканъ. Пограничныя племена Пенджаба и Синда были довольно спокойны, но и тутъ встрѣчались случаи усмиренія племень биттанп и аказаевъ, нападавшихъ на торговые караваны.

Если по границамъ было не спокойно, то въ туземныхъ государствахъ внутри Индостана подъ желѣзною рукою англичанъ случилось въ эти два года нѣсколько событій. Хотя общее пресупянїе было удовлетворительно, а нѣкоторыя государства управлялись даже превосходно, принявъ англійскую финансовую и судебную системы, но замѣшательства были въ Кативаръ изъ-за споровъ правителя съ вассалами о правѣ собственности, и въ Пенджабѣ—вслѣдствіе появленія новой религіозной секты кукасовъ. Возставшіе кукасы были разстрѣляны изъ пушекъ, а основатель секты, въ сущности очень нравственной, Рамъ-Сингъ, сосланъ. Наконецъ, безпорядки были еще въ сѣверо-восточныхъ провинціяхъ вслѣдствіе совпаденія магометанскихъ и буддистскихъ

праздниковъ. Зачинщики безпорядковъ также были наказаны смертью.

Строгость англичанъ объясняется тѣмъ, что на 290 млн. туземцевъ Англія имѣетъ армію только въ 239,758 человекъ (въ томъ числѣ 73,668 англичанъ). Эта же армія, кромѣ удержанія спокойствія населенія, охраняетъ и границы. Изъ собственно англійскихъ солдатъ, 29,673 находятся въ бенгальскомъ президентствѣ, 20,633 въ Пенджабѣ (ближайшемъ пунктѣ къ русской границѣ), 16,422 въ бомбейскомъ президентствѣ и 13,040 въ мадрасскомъ, со включеніемъ Низама и центральныхъ провинцій Индіи. За послѣднія десять лѣтъ число солдатъ увеличилось: англійскихъ на 10,000, туземныхъ на 20,000.

Замѣчательно, что въ индійской арміи пѣхота составляетъ 77⁰/₁₀₀ всего состава, кавалерія 12⁰/₁₀₀ и артиллерія 6⁰/₁₀₀. Такимъ образомъ, несмотря на то, что Индія страна открытая (малолѣсная), кавалеріи тамъ мало (англійской всего 2⁰/₁₀₀)—обстоятельство немаловажное въ случаѣ возстанія, потому что разстроить возмущеніе въ первую минуту будетъ не легко. Индія чрезвычайно бѣдна лошадьми—недаромъ ее зовутъ «коровьимъ царствомъ»—ремонтъ, слѣдовательно, страшно дорогъ и затруднителенъ, притомъ европейскія лошади, какъ и люди, не выдерживаютъ климата. Недостатокъ кавалеріи возмѣщается отчасти подвижностью пѣхоты, съ помощью желѣзныхъ дорогъ, которыхъ имѣется около 30,000 верстъ.

Англичане при расквартированіи стараются смѣшивать свои войска съ сипаями въ пропорціи одного на двухъ, и это показываетъ недовѣріе ихъ не только къ населенію, но и къ сипаямъ. Какъ слабы вообще военныя силы англичанъ въ Индіи, видно изъ того, что въ огромныхъ городахъ, какъ Бомбей и Мадрасъ, имѣется всего по нѣсколько сотъ солдатъ, и т. д. Зато нигдѣ нѣтъ столько оборонительныхъ сооруженій, какъ въ Индіи; но и въ Пенджабѣ, и сѣверо-западныхъ провинціяхъ они не соотвѣтствуютъ современнымъ требованіямъ фортификаціи.

По словамъ капитана Новицкаго, посѣтившаго Британскую Индію съ цѣлью ознакомленія съ ея арміей, боевыя качества англо-индійской арміи и ея способность къ наступательнымъ дѣйствіямъ внѣ Индіи не могутъ быть опредѣлены до перваго опыта борьбы съ европейскимъ противникомъ. Но сомнѣваться въ этихъ качествахъ весьма возможно. Прошлое даетъ не много хорошаго.

Обыкновенно сѣверо-западная граница Индіи представляется линіей укрѣпленныхъ лагерей. По мнѣнію г. Новицкаго, эти укрѣпленія вовсе не сильны и многія совершенно неудовлетворительны. Въ подтвержденіе этого онъ разсматриваетъ Британскій Белуджистанъ, рѣку Индъ, Боланскій проходъ, Шальскую котловину и Кветту. «Пришлось разочароваться,—говоритъ онъ по поводу Кветты,—и смотрѣть на глиняныя стѣны, которые, хотя и могутъ

оказати нѣкоторое сопротивленіе артиллерійскимъ снарядамъ, но долго не устоять въ борьбѣ съ артиллеріей современныхъ европейскихъ армій». Таковъ же характеръ и всѣхъ прочихъ укрѣпленій.

По своимъ естественнымъ условіямъ Белуджистанъ представляетъ значительныя затрудненія для наступленія армій. Но военное положеніе области не отвѣчаетъ ея важному значенію. При походѣ въ Индію несомнѣнно одно, что главный ударъ будетъ направленъ отъ Герата на Кандагаръ и Кветту. Въ этомъ нѣкто не сомнѣвается. Но англичане почти ничего не сдѣлали для укрѣпленія путей. Европейская армія съ нынѣшнимъ артиллерійскимъ вооруженіемъ не можетъ быть здѣсь задержана. Многія укрѣпленія могутъ быть взяты легко открытою силой и разрушены полевой артиллеріей. Г. Новичкій дѣлаетъ также обзоръ Вазиристана, описываетъ укрѣпленія Пешавера, Хайберскій проходъ, Джамрудъ, Али-Меджидъ и Ленди-Коталь. Въ Хайберскомъ проходѣ г. Новичкій не нашелъ укрѣпленій, представляющихъ серьезное препятствіе для наступательнаго движенія съ сѣверо-запада. Таковъ же оборонительный характеръ и Читрало-Гильгитскаго нагорья. Оборонительную линію Инда, по мнѣнію г. Новичкаго, слѣдуетъ признать также слабо укрѣпленной. Зато желѣзнодорожная сѣть сѣверной Индіи вполне удовлетворяетъ требованіямъ перевозки и сосредоточенія войскъ.

Затрудненіе къ развитію англійскихъ военныхъ силъ въ Индіи заключается въ убійственныхъ климатическихъ условіяхъ. У насъ не особенно нѣжничаютъ съ солдатами, но смертность все-таки не превышаетъ 10 человекъ съ 1,000; въ Индіи же и въ нормальное время смертность равна 55 съ 1,000, хотя солдаты расположены въ возвышенныхъ мѣстахъ, въ хорошо устроенныхъ и провѣтриваемыхъ казармахъ, а военные госпитали, построенные въ прохладныхъ гористыхъ мѣстахъ, можно считать даже образцовыми. Солдаты не перевозятся изъ Англій прямо въ Индію, а постепенно приучаются къ тропическому климату въ разныхъ колоніяхъ. Если вспомнимъ, что въ самой Англій солдатъ немного, что люди привлекаются на службу вербовкою, то станетъ вполне понятно, какъ трудно, въ случаѣ нужды, увеличить военныя силы въ Индіи. Въ 1857 г., во время знаменитаго возстанія сипаевъ, Англія прислала всего 80 новыхъ баталіоновъ. Англичане, впрочемъ, могутъ утѣшить себя тѣмъ, что и армія всякаго другого государства, которое дерзнуло бы напасть на Индію, пострадала бы отъ тропическаго климата.

Послѣ возстанія 1857 г., которое было просто военнымъ бунтомъ, а не политическимъ движеніемъ, и усмиреніе котораго стоило 360 милл. руб., не считая 90 милл., употребленныхъ на преобразование армій, количество туземныхъ войскъ уменьшено въ Индіи не только по недобвѣрію къ нимъ, но и по сокращенію, ради эко-

номіи, военно-рабочихъ командъ. Сипай необходимы однако для англо-индійской арміи, такъ какъ, болѣе привычныя къ климату, они избѣгаютъ собственно королевскія войска отъ многихъ тягостей караульной службы; но репутація какого-то героизма сипаевъ, составленная въ концѣ прошлаго столѣтія въ войнахъ съ малодушными войнами Декана и Майсора, давно уничтожилась. Сипай, кромѣ набираемыхъ изъ гуркасовъ и др. горныхъ племень, очень худощавы и на видъ слабыя, хотя выносливы.

Фельдмаршалъ лордъ Робертсъ, въ своей книгѣ «Сорокъ лѣтъ въ Индіи», жалуется на физическое вырожденіе и упадокъ духа воинственныхъ племень Индіи, изъ которыхъ вербуютъ сипаевъ, причеиъ удостовѣряеть, что при крайне низкихъ военныхъ качествахъ педусовъ, мѣстныхъ войска не могутъ принести никакой пользы на войнѣ внѣ предѣловъ Индіи, а развѣ только облегчать неприятелю нанести поражение англійскимъ войскамъ. Этотъ отзывъ извѣстнаго генерала, долго командовавшаго индійской арміей, подтверждаетъ мнѣніе, высказанное Уольслеемъ, нынѣ главнокомандующимъ въ Англіи, въ парламентской комиссіи, что индійскія войска не годятся для войны съ европейской арміей. Англійскіе полки въ Индіи, кромѣ климата, спльно страдаютъ и отъ сифилиса.

По вычисленіямъ англійскихъ генераловъ, въ случаѣ сосредоточенія арміи у сѣверо-западной границы, на занятіе страны потребуется, кромѣ волонтеровъ и мѣстныхъ войскъ, еще 150,000 человекъ, т.-е. свободными останутся только 78,000 человекъ.

Приготовленія къ войнѣ съ Россіей въ 1885 г. служатъ доказательствомъ вѣрности этой цифры. Англія предполагала тогда сформировать въ Индіи 2 корпуса и 1 резервную дивизію, общей численностью въ 70,000 строевыхъ чиновъ (изъ которыхъ 32,000 англичанъ), при 60,000 военно-рабочихъ и 70,000 лошадей и вьючныхъ животныхъ. Но необходимо принять во вниманіе, что эти 70,000 солдатъ, которые могутъ быть выдѣлены, не будутъ имѣть прочной организаціи, такъ какъ въ англо-индійской арміи въ мирное время не существуетъ высшихъ тактическихъ единицъ (бригадъ, дивизій, корпусовъ) и онѣ формируются только при мобилизаціи. Обозная часть въ мирное время также не сформирована; чрезмѣрное количество нестроевыхъ (военно-рабочихъ) потребуетъ громаднхъ запасовъ продовольствія, а стратегическія желѣзныя дороги, страдающія недостаткомъ подвижнаго состава, не будутъ имѣть возможности подвозить необходимое количество грузовъ. Многие факты даютъ возможность предположить, что въ европейскихъ войскахъ, находящихся въ Индіи, некомплектъ и неспособные къ походу составляютъ около 30 проц.

Но и 70,000-я армія можетъ быть сформирована только при предположеніи, что въ Индіи все спокойно. 150,000 солдатъ, которымъ будетъ ввѣрена охрана внутренняго порядка, представляются очень незначительной въ сравненіи со всей массой насе-

ленія, а именно одинъ солдатъ приходится на 2,000 жителей, а настоящій англійскій солдатъ на 8,000 жителей. Поэтому стоитъ только вспыхнуть даже не особенно сильному возстанію, чтобы значительная часть этихъ войскъ была уничтожена.

Сколько можетъ потребоваться войскъ для удержанія мусульманъ въ поворности, нѣтъ указаній въ англійскихъ источникахъ. При войнѣ съ Россіей Макъ-Грегоръ полагаетъ, что появленіе русскихъ въ Гератѣ заставитъ англичанъ увеличить внутренній гарнизонъ Индіи на 80,000 чел., при появленіи въ Кабулѣ и Кандагарѣ еще на 80,000 и, наконецъ, когда наши войска выйдутъ въ долину Инда, то для удержанія населенія въ покорности потребуются не менѣе 480,000 чел., Изъ этого видно, что вооруженныхъ силъ Британской Индіи недостаточно для ея защиты.

Въ Индіи не существуетъ резерва или запаса для европейскихъ войскъ; что же касается туземной арміи, то въ ея резервъ числится не болѣе 15 тысячъ человѣкъ.

Опредѣленіе боевой годности англо-индійской арміи при столкновеніи съ европейскими войсками въ высшей степени гадательно, такъ какъ туземныя войска, состоя изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ, совершенно чуждыхъ и часто враждебныхъ другъ другу, представляютъ весьма пеструю вооруженную силу, о которой нельзя говорить какъ объ одномъ цѣломъ организмѣ. Говоря о качествахъ сипаевъ, англичанинъ постоянно говоритъ о сейкахъ и гуркасахъ, но во всей туземной пѣхотѣ всего 15,000 сейковъ и 11,000 гуркасовъ.

Даже по англійскимъ свѣдѣніямъ изъ 134 батальоновъ сипаевъ только 60 представляютъ войска перваго разряда, изъ остальныхъ 74-хъ батальоновъ 15—20 могутъ быть отнесены ко второму разряду; что же касается прочихъ, то они находятся въ весьма печальномъ состояніи.

Это очень озабочиваетъ англичанъ. Между тѣмъ ость-индское правительство имѣетъ военный бюджетъ, уступающій только Россіи, но превосходящій бюджеты военнаго министерства Франціи и Англии, не говоря уже о Пруссіи, Австріи и Италіи.

Рекомендуемая газетами всеобщая военная повинность, распространенная на населеніе изнѣженное, развращенное и обезсиленное, не обѣщаетъ никакихъ хорошихъ результатовъ. Увеличить расходъ на армію было бы со стороны правительства затруднительно, и теперь уже финансы Индіи находятся не въ удовлетворительномъ положеніи. Налоги постепенно повышаются, и ость-индскій министръ финансовъ всегда самый ненавистный человѣкъ въ странѣ. Въ туземныхъ государствахъ финансовыхъ дѣятелей выбираютъ даже изъ наиболѣе презрѣнныхъ кастъ.

Нужно имѣть въ виду, что распредѣленіе налоговъ въ Индіи весьма несправедливо; болѣе половины финансовыхъ средствъ извлекаются изъ поземельнаго налога, поглощающаго отъ $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$

дохода земледельцев и отъ монополіи на соль, доставляющей 85 мил. рублей. Къ этому бывший министръ финансовъ Темплъ прибавилъ еще, не обращая вниманія на сильнѣйшее сопротивленіе своихъ сотоварищей и общественнаго мнѣнія, подоходный налогъ. Къ счастью, Индія имѣетъ источникъ дохода въ 90 мил. рублей, уплачиваемаго жителями другой страны—монополію опиума, оплачиваемую китайцами.

Тяжесть налоговъ тѣмъ сильнѣе, что Индія страна земледѣльческая, 90 проц. ея населенія живетъ отъ земли. Индійская община похожа на русскую и произвела тѣ же дурныя явленія. Въ прежнее время подати собирались натурою земледарями; не разобравъ дѣла, англичане въ 1793 г. обратили послѣднихъ въ помѣщиковъ, оставивъ массу населенія на правахъ вѣчныхъ арендаторовъ за плату; но эти права опредѣлены точно не были и дали поводъ къ эксплуатаціи населенія. Только въ 1859 г. новый законъ для Бенгала, гдѣ населеніе особенно велико, установилъ постоянство оброковъ. Въ 1873 г. тотъ же законъ распространенъ на Мадрасъ и Бомбей, земледарямъ оставлена только $\frac{1}{8}$ часть земель. Въ Индіи землевладѣніе очень мелкое, срокъ чинша 30 лѣтъ, съ платою отъ 50 к. до 30 р. за десятину. Высота оброка, поборы земледаровъ, ставшихъ міроѣдами, сельскіе ростовщики (механджуны) и, какъ результатъ этого, хпщническая система хозяйства ведутъ сельское населеніе къ обнищанію и вызываютъ неудовольствіе. Земельный вопросъ—капитальнѣйшій въ Индіи, но регулировать его не легко.

Даже въ урожайные годы земледѣлецъ не можетъ ничего припрятать на черный день, на случай голодовки. Крестьяне и бывшіе ткачи всецѣло зависятъ отъ земли. Это—ихъ единственное средство къ существованію. Населеніе лишено совершенно голоса въ раскладкѣ налоговъ. Есть еще другая причина обѣднѣнія Индіи подъ англійскимъ владычествомъ: огромныя военныя издержки. На средства, доставляемыя Индіей, содержится большая армія не только въ самой странѣ, но и въ другихъ частяхъ Азіи, Африки и даже въ Европѣ.

Несмотря на навязываемую англичанами для Индіи свободную торговлю, вслѣдствіе дешевизны труда, обработка индійскаго хлопка на мѣстѣ все-таки дѣлаетъ успѣхи и соотвѣтственно сокращается ввозъ англійскихъ матерій. Промышленное пробужденіе Индіи произошло сорокъ лѣтъ назадъ, при участіи, конечно, англійскихъ капиталистовъ, но къ ужасу ланкаширскихъ фабрикантовъ. Лондонское правительство яро защищаетъ интересы послѣднихъ, а мѣстная администрація отстаиваетъ по возможности интересы Индіи.

Администрація въ Индіи составляетъ особый родъ службы, не имѣющей связи съ англійскими вѣдомствами въ Европѣ. Поступающіе въ индійскую службу не перемѣщаются на европейскіе

посты и заканчиваютъ карьеру въ Индіи же. Даже губернаторы провинцій и министры вице-короля состоятъ исключительно изъ такихъ англо-индійцевъ. Изъ этой среды вышелъ и вице-король Лауренсъ, преобразователь индійской администраціи, начавшій службу мелкимъ чиновникомъ. Это, впрочемъ, исключеніе; обыкновенно же вице-короли назначаются изъ аристократовъ на пять лѣтъ, согласно интересамъ партіи, руководящей въ данную минуту парламентомъ. Англо-индійская администрація защищаетъ интересы Индіи и, вопреки тому, что у насъ думаютъ, нерѣдко жалуется на несправедливость и эксплуатацію Англии. И чиновники, и постоянно живущіе тамъ купцы и промышленники были не только за обложеніе ввоза англійскихъ хлопчато-бумажныхъ издѣлій въ Индію таможенною пошлиною, но протестовали и противъ уплаты индійскимъ бюджетомъ расходовъ на экспедицію индійскихъ войскъ въ Суданъ. Только въ вопросѣ о переложеніи металлическаго обращенія съ серебра на золото англо-индійцы предпочли собственный интересъ благу туземцевъ.

Впрочемъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ экономистовъ, паденіе серебра далеко не имѣло приписываемаго для Индіи благотѣльного вліянія. Съ 1870 по 1888 годъ вывозъ изъ Остъ-Индіи увеличился далеко не въ той пропорціи, какъ въ семнадцать лѣтъ, предшествовавшихъ 1870 г., когда курсъ серебра былъ высокъ. Наиболѣе усилился вывозъ изъ Остъ-Индіи чая и пшеницы, но вывозъ первого увеличился отъ мѣръ, принятыхъ для устройства плантацій, для культуры чая, и отъ упорства китайцевъ, державшихъ высокія цѣны, считая себя монополистами. Вывозъ пшеницы увеличился частью отъ дурныхъ урожаевъ въ Европѣ, но главнымъ образомъ отъ постройки желѣзныхъ дорогъ въ Остъ-Индіи и отъ чрезвычайнаго удешевленія морскихъ фрахтовъ.

Во всякомъ случаѣ нельзя отрицать, что если паденіе валюты не повліяло прямо на развитіе вывоза, то оно было элементомъ, содѣйствовавшимъ послѣднему, такъ какъ дозволило получать за товаръ при вывозѣ болѣе; между тѣмъ внутри Остъ-Индіи серебро сохранило свою прежнюю покупательную силу. Паденіе цѣны серебра было для Остъ-Индіи полезно и въ томъ отношеніи, что, удорожая соответственно привозные товары, оно ограждало, хотя отчасти, индійскій рынокъ отъ переполненія англійскими товарами. Остъ-Индіа—фритредерская страна. Таможенные пошлины составляютъ въ ней въ среднемъ только 4 проц., да и то теперь для большинства англійскихъ мануфактуръ онѣ отменены.

Кромѣ англійской промышленно-торговой эксплуатаціи, вытягивающей изъ Индіи ежегодно 300 милл. руб., въ Индіи имѣются и другія бѣдствія: эпидеміи и голодовки, охватывающія по климатическимъ условіямъ обширныя мѣстности. Въ 1877 г. отъ голода умерло болѣе восьмисотъ пятидесяти тысячъ человѣкъ, а голодъ, свирѣпствующій послѣдніе годы, погубить или окончательно

разорить, говорятъ, до шести милліоновъ! Соответственно погибнетъ и масса скота. Въ одномъ только округѣ изъ 1.300,000 штукъ скота погибло въ полгода 1.000,000.

Индія родина холеры. Здѣсь она, въ дельтахъ большихъ рѣкъ, заливаемыхъ въ эпоху дождей (іюнь, іюль, августъ), получила свое начало уже очень давно, ибо въ тамульскихъ рукописяхъ, болѣе древнихъ, чѣмъ Веды и завоеваніе Индіи арійцами, симптомы холеры описаны весьма ясно. Врачи арабскіе, въ VII вѣкѣ, португальскіе въ XVI вѣкѣ и англійскіе въ XVII вѣкѣ также весьма подробно описывали холерныя эпидеміи въ Индіи.

Въ Европу ужасная болѣзнь эта въ первый разъ пожаловала въ нынѣшнемъ столѣтіи; всего до сихъ поръ насчитывается пять большихъ холерныхъ эпидемій, причемъ быстрота нынѣшнихъ путей сообщенія чрезвычайно ускоряетъ распространеніе эпидемій. Холера теперь не употребляетъ 7 лѣтъ, какъ въ 20-хъ годахъ, чтобъ пройти 1400 верстъ, отдѣляющихъ Астрахань отъ Москвы, теперь она ѣдетъ и на пароходахъ, и по желѣзнымъ дорогамъ. Холера не избавляетъ Индію и отъ чумы. Голодь и чума, вспыхнувшіе здѣсь еще въ 1896 г., свирѣпствуютъ уже пятый годъ. Въ связи съ противочумными мѣрами, предпринятыми правительствомъ, въ нѣкоторыхъ городахъ Индіи вспыхнули беспорядки, сопровождавшіеся кровавыми сценами.

По опыту Россіи мы знаемъ, что, при извѣстной степени культуры, голодовки не могутъ быть отстранены однѣми административными мѣрами. Поэтому смѣшно читать наставленія, которыя дѣлаютъ наши газеты англійскому правительству за его неумѣніе справиться съ индійскимъ голодомъ. Въ своей нелюбви къ сантиментальности, англичане, впрочемъ, зашли слишкомъ далеко. «Какъ бы мы ни поступили и что бы мы ни предприняли, голодь и чума оставляютъ глубокіе слѣды на Индіи въ теченіе долгаго періода», философски замѣтилъ на митингѣ въ Лондонѣ одинъ изъ министровъ. На это социалистъ Гейдмень возразилъ, что голодь въ Индіи вызванъ едва ли не истощеніемъ страны, изъ которой Англія вытягиваетъ ежегодно до двухсотъ милліоновъ рублей; онъ предложилъ прекратить высылку изъ Индіи въ Англію этихъ денегъ и употребить ихъ на спасеніе индусовъ отъ голодной смерти. Лордъ-мэръ призналъ подобное предложеніе «неумѣстнымъ» и выгналъ оратора изъ зала!

Въ прекрасномъ сочиненіи г. Ламанскаго «Индія» весьма подробно разъяснено, сколько сдѣлано англичанами для противодѣйствія губительному вліянію неурожаевъ; между прочимъ производится масса общественныхъ работъ, а полезными сооруженіями, особенно ирригаціонными, Англія, конечно, скорѣе сдѣлается владычицею индійскихъ сердецъ, чѣмъ вмѣшиваясь въ мѣстную администрацію при помощи легіона чиновниковъ, которые поглощаютъ бюджетъ съ пользою главнымъ образомъ для самихъ себя.

Англичане, при лордѣ Бентинкѣ (1823—1835 г.), уничтожили жестокий обычай «сати»—сожженія вдовъ и истребили гнусную секту туговъ-душителей, въ 1858 г. уничтожена ость-индская компанія, которую простой народъ представлялъ себѣ злѣю старухю, сидящею въ Лондонѣ, и преобразована администрація, въ 1860 г. улучшено уголовное законодательство, въ 1869—1872 гг. при лордѣ Майо произведена земельная реформа, устроены большія общественныя работы и главнѣйшія желѣзныя дороги.

Къ сожалѣнію, въ высшихъ сословіяхъ распространялись европейскія моды. Любитель *couleur local* извѣстный романпстѣ Пьеръ Лоти пришелъ въ отчаяніе, посѣтивъ недавно одного магараджу въ южной Индіи. Его привезли въ прекрасной коляскѣ, запряженной по-англійски, во дворецъ въ стилѣ Людовика XIV съ садомъ въ родѣ версальскаго, показали школу искусствъ, гдѣ молодыхъ индусовъ обучаютъ выдѣлкѣ мебели *modern style* и плетенію кружевъ *point d'Alençon*, музыка играла вальсы и опереточныя мотивы. Для развлечения Лоти предложили военный парадъ и показали зоологическій садъ, гдѣ было нѣсколько чалыхъ тигровъ, такъ какъ лучшіе экземпляры таковыхъ находятся въ Европѣ!

Что при такомъ обезьянствѣ и при всѣхъ несомнѣнныхъ заслугахъ англичанъ для культуры они въ Индіи непопулярны, доказываетъ тѣмъ, что за десять послѣднихъ лѣтъ 3 милліона индусовъ приняли исламизмъ, тогда какъ только 500 или 600 человекъ обратились къ протестантской религіи. Даже огромныя затраты англичанъ на распространеніе образованія во всѣхъ видахъ и предоставленіе печати полной свободы не пошли на пользу англійскаго вліянія. Напротивъ, вліяніе мѣстной интеллигенціи проявляется въ Индіи въ расширеніи силы оппозиціонной печати и въ образованіи митинговъ, раздувающихъ неудовольствія. Печать даже организовала съ 1885 г. ежегодные конгрессы, родъ неофициозныхъ парламентовъ изъ представителей разныхъ частей Индіи, для обсужденія нуждъ Индіи. Эти конгрессы вотируютъ самыя зашпигательныя резолюціи. Понятно, рѣшенія, принимаемыя индійскими національными конгресами, не по вкусу англійской печати, особенно торійской. Въ концѣ 1897 г. она убѣдила правительство издать спеціальныи «законъ о возмущеніи», въ силу котораго преступленіемъ признавалась всякая критика дѣйствія властей. Послѣдовалъ цѣлый рядъ осужденій туземныхъ редакторовъ. Но законъ не успѣлъ брѣженія, а скорѣе успѣлъ его. Англичане считаютъ однако конгрессы не болѣе какъ фарсами и доказываютъ, не безъ основанія впрочемъ, что въ Индіи парламента быть не можетъ, потому что Индія не государство и не народъ, а географическій терминъ. Во всякомъ случаѣ политическія обстоятельства теперь сильно измѣнились, и англичанамъ требуется все больше и больше труда и искусства, чтобъ съ горстью солдатъ и чиновниковъ (англійскихъ чиновниковъ 39,000,

получающихъ 145 милл. руб. жалованья) эксплуатировать такую громадную часть Азіи, какъ Индія.

Не нужно однако выводить отсюда предсказанія о скорой потерѣ англичанами ихъ Индійской имперіи. Покойный Голубковъ очень интересовался Индіею и издалъ въ сороковыхъ годахъ переводы о ней различныхъ сочиненій, но труды эти утратили всякое значеніе, такъ какъ предсказанія, заключавшіяся въ нихъ, о близкомъ паденіи англійскаго владычества въ Индіи не только не оправдались, но получили въ дальнѣйшей исторіи этой страны полнѣйшее опроверженіе.

Хотя, по мнѣнію г. Мартенса, всѣ проекты о завоеваніи англійской Индіи—симптомы или болѣзненнаго состоянія, или безпредѣльнаго тщеславія ихъ авторовъ, но въ дѣйствительности это завоеваніе, не особенно желательное, въ случаѣ серьезной войны съ Англіей неизбежно должно быть нами испробовано. При пассивной оборонѣ мы можемъ только потерять, особенно экономически, для активной же войны съ Англіей у насъ, какъ я уже говорилъ въ IV главѣ, нѣтъ другихъ средствъ, кромѣ крейсеровъ на морѣ и похода въ Индію на сухомъ пути.

Это сознаютъ и англичане. Англійскій посланникъ въ Персіи Макъ-Нилъ одинъ изъ первыхъ въ 30-хъ годахъ забилъ тревогу объ опасномъ приближеніи русскихъ къ Индіи и объ ихъ коварствѣ, а за нимъ Рауллинсонъ, Гольдсмитъ, Вамбергъ—этогъ неумолчный врагъ Россіи (мнѣнія этихъ лицъ сгруппированы въ сочиненіи подполковника Керри: «*Shadows of coming events or the eastern menace*», 1875 г.), а въ послѣднее время Керзонъ (нынѣшній вице-король) и Макъ-Грегоръ, бывший начальникъ штаба остъ-индской арміи.

Русскіе также не дремали. Во время Восточной войны генералъ Хрулевъ подаль проектъ похода на Индію, причемъ указывалъ на необходимость занятія Герата. Наши завоеванія въ Средней Азіи облегчили задачу сравнительно съ тѣмъ положеніемъ, которое было при Павлѣ I въ 1800 г. и въ 1839 г. (во время афганской войны) и въ 1855 г., когда идея похода въ Индію обсуждалась практически нашимъ правительствомъ. Черезъ полтора года послѣ появленія въ печати сочиненія Керри, Скобелевымъ, бывшимъ губернаторомъ только что завоеванной Ферганской области, была подана генералу Кауфману записка—«что дѣлать Туркестану въ случаѣ войны Россіи съ Англіей?». Появленіе этой записки объясняется ожиданіемъ разрыва не только съ Турціей, но и съ Англіей. Записка Скобелева была принята къ свѣдѣнію и передъ заключеніемъ Берлинскаго договора было сформировано нѣсколько отрядовъ, которые должны были демонстрировать по тремъ операціоннымъ направленіямъ: на Гератъ, на Читраль и на Кабуль. Походъ 1880—81 гг., какъ и слѣдовало ожидать, еще болѣе утвердилъ Скобелева въ его взглядахъ

на способы разрѣшенія восточнаго вопроса помощью похода въ Индію.

Дѣлая обзоръ отношеній къ пограничнымъ съ Индіей государствамъ, Керзонъ, мнѣніе котораго теперь особенно вліятельно, остается защитникомъ буферныхъ государствъ. Онъ полагаетъ, что надо приложить всѣ усилія къ тому, чтобы избѣжать соприкосновенія границъ владѣній Россіи и Англій. Территориальная смежность двухъ государствъ влечетъ за собою четверную опасность: увеличиваются шансы къ возбужденію столкновеній между сосѣдними государствами; вызывается необходимость усиленія пограничныхъ гарнизоновъ; увеличеніе численности арміи влечетъ за собою увеличеніе бюджета, что въ свою очередь заставляетъ повышать налоги на населеніе, а это вызываетъ неудовольствіе среди туземцевъ пограничныхъ племенъ. На основаніи этихъ соображеній Керзонъ полагаетъ, что если бы Россія сомкнула свои границы съ англійскими, а еще хуже, если бы Франція сдѣлала бы то же самое со стороны Аннама, то никто изъ вице-королей Индіи не могъ бы спать спокойно.

Но для того, чтобы буферное государство выполняло свое назначеніе, нужно, чтобы оно было спльно. Афганистанъ, по мнѣнію Керзона, выполнялъ свое назначеніе; но со смертью эмира Абдурахмана это государство начнетъ разлагаться и тогда Англии надобно будетъ захватить Афганистанъ, не давъ ничего Россіи. Белуджистанъ Керзонъ находитъ нужнымъ также безусловно подчинить Англии. Это намѣреніе Керзона уже приведено въ исполненіе. Въ Англии однако среди специалистовъ по индійскимъ дѣламъ все чаще начинаютъ раздаваться голоса объ ошибочности подобной политики. Робертъ въ *Forty one years in India* проповѣдуетъ, что рѣка Индъ есть «естественная граница сферъ англійскаго и русскаго вліянія». Спльное впечатлѣніе вызвала тоже книга Ганна, полковника индійской арміи «Назадъ или впередъ». Ганнъ, пытаясь доказать невозможность русскаго нашествія на Индію, предлагаетъ отступать къ Инду и совершенно отказаться отъ Белуджистана, начиная съ персидской границы до Баррачи и Джеллабада, а въ военное время и отъ защиты Пешавера, Дера-Измаила, Дера-Гази, Русскаго Соединенія (Ruk junction) и Индской желѣзной дороги, включая Баррачи. «Научныя границы» и подобныя фантазіи военныхъ теоретиковъ, въ родѣ сэра Роллея, говорятъ онъ, являются роскошью, которой мудрое правительство должно избѣгать. Результатомъ являются чрезмѣрные военные расходы, дорого стоющія укрѣпленныя позиціи, которыхъ никто и никогда не будетъ атаковать, выбрасываніе изъ казначейства милліоновъ на экспедиціи, въ родѣ Читральской, и все это для того, чтобы присоединить какую-нибудь долину, не стоящую пенса, или выручить гарнизонъ, который вовсе не былъ изолированъ.

Болѣе всего Индія защищается своимъ климатомъ. Какъ из-

вѣсто, съ февраля до половины мая въ Индіи стоятъ невѣроятныя жары, до 45° по Реомюру въ тѣни, а съ мая по сентябрь (юго-западный муссонъ) льютъ при такой же почти жарѣ непрерывные дожди, льютъ потоками, о которыхъ въ Европѣ и слабого понятія нельзя себѣ составить. Есть мѣста, гдѣ выпадаетъ влаги на 3 сажени въ годъ. Такимъ образомъ, только періодъ съ октября до марта—индійская зима, болѣе, однако, жаркая, чѣмъ нашъ іюль, удобенъ для военныхъ дѣйствій въ большихъ размѣрахъ. Конечно, на сѣверо-западѣ въ горахъ представляются значительныя отступленія отъ нарисованной картины; но климатъ вообще въ Индіи убійственъ. Самымъ жаркимъ пунктомъ считается, напримѣръ, Гайдерабадъ (въ Синдѣ), городъ, лежащій, между тѣмъ, по картѣ, довольно сѣверно. Лучшая часть по климату предгорья Гималаевъ; они-то, къ нашему счастью, составляютъ и единственный почти возможный путь для вторженія русской арміи въ Индію.

Но до подножія Гималаевъ нужно добраться, а это не такъ-то просто. Въ Индію нужно послать непременно двѣсти тысячъ войска, не считая еще мелкихъ отрядовъ, которые необходимы въ тылу, въ Афганистанѣ, для охраненія сообщеній. Двинуть такую армію по одному направленію нечего и думать: не хватитъ никогда верблюдовъ, лошадей и другихъ перевозочныхъ средствъ для артиллеріи, провіанта, артиллерійскихъ запасовъ, понтоновыхъ и телеграфныхъ парковъ, подвижныхъ госпиталей, а подчасъ воды и топлива. Поэтому русская армія должна двгаться въ Индію по меньшей мѣрѣ тремя путями, а именно: изъ Закаспійской области на Герать, афганскій Сеистанъ по р. Гильматъ, Кандагаръ и далѣе черезъ Боланскій проходъ на Дера-Гази-Ханъ или Шпкарпуръ, по усмотрѣнію; другая колонна изъ Зарявшанскаго края и Бухары пойдетъ на Мазаръ-и-Шерифъ, Хулумъ, Баміанское ущелье, Кабуль и по Кабуль-Дарѣ на Пешаверъ и Атокъ; третья колонна изъ Ферганской области черезъ Алай и Памирское плато на Гильгитъ или Кунжутъ и Кашемиръ.

Очевидно, что такое движеніе, даже пользуясь для обхода различными побочными путями, небезопасно; англичане, занимая сосредоточенное положеніе въ верховьяхъ Инда, въ случаѣ малѣйшаго разногласія въ движеніи русскихъ отрядовъ, могутъ разбить каждый изъ нихъ порознь, а всякое отступленіе, имѣя базисъ за тысячу или полторы тысячи верстъ, можетъ обратится въ жестокое пораженіе. По всѣмъ тремъ направленіямъ русская армія должна будетъ сначала одолѣть пустыни, а затѣмъ перейти высокія горы по очень труднымъ проходкамъ: Боланскому, Баміанскому, Хурдскому, Даркотскому и др. Хотя англичане любятъ представлять эти проходы чѣмъ-то ужаснымъ, но тотъ фактъ, что ихъ отряды переходили тамъ неоднократно съ артиллеріей и громадными базарами, замѣняющими въ индійской арміи обозы, показываетъ, что непроходимость проходовъ, по крайней мѣрѣ черезъ

Гиндукушъ, скорѣе воображаемая. Наболѣе затрудненій, какъ справедливо полагаетъ Ганнъ, представить движеніе по Каратегину и Памирамъ. Оно даже едва-ли и возможно, если не построятъ желѣзную дорогу отъ Ура-Тюбе до Кала-Пянджа.

Положимъ, что проходы форсированы русской арміей, попасть въ Индію все-таки не такъ легко. Сѣверо-западная граница ея прикрывается не только горными хребтами, но и другими естественными препятствіями. Направляясь южнѣе, т. е. на Синдъ,—самое удобное направленіе для движенія черезъ Афганистанъ—русская армія встрѣтитъ широкую рѣву Индъ, по которой свободно ходятъ англійскіе пароходы и вдоль которой проведена желѣзная дорога отъ Курачи до Атоба и далѣе. Если армія возьметъ направленіе по морскому берегу, то, не говоря уже о возможности высадки ей во флангъ моремъ по Арабскому заливу, она погибнетъ или отъ климата, или завязнетъ въ непроходимыхъ болотахъ и тиковыхъ лѣсахъ Курга и Гузерата; взять среднее направленіе прямо изъ Шикарпура также невозможно: тутъ встрѣчаются непроходимыя почти степи и пески Раджпутаны, занимающіе сотни квадратныхъ миль, безъ воды. Остается, слѣдовательно, идти не на Синдъ, а на Пенджабъ, именно его сѣверную часть, что выгодно, и по возможности войти скорѣе въ связь съ отрядами, идущими черезъ Памиръ или съ верховьевъ Аму-Дарьи.

Но въ Пенджабѣ русская армія должна будетъ форсировать переправу уже не черезъ одинъ Индъ, а еще сверхъ того черезъ цѣлыхъ пять большихъ рѣкъ, англичане же имѣютъ тутъ сѣтъ желѣзныхъ дорогъ непрерывно до Калькутты, а также поддерживаютъ прямое рельсовое сообщеніе съ Бомбеемъ, складочнымъ портомъ всего подвозимаго изъ Европы военнаго матеріала. Наши же дороги оканчиваются у Афганистана и ни Закавказская, ни Закаспійская дороги непосредственной связи съ русскою сѣтью не имѣютъ. Во всякомъ случаѣ, овладѣніе сѣвернымъ Пенджабомъ открываетъ ключъ къ Индіи. Если не настанетъ къ тому времени эпоха жаровъ, то изъ Лагора побѣдоносная армія двинется на Амритциръ, Дели, а достигнувъ разъ долины Джумны, она безъ труда уже вступаетъ въ долину Ганга, т. е. въ богатѣйшія части Индіи, гдѣ только останется брать контрибуціи и отдыхать на лаврахъ.

Завоевать Индію значитъ возможно. Это, впрочемъ, само собою разумѣется, такъ какъ завоевывали же ее по очереди аравитяне, монголы, португальцы, голландцы, Шахъ-Надиръ, французы и наконецъ остъ-индская компанія, послѣдняя хотя и медленно, но съ ничтожными относительно средствами. Теперь такое предпріятіе требуетъ болѣе затратъ и усилій. Двѣсти-триста лишнихъ милліоновъ рублей тутъ легко просчитать и самое дѣло связано съ рискомъ болѣе крупнымъ, чѣмъ война въ Европѣ. Если гласъ народа—гласъ Божій, то по личнымъ наблюденіямъ я могу подтвердить, что въ Индіи всѣ убѣждены въ возможность ея завоева-

нія русскимъ. Англійскіе офицеры, съ которыми я говорилъ объ этомъ еще въ 1871 г., кривились и замѣчали только: «къ чему вамъ Индія, берите ужь лучше Китай».

Многіе разсчитываютъ у насъ на помощь отъ возстанія въ Индіи и даже всеобщаго, но къ этому, по моему мнѣнію, слѣдуетъ относиться осторожно. Выше я объяснялъ, почему. Общаго возстанія въ Индіи быть не можетъ, такъ какъ Индія не какое либо государство или народъ, вмѣшій хотя и смутные идеалы. Индія—цѣлый міръ: тысячи кастъ, племенъ, народностей, религій враждуютъ, ненавидятъ и презираютъ тамъ другъ друга гораздо болѣе, чѣмъ англичанъ. Послѣдніе, кромѣ того, вовсе не разрушили какихъ-либо національныхъ государствъ; они отвоевали Индію отъ магометанскихъ и, слѣдовательно, ненавистныхъ массъ тирановъ. Индія только перемѣнила хозяевъ, а недаромъ молдованская пословица говоритъ, что «волы всегда радуются, когда имъ покупаютъ новое ярмо». У насъ говорятъ о возстаніи магометанъ, но въ Пенджабѣ, гдѣ будетъ преимущественно война, сейки въ значительной степени идолопоклонники, а не магометане; затѣмъ, магометанское населеніе распадается на ненавидящихъ другъ друга шитовъ и суннитовъ и еще много другихъ сектъ. Въ послѣднее время ссылались также на сильное броженіе въ полунезависимыхъ государствахъ, потребовавшее даже временнаго введенія цензуры на газеты, но это броженіе происходитъ преимущественно въ бывшемъ маратскомъ населеніи, съ трудомъ въ свое время подчиненномъ остъ-индской компаніей. Наболѣе спокойныя страны Голькаръ и др. находятся далеко отъ предполагаемаго мѣста военныхъ дѣйствій русской арміи, почти въ центрѣ Индостана, и весьма выгодно для англичанъ обхватываются желѣзными дорогами, идущими изъ Бомбея на Ахмедабадъ въ Барода и изъ Бомбея на Аллагабадъ. Возстаніе тутъ будетъ усмирено быстро, тѣмъ болѣе, что въ такихъ случаяхъ англичане не церемонятся съ туземцами.

Я не хочу, однако, сказать, чтобы слѣдовало пренебрегать возможностью возстанія въ случаѣ войны. Въ Бенгалѣ, Мадрасѣ масса спокойнѣе барановъ, но по всей сѣверной границѣ до Ассама, а равно въ Раджпутанѣ и въ нѣкоторыхъ центральныхъ провинціяхъ искусные эмсары и презрѣнный металлъ могутъ оказать нѣкоторую помощь, отвлекая часть англійскихъ силъ. Г. Новицкій также не очень много ждетъ отъ возстанія. «Индія недовольна англичанами, говоритъ онъ, несомнѣнно. Но не правы тѣ, кто говорятъ, что англійское могущество покоится на вулканѣ. Мы имѣемъ много шансовъ на то, чтобы привлечь Индію на свою сторону, но не принимаемъ для этого никакихъ мѣръ, а потому не въ правѣ ожидать какихъ-либо результатовъ. Пока же положеніе англичанъ въ Индіи совсѣмъ не такъ шатко и опасно, какъ обыкновенно у насъ думаютъ». При этомъ «населеніе Индіи имѣетъ крайне скудныя свѣдѣнія о Россіи, а тѣ, которыя и имѣются, — невѣрны и не-

благоприятны для насъ. Туземцы представляютъ себѣ нашъ правительственный режимъ чрезвычайно жестокимъ. Населеніе Индіи въ общемъ совершенно равнодушно къ Россіи, но не прочь при случаѣ воспользоваться нашимъ соперничествомъ съ Англіей для достиженія своихъ цѣлей, и заставляетъ туземную интеллигенцію и печать кидать взоры въ сторону Россіи.

Въ 1898 г. вышло сочиненіе г. Лебедева: «Въ Индію», въ которомъ авторъ предлагаетъ довольно подробный проектъ будущаго похода. При изложеніи своего плана, для упрощенія задачи, авторъ предполагаетъ войну только съ одной Англіей до Инда, отъ нашихъ закаспійскихъ предѣловъ около 1.500 верстъ. Это пространство онъ предполагаетъ преодолѣть въ теченіе трехъ кампаній.

Сначала занять Гератъ, создать въ немъ прочную базу, соединивъ ее съ Закаспійскою желѣзною дорогою и продолживъ желѣзнодорожный путь до Фарраха; отсюда постараться включить Афганистанъ въ сферу своего вліянія и подготовить изъ него себѣ союзника для дальнѣйшаго наступленія. Недурно было бы соединить Самаркандъ желѣзнодорожнымъ путемъ съ Аму-Дарьей по направленію на Мазаръ-и-Шерифъ и на линіи Аму-Дарьи подготовить базу для вторженія въ Афганистанъ съ сѣвера. Затѣмъ слѣдующимъ шагомъ по направленію къ границамъ Индіи будетъ прочное занятіе Афганистана и устройство операціонной базы на линіи Кабуль—Кандагаръ для дальнѣйшаго наступленія къ Инду. Затѣмъ третьимъ шагомъ будетъ захватъ страны къ западу отъ рѣки Инда, результатомъ чего можетъ быть: во-первыхъ, присоединеніе къ Россіи, кромѣ Гератской области, еще Кандагарской и нынѣшняго Британскаго Белуджистана, съ цѣлью открыть пути Россіи къ океану; во-вторыхъ, учрежденіе протектората надъ Афганистаномъ и, въ-третьихъ, заключеніе вѣчнаго мира съ Англіей на выгодныхъ для обѣихъ державъ условіяхъ.

Для занятія Герата авторъ находитъ достаточнымъ отрядъ въ 22 тысячи человекъ при 48 орудіяхъ и резервъ 28 тысячъ человекъ при 54 орудіяхъ. Затѣмъ для выполненія плана второй кампаніи назначается цѣлая армія: главныя силы, 68 тысячъ человекъ при 204 орудіяхъ (33 тысячи верблюдовъ) двигаются на Кандагаръ черезъ Себзаръ и Фаррахъ, а вспомогательный отрядъ (65 тысячъ человекъ при 112 орудіяхъ)—черезъ Мазаръ-и-Шерифъ и Вамианскій проходъ на Кабуль; этотъ же отрядъ выдѣляетъ отъ себя часть для занятія Читрала и Гилгита. Наконецъ, для третьей кампаніи, т. е. для наступательныхъ операцій къ Инду, предполагается вызовъ изъ Россіи еще свѣжихъ силъ, дабы довести численность дѣйствующихъ войскъ до 230 тысячъ человекъ. Съ промежуточной базы войска наступаютъ изъ Кабула на Пешаверь, а изъ Кандагара на Пишпикъ—Дерь-Гази-Ханъ—Лагоръ.

Пока однако дѣло дойдетъ до войны съ Англіей, намъ слѣдуетъ думать, какъ бы выгоднѣе торговать съ Индіей. По этому

вопросу до сихъ поръ сдѣлано чрезвычайно мало, хотя уже вслѣдъ за открытіемъ Суэзскаго канала Русское общество пароходства и торговли изучало вопросъ и въ 1871 г. снарядило первый прямой пароходъ въ Бомбей; я былъ въ числѣ пассажировъ этого парохода, а нѣсколько другихъ пассажировъ были хорошимъ указаніемъ для начала линіи, потому что Александрійскую линію Русское общество открыло, говорятъ, перевозкою только одной обезьяны изъ Египта въ Россію.

Во всякомъ случаѣ, приступъ къ дѣлу немного говорилъ въ пользу предпримчивости русскаго купечества. Въ гласности и заявленіяхъ о бомбейскомъ рейсѣ недостатка не было; но на приглашеніе его не отозвался никто изъ лицъ, серьезно заинтересованныхъ въ торговлѣ остъ-индскими товарами. Большая часть мануфактурпстловъ также предпочла подождать результата новаго направленія торговли, нежели спѣшить пользоваться выгодами ея, расплсвленными теоретически.

Безъ сомнѣнія, благоразумная осторожность составляетъ основаніе всякой серьезной торговли, а въ особенности въ Россіи, гдѣ капиталы такъ рѣдки и дороги, а кредитъ ограниченъ только небольшимъ числомъ внутреннихъ рынковъ; но осторожность никогда не должна граничить съ индифферентизмомъ, причину котораго слѣдуетъ искать скорѣе всего въ недостаткѣ образованія.

При открытіи новыхъ рынковъ, а въ особенности когда эти рынки соединяются прямыми срочными пароходными сообщеніями, необыкновенно оживляющими и упрощающими торговля сдѣлки за границу, въ особенности въ Англии, Германіи, Америкѣ и Швейцаріи, а теперь и въ Австріи, и въ Италіи, купцы-фабриканты торопятся на-перерывъ ѣхать съ образцами товаровъ. Агенты эти посѣщаютъ новые порты, собираютъ свѣдѣнія о цѣнахъ, фрахтахъ, качествахъ и количествахъ товаровъ, завязываютъ сношенія, продолжаемыя затѣмъ письменно, знакомятся съ мѣстными вкусами, модами и обычаями. Подобными агентами усѣяны дальній Востокъ, и въ каждой гостинницѣ ихъ можно встрѣтить десятками. Болѣе способные и энергическіе поселяются въ отдаленныхъ портахъ, гдѣ лѣтъ въ десять, занимаясь комисиями, если одолѣютъ губительное вліяніе тоски по родинѣ, по обществу и особенно вредный климатъ, то успѣваютъ составить себѣ очень хорошее состояніе. Кромѣ англичанъ, давно пзвѣстныхъ своимъ предпримчивымъ характеромъ, по этому пути идутъ теперь болѣе всего нѣмцы и швейцарцы.

Для Россіи остъ-индская торговля могла бы имѣть очень серьезное значеніе и даже весьма скоро занять видное мѣсто въ ряду прочихъ международныхъ сдѣлокъ; потому равнодушіе нашего торговаго люда не совсѣмъ извинительно. Никто, конечно, не допускалъ возможности устроить заочно торговлю за десять тысячъ верстъ; но непонятно, какимъ образомъ въ средѣ нашего почти

милліоннаго торговаго сословія не нашлось десятка молодыхъ людей, которыхъ любопытство и жажда наживы не привлекли бы попытать счастья въ Индіи, куда русскій купецъ Афанасій Никитинъ ѣздилъ уже въ 1466—72 гг. и куда ханъ Бабуръ звалъ торговать русскихъ въ 1553 г. при великомъ князѣ Василии Ивановичѣ.

Къ сожалѣнію, правительство не поддержало начинаній Русскаго общества, въ субсидіи бомбейской линіи было отказано, и наши сношенія съ Индіей ограничиваются случайными заходами пароходовъ Добровольнаго флота, преимущественно на Цейлонъ. Несмотря на тридцатилѣтній періодъ, истекшій со времени открытія суэзскаго пути, общій оборотъ индійской торговли съ Россіей не превосходитъ 2.500,000 рупій. Главнымъ образомъ ввозятся керосинъ изъ Батума, а вывозятся хлопокъ, индиго и масличное сѣмя черезъ Одессу и чай черезъ Батумъ. Ввозъ изъ Европейской Россіи незначителенъ, а вывозъ не увеличивается. Недостатокъ предприимчивости купечества не восполняютъ труды консуловъ. Въ Индіи намъ необходимо имѣть и торговаго агента, и побольше консуловъ. Почти пограничная съ Россіей имперія съ 290 милліонами жителей и завоевательной политикой не можетъ быть оставлена безъ представителей.

Фактъ отсутствія русскихъ консуловъ въ Индіи, о чемъ впрочемъ были неоднократно разговоры, просто поразителенъ. По этому поводу можно бы сказать много. Покойный профессоръ И. П. Минаевъ, едва ли не серьезнѣйшій русскій путешественникъ по Индіи, былъ того мнѣнія, что если бы въ моментъ нашихъ афганистанскихъ пререканій съ англичанами мы знали ихъ тогдашнее положеніе на Индо-китайскомъ полуостровѣ, то очень незначительное съ нашей стороны вниманіе тамъ могло бы имѣть громадныя послѣдствія. Россія при своихъ задачахъ въ Европѣ и Азіи не можетъ и не должна болѣе игнорировать Индію именно теперь, ибо Востокъ переживаетъ критическіе моменты своего историческаго бытія и незнаніе всего того, что тамъ совершается, должно необходимо имѣть печальныя послѣдствія.

У насъ нѣтъ консульства даже въ Бомбей, хотя еще въ виду сдѣланныхъ въ 1896 г. британскому послу въ Петербургѣ увѣреній англійское правительство выразило готовность согласиться на учрежденіе тамъ русскаго консульства, причемъ съ своей стороны просило допустить британскаго консула въ Тифлисѣ. До сихъ поръ однако о назначеніи нашего консула въ Бомбей никакого officialнаго сообщенія не послѣдовало.

Возраженіе, что, при назначеніи нашихъ агентовъ въ Индію англичане поспѣшатъ назначить своихъ на Кавказъ и въ Туркестанъ, отчего будто бы пострадаютъ русскіе интересы, не выдерживаетъ критики. Я полагаю, что Россіи нечего скрываться въ дѣйствіяхъ своихъ въ Азіи, особенно передъ англичанами; глас-

ность въ этомъ случаѣ была бы даже полезна, потому что разсѣяла бы въ нейтральныхъ государствахъ Европы многое пустые страхи. Извѣстная депеша Скайлера о туркестанскихъ дѣлахъ можетъ служить образчикомъ дипломатической нескромности. Но спрашивается, кто потерялъ отъ обнародованія этого документа и какія могло оно имѣть послѣдствія, кромѣ немедленнаго опроверженія фактовъ вымышленныхъ и раскрытія истины, буде таковая заключалась. Неплѣніе своихъ агентовъ въ Остѣ-Индіи, кромѣ неизвѣстности, что дѣлается въ этой странѣ, сопряжено съ другими важными неудобствами. Такъ двукратно покойный Пашино, бывшій дипломатическій чиновникъ, ѣздилъ въ Остѣ-Индію и, по собственному описанію, напечатанному въ «Голосѣ», оба раза подвергался тяжкимъ оскорбленіямъ. Не прискорбно ли это для русскаго плени, столь уважаемаго на Востока? И возможны ли были бы подобныя факты, еслибъ мы имѣли консуловъ въ Остѣ-Индіи?

Отъ неплѣнія взаимныхъ сношеній и незнанія мѣстныхъ условій въ Азій мы пока ничего полезнаго не извлекли, чему лучшимъ доказательствомъ служатъ тѣ значительныя уступки, которыя мы постоянно дѣлали для успокоенія мнительности англичанъ. Къ тому же вовсе изолироваться и недопускать агентовъ, не только явныхъ, но и тайныхъ, рѣшительно невозможно, а всегда выгоднѣе находиться подъ наблюденіемъ одного официальнаго агента, нежели десяти шпионовъ.

Такъ какъ мы по врожденнымъ свойствамъ и вкусамъ народъ болѣе сухопутный, то развитія торговли Россіи съ Индіей надобно ждать отъ скорѣйшаго соединенія индійской сѣти желѣзныхъ дорогъ съ европейскою. Нѣтъ никакаго сомнѣнія, что для Индіи и для англичанъ нужно теперь непрерывное рельсовое сообщеніе, которое, сближая Европу съ дальнимъ Востокомъ на недѣлю пути, имѣло бы серьезное политическое и торговое значеніе и могло съ выгодой конкурировать съ болѣе медленнымъ морскимъ путемъ. Удовлетворяющее такой цѣли рельсовое сообщеніе можетъ быть сдѣлано только черезъ Афганистанъ и Персію отъ Шикарпура до Тегерана и далѣе, или черезъ Закавказье и Россію, или черезъ Константинополь и Вѣну. Конечно, было бы лучше всего, еслибъ Россія могла построить сама желѣзную дорогу черезъ Кавказъ въ Индію; но это едва-ли возможно по многимъ причинамъ. Шавровъ вѣрно замѣтилъ, что англичане, сочиняя проекты дорогъ въ Индію, всегда смотрѣли на карту только однимъ лѣвымъ глазомъ; поэтому въ ихъ проектахъ желѣзная дорога идетъ не по діагональному кратчайшему направленію, но какъ бы нарочно дѣлаетъ лишній заворотъ къ югу, чтобъ идти по горной и неустроенной странѣ, среди самыхъ неблагоприятныхъ условій.

Какъ ни очевидно преимущество русскаго направленія желѣзной дороги въ Индію, но несомнѣнно также, что пока осуществленіе сплошнаго желѣзнаго пути изъ Европы въ Индію будетъ за-

висѣть отъ англійскихъ капиталовъ и предприимчивости, едва-ли этотъ вопросъ разрѣшится выгоднѣйшимъ образомъ какъ для Европы, такъ и для Россіи. Стоитъ вспомнить, какія препятствія дѣлала Англія осуществленію Суэзскаго канала, отъ котораго выигрываетъ болѣе всего англійская торговля. Къ счастью, не одна Англія заинтересована теперь въ сокращеніи и облегченіи пути изъ Европы въ Индію. Не менѣе Англіи заинтересованы въ этомъ Германія, Австро-Венгрія и Швейцарія, прямая торговля которыхъ съ дальнимъ Востокомъ быстро увеличивается. Къ осуществленію прямого пути въ Индію явился уже на помощь нѣмецкіе капиталы. Но еслибъ англчане и нѣмцы собрали очень скоро необходимый капиталъ и опередили Россію въ этомъ случаѣ, построивъ линію изъ Константинополя до Шкарпурѣ, то и тогда она пройдетъ не далеко отъ русской границы. Съ устройствомъ отъ одного изъ пунктовъ въ Закавказскомъ краѣ или Закаспійской области соединительныхъ вѣтвей до индійской дороги получится непрерывное рельсовое сообщеніе изъ Индіи черезъ Россію въ Европу, сообщеніе кратчайшее, болѣе удобное и подверженное гораздо меньшимъ случайностямъ, нежели путь черезъ Малюю Азію. Несомнѣнно, что оно будетъ предпочтаться торговлею, руководимой барышамъ, а не политическими симпатіями. Желѣзныя дороги отъ Энзели и Решта въ Тегеранъ и далѣе до Персидскаго залива или отъ Душака или Купка до Чахбара, о которыхъ я говорилъ выше, составятъ эти вѣтви, и слѣдовательно преждевременнымъ сооруженіемъ дорогъ на чужой счетъ удешевятся только вдвое будущіе расходы по соединенію съти русскихъ желѣзныхъ дорогъ съ остъ-индскою сѣтью. Во всякомъ случаѣ, пользуясь нашимъ неоспоримо выгоднымъ географическимъ положеніемъ, мы можемъ спокойно предоставить это дѣло его естественному теченію. Россія не премпнетъ воспользоваться всеми тѣми выгодами, которыя изъ него могутъ произойти.

ДАЛЬНИЙ ВОСТОКЪ.

XXVI. КИТАЙ.

Изъ всѣхъ независимыхъ государствъ Азіи, Китай всегда представлялъ наибольшій интересъ для европейскихъ народовъ какъ по оригинальности своего быта, такъ и по значенію, которое его произведенія получили постепенно во всемірной торговлѣ. Въ послѣднія сорокъ лѣтъ значеніе Китая внезапно возрасло въ чрезвычайныхъ размѣрахъ, а параллельно съ развитіемъ торговли въ самомъ Китаѣ замѣчалось внутреннее броженіе, которое вовлекло китайскій народъ въ культурное общеніе съ другими народами. Конечно, Китай прогрессировалъ въ европейскомъ смыслѣ менѣе быстро, нежели Японія, но во всякомъ случаѣ, съ момента заключенія въ Пекинѣ мира съ Франціей и Англійей, т. е. съ 1860 года и особенно послѣ несчастной войны съ японцами, онъ сдѣлалъ успѣхи, въ особенности если взять въ расчетъ, что рѣчь идетъ о государствѣ съ 560 милліоннымъ населеніемъ и съ весьма древней своеобразной цивилизаціей, а также и принявъ во вниманіе могущественную ретроградную партію въ средѣ мандариновъ. Впрочемъ, въ китайскихъ нововведеніяхъ главную роль играли не мало тѣ же государственные люди, въ особенности принцъ Гунъ и Ли-Хунъ-Чжанъ. Послѣдній, занимая различныя военныя и гражданскія должности и состоя въ числѣ болѣе выдающихся членовъ высшаго совѣта, имѣлъ во многихъ случаяхъ рѣшающее вліяніе.

Учрежденіе въ 1860 году министерства иностранныхъ дѣлъ было однимъ изъ первыхъ шаговъ къ прогрессу. До того иностранныя сношенія въ Китаѣ вѣдались министерствомъ колоній, которое ставило европейскія державы на одномъ уровнѣ съ данниками Китая: Тибетомъ, Монголіей, Корею или Хухуноромъ. Затѣмъ устроился на европейскіяхъ основаніяхъ морской приказъ.

Два весьма важныхъ полуетропейскихъ учрежденія связаны съ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ: соединенная школа европей-

скихъ языковъ и главное управленіе морскихъ таможенъ. Первая изъ нихъ, основанная въ 1863 году, сначала была школой для приготовленія переводчиковъ. Теперь въ программу ея занятій входятъ изученіе языковъ англійскаго, французскаго, русскаго и нѣмецкаго, а пзъ общихъ предметовъ — химія, естественная исторія, математика, физика, астрономія, физиологія и международное право. Затѣмъ введены военныя и морскія академіи въ Тянь-Цзинѣ и Нанкинѣ и спеціальная школа въ Шанхаѣ, въ число предметовъ преподаванія коихъ введенъ русскій языкъ.

Управленіе приморскихъ таможенъ было учреждено въ 1860 году. Вынужденные заплатить Франціи и Англїи расходы войны и открыть порты для европейской торговли, китайцы остроумно сообразили, что самое дешовое будетъ уплатить контрибуцію изъ европейсклхъ же кармановъ. Поэтому былъ изданъ таможенный тарифъ и условлено, что часть таможенныхъ пошлинъ пойдетъ въ счетъ контрибуціи, за уплатой которой будутъ наблюдать европейскіе комиссары. Благодаря быстрому развитію торговли, контрибуція была уплачена уже къ 1867 году; въ теченіе этихъ семи лѣтъ китайское правительство имѣло возможность убѣдиться въ преимуществахъ европейскаго таможеннаго управленія и не пожелало разставаться съ полезнымъ ему механизмомъ.

Возрастающая важность международныхъ сношеній дала мало-по-малу китайскому правительству сознаніе въ необходимости имѣть постоянныхъ дипломатическихъ агентовъ за границей; до того посылались изрѣдка только экстраординарныя посольства. Въ 1877 году въ первый разъ Го-сунгъ-тау былъ аккредитованъ въ Парижъ и Лондонъ. Затѣмъ Чунъ-хоу былъ посланъ въ 1878 г. въ С.-Петербургъ. Въ томъ же году былъ назначенъ посломъ въ Берлинъ Ли-фэнъ-бао. Аккредитованы посланники въ Вѣну, Римъ, Гаагу, Мадридъ, а равно въ Вашингтонъ и Лиму. Всѣ эти китайскіе дипломатическіе чиновники широко оплачиваются.

Кромѣ дипломатическихъ миссій, китайцы посылаютъ въ Европу особыя миссіи для усовершенствованія молодыхъ людей. Надобно замѣтить также, что давно уже въ Гатфордѣ, около Нью-Йорка, существуетъ китайская школа, гдѣ учатся разнымъ наукамъ 200 учениковъ. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ въ Китаѣ было основано много журналовъ и газетъ на европейскій манеръ. Журналистика, впрочемъ, тамъ дѣло не новое, а официальная пекпнская газета издается съ незапамятныхъ временъ. Драгоманы заграничныхъ миссій обязаны каждую недѣлю представлять переводы статей, которыя могутъ интересовать китайское правительство. Изъ этихъ переводовъ составляется особый журналъ. Слѣдуетъ обратить также вниманіе на возрастающее число книгъ по-китайски, содержащихъ описаніе путешествій. Большинство ихъ принадлежитъ перу китайскихъ дипломатовъ.

Неудачныя войны заставили китайцевъ ввести обученіе и во-

оружіе войска на европейскій ладъ ¹⁾. Для этого были выпсаны изъ Европы инструкторы и учреждены десятокъ арсеналовъ и заводовъ въ Фучау, Шанхаѣ, Нанкинѣ и въ провинціяхъ Хунаѣ, Ань-хуй, Бей-чжи-ли, Шань-дунѣ и Хань-су.

Важнѣйшее изъ заведеній находится въ Фучау. Оно представляетъ обширную верфь военныхъ судовъ и желѣзодѣлательный заводъ. Арсеналы были устроены, подъ начальствомъ вице-короля Цзо, французскимъ инженеромъ Жюлемемъ. Теперь же всѣ техники и рабочіе китайцы. Последніе имѣютъ, какъ извѣстно, къ ремесламъ огромныя способности и въ три мѣсяца деревенскій паренъ обращается въ сноснаго рабочаго. Китайскій канонерскій флотъ—произведеніе этого арсенала. Въмѣстѣ съ тѣмъ Китай постоянно заказываетъ военныя суда и въ Европѣ. Слабая часть китайскаго флота—это недостатокъ образованныхъ офицеровъ, хотя у китайцевъ имѣются морскія школы и даже суда для практическаго плаванія, но обращеніе съ офицерами принижаетъ ихъ значеніе. Что касается матросовъ, то въ нихъ нѣтъ недостатка, потому что въ Китаѣ значительная часть населенія привыкла къ морю.

Прогрессъ коснулся не одного военнаго флота. Съ открытіемъ Суэзскаго канала, обширный каботажъ между китайскими портами потерпѣлъ крупное измѣненіе, джонки быстро стали замѣняться пароходами и на рѣкахъ, и на моряхъ. Китайцы имѣютъ уже собственныя линіи срочнаго морского и рѣчнаго пароходства, получающія субсидію отъ правительства. На пароходахъ команды весь экипажъ отъ капитана до юнги китайцы.

Относительно желѣзныхъ дорогъ въ Китаѣ долго ничего не дѣлалось, правительство велѣло даже разобрать построенную европейцами линію изъ Шанхая въ Вусунгъ. Но опасенія войны съ Россіей и особенно голодъ въ отдаленныхъ провинціяхъ, свирѣпствовавшей въ послѣдніе годы, убѣдили мандариновъ въ пользу быстрыхъ путей сообщеній. Съ 1886 г. постройка желѣзныхъ дорогъ возобновилась.

Телеграфъ встрѣчалъ менѣе препятствій. Со времени японской экспедиціи на Формозу, островъ этотъ соединенъ съ материкомъ Азіи подводнымъ кабелемъ, положеннымъ на счетъ правительства. Фучау также было соединено тогда съ берегомъ. Затѣмъ правительство рѣшило проведеніе цѣлой сѣти телеграфовъ. Въ теченіе послѣдняго десятилѣтія Пекинъ соединился телеграфомъ со всеми главными городами провинціи, а эти послѣдніе съ главными городами своихъ округовъ. Кромѣ телеграфовъ электричество нашло себѣ примѣненіе въ Китаѣ и въ видѣ освѣщенія.

¹⁾ Такихъ отрядовъ уже нѣсколько. Наилучшими считаются отряды численностью въ 33 тыс. человекъ для защиты приморскихъ пунктовъ Печилійскаго залива. Солдаты такихъ отрядовъ вооружены маузеровскими винтовками, которыхъ за послѣдніе три года ввезено въ Китай 900 тыс. штукъ. Кромѣ того ввезены сотни орудій, изъ коихъ китайцы выучились наконецъ мѣтко стрѣлять.

Промышленность всякаго рода также начинается послѣ вѣкового застоя развиваться, особенно въ провинціяхъ, близкихъ къ открытымъ портамъ. Даже въ отдаленной провинціи Хань-су, соединенной съ Хухуноромъ, главный городъ провинціи служитъ мѣстомъ, гдѣ наиболѣе старались устроить промышленность на европейскій ладъ. Важнѣйшій заводъ въ городѣ пушечный, другая фабрика готовитъ сукно для арміи, а также разныя матеріи изъ овечьей и верблюжьей шерсти. Быть можетъ, недалеко то будущее, когда Китай начнетъ перерабатывать все свои сырые продукты и не будетъ отправлять ихъ для выдѣлки въ Европу. Мало того, что обрабатывать, но и продавать въ Европѣ, посылая ихъ на китайскихъ судахъ. Находящіяся въ Китаѣ фабричныя заведенія работаютъ безъ перерывовъ и уже недостаточны для удовлетворенія мѣстныхъ поступающихъ на нихъ заказовъ. Въ Китаѣ возникаютъ также горныя заводы и добываніе угля, коимъ Китай чрезвычайно богатъ. Паденіе цѣны на серебро, дешевизна труда и обиліе всякихъ матеріаловъ — все это способствуетъ развитію въ Китаѣ предпримчивости и обѣщаетъ сдѣлать его одной изъ наиболѣе мануфактурныхъ странъ.

Съ 1842 г. европейцы добились открытія въ Китаѣ для международной торговли 43 мѣсть, гдѣ и идетъ эксплуатація, по въ будущемъ надобно ждать преобладанія китайцевъ въ этой торговлѣ. Весьма способные къ торговлѣ, превосходя въ настойчивости англичанъ, а въ финансовыхъ спекуляціяхъ евреевъ, они очень скоро усваиваютъ механизмъ европейскаго веденія торговли, и потому являются весьма опасными соперниками европейцамъ и американцамъ. Вытѣснивъ почти всѣхъ иностранцевъ изъ мѣстной торговли, китайцы заводятъ собственныя агентуры въ Европѣ, сообщающія имъ болѣе вѣрныя свѣдѣнія, чѣмъ тѣ, какия по своимъ видамъ передаютъ имъ мѣстные торговые дома, и конечно не замедлятъ привести въ исполненіе давнишнее свое намѣреніе завести въ Европѣ и Америкѣ, въ главныхъ промышленныхъ и торговыхъ центрахъ, конторы для оптовыхъ закупокъ товаровъ, минуя посредничество иностранныхъ конторъ. О раздробительной торговлѣ прибавимъ, что ни русскіе, ни иностранцы внутри Китая, несмотря на разрѣшеніе, не торгуютъ, а отдають свои товары на комиссію китайцамъ, получая пропускныя свидѣтельства отъ таможенъ.

Китайцы, въ заключеніе, усваиваютъ себѣ одно изъ важныхъ преимуществъ, которыми располагали передъ ними европейцы, въ случаѣ политическихъ столкновеній и необходимости быстрого вооруженія — именно умѣніе дѣлать государственныя долги. Заемъ 1895 г. въ 150 мил. руб. совершенъ подъ гарантіей русскаго правительства, но Китай можетъ свободно погашать долги, что видно изъ постоянно возрастающаго поступленія таможенныхъ пошлинъ (до 40 мил. руб. въ годъ), въ соотвѣтствіе съ развитіемъ

торговых оборотов этого государства. Если сравнить данные о привозе и отпуске за десятилетний период, то оказывается, что цифра торговли удвоилась. Надобно помнить еще в виду, что, несмотря на то, что Китай стал доступен для торговли, китайское правительство до сих пор не перестает отстаивать, насколько может, неприступность своей территории. Об экономических средствах Китая можно судить потому, что японский посланник в Пекине, проезжая по театру недавней войны, был поражен, что ее следы так скоро изгладились. Проезжая через Нью-чанань, посланник не встретил на своем пути никаких признаков войны. Все зажило прежнюю жизнью, население вернулось, развалины восстановлены, торговое движение громадное, жизнь бьет ключом.

Было бы потому большой ошибкой предполагать, что Китай разорился, утратил жизненные силы и что скоро этот колосс рассыплется под напором западного влияния. Главнейшими причинами, препятствующими такому желательному для европейцев выводу, являются, по мнению известного нашего синолога г. Позднѣва, во-первых, прочность и устойчивость начал, созданных китайской культурой; во-вторых, необычайная величина как китайского государственного организма, так и сфер китайской жизни, находящихся доселе вне всякого европейского влияния. В самом деле, что значить 43 открытых для европейской торговли порта в сравнении с тысячами торгово-промышленных центров, которыми пользуются 560 миллионов населения? Что такое тысячи европейских судов перед сотнями тысяч китайских джонок, наполняющих все внутренние пути сообщения и несущих на себе весь каботаж? Вся береговая линия Китая, болѣе или менѣе знакомая с европейцами, представляется незначительной по сравнению с остальной территорией империи. Западно-европейское влияние несомненно проникает, распространяется также христианство (менѣе быстро впрочем, чѣм магометанство), но весь строй внутренней китайской жизни представляет собой попрежнему полную противоположность с европейским. Основы теократической неограниченной монархии уживаются спокойно с децентрализацией провинциального управления. Все высшие органы китайского правительства, шесть министерств и центральные органы меньшей важности, как например экспедиции по устройству официальных жертвоприношений, официальных пиршеств, астрономический приказ, учреждение, охраняющее чистоту древних классических доктрин, — все эти и множество других учреждений ничего и знать не хотят о западной культуре или системах государственного управления Европы и Америки.

Наконец, не нужно забывать, по словам г. Позднѣва, и того, что китайские западники в большинстве случаев принадлежат к классу высших сановников. Знаменитый Ли-Хунь-

Чжань и его постоянный соперник Чжань-Чжи-Дунъ настаивают на необходимости реформъ и стремятся къ проведенію ихъ въ жизнь. Но что можно сказать о дѣятельности двухъ-трехъ генераль-губернаторовъ, признающихъ необходимость реформъ, въ сравненіи съ тысячами администраторовъ, разрушающихъ ихъ начинанія? Да и у китайскихъ реформаторовъ одно на умѣ—оградиться отъ иностранцевъ и остановить ихъ напоръ. Такова конечная цѣль китайскихъ реформъ и заимствованій съ Запада. Вліяніе ихъ на китайскую жизнь еще не отражается, хотя китайскій посоль въ Лондонѣ, въ рѣчи, произнесенной въ декабрѣ 1899 г., какъ доказательство распространенія европейской цивилизаціи въ Китаѣ, указывалъ, что въ каждомъ китайскомъ городѣ можно найти теперь переводъ «*Le dame aux camélias*»!

Что касается участія отдѣльныхъ государствъ въ торговлѣ съ Китаемъ, то (причисляя Гонконгъ къ Англіи) изъ общаго оборота въ 366 милл. ланъ на Великобританію приходится 215 милл., на Японію 43 мил., на европейскій континентъ, не включая Россію, 35 мил., на Соединенные Штаты 29 мил. и на Россію 20½ мил. ланъ.

Англичане занимаютъ первое мѣсто въ Китаѣ не только по прямой торговлѣ съ Англіей, но и по торговлѣ со своими заморскими владѣніями. Торговля Китая съ Остъ-Индіей имѣетъ особую важность; поэтому понятны попытки установить между обѣими странами желѣзнодорожное сообщеніе, несомнѣнно выгодное и для Китая, особенно для западныхъ его провинцій.

Но если англичане продолжаютъ сохранять свое преобладающее положеніе, то надо сказать, что въ послѣднее время китайцы начинаютъ довѣрять нѣмцамъ больше, чѣмъ англичанамъ. Хотя торговля Англіи несравненно обширнѣе, но нѣмцы изъ сношеній съ Китаемъ извлекаютъ болѣе барышей, чѣмъ англичане, и число торгующихъ въ Китаѣ нѣмцевъ быстро растетъ.

Американцы и теперь занимаютъ въ Китаѣ выдающееся положеніе. Окончаніе Канадской дороги произвело значительный переворотъ въ торговлѣ Китая, и особенно Японіи, для которыхъ она представляетъ одинъ изъ кратчайшихъ путей для сношенія съ Европой. Товары, доставляемые изъ Франціи, имѣютъ въ Китаѣ потребителями исключительно почти европейцевъ и американцевъ, и главнѣйше судовыя команды. Трудно себѣ представить, какую массу денегъ оставляютъ ежегодно военныя эскадры въ китайскихъ и японскихъ портахъ. Въ отпускной торговлѣ Китая французы занимаютъ первое мѣсто въ покупкѣ шелка.

Въ послѣднее время на китайскихъ рынкахъ появилась и Бельгія. Бельгійцы выступили и какъ строители желѣзныхъ дорогъ. Итальянское правительство припомнило Марко Поло, чтобы доказать давность сношеній двухъ государствъ, но, несмотря на это,

нѣтъ основаній для значительныхъ торговыхъ сношеній между Италией и Китаемъ.

Еще лѣтописецъ времени Алексѣя Михайловича, сосланный въ Сибирь сербъ Крыжаничъ, доказывалъ, что намъ надобно вести активную торговлю съ Азіей и что мы можемъ дешевле приобретать многіе товары, покупая ихъ изъ Остъ-Индіи, Китая и Бухары, нежели получая отъ нѣмцевъ. Крыжаничъ указывалъ на шелкъ и шелковыя ткани, хлопчатую бумагу и бумажныя ткани, драгоценныя камни, сахаръ и пряности, какъ на такіе, которые могли бы сдѣлаться предметомъ активной торговли. Къ сожалѣнію, прошло почти двѣсти лѣтъ, а мысль Крыжанича только начинаетъ еще мало-по-малу осуществляться на дѣлѣ, встрѣчая многочисленныя препятствія.

Государство, гдѣ земледѣлецъ собираетъ въ годъ восемь жатвъ, гдѣ $\frac{1}{16}$ десятины прокармливаетъ цѣлое семейство, гдѣ три тысячи лѣтъ не повышали прямыхъ налоговъ, гдѣ не существуетъ ни адвокатовъ, ни повѣренныхъ, ни нотаріусовъ и никому въ голову не приходитъ заводить ихъ, заслуживаетъ нашего полного вниманія, что бы ни говорили любители «прогресса».

Несмотря на то, что, въ силу договоровъ, мы не были обдѣлены правами въ Китаѣ, сравнительно съ другими народами, но положеніе русскихъ тамъ недавно еще было гораздо болѣе скромное, чѣмъ французовъ, нѣмцевъ и особенно англичанъ, которые являлись въ Китай на собственныхъ корабляхъ, съ обширными капиталами и массою различныхъ мануфактуръ, тогда какъ мы являлись едва замѣтными продавцами, отдавая драгоценныя металлы за необходимые намъ китайскіе товары. Наша торговля въ общемъ оборотѣ китайской торговли не составляетъ 6⁰/. Почему русская торговля поставлена въ Китаѣ въ такое невыгодное положеніе, рѣшить не трудно. Всѣ существующіе договоры приспособлялись преимущественно для морской торговли, а мы на морѣ и у себя дома находимся въ рукахъ иностранцевъ. Затѣмъ у насъ не было двухъ важнѣйшихъ предметовъ привоза въ Китай—опіума и дешевыхъ мануфактурныхъ издѣлій, которые наиболѣе требуются китайскими рынками. Это не значитъ, однако, что наша торговля съ Китаемъ не можетъ подлежать значительному расширенію и навсегда должна оставаться въ зависимомъ, второстепенномъ положеніи.

Теперь можно считать исторически доказаннымъ, что до 1653 года у насъ прямыхъ посольскихъ сношеній съ Китаемъ не было. Только со времени, когда въ царствованіе Алексѣя Михайловича была сдѣлана неудачная попытка отправить изъ Тобольска Байкова, для заведенія сношеній съ Китаемъ, русское населеніе вступило въ близкія отношенія съ вассальной страной Китая Монголіей. Первое время, до заключенія Головинымъ въ 1689 г. невыгоднаго Нерчинскаго трактата, сношенія русскихъ съ монго-

лами не регулировались никакими постановленіями и торговля производилась совершенно свободно. Съ этого же времени обнаружилось ясно монопольныя стремленія нашего правительства. Дорогіе мѣха могли доставить царской казнѣ большія суммы, и правительство присвоило себѣ право исключительной торговли мѣхами съ Китаемъ, отправляя казенные караваны въ Пекинъ. Такъ шло торговое дѣло и послѣ Буринскаго (Кяхтинскаго) трактата 1727 г. По трактату для торговли были назначены два пункта: Цурухайту и Кяхта, и правительство воспретило тогда выѣздъ русскимъ купцамъ въ Китай, съ цѣлью уничтоженія соперничества съ казенной торговлей. Казна, для огражденія своихъ интересовъ, издала рядъ распоряженій, которыя совершенно убили торговлю частныхъ лицъ, а именно указами 1731, 1734, 1739 и 1752 годовъ воспрещался купцамъ торгъ всякими товарами, отправляемымъ съ казенными караванами. Весь пушной звѣрь изъ Сибири перевозился сначала въ Сибирскій приказъ въ Москву, потомъ оттуда онъ снова возвращался въ Сибирь и отправлялся въ Китай. Такъ понимались фискомъ въ то время торговля выгоды страны.

Хотя еще въ 1719 году былъ отправленъ въ Китай первый консулъ Лангъ съ караванами, для охраны ихъ въ пути и въ Китай, «чтобы имъ нигдѣ, ни отъ кого, ни въ чемъ, и межъ ими никакихъ обидъ и ссоръ не было», но казенные караваны, являясь въ Пекинъ, должны были становиться уступчивыми передъ требованіями китайскаго правительства, и тѣмъ еще болѣе усиливать надменность послѣдняго; отсюда же произошло и ослабленіе политическаго значенія Россіи въ Китай. Китайское правительство сдѣлалось капризнымъ, требовательнымъ и непрерывно нарушало правльный ходъ даже пограничной торговли; оно нѣсколько разъ запрещало и отправку каравановъ въ Пекинъ. Совѣтъ министровъ въ Пекинѣ принималъ нашего посланца Шокурова нагишомъ въ однихъ порткахъ, подъ предлогомъ жары, а относительно директора каравана Алексѣя Владыкина трибуналь въ 1755 г. писалъ нашему сенату: «Алексѣи при торгахъ человекъ небывалой и глупой. Виредь отъ вашего сената съ караваномъ не присылать таковыхъ». Въ 1764 году, вслѣдствіе рѣзкаго протеста нашего правительства и просьбы китайскихъ купцовъ, торговля русскимъ, передъ тѣмъ изъ-за пустяковъ запрещенная, была разрѣшена, но подъ предлогомъ, что, «по закрытіи торга, россияне весьма скучаютъ, а-жь (т. е. богдыханъ) обо всѣхъ животныхъ вообще соболѣзную!»

Въ 1755 году былъ отправленъ послѣдній казенный караванъ въ Китай, такъ какъ въ 1762 году Екатерина II манифестомъ своимъ уничтожила ихъ вовсе. Китай былъ запертъ для Россіи и торговля начала сосредоточиваться на одномъ пограничномъ пунктѣ — слободѣ Кяхтѣ. Чего не удалось сдѣлать русскимъ: за-

вести активную торговлю съ китайцами, перевести свою дѣятельность внутрь ихъ государства,—то сдѣлали послѣдніе. Подобная крайняя уступчивость требованіямъ иноземцевъ обнаруживалась нашей дипломатіей относительно не одного Китая, но и другихъ странъ.

Съ уничтоженіемъ казенныхъ каравановъ, начинается новый періодъ русско-китайской торговли—яхтинскій. Самыя интересныя стороны этого періода: измѣненіе предметовъ торговли, правительственная регламентація ея и соперничество московскихъ и сибирскихъ купцовъ между собою. Когда торговля велась казною, при посредствѣ каравановъ, то взаимныя дорогихъ мѣховъ мы вывозили изъ Китая предметы роскоши: фарфоръ, фаянсъ, золото и серебро, дорогія шелковыя матеріи. Впрочемъ, китайскій торгъ уже въ прошломъ столѣтіи занималъ видное мѣсто въ торговлѣ Россіи: обороты его простирались до 7—9 милл. руб., казна получала до 700 тыс. руб. и болѣе. Во второй половинѣ XVIII стол. обороты русско-китайскаго торга составляли 7—9% всего торговаго оборота Россіи, въ азіатскомъ же торгѣ онъ занималъ первое мѣсто, именно 68%. Таможенный доходъ отъ русской торговли съ Китаемъ составлялъ отъ 20 до 38% всего таможеннаго дохода. Золото и серебро привозилось въ намъ изъ Китая въ большомъ количествѣ—до 500 пудовъ.

Съ 1768 года обмѣнъ начинаетъ принимать характеръ, болѣе отвѣчающій массѣ потребителей: китайка, бумажная даба и сахарный песокъ составляли главныя статьи привоза; хотя надо сказать, что и нѣсколько ранѣе, съ заселеніемъ Сибири, шли изъ Китая даба и китайка, въ которыя одѣвалось все населеніе. Торговля мягкой рухлядью, перейдя въ частныя руки, получила быстрое развитіе во второй половинѣ XVIII вѣка. Съ этого же времени начинается все возрастающій ввозъ чая. Чай сталъ предметомъ необходимости какъ для Сибири, такъ и для Европейской Россіи. Къ началу XIX ст. требованіе со стороны Китая на пушнину начало уменьшаться, а ввозъ чая возросъ почти въ шесть разъ. Нужно было отыскивать какой-нибудь новый продуктъ въ обмѣнъ на чай; торговый балансъ не могъ поддерживаться вывозомъ золота и серебра, недостатокъ ихъ чувствовался даже во внутренней торговлѣ. Противовѣсъ былъ найденъ въ мануфактурахъ, и на помощь явился запретительный тарифъ 1822 г., впрочемъ мало помогшій русскому суконному производству въ первое время, такъ какъ до 1831 г. польское сукно препятствовало этому. Но въ 1845 г., въ числѣ отпущенныхъ черезъ Кяхту въ Китай не было уже ни одного аршина сукна иностраннаго. Такое же вліяніе оказалъ тарифъ и на торговлю пшисомъ.

Китайскій чай продавался въ московскихъ лавкахъ еще до заключенія Нерчинскаго трактата. Казакъ Тюменецъ, посланный въ Монголію въ 1616 году, первый изъ русскихъ познакомился съ

чаемъ: «пили, говоритъ онъ, молоко топленое съ масломъ, а въ немъ листы невѣдомо какое», «а иное листы красное невѣдомо какое». Когда Михаилу Федоровичу ханъ хотѣлъ послать въ подарокъ 200 бахчей чая, то Старковъ сказалъ, что этотъ товаръ русскимъ неизвѣстенъ и ни къ чему негоденъ. Позднѣе спросъ на чай быстро возросъ. Такъ какъ изъ свѣдѣній, собиравшихся по распоряженію графа Сперанскаго, оказалось, что, кромѣ развитія сбыта мануфактурныхъ издѣлій, перевозка кяхтинскихъ товаровъ доставляла сподручный заработокъ сибирскому населенію, то правительство энергически рѣшилось поощрять кяхтинскую торговлю и съ этою цѣлью въ 1823 г. воспретило возвезти въ Россію чай моремъ и вообще черезъ Западную Европу.

И въ кяхтинскій періодъ происходили не только колебанія въ торговлѣ, но и неоднократные перерывы ея со стороны китайцевъ, вслѣдствіе политическихъ неудовольствій и торговыхъ столкновений. Еще въ прошедшемъ столѣтіи китаецамъ, торговавшимъ въ Китай, дана была отъ своего правительства инструкція, предписывавшая имъ дѣйствовать между собою съ общаго согласія. Подобная форма торговли соблазнила и русскихъ купцовъ, и они стали хлопотать объ учрежденіи между собою такого же общества. Заводились и ранѣе общества, которыхъ было до шести, но они не сумѣли монополизировать торговлю въ своихъ рукахъ, хотя подобное стремленіе могло найти поддержку и въ правительствѣ, ибо еще съ 1728 по 1740 г. римскій еврей Самсонъ, консуль Лангъ и графъ Остерманъ пректпировали составить для кяхтинской торговли компанію на подобіе Остъ-Индской. Взаимныя жалобы русскихъ купцовъ заставили наконецъ правительство вмѣшаться, и оно издало уставъ 1800 г. Уставъ этотъ ограничивалъ конкуренцію и обращалъ въ законъ прежнее добровольное установленіе цѣнъ на товары русскихъ купцовъ. Новый уставъ не достигъ, однако, цѣли: слишкомъ много было лицъ, интересамъ которыхъ онъ вредилъ, а потому и не было недостатка въ желаніи и ловкости обходить его. Прежде всего соперничество существовало между сибирскими и московскими купцами, и въ то время, какъ число московскихъ купцовъ съ ихъ оборотами уменьшалось, число сибирскихъ купцовъ и обороты ихъ возрастали.

Въ это время въѣздъ въ Китай, или точнѣе въ Пекинъ, допускался только для немногихъ членовъ духовной миссіи, ознаменовавшей себя, за немногими исключеніями, ссорами и пьянствомъ, а ни одинъ изъ нашихъ торговцевъ не смѣлъ не только вступить на землю Китая, но даже и въ Кяхтѣ, единственномъ уголкѣ, гдѣ происходили наши торговыя сношенія съ китайцами, встрѣчалъ множество преградъ въ разнообразныхъ устарѣлыхъ регламентаціяхъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія для улаженія сношенія съ Китаемъ было снаряжено съ большою пышностью посольство графа Головкина, но китайцы предложили ему на аудіенціи богдыхану

войти на четверинкахъ, держа на спиѣхъ подушку, на которой лежала бы вѣрительная грамота. Головинъ, конечно, отказался; тогда китайцы не пустили его далѣе Урги. Новая правла о кяхтинской торговлѣ, изданная въ 1855 году, немного измѣнила ея стѣсненія. Мало того, даже и во внутренней торговлѣ Сибири мы не имѣли свободы, ибо были отрѣзаны, благодаря китайцамъ, захватившимъ въ концѣ XVII вѣка Амуръ, отъ сообщенія съ Восточнымъ Океаномъ. Наша же дипломатія хотя и пыталась заговаривать объ этомъ въ 1754, 1805 и 1830 годахъ, но поступала такъ робко, что дѣло не двигалось.

Первые русскіе пионеры, казаки и промышленники, подъ командою казака Пояркова, появились на Амурѣ въ 1644 г., который тогда не составлялъ ничьей государственной собственности. Прородческія племена, населявшія берега этой рѣки и ея притоковъ, оставаясь совершенно свободными, при родовомъ устройствѣ своего быта, не платили никому дани. Постепенно они признали надъ собою власть московской державы и стали выплачивать ясакъ, а тридцать шесть лѣтъ спустя, къ началу 1681 года, не только весь Приамурскій край, но и бассейнъ Уссури и часть рѣки Сунгары составляли уже владѣніе Россіи. Главнымъ и укрѣпленнымъ городомъ этой страны былъ Албазинъ, а отъ него внизъ по Амуру шли наши укрѣпленные остроги: Кумарскій, Зейскій, Косогорскій, Ачанскій и на рѣкѣ Тугурѣ, около ста верстъ отъ ея устья, Тугурскій. Кромѣ того по Амуру существовали уже не только отдѣльные поселки, но и цѣлыя слободы: Андриюшкина, Игнатина, Монастырщина, Покровская, Озерная и др. Въ 1672 году, при урочищѣ Брюсяный-Камень, іеромонахъ Гермогенъ заложилъ монастырь во имя Спаса Всемлостивѣйшаго, для просвѣщенія инородцевъ. Въ 1684 году весь этотъ край названъ Албазинскимъ воеводствомъ, причемъ Албазину были жалованы особый гербъ и печать, а первымъ воеводою посаженъ Алексѣй Толбузинъ.

Главнымъ образомъ утратою Амурскаго края тогдашняя Россія обязана бюрократическимъ порядкамъ и проволочкамъ московскихъ приказовъ. Вмѣсто того, чтобы озаботиться своевременною высылкою на Амуръ военной силы, ради его закрѣпленія и обереженія хлѣбопашцевъ, о чемъ настоятельно и неоднократно просили якутскіе воеводы, московскіе подъячіе ограничивались только одними пустыми переговорами, да отписками. Въ Москвѣ спохватились только тогда, когда наши приамурскіе остроги, за исключеніемъ осажденнаго Албазина, оберегаемые горстью казаковъ, были уже уничтожены китайцами. Тутъ снарядили поскорѣй посольство окольничаго Федора Головина, придавъ ему 500 человекъ казаковъ. Но эта сила оказалась ничтожною сравнительно съ десяти тысячнымъ войскомъ манчжуровъ, и къ тому же она была вынуждена разбиться на мелкіе кордонные посты, для огражденія границъ Забайкалья отъ набѣговъ монголовъ. Головинъ очутился

какъ бы въ плѣну у китайцевъ и волей-неволей вынужденъ былъ подписать Нерчинскій договоръ, по которому Россія лишилась всѣхъ завоеваній Пояркова, Степанова, Черниговскаго и Хабарова.

«Россіяне—говорить спѣрская лѣтопись того времени—несправедливымъ образомъ, перемающею сплю неприятелей съ Амура вытѣснены и, что еще несправедливѣе, насильственнымъ мирнымъ заключеніемъ рѣка Амуръ за китайцами осталась». За владѣвъ Приамурскимъ краемъ, китайское правительство удовольствовалоь, однако, тѣмъ, что горы и безлюдныя пустыни стали отдѣлять съ сѣвера приамурскую Даурію (о которой собственно оно и хлопотало) отъ Якутской области, и оставило весь средней и нижней Амуръ съ его притоками совершенно свободнымъ, въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ нашеть его Поярковъ. Мы, впрочемъ, не считали своихъ правъ потерянными и въ 1757 академикъ Миллеръ въ «Ежемѣс. Сочиненіяхъ» доказывалъ, что край принадлежалъ Россіи прежде китайцевъ и что мы несправедливо оттуда были изгнаны и еще несправедливѣе Нерчинскимъ мирнымъ трактатомъ 1689 г. оставили Амуръ китайцамъ.

На дальнѣйшее бездѣйствіе наше, кромѣ робости дипломатіи, преувеличивавшей силу Китая, тогда очень мало извѣстнаго и энциклопедистами со словъ іезуитовъ превозносиваго, вліяли отчасти и географическія заблужденія. Лаперузъ въ 1783 году и Браутонъ въ 1793 г., вслѣдствіе недостаточно точнаго изслѣдованія, признали, что Японское море не имѣетъ сообщенія съ Охотскимъ и что Сахалинъ есть полуостровъ, соединяющійся съ материкомъ посредствомъ низменнаго перешейка-отмели. На основаніи такихъ заключеній, подкрѣпленныхъ неудачной экспедиціей Гаврилова, всѣ дальнѣйшія попытки къ водворенію въ устьяхъ Амура, несмотря на настойчивость Муравьева, были оставляемы вплоть до 1849 г., когда Невельской доказалъ, что Амурскій лиманъ весьма доступенъ.

Это открытіе напугало нашу дипломатію. Послѣ того какъ императоръ Николай I на докладѣ графа Нессельроде положилъ резолюцію: «весьма сожалѣю, вопросъ объ Амурѣ, какъ о рѣкѣ бесполезной, оставить», и на настояніе Муравьева отвѣчалъ: «для чего намъ эта рѣка, когда нынѣ уже положительо доказано, что входитъ въ ея устье могутъ только одни лодки», послѣдовало новое распоряженіе ни подъ какимъ видомъ не касаться лимана р. Амура.

Только новое занятіе Невельскимъ Амура и новая поддержка Муравьева измѣнили взглядъ правительства. Государь нашеть поступокъ Невельскаго молодецкимъ, благороднымъ и патриотическимъ и о предположеніи упразднить Николаевскій постъ, сказалъ: «гдѣ разъ поднять русскій флагъ, онъ уже спускаться не долженъ». 15-го февраля 1851 г. правительствующій сенатъ увѣдомилъ китайское правительство о предположеніи нашемъ имѣть наблюденіе за устьемъ р. Амура.

Присоединеніе Амура, кромѣ увеличенія территоріи, всегда лестнаго для народнаго самолюбія, имѣло особенное значеніе еще и потому, что случилось послѣ военнаго и дипломатическаго пораженія нашего въ Крымскую войну. Равнымъ образомъ, оно приобрѣтало важность оттого, что Россія становилась прочною ногою на Тихомъ океанѣ и обходила, такъ сказать, съ тылу Англию, старавшуюся запереть насъ въ Черномъ и Балтійскомъ моряхъ, почему Муравьевъ справедливо получилъ, по заключеніи Айгунскаго трактата, право присоединить къ своему имени титулъ графа Амурскаго.

Еще ранѣе, пользуясь открытіемъ по Нанкинскому договору морскихъ портовъ Китая, Россія постепенно добилась отъ Китая цѣлаго ряда уступокъ въ торговлѣ. Эти уступки выразились: въ заключенномъ въ 1851 году Ковалевскимъ Кульджинскомъ договорѣ, отрывшемъ намъ рынки въ Кульджѣ и въ Чугучакѣ и облегчившемъ сношенія съ Западнымъ Китаемъ, возникшія еще въ концѣ XVIII столѣтія; въ 1858 году въ Айгунскомъ договорѣ, заключенномъ графомъ Муравьевымъ, было намъ даровано право свободной торговли по Амуру, Уссури и Сунгари; въ томъ же году, въ Тянь-Цзинскомъ, были уничтожены всѣ ограниченія по торговлѣ въ Маймачинѣ, а дополнительнымъ Пекинскимъ договоромъ, въ 1860 году, графъ Игнатъевъ, оказывая доброжелательное посредничество между Китаемъ съ одной стороны, Англійей и Франціей съ другой, расширилъ наши за-Амурскія владѣнія до границы Кореи; была открыта свободная, беспошлинная торговля по всей пограничной линіи отъ пункта сліянія рѣкъ Шилки и Аргуня вплоть до границы Кореи; открыта намъ торговля въ Ургѣ и въ Калганѣ, обезпечено хожденіе нашихъ каравановъ въ Китай, получено право торговать въ Калгарѣ, опредѣлена русская граница въ Западномъ Китаѣ и разрѣшено устройство правильной почты черезъ Монголію. Потомъ, въ 1862 году, въ Пекинѣ были постановлены точныя правила о сухопутной торговлѣ съ Китаемъ въ Калганѣ. Въ 1869 году послѣднія получили еще большее развитіе.

Наше купечество послѣшило воспользоваться предоставленными ему правами, чему содѣйствовали не столько еще открытіе доступа въ Китай, сколько допущеніе въ 1861 году привоза чая черезъ европейскую границу Россіи. Мѣра эта, принятая по настоянію гр. Влудова, въ свое время вызвала много жалобъ, но она была безусловно необходима. Для сокращенія контрабанды кяхтинскіе купцы неоднократно просили установить даже бандерольную продажу чая. Но русское правительство, много лѣтъ поддерживавшее Кяхту, не желало создавать въ ней вѣчную монополію для обогащенія нѣсколькихъ крупныхъ комерсантовъ, продававшихъ въ Китаѣ русскіе товары дешевле, чѣмъ они стоили въ Москвѣ, и наверстывавшихъ убытки съ потребителей въ Россіи.

Купцы, извлекавшіе изъ кяхтинской торговли огромные для себя барыши, не хотѣли оставить прибыльное для нихъ дѣло, и въ первый разъ, сбросивъ російскую лѣнь и апатію, рѣшились послать своихъ приказчиковъ на внутренніе китайскіе рынки. Благодаря удачному выбору лицъ, опытъ удался. Хотя сбытъ русскихъ товаровъ въ Китай не развился, но закупка и приготовленіе чаевъ на мѣстѣ производства дали значительныя прибыли. Посланные приказчики образовали, по примѣру англичанъ, комиссіонные дома, которые и оперируютъ на денежные средства, доставляемыя крупными чайными торговцами въ Москвѣ, Казани, Кунгурѣ, Иркутскѣ и Кяхтѣ, нажившимися на кяхтинской монополіи. Русскіе водворились сначала въ Калганѣ, Тянь-цзинѣ и Ханькоу, а въ послѣднее время распространили свои операціи и на Фуцау и Цзюцзянь. Важнѣйшимъ изъ всѣхъ этихъ пунктовъ для нашей чайной торговли остается Ханькоу, гдѣ русскіе приобрѣтаютъ большую часть черныхъ байховыхъ чаевъ, отправляемыхъ въ Россію, и лично готовятъ на собственныхъ фабрикахъ кирпичный чай, расходящійся въ Сибирь и Восточной Россіи. Недавно еще русскіе имѣли заведенія внутри страны для приготовленія и байховыхъ чаевъ, но оставили это дѣло за невозможностью соперничать съ китайцами, поощряемыми тѣмъ, что съ русскихъ требовалась двойная пошлина, ибо китайское правительство находило учрежденіе русскихъ фабрикъ противнымъ трактатамъ. Кяхта, естественно, потеряла свое прежнее значеніе и сдѣлалась второстепеннымъ рынкомъ, поддерживаемымъ лишь крупною разницею въ пошлинахъ. Разница установлена въ видахъ полптическихъ для сохраненія связей съ Монголіей.

На такой переворотъ болѣе всего имѣло вліяніе пораженіе Китая англо-французами и труды Муравьева и Игнатьева. Скачковъ приписываетъ успѣхи и другимъ дипломатамъ. Заслуги ихъ, говоритъ онъ, еще болѣе опредѣлились бы, если бы разобрать находящіяся въ архивѣ пекинскаго министерства иностранныхъ дѣлъ документы. «Въ исторіи международныхъ сношеній документы эти несомнѣнно займутъ видное мѣсто и бросятъ свѣтъ на тѣ способы воздѣйствія на китайское правительство, какими руководствовались иностранныя державы для приобрѣтенія правъ въ Китаѣ. Каждый шагъ въ Китаѣ взятъ съ бою; но бои бывали неоднородны. Англія дѣйствовала по преимуществу пушками; Россія исключительно дипломатіей... Всѣ приобрѣтенія были нами сдѣланы вполнѣ миролюбиво. Несмотря на извѣстную настойчивость китайскаго правительства и крайнюю его скупость даже къ общаціямъ, а тѣмъ болѣе къ уступкамъ, и несмотря на то, что наши представители никогда не находили ни сочувствія, ни содѣйствія, а, напротивъ, встрѣчали противодѣйствія со стороны иноземныхъ представителей въ Китаѣ, мы умѣли ладить и хотя медленно, но удачно достигали желаемыхъ результатовъ»...

А переговоры, даже при болѣе или менѣе счастливомъ выборѣ дипломатовъ, были крайне тяжелы, при отличныхъ дипломатическихъ способностяхъ китайцевъ. Наши дипломаты не мало перепортили своей крови, чтобы переломить настойчивое упорство китайскихъ дипломатовъ. «Я не могу забыть, говоритъ Скачковъ, характеристическаго отвѣта, полученнаго въ Пекинѣ однимъ изъ европейскихъ дипломатовъ, прибывшихъ для своихъ соотечественниковъ, торгующихъ въ Китаѣ, исполненія справедливаго требованія, въ какомъ китайскіе министры отказывали въ своихъ депешахъ. Онъ выразился, что при подобныхъ условіяхъ его соотечественникамъ невозможно и торговать въ Китаѣ. Министры отвѣтили: «да, правда; пусть бы они и не торговали у насъ».

Надобно имѣть въ виду, что Скачковъ говоритъ о дипломатахъ 60-хъ и 70-хъ годовъ, а о прежнихъ графъ Муравьевъ Амурскій не могъ хладнокровно и вспомнить, даже удалившись отъ дѣлъ. Письма же его содержатъ самыя жестокіе упреки по адресу Нессельроде и его сотрудниковъ.

Наше правительство хорошо понимало, что мы не должны довольствоваться правомъ торговли въ открытыхъ портахъ Китая, но что для сбыта русскихъ товаровъ необходимо искать и другихъ рынковъ, и другихъ путей. Дѣйствительно, при сосѣдствѣ Россіи съ Китаемъ и при большей склонности нашего купечества къ сухопутной, чѣмъ къ морской торговлѣ, прямой путь влечетъ нашу торговлю не къ портамъ, а въ Китай Застѣнный, то есть Монголію, Манчжурію и къ китайскимъ степямъ въ Средней Азіи. Тутъ наши купцы могутъ также господствовать, какъ англичане съ ихъ коммерческимъ флотомъ господствуютъ въ портахъ Китая ¹⁾. Интересы этой сухопутной торговли не забыты ни въ одномъ изъ договоровъ, заключенныхъ Россіей съ Китаемъ въ послѣднее время.

Такъ какъ въ морской торговлѣ мы были сравнены съ другими морскими державами, то, естественно, всѣ измѣненія въ ихъ договорахъ или же частныя дополненія Китаемъ этихъ договоровъ касались и Россіи. Существенные вопросы, связанные съ морскою торговлею въ Китаѣ, были затронуты соглашеніемъ, послѣдовавшимъ между великобританскимъ посланникомъ въ Пекинѣ Уедомъ и китайскимъ министромъ въ Чифу въ 1876 г. Но англійское правительство не утвердило постановленій чифуской конвенціи. Съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ наиболѣе важными представлялись вопросы, касавшіеся вывоза мѣстныхъ произведе-

¹⁾ Известный путешественникъ г. Грумъ-Гржималло указываетъ однако на плачевное состояніе русской торговли въ западномъ Китаѣ. Есть тамъ торговля русскими товарами, но нѣтъ русской торговли. Такъ-называемые русскіе купцы, это—сарты и татары, часть коихъ только при случаѣ вспоминаетъ о своемъ русскомъ подданствѣ, между тѣмъ не только англичане, но даже кѣмцы умудряются пробираться въ города западнаго Китая и устраивать тамъ склады своихъ товаровъ.

пий пзъ внутри страны въ открытыя порты. Но съ осуществленіемъ предположеній объ открытіи для нашей сухопутной торговли пути въ западныя провинціи Кітая вопросъ о внутреннихъ пошлинахъ на товары, ввозимые въ Собственный Китай, получилъ и для Россіи довольно большое значеніе.

Что касается вопросовъ о судопроизводствѣ и объ оффиціальныхъ сношеніяхъ, особенно же о сношеніяхъ консуловъ съ мѣстными властями, то въ нихъ мы настолько же заинтересованы, какъ и другія державы, и возможныя улучшенія въ этомъ отношеніи всегда для насъ желательны.

Послѣднее урегулированіе нашихъ торговыхъ отношеній къ Китаю произведено С.-Петербургскимъ трактатомъ, заключеннымъ 12 февраля 1881 г. Гирсомъ и г. Брюдовымъ, и приложеннымъ къ нему новыми правилами о производствѣ сухопутной торговли. Трактатъ этотъ происхожденія политическаго; онъ былъ заключенъ взаимнѣе не ратификованнаго китайскимъ правительствомъ Ливадійскаго трактата 1879 г. За отказъ нашъ отъ обладанія Кульджею, занятою въ 1871 г., китайское правительство предоставило Россіи въ торговлѣ новыя права.

Петербургскій трактатъ надобно разсматривать какъ пораженіе нашей дипломатіи. Кульджа, равно какъ въ свое время и Зарявшанскій округъ, не были включены оффиціально въ предѣлы Россійской имперіи, но объ эти территоріи были нами приобрѣтены по праву завоеванія, т. е. по самому солидному пзъ всѣхъ правъ, если вѣрнѣе лучшимъ авторитетамъ международнаго права. Признать Кульджу разъ навсегда русскою помѣшала прежня мнительность наша въ азійтской политикѣ. Мы и пожали плоды этой мнительности. Китайцы, весьма равнодушно относившіеся къ кульджинскому вопросу, пока весь восточный Туркестанъ ускользалъ, такъ сказать, пзъ ихъ рукъ, разрушивъ, стеченіемъ благоприятныхъ обстоятельствъ, бывшее созданіе Якубъ-бека, сдѣлали видъ, будто бы они никогда и не считали серьезнымъ занятіе русскими Кульджи. Мы, изволите ли видѣть, вошли въ Кульджу, какъ въ 1849 году въ Венгрію, только во имя легитимнаго принципа, чтобы эту мятежную область возвратить ея законному правительству.

Такое оригинальное воззрѣніе основывалось на недоразумѣніи, виною которому былъ нашъ посланникъ въ Пекинѣ г. Влангали, предложившій китайцамъ завять вновь Кульджу, при условіи, если китайскія силы окажутся достаточно многочисленными для поддержанія порядка въ краѣ. Но хотя этотъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ достойный дипломатъ поплатился за свою ошибку мѣстомъ, все-таки мы имѣли достаточно времени разъяснить недоразумѣніе, не дожидаясь, пока китайская армія подойдет къ нашимъ границамъ.

Эта армія испугала однако многихъ. «С.-Петербургск. Вѣдомо-

сти» пугливо высказывали опасеніе, что вѣтйцы ворвутся въ беззащитную Сибирь, и тогда горе намъ. Подобныя опасенія можно смѣло отнести къ разряду ребяческихъ. Китай казался долгое время очень сильнымъ только ради нашей мнительности. Въ XVII вѣкѣ горсть казаковъ не задумывалась воевать съ Китаемъ. Побѣды англичанъ въ 1840 году, англо-французовъ въ 1858 году и смѣлыя дѣйствія Муравьева раскрыли глаза. Всѣ увидали, что Китай не страшнѣе тѣхъ размалеванныхъ декорацій, которыми прикрывалось его вопнство.

Въ началѣ 80-хъ годовъ наступила реакція. Китайцы позавели нѣсколько броненосныхъ судовъ и купили нѣкоторое количество скорострѣльныхъ ружей; эти продукты европейской цивилизаціи снова сдѣлали Китай страшнымъ въ глазахъ дипломатовъ. Едва ли, однако, сила и слабость государства мѣнялись такъ быстро. Но если намъ нечего было опасаться китайцевъ, то, быть можетъ, Кульджу благоразумнѣе было возвратитъ только ради того, что Россія уже и такъ «велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ». Къ чему же набирать новыхъ территорій, когда прежнія, а особенно въ Средней Азіи, далеко-де не устроены. И этотъ аргументъ нашихъ дипломатовъ не выдерживалъ критики.

Положеніе Россіи въ Средней Азіи, какъ я говорилъ выше, было крайне непрочно, пока наши отряды разгуливали по степи, таща за собою продовольствіе. Обручевъ первый понялъ, что Россія будетъ сильна только тогда, когда станетъ твердою ногою тамъ, гдѣ возможно постоянное поселеніе. Эту мысль привелъ въ исполненіе Черняевъ, опять-таки вопреки дипломатической премудрости, наказывавшей казаковъ за самовольный переходъ черезъ границу киргизскихъ степей, точно это граница Бельгіи или Голландіи! При всемъ томъ отношеніе территорій дикой и степной къ территоріи удобной для прочнаго заселенія было крайне невыгодно въ русскихъ владѣніяхъ въ Средней Азіи и могло измѣниться развѣ, когда заселятся Призайсанскій и Приилійскій край. Тутъ-то и получила большое значеніе Кульджа. Это небольшое ханство помимо его важнаго стратегическаго значенія, представляло прекрасный и довольно уже населенный оазисъ съ плодородною почвою и богатою подпочвою. Средняя Азія бѣдна хлѣбомъ и топливомъ, а Кульджинское ханство богато пшеницею и каменнымъ углемъ, т. е. именно тѣмъ, чего намъ не доставало въ Туркестанѣ. Оно уже заселялось казаками и переселенцами.

Отдать, слѣдовательно, добровольно такой лакомый кусокъ китайцамъ, права которыхъ на Кульджу были потеряны и равносильны правамъ Испаніи на Голландію, Англіи на Соединенные Штаты и Турціи на Греческое королевство, очевидно, не слѣдовало. Мобилизируй мы свои войска, когда китайцы еще побѣждали мусульманское возстаніе и разрушали эфемерное Кашгарское ханство, и выкажи болѣе твердости, вопросъ былъ бы рѣ-

шенъ иначе, но опасенія повыхъ осложненій восточнаго вопроса заставили насъ быть уступчивѣе и Чунь-хоу заключилъ въ Ливадіи трактатъ, по которому, за денежное вознагражденіе, мы согласались возвратить Китаю обратно лучшую половину Кульджи.

Уступчивость опасна въ восточной политикѣ. Получивъ половину и имѣя свою армію уже, такъ сказать, у нашихъ границъ, китайцы рѣшили попробовать получить и вторую половину Кульджи. Они отказались ратификовать Ливадійскій трактатъ и посадили Чунь-хоу, якобы превзошедшаго свои полномочія, въ тюрьму. Россія рѣшилась тогда попробовать военную демонстрацію противъ Китая. Въ началѣ 1880 г., подъ начальствомъ адмирала Лесовскаго, была послана въ Тихій океанъ большая эскадра, сосредоточившаяся въ японскихъ водахъ, а часть войскъ туркестанскаго и западно-сибирскаго округовъ была мобилизована. Посланы были также войска и боевые припасы въ Приморскую область Восточной Сибири.

Демонстрація стоила намъ болѣе десяти милліоновъ рублей, но не запугала китайцевъ. Они медлили отвѣтомъ, желая какъ бы убѣдиться, дѣйствительно ли Россія хочетъ воевать. Финансовыя затрудненія заставили наше правительство взвѣснить, стоило ли вести дорогую войну въ отдаленныхъ мѣстностяхъ изъ-за хавства, хоторое хотя и очень лакомый кусокъ, но все-таки не покрывало своею цѣнностью расходовъ войны. Эти экономическія соображенія особенно настойчиво приводилъ бывшій министръ финансовъ Абаза. Они взяли верхъ надъ политическими, и мы согласились возвратить Кульджу почти цѣликомъ. Это и составило предметъ договора, заключеннаго въ С.-Петербургѣ маркизомъ Цзенгомъ.

Можно утѣшать себя тѣмъ, что Кульджа рано или поздно должна быть наша, такъ какъ владычество китайцевъ среди мусульманскаго населенія восточнаго Туркестана весьма шатко. А разъ китайцы будутъ изгнаны, кульджинскій край снова подпадетъ подъ русское владычество. Конечно, утрата Кульджи, при обширности нашихъ азіатскихъ владѣній, не Богъ вѣсть какая потеря. Все-таки нельзя не пожалѣть, что у насъ не нашлось тогда искуснаго и рѣшительнаго дипломата.

Хотя снаряженіе эскадры Лесовскаго обошлось довольно дорого, при извѣстномъ стремленіи нашихъ моряковъ чиниться и ремонтироваться по возможности въ каждомъ встрѣчномъ портѣ, но расходы на нее въ сущности были производительными. Значительная эскадра поддержала достоинство русскаго флага въ такихъ водахъ, гдѣ привыкли видѣть только довольно курьезные образчики русскаго флота¹⁾. А дѣло доходило до того, что изъ

¹⁾ Я посѣтилъ въ 1880 г. въ Амоя «Моржъ»—одинъ изъ главныхъ дѣятелей сибирской флотиліи; онъ то и дѣло что ходилъ въ Америку, Японию, Китай; по его качествамъ можно было судить о достоинствѣ остальныхъ. Это была ста-

Владивостока отправлялась въ брейсерство подъ адмиральскимъ флагомъ «эскадра», состоявшая изъ одного судна, да еще такой величины, что адмиралъ жилъ въ одной каютѣ съ капитаномъ!

Изъ эскадры часть судовъ оставлена была для пополненія сибирской флотиліи, гдѣ не было даже транспортовъ. Случалось, что, совершая какія-нибудь перевозки, транспортныя суда перегружались по крайней необходимости, такъ что подвергали опасности жизнь сотни людей. Между тѣмъ для сибирской флотиліи слѣдовало брать не бракъ отъ другихъ флотовъ, а суда отличнаго качества, вслѣдствіе трудности плаванія, въ особенности въ Татарскомъ проливѣ, изъ-за тумановъ и льдовъ.

Замѣчательно, что содержаніе трактата, при всей его для насъ невыгодности, произвело большое волненіе между англичанами, а лондонская торговая палата обратилась даже, въ январѣ 1882 г., къ министру иностранныхъ дѣлъ лорду Гренвилю съ протестомъ. Нѣтъ надобности останавливаться надъ разборомъ этого страннаго домогательства, такъ ярко выставлявшаго всю дерзкую притязательность ненасытной англійской природы. Въ льготѣ, выговоренной нашимъ договоромъ съ Китаемъ, англичане напрасно видѣли умаленіе своихъ правъ какъ благопріятствуемой націи. Эта льгота касалась не лицъ, а торговаго пути—столь же свободнаго для англійскихъ подданныхъ, какъ и для русскихъ.

Не взирая на С.-Петербургскій трактатъ и отдачу Кульджи, Китай, гдѣ въ началѣ 80-хъ годовъ англичане приобрѣли весьма прочное положеніе и гдѣ усилилось также нѣмецкое вліяніе, продолжалъ вооружаться: неизвѣстно только противъ кого. Объясняли, что это на случай войны съ Японіей, съ которою не былъ оконченъ споръ за острова Лиу-киу; серьезнѣе было предположеніе, что вооруженія вызывались предосторожностью относительно Кореи. Вооруженія могли быть направлены и противъ насъ.

Здѣсь для нашей дипломатіи было двойное поприще для бдительнаго вниманія. С.-Петербургскій трактатъ не окончилъ съ Китаемъ множества спорныхъ вопросовъ. Въ русскихъ владѣніяхъ въ Амурской и Приморской областяхъ живетъ много китайцевъ, которые по Айгунскому трактату должны подчиняться китайскимъ властямъ. Одна эта двойственность могла породить столкновеніе. Между тѣмъ ходили слухи, что намѣреваясь перевооружить свою армію, китайское правительство остановило выборъ на нашихъ берданкахъ и охотно будто бы вошло бы въ сношенія съ рус-

рая канонерка, построенная двадцать лѣтъ назадъ, подъ парами могущая идти очень небольшое число миль и то исключительно въ тихую погоду. Служба на суднѣ была чистымъ мученіемъ. При малѣйшемъ вѣтрѣ его такъ качало, что не хватало дѣленій на кренометрѣ и стрѣлка колотила по футуриру, при этомъ вода заливала жилыя помѣщенія на поларшина. Въ жаркіе дни температура въ машинѣ подымалась до 52° по Реомюру! Изъ орудій, полагавшихся по штату, судно послало половину, потому что отъ выстрѣловъ непременно распатались бы его связи.

скими оружейными и патронными заводами. Для китайской армии требовалось не менее 3.000.000 винтовок и пятилѣтній запас патроновъ; весь такой заказ составлять 126 миллионъ руб. Но было подозрительно, чтобы Россія, которая для перевооруженія своей армии и своего флота постоянно обращалась за границу, сдѣлалась вдругъ поставщицей оружія для другихъ государствъ. Къ тому же намъ, при тогдашнихъ политическихъ условіяхъ, не было расчета помогать китайцамъ перевооружать свою армию и обращать Небесную имперію въ сильную военную монархію.

Тысячеверстная граница наша съ Китаемъ вѣка охранялась ничтожною горстью войскъ и до куджунскаго столкновения всегда Небесная имперія опасалась Россіи, Россія же вовсе и не думала о защитѣ своихъ границъ противъ Китая. Обстоятельства перемѣнятся, когда у послѣдняго явится армія въ двѣсти, триста тысячъ или миллионъ солдатъ, хорошо вооруженныхъ. Тогда нельзя будетъ границу отъ Вѣрнаго до Владивостока оберегать двумя, тремя десятками линейныхъ батальоновъ и нѣсколькими полевыми орудіями. А постоянное содержаніе большой военной силы на границахъ Китая въ одинъ годъ потребуетъ болѣе денегъ, чѣмъ мы отъ китайцевъ могли получить за винтовки въ пять лѣтъ.

При томъ это былъ моментъ столкновения Китая съ Франціей, гдѣ всѣ наши симпатіи должны были быть на сторонѣ Франціи, если дальновидность, а не сантиментальность считать присущею нашей политикѣ. Какъ мы воспользовались для расширенія нашихъ границъ на Амурѣ и упроченія торговыхъ связей внутри Китая пораженіемъ Небесной имперіи, нанесеннымъ англичанами и французами, такъ и въ данномъ случаѣ мы выигрывали бы, если бы Тонкинъ и Формоза остались навсегда во французскихъ рукахъ. Успѣхи китайцевъ, наоборотъ, отозвались бы совсѣмъ иначе. Они сдѣлали бы китайцевъ еще самоувѣреннѣе, требовательнѣе и наглѣе, а предлоговъ для столкновеній съ нами имъ было не искать: и на Или, и по верховьямъ Уса и Енисея, и на Уссури происходили у насъ съ китайцами ежедневныя мелкія недоразумѣнія.

Такимъ образомъ Россіи давать Китаю въ руки хорошее оружіе было не логично. У лицъ, предложившихъ взять китайскій заказъ, былъ, вѣроятно, въ виду маккиавелевскій планъ. Зная, что китайцы за деньги, если пожелаютъ, все-таки приобрѣтутъ необходимое имъ усовершенствованное оружіе, у насъ думали, что заказъ такового на русскихъ казенныхъ заводахъ еще одно изъ лучшихъ средствъ для того, чтобы китайцы не скоро увидали необходимыхъ имъ берданки. На казенныхъ заводахъ дѣло ведется всегда спустя рукава, механически и рутинно, канцеляризмъ замѣняетъ технику, масса контролеровъ и никакого надзора, каждая вещь обходится втрое дорожее и не имѣется никакихъ средствъ усчитать это, никто не хозяинъ, никто ни за что не отвѣчаетъ и

нието ни въ чемъ не заинтересованъ. На такомъ заводѣ, понятно, каждый заказъ рисуетъ быть исполненнымъ десять лѣтъ позже, чѣмъ ожидается.

Война Франціи съ Китаемъ дѣйствительно раскрыла неготовность послѣдняго къ серьезной войнѣ. Впрочемъ сначала дѣйствія французовъ были не совсѣмъ удачны, но эти первыя неудачи въ Тонкинѣ задѣли за живое самолюбіе французовъ и, несмотря на предостереженіе ультра-радикальныхъ газетъ, утверждавшихъ, что тонкинское предпріятіе было выдумано ради наживы нѣсколькихъ концессіонеровъ-мошенниковъ, французское правительство рѣшилось занять въ Индо-Китаѣ прочную позицію.

У китайскаго правительства всегда были одинъ страхъ и одна цѣль—это не имѣть пограничными сосѣдями европейскихъ державъ. Отъ Остѣ-Индіи Китай былъ отдѣленъ недоступнымъ Тибетомъ; но въ случаѣ занятія Франціей Аннама, она являлась сосѣдомъ Юнанской провинціи, гдѣ незадолго съ трудомъ было усмирено весьма серьезное возстаніе. Вотъ почему Китай и хлопоталъ, чтобы была нейтральная полоса между владѣніемъ Франціи въ Тонкинѣ и китайскою границей, предоставляя остальную часть Тонкина Франціи и соглашаясь даже на плаваніе по всей Красной рѣкѣ до самой китайской границы.

Французы на это возражали, что мнительность китайцевъ непонятна, ибо Китай граничитъ уже съ Россіей на протяженіи восьми тысячъ верстъ; но это сравненіе не убѣждало китайцевъ, потому что наши границы подходятъ только къ пустыннымъ Застѣннымъ областямъ Китая, на которыя послѣдній смотритъ почти какъ на вассальныя владѣнія, придавая имъ лишь второстепенное значеніе.

Не взирая на затрудненія съ Франціей и отчасти съ Японіей, правительство юнаго богдыхана предъявляло тогда къ Россіи совершенно бессмысленныя требованія. Дѣло шло чуть не о возвратѣ китайцамъ залива Посьета, составляющаго самую южную часть нашей Приморской области, въ которой находится нѣсколько важныхъ поселеній, между прочимъ Новый Кіевъ и постъ Новгородскій.

Очень мало замерзающій зимою и какъ пунктъ ближайшій къ нашей границѣ съ Кореею и Китаемъ, заливъ Посьета имѣетъ весьма важное значеніе въ будущемъ. Значительные города: китайскій—Хунъ-чунъ и корейскій—Бянь-лянъ-дзи-ченъ лежатъ лишь въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ. Кромѣ того, отсюда, именно изъ деревни Ханцы, идетъ во внутрь Манчжуріи дорога, по которой провозятся значительные грузы морской капусты, трепанговъ, рыбы.

Но эти-то достоинства залива Посьета и обратили на себя вниманіе китайцевъ, совершенно измѣнившихъ за двадцать лѣтъ свои взгляды на значеніе портовъ и иностранной торговли. Въ

прежнее время, когда Китай жилъ замкнутою жизнью, онъ интересовался портами лишь настолько, насколько они служили средствами каботажнаго сообщенія для мѣстной прибрежной торговли. Поэтому-то Китай такъ легко уступилъ намъ многочисленныя заливы Южно-Уссурийскаго края. Край этотъ былъ почти пустынный и китайцы не соображали, что современемъ, при заселеніи Манчжуріи, эти порты сдѣлаются очень важными для послѣдней, ибо черезъ нихъ пойдетъ въ значительной степени торговля привозная и отпуская. Манчжурія можетъ, конечно, отправлять часть товаровъ и по Сунгарю, но такъ какъ послѣдняя впадаетъ въ Амуръ, то и этотъ путь находится въ рукахъ русскихъ.

По азіатскому обычаю китайцы искусно маскировали свои планы. Подъ видомъ обезпеченія голодавшаго въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ населенія, они перевели въ Манчжурію, гдѣ китайское населеніе и безъ того въ нѣсколько разъ превосходило манчжурское, десятки тысячъ колонистовъ, а затѣмъ мало-по-малу въ важнѣйшихъ городахъ Манчжуріи сосредоточили войска и возвели укрѣпленія. Укрѣпившись такимъ образомъ, китайцы заговорили съ нашими пограничными властями другимъ тономъ. Они даже дѣлали открытыя нападенія на русскую территорію, приписывая эти нападенія шайкамъ хунхузовъ, бродячихъ китайцевъ изъ того населенія, котораго положеніе осталось неопредѣленнымъ по Айгунскому договору и которое остается въ предѣлахъ нашей Приморской области, сохраняя до времени номинально подданство Китаю. Хунхузы играли роль «черныхъ флаговъ» во французскомъ Тонкинѣ.

Намъ неизвѣстны въ точности ни требованія Китая, ни какого рода отвѣтъ былъ данъ на эти требованія со стороны правительства, но вѣроятно они встрѣтили рѣшительный и категорическій отказъ, поддержанный постепеннымъ усиленіемъ нашихъ войскъ въ Приамурскомъ краѣ, доведенныхъ до численности свыше 60,000 человекъ.

На Дальнемъ Востоцѣ, на территоріяхъ, раскинутыхъ на десяткахъ тысячъ верстъ, при слабомъ русскомъ населеніи и маломъ количествѣ регулярныхъ войскъ, владычество наше держалось престижемъ русскаго имени, тѣмъ обаяніемъ, которое оно приобрѣло постоянными успѣхами въ теченіе почти трехсотъ лѣтъ. По природѣ трусливые, китайцы при первой услугѣ дѣлаются заносчивыми и дерзкими и, преувеличивая свои силы, доходятъ въ своемъ самонамѣннѣ до полного отрицанія опасности. Народъ тамъ весьма чутко слѣдитъ, кого изъ иностранцевъ ихъ правительство боится и кѣмъ пренебрегаетъ. Живя замкнуто, слѣпо вѣря своимъ властямъ, они привыкли считать Россію, которой богдыханъ дѣлалъ всегда уступки, самымъ могущественнымъ сосѣдомъ. Задача нашей политики и должна была состоять въ томъ, чтобы поддерживать это обаяніе русскаго имени въ Китаѣ. Только сохраняя

его и укрепляя, могли мы продолжать спокойно пользоваться нашими дальними восточными окраинами, отрѣзывавшими Манчжурію отъ ея естественнаго исхода къ океану. Разъ мы сдѣлали бы новыя уступки, нашъ престижъ уничтожился бы и тогда удержаніе нашихъ окраинъ потребовало бы пожертвованій не десятковъ, а сотенъ милліоновъ рублей. Бояться же китайцевъ намъ было бы странно. Если горсти слѣпрскихъ казаковъ въ XVII вѣкѣ смѣло начинали борьбу съ арміями богдыхана, то, конечно, русская имперія имѣла болѣе средствъ для удачной войны и при всякаго рода осложненіяхъ и тайныхъ поддержкахъ Китая. Правда, Китай въ послѣднее время старался организовать свою армію на европейскій манеръ, но и у насъ подъ Нарвою была армія, организованная по-европейски, и одно это обстоятельство не дало еще ей побѣды. Тѣмъ не менѣе нельзя было отрпцать, что наше положеніе на дальней восточной окраинѣ къ 80-мъ годамъ измѣнилось. Прошли времена, когда казакъ, помахивая ногойкой, заѣзжалъ въ китайскія владѣнія, а правительство богдыхана черезъ 30 лѣтъ писало протестъ, который поступалъ въ 1-й департаментъ Правительствующаго Сената и никогда не удостоивался отвѣта.

Китайская дипломатія между тѣмъ изъ чисто пассивнаго положенія перешла въ наступательное. Французы убѣдились въ этомъ въ Тонкинѣ, англичане въ Бирмѣ, Японія въ Лиу-Киу и Кореѣ. Отношенія къ Японіи въ особенности существенно измѣнились. Отношенія эти были давно крайне натянуты и по многимъ признакамъ слѣдовало ожидать, что между двумя великими державами Дальняго Востока вспыхнетъ война. Въ былое время война между китайцами и японцами могла интересовать развѣ очень небольшое число специалистовъ или служить темою для оперетки, но теперь развитіе международныхъ сношеній тѣсно связало интересы почти всѣхъ европейскихъ державъ съ тѣмъ, что дѣлается въ Тихомъ океанѣ. Ближе всего заинтересованы были, конечно, мы. Поэтому было важно, какъ отнесется къ разрыву Китая съ Японіей наша дипломатія. Она рѣшила, не вмѣшиваясь въ дѣло, свое моральное содѣйствіе оказывать скорѣе Китаю, нежели Японіи. Такой образъ дѣйствій нельзя не признать правильнымъ, хотя онъ и противорѣчилъ тому, что обыкновенно бываетъ въ Европѣ, гдѣ ближайшіе сосѣди, имѣя много предметовъ для споровъ и столкновеній, охотнѣе дружатся съ державами, лежащими отъ нихъ подалѣе.

Дѣйствительно, Китай хотя и сдѣлалъ намъ непріятности, но въ общемъ у насъ не было серьезныхъ поводовъ опасаться этой державы. Съ другой стороны, старинныя торговыя сношенія на протяженіи огромной границы заставляли цѣнить дружбу съ Китаемъ.

По своей консервативной политикѣ, Китай не представлялъ,

казалось, опасности и въ будущемъ. Совѣтъ въ другомъ положеніи къ намъ находилась Японія. Она, правда, уступила Россіи свои права на Сахалинъ, но взамѣнъ Курильскихъ острововъ. Цѣнность послѣднихъ хотя ничтожна, но на Востоку въ политикѣ важна послѣдовательность, а въ дѣлѣи лѣтъ число какихъ-либо территоріальныхъ уступокъ, сдѣланныхъ Россіей, можетъ быть сосчитано по пальцамъ. Японія затѣмъ являлась государствомъ прогресспующимъ. Этотъ прогрессъ отдалялъ отъ насъ Японію и сближалъ ее съ нашими противниками на Западѣ. Конечно, наша духовная миссія въ Токио обратила въ православіе нѣсколько тысячъ человекъ, но что значило это ничтожное число сравнительно съ сорока-милліоннымъ населеніемъ Японскаго архипелага.

Японія имѣла уже армію, организованную по-европейски, и броненосный флотъ. Это такія созданія прогресса, которыя ни въ какомъ случаѣ не могли быть пріятны намъ по близкому сосѣдству Японіи съ русскими владѣніями на Тихомъ океанѣ, которыя распнугты на тысячи верстъ. Торговля сношенія наши съ Японіей были совершенно ничтожны и ограничивались торговлею Нагасаки съ портами Приморской области Восточной Сибіри. Но въ спорахъ Японіи съ Китаемъ мы должны были дѣйствовать осторожно, не нарушая ничего самолюбія, главнымъ образомъ дипломатическимъ путемъ; было, однако, несомнѣнно, что сюда переносился центръ тяжести восточнаго вопроса. Та или другая комбинація зависѣла впродъ отъ нашихъ политическихъ отношеній къ другимъ державамъ; очевидно, что и въ Пекинѣ, и въ Токио, и на Амурѣ мы должны впродъ имѣть представителями весьма дальновидныхъ и ловкихъ государственныхъ людей¹⁾.

Когда пораженіе Китая Японіей, о чемъ я говорю болѣе подробно въ XXVIII главѣ, выказало значительную слабость военной организаціи Небесной имперіи, наша дипломатія воспользовавшись и успіями ея привели къ совместному съ Франціей и Германіей дипломатическому воздѣйствію на Японію, увѣнчавшемуся успѣхомъ. Японія взяла только Формозу.

Россія, конечно, имѣла право на вознагражденіе, соотвѣтствовавшее ея тогдашнимъ услугамъ. Вскорѣ по заключеніи мира пошли слухи о тайномъ русско-китайскомъ договорѣ, подписанномъ въ Пекинѣ нашимъ посланникомъ графомъ Кассини, договорѣ, который Манчжурію ставилъ въ отношеніи Россіи, какъ стоять Бос-

¹⁾ Потребовалось освѣжить весь нашъ персоналъ служащихъ на Дальнемъ Востоку, чему поможетъ Восточный институтъ во Владивостокѣ, такъ какъ единственный у насъ восточный факультетъ Петербургскаго университета упорно игнорировалъ китайскую современность и выпускалъ археологовъ, знавшихъ только «первый періодъ китайской исторіи» до 212 года до Р. Х. Надобна также большая щедрость въ расходахъ. Наша миссія въ Пекинѣ вынуждена была продать китайцамъ половину своей земли, чтобы покрыть текущіе и неотложные расходы!

нія и Герцеговина въ отношеніи Австро-Венгріи, съ тою разницею, что вмѣсто назначенія чиновниковъ мы приобретаемъ только право протеста.

Слухи объ уступкахъ Китая очень скоро подтвердились. 27-го августа 1896 г. былъ опубликованъ договоръ китайскаго правительства съ русско-китайскимъ банкомъ, организованнымъ въ 1895 г. при участіи русскаго правительства, объ образованіи общества на срокъ 80 лѣтъ для сооруженія и эксплуатаціи желѣзной дороги отъ одного изъ пунктовъ на западной границѣ Фей-Лунь-Цзянской провинціи (смежной съ нашимъ Забайкальемъ) до одного изъ пунктовъ на восточной границѣ Гпринской провинціи (смежной съ Амурской областью) и для соединенія этой дороги съ тѣми вѣтвями, которыя наше правительство построить къ китайской границѣ отъ Забайкальской и Южно-Уссурийской дорогъ. Такъ какъ Восточная китайская дорога будетъ имѣть русскую колею, общія станціи и въ полномъ составѣ пропускать поѣзда Сибирской дороги, — то, очевидно, дорога эта является лишь промежуточнымъ звеномъ Сибирской дороги Челябинскъ-Владивостокъ, въ обходъ громаднаго изгиба по теченію Амура.

Предпріятіе дороги было предположено осуществить въ теченіе шести лѣтъ обществомъ, въ которомъ членами могутъ быть лишь русскіе и китайскіе подданные. Акціонерный капиталъ ограниченъ 5 милл. р. кред.; финансовыя условія дороги опредѣлены такимъ образомъ, что хозяиномъ ея стало русское министерство финансовъ, настоявшее, вопреки мнѣнію нашихъ дипломатовъ, чтобы дорога шла по китайской территоріи. Предсѣдатель правленія назначается китайскимъ правительствомъ и является какъ бы его дипломатическимъ представителемъ, имѣя на своей обязанности наблюденіе за исполненіемъ обществомъ его обязательствъ передъ китайскимъ правительствомъ.

Права, дарованныя обществу, весьма существенны. Обществу предоставлено разрабатывать угольныя копи и эксплуатировать горыя, промышленныя и торговыя предпріятія. Багажъ и товары, перевозимые транзитомъ, освобождаются отъ китайскихъ налоговъ, равно какъ почта и телеграфъ. Для товаровъ, ввозимыхъ изъ Россіи въ Китай и обратно по желѣзной дорогѣ, пошлины уменьшаются на треть по сравненію съ пошлинами, взимаемымъ въ китайскихъ морскихъ портахъ. Для товаровъ, назначаемыхъ къ отправкѣ внутрь Китая, транзитная пошлина установлена въ размѣрѣ половины взыскиваемой съ нихъ ввозной пошлины, а засиамъ отъ всѣхъ внутреннихъ — заставныхъ и т. д. пошлинъ эти товары освобождаются. Наконецъ, обществу предоставляется имѣть своихъ агентовъ полицейскаго надзора для охраненія порядка на отвѣденной подъ желѣзную дорогу и ея принадлежностей землѣ. Число этихъ агентовъ въ виду небезопасности страны и обширности ея

будетъ, конечно, быстро увеличиваться, и подъ командою и ини-
циатива финансовъ подъ названіемъ охранной стражи быстро сфор-
мировалась уже цѣлая дивизія, къ которой прибавлена теперь ар-
тиллерія.

Восточно-китайская дорога встрѣтила возраженія въ нашей
печати. Васильевъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» нахо-
дилъ, что выгоднѣе было бы вести линію въ Удскій островъ на
Охотскомъ морѣ и заселить тундру! Подобное дикое предложеніе
не заслуживаетъ вниманія. Оставляя въ сторонѣ политическую
сторону вопроса, нельзя, конечно, не признать, что сооруженіе до-
рогъ въ Манчжуріи открываетъ новый міровой торговый путь, ко-
торый вступить въ соперничество съ нынѣшнимъ черезъ Суэскій
каналъ. Кромѣ пароходныхъ сообщеній Манчжурія заслуживаетъ
вниманія и съ точки зрѣнія горной промышленности. Она очень
богата золотомъ и извѣстно, что лѣтъ 10—15 тому назадъ наши
хищники образовали тамъ цѣлую республику на р. Желугѣ для
добычи золота. Китайцы съ трудомъ выжили ихъ оттуда, пославъ
отрядъ войскъ и казнивъ сопротивлявшихся.

Съ возрастаніемъ въ Манчжуріи земледѣльческаго населенія
увеличится въ ней и производительность жизненныхъ продуктовъ,
которые современемъ будутъ служить обезпеченіемъ въ продоволь-
ствіи нашей арміи. Это касается Манчжурія, прилегающей къ на-
шимъ Южно-Уссурійскимъ владѣніямъ, такъ какъ Манчжурія амур-
ская и сѣверно-сунгарійская уже и теперь способны прокормить
какую угодно армію.

Но далеко не всё смотрѣли такъ радужно. Если Сибирская же-
лѣзная дорога до Иркутска и до Амура являлась неизбѣжно
необходимостью не въ однѣхъ только военныхъ и административ-
ныхъ цѣляхъ, но и въ торговыхъ, и переселенческихъ, то даль-
нѣйшее ея продолженіе имѣло, по мнѣнію многихъ, значеніе глав-
нымъ образомъ стратегическое. Поэтому намъ достаточно было
добиваться кратчайшаго соединенія съ Владивостокомъ, а не хло-
потать объ обладаніи Манчжуріей.

Манчжурія родина нынѣшней китайской династіи; здѣсь, близъ
Муудена, находятся гробницы предковъ царствующаго въ Китаѣ
дома; съ этой страной связаны традиціонные интересы Китая. Съ
другой стороны, Манчжурія—важный рынокъ сбыта для англій-
скихъ, американскихъ и германскихъ мануфактуръ, и политика
«открытыхъ дверей» въ нее встрѣтитъ, несомнѣнно, сильную под-
держку у многихъ державъ (въ томъ числѣ и Японіи). Наконецъ,
это страна съ 7^{1/2} милліоннымъ населеніемъ, за настроеніе ко-
торого въ будущемъ никакъ нельзя ручаться и которое потре-
буетъ для наблюденія за нимъ цѣлую армію; надежда же на кагія-
либо выгоды въ эксплуатаціи мѣстныхъ минеральныхъ и другихъ
продуктовъ, или ввозѣ русскихъ мануфактуръ весьма сомнительна.
До сихъ поръ наши успѣхи въ торговлѣ съ Манчжуріей незна-

чительны. Отъ насъ вывозится туда только морская капуста да немного керосина, тогда какъ оборотъ тамъ другихъ государствъ составляетъ около 50-ти милл. руб. Гораздо оживленнѣе наши торговыя сношенія съ Монголіей. Джунгаріей и Кашгаріей, между тѣмъ даже такой важный торговый трактъ въ Монголію, какъ Бйльскій, ведущій въ Кобдо, находится въ ужасномъ состояніи. Затрачивая сотни миллионновъ на дорогу въ Манчжурію, мы никакъ не можемъ собраться затратить нѣсколько сотъ тысячъ на пынн-танные и необходимыя пути... Если бы половина или треть того, что израсходовано на Манчжурскую дорогу, говорили пессимисты, была бы затрачена на улучшение дорогъ въ Сибири и Россіи, то расходъ этотъ окупился бы, несомнѣнно, гораздо болѣе крупными успѣхами нашими въ экономическомъ отношеніи.

Полное присоединеніе Манчжуріи было бы намъ невыгодно и въ томъ отношеніи, что китайцы стали бы тогда заселять Сибирь и конкурировать съ русскими переселенцами.

На Восточно-китайской дорогѣ постройка рельсовыхъ линій, конечно, не остановилась. Въ pendant къ линіямъ, которыя англичане, бельгийцы и французы проектировали въ Китаѣ, и мы хотѣли провести свои линіи. При концессіи Восточно-китайской дороги было выговорено право пользованія портомъ Нью-Чжуанъ. Продолженіе старѣйшей Китайской дороги отъ Шанхай-Гуаня до Нью-Чжуана за Велпкую стѣну сначала Китай предоставилъ англійскому синдикату «Hong-Kong and Shanghai banking Corporation». Но послѣ протестовъ русскаго посланника въ Пекинѣ, между покойнымъ графомъ Муравьевымъ и сэромъ Чарльзомъ Скоттомъ состоялось въ апрѣлѣ 1899 г. соглашеніе насчетъ границъ сферы русскаго и англійскаго желѣзнодорожнаго вліянія. Русско-Китайскій банкъ получилъ участокъ проектируемой линіи отъ Пеклина на Тай-Юень (въ провинціи Шанъ-Зи) отъ Шинтунга и право на эксплуатацію горныхъ богатствъ въ районѣ участка. Наиболѣе интересно представляется дорога отъ одной изъ станцій Забайкальской желѣзной дороги на Кяхту, Ургу и Калганъ въ Пекинъ. Въ случаѣ войны эта линія будетъ обезпечена отъ нападенія непріятельскихъ флотовъ и сухопутныхъ войскъ. Даже въ томъ случаѣ, если удастся разрушить Портъ-Артуръ, русскія войска могутъ быть доставлены въ Пекинъ изъ Кяхты. Когда эта желѣзная дорога будетъ построена, Россія сдѣлается въ Пекинѣ господствующею державою.

Вслѣдъ за желѣзно-дорожною конвенціею 15-го марта 1898 года въ Пекинѣ состоялось между Россіей и Китаемъ соглашеніе, въ силу коего намъ уступлены въ пользованіе на 25-лѣтній срокъ, который, по обоюдному согласію, можетъ быть затѣмъ продолженъ, — порты Артуръ и Талиенванъ съ соотвѣтствующими территоріею и воднымъ пространствомъ. Сообщая объ этомъ, графъ Муравьевъ

оповѣстплъ, что портъ Таліенванъ будетъ открытъ для иностранной торговлп.

Немедленно послѣ подписанія соглашенія китайское правительство отправило приказаніе объ очищеніи Портъ-Артура. а 16-го марта тамъ былъ высаженъ десантъ съ русской эскадры, усиленный отрядомъ сухопутныхъ войскъ Примурскаго военнаго округа. Вступая на берегъ, адмиралъ Дубасовъ издалъ прокламацію, изъ коей оказывается, что наша территорія площадью въ 3500 кв. верстъ обнимаетъ собою часть Ляодуна, находящуюся къ югу отъ линіи, проведенной отъ крайней оконечности Портъ-Адамса къ порту Би-цзы-во.

Изъ подробнаго текста соглашенія видно, что лицу, которому будетъ вручена высшая власть въ уступаемой территоріи, не будетъ присвоено званіе губернатора или генералъ-губернатора. Всѣ китайскія войска будутъ отозваны. Частнымъ же лицамъ предоставлено остаться или выселиться, по своему усмотрѣнію. Въ первомъ случаѣ всѣ китайцы, совершившіе преступленіе, будутъ выдаваться ближайшимъ китайскимъ властямъ для наказанія, согласно VIII ст. русско-китайскаго договора 1860 г. Къ сѣверу отъ уступаемой Россіи территоріи будетъ находиться нейтральная зона, около 19000 кв. верстъ, границы которой имѣютъ быть установлены въ С.-Петербургѣ. Въ этой зонѣ власть сохраняется за собою Китай, но онъ не будетъ содержать тамъ войскъ, безъ согласія на то Россіи. Договоръ 1896 года относительно сооруженія Китайской Восточной ж. д. распространяется и на желѣзнодорожную вѣтвь къ Таліенвану или къ какому-нибудь другому пункту на морскомъ побережьи между г. Нью-Чжуаномъ и р. Ялуцзяномъ. Сооруженіе этой вѣтви не должно служить предлогомъ къ нарушенію верховныхъ правъ или цѣлости Китая.

Въ обѣихъ бухтахъ нашъ коммерческій и обезпечивающій его интересы военный флотъ приобрѣли морскія станціи, открытыя круглый годъ для мореплаванія. Рейдъ Портъ-Артура нѣсколько опасенъ при южныхъ и восточныхъ вѣтрахъ, разводящихъ высокое волненіе, и въ послѣднемъ отношеніи имѣетъ большое преимущество лежащая въ 30 верстахъ къ сѣверо-востоку обширная Таліенванская бухта. По холмистымъ побережьямъ отъ Портъ-Артура пролегаютъ двѣ дороги, которыя, какъ всѣ китайскіе пути сообщенія, находятся въ запущенномъ состояніи, но по характеру мѣстности могутъ быть легко исправлены: восточная—въ Корею, на пограничный городъ Вичжу, лежащій на р. Ялу, и западная—направляющаяся на манчжурскій открытый для европейской торговли портъ Нью-Чжуанъ и далѣе развѣтвляющаяся на сѣверъ въ Мукденъ и на западъ вокругъ Печилійскаго залива въ Шанхайгуанъ, къ воротамъ восточной оконечности великой китайской стѣны и въ Пекинъ. Въ ноябрѣ 1899 г. открылось уже движеніе по желѣзной дорогѣ отъ Портъ-Артура на Таліенванъ, переиме-

нованный въ г. Дальвій, Нью-Чжуанъ и Мууденъ. Всѣ дороги отъ Портъ-Артура и поселеній Талиенванской бухты сходятся въ городѣ Цзянь-чжоу-тинъ. Это — единственный китайскій городъ на русской территоріи, которому разрѣшено сохранить китайское управленіе, съ подчиненіемъ его мууденскому цзянь-цзюню, что, конечно, не совсѣмъ удобно. Китайцы, особенно городскіе, достаточно смѣтлывы и практичны, чтобы не видѣть преимуществъ новаго порядка вещей, установившагося на Квантунскомъ полуостровѣ, поэтому Портъ-Артуръ, подобно Владивостоку, сталъ тѣмъ значнымъ мѣстомъ, куда стекаются китайцы на заработки изъ переполненной Шандунской области.

Занятая нами позиція намъ очень выгодна для развитія торговли на Дальнемъ Востокѣ, а также для охраны нашихъ политическихъ интересовъ въ сѣверномъ Китаѣ. Она не должна бы возбуждать зависти англичанъ, такъ какъ отсюда Россія не угрожаетъ ни сообщеніямъ Англии съ Китаемъ, ни ея сферамъ влияния въ южныхъ и среднихъ областяхъ Небесной имперіи.

Но для многихъ эта блистательная перспектива неубѣдительна и верѣдко задается вопросъ, существенно ли необходимымъ для Россіи Портъ-Артуръ, отдѣленный громаднымъ пространствомъ отъ русскихъ предѣловъ, находящійся на концѣ выдвинутого далеко къ югу гористаго полуострова и требующій для своей охраны значительнаго отвлеченія силъ и денежныхъ средствъ? Выгоднѣе, говорятъ, сосредоточеніе, а не раздробленіе силъ, сокращеніе, а не расширеніе расходовъ. А владѣя Портъ-Артуромъ, слѣдуетъ ждать значительной затраты средствъ для поддержанія и упроченія нашей восточной границы. Необходимо будетъ примириться съ фактомъ громадныхъ расходовъ по отправкѣ и содержанію войскъ, значительное число которыхъ должно будетъ оставаться навсегда въ отдаленномъ краѣ, и съ возможностью дальнѣйшихъ осложненій на Тихомъ океанѣ. Наша восточная окраина должна будетъ сосредоточить на себѣ еще большее вниманіе, чѣмъ Туркестанъ и Кавказъ. Это потребуетъ усиленнаго напряженія силъ и существеннаго расширенія бюджета. Такое расширеніе предполагаетъ возрастаніе въ Россіи достатка и поднятія платежныхъ средствъ населенія. Къ сожалѣнію, послѣдняго не замѣчается и новыя владѣнія вытянутъ только изъ центра Россіи въ Китай сотни милліоновъ рублей, когда мы сами нуждаемся въ капиталахъ и не имѣемъ оборотныхъ средствъ для существующихъ заводовъ и фабрикъ.

Затѣмъ, къ сожалѣнію, какъ только обнаружилась слабость Китая, и другіе европейцы быстро стали вторгаться въ его предѣлы и захватывать значительные участки прибрежной территоріи подъ видомъ болѣе или менѣе долгосрочныхъ арендъ. Еще ранѣе насъ, чтобы отомстить за убійство двухъ своихъ подданныхъ, Германія въ ноябрѣ 1897 г. высадила въ Шантунгѣ и забрала Кіао-

шау близъ входа въ Печилійскій заливъ. Англичане вслѣдъ за нѣмцами немедленно вторглись въ нашу естественную сферу влияния и заняли Ве-Ха-Вей, насупротивъ Портъ-Артура, въ недалекомъ отъ него разстояніи, несмотря даже на то, что за нѣсколько дней до подписанія Пекинскаго договора Россія отказалась отъ нѣкоторыхъ пріобрѣтенныхъ ею правъ и преимуществъ въ Корей, гдѣ, по мнѣнію многихъ, намъ лучше было основаться, чѣмъ на Ляодунѣ. Но Ве-Ха-Вей показалось мало англичанамъ, и они потребовали часть китайскаго материка насупротивъ Гонконга и протектората надъ всѣмъ громаднымъ бассейномъ Янь-Це-Кіанга. Впрочемъ и ранѣе, какъ бы въ вознагражденіе за неудачу, повнесенную въ дѣлѣ займа, который Китай передалъ бельгійско-французскому консорціуму, Англія заключила съ Китаемъ весьма выгодный для ея интересовъ договоръ, касающійся регулльрованія бирманской границы. Договоромъ 1895 г. и Франціи удалось, подъ видомъ исправленія границы владѣній въ Аннамѣ, увеличить эти владѣнія 12,000 кв. вил. и, сверхъ того, выговорить себѣ важныя торгово-политическія льготы, открывающія передъ нею перспективу завоевать, пользуясь Красною рѣкою и рельсовыми путями, для своей торговли провинціи Куангси и Юннань. На тѣ же провинціи были, однако, обращены также взоры Англіи, и ея дипломатія добилаься открытія Западной рѣки, благодаря чему въ будущемъ продукты Куангси направятся не во французскія колоніи, а въ британскій Гонконгъ.

Вслѣдъ затѣмъ и послѣдовалъ второй походъ. Пользуясь тѣмъ, что уступкою Франціи части Кіангхунга, который считался принадлежностью Бирманіи, Китай нарушилъ, будто бы, заключенный въ 1894 г. съ Англіей договоръ, британское правительство потребовало пересмотра этого договора. Въ вознагражденіе за уступленную Франціи часть Кіангхунга, Китай уступилъ Англіи Кюангъ и сверхъ того отдалъ ей въ вѣчную аренду области, расположенныя къ югу отъ рѣки Намвань. Англіи разрѣшено также учредить консульства въ различныхъ торговыхъ центрахъ Юннана и выдана концессія на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ въ этой области. Желая вознаградить себя, французы обратили вниманіе на Квангъ-Чжеу-Кванъ и заставили отдать его себѣ.

Эта политика, по остроумному замѣчанію французскаго министра иностранныхъ дѣлъ г. Делькассэ, основана только на желаніи получить кусокъ не менѣе, чѣмъ получили другіе, и, по видимому, «національное самолюбіе состоитъ теперь въ томъ, чтобы проголодаться, хотя бы и ѣсть не хотѣлось, разъ вашъ сосѣдъ дѣлаетъ видъ, что хочетъ сѣсть за столъ». Г. Делькассэ не одобряетъ ни подобнаго фальшиваго аппетита, ни того, что досталось въ Китаѣ Франціи. Германія нуждается въ портахъ внѣ Европы и рада всякому порту, но Франція имѣла уже Бизерту, Обокъ и Сайгонъ, которые стоило только укрѣпить какъ слѣдуетъ. Если

ей былъ нуженъ портъ въ Китаѣ. то гдѣ-нибудь на сѣверѣ, поближе къ Пекину, а не на югѣ. Къ тому же Квантъ-Чжеу-Квань имѣетъ мелководный баръ и потому для французскаго военнаго флота бесполезенъ.

На югѣ Китая Франція и безъ того владѣетъ цѣлой имперіей: Тонкинъ, Аннамъ, Кохинхина, Камбоджа, Лаосъ занимаютъ территорию въ два раза болѣе обширную, чѣмъ Франція, съ 30 миліонами жителей и значительными природными богатствами. Да и что можетъ еще достаться Франціи отъ раздѣла Китая? Богатыя провинціи Юннанъ и Сечуанъ, по договору 1896 г., недоступны для захвата ни для Франціи, ни для Англіи. Оставался Куанси — бѣднѣйшая провинція Китая, изобилующая только разбойниками!

Вслѣдъ за Франціей потянулась и Италия, но ея попытка захватить кусокъ китайской территоріи встрѣтила отказъ. Даже Австро-Венгрія обсуждала, не пора ли ей попросить кусокъ Китая и стать колониальной державой. Одна Америка, сытая послѣ грабежа Испаніи, не желала принимать участія въ раздѣлѣ Китая. Американское правительство сдѣлало даже всѣмъ державамъ представленія, направленные къ соблюденію договоровъ съ Китаемъ. Бонтинентальныя державы предложили вашингтонскому кабинету потребовать отъ Китая уступки территоріи, но кабинетъ отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ.

Такимъ образомъ вопросъ раздѣла Китая, особенно при примѣненіи знаменитой теоріи о Hinterland'ѣ, на бумагѣ былъ почти рѣшенъ, но пословица говоритъ, что далеко губамъ отъ чаши, и я думаю, что нѣсколькимъ тысячамъ европейцевъ не такъ-то будетъ легко проглотить гигантскую массу китайцевъ.

И у насъ есть охотники, которые предлагаютъ воспользоваться затрудненіями Китая и приступить поскорѣй къ его раздѣлу. Намъ, напримѣръ, рекомендуютъ забрать ближайшую сосѣдку нашей Сибири Монголію, которая все болѣе и болѣе начинаетъ интересовать русскаго человѣка. Стремленіе къ мирному занятію этой страны становится замѣтнѣе и замѣтнѣе, и нынѣ наша колонизація въ Монголіи уже становится въ такія рамки, что необходима помощь и участіе правительства. Но такая политика была бы для насъ крайне невыгодной. Очевидно, что при раздѣлѣ Китая намъ, по географическому нашему положенію, достались бы только Застѣнныя, сѣверныя, холодныя или пустынныя области, тогда какъ другія державы воспользовались бы богатыми и населенными провинціями. Нашъ политическій интересъ — не допускать такого невыгоднаго дѣлежа Китая и стараться только удержать его въ дружественной зависимости ¹⁾.

¹⁾ Болѣе умѣренные находили, что намъ достаточно обоудовыгоднаго въ военномъ отношеніи исправленія границъ. Флорисскій, спеціально изучившій этотъ вопросъ, находилъ, что пограничная черта Сибири съ Китаемъ должна была бы идти отъ восточныхъ склоновъ Алатау, со включеніемъ въ наши пре-

И не задаваясь присоединеніемъ, мы мало-по-малу прочно въѣдрялись въ китайскія владѣнія. Подъ руководствомъ г. Кербедза, наши инженеры быстро построили около двухъ тысячъ четырехсотъ верстъ желѣзныхъ дорогъ. Но эта поспѣшность имѣла и свои дурныя стороны. Дорога стоила кладбища, драгоценныя для китайцевъ, съ ихъ почитаніемъ предковъ; вознагражденіе за отчужденіе возлагалось на китайское правительство, т. е. населеніе ничего не получало; китайскіе подрядчики обирали рабочихъ не хуже русскихъ. Словомъ, мы распоряжались въ Манчжуріи, какъ у себя дома, и рѣчь даже шла о введеніи въ Харбинъ городского положенія!

Между тѣмъ китайцы всегда были настроены противъ европейцевъ и вовсе не питаютъ симпатій къ русскимъ. Китайцы съ трудомъ переносятъ и японцевъ, съ которыми, однако, у нихъ много общихъ чертъ. Это недовольство мало замѣчалось, потому что европейцы имѣли дѣла съ очень ограниченнымъ числомъ лицъ: съ представителями правительства и съ торговымъ міромъ. Но и они твердили: «ваша цивилизація, которую вы намъ такъ безцеремонно навязываете, намъ не нужна, и объ одномъ мы просимъ: оставьте насъ въ покоѣ, дайте жить такъ, какъ мы хотимъ...» Но на эти слова мало обращалось вниманія и европейцы пренебрегали мѣстными условіями. Китайцы волновались, но терпѣли, пока не была затронута культя предковъ.

Китайская полиція также подвергалась важнымъ замѣшательствамъ и рѣчь зашла о сверженіи съ трона богдыхана Гуангъ-Сюя. Послѣдній неудачный правитель даже по восточнымъ понятіямъ. Въ свою защиту Гуангъ-Сюй можетъ только сказать, что онъ правилъ не по своей волѣ. Съ 1875 г., когда дворцовый заговоръ, устроенный его теткою, вдовствующею императрицей, энергическою женщиною, возвелъ его, трехлѣтняго мальчика, на престолъ, императору никогда не позволяли сколько-нибудь долго дѣйствовать по собственной инициативѣ. Отъ времени до времени возникали, впрочемъ, слухи объ его попыткахъ проявить свою независимость. По внушенію Кангъ-Ю-Вей онъ обнародовалъ даже осенью 1898 г. рядъ бумажныхъ реформъ, начиная съ преобразо-

дѣлы долины Чулчука и всего Чернаго Пртыша, по рѣкѣ Урунгу, огибая весь Малый Алтай и направляясь далѣе на Улясутай и на верховья р. Орхона, или по крайней мѣрѣ Селенги. Въ Забайкальской области граница могла бы остаться прежняя, за исключеніемъ нижняго теченія Аргуня и верхняго теченія Амура до Благовѣщенска, гдѣ китайскія владѣнія слишкомъ вдаются на сѣверъ въ русскую территорию, стѣнныя доступъ въ Амурскую область. Для удобства пользованія Амуромъ на этомъ протяженіи, было бы значительно выгоднѣе отодвинуть границу на этомъ участкѣ болѣе на югъ, къ одному изъ хребтовъ Дауринъ, въ направленіи отъ Цурухайту на Благовѣщенскъ. Наконецъ, на самомъ востокѣ уссурійская граница могла бы быть передвинута отъ оз. Ханка прямо на Сунгаря, ниже города Саяъ-Сингъ, и вдоль по этой рѣкѣ до Амура.

ванія фінансоваго управленія и кончая пошеніемъ кося, но этотъ шагъ илчѣмъ не кончился.

Недовольные своимъ правительствомъ, китайцы оставались далеко не равнодушны къ расчлененію своего древняго государства. Мало-по-малу возникло сильное національное движеніе. Секты Большого Кулака и др. открыто стали проповѣдывать гоненіе на христіанъ-китайцевъ и истребленіе иностранцевъ. Представители державъ, какъ только опасность стала обрисовываться, обратились къ пекинскому правительству съ энергичными представленіями. Губернаторы провинцій поспѣшили издать грозныя прокламаціи, но большого дѣйствія эти прокламаціи не произвели. Правительство и чиновники не особенно интересовались подавить движеніе и дѣйствовали противъ сектъ лишь настолько, насколько требовалось, чтобы предупредить вмѣшательство европейскихъ державъ. Мандарины и ученые даже поощряли движеніе, опасаясь, какъ бы отъ все болѣе усиливающагося вліянія иностранцевъ не пострадало ихъ собственное.

Когда возстаніе стало открытымъ, оказалось, что китайское правительство не въ состояніи его подавить, къ тому же государственные люди Китая сильно расходятся во взглядахъ. Самую могущественною партією является та, во главѣ которой состоитъ вдовствующая императрица, и партія эта относится къ иностранцамъ недружелюбно. Партія, желавшая положить конецъ беспорядкамъ, была въ меньшинствѣ.

Такое положеніе вызвало убійства миссіонеровъ, германскаго посланника, атаки Таку и Тянь-Цзуня и посылку въ Китай экспедиціоннаго корпуса великихъ державъ и Японіи.

Россія, опасаясь за спокойствіе Манчжуріи, гдѣ китайцы въ отмстку за бомбардировку Таку напали на желѣзную дорогу и бомбардировали Благовѣщенскъ, приняла участіе въ этой экспедиціи и въ походѣ на Пекинъ, но это участіе благоразуміе требуетъ разсматривать только какъ эпизодъ. Для насъ Китай близкій сосѣдь и мы не можемъ смотрѣть на китайцевъ, какъ на существа низшаго порядка, предназначенныя къ эксплуатированію.

Въ китайскомъ мятежѣ виновата сама Европа, которая и расплачивается теперь за свои грѣхи, почему въ хорѣ усмирителей Китая мы являемся со своими совершенно особыми интересами. Для насъ важнѣе всего и впредь не допускать серьезнаго вмѣшательства въ дѣла Китая японцевъ, а съ наускупанья послѣднихъ и начали свое усмиреніе Китая наши вѣчные и повсемѣстные враги англичане. Они воспользовались также китайскими замѣшательствами, чтобы попробовать захватить Шанхай, но французы, повидимому, не пожелали здѣсь дать повториться египетской исторіи.

Въ людяхъ понимающихъ русскіе интересы въ Китаѣ недо-

статка у насъ никогда не было. Графъ Пгнатъевъ, прїѣхавшій въ 1860 г. въ Пекинъ съ 19 казаками, понялъ, что надобно принять въ защиту китайцевъ, а не европейцевъ. Покойный адмиралъ Поповъ, командовавшій тихоокеанскою эскадрой, во время усмиренія тайпинговъ рѣшительно отказался помогать европейцамъ въ усмиреніи послѣднихъ, сознавая, что слабость Китая и внутреннія его неурядицы и составляютъ нашу силу на Дальнемъ Востока. Помогать замѣнить слабый Китай сильными европейскими колониальными владѣніями было бы безуміемъ.

Все это даетъ основаніе полагать, что мы помпримся съ Китаемъ, какъ только въ Пекинѣ образуется твердое правительство, которое могло бы гарантировать безопасность иностранцевъ, находящихся въ Китаѣ, строго наказывать зачинщиковъ мятежа и дать вознагражденіе за все пролзошедшее. Такое правительство должно, конечно, самымъ искреннимъ образомъ поддерживаться Россіей. Сразу умиротворить Манчурію и съ нею правый берегъ Амура нѣтъ никакихъ средствъ и будетъ вполне достаточно, если мы обезпечимъ себя отъ внезапныхъ нападеній. Занятіе праваго берега Амура вполне обезопасило бы насъ отъ повторенія такихъ случаевъ, какъ обстрѣливаніе Благовѣщенска. Затѣмъ намъ нужно достроить Восточно-китайскую желѣзную дорогу, для чего придется занять отрядами съ артиллеріей нѣкоторые пункты дороги и сдѣлать самое населеніе отвѣтственнымъ за сбереженіе пути. Однако, ради самой дороги не желательно присоединять къ нашимъ границамъ нѣблизкихъ новыхъ территорій въ средней и южной Манчуріи. Иначе сооруженіе это, поглощая всѣ избытки наши, приведетъ Россію къ разоренію, а обогатитъ только строителей дороги.

Оставленіе праваго берега рѣки во власти китайцевъ будетъ всегда сопряжено съ рискомъ не только для плаванія по Амуру, но и для нашихъ селеній и городовъ на лѣвомъ берегу. Сообщеніе по сушѣ вдоль Амура весьма затруднительно, но болѣе удобно по китайскому берегу. Эта прибрежная китайская полоса къ югу ограждена горами, которыя и могутъ быть разсматриваемы какъ естественная граница Амурскаго края. По этимъ горамъ и могла бы быть проведена русская граница, которую слѣдуетъ и укрѣпить въ подходящихъ мѣстахъ. На уступку Россіи такой полосы взаимныя контрибуціи, вѣроятно, не встрѣтятся особыхъ препятствій ни со стороны Китая, имѣющаго на берегу Амура только одинъ городъ Айгунь, ни со стороны другихъ державъ.

XXVII. К О Р Е Я.

Бездеремонное занятіе англичанами одного изъ острововъ около Корея, когда они своими протестами заставили насъ еще въ 1861 г. покинуть занятый тамъ же, по договору съ однимъ японскимъ феодаломъ, островъ Цусима, невольно наводило на печальныя размышленія о долготѣтней небрежности нашей по отношенію къ устройству военнаго порта въ открытомъ океанѣ, который могъ бы служить базисомъ для операцій военныхъ крейсеровъ¹⁾.

Съ непонятнымъ легкомысліемъ брошенъ былъ военный портъ— Петропавловскъ въ Камчаткѣ, который хотя и очень удаленъ, но имѣетъ достоинства. Избранный вмѣсто него для военныхъ цѣлей Николаевскъ - на - Амурѣ оказался неподходящимъ по продолжительной замерзаемости, по мелководію Амурскаго лимана и вообще по трудной доступности для военныхъ судовъ. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, военный портъ былъ перенесенъ во Владивостокъ, который замерзаетъ и безъ солидныхъ укрѣпленій можетъ быть разрушенъ бомбардировкою издали или отрѣзанъ отъ материка высадкою. Поэтому въ 1880 году возникло предположеніе перенести военный портъ въ Ольгу, но по разнымъ соображеніямъ, довольно основательнымъ, это перенесеніе не состоялось.

Владивостокъ теперь сильно укрѣпленъ и обращенъ въ Севастополь Японскаго моря. Слабая часть нашей позиціи, островъ Русскій, обращена укрѣпленіемъ въ неприступную, и вообще въ настоящее время существуетъ уже мѣтне, что этотъ портъ удовлетворяетъ всѣмъ нашимъ государственнымъ потребностямъ. Изъ Золотого Рога есть два удобные выхода въ Амурскій и Уссурийскій заливы. Затѣмъ самыя узкія мѣста Восточнаго и Западнаго Корейскихъ проливовъ имѣютъ не менѣе 25 миль, при глубинѣ

¹⁾ Въ «Рус. Вѣстникѣ» г. Вѣломоръ разсказываетъ, какъ мы упустили изъ своихъ рукъ о. Цусима, занятый въ началѣ шестидесятихъ годовъ. Японія тогда была почти закрыто намъ, въ ней у насъ имѣлся плохенькій консулъ Гошкевичъ, совершенно растерявшійся отъ натиска англичанъ, недовольныхъ сдѣланнымъ нами пріобрѣтеніемъ. Англійскій адмиралъ Гонъ, прослышавшій о пребываніи русскаго судна въ Японіи, началъ немедленно искать нашего флагмана по всѣмъ портамъ Восточнаго океана, чтобы оставить ему протестъ противъ пребыванія русскаго на Цусимѣ. Онъ добился, что вопросъ былъ перенесенъ на берега Невы. По прибытіи въ Петербургъ, адмиралъ Лихачевъ, командовавшій нашей эскадрою въ Тихомъ океанѣ и бывшій инициаторомъ занятія, нашель, какъ и слѣдовало ожидать, министерство иностранныхъ дѣлъ весьма озлобленнымъ. Государемъ онъ былъ принятъ хорошо; но чрезъ день или два государь приказалъ созвать особый комитетъ подъ своимъ личнымъ предѣлательствомъ. Въ этомъ комитетѣ Горчаковъ говорилъ очень горячо противъ занятія Цусимы, а великій князь Константинъ Николаевичъ защищалъ уже сдѣланное. Прочіе молчали. Въ заключеніе государь поставилъ вопросъ: стоитъ ли воевать изъ-за Цусимы съ Англіею? Рѣшеніе могло быть одно только. Оно состояло въ томъ, что Россія отказалась отъ Цусимы. Такимъ образомъ мы потеряли важный пунктъ, благодаря которому съ незначительными силами могли безусловно господствовать на этомъ столь важномъ для насъ морскомъ пути.

50 сажень,—а это такая ширина, при которой, при настоящем состоянии артиллерии и минного дела, невозможно действительное ограждение. Если же против прорыва нашего флота неприятель предпримет ограждение проливов военным флотом, то этот флот должен быть вдвое сильнее нашего, потому что расстояние между проливами 25 миль и заградить оба пролива одновременно можно только двумя отдельными эскадрами. Кроме корейских проливов, Японское море имеет еще другой вполне удобный выход в океан—Лаперузовым проливом, запереть который, при его ширине и большой глубине, также невозможно иначе, как сильным флотом. Расстояние от Владивостока как до Лаперузова пролива, так и до обоих корейских одно и то же, около 500 миль, и телеграфная станция Корсаковского поста может во-время дать знать во Владивосток о приходе в Лаперузов пролив неприятельского флота.

Против замерзаемости порта теперь употребляются сильные ледоколы. Во всяком случае одного Владивостока крайне недостаточно для операций крейсерской войны. Порт этот чрезвычайно удален не только от России и Северной Америки, т. е. от тех мест, которые должны снабжать его боевыми припасами, людьми и всякого рода необходимыми ему предметами, но и от операционных линий русской крейсерской войны. До ближайших японских и китайских портов от Владивостока от 2 до 5 дней хода и то на первоклассных пароходах. Берега Приморской области имеют только одно преимущество для крейсерской войны, это свои знаменитые туманы. Туманы дадут возможность легко прорывать блокаду.

Совсем иначе было бы поставлено дело крейсерства, если бы военно-морская станция устроилась в одном из незамерзающих корейских портов. И по географическому положению, и по доступности для военных судов в течение круглого года, а не в летние и осенние только месяцы, эти пункты были бы чрезвычайно полезны, как опорные для крейсерской войны, поэтому-то англичане, по всей вероятности, так ревниво на них и поглядывали, а наши дипломаты не только боялись занимать их, но и по отношению к Корее только в самое последнее время изменили свою политику.

Корея, как известно, оставалась закрытою для иностранной торговли. В 1880 году американский корвет «Ticonderoga» пришел в Фузань и через японского консула послал письмо в столицу Кореи. Письмо было возвращено нечитанным и корвет, простояв три дня, ушел. Корейцы припомнили, что американцы нападали на их селения у р. Кока. В это же время русский уполномоченный вел в Онджю-Ю переговоры о заключении торгового трактата, но также безуспешно. По этому поводу рассказывали, что корейское правительство думало перенести столицу

въ одинъ пзъ имѣющихъ открытыя портовъ. Но слухъ okazaлся преждевременнымъ. Корея не осталась, однако, вовсе недоступною для вѣшной торговли. Японцы съ начала семидесятыхъ годовъ получили здѣсь концессию, но до 1873 г. ворота концессии стереглись корейскими часовыми и число торговцевъ было ничтожно. Послѣ экспедиціи 1876—77 года японцы вынудили у корейцевъ открытіе для себя двухъ портовъ, гдѣ устроили факторіи, а также добились права ѣздить свободно до города Тукунейпфу. Торговля съ Кореей оказалась весьма выгодной, но пзъ привозимыхъ японцамъ товаровъ въ Корею только одна десятая часть состояла пзъ произведеній самой Японіи, а девять десятыхъ были европейскія мануфактурныя произведенія. Такимъ образомъ японцы, являясь лишними посредниками и пвлекая выгоды и для себя, возвышали цѣну товаровъ на 10—20% и тѣмъ уменьшали ихъ сбытъ. Въ 1882 г. Шуффельдъ, прибывшій въ Корею на американскомъ корветѣ «Swanage», добился переговоровъ съ корейцами и заключилъ торговый договоръ. По этому договору для американцевъ были открыты въ Корее три порта: Ренъ-Шинъ, Фузанъ и Генсанъ. По полученіи извѣстія объ этомъ, тотчасъ же отправились на своихъ судахъ въ Корею, для заключенія подобныхъ же договоровъ: англійскій адмиралъ Уоллэсъ, французскій адмиралъ Менаръ и германскій командиръ, и каждому удалось выговорить какія-либо уступки для своей націи. Хотя послѣ означенныхъ уступокъ въ Корее произошелъ родъ революціи, но послѣдняя на открытіе корейскихъ портовъ не повліяла.

Для американцевъ торговля съ Кореей имѣетъ второстепенное значеніе, хотя американцы желали даже замѣнить корейцами, какъ рабочими, китайцевъ, основываясь на примѣрѣ переселенія корейцевъ на русскую территорію. Разсчетъ американцевъ окажется, вѣроятно, ошибочнымъ, такъ какъ корейцы выказываютъ болѣе наклонности къ земледѣльческой осыдлости, чѣмъ къ работѣ пролетарія, а американцамъ вовсе не нужно, чтобы корейцы сдѣлались у нихъ земледѣльцами-собственниками, какъ на русской территоріи. Даже для Японіи торговля сношенія съ Кореей не слишкомъ существенны, ибо главные предметы корейской производительности: рисъ, хлѣбъ, маисъ, тѣ же, что и въ Японіи; поэтому привозъ, какъ мы сказали, состоитъ не изъ японскихъ пздѣлій, а изъ европейскихъ. Затѣмъ, по избытку своего населенія, японцы не нуждаются въ рабочихъ изъ Кореи. Совсѣмъ въ другомъ положеніи находится по отношенію къ Корее Россія. Мы имѣемъ непосредственную границу съ Кореей; нашъ Уссурійскій край нуждается въ скотѣ, овсѣ, просѣ, табакѣ и мясѣ и другихъ произведеніяхъ корейскаго земледѣлія; наконецъ, и въ прежнее время тысячи корейцевъ находили себѣ работу въ нашихъ владѣніяхъ, пробираясь тайкомъ черезъ границу или пріѣзжая по морю на лодкахъ. Очевидно, что при открытіи корейской границы эта торговля и эмиграція воз-

росли бы въ огромной пропорціи, почему Россія и должна была спѣшить послѣдовать примѣру предприимчивыхъ американцевъ и заключить отдѣльный торговый трактатъ съ Кореей. Надобно удивляться даже, какъ мы, ближайшіе сосѣди Кореи, не успѣли сдѣлать этого гораздо ранѣе американцевъ.

При этомъ кстатѣ замѣтить, что торговля съ Кореей для насъ вовсе не новость. Корейцы торговали съ Россіей еще въ XVII столѣтіи, именно приходя въ Нерчинскъ и Наунь, а также на Аргунь, потому что торговать въ Пекинѣ китайскіе императоры корейцамъ запретили, изъ опасенія конкуренціи. Въ Наунь и Нерчинскъ корейцы привозили шелковую обойную бумагу, посуду, золотую и серебряную бумагу, бумажныя матеріи, цыновки, вѣера, табакъ, золото, шелкъ-сырецъ, китайскія шелковыя матеріи; брали же отъ русскихъ мѣха. Правда, мы мало ушли впередъ по части активной торговли съ XVII столѣтія, но можемъ утѣшить себя, что и корейцы не очень-то быстро шагали съ тѣхъ поръ на пути прогресса.

Наши переговоры получили бы совсѣмъ другое направленіе, если бы, по примѣру извѣстной экспедиціи американскаго командора Перри въ Японію, открывшей эту страну для всемірной торговли, наши представленія были поддержаны тихо-океанскою эскадрою въ полномъ составѣ. Корейцы едва ли согласились бы противиться такой внушительной демонстраціи. Мы же, послѣ неудачной попытки нашихъ моряковъ въ 1866 г. начать торговлю съ корейцами въ заливѣ Браутона, ограничились мѣновымъ торгомъ по сухопутной границѣ Южно-Уссурійскаго края. Только въ 1885 г. удалось намъ, уже послѣ другихъ державъ, заключить торговый договоръ съ Кореей, и этого добились мы не столько самостоятельными успѣхами дипломатіи, сколько вліяніемъ Китая, который допущеніемъ европейцевъ думалъ парализовать опасное для него преобладаніе въ Корей японцевъ. Договоръ явился точною копіею англійскаго трактата; имъ былъ установленъ порядокъ производства сношеній между Россією и Кореею только морскимъ путемъ, хотя сношенія эти не имѣли въ то время никакого значенія для Россіи, такъ какъ морской русско-корейской торговли не существовало.

Въ этотъ-то моментъ англо-китайская печать, подъ вліяніемъ опасенія войны Англій съ Россіей изъ-за Афганистана, приписала намъ рѣшительное намѣреніе занять портъ Лазаревъ (Генсанъ). Быстрое въ своихъ рѣшеніяхъ англійское правительство немедленно, о чемъ я говорилъ нѣсколько разъ, заняло и укрѣпило островъ Гампльтонъ въ Корейскомъ проливѣ. Захватъ корейскаго острова, состоявшаго въ вассальной зависимости отъ Китая, вызвалъ со стороны послѣдняго протестъ, къ которому присоединилось и наше правительство. Дипломатическая переписка между Россіей, Китаемъ и Великобританіей привела къ эвакуаціи Гампльтона въ началѣ 1887 г. Но это было незначительнымъ успѣхомъ нашей дипломатіи.

Такъ какъ со времени занятія Южно-Уссурийскаго края мы стали непосредственнымъ сосѣдомъ Кореи, и по сухопутной границѣ съ послѣднею у насъ возникла мѣновая торговля, которая постепенно начала развиваться по мѣрѣ заселенія названнаго края и усиленія расположенныхъ въ немъ войскъ, то въ видахъ урегулированія этихъ сношеній, послѣ продолжительныхъ переговоровъ съ корейскимъ правительствомъ были выработаны «правила для сухопутной торговли съ Корею», которыя и были подписаны въ 1888 г.

Обстоятельства измѣнились съ Японско-Китайской войны, вслѣдствіе положенія, занятаго нами послѣ Симонсекскаго трактата. Вынужденная въпательствомъ Россіи очистить Ляодунскій полуостровъ и Корею, Японія приложила всѣ старанія къ тому, чтобы дипломатическими средствами и при содѣйствіи части корейскаго чиновничества и войска захватить въ свои руки правительственную власть въ Сеулѣ. Предлогомъ же, чтобы не уводить изъ Кореи свой отрядъ, японцы выставляли опасеніе, что въ случаѣ ухода ихъ многочисленные японскіе резиденты будутъ перерѣзаны — опасеніе, повидному, не лишнее основанія.

Причина ненависти къ японцамъ лежитъ въ томъ, что они, произведя въ Корей, во время своего полномасштабнаго, нѣсколько полезныхъ реформъ: уничтоженіе рабства, мучительныхъ казней и пытокъ, отмену разныхъ привилегій и т. п., въ своемъ реформаторскомъ рвеніи коснулись и предметовъ второстепенныхъ, но дорогихъ корейцамъ. Японцы, напр., хотѣли заставить корейцевъ носить цвѣтныя платья и всѣхъ обстричь подъ гребенку. Въ этомъ случаѣ надобно только двинуться, какъ реформаторы походятъ между собою во всѣхъ шпротахъ.

Борьба при дворѣ въ Сеулѣ двухъ партій, японофильской и національной, представительницею которой считалась королева и ея родственники (фамилія Минъ), привела къ трагической развязкѣ. Въ октябрѣ 1895 г. корейскіе солдаты и японскіе сосп напали на дворецъ, убили королеву и часть свиты, арестовали короля и провозгласили диктатуру бывшаго регента Тай-вэнгуна. Это убійство возбудило въ Корей общее негодованіе и японское правительство отозвало своего посланника, подозрѣвавшагося въ соучастіи съ убійцами.

Наши дипломаты удачно воспользовались такимъ настроеніемъ и, опираясь на нашу тихо-океанскую эскадру, совершенно теперь преобразованную и ни въ чемъ не уступающую англійской, дали понять, что не допустятъ впредь нарушенія порядка и правъ короля Ли-хуя. Послѣдній, однако, не довѣрялъ своему антуражу и въ февралѣ 1896 г. переѣхалъ въ русскую дипломатическую миссію, для охраны которой прибыла изъ Чемульпо команда нашихъ матросовъ.

Указъ короля, объяснявшаго свой поступокъ недоувѣріемъ къ

японофильствующимъ министрамъ, вызвалъ убійство двухъ изъ нихъ чернью, а остальные министры были, по приказанію короля, казнены и назначенъ новый кабинетъ подъ предсѣдательствомъ Кимъ-Тюнаси. Эти факты съ достаточною ясностью показываютъ эфемерность пресловутой независимости Кореи, установленной Симонсекскимъ договоромъ. Для Россіи положеніе въ будущемъ Корее имѣеть существенное значеніе и распространяться, насколько желательно и необходимо включить Корею въ сферу русскаго вліянія, насколько это важно для сохраненія не только нашего престижа, но и безопасности нашей восточной границы, излишне. Последнее признается и нашими противниками. Протекторатъ Россіи совершился самъ собою. Король былъ въ нашихъ рукахъ и ничего намъ отъ Кореи требовать болѣе не слѣдовало, а, напротивъ, нужно было помочь ей отдѣлаться отъ японцевъ. Для этого слѣдовало пособить корейцамъ организовать армію, найдя пригодные для того элементы въ ея населеніи.

Корейскій король, найдя убѣжище въ стѣнахъ русской миссіи, обратился къ нашему правительству съ просьбою о присылкѣ инструкторовъ изъ Россіи. Еще въ 1884 г. корейцы просили о томъ же; была даже сильная партія, желавшая перехода всей Кореи подъ русскую державу. На этотъ разъ просьба была уважена. Посланъ былъ полковникъ Путята, нѣсколько офицеровъ и унтер-офицеровъ, которые изъ имѣвшихся 5 батальоновъ японскаго обученія выбрали 1,000 человекъ, раздѣлили на 5 ротъ, вооружили берданками и прошли съ ними всю солдатскую школу. Затѣмъ прибыли новые русскіе инструкторы и скоро могла создаться національная корейская армія, которая положила бы прочное начало независимости Кореи отъ вазалливыхъ японцевъ. Ту же цѣль преслѣдовало соглашеніе между Россіей и Японіей 28-го мая 1896 г., по которому былъ установленъ родъ содоминіум'а. Россія и Японія обязались содѣйствовать корейскому королю въ дѣлѣ прочнаго обезпеченія порядка, временно нарушеннаго вслѣдствіе сотрясеній, вызванныхъ китайско-японскимъ столкновеніемъ, для чего телеграфы оставались въ ихъ рукахъ и каждое изъ нихъ могло имѣть въ Корее небольшое число войскъ. Заграницей этотъ договоръ былъ понятъ въ смыслѣ дипломатической побѣды Россіи, но на дѣлѣ японцы и не думали уходить, а стали упрочивать свои стоянки постройками казармъ въ Фузанѣ, Гензанѣ и проектомъ казармъ въ Сеулѣ, просить о постройкѣ Сеульско-Фузанской дороги и др.

Король, человекъ развитый и даже ученый, находясь въ русскомъ посольствѣ, вздохнулъ свободно, но мало-по-малу сторонники Россіи отступили отъ нея, перейдя на сторону японцевъ, американцевъ и англичанъ. Отъ короля его подданные потребовали, чтобы онъ не только отослалъ русскіхъ инструкторовъ, но и вообще отказался отъ общенія съ русскими. Душою этого дѣла состоялъ обласканный

въ Россіи Юнь-чи-хэ, пособниками—японцы, разные американскіе и европейскіе проходимцы и цѣлый рядъ воспитанныхъ въ Японіи «корейскихъ патриотовъ». Корейцы необыкновенно любятъ заниматься политикою и въ Сеулѣ существуетъ даже клубъ «независимости». При отцѣ нынѣшняго короля было казнено 170,000 подобныхъ «независимыхъ». Клубъ этотъ, точно французскій конвентъ рѣшилъ даже не прекращать своихъ засѣданій!

Послѣ долгихъ колебаній, король переѣхалъ къ себѣ во дворецъ, но переѣхалъ онъ раньше, чѣмъ желалъ и предполагалъ, по настоятельной просьбѣ министровъ, которые ссылались на народныя петиціи и на могущіе быть бунты. Въ дѣствительности же эти петиціи и мнимые бунты подготовлялись ямбанами (мандаринами) японской и американской партій, которые, съ переѣздомъ короля во дворецъ, рассчитывали легче обдѣлывать свои дѣла.

Искренно расположенъ къ Россіи король и малое количество ямбановъ, народъ же отличается апатичностью; но большинство расположенныхъ къ намъ боится открыто высказывать свои симпатіи, не зная, насколько они могутъ рассчитывать на защиту въ случаѣ нужды. Теперь ихъ положеніе станетъ еще труднѣе, потому что въ мартѣ 1898 г. наше правительство упразднило Русско-Корейскій банкъ, отозвало русскаго финансоваго совѣтника и русскихъ военныхъ чиновъ изъ корейской арміи, вслѣдствіе—какъ было сказано въ правительственномъ сообщеніи—образовавшейся въ странѣ партіи, враждебно настроенной противъ иностранцевъ и въ виду заявленія корейскаго правительства, что страна можетъ обходиться безъ поддержки въ военномъ и финансовомъ дѣлѣ.

Всѣ колебанія нашей политики въ Корей еще не вполне разъяснены. Повидимому, поторопилось финансовое вѣдство, считая Корею своею и забывая про существованіе иностранныхъ представителей. Наше финансовое вѣдство стало интересоваться Кореей съ 1895 года и въ 1896 г. въ Сеулѣ былъ посланъ изъ Пекна г. Покотилловъ. Пробывъ довольно долго въ Сеулѣ, онъ совмѣстно съ корейскимъ финансовымъ совѣтникомъ и начальникомъ таможенъ Макъ-Ливи Браунъ изучалъ государственное хозяйство Кореи и пришелъ къ выводу, что общій размѣръ государственныхъ доходовъ Кореи простирается только (1896 г.) до 5,9 милліоновъ, но что при правильномъ управленіи финансами страны цифра эта должна значительно увеличиться. Результатомъ этого изученія была сдѣланная по просьбѣ корейскаго правительства посылка въ Корею русскаго финансоваго совѣтника и главнаго начальника корейскихъ таможенъ и открытіе Русско-Корейскаго банка. По соглашенію 5-го ноября 1897 года, заключеніе котораго требовало огромной энергіи и настойчивости со стороны нашего дипломатическаго агента Шпейера, корейскіе финансы поступили въ завѣдываніе г. Алексѣева, а Браунъ былъ лишенъ мѣста, несмотря на то, что срокъ его контракта еще не

окончился. Ясно, что Англія, имѣя въ этомъ дѣлѣ всѣ права на своей сторонѣ, должна была поддержать законные интересы своего подданнаго. Англійская эскадра появилась въ Чемульпо и т. д.

Между тѣмъ мы требовали, чтобы Русско-Корейскій банкъ сдѣлался корейскимъ государственнымъ банкомъ. Противъ банка оказался и король, и его совѣтники, ибо при уплатѣ банкомъ жалованья чиновникамъ и при сборѣ податей корреспондентами банка исчезла бы продажа должностей и выжиманіе изъ населенія незаконныхъ поборовъ, рѣдко гдѣ пратиуемыхъ въ такомъ обширномъ размѣрѣ, какъ въ Корей.

Русско-Корейскій банкъ былъ закрытъ, такъ какъ оказался звеномъ въ цѣлой системѣ финансовыхъ реформъ преждевременныхъ, основанныхъ на неточномъ изученіи внутреннихъ и внешнихъ условій Кореи, и поддерживать его можно было только вооруженною силой. Министерствомъ финансовъ махнуло тогда рукою на Корею и, недовольное дипломатами, всецѣло устремило свое вниманіе на Квантунскій полуостровъ, который гораздо хуже Кореи. Между тѣмъ въ Корей русскій банкъ необходимъ; онъ могъ бы финансировать возникающія въ Корей русскія предпріятія и поддерживать въ странѣ русскіе интересы. При договоризнѣ денегъ въ Японіи, русскій банкъ, пріобрѣтя широкій кругъ кліентовъ, могъ бы вліять и на государственныя дѣла страны.

Со включеніемъ Манчуріи въ сферу русскаго вліянія, пограничная черта Россіи съ Кореей вмѣсто прежнихъ пятнадцати растянулась болѣе чѣмъ на шестьсотъ верстъ. Поэтому вліяніе наше уменьшилось только временно. Постоянное приближеніе Россіи къ Корей побудило русскихъ людей тщательнѣе изучить эту страну. Такъ по сѣверо-восточному побережью Кореи возникло житобойное предпріятіе гр. Кейзерлинга, получившаго отъ корейскаго правительства значительныя концессіи на морскомъ берегу; огромныя богатства уступлены корейскимъ императоромъ русскимъ предпринимателямъ, напр. лѣсное дѣло Бринеръ, Кузнецовъ и К³. Русскіе подданные пріобрѣли значительныя участки земли въ недавно открытыхъ портахъ Циннампо и Мозампо ¹⁾, которые го-

¹⁾ Портъ Мозампо лежить въ 40 миляхъ къ западу отъ Фузана и представляетъ прекрасную закрытую гавань. Преимущество Мозампо передъ Фузаномъ состоитъ, кромѣ превосходства якорной стоянки, еще и въ томъ, что изъ Фузана доступъ внутрь страны совершается только по вьючной тропѣ, тогда какъ Мозампо расположенъ въ устьѣ рѣки Накъ-Тонгъ-Канга, самой значительной южной Кореи, по которой и сплавляется въ Фузанъ рисъ и другія произведенія страны, отправляемые отсюда въ Японію.

17-го (30-го) марта 1900 г. русскимъ посланникомъ Павловымъ и корейскимъ правительствомъ подписаны два соглашенія. По первому изъ этихъ соглашеній Корея уступила Россіи въ портѣ Мозампо, въ трехъ миляхъ разстоянія отъ иностраннаго поселенія, мѣсто въ 420 акровъ для устройства угольной станціи и постройки морскаго госпиталя для исключительнаго пользованія восточно-азіатской эскадры. Подробности соглашенія будутъ установлены особою русско-корейскою комисіей. По второму соглашенію Россія обязуется никогда не дѣлать попытки къ арендованію или къ пріобрѣтенію земельныхъ участковъ на Кабаденгъ остро-

раздо лучше ближайших къ нашимъ границамъ портовъ восточнаго берега Кореи. Общество Восточно-китайской желѣзной дороги устраиваетъ правильные рейсы по корейскимъ портамъ, изъ которыхъ немногіе ранѣе сего посѣщались пароходами Шевелева и Коми. И если Японія имѣетъ свои коммерческіе интересы въ Корей, то нынѣ имѣетъ ихъ и Россія.

Нѣтъ никакого основанія полагать, чтобы русское правительство желало присоединенія Кореи, но возникновеніе въ этой странѣ русскихъ интересовъ измѣняетъ въ значительной мѣрѣ отношеніе наше къ ней и къ Японіи. Корея въ рукахъ японцевъ угрожаетъ спокойному пользованію Портъ-Артуромъ и Мозампо, дѣлаетъ сомнительнымъ дальнѣйшее существованіе транзитнаго сибирскаго пути и стѣсняетъ наше положеніе въ Китаѣ. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что собственно политическіе интересы Россіи въ Корей гораздо значительнѣе интересовъ Японіи, не имѣющей общахъ съ Кореей границъ. Кроме того примѣръ нѣсколькихъ тысячъ японцевъ, богатѣющихъ подъ русскою властью на пространствахъ отъ Владивостока до Благовѣщенска, долженъ, казалось бы, убѣдить японцевъ, что расширеніе нашей дѣятельности въ Корей не можетъ угрожать благосостоянію тѣхъ 15,000 японцевъ, которые переселились въ Корею и которые составляютъ едва лишь одну восьмисотую часть ея населенія. Рынокъ достаточно широкъ для всѣхъ. Вполнѣ спокойное отношеніе Россіи къ Японіи по корейскому вопросу японцы могли бы усмотрѣть уже изъ того, что Россія не пожелала воспользоваться предоставленнымъ ей по меморандуму Вебера и Комуры правомъ имѣть въ Корей 600 челоувѣкъ солдатъ для охраны русской миссіи и консульствъ, между тѣмъ какъ Японія продолжаетъ содержать тамъ, по крайней мѣрѣ, такое количество войска.

Хотя г. Алексѣевъ, уѣзжая, оставилъ въ кассѣ до 4 мил. руб., но финансы Кореи находятся опять въ неблагопріятномъ положеніи: казна пуста и въ концѣ каждаго мѣсяца возникаютъ затрудненія по уплатѣ войскамъ жалованья и по выполненію другихъ обязательствъ. Поэтому ходили слухи, что корейское правительство собирается заключить въ Россіи давно желанный имъ заемъ въ 25 мил. руб. Первоначально Корея обращалась за тѣмъ же къ Японіи, но такъ какъ послѣдней приходится не мало возиться съ своими собственными финансами, которые теперь находятся въ довольно дурномъ положеніи, то Японія вынуждена была отвѣтить отказомъ. Оче-

вахъ и на противоположномъ берегу материка, прилегающемъ къ территоріи порта Мозампо; Корея же съ своей стороны принимаетъ обязательство не уступать въ поименованныхъ мѣстахъ никакого земельного участка какой-нибудь другой державѣ. Находясь передъ южнымъ берегомъ Кореи, островъ Кайядъ почти вполнѣ господствуетъ надъ сообщеніями между Японіей и Кореей и сверхъ того расположенъ на полпути между Владивостокомъ и Портъ-Артуромъ. Былъ еще слухъ, что мы приобрѣли новый участокъ земли, притомъ довольно большой, близъ порта Цинампо, на западномъ берегу Кореи.

видно, что Россія, согласившись на заемъ, вновь пріобрѣтетъ въ Корей то вліяніе, которымъ она пользовалась, пока не была отѣсна на второй планъ вліяніемъ Японіи. Возможно даже, что намъ опять удастся добиться контроля надъ арміей, таможными и податною системою Кореи. По мнѣнію, впрочемъ, г. Алексѣева польза финансовыхъ агентовъ и военныхъ инструкторовъ преувеличена; на Востокѣ лучшимъ способомъ воздѣйствія является сила. Въ такихъ странахъ, какъ Корея, не слѣдуетъ идти назадъ: это не прощается и потерянное очень трудно вернуть. Всѣ разговоры о томъ, что Корея можетъ жить самостоятельно, не выдерживаютъ критики. Корейскій вопросъ на время отодвинуть, но въ недалекомъ будущемъ онъ снова предстанетъ и его урегулирование вызоветъ еще не мало затрудненій и сплшитъ тутъ не для чего.

Если въ политическомъ отношеніи Корея не выиграла отъ японскаго вмѣшательства, то въ отношеніи торгово-экономическомъ японская оккупация отразилась довольно благоприятно на положеніи королевства. Она оживила торговлю и промышленность и способствовала усиленію денежнаго обращенія. Въ 1898 г. торговый оборотъ Кореи составилъ около 17¹/₂ мил. доллар., въ томъ числѣ по вывозу только 5,7 мил. доллар. Изъ этихъ данныхъ видно, что торговый балансъ складывается не въ пользу нашего вассала; въ обыкновенные годы дефицитъ, какъ полагаютъ, покрывается тайнымъ вывозомъ шиховаго золота; Корея, особенно Ханкиенская провинція, издавна пользуется извѣстностью, какъ страна чрезвычайно богатая золотомъ: немногіе европейскіе путешественники, побывавшіе въ этой еще такъ мало изслѣдованной странѣ, укрѣпили за нею славу золотоносности. Американцы получили уже отводы. Желательно, чтобы и это дѣло не миновало русскихъ рукъ.

Во всякомъ случаѣ особенно радужными надеждами задаваться нечего. Корейскій народъ хотя и трудолюбивъ, и смиренъ, но безусловно бѣденъ; его потребности очень ограничены; къ торговлѣ онъ способностей не имѣетъ, легко должаеть и дѣлается добычею китайскихъ и японскихъ ростовщиковъ; плохая полуфеодалная администрація, постоянныя волненія, отсутствіе, а затѣмъ обезпѣченіе мѣстной, разнѣнной монеты немало препятствуютъ развитію торговыхъ сношеній Кореи съ Россіей.

О размѣрахъ русско-корейской торговли никакихъ заслуживающихъ довѣрія данныхъ не имѣется, такъ какъ правильнаго наблюденія установить за нею нѣтъ возможности. Для перехода русско-корейской границы установленъ одинъ только пунктъ (близъ Краснаго Села), гдѣ учрежденъ карантинъ для пригоняемаго изъ Кореи скота. Несмотря на слишкомъ десятилѣтній срокъ дѣйствія новаго соглашенія, мы до сихъ поръ не воспользовались важнѣйшею льготою, которая обезпечена за нами—открытіемъ для

русской торговли пограничного корейского города Кيونъ-Хынъ. У насъ до сихъ поръ нѣтъ въ этомъ городѣ ни торговой слободы, ни консульскаго агента. Такое явленіе объясняется, конечно, тѣмъ, что въ такой бѣдной странѣ, какою является Сѣверная Корея, для широкаго предпріятія нѣтъ мѣста, а для мелочной торговли необходимо знаніе корейскаго языка.

Вся русско-корейская торговля находится въ рукахъ корейцевъ, которые торгуютъ большею частью по мелочамъ; въ торговлѣ обращаются по большей части произведенія японской промышленности, затѣмъ товары китайскіе, американскіе, нѣмецкіе, французскіе. Между тѣмъ многіе же изъ нашихъ товаровъ пошли бы тутъ съ большимъ успѣхомъ: ситцы, толстое сукно, консервы, обувь, кожанные товары и сѣрое мыло.

XXVIII. ЯПОНІЯ.

Я лично не принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые, читая въ газетахъ извѣстія объ эмансипаторскихъ подвигахъ юнаго микадо, вводящаго среди сорока - миллионнаго населенія Японіи реформы съ тѣмъ же радикализмомъ, съ какимъ Петръ Великій вводилъ ихъ нѣкогда среди десяти-миллионнаго населенія Россіи, принимали эти извѣстія безъ недоумѣнія и даже сильнаго сомнѣнія. Японскій радикализмъ казался мнѣ почему-то весьма подозрительнымъ и похожимъ скорѣе на прихоть, чѣмъ на сознательный планъ возрожденія цѣлаго народа. Посѣтивъ, однако, Японію, мнѣ пришлось сознаться, что задача микадо облегчилась весьма значительно тѣмъ высокимъ уровнемъ цивилизаціи, на которомъ уже стояли японцы. Цивилизація эта своеобразна и приняла ложное направленіе; тѣмъ не менѣе она была осязательна, и масса научныхъ и техническихъ свѣдѣній, обращавшихся въ японскомъ народѣ, была очень значительна.

Жила себѣ Японія и въ уединеніи довольно счастливо: правительство было сильно и уважаемо; одна и та же династія царствовала безъ перерыву 2500 лѣтъ; высшія сословія, группируясь около множества удѣльныхъ князей, образовали центры, гдѣ процвѣтало искусство, своеобразное и утонченное; военное сословіе пользовалось привилегіями, зато отличалось рыцарскимъ духомъ и вмѣстѣ съ вліятельными князьями составляло противовѣсъ центральному правительству, не давая угнетать слабыхъ; ни о какихъ завоеваніяхъ Японія не думала и въ двадцать пять вѣковъ вела только двѣ войны; народъ не зналъ рабства; ничтожныя подати платилъ рисомъ; жизнь была дешева невообразимо, въ три вѣка цѣны ни на что не измѣнились; несмотря на приростъ населенія, вслѣдствіе усовершенствованія земледѣлія, не чувствова-

лось никакой необходимости въ эмиграціи, и половина Японскаго архипелага оставалась незаселенною, какъ бы запасомъ для будущихъ поколѣній. Недостатокъ сухопутныхъ дорогъ замѣнялся огромнымъ каботажнымъ флотомъ, страна все извлекала изъ своей почвы, только небольшое количество бурьезовъ получалось изъ заграничьи отъ китайцевъ и голландцевъ ¹⁾. Кромѣ почвы для народнаго продовольствія, японцы широко эксплуатировали море, что еще сопряглось дѣлать въ Европѣ; грамотность была всеобща; ремесла процвѣтали; не было крупныхъ капиталовъ, зато не было бѣдности; масса болѣе всего думала объ удовольствіяхъ; въ религіозномъ отношеніи, послѣ изгнанія іезуитовъ въ 1638 г., господствовалъ полный миръ, ни малѣйшаго фанатизма, и религія вліяла исключительно съ своей эстетической стороны. Отказавшись заимствовать отъ европейцевъ католицизмъ, японцы заимствовали табакъ, и куреніе послѣ любви стало главнымъ развлеченіемъ и бѣднаго, и богатаго.

Въ эту-то благополучную страну въ половинѣ 50-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, по инициативѣ предприимчивыхъ янки, сплосу ворвались европейцы въ надеждѣ поживиться сбытомъ товаровъ, продажей водки и опиума и вообще всяческою эксплуатаціею. Японцы, вмѣсто того чтобы прогнать непрошенныхъ гостей или относиться къ нимъ съ тою благоразумною сдержанностью, съ какою обходились китаецы, по причинамъ политическимъ — перевороту, сдѣланному кружкомъ второстепенныхъ по ихъ значенію въ странѣ лицъ — широко открыли двери европейскимъ авантюристамъ. Теперь уже очень мало японцевъ, которые сознавали бы, какую глупость они сдѣлали; да и плакаться поздно: стараго не воротить, и остается одно — сопротивляться сколько возможно дальнѣйшему открытію японской территоріи для европейской торговли и проникновенію европейцевъ внутрь страны.

Когда для европейцевъ открылось лишь семь городовъ: Нагасаки, Кобе, Осака, Йокогама, Хокодате, Токио и Ньегата, уже легко было отбѣнить вредъ, принесенный странѣ оживленными сношеніями съ Европою. На это, пожалуй, скажутъ: зато Японія познала блага европейской цивилизаціи. Дѣйствительно, у японцевъ созданы нѣкоторыя искусственныя потребности, многіе японцы носятъ пенсне, цилиндры, крахмаленныя сорочки, узкіе лакированные ботинки и галстуки, пьютъ кислое французское вино и северный американскій спиртъ, снимаютъ фотографіи со своихъ актрисъ и кобятъ, но къ чему, спрашивается, японцамъ все это, когда Японія жила весело и безбѣдно, не имѣя пролетаріата, а Европа не знаетъ, какъ ей успокоить свое рабочее населеніе и куда сунуть избытокъ своего населенія и своей производительности. Пріобрѣтать

¹⁾ До 1855 года только голландцы имѣли привилегію пріемлять одинъ корабль въ годъ въ свою маленькую факторію на островѣ Децима въ Нагасаки.

же пзъ Европы нѣсколько машинъ и физическихъ инструментовъ и прежде никто не препятствовалъ японцамъ.

Японія служитъ новымъ доказательствомъ опасности такъ называемой «свободной торговли», выказавшейся уже на шеѣ многихъ народовъ, въ томъ числѣ и Россіи. Заключая дипломатическія-торговые трактаты, японцы не подозрѣвали, да и не могли подозрѣвать значенія, которое, особенно послѣ прорытія Суэзскаго канала, пріобрѣтетъ парокходство, поэтому они допустили къ себѣ европейскіе товары съ ничтожною таможенною пошлиною и неосторожно еще связали себѣ руки въ этомъ отношеніи для будущаго. Послѣдствія недолго заставили себя ждать. Страна, вышнее довольство коей заставляло ее считать богатою, въ десять, пятнадцать лѣтъ доведена была до банкротства. Даже иностранная торговля, выгодная въ первые годы по открытіи портовъ, стала давать убытки; склады были завалены европейскимъ хламомъ, а питали европейскій привозъ единственно заказы правительства, въ особенности при желаніи послѣдняго имѣть армію, устроенную на европейскій манеръ, т. е. стоящую очень дорого.

Европейцы старались для поправленія своихъ дѣлъ добиться права торговать повсемѣстно внутри страны, но сами въ Японіи покупали очень мало. Когда назадь тому поль-вѣвка Японія открылась для европейской и вообще для иностранной торговли, то прежде всего начали вывозить пзъ нея золото и мѣдь, содержащую золото, по курсу весьма невыгодному для Японіи. Какія были рѣдкости, предметы древности, чудеса искусства, все это давно скуплено обманнымъ образомъ за бездѣнокъ и перепродано въ Европѣ разбогатѣвшимъ жпдамъ и концессионерамъ. Народъ пзъ-за грошей лишился лучшаго своего артистическаго сокровища. Затѣмъ болѣзнь шелковичныхъ червей заставила французовъ и итальянцевъ искать шелка на Дальнемъ Востокѣ; пзъ Японіи вывозили шелкъ, особенно яички шелковичныхъ червей. Когда болѣзнь въ Европѣ прошла, торговля японскимъ шелкомъ остановилась. Остался чай. Хотя японскій чай вкусомъ гораздо хуже китайскаго, но его требуютъ въ Сѣверную Америку и вывозъ, особенно въ Чикаго, усиливается. Однѣ чай не могъ, однако, сбалансировать вышнюю торговлю цѣлой страны. Между тѣмъ, считая даже, что Японія получала за чай ежегодно нѣсколько милліоновъ долларовъ, посмотримъ, какіе существенные убытки получила она отъ допущенія иностранцевъ.

Вслѣдствіе европейской конкуренціи, цѣны возросли въ пять или шесть разъ: въ особенности вздорожали продукты продовольствія, и простой народъ бѣдствуетъ. Хотя въ 1873 году правительство, по предложенію министра финансовъ Окумы, уменьшило поземельный налогъ на $\frac{1}{6}$, но это уменьшеніе вышло увеличеніемъ, ибо одновременно былъ сдѣланъ новый кадастръ, привлечшій новыя земля къ обложенію. Правительство, покупая заграни-

цею пушки и аммуницію, не могло уже брать подати рисоми, оно требовало денег, а въ Японіи никогда не было достаточно монеты. Правда, у нея было серебро и золото, но эти металлы добывались изъ бѣднѣйшихъ мѣсторожденій, потому что рабочая поденщина не стоила болѣе 6 копѣекъ, теперь же рабочий сѣбдаетъ въ день одного риса на 20 копѣекъ, слѣдовательно нѣтъ выгоды эксплуатировать пески и руду бѣднаго содержанія. Недостатокъ драгоцѣнныхъ металловъ вызывалъ необходимость выпуска бумажныхъ денегъ. Этотъ выпускъ произвелъ надлежащее дѣйствіе: вся звонкая монета или вывезена изъ страны, или спряталась въ банки и въ руки мѣняль, лажъ доходилъ до 60 проц. и, что еще хуже, образовались особые биржи для игры на этотъ лажъ, колеблющійся въ предѣлахъ до 30 проц., и на цѣну риса, которая также быстро колебалась отъ непрочности бумажной денежной единицы. Правительство въ апрѣлѣ 1880 г. сплюю закрыло эти биржи.

Съ увеличеніемъ налоговъ явилось сейчасъ же политическое неудовольствіе и въ массѣ народа, до того насчетъ политики совершенно равнодушной. Такимъ образомъ, неудовольствіе внизу присоединилось къ естественному неудовольствію вверху, созданному революціей 1868 года и послѣдующими реформами. Очень ошибаются тѣ, кто полагаетъ въ микадо видѣть нѣчто въ родѣ нашего Петра Великаго. Мутцу-Гито человекъ самый беззаботный по отношенію къ политикѣ и по образу жизни мало чѣмъ отличающійся отъ своихъ предшественниковъ, если не считать тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда онъ показывается своимъ подданнымъ въ вышитомъ золотомъ мундирѣ. Затѣмъ онъ продолжалъ проводить время замкнуто въ весьма невзрачномъ временномъ дворцѣ, устроенномъ въ японскомъ вкусѣ безъ мебели, окруженный толпою босоногой прислуги, сохраняющей отчасти обычай стараго времени. Какъ прежде управлялъ страню шогуны, такъ теперь управляетъ камарилья, отношенія которой къ микадо даже въ точности не совсѣмъ пзвѣстны.

Революція 1868 года вовсе не была переворотомъ въ томъ смыслѣ, какъ это понимается въ Европѣ; народъ тутъ ни малѣйшаго участія не принималъ. Сдѣлали переворотъ нѣсколько честолюбивыхъ управителей удѣльныхъ князей Сатцумы, Нагато, Тоза и Гизень, которымъ подозрительный деспотизмъ шогуновъ казался тяжелымъ. Изъ этихъ революціонеровъ наиболѣе способнымъ оказался еще живущій нынѣ маркизъ Ито и убитый Окуба.

Всѣ современные японскіе государственные дѣятели были люди сравнительно молодые. Ихъ *idée fixe* была доказать, что Японія страна цивилизованная въ европейскомъ смыслѣ и достойная быть принятою въ европейскій «концертъ» на правахъ великой державы. Въ сущности японская цивилизація и прежде нисколько не была ниже европейской и отличалась развѣ нѣкоторымъ недостаткомъ

техніческихъ знаній, которыя постепенно и приобрѣтались черезъ посредство голландцевъ, приобрѣтались безъ нарушенія основныхъ началъ соціальной и экономической жизни и безъ тѣхъ непомѣрныхъ тягостей, которыя невольно вызываютъ слишкомъ рѣзкія перемѣны въ народномъ бытѣ.

Ярые западники въ Японіи, какъ и въ Россіи, говорятъ, что посредствомъ общей жизни расширяется умственная и нравственная сфера дѣятельности народа, стоявшаго въ одиночествѣ, развитіе дѣлается многообразнѣе и сильнѣе, богаче результатами. Теоретически, конечно, противъ этого спорить нельзя, но «общая жизнь» понятіе условное. Японія не можетъ снимать сливки европейской цивилизаціи; она, какъ Россія времяпреобразованія, довольствуется лишь подражаніемъ, граничащимъ съ обезьянствомъ; подъ пменемъ цивилизаторовъ къ ней наѣхала куча проходивцевъ англичанъ, американцевъ, жидовъ—первыхъ мошенниковъ въ свѣтѣ. Это представители не европейской науки, а оборыши европейскихъ колоній Дальняго Востока. Народъ японскій отличался простодушіемъ, честностью, японскія тюрьмы съ ихъ бумажными стѣнами содержали до послѣдняго времени ничтожнѣйшее число преступниковъ, о существованіи замковъ въ дверяхъ никто не подозрѣвалъ. И теперь не только въ лавкѣ, но даже въ трактирѣ японецъ часто не хочетъ отъ васъ взять всѣхъ слѣдующихъ ему денегъ: изъ деликатности ему кажется почему-то, что онъ запросилъ слишкомъ дорого. Можно себѣ представить, какое удобное поле наживы представлялъ такой народъ!

Высшія сословія Японіи отличались благородствомъ; *point d'honneur* былъ развитъ даже до смѣшного. Извѣстенъ, напримѣръ, случай, что дворянинъ, торопясь исполнить приказаніе شوгуна, толкнулъ нечаянно во дворцѣ другого дворянина и не успѣлъ извиниться. Задѣтый дворянинъ, полагая, что ему выказано неуваженіе, немедленно распоролъ себѣ брюхо. Исполнивъ порученіе, царедворецъ бѣжитъ, чтобы принести поскорѣе извиненіе, и узнаетъ о смерти оскорбленнаго имъ товарища, онъ немедленно также распарываетъ себѣ брюхо... Если это и анекдотъ, то онъ все-таки характеризовалъ извѣстное настроеніе, извѣстный складъ понятій и воспитанія. Притомъ вѣроятность подобнаго случая доказывается и тѣмъ обстоятельствомъ, что распарываніе брюха ради спасенія чести составляло содержаніе большинства японскихъ драмъ и романовъ. Въ одномъ храмѣ показываютъ даже могилу тридцати пяти дворянъ, распоровшихъ себѣ брюхо ради того, что они не сумѣли защитить своего товарища.

И вотъ къ такому-то рыцарскому народу являются «дѣльцы» нашего времени. Любопытно, какіе уроки нравственности и цивилизаціи могли преподать они японцамъ. Всѣхъ неподобныхъ исторій не перескажешь, но вотъ нѣкоторыя наиболѣе характерныя. Когда японское правительство собиралось дѣлать заграничный

заемъ, одинъ крупный лондонскій банкъ прислать своего агента съ условіями; японское правительство заключило заемъ помимо банка; тогда, при помощи англійскаго посланника, банкъ сорвалъ съ правительства 60.000 фунт. стерл., яко бы за безчестіе. Другой случай еще лучше. Японское правительство построило желѣзныя дороги, которыя европейскіе подрядчики сдѣлали втрое дороже настоящаго; мало того, они обязали предсѣдателемъ одной дороги посадить бывшаго члена парламента съ жалованьемъ въ 36,000 долларовъ; потомъ же оказалось, что означенный членъ будучи директоромъ какого-то банка въ Австраліи, укралъ 150,000 долларовъ, почему акціонеры и прислали его въ Японію, чтобы, взявъ въ руки его огромное жалованье, покрыть свои убытки!

Реформы, кромѣ установленія титуловъ маркизовъ, графовъ, виконтовъ и бароновъ, заведенія военныхъ судовъ, обученія войскъ на европейскій ладъ и устройства казенныхъ фабрикъ, дающихъ громадныя убытки, привели также къ созданію бюрократіи въ странѣ, которая не знала, что такое чиновники и даже о полиціи имѣла смутное представленіе. Всѣ прежнія патриархальныя власти уничтожены, удѣльные князья и ихъ свиты не существуютъ, но правительство было вынуждено вознаграждать ихъ; такимъ образомъ огромная часть бюджета идетъ въ платежи процентовъ по вознагражденію, данному прежней администраціи; другими словами, японцы, по миролюбивому нраву своему могущіе обходиться при самомъ маломъ числѣ агентовъ правительства, содержатъ теперь двѣ администраціи. Денежныя пожертвованія между тѣмъ ничего не разрѣшаютъ, потому что феодалы и дворянство, кромѣ тѣхъ, которые поступили на службу нынѣшнему правительству, получая ренту изъ бюджета, все-таки остаются въ оппозиціи правительству и живутъ вдали отъ столицы въ ожиданіи переменъ.

Но параллельно съ этою историческою оппозиціею, теперь создалась другая оппозиція, яко бы радикальная. Она дѣйствуетъ путемъ печати. Кто повѣритъ, напримѣръ, что въ Японіи въ одномъ 1879 году появилось 236 новыхъ періодическихъ изданій, изъ которыхъ, впрочемъ, 80 очень скоро прекратились, какъ выражаются у насъ, въ «борьбѣ съ равнодушіемъ публики». Если взять въ расчетъ, что въ томъ же году въ Японіи было напечатано 5,317 новыхъ книгъ и что въ Японіи даже всѣ женщины грамотны, легко заключить о жаждѣ японцевъ къ чтенію и о томъ, дѣйствительно ли «варварскою» странюю была Японія до нашествія европейцевъ, несмотря на свою замкнутость.

Въ Японіи издается до восьмисотъ газетъ, почти все радикальныхъ и оппозиціонныхъ. Газеты требовали, какъ панацею отъ золь, внесенныхъ революціей и приливомъ иностранцевъ, созванія парламента. Въ этой агитаціи помогали имъ политическіе клубы, образовавшіеся по европейскимъ образцамъ по разнымъ городамъ Японіи. Одно политическое общество въ Осака, закры-

тое теперь правительствомъ, имѣло до 10,000 членовъ. Адресъ, поданный этимъ обществомъ, былъ весьма любопытенъ. Это наборъ тирадъ изъ всѣхъ радикальныхъ публицистовъ въ Европѣ; между историческими примѣрами есть ссылка даже на Польшу, участь которой въ XVIII столѣтїи будто бы угрожаетъ Японїи! Въ своемъ адресѣ общество безъ церемонїи писало микадо, надъ божественнымъ происхожденїемъ котораго прямо отъ солнца произпрують теперь свободно въ газетахъ, что онъ обѣщаль прѣвступленїи на престолъ искоренить злоупотребленїя, но неограниченная власть его и есть важнѣйшее изъ всѣхъ злоупотребленїй, а поэтому негодно ли созвать парламентъ. Такимъ пригвѣомъ оканчивался каждый изъ многочисленныхъ пунктовъ длиннѣйшаго адреса.

О парламентѣ посылали адреса даже сельскїя общины. Эти адреса подъ разными предлогами не принимались въ правительственныхъ учрежденїяхъ, но о парламентѣ и въ высшихъ сферахъ разсуждали серьезно, забывая, какой могъ быть парламентъ въ странѣ, гдѣ классы, привыкшіе къ управленїю и знакомые съ дѣлами государственными, устранены революціей, а народъ совершенно не подготовленъ къ политической дѣятельности, будучи отъ нея отучаемъ цѣлыми вѣками. Одинъ видъ японскаго города, гдѣ нѣтъ ни одной площади, ни одного общественнаго учрежденїя, показывалъ уже, какъ трудно къ подобному народу примѣнить англїйскїя учрежденїя, и что парламентъ въ такой странѣ или будетъ пгрушкою въ рукахъ правительства, или перейдетъ сразу въ руки немногихъ интригановъ той породы, которая въ Соединенныхъ Штатахъ пользуется глубочайшимъ презрѣнїемъ подъ именемъ «политиковъ». Послѣдніе уже и безъ того взяли въ Японїи всю власть. Администрація послѣдней безъ корней въ народѣ, безъ преданїй держится лишь борьбою мелкихъ политическихъ кружковъ.

Правительство старалось отдѣлаться какой-нибудь громкой кличкой безъ внутренняго содержанїя. Неоднократно припертое къ стѣнѣ, оно дѣлало разныя призрачныя уступки. Въ 1868 году созвано было собранїе «Жи-джи-инъ», нѣчто въ родѣ учредительнаго, скоро распущенное; въ 1875 году образованъ «Жень-ро-инъ», государственный совѣтъ — какъ увѣряють японцы по примѣру Россїи — совѣту этому, однако, дѣлъ не давали; рядомъ съ нимъ существовалъ «Шюкцинъ кайджи», названный въ свое время палатою депутатовъ, но члены его были исключительно губернаторы провинцій! Въ концѣ концовъ микадо даровалъ своему народу 11-го февраля 1889 г. конституцію, согласно обѣщанїю, данному еще въ 1881 г. особымъ указомъ, гдѣ было сказано, что Японїя увидитъ у себя парламентъ изъ двухъ палатъ: перовъ и представителей.

Къ счастью еще, японскїе реформаторы были настолько благоразумны, что не взяли за образецъ Франціи и не декретировали

сразу всеобщей подаче голосовъ. Японскіе депутаты собираются лицами, платящими не менѣе 25-ти лѣтъ и платящими ежегодно не менѣе 15 іенъ (около 15 руб.) налоговъ, сумма въ Японіи не маленькая. Министры отвѣтственны только передъ императоромъ.

Этотъ парламентъ и эта конституція почитались комедіей, одной изъ тѣхъ мало удачныхъ копій европейскихъ порядковъ, которыя успѣнно переносятъ въ Японію кружокъ мелкихъ дворянъ юго-западныхъ провинцій Японіи, овладѣвшій, какъ я сказалъ, съ 1868 года правленіемъ и замѣнившій древнюю феодальную систему просвѣщеннымъ, но дорого стоящимъ деспотизмомъ микадо, мѣрно до того дремавшимъ въ священномъ городѣ Киото.

Три дня японскій народъ радовался и гулялъ по случаю провозглашенія конституціи, но введеніе представительной системы сопровождалось немедленно зломъ, повсюду ей сопутствующимъ — организаціей партій: либеральной «живуто», прогрессистской «кай-шинто» и соединенія гражданъ «дайдо-данкетцу». Либераловъ, однако, было немного и партія ихъ мало вліятельна; къ прогрессистамъ принадлежатъ богатые собственники и купцы, къ уніонистамъ — молодежь. Образованный классъ въ Японіи вообще зараженъ теперь крайними идеями и, не имѣя понятія о представительномъ управленіи, склоненъ къ беспорядкамъ, притомъ интересы личностей онъ предпочитаетъ общему благу. Совсѣмъ какъ въ Европѣ!

Прогрессистамъ предводительствовали графъ Окума, бывшій министръ финансовъ и иностранныхъ дѣлъ, либералами — графъ Итагакі, одинъ изъ «старѣйшихъ либераловъ» въ Японіи, уніонистамъ — графъ Гото, бывшій министръ почтъ и телеграфовъ. Эти три графа начали жестокую войну между собою на почвѣ пересмотра торговыхъ трактатовъ Японіи съ иностранцами, лишившихъ Японію всякой экономической самостоятельности, а иностранцамъ стѣснявшихъ доступъ внутрь страны, кромѣ семи открытыхъ для торговли портовъ.

Бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Инобе, не надѣясь на успѣхъ пересмотра трактатовъ, сошелъ со сцены; мѣсто его занялъ Окума, находившійся временно не у дѣлъ. Окума придумалъ вести насчетъ трактатовъ переговоры съ каждымъ государствомъ порознь. Онъ соглашался допустить иностранцевъ внутрь страны и назначить нѣсколько иностранцевъ въ японскій высшій судъ, но подъ условіемъ пересмотра таможенныхъ пошлинъ, очень низкихъ, и уничтоженія въ 12 лѣтъ экстерриториальности для иностранцевъ.

Проектъ этотъ вызвалъ рѣзкіе нападки въ газетахъ двухъ другихъ партій и такъ какъ японскій народъ въ душѣ вовсе не расположенъ отрывать доступъ во внутрь страны иностранцамъ, то Окума сдѣлался непопулярнымъ. По мѣрѣ успѣха переговоровъ, начатыхъ съ Мексикой, Германіей и Россіей, наиболѣе сговорчи-

вымп изъ иностранныхъ державъ, ожесточеніе печати и партій увеличивалось. Явилась грозныя признаки народнаго неудовольствія. Расколъ оказался въ самомъ кабинетѣ и всѣ съ нетерпѣніемъ ждали возвращенія изъ Европы министра внутреннихъ дѣлъ, графа Ямагата, вліяніе котораго должно было рѣшить споръ между министрами.

Ямагата благополучно возвратился, но въ это время нѣкій японскій нигилистъ (Японія всего позавела у себя теперь) бросилъ въ графа Окуму динамитный снарядъ и оторвалъ ему ногу, а себѣ перерѣзалъ книзломъ горло «съ убѣжденіемъ, что своею смертию оказалъ странѣ большія услуги». Случай этотъ вызвалъ министерскій кризисъ; глава кабинета генераль-лейтенантъ Курода подалъ въ отставку, а за нимъ подали ее и прочіе министры. Князь Синейоски Санжо, одинъ изъ главныхъ дѣятелей революціи 1868 года, согласился стать во главѣ новаго кабинета; микадо, однако, обязалъ его взять прежнихъ министровъ.

Такимъ образомъ, все осталось какъ будто по-старому, но покушеніе на Окума имѣло вліяніе, проектъ измѣненія торговыхъ трактатовъ былъ отложенъ и это успокоило умы. Къ счастью, подошло провозглашеніе наследникомъ престола приемыша микадо, принца Гаруномія. Японцы снова повеселились нѣсколько дней. «Веселиться, — замѣтилъ весьма основательно по этому поводу одинъ корреспондентъ, — всегда пріятнѣе, чѣмъ ссориться».

Когда парламентъ открылся, онъ немедленно вступилъ въ борьбу съ правительствомъ изъ-за права своего разбирать бюджетъ, почему сейчасъ же былъ два раза подъ-рядъ распущенъ. Какъ и въ другихъ конституціонныхъ странахъ, въ Японіи перемены министерствъ стали совершаться съ быстротою, которой позавидовали бы и европейскія государства. Черезъ три мѣсяца по замѣнѣ кабинета Куроды министерствомъ Синейоски, послѣдній подалъ въ отставку и былъ замѣненъ графомъ Ямагата. Князь Санжо до смерти, впрочемъ, оставался въ числѣ довѣреннѣйшихъ совѣтниковъ микадо.

Графъ Ямагата пользуется въ Японіи большою популярностію. Онъ взялъ портфель министра внутреннихъ дѣлъ. Министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ назначенъ виконтъ Авоки, который долгое время былъ японскимъ посланникомъ въ Берлинѣ, а затѣмъ товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ при графахъ Иноэе и Окума. Онъ имѣлъ репутацію человека умнаго и трудолюбиваго. Министерство это надобно было считать по направленію консервативнымъ въ томъ смыслѣ, что оно, важнѣйшій, для Японіи, вопросъ о пересмотрѣ договоровъ съ иностранными державами оставило безъ измѣненій. Ямагата считалъ полезнымъ на время похоронить его. Но не прошелъ годъ, какъ кабинетъ Ямагаты былъ замѣненъ кабинетомъ графа Матсугато и иностранныя дѣла перешли въ руки бывшаго морского министра и посланника въ С.-Петербургу г. Еномото. Во время этого министерства и посѣтилъ Япо-

нію Наслѣдникъ русскаго престола, нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ, гдѣ сдѣлался, въ Отпу около Кіото, жертвою покушенія японскаго «соси» (нигилиста), по имени Вуда-Санцо. Японскіе нигилисты формируются, какъ и повсюду, изъ недоучившейся молодежи, нахватавшейся социалистическихъ идей, но свои анархическіе идеалы они основываютъ не въ будущемъ, а въ прошедшемъ Японіи, отличаясь большою нетерпимостью къ иностранцамъ. Въ 1887 г. былъ изданъ противъ нихъ очень строгій законъ, но число соси все увеличивается и въ 1891 г. они даже штурмовали домъ предсѣдателя палаты депутатовъ.

Въ 1893 году новый кабинетъ Ито, съ участіемъ гр. Иноуэ въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ и Мутзо — иностранныхъ дѣлъ. Въ это время въ преобразованной Японіи запахло пороховъ.

Война Японіи съ Китаемъ изъ-за Кореи не была, впрочемъ, неожиданною. Корея издавна служила яблокомъ раздора для двухъ державъ Дальняго-Востока. Уже въ XVI столѣтіи японцы пытались завоевать Корею, которая съ XVII столѣтія признавала себя вассаломъ царствующей въ Китаѣ манчжурской династіи. Въ 1876 г., воспользовавшись оскорбленіемъ своихъ моряковъ въ корейскихъ водахъ, японцы, какъ мы видѣли, заключили съ Кореей трактатъ, по которому были открыты японцамъ для торговли два порта; японцы, впрочемъ, и безъ трактата давно торговали въ Корей.

Въ 1882 г. Тай-вен-гунъ, бывший регентъ, отецъ нынѣшняго корейскаго короля Ли-хуя, человекъ честолюбивый, взбунтовалъ народъ противъ японцевъ; дѣло кончилось бѣгствомъ Тай-вен-гуна въ Китай. Но въ 1885 г. вспыхнуло въ Корей новое возстаніе, уже въ обратномъ смыслѣ, т.-е. сторонники японцевъ возстали противъ вліянія корейскаго реформатора фонъ-Моллендорфа, сторонника сближенія съ Россіей. Помощь китайцевъ потушила возстаніе. Японія потребовала удовлетворенія отъ Китая. Послѣдній дѣйствовалъ, по обыкновенію, увертливо; тогда корейскій король обратился за помощію къ Россіи, но наша дипломатія, находившаяся еще подъ впечатлѣніемъ с.-петербургскаго договора, уклонилась отъ посредничества. Дѣло окончилось удовлетвореніемъ Японіи, получившей денежное вознагражденіе и обѣщаніе корейскаго правительства произвести реформы. «Реформы», какъ извѣстно, сдѣлались съ превращеніемъ защиты религіозной свободы и возстановленіе «законной монархіи» любимымъ средствомъ вмѣшиваться въ чужія дѣла.

Возгордившись успѣхомъ и имѣя много другихъ счетовъ съ Китаемъ, Японія стала съ этого момента готовиться къ войнѣ, тѣмъ болѣе, что она знала, что китайцы очень косо поглядываютъ вообще на ея успѣхи по части европейской цивилизаціи и свои вооруженія производятъ главнымъ образомъ въ видахъ ослабленія Японіи. Китайцы, особенно Ли-Хунъ-Чжанъ, выказали въ такой

политикѣ большую проницательность, но мало послѣднею воспользовались.

Новые безпорядки въ Корей, начавшіеся въ 1893 г., были ближайшимъ предлогомъ къ столкновенію. Когда безпорядки, въ маѣ 1894 г., дошли до Сеула, корейскій король вновь просилъ о помощи китайцевъ. Прибытіе китайскаго отряда вызвало посылку такового же, но болѣе значительнаго со стороны Японці, которая стала укрѣпляться въ Сеулѣ и другихъ мѣстахъ Кореи. Тогда китайцы обратились къ нашему посредничеству, предлагая послать въ Корею русскія войска, но наша дипломатія, все еще нерѣшительная, ограничилась моральнымъ воздѣйствіемъ.

Японцы, между тѣмъ, будучи готовы къ войнѣ, послали въ Китаю ультиматумъ, требовавшій, помимо другихъ условій, полной независимости Кореи. Ультиматумъ былъ отклоненъ, китайцы стали готовиться къ войнѣ, но опять попробовали безуспѣшно вызвать вмѣшательство европейскихъ державъ; послѣднимъ хотя война вовсе не нравилась, но онѣ не предвидѣли ея послѣдствій.

Дальнѣйшія событія всѣмъ извѣстны. Японцы показали себя молодцами; они разбили китайцевъ и на морѣ, и на сушѣ, и такъ же храбро и искусно дѣйствовали въ открытомъ полѣ, какъ и при штурмѣ сильныхъ укрѣпленій; даже зимній походъ не испугалъ ихъ, жителей сравнительно теплой страны. Китайцы не выказали ни храбрости, ни дисциплины, ни даже патріотизма. Казнобракство и рутинна отлпчали болѣе всего ихъ дѣйствіа, не помогло даже участіе европейскихъ офицеровъ и улучшенное оружіе.

Уже въ февралѣ 1895 г. китайцы рѣшились просить мира, который и былъ заключенъ въ апрѣлѣ въ Симонсегѣ на самыхъ тяжелыхъ для нихъ условіяхъ. Кромѣ уплаты контрибуціи въ 320 милл. руб., Китай признавалъ Корею независимую, а Японіи уступилъ Формозу, Пескадорскіе острова и Ляодунскій полуостровъ. Слишкомъ блистательные успѣхи послужили японцамъ ко вреду: они испугали европейскія державы и повели къ буквальному повторенію того, что произошло передъ Берлинскимъ конгрессомъ.

Россія, вступивъ въ данномъ случаѣ въ роль Англіи, обратилась къ Франціи, Англіи и Германи и предложила вмѣшаться въ это дѣло, какъ нарушающее прежнее политическое равновѣсіе на Дальнемъ Востокѣ, и измѣнить условія, выговоренныя графомъ Ито у Ли-Хунъ-Чжана. Англія, дѣйствовавшая до того вмѣстѣ съ Россіей, перешла на сторону Японіи и отвѣчала, что, не видя повода вмѣшательства въ китайско-японскіе переговоры; лордъ Розберри подъ рукою совѣтывалъ, впрочемъ, Японіи быть уступчивѣе. Зато Франція и Германія, вовсе не имѣющія интереса создавать на Тихомъ океанѣ великую военную державу, да еще будущую союзницу тамъ Англіи, рѣшительно присоединились къ Россіи и вынудили у Японіи отказъ отъ Ляодунскаго полуострова взамѣнъ дополнительнаго вознагражденія въ 60 милл. руб.

Блестящая война не успокоила внутренней борьбы партий и въ короткое время переменялись кабинеты Ито, который считается сторонникомъ сближенія съ Россією. Матзугата, Окумы, Ямагата; при этомъ три раза палаты были распущены и выборы прошли при ожесточенной борьбѣ партий. Бюджетъ со времени войны удвоился, колонизація Формозы стоитъ очень дорого, началась новая безумная спекуляція, сопровождавшаяся банкротствами. Какъ лекарство, министерство маршала Ямагаты внесло проектъ пзмѣненія выборнаго закона: число избирателей удваивается, пенъ уничтожается и число депутатовъ увеличивается на половину! Но тотъ же кружокъ представителей клановъ Гизена и Тоза по-прежнему держитъ въ рукахъ всѣ лучшія мѣста и судьбы Японіи.

Кружокъ намѣтилъ себѣ двѣ задачи: сдѣлать Японію великою военною державою и въ то же время великою промышленною страню. Въ первомъ отношеніи дѣлаются огромные расходы на вооруженіе, удваивается армія, значительно увеличивается военный и почтовый флотъ, развиваются желѣзнодорожныя сообщенія. Въ 1899 г. парламентъ ассигновалъ 25 мил. іенъ на перевооруженіе и 52 мил. іенъ на увеличеніе флота. И эти усиленные ассигнованія идутъ уже четвертый годъ.

Первоначально японская армія была обучена французскими инструкторами и имѣла французскій уставъ; но иностранцы давно выжили изъ японской службы, потому что своя военная школа, скопированная съ Сень-Сира, нафабриковала сотни отличныхъ офицеровъ. Всесословная воинская повинность, дѣло почти революціонное въ странѣ, гдѣ классы были еще недавно строго раздѣлены, привилась; способность же японцевъ къ военной службѣ чрезвычайная. Труднѣе всего было сформировать кавалерію. Всю Японію, по словамъ опытнаго судьи генерала Гродекова, охватили крайній милитаризмъ. Даже въ окрестностяхъ самаго мирнаго города Нагасаки школьники производятъ двухсторонніе маневры, носятъ форменныя фуражки, стрѣляютъ изъ ружей, ходятъ стройно и вполнѣ подчинены дисциплинѣ. На маневры школьниковъ военное начальство командируетъ горнистовъ для подачи сигналовъ. Всѣ храмы украшаются трофеями недавнихъ побѣдъ надъ китайцами. Военный флотъ Японіи имѣетъ особенно большое значеніе, такъ какъ весь составъ служащихъ можетъ быть названъ моряками по природѣ.

Для упроченія промышленности Японія развиваетъ собственное горное и стальное дѣло и множество японцевъ командируются за границу для изученія техники. Въ отношеніи увеличенія промышленности японцы доходятъ даже до курьезовъ. Они учредили, на примѣръ, общество съ капиталомъ въ миллионъ іенъ (долларовъ) для эксплуатація рудниковъ въ Перу! Между тѣмъ скудные капиталы Японіи съ успѣхомъ могли бы найти приложеніе въ собственной промышленности. Большая часть каменнаго угля въ Японіи про-

должаеть добываться базеннымп средствами. А это одинъ пзъ важнѣйшихъ предметовъ вывоза. Теперь можно проѣхать по желѣзнымъ дорогамъ въ одинъ день пзъ Токио до Киото и до Аоморп, на сѣверномъ берегу Нипона. 3,000 в. рельс. путей уже открыты для движенія и новая программа желѣзнодорожныхъ сооружеиій, на которыя предполагается пзрасходовать 85 милл. руб., одобрена парламентомъ. Параллельно съ этимъ прогрессируютъ и другія усовершенствованія. Конки, газъ, электричество, телефоны и телеграфы стали общимъ достоянїемъ городскихъ жителей.

Огромная контрибуція не даетъ однако возможности покрывать всѣ эти расходы и вводятся новые налоги, особенно много ихъ ввелъ маркизъ Ито въ 1896 г. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что и до войны японскїе финансы начали приводиться въ порядокъ и японцы возстановили размѣнъ своихъ бумажекъ. Они выпустили постепенно рядъ 5-ти процентныхъ внутреннихъ займовъ и занятя деньги употребили на постройку желѣзныхъ дорогъ и развитіе военнаго флота, вносимые же за облигаціи кредитные билеты уничтожали. Ежегодно уничтожалось на 11 или 12 мил. руб. бумажныхъ денегъ. Японцы сдѣлали только то, что одновременно рѣшили и мы сдѣлать (Указъ 1-го января 1881 г.), при лажѣ на 20 проц. меньшемъ японскаго, но разница, что они довели свой планъ до конца, а мы на первыхъ же порахъ остановились, пугаемые ложными опасеніямп. Министръ финансовъ, который пожелаеть гдѣ-либо провести проектъ возстановленія валюты до конца, долженъ, какъ пзвѣстный герой изъ «Тысячп и одной ночи», ѣхать прямо не оглядываясь, какія бы ему видѣнїя со всѣхъ сторонъ ни представлялись и какїе бы ужасные крики онъ сзади себя ни слышалъ. Въ послѣднее время однако внутреннїе займы не удавались, а по сдѣланному въ Лондонѣ займу подписано было только 12⁰/₀.

Блестящіе военные успѣхи Японїи не противорѣчатъ тому, что я говорилъ выше объ ихъ прогрессѣ. Военные успѣхи дѣло техники. Наши успѣхи въ концѣ царствованія Петра Великаго точно также казались поразительными въ Европѣ, между тѣмъ теперь несомнѣнно доказано, что въ началѣ XVIII столѣтїя русскїй народъ страшно обѣднѣлъ и культура его въ общемъ пошла скорѣе назадъ, чѣмъ впередъ. Нельзя, впрочемъ, отрицать, что хотя многія нововведенія въ Японїи представляютъ не болѣе, какъ карриатуру, но много заимствовала Японїя у Европы и полезнаго. Изъ статистики Японїи, прекрасно замѣчу, организованной сравнительно съ трудами нашего центрального статистическаго комитета, видно, что въ Японїи существуетъ для взиманія прямыхъ налоговъ кадастръ, котораго у насъ нѣтъ. Недавно введенные у насъ переводы денегъ по почтѣ, вмѣсто пересылки денегъ, давно прекрасно дѣйствуютъ въ Японїи.

Свѣдѣнїя объ общественнымъ здравїи сообщаютъ, между про-

чимъ, данныя о причинахъ смерти и занятіяхъ всѣхъ умершихъ, а равно объ ихъ лѣтахъ. Число врачей и аптекъ, пропорціональное населенію въ Японіи, значительно превосходитъ число таковыхъ въ Россіи, а смертность между подвидами поразительно мала. Пропорціонально населенію японцы читаютъ вдвое болѣе нежели русскіе, а воруютъ сравнительно въ Японіи немного. У насъ изъ Ярославской жел. дороги болѣе было украдено, чѣмъ деньгами во всей Японіи за пять лѣтъ. Несмотря на развитіе бюрократіи, всѣ чиновники въ Японіи, включая и казенное духовенство, весьма малочисленное, получили за 1884 годъ жалованья около трехъ милліоновъ руб. Пропорціонально населенію для Россіи это составило бы около 10-ти мил. руб., между тѣмъ у насъ чиновники только наградъ, пособій, подъемныхъ и др. экстраординарныхъ выдачъ получаютъ болѣе 15-ти мил. руб. въ годъ. Очевидно, самоуправленіе развито еще въ Японіи, но на островахъ Иесо и Окинава земскія учрежденія пока не введены.

Такъ какъ по послѣдней переписи, сдѣланной статистическимъ бюро, въ Японіи было 42 мил., а съ Формозой 45 мил. жителей, то, по мнѣнію европейскихъ купцовъ и газетъ, торговля Японіи съ иностранцами, представляющая нынѣ оборотъ по ввозу и вывозу только 450 мил. руб., способна была бы къ еще большому развитію.

Привозъ товаровъ въ Японію состоитъ преимущественно изъ бумажной пряжи, бумажныхъ и шерстяныхъ тканей, сахара и керосина; вывозъ — изъ шелка, шелковичныхъ коконовъ и лячекъ, чая и небольшого количества ржи, пшеницы, мѣди, табака. Хотя по таможеннымъ цифрамъ торговля почти балансируется, но онѣ не даютъ точнаго понятія о положеніи вещей. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ горячки и наживы, особенно по казеннымъ подрядамъ, барыши европейской торговли сократились. Между иностранцами, торгующими въ Японіи, первое мѣсто безспорно принадлежитъ англичанамъ. Послѣ Англіи второе мѣсто занимаютъ Соединенные Штаты. Замѣчательно однако, что хотя отпускъ японскихъ товаровъ въ Америку всегда превосходитъ привозъ оттуда въ Японію, но это не влияетъ на приливъ монеты, ибо вексельныя операціи между Японіей и Соединенными Штатами ливидируются въ Лондонѣ и выгодный торговый балансъ съ Америкою поглощается невыгоднымъ съ Англіей. Керосинъ — важнѣйшій товаръ, доставляемый изъ Америки.

Въ торговлѣ Японіи съ Франціей по привозу важнѣйшую роль играютъ муселпнъ де-лены, а по вывозу шелкъ-сырецъ. Съ Италіей у Японіи торговля весьма незначительна. Германія доставляетъ Японіи металлы и шерстяныя издѣлія, но почти ничего у нея не покупаетъ. Изъ Швейцаріи привозятъ много часовъ, покупаемыхъ, впрочемъ, въ числѣ французскихъ товаровъ.

Гораздо существеннѣе торговля съ Китаемъ. Изъ Китая до-

ставляются не только сахаръ и другіе китайскіе товары, но и многіе европейскіе. Между китайцами есть довольно богатые купцы; европейцы ихъ пренебрегаютъ, подъ предлогомъ своей высшей цивилизаціи, на самомъ же дѣлѣ какъ опаснѣйшихъ своихъ соперниковъ, которые быстро идутъ къ перевѣсу въ коммерческихъ дѣлахъ на всѣхъ рынкахъ, особенно въ Нагасаки, а отчасти и въ Токогамѣ. Японцы, хотя и презираютъ сыновъ Небесной имперіи, какъ обманщиковъ, но предпочитаютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣть дѣла съ ними, потому что тѣ за все берутъ дешевле европейцевъ. Это же служитъ причиною, что въ руки китайцевъ перешла почти вся розничная торговля, китайцы же захватываютъ денежные операціи. Несмотря на всѣ ихъ потуги, у японцевъ нѣтъ крупныхъ коммерческихъ способностей и въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, они стоятъ ниже своихъ соперниковъ въ Небесной имперіи: они чрезвычайъ осторожны, являясь здѣсь, какъ и вездѣ, расчетливыми и осмотрительными игроками, безъ капли азарта. Но этого мало, за рѣдкими исключеніями и добросовѣстность ихъ очень невысока.

Слабѣе всѣхъ развились торговые обороты у Японіи съ Россіей, несмотря на близкое сосѣдство русскіхъ владѣній въ Тихомъ океанѣ съ Японскимъ архипелагомъ, на учрежденіе въ 1880 г. постоянныхъ рейсовъ Добровольнаго флота, компаніи Шувалова, Восточно-Китайскаго пароходства и на старинныя попытки установить торговлю между двумя странами.

Но съ тѣхъ поръ какъ Тихій океанъ былъ впервые въ XVII столѣтіи достигнутъ казакомъ Москвитиннымъ, можно указать лишь на робкія и непослѣдовательныя попытки съ нашей стороны пользоваться этимъ океаномъ. Уже ставъ твердо ногою на немъ, мы ждали слишкомъ сто лѣтъ, чтобы при Екатеринѣ, въ 1786 году, признать необходимость въ отправленіи русской экспедиціи вокругъ свѣта. Дѣло, однако, ограничилось разговоромъ и осуществилось только, когда Крузенштернъ, возвратясь въ 1799 году изъ службы въ англійскомъ флотѣ, гдѣ онъ совершилъ плаваніе къ берегамъ Китая, представилъ свой проектъ о сообщеніи моремъ нашихъ европейскіхъ портовъ съ восточными.

Но и послѣ экспедиціи Крузенштерна Тихій океанъ посѣщался только военными судами, оставаясь въ монопольномъ пользованіи Россійско-Американской компаніи. Мы не будемъ разбирать дѣятельности этой компаніи, обратившейся мало-по-малу изъ руссійской въ нѣмецко-чухонскую; замѣтимъ только, что даже въ одинъ изъ наиболѣе цвѣтущихъ для компаніи годовъ, 1846-й, когда былъ открытъ Аянскій портъ и сообщеніе его съ Якутскомъ обезпечено, она имѣла въ Тихомъ океанѣ только 9 небольшихъ судовъ, въ томъ числѣ 2 парохода. Доходы компаніи простирались до 997,483 руб., расходы до 873,435 руб., а вся чистая прибыль отъ монополіи до 124,048 рублей! И это уже въ такое время, когда англи-

чане открыли доступъ европейскимъ судамъ въ важнѣйшіе порты Китая.

Незначительности русской торговли и русскаго судоходства въ Тихомъ океанѣ содѣйствовало и то обстоятельство, что мы держались въ самыхъ сѣверныхъ частяхъ его, хотя неопредѣленность разграниченія по Нерчинскому трактату оставляла за Россію полное право на возвращеніе отъ Китая Амурскаго бассейна. Важность обладанія этимъ бассейномъ очень хорошо сознавали и Петръ Великій, и Екатерина; мнѣнія о необходимости возвращенія намъ Амура периодически доходили до Петербурга, но подобное предпріятіе требовало значительныхъ затратъ и достаточнаго числа войскъ, на что тогда не имѣлось ни средствъ, ни удобствъ въ передвиженіи. На бездѣйствіе вліяли, о чемъ я говорилъ выше, отчасти и географическія заблужденія Лаперуза и Браутона. Впрочемъ, по мнѣнію г. Венюкова, ошибка Лаперуза и Браутона невольнымъ образомъ послужила къ выгодѣ Россіи, потому что иначе—какъ знать!—на мѣстѣ нынѣшнихъ Николаевска, Владивостока или Новгородскаго поста не красовались ли бы иностранные торговые города, въ родѣ Шанхая и Гонконга.

Г. Венюковъ въ своей интересной и полной поучительныхъ фактовъ книгѣ «Обозрѣніе Японскаго архипелага» несправедливо утверждаетъ, будто бы Екатерина II первая оцѣнила значеніе, какое можетъ имѣть для Россіи Японія. Еще Петръ Великій хотѣлъ завести торговлю Россіи съ Японіей. Въ 1722 году комерцъ-коллегія спрашивала у Хрущева, инспектора Сибирской губерніи: «не можно ли водяной ходъ ради купечества учинить нѣкоторыми рѣками, которыя впали въ море Великой Тартаріи, и на иное море, которое къ Японіи подлежить?» Въ инструкціи нашему первому консулу въ Китаѣ, Лангу, было сказано: «надлежитъ какъ возможно о японскомъ торгѣ и о ономъ государствѣ подлинно увѣдомиться, того ради, что когда его императорское величество изводитъ учинить рѣкою Амуромъ ѣздить, то вѣрно есть, что изъ всѣхъ торговъ руссіейскихъ никакой бы торгъ прибыльнѣйшій не былъ, какъ сей, а особливо ради малыхъ коштовъ или убытковъ и безопасности въ ѣздѣ русскихъ и въ провозѣ своихъ товаровъ и оттуда въ вывозѣ другихъ. А у голландцевъ сіе купечество, которое они туда имѣютъ, есть самое важное»...

Прямые сношенія Россіи съ Японіей начались, впрочемъ, съ Екатерины посылкою въ 1792 году поручика Лахмана изъ Охотска въ Матсмай съ потерпѣвшими у русскихъ береговъ крушеніе японцами. Эта экспедиція не имѣла никакого значенія. Болѣе ожидали отъ посылки въ 1804 году съ экспедиціей Крузенштерна камергера Рязанова въ качествѣ посланника. Но все предпріятіе кончилось неудачей, и русскій корабль, стоявъ пять мѣсяцевъ въ Нагасаки, вернулся ни съ чѣмъ. Причинами, безъ сомнѣнія, были неумѣлое поведеніе Рязанова и происки голландской фак-

торіи, видѣвшей въ русскіхъ торговыхъ соперниковъ. Еще неудачнѣе окончилась посылка въ 1811 году Головинна; японцы его выдержали два года въ плѣну и, возвращая въ 1813 г. Риборду, прямо заявили о нежеланіи своемъ имѣть сношенія съ русскими. Это же нежеланіе сказалося и сорокъ лѣтъ послѣ, когда въ 1852 году корабль Россійско-Американской компаніи «Князь Меншиковъ» бросилъ якорь въ заливѣ Симодѣ, чтобы сдать семерыхъ японцевъ, потерпѣвшихъ крушеніе и спасенныхъ русскими.

Но японцы заговорили другое, когда въ 1853 году, одновременно съ американской экспедиціей Перри, явилась къ берегамъ Японіи русская эскадра вице-адмирала Путятина. Послѣ полуторогодовыхъ переговоровъ 14-го января 1855 года былъ подписанъ въ Симодѣ договоръ, которымъ открывались для Россіи двѣ японскія гавани, устанавливалась граница между обѣими имперіями, русское правительство получало право назначать консула въ одинъ изъ японскихъ портовъ, русскіе причислялись къ наиболѣе благопріятствуемымъ въ Японіи націямъ и могли пользоваться всѣми преимуществами, какія только даруются другимъ иностранцамъ.

Успѣхи англо-французовъ въ Китаѣ еще болѣе смирили японцевъ, и въ 1858 году они заключили рядъ договоровъ, открывавшихъ болѣе широкій доступъ въ Японію иностранцамъ. Соответственный этому русскій договоръ былъ заключенъ 7-го августа 1858 г. Путятинымъ и служилъ долгое время основаніемъ для нашихъ сношеній съ Японіей. По этому договору сверхъ Хокодате и Нагасаки были открыты Канагава (Токогама), Хіого (Кобе) и обѣщанъ еще одинъ портъ на о. Нипонѣ. По Симодскому трактату, границею Россіи съ Японіей былъ опредѣленъ проливъ, отдѣляющій острова Итуруръ и Урупъ, островъ же Сахалинъ (Крафто) оставленъ «нераздѣленнымъ между Россіей и Японіей, какъ было до сего времени». Дѣйствительно, оба государства съ конца прошлаго столѣтія пытались водвориться на Сахалинѣ, но ни одно не приняло на себя трудъ устроить тамъ какую-либо административную организацію, которая подтверждала бы права ихъ на владѣніе островомъ. Хотя владѣніе *de facto* южною частью острова было признано за японцами еще въ 1780 году, если можно назвать постройку нѣсколькихъ рыбацкихъ хижинъ дѣйствительнымъ занятіемъ извѣстной территоріи; но въ 1803 году, при отправленіи Рязанова посломъ въ Японію, Сахалинъ считался отъ японцевъ независимымъ. Принятый очень дурно, Рязановъ заявилъ японскому правительству, чтобъ оно не простирало своихъ владѣній далѣе о. Матсмая. Въ 1812 году Россійско-Американская компанія приступила къ занятію и заселенію Сахалина, но начавшіеся переговоры съ Японіей о выдачѣ плѣннаго Головинна заставили приостановить это дѣло. Русскіе съ тѣхъ поръ описали берега Сахалина; лейтенантъ Хвостовъ объявилъ даже въ 1807 г.,

что островъ принять въ подданство Россіи; японцы между тѣмъ отправлялись туда на рыбную ловлю и вели мѣновую торговлю съ туземнымъ населеніемъ—айнами, но никто не водворялся достаточно прочно. Въ то время наша дипломатія дѣйствовала на Дальнемъ Востокѣ весьма нерѣшительно, поэтому русское правительство въ 1816 году отказалось подтвердить актъ присоединенія, совершенный Хвостовымъ.

Дѣло оставалось въ неопредѣленномъ положеніи до 1854 года, когда Путятинъ возбудилъ вопросъ о разграниченіи острова; но японское правительство уклонилось отъ переговоровъ, не видя потребности въ разграниченіи. Совсѣмъ другое значеніе получила этотъ вопросъ, когда были открыты на Сахалинѣ значительныя мѣсторожденія каменнаго угля и устроены рудникъ около Дуэ. Въ минеральномъ топливѣ крайне нуждается весь Тихій океанъ и открытіе его такъ близко отъ нашихъ восточныхъ военныхъ портовъ было событіемъ весьма важнымъ. Съ этой минуты Сахалинъ приобреталъ и значительное экономическое значеніе, почему были устроены первыя русскія поселенія на островѣ и начались его изслѣдованія, практическія и научныя. Когда же возникъ вопросъ о превращеніи Сахалина въ обширную пенитенціарную колонію, изслѣдованія острова приняли еще болѣе серьезный характеръ. Между тѣмъ и японцы не дремали: съ развитіемъ своего судоходства и подъ влияніемъ того оживленія, которое замѣчалось у нихъ во всѣхъ отрасляхъ дѣятельности, они начали навѣзвать все чаще въ южную часть Сахалина, особенно къ заливу Анива, и были тамъ посты, гдѣ русскіе линейные солдаты жили въ одной казармѣ съ японскими.

Неудобство такого страннаго положенія было замѣчено прежде всего японцами, которые пытались было ходатайствовать о возвращеніи имъ Сахалина, но, встрѣтивъ рѣшительный отказъ, пошли на разныя сдѣлки. Одною изъ такихъ среднихъ мѣръ была конвенція, заключенная съ японскимъ посольствомъ Стремоуховымъ въ С.-Петербургѣ въ 1867 году. Изъ этой конвенціи, весьма неясной по своему содержанію, видно, что наше правительство предлагало и получило нѣчто въ родѣ предварительнаго согласія—уступить Россіи весь Сахалинъ, съ вознагражденіемъ Японіи частью Курильскихъ острововъ. Японскіе чиновники осматривали затѣмъ эти острова. Окончательно обмѣнъ былъ сдѣланъ по договорамъ 25-го апрѣля и 10-го августа 1875 г. Судя по книгѣ А. Лонскаго, гдѣ собраны всѣ данныя о Курилахъ, острова эти въ экономическомъ отношеніи представляютъ самую малую цѣнность. Изъ двадцати двухъ болѣе значительныхъ острововъ Курильской группы, девятнадцать составляютъ безспорную собственность Россіи, но далѣе четырнадцатаго почти не заходило русское вліяніе. Острова эти, населенные небольшимъ числомъ мохнатыхъ курильцевъ, очень бѣдны, почва камениста, мало плодородна, лѣса не-

значительны, рыбы, звѣря и птицы также немного, доступъ судамъ затруднителенъ. Потому уступка не имѣла для Россіи въ промышленномъ отношеніи значенія и сократила даже нѣкоторые расходы правительства. Уступка острововъ японцамъ была нежелательна развѣ потому, что Курильская гряда запираетъ Охотское море, окруженное со всѣхъ сторонъ русскими владѣніями, и потому территоріальность этого моря нигдѣмъ серьезно не оспаривалась. Оставить же это море закрытымъ (*mare clausum*), что немислимо безъ сохраненія за собою Курильскихъ острововъ, представляло для Россіи нѣкоторыя выгоды. Не говоря о политической и военной точкахъ зрѣнія, на прикрытіе весьма важныхъ устьевъ Амура, въ торговомъ отношеніи Охотское море представляетъ цѣнность по изобилію китовъ и всякаго звѣря. Правда, его богатствами русскіе не пользовались сами и не получали ровно ничего отъ тѣхъ иностранцевъ, которые пріѣзжали туда безъ всякаго разрѣшенія, увозили ежегодно добычу на миллионы долларовъ и устраивали даже на русской землѣ постоянныя поселенія, совершенно игнорируемыя нашими административными географами; но никто не мѣшалъ Россіи воспользоваться своимъ правомъ, еслибъ она того захотѣла. Наши эскадры бездѣйствовали въ мирное время въ военныхъ портахъ, или крейсировали у береговъ Италіи и Греціи, хотя было гораздо цѣлесообразнѣе крейсировать въ Охотскомъ морѣ и собирать пошлины съ иностранныхъ промысловыхъ судовъ. Конечно, подобное крейсерство обошлось бы не дешево, но оно покрылось бы сборомъ съ чужеземныхъ промышленниковъ, а косвенно—качественнымъ улучшеніемъ экипажей нашего военного флота.

Съ географической точки зрѣнія, Сахалинъ лежитъ внѣ линіи, образуемой Курилами и Японскимъ архипелагомъ, но для Приморской области Восточной Сибиря островъ этотъ образуетъ весьма важный передовой стратегическій пунктъ. Сахалинъ тянется на протяженіи почти 900 верстъ параллельно нашему берегу Приморской области и запираетъ входъ въ устье Амура; проливъ между островомъ и материкомъ замерзаетъ зимою на четыре мѣсяца и тѣмъ открываетъ удобное сообщеніе по льду. Очевидно, что при такихъ условіяхъ оставлять часть острова въ рукахъ державы, сооружавшей усиленно броненосный флотъ и вооружавшей армію скорострѣльными ружьями, было бы для насъ крайне нерасчетливо, и предусмотрительность требовала вырѣшить вопросъ о Сахалинѣ въ то время, когда никакихъ значительныхъ интересовъ Японія съ своими правами на островъ еще не соединяла.

Дополненіемъ къ трактату 1858 г. послужила торговая конвенція 11-го декабря 1867 года, подписанная г. Бюдовымъ въ Ходатѣ, съ приложеніемъ таможенного тарифа. Дальнѣйшее развитіе торговыхъ сношеній Японіи вызвало желаніе измѣнить существующіе трактаты. Жалобы на эти трактаты шли съ обѣихъ

сторонъ. Иностранцы требовали прежде всего дозволенія иностранныхъ кораблямъ посѣщать возможно большее число прибрежныхъ пунктовъ, такъ какъ сухопутное передвиженіе товаровъ въ Японіи и затруднительно и дорого. Далѣе къ недостаткамъ трактатовъ относили то, что по японскому таможенному тарифу слишкомъ много пошлинь уплачивалось съ цѣны товара, а не по вѣсу.

Японцы также были недовольны трактатами и требовали ихъ пересмотра. Японцы добивались главнымъ образомъ права назначенія пошлины по своему произволу. Туземная печать высказала крайнюю запальчивость по этому предмету и заводила даже рѣчь объ изгнаніи европейцевъ. Къ счастью, правительство было благо-разумнѣе. Вотъ главнѣйшія возраженія японцевъ противъ трактатовъ: Японія во время ихъ подписанія была не полновластна и иностранныя державы воспользовались внутренними замѣшательствами, чтобы ограничить страну въ ея правахъ политическихъ, общественныхъ и торговыхъ; консулы рѣшали крайне пристрастно всѣ дѣла, гдѣ японцы подлежали ихъ суду; иностранныя державы расширили, вопреки смыслу трактатовъ, юрисдикцію своихъ консуловъ; державы эти нарочно затягивали пересмотръ трактатовъ, который обязательенъ былъ еще въ 1872 году; наконецъ,—существующія торговыя отношенія разорительны для Японіи и обогащаютъ только иностранцевъ.

По дѣйствовавшему таможенному тарифу иностранные товары доставлялись или беспошлинно, или уплачивали пошлину въ 5⁰/. Японцы были недовольны этимъ положеніемъ, убивающимъ ихъ промышленность, и желали измѣнить его. Переговоры о пересмотрѣ трактатовъ начались давно съ обѣихъ сторонъ. Еще въ 1879 г. представители иностранныхъ державъ приглашали японское правительство войти въ обсужденіе ихъ предложеній, а японскія торговыя палаты просили также пересмотрѣть трактаты, чтобы, уничтоживъ отпускныя пошлины (что уже сдѣлано), повысить привозныя. Съ своей стороны японцы желали отмѣнить вовсе экстерриториальность для иностранцевъ, что признавалось невозможнымъ въ виду соціальнаго положенія Японіи.

Международная коммиссія по пересмотру договоровъ открыла свои дѣйствія въ Токио въ 1882 г., но не привела къ результату; въ 1886 году была избрана новая конференція и, въ виду переустройства японскихъ судовъ, окончилась отмѣною консульской юрисдикціи. Въ 1898 г. японское правительство заявило, что намѣрено опять возбудить вопросъ о трактатахъ, и желало войти въ соглашеніе отдѣльно съ каждымъ правительствомъ.

Согласно съ этимъ, въ 1889 году былъ подписанъ договоръ о торговлѣ и мореплаваніи между Россіей и Японіей, причѣмъ послѣдняя давала намъ право наиболѣе благопріятствуемой націи, а мы не только признавали японскую юрисдикцію, но и отказывались отъ предлагаемаго намъ права назначить своего представи-

теля въ ассационный судъ. Общественное мнѣніе было тогда противъ новыхъ договоровъ; началось волненіе, о которыхъ я говорилъ. Поэтому, по просьбѣ японцевъ, договоръ 1889 г. былъ отсроченъ на неопредѣленное время.

Успѣхъ японцевъ на войнѣ съ китайцами сдѣлалъ державы болѣе сговорчивыми; по примѣру Англіи, Франціи, Германіи и Соединенные Штаты заключили новые договоры, причемъ согласились почти на тройное повышеніе пошлинъ. Японцы предлагали и намъ дать тѣ же конвенціонныя ставки, но наши дипломаты предпочли заключить особый договоръ, который и былъ подписанъ 27-го мая 1894 г. По этому договору намъ открылась вся Японія, остальные статьи цѣлкомъ заимствованы изъ англо-японскаго соглашенія. Договоръ вступилъ въ силу черезъ четыре года по подписаніи, т. е. въ 1898 году.

По поводу новыхъ договоровъ, нельзя не отмѣтить, что, если еще не такъ давно японцы смотрѣли на эту перемиѣну съ нескрываемымъ вожделѣніемъ и разсчитывали, что произойдетъ наплывъ иностраннаго капитала, то въ этомъ имъ повидному, придется разочароваться. Новые договоры крайне непопулярны въ мѣстныхъ иностранныхъ коммерческихъ колоніяхъ, а жизнь въ Японіи вздоржала болѣе нежели въ три раза въ теченіе какихъ-нибудь трехъ-четыреухъ лѣтъ.

Въ будущемъ расширеніе торговыхъ сношеній между Японіей и Россіей, и преимущественно съ Восточною Сибирью, можетъ быть сдѣлано съ большою выгодой для обѣихъ странъ; необходимо только избѣгать ошибокъ, въ которыя впали другія европейскія государства и Америка. Чтобы торговля имѣла прочное основаніе, надобно, чтобы она была обоюдовыгодна, а не оказывалась бы на дѣлѣ эксплуатированіемъ одной страны другою, какъ это случилось при первыхъ торговыхъ сношеніяхъ Японіи съ европейскими государствами и Америкой, вслѣдствіе чего торговля далеко не получила того развитія, какого можно было ожидать отъ открытія столь обширнаго рынка какъ Японія.

Россія оказываетъ Японіи нѣкоторую пользу проведеніемъ Манчжурской желѣзной дороги и открытіемъ для японскихъ товаровъ манчжурскихъ рынковъ. Только идя рука объ руку съ Россіей, Японія можетъ выйти съ успѣхомъ изъ того тяжелаго экономическаго кризиса, въ который повергли ее коварныя совѣты Англіи, подсказывавшей ей несоразмѣрныя вооруженія.

Мердохъ (Murdoh) въ своей книгѣ «Японія и Россія на Востока», приходитъ къ заключенію, что Японія, несмотря на то, что внутреннее ея устройство оставляетъ желать много лучшаго, въ настоящее время совсѣмъ готова къ войнѣ. Флотъ ея достигаетъ 220,000 тоннъ, противъ которыхъ русскіе могутъ выставить въ Тихомъ Океанѣ лишь 85 или 90 тысячъ тоннъ. Сухопутныя силы Японіи также гораздо сильнѣе русскихъ. Если вѣ-

рять Мердоху, въ случаѣ войны 110,000 русскимъ придется бороться съ 540,000 японцевъ! Прозойти конфликтъ между этими державами долженъ изъ-за Кореи, обладаніе которою является-де вопросомъ жизни для японцевъ, такъ какъ избытокъ населенія заставляетъ ихъ искать новыхъ колоній.

Все это сильно преувеличено. Наша дипломатія выбила Японію изъ позиціи, гдѣ она одинаково угрожала бы и Китаю, и Корей, да отчасти и нашимъ восточно-сибирскимъ владѣніямъ. Конечно, это не можетъ нравиться японцамъ и ихъ отношенія къ намъ напоминаютъ теперь наши отношенія къ Англіи послѣ Берлинскаго трактата. Но намъ этимъ смущаться нечего. Въ короткий срокъ мы почти удвоили нашу армию въ Приамурскомъ генераль-губернаторствѣ. А затѣмъ остаются еще въ запасѣ подкрѣпленія изъ Западной Сибири и Иркутскаго генераль-губернаторства. Тихо-океанская эскадра наша также усиливается; годика черезъ два намъ Японія не будетъ опасна и въ союзѣ съ Англіей. Окончаніе сибирской желѣзной дороги, при помощи которой мы можемъ насколько угодно усиливать наши боевыя силы на берегахъ Тихаго океана, совершенно обезпечить наше положеніе. Официально, впрочемъ, съ Японіей мы находимся въ дружбѣ и японцы думаютъ даже усиливать съ нами непосредственныя торговыя сношенія, особенно съ черноморскими портами Кавказа.

Одна японская газета очень вѣрно опредѣлила мотивы, которыми будетъ руководствоваться въ своей политикѣ Японія. Газета отправляется въ своихъ разсужденіяхъ отъ того факта, что между Англіей и Россіей происходитъ теперь соперничество за преобладаніе въ восточной Азіи и что шансы побѣды обѣихъ сторонъ теперь одинаковы. «Но чашка вѣсовъ,—говоритъ газета,—должна будетъ быстро склониться въ сторону той изъ державъ, въ которой примынетъ Японія. Въ этомъ именно положеніи Японія и кроется ея успѣхъ въ будущемъ. Въ ея волѣ дать Англіи или Россіи пальму первенства на Дальнемъ Востокѣ. Антагонизмъ между Россіей и Англіей создастъ Японіи тотъ пьедесталь, съ высоты котораго она властно будетъ диктовать свои условія»... На чью сторону склонятся симпатіи японскаго народа, газета не говоритъ, но убѣждена, что все изложенное выше совершится, потому что оно продиктовано не пустымъ тщеславіемъ, а изученіемъ общаго положенія дѣлъ на Дальнемъ Востокѣ. «Сила Японія заключается въ томъ положеніи, какое создаетъ антагонизмъ интересовъ Россіи и Англіи».

Эта откровенность заставляетъ насъ быть очень осторожными, такъ какъ приходится имѣть дѣло съ людьми хотя и хитрыми, но чрезвычайно скрытными, живыми и утонченно вѣжливыми. Въ серьезный моментъ, когда нужна будетъ ихъ поддержка, они съ легкимъ сердцемъ измѣнятъ, а потому на нихъ разсчитывать въ чемъ либо было бы крупной политической ошибкой.

На помощь православныхъ японцевъ намъ рассчитывать не слѣдуетъ. Число православныхъ японцевъ, пользующихся полнѣйшею свободою богослуженія, опредѣляется въ 17,000. Таковы оффиціальныя результаты. Касательно же дѣйствительныхъ я полагаю, что мечтать объ обращеніи Японіи въ православіе все равно, что думать осушить Японское море, да и нужда въ подобномъ обращеніи та же, какъ если бы мордву выучить испанскому языку. Миссія, впрочемъ, приносить намъ нѣкоторую услугу, приготовляя японцевъ, понимающихъ по-русски. Наши моряки въ Тенасѣ занимались тѣмъ же, но, конечно, путь нравственный и прямой лучше пути косвеннаго. Пропаганда дѣло до такой степени русскому духу не свойственное, что нѣтъ повода опасаться, что духовенство наше повлечетъ насъ къ какимъ-нибудь полптическимъ непріятностямъ въ Японіи. Кромѣ того, значительная часть расходовъ по водворенію православія въ Японіи идетъ на счетъ частныхъ пожертвованій.

Иностранная печать одно время серьезно занималась извѣстіемъ о формальномъ союзѣ между Японіей и Китаемъ. Слухи о такомъ сближеніи появлялись и опровергались не разъ; во всякомъ случаѣ безспорно, что между Китаемъ и Японіей велись переговоры. Китайско-японскій союзъ направлялся прежде всего противъ Россіи и опирался естественнымъ образомъ на Англію. Въ послѣдніе два года настроеніе въ Китаѣ измѣнилось такъ сильно, что слухи о приглашеніи русскихъ инструкторовъ въ китайскую армію не осуществились, но это, кажется, не отъ вліянія японцевъ, а оттого, что китайское правительство съ тѣхъ поръ, какъ ему удалось дать отпоръ притязаніямъ Италіи, опять стало поддаваться чувству ненависти къ европейцамъ, и оно полагало, повидимому, возможнымъ избавиться отъ всѣхъ пришельцевъ.

А М Е Р И К А.

XXIX. СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ.

Большинство русских, посѣтившихъ Америку, сильно разочаровалось въ ней. О себѣ скажу—наоборотъ. Отправившись въ Соединенные Штаты нѣсколько подъ впечатлѣніемъ «Uncle Sam» и разныхъ вздорныхъ книжекъ, до путешествія Диксона включительно, я послѣ двукратнаго пребыванія въ этой странѣ, возвратился вынеся скорѣе хорошее, нежели дурное впечатлѣніе.

Нерѣдко читаешь, что опытъ будто бы доказалъ, что американскія учрежденія были соотвѣтствующими только тогда, когда въ мѣстномъ населеніи жилъ еще духъ первыхъ эмигрантовъ изъ Европы, основателей республики, людей политически разумныхъ и нравственно религіозныхъ, а что теперь одно численное большинство безъ достаточнаго образованія и при упадкѣ нравственности (?) не въ состояніи охранить никакія учрежденія отъ искаженія. Другіе увѣряютъ, что, съ уничтоженіемъ равновѣсія власти отдѣльныхъ штатовъ и центральной, прежняя конституція на дѣлѣ уничтожена и что въ настоящее время, какая бы партія ни захватила власть въ Вашингтонѣ, противъ ея произвола не существуетъ уже огражденія американскому гражданину, а имена республики, свободы, равенства—только одна горькая иронія. Эти смѣлыя утвержденія публицистовъ—грубая мистификація европейской публики.

Безъ сомнѣнія, каждая страна имѣетъ свои достоинства и свои недостатки. Идеала нѣтъ и его въ Americѣ не достигли и не достигнутъ. Но если положить на вѣсы худыя и хорошія стороны, то навѣрное въ Соединенныхъ Штатахъ, сравнивая ихъ съ Европою, хорошее сильно перетянетъ въ свою сторону. То, что сказалъ объ Americѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія Стендаль (Henry Beyle), остается вполне вѣрнымъ. «Свободное правительство, говоритъ онъ, это правительство, которое не дѣлаетъ ни-

чего дурного своимъ подданнымъ, а, наоборотъ, доставляетъ имъ тишину и спокойствіе. Но отъ этого еще далеко до счастья. Последняго человѣкъ долженъ самъ достигнуть, ибо только очень грубыя натуры могутъ быть вполне счастливыми ради того, что они спокойны и находятся въ безопасности. Мы смѣшиваемъ эти вещи въ Европѣ, приученные къ правительствамъ, которыя причиняютъ намъ вредъ; избавиться отъ послѣднихъ кажется намъ высшимъ блаженствомъ. Это то же самое, какъ положеніе больныхъ, которымъ прискучила ихъ продолжительная болѣзнь. Примѣръ Америки доказываетъ, однако, что одного этого не достаточно»...

Къ недостаткамъ Америки относятъ обыкновенно буржуазный характеръ ея общества. Она и издали, и въблизи представляется сборищемъ трудолюбивыхъ и ловкихъ мѣщанъ; интересы науки, искусства, утонченной цивилизаціи стоятъ тамъ на второмъ планѣ, трудъ и ординарный незамысловатый комфортъ — на первомъ. Правда, и въ Америкѣ замѣтно пзвѣстное различіе въ манерахъ, образованіи, образѣ жизни, но преимущественно преобладаетъ одинъ типъ. Если Россію называютъ мужицкимъ царствомъ, то Америку съ такимъ же основаніемъ можно назвать мѣщанскимъ царствомъ. Желѣзныя дороги и гигантскія сооруженія построены здѣсь въ интересъ всѣхъ, въ размѣрахъ, о которыхъ Европа не имѣетъ никакого понятія; народная школа и газета доведены до нес plus ultra доступности и дешевизны и, какъ общій результатъ, — довольство массы, довольство политическое и социальное. Я разумю именно массу, потому что въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ по временамъ, а особенно тамъ, гдѣ волна голодной европейской эмиграціи бьетъ непрерывно, легко указать множество ничего не доказывающихъ исключеній.

Не считая древней Греціи, исторія не знаетъ почти республикъ демократическихъ. Республика и олигархія въ Европѣ сдѣлались синонимами. Американская конституція — любопытное твореніе человѣческаго разума — создала демократическое государство, размѣры котораго могутъ увеличиваться по произволу безъ всякаго опасенія за единство страны. Хотя каждый новый штатъ имѣетъ право сочинить себѣ какую угодно конституцію, онъ не находитъ, однако, ничего лучшаго, какъ копировать старую федеральную. Это фактъ.

Въ Америкѣ указываютъ на различныя злоупотребленія администраціи. Эти злоупотребленія дѣйствительно существуютъ, но они дѣло партій, и конституція тутъ не причеъ, а развѣ имѣетъ то значеніе, что дозволяетъ всегда передать власть въ руки другой партіи, по-неволѣ искореняющей злоупотребленія. Въ Европѣ такой порядокъ вещей невымыслимъ, тамъ административныя ошибки передаются, такъ сказать, по наслѣдству. При этомъ трудно дѣлать сравненія. Если бы въ Европѣ была гласность, хотя на по-

ловину подобная американской, то злоупотреблений открылось бы, бычь можетъ, еще болѣе, чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Хотя въ Америкѣ, повидному, управляетъ толпа и всеобщая подача голосовъ, но, всматриваясь ближе, мы видимъ, что нигдѣ болѣе осторожно не готовятъ выборовъ и не обсуживаютъ такъ внимательно кандидатовъ. Если же выборы бывають подчасъ неудачны, то это доказываетъ, что худы не учрежденія, а люди.

О законодательствѣ американскомъ я считаю излишнимъ распространяться. Оно сочинено вновь и не знаетъ никакихъ предрасудковъ, кромѣ нѣкоторыхъ расовыхъ. Если американскіе законы страдаютъ тамъ чѣмъ-либо, то исключительно желаніемъ сдѣлать все для поощренія энергіи человѣка, предоставляя въ случаѣ столкновения вѣдаться съ судомъ, въ которомъ, увы! сидятъ опять тѣ же несовершенные люди. Судъ, однако, находится также въ рукахъ нуждающагося въ немъ державнаго народа и можетъ чрезвычайно легко освѣжаться болѣе здоровыми элементами. Доказательствомъ служитъ Калифорнія, гдѣ толпа оборванныхъ авантюристовъ въ короткое время обратилась въ собственниковъ, спокойно владеющихъ имуществомъ цѣнностью въ сотни миллионновъ.

Желѣзныхъ дорогъ въ Соединенныхъ Штатахъ—300 тысячъ верстъ протяженіемъ, болѣе чѣмъ во всей Европѣ въ сложности, и дороги эти выстроены превосходно, возятъ дешево, доставляютъ комфортъ, передъ которымъ европейская система можетъ сравниться развѣ съ перевозкою скота. Правда, американцамъ помогаетъ большое вообще пассажирское движеніе, ибо двигаться въ нихъ духѣ.

Школа въ Америкѣ является ранѣе, чѣмъ плугъ проводить по дѣвственной почвѣ первую борозду. Параллельно идутъ почта и телеграфъ. Точно также нѣтъ въ Америкѣ города, гдѣ не было бы газеты, т. е. гдѣ бы община не знала, что дѣлается на свѣтѣ, что дѣлается по сосѣдству и особенно въ ней самой. Гласность въ Америкѣ доведена до непонятнаго въ Европѣ развитія и злоупотребленія ея уничтожаются тѣмъ же развитіемъ печати. Хорошихъ и честныхъ газетъ такъ много, что безчестныя не могутъ съ ними конкурировать и мнѣніе ихъ считается только курьезомъ, а слѣдовательно клевета не можетъ марать порядочнаго человѣка. Джеферсонъ, знаменитый президентъ Американской республики и творецъ ея конституціи, преувеличивая роль печати, сказалъ даже: «что лучше жить въ странѣ безъ правительства, но гдѣ существуетъ печать, чѣмъ въ странѣ безъ газетъ, но съ самымъ лучшимъ правительствомъ».

Изо всѣхъ образованныхъ государствъ, не пслючая даже Англии, Соединенные Штаты сдѣлали въ нынѣшнемъ столѣтіи болѣе всего успѣховъ по части новыхъ изобрѣтеній въ механикѣ. Американцамъ принадлежитъ изобрѣтеніе пароходовъ, электрическихъ телеграфовъ, телефона, скоропечатныхъ машинъ, локомо-

билей, машинъ для обработки дерева и металловъ, паровыхъ жатвенныхъ машинъ, разныхъ сельскохозяйственныхъ машинъ, револьверовъ, броненосцевъ, швейныхъ машинъ и много другихъ полезныхъ въ мирномъ и военномъ отношеніи предметовъ.

Комфортъ Америки получилъ свое высшее выраженіе въ отеляхъ. Нѣтъ послѣдняго городишка, гдѣ бы не было отличной гостиницы, опрятной, комфортабельной и принаровленной къ потребностямъ всего населенія, а не одного богатаго класса; то же относится до клубовъ, кафе, жилыхъ построекъ, общественныхъ увеселеній и пр. Конечно, это достается не даромъ. Для тѣхъ, кто жалуется на тягость нашихъ земскихъ и городскихъ налоговъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ предъявляетъ къ выборнымъ учрежденіямъ высокія требованія благоустройства, весьма поучительны будутъ цифры, сообщаемыя лондонскимъ «Economist»'омъ. Оказывается, что въ Соединенныхъ Штатахъ мѣстные учрежденія имѣютъ долгъ въ 2.400.000,000 р. По этому долгу среднимъ числомъ уплачивается 6,17 процентовъ, на что требуется ежегодно 147.500,000 руб. процентовъ, или слишкомъ на 30 милл. руб. болѣе, чѣмъ на проценты по громадному государственному долгу Соединенныхъ Штатовъ. Что же удивительнаго, если американскіе города и земства, затративъ сверхъ огромныхъ текущихъ доходовъ болѣе 2¹/₂ миллиардовъ руб. экстраординарно (не считая еще долговъ погашенныхъ) на различныя украшенія и улучшенія, имѣютъ возможность щеголять передъ Европой своимъ высшимъ благообразіемъ. Замѣчательно, однако, и богатство американскаго народа, дающее ему возможность платить подобныя огромныя суммы мѣстныхъ налоговъ.

Такъ называемые моралисты, одобряя матеріальное благосостояніе, не хвалятъ нравственность американцевъ. Рыцарскаго, правда, очень мало въ американскомъ характерѣ, но отчего же толпы пьяныхъ ирландцевъ, попадая въ эту безнравственную страну, дѣлаются очень скоро честными и довольными отцами семейства и собственниками? Лучшая похвала Америкѣ все-таки заключается въ томъ, что послѣднею вполне довольны сами американцы. Съ дѣтскою радостью слушаютъ они всегда похвалы своей странѣ, хотя и безъ того убѣждены, что, оглядываясь кругомъ, они не найдутъ для себя въ цивилизованномъ мірѣ ничего лучшаго. Нельзя не пожелать такого же толковаго и сознательнаго патріотизма всѣмъ народамъ въ мірѣ!

Въ одномъ изъ театровъ Чикаго занавѣсъ въ аллегорической картинѣ изображаетъ необычайное возрожденіе этого города послѣ пожара въ 1871 г. Съ одной стороны пожаръ истребляетъ зданія; женщины и дѣти въ отчаяніи ломаютъ руки, а рядомъ кипитъ уже работа: архитекторы и инженеры чертятъ планы, рабочіе очищаютъ площадь, свозятъ матеріалы и роютъ фундаменты. Эта картина—не фантазія, а дѣйствительность, которая даже въ средѣ

практическихъ американцевъ возбудила удивленіе и сдѣлала для жителей Чикаго почетнымъ. Правда, что послѣднимъ помогали съ замѣчательною щедростью всѣ граждане Союза. Единодушіе американцевъ въ серьезные минуты поразительно; оно лучше всего показываетъ, что завѣреніе разныхъ близорукихъ писателей, по большей части Америки и въ глаза не видавшихъ, о нравственномъ разложеніи этого государства—чистѣйшая сказка или, вѣрнѣе, злонамѣренная клевета. Страна, гдѣ каждый доволенъ своимъ положеніемъ, гордится своею національностью и считаетъ свою страну недосыгаемымъ образцомъ для другихъ государствъ, имѣетъ, несомнѣнно, признаки живучести. Къ тому же такая гордость у американцевъ не есть квасной патриотизмъ, происходящій отъ круглаго невѣжества и незнанія условій другихъ странъ; напротивъ того, въ Америкѣ милліоны переселенцевъ изъ всѣхъ государствъ легко имѣютъ возможность сдѣлать сравненіе между тѣмъ благополучіемъ, которое они нашли въ новомъ отечествѣ, и тѣмъ, которое они оставили въ Европѣ.

Да не подумаютъ, что я выставляю Америку какимъ-то земнымъ раемъ, гдѣ стоитъ только захотѣть, чтобы въ ротъ полетѣли жаренныя перепелки. Нигдѣ, наоборотъ, такъ не трудно проложить себѣ безъ труда, или съ трудомъ призрачнымъ, дорогу; зато нигдѣ, имѣя здоровыя руки, нельзя достигнуть такъ скоро поразительной степени благосостоянія, какъ въ Америкѣ.

Доктринеры приписываютъ преуспѣяніе Америки исключительно ея политическимъ учрежденіямъ, но буквально тѣ же учрежденія въ Средней и Южной Америкѣ оказались совершенно безсильными сдѣлать что-либо изъ населенія, чуждаго идеѣ прогресса. Во всякомъ случаѣ, надобно признать, что, каково бы ни было мнѣніе о безусловномъ достоинствѣ джефферсоновской конституціи, въ Соединенныхъ Штатахъ она дѣйствуетъ замѣчательно хорошо. Сколько разъ въ послѣднее время происходили въ штатахъ выборы въ президенты и на безчисленное множество другихъ должностей, и эта агитація, несмотря на различіе и даже противоположность интересовъ Сѣвера, Юга и Запада, разныхъ расъ и т. п., шла спокойно въ средѣ 60-ти милліоннаго населенія. Но многіе, въ томъ числѣ и Катковъ, смотрѣли и смотрятъ иначе и предсказывали неминуемое провозглашеніе диктатуры въ Соединенныхъ Штатахъ, на томъ основаніи, что демократизація учреждений неизмѣнно приводитъ къ цезаризму. Греческія республики, устоявшія противъ персидскихъ полчищъ,—потомъ, когда власть демократіи достигла крайнихъ предѣловъ, легко стали добычей Македоніи. Римская республика, послѣ окончательнаго торжества демократіи, почти немедленно превратилась въ имперію цезарей. Точно также и Франція, насильственно оторвавшись отъ традиціонной монархіи, послѣ террора безропотно отдалась военному деспотизму; того же спасенія искала она и отъ демократіи 1848 г., и та же участь

недавно угрожала ей вновь, въ виду встрѣчаемыхъ ею затрудненій для возстановленія прерванныхъ преданій. Процессъ-де вездѣ одинъ и тотъ же; Соединенные Штаты только ошибочно казались исключеніемъ изъ общаго правила, такъ какъ въ нихъ процессъ политическаго развитія задерживался непомерно быстрымъ расширеніемъ территоріи.

Подобныя заключенія кажутся мнѣ черезчуръ странными и поспѣшными. Нѣтъ сомнѣній, что демократія, какъ каждая форма политическаго обществія, имѣетъ свои существенные недостатки, легко бьющіе въ глаза при гласности и публичности, свойственной этой формѣ; американская конституція не совершенна и не лишена крупныхъ погрѣшностей, обозначенныхъ столѣтнимъ опытомъ; но между признаніемъ необходимости сдѣлать поправки въ конституціонномъ зданіи и водвореніемъ диктатуры—огромная разница.

Расширеніе территоріи Соединенныхъ Штатовъ, которое представляется противовѣсомъ недостаткамъ демократическаго правленія, въ сущности, является наибольшимъ врагомъ для послѣдняго. До сихъ поръ Соединенные Штаты, несмотря на значительную эмиграцію изъ Европы, поддерживали сравнительно однородный составъ своего населенія и пользовались преимущественно умѣреннымъ климатомъ. Присоединеніе Канады съ ея развитымъ и спокойнымъ населеніемъ не измѣнило бы также чувствительно характера американскаго народа. Совсѣмъ другое дѣло, если американское правительство, пріобрѣтя Филиппины, Кубу и Сандвичевы острова, съ ихъ цвѣтнымъ населеніемъ, облегчитъ иммиграцію китайцевъ и не приметъ мѣръ для быстрого поднятія цивилизаціи въ средѣ чернаго племени,—тогда дѣйствительно демократическимъ учрежденіямъ можетъ грозить серьезная опасность, и Соединенные Штаты или распадутся на части, или усилятъ власть центральнаго правительства.

Къ послѣдному и теперь существуетъ стремленіе, постепенно усиливающееся съ каждымъ расширеніемъ территоріи и увеличеніемъ разнохарактерности населенія; но пока это касалось только правъ конгреса, президентъ же республики имѣлъ и безъ того власть, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ превосходящую власть иныхъ конституціонныхъ государей Европы. Размѣры этой власти велики, но кругъ ея дѣйствія незначителенъ. Хотя президентъ Соединенныхъ Штатовъ кажется и всемогущимъ, выбирая министровъ не изъ большинства конгреса, а по собственному усмотрѣнію; но въ сущности въ чемъ же можетъ проявиться его власть? Ему подчинена, правда, масса чиновниковъ, но лица эти стѣснены незначительностью круга дѣйствій федеральнаго правительства. Президентъ командуетъ арміей, которая не велика, косвенными налогами, почтамтами, индѣйскими дѣлами, иностранными сношеніями, идущими по традиціи, и т. д. При такой организаціи ис-

полнительная власть сильна лишь настолько, насколько сильна вообще партия, выдвинувшая ее вперед.

Всякое покушение центральной власти расширить свою самостоятельность должно непременно встрѣтить сопротивление въ отдѣльных штатахъ, которые представляютъ, за немногими исключениями, полноправныя государства. Ошибка лицъ, судящихъ объ Америкѣ, въ томъ и заключается, что они имѣютъ въ виду только федеральную конституцію, играющую, строго говоря, роль второстепенную. Каждый штатъ имѣетъ особую выборную систему, свой гражданскій и уголовный кодексъ, полновластно завѣдуетъ прямыми налогами, судебной частью, путями сообщения, торговыми дѣлами, народнымъ и религіознымъ образованіемъ, милиціей; во многихъ случаяхъ отдѣльные штаты Америки болѣе независимы отъ вашигтонскаго конгресса, нежели разныя государства Германіи отъ рейхстага. Эти права отдѣльных штатовъ и свобода ихъ измѣнять свою избирательную систему въ какомъ угодно духѣ, консервативномъ или либеральномъ, будутъ всегда лучшимъ орудіемъ противъ недостатковъ демократіи. Хотя, какъ выше было сказано, тенденція къ расширенію правъ федеральнаго правительства въ Америкѣ, несомнѣнно, существуетъ, но отъ нея еще очень далеко до какого-либо серьезнаго ограниченія конституціонной власти отдѣльных штатовъ, а тѣмъ болѣе до низведенія ихъ на степень простыхъ провинцій. Извѣстно, что дарованіе неграмъ права голоса на выборахъ въ южныхъ штатахъ могло быть сдѣлано только на основаніи юридической фикціи, рассматривавшей эти штаты какъ непріятельскую территорию, завоеванную оружіемъ въ междоусобную войну. Очевидно, что подобные случаи для коренныхъ преобразованій въ конституціяхъ отдѣльных штатовъ представляться будутъ не часто, а дарованіе права голоса чернымъ можно считать самую радикальную реформу, проведенною въ послѣднее время въ Америкѣ.

Расширеніе избирательнаго права, составляющаго основаніе всего управленія, такъ какъ исполнительная, судебная и законодательная власти въ Америкѣ основаны одинаково на выборномъ началѣ, озабочиваетъ уже американскихъ государственныхъ людей умѣреннаго оттѣнка. Они вовсе не скрываютъ, что *suffrage universel* при неразвитой массѣ скорѣе оружіе противъ свободы, нежели въ пользу ея; однако мысль о личной диктатурѣ, которая выйдетъ будто бы изъ всеобщаго избирательнаго права, далека отъ большинства американцевъ. Ихъ страшитъ не деспотизмъ диктатора, а деспотизмъ партій, и противъ вреднаго вліянія послѣдняго они и стараются придумать какія-либо практическія средства, въ особенности для того, чтобы администрація перестала считаться «добычею» партій, побѣдившей на выборахъ, и мѣста не раздавались бы за политическія услуги. «Конечно, говорилъ Гайсъ, въ одномъ изъ своихъ посланій, каждый президентъ попадаетъ на

мѣсто лишь успіемъ своей партіи, но онъ долженъ помнить, что честное служеніе отечеству есть лучшая награда и для его партіи». Афоризмъ весьма неутѣшительный для политическихъ авантюристовъ, чающихъ движенія воды.

Многіе видятъ опасность въ томъ, что въ Америкѣ всего двѣ главныхъ партій, и одобряютъ образованіе новыхъ. Подобное мнѣніе странно при знакомствѣ съ конституціоннымъ механизмомъ, потому что для разстройства послѣдняго нѣтъ лучшаго средства, какъ я уже нѣсколько разъ говорилъ, избытія партій. Въ Америкѣ бѣда не въ томъ, что республиканцы и демократы оспариваютъ другъ у друга власть, а въ томъ, что эти партіи черезчуръ плотно организованы въ каждомъ городѣ, въ каждомъ селеніи, какъ бы исключительно для борьбы. Но недостатки эти зависятъ отъ самой системы представительства и системы выборовъ.

Консервативная партія, которая въ сущности дѣйствуетъ въ Америкѣ въ духѣ либеральномъ, такъ какъ желаетъ избавить страну отъ тираніи численнаго большинства, формулировала слѣдующимъ образомъ реформу американскихъ политическихъ учреждений. По ея мнѣнію, необходимо: дать представительство меньшинству во всѣхъ учрежденіяхъ административныхъ и законодательныхъ; разрѣшить для этого перенесеніе всѣхъ голосовъ на одного кандидата (*vote cumulatif*); для избранія кандидатовъ производить предварительные выборы, вслѣдствіе чего запретить такъ называемые *caucus* и *conventions* (собранія партій) для выбора кандидатовъ; дать участіе въ выборѣ судей или губернаторамъ съ утвержденія федеральнаго сената, или обѣмъ законодательнымъ палатамъ каждаго штата; запретить президенту республики баллотироваться на свою должность два четырехлѣтія подрядъ и ввести незначительный цензъ (имущество въ 1½ тыс. рублей) для избранія сенаторовъ отдѣльныхъ штатовъ, а также шерифовъ и нѣкоторыхъ чиновниковъ, что отстранило бы отъ избранія этихъ лицъ бездомныхъ ирландцевъ, негровъ и вообще людей не платящихъ налоговъ. Но отъ осуществленія подобной программы, которое еще весьма и весьма сомнительно, до провозглашенія диктатуры или монархіи очень далекое разстояніе. Какая же участь ожидаетъ Соединенные Штаты въ будущіе вѣка, когда они, какъ римская республика, сыграютъ свою роль въ исторіи,—задумываться совершенно преждевременно.

Выборы въ президенты Соединенныхъ Штатовъ производились до сихъ поръ вполнѣ успѣшно, если не считать того, что въ 1864 году возстаніе не позволило южнымъ штатамъ принять участіе въ выборахъ. Обыкновенно всегда побѣждала одна какая-нибудь партія и только два раза голоса раздроблялись настолько, что, на основаніи конституціи, пришлось окончательный выборъ президента предоставить палатѣ представителей. До 1860 г. побѣждала обыкновенно демократическая партія, располагавшая номинальными

голосами за негровъ южныхъ штатовъ. Только въ 1848 г. былъ избранъ Захарія Тайлоръ, республиканецъ, или по тогдашней номенклатурѣ вигъ. Всѣ остальные президенты, а именно Джэксонъ (два раза), Ванъ Буренъ (два раза), Полькъ, Пирсъ, Бюкананъ, были демократы.

Съ 1860 года относительная сила американскихъ партій перемѣнилась; развитіе западныхъ штатовъ, а затѣмъ освобожденіе негровъ, предоставленіе имъ непосредственнаго права голоса дали перевѣсъ республиканской партіи, которая съ тѣхъ поръ постоянно одерживала верхъ, а именно въ 1860 и 1864 годахъ были избраны Абрамъ Линкольнъ, въ 1868 и 1872 годахъ Грантъ, въ 1876 году, не безъ труда, Гайсъ, въ 1880 году Гарфильдъ. Только съ избраніемъ Кливленда въ 1884 году демократическая партія, впервые съ 1860 г., достигла власти. Ея долгое отчужденіе зависѣло отъ предубѣжденій, сохранившихся на Сѣверѣ со времени международной войны, который настолько же твердо держался республиканскихъ воззрѣній, насколько Югъ—демократическихъ. Привела демократовъ къ власти необходимость очистить администрацію отъ воровъ, но уже въ 1888 г., отъ усилившихся протекціонныхъ стремленій республиканцы блестяще провели своего кандидата Гаррисона. Въ 1892 году снова побѣдили демократы съ Кливелендомъ. Но на послѣднихъ выборахъ республиканецъ Макъ-Кинлей получилъ необычайное большинство въ пять милліоновъ голосовъ, совершенно неожиданно, такъ какъ до того никогда ни одна партія не имѣла большинства при выборѣ президента болѣе одного милліона голосовъ. Между тѣмъ самъ по себѣ Макъ-Кинлей, по сравненію съ весьма симпатичнымъ Кливелендомъ, довольно ничтожная личность. Соперникъ его Брайанъ, какъ человѣкъ, куда былъ посильнѣе и поталантливѣе. Но имя Макъ-Кинлея давно стало, даже въ Европѣ, символомъ таможеннаго протекціонизма.

Съ самаго основанія республики было много партій: федералисты, демократо-республиканцы, оппозиционисты, коалисты, демократы, національные республиканцы и виги, но съ 1856 г. почти всѣ партіи исчезли и на развалинахъ ихъ образовались двѣ партіи, республиканская и демократическая, безусловно распорядившіяся судьбой Соединенныхъ Штатовъ попеременно, несмотря на то, что съ 1880 г. начали появляться и исчезать нѣсколько новыхъ партій, какъ-то: партія гринбековъ, народная, рабочихъ и партія сторонниковъ запретительной системы¹⁾.

¹⁾ Прогрессионисты состоятъ преимущественно изъ приверженцевъ республиканской партіи; центромъ ея служитъ штатъ Нью-Йоркъ. Рабочая партія хотя и многочисленна, но страдаетъ постоянными внутренними раздорами. Въ рядахъ ея стоятъ сторонники Генри Джорджа, поборника «націонализаціи страны» и «Рыцарей труда». Чтобы противодействовать монополии желѣзныхъ дорогъ, которая въ Соединенныхъ Штатахъ тѣмъ тяжелѣе, что, за исключеніемъ тихо-океанской дороги,

Различіе главныхъ американскихъ партій весьма существенно. «Республиканцы» стояли за возможную централизацию, покровительственный таможенный тарифъ, бумажныя деньги, равноправность расъ; республиканцы освободили негровъ, но запятнали себя взяточничествомъ въ послѣднія два президентства Гранта. Республиканцы враги подоходнаго налога. «Демократы» имѣютъ репутацию чщпе, хотя на нихъ лежатъ пято сочувствія въ южнымъ плантациямъ во время междоусобной войны. Демократы желаютъ автономіи отдѣльныхъ штатовъ, свободы торговли, ограниченія бумажнаго обращенія и стѣсненія на Югѣ, подавляющаго на выборахъ политическихъ, судебныхъ и муниципальных, большинства чернокожаго населенія. Но болѣе всего каждая партія желаетъ отстаивать свои мѣста въ администраціи или овладѣть этими мѣстами и вознаградить себя за отстраненіе отъ дѣлъ, такъ какъ, по изреченію Ванъ-Бурена, «добыча принадлежитъ побѣжденнымъ». Одно время программы обѣихъ партій настолько сблизилась, что для массы населенія было все равно, какой кандидатъ одолѣетъ. Партіи рабочихъ и гринбековъ исчезли, но на послѣднихъ выборахъ въ 1896 году страсти разгорѣлись и выборъ Брайана, взятаго «популиста» съ оттѣнкомъ социализма, былъ бы неприятнымъ сюрпризомъ для большинства. Для уясненія переполоха, который надѣлалъ бы выборъ Брайана, необходимо припомнить profession de foi двухъ главнѣйшихъ партій въ Соединенныхъ Штатахъ, такъ какъ остальные не имѣли еще ни значенія, ни силы. Profession de foi партіи республиканской осталось прежнее, прибавилось только горячее отстаиваніе золотой валюты. Новую программу демократической партіи нельзя назвать чисто демократической, такъ какъ въ нее вошли идеи не демократическія, какъ, напримѣръ, свободная чеканка серебра и обязательное отношеніе цѣнности серебра къ золоту — замѣнившія прежнее пристрастіе къ бумажнымъ деньгамъ — стѣсненіе къ выпуску займовъ федеральнымъ правительствомъ въ мирное время, и нѣсколько другихъ идей, принадлежавшихъ, вѣрнѣе, популистамъ и социалистамъ.

Будущіе выборы въ ноябрѣ мѣсяцѣ, насколько теперь возможно судить, поставятъ опять лицомъ къ лицу тѣхъ же соперниковъ, какъ и въ 1896 году — Брайана и Макъ-Кинлея; Брайана, сдѣлавшагося идоломъ демократической партіи, Макъ-Кинлея — съ поврежденной репутацией, какъ покорнаго слуги Англіи и грековъ. Судя по существующему въ настоящую минуту настроенію большинства избирателей, успѣхъ выбора Макъ-Кинлея да-

въ линіи Союза подчинены законодательству отдѣльныхъ штатовъ, фермеры западныхъ штатовъ образовали было политическую партію *granges*. Злоупотребленія желѣзныхъ дорогъ въ Америкѣ опираются на могущественную партію, состоящую изъ капиталистовъ Новой Англіи и держащую власти въ своихъ рукахъ. Слѣдуетъ упомянуть также о партіи независимыхъ «*Mugwumpers*», отдѣлившихся отъ республиканской партіи въ 1884 г., вслѣдствіе серьезныхъ обвиненій, возведенныхъ на Блена въ подкупѣ.

лего не обезпеченъ. Онъ подвергся опасности, потому что образовалась новая партія—антиимпериалистская, изъ тѣхъ республиканцевъ и демократовъ, которые недовольны программю приверженцевъ Макъ-Кинлея и Брауна. Программа этой партіи—полная независимость Кубы, Порто-Рико, Филиппинъ и Гавайскихъ острововъ. Кандидатами новой партіи были: въ президенты адмиралъ Девей, а въ вице-президенты бывший спикеръ Томасъ Ридъ. Но теперь кандидатура послѣднихъ устранилась, благодаря новой тактикѣ Брауна, отбросившаго вопросъ о серебрѣ и перенесшаго центръ тяжести своей агитаціи также на почву антиимпериализма. Если демократы въ штатѣ Нью-Йоркъ не раздѣлятся на двѣ партіи, одну подъ руководствомъ сенатора Гилла и другую—Ричарда Бронера, вождя клуба Таммани, то нужно считать шансы обѣихъ партій, т. е. республиканской и демократической, почти равными. Въ одной изъ рѣчей своихъ Чемберленъ выразился, что будущимъ президентомъ Соединенныхъ Штатовъ будетъ человекъ, выказавшій наиболѣе недоброжелательства къ Англіи. Если это предсказаніе можетъ сбыться, то надо ждать, что Браунъ будетъ избранъ.

Новая программа демократовъ заключаетъ въ себѣ пересмотръ тарифа; беспошлинный ввозъ всѣхъ сырыхъ матеріаловъ; строгій контроль надъ дѣйствіями трестовъ; признаніе Филиппинскихъ острововъ независимыми, подъ охраной Соединенныхъ Штатовъ; признаніе Кубы независимымъ государствомъ; беспошлинный ввозъ и вывозъ между Порто-Рико и Соединенными Штатами. Въ сношеніяхъ съ иностранными государствами демократы требуютъ твердой политики и никакихъ союзовъ, явныхъ или тайныхъ, ни съ Англіей, ни съ другими странами; они признаютъ за Штатами и ни за кѣмъ инымъ право прорытія и контроля междуокеанскаго канала въ Америкѣ и отвергаютъ уступки Канадѣ въ Аляскинской территоріи.

Если читать американскія газеты во время выборовъ, такъ подумаешь, что въ Соединенныхъ Штатахъ нѣтъ никого, кромѣ разбойниковъ и плутовъ, но, конечно, это азартъ чисто напускной. Вотъ для образчика описаніе республиканскихъ депутатовъ, собравшихся на конвентъ въ Цинцинати, вырѣзанное мною изъ одной демократической газеты въ 1876 году. «Это, говорила она, процессія наемщиковъ, собравшихся кричать, плутовать, держать пари, реветъ по-ослиному и пьянствовать въ честь своего атамана, т. е. кандидата. Большинство явилось съ пустыми сабѣ-вожжами и даровыми билетами желѣзныхъ дорогъ. Тутъ удобно насмотрѣться на коллекцію людей голодныхъ, жадныхъ на видъ, какъ подобаетъ сообщникамъ нынѣшняго правительства; число чернокожихъ лакеевъ также чрезвычайно велико».

Profession de foi демократическаго конвента въ Санъ-Луи, происходившаго по случаю избранія кандидата въ президенты, отли-

чалось не меньшею рѣзкостью: «Когда можно видѣть вице-президента республики, облпченного въ безчестныхъ поступкахъ и получившаго выговоръ; предсѣдателя конгресса, торговавшагося пзъза направленія, которое онъ давалъ засѣданіямъ; трехъ сенаторовъ, получившихъ барыши отъ подачи своихъ голосовъ; пять предсѣдателей важнѣйшихъ комитетовъ конгресса, облпченныхъ во взыткахъ; министра финансовъ, пскажающаго цифры государственной отчетности; министра юстиціи, неправильно расходующаго ассигнованные въ его распоряженіе кредиты; морского министра, обогатившагося и обогатившаго своихъ друзей, подписывая, по убыточнымъ для казны цѣнамъ, контракты съ пріятелями на разные поставки; посланника въ Лондонъ, улпченного въ безчестной спекуляціи; личнаго секретаря президента республики, замѣшаннаго въ процессъ о воровствѣ акцизныхъ доходовъ; наконецъ, военнаго министра, преданнаго суду за мошенничества, въ которыхъ онъ сознался,—то, кажется, нѣтъ уже болѣе необходимости въ дальнѣйшихъ доказательствахъ»...

Для европейскихъ державъ выборъ президента важенъ лишь съ точки зрѣнія могущихъ ожидатьсѧ пзмѣненій въ денежномъ строѣ Соединенныхъ Штатовъ и въ ихъ таможенной политикѣ. Для Россіи также не безразлично, кто побѣждаетъ на выборахъ, потому что республиканская партія въ Соединенныхъ Штатахъ искала до послѣдней Испанской войны дружбы съ Россіей, демократы же симпатизировали, хотя и очень умѣренно, Англіи. Теперь симпатіи ихъ рѣзко пзмѣнились.

Американскій президентъ выбираетъ себѣ министровъ не изъ большинства въ конгрессѣ и министры въ конгрессѣ не засѣдаютъ; мало того, ни президенту республики, ни его министрамъ не принадлежитъ почина въ представленіи законодательныхъ проектовъ.

Поэтому посланіе президента республики, передаваемое конгрессу черезъ домашняго секретаря, съ тѣмъ, что называется тронною рѣчью въ конституціонныхъ государствахъ, рѣшительно не имѣетъ ничего общаго. Очень часто оно «похоже на выстрѣлъ въ пустое пространство» и обыкновенно не ведетъ ни къ какимъ практическимъ результатамъ. Это скорѣе манифестъ или изложене политическихъ воззрѣній, чѣмъ первый шагъ къ принятію законодательныхъ мѣръ. Конгрессъ ничего не предпринимаетъ на основаніи президентскаго посланія; его члены идутъ своей дорогой и вносятъ свои собственные законопроекты. Такъ Кливелендъ дважды обращался къ конгрессу съ указаніемъ на необходимость рассмотретьъ вопросъ объ обращеніи серебряной монеты, но конгрессъ даже не пытался приступить къ обсужденію этого вопроса. Если большинство въ конгрессѣ другой партіи, чѣмъ президентъ республики, то посланіе послѣдняго не имѣетъ значенія болѣе, чѣмъ какая-нибудь статья въ распространенной газетѣ. Дѣло об-

стоять, конечно, нѣсколько иначе, если и президентъ, и большинство конгресса одинаковой партіи.

Срокъ полномочія представителей палаты два года; она имѣеть двѣ сессіи: длинную и короткую, и затѣмъ всѣ законопроекты, которые не будутъ рассмотрѣны ко дню закрытія послѣдней, т. е. къ 4 марта, надобно считать погибшими, такъ какъ продолжительность сессіи палаты опредѣлена конституціей. Поэтому въ теченіе послѣднихъ недѣль, предшествующихъ закрытію короткой сессіи, дѣла разсматриваются въ палатѣ съ крайнею торопливостью и засѣданія идутъ по ночамъ.

Хотя американскому конгрессу подчинена только часть дѣлъ и каждый штатъ имѣеть свои представительныя учрежденія, но число дѣлъ, проходящихъ черезъ конгрессъ, громадно—отъ 7 до 12,000 ежегодно; это превосходитъ въ десять и пятнадцать разъ труды, напр., нашего государственнаго совѣта. Понятно, что обсудить *in plenum* такое количество дѣлъ невозможно. Почти всѣ дѣла рѣшаются въ комиссіяхъ или комитетахъ конгресса, въ общихъ же засѣданіяхъ произносятся рѣчи собственно для публички или избирателей.

При такомъ способѣ веденія дѣлъ, понятна важная роль председателя палаты представителей или спикера. Эта роль усиливается еще и тѣмъ, что въ американскомъ конгрессѣ нѣтъ вожаковъ партій. Но еще болѣе важная привилегія спикера заключается въ томъ, что, на основаніи правила, принятаго въ 1790 году, всѣ члены многочисленныхъ комитетовъ палаты представителей не избираются путемъ баллотировки, а назначаются властью спикера. Безъ всякаго сомнѣнія, что послѣдній избираетъ ихъ такъ, чтобы его партія имѣла въ комитетахъ большинство голосовъ. Съ правомъ назначать комитетскихъ членовъ натурально соединено право распредѣлять между ними занятія или, другими словами, право заранѣе давать дѣламъ опредѣленное направленіе.

Власть спикера палаты представителей, по конституціи, весьма второстепенная, *de facto* стала теперь громадною и председателемъ палаты хотя избирается на менѣе длинный срокъ, чѣмъ президентъ республики, и роль его менѣе, повидимому, блестяща, но въ мирное время его вліяніе на карьеру политическихъ дѣятелей и на направленіе внутренней политики болѣе сильно, чѣмъ вліяніе президента республики. Особенно поднялъ значеніе этой должности Томасъ Ридъ.

Распредѣленіе членовъ палаты представителей между различными комитетами составляетъ послѣ избранія спикера самый важный моментъ въ исторіи каждаго конгресса; за нимъ слѣдять съ самымъ живымъ интересомъ. Спикеръ посвящаетъ этой работѣ первыя двѣ недѣли послѣ своего вступленія въ должность и занимается съ такимъ же вниманіемъ, какъ европейскіе первые ми-

нистры занимаются составленіемъ новаго кабинета. Въ послѣднюю сессію конгресса было 54 постоянныхъ комитета палаты представителей и въ нихъ отъ 3 до 16 членовъ въ каждомъ. Совѣщанія комитетовъ происходятъ тайно, комитеты приглашаютъ въ свои засѣданія министровъ и другихъ служащихъ для объясненій.

Система эта, которую предлагали недавно ввести во Франціи, имѣетъ огромное неудобство. Она уничтожаетъ единство законодательной дѣятельности палаты представителей; члены палаты не обращаютъ вниманіе на то, что дѣлается въ собраніяхъ, а интересуются лишь тѣмъ, что происходитъ въ комитетахъ. Эта система стѣсняетъ свободу преній—послѣднія въ общихъ собраніяхъ обратились въ формальность; она ослабляетъ внутреннюю связь между законодательными актами; каждый комитетъ идетъ своею дорогою, не обращая вниманія на неизвѣстную ему дѣятельность другихъ комитетовъ. Наконецъ, система эта очень содѣйствуетъ подкупу членовъ конгресса и косвенному на нихъ давленію, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшаетъ интересъ въ народѣ къ тому, что происходитъ въ конгрессѣ. Она стѣсняетъ и власть административную, создавая рядомъ съ министерствами учрежденія, постоянно вмѣшивающіяся и въ администрацію.

Но почему же система комитетовъ не упраздняется въ виду указанныхъ недостатковъ? Она не упраздняется, отвѣчаетъ Джемсъ Брайсъ, авторъ едва ли не лучшаго сочиненія объ американской конституціи, потому что взамѣнъ ея не придумано ничего другого, а по мнѣнію очень многихъ и нельзя придумать. «Все равно, говорилъ Брайсу одинъ американскій юристъ, хороша или дурна наша теперешняя система, только она одна возможна при нашей конституціи. Такъ какъ она не была создана этой конституціей, а является продуктомъ столѣтняго опыта, то отсюда ясно, какъ были сильны тѣ стремленія, для удовлетворенія которыхъ она сложилась сама собою».

Каждое государство имѣетъ свою собственную не только политическую, но и финансовую систему. Есть, конечно, и такія, гдѣ вся система состоитъ въ отсутствіи какого-либо опредѣленнаго плана; но зато въ другихъ странахъ планъ, развѣ начертанный, проводится съ удивительною послѣдовательностью.

Англія всегда держалась, на примѣръ, той точки зрѣнія, что налоги должны быть платимы только имущественными классами, которые пользуются политическими правами. Быстрое возрастаніе косвенныхъ налоговъ—налоговъ на потребление, было явнымъ нарушеніемъ этого основнаго принципа ея финансоваго законодательства. Это сознали англійскіе финансисты уже въ 20-хъ годахъ, и съ Роберта Пиля замѣна косвенныхъ таможенныхъ пошлинъ прямымъ подоходнымъ налогомъ сдѣлалась цѣлью всей финансовой политики Англіи. Мѣнялись партіи въ управленіи,

но принципъ оставался, и Гладстонъ быть его лучшимъ представителемъ.

Америка всегда держалась другой теоріи. Ея бюджетъ основывался обыкновенно на таможенномъ доходѣ. Если до 1861 года отъ возрастанія торговли не разъ случалось понижать пошлины, то потому, что казначейство не знало просто, куда дѣваться съ собираемымъ доходомъ. Въ 1861 году военныя обстоятельства принудили Соединенные Штаты создать внезапно средства для покрытія громаднѣхъ расходовъ, о которыхъ имѣли понятіе только европейскія государства. Американскіе финансисты обратились опять къ таможеннымъ пошлинамъ и повысили ихъ весьма значительно. Кромѣ финансовой цѣли, тутъ достигались и цѣли экономической—развитіе внутренней промышленности, и цѣль политическая—ударъ торговлѣ Англій, негласной союзницы южанъ. Когда таможенныхъ пошлинъ оказалось недостаточно, американцы установили пропорціональный налогъ съ произведеній всѣхъ отраслей внутренней промышленности. Систему эту англійскіе экономисты называли средневѣковою, грубою и варварскою; она достигла, однако, своей цѣли: правительство безъ большихъ затрудненій собирало отъ 500 до 700 мил. руб. ежегоднаго дохода, а промышленность получила неслыханное дотолѣ развитіе. Такъ какъ доходовъ всетаки не хватало и пришлось прибѣгать къ печальному содѣйствію ассигнацій, то, чтобъ упадкомъ курса послѣднихъ не создать преміи иностраннымъ привозителямъ, было положено собирать таможенныя пошлины золотомъ. Не признавая гомеопатическихъ вліяній въ излеченіи денежнаго недуга, американскіе финансисты собираемое золото не держали въ кладовыхъ, а продавали время отъ времени съ публичнаго торга, какъ товаръ, пользуясь разницею въ курсѣ.

Для мирнаго времени американская система не измѣнилась и избытки поступленій употреблялись на погашеніе государственнаго долга настолько энергически, что представлялся вопросъ—благоразумно ли поступали Соединенные Штаты, предпочитая облегченіе будущихъ поколѣній обремененію настоящаго? Нѣтъ сомнѣнія, что расчетъ американцевъ былъ вѣренъ. Ихъ долгъ выросъ отъ междоусобія; грядущія поколѣнія никакъ не могутъ воспользоваться затратами, сдѣланными изъ милліардовъ этого долга, оттого несправедливо и взваливать на эти поколѣнія расплату за грѣхи нашихъ современниковъ. Съ другой стороны, погашеніе производилось въ Америкѣ не на основаніи остроумной, но нелѣпой системы Перси, а по естественному излишку доходовъ, позволяющему употреблять его на покупку обязательствъ, состоявшихся на весьма тяжелыхъ условіяхъ.

Равнымъ образомъ и послѣ окончанія войны, хотя случалось, что казначейство не знало опять, что дѣлать съ доходами, американцы и не думали отказываться отъ своей покровительственной

политикп. Они уничтожили внутренніе налоги и возвысили относительный размѣръ покровительства, обезпеченнаго промышленности таможеннымъ тарифомъ. Возрастающее благосостояніе, притокъ эмиграціи, развитіе торговли и высокая заработная плата показывали, что подобная система не истощаетъ силу страны, не можетъ считаться нераціональною и не заслуживала упрековъ, слпшкомъ щедро расточаемыхъ ей экономистами.

Болѣе упрековъ заслуживало отношеніе америкванцевъ къ денежной системѣ. Очень долго вліятельная партія требовала увеличенія бумажно-денежнаго обращенія, доказывая, что нельзя ограничиваться опредѣленнымъ количествомъ бумажныхъ денегъ, но слѣдуетъ сдѣлать денежное обращеніе, такъ сказать, «растяжимымъ». Растяжимость эта достигается выпускомъ новыхъ денегъ въ размѣрѣ, потребномъ для оживленія дѣль и возвышенія цѣнъ до нормы, покровительствуемой тарифомъ, поощряя, однако, при этомъ только серьезные виды производства. Опредѣлить границы этихъ выпусковъ — задача, однако, довольно трудная. Едва ли конгрессъ, изъ какихъ бы умныхъ и практическихъ людей онъ ни состоялъ, можетъ разрѣшить такой мудреный вопросъ.

Когда бумажное обращеніе было регулировано, вниманіе американскихъ сторонниковъ «растяженія» денежнаго обращенія обратилось на серебро и болѣе десяти лѣтъ шла самая ожесточенная борьба, чтобы добиться въ Америкѣ биметаллизма. Неудовлетворительность денежнаго обращенія въ республикѣ вопросъ весьма важный. По временамъ онъ, совпадая съ излишествами спекуляціи, вызываетъ даже общія банкротства, разоряя множество частныхъ лицъ не только въ Соединенныхъ Штатахъ, но и въ Европѣ. Хотя въ программу Макъ-Кинлея входила реформа денежнаго обращенія, но она осталась не осуществленной.

Къ счастью, насколько причина всѣхъ коммерческихъ кризисовъ или, вѣрнѣе, внезапныхъ расширеній спекуляціи, таинственна, настолько средства бороться съ ними сдѣлались теперь извѣстны. Средства эти состоятъ въ быстромъ и повсемѣстномъ возвышеніи дисконта и умѣренномъ выпускѣ кредитныхъ или банковыхъ билетовъ, замѣняющихъ исчезнувшую изъ обращенія монету. Такимъ путемъ солидныя фирмы и хорошія бумаги удерживаются, хотя, конечно, и съ потерями, а дутыя цѣнности и запутавшіеся спекуляторы погибаютъ, очищая биржевой воздухъ. Американцы, какъ выше видѣли, дѣйствовали противъ кризиса такимъ же образомъ, и выпускъ правительствомъ гринбековъ оказалъ неисчислимыя услуги. Конечно, подобныхъ эмпирическихъ средствъ оказывается недостаточно; для отстраненія громадныхъ потерь, истекающихъ изъ кризисовъ, лучше было бы придумать средства предохранительныя; но пока не придумано еще ничего, что могло бы удерживать въ данный моментъ спекуляцію въ благоразумныхъ предѣлахъ, да и едва ли скоро придумается. По крайней мѣрѣ

духъ спекуляціи постепенно распространяется даже на тавія государства, которыя были ему чужды. Съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что если теперь кризисы бывають сильнѣе, то зато и короче. Кризисъ 1837 года продолжался въ Америкѣ шесть лѣтъ; въ настоящее же время капиталы перемѣщаются такъ быстро, что однимъ стѣсненіемъ дисконта можно отвратить послѣдствія самаго сильнаго кризиса въ нѣсколько мѣсяцевъ. Последній кризисъ въ Америкѣ продолжался, впрочемъ, нѣсколько лѣтъ, но на Европу онъ дѣйствовалъ только определенное время.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ экономическомъ отношеніи Соединенные Штаты имѣють много сходства съ Россіей: бумажныя деньги, покровительственный тарифъ, вывозъ сырья и золота и обратный привозъ издѣлій, зависимость отъ иностранцевъ въ торговлѣ и мореходствѣ, обширная территория съ рѣдкимъ населеніемъ, прекрасныя водяныя пути и т. д.—все это явленія, общія обѣимъ странамъ, не сходнымъ ни по политическому устройству, ни по духу и складу жизни. Последнее различіе не всегда вліяетъ, однако, на экономическія и финансовыя обстоятельства, и русскимъ экономистамъ слѣдуетъ поэтому со вниманіемъ слѣдить за тѣмъ, что дѣлается въ Америкѣ.

Не только для Россіи, но и для всего міра имѣють значеніе дѣйствія Соединенныхъ Штатовъ по отношенію къ рабочему вопросу; это одна изъ важнѣйшихъ частей политики Союза. Въ Америкѣ того мнѣнія, что самая богатая страна та, гдѣ вовсе нѣтъ своего населенія. Отчего Мексика, богатства которой давно извѣстны, оставалась въ нищенствѣ? Оттого, говорятъ янки, что въ ней были мексиканцы, самый лѣнливый и самый самолюбивый народъ въ свѣтѣ, способный только разбойничать и вести процессы. Перерѣжьте всѣхъ мексиканцевъ, и завтра Мексика сдѣлается цвѣтущимъ государствомъ, потому что на мѣсто военныхъ и адвокатовъ явятся энергическіе сетлеры и проспекторы, и создадутъ тысячи предпріятій, привлекутъ эмиграцію и капиталы, построятъ желѣзныя дороги...

Эта циническая теорія объясняетъ секретъ преуспѣнія Америки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и то обстоятельство, почему именно только тамъ могли быть получены такіе по-истинѣ изумительные результаты въ экономическомъ отношеніи. Каждое населеніе содержитъ только извѣстный процентъ рабочихъ силъ, остальное составляютъ лица потребляющія. Въ Соединенныхъ Штатахъ, въ особенности западныхъ, населеніе, вслѣдствіе новости эмиграціи, а отчасти и господствующаго духа, заключаетъ несравненно большую пропорцію рабочихъ единицъ, нежели европейскія населенія; при этомъ каждая свободная копѣйка затрачивается въ Америкѣ въ новое дѣло безъ всякаго опасенія не только риска, но даже совершеннаго разоренія. Потому-то трудныя предпріятія, разорившія какую-либо компанію, не останавливаются и не бросаются, а на-

оборотъ, привлекаютъ новые и новые капиталы, и вызываютъ новыя успія энергическихъ людей.

Легкость жизни и изобиліе работы привлекло, какъ извѣстно, иммиграцію, доставившую съ 1824 по 1898 гг. Соединеннымъ Штатамъ 18.738,613 новыхъ гражданъ, въ томъ числѣ Россія дала 815,400¹⁾.

Недавно еще, при господствѣ теоріи *laissez faire*, подобная иммиграція считалась благомъ для страны; многія государства, видя успѣхъ Соединенныхъ Штатовъ, не только покровительствовали ей, но прямо поощряли преміями и другими пособіями. Въ настоящее время замѣчается, однако, сильная реакція противъ такой политики. Приливъ евреевъ и китайцевъ ранѣе всѣхъ заставилъ обратить вниманіе на вредъ и опасность, происходящій отъ иммиграціи, вредъ, превосходящій нерѣдко пользу отъ нея. Затѣмъ начали приниматься мѣры противъ переселенія нищихъ и больныхъ, а теперь уже принимаются мѣры и противъ усиленнаго прилива иностранцевъ вообще. Пруссія и Россія однѣ изъ первыхъ узаконили мѣры противъ иностранцевъ, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ мѣстностяхъ. Затѣмъ и Франція, послѣ сильныхъ колебаній, пожелала идти по этому же пути. Соединенные Штаты поступили еще рѣшительнѣе. Тамъ образовалась даже особая партія *know-nothing* — людей, требующихъ не допускать въ Америку иностранцевъ. И хотя уже сдѣлано не мало стѣсненій для иммиграціи, но вскорѣ будутъ изданы законы, по которымъ отъ иммигрантовъ, кромѣ средствъ къ жизни, стануть требовать и грамотности, условія очень тяжелаго, въ особенности для переселенцевъ изъ Россіи и Царства Польскаго, изъ которыхъ до сихъ поръ только 41—48% знали грамоту. Наши эмигранты также бѣднѣйшіе: тогда какъ нѣмцы пріѣзжаютъ имѣя въ карманѣ не менѣе 38 долларовъ, русскіе (т. е. по преимуществу русскіе евреи) имѣли только 7 долларовъ.

Проявляя реакціонный духъ на людяхъ, Соединенные Штаты собираются возвратиться къ другой законодательной практикѣ и по отношенію къ землѣ. Они обратили вниманіе на фактъ, что земли, которыя по дешевой цѣнѣ американское центральное правительство продаетъ эмигрантамъ или которыя были безвозмездно уступлены взаменъ гарантіи доходовъ различнымъ обществамъ желѣзныхъ дорогъ, начали скупаться европейскими капиталистами и, между прочимъ, богатыми англійскими лордами. Такимъ образомъ образовались огромныя имѣнія въ два милліона десятинъ и вообще болѣе 20 милліон. десятинъ находится въ немногихъ крѣпкихъ рудахъ. Конечно, эти земли — степи, имѣющія пока мало цѣнно-

¹⁾ Въ настоящее время русская эмиграція направилась и въ Канаду. Тамъ поселилось уже около 6,000 русскихъ духоборовъ, имъ были розданы земли почти безвозмездно. За послѣднее время стали попадаться извѣстія и объ усилившемся эмиграціонномъ движеніи въ Америку изъ Финляндіи.

сти, но при быстромъ заселеніи западныхъ штатовъ и при не менѣе быстромъ устройствѣ тамъ желѣзныхъ дорогъ, захваченныя огромныя пространства земли могутъ приобрести громадную стоимость, и американскіе граждане встрѣтятся тогда съ тою же крупною поземельною аристократіею, отъ которой большинство ихъ и эмигрировало изъ Европы въ Америку.

Въ предвидѣніи этого въ американскій конгрессъ былъ внесенъ проектъ закона, который воспрещалъ иностранцамъ приобретать въ предѣлахъ республики поземельную собственность изъ свободныхъ казенныхъ земель. Проектъ этотъ встрѣченъ былъ палатою депутатовъ очень сочувственно, но не прошелъ въ сенатѣ, гдѣ засѣдающіе въ большинствѣ представители новыхъ штатовъ не поддержали закона, ограничивающаго временно мобилизацію поземельной собственности и тѣмъ задерживающаго приливъ населенія и капиталовъ въ отдаленныя территоріи Союза. Если бы сенатъ убѣдился аргументаціей защитниковъ проекта, то Соединенные Штаты пришли бы почти въ то положеніе, въ которомъ недавно находилась Турція и другія восточныя страны, т. е. поземельными собственниками были бы въ ней только свои подданные, иностранцы же лишились права владѣть другою собственностью, кромѣ движимой.

Совокупнымъ приложеніемъ системъ германской и американской, человечество вернется мало по малу къ тому положенію, которое было въ древности, когда слова: «врагъ» и «иностранецъ» были синонимами. Насколько выиграетъ или проиграетъ отъ того общее благосостояніе, сказать, конечно, трудно; во всякомъ случаѣ подобная революція понятій и гражданскихъ отношеній не можетъ совершиться безъ чувствительныхъ потрясеній.

Стѣсненія американцевъ къ приливу рабочихъ зависятъ отъ примѣненія машинъ, сокращающихъ необходимость въ рабочихъ рукахъ. Въ Америкѣ выросло уже два поколѣнія фермеровъ, которые не знаютъ, что такое серпъ и коса; а у насъ, въ Россіи, до сихъ поръ существуетъ, даже въ специальной литературѣ, мнѣніе, что косильныя и жатвенныя машины настолько несовершенны, что ихъ и заводить не стоить. Всѣ, даже мелкія сельско-хозяйственныя работы въ Америкѣ, начиная съ образцовыхъ хозяйствъ восточныхъ штатовъ и кончая фермами въ индѣйской территоріи, исполняются теперь машинами. Одинъ человекъ успѣваетъ обрабатывать по 30 десятинъ въ годъ! Такъ какъ при мелкомъ землевладѣніи невозможно имѣть на каждой фермѣ всевозможныя машины, по значительной ихъ стоимости, то хозяева обыкновенно ими обмѣниваются.

Работа машинъ настолько производительна, что жатва производится всегда во-время и только при помощи мѣстныхъ рабочихъ рукъ. При этомъ нужно замѣтить, что въ полевыхъ работахъ въ Америкѣ никогда не участвуютъ женщины. Очень часто амери-

канецъ управляетъ машиною, сидя подъ зонтикомъ, покуривая, а иногда читая газету. Зрѣлище болѣе пріятное—не во гнѣвъ будъ сказано американофобамъ—чѣмъ десятокъ покрытыхъ потомъ русскихъ бабъ, не разгибая спины; подъ палящимъ солнцемъ, жнущихъ хлѣбъ первобытными орудіями.

Приливъ рабочихъ повліялъ и на сокращеніе работы негровъ. Чернокожіе переходятъ теперь въ города, гдѣ живутъ въ бѣдности, особнякомъ, земли же покупаютъ рѣдко. Хотя негры составляютъ 11 проц. населенія, но они доставляютъ 30 проц. всѣхъ преступниковъ. Американцы проницательно относятся къ будущности негровъ, увѣряя, что черные мало-по-малу вымрутъ. Главный мотивъ жалобъ—неисполненіе неграми условій найма. Чуть только урожай получше, негры бросаютъ хозяевъ и преспокойно нанимаются по сосѣдству, унося полученные задатки. Возвратить послѣдніе невозможно, потому что мировые судьи также негры, или выбираютъ неграми; даже полученіе исполнительнаго листа не ведетъ ни къ чему, ибо у негра не оказывается никакого имуществва, а приговоренный дослужить свой срокъ на плантаціи, онъ работаетъ такъ небрежно, что его лучше прогнать, тѣмъ болѣе, что негры весьма предусмотрительно нанимаются всегда съ пищею отъ хозяина. Объ эмансипаціи негровъ плантаторы болѣе не жалуютъ. Если посчитать, что имъ стоило содержаніе черныхъ, воспитаніе и леченіе ихъ дѣтей, кормъ въ случаѣ неурожая или застоя въ торговлѣ, то положительно можно сказать, что трудъ негровъ только-только окупалъ себя и вся выгода была въ «приплодѣ»¹⁾.

Въ Америкѣ заработная плата въ два или три раза выше чѣмъ въ Европѣ, но это не мѣшаетъ стачкамъ рабочихъ продолжаться по нѣсколько мѣсяцевъ и въ нихъ участвуютъ десятки и сотни тысячъ рабочихъ; стачки въ особенности сильны на желѣзныхъ заводахъ и въ Нью-Йоркѣ. Цѣль стачекъ, конечно, повышеніе заработной платы, которая не соотвѣтствуетъ будто бы барышамъ капиталистовъ. Замѣчательно, однако, что поведеніе рабочихъ, несмотря на естественное возбужденіе умовъ при стачкахъ, поражаетъ своимъ спокойствіемъ. Достоинство и самообладаніе, съ которымъ американскіе рабочіе ведутъ борьбу, заслужили имъ поддержку публики, подписывающей на фонды въ пользу рабочихъ, и даже защиту консервативныхъ журналовъ. Только въ одномъ

¹⁾ Равенства, которое было обѣщано неграмъ послѣ междоусобной войны, нѣтъ однако на югѣ ни малѣйшаго. Доходитъ до того, что негровъ не пускаютъ въ станціонные буфеты; существуютъ особы грязные вагоны исключительно для черныхъ. Негровъ не пускаютъ также въ общія станціонныя залы, а для нихъ существуютъ особенныя, содержимыя самымъ отвратительнымъ образомъ. Негры не принимаются въ религіозныя общества и, несмотря на то, что они платятъ и за университеты и библіотеки, доступъ туда имъ запрещенъ. Но главное бѣдствіе негровъ—«законъ Линча». Нѣтъ такого преступления, которое, совершенное негромъ, не судилось бы этимъ страшнымъ судомъ, существованіе котораго южане оправдываютъ отчасти неполнотою своихъ законовъ, отчасти тѣмъ, что обыкновенно онъ примѣняется за оскорбленіе чести женщинъ.

случаѣ американское общественное мнѣніе заблѣло тревогу, именно въ то время, когда въ Милуоки, огромномъ городѣ, въ одной изъ процессій, гдѣ участвовало десять тысячъ человѣкъ, рабочіе носили красное знамя.

Хотя отъ времени до времени въ Соединенныхъ Штатахъ вѣшаютъ анархистовъ и социалистовъ, но американцы думаютъ, что, разъ общественное мнѣніе перестанетъ находиться подъ вліяніемъ паническаго страха и приметъ къ сердцу интересы труда, будетъ сдѣланъ важный шагъ къ разрѣшенію соціального вопроса. Американцы мечтаютъ даже, что они станутъ въ этомъ случаѣ примѣромъ для Европы. Насколько оправдывается самомнѣніе американцевъ, предсказать трудно. Во всякомъ случаѣ легкость, съ которою американцы выходятъ изъ самыхъ трудныхъ и запутанныхъ обстоятельствъ — касается ли это финансовъ, общественныхъ вопросовъ или политики, — заслуживаетъ вниманія людей мыслящихъ.

Соединенные Штаты имѣютъ независимую политику, мало сближающуюся съ нашими общими европейскими дѣлами. На политику они имѣютъ собственныя оригинальныя воззрѣнія, которыя чаще всего формулируются въ президентскихъ посланіяхъ и рѣчахъ въ день вступленія въ новый четырехлѣтній періодъ управленія, а иногда въ резолюціяхъ сената. По мнѣнію американцевъ, большіе флоты и арміи излишни и нѣтъ территориальнаго приобрѣтенія, вызывающаго увеличеніе военныхъ силъ; наоборотъ, всякое завоеваніе позволяетъ сокращать вооруженія страны. Подобный парадоксъ имѣетъ значеніе, конечно, только въ Америкѣ. Захвативъ Канаду и Мексику, Соединенные Штаты дѣйствительно станутъ въ положеніе почти неуязвимое относительно Европы; они займутъ тогда почти островное положеніе, подобно Англии, съ тою разницею, что послѣдняя находится въ двухъ часахъ пароходнаго пути отъ Европы, а Америка — въ пяти-семи дняхъ.

Необъятное расширеніе территоріи Союза нисколько не страшитъ американцевъ. Теперь, когда телеграфъ облегчаетъ быстрый обмѣнъ мыслей и дополняетъ выгоды скорого парового сообщенія, всѣ части «континента» находятся, по ихъ словамъ, подъ рукою правительства. Крайніе пункты сближены въ настоящее время, быть можетъ, даже болѣе, нежели при прежнихъ средствахъ сообщенія соединялись между собою границы первоначальнаго небольшого американскаго союза. Американцы не раздѣляютъ мнѣнія тѣхъ, кто въ территориальныхъ приобрѣтеніяхъ видитъ начало разрушенія для государства.

Переходъ власти къ республиканцамъ ввелъ означенные принципы въ международную политику Соединенныхъ Штатовъ. Канада и Мексика — это только частицы того, что можетъ удовлетворить теперь здоровый аппетитъ американцевъ, стремящихся даже Тихій океанъ обратить въ американское озеро. Когда въ 1897 г.

президентъ Кливлендъ подписалъ маниловскій проектъ договора съ англійскимъ правительствомъ о третейскомъ разрѣшеніи территориальныхъ и иныхъ распрей, проектъ былъ отвергнутъ сенатомъ и въ іюнѣ того же 1897 года въ сенатъ было внесено предложение о присоединеніи Гавайскихъ (Сандвичевыхъ) острововъ къ Соединеннымъ Штатамъ — мѣра, которой четыре года противился Кливлендъ. Анекція эта для Англии и Японіи — представляется особенно неприятною. Обѣ эти державы зарилсь на Гавайскіе острова, удачно расположенные въ Тихомъ океанѣ на большой дорогѣ между Америкой, Австраліей и Азіей.

Видѣть образованіе новой англійской Мальты въ Тихомъ океанѣ, или же отдать въ руки японцевъ столь существенное звено для укрѣпленія ихъ морского могущества было бы для Россіи одинаково неблагопріятно. Разъ Гавайскіе острова не могли существовать какъ самостоятельное государство, то пусть ужъ лучше они будутъ составлять часть Соединенныхъ Штатовъ. Къ сожалѣнію, это было только первымъ шагомъ ихъ на пути захватовъ. Затѣмъ немедленно послѣдовала война съ Испаніей.

Слабая и истощенная плохимъ управленіемъ Испанія не могла устоять въ неравномъ бою съ сильной и богатой сѣверо-американской республикой. И испанскія войска дрались плохо, и флотъ испанскій погибъ при первыхъ же встрѣчахъ съ американскими броненосцами. Испанцы были наказаны не только за дурное управленіе колоній, но и за то, зачѣмъ содержали слишкомъ большую сухопутную армію и несоразмѣрно малый флотъ. Между тѣмъ самыя географическія условія, въ которыхъ находилась Испанія, должны были бы заставить правительство развивать свои морскія силы. Островъ Куба поступилъ во временное владѣніе Соединенныхъ Штатовъ, впредь до возстановленія полного порядка и учрежденія независимаго правительства. Срокъ для окупации Кубы не назначенъ, какъ не былъ назначенъ срокъ временнаго занятія Египта англичанами, Босніи австрійцами и Манчуріи русскими. Порто-Рико и другіе Антильскіе острова, принадлежавшіе Испаніи, отошли къ Соединеннымъ Штатамъ въ видѣ колоніальныхъ владѣній, равно и Филиппинскій архипелагъ въ Тихомъ океанѣ. За правительственныя зданія на Филиппинахъ американцы согласились уплатить 20 милліоновъ долларовъ, огромный же долгъ колоній остался на шеѣ разоренной Испаніи.

Республика выдвинулась такимъ образомъ въ разрядъ сильныхъ колоніальныхъ державъ и сразу познала прелести колоніальной политики: государственный долгъ опять возросъ и заставляетъ правительство Штатовъ значительно увеличить военныя и морскія силы ихъ. Численность постоянныхъ войскъ увеличена четверо болѣе, чѣмъ до войны. Но общая численность войскъ, надо полагать, скоро увеличится еще вдвое. вмѣстѣ съ тѣмъ, въ колоніяхъ необходимо образовать особую полицейскую стражу, соо-

рудить вдоль Кубы военную желѣзную дорогу, стоимостью въ 20.000,000 долларовъ. Морской министръ, въ свою очередь, потребовалъ увеличенія экипажей съ 12 тысячъ до 22 тысячъ человекъ, численности морской пѣхоты и артиллеріи съ 3 тысячъ до 6 и постройки 15 башенныхъ судовъ.

Организація надежной береговой обороны метрополиа потребуетъ около 60 милліоновъ долларовъ. На войну потребовалось 300 милліоновъ долларовъ, да на военные расходы въ 1899 — 1900 гг. 196 милліоновъ.

Что касается Кубы, то вашингтонскому правительству предстоитъ рѣшить нелегкій вопросъ относительно установленія на этомъ островѣ въ ближайшемъ будущемъ формы правленія.

Предположенія американскаго правительства относительно будущаго тамъ политическаго строя заключаются въ признаніи необходимости учредить сперва на пятилѣтній періодъ временное правительство. Избирательными правами будутъ пользоваться всѣ жители острова, удовлетворяющіе пзвѣстному имущественному и образовательному цензу. Губернаторъ острова будетъ назначаться президентомъ Соединенныхъ Штатовъ и утверждаться въ этой должности сенатомъ. Этотъ проектъ приближаетъ Кубу къ обыкновеннымъ «территоріямъ республики». Но иначе смотрятъ авантюристы «кубанскіе патріоты».

Стратегическое положеніе Филиппинъ великолѣпное: здѣсь скрещиваются всѣ главные коммерческіе пути восточной Азіи съ Европой, Америкой и Австраліей. Вотъ почему всѣ націи относятся съ интересомъ къ будущему этого архипелага, представляющаго нѣчто въ родѣ южной Японіи. Продавая Филиппины, Испанія уступила каждаго жителя рубля за три, что, въ общемъ, нельзя сказать, чтобы было дорого. Правда, при испанцахъ безпорядки никогда не прекращались, что заставляло ихъ усливать свои гарнизоны до 55 тысячъ.

Теперь съ филиппинцами придется возиться американцамъ. Уменьшивъ налоги, они должны будутъ нанести ударъ могущественнымъ католическимъ конгрегаціямъ и сформировать два корпуса и особую эскадру. Пока предводители инсurreкціи далеко не въ восторгѣ, что попали подъ покровительство сѣверо-американскаго флага. Креолы и метисы народъ безпокойный, и сами не знаютъ, чего хотятъ. По мнѣнію многихъ, война на Филиппинахъ будетъ тянуться очень долго и совершенно невозможно даже приблизительно предвидѣть ея окончаніе. Американцы можетъ быть еще пожалѣютъ, что ограбили бѣдную Испанію.

Вся американская политика сводится къ очень немногимъ и незамысловатымъ положеніямъ, поставленнымъ еще «отцами американской свободы». По этому упрощенному катехизису, матеріальные интересы должны идти впереди прочихъ другихъ; затѣмъ въ вопросахъ внѣшней политики теорія Монро — Америка

для американцевъ и только въ республиканской формѣ правленія — остается краеугольнымъ камнемъ; въ экономической политикѣ ту же роль играетъ протекціонизмъ и освобожденіе внутренняго рынка отъ всякой зависимости отъ европейской промышленности. Помимо этого не старается пока придумать что-либо новаго мудрость американскихъ государственныхъ людей, предоставляющихъ вопросы просвѣщенія, права, религін и пр. заботливости отдѣльныхъ штатовъ.

Въ европейской политикѣ американцы признаютъ только одну Англію, хотя ее ненавидятъ и боятся. Они завистливо за нею слѣдятъ и съ нею считаются. Попытка Соединенныхъ Штатовъ, о которой я говорю въ слѣдующей главѣ, заключить общій торговый договоръ съ американскими республиками имѣла цѣлью уничтожить торговое преобладаніе въ послѣднихъ Англіи, или, другими словами, разрушить въѣзною трудъ англичанъ, старавшихся отторгнуть эти республики отъ Испаніи. Къ другимъ государствамъ американцы равнодушны. Въ то время, какъ на тѣсномъ пространствѣ Европы чуть не пощипраютъ другъ друга и на послѣднія средства, входя въ нескончаемые долги, слятся содержать подъ ружьемъ армію слишкомъ въ 5 милліоновъ человекъ, американцы считаютъ европейскія дѣла ничтожными. Это можно приписать и обычному самодовольству американцевъ, а отчасти и тому, быть можетъ, болѣе трезвому взгляду, который рождается у человека, когда онъ издали смотритъ на борьбу, въ которой не принимаетъ непосредственнаго участія и ожесточеніе которой для него потому совершенно чуждо.

Возникшіе одно время слухи о томъ, что Америка можетъ примкнуть къ франко-русскому союзу, ни на чемъ не основаны. Не болѣе основательны предположенія нѣкоторыхъ газетъ о возможности русско-американскаго союза на почвѣ общей политики въ Китаѣ, противодѣйствующей раздѣлу послѣдняго. Въ средо американской политики входила «любовь къ Россіи»; конечно, и тамъ были люди противоположнаго мнѣнія, но масса публики стояла за Россію вовсе не отъ расположенія къ намъ, такъ какъ недостатки русскаго государственнаго устройства тамъ отлично извѣстны, а изъ ненависти къ Англіи. Въ Россіи она видѣла естественнаго врага и соперника Англіи, а Англія ихъ только и интересовала и къ ней, несмотря на сродство, они чувствовали до послѣдняго времени ненависть, зависть и отчасти страхъ. Нелюбовь и ревность къ Англіи имѣли много корней. Отчасти онѣ основываются на старинной исторической враждѣ, отчасти на стремленіи англичанъ совать всюду свой носъ. Болѣе же всего поддерживало раздраженіе торговое и промышленное соперничество. Американскіе фабриканты, судохозяева, издатели и проч. видѣли въ англичанахъ своихъ естественныхъ и главныхъ конкурентовъ. Я не говорю уже о второстепенныхъ причинахъ раздраженія, въ

родѣ прилива голодныхъ ирландцевъ, переносящихъ свою вѣковую ненависть къ Англіи, высокомернаго отношенія англійской печати ко всему американскому, алабамской исторіи, споровъ въ Канадѣ и т. п.

Любовь американцевъ къ намъ напомнила любовь Россіи къ абиссинцамъ, она болѣе культивировалась на почвѣ платонической—посылкою «Міантонома» и рѣчами американскихъ моряковъ въ ресторанахъ въ Москвѣ и Нижнемъ или посылкою двухъ грузовъ кукурузы для голодающихъ въ 1891 г. Съ нашей стороны выраженіе любви было гораздо реальнѣе. Мы не только ограничивались обмѣномъ вѣжливостей, но и дѣлали серьезные шаги, въ родѣ вооруженнаго нейтралитета 1780 г. въ самый разгаръ борьбы американцевъ за независимость. Екатерина отказала въ 1775 г. дать 20,000 войска для усмиренія американскихъ колоній. Она какъ бы угадывала ихъ великую будущность. Однажды императрица спросила историка Щербатова:—Какое государство будетъ процвѣтать черезъ сто лѣтъ? Тотъ отвѣчалъ: «Россія».—Я не для этого васъ спрашивала,—возразила государыня,—я мѣчу на Америку.

Непріятности мы доставляли американцамъ рѣдко. Когда въ 1823 вашингтонское правительство сдѣлало всѣмъ европейскимъ державамъ предложеніе отмѣнить каперство, отвѣтъ Россіи былъ уклончивый. Когда кн. Горчаковъ не хотѣлъ отозвать изъ Вашингтона своего любимца Катакази, между тѣмъ этотъ дипломатъ положительно скомпрометировалъ себя вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла республики. Дѣло дошло до того, что министръ иностранныхъ дѣлъ рѣшительно отказался принимать нашего посланника. Но это были мелочи. Посерьезнѣе была конвенція 1825 г. о разграниченіи русскихъ владѣній въ Сѣверной Америкѣ съ Соединенными Штатами.

Знаменитое посланіе Монрое было вызвано указомъ 4-го сентября 1821 г., по которому было объявлено право русской прибрежной власти на 100 миль отъ берега, т. е. на все Берингово море и значительную часть Тихаго океана, которыя объявлялись русскимъ территоріальнымъ моремъ и Соединенныхъ Штатовъ. Англія формально протестовала противъ этого указа. Указъ фактически упраздненъ конвенціей 16-го февраля 1825 г. о разграниченіи владѣній, заключенной одновременно и съ Англіей, причемъ Россія отодвинула свою границу на 4 градуса на западъ. Поэтому-то Клондайкъ и находится теперь въ Канадѣ¹⁾.

¹⁾ До открытія золотыхъ приисковъ въ Клондайкѣ тамъ все шло благополучно. Никто не интересовался, гдѣ проходитъ пограничная линія въ этой холодной и безлюдной мѣстности. Но когда оказалось, что вблизи рѣкъ Юкконъ и Стивартъ находятся богатѣйшія золотыя россыпи, положеніе дѣлъ измѣнилось.

Канадское правительство, изучая договоръ 16-го февраля 1825 г., пришло къ выводу, что Россія получила тогда право на острова, лежащіе у берега, и на узкую полосу побережья, но глубоко вдавшійся въ материкъ заливъ Линча въ восточной своей части не входилъ въ русскія владѣнія. Между тѣмъ именно отъ

Объ эти конвенціи почти неизвѣстны въ Россіи, а между тѣмъ онѣ весьма замѣчательны. «Разграниченіе съ Англіей состояло въ перенесеніи русской границы отъ Скалистыхъ горъ, по хребту которыхъ она проходила, на западъ до 142 градуса западной долготы (считая отъ Гринича), оставляя между 142 и 130 градусами только узкую полосу берега и нѣкоторые острова; сѣверную часть приобретенной страны англійское правительство отдало Гудсонбайской компаніи, изъ южной же образовало территорію British Columbia. Разграниченіе съ Соединенными Штатами было просто отказомъ отъ юго-восточной части русскихъ владѣній, составившихъ въ послѣдствіи штаты Орегонъ и территорію Вашингтонъ. Уступленные страны были важны не только по ихъ неизмѣримому пространству, но и по изобилію пушного звѣря; съ этой поры и возникаетъ англійская и американская мѣховая торговля, которая въ послѣдствіи вытѣсняетъ отовсюду русскую и отнимаетъ у насъ одинъ изъ значительныхъ предметовъ вывоза.

Территоріи эти были открыты, завоеваны и отчасти заселены не русскимъ государствомъ, а Россійско-Американской компаніей и были ея лучшими и доходнѣйшими владѣніями, лишившись которыхъ, она медленно стала клониться къ упадку. Въ свое время наша компанія успѣшно соперничала съ Гудсонбайской, а въ началѣ XIX вѣка стала заводить факторіи и на островахъ Тихаго океана.

Въ 1862 г. князь Горчаковъ отказался отъ предложенія тюльерійскаго кабинета сдѣлать совместно съ Англіей вмѣшательство въ междуусобную войну въ Соединенныхъ Штатахъ. Здѣсь князь Горчаковъ проявилъ, пожалуй, тонкую проницательность, потому что, когда въ 1863 году Франціи удалось составить цѣлую коалицію для давленія на Россію, чтобы вынудить ее сдѣлать уступки польскому возстанію, послышка русской эскадры въ Соединенные Штаты и возможность при дружественномъ нейтралитетѣ послѣднихъ крейсерской войны охладила напускной жаръ Англіи и съ тѣмъ вмѣстѣ разстроила грозную коалицію.

Къ сожалѣнію, желаніе угодить Соединеннымъ Штатамъ повело потомъ къ крупной ошибкѣ: продажѣ за 7.200,000 дол. нашихъ американскихъ колоній. Замѣчательно, что первая мысль о продажѣ колоній принадлежала графу Муравьеву-Амурскому. Уступка Соединеннымъ Штатамъ русско-американской территоріи не можетъ быть, конечно, пріятна нашему національному самолюбію. Этотъ уголь Новаго Свѣта исключенъ изъ числа славян-

этой части залива идутъ двѣ единственныя дороги въ Клондайкъ. Американцы совершенно справедливо замѣтили, что Россіи былъ уступленъ вообще берегъ, а слѣдовательно и заливъ Линнъ. Обмѣнъ мѣнъ между обоими правительствами не привелъ ни къ чему. Конечно, нѣтъ сомнѣній, что дѣло до войны не дойдетъ, такъ какъ у Англіи имѣются болѣе серьезные интересы, чѣмъ защита правъ Канады на территорію шириною въ 10 миль; состоится, вѣроятно, примѣненіе третейскаго суда.

скихъ странъ, да и съ экономической точки зрѣнія этотъ фактъ очень важенъ. Хотя пространство Россіи такъ громадно, сравнительно съ количествомъ рабочихъ рукъ и особенно свободныхъ капиталовъ, что чѣмъ болѣе будемъ мы сосредоточивать нашу дѣятельность, тѣмъ лучше, но уступка Ситхи имѣла вліяніе на сокращеніе (почти несуществующаго у насъ) мореходства дальняго плаванія. Наши обширные берега Тихаго океана остались долго въ мертвомъ застоѣ, сравнительно даже съ XVIII столѣтіемъ, несмотря на выгодное приобрѣтеніе устьевъ Амура. Потому правительство обязано было сохранить полезную часть дѣятельности бывшей Американской компаніи, а не ликвидировать это, хотя и во многомъ дурно устроенное, но все-таки выгодное и прочно установившееся предпріятіе. Еще вреднѣе отозвалась продажа колоній съ военной точки зрѣнія. Россія лишилась единственныхъ своихъ незамерзающихъ портовъ въ океанѣ. Съ прискорбіемъ надобно замѣтить, что продажа колоній была подсказана нашей дипломатіи спекуляціей, искусно скупившей на биржѣ за полціны акціи Россійско-Американской компаніи.

Г. Зертисъ писалъ въ «Московскія Вѣдомости» изъ Ситхи, что хотя уже минуло тридцать лѣтъ, какъ мы отдали Аляску американцамъ, она — все еще русская страна. Въ какое бы захолустье Аляски вы ни пріѣзжали, вы найдете признаки русской культуры, услышите русскую рѣчь, правда, иногда ломанную, едва понятную. Во всѣхъ значительныхъ пунктахъ, на болѣе или менѣе населенныхъ островахъ красуются русскіе храмы. Кто изъ американцевъ попадаетъ въ Аляску на нѣсколько лѣтъ, особенно по коммерческимъ дѣламъ, непременно выучится говорить по-русски.

Г. Зертисъ указывалъ, однако, съ какими затрудненіями приходится бороться нашей миссіи, главнымъ образомъ потому, что изъ Вашингтона мало обращаютъ вниманія на Аляску. Да и мы про Аляску совсѣмъ забыли. Этимъ даннымъ нѣсколько противорѣчатъ свѣдѣнія г. Протопопова въ «Вѣстникѣ Европы». Онъ находилъ излишнимъ учрежденіе для поддержанія православія въ Аляскѣ епархіи въ Санъ-Франциско, гдѣ русскихъ почти совсѣмъ нѣтъ. Въ самой Аляскѣ въ числѣ жителей православныхъ осталось около 14 тыс. или 27% населенія. Число это, по заявленію самой миссіи, уменьшается какъ отъ вымиранія крещеныхъ индѣйцевъ, такъ и отъ пропаганды католиковъ и методистовъ, болѣе дѣятельной и обставленной лучше нашей денежными средствами. Бѣдность и невѣжество православнаго духовенства въ Аляскѣ поразительны¹⁾.

¹⁾ По моему мнѣнію, въ Аляскѣ насъ ожидаетъ участь французовъ въ Соединенныхъ Штатахъ: останутся только русскія географическія названія, какъ остались французскія. Франціи принадлежали двѣ трети Штатовъ, но никогда французы этими мѣстами прочно не владѣли, а о колонизаціи, конечно, не думали. Только французскіе охотники и мѣновые торговцы, сохранившіеся и по сю пору, пріѣзжали

Главнымъ и почти единственнымъ въ послѣднее время промысломъ Россійско-Американской компаніи былъ бобровый; онъ упалъ не столько еще отъ конкуренціи Гудсонбайской компаніи, которой операціи и теперь ни Богъ вѣсть какъ идутъ важно, а отъ неуцѣлаго веденія дѣлъ. Управление нашей компаніи попало въ руки какихъ-то чухонцевъ, которые не расшпряли, а всячески съуживали дѣятельность компаніи, или же вовлекали компанію въ несоотвѣтствующія ея характеру торговыя предпріятія, напр. торговлю чаемъ. Компанія страдала также отъ недостаточнаго капитала, отъ излишняго вмѣшательства въ ея дѣла администраціи.

Курьезно, что когда въ Соединенныхъ Штатахъ шла рѣчь о покупкѣ «Русской Америки», никто въ конгрессѣ не обмолвился ни однимъ словомъ о котиковомъ промыслѣ, хотя ужъ тогда было хорошо извѣстно, что этотъ промыселъ даетъ значительный доходъ. Со времени перехода Аляски во владѣніе Соединенныхъ Штатовъ, въ 1867 г., морской котикъ далъ доходу федеральному правительству 9 мил. долларовъ. Такимъ образомъ, одинъ котикъ уже окупили покупку Аляски съ лихвою. Въ общемъ, Соединенные Штаты заработали на Аляскѣ со времени покупки 84.560,000 долларовъ (почти 170 мил. руб.), причемъ наибольшую часть этой суммы доставилъ пушной звѣрь (53 милліона долларовъ).

Наслѣдники Россійско-Американской компаніи по части котиковаго и боброваго промысла, гг. Голь, Гутчисонъ и К^о, и не имѣя ея привилегій, наживали отличныя деньги. Это была, къ сожалѣнію, чисто-американская компанія, получившая, при посредствѣ покойнаго Косаговскаго, эксплуатацію Командорскихъ острововъ за безцѣнокъ; когда же срокъ аренды кончился, то число котиковъ очень уменьшилось, особенно отъ хищничества.

Давно уже ходили рассказы о безчинствахъ, творимыхъ разными авантюристами, прикрывавшимися американскимъ флагомъ, по нашимъ берегамъ Тихаго океана, въ особенности въ сѣверной, промышленной его части, но, располагая тамъ самыми жалкими морскими силами, правительство наше долго не могло ничего подѣлать противъ возраставшей наглости американцевъ.

Наконецъ, мѣра терпѣнія была превзойдена, и въ иностранныхъ газетахъ было опубликовано распоряженіе, по которому иностранныя суда, которыя будутъ уличены, что занимаются торговлею и промыслами въ предѣлахъ русскихъ территоріальныхъ водъ безъ свидѣтельствъ отъ генераль-губернатора, будутъ конфисковаться со всѣмъ грузомъ въ пользу правительства. За точнымъ выполненіемъ означенныхъ правилъ должны слѣдить наши военныя суда, но какъ таковыхъ почти не было, то коммерческія,

и, живя какъ индѣйцы, занимались обмѣномъ мѣховъ на водку и оружіе, а отъ скуки учили дикарей танцовать кадрили. Знаменитый Шатобрианъ самъ видѣлъ, какъ старый маркизъ командовалъ индѣйцами въ танцахъ: «A vous, messieurs les sauvages, à vous, mesdames les sauvagesses!»

снабженныя надлежащими инструкціями и имѣющія военныя команды. Правда, и коммерческихъ судовъ у насъ въ Тихомъ океанѣ нѣтъ, по необходимость подобнаго категорическаго заявленія стала неотложною для огражденія береговъ Восточной Сибіри отъ грабежа иностранныхъ промышленниковъ. Дѣло доходило неоднократно даже до вооруженныхъ столкновеній.

«Бронштадтскій Вѣстникъ» описалъ, какъ американская шкуна «Діана», занимавшаяся около острова Мѣднаго (одного изъ Командорскихъ) промысломъ, хотя около этого острова вовсе запрещены промыслы, была встрѣчена выстрѣлами, жертвами которыхъ сдѣлались нѣсколько матросовъ. «Діана» ушла въ Петропавловскъ, гдѣ ей оказали медицинскую помощь, но зато конфисковали ея контрабандный грузъ мѣховъ.

Американское правительство немедленно возбудило дипломатическую переписку объ оскорбленіи своего флага. Для подобной переписки вашингтонскій кабинетъ имѣлъ болѣе основанія, чѣмъ для возбужденной имъ, незадолго до того, переписки объ участи русскихъ евреевъ, но наша дипломатія поддержала право русскихъ подданныхъ защищать свою территорію и свою собственность отъ какихъ угодно покушеній. Для избѣжанія же прискорбныхъ случайностей рекомендовала отличное средство—къ русскимъ берегамъ не приближаться, кромѣ случаевъ force majeure, а заниматься промыслами или въ открытомъ океанѣ, или у собственныхъ береговъ, достаточно обширныхъ въ Тихомъ океанѣ.

Отсюда явился вопросъ объ устройствѣ въ Тихомъ океанѣ постоянного крейсерства. Конечно, плаваніе тамъ стоитъ не дешево и для гг. офицеровъ скучновато, но положительно можно сказать, что въ десять разъ производительнѣе для государства и полезнѣе для флота плаваніе военныхъ крейсеровъ въ Охотскомъ морѣ и у береговъ Камчатки, чѣмъ содержаніе тройнаго числа мониторовъ, по годамъ мирно ржавѣющихъ подъ военнымъ флагомъ въ прѣсныхъ водахъ въ Маркизовой лужѣ, какъ характерно называется ближайшая къ Петербургу часть Финскаго залива. Независимо отъ крейсеровъ, изъ сѣверо-восточной части Приморской области, гдѣ особенно «шалили» американцы, былъ образованъ особый округъ, Анадырскій. Крейсерство принесло пользу; нѣсколько американскихъ судовъ было взято призами, и хотя по настоянію американцевъ ихъ потомъ освобождали, но возможность захвата и продолжительной задержки нѣсколько охладила хищниковъ. Къ сожалѣнію, процессъ въ владивостокскомъ морскомъ судѣ показалъ, что поблажки дѣлались и съ нашей стороны. Послѣ длинныхъ споровъ Россія изъявила согласіе подчиниться третейскому рѣшенію въ вопросѣ о захватѣ американскихъ судовъ.

Американскіе промышленники шли къ намъ потому, что въ своихъ водахъ у Прибыловыхъ острововъ американцы, по конвен-

щи съ Англіей, срокъ которой истекъ въ 1898 г., очень тщательно охраняли котовъ. Соединенные Штаты въ 1895 г. выслали цѣлую эскадру изъ 6 паровыхъ судовъ для охраны острововъ и республикъ, по вычисленіямъ Дрэке, командира парохода «Albatros», охрана каждаго котика въ 1894 г. обошлась въ 117 долларовъ за шкуру! Но и это не помогаетъ. По мнѣнію специалистовъ, если не воспретить на 6 лѣтъ котиковаго промысла, онъ совершенно прекратится¹⁾.

Американцы истребили въ нашихъ водахъ не только котиковъ, но и китовъ. Гонясь за послѣдними, они было думали присоединить къ себѣ Чукотскую землю, показывая ее на своихъ картахъ, даже учебныхъ, независимо отъ Россіи; когда же американцевъ оттуда наши моряки прогнали, то они стали считать своимъ Врангеляндъ, на что жаловалась канадская пресса, доказывая, что тамъ будто бы уже развѣвался флагъ Канады; нью-іоркскіе журналы оспаривали это мнѣніе и доказывали, что островъ уже давно принадлежитъ сѣверо-американской республикѣ. Дѣло шло о такой малоизвѣстной мѣстности, что неудивительно, если наши газеты не обратили вниманія на возникшій споръ, но онъ, вѣроятно, не ускользнулъ отъ нашей дипломатіи. Врангеляндъ—не что иное, какъ Врангелева Земля, открытая русскимъ мореплавателемъ бар. Врангелемъ въ 1823 г. близъ береговъ Восточной Сибири. Островъ этотъ до такой степени принадлежитъ географически къ континенту, что часть моря, раздѣляющая ихъ, называется Длиннымъ проливомъ. Положеніе его на далекомъ сѣверѣ, 70—75° сѣв. шир., дѣлаетъ островъ мало способнымъ для постоянной жизни человѣка, но онъ важный пунктъ для китолововъ по близости къ Тихому океану.

Споры канадскихъ и американскихъ газетъ, конечно, ребяческая забава. Наше правительство, ссылаясь на титулъ русскаго государя: «и всея сѣверныя земли повелитель», могло, подобно тому, какъ оно это сдѣлало для Шпицбергена, опротестовать свои права, хотя серьезно печалиться о томъ, что ежегодно на двѣ или на три недѣли въ пустую, обложенную со всѣхъ сторонъ льдами землю, втыкаютъ тотъ или другой флагъ, было бы нелѣпо. Запретить же бить китовъ въ открытомъ морѣ около Врангелевой Земли мы права не имѣемъ, да если бы и захотѣли, то не въ силахъ осуществить запрещеніе, по невозможности найти военный крейсеръ, который могъ бы пробраться туда ранѣе и даже вслѣдъ китолововъ. Запрещеніе ограничилось бы предписаніемъ изъ Хабаровска исправнику въ Анадырскѣ, живущему въ тысячѣ вер-

¹⁾ Намъ приходится защищаться теперь болѣе отъ канадцевъ, которые докочачиваютъ нашихъ котиковъ, уцѣлѣвшихъ отъ американцевъ. Соглашеніе о правахъ охоты на нихъ было подписано Россіей, Америкой и Японіей, но только Англія отказалась сдѣлать это. Къ сожалѣнію, мы не имѣли въ Канадѣ ни одного русскаго представителя и лишь съ 1900 г. учреждено русское консульство въ Канадѣ, не извѣстно еще, въ какомъ городѣ.

стахъ отъ Врангелевой Земли и немѣющему средствъ починить свою канцелярію, не то что плавать по Ледовитому океану.

Если Соединенные Штаты мало интересны для насъ въ мирное время—хотя мы могли бы имѣть съ ними крупныя торговыя сношенія, то въ военное, особенно при войнѣ съ Англійей, дружественный нейтралитетъ республики для Россіи придется очень кстати¹⁾. Она уже оказывала намъ кое-какое содѣйствіе въ Крымскую войну и въ 1878 г., а могла бы за недостаткомъ во Франціи капиталовъ оказать, въ случаѣ войны, содѣйствіе для выпуска вѣшняго займа на американскихъ биржахъ.

У насъ въ дѣлѣ публичнаго кредита господствуетъ рутина, заставляющая прибѣгать къ посредничеству банкировъ, хотя еще въ прошломъ столѣтіи Монтескье остроумно замѣтилъ, что «банкиры поддерживаютъ государство, какъ веревка поддерживаетъ повѣшеннаго». Вліяніе банкирской клики, конечно, очень сильно и если даже въ Петербургѣ, какъ показалъ опытъ 1859 г., мелкое соперничество двухъ банкирскихъ фирмъ могло повредить успѣху государственнаго займа, то тѣмъ болѣе нужно опасаться этого вліянія въ военное время на биржахъ иностранныхъ, гдѣ въ средѣ капиталистовъ и биржевыхъ игроковъ не исчезли насчетъ Россіи самыя дикіе предрасудки.

На эту-то публику, отчасти невѣжественную, отчасти предубѣжденную, необыкновенно выгодное впечатлѣніе могъ бы произвести успѣхъ кредитной операціи, заключенной помимо избитыхъ рутинныхъ путей, а именно—заемъ въ Америкѣ. Успѣхъ русскаго займа на биржахъ Соединенныхъ Штатовъ, если бы и не открылъ намъ новаго денежнаго рынка въ будущемъ, то навѣрное произвелъ бы необыкновенный эффектъ въ Западной Европѣ.

Заемъ этотъ, помимо политическихъ цѣлей, имѣлъ бы и серьез-

¹⁾ О воздѣйствіи на Англію союза и говорить нечего. Мы и безъ войны могли бы вредить ей. Въ 1896 г. русскій посланникъ въ Соединенныхъ Штатахъ Коллебу сдѣлалъ американскому государственному секретарю Ольдену предложеніе относительно соглашенія Россіи и Соединенныхъ Штатовъ сложить въ запасъ избытокъ своего зернового хлѣба, вмѣсто его вывоза на всемірной рынокъ, и подпять такимъ образомъ цѣну хлѣба. Русскій посланникъ пояснялъ, что хотя предлагаемый государственный трестъ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ интересы земледѣльцевъ Россіи и Соединенныхъ Штатовъ, тѣмъ не менѣе онъ принесетъ пользу земледѣльцамъ всего міра.

Государственный секретарь передалъ предложеніе американскому министру земледѣлія Стерлингу-Мортону, который отклонилъ его. Штаты дулись на насъ тогда за отказъ дать имъ золота. Соглашеніе имѣло бы крайне серьезныя послѣдствія для государствъ, нуждающихся въ привозномъ хлѣбѣ. Политическій міръ раздѣлился бы на двѣ группы государствъ, согласно ихъ отношенію къ хлѣбному вопросу. Въ первой группѣ стали бы Англія, Франція, Германія, Бельгія, Италія, Швейцарія, Голландія и другія малыя государства. Во вторую группу вошли бы Россія, Австрія, Румыніи и вся Сѣверная и Южная Америка. Государствамъ, обладающимъ избыткомъ хлѣба, неслучайно было бы объявлять своимъ противникамъ войну, такъ какъ они могли бы морить ихъ голодомъ. Тактика эта недолго бы однако продолжалась, потому что кромѣ Аргентины, Австраліи, Индіи, Малай Азіи, Египетъ и др. страны способны къ обширной культирѣ хлѣбовъ.

ныя практическія выгоды. Извѣстно, что Россія постоянно нуждается въ большомъ количествѣ американскихъ товаровъ: хлопкѣ, машинахъ и проч., всего на сумму 70 милл. руб., сама же отпускаетъ въ Соединенные Штаты очень мало своихъ произведеній, не болѣе какъ на 3 или 4 милліона; разница покрывается лондонскими тратами, но послѣднихъ будетъ гораздо менѣе во время войны и блокады портовъ. Образование у американскихъ банкировъ фонда въ диспозицію русскаго правительства очень облегчло бы трассированіе и дозволило бы продавать въ Петербургѣ переводы прямо на Нью-Йоркъ, Нью-Орлеанъ и др. американскіе порты.

Далѣе, нѣтъ никакого сомнѣнія, что даже при строгомъ нейтралитетѣ Соединенныхъ Штатовъ подданные послѣднихъ не откажутся отъ выгодъ косвеннаго участія въ войнѣ, помощью снабженія воюющихъ сторонъ различными предметами. Заказы пороха, оружія, покупка судовъ, снаряженіе крейсеровъ, доставка имъ припасовъ и пр. вызовутъ для Россіи необходимость производить въ Америкѣ большіе платежи, которые, конечно, удобнѣе всего и для американцевъ, и для Россіи производить изъ суммъ займа, собраннаго на мѣстѣ и черезъ посредство лицъ, близко знающихъ привычки и обычаи американцевъ.

Если бы американскимъ займамъ удалось покрыть наши расходы въ теченіе войны по заказамъ въ Америкѣ и по невыгодной разницѣ въ торговомъ балансѣ двухъ странъ, то одно это представляло бы уже большое облегченіе, избавляя отъ необходимости скупать лучшіе европейскіе векселя и производить тѣмъ гнетущее давленіе на курсъ, положеніе котораго должно стать предметомъ живѣйшей заботливости правительства во время войны.

Въ сочувствіи къ намъ американцевъ, въ случаѣ войны съ Англіей, мы не должны сомнѣваться, политическіе мотивы будутъ поэтому клониться къ успѣху русскаго займа. Послѣдній подходитъ также къ характеру американцевъ, любящихъ все новое, чрезвычайное и грандіозное. Самое невозможное предпріятіе именно только въ силу того, что оно кажется невозможнымъ, привлекаетъ въ Америкѣ немедленно массу людей и денегъ. Въ этомъ случаѣ у американцевъ проявляется своего рода рыцарство — недоступное имъ въ другихъ отношеніяхъ. То, что Америка осуществила по части общественныхъ работъ въ самый короткій періодъ времени, въ мѣстностяхъ наиболѣе недоступныхъ и безлюдныхъ, показалось бы невѣроятнымъ въ Европѣ. Поэтому я думаю, что если подписка будетъ предложена умѣло, въ американскомъ духѣ, т. е. сразу на всѣхъ большихъ биржахъ Союза: въ Нью-Йоркѣ, Бостонѣ, Филадельфіи, Чикаго, Санъ-Луи, Балтиморѣ, Новомъ Орлеанѣ и Санъ-Франциско, публично, при помощи множества газетныхъ статей, рекламъ, афишъ, предварительныхъ публичныхъ митинговъ и чтеній, то въ успѣхѣ ея нельзя сомнѣваться. Европейскіе приемы здѣсь неумѣстны и дипломатическое перешеп-

тываніе съ двумя-тремя еврейскими банкирами не приведетъ ни къ чему.

Мысль о займѣ въ Америкѣ я развивалъ подробно въ «Новомъ Времени» въ 1877 г., возбудивъ сильную полемику въ нашихъ газетахъ: Европейскія биржи для насъ тогда закрылись. Заключение мира отняло, конечно, у этой идеи непосредственную практичность, но она нашла отголосокъ въ заграничной печати. Американскій корреспондентъ «Revue Britannique», между прочимъ, писалъ: «Увѣряютъ, что Россія постарается заключить заемъ въ Америкѣ или непосредственно, или при помощи синдиката банкировъ, во главѣ которыхъ будетъ стоять домъ Ротшильдовъ (?). Нѣкоторые здѣсь не вѣрятъ въ серьезность этого извѣстія, другіе, наоборотъ, считаютъ его весьма возможнымъ, и «Boston Advertiser» предупреждаетъ уже публику отъ помѣщенія денегъ въ эту бочку Данаидъ. Онъ увѣряетъ, что Россія страшно задолжала сравнительно со своими государственными доходами и что она живетъ только займами».

Наше финансовое управленіе соблазнилось мыслью занять деньги въ Америкѣ и вело въ переговоры съ нью-іоркскими банкирами о помѣщеніи въ Соединенныхъ Штатахъ русскаго займа. Веденные безъ должнаго искусства переговоры потерпѣли fiasco. Американское страховое общество «New-York» взяло однако на 22 мил. руб. русскихъ желѣзнодорожныхъ облигацій. Начало, значитъ, сдѣлано. Связи поддержать нетрудно, потому что въ русскихъ промышленныхъ предпріятіяхъ американцы до сихъ поръ дѣлали весьма выгодныя помѣщенія своихъ капиталовъ (Уайненсъ, Резиновая мануфактура и др.). Въ послѣднее время для укрѣпленія этихъ связей ѣздилъ въ Америку г. Ротштейнъ.

XXX. СРЕДНЯЯ И ЮЖНАЯ АМЕРИКА.

Средняя и Южная Америка съ Антильскими островами, кромѣ нѣсколькихъ старинныхъ колоній, потерявшихъ съ изобрѣтенія свекловичнаго сахара и освобожденія рабовъ часть своего торговаго значенія, состоитъ изъ республикъ: испанскихъ, негритянскихъ и португальской. Въ Лондонѣ, гдѣ наиболѣе полно представительство означенныхъ многочисленныхъ державъ, имѣется два дипломатическихъ корпуса: бѣлый и черный. Бѣлый встрѣчается при дворѣ и въ аристократическихъ салонахъ, черный и цвѣтной чаще можно встрѣтить въ игорныхъ домахъ и свидѣтелями въ окружныхъ судахъ.

Кто только ни бранилъ эти республики, ни бросалъ въ нихъ камней и ни давалъ имъ совѣтовъ! Ихъ сравнивали даже съ пьяными илотами, кривляющимися для возбужденія отвращенія въ

юных спартиатахъ, т. е. въ европейскихъ державахъ. Искусство волновать народъ, дѣйствительно, стало въ этихъ странахъ профессіей. Народъ такъ часто упражняется въ волненіяхъ и революціяхъ, что дѣйствуетъ какъ на театрѣ. Нѣтъ поэтому ничего болѣе невѣрнаго, какъ судить тамъ о желаніяхъ народа по уличнымъ манифестаціямъ; въ этомъ случаѣ истины надобно искать въ его интересахъ, а не въ его проявленіяхъ. Немногіе посмотрѣли безпристрастно на внутренній смыслъ борьбы, раздирающей Америку, и оцѣнивали по достоинству тѣ результаты, которые добыла она посредствомъ тяжкихъ и кровавыхъ усилій. Издали борьба партій получаетъ тамъ траги-комическій характеръ, съ ея ежедневными пронунціаменто, импровизированными генералами, разбойничаящими священниками и т. п.; но за этой обстановкой есть, конечно, болѣе серьезная сущность, которая измѣняется мало по малу подъ напоромъ противоположныхъ давленій. Не касаясь политической стороны вопроса, особенно важной въ этомъ случаѣ, такъ какъ она главнымъ образомъ зиждется на соперничествѣ двухъ расъ: европейской и индѣйской, нельзя отрицать того, что, какъ указываютъ нѣкоторые факты, въ экономическомъ отношеніи броженіе, охватившее Южную и Среднюю Америку послѣ ея вѣкового застоя и вредной рутинѣ, не осталось безъ крупныхъ результатовъ и по отношенію къ Европѣ.

Нетерпѣливая масса ожидала, безъ сомнѣнія, отъ революціи чудесъ, мгновенныхъ преобразованій и улучшеній и лекарства отъ всѣхъ золъ, развѣдавшихъ государственные организмы Испаніи и Португаліи, забывая, что величайшимъ зломъ слѣдовало считать отсутствіе въ ихъ бывшихъ колоніяхъ труда, правильное развитіе и организацию котораго задерживала долготлѣтная ложная политика. Чудесъ, конечно, не послѣдовало, но выяснилось, что въ экономическихъ преобразованіяхъ, въ развитіи своихъ богатыхъ производительныхъ силъ, въ колонизаціи своихъ внутреннихъ пустынь и въ приученіи народа къ трудолюбію и бережливости новыя республики найдутъ гораздо скорѣе успокоеніе, нежели въ кровавой борьбѣ изъ-за правительственной формы, которая ведетъ только къ непрерывнымъ реакціямъ. Немногіе, однако, воспользовались этимъ указаніемъ, а если воспользовались, то ненадолго.

Политической организаціи американскихъ республикъ недостаетъ болѣе всего устойчивости; всеобщая подача голосовъ такъ же примѣнима къ нимъ, какъ къ Дагестану или Чечнѣ. Поэтому, вмѣсто правительства, страны эти имѣютъ лишь организованную анархію. Конституціонныя гарантіи при такомъ порядкѣ вещей—одна мистификація, затрудняющая борьбу честныхъ элементовъ съ авантюристами.

«Нигдѣ я не слышалъ столько дифирамбовъ прогрессу, цивилизаціи, свободѣ; столько восторговъ передъ задачами человечества, самоуправленія, говоритъ Ионинъ въ своей высшей сте-

пени интересной книгѣ «По Южной Америкѣ», какъ на бразильскихъ плантаціяхъ или въ степяхъ Лаплаты, какъ на этой почвѣ, гдѣ процвѣтаетъ еще рабство, гдѣ, подъ видомъ республики, господствуетъ самый непримиримый деспотизмъ. Сколько я слышалъ отъ европейцевъ разочарованій на почвѣ Америки въ этихъ принципсахъ 89-го года». «Какъ полезно, прибавляетъ онъ, для познанія Европы переплыть Атлантическій океанъ—тамъ можно найти аршинъ, особенно для измѣренія нашей глупости, которой мы у себя не замѣчаемъ за пропастью другой работы».

Долгое время Европу южно-американскія дѣла интересовали именно съ этой комической стороны. Всѣ эти генералы Бомбардосы и Патакесы, воюющіе за власть и производящіе революціи, казались оффенбаховскими героями и давали неистощимую пищу французскимъ водевилистамъ. Развитие пароходства приблизило, однако, эти опереточныя страны; теперь уже мужики въ Царствѣ Польскомъ хорошо знаютъ, что есть, напримѣръ, Бразилія. Еще большому знакомству Европы содѣйствовало то обстоятельство, что южно-американскія государства успѣли надѣлать не только миллиарды долговъ, но и сбыть бумаги этихъ долговъ европейскимъ *gogos*. Кризисы въ Южной Америкѣ стали вліять на европейскія биржи и такимъ образомъ поневолѣ приходится слѣдить за тѣмъ, что дѣлается и по ту сторону Атлантическаго океана.

Выше, въ главѣ XII, я говорилъ, что, въ виду сочувствія къ легитимному принципу, наша дипломатія не только поддерживала короля испанскаго въ борьбѣ съ его возставшими американскими колоніями,—въ чемъ поступала весьма благоразумно,—но даже оказала ему помощь, весьма, однако, недостаточную и неудачную. Затѣмъ, по эмансипаціи колоній, Россія очень долго, едва ли не до 70-хъ годовъ не признавала нѣкоторыхъ изъ вновь учрежденныхъ республикъ, что, казалось, не должно было вызывать никакихъ затрудненій, кромѣ случаевъ, когда наши дипломатическіе агенты въ Лондонѣ, Парижѣ или Мадридѣ должны были принимать обѣды своихъ сотоварищей.

Невозможно, конечно, аккредитовать пословъ ко всякому, кто захватить въ столицѣ казначейство и телеграфы; но разъ страна подчинилась перевороту, уплачиваетъ безпрекословно подати и ставить рекрутъ, то трудно не считать уже новое правительство достаточно установившимся. Въ такомъ случаѣ правительство, уклоняющееся отъ признанія, какъ бы старается показать, что оно лучше понимаетъ интересы другого народа, чѣмъ онъ самъ. Если бы дѣло ограничивалось подобнымъ заявленіемъ проницательности, то объ этомъ и говорить бы не стоило; но непризнаніе новаго правительства извѣстной страны ведетъ иногда къ очень серьезнымъ послѣдствіямъ.

Многихъ интересуетъ вопросъ объ исчезновеніи нашихъ колоній въ Калифорніи. Въ публикѣ сложилось даже убѣжденіе, будто

бы между уступкою этихъ колоній и открытіемъ золота въ Калифорніи находится какая-то таинственная связь. На дѣлѣ это не такъ. Калифорнія ускользнула отъ насъ, главнымъ образомъ, отъ непризнанія въ свое время Мексиканской республики. Русскіе, т. е. агенты Россійско-Американской компаніи, водворились въ Калифорнію въ 1812 г., когда Испаніи, занятой Наполеономъ I, было не до своихъ колоній. Русскіе наименовали рѣку Санъ-Себастьянъ Славянскою, свою новую колонию Россомъ, а гавань — гаванью Румянцева; колонія была чисто-земледѣльческою и снабжала Ситху пшеницею. Развитіе русскаго поселенія шло медленно, и оно приносило компаніи дефицитъ. Между тѣмъ, испанскія колоніи отдѣлились отъ метрополи и мѣстность вокругъ Росса стала, хотя и номинально, принадлежать Мексикѣ. Убыточность Росса зависѣла отъ недостатка по сосѣдству удобныхъ земель подъ пашни. Правитель колоній, баронъ Врангель, проѣзжая въ Петербургъ, завелъ переговоры съ мексиканскимъ правительствомъ, и послѣднее было согласно увеличить русскую территорію подъ условіемъ, чтобы его объ этомъ попросило само правительство. Когда Врангель доложилъ о желаніи Мексики Николаю I, то государь замѣтилъ, что исполненіе просьбы невозможно, ибо онъ не признаетъ Мексиканской республики. На слова же Врангеля, что Пруссія хотя также не признала республики, но имѣетъ съ нею сношенія по торговымъ дѣламъ, Николай I съ живостью возразилъ: «У нѣмцевъ прежде всего деньги, а потомъ честь, а у меня прежде честь, потомъ деньги».

Послѣ такого категорическаго отвѣта, Россійско-Американская компанія рѣшилась, въ 1846 году, продать землю и имущество колоніи Россъ швейцарскому капитану Суттеру, тому самому, на мельницѣ котораго въ 1848 году мормонъ Марешаль нашель первое въ Калифорніи золото. Мельница эта находилась отъ нашего Росса верстахъ въ двухстахъ, да и Калифорнія за два года передъ тѣмъ уже была уступлена Мексикою, послѣ несчастной войны, Соединеннымъ Штатамъ.

Единственное воспоминаніе о русскомъ владычествѣ осталось въ рѣкѣ, переименованной изъ Славянки въ Russian-River, да въ Санъ-Франциско я въ 1876 г. видѣлъ престарѣлаго генерала Бодехо, который нѣкогда, по порученію мексиканскаго правительства, наблюдалъ, чтобы русскіе не забирались далѣе своихъ границъ. Продажа Росса за безцѣнокъ (кажется, 40 тысячъ руб.), конечно, фактъ для нашего народнаго самолюбія прискорбный, но, по совѣсти говоря, если бы Калифорнія осталась въ русскихъ рукахъ, то открытое тамъ золото, навѣрное, продолжало бы до сихъ поръ лежать въ землѣ мертвымъ капиталомъ, такъ какъ наши политическія условія никогда не дозволили бы ринуться туда потоку европейской эмиграціи, да еще какой эмиграціи! Калифорнійскими піонерами были по большей части герои баррикадъ и другіе по-

литическіе преступники, тысячами бѣжавшіе изъ Европы послѣ событій 1848 и 1849 годовъ. Ужь, безъ сомнѣнія, не въ русскую землю направили бы тогда эти вольные и невольные изгнанники свои стопы, а безъ людей, за десятки тысячъ верстъ отъ Россіи, Россійско-Американская компанія, флотъ которой состоялъ всего изъ 6 судовъ дальняго плаванія, что въ состояніи была сдѣлать, предположивъ даже, что мы измѣнили бы кореннымъ образомъ принципы своего горнаго законодательства.

Замѣчательно, что Калифорніей, по отношенію къ Россіи, интересовался еще Петръ Великій. Въ одной изъ рукописей Публичной библіотеки «Екстрактъ журналовъ мореплаванія и описанія Каспійскаго моря», 1728 г., О. И. Соимоновъ рассказываетъ, что въ 1722 году, во время похода Петра въ Дербентъ, желая обратить вниманіе государя на давно занимавшую его мысль о плаваніи русскихъ въ Тихомъ океанѣ, онъ, въ бесѣдѣ о новыхъ открытіяхъ, сказалъ: «А какъ Вашему Величеству извѣстно, сибирскія восточныя мѣста и особенно Камчатка, отъ всѣхъ тѣхъ мѣстъ и японскихъ, Филиппинскихъ острововъ, до самой Америки по западному берегу островъ Калифорнія уповательно отъ Камчатки не въ дальнемъ разстояніи найтись можетъ; и потому много-бъ способнѣе и безубыточнѣе російскимъ мореплавателямъ до тѣхъ мѣстъ доходить возможно было, противъ того, сколько нынѣ европейцы почти цѣлые полкруга обходить принуждены.—Тѣ мои слова Его Величество прилежно все слушать изволилъ; но какъ скоро я рѣчь мою окончилъ, такъ скоро мнѣ изволилъ сказать: «Слушай, я то все знаю, да не нынѣ, да то далеко».

Въ настоящее время съ Мексикой мы завели постоянныя сношенія и учредили тамъ дипломатическую миссію. Мексиканцы озабочены, какимъ образомъ создать болѣе тѣсныя торговыя сношенія съ Россіей, которыя до сихъ поръ были очень незначительны, причѣмъ мексиканскіе товары попадаютъ въ Россію черезъ Гамбургъ. Въ 1898 году прибыло въ Россію первое судно изъ Мексики; оно было отправлено изъ Вера-Круца. Прямое сообщеніе между Мексикой и Россіей могло бы принести весьма существенную пользу и какое-то финляндское общество задалось цѣлью осуществить эту мысль. Изъ Мексики Россія могла бы получать серебро, табакъ и кофе. Русскихъ подданныхъ въ Мексикѣ пока немного, большая часть ихъ — поляки и евреи: они занимаются земледѣліемъ и видимо вполне довольны своимъ пребываніемъ. Если бы наши торговыя сношенія увеличились, то, конечно, число русскихъ въ Мексикѣ возросло бы. Это вполне подтвердилось на японцахъ, число которыхъ увеличивается съ каждымъ днемъ.

Дѣла русской миссіи пока немного; ихъ даетъ одинъ русскій подданный — революціонный журналистъ, который или сидитъ въ тюрьмѣ, или проситъ пособій. Страна эта уже двадцать лѣтъ спокойна, а до того она была въ постоянномъ революціонномъ бро-

женіи. Это броженіе вводило многихъ въ заблужденіе; думалъ, не тяготится ли Мексика республикой, но при попыткахъ возстановить монархію, мексиканцы разстрѣляли обоихъ императоровъ, Итурбида и Максимилиана Австрійскаго.

Революціи въ Мексикѣ прототипъ всѣхъ американскихъ войнъ. Обыкновенно подобная война тянется безконечно и производится слѣдующимъ образомъ: войска правительственныя и инсургентовъ становятся въ сраженіяхъ за 700 шаговъ—ружья же ихъ берутъ на 300 шаговъ, и затѣмъ палятъ до тѣхъ поръ, пока одна сторона не разстрѣляетъ весь запасъ пороха и не отступить. Это считается съ противной стороны за побѣду. Убитыхъ, раненыхъ или плѣнныхъ, пначе какъ на бумагѣ, въ этихъ войнахъ не бываетъ.—Такъ къ чему же воюють?—спросить читатель.

Вотъ здѣсь-то и секретъ. Война даетъ право обѣимъ сторонамъ объявлять осадное положеніе и жить реквизиціями на счетъ мирнаго населенія. Солдатъ, какъ правительственный, такъ и революціонный, состоитъ на службѣ, пока не награбитъ 50 пезосовъ, затѣмъ прячетъ ружье и идетъ въ ближайшій игорный домъ поиграть въ монтэ; онъ сидитъ тамъ, пожевывая чіку (родъ чеснока) и когда проиграется до копѣйки, тогда снова беретъ ружье и возвращается къ своему отряду для новыхъ подвиговъ. Неудивительно, что при подобной системѣ революцій, вся испанская Америка не скоро успокоится, несмотря на живо-либеральныя фразы своихъ республиканскихъ конституцій и приливъ эмигрантовъ.

Мексиканцевъ нельзя было назвать народомъ испорченнымъ. Извѣстный Лопесъ, предавшій Максимилиана, несмотря на ненависть мексиканцевъ къ этому императору, былъ награжденъ общимъ презрѣніемъ, никто не протягивалъ ему руки и даже жена отказалась отъ него. Лерхо-ди-Техада, избранный въ президенты республики, встрѣтилъ общую поддержку массы, надѣявшейся, что настала эпоха прегражденія военной узурпаціи, и если онъ сдѣлалъ мало, то лишь вслѣдствіе невѣроятной распущенности, которая постигла его, когда онъ добился власти. Напротивъ, преемникъ его, Порфирій Діасъ, управляетъ съ успѣхомъ уже двадцать лѣтъ и избранъ на новое четырехлѣтіе.

Губили Мексику политическія учрежденія, совершенно ей не соответствующія. Въ Мексикѣ есть цѣлыя области, напр., Сонора, гдѣ народъ буквально въ дикомъ состояніи; тамъ масса населенія состоитъ изъ индѣйцевъ, на которыхъ охотятся, какъ на дикихъ звѣрей. Это необыкновенно храбрые и искусные хищники. На скаку лошади, лежа подъ ея брюхомъ и держась ногами, подобный индѣецъ стрѣляетъ безъ промаха. И вдругъ этому народу дали всеобщую подачу голосовъ! Въ другихъ частяхъ республики индѣйцы работаютъ, какъ волю, въ рудникахъ и на поляхъ, не интересуясь вовсе политикой. Последняя сдѣлалась достояніемъ «ин-

теллигенціи»—небольшого развращеннаго класса потомковъ бывшихъ испанскихъ чиновниковъ, эксплуататоровъ страны.

Никто въ этой интеллигенціи не думаетъ о производительномъ трудѣ; процессы и революціи—единственное средство пробить себѣ дорогу; поэтому каждый образованный мексиканецъ или адвокатъ, «лисенсіадо», или капитанъ. Каждый адвокатъ мечтаетъ сдѣлаться депутатомъ конгресса, чтобы брать взятки, а каждый капитанъ ждетъ «пронунсіаменто», чтобы попасть прямо въ генералы и грабить своихъ согражданъ подѣ предлогомъ гражданской войны.

Насколько политическія формы недостаточны еще для нравственнаго пробужденія Мексики, видно изъ вопроса о разбойничествѣ, которое вълосось въ нравы и ничѣмъ истреблено быть не можетъ; на него не дѣйствуетъ и прогрессъ цивилизаціи. Вся разница пока лишь въ томъ, что вмѣсто дилижансовъ разбойники грабятъ поѣзда желѣзныхъ дорогъ. Разбойниковъ вѣшаютъ безъ суда на мѣстѣ преступленія. На почтовыхъ дорогахъ вѣшаютъ на деревьяхъ, и дилижансъ часто задѣваетъ крышею болтающіяся ноги повѣшенныхъ, на желѣзныхъ дорогахъ вѣшаютъ на телеграфныхъ столбахъ и не снимаютъ тѣль для примѣра, но ничто не помогаетъ. Но попадаютъ только второстепенные разбойники, первоклассные имѣютъ связи въ столицѣ и получаютъ своевременно увѣдомленіе о движеніи войскъ и полиціи. Затѣмъ, награбивъ достаточно, они дѣлаются политическими людьми и даже депутатами.

Съ эпохой твердаго и ловкаго управленія Порфирія Діаса обстоятельства измѣнились; эта интересная республика, гдѣ разбойники дѣлались генералами и министрами, и наоборотъ, сдѣлала много успѣховъ по части торговли, промышленности и желѣзныхъ дорогъ. Желѣзныя дороги совершили даже экономическій переворотъ въ странѣ, оттянувъ торговлю отъ портовъ къ внутреннему плато, наиболѣе населенному и богатому. Огромное вліяніе имѣло и паденіе цѣны серебра, такъ какъ Мексика первая производительница въ мірѣ этого металла. Судить объ этихъ успѣхахъ издали трудно, но что для поправки своихъ финансовъ мексиканцы прибѣгали къ средствамъ очень энергическимъ, видно, напр., изъ декрета Діаса о сбавкѣ жалованья чиновникамъ.

Согласно этому поучительному документу, только чиновники, получавшіе менѣе 500 піастровъ жалованья, стали получать его безъ вычета, у всѣхъ остальныхъ, включая и президента республики, дѣлаются вычеты въ возрастающей прогрессіи: отъ 10 до 50 проц. То же самое касается и чиновъ арміи, состоящихъ не на дѣйствительной службѣ. Но и тѣмъ, которые находятся подѣ знаменами, доставлено удовольствіе получать жалованье не за полный мѣсяць, а лишь за 25 дней, т. е. со сбавкою около 15 проц.

Означенные вычеты мексиканское правительство, впрочемъ, признало своимъ долгомъ. Каждый чиновникъ и военный полу-

члѣ на недоданное ему жалованье росписку, по которой уплата послѣдуетъ, когда «средства казначейства позволятъ». Росписки эти замѣнены постепенно билетами казначейства, погашаемыми въ 25 лѣтъ.

Экономія коснулась въ Мексикѣ не однихъ служащихъ. Въ томъ же декретѣ Порфирія Діаса постановлялось, что всѣ строительные расходы казны должны ограничиваться лишь починками, всѣ хозяйственные расходы правительственныхъ учрежденій должны производиться съ величайшею бережливостію и на предметы неизбѣжно необходимыя. Затѣмъ, наконецъ, всѣ субсидіи, гарантіи и т. п. уплачиваются только, если окажется остатокъ денегъ за покрытіемъ прочихъ административныхъ расходовъ. Такимъ образомъ, мексиканскіе капиталисты могли протянуть руку мексиканскимъ чиновникамъ и вмѣстѣ, «сѣвъ на коврѣ терпѣнія», ждать будущаго скорѣйшаго процвѣтанія финансовъ республики.

Маленькія республики Средней Америки, которыя никакъ не могутъ образовать федераціи, очень для насъ въ мирное время не интересны, какъ и черныя республики Антильскихъ острововъ. Почва тамъ такъ богата, что жители могутъ ничего не дѣлать. Большая федеративная республика Колумбія коснулась нашихъ интересовъ косвенно концессіей, выданной компаніи Панамскаго канала. «Панама», которая сдѣлалась теперь синонимомъ не соломенной шляпы, а грандіозныхъ плутней, заинтересовала и русскихъ людей. По слухамъ, пресловутые «чеки» освѣжили весьма кстати карманы и нѣкоторыхъ нашихъ соотечественниковъ.

Колумбійское правительство дало для канала безвозмездно свободную землю. Оно обязалось каналъ и его два конечные порта считать, на время концессіи въ 90 лѣтъ, одинаково для всѣхъ націй свободными отъ всякаго рода сборовъ не только для прохода судовъ, но и для товарныхъ складовъ. Къ сожалѣнію, не установленъ былъ тахітисъ транзитной пошлины по договору, а это, какъ показалъ примѣръ Суэскаго канала, вопросъ первостепенной важности для торговли.

Разбираться въ означенномъ вопросѣ не пришлось, въ виду фіаско, которое потерпѣла компанія. Въ 1880 году Лессепсъ увѣрялъ, что Кувре и Гере, извѣстные строители, брались выстроить Панамскій каналъ съ подряда за 512 милліоновъ франковъ. Съ прибавкою процентовъ и общихъ расходовъ стоимость канала выходила въ 600—700 милліоновъ франковъ. Затѣмъ потребовалось 1,200 милліоновъ франковъ, но, судя по цѣнности сдѣланныхъ затратъ, Панамскій каналъ обошелся бы, вѣроятно, въ 1,800 или 2,000 милліоновъ франковъ. Уже сама по себѣ эта цифра громадна, между тѣмъ не нужно упускать изъ виду, что она могла быть собрана займами только изъ 6¹/₂ и 7¹/₂ процентовъ.

Лессепсъ, правда, высчиталъ, что по Панамскому каналу будетъ проходить ежегодно 6 мил. тоннъ, но его расчеты касались

тоннъ груза, а не тоннъ водоизмѣщенія, что далеко не одно и то же. Цифра 6 мил. тоннъ груза соотвѣтствуетъ не болѣе 4 мил. тоннъ чистаго тоннажа кораблей, подлежащаго оплатѣ транзитнымъ сборомъ по карабельнымъ документамъ. Нельзя допустить, чтобы на Панамскомъ каналѣ было движеніе болѣе чѣмъ $\frac{3}{5}$ противъ Суэзскаго. Транзитная плата, между тѣмъ, вѣроятно, была бы такая, что и въ Суэзѣ, иначе суда попрежнему предпочли бы идти вокругъ мыса Горна или по Суэзскому каналу. Если эти соображенія вѣрны, то первыя пять-шесть лѣтъ доходы Панамскаго канала не превысили бы 40—45 мил. франк.

Этой суммы достаточно для оплаты капитала въ 600—700 мил. фр. по 5⁰/₀, но не для оплаты 1¹/₂ или двухъ милліардовъ по 6 или 7⁰/₀; почему предпріятію Панамскаго канала по открытіи скоро стала грозить очень серьезная опасность. Кромѣ недостатка денегъ, быстротѣ сооруженія мѣшали климатическія условія.

Не видя выхода, компанія рѣшила для продолженія работъ сдѣлать заемъ въ 600 милліоновъ фр. и для большаго привлеченія подписчиковъ — испросила у французскаго правительства разрѣшеніе сдѣлать этотъ заемъ лотерейнымъ. Компанія выудила изъ кармановъ парижской публики эти милліоны, но работы по каналу не подвинулись, истина же, какъ по исходатайствованію означеннаго займа, такъ и по другимъ продѣлкамъ, особенно по невѣроятному по размѣрамъ подкупу печати, раскрылась и всѣ главныя дѣятели, и французскій министръ публичныхъ работъ Бего, угодили въ тюрьму¹⁾.

Старая компанія разорилась не только потому, что значительная часть капиталовъ пошла не по назначенію, а на подкупъ печати и государственныхъ людей, но и по невозможности осуществить задуманный проектъ канала безъ шлюзовъ, прорѣзавъ хребетъ горъ выемкой до 50 сажень глубиною, съ тѣми средствами, которыя были въ рукахъ старой компаніи. Когда она обанкротилась, у ней осталось, однако, на милліардъ уже исполненныхъ (и притомъ отлично) работъ, на 300 милліоновъ имущества (какъ оказалось, въ исправномъ видѣ), въ томъ числѣ желѣзная дорога черезъ Даріенскій перешеекъ и пароходная линія изъ Колона въ Новый Орлеанъ, и на 200 милліоновъ разныхъ претензій къ банкамъ и частнымъ лицамъ. Бросить все это не имѣло смысла. Поэтому группа солидныхъ капиталистовъ, частью изъ бывшихъ кредиторовъ и подрядчиковъ канала, при помощи Credit Lyonnais, перваго частнаго кредитнаго учрежденія во Франціи, образовала новую компанію Панамскаго канала, основнымъ капиталомъ для которой послужили 65 милліоновъ франковъ, взысканныхъ уже въ счетъ

¹⁾ По поводу этихъ безумныхъ затратъ нельзя не вспомнить, что когда въ одномъ обществѣ говорили, что такое крупное воровство у насъ невозможно, одинъ купецъ со вздохомъ замѣтилъ: «Люди есть, — канала нѣтъ!»

вышеозначенныхъ 200 милліоновъ. Правленіе этой компаніи, предсѣдателемъ коей состоятъ извѣстный создатель многихъ франко-русскихъ дѣлъ, лонскій богачъ Вонардель, поступилъ въ высшей степени осторожно и разумно.

Оно задалось мыслью построить каналъ по возможности международный и притомъ такой, который, соотвѣтствуя современному мореходству (а теперь уже хотять строить cargo-boat—въ 100 сажень длины и 5 сажень осадкою ¹⁾), могъ бы окупаться возможнымъ, а не воображаемымъ движениемъ по каналу. Особая статистическая комсія, предсѣдательствуемая извѣстнымъ экономистомъ Полемъ Леруа Болье, сдѣлала самый точный подсчетъ ожидаемыхъ грузовъ, при чемъ оказалось, что каналъ, чтобы окупить себя, не долженъ стоить (не считая сдѣланныхъ уже работъ) дороже 600 мил. франковъ. Такой каналъ можетъ быть только со шлюзами.

Для образованія озера, которое будетъ питать шлюзы водою, придется запрудить рѣку Шагръ, отличающуюся капризностью и огромными паводками. Затѣмъ тропическіе дожди позволяютъ съ полнымъ успѣхомъ строить только 3 мѣсяца въ году; наконецъ, прорѣзка хребта Кулебра хотя и встрѣтитъ менѣе препятствій, чѣмъ при каналѣ безъ шлюзовъ, но все-таки потребуетъ лѣтъ десять времени. Чтобы обезпечить выработанному проекту полную компетентность, компанія избрала особый техническій совѣтъ изъ гидротехниковъ разныхъ націй.

Этотъ совѣтъ въ длинномъ рядѣ совѣщаній разобралъ подробно новый проектъ канала, составленный инженеромъ Горономъ, и за нѣкоторыми измѣненіями и улучшеніями призналъ полную его осуществимость въ 12 лѣтъ и за сумму не свыше 500—600 мил. франк., т.-е. такую, чтобы акціонеры, вложившіе въ это дѣло свои капиталы, имѣли не менѣе 5—6 проц. въ годъ.

Однимъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ былъ и вопросъ о климатическихъ условіяхъ. Наблюденія за 20 лѣтъ не показали вовсе, что климатъ перемѣнился или улучшился, а то что по продолжительнымъ наблюденіямъ врачей, обработаннымъ американцемъ Аботомъ, онъ не такъ опасенъ, при извѣстныхъ гигиеническихъ предосторожностяхъ, какъ сначала думали. Несомнѣнно, однако, что земляныя работы на каналѣ не могутъ исполнять ни европейцы, ни китайцы, ни даже африканскіе негры; работы эти безопасны только для акклиматизировавшихся негровъ Антильскихъ острововъ, особенно съ острова Ямайки, переносащаго теперь острый экономическій кризисъ. Но такъ какъ требуется до 15,000

¹⁾ Я не думаю, чтобы эти уроды много принесли пользы. Хотя подобныя суда будутъ возить чуть не даромъ, но очень немного портовъ въ мірѣ, куда они могутъ войти; очень рѣдки также порты, гдѣ можно, не дожидаясь по мѣсяцамъ, найти сразу милліоны пудовъ груза, необходимаго для судна такой величины.

рабочихъ (болѣе 3,000 и теперь работаетъ на каналѣ), то образованіе рабочаго кадра составляетъ одну изъ главныхъ задачъ.

Такимъ образомъ техническій проектъ новаго Панамскаго канала вполне готовъ. Между тѣмъ проектъ Никарагуаскаго канала существуетъ только на бумагѣ и всё его данныя совершенно гадательны, а частью и невѣрны. Этотъ каналъ будетъ гораздо длиннѣе Панамскаго и обойдется навѣрное дороже послѣдняго, потому что хотя Никарагуаское озеро избавляетъ отъ необходимости создавать для шлюзованнаго канала источникъ питанія водою, но зато труднѣйшая работа — пересѣченіе цѣпи горъ — въ Никарагуаскомъ каналѣ произойдетъ въ области Атлантическаго океана. Между тѣмъ эта область по количеству тропическихъ дождей и дурному климату гораздо хуже области Тихаго океана, гдѣ сосредоточены наиболѣе трудныя работы Панамскаго канала. Сторонники Никарагуаскаго канала давно безуспѣшно старались добиться отъ конгресса гарантіи своему предпріятію; все, чего они достигли—эта снаряженіе комиссіи, осмотрѣвшей мѣстность и давшей довольно благоприятное заключеніе, хотя и не подкрѣпленное никакими практическими данными. Комиссія эта какъ бы старалась игнорировать существованіе Панамскаго канала. Но сторонниковъ послѣдняго въ американской печати и въ конгрессѣ также не мало и они, конечно, не дремали. Хотя сенатъ высказался за Никарагуаскій каналъ, но конгрессъ рѣшилъ послать новую комиссію для изслѣдованія Панамскаго проекта.

Притязанія сторонниковъ Никарагуа увеличились еще и потому, что Англія въ угоду Штатамъ отказалась отъ заключеннаго въ началѣ 50-хъ годовъ трактата, такъ называемаго Клейтонъ-Бульверскаго, по которому дѣлила контроль надъ сооруженіемъ канала черезъ Никарагуа съ американцами. Новый трактатъ подписанъ Геємъ и лордомъ Паунсефотомъ.

Въ крайнемъ случаѣ дѣло Панамскаго канала все-таки не погибнетъ, въ виду его техническихъ преимуществъ. Но компаніи придется сдѣлать свое предпріятіе чисто американскимъ, что съ европейской точки зрѣнія, конечно, нежелательно, но акціонеры полуторамилиарднаго имущества не могутъ же бросить его ради одной идеи.

Для Россіи скорѣйшая постройка канала, который долженъ соединить Атлантическій океанъ съ Тихимъ и осуществить мысль, поднятую уже болѣе трехъ столѣтій назадъ Фернандо Кортесомъ, конечно, только желательна. Торговля Россіи собственно въ Мексиканскомъ заливѣ и по берегамъ тихо-океанскаго американскаго побережья незначительна, но каналъ дастъ непрерывное водное сообщеніе русскихъ владѣній на Тихомъ океанѣ, вытянувшихся теперь до Портъ-Артура, съ Европою. До сихъ поръ Россія пользовалась Суэзскимъ каналомъ для воднаго сообщенія съ этими владѣніями и впродѣ, по всей вѣроятности, будетъ по преимуществу

имъ пользоваться; но въ случаѣ войны въ Египтѣ и на Красномъ морѣ сообщеніе по Суэзскому каналу будетъ прервано, тогда каналъ черезъ Даріенскій перешеекъ получить особенно важное значеніе, даже если движеніе будетъ производиться не подъ русскимъ, а подъ нейтральнымъ флагомъ.

Относительно же того, какой каналъ — Панамскій или Никарагуаскій — выгоднѣе для Россіи съ политической точки зрѣнія, не можетъ быть сомнѣнія, что выгоднѣе первый. Никарагуаскій каналъ, предполагая, что осуществленіе его возможно, будетъ чисто американскимъ предпріятіемъ, тогда какъ Панамскій каналъ останется въ рукахъ нашихъ союзниковъ французовъ и въ крайнемъ случаѣ сдѣлается предпріятіемъ международнымъ съ значительною прибавкою, конечно, американскаго элемента въ составѣ своихъ акціонеровъ.

Преобладаніе въ каналѣ Соединенныхъ Штатовъ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ было бы только желательно для Россіи, но все это перемѣнилось со времени послѣдней войны. Обобравъ бѣдную Испанію, Соединенные Штаты сдѣлались колониальною и отчасти азіатскою державою. Забывъ принципъ Монроэ: «Америка для американцевъ», подразумѣвавшій другой принципъ, что американцы хозяева только въ Америкѣ, янки выступаютъ теперь въ открытое соперничество съ нами въ Китаѣ и Корей и не брезгаютъ для этого союзомъ со своимъ исконнымъ врагомъ, Англіей, и съ Японіей. Подобныхъ Соединенныхъ Штатовъ Россія можетъ только опасаться въ будущемъ, особенно въ виду громаднаго богатства тихоокеанскаго побережья Штатовъ и стратегическаго положенія, занятаго американцами на Сандвичевыхъ, Филиппинскихъ и другихъ островахъ. Это положеніе безпримѣрно, если сравнить его съ тѣмъ, что мы изъ опасенія Англіи тридцать лѣтъ не рѣшались занять хотя бы одинъ островокъ въ Тихомъ океанѣ, даже изъ тѣхъ, которые открыты были русскими мореплавателями въ первой четверти нынѣшняго столѣтія. Во всякомъ случаѣ довѣрять американцамъ ключъ къ кратчайшему соединенію двухъ океановъ уже невозможно.

Поэтому мнѣ кажется, что русскимъ дипломатамъ и финансистамъ, разъ будетъ поднята серьезно рѣчь о нейтрализаціи Панамскаго канала и о постановкѣ его подъ общую охрану или гарантію европейскихъ и американскихъ державъ, слѣдуетъ оказывать содѣйствіе французскому предпріятію. Здѣсь мы можемъ идти рука объ руку съ Франціей, преслѣдуя и собственныя политическія и экономическія задачи.

Замѣчательно, что вышеозначенныя разсужденія, составлявшія часть письма моего въ № 8187 «Новаго Времени», переданныя въ американскія газеты въ видѣ длинной телеграммы Associated Presse, произвели въ Соединенныхъ Штатахъ сильное волненіе. Вся политическая пресса обратила особенное вниманіе на эту телеграмму, сдѣлавшуюся, до извѣстной степени, на нѣсколько дней

настоящей злобой дня во многихъ вліятельныхъ политическихъ сферахъ; появились многочисленные передовицы, обсуждавшія и коментировавшія это извѣстіе, и весь этотъ шумъ способствовалъ дальнѣйшему развитію того раздраженія противъ Россіи и русской печати, которое осталось благодаря занятому этой печатью положенію по поводу Американо-Испанской войны. Это впечатлѣніе произошло оттого, что американская печать моему письму приписала офиціозное происхождение!

Сосѣдъ Колумбіи, республика Эквадоръ, бѣдная страна съ суровымъ климатомъ и весьма неопредѣленными границами, отличается оригинальнымъ политеократическимъ устройствомъ, распространяющимся даже въ армію.

Одно имя Перу напоминаетъ о богатствѣ, и дѣйствительно до 1875 г. Перу считалась богатѣйшею республикою въ Южной Америкѣ, но въ 1875 г. она объявила государственное банкротство, а безумная война 1880 г. разорила совершенно страну. Перу — государство довольно просвѣщенное, погубилъ его даровой доходъ, достававшійся отъ эксплуатаціи гуано. При всеобщей подачѣ голосовъ, крайняя распущенность представительства очень легко переходила въ военную диктатуру, и правительство окончательно изворовалось.

Разработка гуано была причиною того, что Перу вошла въ дипломатическія сношенія съ Россіей изъ-за весьма важнаго вопроса о куліяхъ.

Избытокъ населенія въ южныхъ провинціяхъ Китая давно побуждалъ тамошнее населеніе къ переселенію; Калифорнія, Австралія и Индо-Азіятскій архипелагъ служили мѣстомъ назначенія для добровольныхъ переселенцевъ изъ Китая. Съ насильственнымъ прекращеніемъ торговли неграми, государства и колоніи Средней и Южной Америки обратили вниманіе на возможность дополнить недостатокъ рабочихъ рукъ усиленнымъ поощреніемъ вывоза рабочихъ изъ Китая. Съ этою цѣлью въ Кантонѣ и другихъ южныхъ китайскихъ портахъ были основаны особыя агентства для найма рабочихъ, устроились «бараконны», дома или, вѣрнѣе, тюрьмы для содержанія эмигрантовъ передъ отъѣздомъ, и бывший флотъ негріеровъ явился къ услугамъ агентовъ, чтобъ перевозить китайцевъ въ Гаванну, Перу и на Антильскіе острова. Агенты для найма куліевъ бродили по китайскимъ деревнямъ, заключали съ китайскими пролетаріями контракты на восемь лѣтъ за вознагражденіе обыкновенно по 4 доллара въ мѣсяць, съ кормомъ отъ хозяина, и затѣмъ запирали рабочихъ въ бараконны, чтобъ воспрепятствовать побѣгу получившихъ задатки.

Самая ужасная участь ожидала куліевъ во время морской перевозки. Офиціальныя изслѣдованія подтвердили, что отъ небрежности и корыстолюбія капитановъ эмигрантскихъ кораблей куліи цѣлыми сотнями задохнулись отъ духоты, умирали отъ оспы и дру-

гихъ заразительныхъ болѣзней, сгорали живыми посреди моря, тонули, были убиваемы за возмущенія, и т. п. Даже японское правительство возмутилось нѣкоторыми происшествіями съ куліями, случившимися въ его водахъ. Съ другой стороны, торговля куліями была очень выгодна. Приблизительно кулій обходится содержателямъ бараконовъ въ 25 долларовъ, отъ нихъ покупался капитанами эмигрантскихъ кораблей по 45 долларовъ, а въ Гаваннѣ и Перу перепродавался (конечно, не самъ кулій, а его контрактъ)— за 475 до 500 долларовъ. Но и съ водвореніемъ въ колоніяхъ не кончались еще мученія китайскихъ рабочихъ; тамъ обращались съ ними сурово и давали самую тяжелую работу; отвратительная разработка гуано, составлявшая почти единственный источникъ государственнаго дохода Перу, производилась исключительно китайцами.

Противъ торговли куліями, которая не имѣетъ ничего общаго съ добровольной эмиграціей китайцевъ, возстали прежде всего сами китайцы. Чернь нѣсколько разъ возмущалась въ Кантонѣ, Шанхаѣ и другихъ городахъ и избивала европейцевъ, подозрѣваемыхъ въ злоупотребленіяхъ по найму куліевъ. Видя стѣсненіе и со стороны китайской администраціи, которая въ 1857 году запретила китайскимъ подданнымъ быть посредниками въ наймѣ куліевъ, агенты переселились на португальскую торриторію, въ Макао. Колонія эта, которую португальцы владѣютъ съ 1570 года, съ развитіемъ съ 1842 года англійскаго Гонконга превратилась въ пристанище игорныхъ домовъ и контрабандистовъ; сюда-то подъ защиту португальскаго флага и пріютилась торговля куліями.

Португальское правительство приняло кое-какія мѣры противъ злоупотребленій агентовъ; по закону всѣ куліи за три дня до отхода корабля помѣщаются въ казенный, довольно опрятный бараконъ, гдѣ особый инспекторъ допрашиваетъ куліевъ, не по принужденію ли они уѣзжаютъ за границу, причемъ объясняетъ имъ тягость пути, трудную работу въ колоніяхъ и взысканія за нарушеніе контрактовъ. Какъ ни гуманны на бумагѣ эти постановленія и какъ ни старается представить португальское правительство, что Макао играетъ ту же роль для Китая, какъ Бременъ относительно эмиграціи нѣмцевъ изъ Германіи, но подкупность португальскихъ чиновниковъ дѣлала всѣ гарантіи закона призрачными.

Оттого въ это дѣло и вмѣшались правительства европейскихъ государствъ и Соединенныхъ Штатовъ. Послѣдніе поступили энергичнѣе прочихъ: Вашингтонскій конгрессъ еще въ 1862 г. объявилъ, что торговля куліями ничѣмъ не отличается отъ торговли неграми, а потому воспретилъ, подъ страхомъ строгихъ взысканій, американскимъ подданнымъ не только принимать какое-либо участіе въ наймѣ куліевъ, но даже въ перевозкѣ куліевъ, нанятыхъ агентами другихъ государствъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ военнымъ

судамъ Союза дано право останавливать и осматривать американскія суда, подозрѣваемые въ перевозкѣ куліевъ.

Англичане, нуждаясь въ рабочихъ изъ куліевъ, поступили болѣе осторожно. Они нашли, что было бы бесполезно запрещать торговлю куліями англичанамъ, такъ какъ этимъ путемъ торгъ перейдетъ только къ «менѣе образованнымъ и гуманнымъ» подданнымъ другихъ странъ. Поэтому въ 1859 году было устроено особое англійское бюро для найма куліевъ и созданы правила, по которымъ куліи нанимались не иначе, какъ на пять лѣтъ, съ условіемъ, что если по истеченіи этого срока кулій не соглашается на новый контрактъ, онъ перевозится обратно на счетъ хозяина въ Китай. Въ контрактѣ означалось также содержаніе и число часовъ работы. На перевозимыхъ отъ англійскаго агентства судахъ смертность куліевъ въ пути не превышала 1%, между тѣмъ на другихъ судахъ она доходила до 10 и даже до 20%. Стѣсненія заставили, однако, торговцевъ куліями избѣгать посредства англійскаго агентства. Видя малый успѣхъ гуманности, англичане объявили, что они не прочь присоединиться къ американскому рѣшенію, если то же сдѣлаютъ и другія государства.

Это встрѣтило сопротивленіе со стороны французскаго правительства, которое полагало, что перевозка куліевъ можетъ доставить доходъ французскому флоту. Французское правительство ограничилось потому только предписаніемъ своимъ консуламъ имѣть за перевозкой куліевъ строгій надзоръ,—предписаніемъ, не имѣвшимъ смысла, потому что куліи перевозятся преимущественно на судахъ Перу и другихъ американскихъ республикъ, на которыя надзоръ французскихъ консуловъ не распространяется. Въ 1866 году французское правительство рѣшилось присоединиться къ условіямъ перевозки, составленнымъ англійскими бюро; но это также не имѣло значенія, потому что агенты, какъ мы уже сказали выше, переселились въ то время изъ китайскихъ городовъ въ Макао.

Китайское правительство, желая чѣмъ-либо пособить дѣлу, обратилось къ Россіи, Пруссіи и Соединеннымъ Штатамъ съ просьбою запретить своимъ подданнымъ торговлю куліями. Соединенные Штаты объявили, что ихъ законъ 1861 года сдѣлалъ даже болѣе этого, а потому присоединеніе къ англо-французскому соглашенію 1866 года было бы шагомъ назадъ. Пруссія ничего не отвѣчала, а Россія, не имѣя въ Сводѣ Законовъ какихъ-либо специальныхъ постановленій объ эмиграціи, ограничилась заявленіемъ въ 1866 году, что русскіе подданные, занимающіеся торговлею куліями, не должны разсчитывать на покровительство со стороны государства.

Нельзя не одобрить подобное сдержанное рѣшеніе, въ виду того обстоятельства, что едва ли много русскихъ подданныхъ занималось торговлею куліями, излишняя же ревность въ борьбѣ съ

несуществующими злоупотребленіями не всегда умѣстна. Можно припомнить по этому случаю, что Россія слишкомъ охотно послѣдила присоединиться къ договору о прекращеніи торговли неграми, и потому, еще въ Сводѣ Законовъ 1857 года, въ XV томѣ, существовала непонятная теперь, послѣ реформы 1861 года, прогрессія наказаній, а именно за злоупотребленія при покупкѣ русскихъ крѣпостныхъ людей—недѣйствительность купчей крѣпости, при покупкѣ пограничныхъ киргизовъ и балмыковъ—ссылка въ Сибирь на поселеніе, при покупкѣ негровъ—смертная казнь!

Участіе Россіи на этомъ не остановилось и, когда столкнове-ніе между Японіей и Перу изъ-за куліемъ едва не довело до войны, Россія была выбрана арбитромъ для рѣшенія спора.

Война между Перу, Чили и Боливіей, о которой я выше говорилъ, какъ о причинѣ окончательнаго разоренія Перу, продолжалась три года и окончилась только въ 1883 году Анконскимъ миромъ. Разбитому на-голову Перу удалось выйти изъ затрудненія по системѣ, практиковавшейся до тѣхъ поръ Австріей—именно, на счетъ своего союзника. Приморская часть Боливіи, къ югу отъ рѣки Лоа и къ западу отъ Кордильеровъ, отошла къ Чили, а остальная, гораздо большая часть присоединилась къ Перу. Это присоединеніе гарантировано Чили и Бразиліей, заключившими съ Перу оборонительный и наступательный союзъ, направленный противъ общаго врага Бразиліи и Чили—Аргентинской республики.

Чили не удовольствовалась, однако, кусочкомъ береговой полосы и удержала за собою и перуанскую территорію Тарапака, впредь до уплаты военной контрибуціи, составлявшей около 100 мил. руб. Эта цифра такъ велика для разореннаго еще желѣзно-дорожной спекуляціей до войны Перу, что, вѣроятно, территорія навсегда останется въ рукахъ побѣдоносной республики, хотя Чили взяла на себя уплату по биржевой цѣнѣ, существовавшей въ моментъ объявленія войны, половины перуанскаго внѣшняго долга, номинальный капиталъ котораго доходилъ до 490 мил. руб. Перу за это обязалась въ особомъ тайномъ договорѣ не увеличивать своего флота выше извѣстной цифры.

Тяжесть условій должна только радовать друзей мира и прогресса. Подобные уроки отучать, наконецъ, испанскія республики начинать войну изъ-за пустяковъ, подвергая опасности и стѣсненію довольно значительные европейскіе интересы. Не говоря о потеряхъ европейскихъ резидентовъ, война эта тяжело отозвалась на торговлѣ гуано, натровой селитры и мѣди—трехъ предметовъ южно-американской торговли, безъ которыхъ не можетъ обходиться Европа.

Какъ нравоученіе изъ окончившейся войны можно извлечь немногое. Въ военномъ отношеніи обѣ сражавшіяся стороны выказали свою храбрость, какъ и подобало потомкамъ испанскихъ «кон-

квистадоровъ» XVI вѣка; перуанцы особенно отличилсь на морѣ, чилійцы на сухоѣ пути. Затѣмъ Чили побѣдила, главнымъ образомъ благодаря своей болѣе прочной политической организаціи и лучшимъ финансовымъ средствамъ.

Въ Чили народная масса, вообще въ Южной Америкѣ неразвита, такъ какъ она состоитъ изъ индѣйцевъ и метисовъ, на управленіе имѣетъ мало вліянія; правительство находится въ рукахъ богатыхъ помѣщиковъ; даже иностранцы, въ видѣ средняго класса, допускаются въ Чили только для торговли и не сливаются съ аристократіей, пренебрегающей торговлей. Чилійскій конгрессъ напоминаетъ поэтому англійскія палаты до реформы 1832 года. Такое устройство, быть можетъ и не совсемъ правильное съ точки зрѣнія доктринеровъ, давало, однако, Чили устойчивость, что въ связи съ хорошими фанансовыми средствами, въ свою очередь зависящими отъ твердаго правительства, обезпечило этой республикѣ перевѣсъ надъ соединенными силами Перу и Боливіи.

Боливія, заброшенная и невѣдомая, замѣчательна развѣ тѣмъ, что ни въ одной странѣ не было столько убійствъ главъ правительства, какъ въ этой странѣ, между тѣмъ Боливаръ сочинилъ ей весьма сложную полумонархическую конституцію, которую полагалъ сдѣлать образцомъ для всѣхъ американскихъ республикъ. Республика эта, несмотря на свое почтенное имя, явленіе довольно уродливое для XIX вѣка, служа оплотомъ іезуитовъ и католическаго фанатизма. Имѣя одинъ только весьма неудобный портъ на океанѣ—Кобиху, она не могла развиваться и въ экономическомъ отношеніи. Теперь этотъ портъ отнять и вся будущность страны зависеть отъ дороги черезъ Анды и Парагвай; тогда она повернется какъ бы лицомъ къ Европѣ и сдѣлается ближе къ послѣдней на десять дней пути.

По окончаніи войны между Боливіей и Чили, англичане совсемъ забрали Перу въ свои руки, почему чилійцы и согласились дать перуанцамъ деньги для уплаты части долга, опасаясь водворенія британскаго льва въ своемъ сосѣдствѣ. Война, однако, счастья Чили не принесла: почти полстолѣтія эта республика составляла исключеніе изъ южно-американскихъ государствъ, оставаясь спокойной, когда рядомъ чуть не ежегодно производились *coups d'Etat* и военныя революціи, но въ 1889 г., какъ бы наскучивъ мудрымъ правленіемъ, она сдѣлала революцію.

Чилійцы народъ вообще холодный и серьезный, характеръ ихъ дѣловой, поэтому правительство, какъ я сказалъ, болѣе тридцати лѣтъ подъ-рядъ и находилось въ рукахъ консервативной партіи, богатыхъ помѣщиковъ и владѣльцевъ рудниковъ. Но такое продолжительное пребываніе у власти одной и той же партіи повлекло къ созданію олигархіи, отъ которой и постаралась избавиться прочая часть населенія.

Органъ чилійской олигархіи, президентъ республики Бальма-

седа, желая сохранить власть, не задумался вступить въ борьбу съ народнымъ представительствомъ. Когда конгрессъ отказался утвердить бюджетъ, Бальмаседа хотѣлъ сдѣлать переворотъ, но генералы не показали большой охоты дѣйствовать съ нимъ заодно. Бальмаседа для вида уступилъ, уволилъ наиболѣе непопулярнаго министра внутреннихъ дѣлъ Санфуэнте и поручилъ либералу Прату образовать «примирительное» министерство. Конгрессъ воспользовался этимъ, чтобы вотировать законъ, измѣняющій способъ избранія президента республики. Такъ какъ Бальмаседа желалъ провести въ президенты Санфуэнте, то онъ уволилъ министерство Прата, сдѣлалъ первымъ министромъ свою креатуру Викунью и началъ энергическую кампанію въ пользу выбора Санфуэнте. Это вызвало народныя волненія въ важнѣйшихъ городахъ республики: Сантъ-Яго и Вальпараисо, затѣмъ возмутился военный флотъ, а наконецъ въ инсургентамъ пристала и часть арміи.

Революція, окончившаяся побѣдою революціонеровъ, при нѣкоторомъ вмѣшательствѣ Соединенныхъ Штатовъ, отразилась, конечно, и на финансахъ Чили. Бумажныя деньги республики теряли 50%, европейскіе кредиторы также пострадали. Зато революція обрадовала всѣхъ мѣдныхъ заводчиковъ. Чили крупный поставщикъ мѣди на всемірныхъ рынкахъ, и всякія затрудненія въ Чили немедленно поднимаютъ цѣну мѣди лучше всякихъ синдикатовъ.

Для насъ Чили интересенъ потому, что Чилийскій архипелагъ, лежащій на большомъ пути въ Тихій океанъ, можетъ когда-либо играть важную роль въ крейсерской войнѣ. Но наибольшій интересъ изъ южно-американскихъ республикъ для Россіи представляетъ теперь Аргентинская республика, куда мы даже сочли нужнымъ акредитовать посланника (общаго съ Бразиліей). Эта республика представляетъ примѣръ страны, которая сперва потребляла ввозный хлѣбъ, а затѣмъ въ теченіе 15 лѣтъ дошла до вывоза 1.600,000 тоннъ пшеницы, занявъ третье мѣсто между вывозящими этотъ продуктъ странами. Главными факторами такого необычайно быстрого развитія производства, весьма вреднаго и опаснаго для интересовъ Россіи, являются дѣвственная почва Аргентины и исключительно низкая стоимость обработки.

Въ будущемъ эта страна будетъ играть на европейскихъ рынкахъ еще болѣе видную роль, и съ развитіемъ ея земледѣльческой культуры необходимо серьезно считаться конкурирующимъ странамъ. Обращаетъ на себя вниманіе и крупный приростъ вывоза продуктовъ скотоводства и живыхъ животныхъ какъ на европейскіе рынки, такъ и въ Бразилію. Косвенно на развитіе земледѣлія повліяло введеніе у насъ всеобщей воинской повинности, заставившее эмигрировать менонитовъ и нѣмецкихъ колонистовъ сначала въ Бразилію, а затѣмъ въ Аргентину. Менониты первые начали тамъ культуру пшеницы, ячменя и т. д. Попытки дѣлались и до нихъ, но только какъ вспомогательное средство, преобладало

же овцеводство. Менониты занялись земледѣіемъ серьезно и, на русскій манеръ, хищническимъ способомъ хозяйства, благо пространства земли и здѣсь, какъ и въ южной Россіи, это допускали. Въ пампѣ, какъ и у насъ въ степи, отдѣльный трудъ изолированного колониста пропадаетъ; тутъ нужны не фермы, а села; такимъ образомъ, примѣръ менонитовъ былъ большимъ толчкомъ для дальнѣйшаго преуспѣянія земледѣія. Любопытно, что менониты никакъ не хотятъ признать, что они не русскіе, а нѣмцы. Такъ ихъ русскими и называютъ тамъ; на видъ, по словамъ Іонина, они тоже напоминаютъ Россію: носятъ мѣховыя шапки съ наушниками, смазные сапоги, рубашки съ косымъ воротомъ, армяки, а гдѣ холодно—овчинные тулупы.

Съ 1884 года цѣнность экспорта Аргентины увеличилась на 70% и составляетъ 134.000,000 дол.; въ этотъ же промежутокъ времени населеніе республики возросло всего на 35%. Такъ какъ ввозъ иностранныхъ товаровъ растетъ далеко не въ такой прогрессіи, то положеніе торговаго баланса республики внушаетъ самыя лучшія надежды на будущее. Аргентинцы давно все видятъ въ розовомъ свѣтѣ и въ короткій періодъ времени успѣли занять въ Европѣ въ счетъ будущихъ благъ, подъ залогъ своихъ земель, 336 мил. дол. золотомъ съ ежегоднымъ платежемъ въ 40 мил. долларовъ, что повело къ знаменитому краху, въ который лопнулъ домъ Беринга и едва не пострадало наше правительство. Крахъ до сихъ поръ отражается на странѣ. Внутреннія волненія и натянутость отношеній къ Чили, въ свою очередь, неблагоприятно отражаются на переселенческомъ движеніи, столь значительномъ въ прежнее время. Промышленность страны, подъ влияніемъ опасенія за установленіе новыхъ налоговъ и уменьшенія ввозныхъ пошлинъ, находится также въ застоѣ. Только земледѣіе процвѣтаетъ, поддержанное между прочимъ сильнымъ повышеніемъ курса золота, доходящаго до 389%. Не довольствуясь этимъ поощреніемъ, аргентинцы весьма умно заводятъ собственный торговый флотъ. Матросовъ доставляетъ имъ Далмація, а капитановъ Бока Которская. Для этихъ православныхъ наше правительство послало въ Буэносъ-Айресъ русскихъ священниковъ.

Эмиграція изъ Россіи идетъ сюда троякимъ образомъ. Во-первыхъ, направляется множество евреевъ, на счетъ фонда покойнаго барона Гирша. Они образуютъ земледѣльческія колоніи, идущія довольно плохо. Наше правительство поощряетъ эмиграцію, освобождая переселенцевъ отъ отбыванія воинской повинности. Но этого мало, надобно давать денежныя субсидіи. Я глубоко убѣжденъ, что издержка даже полумилліарда на добровольное выселеніе изъ Россіи хотя половины еврейскаго пролетаріата была бы не менѣе полезна, чѣмъ затрата такой же суммы на восточную войну или на Сибирскую желѣзную дорогу.

Поселившіеся въ Аргентинѣ евреи создали эмиграцію другого

рода. Они привлекаютъ сюда изъ Царства Польскаго и Западнаго края трудолюбивыхъ польскихъ и литовскихъ крестьянъ, которые служатъ имъ работниками, а затѣмъ сюда идетъ, какъ прежде на Востокъ, множество проституткобъ изъ Россіи: Бессарабіи, Волынской губерніи и Царства Польскаго; этимъ дѣломъ орудуютъ наши и австрійскіе жпды.

Несмотря на то, что Уругвай самая маленькая изъ республикъ Южной Америки, въ ней идетъ самая ожесточенная борьба двухъ партій blancos i colorados, почти ничѣмъ не отличающихся по принципамъ и воюющихъ изъ-за личныхъ вопросовъ. Англія здѣсь играетъ большую роль и monopoliamento непрерывны. Эта республика, также вредная для Россіи своею конкуренціею по вывозу продуктовъ скотоводства, замѣчательна тѣмъ, что вся ея торговля, а особенно столичнаго города Монтевидео, основана на контрабандѣ.

Страна кромѣ сырыхъ продуктовъ, ничего не производитъ и все, что ей нужно, привозитъ изъ Европы. Но за предметы, вывозимые изъ Европы, въ Бразиліи платятъ 40 до 50 проц. пошлинъ, въ Аргентинѣ еще больше; мудрые правители Уругвая умно воспользовались своимъ географическимъ положеніемъ между этими двумя государствами и, понизивъ у себя ввозную пошлину до 25 проц., сдѣлали то, что изъ общаго количества товаровъ, приходящихъ въ порты Уругвая, только треть назначается для потребленія маленькой республики, а двѣ трети идутъ контрабандою въ Аргентину и Бразилію чрезъ сухопутную границу.

Лежащій внутри континента Парагвай, изъ котораго іезуиты сдѣлали рай земной и который долго былъ южно-американскимъ Китаемъ, для Россіи вовсе не имѣетъ значенія. Онъ до сихъ поръ не очнулся отъ жестокой войны съ Бразиліей, бѣдность страшная, почти все мужское населеніе истреблено войною и теперь работаютъ по преимуществу женщины. Парагвай почти индѣйское государство, ненавидящее все окружающее, и политика его состоитъ въ лавированіи между Бразиліей и Аргентиной.

Послѣдняя изъ испанскихъ республикъ Южной Америки—Венецуэла обратила на себя вниманіе столкновеніемъ съ Англіей, едва не втянувшимъ послѣднюю въ войну съ Соединенными Штатами и заставившимъ британцевъ посбавить свой тонъ. Споръ шелъ изъ-за границъ республики съ англійской Гвіаной. Эта послѣдняя уже и теперь занимаетъ положеніе, которому по богатству и политическимъ выгодамъ едва ли можно найти равное въ свѣтѣ: на Сѣверѣ—Антильское море, Средиземное море Америки; на югѣ, чрезъ р. Бранко, открывается доступъ къ богатѣйшему бассейну Амазонской рѣки, на западѣ лежитъ другой, едва ли менѣе богатый, бассейнъ рѣки Ореноко; будущая великая океанская дорога черезъ Панаму или Никарагуа проходитъ очень близко, а на границѣ золотые рудники, почти не тронутые.

Англійскіе апетиты, ничѣмъ ненасытимыя, понятно, разыгрались. Уже во время долгой борьбы между Испаніей и Венецуэлой, Англія втихомолку, заняла различные пункты въ дельтѣ венецуэльской рѣки Ореноко. Затѣмъ, будучи въ войнѣ съ Голландіей, союзницей Наполеоновской Франціи, она отобрала у первой часть Гвіаны. Наскоро устроившись тамъ, англичане перешли границу и подвинулись до р. Пумаронъ, непримѣченные Венецуэлой, занятой въ то время борьбой за освобожденіе.

Но лишь только Венецуэла обезпечила свою независимость, ея вниманіе устремилось на захватъ англичанами и съ 1822 г. началась дипломатическая кампанія для восстановленія территориальныхъ правъ республики. Но всѣ усилія Венецуэлы оказались тщетными. При каждой попыткѣ къ переговорамъ оказывалось, что претензіи англичанъ шли все дальше и дальше. Лордъ Гренвиль далъ, наконецъ, обѣщаніе передать дѣло на третейскій судъ. Но преемникъ Гренвиля, лордъ Салисбюри, отказался выполнить обѣщаніе. Тогда Венецуэла прервала дипломатическія сношенія и обратилась къ защитѣ Соединенныхъ Штатовъ.

Послѣ нѣкотораго колебанія, президентъ Кливелендъ, въ декабрѣ 1895 г., обратился къ конгрессу съ посланіемъ, въ которомъ говорилось, что правительство Соединенныхъ Штатовъ обязано вмѣшаться въ это дѣло, и предложилъ вотировать суммы, необходимыя на сформированіе особой комисіи для разсмотрѣнія вопроса: какая часть занятой земли должна остаться за Венецуэлой, и затѣмъ, когда эта работа будетъ окончена, объявить, что Соединенные Штаты окажутъ сопротивленіе всякому присвоенію Англіей земель, которыя будутъ признаны принадлежащими Венецуэлѣ. Комисія эта, суперъ-арбитромъ въ которой былъ г. Мартенсъ, окончила свой трудъ и постановила рѣшеніе, причемъ большая часть спорной территоріи досталась Венецуэлѣ¹⁾.

Главнымъ основаніемъ протеста Америки, какъ я выше говорилъ, противъ дѣйствій Англіи выставлялось въ посланіи такъ называемое «ученіе Монроэ». Россія этой теоріи не признавала, какъ потому, что имѣла сама владѣнія въ Америкѣ, такъ и потому, что подобная доктрина весьма опасный прецедентъ. Пользуясь ею, австрайлійцы пожелаютъ монополизировать южную часть Тихаго океана, японцы—сѣверную и т. д. Другія державы также теоретической стороны президентскаго посланія не признали, но защитѣ слабаго государства отъ Англіи не сочувствовать не могли. Сначала казалось, что Англія готова была дойти до войны. Но

¹⁾ Во время этихъ разсужденій Венецуэла испытала новую революцію (въ Колумбіи также была революція и еще не окончилась). Генераль Креспо, забравшій власть въ 1892 г. изгнаніемъ президента Палачіо, хотѣлъ въ 1898 г. посадить президентомъ свою креатуру Андраде. Это вызвало революцію: Креспо былъ убитъ, Андраде изгнанъ и президентомъ въ Венецуэлѣ сталъ глава либераловъ Сиприано Кастро.

тѣ, которые знали Англію поближе, были убѣждены, что въ концѣ концовъ англійское правительство послушается указаній Соединенныхъ Штатовъ. Послѣ сообщенія англійскимъ правительствомъ на разсмотрѣніе вашингтонской комисіи цѣлаго ряда документовъ, оправдывающихъ съ англійской точки зрѣнія занятіе венецуэльской территоріи, Англія не только предоставила все дѣло третейскому рѣшенію, но пожелала даже заключить съ Соединенными Штатами трактатъ, по которому впредь второстепенные споры рѣшаются исключительно третейскимъ судомъ, для чего учреждается постоянное судилище.

Третейское посредничество извѣстно издавна и является въ исторіи въ самыхъ разнообразныхъ видахъ. Уже у грековъ оно имѣло форму апелляціи къ третьему городу или союзнику; у римлянъ оно носило названіе *rescriptio*. Въ федеративныхъ государствахъ оно получало нерѣдко характеръ постоянного учрежденія, какъ это было еще въ Греціи, напримѣръ, въ Ахейскомъ союзѣ. Изъ современныхъ установленій по этой части замѣчательнѣе другіхъ австрорегальный судъ, учрежденный въ 1815 году для государей Германскаго союза и преобразованный въ 1834 году. Теперь права его перешли къ Германскому Союзному Совѣту. Случаи разрѣшенія третейскимъ посредничествомъ разныхъ столкновеній довольно многочисленны: въ одномъ XIX столѣтіи ихъ насчитываютъ нѣсколько десятковъ, но самый извѣстный изъ нихъ— дѣло объ «Алабамѣ», отвратившее войну между Англіей и Соединенными Штатами. Несмотря на все это, нельзя сказать, чтобъ мы были близки къ тому моменту, когда спорящія стороны, вмѣсто того чтобъ браться за оружіе, будутъ готовы подчиняться мирному посредничеству третьихъ лицъ.

На это есть много причинъ— и самая важная изъ нихъ та, что войны возникаютъ по большей части вовсе не изъ-за недоразумѣній. Напротивъ, вызывающее войну государство очень хорошо знаетъ, что оно неправо; но цѣль его не торжество справедливости, а преобладаніе или территоріальные захваты; иногда война ведется также для отвлеченія вниманія подданныхъ отъ вопросовъ внутренней политики. Очевидно, что третейское посредничество, не подкрѣпленное матеріальною силою, во всѣхъ этихъ случаяхъ должно оставаться бесплоднымъ, и обратившаяся къ нему сторона только дала бы время болѣе коварному посреднику приготовиться къ войнѣ. Во всякомъ случаѣ «вооруженный миръ» (слово, изобрѣтенное, какъ извѣстно, Тьеромъ) дѣлается для Европы невыносимъ. Онъ поглощаетъ напрасно столько миллиардовъ, что мыслящіе люди должны съ радостью привѣтствовать даже самыя слабыя попытки, дѣлаемыя съ цѣлью свести международныя отношенія на путь справедливости и международного права.

Бразилія.

Въ кабинетѣ бывшаго бразильскаго императора находился превосходный бюстъ Александра Македонскаго; на замѣчаніе одного путешественника, что Цезарь сказалъ объ Александрѣ: «Онъ былъ моложе меня, когда покорилъ весь свѣтъ», Домъ-Педро отвѣчалъ: «А я въ эти годы завоевалъ уже сердца моего народа!» Словами этими восхищались біографы Домъ-Педро. Истина ихъ разоблачилась однако. Безъ всякаго почти протеста ни со стороны массы бразильскаго народа, ни со стороны общественнаго мнѣнія, послѣ казарменной революціи, императоръ, спокойно царствовавшій болѣе полулѣта, былъ силою посаженъ на пароходъ, занимавшійся перевозкою замороженнаго мяса, и отправленъ въ Европу, куда благополучно и прибылъ.

Невольно напрашивается вопросъ: въ чемъ провинился бразильскій государь и не являлся ли онъ по отношенію къ своему народу какимъ-то тираномъ и нарушителемъ его вольностей? На это всѣ бразильскіе писатели и европейскіе путешественники единогласно отвѣчаютъ слѣдующее.

Бразилія имѣла по добавочному акту 1834 года къ конституціи 1824 года государственное устройство, гдѣ автономія ея двадцати отдѣльных провинцій была вполнѣ обезпечена. Децентрализація управленія была полная. Императоръ имѣлъ по этой либеральнѣйшей конституціи только ограниченное право не утверждать вотируемые палатами законы (*veto suspensif*) и ни разу этимъ правомъ не воспользовался. Свои конституціонныя обязанности Домъ-Педро исполнялъ точнѣйшимъ образомъ, призывая по очереди къ управленію партіи либераловъ и консерваторовъ, смотря по настроенію общественнаго мнѣнія. Выборное начало проведено въ Бразиліи во всѣхъ инстанціяхъ и съ 1881 г. тамъ не было болѣе двойныхъ выборовъ. Религіозный миръ въ Бразиліи былъ также обезпеченъ. Папа Левъ XIII въ январѣ 1888 года заявилъ, что съ провозглашенія независимости Бразиліи у нея не было ни одного столкновенія съ римскимъ престоломъ. Иновѣрцы пользовались всѣми политическими правами, печать безусловно свободна. Полная свобода слова и каррикатуры допускались даже во время войны съ Парагваемъ.

Главная забота императора была—народное образованіе. «Если бы я не былъ императоромъ, то желалъ бы быть школьнымъ учителемъ», говорилъ Домъ-Педро. Когда ему предлагали построить новый дворецъ, онъ отказался, сказавъ, что сначала нужно выстроить зданія для школъ; когда послѣ парагвайской войны палаты вотировали 1.200.000 рублей на монументъ императора, онъ отдалъ эти деньги на школы въ Рио-Жанейро. Такъ же ревностно заботился онъ о наукахъ и искусствахъ, лично принимая участіе

въ трудахъ мѣстныхъ ученыхъ обществъ. Любимѣйшее занятіе Домъ-Педро была астрономія; онъ говорилъ по-французски и итальянски, зналъ отлично латинскій и греческій языки и понималъ по-еврейски и по-русски. Онъ перевелъ нѣсколько книгъ Библии по-латыни; затѣмъ сочинилъ не мало стиховъ и перевелъ на португальскій языкъ Лонгфелло и Манцони. Занятіе науками не мѣшало ему заниматься дѣлами правленія. Каждый день онъ давалъ аудіенціи, каждую недѣлю предсѣдательствовалъ въ совѣтѣ министровъ, каждую субботу принималъ всякаго, хотя бы простолюдина, желавшаго его попросить о чемъ-либо.

Всѣхъ политическихъ преступниковъ онъ прощалъ, а главные революціонеры занимали даже потомъ у него министерскія должности; въ Бразиліи не было ни эмигрантовъ, ни политическихъ ссыльныхъ; хотя смертная казнь изъ бразильскаго кодекса не исключена, но императоръ не допустилъ съ 1856 г. ни одной казни. «Я горжусь тѣмъ, что не заставилъ носить трауръ ни одного моего подданнаго», говорилъ Домъ-Педро. Онъ освободилъ негровъ. Гуманность не отнимала у императора твердости. Не говоря уже о трудномъ первомъ періодѣ его царствованія, когда ему пришлось съ 1840 г. (моментъ его совершеннолѣтія) по 1849 г. усмирить нѣсколько революцій, Домъ-Педро велъ двѣ войны: въ 1851 и 1852 гг. противъ Розаса, диктатора Аргентинской республики, и въ 1864—1870 гг. противъ Лопеса, столь же жестокаго диктатора Парагвайской республики, и союзника ея, Уругвайской республики, и обѣ войны кончились съ честью для Бразиліи, расширившей свои территоріальныя владѣнія. Европейскія государства и Соединенные Штаты постоянно относились съ уваженіемъ къ правительству Домъ-Педро.

Въ экономическомъ отношеніи Бразилія сдѣлала съ 1840 г. огромные успѣхи, построила сѣть желѣзныхъ дорогъ, даже слишкомъ роскошную для страны, гдѣ не имѣлось грунтовыхъ дорогъ, привлекла эмиграцію, возстановила курсъ своихъ бумажныхъ денегъ; государственный кредитъ Бразиліи былъ такъ проченъ, что 4% бумаги продавались въ Парижѣ и Лондонѣ *à la pari*. Инициативу налоговъ имѣла только палата депутатовъ.

Платонъ сказалъ: «Народы будутъ счастливы только тогда, когда философы сдѣлаются царями». Вотъ Бразилія имѣла такого философа на престолѣ, она испытала желанное Платономъ управленіе «коронованнаго демократа», котораго, впрочемъ, злые языки называли «коронованнымъ анархистомъ», а все-таки дѣло окончилось революціей. Фактъ этотъ наводитъ прежде всего, конечно, на мысль о неблагодарности народовъ. Домъ-Педро—не первый государь, который, желая царствовать исключительно для блага своихъ подданныхъ, испыталъ эту неблагодарность. Примѣры Генриха IV-го, Людовика XVI-го, Александра II-го еще болѣе поучительны.

Но одною людскою неблагодарностью нельзя объяснять такія явленія. Всякое государственное устройство, подобно всякому челоуку, имѣетъ тѣ недостатки, которые проистекаютъ изъ его хорошихъ качествъ. Перечисленные выше достоинства бразильской конституціи и Домъ-Педро ближе объясняютъ причину революціи. Въ федеральной монархіи власть императора не можетъ быть ни крѣпкой, ни популярной. Это объясняетъ, почему заговоръ нѣсколькихъ честолюбивыхъ генераловъ опрокинулъ правительство въ нѣсколько часовъ. Безусловная свобода печати и карикатуры невольно подтачиваютъ уваженіе къ власти; доступность ея всѣмъ и каждому также не содѣйствуетъ укрѣпленію авторитета. Для неразвитой массы авторитетъ долженъ являться не на астрономической обсерваторіи и не въ видѣ школьнаго учителя или издателя ученыхъ переводовъ, а въ ореолѣ силы и всемогущества. Философы должны царствовать среди философовъ, а не между полуцивилизованными метисами, индѣйцами и неграми.

Поощреніе народнаго образованія, щедрая раздача стипендій, даже изъ собственнаго кармана, безъ сомнѣнія, были полезны для Бразиліи, но они и создали тотъ умственный пролетаріатъ, который и питаетъ всѣ революціи. Въ Бразиліи этотъ пролетаріатъ носилъ названіе «партіи бакалавровъ» (кандидатовъ университетовъ) и эта партія принимала большое участіе въ изгнаніи Домъ-Педро и провозглашеніи республики. Строгая легальность Домъ-Педро, заставившая его не отказать въ утвержденіи ни одного закона, вотированнаго палатами, также имѣла неблагоприятныя послѣдствія для имперіи. По совѣту Домъ-Педро, дочь его утвердила, будучи регентшею, законъ объ окончательномъ освобожденіи негровъ безъ всякаго денежнаго вознагражденія, что вызвало сильное неудовольствіе не только плантаторовъ, но и въ республиканской партіи, искавшей повода къ беспорядкамъ. Въ Бразиліи, особенно въ Багін, давно существовала республиканская партія между богатыми рабовладѣльцами. Это странное сочетаніе идей, напоминающее нашихъ «декабристовъ», объясняется тѣмъ, что въ Бразиліи реформы шли свыше. Миролюбивыя наклонности императора, — вслѣдствіе чего армія, пополняемая въ Бразиліи безъ обремененія для населенія вербовкою, находилась на второмъ планѣ, — въ свою очередь послужили причиною переворота. Армія и провозгласила республику, послѣдствіемъ которой, по всей вѣроятности, будетъ рядъ междоусобныхъ войнъ и распаденіе Бразиліи, т. е. португальской Америки, на нѣсколько самостоятельныхъ республикъ, какъ распалась испанская Америка.

Гайтскій императоръ Фаустинъ (Сулуку), пародируя Наполеона I, сказавшаго своей арміи: «Сорокъ вѣковъ смотрятъ на васъ съ высоты этихъ пирамидъ», говорилъ своей черномазой арміи: «Помните, что сорокъ тысячъ обезьянъ смотрятъ на васъ съ высоты этихъ деревьевъ». Не загадывая о будущемъ Бразиліи,

ли, можно только повторить эти слова по отношенію къ новой республикѣ. Сорокъ тысячъ обезьянъ любовались на бразильскій pronsciamento—результаты котораго скоро сказались.

Я говорилъ, что главною, хотя и тайною причиною революціи было освобожденіе невольниковъ въ 1888 г., безъ всякаго вознагражденія, послѣ того, какъ первая попытка освобожденія въ 1871 г. принесла мало пользы.

Кто знакомъ съ положеніемъ вещей въ Бразиліи, по описаніямъ добросовѣстныхъ путешественниковъ, тотъ знаетъ, что время и свободныя учрежденія смягчили тамъ нравы, и что между положеніемъ тамошнихъ невольниковъ и положеніемъ бывшихъ нашихъ крѣпостныхъ не было особенно рѣзкой разницы, если не считать совершенно второстепенной подробности — воспрещенія бразильскимъ невольникамъ носить сапоги, не составляющаго, впрочемъ, въ тепломъ климатѣ большого лишенія, послѣ лишенія человѣка его свободы. Относительно же тѣлесныхъ наказаній едва ли въ Россіи, даже въ 50-хъ годахъ, было не хуже, чѣмъ въ Бразиліи.

Преслѣдуя, слѣдовательно, въ невольничествѣ вовсе не нравственную его сторону, давно осужденную общественнымъ мнѣніемъ, но только экономическую—опасеніе потерять огромный капиталъ, затраченный на покушку и воспитаніе невольниковъ, бразильцы въ 1871 г. хотѣли рѣшить вопросъ, подобный разрѣшенному у насъ Положеніемъ 19-го февраля, но не сумѣли этого сдѣлать.

Нужно замѣтить, впрочемъ, что эта реформа нашла достаточно панегиристовъ. Не говоря уже о тѣхъ букетахъ, которыми осыпана была парламентская трибуна въ день провозглашенія закона, и о тѣхъ оваціяхъ, которыя получилъ императоръ бразильскій во время своего путешествія по Европѣ, даже европейскіе журналисты восхваляли способъ освобожденія, не желая вникнуть въ дѣйствительный смыслъ преобразованія. Въ числѣ рѣдкихъ голосовъ противъ реформы былъ голосъ лондонскаго «Anti-slavery society». Но ближайшее разсмотрѣніе новаго закона невольно возбуждало скептическое отношеніе къ нему и укрѣпляло сомнѣніе въ возможности рѣшенія вопроса объ уничтоженіи невольничества безъ всякаго вреда для земледѣлія и убытковъ для собственности, которымъ задалось бразильское правительство.

Немедленно по изданіи закона получали свободу невольники казенные (которыхъ было только 1,650), невольники коронныхъ имѣній, выморочныхъ имѣній и брошенные своими хозяевами. Но и эти вольноотпущенники отдавались на 5 лѣтъ подъ надзоръ правительства и обязаны были работать въ казенныхъ учрежденіяхъ, если не найдутъ себѣ другой работы. Учреждался выкупной фондъ изъ налога на владѣніе и продажу невольниковъ, изъ доходовъ отъ ежегодныхъ лотерей, отъ штрафовъ, пожертвованій и кредитовъ, ассигнуемыхъ по государственнымъ и земскимъ бюд-

жетамъ. Сообразно съ доходами фонда, должно было освобождаться ежегодно известное число невольниковъ; кромѣ того, имъ дано право выкупаться на свой счетъ по цѣнѣ, устанавливаемой третейскимъ судомъ. Добровольное освобожденіе изъято отъ налоговъ. Самая важная статья закона объявляла свободными всѣхъ дѣтей, родившихся у женщинъ-невольницъ послѣ провозглашенія закона. Но дѣти эти оставались подъ попеченіемъ хозяевъ ихъ матерей до восьмилѣтняго возраста; послѣ этого хозяинъ могъ или оставить дитя работать у себя до 21 года, или уступить государству, съ платою по 450 руб. за каждаго. Государство отдавало дитя въ работу для заработка расхода, потребнаго на его выкупъ; послѣ 21 года онъ дѣлался свободнымъ человѣкомъ.

Такимъ образомъ, для всѣхъ живыхъ невольниковъ невольничество оставалось въ прежней силѣ. Для будущихъ же дѣтей невольниковъ сохранено до двадцати одного года крѣпостное состояніе. Слѣдовательно, Бразилія не скоро освобождалась окончательно отъ обязательнаго труда. Неумолимый законъ природы помогъ бы ей, однако, разрѣшить невольничій вопросъ гораздо скорѣе, чѣмъ законъ 1871 года.

Дѣло въ томъ, что невольничье населеніе въ Бразиліи размножалось съ поразительною медленностью, а вымирало очень быстро. Причина тому страшная смертность дѣтей, несмотря на особую попечительность, прилагавшуюся къ ихъ воспитанію хозяевами — попечительность, поддерживаемую, конечно, болѣе всего экономическими соображеніями. Вслѣдствіе смертности, число невольниковъ, достигавшее въ концѣ 40 годовъ до 2 милліоновъ душъ, сократилось въ 1871 г. до $\frac{1}{2}$ мил., и бразильскіе публицисты вычисляли, что прежде чѣмъ по новому закону трудъ долженъ сдѣлаться окончательно свободнымъ, въ Бразиліи не останется въ живыхъ ни одного невольника, что всѣ они вымрутъ, не дождавшись, пока реформа принесетъ свои плоды. Хороша реформа! Но замѣнившая ее реформа 1888 г. была еще хуже, такъ какъ разоряла собственниковъ. Затѣмъ, вслѣдствіе освобожденія работъ, потребленіе рома увеличилось въ такой степени, что цѣна на этотъ продуктъ возвысилась на сто процентовъ. Негритянки избрали себѣ другой предметъ роскоши. Признакомъ свободы у нихъ, и безъ того великолѣпно сложенныхъ, явился корсетъ и спросъ на корсеты такъ великъ, что въ Бразиліи теперь стоятъ огромныя цѣны на корсеты.

Вымираніе негровъ заставило Бразилію еще при монархіи привлекать колонистовъ изъ Европы; сюда, прежде чѣмъ въ Аргентину, явились наши колонисты, сюда же пошли было и польскіе крестьяне, такъ что ихъ пришлось одно время удерживать силою. Эта такъ называемая русская колонизація стоила бразильскому правительству большихъ денегъ и въ результатѣ на долгіе годы охладила къ Бразиліи нѣмецкихъ эмигрантовъ. По мнѣнію Ю-

нина, не одно казнобродство и чиновничество виноваты въ данномъ случаѣ, а самый характеръ народа враждебенъ чужимъ элементамъ. Бразилецъ по природѣ терпѣть не можетъ иностранца; онъ—въ сущности атеистъ—по традиціи съ ненавистью смотритъ на всякаго, кто не католикъ, притомъ до крайности самонадѣянъ; поэтому, эмигранты встрѣчаютъ на мѣстѣ огромное количество необразованныхъ и грубыхъ опекуновъ, подъ администрацію которыхъ имъ приходится очень тяжело. Виновата отчасти и природа. Эмиграція въ Америку только тогда можетъ развиваться, когда она въ состояніи продолжать до извѣстной степени и работу, и условія жизни Старого Свѣта. Для исключительно тропической культуры европейцы, а тѣмъ болѣе русскіе и поляки, не пригодны.

Изгнаніе Домъ-Педро потребовало, конечно, новой конституціи, и маршалъ Деодоро де-Фонсека, первый президентъ Соединенныхъ Штатовъ Бразиліи, распустилъ новую конституцію для Бразиліи, составленную безъ малѣйшаго участія народныхъ представителей, но «принявъ во вниманіе» (какъ выражаются въ канцеляріяхъ) замѣчанія къ конституціямъ вообще, сдѣланныя извѣстнымъ бельгійскимъ профессоромъ Эмилемъ де-Лавелзъ. При этомъ было забыто, что для парламентскаго управленія требуется не только народъ, но и политическіе нравы, воспитаніе въ духѣ самоуправленія, безъ чего въ грубыхъ рукахъ неразвитыхъ людей, любящихъ одинъ процессъ говоренія, конституція является орудіемъ слишкомъ хрупкимъ.

Прежняя бразильская конституція была сочинена въ 1823 г. также безъ участія народнаго представительства, Масіель Дако-стоу, но она, по крайней мѣрѣ, подверглась, по указанію опыта, нѣсколькимъ поправкамъ, послѣднею изъ коихъ былъ законъ 1881 г., отмѣнявшій систему двойныхъ выборовъ и установившій для депутатовъ выборы по участкамъ.

Новая конституція, само собою разумѣется, республиканская, окончательное обращала Бразилію въ федеральное государство. Но въ то время, когда двадцать бывшихъ провинцій становились политически автономными, въ экономическомъ отношеніи сохранялась нѣкоторая централизація. Федеральному правительству подлежатъ вопросы о привозныхъ пошлинахъ и почтахъ; наоборотъ, вывозныя пошлины, гражданское уложеніе, милиція, суды, школы и полиція вѣдаются каждымъ штатомъ самостоятельно. Центральное правительство сохранило, впрочемъ, за собою право вмѣшиваться въ дѣла штатовъ для защиты государства, въ случаѣ пропунсіamiento (случай, который, вѣроятно, будетъ нерѣдко представляться въ республиканской Бразиліи), а также въ случаѣ общественныхъ бѣдствій: наводненія, голода, эпидеміи. Каждый штатъ обязанъ былъ сочинить въ два года свою конституцію; если же

этимъ онъ не озаботится, то такую сочиняло ему центральное правительство.

Президентъ и вице-президентъ Бразильской республики избираются особымъ конгрессомъ простымъ большинствомъ голосовъ, срокомъ на пять лѣтъ, безъ права переизбранія ранѣе слѣдующихъ пяти лѣтъ. Но на первый разъ и президентъ, и вице-президентъ республики были избраны парламентомъ. Власть президента довольно ограничена. Онъ выбираетъ и увольняетъ министровъ, но договоры утверждаются законодательною властью. Министры не могутъ быть членами палаты и, подобно Соединеннымъ Штатамъ, не могутъ даже принимать участія въ преніяхъ послѣднихъ.

Законодательная власть, попрежнему, состоитъ изъ двухъ палатъ: сената (по 3 сенатора отъ cadaго штата) и палаты депутатовъ (1 депутатъ на 10,000 населенія). Срокъ полномочій сенаторовъ десятилѣтній, депутатовъ трехлѣтній. Остальныя статьи новой конституціи обезпечиваютъ свободу печати, свободу сходовъ и ассоціацій, отдѣленіе церкви отъ государства и свободу совѣсти. Послѣднюю, впрочемъ, съ ограниченіями, а именно: духовенство стѣсняется въ приобрѣтеніи недвижимой собственности и не можетъ учреждать монастырей; иезуитамъ вѣздъ въ Бразилію воспрещенъ. Эти ограниченія могутъ сдѣлаться зерномъ бразильскаго Kulturkampf'a, такъ какъ весьма сомнительно, чтобы католическая іерархія, могущественная въ Бразиліи, хотя тамъ мало желающихъ идти въ священники и поповъ привозятъ изъ Италіи, легко примирилась съ полной эмансипаціей церкви отъ государства. Да и народъ бразильскій еще не вышелъ изъ узъ фанатизма. Еще въ 1899 году нѣкто Антоніо Кожельхейро, убивъ мать и жену, объявилъ себя новымъ Христомъ. Тысячи людей послѣдовали за нимъ и онъ одержалъ нѣсколько побѣдъ надъ войсками, такъ какъ часть бразильскихъ солдатъ увѣровала въ фанатика.

Въ общемъ, новая конституція не представляла ничего новаго. Отъ бразильскихъ революціонеровъ, начавшихъ было съ переименованія дней и мѣсяцевъ, но сохранившихъ всѣ громкіе титулы, можно было ожидать чего-либо болѣе оригинальнаго, но они предпочли придержаться «хорошенькихъ квижечекъ» бельгійскихъ и другихъ профессоровъ, которыми у насъ пользовались для благодѣтельствованія Болгаріи. Профессорскимъ указаніямъ надо приписать включеніе въ конституцію платоническаго условія, что прежде объявленія войны правительство обязано обращаться къ третейскому суду другихъ державъ.

«Figaro» весьма резонно замѣтилъ по поводу новой конституціи: «Для человѣка наблюдательнаго грустно видѣть, что все на свѣтѣ повторяется, заимствуется, что государственные люди, будутъ ли они черные или бѣлые, американцы или европейцы, ничему не выучиваются, ничего не забываютъ, можно даже, пожа-

луй, прибавить, ничего и не знают и не могут ничего создать, не примѣшивая старыхъ предразсудковъ и старой нетерпимости». Даже доктринерскій «Temps», по поводу новой конституціи, не находилъ ничего сказать, кромѣ того, что «достоинство конституцій не въ нихъ самихъ, а въ достоинствѣ гражданъ, общественныхъ нравовъ и государственныхъ людей. Поэтому, конституціи оцѣниваются только опытомъ». Мысль не новая, но глубоко вѣрная.

Выборы остались комедіей; въ собранія штатовъ депутатовъ почти назначаютъ губернаторы, а въ конгрессъ на каждое мѣсто оказываются избранными по два депутата отъ двухъ соперничающихъ партій: республиканской и канцентраціонной.

При бывшемъ монархическомъ правленіи, финансы Бразиліи были сравнительно въ порядкѣ, отчеты своевременно контролировались палатами и бразильскіе $4\frac{1}{2}\%$ фонды даже въ Европѣ пользовались расположеніемъ. Республика, конечно, измѣнила все это. По новой конституціи, каждый изъ автономныхъ штатовъ имѣетъ свои финансы, между тѣмъ министръ финансовъ Рюи Борбоса заявилъ собранію, что федеральное правительство не можетъ уступить штатамъ ничего изъ своихъ доходовъ. Между тѣмъ, только двѣ провинціи: Санъ-Пауло и Пара могли существовать безъ субсидіи центральнаго правительства, несмотря на долгъ, обременявшій ихъ, въ 40 мил. руб.

Еще ранѣе оказалось, что республиканское правительство издерживаетъ въ годъ противъ монархическаго на 60 или 70 мил. руб. болѣе, что отчасти зависѣло отъ упадка курса бумажныхъ денегъ. Мильрейсъ въ Бразиліи вмѣсто 5 фр. 68 сант. стоилъ при республикѣ менѣе $2\frac{1}{2}$ франковъ, и только въ послѣднее время слегка поправился. Правительство отрипало, впрочемъ, будто расходы увеличились, и... не обѣщало представить, въ доказательство, отчеты ранѣе, какъ черезъ три мѣсяца.

Эти три мѣсяца прошли, и никакихъ отчетовъ не появилось, зато Борбоса заявилъ учредительному собранію, что если монархическое правительство могло обходиться съ 150,000 контосовъ рейсовъ доходовъ, то для республиканскаго необходимо имѣть 200,000 контосовъ (170 мил. руб.), между тѣмъ доходы центрального правительства равнялись только 160,000 контосамъ. Поэтому-то федеральное правительство и не можетъ-де уступить штатамъ поземельный налогъ и отпускныя пошлины.

Это заявленіе вызвало общее негодованіе, тѣмъ болѣе, что, не довольствуясь увеличеніемъ жалованія арміи и флоту (сдѣлавшимъ революцію) и расходовъ на военныя пенсіи, республиканское правительство совершило еще рядъ безумныхъ въ финансовомъ отношеніи подвиговъ. Оно гарантировало постройку 19,000 верстъ мало кому нужныхъ новыхъ желѣзныхъ дорогъ, что потребуетъ не мало ежегодной гарантіи и увеличиваетъ дефицитъ на 12 мил. руб. Затѣмъ правительство декретами увеличило выпускъ бумаж-

ныхъ денегъ. Мало того, оно разрѣшило слитіе двухъ важнѣйшихъ банковъ въ одинъ, подъ названіемъ Banca da Republica dos Estados Unidos do Brazil, съ правомъ выпустить въ обращеніе билетовъ на 1,020 мил. руб. Между тѣмъ, и безъ того въ обращеніи находилось громадное количество банковыхъ билетовъ, не считая билетовъ государственнаго казначейства и билетовъ мелкихъ банковъ, которымъ въ 1894 г. дана свобода.

Само собою разумѣется, такое изобиліе искусственно созданныхъ капиталовъ вызвало безумную спекуляцію, особенно по учрежденію дутыхъ предпріятій. Къ 1898 году долгъ Бразиліи, т. е. въ девять лѣтъ увеличился въ 3½ раза; таможенные пошлины, доставляющія двѣ трети дохода, увеличены на 80%, а огромные дефициты повторяются ежегодно, какъ равно и междоусобная война; въ особенности провинція Ріо-Гранде до Суль желаетъ непремѣнно отдѣлиться. Подобная вакханалія, очевидно, долго продолжаться не могла и государственное банкротство Бразиліи было неминуемо, тѣмъ болѣе, что хотя республика по третейскому суду уступила огромную территорію Аргентинѣ и порядочный кусокъ Франціи, но отношенія послѣдней, а равно Англии, Франціи, Италіи и Чили къ новой республикѣ очень натянуты.

Въ 1899 и 1900 гг. при закрытіи палаты депутаты констатировали, что работы ихъ дали ничтожные результаты и коммерческое положеніе осталось столь же дурнымъ, несмотря на вздорожаніе кофе. Хотя количество бумажныхъ денегъ уменьшилось, налоги еще увеличились, а соотвѣтственно и общее неудовольствіе. Замѣчательно, что желѣзные дороги, приносявшія доходы при монархіи, теперь въ рукахъ правительства работаютъ въ убытокъ. Въ ужасномъ положеніи и казенные телеграфы и субсидируемое пароходство. Товары прежде перевозились скорѣе на мулахъ, чѣмъ теперь по желѣзнымъ дорогамъ.

Въ политическомъ отношеніи положеніе Бразиліи остается столь же запутаннымъ. Не встрѣчая сочувствія своей финансовой политикѣ, Фонсека, вопреки конституціи, распустилъ въ 1891 г. палаты; это вызвало рядъ беспорядковъ и заставило маршала подать въ отставку. Управлялъ вице-президентъ Пейхото и Бразилія представляла замѣчательное зрѣлище продолжительной войны столицы съ собственнымъ военнымъ флотомъ, окончившейся, къ счастью, побѣдою правительства. Въ послѣднее время президентъ Пруденте де Мораешъ, оказавшійся черезчуръ слабымъ, опять удалился до срока и замѣненъ въ 1898 г. болѣе энергическимъ Кампось-Саллесомъ. Итого это будетъ четвертый президентъ республики въ теченіе семи лѣтъ, цифра для латинской Америки небольшая. Въ Мексикѣ за 75 лѣтъ было 2 императора и 53 президента, изъ которыхъ 4 разстрѣляно, 4 убито и 1 отравился.

Съ Бразиліей мы поддерживаемъ корректныя отношенія и давно имѣемъ тамъ миссію, но торговыя сношенія съ нею, кромѣ покупки

пернамскаго хлопца, незначительны. По мнѣнію Іонина, Бразилія и весь Новый Свѣтъ для насъ только серьезный конкурентъ по сбыту сырыхъ продуктовъ. Безъ своего торговаго флота сношеній съ этими странами не заведешь. Послѣднее отчасти справедливо, но я думаю, что при другой торговой политикѣ мы могли бы въ Южной Америкѣ найти сбытъ множеству своихъ товаровъ отъ муки и лѣса до рысаковъ и серебряныхъ издѣлій.

Видя, что Россія неподвижна, бразильцы поступили какъ Магометъ: гора къ нимъ не шла, они шли къ горѣ, и сдѣлали хорошо, ибо гдѣ уже намъ думать завоевывать рынки въ Бразиліи, когда мы не можемъ справиться съ микроскопической Финляндіей, и рынокъ Персіи только тѣмъ и удержали за собою, что запретили туда провозъ иностранныхъ товаровъ черезъ русскую территорію. Если намъ трудно надѣяться, что русскіе купцы устроятъ свои торговыя конторы въ Ріо-де-Жанейро или Багіа и начнутъ покупать бразильскіе товары прямо изъ первыхъ рукъ отъ бразильскихъ плантаторовъ, то слѣдовало радоваться, если къ намъ явились бразильскіе купцы, чтобы, помимо иностранныхъ посредниковъ, предложить свой кофе, приносящій имъ отъ 25 до 75% барыша, по болѣе дешевой цѣнѣ. Къ сожалѣнію, дѣло болѣе ограничилось пожалованіемъ бразильскихъ орденовъ нашимъ дипломатамъ и журналистамъ. Страшно высокая пошлина на кофе, недавно еще вновь увеличенная, дѣлаетъ невозможнымъ развитіе его потребленія въ Россіи.

Къ прискорбію, мы рискуемъ потерять совсѣмъ бразильскій рынокъ, даже не начавъ имъ пользоваться. Еще при президентствѣ Гаррисона готовился къ осуществленію проектъ закрыть всю Америку, и Сѣверную и Южную, для произведеній Европы, установивъ для нихъ такой общій высокій тарифъ, при коемъ привозъ изъ Европы, съ которою латинская Америка по преимуществу торгуетъ, былъ бы невозможенъ. Съ этою цѣлью въ Вашингтонѣ собирался конгрессъ при участіи: Бразиліи, Венецуэлы, Чили, Аргентины, Коста-Рики, Гватемалы, Перу, Гондураса, Никарагуа, Санъ-Сальвадора и Боливіи.

Задача конгреса была образовать изъ государствъ обѣихъ Америкъ таможенный союзъ, на подобіе германскаго Zollverein'a. При этомъ предполагалось и введеніе особой для Америки монетной системы, особой системы мѣръ и вѣсовъ, общей системы желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ сообщеній, охраненія фабричныхъ марокъ. Если это и осуществится, то американская затѣя не очень много повредитъ Россіи. Въ отместку въ Европѣ можно ожидать стѣснительныхъ мѣръ по отношенію къ американскимъ продуктамъ. А такъ какъ Америка является для Европы поставщикомъ тѣхъ же самыхъ продуктовъ, какъ и Россія (хлѣбъ, мясо, нефть и т. п.), то такія мѣры могутъ лишь содѣйствовать русской внѣшней торговлѣ, къ прямой выгодѣ нашимъ сельскимъ хозяевамъ. Для насъ

можетъ быть въ этомъ случаѣ лишь одна опасность. Лишась американскихъ рынковъ, Европа постарается бросить въ Россію массу своихъ произведеній по крайне дешевой цѣнѣ, въ ущербъ нашей промышленности.

Бразилія беретъ также отъ насъ эмигрантовъ. Южно-американскія государства не жалѣютъ вообще для этого средствъ. Аргентинская республика устроила особыя эмиграціонныя агентства, которыя безвозмездно даютъ желающимъ переселяться всѣ необходимыя свѣдѣнія и выправляютъ документы. Затѣмъ эмигрантовъ направляютъ въ Гавръ, гдѣ Общество Chargeurs Réunis сажаетъ эмигранта на свои пароходы, везетъ въ одинъ изъ портовъ Аргентинской республики и кормить по дорогѣ. Расходъ этотъ есть только авансъ (гарантированный пароходному обществу аргентинскимъ правительствомъ), который переселенецъ долженъ выплатить по полугодіямъ въ пять сроковъ, что при высокой заработнойной платѣ въ Южной Америкѣ не трудно.

По закону 28 іюня 1890 г., изданному Бразиліей, всѣ пароходныя общества получаютъ, если попросятъ, по 30 р. золотомъ субсидіи за перевозку взрослыхъ эмигрантовъ, 15 руб. золотомъ за перевозку дѣтей отъ 8 до 12 лѣтъ и 7¹/₂ руб. золотомъ за перевозку въ Бразилію дѣтей отъ 3 до 8 лѣтъ. Общества имѣютъ право брать съ эмигрантовъ только разницу между тарифомъ и субсидіей и въ доказательство, что не взято лишняго, обязаны представлять росписку перевезеннаго. Затѣмъ каждое пароходное общество, перевезшее успѣшно въ теченіе года 10,000 переселенцевъ, получаетъ по 25,000 руб. золотомъ преміи и эта же премія выдается за каждую серію эмигрантовъ въ 10,000 человекъ.

Изъ одной Генуи въ 1888 г. отправилось въ Бразилію 105,000 эмигрантовъ и итальянское пароходное общество получило субсидій и премій около 14 милліоновъ лиръ въ годъ. «Norddeutscher Lloyd» въ Бременѣ получаетъ также не малыя суммы за перевозку въ Бразилію эмигрантовъ, между прочимъ за нашихъ крестьянъ Царства Польскаго¹⁾. Эта эмиграція испугала нашу администрацію. Не

¹⁾ Нашъ крестьянинъ, желающій ѣхать въ Америку, заявляетъ, обыкновенно, о томъ посреднику и даетъ небольшой задатокъ. Въ день отбытія, и по уплатѣ на мѣстѣ путевыхъ издержекъ, посредникъ собираетъ цѣлую партію, которая и доставляется имъ въ Гамбургъ или Бременъ. Тамъ эмигранты поступаютъ подъ покровительство другаго посредника, который устраиваетъ ихъ на пароходъ. Они снабжаются иногда пальтою и сапогами. Возвращеніе на родину обходится дешево, благодаря приобретенной опытности и усвоенію англійскаго языка.

Стремленіе крестьянъ за море и фактъ ухода подтверждаются и официальными данными, хотя очень скудными. Регистрація уходящихъ далеко не полна, такъ какъ прослѣдить уходъ почти невозможно. Даже въ волостныхъ правленіяхъ нельзя установить болѣе или менѣе точной цифры крестьянъ, находящихся въ Америкѣ или Африкѣ. Преобладающій контингентъ уходящихъ изъ Ковенской, Виленской и Плоцкой губерній составляютъ лишніе члены крестьянскихъ семействъ. Утверждать, что уходятъ одни безземельные, несправедливо. Наоборотъ, уходятъ преимущественно имѣющіе права на надѣлъ, но уходятъ «отъ тѣсноты». Было бы ошибочно думать, что уходящіе прекращаютъ связь съ родиной. Напро-

считая осужденных за подговоръ польскихъ крестьянъ къ эмиграціи въ Бразилію, одновременно было привлечено къ суду 84 агента этой эмиграціи. Дѣло, значить, не шуточное, если однихъ попавшихся агентовъ оказывается такая масса. Сколько же ихъ остается еще неизвѣстными полиціи!

Едва ли, однако, одними уголовными взысканіями можно разрѣшить такой мудреный вопросъ, какъ стремленіе населенія извѣстной мѣстности къ переселенію. «Отъ хорошей жизни не полетишь», говорить одинъ изъ героевъ рассказовъ Горбунова; точно также и въ Бразилію не поѣдешь при всѣхъ розсказняхъ и преувеличеніяхъ эмиграціонныхъ агентовъ, если мѣстные условія представляютъ достаточно средствъ къ жизни. Фельдмаршалъ гр. Румянцевъ-Задунайскій на вопросъ Екатерины II, какъ пресѣчь побѣгъ русскихъ въ Польшу, отвѣчалъ, что нужно сдѣлать, «чтобы въ Россіи людямъ было лучше жить, чѣмъ въ Польшѣ. Тогда не русскіе въ Польшу, но поляки въ Россію переселяться будутъ»¹⁾.

Не подлежитъ однако сомнѣнію, что эмиграція представляетъ, за немногими исключеніями, большую потерю для государства. Можно радоваться эмиграціи евреевъ, по крайней мѣрѣ тѣхъ изъ нихъ, которые ничего не производятъ, а живутъ эксплуатаціей населенія. Ничего нельзя возразить противъ эмиграціи слабыхъ и порочныхъ элементовъ общества (хотя ихъ теперь почти всѣ заморскія государства къ себѣ не пускаютъ), но отбѣздъ здоровыхъ работниковъ съ нѣкоторымъ запасомъ денегъ, не считая потери нравственнаго капитала, представляемаго энергіей, умомъ, знаніемъ извѣстнаго ремесла и проч., у каждаго является экономической потерей, которую европейскіе статистики исчисляютъ отъ 1,000 до 2,000 рублей съ эмигранта.

Потеря эта иногда вознаграждается тѣмъ, что переселенцы заводятъ сношенія съ прежнимъ отечествомъ и вызываютъ расширеніе сбыта отечественныхъ товаровъ въ мѣста ихъ новаго по-

тивъ, ушедшіе ведутъ оживленную переписку съ родными, очень часто высылаютъ деньги и живо интересуются состояніемъ хозяйства на временно уступленныхъ ими или сданныхъ въ аренду участкахъ. Стремленіе къ уходу на выгодные заработки объясняются вполне корректными причинами. Уходъ никогда не сопровождается желаніемъ скрыться отъ преслѣдованія по суду или уклониться отъ воинской повинности. Единственной нелегальной стороной является обходъ паспортныхъ затрудненій, во избѣжаніе отказовъ въ разрѣшеніи на выѣзды или проволочекъ въ выдачѣ заграничныхъ паспортовъ. Паспортныя условія у насъ, затруднительны, а для крестьянъ въ особенности. Многие изъ крестьянъ говорятъ, что пока волостное правленіе соберетъ всѣ нужные для паспорта справки, «мы уже успѣемъ вернуться изъ Америки».

¹⁾ Нельзя одобрить тѣхъ писателей, которые своими ложными описаніями увлекаютъ русскихъ людей въ Америку и Африку. Русскимъ органамъ печати надо быть осторожнѣе съ распространеніемъ такихъ свѣдѣній, за которыя справедливо судятъ и наказываютъ эмиграціонныхъ агентовъ. Подобныя статьи увлекали массу духоборцевъ ѣхать въ Канаду, — часть ихъ вынуждена была уйти въ Калифорнію, между тѣмъ духоборцы могли бы устроиться гдѣ-нибудь въ Сибири или Средней Азіи.

селенія; такъ переселеніе французовъ въ Аргентинскую республику чрезвычайно увеличило сбытъ туда французскихъ товаровъ. Но ожидать чего-либо подобнаго отъ польскихъ крестьянъ, переселившихся въ Бразилію, конечно, нельзя. Надобно думать даже, что послѣдніе не образуютъ тамъ никакихъ прочныхъ поселеній, такъ какъ климатическія условія Бразиліи едва ли позволяютъ имъ размножиться. Если нѣмцы, извѣстные своею плодovitостью, не выдерживаютъ климата Алжиріи, то едва ли поляки могутъ колонизировать гораздо болѣе жаркую Бразилію, кромѣ развѣ самыхъ южныхъ ея провинцій, ближайшихъ къ Уругваю.

Если, однако, трудно заставить самихъ людей не искать лучшаго (устраняя, само собою разумѣется, соблазны людей, пользующихся простодушіемъ крестьянъ), а съ другой стороны, сознавая, что эмиграція въ Южную Америку не только бесполезна, но даже вредна для нашихъ подданныхъ, то слѣдуетъ подумать, какъ регулировать проявившееся въ Царствѣ Польскомъ стремленіе къ переселенію? Для этого, кажется, лучшимъ средствомъ будетъ направленіе эмиграціи въ наши же собственные владѣнія въ Восточной Сибири, въ Южно-Уссурійскій край, который такъ нуждается въ колонистахъ и въ рабочихъ рукахъ.

Администрація Царства Польскаго предлагаетъ чуть ли не на казенный счетъ перевозить польскихъ эмигрантовъ обратно изъ Бразиліи. Проектъ этотъ нельзя признать удачнымъ. Если ужъ тратить деньги, то лучше тратить ихъ для нашей дальней окраины, помня, что перевозка эмигрантовъ требуетъ не малыхъ затратъ.

АВСТРАЛІЯ.

XXXI. АВСТРАЛІЯ.

Хотя одинъ англійскій министръ увѣрялъ русскаго посла въ Лондонѣ, что отъ всѣхъ своихъ колоній и Индіи Англія получаетъ менѣе дохода, чѣмъ англичане проживаютъ ежегодно въ Парижѣ, но англичане очень дорожатъ своими колоніями. Англійская колоніальная политика перешла черезъ три періода, хорошо очерченные Алдерлеемъ въ его «Review Colonial policy». Сначала Англія предоставляла колоніямъ полную свободу. Съ потерю Соединенныхъ Штатовъ, опасаясь утратить свое колоніальное значеніе, она приняла политику административнаго вмѣшательства, доходы колоній приобщила къ общимъ доходамъ и приняла на себя расходы по содержанию въ колоніяхъ администраціи, войска и пр. Но этимъ путемъ она скоро сдѣлалась данницею своихъ заморскихъ владѣній, приплачивая за ихъ содержаніе. Колоніи тоже страдали отъ медленности въ разрѣшеніи самыхъ существенныхъ дѣлъ. Потому въ послѣднія шестьдесятъ лѣтъ англичане приняли новую систему, которую и можно назвать специально англійскою колоніальною системою. Система эта состоитъ въ томъ, что колоніямъ предоставлена полная свобода, и онѣ содержатъ себя сами, будучи связаны съ метрополіей только одинаковымъ происхожденіемъ и уваженіемъ къ царствующему дому. При этой системѣ колоніи не приносятъ метрополіи дохода, но и не стоятъ ей ни копѣйки. Исключеніе составляютъ только чисто-военныя колоніи — Гибралтаръ, Мальта и др., не имѣющія большого значенія. Степень политической свободы тоже ограничена, сообразно большому или меньшему преобладанію европейскаго элемента. Такъ Индія довольствуется пока совѣтами, составленными только на половину изъ выборныхъ лицъ; парламентское же управленіе австралійскихъ государствъ есть, наоборотъ, одно изъ самыхъ свободныхъ въ мірѣ и основано ис-

ключительно на всеобщей подачѣ голосовъ. Существуетъ еще особый видъ управления, о которомъ я говорилъ. Это управленіе при помощи большихъ компаній. Если не считать Индію, которая сама по себѣ составляетъ обширную имперію, то англійская политическая колоніальная система собственно прилагается теперь къ 28 мил. населенія, разбросаннаго въ разныхъ мѣстахъ земного шара, преимущественно въ Канадѣ, Африкѣ, Австраліи и Новой Зеландіи. Экономически же, т.-е. не касаясь бюджета метрополи ни по доходу, ни по расходу, почти всѣ колоніи Англии относятся къ англійской колоніальной системѣ.

Многіе англичане раздѣляли даже идеи Голдвинъ Смита, что колоніи должны, мало по малу эмансипируясь, отдѣляться отъ метрополи и слѣдовать примѣру Соединенныхъ Штатовъ. Нѣкоторые держались того же мнѣнія и по отношенію къ Индіи, что роль англичанъ только временная—эмансипировать туземцевъ, а затѣмъ предоставить ихъ собственной участи (Кaye. The administration of the East India Company).

Политика эта, повидимому самая пріятная для колоній, представила однако много неудобствъ, и самыхъ серьезныхъ. Имѣя полное самоуправленіе, колоніи пользуются имъ не только для того, чтобъ выбирать себѣ администрацію по вкусу, но и для того, чтобъ отказывать въ приѣмѣ эмигрантовъ, устанавливать пошлины, покровительствующія собственной промышленности, что прямо противорѣчитъ уже интересамъ Англии, какъ это случилось въ продолжающейся еще борьбѣ изъ-за покровительственнаго тарифа Канады и австралійскихъ колоній. Съ другими государствами Англія въ этомъ случаѣ можетъ заключать договоры; но какія могутъ быть дипломатическія сношенія королевы съ ея собственными подданными? Если же признать безусловно власть британскаго парламента, то колоніи всегда останутся въ проигрышѣ.

Затрудненія эти еще не такъ важны во время мира; но вопросъ измѣняется для военнаго времени. Колоній нисколько не интересуютъ перевороты европейской политики; между тѣмъ при всякомъ столкновеніи Англии, порты колоній будутъ блокированы, суда захватываемы, торговля разоряема. Англійскій флотъ не лучше можетъ защитить ихъ, чѣмъ защищалъ сѣверо-американскій свои суда отъ нападенія южныхъ каперовъ. Тогда у колоній явится сильное желаніе пользоваться нейтральнымъ флагомъ и отдѣлиться отъ метрополи, связи съ которой теперь такъ слабы. И недавно въ войнѣ съ бурами, хотя газеты увѣряли, что колоніи ждутъ великая честь—протянуть руку помощи метрополи, но повидимому колоніи имѣли свой взглядъ на эту честь. Въ Тасманіи, Новомъ Южномъ Валлисѣ, Квинслендѣ, Южной Австраліи и въ Викторіи въ одну недѣлю пали министерства и въ трехъ колоніяхъ паденіе это было вызвано слишкомъ сильными «имперіалистскими» симпатіями премьеровъ, а въ двухъ колоніяхъ—побѣдой новой рабо-

*

чей партіи. Въ Канадѣ многіе депутаты сложили съ себя обязанности, мотивируя отставку тѣмъ, что Канадѣ грозитъ союзъ съ государствомъ, бросившимся, очертя голову, въ объятія милитаризма.

Англійскіе государственные люди предлагали, для большаго укрѣпленія колониальнаго владычества, устроить въ Лондонѣ парламентъ, въ которомъ были бы представители всѣхъ колоній, по числу ихъ населенія. Но проектъ этотъ не пользуется большимъ сочувствіемъ ни въ Англии, ни въ колоніяхъ. Англичане находятъ страннымъ, чтобъ австралійцы или канадцы могли вліять на ихъ дѣла, колоніи же опасаются, что въ подобной палатѣ голоса ихъ будутъ постоянно въ меньшинствѣ. Проектъ образованія вмѣстѣ съ колоніями «Великой Великобританіи» напелъ особенно горячаго сторонника въ Чемберленѣ. Организовать имперію, т.-е. создать имперію, говоритъ онъ, это такое великое дѣло для мира и цивилизаціи всего свѣта, какое когда-либо знала исторія,—это, можно сказать, греза, но греза въ осуществленіе которой нельзя не вѣрить». Эта мечта состоитъ въ установленіи такой уніи, въ которой свободныя колоніи, пользуясь своими независимыми учрежденіями, были бы невыдѣлимо объединены ради защиты общихъ интересовъ и исполненія взаимныхъ обязанностей и были бы привязаны другъ къ другу узами преданности, крови и религіи. Въ этомъ отношеніи первымъ этапомъ является торговое объединеніе; разъ оно будетъ установлено, будетъ неизбежно функционировать какой-либо общій органъ—«общій совѣтъ». Этотъ совѣтъ будетъ обсуждать общіе вопросы имперской торговли; онъ вынужденъ будетъ заниматься и вопросами о защитѣ имперіи, такъ какъ эта защита есть не что иное, какъ покровительство имперской торговлѣ. «Постепенно,—говоритъ Чемберленъ,—мы дойдемъ до результата, который мало чѣмъ будетъ отличаться или ровно ничѣмъ не будетъ отличаться отъ полной имперской федераціи. При осуществленіи проекта между всѣми частями имперіи торговля должна производиться безпошлинно. Каждая составная часть можетъ, по своему усмотрѣнію, устанавливать пошлины на продукты иностраннаго происхожденія. Англія же обязуется установить таможенныя пошлины на предметы, производимые колоніями въ громадномъ количествѣ, т.-е. на хлѣбъ, скоть, мясо, хлопокъ, сахаръ и т. п.

Планъ этотъ былъ предложенъ на юбилей королевы Викторіи, но ожиданія правительства обманулись въ томъ отношеніи, что проекты имперской федераціи и таможеннаго союза были довольно холодно встрѣчены премьерами британскихъ колоній.

Такимъ образомъ англійская система колониальнаго управленія, кажушаяся самою практическою, въ концѣ концовъ приводитъ къ равнодушію и разложенію. Политическая связь удерживается со стороны англичанъ только сожалѣніемъ о миллиардахъ государ-

ственной долга, сдѣланнаго именно для пріобрѣтенія колоній, а со стороны колонистовъ—опасеніемъ, что, въ случаѣ разрыва, миллиардъ англійскаго капитала, обращающійся на колоніальныхъ рынкахъ, будетъ извлеченъ изъ обращенія и помѣщенъ въ другія страны. Связь эта еще болѣе ослабѣетъ, съ осуществленіемъ федеральнаго союза всѣхъ австралійскихъ англійскихъ колоній, усердно пропо- вѣдывавшагося бывшимъ первымъ министромъ Новаго Южнаго Уэльса Парксомъ. За образецъ взята Канада. Австралійская федерація утверждена уже, и въ октябрѣ въ Сидней соберется федеральный парламентъ, который выберетъ столицу. Такъ какъ союзъ будетъ имѣть собственную армію, то онъ можетъ въ будущемъ сдѣлаться для Англій источникомъ не малыхъ затрудненій.

Въ послѣднее время англійскія колоніи въ Австраліи, сверхъ споровъ объ автономномъ тарифѣ, создали своей метрополи новыи предметъ для дипломатическихъ затрудненій. А именно, они поды- мали нѣсколько разъ вопросъ о томъ, что весь обширный океанъ Австраліи съ его безчисленными островами не можетъ быть пред- метомъ захвата другихъ націй, кромѣ англичанъ, и что австралій- скія колоніи обязаны стоять на-стражѣ такихъ захватовъ. Въ Квинслэндскомъ парламентѣ Гиврайтъ, Морегидъ и др. ораторы угрожали, что если Англія не приметъ мѣръ, то Австралія должна отдѣлиться, что молъ и безъ того скоро случится, и образовать тихоокеанскую конфедерацію, ни для кого не доступную. Это сво- его рода теорія Монроэ въ приложеніи къ Австраліи. Терпѣть и допускать ее Россіи, конечно, нѣтъ ни малѣйшаго основанія и расчета, здѣсь, какъ и въ Новомъ свѣтѣ. Это должно быть дог- матомъ для нашей дипломатіи.

Да и претензіи австралійцевъ запоздали и мало имѣютъ смы- сла, потому что Франція давно уже имѣетъ не лишеныя зна- ченія владѣнія въ Австраліи: Новую Каледонію, острова Дружбы и пр. Португалія и Голландія также географически своими вла- дѣніями могутъ считаться частью въ Океаніи, а въ послѣднее время къ нимъ присоединились Германія и Соединенные Штаты. Первая пріобрѣла за 17 милліоновъ марокъ Каролинскіе и Ма- ріанскіе острова, а послѣ открытія военныхъ дѣйствій въ Транс- ваалѣ побудила Англію отказаться отъ своего участія въ протек- торатѣ надъ Самоа и согласиться на раздѣлъ этой группы ме- жду Германіей и Соединенными Штатами, причемъ къ первой, за крупное денежное вознагражденіе Англій, перешли наиболѣе важные въ коммерческомъ отношеніи острова Саваи и Уполу. Соединенные Штаты сверхъ того водворились въ Гавайскомъ ар- хипелагѣ и на Филиппинахъ.

Когда изъ-за вопроса о водвореніи нѣмцевъ на Новой Гви- неѣ австралійскія колоніи подняли вопросъ о признаніи Тихаго океана «ихъ водами», Бисмаркъ сразу остановилъ эти претензіи. Обративъ вниманіе, что англичане вездѣ предупреждали нѣмцевъ

въ захватѣ колоніальныхъ земель, желѣзный канцлеръ заявилъ въ 1883 г., что если это будетъ и впредь продолжаться, то онъ войдетъ въ соглашеніе съ Франціей, не имѣя возможности ничего добиться отъ Англіи. Слова эти подѣйствовали магически, хотя австралійскіе парламенты и особенно газеты продолжали поддерживать свои претензіи, отрицая, напимѣръ, конечно на бумагѣ, право Франціи ссылать въ свои австралійскія колоніи преступниковъ. А недавно на конференціи премьеровъ австралійскихъ колоній было рѣшено довести до свѣдѣнія колоніальнаго вѣдомства, что оппозиція Австраліи противъ присоединенія Новыхъ Гебридъ къ Франціи не ослабѣла, хотя и не желаетъ причинять затрудненій имперскому правительству. Этотъ протестъ вызванъ желаніемъ Франціи отказаться отъ *condominium'a* 1887 г.

Австралія недавно еще была частью свѣта, гдѣ не имѣлось ни одного нашего штатнаго представителя. Иные полагали, что Австралія такъ удалена, что тамъ рѣшительно нечего дѣлать представителямъ Россіи, но это великое заблужденіе. Хотя по консульскимъ отчетамъ 1895 г. въ Мельбурнѣ, важнѣйшемъ городѣ Австраліи, имѣлся всего одинъ русскій купецъ, какой-то А. Федоровъ, торговавшій птицею и рыбою, но Австралія интересна для насъ въ очень многихъ отношеніяхъ. Прежде всего важнѣйшіе австралійскіе порты и теперь посѣщаются русскими военными судами. Затѣмъ по торговлѣ сырьемъ Австралія представляетъ для Россіи одного изъ опаснѣйшихъ соперниковъ на всемірныхъ рынкахъ, и очень важно знать экономическое состояніе этой страны. По мнѣнію специалистовъ, мы могли бы съ успѣхомъ торговать, даже отчасти монополизировать (?) тамъ торговлю стеариновыми свѣчами, кожами, мыломъ, лѣсомъ, ржаной мукою, водками и наливками. Пошлины на большинство этихъ товаровъ невысоки, но при переговорахъ на мѣстѣ можно бы добиться и сбавки ихъ; надобно также участвовать въ австралійскихъ выставкахъ.

Не слѣдуетъ, впрочемъ, слишкомъ многого ждать и многого требовать отъ консуловъ; жалобы на нихъ, слышныя во всѣхъ государствахъ, происходятъ отъ современнаго стремленія всего ждать отъ правительства, хотя нельзя отрицать, что недавно еще чрезвычайно рѣдко обнародывались свѣдѣнія о заграничныхъ рынкахъ, собираемыя у насъ оффиціальнымъ путемъ. Подобныхъ свѣдѣній поступало не мало отъ дипломатическихъ миссій и консуловъ, но изъ этихъ документовъ не дѣлалось никакого употребленія; безъ всякой пользы для торговли они лежали въ архивахъ. Крайняя скудость нашей торговли и промышленной статистики и незначительность средствъ, отпускавшихся для нея, сравнительно съ другими учеными работами, напр., астрономическими, были поразительны, между тѣмъ для такого государства, какъ Россія, гдѣ громадныя экономическія силы не вызываются часто къ жизни единственно вслѣдствіе незнанія, вѣтъ затраты болѣе плодотвор-

ной, чѣмъ публикація всякаго рода поучительныхъ въ промышленномъ отношеніи свѣдѣній.

Теперь это измѣнилось. «Вѣстникъ Финансовъ» и «Торгово-Промышленная газета» издаются превосходно и, помимо своевременнаго печатанія консульскихъ донесеній, сдѣлано нѣсколько прекрасныхъ изслѣдованій Персіи, китайскихъ портовъ и пр. Учреждены также и особые торговые агенты. Въ Парижѣ учредилась русская торговая палата.

Въ политическомъ отношеніи близкое знаніе Австраліи также важно, какъ по отношенію къ Англіи ея богатыхъ австралійскихъ колоній, такъ и по дѣятельному участию въ австралійской колониальной политикѣ нѣмцевъ и французовъ, отчасти испанцевъ, португальцевъ и голландцевъ. Намъ въ Австраліи очень не любить, потому что боятся, да и мало знаютъ.

Въ случаѣ крейсерской войны Австралія наѣрное будетъ очень важнымъ мѣстомъ для дѣйствія русскихъ военныхъ крейсеровъ, между тѣмъ мы такъ мало имѣемъ связей въ тѣхъ мѣстахъ. Учрежденіе генеральнаго консульства въ Сидней или Мельбурнѣ и нѣсколькихъ штатныхъ вице-консульствъ въ другихъ пунктахъ (въ Брисбенѣ, Аделаидѣ, Нумэа и т. п.), съ назначеніемъ на эти должности по преимуществу образованныхъ морскихъ офицеровъ, дѣло чрезвычайно полезное.

Это сказалось въ арестѣ горнаго инженера Перре за то, что онъ снималъ фотографическіе виды, и недавно въ дѣлѣ русскаго матроса Андерсена, приговореннаго судомъ въ Аделаидѣ къ десятилѣтней каторжной работѣ за убійство, безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія, товарища своего, англичанина Ли. Убѣдившись изъ разсмотрѣнія судебныхъ протоколовъ въ томъ, что Андерсенъ сдѣлался жертвой судебной ошибки, русскій консулъ обратился къ губернатору Южной Австраліи и представилъ ему составленную пользующимся большимъ авторитетомъ адвокатомъ (нынѣ судьей) Валліамомъ Джонсономъ записку, съ просьбой о помилованіи осужденнаго, на что губернаторъ, какъ представитель королевы въ колоніи, имѣетъ право. Губернаторъ сперва любезно обнадежилъ консула, такъ что онъ даже предупредилъ шкипера одного изъ грузившихся въ то время финляндскихъ судовъ, что онъ имѣетъ принять Андерсена для водворенія его на родину, — но засимъ губернаторъ извѣстилъ, что, въ виду несогласія министерства Южной Австраліи, онъ ничего сдѣлать не можетъ. Пришлось жаловаться въ Лондонъ министерству колоній. Перре, командированный Горнымъ Департаментомъ въ 1892 г., за снятіе фотографіей какого-то вида въ Квинслэндѣ, судился по подозрѣнію въ шпионствѣ и оставленъ въ покоѣ также только послѣ сношеній съ лондонскимъ министерствомъ колоній.

Непонятно также, почему, посылая каждый годъ эскадры въ Тихій океанъ, мы никогда не догадались занять тамъ какой-либо

подходящій для устройства военнаго порта островъ¹⁾. И тутъ руководила наша дипломатическая мнительность, хотя русскіе люди начала нынѣшняго столѣтія не стѣснялись подымать русскій флагъ и въ Калифорніи, и на Сандвичевыхъ островахъ, а правительство и всю сѣверную часть Тихаго океана, несмотря на протесты Англии, объявляло «моремъ закрытымъ». Если же мы не хотѣли искать незанятыхъ земель, что сдѣлали потомъ съ такимъ успѣхомъ нѣмцы и отчасти французы, то могли пріобрѣсти покупкою отъ испанцевъ какой-либо островокъ изъ безчисленнаго множества имъ принадлежащихъ въ Полинезіи. Съ Испаніей намъ дѣлать нечего и она смѣло могла впустить насъ въ свое сосѣдство за хорошее, конечно, вознагражденіе. Примѣры же подобныхъ продажъ нерѣдки: Голландія уступила нѣкоторыя мелкія факторіи въ западной Африкѣ англичанамъ, Швеція продала островъ св. Варфоломея французамъ, а Данія совсѣмъ была готова продать важный въ стратегическомъ отношеніи островъ св. Томы американцамъ.

Нѣкоторые бытъ можетъ упрекнуть наше правительство, зачѣмъ оно не послѣдовало совѣту покойнаго Миклуха-Маклая и не заняло части Новой Гвинеи. Миклуха-Маклай дѣйствительно сдѣлалъ, какъ извѣстно, въ газетахъ приглашеніе русскимъ, желающимъ ѣхать селиться въ Новую Гвинею, обращаться къ нему за справками. Говорятъ, нашлось нѣсколько десятковъ, а можетъ быть и сотенъ лицъ, сирашивавшихъ объ условіяхъ эмиграціи въ Новую Гвинею, въ русскую колонію, которую измыслилъ устроить Миклуха-Маклай въ портѣ Константинъ, въ землѣ Маклая, ни на какой картѣ, однако, не значившейся. Но, начиная съ того, что «знаменитый», по мнѣнію особенно ему покровительствовавшаго «Голоса», путешественникъ уступалъ Россіи вещь, ему вовсе не принадлежавшую, способъ сдѣлать подарокъ, какъ извѣстно, весьма легкій. Новая Гвинея долго не имѣла хозяина, хотя голландцы считали ее номинально своею. При развитіи австралійскихъ колоній, особенно сосѣдняго съ Гвинеей Квинслэнда, англичане не преминули предъявить свои права, но, пока лондонское правительство медлило, явились, какъ я сказалъ, нѣмцы. Имъ еще въ 30-хъ гг. Новая Гвинея очень улыбалась — о чемъ можно видѣть въ дѣйствительно «знаменитомъ» сочиненіи Фридриха Листа о національной экономіи.

Въ концѣ концовъ состоялось полюбовное соглашеніе: западная

¹⁾ Что недостатка въ островахъ не было, доказываютъ постоянныя захваты англичанъ. Въ 1888 году они завладѣли группой въ 18 острововъ Гильбертъ, другою группою въ 6 острововъ Эллисъ, пятью островами Эндербюри, тремя островами группы Юніонъ и островами: Кингеманъ, Фаннингъ, Вашингтонъ, Мальмира, Кристмасъ, Жарвисъ, Мальденъ, Старбукъ, Дудова, Пенринъ, Востокъ, Флинтъ и Каролинскими островами. Въ 1889 году — островами Руль и Суваровъ, равно какъ и Коралловыми островами. Въ 1891 году — островомъ Джонстонъ. Въ 1891 году — островами Гарднеръ и Дэнжеръ. Въ 1892 году они сдѣлали попытку, неудачную впрочемъ, завладѣть островомъ Некверъ, крайнимъ въ Гавайской группѣ.

часть Новой Гвинеи осталась за Голландіей, а восточную подѣлили между собою Англія и Германія. Между тѣмъ является Миклуха-Маклай и требуетъ своей части. Къбмизмъ этого требованія не нуждался въ комментаріяхъ. Если бы наше правительство имѣло какую-либо надобность въ кускѣ Новой Гвинеи, то могло сдѣлать заявленіе объ этомъ своевременно и безъ помощи Миклухи-Маклая. Вѣроятно, молчаніе это произошло оттого, что Новая Гвинея имѣетъ очень малую внутреннюю цѣнность, потому-то она и осталась такъ долго не занятою, хотя англичане, испанцы, португальцы, голландцы расхватывали давно по сосѣдству всѣ сколько нибудь имѣющіе цѣну островки. Теперь Новую Гвинею заняли не потому, что достоинство ея повысилось, а совсѣмъ по другимъ соображеніямъ. Для Голландіи и Англіи важно сосѣдство. Ихъ колоніи здѣсь такъ богаты, что было бы крайне опасно видѣть на Новой Гвинее водвореніе какой-либо новой державы, тѣмъ болѣе сильной. Онѣ не успѣли, однако, устранить Германію.

Для нѣмцевъ же Новая Гвинея имѣла совсѣмъ иное значеніе. У Германіи не было никакихъ колоній, между тѣмъ эмиграція ея необыкновенно увеличилась съ 1870 года, германскій торговый флотъ также быстро возрастаетъ, а еще скорѣе увеличивается германская торговля въ портахъ Тихаго океана. Понятно, для нѣмцевъ важно было захватить здѣсь хотя какой-либо кусокъ земли, а кромѣ Новой Гвинеи трудно было найти свободное мѣстечко. Нѣмцы удовольствовались поэтому частью Новой Гвинеи, архипелагомъ Висмарка и Маршальскими островами, всего 432,000 километровъ, какъ удовольствовались они пустынныйшими, безводными кусками земли на западѣ и востокѣ Южной Африки, въ надеждѣ, что Богъ не безъ милости и что, разъ поставивъ гдѣ-нибудь ногу, нѣмцамъ удастся потомъ занести ее куда-нибудь и подальше.

Мы же, давно имѣя обширныя владѣнія на Тихомъ океанѣ, не только не цѣнили своего положенія, но легкомысленнѣйшимъ образомъ отказывались и отъ исключительно выгоднаго положенія, издавна тамъ нами занятаго. Еще Петръ Великій на предложеніе Соймонова занять Калифорнію нашель, что это для насъ дѣло неподходящее. Съ тѣхъ поръ продолжалась та же политика. Такъ, мы отказались отъ Сандвичевыхъ острововъ, когда они были заняты нашими моряками въ 1815 году. На Сандвичевыхъ островахъ развѣвался русскій флагъ, но наше обладаніе островами продолжалось недолго. Памятью о немъ осталась русская пушка съ мѣткою: «Слб. 179... года», стоящая у входа въ музей Гонолулу. Добровольно мы уступили англичанамъ часть нынѣшней Британской Колумбіи; по непостижимому великодушію Александра I отказались принять отъ Испаніи Калифорнію за помощь, оказанную Фердинанду VII; продали за грошь колонію Россѣ; продали изъ опасенія угрозъ Англіи островъ Цусиму въ Корей-

скомъ проливѣ; продали за пустую сумму, надѣясь угодить Соединеннымъ Штатамъ, вѣсткую Америку и Алеутскіе острова, обширную территорію, которой ни приобретение, ни содержаніе никогда не стоило правительству ни одной копейки; наконецъ, уступили Японіи Курильскіе острова.

Ссориться послѣ того съ Гермашей и Англійей, чтобы приобрести ничего не стоящее мѣсто, гдѣ стояла хижина, въ коей жила «знаменитый» Миклуха-Маклай, было чуждо. Чуждо еще и потому, что Новая Гвинея не находится на пути изъ Россіи въ ея тихо-океанскія владѣнія, ни черезъ Суэскій, ни черезъ Панамскій каналъ, потому посѣщаются торговцами судами или служатъ каменно-угольною станціей не можетъ и годилась бы намъ развѣ какъ пріютъ для крейсеровъ на случай войны.

